ОЧЕРКИ

РЕАЛИСТИЧЕСКАГО

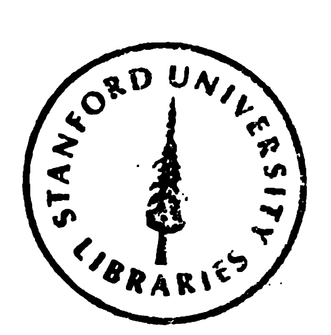
МІРОВОЗЗРѢНІЯ

Сборникъ статей [illegible] жизни.

ИЗДАНІЕ ВТО[illegible]

[illegible] А. Ч[illegible]ушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГ[illegible]
Тип. Монтвида. Уг. Конной ул. и [illegible] пер., 3—5.
1905.

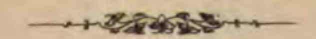

ОЧЕРКИ РЕАЛИСТИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

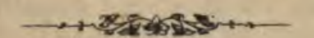
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
[illegible] Уг. Конной ул. и Телѣжн. пер., 3—5.
1905.

ОЧЕРКИ РЕАЛИСТИЧЕСКАГО МІРОВОЗЗРѢНІЯ.

Сборникъ статей по философіи, общественной наукѣ и жизни.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. Монтвида. Уг. Конной ул. и Телѣжн. пер., 3—5.
1905.

Предисловіе ко второму изданію.

Наша страна переживаетъ глубокій кризисъ. Среди стремительно развертывающейся борьбы новые и новые конфликты непосредственныхъ жизненныхъ интересовъ, классовыхъ и групповыхъ, неизбѣжно приковываютъ къ себѣ вниманіе—не только всякаго активно настроеннаго человѣка, но и всякаго, имѣющаго хотя-бы возможность видѣть и слышать. На поверхности—все сплетается и сталкивается въ пестромъ, противорѣчивомъ хаосѣ, въ глубинѣ—слышатся глухіе, грозные раскаты...

При такихъ условіяхъ можетъ показаться загадочнымъ тотъ живой интересъ къ теоріи, къ вопросамъ міровоззрѣнія, который проявляютъ наши читатели, и характерной иллюстраціей котораго является предпринимаемое нами, черезъ годъ послѣ перваго, второе изданіе этого сборника. Какъ извѣстно, наши читатели принадлежатъ главнымъ образомъ къ интеллигентному пролетаріату и пролетарской интеллигенціи, группамъ, стоящимъ такъ близко къ центру историческаго циклона нашей эпохи, что казалось-бы, уже въ силу простого чувства самосохраненія имъ необходимо сосредоточить все свое вниманіе на непосредственномъ и ближайшемъ, на событіяхъ борьбы. Какъ объяснить себѣ такое своеобразное раздвоеніе интереса между жизненно-конкретнымъ и теоретически-отвлеченнымъ?

Въ дѣйствительности раздвоенія нѣтъ. Кто не хочетъ быть безсиленъ передъ конкретнымъ, тотъ долженъ овладѣть имъ при помощи теоріи, кто не хочетъ безпомощно закружиться въ хаосѣ жизненнаго кризиса, тотъ долженъ реалистически въ немъ разобраться. Самый активный интересъ къ жизни требуетъ наибольшей сознательности. Реалистическая теорія даетъ возможность распутать клубки противорѣчій, свести къ единству причудливыя комбинаціи разнородныхъ элементовъ, соединить лучшія силы жизни на ея вѣрнѣйшемъ пути. Это—могучее орудіе борьбы.

Отдаваться жизни еще не значитъ жить, реагировать еще не значитъ дѣйствовать. Мало видѣть, надо предвидѣть; мало двигаться, надо итти. Гдѣ нѣтъ познанія, тамъ побѣда надъ стихійностью является случайной и минутной. Только тамъ, гдѣ неуклонная активность опирается на строгое познаніе, только тамъ сама борьба ручается за побѣду, и жизнь достигаетъ высшаго расцвѣта...

Предисловіе къ первому изданію.

Реализмъ не есть законченная познавательная *система*, но опредѣленный *путь* къ систематическому познанію всего, что даетъ опытъ. И прежде всего, это путь *трудовой*: для реализма познаніе есть живая, непосредственная борьба съ природой за ея тайны, борьба, въ которой дѣло идетъ о дѣйствительномъ господствѣ человѣка надъ міромъ. Реализмъ не вѣритъ въ прирожденное право человѣческаго разума давать свои законы природѣ,—онъ признаетъ только право *пріобрѣтенное*, только право, завоеванное борьбой.

Но реальная борьба сурова—въ познаніи, какъ и въ жизни; врагъ грозенъ въ своемъ стихійномъ величіи, онъ не знаетъ пощады. *Слабый* уклоняется отъ прямой встрѣчи съ нимъ, пытается создать себѣ иную, болѣе удобную арену для борьбы, иного, болѣе уступчиваго и мягкаго врага—врага лишь „по видимости", но не „по сущности": такъ возникаетъ міръ познавательныхъ грезъ, природа отдавшагося фантазіи мышленія. Это было естественно и неизбѣжно во времена дѣйствительной слабости познанія. Но въ наши дни реализмъ не можетъ съ этимъ мириться; и всякое обращеніе къ призрачному міру метафизики, къ фальсифицированной ею природѣ онъ клеймитъ, какъ постыдное бѣгство съ поля битвы, какъ слабость, не заслуживающую сожалѣнія.

Временами такая слабость развивается до размѣровъ своего рода эпидеміи въ литературѣ. Тотъ общественный классъ, къ которому принадлежитъ большинство людей теоріи и печатнаго слова,—профессіональная интеллигенція—есть классъ несамостоятельный по своему положенію среди общества, нервный и впечатлительный по своей организаціи. Жизненныя бури и грозы производятъ на интеллигенцію тяжелое, угнетающее дѣйствіе; и если при этомъ она сразу не находитъ для себя твердой опоры въ окружающей средѣ, или прежняя опора оказывается не подходящей къ ея стремленіямъ и интересамъ, то бѣгство отъ жизни—въ практикѣ и въ познаніи—становится среди интеллигенціи общимъ явленіемъ. Тогда наступаетъ время увлеченія метафизикой, съ ея воздушными замками, съ тѣми фиктивными опорами, которыя предлагаетъ она для живой жизни, съ ея идо-

лами, замѣняющими идеалы. Все это разыгрывалось и на нашихъ глазахъ—за послѣднiе годы, и не закончилось еще до сихъ поръ.

Въ такiе моменты передъ реализмомъ выступаетъ новая важная задача: не допустить, чтобы идейное разслабленiе, чтобы умственная деморализацiя глубоко проникла въ психику мыслящихъ элементовъ общества, обличить безсилiе и безполезность старыхъ фетишей, вновь вытащенныхъ на Божiй свѣтъ изъ подземелiй и гробницъ прошлаго, помѣшать вредному наркозу расшатать интеллектуальное здоровье трудовой интеллигенцiи. Задача эта становится особенно важной въ такомъ культурно-юномъ обществѣ, какъ наше, которое не имѣетъ за собою глубокихъ традицiй серьезной умственной работы многихъ поколѣнiй, которое не можетъ болѣзнямъ мысли противопоставить большой силы наслѣдственнаго сопротивленiя. Реализмъ долженъ показать, что идейное возвращенiе къ типу предковъ есть только вырожденiе, болѣзнь, не болѣе, долженъ выяснить происхожденiе этой болѣзни и отмѣчать всѣ ея проявленiя. Противъ спутанности и произвола метафизически-больного мышленiя реализмъ долженъ выставить отчетливость и строгость своей точки зрѣнiя.

Реализмъ учить, что познанiе должно прежде всего оставаться вѣрнымъ самому себѣ: надъ нимъ должно господствовать только то чувство, которое есть радость и боль познанiя, только та воля, которая есть воля къ познанiю. Вмѣшательство всякаго иного чувства, всякой иной воли въ дѣла познанiя реализмъ безусловно отвергаетъ. Для него существуетъ только истина и ложь, только къ чистой истинѣ онъ стремится, какъ бы сурова она не была, и не позволяетъ познанiю подчиняться какой бы то ни было иной потребности человѣческой души. Въ этомъ смыслѣ онъ есть чуждый компромисса, *чистый идеализмъ познанiя.*

Исторiя показываетъ, что — въ познанiи и въ практикѣ — тамъ, гдѣ выступали на сцену великiя антагонистическiя силы, истина никогда не была въ „золотой серединѣ“ между ними: ни въ борьбѣ язычества и христiанства, ни въ борьбѣ католицизма и реформацiи, ни во всякой иной борьбѣ неподвижности и прогресса. Истинная сила не измѣняетъ себѣ, и до конца проводитъ свою тенденцiю. Неуклонная послѣдовательность въ познаньи и неуклонная послѣдовательность въ жизни—это два проявленiя одного и того же принципа. Теоретическiй реализмъ, какъ выраженiе этого принципа въ сферѣ познанiя, и практическiй идеализмъ, какъ выраженiе его въ сферѣ жизни, — родные братья по духу.

Современный реализмъ находитъ, что познанiе есть одно изъ проявленiй жизни, и что тѣ законы, которые устанавливаетъ оно для всего царства жизни, тѣ законы оно устанавливаетъ и для самого себя. Одинъ изъ этихъ законовъ говоритъ, что наиболѣе полная и сильная [illegible] цѣлостная и гар-

моничная: это значитъ, что наиболѣе совершеннымъ и могучимъ познаніемъ должно являться познаніе единое и стройное; это значитъ, что истина монистична. Современный реализмъ враждебенъ эклектизму, онъ считаетъ его признакомъ слабости, выраженіемъ жалкой, дисгармоничной жизни. Онъ ведетъ борьбу за *монистическій идеалъ познанія*.

Эклектизмъ есть своего рода профессіональная болѣзнь интеллигенціи. Группа, занимающая промежуточное мѣсто среди сильныхъ общественныхъ классовъ, постоянно колеблющаяся въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ, интеллигенція отражаетъ эти черты своего бытія на своемъ мышленіи. Правда, чисто философскій эклектизмъ и здѣсь находитъ уже мало сторонниковъ; но въ области соціологіи, науки, которая пріобрѣла въ нашу эпоху самое важное жизненное значеніе, въ этой области эклектизмъ держится очень упорно; и защищающая его позицію „русская соціологическая школа", несмотря на серьезныя пораженія, нанесенныя ей очевидными фактами жизни и полемикой ея противниковъ, все еще пользуется значительнымъ вліяніемъ. Покончить съ этимъ эклектизмомъ въ послѣднихъ его убѣжищахъ, поставивши его на очную ставку съ реальной жизнью и точными методами науки, такова одна изъ главныхъ задачъ современнаго реализма въ общественной наукѣ.

Мы намѣтили здѣсь только самые общіе контуры реализма, какъ мы его понимаемъ; ближайшему выясненію его основныхъ идей посвящена вся предлагаемая книга. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы дать читателю понятіе о той концепціи реализма, которая, по нашему глубокому убѣжденію, является единственно истинной для современнаго міра. Будетъ время — ее смѣнитъ новая, высшая точка зрѣнія, — но возникнетъ именно *изъ нея*, какъ ея родное дитя, какъ новая, болѣе полная и совершенная реализація тѣхъ же самыхъ жизненныхъ тенденцій. Познаніе побѣждаетъ природу на пути реализма и съ этого пути оно не свернетъ. Вѣрный путь къ побѣдѣ надъ природою—это и есть истина.

Реализмъ единъ, какъ истина, но въ то же время, какъ истина, многостороненъ. Въ предлагаемой книгѣ читатель встрѣтитъ *различные* оттѣнки и пріемы реалистическаго мышленія; но эти различія не помѣшаютъ ему отчетливо видѣть за ними *основное единство*—единство жизненной тенденціи.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Основы философіи жизни.

I. Критическая задача философіи.

„Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить призракъ, возникающій изъ ложныхъ толкованій, хотя бы при этомъ рушились многія прославленныя и излюбленныя мечты".
Кантъ. Критика чистаго разума. Предисловіе.

„Всякое познаніе вещей изъ одного чистаго разсудка или разума есть ничто иное, какъ призракъ, и лишь въ опытѣ есть истина".
Кантъ. Пролегомены. Приложеніе.

Вся жизнь человѣческаго сознанія отражаетъ на себѣ основныя и всеобщія черты объективнаго процесса жизни. Она представляетъ непрерывное возобновленіе, непрерывный процессъ разрушенія и созиданія, траты и накопленія, критики и творчества. Движенія чувства, стремленія воли, акты познанія,—все это—разныя формы утвержденія и отрицанія жизненныхъ цѣнностей, все это—исканіе, борьба, творчество жизни. Нарожденіе новыхъ формъ жизни есть отмираніе старыхъ,—и все культурное развитіе человѣчества, какъ процессъ созиданія внѣшнихъ и внутреннихъ условій наибольшей полноты и гармоніи жизни, совершается путемъ переоцѣнки всѣхъ цѣнностей, преобразованія всѣхъ основъ жизни, разрушенія традиціонныхъ формъ, ставшихъ, по выраженію Маркса, оковами развитія, и, наконецъ, путемъ образованія новыхъ творческихъ силъ, ведущихъ къ болѣе совершенному строю жизни, къ новому, высшему міровоззрѣнію.

Міровоззрѣніе людей представляетъ идейное отраженіе ихъ общихъ жизненныхъ отношеній, естественной и соціальной ихъ среды и всего содержанія ихъ жизни,—ея основныхъ условій и задачъ, ея стремленій и идеаловъ, борьбы и труда, страданія и счастья. Въ міровоззрѣніи объединяется непрерывная работа коллективной человѣческой мысли надъ всѣмъ міромъ опыта, надъ

всѣмъ содержаніемъ жизни; путемъ градаціи послѣдовательныхъ обобщеній пониманіе міра и жизни отъ единичнаго и частнаго поднимается къ всеобщимъ принципамъ, къ высшимъ руководящимъ идеямъ жизни. Философія представляетъ міровоззрѣніе—въ его логическомъ идеалѣ, въ формѣ законченной и стройной системы понятій.

Въ этой градаціи понятій, образующихъ философское міровоззрѣніе, низшія обобщенія составляютъ основу и опору высшихъ, свѣтомъ которыхъ озаряется все познаваемое и всѣ низшія ступени познанія. Шаткость исходныхъ положеній отражается на всей философской системѣ, подрывая достовѣрность ея высшихъ обобщеній и всѣхъ выводовъ изъ нихъ. Каждый невѣрный шагъ на пути къ высшимъ принципамъ приводитъ къ ложному освѣщенію широкой области познаваемаго Для плодотворности философскаго творчества необходимо, чтобы оно было проникнуто духомъ критики.

Въ философскихъ построеніяхъ величайшія ошибки возникаютъ изъ недостаточно строгаго, отчетливаго и глубокаго анализа понятій, образуемыхъ мышленіемъ. Понятіе есть форма познанія; та сфера дѣйствительности, отраженіе которой оно составляетъ,—это его основа, его предметъ и матеріалъ. Познавательная цѣнность понятія состоитъ въ его соразмѣрности и сообразности своей основѣ, въ его обоснованности *). Сущее—всеобщій предметъ и всеобщая основа познанія; внѣ отношенія къ нему понятіе невозможно, внѣ соотвѣтствія съ нимъ—оно невѣрно.

Философскія фикціи происходятъ отъ того, что закономѣрное обоснованіе понятій замѣняется умственнымъ произволомъ; при этомъ понятія или отрываются отъ своей первоначальной основы, или перестаютъ ей соотвѣтствовать. Признакъ, существенно-необходимый, основной для понятія, или скрыто вынимается изъ него, или подмѣняется другимъ. Въ этомъ заключается источникъ самыхъ важныхъ ошибокъ мысли, принципіально подрывающихъ цѣлыя философскія направленія.

На высотахъ философской абстракціи человѣческая мысль наиболѣе самодѣятельна, но и наиболѣе далека отъ твердой почвы опыта, наиболѣе предоставлена самой себѣ. Въ верхнихъ слояхъ атмосферы слишкомъ рѣдокъ воздухъ, — и чѣмъ выше, тѣмъ меньше даетъ опоры; нужно имѣть или могучія крылья, или слишкомъ легкій вѣсъ, чтобы подняться туда, „гдѣ носились лишь туманы, да цари-орлы“... Но сила трезвой философской рефлексіи болѣе рѣдкій даръ, чѣмъ способность возвышеннаго паренія, и въ высокой области философіи этотъ творчески сгустившійся туманъ только заслоняетъ свѣтъ. Гдѣ мало свѣта и много тумана, тамъ труденъ путь къ истинѣ,—а это ставитъ философіи

*) „Познаваніе есть обосновывающее мышленіе“. Вундтъ. Система философіи, стр. 55.

прежде всего критическую задачу: строгимъ анализомъ разсѣять призрачныя понятія. „Люди должны возвратиться къ дѣйствительности: они не могутъ жить призраками“ (Карлейль). Кантъ, направляя свою сокрушительную критику противъ догматической метафизики, сѣтовалъ на тотъ „модный тонъ геніальничанія и свободы“, который временно подавилъ духъ философской основательности въ Германіи. Кантъ считалъ его враждебнымъ философіи, какъ строго закономѣрному исканію истины.

Философія есть *міропониманіе*, обнимающее все содержаніе опыта. Философское мышленіе оперируетъ не частными понятіями объ отдѣльныхъ группахъ явленій, а всеобъемлющими обобщеніями, поднимающимися надъ цѣлой градаціей болѣе частныхъ обобщеній; освободившись отъ непосредственной связи съ сущимъ, изъ котораго черпается содержаніе всѣхъ понятій, и возвысившись до всеобщихъ опредѣленій сущаго, въ которыхъ погашается всякое частное содержаніе,—мышленіе рискуетъ оторвать эти опредѣленія отъ ихъ первоначальной основы, освободиться отъ содержанія вообще и всеобщую форму исканія истины принять за высшую истину. Но всеобщая основа познанія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и предѣлъ его. За этимъ предѣломъ мысль находитъ лишь то, что приноситъ съ собой: пустую оболочку собственной дѣятельности и безжизненные призраки бытія, тѣнь эмпиріи. Задача философіи—бороться съ тѣнями и призраками мысли: она есть исканіе истины, а не иллюзій, — истины, которая есть познаніе бытія, имъ обоснованное и ему соотвѣтственное. Чтобы шире и лучше обозрѣть дѣйствительность, нужно высоко подняться надъ ней; но не такъ высоко, чтобы она скрылась изъ глазъ.

Два основныхъ отношенія проникаютъ все человѣческое познаніе: во-первыхъ, всякое обобщеніе соотносительно своей предметной основѣ, т. е. непосредственно-сущему; во-вторыхъ, все существующее, какъ основа мышленія, соотносительно сознанію, въ опредѣленіяхъ котораго мыслится все. Безпредметное познаніе и немыслимое бытіе,—это фиктивныя понятія, внутренно уничтожающія себя *).

Всѣ наши понятія образовались въ процессѣ познанія дѣйствительности и выражаютъ отношеніе мысли къ ея предмету. Дѣйствительность, это—всеобщій предметъ познанія; бытіе есть познаваемое.

---

*) Это положеніе было прекрасно выражено еще Платономъ въ его „Государствѣ“. *Сократъ* въ бесѣдѣ съ *Главкономъ* спрашиваетъ: „Скажи: знающій знаетъ ли что-нибудь, или ничего? Отвѣть мнѣ за него“. *Главконъ:*—Отвѣчаю, что знаетъ что-нибудь. — *Сократъ:* „Существующее или несуществующее?“— *Главконъ:*—Существующее; потому-что какъ можно знать что-нибудь несуществующее?—*Сократъ:* „Такъ мы примемъ за вѣрное, какъ бы часто ни разсматривалось это дѣло, что непремѣнно существующее есть и непремѣнно познаваемое, а несуществующее вовсе никакъ не познается“.—„Государство“, кн. V, 477.

Познаваніе есть объективно-обоснованный процессъ мышленія: оно исходитъ изъ объективно даннаго бытія, какъ содержаніе опыта, опирается на него и потому не можетъ быть неэмпирическимъ, какъ не можетъ быть безпредметнымъ. Съ другой стороны, мы не можемъ полагать бытія принципіально чуждаго нашему сознанію, недостягаемаго для него, внѣ-мыслимаго; полагать—значитъ мыслить, опредѣлять для сознанія—именно какъ нѣчто существующее; но изъ этого основного опредѣленія не вытекаетъ никакихъ спеціальныхъ опредѣленій, оно бѣднѣе ихъ по содержанію; оно лишь ставитъ требованіе частныхъ опредѣленій путемъ изученія; слѣдовательно, оно сводится къ простой постановѣ научной познаваемости сущаго.

„Чистое бытіе есть чистое отвлеченіе“ (Гегель. Логика. § 87). Но отвлеченія имѣютъ различную степень общности. Чистымъ отвлеченіемъ мы бы назвали такое, которое, имѣя своей основой все познаваемое, возвышается надъ всякимъ частнымъ его содержаніемъ, надъ всѣми спеціальными его опредѣленіями; оно содержитъ въ себѣ всеобщее опредѣленіе предметной основы познанія, какъ таковой, слѣдовательно—простое указаніе на нее. Чистое отвлеченіе есть наиболѣе общее отвлеченіе. Исключая изъ своего содержанія всѣ частныя опредѣленія сущаго, оно всѣ ихъ включаетъ въ свой объемъ. Указывая на предметную основу познанія, какъ на полноту всякаго содержанія, оно не опредѣляетъ, *въ чемъ* состоитъ эта полнота содержанія. Но всякая болѣе общая абстракція, выросшая изъ менѣе общихъ абстракцій, содержитъ въ себѣ указаніе на пройденный путь.

Мы поднимаемся къ общимъ опредѣленіямъ подобно тому, какъ восходимъ на высокую гору по извилистой и трудной тропинкѣ, цѣпляясь за камни и кустарники, затѣмъ, чтобы съ вершины ея взглянуть на широкую и величественную панораму, открывающуюся ниже насъ: мы знаемъ, что мы не съ неба спустились на вершину горы, мы видимъ нашъ трудный путь, видимъ и другія дороги, ведущія на эту вершину, быть можетъ, болѣе прямыя и легкія. Но если мы на вершинѣ горы будемъ разсматривать только самую вершину, мы не увидимъ прекрасной панорамы, не увидимъ путей, ведущихъ на высоту; передъ нами откроется только бѣдный уголокъ земли, лишенный роскошной жизни долинъ, область чистаго, но холоднаго воздуха.

Основные пути отвлекающей и обобщающей дѣятельности сознанія фиксированы въ формахъ рѣчи и формахъ мышленія. Между ними установилось опредѣленное и необходимое соотношеніе. Содержаніе познанія можетъ быть чрезвычайно разнообразно, но логическая его обработка производится заранѣе сложившимися общими способами, въ опредѣленной послѣдовательности моментовъ, въ направленіи къ высшимъ опредѣленіямъ сущаго. Отвлекаясь отъ разнообразнаго содержанія познавательнаго проц[illegible] можно опредѣлить общіе моменты логической обработки [illegible]

ваемаго, ихъ связь и послѣдовательность; можно систематически представить нисходящую градацію опредѣленій сущаго, обнимаемую высшимъ понятіемъ; но сдѣлать это—значитъ лишь поставить задачу и указать путь познанія, но еще не познать существующее. Познаніе, какъ таковое, неотдѣлимо отъ содержанія даже на предѣльныхъ высотахъ абстракціи; оно выдѣляетъ и комбинируетъ элементы содержанія, но не устраняетъ ихъ: невозможно понятіе съ однимъ объемомъ—безъ всякаго содержанія.

Когда нѣчто подводится подъ высшее опредѣленіе, оно въ силу этого подлежитъ ближайшимъ нисходящимъ опредѣленіямъ; но это еще не показываетъ, какъ нѣчто опредѣлится для познанія. Напримѣръ, опредѣливъ нѣчто какъ сущее, мы заранѣе знаемъ, что оно подлежитъ качественному и количественному опредѣленію, но мы не знаемъ, каково качество и количество этого сущаго; далѣе, опредѣливъ нѣчто какъ тѣло, мы заранѣе знаемъ, что оно имѣетъ опредѣленную форму и величину,—но каковы форма и величина тѣла,—этого нельзя вывести изъ его понятія. Познать что-либо можно только путемъ изученія, научнаго изслѣдованія, постепенно возводя частныя опредѣленія къ болѣе и болѣе общимъ, наполняя опредѣленнымъ содержаніемъ общія формы. Всякое содержаніе можетъ быть опредѣлено въ этихъ формахъ; слѣдовательно всякое содержаніе бытія познаваемо; и все содержаніе опредѣляется этими общезначимыми формами; въ этомъ—закономѣрность познанія. Общезначимость формъ познанія, однако, не означаетъ ихъ неизмѣнности, ихъ абсолютнаго постоянства; онѣ развиваются и измѣняются, но всякое ихъ измѣненіе имѣетъ значеніе для *всего* содержанія опыта.

Понятіе о сущемъ, какъ закономѣрно познаваемомъ, есть понятіе *природы*,—основное понятіе научно-философскаго мышленія. Природа—это закономѣрность познаваемаго *). Всякое познаніе относится къ природѣ; вся природа насквозь познаваема; въ ней ничего нѣтъ непостижимаго, невмѣстимаго для формъ познаванія. Такова сущность *натуралистическаго міровоззрѣнія*, къ которому ведетъ научно-философское мышленіе.

Когда разрывается это основное соотношеніе бытія и познанія, когда принимается непознаваемое бытіе или сверхприродное познаніе, тогда утверждается метафизическая точка зрѣнія. Если конститутивнымъ понятіемъ научно-философскаго міровоззрѣнія является *природа*, то метафизическое міровоззрѣніе конституируется понятіемъ *сверхприроды*, абсолютнаго бытія, независимаго отъ всеобщихъ опредѣленій познаваемаго.

Метафизика, какъ міровоззрѣніе, возникла задолго до системы Аристотеля, изложенной въ сочиненіи, къ которому впервые примѣнили это названіе. Исторически она явилась какъ ученіе

---

*) „**Природа вообще—это закономѣрность** явленій во времени и пространствѣ“.— [illegible] **..ва.**, Трансц. Логика, § 26.

о первоосновахъ сущаго. Своей задачей Аристотель ставитъ изысканіе (θεωρετικά) первыхъ причинъ и началъ, первоосновъ сущаго (I кн., I гл., п. 12). „Намъ предстоитъ найти первыя причины сущаго, какъ сущаго“ (Кн. IV, гл. I, п. 1). „Философъ долженъ обладать знаніемъ началъ и причинъ сущностей“ (кн. IV гл. II, п. 1). „Больше всего знаетъ тотъ, кто знаетъ, что такое вещь сама по себѣ (τί ἐστιν), а не тотъ, кто знаетъ только, сколь велика она, какого свойства, что присуще ей дѣлать, что испытывать“ (кн. III, гл. II, п. 5). Итакъ, Аристотель, различая бытіе, какъ предметъ научнаго знанія (свойства, дѣйствія и состоянія вещей), и бытіе въ себѣ (τὸ τί ἐστιν), какъ предметъ первой философіи (метафизики), вполнѣ опредѣленно устанавливаетъ метафизическую точку зрѣнія. Задача метафизики — проникнуть въ сущность вещей (οὐσία), въ причинную основу бытія. Первооснова бытія выходитъ за предѣлы сущаго; поэтому и мышленіе, ставя своей задачей постигнуть ее, также выходитъ за предѣлы сущаго; предметъ познанія (первооснова бытія) выходитъ за предѣлы предметной основы познанія (сущее): мышленіе становится чистымъ умозрѣніемъ (θεωρία).

Итакъ, метафизика опредѣляется— по своему предмету, какъ постиженіе сверхприродной основы сущаго; по своему источнику и характеру, какъ познаніе изъ чистаго разума, надъопытное мышленіе, чистое умозрѣніе; по своей цѣли—законченное міропониманіе. Но если монистическая цѣль метафизики такова же, какъ и цѣль научно-философскаго познанія, то ея область (сверхприрода) и способъ, какимъ она стремится достигнуть законченнаго міропониманія (чистое умозрѣніе), спеціально характеризуютъ ее. Во всей полнотѣ своихъ опредѣленій, во всей своей цѣльности метафизика господствовала до временъ критической философіи. Кантъ нанесъ ей рѣшительный ударъ и, собственно говоря, отнялъ почву у метафизики. Критика чистаго разума ставитъ относительно метафизики два вопроса: какъ возможна метафизика явленій (чистая физика), и какъ возможна метафизика сверхчувственнаго или вещей въ себѣ? Для Канта существенной характеристикой метафизики является *чистое* познаніе. Въ трансцендентальной аналитикѣ онъ обосновываетъ чистую физику. Въ трансцендентальной діалектикѣ разрушается метафизика сверхъ опытнаго бытія. Въ этомъ—непреходящая заслуга Кантовской критики: онъ отнялъ у метафизики ея собственную область и тѣмъ въ сущности устранилъ ее. Это не было простымъ преобразованіемъ, потому что у метафизики отнималось существенное ея опредѣленіе. Какъ *чистое* познаніе реальнаго Кантовская метафизика природы однородна съ математикой; какъ познаніе *природы* она однородна съ естествовѣдѣніемъ; и вообще она занимаетъ промежуточное положеніе между чистой математикой и опытной физикой. Въ общемъ понятіи метафизики, какъ чистаго умозрѣнія, метафизикѣ природы соподчиняется метафи-

зика нравовъ. Поэтому, по Кантовскому понятію, метафизика есть чистое ученіе о принципахъ природы и нравовъ.

Однако Кантъ, доказывая непознаваемость сверхприродной основы сущаго, не отвергаетъ ея бытія; онъ принимаетъ ее какъ нѣчто мыслимое, ноуменъ, вещь въ себѣ, — словомъ, какъ чистое умопостроеніе, содержаніе котораго непознаваемо, реальность — недоказуема. Но сдѣлавъ такое допущеніе, Кантъ запуталъ цѣлый узелъ противорѣчій. Во-первыхъ, онъ принимаетъ сверхприродное бытіе, устранивъ своей гносеологіей мостъ, къ нему ведущій отъ міра явленій; этимъ онъ подорвалъ достовѣрность вещи въ себѣ; нельзя было принимать вещь въ себѣ даже какъ недоказуемое допущеніе, потому что въ такомъ случаѣ самая мысль о ней не имѣла права на существованіе. Во-вторыхъ, вещь въ себѣ по самому ея понятію не могла быть опредѣлена положительно, то есть со стороны ея содержанія, такъ какъ всякое содержаніе опредѣленій черпается въ познаваемомъ; поэтому оставалось или опредѣлить ее чисто отрицательно — какъ непостижимое, — но тогда она принимается какъ чистое ничто („ничто, то есть понятіе безъ предмета—ens rationis *); или же окольными путями придти къ ея положительному опредѣленію, какъ это пытался сдѣлать Кантъ и послѣ-кантовскіе метафизики. Но полагать „ничто“ значитъ ничего не полагать, а опредѣлять непостижимое положительно значитъ отрицать его непостижимость; кромѣ того, въ самой мысли о положительныхъ опредѣленіяхъ абсолютнаго скрывается внутреннее противорѣчіе; всякій положительный аттрибутъ, расширенный до абсолютнаго, исчезаетъ въ немъ, какъ капля воды, разсѣянная по безконечному пространству.

Существенное опредѣленіе метафизическаго мышленія, это — его абсолютность. Полагая своимъ предметомъ супранатуральное бытіе, оно стремится постигнуть „истинную дѣйствительность“ и такимъ образомъ достигнуть безусловныхъ опредѣленій, абсолютнаго знанія. Безусловность метафизическаго знанія опредѣляется прежде всего—его предметомъ. Кантовское пониманіе метафизики, какъ чистаго (апріорнаго) ученія о реальномъ и идеальномъ, смѣшивающее метафизику съ апріоризмомъ, не соотвѣтствуетъ ея классическому пониманію; кромѣ того, оно не обнимаетъ цѣлаго ряда метафизическихъ системъ, искавшихъ абсолютнаго знанія не на пути апріорнаго мышленія. Напримѣръ, метафизика Шопенгауэра считаетъ проникновеніе въ абсолютную первооснову сущаго—міровую Волю—свободнымъ отъ апріорныхъ формъ, примѣнимыхъ только къ міру представленія, феноменальному бытію. „Понятіе *воли*—единственное изъ всѣхъ возможныхъ, которое имѣетъ свой источникъ *не* въ явленіи, *не* въ

---

*) Кантъ. Критика чист. разума. Замѣчан. къ амф. рефл. понятій (Пер. Н. Соколова, стр. 244—245).

простомъ наглядномъ представленіи, а исходитъ изнутри, вытекаетъ изъ непосредственнѣйшаго сознанія каждаго, сознанія, въ которомъ каждый познаетъ собственную индивидуальность въ ея существѣ, непосредственно, внѣ всякой формы, даже внѣ формы субъекта и объекта". „Воля, какъ вещь въ себѣ, лежитъ внѣ сферы закона основанія во всѣхъ его видахъ" *). Шеллингъ называетъ способность метафизической спекуляціи „интеллектуальнымъ воззрѣніемъ" и описываетъ ее слѣдующими чертами: „Во всѣхъ насъ тайно присутствуетъ чудная способность изъ перемѣны времени уединяться въ наше сокровеннѣйшее я, отрѣшенное отъ всего, что произошло извнѣ, и тамъ подъ формой неизмѣнности созерцать вѣчное. Это созерцаніе есть самый внутренній, самый собственный опытъ, отъ котораго только и зависитъ все, что мы знаемъ о сверхчувственномъ мірѣ, и во что вѣримъ" (Филос. письма о догматизмѣ и критицизмѣ). Во новѣйшее время выдвигается идея индуктивной или научной метафизики. Напр., Гартманъ стремится постигнуть супранатуральную основу міра по индуктивному, естественно-научному методу, опираясь на всю совокупность положительнаго, естественно-научнаго и психологическаго знанія. Во всѣхъ этихъ системахъ апріоризмъ не является основой метафизическихъ построеній и не характеризуетъ ихъ. Правда, метафизика, имѣя своимъ предметомъ абсолютное бытіе, — не есть опытное познаніе, даже если она исходитъ изъ опыта: къ своимъ конечнымъ построеніямъ она всегда приходитъ путемъ надъопытнаго творчества, мистическаго, фантастическаго или умозрительнаго; но чистое, апріорное мышленіе въ точномъ смыслѣ слова — относится къ метафизической спекуляціи, какъ видъ къ роду.

Итакъ, метафизика не всегда сводится къ гносеологическому апріоризму; сухія и строгія схемы гносеологіи иногда кажутся для нея тѣсными, она рвется изъ нихъ на путь свободныхъ построеній, движимыхъ чувствомъ, воображеніемъ, проникновеннымъ созерцаніемъ, живой вѣрой. Но абсолютный апріоризмъ—*тяготѣетъ* къ метафизикѣ. Сущность этой гносеологической теоріи состоитъ въ томъ, что основныя опредѣленія сущаго и должнаго она признаетъ не высшими обобщеніями познаваемаго содержанія, но чистыми формами сознанія, абсолютно независимыми отъ матеріала опыта: они входятъ въ составъ опыта; какъ его формальныя условія, но не образуются изъ него. Пока за ними признается познавательная цѣнность только въ ихъ примѣненіи къ опыту, — они имѣютъ лишь формальную безусловность, но не метафизическую предметность; они соразмѣрны понятію природы и не выходятъ за его предѣлы. Но какъ чистыя формы — они индифферентны къ роду содержанія; природа, какъ предметъ познанія, есть лишь одна изъ неисчерпаемыхъ

*) Шопенгауэръ. Міръ какъ в. и пр., т. I, §§ 22 и 23.

возможностей бытія, одинаково вмѣстимыхъ въ эти формы; содержаніе ихъ можетъ быть toto genere различныхъ отъ объективной дѣйствительности; поэтому они не могутъ оставаться прикованными къ ней, разрываютъ съ ней связь и поднимаются надъ нею, какъ самодовлѣющія цѣнности — species aeternitatis. Гносеологія переходитъ въ метафизику *). Первымъ слѣдствіемъ этого является раздвоеніе бытія — на бытіе познаваемое (природа) и бытіе мыслимое (ens rationis, ноуменъ, ничто); категорія сущаго оказалась слишкомъ широкой для понятія природы — и обняла собою трансцендентное: категорія должнаго поднялась недосягаемо-высоко надъ частными эмпирическими понятіями о должномъ и получила значеніе абсолютной нормы, вѣчной цѣнности. Развивая дальше эти положенія, — имъ можно дать слѣдующую формулировку. Чистыя формы, это — вѣчныя опредѣленія бытія: если бы исчезъ весь міръ, время, пространство и законъ причинности остались бы, какъ всеобщія и необходимыя формы возможнаго бытія; далѣе, если признать, что категорія сущаго шире этихъ формъ и допустить бытіе внѣ ихъ (абсолютъ, свобода), — тогда можно сказать: исчезни природа со всѣми ея формами, исчезни само абсолютное, — категорія сущаго не утратитъ своего значенія, какъ чистая форма всѣхъ возможныхъ опредѣленій, формальныхъ и матеріальныхъ. Категорія должнаго съ ея подвидами (идеи истиннаго, добраго, прекраснаго) не есть обобщеніе эмпирическихъ оцѣнокъ; это — чистое опредѣленіе цѣнности, независимое отъ психологическаго сознанія, имѣющее объективное значеніе; истина, добро и красота, это — вѣчныя цѣнности, объективно присущія сужденіямъ, дѣйствіямъ, произведеніямъ художественнаго творчества: истинное сужденіе вездѣ и всегда истинно, на землѣ и на небѣ, — раньше, чѣмъ сознали его, и послѣ его забвенія; помощь страдающему — объективно добрый поступокъ — при всякихъ условіяхъ и при всякомъ къ нему отношеніи; обманъ — дурной поступокъ, — хотя бы все человѣчество считало его добрымъ; Венера Милосская была прекрасна все время, пока лежала погребенная въ землѣ, никому невѣдомая, и останется прекрасной при всѣхъ измѣненіяхъ человѣческаго вкуса. Итакъ, чистыя категоріи должнаго, это — объективныя идеи, вѣчныя образцы, отъ которыхъ эмпирическое бытіе, насколько оно имъ причастно, получаетъ абсолютную объективную характеристику, сохраняющую свое значеніе при всѣхъ условіяхъ. Такимъ путемъ критическая философія, переходя поставленныя себѣ границы, возвращается къ Платоновской метафизикѣ, въ болѣе или менѣе преобразованномъ видѣ, — и вмѣстѣ

---

*) Идеи чистаго разума о сверхъопытномъ, порождающія всевозможныя метафизическія иллюзіи, по справедливому замѣчанію Риля, суть „не что иное, какъ чистыя разсудочныя понятія, лишь возведенныя въ безусловность“. Теорія науки и метафизики.

съ тѣмъ отступаетъ отъ основной критической концепціи, въ силу которой чистыя формы сознанія имѣютъ цѣнность въ той мѣрѣ, въ какой онѣ наполняются содержаніемъ познаваемаго. „Мысли безъ содержанія—пусты, созерцанія безъ понятій—слѣпы“, говоритъ Кантъ. „Для насъ a priori невозможно никакое другое познаніе, кромѣ познанія предметовъ возможнаго опыта“ *). Такъ формулируетъ онъ сущность критической концепціи, которая служитъ основой критическаго позитивизма и которая отбрасывается псевдокритической метафизикой.

Въ основной идеѣ метафизическаго апріоризма скрывается двойное противорѣчіе. Во-первыхъ, чистыя формы сознанія, цѣнность которыхъ полагается въ ихъ примѣненіи къ познанію природы, въ силу, такъ сказать, внутренней логики выступаютъ за предѣлы возможнаго опыта и, путемъ отрицанія конечныхъ опредѣленій, получаютъ абсолютное значеніе, основывая понятіе сверхприроды; во-вторыхъ, чистыя опредѣленія этого понятія оставляютъ его безсодержательнымъ, а безсодержательное понятіе имѣетъ такое же значеніе, какъ безпредметное познаніе или безсмысленное слово; это — contradictio in adjecto, фиктивная мысль, которая не можетъ быть принята ни по какимъ основаніямъ, —теоретическимъ, моральнымъ или эстетическимъ. Правда, это затрудненіе избѣгается, когда метафизика, по выраженію Шопенгауэра („О волѣ въ природѣ“, вступленіе), a priori вкладываетъ въ свои понятія то содержаніе, которому она a posteriori (изъ опыта) научилась; но въ этомъ случаѣ одно противорѣчіе замѣняется другимъ.

Наиболѣе выдохшуюся форму метафизики представляетъ метафизика „научная“, формально удерживающая изъ трехъ основныхъ опредѣленій метафизики только послѣднее, — опредѣленіе цѣли: построеніе цѣльнаго міровоззрѣнія; она признаетъ своей основой опытъ, отрицаетъ апріорное построеніе системъ, но тѣмъ не менѣе робко, однимъ глазомъ взираетъ на трансцендентное, или, точнѣе, имѣетъ его въ виду. Такова метафизика Вундта. „Я не смотрю на метафизику,—говоритъ онъ,—ни какъ на „поэзію понятій“, ни какъ на систему, которую разумъ долженъ построить, исходя изъ a priori имѣющихъ силу предпосылокъ, при посредствѣ специфическихъ методовъ, но основой метафизики я признаю опытъ, единственнымъ же допустимымъ въ ней методомъ,—связь фактовъ, согласно принципу основанія и слѣдствія, уже всюду примѣняемую въ единичныхъ наукахъ. Своеобразную же задачу метафизики я усматриваю въ томъ, что она не ограничиваетъ этой связи опредѣленными областями опыта, но стремится распространить ее на совокупность всего даннаго опыта... Можно сомнѣваться въ томъ, умѣстенъ ли выборъ древняго имени метафизики для такого рода изслѣдованія. Но я полага

*) Крит. чист. разума. Перев. Н. Соколова. Стр. 76 и 130.

что, если общая цѣль науки остается тою же самой, измѣненіе точекъ зрѣнія и методовъ не должно удерживать отъ сохраненія за нею и ея имени" (Система философіи, предисл. къ 1 изд.). Съ послѣдними словами нельзя согласиться. Понятія трансцендентнаго бытія и надъопытнаго познанія — не случайная точка зрѣнія и не второстепенный методъ,—но основныя и существенныя опредѣленія, съ устраненіемъ которыхъ устраняется самое понятіе метафизики, а потому должно быть устранено и слово, его выражающее. Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что названіе метафизики не приложимо къ философіи Вундта. „Метафизическія задачи,— говоритъ онъ,—распадаются на два отдѣла: на задачи *реальнаго* познанія и на задачи познанія *трансцендентнаго*. Принципы перваго даны въ тѣхъ общихъ понятіяхъ разсудка, которыя относятся отчасти только къ формѣ, отчасти къ формѣ и содержанію опыта и такимъ образомъ лежатъ въ основаніи, съ одной стороны, математики, какъ общей науки о формахъ, съ другой—эмпирическихъ наукъ о природѣ и духѣ. Въ отличіе отъ этихъ принциповъ, находящихъ свое примѣненіе повсюду уже въ предѣлахъ спеціальнаго познанія и трактуемыхъ метафизикой исключительно въ интересахъ цѣльности объединенія спеціальнаго знанія, *трансцендентныя идеи* образуютъ область принципіальныхъ предположеній,—область, которая, правда, подготовляется въ отдѣльныхъ наукахъ, но не можетъ гдѣ-либо получить хотя бы и относительнаго завершенія" (Система философіи. Введеніе, стр. 24 русск. перев.). Конечные выводы философіи Вундта таковы: „*Природа есть преддверіе духа, стало быть въ собственномъ ея бытіи заключается саморазвитіе духа*" (стр. 354).—„Обѣ идеи—абсолютной міроосновы и абсолютной цѣли міра, правда, непремѣнно должны мыслиться адэкватными нравственному идеалу, но въ прочемъ, вслѣдствіе связаннаго съ ними требованія абсолютной безконечности, у нихъ нѣтъ никакого опредѣленнаго содержанія" (стр. 416). „Идея о Богѣ представляется какъ нѣчто *абсолютно трансцендентное* не только по отношенію къ духу, но равнымъ образомъ и по отношенію къ *природѣ*, а потому ясно, что въ этомъ пунктѣ она совпадаетъ съ вопросомъ о послѣдней основѣ *всякаго* бытія или *трансцендентномъ единствѣ природы и духа*" (стр. 248).

Такимъ образомъ Вундтъ, обѣщавъ въ началѣ своей системы метафизику только по названію,—въ конечномъ результатѣ даетъ метафизику подлинную.

Идея научной метафизики содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Насколько она ставитъ своей задачей достигнуть законченнаго синтеза положительныхъ знаній въ высшихъ опредѣленіяхъ сущаго и должнаго и не выходитъ за предѣлы познаваемаго, она лишена своей метафизической сущности; если же ея содержаніе имѣетъ метафизическій характеръ, методъ, которымъ оно устанавливается, не можетъ быть методомъ познанія

природы, то есть методомъ научнымъ въ точномъ смыслѣ слова. Въ томъ случаѣ, когда философская система представляетъ синтезъ научнаго и метафизическаго содержанія, она все-таки не становится научной метафизикой, потому что отъ такого соединенія ни научное содержаніе не становится метафизическимъ, ни метафизическое—научнымъ, и такой противоестественный союзъ долженъ, наконецъ, привести къ разрыву. Научное и метафизическое міровоззрѣніе въ интересахъ самосохраненія должны разграничиться, тѣмъ болѣе, что и то, и другое имѣютъ весьма обширныя собственныя области: первому принадлежитъ область человѣческаго вѣдѣнія, второму—область человѣческаго невѣдѣнія; размежевавшись такимъ образомъ, каждое можетъ быть суверённымъ въ своей сферѣ; научно-философское міровоззрѣніе, принципіально устанавливая познаваемость всего сущаго и не выходя за предѣлы познаваемаго, избѣгаетъ метафизическаго иллюзіонизма; метафизическое міровоззрѣніе, оставляя неумѣстныя притязанія на познавательное значеніе, тѣмъ самымъ ограждаетъ себя отъ научно-философской критики, которая становится излишней; на этой ступени законченнаго самоопредѣленія метафизика противъ всякой критики можетъ предъявить одинъ общій и принципіальный отводъ: нельзя критиковать мысленныхъ построеній, не претендующихъ на предметность; они не могутъ быть ни истинными, ни ложными, потому что истина и ложь характеризуютъ отношеніе мысли къ предмету познанія, которое въ данномъ случаѣ исключается.

Но если метафизика претендуетъ на познавательное значеніе, необходимо ей доказать, что она—метафизика, и такія претензіи противорѣчатъ ея сущности; говоря яснѣе,—ей просто слѣдуетъ указать на дверь. Критическая задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы изгонять изъ своей сферы иллюзіи, проникающія въ нее въ видѣ неясныхъ, неанализированныхъ понятій; философія должна вносить свѣтъ въ самые темные уголки мысли, испытывая огнемъ критическаго анализа всѣ построенія: право на жизнь имѣютъ въ ней лишь тѣ понятія, которыя не сжигаются этимъ огнемъ, но получаютъ отъ него еще большій блескъ и чистоту. Анализъ не подлежитъ отводу ни подъ какимъ предлогомъ и недоступенъ обаянію чаръ. Міръ философскихъ грезъ привлекателенъ; сухія абстракціи утрачиваютъ въ немъ свою строгость, облекаются въ призрачную видимость и надѣляются своеобразной поэтической жизнью. Метафизическій романтизмъ родственъ миѳологіи и поэзіи, больше говоритъ настроенію и фантазіи; и онъ такъ же живучъ, какъ и человѣческая незрѣлость, представляющая его постоянный питательный источникъ. Но для философіи истина выше обмана, реальность важнѣе призрака. Иллюзіи и фикціи особенно опасны въ основахъ міровоззрѣнія, потому что онѣ отражаются на всѣхъ выводахъ и при-

ложеніяхъ, искажая широкую область мысли, и первая задача философіи—путемъ критики устранить ихъ *).

Общую характеристику критицизма мы находимъ въ прекрасной книгѣ проф. Каринскаго „Объ истинахъ самоочевидныхъ". „Что такое критицизмъ? Естественная исторія человѣческаго развитія создаетъ безсознательную и глубокую вѣру во многое, что подлежитъ научному изслѣдованію. Эта вѣра при благопріятныхъ условіяхъ такъ глубоко укореняется въ сознаніи, что человѣкъ не чувствуетъ ни малѣйшей потребности, ему не приходитъ даже на мысль поставить передъ сознаніемъ вопросъ о состоятельности тѣхъ или другихъ понятій, которыми онъ пользуется, о правѣ его ссылаться на тѣ или другія сужденія, которыя, тѣмъ не менѣе, или прямо высказываются имъ, или только безсознательно подразумѣваются въ его взглядахъ. Но та же естественная исторія человѣческаго сознанія въ своемъ дальнѣйшемъ теченіи способна ставить его мысль въ такія коллизіи, которыя въ умѣ болѣе проницательномъ и остромъ, пытливо ищущемъ выхода изъ этихъ коллизій, въ состояніи пробудить вопросъ о состоятельности того или другого изъ понятій и сужденій, выработанныхъ его же сознаніемъ, но не ясныхъ для этого сознанія со стороны своего логическаго оправданія, а иногда и вовсе неспособныхъ имѣть такое оправданіе. Тогда пустившее болѣе или менѣе глубокіе корни въ его сознаніи понятіе рисуется передъ нимъ, какъ принятое имъ на вѣру мнѣніе, и онъ сознательно ставитъ передъ собой задачу найти убѣдительныя для его мысли основанія удержать это понятіе или замѣнить его другимъ. Такъ возникаетъ критическое отношеніе къ мыслямъ, доступнымъ научной провѣркѣ, въ противоположность тому непосредственному довѣрію къ исторически сложившейся системѣ взглядовъ, которое можно, если угодно, назвать догматическимъ. Въ этомъ смыслѣ критицизмъ проходитъ черезъ всю исторію философіи" (§ 3, стр. 10).

Куно Фишеръ въ своей характеристикѣ эпохи критической философіи развиваетъ такое пониманіе критицизма „Что значитъ вообще мыслить критически, независимо отъ пониманія собственно кантовской проблемы? Ко всѣмъ объектамъ можно относиться догматически или критически: догматически — если мы предполагаемъ ихъ данными и познаемъ ихъ наличныя свойства; критически—если мы изслѣдуемъ условія возникновенія ихъ и ихъ качествъ, т. е. изслѣдуемъ ихъ *происхожденіе* и прослѣживаемъ стадіи ихъ развитія. Происхожденіе и развитіе объектовъ суть проблемы критическаго мышленія; эволюціонно-историческое представленіе вещей есть плодъ его работы... Каждый изъ нашихъ великихъ ученыхъ со временъ Лессинга можетъ служить примѣ-

*) „Философія должна перестать быть метафизикой и искать за вещами вещи". Риль, Введ. въ совр. филос., стр. 4.

ромъ критическаго отношенія въ области *познаванія* вещей; на вершинѣ стоитъ Кантъ, ибо онъ относился критически къ самому *познаванію* и, благодаря этому, заложилъ философское основаніе вѣка, по справедливости названнаго критическимъ". (Истор. нов. филос., т. IV, ч. 1, стр. 5—6).

Законченный анализъ исторически сложившихся философскихъ построеній, проникающій до ихъ глубочайшихъ источниковъ въ познавательной природѣ человѣка—такова сущность философскаго критицизма.

Критика, анализъ составляютъ необходимое условіе плодотворности философскаго творчества; но построеніе міровоззрѣнія совершается путемъ положительной, синтетической работы мышленія. Критика изслѣдуетъ свойства и прочность матеріала для построенія системы высшихъ принциповъ; но кромѣ настоящаго матеріала необходимъ разумный планъ, творческая сила и созидательная работа. Заканчивая критику познавательной способности Кантъ говоритъ: „Мы разсмотрѣли строительный матеріалъ и опредѣлили, для какого зданія онъ пригоденъ, какъ оно можетъ быть высоко и твердо. Оказалось, что хотя мы имѣли въ виду башню, досягающую до небесъ, однако матеріалы могли быть пригодны для построенія только обыкновеннаго зданія, достаточно широкаго для нашихъ тихихъ научныхъ занятій и достаточно высокаго для полнаго обозрѣнія равнины опыта; слишкомъ смѣлое предпріятіе должно было кончаться неудачей за недостаткомъ матеріала, не говоря уже о смѣшеніи языковъ, которое неизбѣжно должно было разрознить работниковъ относительно плана и разсѣять ихъ по свѣту, чтобы каждый работалъ по своему проекту и своему разумѣнію. Теперь наши усилія должны сосредоточиться не столько на матеріалахъ, сколько на планѣ" *). Планомѣрная синтетическая работа мысли — таковъ путь, ведущій на высоты идейнаго творчества, съ которыхъ умственному взору людей открывается кругозоръ болѣе обширный, чѣмъ узкое поле личныхъ наблюденій, сдѣланныхъ на пути къ высшимъ обобщеніямъ.

II. Положительная задача философіи.

Міровоззрѣніе каждаго человѣка неизмѣримо шире его личнаго, непосредственнаго опыта. Кругъ его собственныхъ наблюденій весьма тѣсенъ, случаенъ, лишенъ системы и внутренней цѣльности, связанъ съ краткимъ періодомъ его жизни въ какомъ-нибудь угол-

*) Критика чист. разума. Ученіе о методѣ.

земли—этой песчинки мірозданія; міровоззрѣніе обнимаетъ великій процессъ вселенной, необходимо и закономѣрно развивающійся въ безпредѣльномъ времени и пространствѣ. Какой бы характеръ ни носило міровоззрѣніе человѣка, оно всегда выходитъ за предѣлы непосредственнаго наблюденія не только личнаго, но и общечеловѣческаго; сфера объективнаго бытія, какъ всеобщей основы міровоззрѣнія, настолько шире круга фактическихъ наблюденій, насколько пространство и время шире зрительнаго поля и текущаго момента. Образованіе солнечной системы, исторія земли, развитіе жизненныхъ формъ,—всѣ эти процессы совершались за предѣлами фактически возможнаго наблюденія; однако, величавыя теоріи Канта и Лапласа, Ляйэлля и Агассиса, Дарвина и Уоллесса представили научное описаніе и объясненіе этихъ процессовъ—и широко раздвинули умственный кругозоръ людей. Познаніе законовъ происходящаго бросаетъ могучій свѣтъ въ прошедшее и будущее, открывая для мысли безграничный просторъ и неисчерпаемое содержаніе. Основной умственный пріемъ, съ помощью котораго мышленіе выходитъ за предѣлы случайныхъ частныхъ наблюденій, есть *обобщающій синтезъ*, сущность котораго состоитъ въ томъ, что въ сложномъ многообразіи непосредственно даннаго открываются общія свойства и связи явленій, ихъ постоянныя опредѣленія и законы, которые затѣмъ съ явленій, послужившихъ непосредственной основой для обобщенія, переносятся на всѣ остальныя, принципіально съ ними однородныя. Чтобы достигнуть общаго понятія или положенія, нѣтъ надобности изучать всѣ случаи, обнимаемые ими. „Чтобы понять, что небо вездѣ сине, не надо объѣхать вокругъ свѣта",—говоритъ Гете (Изрѣч. въ прозѣ). Обобщеніе свойствъ какого-либо минерала, растенія или животнаго основывается на ограниченномъ числѣ изученныхъ экземпляровъ, а распространяется на всѣ существующіе минералы, растенія и животныя этого вида. Человѣческая мысль отъ низшихъ обобщеній, охватывающихъ отдѣльныя группы и порядки явленій, поднимается къ высшимъ, всеобъемлющимъ опредѣленіямъ бытія, чтобы охватить все существующее, основываясь на признаніи принципіальной однородности познаваемаго съ познаннымъ. Выраженіемъ этого процесса служитъ міровоззрѣніе людей.

Всякое міровоззрѣніе, будетъ ли оно призрачнымъ или истиннымъ, возникаетъ изъ стремленія человѣческаго сознанія подняться надъ единичнымъ и случайнымъ къ всеобщему и необходимому, охватить все существующее въ его единствѣ и однородности, съ одной общей точки зрѣнія. Единообразіе познаваемаго, единство способа познанія и единство основной концепціи бытія,—таковы основанія всякаго міровоззрѣнія.

Въ исторіи человѣческой мысли слѣдуетъ отмѣтить три основные типа міровоззрѣнія: *миѳологическое* міровоззрѣніе, *метафизическо* [illegible] *лософское* (или натуралистическое).

Миѳологическое міровоззрѣніе возникаетъ на первобытной стадіи развитія всѣхъ народовъ и продолжаетъ сохраняться, какъ міровоззрѣніе некультурныхъ массъ, какъ пережитокъ далекой старины. На низшей ступени развитія людей, когда еще не накопилось достаточно положительныхъ знаній и не сложилось навыка къ правильной разсудочной работѣ, когда вся жизнь сознанія основывалась на живой воспріимчивости чувствъ и стихійномъ творчествѣ воображенія,—основная концепція міровоззрѣнія могла быть лишь образомъ фантазіи, представляющимъ все существующее сообразно съ тѣмъ, что всего болѣе знакомо человѣку. Но что всего ближе, всего понятнѣе первобытному человѣку, какъ не его собственная личность—съ ея чувствами, мотивами и дѣйствіями? Его собственный, личный опытъ давалъ ему ключъ къ пониманію всей дѣйствительности. Онъ олицетворялъ явленія и силы природы, *вкладывалъ* въ нихъ жизнь, сознаніе, волю. Это вѣрованіе въ жизнь и воодушевленіе всей природы, называемое *анимизмомъ*, составляетъ основную концепцію первобытнаго міровоззрѣнія, общій корень всѣхъ миѳическихъ представленій.

Миѳъ есть образъ фантазіи, объясняющій событія природы и жизни изъ личныхъ началъ, дѣйствующихъ въ явленіяхъ или руководящихъ судьбою людей. Въ созданіи миѳовъ дѣятельность воображенія не является произвольной и случайной, она проникнута внутренней закономѣрностью и смысломъ. Основой миѳологическаго творчества является дѣйствительность, какъ содержаніе опыта; изъ нея черпается матеріалъ воображенія, по ея образу, подъ ея вліяніемъ и ради ея объясненія создаются миѳы. Миѳическій міръ есть отраженный міръ опыта, подчиненный субъективному принципу объясненія. Основной умственный пріемъ, образующій миѳологическое міровоззрѣніе, есть, по формѣ, *аналогія*, заключеніе отъ внѣшняго сходства явленій къ сходству производящихъ причинъ; по содержанію—*метафора*, перенесеніе субъективнаго въ объективное, содержаніе внутренняго опыта на внѣшній міръ. Основной принципъ объясненія—это *обусловленность въ формѣ мотиваціи*, т. е. зависимости явленій отъ личныхъ мотивовъ, по образу человѣческихъ дѣйствій.

Максъ Мюллеръ, признавая этотъ процессъ олицетворенія и одухотворенія объективныхъ явленій необходимымъ моментомъ въ развитіи человѣческаго разума и языка, слѣдующими чертами изображаетъ основной актъ миѳологическаго творчества,— „этого перенесенія нашего субъективнаго духа на объективный хаосъ и возсозданія его по нашему собственному подобію“.

„Я говорю о той *основной метафорѣ*, которая заставляетъ насъ представлять предметы и говорить о нихъ такъ, какъ если бы они были такими же субъектами, какъ и мы. Но какъ бы ни была странна такая интерпретація объективнаго міра, и какъ бы ни казалась намъ чудесной всемірная миѳологія, на которую

день этотъ міръ, это дѣло тѣмъ не менѣе неизбѣжно. Такъ какъ мы знаемъ одинъ лишь родъ бытія,—а именно, нашъ собственный, и такъ какъ мы обладаемъ однимъ лишь языкомъ, а именно тѣмъ, который выражаетъ наши собственныя дѣйствія и состоянія и, по аналогіи, дѣйствія и состоянія и нашихъ товарищей-соучастниковъ, то что мы можемъ утверждать относительно внѣшнихъ предметовъ, какъ не нѣкоторый родъ бытія, подобный нашему, и какой языкъ можемъ мы примѣнить къ нимъ, какъ не тотъ, который мы образовали для нашихъ собственныхъ дѣйствій и нашихъ собственныхъ состояній". „Какъ только этотъ умственный актъ былъ выполненъ, родилась миѳологія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Новый міръ былъ созданъ,—міръ, который былъ ничѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ насъ самихъ".

Для первобытнаго воззрѣнія весь пространный міръ, окружающій человѣка, былъ проникнутъ могучей и роскошной жизнью. Всепокрывающее небо и всепорождающая земля были отцомъ и матерью всѣхъ существъ, „двумя великими родителями" (Ригведа); солнце и луна, день и ночь, свѣтъ и тьма—живыми, личными существами; звѣзды, это—дѣти солнца и луны. Четыре вѣтра, дождь и буря, громъ и молнія, заря и радуга, лѣсъ и вода, времена года и т. д.,—словомъ всѣ стихіи и всѣ явленія природы надѣлялись жизнью, сознаніемъ и волей. Языкъ внутренно преобразовался: корни, которые первоначально всѣ означали собственныя дѣйствія и состоянія людей, пріобрѣли способность выражать дѣйствія и состоянія также и объективнаго міра. Человѣкъ сталъ мыслить и называть рѣку, какъ бѣгущую и прорывающую русло между скалъ; солнце, какъ подателя свѣта и жизни, какъ друга и отца людей, или, наоборотъ, врага, приносящаго вредъ и страданіе палящими лучами, и т. п.

Миѳологическое міровоззрѣніе глубоко отразилось на всемъ строеніи рѣчи. Мы до сихъ поръ говоримъ: вѣтеръ дуетъ, солнце восходитъ, ручей бѣжитъ и т. д., хотя первобытный смыслъ этихъ выраженій давно исчезъ. Но нельзя сказать, чтобы миѳологическое міровоззрѣніе вообще исчезло. Оно до настоящаго времени остается народной философіей или точнѣе, народной метафизикой, міровоззрѣніемъ массъ. Всего дольше миѳологическія представленія сохраняются въ тѣхъ областяхъ, которыя всего менѣе были доступны непосредственному научному изслѣдованію. И въ настоящее время, когда научное міровоззрѣніе завоевало огромныя области,—тѣ сферы, которыя признаются лежащими за предѣлами природы, до сихъ поръ населены миѳологическими призраками.

Миѳологическое міровоззрѣніе представляло обратное выраженіе всего жизненнаго опыта людей, глубочайшихъ стремленій и руководящихъ началъ жизни. Познаніе природы, ея общихъ свойствъ и связей, фиксированное и олицетворенное въ высшихъ личностяхъ, опредѣляло отношеніе людей къ дѣйствительности.

Жажда жизни, стремленіе расширять, продолжать и углублять ее, испытывать отраженную и повышенную жизнь,—выразилась во всемъ содержаніи миѳологическихъ воззрѣній. Перенесеніе внутренняго опыта на внѣшній міръ, какъ новое твореніе, наполнило жизнью всю природу, преломило ее въ безчисленныхъ граняхъ неисчерпаемаго богатства явленій. Человѣкъ, движимый живымъ чувствомъ и стихійно-творческимъ воображеніемъ, создавалъ эту жизнь и проникался ею, его самочувствіе и самосознаніе расширялись до чувства и сознанія жизни всеобщей. Его личная жизнь не ограничивалась земнымъ существованіемъ, она продолжалась въ загробномъ мірѣ, отражающемъ земную дѣйствительность,—но въ болѣе грандіозныхъ и роскошныхъ чертахъ, такъ какъ міръ этотъ создавался свободнымъ творчествомъ людей сообразно ихъ жизненнымъ стремленіямъ. Онъ населенъ былъ могучими, прекрасными и грозными существами, олицетворявшими стихійную мощь природы и великія силы, движенія и формы жизни. Возвышенный міръ боговъ былъ идеализированный міръ человѣческій. И онъ не стоялъ въ безконечной дали отъ интересовъ и событій человѣческой жизни; жизнь и дѣятельность боговъ тѣсно переплеталась съ судьбою людей; боги являлись между людьми, принимали участіе въ ихъ дѣлахъ, раздѣляли съ ними любовь, пищу и питье, руководили ими, участвовали въ сраженіяхъ и даже получали раны отъ людей, какъ Киприда и Арей отъ Діомеда (Иліада, V, 335—340, 855—863). Жизнь человѣческая подчинялась божественному міроправленію и отражала на себѣ высшее значеніе надміровой жизни.

Дивную картину миѳологическаго міровоззрѣнія нарисовалъ Шиллеръ въ стихотвореніи: „Боги Греціи".

„Поэзіи волшебной пеленою
Ликъ истины задернутъ былъ тогда,
Проникнутъ міръ былъ чувства полнотою,
Котораго теперь не видно и слѣда:
Все жизнію кипѣло совершенной,
Высокихъ чувствъ свѣтильникъ пламенѣлъ:
Тогда вездѣ, во всемъ взоръ освященный
Слѣдъ божества плѣнительнаго зрѣлъ".

„Гдѣ нынѣ шаръ безжизненный, огнистый
Мы видимъ, вѣря нашимъ мудрецамъ,
Богъ Геліосъ—блистательно-лучистый
Златою колесницей правилъ тамъ:
На томъ холмѣ рѣзвилась Ореада;
Съ тѣмъ деревомъ Дріада умерла,
Изъ урны той прелестная Наяда
Серебряный источникъ пролила." И т. д.

Миѳологія представляетъ систему живыхъ и пластическихъ образовъ, въ которыхъ отливается пониманіе міра и жизни первобытнаго человѣчества. Міръ миѳологическихъ существъ не требовалъ ни логическаго обоснованія, ни логической формы: онъ

непосредственно соприкасался съ жизнью и природой, составляя содержаніе опыта — личнаго („откровеніе"), или традиціоннаго (вѣра). Дальнѣйшую стадію развитія, переходную къ метафизическому міровоззрѣнію, составляетъ примѣненіе рефлексіи, отвлеченнаго мышленія, къ содержанію миѳологіи, переработка миѳовъ въ догмы и символы. Догматика представляетъ выраженіе образнаго содержанія миѳологіи въ формѣ абстрактныхъ, устойчивыхъ и общеобязательныхъ понятій, объединяющихъ индивидуальныя представленія въ систему руководящихъ идей совмѣстной жизни. Основой общеобязательности догмъ служитъ не логическое ихъ обоснованіе, но авторитетъ всего общества, или особыхъ высшихъ носителей религіознаго сознанія, — словомъ — авторитета церкви. По мѣрѣ того, какъ живыя личности миѳическихъ боговъ все болѣе отдалялись отъ земли, одухотворялись и утрачивали индивидуальность, исчезая въ верховномъ существѣ, которое въ свою очередь превращается въ чистый дѣйствующій принципъ вселенной, — всѣ характеристики этого міра боговъ, свойственныя болѣе ранней стадіи развитія, уже не могли сохранять свой собственный первоначальный смыслъ; онѣ отдалились отъ первичнаго содержанія опыта, обезцвѣтились; получили символическое значеніе. Свѣтъ и тьма, добро и зло, могущество и безсиліе, разумъ, воля и чувство, жизнь, рожденіе и смерть, твореніе и разрушеніе, награда и наказаніе и т. д., — всѣ эти понятія, опредѣляющія характеръ и отношенія трансцендентнаго міра, получили смыслъ отдаленныхъ аналогій; догматика развилась въ символизмъ и приблизилась къ стадіи *метафизическаго міровоззрѣнія*!

Основная концепція метафизическаго міровоззрѣнія, преемственно перешедшая отъ миѳологической стадіи мысли, состоитъ въ признаніи двойственности бытія, — непосредственно данныхъ явленій и трансцендентныхъ сущностей, опытно познаваемой дѣйствительности и сверхъопытной первоосновы бытія, природы и сверхприроды. На этой стадіи міровоззрѣнія пониманіе дѣйствительности полагается въ отнесеніи непосредственно даннаго бытія къ его дѣйствующей сущности, причинной первооснові, признаваемой за принципъ существованія и смысла явленій. Отнесеніе эмпирическаго міра къ трансцендентной сущности, т. е. построеніе міропониманія, начиналось съ опыта, а завершалось за его предѣлами Съ метафизической теоріей бытія (онтологія), признающей реальность за предѣлами объективнаго міра, соединяется метафизическая гносеологія, допускающая познаніе, выходящее за предѣлы принципіально возможнаго опыта. Въ отличіе отъ миѳологіи, объясняющей міровой прогрессъ исторически, въ формѣ повѣствованія о жизни боговъ и ихъ дѣятельности въ мірѣ, метафизика стремится свести смѣну явленій къ постоянной первооснові и объяснить изъ нея не временную послѣдовательность, а самое существованіе явленій, ихъ данность во времени и про-

странства. Мифологическая теогонія и космогонія преобразуются въ метафизическую теологію и космологію. Самый выводъ временныхъ явленій изъ вѣчной первоосновы совершается или непосредственно, или черезъ посредство вторичныхъ сущностей, соотвѣтствующихъ отдѣльнымъ явленіямъ или классамъ явленій.

Метафизическія сущности въ опытѣ не даны. онѣ не могутъ быть восприняты или представлены; поэтому онѣ могутъ быть только предметомъ понятія — и притомъ лишь понятія sui generis, претендующаго на независимость отъ познаваемаго содержанія, и слѣдовательно логически невозможнаго *). Этимъ подрывается самая идея метафизики, падаетъ основная ея концепція. Но хотя метафизика приписываетъ своимъ понятіямъ сверхъопытное значеніе, — фактически они обусловливаются опытомъ — отрицательно или положительно. Въ первомъ случаѣ тѣ признаки, сочетаніе которыхъ образуетъ метафизическое понятіе, правда не являются опытными признаками, — но они представляютъ простое отрицаніе опредѣленныхъ эмпирическихъ свойствъ — и ничего болѣе: таковы всѣ признаки духовности (простота, неощутимость и т. д.); или же положительные конечные признаки опытнаго бытія, выраженные въ отвлеченныхъ обобщеніяхъ, — съ предикатомъ безусловнаго переносятся въ трансцендентное бытіе и такимъ образомъ также превращаются въ чистыя отрицанія; это достигается косвеннымъ способомъ, — не тѣмъ, что отрицается признакъ, а тѣмъ, что отрицается „признакъ признака" — его конечность, неотдѣлимая отъ всякаго опытнаго содержанія. Во второмъ случаѣ, когда метафизическое построеніе положительно обусловливается опытомъ, оно слагается изъ абстрактныхъ обобщеній, которыя признаются совершенно независимыми отъ опыта; таковы понятія — бытія, качества, количества, дѣйствія, силы и т. д. Оторванныя отъ той почвы, изъ которой они выросли, отвлеченныя понятія становятся самобытными сущностями, получаютъ значеніе высшихъ реальностей, скрытыхъ за эмпирическимъ бытіемъ. Логическое соотношеніе этихъ понятій превращается въ реальную ихъ зависимость; дедукція высшихъ опредѣленій познаваемаго превращается въ творческую конструкцію метафизическаго бытія.

Различіе основныхъ метафизическихъ концепцій зависитъ отъ того, какъ опредѣляется сущность бытія и ея отношеніе къ міру явленій. Метафизическая сущность, если она неопредѣлима по содержанію, не можетъ быть предметомъ понятія, потому что безсодержательное понятіе фактически слагается изъ болѣе или менѣе обобщеннаго матеріала опытной дѣйствительности. Харак-

*) Гегель различаетъ понятіе въ спекулятивномъ смыслѣ отъ понятія въ смыслѣ логическомъ. См. Энциклопедію филос. наукъ, введеніе, § 9; Логика, § 160. „Понятія (въ спекулятивномъ смыслѣ) не созданы нами и вообще не суть результаты нашей мыслительной дѣятельности... Понятія существуютъ прежде предметовъ, и предметы обязаны всѣми своими качествами понятію, которое живетъ и обнаруживается въ нихъ". Логика, § 163.

теръ метафизическихъ теорій зависитъ отъ рода и степени общности понятій, опредѣляющихъ сущность бытія. Эти понятія могутъ имѣть основой или отдѣльныя области, или же всю сувокупность познаваемаго, и примѣненіе ихъ можетъ ограничиться соотвѣтствующей областью познаваемаго, или же выходить за ея предѣлы.

Уже на стадіи миѳологическаго міровоззрѣнія установилось основное разграниченіе дѣйствительности на двѣ области: міръ матеріальныхъ явленій и міръ духовныхъ существъ. Это разграниченіе не было абсолютнымъ; оно относилось только къ содержанію матеріальнаго и духовнаго бытія. Представленіе матеріальнаго бытія основывалось на содержаніи внѣшняго опыта; духовный міръ построялся изъ матеріала опыта внутренняго. Но обѣ эти области бытія относились къ общимъ формамъ всякаго существованія — времени и пространству — и, такимъ образомъ, формально объединялись; вслѣдствіе этого и качественная ихъ разнородность не могла быть полной. Метафизическое мышленіе исходитъ изъ этой качественной разнородности и формальной общности опредѣленій бытія, построяя понятія, основанныя на содержаніи или внѣшняго, матеріальнаго бытія, или внутренняго, духовнаго міра, или же, наконецъ, на опредѣленіяхъ, общихъ всякому бытію, физическому и психическому. Въ первомъ случаѣ образуются различныя формы *матеріализма* и *динамизма*, въ которыхъ субстанціальными началами бытія признаются понятія матеріи и силы; во второмъ случаѣ возникаютъ разные виды *спиритуализма* и *идеализма*, полагающія въ основу всего сущаго духовный принципъ, субъектъ переживаній, или общую ихъ категорію (волю, разумъ, чувство); наконецъ, въ третьемъ случаѣ, когда опредѣленіе трансцендентной сущности всякаго бытія основывается на всеобщихъ формахъ существованія, безотносительно къ его разнородному содержанію, міровоззрѣніе можетъ быть названо *метафизическимъ универсализмомъ*, въ которомъ субстанціальными началами признаются „бытіе", „осуществленіе", „субстанція", „вещь въ себѣ" и пр.

Общій критическій анализъ метафизическаго мышленія представленъ въ предыдущей главѣ. Здѣсь же имѣется въ виду представить историческое и логическое положенія метафизики среди другихъ основныхъ типовъ человѣческаго міровоззрѣнія. Въ обоихъ отношеніяхъ ея положеніе представляется промежуточнымъ: метафизика является на смѣну миѳологическаго міровоззрѣнія и уступаетъ мѣсто научно-философскому. Отъ мифологическаго міровоззрѣнія метафизика приняла идею трансцендентнаго бытія, которое постепенно, путемъ отрицательныхъ опредѣленій, свела на нѣтъ, „ничто" (ens rationis), вещь въ себѣ. Съ другой стороны метафизика подготовила для положительной философіи идею универсальной системы знанія, обнимающей все сущее въ своихъ высшихъ опредѣленіяхъ.

Въ положительномъ міровоззрѣніи основныя понятія метафизики существенно преобразовались. По своей логической сущности всѣ понятія представляютъ обобщеніе познаваемаго многообразія бытія. Но въ метафизическомъ міропониманіи высшимъ понятіямъ, служащимъ для объясненія непосредственнаго бытія, придается значеніе дѣйствующихъ началъ, трансцендентныхъ сущностей, вещей въ себѣ. Какъ объяснительные принципы, эти понятія были безплодны, но благодаря своему непосредственному логическому смыслу, какъ обобщенія познаваемаго бытія, они имѣли организующее значеніе въ жизни познанія. Въ положительномъ міровоззрѣніи они освобождаются отъ привнесеннаго въ нихъ метафизическаго смысла. „Бытіе", „сущность", „матерія", „духъ", „сила",—всѣ эти понятія утрачиваютъ значеніе метафизическихъ реальностей и становятся лишь общими опредѣленіями содержанія опыта: имъ придается уже не субстанціальное, а только методологическое значеніе. Высшее изъ этихъ понятій—универсальное понятіе „бытія"—становится обозначеніемъ совокупности познаваемаго. Высшая форма метафизики—метафизическій универсализмъ—уступаетъ мѣсто *научно-философскому реализму.*

Развитіе положительнаго знанія и философіи новыхъ вѣковъ начинается съ эпохи возрожденія: но темпъ развитія науки и философіи былъ далеко неодинаковъ. Въ сферѣ положительной науки происходитъ процессъ медленнаго накопленія и обобщенія знаній о природѣ, открытіе новыхъ областей научнаго изслѣдованія (химія, біологія и пр.), постепенно охватившихъ всю сферу познаваемаго: отдѣльныя науки развивались до извѣстной степени самостоятельно и обособленно другъ отъ друга, въ различной степени приближаясь къ высшимъ обобщеніямъ, синтетически объединяющимъ содержаніе соотвѣтственныхъ научныхъ областей; обобщенія, имѣющія не спеціальное только, но всенаучное значеніе, способныя синтетически координировать всѣ области положительнаго знанія (какъ, напр., законъ сохраненія энергіи), достигнуты лишь около середины XIX столѣтія. Между тѣмъ какъ положительное знаніе постепенно подвигалось отъ частнаго къ общему,—въ философской области въ теченіе этого времени создавались всеобъемлющія метафизическія системы, развиваясь одна изъ другой съ нѣкоторой логической послѣдовательностью; построеніе этихъ системъ было противоположно научному; въ основаніе ихъ полагались абстрактныя обобщенія, изъ которыхъ дедуктивно выводились всѣ частныя положенія развиваемаго міровоззрѣнія; въ основныхъ положеніяхъ метафизической системы „in nuce" заключалось все ея содержаніе: таковъ былъ по крайней мѣрѣ идеалъ системы,—фактически же иногда изъ общихъ положеній дедуцировались научныя обобщенія, не содержащіяся въ нихъ, и метафизика a priori находила то, чему научилась a posteriori. Даже въ новѣйшихъ метафизическихъ системахъ, претендующихъ на научное построеніе, какъ, напримѣръ, въ системѣ

Гартмана, основная концепція представляетъ принятое заранѣе всеобщее положеніе, которое затѣмъ и оправдывается „по индуктивному методу“.

Жизненное значеніе метафизическихъ системъ основывалось на томъ, что онѣ развивали законченное теоретическое міровоззрѣніе, котораго наука была еще не въ состояніи обосновать. Правда, въ этихъ системахъ было много традиціонныхъ воззрѣній, стоявшихъ въ противорѣчіи съ духомъ науки; но, какъ говоритъ Гегель, „всякое твореніе духа есть произведеніе своего времени; каждый отдѣльный человѣкъ—дитя своей эпохи“; сохраняя многіе элементы господствующаго міровоззрѣнія, метафизика не ограничивалась теоретическимъ его выраженіемъ; она внутренно преобразовывала его, постепенно вывѣтривала миѳологическія представленія, призывала къ свободному творчеству мысли. Въ то же время метафизическая философія, не давая цѣннаго содержанія положительнымъ наукамъ, ставила передъ ними формальный идеалъ универсальнаго синтеза, законченнаго систематическаго единства,—какъ конечной цѣли научнаго движенія. Хотя этотъ идеалъ подготовлялся всѣмъ ходомъ научнаго развитія, совершавшагося въ направленіи обобщенія и систематизаціи положительныхъ знаній,—тѣмъ не менѣе, пока отдѣльныя научныя дисциплины были разрознены и далеки отъ законченнаго единства даже въ собственной сферѣ,—идея всеобщей связи и цѣльности знаній, идея всенаучной системы не могла быть присуща научному сознанію, не вытекала изъ него органически, потому что она была значительно шире всей суммы научнаго содержанія. Метафизическія системы, представляя высшую форму синтеза руководящихъ идей своего времени, наглядно показывали научному сознанію положеніе и форму идущаго на смѣну имъ реальнаго міровоззрѣнія, завершающаго научный прогрессъ единствомъ обобщающей, всеобъемлющей, внутренно согласованной системы; эта постановка конечнаго идеала была движущимъ и организующимъ моментомъ научнаго развитія, и была въ общемъ плодотворна, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ она и увлекала пылкіе умы на путь смѣлыхъ обобщеній, несоотвѣтствующихъ состоянію знаній.

Научно-философское міровоззрѣніе, подготовленное всѣмъ научнымъ развитіемъ, призвано разрѣшить общую задачу философіи, опираясь на прочное и надежное основаніе положительныхъ знаній. Въ немъ должно найти свое завершеніе и свою конечную форму все философское движеніе, возникшее во времена античнаго міра и мощно развившееся въ новые вѣка. Всѣ тѣ проблемы, которыя были смѣло поставлены молодой и свѣжей, только что пробудившіюся философской мыслью, и которыя впослѣдствіи были строго и отчетливо формулированы зрѣлой философской рефлексіей, должны разрѣшиться научнымъ дви-

[illegible]

[illegible] С другой сто-роны, [illegible] мудрости, [illegible] жизнью, [illegible] Мудрецомъ [illegible] на-зывали человѣка, живущаго по руководству разума, вносящаго въ жизнь свой разумный порядокъ. Гераклитъ говоритъ: „Быть мудрымъ есть высшая добродѣтель; мудрость состоитъ въ томъ, чтобы говорить истину и согласовать съ нею свои дѣй-ствія [illegible] природу для того, чтобы узнать истину“ (Stob., Serm. III). Если частныя знанія руководятъ отдѣльными по-рывами человѣческихъ дѣйствій, — то мудрость опредѣляетъ основные мотивы жизни, вноситъ въ нихъ единство и гармонію, открывая просторъ свободному выраженію человѣческой при-роды въ жизни естественной и развивая естественную жизнь до жизни совершенной.

Итакъ, философія есть стремленіе къ высшему знанію, какъ разумной основѣ жизни: ей чужды узко-утилитарныя цѣли, но существенно общее жизненное значеніе. „Мудрость, — говоритъ Аристотель, — вращается въ области первыхъ причинъ и началъ“. „А самое основное изъ знаній и преобладающее надъ служеб-нымъ есть то, въ которомъ содержится пониманіе цѣли, ради которой все въ отдѣльности должно дѣлаться“ (Метафизика, I кн., гл. I, п. 12; гл. II, п. 6). Глубокая связь съ жизнью при-суща философіи даже какъ чистой любви къ знанію, потому что стремиться къ мудрости ради нея самой, значитъ видѣть въ ней основное жизненное содержаніе: философія есть живое стремленіе къ единству и полнотѣ знанія, ради гармоніи и пол-ноты жизни въ цѣломъ. Исторически характеръ философіи мѣ-няется въ зависимости отъ того, какому моменту отдавалось предпочтеніе: теоретической задачѣ философіи, или ея жизнен-ному значенію. Античная философія, по словамъ Виндельбанда (Ист. древн. фил., § 2), распадается на два большіе отдѣла, су-щественно отличающіеся одинъ отъ другого и по ихъ культур-ной основѣ, и по духовному основному свойству. Эти два от-дѣла: съ одной стороны, *греческая*, съ другой — *эллинско-римская* философія. Греческая философія характеризуется свободнымъ отъ побочныхъ цѣлей стремленіемъ къ универсальному познанію,

къ проникновенію въ природу вещей и человѣка; эллинско-римская философія ищетъ знанія, какъ средства для правильнаго строя жизни; практическій моментъ въ ней становится преобладающимъ.

Основное понятіе философіи, представляющее гармоническое сочетаніе двухъ моментовъ — ея познавательнаго и жизненнаго значенія, соотвѣтствуетъ тому, что Кантъ называетъ ея *міровымъ понятіемъ* (conceptus cosmicus), которое олицетворяется въ идеалѣ философа и выражаетъ то, что необходимо интересуетъ каждаго человѣка *); это идея познанія въ его высшемъ единствѣ и жизненномъ осуществленіи. Логически можно расчленить оба момента основного понятія философіи и разсматривать ее, во-первыхъ, какъ теоретическое построеніе, какъ законченную систему познанія—въ ея научно-логическомъ совершенствѣ; во-вторыхъ, какъ общее руководство къ разумной жизни, какъ жизне-цѣнное міровоззрѣніе. Въ первомъ случаѣ образуется доктринальное понятіе философіи; во второмъ—ея практическое понятіе. Но въ основномъ понятіи философіи оба момента подлежатъ принципіальному объединенію; разумность и жизнецѣнность міровоззрѣнія должны быть понятны въ ихъ единствѣ. Такое пониманіе является прямымъ выводомъ изъ основного положенія принятой нами философской теоріи, именно: сознаніе со всѣмъ его содержаніемъ есть проявленіе жизненнаго процесса, а потому познавательная цѣнность или разумность есть моментъ жизнецѣнности.

Такъ какъ основное понятіе философіи служило выраженіемъ не какой-либо законченной системы идей, но существенной тенденціи познанія, реализуемой всѣмъ ходомъ философскаго развитія,—то естественно, что при всемъ разнообразіи метода, содержанія и формы философскихъ системъ, въ которыя эта тенденція исторически выливалась, пониманіе основной задачи философіи развивалось въ предѣлахъ первоначальнаго понятія; всѣ оттѣнки, всѣ особенности въ пониманіи этой задачи были варіаціями основного понятія, соотвѣтствующаго постоянной тенденціи разума охватить все существующее съ одной общей точки зрѣнія. Развивая это понятіе, можно сдѣлать его болѣе подробнымъ и опредѣленнымъ, но не болѣе широкимъ. Опредѣляя положительную задачу философіи, мы должны развить основное понятіе, раскрыть все его содержаніе, не выходя за его предѣлы.

Признавая задачей философіи построеніе законченнаго міровоззрѣнія, руководящаго жизнью, мы можемъ дать ей такое выраженіе: философія стремится установить *основное отношеніе* жизни и міра (среды); пониманіе этого основного отношенія составляетъ содержаніе философіи и опредѣляющій моментъ жизни. Но пониманіе *отношенія* міра и жизни является уже синтезомъ міропониманія и жизнепониманія; поэтому общая проблема философіи

*) Крит. чист. разума, перез. Н. Соколова, стр. 585.

слагается изъ соподчиненныхъ задачъ, послѣдовательное рѣшеніе которыхъ даетъ основу для высшаго синтеза.

Первая задача философіи—дать общую теорію бытія. Выполняя эту задачу, философія выступаетъ какъ доктрина, какъ научная система, объединяющая всю область человѣческаго познанія въ законченное цѣлое. Основное требованіе, которому она должна удовлетворять, есть требованіе научно-логической цѣнности,—именно, полноты и истины содержанія, единства и правильности формы. Приступая къ построенію общей теоріи бытія, философія прежде всего опредѣляетъ свое отношеніе къ бытію, какъ предмету познанія; возникаетъ рядъ вопросовъ: что такое бытіе? является ли оно для познанія однороднымъ, или же оно распадается на принципіально различныя области? является ли бытіе, какъ познаваемое, общимъ для философіи и положительнаго знанія, или же предметъ философіи иной? Рѣшая эти вопросы, философія опредѣляетъ свое отношеніе, съ одной стороны, къ метафизическимъ построеніямъ, а съ другой—къ положительнымъ наукамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ философія изслѣдуетъ свою возможность, какъ общей теоріи; основнымъ условіемъ этой возможности служитъ не только принципіальное единство познаваемаго бытія, какъ основа всеобъемлющаго синтеза, но и единство способа познанія: здѣсь идетъ рѣчь не о техническихъ пріемахъ, спеціальныхъ методахъ познанія, приспособляемыхъ къ особенностямъ изучаемаго матеріала, но объ его общихъ и основныхъ принципахъ. Возникаетъ вопросъ: является ли познаніе принципіально однороднымъ и единымъ, къ чему бы оно ни относилось, или же оно гносеологически разнородно и распадается на познаніе научное и познаніе внѣнаучное? Теорія гносеологической двойственности познанія вызвала обособленіе позитивнаго (научнаго) и спекулятивнаго (сверхнаучнаго) міропознанія, стоявшихъ рядомъ и независимо одно отъ другого; такъ было въ періодъ господства спекулятивной философіи (въ первую треть XIX в.); при такомъ положеніи могъ быть допущенъ синтезъ научный и синтезъ спекулятивный, но исключался всеобъединяющій синтезъ познанія. Въ виду того, что философія по своей основной идеѣ требуетъ законченнаго всеобщаго и необходимаго синтеза, — она должна изслѣдовать, насколько можетъ быть обоснована постановка ея конечной цѣли на единствѣ способа познанія. Разрѣшая этотъ вопросъ, философія также опредѣляетъ свое отношеніе къ метафизикѣ и положительному знанію.

Единство познаваемаго и единство способа познанія — необходимыя условія формальной возможности философіи, какъ общей теоріи бытія. По своему содержанію она должна представлять систему всеобщихъ и необходимыхъ опредѣленій бытія, то есть типовъ сущаго, въ которыхъ оно выступаетъ для сознанія, какъ нѣчто опредѣленное. Таковы, во-первыхъ, многообразія, то

есть качества и количества бытія; во-вторыхъ, формы бытія, то есть опредѣленныя и постоянныя связи свойствъ; въ-третьихъ, законы бытія, то есть опредѣленныя и постоянныя связи измѣненій. По своей логической формѣ эти опредѣленія являются наиболѣе общими отвлеченными понятіями; но именно какъ понятія они являются познавательными синтезами, въ которыхъ выражается объективная наличность соотвѣтствующихъ типовъ бытія.

Философія, какъ общая теорія бытія, вводитъ все сознаваемое въ связь объективнаго міровоззрѣнія; принципамъ познанія подчиняется безусловно все, что обнимается сознаніемъ и опредѣляется для него. Космическій процессъ, стихійныя явленія, происходящія на землѣ, жизнь со всѣмъ ея содержаніемъ и отношеніями, — все это подводится подъ всеобщія и необходимыя опредѣленія философской теоріи бытія. Все, присущее сознанію, есть уже фактъ, слѣдовательно—познаваемое, подчиненное всеобъемлющимъ принципамъ міропониманія; исключенія изъ этого невозможны; самая мысль о чемъ-либо не подлежащемъ опредѣленію и объясненію содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, потому что мыслить и значитъ опредѣлять и объяснять. Задача философіи, какъ общей теоріи бытія, состоитъ въ томъ, чтобы всѣ частныя опредѣленія и объясненія свести къ высшимъ, всеобъемлющимъ принципамъ.

Но уже разрѣшеніе этой задачи выдвигаетъ собою другую задачу философіи: опредѣленіе общихъ требованій познанія. Вся работа познанія состоитъ въ закономѣрномъ выборѣ и сочетаніи матеріала, руководимыхъ всей суммой накопленнаго знанія и умственной опытности. Уже первоначальное оріентированіе въ окружающей средѣ состоитъ въ различеніи ея свойствъ и связей, которыя врѣзываются въ сознаніе сообразно съ тѣмъ, насколько они затрогиваютъ вниманіе, возбуждаютъ интересъ; яркость впечатлѣній, ихъ постоянство и повторяемость, ихъ чувственный тонъ (окраска пріятнаго и непріятнаго), слѣд. — жизненное значеніе, таковы черты, которыми они фиксируются въ сознаніи съ устойчивой опредѣленностью. Образованіе обдуманныхъ и обоснованныхъ познавательныхъ синтезовъ, называемыхъ понятіями, совершается путемъ сравнительной оцѣнки признаковъ, отбора основныхъ и существенныхъ и опущенія производныхъ и второстепенныхъ. Такое взвѣшиваніе и выборъ признаковъ для образованія понятій о формахъ бытія происходитъ подъ руководствомъ уже сложившихся знаній объ относительной важности цѣлыхъ порядковъ свойствъ и связей; такъ, признакамъ постояннымъ и опредѣляющимъ придается большее значеніе сравнительно съ измѣнчивыми и зависимыми; причинная обусловленность представляетъ для познанія бо́льшую важность, чѣмъ простая послѣдовательность явленій, и т. под. Развитіе познанія есть движеніе впередъ, къ идеалу познанія, который ставится все съ большей ясностью и отчетливостью, опредѣляясь въ процессѣ

развитія и указывая путь и направленіе познавательной дѣятельности. Познаніе есть процессъ телеологическій (не въ абсолютномъ, а въ психологическомъ смыслѣ), причемъ не только его пріемы, но и его цѣль находятся въ процессѣ развитія; эта цѣль ставится все съ возрастающей сознательностью, и каждый шагъ въ направленіи къ ней учитъ и лучшей постановкѣ цѣли познанія, и болѣе правильному пути къ ней. Отношеніе всякаго познанія къ его цѣли служитъ основой для понятія познавательной цѣнности или разумности. Всякая цѣнность есть соотвѣтствіе требованію. Опредѣленіе общихъ требованій или, соотносительно, конечной цѣли познанія составляетъ вторую положительную задачу философіи. Она должна прежде всего установить идеалъ познанія по его формѣ и содержанію. Съ точки зрѣнія этого идеала, какъ конечной цѣли познавательнаго процесса, все человѣческое познаніе представляется, во-первыхъ, какъ процессъ съ опредѣленнымъ направленіемъ, во-вторыхъ, какъ градація цѣнностей, обосновываемыхъ общей цѣлью познанія. Поэтому, возникаетъ задача *понять* познаніе какъ цѣлесообразный процессъ, т. е., во-первыхъ, *объяснить*, какъ и почему совершается процессъ познанія въ опредѣленномъ направленіи, во-вторыхъ, *мотивировать*,—зачѣмъ, съ какою цѣлью происходитъ этотъ процессъ.

Здѣсь мы видимъ, что, когда рѣчь идетъ о телеологическомъ, т. е. сознательно-жизненномъ процессѣ, объясненіе и оцѣнка процесса сливаются; цѣнность опредѣляется цѣлью, а цѣль есть движущій мотивъ процесса. Понятію цѣлесообразности подчинена вся умственная жизнь людей, а цѣлесообразность процесса есть обращенная обусловленность; конечная цѣль есть основной мотивъ, опредѣляющій посредствующіе мотивы, средства, ведущія къ цѣли. Понять познаніе въ его обусловленности и въ его цѣнности можно лишь установивъ его отношеніе къ его всеобщей цѣли, какъ *факту* сознанія.

Такимъ образомъ, разсматривая познаніе въ его цѣломъ, какъ законченную систему, мы въ его отношеніи къ конечной цѣли находимъ и основу оцѣнки, и принципъ объясненія; гносеологическая проблема, въ ея предѣлахъ, рѣшается и генетически, и критически. Но здѣсь возникаетъ третья и важнѣйшая проблема философіи, — проблема о необходимости и цѣнности конечной цѣли познанія. Если каждый моментъ познанія понятенъ, какъ путь къ конечной цѣли, сознаніе которой является движущимъ мотивомъ умственной дѣятельности, то остается рѣшить, на чемъ основывается самая постановка конечной цѣли, чѣмъ объясняется самый фактъ познанія въ его законченномъ выраженіи? далѣе: если цѣнность каждаго момента познанія опредѣляется его конечной цѣлью,—то, возникаетъ вопросъ, въ чемъ состоитъ ея собственное достоинство, чѣмъ оправдываются высшія требованія познанія, на чемъ основывается цѣнность познавательнаго идеала? Этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ

въ предѣлахъ гносеологіи, которая не идетъ дальше опредѣленія конечной цѣли, какъ регулятива познанія, въ понятіи котораго соединяются принципъ объясненія и основа оцѣнки. Объектомъ гносеологіи является только познаніе, со всѣми его внутренними отношеніями; ея задача уразумѣть весь путь познанія съ начала до конца, съ перваго побужденія до конечной цѣли, но не выходя за предѣлы познанія. Гносеологія не можетъ ни объяснять, ни оцѣнивать познанія въ цѣломъ, на основаніи того, что не есть познаніе. Между тѣмъ познаніе не можетъ быть понятно внѣ его отношеній, оно не есть изолированный и самодовлѣющій процессъ; оно является лишь формой и проявленіемъ болѣе общаго и глубокаго основного процесса, — процесса жизни. Такимъ образомъ опредѣляется новая точка зрѣнія для объясненія и оцѣнки познанія, какъ цѣлаго; понять познаніе въ его общемъ значеніи можно лишь разсматривая его какъ явленіе жизни; жизнь есть конституирущее начало и основа оцѣнки познанія, какъ жизненнаго явленія. Объяснить познаніе, съ точки зрѣнія жизни, понять его жизненное значеніе, это составляетъ задачу *философіи жизни.*

Съ точки зрѣнія философіи жизни не только процессъ познанія, но и все содержаніе сознанія слагается изъ проявленій жизненнаго процесса, изъ *переживаній.* Философія жизни соразмѣрна всей сферѣ переживаній; она стремится понять жизненный процессъ въ его цѣломъ, въ его субъективномъ и объективномъ проявленіи и, наконецъ, въ его связи съ міровымъ процессомъ. Переживанія выступаютъ въ сознаніи въ трехъ видахъ: въ ихъ непосредственной данности (содержаніе объективнаго и субъективнаго опыта), въ ихъ познавательномъ опредѣленіи и въ ихъ чувственной окраскѣ. Это не значитъ, что переживанія разграничиваются на три отдѣльныя области: данность, познанность и субъективная цѣнность — это только различныя опредѣленія переживаній. Всѣ переживанія можно прежде всего разсматривать какъ непосредственно данное: воспріятіе внѣшнихъ явленій, процессъ познанія, состоянія воли и чувства. Вся область непосредственно даннаго является вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ познанія, отображается въ рефлексіи, выступаетъ въ познавательныхъ опредѣленіяхъ. Наконецъ, та же область непосредственныхъ переживаній служитъ предметомъ положительныхъ и отрицательныхъ стремленій и окрашивается въ ихъ цвѣтъ, требуется или отвергается непосредственнымъ содержаніемъ чувства. Философія жизни становится въ познавательное отношеніе ко всей сферѣ переживаній, ко всѣмъ сторонамъ ея содержанія; она стремится возвести непосредственно данное къ высшей обобщающей формѣ познанія, а самое познаніе понять въ его жизненномъ значеніи и, наконецъ, уразумѣть значеніе субъективныхъ стремленій и субъективной оцѣнки (чувство), приведя ихъ къ понятію объективной цѣнности, то есть жизненной необходимости.

Понятіе жизненной необходимости есть руководящее понятіе

философіи жизни. Это понятіе выражаетъ отношеніе жизни къ ея условіямъ, слѣдовательно — сводится къ обусловленности, къ зависимости жизни *отъ* условій ея осуществленія; но родъ этихъ условій, необходимыхъ *для* жизни, опредѣляется природой жизни, сущностью жизненнаго процесса. Здѣсь уже выясняется самая сущность жизни, какъ процесса, причинно обусловленнаго, и въ то же время активно создающаго условія своего осуществленія. Понятіе жизни становится центромъ философіи, къ которому все сводится и изъ котораго все вытекаетъ; оно является и высшимъ принципомъ объясненія, и послѣдней основой оцѣнки. Въ понятіи жизненной необходимости, въ которомъ принципъ объясненія и основа оцѣнки совпадаютъ, устанавливается то *основное отношеніе* жизни, какъ процесса, и міра, какъ его среды, къ которому стремится философія, какъ міровоззрѣніе, руководящее жизнью. Понятіемъ жизни, какъ объективнаго процесса, и понятіемъ отношенія жизни и среды, какъ объективнаго отношенія,— философія жизни связывается съ общимъ натуралистическимъ міропониманіемъ, подчиняется общимъ принципамъ истолкованія природы. Такимъ образомъ становится достижимымъ то единство и цѣльность міровоззрѣнія, которыя составляютъ конечную цѣль философіи.

III. Познаніе природы.

Признавая задачей философіи построеніе законченнаго міропониманія или общей теоріи бытія, слѣдуетъ прежде всего дать обоснованіе самой постановкѣ этой задачи. Всеобъемлющее единство познавательнаго синтеза имѣетъ своей предпосылкой единство познаваемаго и единство способа познанія. Единообразіе бытія, какъ всеобщаго предмета познанія, служитъ основой систематическаго единства его всеобщихъ опредѣленій. Ставя задачей обнять *все сущее*, философія должна отчетливо опредѣлить, *что же такое все? что такое сущее*, какъ основа философскаго синтеза?

Философія, какъ общая теорія бытія, ставитъ вопросъ о сущемъ и рѣшаетъ его всѣмъ своимъ содержаніемъ. Постановка общей проблемы сущаго требуетъ предварительнаго формально-логическаго анализа этого понятія: рѣшеніе проблемы — законченнаго синтеза опредѣленій бытія.

Формально-логическій анализъ имѣетъ цѣлью прежде всего обнаружить, скрывается ли въ понятіи бытія какое-нибудь содержаніе, или это совершенно пустая абстракція, фиктивная мысль, прикрытая словомъ безъ значенія. Своеобразная трудность этой проблемы основывается на томъ, что въ самой ея постановкѣ нерѣдко скрывается нѣкоторое ея предрѣшеніе, которое въ сущности дѣлаетъ проблему логически невозможной; это въ

случаѣ, когда ставится вопросъ объ абсолютной реальности. Въ проблемѣ о реальности, абсолютно независимой отъ мысленныхъ опредѣленій, скрывается внутреннее противорѣчіе, ибо въ этомъ случаѣ реальность одновременно и ставится въ соотношеніе къ мысли, какъ предметъ проблемы, и отрывается отъ нея, какъ абсолютно независимое. Задача становится невозможной, потому что мышленіе въ ней оперируетъ понятіемъ, устранивъ изъ него существенный призракъ.

Бытіе, реальность, сущее — синонимы; всѣ они выражаютъ одно и то же, вырастаютъ изъ общей почвы. И подобно тому, какъ растущее дерево, въ своемъ стремленіи вверхъ, никогда не можетъ подняться такъ высоко отъ земли, чтобы не корениться въ ней,—понятіе бытія, какъ высшее, всеобъемлющее обобщеніе, безчисленными нитями связано съ матеріаломъ, входящимъ въ его объемъ. Шопенгауэръ о понятіяхъ бытія, реальности, сущности и др. говоритъ: „Такія понятія ни въ какомъ случаѣ не первичны, не упали съ неба и не врождены: подобно всѣмъ понятіямъ, и они отвлечены отъ воззрѣній" *).

Въ настоящій моментъ мы имѣемъ въ виду анализъ *понятія* бытія, а не опредѣленіе предмета этого понятія; иными словами, намъ предстоитъ выяснить, что̀ значитъ *быть* (существовать), не изслѣдуя пока,—*каково* сущее по своимъ свойствамъ и отношеніямъ. Задача ставится чисто формальная.

„Въ законченномъ понятіи бытія,—говоритъ Вундтъ,—мыслятся соединенными *три* момента, которые, однако, другъ отъ друга различимы и представляютъ градацію трехъ понятій. Объ убывающей общности этихъ трехъ понятій бытія можно непосредственно судить по тремъ противоположностямъ, служащимъ дополняющими ихъ абстракціями. Противоположностью первой изъ формъ бытія служитъ *ничто*. Это бытіе, противоположностью котораго служитъ ничто, означаетъ просто лишь данность (das Gegebensein) какого-то объекта мышленія безъ всякихъ ближайшихъ опредѣленій. Затѣмъ къ этой первой, совершенно безсодержательной противоположности присоединяется вторая, болѣе опредѣленная противоположность бытія и *призрачности*. Бытіе, отличаемое отъ призрачности, означаетъ *объективную* данность нѣкотораго объекта мышленія, *дѣйствительность*. Наконецъ, третьей и послѣдней противоположностью оказывается противоположность бытія и становленія (des Werdens). Противопоставляемое становленію бытіе есть *неизмѣнная* данность, или пребывающее бытіе" **).

Опредѣляя бытіе, Вундтъ представляетъ градацію трехъ понятій убывающей общности. Наиболѣе общему понятію бытія

---

*) Шопенгауэръ. „Міръ какъ в. и пр.", т. II, гл. 17-я (стр. 176 русск. перев. Ю. Айхенвальда).

**) Вундтъ. „Система философіи", стр. 162—163 русск. перев.

подчинены менѣе общія понятія—объективной дѣйствительности и неизмѣнной данности съ ихъ антитезами. Объективность и призрачность, неизмѣнная данность и становленіе, это лишь формы сущаго, его ближайшія опредѣленія. Даже призрачность въ общемъ смыслѣ есть фактъ, бытіе, какъ психическій феноменъ; что же касается становленія, — то самое противоположеніе его бытію, какъ безусловно неизмѣнному, уже утратило смыслъ и имѣетъ лишь историческое значеніе. Во всякомъ случаѣ общее понятіе бытія обнимаетъ всѣ эти частныя опредѣленія. Поэтому слѣдуетъ анализировать наиболѣе общее понятіе бытія, которое, по Вундту, означаетъ данность неопредѣленнаго предмета мышленія.

Что же такое *данность* (das Gegebensein) мыслимаго? Ничто иное, какъ *бытіе для мышленія*. Въ этомъ опредѣленіи указывается основное соотношеніе бытія и мышленія, но самый вопросъ о бытіи остается открытымъ.

Формы рѣчи служатъ выраженіемъ формъ мышленія. Бытіе (сущее) есть производное отъ „быть“ (существовать); а понятіе „быть“, какъ неопредѣленная форма, есть обобщеніе трехъ подчиненныхъ понятій: „былъ“, „есть“, и „будетъ“. Эти модификаціи общаго понятія „быть“ съ совершенной ясностью показываютъ тотъ единственный смыслъ, который присущъ понятію бытія. Что выражаютъ эти формы и чѣмъ онѣ различаются между собою? Единственное, что онѣ выражаютъ, это—отнесеніе ко времени, а различаются лишь опредѣленіемъ времени, къ которому нѣчто относится (прошедшее, настоящее, будущее). Итакъ, если модификаціи понятія „быть“ („былъ“, „есть“ и „будетъ“) означаютъ отнесеніе *къ опредѣленному времени* (прошедшему, настоящему или будущему), то общее понятіе „быть“ выражаетъ отнесеніе *ко времени вообще*; никакого другого содержанія въ него не вносится. Отсюда видно, что общій смыслъ понятія бытія оказывается весьма прозрачнымъ; „быть“ значитъ относиться къ времени; бытіе выражаетъ всеобщую временную опредѣленность *). Это не безсодержательное понятіе, потому что временное опредѣленіе — единственный признакъ, входящій въ понятіе бытія—присущъ всему „данному, какъ предметъ мысли“.Но если этотъ признакъ устранить, исчезаетъ самое понятіе, остается пустое слово. Внѣвременное бытіе, это — внутреннее противорѣчіе; оно такъ же немыслимо, какъ и внѣпространственное протяженіе. Вѣчность, это — безпредѣльность времени. Когда говорятъ о вѣчно-сущномъ, какъ внѣвременномъ,—уничтожаютъ мысль сочетаніемъ взаимно исключающихъ опредѣленій.

Изъ того, что временное опредѣленіе есть признакъ, лежащій въ основѣ понятія „сущаго“ и потому универсальный,

*) „Схема дѣйствительности—это существованіе въ опредѣленное время“. Кантъ. „Крит. чист. раз“, 140 стр. (пер. Н. Соколова).

однако, не слѣдуетъ, что сущее, какъ содержанiе (то, что существуетъ) не имѣетъ иныхъ всеобщихъ опредѣленiй, кромѣ временнаго; такiя опредѣленiя мыслимы; не входя въ чистое понятiе сущаго, въ качествѣ основывающаго признака, такiя опредѣленiя покрываютъ его, какъ соразмѣрныя ему по объему и потому неразрывно съ нимъ сливаются. Дѣйствительность, какъ содержанiе бытiя, дана сознанiю не какъ нѣчто простое и безразличное, а какъ безгранично разнообразное. Уже сознавая ее какъ всецѣлость временно-опредѣленнаго, мы тѣмъ самымъ выносимъ ее за предѣлы текущаго момента, почти исчезающаго въ безпредѣльности времени; каждый моментъ времени со всѣмъ своимъ содержанiемъ лежитъ внѣ другихъ моментовъ, и дѣйствительность характеризуется, такъ сказать, какъ временное внѣположенiе своихъ моментовъ. Съ точки зрѣнiя времени все различiе сущаго состоитъ въ отнесенiи его къ различнымъ моментамъ; но содержанiе каждаго отдѣльнаго момента въ вѣчномъ потокѣ времени оказывается однообразно опредѣленнымъ. Моментъ, какъ предѣлъ времени, не даетъ принципа обособленiя; между тѣмъ и дѣйствительность одного момента безгранично сложна и разнообразна — и дана какъ внѣположенiе своихъ элементовъ. Въ чемъ же принципъ ея обособленiя? Это—пространство, всеобщая форма дѣйствительности. Всѣ части мiрового цѣлаго занимаютъ различное въ немъ положенiе; ихъ пространственная опредѣленность обособляетъ ихъ другъ отъ друга; такимъ образомъ, пространство составляетъ principium individuationis одновременнаго.

Пространственное опредѣленiе имѣетъ три формы убывающей общности; это — мѣстоположенiе, протяженiе и объемъ. Не всякое понятiе о пространственномъ содержитъ объемъ, какъ признакъ, — абстрактная линiя характеризуется только протяженiемъ; не все пространственное и протяженно,—абстрактная точка непротяженна, хотя мысленно относится къ мѣсту въ пространствѣ, опредѣленному по отношенiю ко всѣмъ другимъ его пунктамъ. Правда, непротяженная точка, какъ и протяженная линiя безъ ширины, есть предѣльное понятiе, но оно показываетъ, что, какъ въ понятiи протяженiя можно отвлечься отъ объема, такъ и въ понятiи положенiя можно отвлечься отъ протяженiя, — не отвлекаясь вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пространства. Только локальность является безусловно всеобщимъ пространственнымъ опредѣленiемъ. Локализацiя переживанiй,—вотъ сущность пространственнаго опредѣленiя. Цѣлый рядъ объективныхъ явленiй не можетъ быть представленъ, какъ протяженный (звукъ, теплота и т. п.), и тѣмъ не менѣе локализуется въ пространствѣ; даже психическiя переживанiя локально опредѣлены. Индивидъ для себя самого—совокупность переживанiй, ограниченныхъ предѣлами организма. Ранѣе всякой рефлексiи онъ уже различаетъ себя отъ среды,—именно благодаря локализацiи переживанiй. Въ

противопоставленіи индивида средѣ эти переживанія локализируются и отрицательно, и положительно: во всемъ безграничномъ пространствѣ они не происходятъ нигдѣ, кромѣ мѣста, занимаемаго индивидомъ; а въ этихъ предѣлахъ они съ большей или меньшей точностью относятся къ опредѣленнымъ частямъ организма *). На этомъ основывается возможность ставить въ связь оба порядка явленій: органическіе процессы и психическіе переживанія.

Итакъ, время и пространство—всеобъемлющія опредѣленія сущаго; ихъ сочетаніе служитъ формальной основой понятія *дѣйствительности* или объективной реальности. Реально то, что относится къ опредѣленному времени и пространству. Съ этой точки зрѣнія получаетъ основаніе различеніе *дѣйствительнаго* и *призрачнаго*. Призрачный образъ нельзя назвать несуществующимъ, но его можно признать не реальнымъ въ томъ смыслѣ, что онъ не занимаетъ *того* пространства, въ которое проэцируется. Образъ въ зеркалѣ не реаленъ, какъ образъ *позади* зеркала, но онъ дѣйствителенъ, какъ отраженіе свѣта на его поверхности. И призрачный образъ, и образъ отраженный,—оба объективно опредѣляются пространствомъ иначе, чѣмъ кажется. Дѣйствительность, по своему понятію, и есть объективная временно-пространственная опредѣленность. Это опредѣленіе имѣетъ чисто формальный характеръ. Каково бы ни было содержаніе сущаго, оно всецѣло опредѣляется временемъ и пространствомъ. Это положеніе имѣетъ огромную важность. Изъ него слѣдуетъ, что внѣ объективной реальности нельзя искать предмета для познанія, потому что понятіе о такомъ предметѣ нельзя реализовать въ сознаніи, въ силу его внутренней невозможности. Съ другой стороны, все дѣйствительное—всецѣло познаваемо, въ силу однородности своихъ универсальныхъ опредѣленій. Въ времени и пространствѣ все является величиной (какъ и они сами) и все взаимно соотносится. Этимъ единствомъ основныхъ опредѣленій всякаго бытія дается необходимая основа для универсальнаго познавательнаго синтеза.

Опредѣленіе сущаго, развитое выше, имѣетъ формально логическій характеръ. Теперь возникаетъ вопросъ, что же такое сущее, какъ *содержаніе* опыта, какъ предметъ всеобщаго понятія? что такое міръ, какъ нѣчто опредѣленное во времени и пространствѣ? *Что такое есть все?*

Вопросъ о содержаніи бытія не имѣетъ ничего общаго съ вопросомъ о трансцендентной сущности, первоосновѣ бытія. Метафизическая постановка вопроса заранѣе исключается опредѣленіемъ сущаго, какъ содержанія опыта. Понятіе о мірѣ именно и обнимаетъ всеобщее содержаніе опыта.

*) „Все пространственное бываетъ въ то же время и временнымъ, а все временное—вмѣстѣ съ тѣмъ и пространственнымъ". „Все нами дѣйствительно переживаемое имѣетъ пространственно-временный характеръ".- Вундтъ. „Система философіи". Стр. 77 и 78 русск. перев.

Это содержаніе человѣческаго понятія о мірѣ не есть нѣчто постоянное и безусловное. Опытъ, по выраженію Авенаріуса, есть *перемѣнное содержаніе* и въ своемъ развитіи проходитъ три главныя стадіи. Начальная стадія, это—*естественное понятіе о мірѣ*; вторая стадія состоитъ въ *варіаціяхъ* его содержанія, отклоняющихся отъ естественнаго понятія; наконецъ, третья стадія, это—*универсальное понятіе*, въ которомъ, съ устраненіемъ принципіальныхъ варіацій, возстановляется естественное понятіе о мірѣ.

Авенаріусъ слѣдующимъ образомъ описываетъ и характеризуетъ эти три стадіи.

Содержаніе начальнаго понятія о мірѣ совпадаетъ съ живымъ созерцаніемъ. Каждый человѣкъ съ того момента, какъ начинается его опытъ, находитъ себя съ своими чувствами и мыслями, въ окружающей его средѣ, въ которой находятся и другіе люди съ ихъ разнообразными высказываніями,—люди, ему подобные, съ такими же рѣчами и дѣйствіями; при этомъ высказыванія, какъ его самого, такъ и другихъ людей, оказываются зависимы отъ составныхъ частей и отношеній среды.

Естественное понятіе о мірѣ является начальнымъ всеобщимъ понятіемъ. Всѣ отклоняющіяся отъ него философскія теоріи могутъ, по отношенію къ нему, разсматриваться какъ *варіаціонныя явленія*. Основнымъ моментомъ, вызывающимъ такія варіаціи (измѣненія) является *интроэкція*.

Интроэкція есть *вкладываніе* въ человѣка внѣшняго и внутренняго міра. Пока мы остаемся на почвѣ естественнаго понятія о мірѣ—высказыванія другихъ людей представляются намъ выраженіемъ ихъ мыслей, желаній и чувствъ; но содержаніе такого допущенія *принципіально мѣняется*, когда мы всѣ эти переживанія мысленно помѣщаемъ *внутрь* людей, въ ихъ нервы и мозгъ, гдѣ, конечно, ихъ нельзя найти ни скальпелемъ, ни микроскопомъ, ни химическими реактивами. Подъ вліяніемъ интроэкціи индивиду приписывается обладаніе внутреннимъ міромъ.

Интроэкція внѣшняго міра совершается при посредствѣ понятія *воспріятія*. Пока человѣкъ относится къ своей средѣ чисто описательно, онъ находитъ въ ней только „вещи“, имѣетъ „воспріятіе вещей“. Но какъ только онъ начинаетъ относить свою среду (воспринятое) къ другому человѣку,—онъ невольно и безсознательно *вкладываетъ* въ него воспріятія этой среды. „Вещи“ (внѣшній міръ) его собственнаго опыта становятся „воспріятіями“ (внутреннимъ міромъ) другого человѣка; а затѣмъ интроэкція переносится имъ и на себя самого: среда становится для него и внѣшнимъ міромъ (объектомъ воспріятія, познанія) и вмѣстѣ съ тѣмъ внутреннимъ міромъ (воспріятіемъ, познаніемъ объектовъ).

Таково абстрактное опредѣленіе интроэкціи, общее всѣмъ ступенямъ культуры. Исторически на ея почвѣ развились разнообразныя формы анимизма и идеализма. Произведенная интро-

экціей двухсторонность другого человѣка постепенно превратилась въ двойственнаго человѣка, состоящаго изъ тѣла и души. Это раздвоеніе затѣмъ было перенесено на весь міръ, который распался на тѣлесное, эмпирическое бытіе, и на духовное, сверхъэмпирическое бытіе. Противоположеніе тѣлеснаго и духовнаго бытія развивается въ совершенный дуализмъ, который распространяется и на всю систему опыта. Опытъ, какъ содержаніе, какъ предметъ познанія (внѣшній міръ), относится къ области матеріальнаго бытія; напротивъ, опытъ, какъ воспріятіе, познаніе—относится къ духовному бытію; благодаря этому „бытіе“ и „познаніе“ становятся *несравнимыми* между собой и *недостижимыми* другъ для друга. Наконецъ, внѣшній міръ, какъ таковой, перестаетъ существовать,—онъ превращается въ *„мое представленіе“*.

Достаточно прослѣдить весь этотъ процессъ, чтобы убѣдиться въ несостоятельности интроэкціи. Изслѣдуя различные комплексы и ряды нашего опыта, мы можемъ находить между ними отношенія зависимости: такъ, нашъ центральный нервный аппаратъ находится въ физически-функціональной зависимости отъ среды, а наши переживанія въ логически-функціональной зависимости отъ измѣненій центральнаго нервнаго аппарата. Но это еще не даетъ основанія помѣщать одинъ комплексъ или рядъ („я“ „переживанія“) внутри другого ряда („тѣло“, „мозгъ“). Такое допущеніе въ сущности не имѣетъ никакого смысла и стоитъ въ принципіальномъ противорѣчіи съ непосредственнымъ содержаніемъ опыта. Поэтому интроэкція подлежитъ выключенію со всѣми ея послѣдствіями.

Съ устраненіемъ интроэкціи исчезаетъ моментъ, вызывающій варіаціи естественнаго понятія о мірѣ: эти варіаціи происходили *фактически*, но не были *необходимы*. На мѣсто интроэкціи становится основное и постоянное соотношеніе моего опыта: „я“ и „моя среда“ (принципіальная координація), и такимъ образомъ возстановляется естественное понятіе о мірѣ. Понятіе о мірѣ, образуемаго въ результатѣ этого развитія, по содержанію и формѣ опредѣляется наиболѣе общими и повторяющимися моментами среды и конечнымъ, общимъ для всѣхъ людей, состояніемъ центральнаго нервнаго аппарата. Поэтому оно будетъ понятіемъ мыслимо наибольшей установимости и, какъ таковое, можетъ быть названо *универсальнымъ понятіемъ о мірѣ*.

Необходимо отмѣтить, что общій ходъ развитія человѣческой мысли представленъ въ схемѣ Авенаріуса въ не совсѣмъ правильномъ освѣщеніи. Конечное понятіе о мірѣ, по его содержанію, является возстановленнымъ начальнымъ понятіемъ, измѣнившимся лишь по его формально-логической характеристикѣ. Весь періодъ „варіацій естественнаго понятія о мірѣ“, происходившихъ подъ вліяніемъ интроэкціи, представляется блужданіемъ человѣческой мысли по лабиринту абсурдовъ и безысходныхъ противорѣчій. Третья стадія развитія имѣетъ характеръ **не син-**

теза двухъ предшествующихъ стадій въ высшемъ міровоззрѣніи, но простого отрицанія стадіи заблужденій и возвращеніемъ къ начальному „естественному понятію о мірѣ“. Между тѣмъ интроэкція, несостоятельная съ точки зрѣнія достигнутой въ позднѣйшемъ развитіи, имѣла значеніе познавательнаго приспособленія, съ помощью котораго совершалась огромная работа описанія и группировки явленій, накопленія и систематизаціи знаній; благодаря этому приспособленію первоначально установлены основныя различія въ содержаніи опыта и соотношеніе отдѣльныхъ его областей. Если взять содержаніе опыта въ его цѣломъ,— въ немъ слѣдуетъ различать рядъ „вещи“ (явленія природы, организмъ и его процессы) и рядъ „переживанія“ (ощущенія, образы, мысли, чувства, хотѣнія); между обоими рядами въ извѣстныхъ предѣлахъ (комплексъ „я“—организмъ и переживанія) существуетъ соотношеніе, напримѣръ., уколъ пальца ощущается какъ боль въ немъ, чувство страха связывается съ сильнымъ біеніемъ или замираніемъ сердца и т. д. Интроэкція служитъ первичной формой установленія этихъ связей и отношеній; человѣкъ „находитъ“, что онъ видитъ глазами, ощущаетъ прикосновеніе и боль всей поверхностью организма, чувствуетъ сердцемъ, думаетъ мозгомъ. Правда, нельзя признавать правильнымъ представленіе, что мысли помѣщаются въ мозгу, боль—въ уколотомъ пальцѣ, чувство въ сердцѣ и т. д. Части организма, это— зрительно-осязательные комплексы, и въ нихъ ничего нельзя найти, кромѣ зрительныхъ и осязательныхъ элементовъ. Интроэкція, какъ вкладываніе ряда переживаній въ рядъ вещей, слѣдовательно—какъ форма представленія—несостоятельна и должна быть устранена; но она содѣйствовала познанію *отношенія* этихъ двухъ рядовъ, привела къ цѣнному результату, и поэтому ей нельзя отказать въ познавательной цѣлесообразности на первыхъ стадіяхъ „мыслящаго разсмотрѣнія вещей“.—Представленіе всеобщей одушевленности на первобытной стадіи культурнаго развитія было также познавательно-цѣлесообразнымъ. Для первобытнаго міровоззрѣнія, еще не затронутаго интроэкціей, всѣ окружающія явленія представлялись совершенно случайными и хаотическими; въ сочетаніи частей, въ ходѣ событій окружающей среды человѣкъ не видѣлъ ни внутренняго смысла, ни закопосообразности. Для него были понятны лишь связь и послѣдовательность собственныхъ движеній, и затѣмъ движеній другихъ людей. Все остальное представлялось ему внѣ связи и порядка, подобно случайнымъ порывамъ вѣтра. Если даже въ его памяти и врѣзывались нѣкоторыя постоянныя соотношенія,—онъ не могъ и не стремился ихъ „объяснить“ себѣ, т. е. поставить въ связь съ другими, болѣе широкими и простыми, соотношеніями. Но когда въ представленіи людей, подъ вліяніемъ итроэкціи, произошло раздвоеніе человѣческаго существа на тѣло и душу, служившую принципомъ объясненія человѣческихъ дѣйствій,—

явилась возможность во всѣ предметы міра вложить душу, какъ объясняющій принципъ. Въ этой формѣ человѣкъ перенесъ содержаніе собственнаго опыта на всѣ явленія окружающей среды и путемъ этой „основной метафоры“ или, въ терминахъ логики, основной подводящей апперцепціи первобытнаго ума, внесъ во всѣ происходящія событія внутренній смыслъ, понятную для него связь и послѣдовательность: эта понятность хода событій, казавшихся раньше случайными и безсвязными, основывалась на томъ, что человѣкъ внесъ въ явленія міра *обусловленность въ формѣ мотиваціи*. Теперь для него движенія небесныхъ свѣтилъ, порывы вѣтра, шумъ деревьевъ, теченіе рѣкъ и ручьевъ, движеніе облаковъ и тучъ, блескъ молніи, раскаты грома и т. д.—все это перестало быть хаотической и слѣпой игрой случая; представленіе всеобщей одушевленности побуждало его искать всюду связь и сводить ее къ опредѣленнымъ мотивамъ. Мотивація представляла общую схему міропониманія. Содержаніе, которымъ пополнялась эта схема, черпалось въ наблюденіи окружающихъ явленій, накоплялось въ обобщеніяхъ связи и порядка совершающихся процессовъ и фиксировалось въ представленіи свойствъ и характеровъ существъ, руководящихъ ходомъ событій *). Самая типичная форма причинности—мотиваціи, какъ *объясненія* явленій, выступаетъ въ миѳологическихъ истолкованіяхъ солнечнаго цикла и другихъ космическихъ явленій, человѣческой судьбы и т. под.

Мотивація есть общее выраженіе опыта собственной личности (комплекса „я“), перенесенное, при посредствѣ интроэкціи, на составныя части среды. Съ помощью этой схемы опыта было достигнуто первоначальное оріентированіе въ окружающихъ явленіяхъ, признаніе принципіальной однородности между всѣми предметами и объединяющій принципъ объясненія. Сложившееся на этой почвѣ міровоззрѣніе было посредствующимъ фазисомъ при переходѣ отъ примитивнаго „естественнаго“ представленія міровой хаотичности къ представленію міровой закономѣрности. Въ предѣлахъ этого фазиса постепенно происходили глубокія преобразованія человѣческаго міропониманія по его содержанію. Накопленіе знаній о порядкѣ и связи міровыхъ явленій, о дѣйствительномъ ихъ характерѣ, ихъ сходствахъ и различіяхъ вытѣснило первобытную идею объ одушевленности всѣхъ отдѣльныхъ вещей. Духи, дѣйствующіе въ явленіяхъ, обобщались соотвѣтственно группировкѣ явленій и систематизаціи знаній, утрачивали личный характеръ и постепенно превратились въ

*) „Миѳы и легенды могутъ сдѣлаться формами, въ которыхъ пониманіе природы и память о великихъ людяхъ оказываютъ свое вліяніе на жизнь цѣлаго рода: символическій языкъ догмъ позволяетъ позднѣйшимъ поколѣніямъ использовать содержаніе серьезнѣйшихъ и важнѣйшихъ жизненныхъ опытовъ, отлившихся въ сосредоточенную и концентрированную форму“. Геффдингъ. „Философія религіи“. § 67.

„начала“, „сущности“, „силы“ и подобные имъ абстрактные символы отдѣльныхъ областей и порядковъ дѣйствительности. Когда этимъ понятіямъ придается объективная реальность, какъ дѣйствующимъ въ вещахъ или за вещами началамъ, — они представляютъ форму интроэкціи; таковы всѣ метафизическія построенія. Но какъ символы, въ которыхъ фиксируется вся сумма знаній о постоянныхъ и опредѣленныхъ типахъ происходящаго и пребывающаго,—они составляютъ цѣнное содержаніе человѣческаго понятія о мірѣ.

На третьей стадіи развитія содержаніе человѣческаго понятія о мірѣ является глубоко преобразованнымъ. Интроэкція, въ формахъ которой слагалось это содержаніе, отпадаетъ, какъ отмершая оболочка старины, не соотвѣтствующая новому міровоззрѣнію. Но это міровоззрѣніе по своему содержанію не есть простое возстановленіе начальнаго естественнаго воззрѣнія на міръ, незатронутато никакими теоріями. Образъ міра для первобытнаго воззрѣнія и для научно-философскаго разсмотрѣнія глубоко различенъ. Дикарь не видѣлъ въ явленіяхъ міра всеобщей связи и порядка; по выраженію Шиллера, „природу созерцалъ онъ мертвыми очами“; всецѣло поглощенный частными явленіями, онъ не возвышался до представленія общаго образа природы, ея прошедшаго и будущаго. Природа, какъ таковая, для него, собственно говоря, не существовала. Природа есть сущее въ опредѣленіяхъ закономѣрности *). Эту закономѣрность нельзя видѣть глазами; она выступаетъ въ сознаніи въ результатѣ накопленія и организаціи опыта въ теченіе многовѣковой умственной работы человѣчества. Но когда въ сознаніи людей уже сложились познавательные синтезы—общія представленія и понятія о явленіяхъ, классахъ и отношеніяхъ—они при каждомъ частномъ созерцаніи присоединяются къ его содержанію, какъ ассимилирующія схемы опыта; явленіе вводится въ общую связь познаваемато, новый опытъ сливается съ накопленнымъ и организованнымъ опытомъ, созерцаніе становится осмысленнымъ; самое содержаніе опыта преобразуется. Представимъ, что мы случайно взглянули на опрокинутую картину, изображающую горный ландшафтъ; мы не видимъ въ ней ничего, кромѣ случайно набросанныхъ красокъ, причудливыхъ и неуловимыхъ линій; мы не въ состояніи обнять ея общихъ очертаній и соотношенія частей, нашъ взоръ теряется въ безчисленныхъ и непонятныхъ частностяхъ. Но поставимъ картину, какъ слѣдуетъ—и мы сразу увидимъ не цвѣтныя пятна и линіи,—а горную цѣпь съ снѣговыми вершинами и склонами, покрытыми лѣсомъ, зеленыя долины внизу и голубой воздухъ съ различными оттѣнками, окрашивающій весь ландшафтъ. Всего этого мы раньше *не видѣли*, теперь

*) „*Природа* есть *существованіе* (Daseyn) вещей, насколько оно опредѣлено общими законами“—Кантъ. „Пролегомены“ § 14..

видимъ; содержаніе нашего созерцанія существенно преобразовалось.

Если отъ картины обратиться къ созерцанію дѣйствительныхъ горъ,—то и оно существенно измѣняется сообразно степени и характеру знаній. Напримѣръ полудикій горецъ и ученый геологъ смотрятъ на горы совершенно различными глазами. Какъ въ общемъ очертаніи, такъ и въ подробностяхъ открывающагося вида горецъ видитъ много такого, что ускользаетъ отъ взоровъ геолога, независимо отъ степени зоркости; и наоборотъ—какой-нибудь обнаженный край горной рытвины, не останавливающій на себѣ взгляда туземца, сразу бросается въ глаза геологу, который однимъ взглядомъ схватываетъ породу и чередованіе горныхъ пластовъ, читая въ нихъ исторію горообразующаго процесса и проникая во внутреннее строеніе горы, открытое здѣсь для его взора, но скрытое для людей, незнакомыхъ съ геологіей. Онъ видитъ общее направленіе горной цѣпи, характеръ склоновъ и долинъ, мощность массива и пр.—и связываетъ все это въ цѣльный образъ, въ которомъ обрисовывается для него общій типъ горной системы. Предъ его взорами открывается болѣе полная и стройная картина, чѣмъ передъ глазами человѣка несвѣдующаго. Вообще полнота созерцанія зависитъ отъ глубины пониманія. Смотрѣть не понимая значитъ не видѣть. Пониманіе позволяетъ человѣку на основаніи отрывочнаго впечатлѣнія схватить сложный комплексъ отношеній, связать ихъ въ цѣльный образъ, организующійся съ элементами созерцанія.

Изъ этого слѣдуетъ, что содержаніе понятія о мірѣ должно было существенно измѣняться съ умственнымъ развитіемъ человѣчества, съ накопленіемъ и организаціей знаній. Начальнымъ моментомъ развитія было представленіе міра, какъ хаоса, въ которомъ господствуетъ случай. Конечнымъ моментомъ является представленіе всеобщей и необходимой связи явленій, единообразнаго и закономѣрнаго порядка міра; иными словами—пониманіе сущаго какъ *природы*. Природа составляетъ содержаніе универсальнаго понятія, которое служитъ выраженіемъ всей суммы и общей связи накопленныхъ знаній, фиксированныхъ въ основномъ строеніи человѣческой мысли.

Содержаніе универсальнаго понятія есть сущее, какъ природа. Природа—это сущее, мыслимое въ его единствѣ, какъ всеобщая и необходимая связь, единообразный и закономѣрный строй міра. Поэтическое выраженіе этому понятію даетъ Карлейль: „Вселенная, природа—это сила, совокупность силъ, сложенныхъ на тысячу ладовъ. Громадный, безпредѣльный вихрь силы, объемлющій насъ здѣсь: вихрь никогда не стихающій, столь же высоко вздымающійся, какъ сама необъятность, столь же вѣковѣч-

ный, какъ сама вѣчность" (О герояхъ, л. I). Эта метафора рисуетъ могучее движеніе и всеобщую связь природы, не отмѣчая ея единообразія и закономѣрности. Но изображеніе природы въ терминахъ силы приводитъ къ полнотѣ ея опредѣленій. Понятіе силъ природы есть обобщеніе опредѣленнаго рода причинныхъ отношеній,—слѣдовательно единообразій, постоянныхъ формъ дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія природа можетъ быть опредѣлена, какъ сочетаніе силъ, закономѣрно развивающихся въ потокѣ явленій.

Понятіе природы, какъ закономѣрной связи бытія, употребляется въ двухъ смыслахъ: во-первыхъ, въ смыслѣ всеобщей связи явленій и единства ихъ основныхъ опредѣленій (природа міра); во-вторыхъ, въ смыслѣ внутренней связи явленія, частной формы бытія (природа явленія). Въ терминахъ динамики природа, какъ содержаніе всеобщаго понятія, есть сочетаніе силъ, образующихъ вселенную и развивающихся въ ней; какъ содержаніе частнаго понятія, природа есть сочетаніе силъ, образующихъ явленіе и дѣйствующихъ въ немъ *).

Понятіе природы, какъ всеобщей и закономѣрной связи явленій, имѣетъ то же самое содержаніе, что и понятіе единообразнаго порядка міра, составляющее основу индукціи. Только въ силу нѣкоторой неясности мысли можно задаваться вопросомъ: на какомъ основаніи мы признаемъ въ природѣ связь, единообразіе и закономѣрность? Понятіе природы есть синтезъ этихъ опредѣленій и безъ нихъ оно падаетъ. Постановка вопроса должна быть такая: какъ образуется и на чемъ основывается самое понятіе природы, какъ универсальной связи и закономѣрности бытія? Выясненіе вопроса слѣдуетъ начать съ элементовъ этой связи и закономѣрности.

Элементарное содержаніе человѣческаго опыта составляютъ простыя переживанія, называемыя ощущеніями. Ощущенія, это—первичныя испытыванія процесса жизни съ его реакціями на воздѣйствія среды. Пока они не сложились въ живые чувственные образы,—они не образуютъ опыта, являясь лишь его элементами; таковы начальныя длительныя испытыванія голода, боли, прикосновенія, холода и тепла, звука, свѣта и т. п. Уже этимъ элементамъ опыта присущи опредѣленія, которыя потомъ переносятся и на всю систему опыта, именно,—*качество* ощущеній (различія вкусовъ, звуковъ, цвѣтовъ и пр.),—какъ элементарное познавательное содержаніе, и *чувственный тонъ ихъ* (окраска пріятнаго или непріятнаго), какъ элементарное содержаніе оцѣнки **). И качество ощущеній, и ихъ чувственный тонъ характе-

---

*) Сравн. „Крит. чист. раз."—Транс. діал., II кн., 2 отд., гл. 1.

**) Чувственный тонъ (или аффекціональная окраска), однако, не всегда присущъ ощущеніямъ; между положительной и отрицательной аффекціональной окраской находится, какъ предѣльная величина той и другой, аффекціональное безразличіе, при которомъ въ ощущеніяхъ не замѣтно чувственнаго тона.

ризуются *интенсивностью*; при этомъ интенсивность качества ощущеній вліяетъ на ихъ чувственный тонъ, и на оборотъ, степень тона въ извѣстной мѣрѣ отражается и на качествѣ ощущеній. Ритмичность процесса жизни и повторяемость явленій окружающей среды приводятъ къ тому, что уже въ первые моменты жизни пробудившагося сознанія устанавливаются опредѣленныя связи, постоянные комплексы ощущеній, постепенно слагающіеся въ живые чувственные образы. Синтезъ ощущеній въ живой образъ есть *воспріятіе*.

Наибольшимъ богатствомъ содержанія, постоянствомъ и опредѣленностью связей отличаются зрительные образы, вокругъ которыхъ поэтому группируются ощущенія изъ сферы другихъ чувствъ: слуха, осязанія, мускульнаго чувства и пр. Зрительный образъ является какъ бы центромъ притяженія, собирающимъ всѣ другія ощущенія; такъ, напримѣръ, колоколъ воспринимается какъ опредѣленный зрительный образъ; комплексъ элементовъ—ощущеній, изъ которыхъ слагается этотъ образъ, становится болѣе сложнымъ и богатымъ послѣ удара въ колоколъ; въ этотъ моментъ мы видимъ дрожаніе его стѣнокъ, слышимъ звукъ; приложивъ руку къ мѣсту удара, мы испытываемъ теплоту и осязаемъ вибрацію; всѣ эти ощущенія мы относимъ къ зрительному образу, связываемъ съ нимъ, сплочивая ихъ въ одно сложное воспріятіе; такой же путь синтеза проходитъ сознаніе и въ первые моменты своей жизни, когда впервые слагаются конкретные образы.

Синтезъ воспріятія составляетъ первоначальную форму опыта. Посредствомъ него устанавливаются основныя связи бытія, присущія всякому опыту. Какъ ни разнообразно содержаніе воспріятія,—но длительность и протяженность характеризуютъ всѣ чувственные образы, кѣмъ бы они ни испытывались; въ индивидуальномъ воспріятіи уже даются всеобщія и необходимыя опредѣленія опыта; они не сознаются, какъ таковыя, но они повторяются при каждомъ актѣ чувственнаго синтеза. Въ дальнѣйшемъ развитіи опыта, въ процессѣ установленія связей между живыми образами, эти опредѣленія, не связанныя неразрывно съ какимъ-либо спеціальнымъ содержаніемъ, обособляются отъ него и фиксируются въ сознаніи, какъ всеобщая среда воспріятій; тогда они образуютъ всеобщія формы созерцанія — время и пространство,—первыя и основныя *единообразія* опыта, отлагающіяся въ сознаніи; ими опредѣляется всякое воспріятіе, т. е. всѣ воспріятія всѣхъ людей и существъ аналогично организованныхъ.

Напротивъ, самыя воспріятія и ихъ элементы — ощущенія образуютъ первыя *многообразія* опыта Во всякомъ сложномъ комплексѣ качество, тонъ, интенсивность и соотношеніе элементовъ разнообразны; элементы и элементарныя связи именно и опредѣляются этимъ своеобразіемъ. Но элементарное въ комплексѣ есть въ то же время общее для ряда комплексовъ, въ которые

оно входитъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Эти сочетанія также имѣютъ различную степень своеобразія и общности; чѣмъ проще связь, тѣмъ въ большемъ числѣ комплексовъ она повторяется; чѣмъ она сложнѣе, тѣмъ, такъ сказать, индивидуальнѣе. Поэтому уже въ первый періодъ синтетической дѣятельности сознанія начинаютъ въ немъ выдѣляться наиболѣе постоянныя и общія связи, которыя составляютъ *единообразія второго порядка*.

Такими единообразіями являются постоянныя отношенія между общими свойствами вещества: видимостью, осязаемостью, сцѣпленіемъ, тяжестью и пр. Въ первые моменты жизни сознанія, правда, отсутствуютъ отвлеченныя понятія вещества, свойства и связи, постоянства и общности; но тѣ отношенія, которыя резюмируются въ этихъ понятіяхъ, повторяются при всякомъ актѣ воспріятія и потому отлагаются и фиксируются въ сознаніи какъ постоянныя и общія опредѣленія *даннаго*, непосредственно *замѣчаемыя*. Соотношеніе наиболѣе общихъ свойствъ вещества соотвѣтствуетъ соотношенію общихъ способовъ воспріятія, т. е. психофизической организаціи человѣка.

Синтезъ воспріятія въ первый періодъ жизни сознанія имѣетъ субъективный характеръ; по своему содержанію онъ всецѣло опредѣляется случайнымъ положеніемъ, въ моментъ воспріятія, даннаго индивида относительно его среды. Съ каждой перемѣной положенія содержаніе его воспріятія измѣняется; въ большей или меньшей степени оно отличается и отъ воспріятій другихъ людей, никогда не переходя въ тождество. Субъективны и общія формы воспріятій. Время испытывается какъ длительность переживаній, — то медленная, то быстрая, въ зависимости отъ ихъ разнообразія и аффекціональной окраски. Только съ накопленіемъ опыта о неизмѣнной періодичности нѣкоторыхъ процессовъ природы образуется въ сознаніи человѣка мѣра объективнаго, однороднаго теченія времени. Пространство испытывается какъ поле зрѣнія, въ формѣ полусферы, обширность которой можетъ мѣняться, въ зависимости отъ состояній нервной системы и органовъ зрѣнія *); отчетливость пространственной интуиціи, наиболѣе высокая въ предѣлахъ, доступныхъ осязанію руками, гдѣ происходитъ синтезъ пространства зрѣнія и пространства осязанія, уменьшается съ разстояніемъ и, наконецъ, утрачивается, вслѣдствіе чего созерцаемое пространство представлется сферически ограниченнымъ **); перспектива существуетъ

*) Расширеніе пространства испытывается, напримѣръ, подъ вліяніемъ опіума; Де-Кинси, описывая свое состояніе, вызванное опіумомъ, говоритъ, что „зданія и ландшафты представлялись ему въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, которые не могутъ быть восприняты тѣлеснымъ окомъ. *Пространство раздувалось* и расширялось до предѣловъ невыразимой безконечности.“ — См. Спенсеръ, „Основанія психологіи“, т. II, § 333.

**) Махъ приводитъ слѣдующее наблюденіе надъ своимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ: „Дитя выходитъ впервые за городъ, на большой лугъ, осматри-

лишь для земныхъ разстояній: видъ звѣзднаго неба лишенъ перспективы; всѣ видимыя небесныя тѣла представляются намъ одинаково удаленными. Далѣе, ближайшее къ индивиду пространство представляется большимъ, отдаленное—уменьшается съ разстояніемъ; соотвѣтственно этому опредѣляется и величина живыхъ чувственныхъ образовъ: эти образы измѣняются также въ зависимости отъ ихъ положенія въ полѣ зрѣнія; они исчезаютъ, когда прекращается актъ воспріятія. Пока воспріятіе длится, эти образы представляются пребывающими, или мѣняющимися пространственно и качественно. Но образы воспріятія, пока чувственный синтезъ ограничивается ими, еще не составляютъ объектовъ опыта, то-есть явленій, опредѣленныхъ въ объективномъ времени и пространствѣ, независимо отъ преходящихъ актовъ воспріятія. Синтезъ *родового сознанія*, общаго всѣмъ людямъ въ силу однородности ихъ основной психо-физической организаціи, развивается дальше въ направленіи къ большей полнотѣ и законченности чувственнаго синтеза, *къ постановкѣ объективнаго міра*.

Первый моментъ этого процесса составляетъ законченное обобщеніе акта воспріятія. Фактическое воспріятіе въ каждый отдѣльный моментъ обнимаетъ полусферу поля зрѣнія съ ея содержаніемъ, перемѣщающимся въ зрительномъ полѣ отъ малѣйшаго движенія человѣческой головы, и даже однихъ глазъ, вслѣдствіе чего одна часть этого содерженія, исчезая, замѣщается новымъ содержаніемъ. При этомъ поле зрѣнія, какъ форма, остается неизмѣннымъ,—но не тѣмъ же самымъ, такъ какъ положеніе его относительно человѣческаго тѣла представляется различнымъ (верхъ, низъ, правая, лѣвая сторона и пр.); постоянно лишь его положеніе относительно глазъ. Когда человѣкъ дѣлаетъ полный оборотъ головы, непрерывно перемѣщающееся при этомъ поле зрѣнія въ послѣдній моментъ совпадаетъ съ начальнымъ полемъ зрѣнія какъ тождественное съ нимъ по положенію и содержанію. Второй поворотъ человѣка, въ томъ же или обратномъ порядкѣ, непрерывно возстановляетъ поле зрѣнія всѣхъ предыдущихъ моментовъ. Безчисленныя движенія человѣка въ теченіе его сознательной жизни, перемѣщающія поле зрѣнія во всѣхъ направленіяхъ, совпадающихъ съ прежними, приводятъ къ сліянію всѣхъ отдѣльныхъ зрительныхъ полей, непосредственно испытываемыхъ, въ одно сплошное, непрерывное цѣлое,—въ полное интуитивное пространство, независимое отъ отдѣльныхъ актовъ воспріятія, пребывающее при всѣхъ перемѣщеніяхъ поля зрѣнія. Интуитивное пространство есть идеальное поле зрѣнія, ежемгновенно и всесторонне реализуемое фактическимъ созерцаніемъ. Но постановка этого пространства, какъ синтетическаго

вается по сторонамъ и съ удивленіемъ говоритъ: „мы въ шарѣ: весь міръ это голубой шаръ." Analyse d. Empf.

поля зрѣнія, выходящаго за предѣлы каждаго наличнаго зрительнаго поля, выводитъ за эти предѣлы и общее его содержаніе, которое поэтому и полагается какъ независимое отъ фактическаго воспріятія. А такая независимость и составляетъ моментъ объективности. Всеобщее содержаніе пространства есть объективный міръ. Когда для человѣка возникаетъ объективный міръ,—преобразуется и значеніе наличныхъ образовъ воспріятія: они координируются въ „объекты", пространственно опредѣленные, независимые отъ акта воспріятія, лишь по временамъ вступающіе въ поле зрѣнія; поэтому они принимаются не только какъ данные (въ актѣ воспріятія), но и какъ существующіе (въ пространствѣ).

Независимость интуитивнаго пространства отъ непосредственнаго воспринимавія есть моментъ объективности, но не полная объективность; какъ синтетическое поле зрѣнія оно представляется субъективнымъ по своимъ опредѣленіямъ,—сферическимъ, ограниченнымъ, неоднороднымъ. Соотвѣтственно этому и предметы, существующіе въ немъ, представляются неоднородными и непостоянными въ своихъ пространственныхъ опредѣленіяхъ; напримѣръ, высокая цилиндрическая башня имѣетъ видъ конусообразный; флюгеръ представляется маленькимъ на шпицѣ башни и большимъ на землѣ; мѣсяцъ, громадный, у горизонта, уменьшается на видъ по мѣрѣ восхода, хотя онъ созерцается подъ однимъ и тѣмъ же угломъ зрѣнія. Такимъ образомъ разстояніе и положенія въ интуитивномъ пространствѣ измѣняютъ форму и величину предметовъ. Объекты, различно данные въ полѣ зрѣнія, становятся для человѣка различно сущими въ пространствѣ, какъ синтетической формѣ созерцанія.

Дальнѣйшій моментъ постановки объективности состоитъ въ устраненіи субъективныхъ опредѣленій пространства, какъ зависимыхъ отъ его соотношенія къ созерцающему индивиду,—въ постановкѣ всесторонней однородности и безпредѣльности пространства. Такое преобразованіе субъективнаго чувственнаго пространства въ объективное (геометрическое) пространство опыта совершается интуитивнымъ же способомъ. Каждый человѣкъ имѣетъ вокругъ себя сферу своихъ обычныхъ движеній, какъ сферу наиболѣе отчетливой пространственной интуиціи. Въ ея предѣлахъ онъ непроизвольно, въ силу безчисленныхъ сопоставленій и совпаденій опыта, свѣряя зрѣніе съ осязаніемъ, приводитъ всѣ пространственныя свойства и отношенія предметовъ (форму, размѣры, промежутки между ними) къ нѣкоторой постоянной, опредѣленной, „дѣйствительной" величинѣ. Эта сфера совершенно установившихся для него пространственныхъ отношеній служитъ нормой для опредѣленія пространственныхъ свойствъ и отношеній всѣхъ явленій въ мірѣ. „Дѣйствительный" видъ (величина и форма) всѣхъ предметовъ, близкихъ и далекихъ,—это такой, какой они представляютъ въ непосредственной

близости, — въ сферѣ отчетливой, устанавливающейся пространственной интуиціи. Значительныя передвиженія человѣка ведутъ къ тому, что удаленные раньше предметы вступаютъ въ сферу отчетливой интуиціи и приводятся къ ихъ настоящей величинѣ. Постоянное повтореніе такихъ опытовъ вызываетъ въ человѣкѣ сознаніе, что сфера отчетливой, нормальной пространственной интуиціи можетъ быть расширяема во всѣхъ направленіяхъ, безъ всякихъ ограниченій: куда бы человѣкъ ни направлялся и сколько бы онъ ни двигался, вездѣ онъ найдетъ вокругъ себя „дѣйствительныя“ пространственныя величины и формы. Такъ укрѣпляется въ немъ сознаніе всесторонней и неограниченной однородности пространства. Объективное пространство есть универсальный синтезъ всѣхъ возможныхъ сферъ совершенной пространственной интуиціи. Коллективный опытъ завершаетъ постановку объективнаго пространства, совершившуюся путемъ обобщающаго синтеза индивидуальной интуиціи; но этотъ моментъ относится къ дальнѣйшей стадіи нашего изложенія. Основой синтеза объективнаго пространства во всякомъ случаѣ служитъ индивидуальный опытъ, который является не отдѣльнымъ, а множественнымъ опытомъ индивидуума, всесторонне сравнимымъ и сводимымъ къ единству.

Съ выполненіемъ законченной постановка объективнаго пространства, и находящіяся въ немъ явленія получаютъ законченную пространственную опредѣленность. Ихъ пространственныя свойства (форма и величина) становятся однородными во всѣхъ частяхъ пространства, какъ однородно само пространство во всѣхъ своихъ частяхъ. Именно эта всесторонняя однородность пространства, переносимая на все его содержаніе, дѣлаетъ всѣ явленія въ ихъ пространственныхъ свойствахъ совершенно независимыми отъ ихъ положенія относительно человѣка. Они становятся объектами въ полномъ значеніи этого слова.

Всѣ явленія объективнаго міра наблюдаются или какъ постоянныя сочетанія свойствъ, или какъ сочетанія, послѣдовательно измѣняющіяся: въ первомъ случаѣ они опредѣляются какъ *предметы*, во второмъ — какъ *процессы*; *явленія* — это общее названіе предметовъ и процессовъ міра, различіе между которыми для познанія является лишь относительнымъ. Всѣ явленія представляются въ ихъ единствѣ и обособленности; это единство каждаго явленія и обособленіе его отъ другихъ основывается на ихъ временно-пространственномъ опредѣленіи. Чувственный синтезъ явленія вообще возможенъ лишь путемъ отнесенія всѣхъ его признаковъ къ опредѣленному времени и пространству, внѣ всякаго другого времени и пространства съ ихъ содержаніемъ; въ этомъ выражается и формальное объединеніе, и формальное обособленіе явленій.

Общей формой существованія всѣхъ явленій, непосредственно вытекающей изъ ихъ временно-пространственнаго опре-

зленія, является *непрерывность*. Сознавъ явленіе въ его форальной индивидуальности, мы неизбѣжно представляемъ его ществованіе, со всѣми его перемѣнами, какъ непрерывно преемвенное; измѣненія въ родѣ и степени его свойствъ, въ его ложеніи и формѣ представляются происходящими черезъ промеуточныя состоянія и положенія. Эта непрерывность, составляюая существенную черту сознанія объективности, является элеэнтарной формой представленія причинной связи явленій. Приінность есть форма *представленія* объективной непрерывности змѣненій, а не форма ихъ *воспріятія*; иными словами, причинія связь есть представленіе непрерывнаго генезиса явленій, нованное на ихъ временно-пространственномъ опредѣленіи. оэтому причинность есть всеобщая и необходимая форма предавленія объективнаго бытія *).

Когда постановка объективнаго міра достигаетъ своего заэршенія, время, пространство и причинность, какъ всеобщія и эобходимыя формы созерцанія и представленія, становятся „апріэными" предпосылками всякаго послѣдующаго опыта. Намъ не ужно основываться на наблюденіи явленія, чтобы признавать о длящимся, протяженнымъ, непрерывнымъ; не нужно даже роить заключенія: всѣ отдѣльныя явленія, встрѣчавшіяся въ ашемъ опытѣ, были длящимися, пространственными, непрерывыми, а потому и всѣ остальныя должны быть такими же. Такое ключеніе—именно какъ логическій выводъ, совершенно не выэрживаетъ критики, потому что сфера явленій, съ которыхъ эреносятся эти опредѣленія, безкочечно мала сравнительно съ ой областью явленій, на которую они переносятся; поэтому выэдъ могъ бы претендовать лишь на ничтожную степень вѣроятэсти. Между тѣмъ совершенно очевидно, что во всей безконечэсти времени и пространства такъ же невозможно встрѣтить нѣвременныхъ, внѣпространственныхъ или безпричинныхъ явлеій, какъ невозможно наткнуться на границу пространства или а конецъ времени, потому что такіе синтезы, какъ внутренно ротиворѣчивые, невозможны въ созерцаніи и представленіи, отя и возможны въ словесномъ выраженіи. Временно-пространвенная опредѣленность и вытекающая изъ нея непрерывность оставляютъ самую сущность объективности, а потому—всеобщую необходимую форму всякаго возможнаго опыта.

Но на чемъ основываются эти формы всеобщаго и необхоимаго чувственнаго синтеза? Почему развивающаяся жизнь соланія выливается именно въ такія формы, а не въ иныя? Поему человѣкъ въ своемъ индивидуальномъ развитіи идетъ тимъ—общимъ для всѣхъ путемъ? Этотъ путь и эти формы не

*) „Причинность выражаетъ *непрерывность* всего совершающагося и, какъ ковая, не утрачиваетъ своего права на существованіе". Авенаріусъ. „Филофія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ". § 85.

близости,—въ сферѣ отчетливой, установившейся пространственной интуиціи. Значительныя передвиженія человѣка ведутъ къ тому, что отдаленные раньше предметы вступаютъ въ сферу отчетливой интуиціи и приводятся къ ихъ настоящей величинѣ. Постоянное повтореніе такихъ опытовъ вызываетъ въ человѣкѣ сознаніе, что сфера отчетливой, нормальной пространственной интуиціи можетъ быть расширяема во всѣхъ направленіяхъ, безъ всякихъ ограниченій; куда бы человѣкъ ни направился и сколько бы онъ ни двигался, вездѣ онъ найдетъ вокругъ себя „дѣйствительныя" пространственныя величины и формы. Такъ укрѣпляется въ немъ сознаніе всесторонней и неограниченной однородности пространства. Обективное пространство есть универсальный синтезъ всѣхъ возможныхъ сферъ совершенной пространственной интуиціи. Коллективный опытъ завершаетъ постановку объективнаго пространства, совершившуюся путемъ обобщающаго синтеза индивидуальной интуиціи; но этотъ моментъ относится къ дальнѣйшей стадіи нашего изложенія. Основой синтеза объективнаго пространства во всякомъ случаѣ служитъ индивидуальный опытъ, который является не отдѣльнымъ, а множественнымъ опытомъ индивидуума, всесторонне сравнимымъ и сводимымъ къ единству.

Съ выполненіемъ законченной постановки объективнаго пространства, и находящіяся въ немъ явленія получаютъ законченную пространственную опредѣленность. Ихъ пространственныя свойства (форма и величина) становятся однородными во всѣхъ частяхъ пространства, какъ однородно само пространство во всѣхъ своихъ частяхъ. Именно эта всесторонняя однородность пространства, переносимая на все его содержаніе, дѣлаетъ всѣ явленія въ ихъ пространственныхъ свойствахъ совершенно независимыми отъ ихъ положенія относительно человѣка. Они становятся объектами въ полномъ значеніи этого слова.

Всѣ явленія объективнаго міра наблюдаются или какъ постоянныя сочетанія свойствъ, или какъ сочетанія, послѣдовательно измѣняющіяся; въ первомъ случаѣ они опредѣляются какъ *предметы*, во второмъ — какъ *процессы*; *явленіе* — это общее названіе предметовъ и процессовъ міра, различіе между которыми для познанія является лишь относительнымъ. Всѣ явленія представляются въ ихъ единствѣ и обособленности; это единство каждаго явленія и обособленіе его отъ другихъ основывается на ихъ временно-пространственномъ опредѣленіи. Чувственный синтезъ явленія вообще возможенъ лишь путемъ отнесенія всѣхъ его признаковъ къ опредѣленному времени и пространству, внѣ всякаго другого времени и пространства съ ихъ содержаніемъ; въ этомъ выражается и формальное объединеніе, и формальное обособленіе явленій.

Общей формой существованія всѣхъ явленій, непосредственно вытекающей изъ ихъ временно-пространственнаго опре-

дѣленія, является *непрерывность*. Сознавъ явленіе въ его формальной индивидуальности, мы неизбѣжно представляемъ его существованіе, со всѣми его перемѣнами, какъ непрерывно преемственное; измѣненія въ родѣ и степени его свойствъ, въ его положеніи и формѣ представляются происходящими черезъ промежуточныя состоянія и положенія. Эта непрерывность, составляющая существенную черту сознанія объективности, является элементарной формой представленія причинной связи явленій. Причинность есть форма *представленія* объективной непрерывности измѣненій, а не форма ихъ *воспріятія*; иными словами, причинная связь есть представленіе непрерывнаго генезиса явленій, основанное на ихъ временно-пространственномъ опредѣленіи. Поэтому причинность есть всеобщая и необходимая форма представленія объективнаго бытія *).

Когда постановка объективнаго міра достигаетъ своего завершенія, время, пространство и причинность, какъ всеобщія и необходимыя формы созерцанія и представленія, становятся „апріорными" предпосылками всякаго послѣдующаго опыта. Намъ не нужно основываться на наблюденіи явленія, чтобы признавать его длящимся, протяженнымъ, непрерывнымъ; не нужно даже строить заключенія: всѣ отдѣльныя явленія, встрѣчавшіяся въ нашемъ опытѣ, были длящимися, пространственными, непрерывными, а потому и всѣ остальныя должны быть такими же. Такое заключеніе—именно какъ логическій выводъ, совершенно не выдерживаетъ критики, потому что сфера явленій, съ которыхъ переносятся эти опредѣленія, безкочечно мала сравнительно съ той областью явленій, на которую они переносятся; поэтому выводъ могъ бы претендовать лишь на ничтожную степень вѣроятности. Между тѣмъ совершенно очевидно, что во всей безконечности времени и пространства такъ же невозможно встрѣтить внѣвременныхъ, внѣпространственныхъ или безпричинныхъ явленій, какъ невозможно наткнуться на границу пространства или на конецъ времени, потому что такіе синтезы, какъ внутренно противорѣчивые, невозможны въ созерцаніи и представленіи, хотя и возможны въ словесномъ выраженіи. Временно-пространственная опредѣленность и вытекающая изъ нея непрерывность составляютъ самую сущность объективности, а потому—всеобщую и необходимую форму всякаго возможнаго опыта.

Но на чемъ основываются эти формы всеобщаго и необходимаго чувственнаго синтеза? Почему развивающаяся жизнь сознанія выливается именно въ такія формы, а не въ иныя? Почему человѣкъ въ своемъ индивидуальномъ развитіи идетъ этимъ—общимъ для всѣхъ путемъ? Этотъ путь и эти формы не

*) „Причинность выражаетъ *непрерывность* всего совершающагося и, какъ таковая, не утрачиваетъ своего права на существованіе". Авенаріусъ. „Философія какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ". § 85.

могутъ быть выведены ни изъ личнаго опыта, который ограниченъ, ни изъ общаго опыта людей, потому что чувственное созерцаніе — фактъ до-соціальный. Ихъ можно вывести лишь изъ родовой организаціи человѣка, которая *наслѣдственно* присуща ему и которая *біологически* обща всѣмъ людямъ. Индивидуальное развитіе сознанія является въ основныхъ чертахъ повтореніемъ родового развитія сознанія. Здѣсь, въ сферѣ психическаго развитія, находитъ свое примѣненіе основной біогенетическій законъ зависимости онтогеніи отъ филогеніи, развитія особи отъ развитія рода. Основныя формы созерцанія и представленія — время, пространство и причинность — составляютъ *формы родового сознанія*, фиксированныя въ самой природѣ человѣческой личности, въ его основной психической организаціи, развивающейся съ имманентной законосообразностью. Человѣкъ не можетъ выйти за предѣлы этой организаціи; поэтому функціи родового сознанія имѣютъ характеръ необходимости. А такъ какъ родовое сознаніе является, въ существенномъ, общимъ для всѣхъ людей и для существъ, аналогично организованныхъ, то эти формы оказываются всеобщими въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, онѣ охватываютъ *всѣ* явленія опытнаго бытія; во-вторыхъ, онѣ присущи *всякому* нормальному сознанію. Иными словами, онѣ *всеобъемлющи* и *общезначимы*.

Переходя къ содержанію этихъ формъ,—явленіямъ внѣшняго міра, относящимся къ опредѣленному времени и пространству,— отмѣтимъ, что оно сознается трояко: какъ непосредственно данное (предметъ созерцанія), какъ воображаемое (предметъ представленія) и какъ мыслимое (предметъ понятія). Во всѣхъ трехъ случаяхъ сущность объективаціи состоитъ въ томъ, что предметъ созерцанія, представленія или понятія полагается существующимъ въ опредѣленномъ времени и пространствѣ. Въ созерцаніи содержаніе даннаго и его объективность предстоятъ въ ихъ единствѣ: объективація содержанія совершается самымъ актомъ созерцанія; данное и сущее сливаются въ единство наличнаго явленія. Въ воображеніи и мышленіи представленіе и понятіе разъединяются отъ своего предмета, какъ сущаго. Они относятся къ объекту, соотвѣтствуютъ ему, — но не составляютъ его; въ нихъ отражается далеко не вся полнота содержанія объективнаго бытія: но къ тому содержанію, которое имъ присуще, присоединяется сознаніе, что въ объективномъ мірѣ есть (было или будетъ) нѣчто соотвѣтствующее этому содержанію, но неисчерпанное имъ. Именно это сознаніе и сообщаетъ представленіямъ и понятіямъ ихъ предметность, ихъ объективное значеніе.

Въ сферѣ созерцанія начинается и первичная постановка единообразій бытія. При созерцаніи длительномъ въ явленіяхъ внѣшняго міра замѣчается, на ряду съ частными измѣненіями, и общее постоянство формъ, качествъ и отношеній. Именно на этомъ постоянствѣ основывается первоначальное сознаніе того,

что созерцаемый міръ, при всѣхъ его измѣненіяхъ есть тотъ же самый міръ, созерцаемое явленіе—то же самое явленіе. Слѣдовательно, уже въ созерцаніи выдѣляются единообразія бытія, его постоянныя опредѣленія; они расширяются, укрѣпляются и объединяются въ сознаніи съ помощью воображенія и мышленія.

Воспринятая картина міра съ прекращеніемъ созерцанія остается въ сознаніи въ видѣ отраженнаго образа. Съ наибольшей живостью врѣзываются въ сознаніе тѣ образы, которые привлекали къ себѣ вниманіе своей яркостью, величиной, силой, или своимъ отношеніемъ къ человѣку; но они отражаются въ сознаніи какъ детали общаго образа, въ ихъ соотношеніи къ цѣлому. Новыя воспріятія какъ бы наслаиваются на этотъ общій образъ, примыкая къ опредѣленнымъ представленіямъ и, такимъ образомъ, вступая въ связи, существующія въ психической средѣ. Постоянное возобновленіе воспріятій, примыкающихъ къ соотвѣтственнымъ образамъ сознанія, причемъ „текущее воззрѣніе освѣжаетъ слѣдъ прежняго", по выраженію Шопенгауэра *),- приводитъ къ тому, что въ сознаніи начинаютъ выдѣляться повторяющіеся образы и постоянныя связи; послѣдовательный рядъ совпадающихъ воспріятій, въ которомъ новые образы ассимилируются прежними, сообщая имъ свѣжесть и прочность, сливается въ единство и закрѣпляется въ сознаніи въ устойчивой опредѣленности. Образованіе отчетливыхъ и постоянныхъ ассимилирующихъ представленій оказываетъ вліяніе на самое созерцаніе; тѣ черты въ содержаніи воспріятій, которыя соотвѣтствуютъ этимъ представленіямъ, вступаютъ въ сознаніе съ особенной ясностью, какъ знакомыя, постоянныя черты явленій; а черты случайныя и чуждыя сознанію, при равенствѣ прочихъ условій, воспринимаются менѣе отчетливо, отодвигаются на второй планъ или даже не замѣчаются. Итакъ, уже самое воспріятіе, подъ вліяніемъ ассимилирующихъ представленій, въ извѣстной степени становится обобщеніемъ. Этотъ процессъ идетъ далѣе въ сферѣ воображенія. Постоянныя формы, сочетанія и послѣдовательности явленій, сначала отобразившіяся въ сознаніи въ видѣ единичныхъ представленій, постепенно, путемъ послѣдовательнаго совпаденія и слiянія представленій, выдѣляются изъ остального содержанія явленій, утрачиваютъ своеобразность первичныхъ представленій, отдаляются отъ живыхъ образовъ созерцанія и фиксируются въ общія представленія, образныя схемы опыта. Чѣмъ общѣе представленія, тѣмъ они дальше отъ созерцанія, поддерживающаго ихъ въ сознаніи; для ихъ закрѣпленія нужны общія имена, безъ которыхъ они, какъ не связанныя съ единичными явленіями,

*) „Міръ, какъ в. и пр.", II т., 5 гл.

легко растворяются въ общей средѣ сознанія. Но образованіе общихъ именъ происходитъ въ соціальномъ общеніи людей, а до него обобщающая дѣятельность сознанія совершается лишь въ тѣсныхъ предѣлахъ, и всѣ процессы соотнесенія представленій, совершающіеся въ немъ, имѣютъ образный характеръ; въ отличіе отъ разсудочнаго (логическаго) мышленія они могутъ быть названы *образнымъ мышленіемъ*.

Дѣятельность сознанія имѣетъ познавательный характеръ, когда посредствомъ нея неизвѣстное приводится къ извѣстному. Въ образномъ мышленіи извѣстнымъ являются фиксированныя въ сознаніи представленія, а неизвѣстнымъ—весь новый матеріалъ созерцанія, пока онъ не ассимилированъ съ ними. Возникая въ сознаніи, всякое новое воспріятіе остается чуждымъ ему, пока не отнесено къ опредѣленному установившемуся представленію, которымъ оно какъ бы схватывается (апперцепируется) и подчиняется сознанію; обобщающія формы образнаго мышленія служатъ основой для накопленія опыта; новыя переживанія укладываются въ ихъ рамки, расширяя эти рамки. Когда новый образъ относится къ фиксированному единичному или общему представленію и усвояется имъ, синтезъ сознанія называется *апперцепціей* (отождествляющей, или подводящей). Но обобщающій процессъ захватываетъ новыя переживанія не только въ ихъ отдѣльности, а также въ ихъ связи и послѣдовательности; на этомъ основывается вторая форма образнаго синтеза—*реконструкція*, то есть воспроизведеніе въ сознаніи цѣлаго ряда образовъ, объединенныхъ пространственной совмѣстностью или временной послѣдовательностью. Въ первомъ случаѣ реконструируется пространственный комплексъ по нѣкоторымъ его элементамъ, выступающимъ въ созерцаніи или представленіи; во второмъ—реконструируется генетическій рядъ явленій по какому-нибудь его моменту, процессъ—по какой-нибудь его фазѣ. Въ рамкахъ нашей статьи мы не можемъ систематически прослѣдить развитіе формъ образнаго мышленія. Отмѣтимъ только, что на реконструкціи основывается непосредственное, интуитивное пониманіе причинной связи явленій, обобщеніе опыта опредѣленныхъ и постоянныхъ зависимостей въ процессахъ природы. Здѣсь ярко выступаетъ прямое жизненное значеніе образнаго мышленія. На опытѣ прошедшаго основывается представленіе будущаго, на реконструкціи генезиса явленій—построеніе въ сознаніи дальнѣйшаго теченія событій, то есть предвидѣніе. Предвидѣніе есть построеніе *послѣдствій* наблюдаемаго явленія, представленіе того, что *должно* изъ него генетически развиться. Дѣятельность сознанія въ обоихъ случаяхъ однородна. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ ретроспективное представленіе генезиса; въ другомъ—проспективное. Но послѣдній актъ имѣетъ производный характеръ, потому что будущее для насъ вообще есть отраженное впередъ прошедшее; кромѣ того построеніе будущаго имѣетъ болѣе сво-

бодный, творческій характеръ, потому что сознаніе менѣе связано матеріаломъ пережитыхъ впечатлѣній.

Образное мышленіе является процессомъ, общимъ человѣку и другимъ существамъ съ развитымъ сознаніемъ. Оно совершается независимо отъ рѣчи и составляетъ до-соціальную форму познанія; но оно не исключается развитіемъ формъ психическаго общенія; наоборотъ, интуитивная дѣятельность ума представляетъ основу и матеріалъ для разсудочнаго мышленія, органически связаннаго съ формами рѣчи. Непосредственное, интуитивное пониманіе явленій даже иногда идетъ дальше разсудочнаго мышленія, быстрѣе и правильнѣе проникаетъ въ положеніе и связь явленій. Узнаваніе людей и предметовъ, непосредственное постиженіе причинъ и слѣдствій, пониманіе характера и настроенія людей и взаимныхъ ихъ отношеній по выраженію лица и движеніямъ, художественное, а иногда и научное творчество—бываютъ интуитивными. Въ интуитивномъ познаніи выражается та непосредственная мощь живой природы, примѣрами которой служатъ и инстинкты животныхъ, и смѣтливость простого народа, и созерцаніе генія. Шопенгауэръ именно и видитъ сущность генія въ преобладающей способности къ чистому созерцанію, къ ясному объективному познанію, свободному отъ логическихъ формъ („Міръ какъ в. и пр.“ I т., § 36 и др.). Но, разумѣется, проблемы, которыя рѣшаетъ геніальное прозрѣніе, сами вытекаютъ лишь изъ общаго культурнаго развитія людей, а это развитіе совершается въ процессѣ соціальнаго общенія, средствами котораго служатъ рѣчь и другія формы выраженія.

Въ формахъ выраженія психическихъ переживаній сознаніе пріобрѣтаетъ могучее орудіе для своей дѣятельности, у него какъ бы выростаютъ крылья, на которыхъ оно поднимается и держится на высотѣ обобщенія. „Нѣтъ разума безъ языка, нѣтъ языка безъ разума“, утверждалъ Максъ Мюллеръ (Наука о мысли). „Изученіе рѣчи открываетъ сознанію весь механизмъ разума, то есть самое существо логики“. (Шопенгауэръ, „О зак. основ.“, § 27). Но формы выраженія рѣчью не исчерпываются. Въ ихъ развитіи слѣдуетъ различать три главные фазиса и соотвѣтственно этому установить ихъ основные типы. Первымъ моментомъ ихъ развитія служатъ *проявленія* психическихъ переживаній, въ которыхъ *обнаруживаются* внутреннія состоянія живыхъ существъ, помимо сознательнаго намѣренія сообщить о нихъ другимъ. Таковы *выражающія движенія* (движенія мускуловъ лица, рукъ, ногъ, всего тѣла, мѣняющаяся окраска кожи) и *выражающія звуки* (крикъ боли, испуга, радости). Характерная черта ихъ, это ихъ рефлективный характеръ. Второй фазисъ развитія состоитъ въ томъ, что выражающія движенія и звуки преобразуются въ *формы сообщенія*, служащія для сознательной передачи переживаній одного индивида дру-

гимъ. Формы сообщенія вырабатываются уже тогда, когда психическое содержаніе и его внѣшнія проявленія становятся настолько опредѣленными и такъ тѣсно связанными для сознанія, что движенія и звуки могутъ служить знаками образовъ, чувствъ и желаній. Такъ образуется *языкъ жестовъ* и *языкъ звуковъ*. Модуляція тона и артикуляція звука вноситъ величайшее разнообразіе и богатство оттѣнковъ въ языкъ звуковъ и обусловливаетъ его дальнѣйшее развитіе въ членораздѣльную рѣчь. Существенная черта этого развитія состоитъ въ томъ, что звуки все болѣе и болѣе утрачиваютъ свою первоначальную внѣшнюю изобразительность, слѣды которой можно видѣть, напр., въ звукоподражательныхъ корняхъ, и становятся чистыми знаками образовъ. Звуковые знаки образовъ, это—слова, связь которыхъ образуетъ языкъ или рѣчь. Слово въ своемъ *значеніи* фиксируетъ общій образъ или мысль (представленіе, понятіе), для общаго сознанія. Явленія дѣйствительности отображаются не въ звукѣ, а въ значеніи словъ, ихъ обобщающемъ. Анализъ языка, говоритъ Максъ Мюллеръ, поставилъ внѣ всякаго сомнѣнія, что основное содержаніе простѣйшихъ образовательныхъ его элементовъ, называемыхъ корнями, составляютъ общія представленія и понятія, точнѣе мысли, выражающія повторяемые акты, вообще „дѣйствія и по преимуществу общія дѣйствія, производимыя членами первобытнаго общества“ („Наука о мысли“, гл. V—§ 25, гл. VI—§§ 10 и 12) *).

Обобщающая дѣятельность сознанія находитъ въ формахъ рѣчи могучую поддержку. Слово представляетъ ту твердую точку опоры, на которой фиксируются обобщенія, на которую осаждается

*) По вопросу о происхожденіи корней Максъ Мюллеръ, основываясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія, находитъ наиболѣе правильной теорію Нуаре, выводящую примитивный языкъ изъ возгласовъ, сопровождающихъ общественно-трудовые акты людей. Она формулируется слѣдующимъ образомъ. Когда нѣсколько лицъ занято какой-нибудь однородной работой, особенно ритмической, они почти невольно сопровождаютъ свои дѣйствія вибраціями голоса, болѣе или менѣе ритмическими возгласами, соотвѣтствующими движеніямъ тѣла. Эти звуки обладаютъ двумя великими преимуществами. Во-первыхъ, они суть знаки повторяемыхъ актовъ, совершаемыхъ этими лицами, поэтому ими воспринятыхъ, имъ извѣстныхъ,—и сохраняются въ ихъ памяти, какъ знаки этихъ актовъ. Во-вторыхъ, эти звуки, издаваемые сначала не только одиночнымъ индивидомъ, но людьми занятыми одной общей работой и соединенными общей цѣлью, обладаютъ великимъ преимуществомъ быть понятными для всѣхъ. Общепонятный знакъ повторяющагося акта и есть настоящая реализація того, что называется корнемъ, заключающимъ въ себѣ понятіе, въ которомъ многіе акты мыслятся какъ одинъ актъ. Такъ возникаютъ образовательные элементы языка. Сравнительное языкознаніе даетъ многочисленныя подтвержденія этой теоріи. Оно доказываетъ, что даже слова, обозначающія цвѣта, звуки, и т. под., происходятъ отъ корней, выражающихъ дѣйствія (наприм., по-санкритски—*цвѣтъ varna* происходитъ отъ корня *var—покрывать*, и т. д.). Корней, происшедшихъ вслѣдствіе звукоподражанія, незначительное количество, и большая часть ихъ не имѣла дальнѣйшаго развитія въ языкѣ (Максъ Мюллеръ. „Наука о мысли“, гл. VI). Такой взглядъ на генезисъ рѣчи какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ „историко-матеріалистическимъ“ (точнѣе,—реально-монистическимъ) міровоззрѣніемъ.

человѣческій опытъ. Образуя общія представленія и понятія, сознаніе отдаляется отъ непосредственнаго бытія, и чѣмъ дальше идетъ этотъ процессъ, чѣмъ шире становится объемъ обобщеній, тѣмъ больше они утрачиваютъ свою связь съ опредѣленнымъ кругомъ явленій, то есть основное условіе своей собственной опредѣлнености и устойчивости; поэтому они расплываются и исчезаютъ въ общей средѣ сознанія. Для того, чтобы они сохранились и послужили исходной точкой дальнѣйшаго процесса обобщенія, —имъ необходимо неразрывно ассоціироваться съ опредѣленнымъ и устойчивымъ образомъ. Слово и представляетъ такой образъ. Являясь символомъ мысленнаго содержанія, называемаго *значеніемъ* слова, оно вноситъ въ сферу общей мысли внутренній центръ притяженія, собирающій и организующій матеріалъ сознанія. Слово и мысль не суть два разнородные факта—физическій и психическій; физическимъ фактомъ является звукъ, который самъ по себѣ вовсе не есть слово,—подобно тому какъ картина физически есть только полотно и краски, опредѣленно расположенныя; какъ картина она есть интеллектуальное построеніе, привносимое къ физическому явленію; также и слово есть образъ съ опредѣленнымъ значеніемъ, символъ опредѣленнаго содержанія; оно само представляетъ устойчивый элементъ мысли (въ широкомъ смыслѣ), съ которымъ устанавливается постоянная связь психическаго содержанія,—такимъ образомъ, что слово становится простымъ эквивалентомъ для сложныхъ образованій сознанія Въ жизни сознанія слово, это знакъ обращенія, своего рода монета, которая можетъ быть крупной и мелкой, полноцѣнной и размѣнной—и даже фальшивой, лишенной цѣны, на ряду съ устарѣвшими ассигнаціями; и слово можетъ быть болѣе или менѣе общимъ, болѣе или менѣе полнымъ по содержанію и, наконецъ, пустой оболочкой фиктивной мысли, которую нельзя реализовать въ сознаніи, въ виду ея противорѣчія съ основными формами мышленія, или съ его опредѣлившимся содержаніемъ. Въ такомъ случаѣ слово исполняетъ роль поддѣльной монеты или устарѣвшей кредитки, прикрывая собою недостатокъ въ понятіяхъ—дѣйствительныхъ цѣнностяхъ мысли.

„Коль скоро недочетъ въ понятіяхъ случится,
Ихъ можно словомъ замѣнить.
Словами диспуты ведутся,
Изъ словъ системы создаются"... Гете, „Фаустъ".

Какъ слово (часть рѣчи) представляетъ оболочку мысли, такъ связь словъ или рѣчь представляетъ оболочку процесса мышленія, его обобществленную эквивалентную форму. Отношеніе между рѣчью и мышленіемъ—живое, органическое отношеніе, основанное на взаимной необходимости. Рѣчь является органомъ мышленія, какъ постоянный и общій его символъ. Въ рѣчи устной значеніе словъ оттѣняется интонаціей голоса, выраже-

ніемъ лица и жестикуляціей; въ рѣчи письменной—ея символическое значеніе выступаетъ въ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси выражающихъ движеній и звуковъ; индивидуальная окраска рѣчи сглаживается, ея общая значимость возрастаетъ. — Въ этой тенденціи формъ выраженія къ переходу въ чистые знаки образовъ и мыслей, конденсирующихъ коллективный опытъ, проявляется основная тенденція всякаго жизненнаго развитія, выражающаяся въ законѣ экономіи силъ, —стремленіе достигнуть наибольшаго результата съ наименьшими затратами; иными словами—стремленіе къ наибольшей производительности этихъ затратъ. Чистая символика мысли—рѣчь—даетъ возможность изъ сравнительно небольшого количества звуковыхъ элементовъ съ незначительной затратой силъ производить всевозможныя комбинаціи для означенія всего неисчерпаемаго богатства бытія, отобразившагося въ сознаніи людей.

Рѣчь есть форма соціальнаго сознанія; это—сознаніе человѣчества въ его устойчивой внѣшности, въ его объективности. Составные элементы рѣчи—слова—имѣютъ именно тотъ смыслъ, какой влагается въ нихъ въ процессѣ общенія, опредѣляется и фиксируется коллективной умственной работой людей. Языкъ не есть даръ боговъ, и въ немъ нельзя искать высшаго, сверхсоціальнаго, абсолютнаго смысла. Въ значеніи словъ и въ ихъ соотношеніи суммируется и кристаллизируются въ стройныя формы коллективный человѣческій опытъ; и по мѣрѣ его накопленія—содержаніе словъ обогащается и опредѣляется для общаго сознанія, рѣчь становится какъ бы отчеканенной и многозначительной, то есть способной въ немногихъ словахъ точно сообщить наиболѣе полное, связанное и общецѣнное содержаніе. Въ этомъ—глубокое объединяющее и организующее значеніе рѣчи для жизни сознанія.

Въ процессѣ психическаго общенія людей жизнь сознанія вступаетъ въ новый фазисъ развитія. Логическая функція формъ выраженія состоитъ въ томъ, что съ ихъ помощью индивидуальное сознаніе соотносится общему сознанію людей, личныя воззрѣнія перерабатываются въ общецѣнное познаніе, произведенія субъективнаго творчества получаютъ общечеловѣческое значеніе. Существенная черта этого процесса состоитъ въ томъ, что содержаніе индивидуальнаго опыта, непосредственно данное, полагается какъ всеобще данное, какъ необходимый фактъ опыта, имѣющій значеніе для всякаго сознанія. Соотвѣтственно этому преобразуется и форма, въ которую перерабатывается матеріалъ опыта; познавательная концепція, въ которой объективное бытіе опредѣляется для общаго сознанія, есть *понятіе*. Процессъ образованія и примѣненія понятій называется *логическимъ мышленіемъ* или *разсужденіемъ*.

Сущность процесса мышленія состоитъ въ закономѣрномъ сравненіи, сочетаніи и расчлененіи опыта. „Опытъ въ самомъ общемъ смыслѣ есть данность, то есть существованіе чего-либо для меня или въ видѣ предмета моего сознанія". (Липпсъ. „Основы логики", § 271); въ болѣе спеціальномъ смыслѣ опытъ есть сознаніе предметности, объективной значимости представленій и мыслей, отображающихъ непосредственно данное бытіе. Закономѣрность мышленія, отличающая его отъ свободной игры представленій, состоитъ въ необходимомъ отношеніи содержанія и порядка мыслей къ объективному бытію, на чемъ основывается ихъ всеобщее значеніе. Мышленіе, по опредѣленію Липпса, есть объективно обусловленный процессъ представленія. „Объективность, то есть обусловленность объектами, есть признакъ всего логическаго въ противоположность чисто психологическому" („Основы Логики", § 9).

Процессъ *сравненія* Махъ признаетъ основной функціей всякаго мышленія. Дѣйствительно, всѣ процесы мысли или сводятся къ акту сравненія, или оперируютъ понятіями, основанными на сравненіи, качественномъ или количественномъ. Путемъ соединенія однороднаго и обособленія разнороднаго происходитъ образованіе понятій, установленіе классовъ и законовъ въ явленіяхъ бытія.

Синтетическая дѣятельность мышленія сначала имѣетъ образный, наглядный характеръ; но даже и въ этомъ случаѣ она не тождественна съ воспоминаніемъ. Воспоминаніе воспроизводитъ единичное; мышленіе стремится фиксировать въ сознаніи общее и постоянное—объективные типы бытія. Оно *отвлекаетъ* опредѣленную связь свойствъ и отношеній отъ всего единичнаго и неповторяемаго; поэтому оно постепенно утрачиваетъ свою наглядность и становится *отвлеченнымъ*.

Отвлеченное мышленіе, въ отличіе отъ образнаго, есть опредѣленіе бытія для соціальнаго сознанія. Для всякой „мысли" существенно это двоякое ея отнесеніе, — отнесеніе къ непосредственному бытію и къ общему сознанію, въ формахъ котораго совершается самый процессъ мышленія. Отвлеченное мышленіе есть *обобщающій* и *обобществляющій* процессъ. Общія свойства явленій, которыя оно отвлекаетъ,—это именно тѣ, которыя оказываются общими и постоянными и въ самыхъ явленіяхъ, и въ общемъ сознаніи о нихъ. Разлагая сущее на его элементарныя опредѣленія (свойства и связи), фиксированныя въ значеніи словъ для общаго сознанія, отвлеченное мышленіе затѣмъ обобщаетъ и комбинируетъ ихъ соотвѣтственно общимъ формамъ и отношеніямъ бытія,—слѣдовательно, сообразно съ общими способами его мыслимости.

Матеріаломъ для логическаго *анализа* бытія служатъ представленія. Они разлагаются на ихъ простѣйшіе элементы *признаки явленій*. Эти признаки являются элементами всеобщаго опыта, и въ соціальномъ обмѣнѣ мыслей отчеканиваются въ проч-

ные и отчетливые типы представленія, на постоянствѣ которыхъ основывается всякое согласованіе мыслей. Они составляютъ какъ бы логическую азбуку мысли, сумму ея образовательныхъ элементовъ.—Абстрагированію подлежатъ не только элементарные признаки, но и элементарныя отношенія явленій.

Дальнѣйшее развитіе этого процесса состоитъ въ прогрессивномъ обобщеніи признаковъ и отношеній въ такъ называемыя *абстрактныя понятія*,—которое шагъ за шагомъ приводитъ насъ къ высшимъ абстракціямъ или *категоріямъ*. Система категорій представляетъ изъ себя совокупность всеобщихъ опредѣленій сущаго. Такъ какъ въ нихъ завершается послѣдовательная градація обобщеній элементарныхъ свойствъ и отношеній бытія,—то онѣ могутъ быть также опредѣлены какъ наиболѣе общіе классы понятій. Какія именно понятія признать высшими абстракціями или категоріями,—это вопросъ спеціальной логики; исторически онъ рѣшался различно, потому что классификація понятій можетъ быть болѣе или менѣе детальной, болѣе или менѣе правильной въ формальномъ отношеніи, наконецъ, болѣе или менѣе цѣлесообразной по отношенію къ суммѣ опыта, охватываемой ею.

Послѣдовательная градація абстрактныхъ понятій, завершающаяся категоріями, сложилась въ процессѣ продолжительной умственной работы людей, фиксированной въ формахъ мышленія. Исторіей ихъ образованія опредѣляется *генетическій* порядокъ понятій. Но, разумѣется, пролагать пути—неизмѣримо труднѣе, чѣмъ слѣдовать по открытой уже дорогѣ, или исправлять ее, съ цѣлью пройти весь путь мышленія съ наибольшей легкостью и быстротой. Порядокъ понятій, наиболѣе цѣлесообразный въ этомъ отношеніи, наиболѣе экономичный и гармонически-стройный, можетъ быть названъ ихъ *логичискимъ порядкомъ*. Попытку методическаго изложенія градаціи абстрактныхъ понятій въ видѣ стройнаго и законченнаго цѣлаго мы находимъ, напримѣръ, въ системѣ Гегеля.

Но философъ, задавшійся цѣлью систематизировать логическія опредѣленія бытія, не является законодателемъ разума, дедуцирующимъ изъ трансцендентальнаго сознанія вѣчныя истины, а только изслѣдователемъ законовъ мысли, ея нормальныхъ отношеній, сложившихся въ общественномъ сознаніи людей. Логическій порядокъ абстракцій не есть путь индивидуальнаго мышленія; это—русло, проложенное въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ общечеловѣческой работой мышленія, запечатлѣвшейся во всемъ строеніи рѣчи, въ ея внутренней логикѣ. Отвлеченные признаки и связи—это элементы общаго представленія дѣйствительности, ихъ отношенія—формы общаго сознанія; всеобщія опредѣленія сущаго, это всеобщія формы его мыслимости. Но если выработка этихъ формъ длилась въ теченіе всей исторіи человѣчества, — усвоеніе ихъ индивидуальнымъ сознаніемъ совершается быстро и инстинктивно, независимо отъ теоретическаго ихъ пониманія. Отдѣльная личность, усвояя вмѣстѣ съ рѣчью общечеловѣческую

логику, также не сознаетъ этого, какъ ребенокъ, начинающій ходить, законовъ механики, представляющихъ всеобщіе факты и вмѣстѣ съ тѣмъ высшія обобщенія. Формы коллективнаго сознанія составляютъ „предпосылки" сознанія индивидуальнаго, его соціальное „a priori". Едва начинается осмысленная жизнь ребенка, его сознательное отношеніе къ окружающему, — онъ уже съ неутомимой пытливостью задаетъ вопросы: кто? что? какой? гдѣ? когда? какъ? почему? и т. д. Въ рамки этихъ всеобщихъ формъ мыслимости онъ укладываетъ все содержаніе своихъ переживаній. Ему еще неизвѣстно большое количество первичныхъ абстракцій (оттѣнковъ цвѣта и звука, многихъ вкусовъ, запаховъ и пр.) — но онъ задаетъ вопросъ: какой? (вопросъ о качествѣ), почему? (вопросъ о причинѣ); высшія абстракціи уже присущи его мышленію и примѣняются имъ. Если онъ незнакомъ со словами: качество, количество, причина и пр.,—то онъ знаетъ слова: какой, сколько, почему, — знаки тѣхъ же абстракцій, однозначные съ первыми (какой=какого качества, почему=по какой причинѣ и т. д.). Не онъ создалъ эти высшія абстракціи; онъ усвоилъ ихъ готовыми, а создало ихъ общее развитіе человѣчества. Только съ точки зрѣнія общечеловѣческаго развитія могутъ быть поняты надъ-индивидуальныя формы сознанія, „апріорныя" опредѣленія бытія. Теорія развитія служитъ основой научнаго апріоризма и исключаетъ собою апріоризмъ абсолютный, какъ метафизическую теорію.

Процессъ абстрагированія разлагаетъ бытіе на его мысленныя опредѣленія,—элементарные признаки и отношенія. Образованіе концептуальныхъ понятій возстановляетъ нарушенное единство формъ и процессовъ бытія. Понятіе — концепція есть синтезъ отвлеченныхъ признаковъ, объективно обусловленный. Иными словами, концептуальное понятіе есть отвлеченная мысль не объ отдѣльныхъ свойствахъ, но объ ихъ объективной связи. Тѣ формы бытія, о которыхъ составляются понятія, — это устойчивыя образованія природы, представляемыя статически (предметы) или динамически (процессы) въ ихъ отдѣльности, или въ связи и соотношеніи. Они выдѣляются для сознанія еще въ періодъ интуитивной постановки объективнаго міра, какъ сложныя образованія: по отдѣльности они представляютъ сочетанія свойствъ (элементовъ опыта) въ цѣлостное явленіе, а совмѣстно—сочетаніе явленій въ объективный порядокъ, реальный міръ. Это тотъ основной матеріалъ, который процессъ абстрагированія возводитъ къ общему сознанію, разлагая на элементы представленія, фиксированныя въ словахъ; но эти элементы въ ихъ обособленности объективно не даны: они отвлекаются мышленіемъ. Въ процессъ образованія концептуальныхъ понятій мышленіе возвращается къ объективно даннымъ формамъ и отношеніямъ бытія, сообразуя съ ними свои построенія. Эти построенія слагаются путемъ объективно сообразнаго синтеза признаковъ, то есть отвлеченныхъ опре-

дѣленій бытія для общаго сознанія; поэтому въ концептуальныхъ понятіяхъ возводятся къ общему сознанію формы и отношенія объективнаго бытія.

Но въ понятіе переносится не все содержаніе явленій, данное въ созерцаніи и представленіи о нихъ. Выборъ содержанія для понятія опредѣляется двумя моментами. Во-первыхъ, возможностью подвести его подъ сложившіяся въ сознаніи отвлеченныя опредѣленія; то содержаніе явленій, которое нельзя понять абстрактно, ускользаетъ отъ мысли и не входитъ въ понятіе, какъ общецѣнную концепцію бытія; понять явленіе, какъ цѣлое, можно лишь логически овладѣвъ его элементами; именно въ этомъ и состоитъ огромное познавательное значеніе абстрактныхъ понятій. Во-вторыхъ, онъ опредѣляется устойчивостью признаковъ въ повторяющемся и координированномъ опытѣ, личномъ и коллективномъ. Координируя не вполнѣ сходный и измѣнчивый опытъ отдѣльныхъ личностей, относя этотъ различный опытъ къ „тѣмъ же самымъ“ явленіямъ, коллективное сознаніе создаетъ одинъ общій коллективный опытъ. При этомъ все измѣнчивое и случайное въ содержаніи опыта отпадаетъ, остается лишь опредѣленное сочетаніе устойчивыхъ признаковъ, составляющихъ постоянное содержаніе всеобщаго опыта.

Основной методъ первоначальнаго образованія опытныхъ концепцій есть обобщеніе, поступательное движеніе мысли отъ единичнаго и частнаго къ общему и всеобщему. Начальнымъ моментомъ этого процесса является образованіе отчетливыхъ и общезначимыхъ понятій объ отдѣльныхъ явленіяхъ. Дальнѣйшія стадіи его выражаются въ концепціяхъ типовъ видовыхъ, родовыхъ и т. д. Въ результатѣ процесса получается стройно развертывающаяся классификація явленій. Объемъ каждаго изъ общихъ понятій первоначально соразмѣренъ кругу явленій, послужившихъ ближайшей основой обобщенія: такъ, понятіе о человѣкѣ обнимаетъ лишь окружающихъ людей, понятіе о лошади, березѣ, рѣкѣ—лишь знакомые объекты съ такими названіями; понятія этого рода могутъ быть названы *простыми эмпирическими понятіями*. Дальнѣйшее развитіе состоитъ въ образованіи *классификаціонныхъ понятій* въ точномъ смыслѣ, — то есть понятій, связанныхъ съ сознаніемъ, что объемъ ихъ шире сферы непосредственнаго наблюденія, составляющей ихъ ближайшую основу.

Основнымъ моментомъ, вызывающимъ такое сознаніе, является постоянное расширеніе опыта, показывающее, что, съ увеличеніемъ сферы наблюденій, человѣкъ, кромѣ объектовъ, послужившихъ ближайшей основой сдѣланнаго имъ обобщенія, встрѣчаетъ въ природѣ и другіе экземпляры того же рода. Съ накопленіемъ такихъ опытовъ въ людяхъ постепенно слагается идея о существованіи въ мірѣ явленій опредѣленныхъ и постоянныхъ типовъ бытія, изъ которыхъ каждый составляетъ объективный родъ явле-

ній съ неопредѣленнымъ множествомъ экземпляровъ. Такимъ путемъ измѣняется логическая характеристика общихъ понятій: они уже относятся мышленіемъ ко всѣмъ реально-сущимъ явленіямъ опредѣленнаго рода, независимо отъ рамокъ фактическаго наблюденія.

Систематизація концептуальныхъ понятій соотвѣтственно единообразіямъ и различіямъ предметовъ и процессовъ бытія завершается установленіемъ наиболѣе общихъ единообразій пребывающаго и происходящаго: таковы—*формы* и *законы* природы. *Формы* бытія, это—типическія образованія природы, съ опредѣленнымъ и постояннымъ сочетаніемъ свойствъ. *Законы природы*, это единообразія измѣненій и отношеній между измѣненіями, приведенные къ ихъ простѣйшему выраженію. Измѣненія и отношенія между измѣненіями могутъ быть *качественными* и *количественными*. Законы природы относятся преимущественно къ количественной сторонѣ явленій, какъ точно установимой; качественныя единообразія, основанныя на внѣшнихъ признакахъ явленій, служатъ выраженіемъ количественныхъ законовъ, и устанавливаются съ цѣлью открытія послѣднихъ. Наиболѣе общій и основной характеръ имѣютъ законы превращеній вещества и законы превращеній энергіи; они составляютъ предметъ общей физики, развѣтвляющейся на двѣ спеціальныя науки, органически связанныя между собою: химію и физику въ тѣсномъ смыслѣ. Законы жизни, изслѣдуемые біологіей, представляютъ спеціальную модификацію физико-химическихъ законовъ. Законы соціальные являются производными отъ законовъ біологическихъ; они имѣютъ еще болѣе спеціальный и сложный характеръ и, какъ таковые, требуютъ спеціальныхъ методовъ своей установки. И вообще съ возрастаніемъ сложности и специфичности естественныхъ порядковъ явленій спеціализируется и свойственная имъ закономѣрность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научные методы. Сложныя явленія образуются изъ элементовъ, но въ элементахъ не содержится свойствъ сложнаго образованія; поэтому нельзя познавательно дедуцировать изъ общихъ и простыхъ законовъ—частныхъ и сложныхъ закономѣрностей, какъ нельзя изъ свойствъ трехъ линій вывести спеціальныхъ свойствъ треугольника, а изъ свойствъ треугольника—спеціальныхъ свойствъ пирамиды или конуса. На признаніи уменьшающейся общности и увеличивающейся сложности естественныхъ порядковъ явленій и соотвѣтствующихъ закономѣрностей основывается установленная О. Контомъ классификація наукъ, а слѣдовательно и научныхъ методовъ.

Наиболѣе высокую ступень общности и абстрактности занимаютъ *чистыя формы* и *законы*, то есть опредѣленія количества, времени и пространства. Чистыя формы и законы не имѣютъ

[illegible] понятіи о нихъ [illegible] въ этихъ [illegible] представленія явленій. [illegible] измѣненныхъ и про- [illegible] берутся, какъ [illegible] представляютъ [illegible] не суще- [illegible] Поэтому [illegible] обособленія [illegible] предметовъ напри- [illegible] по своимъ [illegible] они раз- [illegible] множество [illegible] одного [illegible] неделимое [illegible] оказываются [illegible] безу- [illegible] теоремъ: [illegible] безу- [illegible] мыслятся [illegible] необхо- [illegible] соста- [illegible] формъ [illegible]

[illegible] меха- [illegible] содержаніи [illegible] формахъ [illegible] мыслится. [illegible] въ форму- [illegible] въ понятіе матеріи: ма- [illegible] объективной реальности. [illegible] составляетъ внѣшній міръ, [illegible] физическимъ или матеріальнымъ: только [illegible] понятію матеріи. Какое бы значеніе этому понятію ни придавалось, оно всегда относится къ объективному міру, какъ временно-пространственной реальности.

Принципіальное пониманіе матеріи можетъ быть двоякимъ: *метафизическимъ* и *научнымъ*. Въ метафизическомъ смыслѣ матерія есть субстратъ физическаго міра, трансцендентная сущность, лежащая въ основѣ явленій. Въ научномъ смыслѣ, матерія, — это познавательная концепція общаго содержанія объективнаго міра, разсматриваемаго статически, въ его пребываніи и постоянствѣ. Но основное содержаніе понятія матеріи, — инертность (со-

противленіе воздѣйствію) и подвижность—сводятся къ понятію силъ; статическое состояніе есть равновѣсіе силъ,—косное или подвижное. Динамическій характеръ основныхъ опредѣленій матеріальности и реальная невозможность абсолютнаго равновѣсія силъ, допустимаго лишь въ математическихъ теоремахъ, ведутъ къ тому, что статическое пониманіе матеріи принципіально подчиняется динамическому.

Степень абстрактности и общности понятія матеріи въ отдѣльныхъ наукахъ различна и опредѣляется степенью общности ихъ точекъ зрѣнія и задачъ изслѣдованія. Наибольшая общность и абстрактность этого понятія характеризуетъ механику, значительно меньшая—физику, еще меньшая—химію. Механика отвлекается отъ всѣхъ свойствъ реальности, кромѣ подвижности и инерціи; физика вводитъ цѣлый рядъ другихъ еще свойствъ, какъ, напр.,—аггрегатныя, термическія, электрическія; матерія химіи есть *вещество*, т. е. устойчивый и опредѣленный комплексъ постоянныхъ свойствъ физическихъ тѣлъ. Наиболѣе общее изъ этихъ понятій—понятіе механическое—представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобъемлющимъ: оно охватываетъ все содержаніе времени и пространства. Матерія, какъ содержаніе, немыслима безъ содержанія. Въ механическое понятіе матеріи входятъ всеобщія свойства объективнаго міра. Если отвлечься отъ этихъ свойствъ, составляющихъ содержаніе механическаго понятія, то мы получимъ метафическое понятіе о матеріи, какъ трансцендентной сущности бытія (ens rationis—ничто).

Понятіе матеріи не входитъ въ чистую математику. Поэтому основныя понятія теоретической механики менѣе общи и болѣе содержательны, чѣмъ понятія чистой математики. Въ механику входятъ математическія понятія (количество, время, пространство), синтетически объединяясь въ понятіи движенія; но къ нимъ присоединяется понятіе того, что движется; иными словами, въ механикѣ мыслится *реальность* въ ея математическихъ, то есть всеобщихъ и необходимыхъ опредѣленіяхъ. Тѣ элементарныя понятія съ которыми оперируетъ механика — внѣшнее воздѣйствіе, движущееся тѣло, путь движенія — все это, какъ мы знаемъ, *величины*, точно опредѣлимыя. Изслѣдуя реальную связь этихъ величинъ, механика устанавливаетъ общія формы „механической причинности",—причинную связь движенія тѣлъ. Способы внѣшняго воздѣйствія, сообщающаго тѣламъ движеніе, весьма разнообразны. Толчекъ (или давленіе) можетъ быть произведенъ дѣйствіемъ человѣка, натянутой пружиной, движеніемъ другого тѣла; грузъ можетъ быть поднятъ работой мускуловъ, или вѣсомъ другого груза; пружина сгибается или натягивается усиліями человѣка, вѣсомъ тѣлъ и т. д. Такія же воздѣйствія, разнообразно направленныя, ускоряютъ, замедляютъ, измѣняютъ направленіе и прекращаютъ движеніе тѣлъ. Воздѣйствія, оказываемыя человѣкомъ, измѣримы и субъективно, и объективно. Субъектив-

ной ихъ мѣрой служитъ чувство усилія, сопровождающее мускульную работу человѣка; но эта мѣра имѣетъ лишь приблизительную точность. Что же касается объективной мѣры воздѣйствій какъ человѣка, такъ и другихъ тѣлъ, то она, путемъ взаимнаго ихъ сравненія, можетъ быть приведена къ совершенной точности. Усиліе, которое нужно употребить, чтобы согнуть пружину, можно точно измѣрить вѣсомъ груза, производящаго такое же дѣйствіе; воздѣйствіе, которое получилъ камень, брошенный человѣкомъ или согнутой пружиной, измѣряется и соизмѣряется вѣсомъ камня и пройденнымъ путемъ,—и т. д. Обобщеніе всѣхъ формъ механическаго воздѣйствія, объективно измѣримыхъ, приводитъ къ понятію *силы*. Опредѣленное съ количественной стороны дѣйствіе силы, вызывающей движеніе, есть *работа*.

Понятіе работы основывается на томъ, что тѣла, оказывающія въ разныхъ формахъ взаимное воздѣйствіе, не являются индифферентными: они обнаруживаютъ *сопротивленіе* воздѣйствію; работа именно и состоитъ въ преодолѣніи сопротивленія тѣлъ. Чтобы сообщить, измѣнить или прекратить движеніе тѣла, необходимо употребить усиліе, или, объективно, произвести работу, затратить силу.

Понятіе работы служитъ основой понятія *энергіи* или работоспособности матеріальной системы. Ученіе объ энергіи составляетъ основу современнаго физическаго міропониманія, утверждающаго всеобщую, закономѣрную и количественно-опредѣленную связь явленій. Съ этимъ понятіемъ, къ которому приходитъ динамика, мы вступаемъ въ область физики, въ которой энергія служитъ всеобщимъ объединяющимъ принципомъ. И въ этомъ принципѣ научно-философское міровоззрѣніе нашего времени находитъ свое синтетическое завершеніе. Понятіе энергіи связываетъ механику съ физикой: съ одной стороны энергія есть понятіе, производное отъ работы, слѣдовательно — динамическое понятіе; но оно не ограничивается кругомъ явленій механическихъ, охватывая всѣ области явленій природы, какъ общее выраженіе ихъ закономѣрностей, ихъ взаимной связи и количественной соизмѣримости. Механическое міропониманіе, это — логически необходимая научно-философская теорія, представляющая идеалъ познанія; энергетика, это — сложившееся и обоснованное физическое ученіе, которое, не считая доказаннымъ, что всѣ явленія природы сводятся къ механическимъ, только утверждаетъ, что всѣ явленія природы состоятъ въ опредѣленномъ количественномъ соотношеніи, и всѣ они могутъ произвести механическую работу.

Общая теорія энергіи можетъ быть представлена въ трехъ формахъ. Во-первыхъ, пониманіе энергіи можетъ быть *метафизическимъ*. Въ этомъ случаѣ понятіе энергіи субстанціируется, получаетъ значеніе дѣйствующаго начала, активной сущности явленій, какъ „первобытная сила природы“ или, соотвѣтственно

отдѣльнымъ порядкамъ явленій, цѣлый рядъ такихъ силъ (электричество, магнетизмъ, химизмъ, жизненная сила и даже „психическая энергія", и проч.). Энергія въ метафизическомъ смыслѣ выдвигается, какъ принципъ объясненія не связи, а самого бытія опредѣленныхъ порядковъ явленій, въ которыхъ осуществляются первобытныя силы, непостижимыя по своей сущности, а потому и ничего не объясняющія. Активная субстанція, это — *скрытое качество* (qualitas occulta),—понятіе безсодержательное и безплодное, совершенно пустое. Субстанціальное пониманіе энергіи представляетъ лишь пережитокъ старины, паразитирующій въ новомъ строѣ понятій.

Во-вторыхъ, пониманіе энергіи можетъ быть *механическимъ* (или *кинетическимъ*). Такое пониманіе принято Гельмгольцемъ и Джоулемъ (основатели энергетики) и большинствомъ современныхъ физиковъ. Механическая теорія сводитъ всѣ формы энергіи къ формамъ равновѣсія и движенія. Основанія для этого слѣдующія. Прежде всего всѣ категоріи явленій, съ которыми связано признаніе спеціальныхъ формъ энергіи, имѣютъ съ одной стороны общія опредѣленія (количество, время, пространство), а съ другой — опредѣленія частныя (свою специфическую качественность и интенсивность: теплота, свѣтъ, упругость, вѣсъ и т. д.); для того, чтобы научно изслѣдовать, сравнивать и соизмѣрять всѣ категоріи явленій, необходимо технически привести ихъ къ общей мѣрѣ, а слѣдовательно, и къ общему способу ихъ представленія; такой мѣрой является равновѣсіе и движеніе тѣлъ; часы, термометръ, вѣсы и друг. приборы, — измѣряющіе время, пространство, теплоту, вѣсъ, силу свѣта и т. д.,—приводятъ всѣ явленія къ мѣрамъ равновѣсія и движенія. Въ этой формѣ механика проникаетъ во всѣ сферы явленій, такъ какъ механическій способъ представленія оказывается наиболѣе общимъ и развитымъ. Далѣе,—подводя съ логической необходимостью (т. е. на полныхъ объективныхъ основаніяхъ) какія-нибудь явленія подъ общее понятіе, мы тѣмъ самымъ подчиняемъ его и ближайшимъ спеціальнымъ опредѣленіямъ, на которыхъ общее понятіе основано; признавая внѣшній объектъ за дерево, мы не можемъ отрицать, что это не дерево вообще, а дерево опредѣленной породы; также точно, подводя всѣ явленія подъ опредѣленія времени и пространства, въ которыхъ они именно и составляютъ внѣшній міръ,—мы въ силу этого необходимо и всецѣло подчиняемъ ихъ (въ ихъ отдѣльности, въ ихъ элементахъ и въ ихъ общей связи) основнымъ механическимъ опредѣленіямъ; самымъ фактомъ своей объективной данности они опредѣляются какъ матеріальныя системы въ состояніи равновѣсія и движенія. Наблюдаемъ или не наблюдаемъ мы иныя свойства явленій, кромѣ механическихъ, выводимъ или не выводимъ ихъ изъ механическихъ процессовъ,—механическая картина міра представляетъ всеобщую и необходимую канву, въ которую вплетается все со-

держаніе нашихъ созерцаній; механическіе процессы составляютъ непрерывную основу всего совершающагося.

Наконецъ, существуютъ объективныя основанія сводить на формы равновѣсія и движенія цѣлыя категоріи явленій, отличныя отъ механическихъ по способу воспріятія. Акустика уже разрѣшила эту задачу, сведя звуковыя явленія на колебательныя движенія упругой среды, изученныя въ ихъ объективной закономѣрности; въ ней нѣтъ спеціальныхъ гипотезъ, какъ въ ученіи о теплотѣ, свѣтѣ, магнетизмѣ и электричествѣ, нѣтъ и спеціально звуковой энергіи; какъ энергетическая теорія—акустика есть отдѣлъ ученія объ упругости. Ученіе о свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ—развивается въ томъ же направленіи. Кинематическій характеръ этихъ явленій обнаруживается уже въ томъ, что свѣтъ и теплота распространяются, электрическій токъ движется—съ опредѣленной скоростью и по опредѣленнымъ законамъ. Ученіе о свѣтѣ, какъ таковое, уже устраняется физикой, потому что кромѣ лучей, свѣтовыхъ, или видимыхъ, доказано существованіе невидимыхъ лучей (инфракрасные или тепловые, ультрафіолетовые или химическіе, электрическіе лучи Герца, лучи Рентгена, лучи Беккереля и друг.); оптика развилась въ ученіе о лучистой энергіи, какъ формѣ колебательнаго движенія спеціальной среды (эѳира). Глубокое сродство тепловыхъ и механическихъ явленій также слѣдуетъ считать доказаннымъ: треніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нагрѣваніе; ударъ по тѣлу измѣняетъ конфигурацію матеріальной системы—и ея тепловое состояніе; измѣненіе аггрегатнаго состоянія тѣлъ (твердаго въ жидкое, жидкаго въ газообразное) вмѣстѣ съ измѣненіемъ ихъ теплового состоянія несомнѣнно сводится къ измѣненію формъ молекулярнаго равновѣсія и движенія; собственно говоря, при изученіи тепловыхъ явленій мы можемъ совершенно отвлечься отъ теплоты, какъ специфически ощутимаго качества тѣлъ; вся термометрія сводится къ такому отвлеченію: и подобно тому, какъ акустика и оптика отъ звука и свѣта перешли къ изслѣдованію формъ и законовъ движенія,—ученіе о теплотѣ стремится объективно установимыя температурныя состоянія и измѣненія свести къ формамъ равновѣсія и движенія. Электрическія явленія наблюдаются какъ опредѣленная связь звуковыхъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ, механическихъ и химическихъ дѣйствій. Магнитныя явленія, вѣроятно, однородны съ электрическими. Явленія притяженія наблюдаются въ формѣ химическаго сродства и всемірнаго тяготѣнія, слѣдовательно, какъ явленія динамическія, обобщаемыя въ понятіе движущей силы. Все это даетъ основаніе признавать принципіальную однородность всѣхъ процессовъ объективнаго міра, сводя ихъ къ формамъ равновѣсія и движенія, которыя, даже въ случаѣ невозможности непосредственно ихъ наблюдать, по существу такъ же мало трансцендентны, какъ, напримѣръ, микроорганизмы, не-

доступные зрѣнію, или внутренность вещей для глазъ, видящихъ только поверхности.

Третья форма ученія объ энергіи имѣетъ *методологическій* характеръ. Такого пониманія держался (изъ основателей энергетики) Ю. Р. Майеръ, стремившійся къ „ясному и свободному отъ гипотезъ воззрѣнію на природу". Въ настоящее время оно принято Махомъ, Оствальдомъ и др. Съ этой точки зрѣнія механическая теорія энергіи отвергается. „Когда,—говоритъ Махъ,—принципы механики выставляются въ качествѣ аксіомъ физики, то это равнозначно, собственно говоря, отрицанію всѣхъ явленій, кромѣ явленій движенія... Положимъ даже, что мы постигли механическія явленія *вполнѣ*. Имѣемъ ли мы право и возможность *устранять* на этомъ основаніи *изъ міра* другія явленія, которыхъ мы не понимаемъ? Придерживаясь такого принципа, проще всего было бы отрицать существованіе всего міра... Физика, разрабатываемая такимъ образомъ, даетъ намъ схему, въ которой едва ли можно узнать дѣйствительный міръ. И въ самомъ дѣлѣ, людямъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ придерживавшимся такихъ воззрѣній, *чувственный міръ*, отъ котораго, какъ отъ вполнѣ знакомой вещи, они первоначально исходили, представляется вдругъ величайшей „міровой загадкой" *).

Съ положительной стороны методологическое пониманіе энергіи (называемое также *феноменалистическимъ*) формулируется слѣдующимъ образомъ. Энергія есть закономѣрность измѣненія, количественно выраженная. Изслѣдованіе природы исходитъ изъ явленій, какъ они даны, обобщаетъ ихъ соотвѣтственно ихъ содержанію, и приводитъ единообразіе измѣненій къ простѣйшему количественному выраженію, которое называется закономъ. При этомъ оказывается, что качественно различные порядки явленій стоятъ въ опредѣленномъ количественномъ соотношеніи другъ къ другу. Первоначально установленнымъ общимъ соотношеніемъ является способность всѣхъ формъ измѣненій производить опредѣленное количество работы,—*превращаться* въ работу, такъ какъ возникновеніе новой формы измѣненія (механической работы) сопровождается исчезновеніемъ или уменьшеніемъ прежней его формы. Дальнѣйшія изслѣдованія установили закономѣрность взаимнаго превращенія для всѣхъ формъ измѣненій. Изъ этого вытекаетъ общее методологическое правило: когда исчезаетъ опредѣленное количество измѣненія въ одной формѣ, всегда возникаетъ опредѣленное количество измѣненія въ другихъ формахъ; задача научнаго изслѣдованія—экспериментально это доказать для всѣхъ порядковъ явленій, гдѣ закономѣрность такого отношенія остается скрытой. Законъ энергіи такимъ образомъ

*) Махъ. О принципѣ сохраненія энергіи (русск. перев. „Очерки по естествознанію", стр. 108—109).

ные и отчетливые типы представленія, на постоянствѣ которыхъ основывается всякое согласованіе мыслей. Они составляютъ какъ бы логическую азбуку мысли, сумму ея образовательныхъ элементовъ.—Абстрагированію подлежатъ не только элементарные признаки, но и элементарныя отношенія явленій.

Дальнѣйшее развитіе этого процесса состоитъ въ прогрессивномъ обобщеніи признаковъ и отношеній въ такъ называемыя *абстрактныя понятія*,—которое шагъ за шагомъ приводитъ насъ къ высшимъ абстракціямъ или *категоріямъ*. Система категорій представляетъ изъ себя совокупность всеобщихъ опредѣленій сущаго. Такъ какъ въ нихъ завершается послѣдовательная градація обобщеній элементарныхъ свойствъ и отношеній бытія,—то онѣ могутъ быть также опредѣлены какъ наиболѣе общіе классы понятій. Какія именно понятія признать высшими абстракціями или категоріями,—это вопросъ спеціальной логики; исторически онъ рѣшался различно, потому что классификація понятій можетъ быть болѣе или менѣе детальной, болѣе или менѣе правильной въ формальномъ отношеніи, наконецъ, болѣе или менѣе цѣлесообразной по отношенію къ суммѣ опыта, охватываемой ею.

Послѣдовательная градація абстрактныхъ понятій, завершающаяся категоріями, сложилась въ процессѣ продолжительной умственной работы людей, фиксированной въ формахъ мышленія. Исторіей ихъ образованія опредѣляется *генетическій* порядокъ понятій. Но, разумѣется, пролагать пути—неизмѣримо труднѣе, чѣмъ слѣдовать по открытой уже дорогѣ, или исправлять ее, съ цѣлью пройти весь путь мышленія съ наибольшей легкостью и быстротой. Порядокъ понятій, наиболѣе цѣлесообразный въ этомъ отношеніи, наиболѣе экономичный и гармонически-стройный, можетъ быть названъ ихъ *логичискимъ порядкомъ*. Попытку методическаго изложенія градаціи абстрактныхъ понятій въ видѣ стройнаго и законченнаго цѣлаго мы находимъ, напримѣръ, въ системѣ Гегеля.

Но философъ, задавшійся цѣлью систематизировать логическія опредѣленія бытія, не является законодателемъ разума, дедуцирующимъ изъ трансцендентальнаго сознанія вѣчныя истины, а только изслѣдователемъ законовъ мысли, ея нормальныхъ отношеній, сложившихся въ общественномъ сознаніи людей. Логическій порядокъ абстракцій не есть путь индивидуальнаго мышленія; это—русло, проложенное въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ общечеловѣческой работой мышленія, запечатлѣвшейся во всемъ строеніи рѣчи, въ ея внутренней логикѣ. Отвлеченные признаки и связи—это элементы общаго представленія дѣйствительности, ихъ отношенія—формы общаго сознанія; всеобщія опредѣленія сущаго, это всеобщія формы его мыслимости. Но если выработка этихъ формъ длилась въ теченіе всей исторіи человѣчества,—усвоеніе ихъ индивидуальнымъ сознаніемъ совершается быстро и инстинктивно, независимо отъ теоретическаго ихъ пониманія. Отдѣльная личность, усвояя вмѣстѣ съ рѣчью общечеловѣческую

логику, также не сознаетъ этого, какъ ребенокъ, начинающій ходить, законовъ механики, представляющихъ всеобщіе факты и вмѣстѣ съ тѣмъ высшія обобщенія. Формы коллективнаго сознанія составляютъ „предпосылки" сознанія индивидуальнаго, его соціальное „a priori". Едва начинается осмысленная жизнь ребенка, его сознательное отношеніе къ окружающему, — онъ уже съ неутомимой пытливостью задаетъ вопросы: кто? что? какой? гдѣ? когда? какъ? почему? и т. д. Въ рамки этихъ всеобщихъ формъ мыслимости онъ укладываетъ все содержаніе своихъ переживаній. Ему еще неизвѣстно большое количество первичныхъ абстракцій (оттѣнковъ цвѣта и звука, многихъ вкусовъ, запаховъ и пр.) — но онъ задаетъ вопросъ: какой? (вопросъ о качествѣ), почему? (вопросъ о причинѣ); высшія абстракціи уже присущи его мышленію и примѣняются имъ. Если онъ незнакомъ со словами: качество, количество, причина и пр,—то онъ знаетъ слова: какой, сколько, почему, — знаки тѣхъ же абстракцій, однозначные съ первыми (какой=какого качества, почему=по какой причинѣ и т. д.). Не онъ создалъ эти высшія абстракціи; онъ усвоилъ ихъ готовыми, а создало ихъ общее развитіе человѣчества. Только съ точки зрѣнія общечеловѣческаго развитія могутъ быть поняты надъ-индивидуальныя формы сознанія, „апріорныя" опредѣленія бытія. Теорія развитія служитъ основой научнаго апріоризма и исключаетъ собою апріоризмъ абсолютный, какъ метафизическую теорію.

Процессъ абстрагированія разлагаетъ бытіе на его мысленныя опредѣленія,—элементарные признаки и отношенія. Образованіе концептуальныхъ понятій возстановляетъ нарушенное единство формъ и процессовъ бытія. Понятіе — концепція есть синтезъ отвлеченныхъ признаковъ, объективно обусловленный. Иными словами, концептуальное понятіе есть отвлеченная мысль не объ отдѣльныхъ свойствахъ, но объ ихъ объективной связи. Тѣ формы бытія, о которыхъ составляются понятія, — это устойчивыя образованія природы, представляемыя статически (предметы) или динамически (процессы) въ ихъ отдѣльности, или въ связи и соотношеніи. Они выдѣляются для сознанія еще въ періодъ интуитивной постановки объективнаго міра, какъ сложныя образованія: по отдѣльности они представляютъ сочетанія свойствъ (элементовъ опыта) въ цѣлостное явленіе, а совмѣстно—сочетаніе явленій въ объективный порядокъ, реальный міръ. Это тотъ основной матеріалъ, который процессъ абстрагированія возводитъ къ общему сознанію, разлагая на элементы представленія, фиксированныя въ словахъ; но эти элементы въ ихъ обособленности объективно не даны: они отвлекаются мышленіемъ. Въ процессъ образованія концептуальныхъ понятій мышленіе возвращается къ объективно даннымъ формамъ и отношеніямъ бытія, сообразуя съ ними свои построенія. Эти построенія слагаются путемъ объективно сообразнаго синтеза признаковъ, то есть отвлеченныхъ опре-

дѣленій бытія для общаго сознанія; поэтому въ концептуальныхъ понятіяхъ возводятся къ общему сознанію формы и отношенія объективнаго бытія.

Но въ понятіе переносится не все содержаніе явленій, данное въ созерцаніи и представленіи о нихъ. Выборъ содержанія для понятія опредѣляется двумя моментами. Во-первыхъ, возможностью подвести его подъ сложившіяся въ сознаніи отвлеченныя опредѣленія; то содержаніе явленій, которое нельзя понять абстрактно, ускользаетъ отъ мысли и не входитъ въ понятіе, какъ общецѣнную концепцію бытія; понять явленіе, какъ цѣлое, можно лишь логически овладѣвъ его элементами; именно въ этомъ и состоитъ огромное познавательное значеніе абстрактныхъ понятій. Во-вторыхъ, онъ опредѣляется устойчивостью признаковъ въ повторяющемся и координированномъ опытѣ, личномъ и коллективномъ. Координируя не вполнѣ сходный и измѣнчивый опытъ отдѣльныхъ личностей, относя этотъ различный опытъ къ „тѣмъ же самымъ“ явленіямъ, коллективное сознаніе создаетъ одинъ общій коллективный опытъ. При этомъ все измѣнчивое и случайное въ содержаніи опыта отпадаетъ, остается лишь опредѣленное сочетаніе устойчивыхъ признаковъ, составляющихъ постоянное содержаніе всеобщаго опыта.

Основной методъ первоначальнаго образованія опытныхъ концепцій есть обобщеніе, поступательное движеніе мысли отъ единичнаго и частнаго къ общему и всеобщему. Начальнымъ моментомъ этого процесса является образованіе отчетливыхъ и общезначимыхъ понятій объ отдѣльныхъ явленіяхъ. Дальнѣйшія стадіи его выражаются въ концепціяхъ типовъ видовыхъ, родовыхъ и т. д. Въ результатѣ процесса получается стройно развертывающаяся классификація явленій. Объемъ каждаго изъ общихъ понятій первоначально соразмѣренъ кругу явленій, послужившихъ ближайшей основой обобщенія; такъ, понятіе о человѣкѣ обнимаетъ лишь окружающихъ людей, понятіе о лошади, березѣ, рѣкѣ—лишь знакомые объекты съ такими названіями; понятія этого рода могутъ быть названы *простыми эмпирическими понятіями.* Дальнѣйшее развитіе состоитъ въ образованіи *классификаціонныхъ понятій* въ точномъ смыслѣ,—то есть понятій, связанныхъ съ сознаніемъ, что объемъ ихъ шире сферы непосредственнаго наблюденія, составляющей ихъ ближайшую основу.

Основнымъ моментомъ, вызывающимъ такое сознаніе, является постоянное расширеніе опыта, показывающее, что, съ увеличеніемъ сферы наблюденій, человѣкъ, кромѣ объектовъ, послужившихъ ближайшей основой сдѣланнаго имъ обобщенія, встрѣчаетъ въ природѣ и другіе экземпляры того же рода. Съ накопленіемъ такихъ опытовъ въ людяхъ постепенно слагается идея о существованіи въ мірѣ явленій опредѣленныхъ и постоянныхъ типовъ бытія, изъ которыхъ каждый составляетъ объективный родъ явле-

ній съ неопредѣленнымъ множествомъ экземпляровъ. Такимъ путемъ измѣняется логическая характеристика общихъ понятій: они уже относятся мышленіемъ ко всѣмъ реально-сущимъ явленіямъ опредѣленнаго рода, независимо отъ рамокъ фактическаго наблюденія.

Систематизація концептуальныхъ понятій соотвѣтственно единообразіямъ и различіямъ предметовъ и процессовъ бытія завершается установленіемъ наиболѣе общихъ единообразій пребывающаго и происходящаго: таковы—*формы* и *законы* природы. *Формы* бытія, это—типическія образованія природы, съ опредѣленнымъ и постояннымъ сочетаніемъ свойствъ. *Законы природы*, это единообразія измѣненій и отношеній между измѣненіями, приведенные къ ихъ простѣйшему выраженію. Измѣненія и отношенія между измѣненіями могутъ быть *качественными* и *количественными*. Законы природы относятся преимущественно къ количественной сторонѣ явленій, какъ точно установимой; качественныя единообразія, основанныя на внѣшнихъ признакахъ явленій, служатъ выраженіемъ количественныхъ законовъ, и устанавливаются съ цѣлью открытія послѣднихъ. Наиболѣе общій и основной характеръ имѣютъ законы превращеній вещества и законы превращеній энергіи; они составляютъ предметъ общей физики, развѣтвляющейся на двѣ спеціальныя науки, органически связанныя между собою: химію и физику въ тѣсномъ смыслѣ. Законы жизни, изслѣдуемые біологіей, представляютъ спеціальную модификацію физико-химическихъ законовъ. Законы соціальные являются производными отъ законовъ біологическихъ; они имѣютъ еще болѣе спеціальный и сложный характеръ и, какъ таковые, требуютъ спеціальныхъ методовъ своей установки. И вообще съ возрастаніемъ сложности и специфичности естественныхъ порядковъ явленій спеціализируется и свойственная имъ закономѣрность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и научные методы. Сложныя явленія образуются изъ элементовъ, но въ элементахъ не содержится свойствъ сложнаго образованія; поэтому нельзя познавательно дедуцировать изъ общихъ и простыхъ законовъ—частныхъ и сложныхъ закономѣрностей, какъ нельзя изъ свойствъ трехъ линій вывести спеціальныхъ свойствъ треугольника, а изъ свойствъ треугольника спеціальныхъ свойствъ пирамиды или конуса. На признаніи уменьшающейся общности и увеличивающейся сложности естественныхъ порядковъ явленій и соотвѣтствующихъ закономѣрностей основывается установленная О. Контомъ классификація наукъ, а слѣдовательно и научныхъ методовъ.

Наиболѣе высокую ступень общности и абстрактности занимаютъ *чистыя формы* и *законы*, то есть опредѣленія количества, времени и пространства. Чистыя формы и законы не имѣютъ

самостоятельнаго объективнаго существованія; понятія о нихъ абстрагируются отъ явленій, въ которыхъ они даны; но въ этихъ понятіяхъ опускаются всѣ качественныя опредѣленія явленій, всѣ ихъ свойства, кромѣ количественныхъ, временныхъ и пространственныхъ; свойства и отношенія этихъ формъ берутся, какъ таковыя, и изслѣдуются въ ихъ чистомъ видѣ. Они представляютъ предѣльныя абстракціи, объективно примѣнимыя, но не существующія объективно, въ видѣ самобытныхъ реальностей. Поэтому чистыя формы абстрагируются и отъ принциповъ обособленія объективнаго бытія. Множество одинаковыхъ предметовъ (напримѣръ, иголокъ), совершенно для насъ неразличимыхъ по своимъ свойствамъ, мы все-таки не отождествляемъ, потому что они различно опредѣлены въ пространствѣ и времени; но множество однородныхъ геометрическихъ фигуръ (напр., круговъ одного радіуса) представляютъ для насъ полное тождество; неисчислимое множество однородныхъ чистыхъ формъ и законовъ сливаются для насъ въ совершенное единство. На этомъ основывается безусловная всеобщность и необходимость математическихъ теоремъ; напримѣръ, теоремы, выражающія общія свойства геометрическихъ фигуръ и тѣлъ (треугольника, круга, конуса), примѣнимы безусловно ко всѣмъ однороднымъ фигурамъ и тѣламъ (треугольникамъ, кругамъ, конусамъ), потому что всѣ такія построенія мыслятся именно въ ихъ принципіальномъ единствѣ. Всеобщія и необходимыя отношенія свойствъ и измѣненій чистыхъ формъ составляютъ чистые или формальные законы. Изученіе чистыхъ формъ и законовъ составляетъ содержаніе чистой математики.

Математика есть ученіе о чистыхъ формахъ и законахъ; механика есть ученіе о природѣ, какъ закономѣрномъ содержаніи времени и пространства. Поэтому механика является основной и всеобщей естественной наукой, наукой о всеобщихъ формахъ сущаго, какъ содержанія. Насколько это содержаніе мыслится, какъ общій матеріалъ изученія, еще не выраженный въ формулахъ закономѣрностей,— оно обобщается въ понятіе *матеріи*; матерія—это содержаніе объективной реальности, мыслимое абстрактно. Предметную основу понятія матеріи составляетъ внѣшній міръ, называемый физическимъ или матеріальнымъ; только исходя изъ него можно придти къ понятію матеріи. Какое бы значеніе этому понятію ни придавалось,—оно всегда относится къ объективному міру, какъ временно-пространственной реальности.

Принципіальное пониманіе матеріи можетъ быть двоякимъ: *метафизическимъ* и *научнымъ*. Въ метафизическомъ смыслѣ матерія есть субстратъ физическаго міра, трансцендентная сущность, лежащая въ основѣ явленій. Въ научномъ смыслѣ, матерія,—это познавательная концепція общаго содержанія объективнаго міра, разсматриваемаго статически, въ его пребываніи и постоянствѣ. Но основное содержаніе понятія матеріи, —инертность (со-

противленіе воздѣйствію) и подвижность—сводятся къ понятію силъ; статическое состояніе есть равновѣсіе силъ,—косное или подвижное. Динамическій характеръ основныхъ опредѣленій матеріальности и реальная невозможность абсолютнаго равновѣсія силъ, допустимаго лишь въ математическихъ теоремахъ, ведутъ къ тому, что статическое пониманіе матеріи принципіально подчиняется динамическому.

Степень абстрактности и общности понятія матеріи въ отдѣльныхъ наукахъ различна и опредѣляется степенью общности ихъ точекъ зрѣнія и задачъ изслѣдованія. Наибольшая общность и абстрактность этого понятія характеризуетъ механику, значительно меньшая—физику, еще меньшая—химію. Механика отвлекается отъ всѣхъ свойствъ реальности, кромѣ подвижности и инерціи; физика вводитъ цѣлый рядъ другихъ еще свойствъ, какъ, напр.,—аггрегатныя, термическія, электрическія; матерія химіи есть *вещество*, т. е. устойчивый и опредѣленный комплексъ постоянныхъ свойствъ физическихъ тѣлъ. Наиболѣе общее изъ этихъ понятій—понятіе механическое—представляется вмѣстѣ съ тѣмъ и всеобъемлющимъ; оно охватываетъ все содержаніе времени и пространства. Матерія, какъ содержаніе, немыслима безъ содержанія. Въ механическое понятіе матеріи входятъ всеобщія свойства объективнаго міра. Если отвлечься отъ этихъ свойствъ, составляющихъ содержаніе механическаго понятія, то мы получимъ метафическое понятіе о матеріи, какъ трансцендентной сущности бытія (ens rationis—ничто).

Понятіе матеріи не входитъ въ чистую математику. Поэтому основныя понятія теоретической механики менѣе общи и болѣе содержательны, чѣмъ понятія чистой математики. Въ механику входятъ математическія понятія (количество, время, пространство), синтетически объединяясь въ понятіи движенія; но къ нимъ присоединяется понятіе того, что движется; иными словами, въ механикѣ мыслится *реальность* въ ея математическихъ, то есть всеобщихъ и необходимыхъ опредѣленіяхъ. Тѣ элементарныя понятія съ которыми оперируетъ механика — внѣшнее воздѣйствіе, движущееся тѣло, путь движенія — все это, какъ мы знаемъ, *величины*, точно опредѣлимыя. Изслѣдуя реальную связь этихъ величинъ, механика устанавливаетъ общія формы „механической причинности“,—причинную связь движенія тѣлъ. Способы внѣшняго воздѣйствія, сообщающаго тѣламъ движеніе, весьма разнообразны. Толчекъ (или давленіе) можетъ быть произведенъ дѣйствіемъ человѣка, натянутой пружиной, движеніемъ другого тѣла; грузъ можетъ быть поднятъ работой мускуловъ, или вѣсомъ другого груза; пружина сгибается или натягивается усиліями человѣка, вѣсомъ тѣлъ и т. д. Такія же воздѣйствія, разнообразно направленныя, ускоряютъ, замедляютъ, измѣняютъ направленіе и прекращаютъ движеніе тѣлъ. Воздѣйствія, оказываемыя человѣкомъ, измѣримы и субъективно, и объективно. Субъектив-

ной ихъ мѣрой служитъ чувство усилія, сопровождающее мускульную работу человѣка; но эта мѣра имѣетъ лишь приблизительную точность. Что же касается объективной мѣры воздѣйствій какъ человѣка, такъ и другихъ тѣлъ, то она, путемъ взаимнаго ихъ сравненія, можетъ быть приведена къ совершенной точности. Усиліе, которое нужно употребить, чтобы согнуть пружину, можно точно измѣрить вѣсомъ груза, производящаго такое же дѣйствіе; воздѣйствіе, которое получилъ камень, брошенный человѣкомъ или согнутой пружиной, измѣряется и соизмѣряется вѣсомъ камня и пройденнымъ путемъ,—и т. д. Обобщеніе всѣхъ формъ механическаго воздѣйствія, объективно измѣримыхъ, приводитъ къ понятію *силы*. Опредѣленное съ количественной стороны дѣйствіе силы, вызывающей движеніе, есть *работа*.

Понятіе работы основывается на томъ, что тѣла, оказывающія въ разныхъ формахъ взаимное воздѣйствіе, не являются индифферентными: они обнаруживаютъ *сопротивленіе* воздѣйствію; работа именно и состоитъ въ преодолѣніи сопротивленія тѣлъ. Чтобы сообщить, измѣнить или прекратить движеніе тѣла, необходимо употребить усиліе, или, объективно, произвести работу, затратить силу.

Понятіе работы служитъ основой понятія *энергіи* или работоспособности матеріальной системы. Ученіе объ энергіи составляетъ основу современнаго физическаго міропониманія, утверждающаго всеобщую, закономѣрную и количественно-опредѣленную связь явленій. Съ этимъ понятіемъ, къ которому приходитъ динамика, мы вступаемъ въ область физики, въ которой энергія служитъ всеобщимъ объединяющимъ принципомъ. И въ этомъ принципѣ научно-философское міровоззрѣніе нашего времени находитъ свое синтетическое завершеніе. Понятіе энергіи связываетъ механику съ физикой: съ одной стороны энергія есть понятіе, производное отъ работы, слѣдовательно — динамическое понятіе; но оно не ограничивается кругомъ явленій механическихъ, охватывая всѣ области явленій природы, какъ общее выраженіе ихъ закономѣрностей, ихъ взаимной связи и количественной соизмѣримости. Механическое міропониманіе, это — логически необходимая научно-философская теорія, представляющая идеалъ познанія; энергетика, это — сложившееся и обоснованное физическое ученіе, которое, не считая доказаннымъ, что всѣ явленія природы сводятся къ механическимъ, только утверждаетъ, что всѣ явленія природы состоятъ въ опредѣленномъ количественномъ соотношеніи, и всѣ они могутъ произвести механическую работу.

Общая теорія энергіи можетъ быть представлена въ трехъ формахъ. Во-первыхъ, пониманіе энергіи можетъ быть *метафизическимъ*. Въ этомъ случаѣ понятіе энергіи субстанцiируется, получаетъ значеніе дѣйствующаго начала, активной сущности явленій, какъ „первобытная сила природы“ или, соотвѣтственно

отдѣльнымъ порядкамъ явленій, цѣлый рядъ такихъ силъ (электричество, магнетизмъ, химизмъ, жизненная сила и даже „психическая энергія“, и проч.). Энергія въ метафизическомъ смыслѣ выдвигается, какъ принципъ объясненія не связи, а самого бытія опредѣленныхъ порядковъ явленій, въ которыхъ осуществляются первобытныя силы, непостижимыя по своей сущности, а потому и ничего не объясняющія. Активная субстанція, это — *скрытое качество* (qualitas occulta),—понятіе безсодержательное и безплодное, совершенно пустое. Субстанціальное пониманіе энергіи представляетъ лишь пережитокъ старины, паразитирующій въ новомъ строѣ понятій.

Во-вторыхъ, пониманіе энергіи можетъ быть *механическимъ* (или *кинетическимъ*). Такое пониманіе принято Гельмгольцемъ и Джоулемъ (основатели энергетики) и большинствомъ современныхъ физиковъ. Механическая теорія сводитъ всѣ формы энергіи къ формамъ равновѣсія и движенія. Основанія для этого слѣдующія. Прежде всего всѣ категоріи явленій, съ которыми связано признаніе спеціальныхъ формъ энергіи, имѣютъ съ одной стороны общія опредѣленія (количество, время, пространство), а съ другой — опредѣленія частныя (свою специфическую качественность и интенсивность: теплота, свѣтъ, упругость, вѣсъ и т. д.); для того, чтобы научно изслѣдовать, сравнивать и соизмѣрять всѣ категоріи явленій, необходимо технически привести ихъ къ общей мѣрѣ, а слѣдовательно, и къ общему способу ихъ представленія; такой мѣрой является равновѣсіе и движеніе тѣлъ; часы, термометръ, вѣсы и друг. приборы, — измѣряющіе время, пространство, теплоту, вѣсъ, силу свѣта и т. д.,—приводятъ всѣ явленія къ мѣрамъ равновѣсія и движенія. Въ этой формѣ механика проникаетъ во всѣ сферы явленій, такъ какъ механическій способъ представленія оказывается наиболѣе общимъ и развитымъ. Далѣе,—подводя съ логической необходимостью (т. е. на полныхъ объективныхъ основаніяхъ) какія-нибудь явленія подъ общее понятіе, мы тѣмъ самымъ подчиняемъ его и ближайшимъ спеціальнымъ опредѣленіямъ, на которыхъ общее понятіе основано; признавая внѣшній объектъ за дерево, мы не можемъ отрицать, что это не дерево вообще, а дерево опредѣленной породы; также точно, подводя всѣ явленія подъ опредѣленія времени и пространства, въ которыхъ они именно и составляютъ внѣшній міръ,—мы въ силу этого необходимо и всецѣло подчиняемъ ихъ (въ ихъ отдѣльности, въ ихъ элементахъ и въ ихъ общей связи) основнымъ механическимъ опредѣленіямъ; самымъ фактомъ своей объективной данности они опредѣляются какъ матеріальныя системы въ состояніи равновѣсія и движенія. Наблюдаемъ или не наблюдаемъ мы иныя свойства явленій, кромѣ механическихъ, выводимъ или не выводимъ ихъ изъ механическихъ процессовъ,—механическая картина міра представляетъ всеобщую и необходимую канву, въ которую вплетается все со-

держаніе нашихъ созерцаній; механическіе процессы составляютъ непрерывную основу всего совершающагося.

Наконецъ, существуютъ объективныя основанія сводить на формы равновѣсія и движенія цѣлыя категоріи явленій, отличныя отъ механическихъ по способу воспріятія. Акустика уже разрѣшила эту задачу, сведя звуковыя явленія на колебательныя движенія упругой среды, изученныя въ ихъ объективной закономѣрности; въ ней нѣтъ спеціальныхъ гипотезъ, какъ въ ученіи о теплотѣ, свѣтѣ, магнетизмѣ и электричествѣ, нѣтъ и спеціально звуковой энергіи; какъ энергетическая теорія—акустика есть отдѣлъ ученія объ упругости. Ученіе о свѣтѣ, теплотѣ, электричествѣ—развивается въ томъ же направленіи. Кинематическій характеръ этихъ явленій обнаруживается уже въ томъ, что свѣтъ и теплота распространяются, электрическій токъ движется—съ опредѣленной скоростью и по опредѣленнымъ законамъ. Ученіе о свѣтѣ, какъ таковое, уже устраняется физикой, потому что кромѣ лучей, свѣтовыхъ, или видимыхъ, доказано существованіе невидимыхъ лучей (инфракрасные или тепловые, ультрафіолетовые или химическіе, электрическіе лучи Герца, лучи Рентгена, лучи Бекереля и друг.); оптика развилась въ ученіе о лучистой энергіи, какъ формѣ колебательнаго движенія спеціальной среды (эѳира). Глубокое сродство тепловыхъ и механическихъ явленій также слѣдуетъ считать доказаннымъ: треніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нагрѣваніе; ударъ по тѣлу измѣняетъ конфигурацію матеріальной системы—и ея тепловое состояніе; измѣненіе аггрегатнаго состоянія тѣлъ (твердаго въ жидкое, жидкаго въ газообразное) вмѣстѣ съ измѣненіемъ ихъ теплового состоянія несомнѣнно сводится къ измѣненію формъ молекулярнаго равновѣсія и движенія; собственно говоря, при изученіи тепловыхъ явленій мы можемъ совершенно отвлечься отъ теплоты, какъ специфически ощутимаго качества тѣлъ; вся термометрія сводится къ такому отвлеченію; и подобно тому, какъ акустика и оптика отъ звука и свѣта перешли къ изслѣдованію формъ и законовъ движенія,— ученіе о теплотѣ стремится объективно установимыя температурныя состоянія и измѣненія свести къ формамъ равновѣсія и движенія. Электрическія явленія наблюдаются какъ опредѣленная связь звуковыхъ, свѣтовыхъ, тепловыхъ, механическихъ и химическихъ дѣйствій. Магнитныя явленія, вѣроятно, однородны съ электрическими. Явленія притяженія наблюдаются въ формѣ химическаго сродства и всемірнаго тяготѣнія, слѣдовательно, какъ явленія динамическія, обобщаемыя въ понятіе движущей силы. Все это даетъ основаніе признавать принципіальную однородность всѣхъ процессовъ объективнаго міра, сводя ихъ къ формамъ равновѣсія и движенія, которыя, даже въ случаѣ невозможности непосредственно ихъ наблюдать, по существу такъ же мало трансцендентны, какъ, напримѣръ, микроорганизмы, не-

доступные зрѣнію, или внутренность вещей для глазъ, видящихъ только поверхности.

Третья форма ученія объ энергіи имѣетъ *методологическій* характеръ. Такого пониманія держался (изъ основателей энергетики) Ю. Р. Майеръ, стремившійся къ „ясному и свободному отъ гипотезъ воззрѣнію на природу". Въ настоящее время оно принято Махомъ, Оствальдомъ и др. Съ этой точки зрѣнія механическая теорія энергіи отвергается. „Когда,—говоритъ Махъ,— принципы механики выставляются въ качествѣ аксіомъ физики, то это равнозначно, собственно говоря, отрицанію всѣхъ явленій, кромѣ явленій движенія... Положимъ даже, что мы постигли механическія явленія *вполнѣ*. Имѣемъ ли мы право и возможность *устранять* на этомъ основаніи *изъ міра* другія явленія, которыхъ мы не понимаемъ? Придерживаясь такого принципа, проще всего было бы отрицать существованіе всего міра... Физика, разрабатываемая такимъ образомъ, даетъ намъ схему, въ которой едва ли можно узнать дѣйствительный міръ. И въ самомъ дѣлѣ, людямъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ придерживавшимся такихъ воззрѣній, *чувственный міръ*, отъ котораго, какъ отъ вполнѣ знакомой вещи, они первоначально исходили, представляется вдругъ величайшей „міровой загадкой" *).

Съ положительной стороны методологическое пониманіе энергіи (называемое также *феноменалистическимъ*) формулируется слѣдующимъ образомъ. Энергія есть закономѣрность измѣненія, количественно выраженная. Изслѣдованіе природы исходитъ изъ явленій, какъ они даны, обобщаетъ ихъ соотвѣтственно ихъ содержанію, и приводитъ единообразіе измѣненій къ простѣйшему количественному выраженію, которое называется закономъ. При этомъ оказывается, что качественно различные порядки явленій стоятъ въ опредѣленномъ количественномъ соотношеніи другъ къ другу. Первоначально установленнымъ общимъ соотношеніемъ является способность всѣхъ формъ измѣненій производить опредѣленное количество работы,—*превращаться* въ работу, такъ какъ возникновеніе новой формы измѣненія (механической работы) сопровождается исчезновеніемъ или уменьшеніемъ прежней его формы. Дальнѣйшія изслѣдованія установили закономѣрность взаимнаго превращенія для всѣхъ формъ измѣненій. Изъ этого вытекаетъ общее методологическое правило: когда исчезаетъ опредѣленное количество измѣненія въ одной формѣ, всегда возникаетъ опредѣленное количество измѣненія въ другихъ формахъ; задача научнаго изслѣдованія—экспериментально это доказать для всѣхъ порядковъ явленій, гдѣ закономѣрность такого отношенія остается скрытой. Законъ энергіи такимъ образомъ

---

*) Махъ. О принципѣ сохраненія энергіи (русск. перев. „Очерки по естествознанію", стр. 108—109).

имѣетъ значеніе всеобщепримѣнимаго методологическаго принципа изслѣдованія.

Пониманіе энергіи, какъ методологическаго принципа, не вызываетъ возраженій. Оно не только не исключается механической теоріей энергіи, но является необходимымъ выводомъ изъ нея. Въ самомъ дѣлѣ, если всѣ явленія природы сводятся къ механическимъ процессамъ, какъ своей общей основѣ, — они тѣмъ самымъ связываются непрерывной цѣпью внутренней закономѣрности; различіе формъ измѣненія сводится къ различію способовъ воспріятія; приведя ихъ къ общей формѣ, существенной для пониманія объективныхъ явленій, какъ временно-пространственныхъ процессовъ,—иными словами, понимая взаимное превращеніе формъ энергіи, какъ измѣненіе формъ движенія, ощутимыхъ разными способами,—представляется неизбѣжнымъ распространить количественную закономѣрность движеній на всѣ явленія внѣшняго міра; закономѣрность превращеній формъ измѣненія становится понятной въ ея внутренней необходимости. Итакъ, механическое пониманіе энергіи служитъ обоснованіемъ методологическаго примѣненія принципа энергіи къ изслѣдованію природы. Видѣть въ этомъ отрицаніе всѣхъ явленій, кромѣ явленій движенія, или *устраненіе изъ міра чувственныхъ* его свойствъ такъ же неосновательно, какъ приписывать геометріи отрицаніе въ мірѣ явленій всѣхъ формъ, кромѣ чисто пространственныхъ; механика не отрицаетъ физики, какъ и физика не отрицаетъ конкретныхъ наукъ; выводить спеціальную закономѣрность отѣльныхъ порядковъ явленій изъ всеобщей закономѣрности бытія не значитъ устранять изъ внѣшняго міра цвѣта и звуки, тепло и холодъ, электрическія явленія, химическіе процессы и т. д., но—устанавливать отношеніе частнаго къ общему, производнаго къ основному; когда мы видимъ и осязаемъ вибраціи звучащаго колокола, постепенно ослабѣвающія вмѣстѣ съ затиханіемъ звука,—мы объясняемъ измѣненія звука измѣненіями вибраціи, не отрицая ни тѣхъ, ни другихъ; мы просто опредѣленнымъ образомъ организуемъ нашъ опытъ, причемъ избираемъ механическія явленія какъ центральную, объединяющую группу для своего опыта. Принципіально таково же наше отношеніе и къ другимъ областямъ опыта: разница только въ техническихъ условіяхъ наблюденія, въ недостаточной тонкости нашихъ чувствъ или техническихъ приспособленій, вызывающей необходимость мысленнаго восполненія наблюдаемыхъ фактовъ, къ чему стремится всякая теорія.

Опредѣленіе энергіи, какъ работоспособности матеріальной системы, иначе—способности производить движеніе, преодолѣвая сопротивленіе,—позволяетъ всѣ формы энергіи свести къ двумъ разрядамъ, въ зависимости отъ того, состоитъ ли эта работоспособность въ движеніи, или въ положеніи матеріальной системы;

энергія движенія называется *кинетической* или *явной*; энергія положенія —*потенціальной* или *скрытой*.

Различныя формы энергіи взаимно превращаются въ постоянныхъ эквивалентныхъ соотношеніяхъ. Открытіе количественной эквивалентности въ превращеніяхъ разныхъ формъ энергіи составляетъ одно изъ величайшихъ научныхъ завоеваній XIX вѣка, основной и всеобъемлющій принципъ современнаго естествознанія. Этотъ принципъ называется *закономъ сохраненія энергіи* и формулируется слѣдующимъ образомъ:

Сумма всей энергіи въ природѣ неизмѣнна: она не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена ни однимъ изъ извѣстныхъ намъ естественныхъ процессовъ; но энергія одного вида можетъ перейти въ эквивалентное количество энергіи другого вида.

Главныя слѣдствія, вытекающія изъ закона сохраненія энергіи таковы: 1) всякая работа производится на счетъ запаса какого-либо вида энергіи, а въ результатѣ ея происходитъ эквивалентное накопленіе другой энергіи; 2) если система, преодолѣвая внѣшнее сопротивленіе, совершитъ работу, а затѣмъ, уступая воздѣйствію внѣшнихъ силъ, возвращается къ первоначальному состоянію, —сумма ея работы (положительной и отрицательной) равна нулю; 3) невозможно perpetuum mobile, т. е. приборъ, дающій непрерывно работу безъ затраты энергіи.

Наиболѣе блестящее и глубокое примѣненіе энергетики къ физическимъ явленіямъ представляютъ *термодинамика*, то есть ученіе о теплотѣ, какъ формѣ энергіи. Ея основныя положенія, экспериментально установленныя, имѣютъ универсальное значеніе, всеобщую примѣнимость къ явленіядъ природы, позволяющую открывать новыя закономѣрности въ процессахъ внѣшняго міра. Первое основное положеніе термодинамики, установленное Р. Майеромъ (1842 г.), Джоулемъ (1843 г.) и Гельмгольцемъ (1847 г.), распространившимъ его на всѣ области физическихъ явленій, заключается въ томъ, что теплота есть форма энергіи, а потому она эквивалентна нѣкоторой работѣ; при этомъ для механическаго эквивалента теплоты найдено точное численное выраженіе. Второе основоположеніе термодинамики, представляющее обобщеніе постулата Клаузіуса (1850 г.), основаннаго на „циклѣ" Карно, — таково: переходъ теплоты отъ болѣе теплаго тѣла къ болѣе холодному и переходъ работы въ теплоту происходитъ самъ собою, въ силу простой разницы температуры тѣлъ и формъ энергіи, безъ спеціальной на это затраты работы: но обратный переходъ совершается лишь при участіи процессовъ, вызывающихъ особую затрату энергіи. Съ этой точки зрѣнія можно установить градацію формъ энергіи по степени ихъ превратимости въ работу. Рабочая цѣнность механической энергіи наивысшая; теплота представляетъ наиболѣе низкую форму энергіи, и ея рабочая цѣнность зависитъ отъ температурной разницы тѣлъ, между которыми совершается переходъ теплоты въ работу: равновѣсіе

5*

температуръ низводитъ ее до нуля. В. Томсонъ (1851 г.) сдѣлалъ отсюда выводъ о диссипаціи (разсѣяніи) или деградаціи (пониженіи) формъ энергіи, выразивъ его слѣдующимъ образомъ: энергія, имѣющаяся въ мірѣ, стремится къ разсѣянію, т. е. къ переходу въ равномѣрно распредѣленную энергію тепловую. Законъ превращенія энергіи, основанный на второмъ основоположеніи термодинамики, установленъ Клаузіусомъ. „Сумму всѣхъ превращеній, которыя должны были произойти, чтобы привести тѣло или совокупность тѣлъ къ ихъ настоящему состоянію, — я называю *энтропіей*. Превращенія, при которыхъ энергія принимаетъ форму теплоты, называются положительными; противоположныя превращенія, при которыхъ теплота переходитъ въ работу, называются отрицательными. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ положительныхъ превращеній больше, чѣмъ отрицательныхъ, энтропія увеличивается. Отсюда нужно заключить, что при всѣхъ явленіяхъ природы энтропія можетъ только возрастать, а никакъ не уменьшаться. Вмѣстѣ съ тѣмъ выясняется законъ, способный служить краткимъ выраженіемъ того прогресса превращеній, который свершается постоянно и повсемѣстно: *энтропія міра стремится къ максимуму*“...

Такимъ образомъ, законъ энтропіи получаетъ значеніе всеобщаго принципа энергетики. Онъ опредѣляетъ общія условія наступленія превращеній энергіи и общее направленіе мірового процесса къ состоянію равновѣсія. Формой равновѣсія можетъ быть не только состояніе внутренняго покоя системы, но и состояніе періодическихъ движеній, представляющихъ замкнутый циклъ перемѣнъ, правильно повторяющихся; такое равновѣсіе называется подвижнымъ; оно наблюдается, напримѣръ, въ системахъ небесныхъ тѣлъ. Во всякомъ случаѣ, если система находится въ равновѣсіи, измѣненія въ ней могутъ быть вызваны только внѣшними воздѣйствіями; при этомъ система, измѣнившаяся подъ вліяніемъ внѣшняго воздѣйствія, или сохраняетъ свое новое состояніе, или путемъ обратныхъ перемѣнъ возвращается къ прежнему состоянію: въ первомъ случаѣ равновѣсіе называется безразличнымъ, во второмъ—устойчивымъ.

Оствальдъ, руководясь работой Гельма, слѣдующимъ образомъ формулируетъ общія условія и направленіе процессовъ природы. Покой энергіи обусловливается равномѣрнымъ распредѣленіемъ въ средѣ какой-нибудь измѣримой величины, какъ, напримѣръ, температуры, электрическаго напряженія, давленія. Свойство, отъ равенства котораго зависитъ покой соотвѣтствующихъ энергій, можетъ быть названо *интенсивностью*. „*Для того, чтобы что-либо произошло въ существующихъ энергіяхъ, должны существовать различія въ степени интенсивности*“. Это потому, что равная интенсивность есть только названіе существующаго въ наличности равновѣсія. Слѣдовательно, законъ можетъ быть выраженъ и такъ: „*Для того, чтобы что-либо совершилось, должны существовать не-*

уравновѣшенныя различія въ интенсивности" *). Самый процессъ измѣненія есть приближеніе къ состоянію равновѣсія.

Энергетика составляетъ основу ученія о природѣ: въ ней содержатся всеобщія опредѣленія міра явленій; ея законы, это — законы мірового процесса, въ его универсальной связи и въ его мельчайшихъ проявленіяхъ. Различіе формъ энергіи опредѣляется не различіемъ классовъ явленій, а различіемъ основныхъ формъ измѣненія, присущихъ всѣмъ явленіямъ. Нельзя поэтому говорить о спеціальныхъ энергіяхъ отдѣльныхъ классовъ явленій. „Жизненная энергія", „психическая энергія", — это такой же абсурдъ, какъ, напримѣръ, астрономическая или геологическая энергія. Такія словосочетанія допустимы лишь въ переносномъ смыслѣ, отчасти какъ выраженіе общей связи процессовъ въ опредѣленной группѣ явленій, отчасти какъ выраженіе нашего незнанія элементарныхъ процессовъ, изъ которыхъ образуются сложные процессы въ этихъ явленіяхъ, законы которыхъ представляютъ спеціальную модификацію общей закономѣрности мірового процесса.

Съ точки зрѣнія общей физики, тѣла (матеріальныя системы) представляютъ центры энергіи, спеціально комбинированной. Они обнаруживаютъ вѣсъ, сопротивленіе воздѣйствіямъ, измѣняющимъ ихъ форму и объемъ, далѣе—опредѣленную температуру, цвѣтъ, электрическое состояніе. Комплексы этихъ свойствъ и состояній называются физическими тѣлами, и разсматриваются какъ устойчивыя сочетанія формъ энергіи. Степень устойчивости такихъ сочетаній въ различныхъ тѣлахъ неодинакова, и отдѣльные элементы въ комплексѣ отличаются неодинаковымъ постоянствомъ своей интенсивности. Физика, изслѣдуя явленіе природы, отвлекается отъ *постояннаго сочетанія* ихъ элементовъ; изученіе этихъ сочетаній и законовъ ихъ образованія и превращенія составляетъ задачу *химіи*.

Основное понятіе химіи, какъ мы видѣли, есть понятіе *вещества*, то есть устойчиваго комплекса общихъ и постоянныхъ свойствъ физическихъ тѣлъ. Такіе комплексы въ природѣ весьма многочисленны и, путемъ соединенія и разложенія, разнообразно превращаются въ опредѣленныхъ количественныхъ и качественныхъ отношеніяхъ, по общимъ законамъ. Универсальный законъ превращеній, это *законъ сохраненія матеріи*, экспериментально установленный Лавуазье и провѣренный на всѣхъ точныхъ химическихъ опытахъ. Онъ формулируется слѣдующимъ образомъ: *количество всей содержащейся въ природѣ матеріи неизмѣнно; ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ процессовъ не можетъ увеличить или уменьшить его*. Это значитъ: при всѣхъ точныхъ опытахъ и во всѣхъ изученныхъ явленіяхъ природы ни разу не удалось замѣтить, чтобы вѣсъ веществъ, образующихся въ процессѣ пре-

*) Оствальдъ. „Натуръ-философія". Стр. 188, 189 и 194.

вращенія, былъ больше или меньше вѣса веществъ, изъ которыхъ они образуются; а такъ какъ вѣсъ пропорціоналенъ массѣ, то количество матеріи при всѣхъ вещественныхъ превращеніяхъ остается постояннымъ.

На почвѣ изученія тѣлъ съ химической точки зрѣнія получило новое, своеобразное развитіе древне-философское ученіе объ *атомахъ*. Въ области химіи это ученіе развилъ, главнымъ образомъ, Дальтонъ (въ нач. XIX в.) въ своей „A new sustem of chemical philosophy" – именно для объясненія одного изъ ея основныхъ законовъ, — *„закона кратныхъ отношеній"*. Дальтонъ принималъ, что „всѣ замѣтной величины тѣла, будь они жидкими или твердыми, состоятъ изъ невѣроятнаго числа до крайности маленькихъ частичекъ или атомовъ матеріи, связанныхъ между собою большею или меньшею, въ зависимости отъ условій, притягательною силою". Атомы недѣлимы ни физическими, ни химическими способами; но они обладаютъ объемомъ, вѣсомъ и постоянной подвижностью. Это — предѣльныя единицы, съ которыми имѣетъ дѣло наука при разсмотрѣніи вещественныхъ явленій. Различные химическіе элементы имѣютъ различный атомный вѣсъ, опредѣленный и неизмѣнный для каждаго элемента. Постоянныя отношенія, въ которыхъ соединяются элементы, представляютъ относительный вѣсъ атомовъ, которые, въ силу своей недѣлимости, могутъ соединяться лишь цѣлыми своими массами, слѣдовательно, въ простомъ краткомъ отношеніи. Примѣненіе атомистической теоріи къ закону кратныхъ отношеній сообщило ей значеніе метода изслѣдованія, рабочей гипотезы, съ помощью которой можно установить цѣлый рядъ химическихъ соотношеній и выразить ихъ въ формулахъ закономѣрности. Въ этомъ ея право на существованіе, ея научное значеніе.

Теорія Дальтона была дополнена Авогардо (1811 г.), который ввелъ въ нее понятіе о *молекулѣ*, то есть наименьшей, недѣлимой механически и физически, частицѣ вещества (группѣ атомовъ), вступающей въ химическое взаимодѣйствіе съ другими частицами. Основываясь на теоріи Авогардо, далѣе разработанной, обоснованной и облеченной въ точныя формы Жераромъ, Канниццаро (въ 60-хъ год.) опредѣлилъ атомы, какъ „наименьшія количества (или недѣлимыя химическія массы) элементовъ, образующія части простыхъ и сложныхъ тѣлъ".

Основныя свойства атомовъ, это – специфическій „атомный вѣсъ" и взаимное атомное притяженіе („химическое сродство"). Разнообразіемъ атомнаго вѣса и величины взаимнаго притяженія атомовъ объясняются закономѣрныя превращенія вещества, связанныя съ глубокимъ измѣненіемъ его свойствъ. Группы атомовъ и молекулъ, соединенныя взаимнымъ притяженіемъ въ опредѣленномъ соотношеніи съ ихъ вѣсомъ, образуютъ сложныя матеріальныя системы въ состояніи равновѣсія или движенія. На признаніи этого основывается идея химической механики,

выдвигаемая въ новѣйшее время. „Невидимый міръ химическихъ измѣненій совершенно сходенъ съ видимымъ міромъ небесныхъ тѣлъ", говоритъ Менделѣевъ *). Атомы, это—индивиды невидимаго міра, а молекулы - устойчивыя системы или подвижныя равновѣсія. „Съ тѣхъ поръ какъ узнали неразрушаемость простыхъ тѣлъ, химическія превращенія нельзя иначе понимать, какъ въ видѣ перемѣщеній и движеній". Частицы — не статическія, а динамическія равновѣсія; между тѣмъ ученіе объ атомности или валетности элементовъ, то есть о числѣ сродствъ, имъ присущихъ, и основанное на немъ ученіе о структурѣ частицъ (теорія строенія) представляетъ именно статическое воззрѣніе на ихъ природу. Конституція, т. е. составъ и превращеніе частицъ, могутъ быть объяснены изъ началъ Ньютоновой динамики. Третій законъ Ньютона: „дѣйствіе и противодѣйствіе всегда равны по величинѣ и противоположны (по направленію)",—даетъ исходную точку для пониманія возможности подвижныхъ равновѣсій не только между частицами, но и внутри ихъ между атомами. Въ самомъ дѣлѣ, если система или частица дана, то въ ней, по третьему закону Ньютона, каждая часть атомовъ дѣйствуетъ на остальную часть въ томъ же родѣ, съ такою же силою, какъ эта вторая часть дѣйствуетъ на первую. Отсюда прямо заключаемъ, что обѣ части атомовъ, образующихъ частицу, не только эквиваленты между собою, какъ слѣдуетъ по закону Дальтона, но также, что онѣ, если взаимно соединены, то могутъ и замѣщать другъ друга. Слѣдовательно, можно установить слѣдующій *принципъ замѣщеній:* „*всякія двѣ части атомовъ, образующихъ частицу, между собою эквивалентны и могутъ другъ друга замѣщать* въ иныхъ частицахъ". Примѣненіе этого принципа къ наиболѣе сложнымъ водородистымъ и углеродистымъ соединеніямъ показываетъ, что „не только частности состава, изомеріи и отношеній, но и общіе законы сложнѣйшихъ соединеній выводятся простѣйшимъ образомъ на основаніи принципа замѣщеній, то есть на основаніи 3-го закона Ньютона, не прибѣгая ни къ статическимъ построеніямъ, ни къ опредѣленію атомностей, ни къ исключенію свободныхъ сродствъ, ни къ признанію единичныхъ, или двойныхъ и тройныхъ связей, которыя такъ необходимы структуристамъ, чтобы понять составъ и строеніе этихъ соединеній". Такимъ образомъ, динамическій законъ вноситъ законченное единство въ теоретическую химію и связываетъ ее съ общей теоріей природы.

Химики пытались установить закономѣрность въ соотношеніяхъ атомныхъ вѣсовъ элементовъ. Проутъ указывалъ (въ 1815 г.), что атомные вѣса газообразныхъ элементовъ представляются кратными цѣлыми числами отъ единицы, равной атомному вѣсу

---

*) Лондонское чтеніе: „Попытка приложенія къ химіи одного изъ началъ естественной философіи Ньютона". Стр. 12 и дал.

водорода. Томсонъ пытался распространить это положеніе на всѣ элементы. Работы Стаса по опредѣленію атомнаго вѣса элементовъ имѣли цѣлью доказать законъ всеобщей кратности атомныхъ вѣсовъ и изъ этого вывести, что всѣ элементы представляютъ различныя степени конденсаціи одного основного элемента. Этого достигнуть не удалось; но произведенныя при этомъ экспериментальныя изысканія подготовили почву къ великому открытію періодической системы элементовъ, которая дала объединяющій принципъ для пониманія всеобщей органической связи между элементами. Сущность этого закона выражается въ положеніи: *свойства элементовъ являются періодическими функціями ихъ атомныхъ вѣсовъ*. Менделѣевъ, съ именемъ котораго связывается это открытіе, въ докладѣ Русскому Химическому Обществу (1869 г.) доказалъ, что „элементы, расположенные по величинѣ ихъ атомнаго вѣса, представляютъ явственную періодичность свойствъ“ (п. 1-й); „сходственные по химическимъ отправленіямъ элементы представляютъ или близкіе атомные вѣса (подобно Pt, Ir, Os), или послѣдовательно и однообразно увеличивающіеся (подобно K, Rb, Cs)“ (п. 2-й); „распространеннѣйшія въ природѣ простыя тѣла имѣютъ *малый* атомный вѣсъ“ (п. 4); „величина атомнаго вѣса опредѣляетъ характеръ элемента, какъ величина частицы опредѣляетъ свойства сложнаго тѣла“ (п. 5). На основаніи періодическаго закона возможно открытіе неизвѣстныхъ элементовъ и исправленіе атомнаго вѣса элементовъ уже открытыхъ. Эти положенія блестяще оправдались: нѣкоторые элементы, указанные и описанные на основаніи періодической системы элементовъ, были затѣмъ открыты экспериментальнымъ путемъ.

Открытіе періодическаго закона не было дѣломъ случая: оно было подготовлено всѣмъ развитіемъ химіи и логически вытекало изъ ея общаго состоянія въ тотъ періодъ времени. Идея всеобщей связи химическихъ элементовъ, такъ сказать, носилась въ воздухѣ. Къ признанію періодической зависимости свойствъ элементовъ отъ ихъ атомныхъ вѣсовъ пришли, независимо отъ Менделѣева, Ньюлэндсъ, Лотаръ Мейеръ, Карнелли и др. Но періодическій законъ, объединяющій всѣ элементы въ общую систему, не былъ конечнымъ пунктомъ развитія; выраженное въ немъ соотношеніе элементовъ само по себѣ оставалось непонятнымъ, и могло быть объяснено только ихъ генетическимъ единствомъ. Это ставило задачу дальнѣйшаго изслѣдованія.

Менделѣевъ относился отрицально къ мысли о сложности химическихъ элементовъ и о единой первичной матеріи, считая эту мысль утопической *). Но требованіе объединяющей теоріи не было слѣдствіемъ одного лишь формально-логическаго стремленія къ единству системы: мысль о генетическомъ единствѣ

*) Фарадеевское чтеніе: „Періодическая законность химическихъ элементовъ“, 1889 г.

химическихъ элементовъ вытекала именно изъ періодическаго закона, и обосновывалась развивающимся содержаніемъ химіи. Теорію происхожденія химическихъ элементовъ предлагаетъ В. Круксъ *), основываясь на новѣйшихъ химическихъ опытахъ и на изученіи отношеній между химическими элементами, вытекающихъ изъ періодическаго закона. Онъ доказываетъ несостоятельность обычной характеристики элементовъ, какъ чего-то неизмѣннаго, невѣроятность ихъ вѣчнаго существованія, случайнаго происхожденія и одновременнаго возникновенія. Закономѣрность ихъ отношенія должна имѣть общую основу; ихъ періодическія различія могутъ проистекать только изъ постепеннаго измѣненія условій ихъ образованія. Онъ даетъ гипотетическую картину происхожденія всѣхъ элементовъ изъ одного первичнаго вещества, подвергающагося различнымъ энергетическимъ вліяніямъ и проходящаго чрезъ различныя фазы частью неустойчивыхъ, частью устойчивыхъ аггрегацій. „Каждый рѣзко опредѣленный элементъ можно сравнить съ устойчивой террасой, на которую ведутъ уступы изъ неустойчивыхъ тѣлъ. При первомъ срастаніи первобытнаго вещества произошли самые малые атомы, потомъ они соединились между собой и образовались болѣе крупныя группы; бездна между одной стадіей и другой постепенно застилалась, и стойкій элементъ, приноровленный къ этой стадіи, такъ сказать, поглощалъ нестойкія ступеньки той лѣстницы, которая вела къ его образованію. Подлежитъ еще сомнѣнію, абсолютно ли одинаковы массы конечныхъ атомовъ даже у одного и того же химическаго элемента. По всей вѣроятности, наши атомные вѣса представляютъ собой лишь нѣкоторыя среднія величины, около которыхъ варьируютъ въ извѣстныхъ узкихъ предѣлахъ истинные вѣса атомовъ“. Поглощеніе нестойкихъ образованій устойчивыми элементами представляется своего рода „естественнымъ отборомъ“ въ неорганическомъ мірѣ. Поэтому Круксъ примѣняетъ къ теоріи эволюціи элементовъ названіе „неорганическаго дарвинизма“,— подобно тому какъ Дарвинъ понятіе отбора, процесса искуственнаго, перенесъ на процессъ біологическаго развитія **).—На са-

*) В. Круксъ. „Происхожденіе химическихъ элементовъ“.—Рефератъ, читанный въ Бирмингамѣ (сентябрь 1886 г.) и затѣмъ (въ переработанномъ видѣ) въ Лондонскомъ Королевскомъ Институтѣ (февр. 1887 г.).

**) Въ новѣйшихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ явленій радіоактивности можно видѣть подтвержденіе Круксовской теоріи измѣнчивости и развитія химическихъ элементовъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ XIX вѣка Гитторфомъ былъ открытъ особый родъ лучей, названныхъ впослѣдствіи катодными. Изслѣдованія Крукса, произведенныя надъ тѣми явленіями (свѣтовыми, тепловыми, механическими, магнитными и пр.), въ которыхъ обнаруживается дѣйствіе катодныхъ лучей, привели его къ признанію болѣе тонкаго, чѣмъ газообразное, именно—лучистаго состоянія вещества, „радіантной матеріи“: катодные лучи съ его точки зрѣнія—это потокъ вещества въ лучистомъ состояніи. Открытіе лучей Рёнтгена (1896 г.), возбуждаемыхъ дѣйствіемъ катодныхъ лучей на Круксову трубку, давало новое подтвержденіе этой теоріи. Вскорѣ затѣмъ Беккерель открылъ лучи, испускемые ураномъ, урановыми и торіевыми со-

момъ дѣлѣ—одни явленія бросаютъ свѣтъ на другія. Это потому, что всѣ они служатъ выраженіемъ общей тенденціи мірового процесса, вытекающей изъ основныхъ и незыблемыхъ законовъ механики и физики,—тенденціи къ образованію устойчивыхъ формъ и процессовъ. Міровая тенденція къ формамъ устойчиваго равновѣсія проявлялась и въ происхожденіи химическихъ элементовъ, и въ образованіи космическихъ системъ, и въ развитіи органическаго міра, и во всѣхъ формахъ сознательной жизнедѣятельности. Эта тенденція представляетъ основной міровой законъ, съ помощью котораго можетъ быть понято прошедшее, настоящее и будущее. Принципъ „стремленія къ устойчивости", Фехнеръ признаетъ посредствующимъ звеномъ между причинностью и телеологіей. Правильнѣе смотрѣть на него, какъ на средство свести телеологію къ причинности. Этотъ принципъ даетъ ключъ къ пониманію того, какимъ образомъ „объективная цѣлесообразность" міра сводится къ всеобщей необходимости закономѣрнаго мірового процесса.

IV. Жизнь, какъ явленіе природы.

„О разрѣшите мнѣ жизни загадку,
Древнюю, полную муки загадку!"
Г. Гейне.

Системы подвижного равновѣсія издавна вызывали въ людяхъ идею объективной цѣлесообразности или разумнаго міропорядка. Правильная періодичность, сложность и согласованность движеній въ устойчивыхъ системахъ приводили къ признанію

лями,—во многомъ напоминающіе Рентгеновы лучи, но по дѣйствію на нихъ магнитнаго и электрическаго поля подобные лучамъ катоднымъ. Изученіе испускающихъ лучи Беккереля или радіоактивныхъ веществъ, и открытіе К. и С. Кюри элемента радія бросило новый свѣтъ на явленіе радіоактивности. Наиболѣе вѣроятной ея причиной признаются превращенія вещества, еще болѣе тонкія, чѣмъ тѣ, съ которыми имѣла до сихъ поръ дѣло химія, именно—превращенія атомовъ: радіоктивныя вещества—это элементы съ невполнѣ установившимся строеніемъ атомовъ, переходящихъ отъ менѣе устойчиваго состоянія къ болѣе устойчивому, причемъ этотъ переходъ сопровождается освобожденіемъ энергіи.

„Новѣйшія изслѣдованія говорятъ въ пользу гипотезы объ атомномъ трансформированіи радія... Рамсей и Содди видятъ въ своихъ недавнихъ опытахъ доказательство того, что радіевая эманація есть непостоянный газъ, который, разрушаясь, образуетъ гелій. Съ другой стороны нельзя объяснить обыкновенной химической реакціей безпрерывнаго выдѣленія теплорадіемъ, а можно усмотрѣть начало этого явленія въ трансформированіи атома".— С.-Кюри. Радій и радіоактивныя вещества.

ихъ внутренней цѣльности и планомѣрнаго устройства. Идея внутренней цѣльности содержитъ признаніе взаимной зависимости частей и подчиненія ихъ цѣлому, изъ котораго слѣдуетъ объяснить все частное: въ этомъ состоитъ телеологія, какъ познавательный принципъ. Идея планомѣрнаго устройства выводитъ цѣльность и стройность системъ изъ разумнаго замысла и творческой силы, какъ реальной основы ихъ осуществленія: въ этомъ состоитъ телеологія, какъ метафизическій принципъ. Всеобщая связь и единообразіе природы даютъ поводъ возвести телеологію въ міровой принципъ, объемлющій все сущее. Телеологическое міровоззрѣніе разсматриваетъ вселенную, какъ разумное цѣлое, проявленіе творческой идеи, реализующейся и въ космическихъ системахъ, и въ прозябаніи былинки, и въ идейной жизни человѣка; въ этомъ цѣлесообразномъ міропорядкѣ все единичное и частное можетъ быть понято только изъ идеи мірового цѣлаго, какъ основы бытія и познанія.

Понятіе цѣлесообразности имѣетъ своей основой сознательную жизнедѣятельность. Цѣль—это представленіе о результатѣ дѣйствія, реализуемое дѣйствіемъ; иначе—мотивъ, опредѣляющій волю къ дѣйствію. Шопенгауэръ правильно опредѣлилъ цѣль, какъ прямой мотивъ воли, а средство, какъ мотивъ косвенный. Цѣлесообразность,—это характеристика дѣйствій, опредѣляемыхъ цѣлью, и произведеній, осуществляющихъ цѣль. Въ сферѣ сознательной жизнедѣятельности цѣлесообразность служитъ и принципомъ объясненія дѣйствій, какъ обусловленныхъ мотивами, и основой ихъ оцѣнки, какъ реализующихъ цѣли съ большей или меньшей полнотой. Въ томъ случаѣ, когда цѣлесообразность возводится въ міровой принципъ, она первоначально имѣетъ миѳологическій характеръ; въ нее входитъ и элементъ воли, и элементъ цѣли, и актъ осуществленія. „Вся телеологія коренится въ томъ взглядѣ, что Строитель міровъ дѣйствуетъ по пріемамъ, которые человѣкъ, по аналогіи употребленія человѣческаго разсудка, долженъ назвать цѣлесообразными“, говоритъ Ланге *). Міровая цѣлесообразность признается произведеніемъ сознательнаго творчества трансцендентнаго существа.

Телеологія трансцендентная не только первоначальная, но и наиболѣе законченная и соотвѣтствующая своему основному смыслу. Устраненіе миѳологической концепціи, обезличеніе телеологіи—отнимаетъ у этого понятія его логическую основу, его существенное содержаніе. Но и трансцендентная телеологія, свободная отъ логическаго противорѣчія, однако, не можетъ быть ни обоснована, ни примѣнена къ истолкованію природы. Прежде всего понятіе міроустроителя—есть понятіе міровой цѣлесообразности, отнесенное къ трансцендентной причинѣ; а понятіе трансцендентной причины логически невозможно ввести въ общую

*) Исторія матеріализма, стр. 518 (2 русск. изд.).

связь міровыхъ событій въ качествѣ основного опредѣляющаго *событія*. Всякое событіе есть перемѣна, обусловленная другой перемѣной и т. д.; трансцендентная причина развертывается въ безпредѣльный рядъ событій, теряющійся въ вѣчности. Если этотъ рядъ доміровыхъ событій связанъ съ рядомъ событій міровыхъ, какъ непосредственно въ него переходящій, онъ утрачиваетъ трансцендентность, подчиняется основнымъ опредѣленіямъ міра явленій, объединяется съ нимъ въ общій и безпредѣльный міровой процессъ. Міроустроитель сливается съ міропорядкомъ и исчезаетъ въ немъ. Если же признать понятіе міровой первопричины абсолютно трансцендентнымъ,—этимъ отрѣзывается логическій путь къ понятію, а слѣдовательно и возможность внести въ него содержаніе и обосновать его. Затѣмъ, если бы даже реальность міроустроителя и могла быть логически обоснована, изъ понятія о немъ нельзя вывести плана мірозданія, творческихъ идей, реализованныхъ въ формахъ и процессахъ бытія; а въ мірѣ явленій нельзя найти мѣрила цѣлесообразности, объективнаго критерія полноты осуществленія творческихъ замысловъ. Поэтому понятіе міроустроителя, какъ принципъ объясненія, оказывается совершенно безплоднымъ. Наконецъ, если мы, исходя изъ понятія абсолютной мощи творческаго начала, признаемъ, что планъ мірозданія реализованъ въ совершенной степени, и существующій міръ есть наилучшій изъ возможныхъ міровъ, — тогда понятіе цѣлесообразности утратитъ всякую опредѣленность, потому что мы придемъ къ безсодержательному положенію: цѣль всего сущаго быть такимъ, каково оно есть, ибо такова воля Божія.

Съ паденіемъ миѳологическаго міропониманія трансцендентная телеологія утратила основу. Съ устраненіемъ понятія о сознательномъ міровомъ творчествѣ падаетъ понятіе міровой цѣли, а слѣдовательно и цѣлесообразности въ собственномъ смыслѣ. Цѣлесообразность безъ цѣли, это—или внутреннее противорѣчіе, или фигуральное выраженіе, очень далекое отъ точнаго смысла понятій. Но хотя телеологическое міропониманіе утратило свою принципіальную основу, характеръ міровыхъ явленій, подавшихъ поводъ къ образованію понятія объективной цѣлесообразности, отъ этого не измѣнился; и пока міровой строй не былъ понятъ въ его объективной необходимости, въ его всеобщей закономѣрной обусловленности, онъ представлялъ міровую загадку, разрѣшаемую въ телеологической формѣ. Телеологія внутренно преобразовалась. Свободное опредѣленіе цѣли было перенесено въ самый субстратъ міровыхъ процессовъ, какъ имманентная субстанціи цѣль. Имманентная телеологія, выраженная въ періодъ античной философіи Аристотелемъ и стоиками, въ новое время нашла свое выраженіе въ рядѣ метафизическихъ теорій природы, отвергающихъ антропоморфическій теизмъ, какъ принципъ объясненія природы, но не отрѣшившихся отъ свойственнаго ему

способа разсмотрѣнія міровыхъ явленій; таковы теоріи анимизма, витализма, метафизическаго волюнтаризма и др. При этомъ телеологія выступаетъ въ двухъ формахъ: какъ универсальный принципъ міропониманія, или какъ принципъ объясненія отдѣльныхъ областей явленій, преимущественно явленій жизни, составляющихъ ближайшую основу понятія цѣлесообразности.

Основныя понятія телеологіи въ ученіи объ имманентной цѣсообразности природы существенно преобразуются. На мѣсто сознательнаго существа, творящаго міровой процессъ, становится образовательная, цѣледѣятельная сила, какъ имманентная субстанція міра, развертывающаяся во всемъ многообразіи его формъ и процессовъ; этой силѣ давались различныя названія: архей, витальность, жизненная сила, воля, безсознательное и т. д., но всѣ эти названія относятся къ понятіямъ однороднымъ, выражающимъ именно объективную цѣлесообразность, отнесенную къ имманентной сущности міровыхъ процессовъ. Сознательно-цѣлесообразная дѣятельность замѣняется „цѣлестремительностью", тенденціей развитія, стремленіемъ къ совершенству, къ цѣлесообразности—и тому подобными неопредѣленными понятіями, какъ предѣльными объяснительными принципами, несводимыми къ всеобщимъ и необходимымъ законамъ міровой механики. Самое понятіе цѣли внутренно преобразовалось, и стало выражать опредѣленный и постоянный результатъ, предустановленный цѣлестремящейся силой.

Все содержаніе имманентной телеологіи основывается на томъ фактѣ, что въ природѣ существуютъ явленія, аналогичныя произведеніямъ сознательнаго творчества по общему типу ихъ устройства; подобно тому какъ цѣлесообразныя произведенія, напр., созданія искусства, представляютъ цѣлостныя образованія, осуществляющія планомѣрный замыселъ, изъ котораго только и могутъ быть поняты отношенія частей къ цѣлому, такъ же точно сложныя и стройныя произведенія стихійнаго творчества природы представляютъ цѣлостныя системы, въ которыхъ каждая часть находится въ связи со всѣми другими, и можетъ быть понята лишь изъ идеи о цѣломъ. Такимъ образомъ оба порядка явленій представляютъ формальную аналогію для познанія. Но собственно цѣлесообразныя произведенія объясняются изъ сознательной дѣятельности живыхъ существъ; образованія же природы, аналогичныя цѣлесообразнымъ, съ точки зрѣнія имманентной телеологіи—не допускаютъ такого объясненія. Поэтому имманентная телеологія выводитъ ихъ изъ цѣлестремящейся, образовательной силы, имманентной процессамъ природы. Но такое объясненіе имѣетъ чисто вербальный характеръ; оно содержитъ въ себѣ простое описаніе факта,—выраженное другими словами. Имманентная цѣлестремящаяся сила ничего не объясняетъ, такъ какъ сама лежитъ *внѣ* опыта и потому неизвѣстна; объективная цѣль извѣстна только какъ результатъ процессовъ, требующихъ

объясненія; опредѣлять его какъ объективную цѣль, значитъ только поставить на его мѣсто совершенно пустое понятіе. Всѣ эти вербальныя объясненія и опредѣленія, характерныя для имманентной телеологіи, при ближайшемъ анализѣ отпадаютъ сами собой, какъ ненужные словесные придатки къ фактамъ.

Вундтъ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ къ преобразованію телеологіи. Устраняя понятіе имманентной цѣлестремящейся силы, какъ принципа объективной цѣлесообразности, онъ уже опредѣляетъ объективную цѣль, какъ типичный конечный результатъ, съ необходимостью вытекающій изъ опредѣленнаго причиннаго ряда процессовъ. „Понятіе цѣли существуетъ налицо вовсе не только тамъ, гдѣ, подобно тому какъ это бываетъ при нашихъ произвольныхъ поступкахъ, представленіе о цѣли предшествуетъ ряду событій; но его слѣдуетъ признавать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какая-либо причинная связь въ силу правильности опредѣленныхъ конечныхъ эффектовъ и комбинацій, въ которыя вступаютъ другъ съ другомъ эти эффекты, вызываетъ логическое предвосхищеніе дѣйствій, которое должно сдѣлать понятной связь самихъ причинныхъ условій“. „Именно принципіальныя положенія общей физики и механики въ большинствѣ случаевъ имѣютъ телеологическую форму въ указанномъ здѣсь смыслѣ. Принципъ сохраненія энергіи, а также различные принципы механики, относящіеся къ сохраненію и минимальности, какъ-то— принципъ сохраненія живыхъ силъ, центра тяжести, поверхностей, принципъ наименьшаго дѣйствія и наименьшаго усилія служатъ нагляднѣйшими иллюстраціями“ *). Съ этой точки зрѣнія, „цѣлевое разсмотрѣніе есть не что иное, какъ поворачиваніе причиннаго разсмотрѣнія концомъ напередъ“. Дѣйствительно, телеологія, какъ міровой принципъ, есть или пустое понятіе, или обращенная механическая причинность. Но свести принципъ телеологіи къ принципу причинности значитъ въ понятіи телеологіи отмѣнить конститутивный признакъ, — признакъ, составляющій основу этого понятія: иными словами, отбросить самое понятіе телеологіи — въ его точномъ смыслѣ. Понятіе цѣлесообразности отвлечено отъ сферы субъективной, сознательной жизнедѣятельности; объективная цѣлесообразность имѣетъ смыслъ только въ освѣщеніи мотивами, сознательными намѣреніями; объективная цѣль есть реализація субъективной цѣли, соотвѣтствующая общему направленію воли; внѣ отношенія къ цѣли субъективно поставленной немыслима цѣль объективно достигнутая. Дѣятельность живыхъ существъ, какъ объективный процессъ, подчиняется всеобщимъ принципамъ опредѣленія и объясненія объективнаго бытія, какъ процессъ во времени и пространствѣ, сводящійся къ закономѣрному превращенію формъ энергіи. Пониманіе этой дѣятельности какъ процесса цѣлесообразнаго осно-

*) Вундтъ. „Система философіи“. Стр. 196. 194 (русск. пер.).

вывается на представленіи параллельной мотиваціи, связанной съ нимъ; гдѣ прекращается мысленное привнесеніе къ объективнымъ процессамъ сознательнаго цѣлеопредѣленія, — тамъ кончается и телеологическое ихъ пониманіе. Объективный процессъ уже выступаетъ въ чистомъ видѣ, какъ моментъ универсальной міровой механики, какъ закономѣрное и необходимое явленіе природы.

Логическую основу понятія цѣлесообразности составляютъ явленія жизни, процессы и произведенія сознательной жизнедѣятельности. Но имманентная телеологія расширяетъ понятіе цѣлесообразности за предѣлы явленій, составляющихъ его логическую основу, и такимъ образомъ дѣлаетъ это понятіе совершенно безсодержательнымъ; даже сфера объективнаго процесса жизни шире сферы сознательной цѣледѣятельности, которая, какъ содержаніе опыта, параллельна лишь нервно-мозговымъ процессамъ. Между тѣмъ требованіе единства всеобщихъ объяснительныхъ принциповъ имѣетъ необходимый характеръ; оно вытекаетъ не изъ субъективной лишь потребности въ систематическомъ единствѣ понятій,—но изъ всеобщности основныхъ формальныхъ опредѣленій всякаго бытія. Всѣ явленія, всѣ процессы бытія происходятъ во времени и пространствѣ, въ формѣ непрерывной причинной обусловленности. Изъ этихъ всеобщихъ опредѣленій сущаго вытекаетъ систематическая координація всѣхъ послѣдующихъ, болѣе частныхъ опредѣленій бытія. На этомъ основывается принципіальное единство міропониманія, всеобщность и необходимость основныхъ объяснительныхъ принциповъ сущаго. Природа—жизнь—психика, представляютъ градацію понятій убывающей общности; природа—это закономѣрная связь явленій во времени и пространствѣ; жизнь—это явленіе природы; психика—явленіе жизни. Движеніе и равновѣсіе, это—опредѣленія природы; приспособленіе и приспособленность—формы движенія и равновѣсія; цѣледѣятельность и цѣлесообразность--формы приспособленія и приспособленности. Натуралистическое міропониманіе составляетъ основу біомеханики, біомеханика—телеологіи.

Цѣльное и послѣдовательное философское міровоззрѣніе должно быть или натуралистическимъ, или телеологическимъ. Подчинить всю природу принципу телеологіи, или свести телеологію къ естественной необходимости—такова цѣль монистической философіи. Признаніе телеологіи и естественной необходимости предѣльными объяснительными принципами, правомѣрными для различныхъ областей сущаго и взаимно не сводимыми,—есть только эклектическій компромиссъ, противорѣчащій самому понятію философіи. И теорія жизни представляетъ тотъ центральный пунктъ, которымъ опредѣляется общій характеръ философской системы. Жизнь, какъ объектъ изученія, какъ содержаніе опыта, есть явленіе, находимое въ природѣ и стоящее въ много-

образной связи съ средой. Психическое содержаніе жизни, содержаніе самопознанія есть лишь отрывокъ процесса жизни, функціонально зависимый отъ перемѣнныхъ состояній нервно-мозгового аппарата. Какъ бы мы ни относились къ теоріи „всеобщаго одушевленія" или „сознанія, разлитаго въ природѣ",—несомнѣнно, что „душа міра", „всеобщая психика природы"—не входитъ въ содержаніе нашего опыта и не можетъ быть представлена, какъ сознаваемое, въ смыслѣ нашихъ переживаній. „Сознаніе" „сознаваемое",— это понятія, имѣющія логическую основу въ дѣйствительныхъ переживаніяхъ, и допускать ихъ примѣнимость за предѣлами эмпирически сознаваемаго—то же самое, что воображать, будто можно у треугольника отнять три стороны и оставить ему три угла. Поэтому теорія жизни имѣетъ своимъ общимъ содержаніемъ жизнь, какъ объективный процессъ, съ которымъ на извѣстной ступени организаціи связаны сознательныя переживанія, какъ частная форма жизни.

Общая теорія жизни стремится понять жизненный процессъ въ его цѣломъ, въ его полнотѣ и единствѣ, стремится къ законченному жизнепониманію, сведенному къ единству объяснительныхъ принциповъ. Основная проблема, рѣшаемая теоріей жизни, это: что такое жизнь? представляетъ ли жизнь явленіе природы, естественно-закономѣрный процессъ, или нѣчто въ своей основѣ супранатуральное, внѣприродное, не подчиненное естественной закономѣрности бытія? могутъ ли объективные жизненные процессы быть сведены къ закономѣрнымъ превращеніямъ энергіи и вещества, къ процессамъ физико-химическимъ, или для жизни слѣдуетъ признать особый принципъ дѣйствія, опредѣляющій всѣ жизненные процессы въ органическихъ, тѣлахъ и независимый отъ всеобщихъ законовъ природы? Въ зависимости отъ того, въ какомъ смыслѣ рѣшаются эти вопросы, теоріи жизни подраздѣляются на *метафизическія* (анимизмъ и витализмъ) и *натуралистическія* (біомеханика). Теоріи перваго рода признаютъ жизнь явленіемъ экстрафизическимъ, произведеніемъ спеціальной силы, активнаго начала, независимаго отъ естественной закономѣрности бытія. Теоріи второго рода понимаютъ жизнь какъ явленіе природы, естественно-закономѣрный процессъ, всецѣло подчиненный общимъ принципамъ научнаго познанія природы.

Метафизическія теоріи жизни высказывались съ глубокой древности, имѣя свои корни въ народной миѳологіи; онѣ принимали различныя формы, въ зависимости отъ того, какъ понимался жизненный принципъ. Въ томъ случаѣ, когда „дыханіе жизни", начало, оживляющее тѣла, понималось какъ нѣкоторая духовная субстанція, движущая матерію, метафизика жизни принимала спиритуалистическій или анимистическій характеръ. Мысль о душѣ, какъ источникѣ жизни, присущая большинству религіозныхъ вѣрованій, высказывалась Пиѳагоромъ, Платономъ, Аристотелемъ, учеными мистиками, Парацельсомъ и Ванъ-Гельмон-

томъ, схоластиками среднихъ и новыхъ вѣковъ—и получила законченную формулировку въ анимизмѣ Г. Е. Сталя (въ началѣ XVIII в.), считавшаго основой жизни „разумную душу“ (anima rationalis); въ новѣйшее время анимистическая теорія жизни составляетъ содержаніе теистическихъ системъ.

Другая форма метафизики жизни, это витализмъ. Витализмъ признаетъ активной субстанціей жизни спеціальную жизненную силу, имманентную живому веществу. Впервые понятіе жизненной силы было выражено Аретеемъ (50 г. до Р. Х.) и употреблялось въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ столѣтій, хотя ученіе о жизненной силѣ начало слагаться въ законченную систему лишь въ XVIII столѣтіи во Франціи. Основателями виталистической доктрины считаются Бордо (1722—1776) и Бартезъ (Barthez—1734—1806 г.). Бартезъ различалъ въ организмахъ чувствующія силы и силы дѣйствующія (эквивалентныя сократимости), подчиненныя жизненной силѣ. Биша (въ концѣ XVIII в.) вмѣсто одной жизненной силы признавалъ многія спеціальныя жизненныя свойства (то есть жизненныя силы), присущія разнымъ тканямъ, и не имѣющія ничего общаго съ физико-химическими свойствами, даже антагонистичныя съ ними. Ученіе о жизненной силѣ, какъ причинѣ жизненныхъ явленій, принимали Гуфеландъ, Кабанисъ, Л. Дюма, Либихъ, Рейль, Бурдахъ и др., и до 30-хъ годовъ XIX стол. оно безусловно господствовало въ наукѣ. Даже Клодъ Бернаръ, великій физіологъ-экспериментаторъ XIX вѣка, допускалъ жизненную силу, какъ организующій и регулирующій, но не дѣйствующій принципъ жизненнаго процесса, производимаго всецѣло физико-химическими агентами; допускалъ ее, слѣдовательно, какъ принципъ метафизическій, лежащій внѣ научнаго изслѣдованія.

Помимо научной безплодности стараго анимизма и витализма, дающихъ явленіямъ жизни совершенно безсодержательныя опредѣленія и чисто вербальныя объясненія,—безусловно слабая въ философскомъ отношеніи сторона ихъ состоитъ въ признаніи принципіальнаго дуализма между одушевленной и неодушевленной, живой и безжизненной природой. Признавать трансцендентный принципъ дѣйствія для однихъ явленій (жизненныхъ) и не признавать его для другихъ (безжизненныхъ), признавать естественную закономѣрность для одной области *феноменовъ* (процессовъ природы) и отрицать ее для другой области *феноменовъ* (процессовъ жизни),—значитъ вносить логическое противорѣчіе въ основные принципы философіи. Отъ такой непослѣдовательности не свободенъ и новѣйшій витализмъ, довольно шумно заявившій о себѣ въ Германіи и Россіи. Починъ въ этомъ направленіи принадлежитъ проф. Бунге. Въ своей рѣчи: Vitalismus und Mechanismus (1886 г.) *) онъ оспариваетъ возможность ме-

*) Русскій перев. въ приложеніи къ книгѣ Розенталя. „Общая Физіологія“, изд. Брокгауза и Ефрона.

6

ханическаго объясненія жизненныхъ явленій. Механически объяснимые процессы организма вовсе не представляютъ жизненныхъ явленій. „*Въ активности, вотъ гдѣ кроется загадка жизни.* Понятіе же объ активности мы почерпнули не изъ чувственныхъ воспріятій, но *изъ самонаблюденія.* Почерпнутое изъ собственнаго сознанія мы переносимъ на объекты нашихъ чувственныхъ воспріятій, на органы, на элементы тканей, на каждую маленькую клѣтку. Это первый опытъ психологическаго объясненія всѣхъ жизненныхъ явленій". *Мы исходимъ отъ извѣстнаго—отъ міра внутренняго, чтобы объяснить неизвѣстное—внѣшній міръ.* На такой же методологической точкѣ зрѣнія стоялъ Шопенгауэръ, а въ настоящее время Вундтъ. Неовитализмъ нашелъ защитниковъ въ лицѣ Риндфлейша и Вирхова, а въ Россіи—проф. Коржинскаго („Что такое жизнь") и Бородина (въ рѣчи „Протоплазма и витализмъ"—1893 г.,—вызвавшей блестящую критику проф. К. Тимирязева). Русскій неовитализмъ, по словамъ проф. Бородина, всецѣло признаетъ химизмъ и динамизмъ жизненныхъ явленій, и считаетъ лишь необъяснимымъ безъ жизненной силы морфозъ жизни, то есть происхожденіе, развитіе и цѣлесообразное устройство организмовъ. „Нашъ догорающій XIX вѣкъ осѣкся,—осѣкся на вопросѣ о происхожденіи жизни",—съ какимъ-то торжествомъ отмѣчаетъ ученый профессоръ безсиліе своей науки. Впрочемъ, общефилософская сторона вопроса отъ него ускользнула. По своимъ воззрѣніямъ онъ ближе къ Клоду Бернару, чѣмъ къ Бунге.

Витализмъ, какъ философская теорія, всецѣло подпадаетъ подъ общую критику телеологическаго міропониманія. Проф. Бючли въ своей статьѣ „Mechanismus und Vitalismus" доказываетъ, что сужденіе о цѣлесообразности процесса или строенія невозможно безъ знанія ихъ цѣли; но понятіе о цѣли, реализованной въ организмѣ, совершенно произвольное построеніе; цѣль неотдѣлима отъ сознанія,—а намъ неизвѣстно сознаніе, образующее организацію и процессъ жизни; что же касается безсознательной разумности, обусловливающей цѣлесообразность всего живого,—то это ничѣмъ не оправдываемая описательная гипотеза. Явленія жизни для насъ понятны лишь настолько, насколько объяснены біомеханически, то есть сведены къ физико-химическимъ процессамъ; въ этомъ направленіи достигнуто уже многое, и витализмъ не можетъ доказать, что область неизслѣдованнаго—непостижима для науки; не можетъ своими сомнѣніями остановить научнаго движенія впередъ. Только біомеханика можетъ расширить и углубить наше познаніе жизни.

М. Ферворнъ въ своей статьѣ о витализмѣ *) указываетъ, что причина, вызвавшая неовитализмъ, это—неполнота нашихъ знаній о физической жизни и необъяснимость психическихъ явленій изъ свойствъ матеріи. Но дуализмъ духа и матеріи пре-

*) Русск. пер.— „Новое Слово" 1897 г., мартъ.

одолѣвается, по его мнѣнію, идеалистическимъ пониманіемъ объективнаго міра. Однако, отсюда не слѣдуетъ, что природа и жизнь должны объясняться изъ психическихъ процессовъ. Наука изслѣдуетъ объективный міръ съ его закономѣрностью, какъ предметъ опыта, независимо отъ гносеологическаго опредѣленія бытія. Физіологія, какъ часть естествознанія, изслѣдуетъ эмпирическую закономѣрность явленій жизни, ихъ физическую природу,—и въ этомъ направленіи еще не встрѣтила преградъ, принципіально непреодолимыхъ. *„Не витализмъ, а механизмъ—девизъ современной физіологіи"*.

Проф. Тимирязевъ въ статьѣ „Витализмъ и наука" *) говоритъ: „Съ того момента, какъ дыханіе—эта, казалось, сущность жизни,—было сведено геніемъ Лавуазье на химико-физическій процессъ, витализму былъ нанесенъ роковой ударъ". Съ фактами въ рукахъ онъ рисуетъ картину огромныхъ успѣховъ, достигнутыхъ научными методами въ изслѣдованіи превращеній вещества, энергіи и формы въ жизненномъ процессѣ растеній, и доказываетъ, что другого пути ихъ объясненія не существуетъ. Вопросъ о витализмѣ для изслѣдованія жизни сводится на вопросъ о методѣ; но витализмъ не можетъ служить основой для метода изслѣдованія, потому что не указываетъ перспективъ познанія и пути къ нему; онъ никогда не былъ и по существу не можетъ быть рабочей гипотезой, онъ враждебенъ духу изслѣдованія и парализуетъ пытливость ума; руководясь этой доктриной, изслѣдователь будетъ постоянно обезсиливать себя мыслью, что дошелъ до предѣла, за которымъ начинается таинственная область таинственной жизненной силы.

Метафизика жизни въ сущности сводитъ фактъ опыта, явленіе природы — къ принципіальной загадкѣ, и этимъ закрываетъ для себя возможность понять, то есть опредѣлить и объяснить жизнь. Вообще, непостижимость явленія не можетъ служить руководящимъ принципомъ изслѣдованія. Натуралистическая теорія жизни (біомеханика), напротивъ, признаетъ своей основой принципъ всецѣлой постижимости жизни. Находитъ жизнь въ природѣ, какъ явленіе во времени и пространствѣ, какъ фактъ опыта, и признавать ее несводимой къ всеобщимъ простымъ процессамъ и законамъ природы—это внутреннее противорѣчіе, основанное на непониманіи необходимаго отношенія между основными и всеобщими опредѣленіями бытія и опредѣленіями частными и производными. Жизнь есть процессъ во времени и пространствѣ,— вотъ основное опредѣленіе, которымъ жизнь ставится для познанія; но имъ уже принципіально и безповоротно рѣшается проблема жизни: жизнь есть движеніе, подчиненное законамъ статики и динамики. „Il moto è causa d'ogni vita", сказалъ Леонардо да-Винчи; иными словами, жизнь есть лишь частная форма все-

*) „Русская Мысль", 1894, № 11-й.

общаго процесса природы, моментъ мірового движенія или, употребляя сравненіе Спинозы, волна въ океанѣ бытія.

Въ чемъ же состоитъ основной процессъ жизни, и чѣмъ онъ отличается отъ нежизненныхъ процессовъ въ природѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно отвлечься отъ всѣхъ производныхъ и сложныхъ формъ процесса жизни, понять жизнь въ ея простѣйшемъ выраженіи, въ ея наиболѣе общемъ и прозрачномъ видѣ; элементарная жизнь представляетъ именно тотъ первичный феноменъ (Urphänomen, по выраженію Гете), который, какъ жизненное явленіе, дальше неразложимъ, потому что дальнѣйшій анализъ обнаруживаетъ общіе всей природѣ физико-химическіе процессы. „Изученіе низшихъ существъ, — говоритъ Клодъ Бернаръ,—особенно полезно для общей физіологіи, потому что у нихъ жизнь существуетъ, такъ сказать, въ голомъ видѣ. Она сводится на питаніе, жизненное разрушеніе и созиданіе. Но эта жизнь всегда полна какъ въ растеніи, такъ и въ животномъ“ („Жизненн. Явленія“, лек. III).

Элементарный жизненный фактъ, который можетъ быть констатированъ относительно всякаго существа, начиная съ монеры, представляющей морфологически недифференцированный комокъ протоплазмы, и кончая высшими организмами, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ живущемъ тѣлѣ непрерывно происходитъ процессъ превращенія вещества и энергіи при сохраненіи состава и строенія тѣла. Въ этомъ процессѣ однѣ частицы распадаются, „отживаютъ“, другія становятся на ихъ мѣсто, разрушеніе возмѣщается созиданіемъ, трата—возстановленіемъ, происходитъ постоянное образованіе живого вещества, которое сохраняетъ свой видъ и свои свойства относительно постоянными въ теченіе цѣлаго ряда такихъ замѣщеній: такимъ образомъ происходитъ непрерывное его *возобновленіе*. Это возобновленіе основывается на элементарномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщемъ жизненномъ явленіи — на ассимиляціи. Путемъ ассимиляціи или уподобленія совершается возобновленіе клѣтокъ, тканей и органовъ, вообще—вещества живущаго тѣла. Шопенгауэръ мѣтко выразилъ этотъ фактъ, утверждая, вѣроятно, подъ ближайшимъ вліяніемъ Кювье и Флуранса *), что жизнь есть „непрерывное воспроизведеніе“, или „постоянная перемѣна матеріи при неизмѣнной устойчивости формы“ **).

Основное вещество, въ которомъ происходятъ жизненные

*) *Кювье*: „Живое вещество есть вихрь съ постояннымъ направленіемъ, и въ этомъ вихрѣ матерія менѣе существенна, чѣмъ форма“.

Флурансъ. „Жизнь есть форма, которой служитъ матерія“.

Эти опредѣленія не исчерпываютъ процесса жизни, потому что не указываютъ на активную роль самой формы при перемѣнѣ матеріи. Подъ нихъ подходитъ, напримѣръ, водопадъ. Они нѣсколько шире процесса жизни, хотя въ общемъ и вѣрно обрисовываютъ его.

**) „Міръ, какъ воля и представленіе“, т. I, § 54.

процессы всѣхъ органическихъ формъ, называется *протоплазмой*. Протоплазма не представляетъ химически однороднаго вещества; это — понятіе морфологически собирательное; въ составъ протоплазмы входятъ весьма различныя химическія комбинаціи: протеиновыя (бѣлковыя) тѣла (содержащія азотъ соединенія), углеводы и жиры, кромѣ того, неорганическія составныя части — вода, соли и газы. Химическій анализъ показываетъ, что въ составѣ органическихъ соединеній, образующихъ живое вещество, нѣтъ ни одного элемента, который бы не встрѣчался въ неорганической природѣ *). Что же касается органическихъ соединеній, составляющихъ протоплазму, то они встрѣчаются въ природѣ исключительно или въ живомъ веществѣ, или въ продуктахъ его разложенія. Поэтому въ химическомъ синтезѣ органическихъ соединеній видѣли непреходимую пограничную линію, раздѣляющую природу и жизнь; образованіе такихъ соединеній объяснялось спеціальнымъ дѣйствіемъ жизненной силы. Но съ того момента, какъ Вёлеръ (1828 г.) лабораторнымъ путемъ получилъ продуктъ обмѣна веществъ животнаго организма — мочевину, наука перешла за эту границу; тогда наступила „заря новаго дня“, по выраженію Либиха,—и цѣлый рядъ выдающихся химиковъ направился на вновь открытый путь научнаго изслѣдованія; благодаря работамъ Перкинса, Пиріа, Кагура, Десселя, Кекуле и др., особенно же въ новѣйшее время — Бертело, Э. Фишера, Бухнера и А. фонъ-Байера, получено путемъ лабораторнаго синтеза множество органическихъ соединеній, кончая самыми важными, каковы — сахаръ, крахмалъ, алкоголь и т. д. Всѣ эти научныя завоеванія, растущія съ каждымъ годомъ, даютъ основаніе заключать, что всѣ превращенія веществъ въ живыхъ тѣлахъ подчинены общимъ законамъ природы.

Съ физической стороны протоплазма представляетъ вязкожидкую массу, почти безцвѣтную, съ удѣльнымъ вѣсомъ нѣсколько выше воды, нерастворимую въ ней, съ болѣе сильнымъ, иногда двойнымъ лучепреломленіемъ; ея слизистая консистенція обусловливаетъ подвижность частицъ и внутренніе токи въ протоплазмѣ. Тончайшее строеніе протоплазмы, какъ показали замѣчательныя изслѣдованія Бючли, ячеистое или пѣнистое: она состоитъ изъ мельчайшихъ замкнутыхъ многогранныхъ ячеекъ и болѣе жидкаго вещества, наполняющаго ихъ полости; такое строеніе дало основаніе Бючли свести „самопроизвольное“ движеніе протоплазмы къ механическимъ причинамъ, объяснивъ его измѣненіями поверхностнаго натяженія, которыя хорошо изучены молекулярной физикой. Объясненіе это онъ подтвердилъ тѣмъ, что

*) Постоянными элементами живого вещества, общими для всѣхъ его формъ, являются слѣдующіе: углеродъ, водородъ, азотъ, кислородъ, сѣра, фосфоръ, хлоръ, калій, натрій, магній, кальцій, желѣзо. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ клѣткахъ встрѣчаются спеціальные элементы: кремній, фторъ, бромъ, іодъ, аллюминій, марганецъ.

воспроизвелъ простѣйшія амебоидныя движенія на пѣнисто-ячеистыхъ „искусственныхъ клѣткахъ“, приготовленныхъ лабораторнымъ путемъ — не изъ протоплазмы, а изъ другихъ веществъ аналогичной вязкости.

Въ морфологическомъ отношеніи протоплазма является общимъ матеріаломъ всѣхъ органическихъ образованій и необходимой ихъ составной частью. Въ элементарной органической формѣ—клѣткѣ—она представляется уже отчасти дифференцированной, образуя оболочку клѣтки, ея плазматическое содержимое и ядро, которое считается необходимой составной частью клѣтки, хотя въ монерахъ его присутствіе не во всѣхъ случаяхъ констатировано. Соединенія однообразно дифференцированныхъ клѣтокъ составляютъ *ткани*; изъ соединенія тканей образуются органы живущаго тѣла.

Существенными физіологическими свойствами протоплазмы признаются самоподвижность и раздражимость. Оба эти свойства могутъ быть обобщены въ понятіи *активности* (самодѣятельности), то есть способности опредѣленнымъ образомъ реагировать на внутренніе импульсы или внѣшнія воздѣйствія. Моменты, вызывающіе дѣятельность протоплазмы, называются раздраженіями. Между раздраженіемъ и дѣятельностью живого вещества нѣтъ пропорціональности и вообще опредѣленнаго количественнаго соотношенія: но дѣятельность обыкновенно характеризуется качественной опредѣленностью и количественнымъ перевѣсомъ надъ раздраженіемъ. Слѣдовательно, активность живого вещества сводится къ тому, что оно содержитъ опредѣленно конституированный запасъ энергіи, разряжаемый внутренними или внѣшними актами, какъ освобождающими моментами.

Активность живого вещества проявляется и въ формирующей его дѣятельности, составляющей сущность процесса жизни. Въ этой дѣятельности слѣдуетъ различать двѣ главныя стадіи: *ассимиляцію* или уподобленіе (жизненное накопленіе, созиданіе), и *диссимиляцію* или распаденіе (жизненную трату). Ассимиляція, это — образовательный процессъ живого вещества, состоящій въ построеніи изъ различныхъ воспринимаемыхъ матеріаловъ совершенно опредѣленнаго, себѣ подобнаго вещества; типъ переработки уподобляемыхъ матеріаловъ опредѣляется спеціальными свойствами ассимилирующаго вещества, то есть его строеніемъ и динамической конституціей. Какой видъ, строеніе и свойства примутъ эти матеріалы, зависитъ отъ того, какими тканями они ассимилируются; и та лабораторія, въ которой безшумно совершается процессъ матеріальнаго обновленія, именно - клѣтка, представляющая сложно комбинированный запасъ энергіи, накопленной извнѣ, заранѣе предрѣшаетъ результатъ процесса. Потенціальная энергія содержится въ живомъ веществѣ преимущественно въ формѣ химическаго сродства органическихъ соединеній. Общимъ источникомъ, изъ котораго совершается накопленіе энергіи въ живомъ

веществѣ, является внѣшній міръ. Животные организмы получаютъ свою энергію отъ растительныхъ организмовъ, которыми питаются; растительные организмы—непосредственно изъ неорганической природы. Лабораторія, въ которой происходитъ первичный синтезъ органическихъ соединеній изъ неорганическаго вещества, это—зеленая растительная клѣтка, которая поэтому составляетъ „основу жизни въ ея теперешнихъ проявленіяхъ на земной поверхности“ *). Зеленое растеніе—это исходный пунктъ, въ которомъ лучистая энергія солнца вступаетъ въ міръ живыхъ тѣлъ. Химическая энергія образуется въ растеніяхъ съ зелеными листьями подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей и теплоты, способствующихъ химическому дѣйствію хлорофилловыхъ зеренъ растенія, энергія которыхъ, усиленная солнечной энергіей, производитъ расщепленіе углекислоты и соединеніе углерода съ водородомъ и кислородомъ въ крахмалъ. Запасъ химической энергіи въ зеленой растительной клѣткѣ составляетъ необходимое условіе первичнаго органическаго синтеза, которому содѣйствуетъ солнечная энергія.

Вопросъ о томъ, какъ возникли первоначальные запасы химической энергіи въ органическихъ соединеніяхъ, послужившіе исходнымъ моментомъ ассимиляціоннаго процесса и всего жизненнаго развитія,—есть вопросъ о происхожденіи жизни. Не подлежитъ сомнѣнію, что жизнь не могла быть вѣчной на землѣ, что она возникла въ опредѣленный періодъ исторіи земли и при опредѣленныхъ условіяхъ; это вытекаетъ уже изъ того, что самая земля не была вѣчной, и условія, при которыхъ вообще возможны органическіе процессы, возникли на землѣ позднѣе того періода, когда она была въ огненно-жидкомъ состояніи. Геккель говоритъ, что въ какой-либо моментъ развитія земли живое вещество должно было произойти изъ безжизненнаго, потому что было время, когда земля находилась въ состояніи, исключавшемъ всякую органическую жизнь; съ переходомъ земли въ капельно-жидкое состояніе могли появиться простѣйшіе организмы, представлявшіе „совершенно однородные, безструктурные и безформенные комочки“. По изслѣдованіямъ Пфлюгера, живой бѣлокъ содержитъ въ себѣ соединеніе углерода и азота въ радикалъ ціановой кислоты, обладающій большой неустойчивостью, измѣнчивостью и полимерностью соединеній, — и этимъ существенно отличается отъ мертваго бѣлка. Исходя изъ этихъ положеній, М. Ферворнъ такими чертами набрасываетъ общую картину происхожденія жизни на землѣ: „Корни живого вещества спускаются до того времени, когда поверхность земли была еще раскаленной. Существовавшія тогда ціанистыя соединенія представляютъ собою именно тотъ матеріалъ, изъ котораго живое вещество получило свое начало. Благодаря своей нестой-

*) М. Ферворнъ. „Общая физіологія“, т. 2-й, стр. 489.

кости, они могли вступать во взаимодѣйствіе съ другими, крайне разнообразными углеродистыми соединеніями, которыя, въ свою очередь, обязаны своимъ происхожденіемъ калильному жару. Когда вода осѣла на земную поверхность въ капельно-жидкомъ состояніи, тогда эти развившіяся подъ вліяніемъ огня соединенія вступили во взаимодѣйствіе съ водой и растворенными въ ней солями и газами, и, такимъ образомъ, произошли живыя бѣлковыя тѣла, тѣ въ высшей степени нестойкія соединенія, которыя, какъ и другія соединенія, содержащія ціанистый радикалъ, отличаются своей наклонностью къ распаденію и полимеризаціи и образуютъ существенную составную часть живого вещества. Это первое живое вещество, образовавшееся путемъ произвольнаго зарожденія изъ безжизненнаго вещества, во всякомъ случаѣ было еще очень просто и не представляло никакой дифференцировки. Въ высшей степени вѣроятно, что оно не имѣло еще морфологическаго значенія клѣтки, т. е. не дифференцировалось еще на различныя составныя части, каковы ядро и протоплазма, а было совершенно однородно, какъ Геккель принимаетъ это для своихъ монеръ" *).

Съ образованіемъ такихъ резервуаровъ потенціальной химической энергіи въ органическомъ веществѣ возникло физическое основаніе жизни, какъ процесса накопленія энергіи изъ внѣшняго міра дѣйствіемъ внутренней энергіи живого вещества. Запасъ энергіи, расходуемый на привлеченіе и накопленіе новыхъ запасовъ, — и есть тотъ „внутренній принципъ дѣйствія", въ которомъ Кантъ видѣлъ сущность жизни. Накопленной энергіей производится не только работа и теплота живого тѣла, но и самый процессъ построенія тканей организма. По словамъ Клода Бернара, живое существо должно обладать запасами, накопленными въ тканяхъ, чтобы имѣть возможность дѣлать новые запасы, то есть вновь создавать ткани.

Сведя процессъ жизни къ его простѣйшему и всеобщему выраженію — къ процессу воспроизведенія путемъ накопленія и траты энергіи, созиданія и разрушенія живого вещества, —мы можемъ отчетливо выразить ту основную и существенную черту жизни, которая, съ одной стороны, отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ явленій природы, а съ другой — исчерпываетъ сущность процесса жизни. Въ процессѣ жизни трата энергіи путемъ перехода ея изъ потенціальнаго состоянія въ теплоту, механическую работу и пластическіе процессы, обращается на возстановленіе потраченныхъ запасовъ энергіи, на возсозданіе разрушающагося въ жизненномъ функціонированіи живого вещества. Затрата накопленной энергіи (диссимиляція) оказывается производительной: она обращается на возстановленіе (ассимиляцію). Такимъ образомъ получается самодвижущійся круговоротъ явленій: нако-

*) М. Ферворнъ. „Общая физіологія", т. II, стр. 75—76 (русск. перев.).

пленная внутренняя энергія расходуется на созданіе процесса жизни; процессъ жизни возсоздаетъ энергію живыхъ тѣлъ. Продуктъ процесса жизни обращается въ источникъ жизни; сила, создаваемая жизнью, становится силой, создающей жизнь. Процессъ, совершивъ опредѣленный циклъ перемѣнъ, возвращается къ своему исходному моменту. Итакъ, *жизнь* можетъ быть опредѣлена, какъ *процессъ, совершающійся накопленнымъ, развивающимся въ движеніи и самовозобновляющимся запасомъ внутренней энергіи матеріальныхъ формъ.*

Если взять для сравненія существующую въ природѣ систему тѣлъ, находящуюся въ подвижномъ равновѣсіи, напримѣръ, солнечную систему, въ которой какъ форма ее составляющихъ тѣлъ, такъ и движенія ихъ являются продуктомъ огромнаго запасного фонда механической и тепловой энергіи системы, въ теченіе многихъ милліоновъ лѣтъ развивающейся въ замкнутомъ круговоротѣ явленій, періодически возобновляющихся,—можно, съ этой точки зрѣнія, сразу отмѣтить существенное различіе между этой системой движеній и процессомъ жизни. Именно, въ этой системѣ основной фондъ энергіи *только* тратится, не возстановляясь; въ процессѣ жизни трата энергіи обращается на возстановленіе.

Но если балансъ жизни опредѣляется тѣмъ, что въ ней накопленіе основывается на тратѣ, а трата на накопленіи,—то система движеній (массовыхъ и частныхъ), составляющихъ процессъ жизни, содержитъ въ собственномъ устройствѣ внутреннюю необходимость своего осуществленія, то есть такое условіе устойчивости, подобнаго которому не встрѣчается въ неорганической природѣ. Поэтому жизнь и является властелиномъ земли. Когда въ закономѣрномъ стремленіи природы къ естественному образованію уравновѣшенныхъ формъ и системъ возникло такое строеніе вещества (какъ именно это вопросъ факта), — въ силу котораго соприкасающіяся съ этимъ веществомъ частицы могли съ нимъ ассимилироваться, замѣщая собою распадающіяся соединенія, — тогда явилось *физическое основаніе жизни*, явился механизмъ, въ которомъ трата и возстановленіе компенсируются естественнымъ путемъ. На этой основѣ біологическая эволюція рисуетъ свои узоры, безконечно разнообразные, но проникнутые одной тенденціей,—тенденціей къ накопленію внутреннихъ условій устойчивости жизненной системы; основываясь на пластичности живой матеріи и приспособительной измѣнчивости органическаго строенія,—эта тенденція выражается въ процессѣ организаціи живыхъ существъ, въ установленіи внутреннихъ и внѣшнихъ равновѣсій жизни.

Равновѣсіе жизни основывается на отношеніи траты и возстановленія. Перевѣсъ траты ведетъ къ регрессу и разрушенію жизни; перевѣсъ накопленія (въ смыслѣ *полной* жизненной ассимиляціи) — къ росту и развитію. Но перевѣсъ траты или нако-

пленія зависитъ отъ того, насколько производительна трата жизненной энергіи; отъ степени этой производительности зависитъ судьба живыхъ существъ. Въ процессѣ непрерывнаго возсозданія ими своей собственной энергіи, состава и формы (динамизмъ, химизмъ и морфозъ живыхъ тѣлъ)—норма траты и накопленія опредѣляется природой (сочетаніе энергіи) и структурой (строеніе вещества) организмовъ; и нарушеніе этой нормы фатально ведетъ къ деградаціи и разрушенію. А такъ какъ процессъ жизни совершается внутренней энергіей, какъ источникомъ всѣхъ отправленій живыхъ существъ,—въ нихъ механически устанавливается регуляція нормальнаго отношенія между тратой и возстановленіемъ. Въ процессѣ жизни накопленіе энергіи осуществляется въ той мѣрѣ, въ какой трата уже накопленнаго фонда жизненно производительна; а такъ какъ эта производительность составляетъ условіе устойчивости, она въ самой себѣ содержитъ стихійную тенденцію къ существованію и развитію.

Такъ какъ трата органической энергіи производится жизненнымъ функціонированіемъ, то производительность траты соотвѣтствуетъ жизненному значенію отправленія. Количественно она опредѣляется величиной эффекта, достигаемаго затратой опредѣленнаго количества энергіи, или величиной затраты, необходимой для производства опредѣленнаго эффекта: такимъ образомъ она сводится къ экономизаціи нормальнаго фонда энергіи въ живыхъ тѣлахъ. Экономизація энергіи обусловливаетъ поддержаніе нормальнаго отношенія жизненной траты и накопленія, а слѣдовательно и сохраненіе, ростъ и развитіе жизни.

Всеобщій космическій законъ образованія, сохраненія и развитія устойчивыхъ формъ бытія или системъ равновѣсія — въ біологической сферѣ, въ силу самой сущности процесса жизни, получаетъ спеціальную форму закона экономіи жизненной энергіи. Законъ экономіи—основной законъ жизни. Какими путями онъ реализуется,—это изслѣдуетъ біологія, выясняя конкретную цѣлесообразность въ процессѣ жизни; вообще же сохраненіе и развитіе жизни происходитъ лишь въ той мѣрѣ, насколько не нарушается этотъ законъ. Подъ его непрерывнымъ дѣйствіемъ образуются всѣ формы, всѣ процессы и всѣ отношенія жизни.

Низшія формы жизни („протисты") почти лишены организаціи. Однородныя органическія массы, напримѣръ, монеры, совершаютъ свои отправленія (уподобленіе, дыханіе, передвиженіе и воспроизведеніе) не какими-либо опредѣлившимися органами, а всѣмъ своимъ тѣломъ. Но жизнь въ нихъ едва мерцаетъ: трата и накопленіе крайне слабы, существованіе неустойчиво. Прогрессъ жизни начинается съ образованія *органовъ*, то есть особыхъ орудій жизненной работы, спеціализирующихъ разнообразныя отправленія жизни, болѣе приспособленныхъ, болѣе совершенно выполняющихъ эти отправленія.—Существенное отличіе организма отъ всякаго сложнаго тѣла, а органа—отъ простой части своего

цѣлаго, состоитъ въ томъ, что части организма (органы)—не просто части сложнаго цѣлаго, какъ, напримѣръ, части кристалла, но взаимно обусловленныя орудія жизненной работы, и не могутъ ни возникать, ни быть поняты внѣ ихъ значенія для жизни. Поэтому процессъ и теорія органической эволюціи значительно отличаются отъ процесса и теоріи неорганической эволюціи. Прогрессъ организаціи живыхъ существъ не есть простое возрастаніе сложности, разнородности и опредѣленности ихъ строенія и движеній,—но процессъ образованія и совершенствованія органовъ, то есть естественныхъ орудій жизнедѣятельности для возобновленія энергіи, состава и формы живыхъ тѣлъ, для сохраненія и осуществленія процесса жизни. Поэтому прогрессъ организаціи есть развитіе производительности жизненныхъ механизмовъ, повышающее накопленіе и сберегающее трату энергіи живыхъ существъ. Органы возникаютъ, сохраняются и развиваются лишь настолько, насколько они экономизируютъ энергію жизни, повышая производительность ея затратъ. Такимъ образомъ, законъ экономіи силъ является естественнымъ регуляторомъ органическаго развитія.

Въ процессѣ жизни затрата энергіи обращается или прямо на непосредственныя нужды организма, или косвенно на приспособительную органическую пластику, на образованіе органическихъ механизмовъ, въ огромной степени увеличивающихъ продуктивность жизненныхъ затратъ. Всякій органъ, всякая способность живыхъ существъ возникаетъ подъ давленіемъ *жизненной необходимости*, и имѣетъ характеръ *приспособленія*, а всякое приспособленіе оберегаетъ организмъ отъ непроизводительныхъ тратъ, происходящихъ или вслѣдствіе разрушительныхъ вліяній природы, или же вслѣдствіе внутренней неуравновѣшенности отправленій организма. Развитіе жизни во всѣхъ ея формахъ и проявленіяхъ является выраженіемъ естественной экономики жизни, и переживаніе наиболѣе приспособленныхъ въ борьбѣ за жизнь (естественный отборъ), — этотъ основной принципъ біологическаго эволюціонизма, установленный Дарвиномъ,—является простымъ ея слѣдствіемъ.

Между родовой жизнью и жизнью индивидуальной существуетъ опредѣленное закономѣрное соотношеніе. Сущность этого отношенія, указаннаго К. Э. ф. Бэромъ и Ф. Мюллеромъ, формулирована Геккелемъ въ его *„основномъ біогенетическомъ законѣ“*. „Существуетъ тѣснѣйшая, основанная на прогрессивной наслѣдственности, причинная связь между онтогеніей и филогеніей, между исторіей зародыша индивида и родословной исторіей его предковъ“ (Геккель). Эмбріональное развитіе опредѣляется родовымъ и въ основныхъ чертахъ воспроизводитъ его, является его общимъ повтореніемъ (палингеніей). Индивидуальная жизнь есть продолженіе эмбріональнаго развитія. Ея типическое теченіе, послѣдовательные фазисы роста, развитія, размноженія и деградаціи,

проходимые индивидомъ во время его жизни, представляютъ родовыя черты жизни, постепенно сложившіяся въ теченіе филогенетическаго развитія даннаго органическаго типа и переданныя индивиду его ближайшими предками.

Каждому фазису индивидуальной жизни свойственно опредѣленное, типическое, обусловленное филогеніей, отношеніе жизненной траты и накопленія. Это отношеніе мы назовемъ *нормой жизненнаго процесса*. Жизненная норма измѣняется въ разные періоды индивидуальной жизни. Въ періодъ роста и развитія, соразмѣрно ихъ интенсивности, преобладаетъ жизненное накопленіе; въ періодъ зрѣлости устанавливается относительное равновѣсіе накопленія и траты; въ періодъ естественной (старческой) деградаціи индивида интенсивность накопленія и траты уменьшается, и отношеніе между ними становится регрессивнымъ, накопленіе, сравнительно съ тратой, понижается. Нормальное отношеніе траты и накопленія въ каждый фазисъ индивидуальнаго органическаго развитія обусловливаетъ наибольшую полноту жизни; нарушеніе жизненной нормы ведетъ къ пониженію интенсивности жизненнаго процесса, его нормальнаго уровня; такой результатъ свойственъ отклоненію отъ жизненной нормы и въ положительную, и въ отрицательную сторону (въ сторону перенакопленія или перерасхода).

Такія отклоненія въ видѣ слабыхъ колебаній въ ту или другую сторону происходятъ постоянно. Возстановленіе нормы жизненнаго процесса, какъ имманентнаго условія высшаго жизненнаго уровня, составляетъ *жизненную необходимость*.

Понятіе жизненной необходимости выражаетъ отношеніе жизни къ ея условіямъ. Внутреннимъ условіемъ жизненнаго процесса является дѣйствующая энергія органической системы, внѣшнія условія составляютъ тѣ формы энергіи, которыя изъ окружающей среды вводятся въ процессъ жизни—въ видѣ пищи, воды, газовъ, свѣта и теплоты. На этихъ условіяхъ основывается накопленіе жизненной энергіи и освобожденіе ея въ жизненной дѣятельности. Такимъ образомъ, жизненная необходимость выражаетъ прежде всего обусловленность процесса жизни энергіей органической системы и внѣшней среды, зависимость жизни *отъ* условій ея осуществленія. Но жизненная необходимость есть въ то же время необходимость *для* жизни, какъ опредѣляющаго момента по отношенію къ своимъ условіямъ; жизнь есть непрерывно-длящійся, закономѣрно-обусловленный процессъ; по отношенію къ каждому ея моменту вся сумма ея условій лежитъ въ прошломъ, которымъ опредѣляется ея настоящее состояніе; но именно этимъ состояніемъ опредѣляется родъ, количество и соотношеніе факторовъ, требующихся для дальнѣйшаго осуществленія процесса жизни. И сущность всякой организаціи состоитъ въ системѣ приспособленій для активнаго, сообразнаго жизненной нормѣ, выбора и созиданія условій жизненнаго процесса.

Если устраненіе всякихъ отклоненій отъ нормы жизненнаго процесса составляетъ жизненную необходимость, то самыя эти нарушенія, какъ органическія состоянія, представляютъ *деградацію жизни*, общую или частную. Они принимаютъ различныя формы, въ зависимости отъ условій, ихъ вызывающихъ. При недостаткѣ органическаго питанія выступаетъ оскудѣніе жизни, пониженіе энергіи жизненнаго процесса; при недостаткѣ траты— регрессъ жизни, ея замедленіе, вызывающее сначала избыточное повышеніе энергіи, а затѣмъ переходящее въ жизненный застой; замедленіе жизни вызывается и задержкой родового воспроизведенія; чрезмѣрная трата представляется какъ истощеніе жизни, ея ослабленіе; наконецъ, нарушенія жизненной нормы, возникающія въ организмѣ вслѣдствіе разрушительныхъ вліяній среды, выражаются въ видѣ всякаго рода болѣзней, представляющихъ общее или частное органическое умираніе.

Полное возстановленіе жизненной нормы ведетъ къ наивысшему жизненному уровню, къ наибольшей энергіи, росту и развитію жизни.

V. Жизнь, какъ основной принципъ философіи.

Объективный процессъ жизни, какъ опредѣленное сочетаніе закономѣрныхъ превращеній вещества и энергіи, есть явленіе природы, подчиненное основнымъ и всеобщимъ принципамъ естествознанія. Позитивная теорія жизни, какъ естественнаго явленія, представляетъ основу для пониманія и той сферы нашего опыта, которая объединяется въ понятіи психики, какъ закономѣрной связи субъективныхъ переживаній. Психика есть явленіе жизни. Жизнь органическая и жизнь психическая даны въ нашемъ опытѣ какъ два параллельныхъ ряда, между которыми существуетъ опредѣленное функціональное соотношеніе. Но психическая жизнь параллельна не всей совокупности органическихъ процессовъ, а только измѣненіямъ нервно-мозговой системы, зависимымъ отъ внѣшнихъ воздѣйствій среды или внутреннихъ состояній организма. Психика представляетъ жизненный рядъ, функціонально зависимый отъ нервно-мозговыхъ процессовъ, съ ними возникающій, измѣняющійся и исчезающій. Органическіе процессы относятся къ сферѣ объективнаго, всеобщаго опыта; психическія переживанія составляютъ область лишь субъективнаго, индивидуальнаго опыта; они непосредственно испытываются лишь индивидомъ, съ нервной системой котораго связаны. Переживанія другихъ существъ мы узнаемъ лишь косвенно, черезъ „высказыванія“, по аналогіи съ нашими

собственными переживаніями. Въ собственномъ опытѣ индивида объективный и субъективный жизненные ряды объединяются формальными опредѣленіями времени и пространства. Ограничиваясь предѣлами его организма, въ которомъ съ большей или меньшей опредѣленностью локализируются и переживанія, и органическіе (точнѣе—нервно-мозговые) процессы въ общее для обоихъ рядовъ время возникаютъ, измѣняются съ параллельной ритмичностью, съ параллельными колебаніями интенсивности, ослабѣваютъ съ пониженіемъ нервно-мозговой жизнедѣятельности и исчезаютъ съ ея прекращеніемъ. Чѣмъ глубже идетъ научное изслѣдованіе обоихъ рядовъ, тѣмъ шире и точнѣе устанавливается ихъ параллельность или, употребляя болѣе точное и отвлеченное выраженіе Авенаріуса, логически-функціональное отношеніе,—отношеніе зависимости субъективнаго (психическаго) жизненнаго ряда отъ ряда объективнаго (органическаго).

Изъ этого соотношенія вытекаетъ основное положеніе философіи жизни, именно: *общія отношенія объективной (органической) жизни, концентрированныя въ нервно-мозговыхъ процессахъ, опредѣленнымъ образомъ отражаются въ явленіяхъ психической жизни.*

Объективный процессъ жизни есть процессъ самоосуществленія, жизненное созиданіе (накопленіе) путемъ производительной траты энергіи. Основное содержаніе психической жизни, это—стремленіе жить, борьба за самосохраненіе, за расширеніе жизни. Это всеобщее жизненное стремленіе мы назовемъ *инстинктомъ жизни.* Инстинктъ жизни есть психическое отраженіе физическаго процесса жизни. Какъ органическая жизнь, при всемъ разнообразіи ея формъ и процессовъ, постоянно сводится къ основному процессу возстановленія путемъ опредѣленнаго сочетанія траты и накопленія, разрушенія и созиданія, такъ и жизнь психическая, во всѣхъ ея проявленіяхъ, есть постоянное стремленіе къ жизнеутвержденію, творческая жажда жизни. Инстинктъ жизни выражается въ чувствѣ спокойнаго удовлетворенія при нормальномъ, свободномъ теченіи жизни, въ чувствѣ томленія и страданія—при жизненной деградаціи, въ бурныхъ и страстныхъ порывахъ, когда могучее движеніе жизни задерживается внѣшними преградами, наконецъ, въ радостномъ, торжествующемъ чувствѣ освобожденія, въ чувствѣ творческой мощи, когда эти преграды преодолѣваются энергіей жизни.

Жизненная необходимость или отношеніе жизни къ ея условіямъ въ сферѣ психическаго самочувствія выступаетъ, какъ *потребность.* Условія непрерывнаго осуществленія процесса жизни весьма разнообразны, но они сводятся лишь къ нѣсколькимъ основнымъ типамъ, соотвѣтственно чему опредѣляются и основные типы потребностей. Первое мѣсто въ ихъ ряду принадлежитъ *потребностямъ экономическимъ*, т. е. потребностямъ органическаго *возстановленія* (питанія) и *сбереженія* нормальнаго жизненнаго фонда (самосохраненія). *Потребности органическаго питанія* (въ

широкомъ смыслѣ), то есть усвоенія пищи, питья и атмосфернаго кислорода, выражаются въ чувствѣ голода, жажды, стремленіи дышать. Они являются самыми коренными, первоначальными и всеобщими потребностями; на ихъ удовлетвореніи основывается вся жизнь, со всѣмъ разнообразіемъ ея формъ и неисчерпаемымъ богатствомъ содержанія. Поэтическое выраженіе стихійной власти потребностей органическаго питанія мы находимъ въ стихахъ Некрасова:

„Въ мірѣ есть царь—этотъ царь безпощаденъ;
Голодъ—названье ему!
Водитъ онъ арміи; въ морѣ судами
Правитъ; въ артели сгоняетъ людей;
Ходитъ за плугомъ; стоитъ за плечами
Каменотесовъ, ткачей“.

Потребность питанія является самымъ глубокимъ и непосредственнымъ голосомъ жизни. Прекращеніе питанія быстро убиваетъ организмъ; недостатокъ питанія вызываетъ его медленное мучительное умираніе—деградацію жизни. Подъ непрерывнымъ и жестокимъ давленіемъ этой „абсолютной власти“ происходитъ всеобщая борьба за жизнь, организація сотрудничества, соціальное и культурное развитіе.

Не меньшее значеніе для жизни имѣетъ *потребность органическаго самосохраненія* отъ разрушительныхъ вліяній среды. Къ такимъ вліяніямъ относятся механическія воздѣйствія среды (паденіе камня, дерева, дѣйствіе бури и т. п.), нападенія хищниковъ и соперниковъ, сильныя отклоненія отъ нормальной для жизни температуры (палящій жаръ, леденящій холодъ) и т. д. Отсутствіе этихъ разрушительныхъ вліяній составляетъ отрицательное условіе жизни; ихъ устраненіе—жизненную необходимость, или потребность самосохраненія. Непосредственнымъ выраженіемъ этой потребности служитъ чувство *боли* въ разныхъ его формахъ. По выраженію Герцена, „Страданіе, боль—это вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность“ (Vom andern Ufer, 7).

Вторую категорію основныхъ органическихъ потребностей составляетъ половой инстинктъ, или *потребность родового воспроизведенія жизни.*

Третья категорія основныхъ потребностей жизни, это—*потребность въ жизненной тратѣ,* правильной работѣ всѣхъ органовъ, всесторонней и полной жизнедѣятельности. Правильная жизнедѣятельность является необходимой для жизни въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ естественное средство жизненнаго накопленія, которое именно и основывается на производительной тратѣ силъ; во-вторыхъ, какъ условіе интенсивнаго и быстраго теченія жизни. Бездѣятельность (или недостаточная дѣятельность) задерживаетъ процессъ жизни, препятствуетъ полной жизненной

ассимиляціи и полному развитію энергіи жизни. Выраженіемъ потребности въ нормальной жизненной тратѣ служитъ чувство особеннаго томленія, порыва къ работѣ, чувство избытка силъ, жаждущихъ дѣла; затѣмъ наслажденіе полной и гармоничной жизнедѣятельностью; наконецъ, усталость, чувство упадка силъ при избыточной жизненной тратѣ.

На почвѣ этихъ основныхъ органическихъ потребностей совершается все развитіе психической жизни. Сущность этого развитія состоитъ въ томъ, что потребности жизни становятся все болѣе широкими и сложными. Онѣ обнаруживаютъ тонкое различеніе, качественную оцѣнку и цѣлесообразный выборъ объектовъ, то есть жизненныхъ условій. Потребность питанія отъ простого различенія съѣдобнаго и несъѣдобнаго развилась въ сложное разнообразіе вкусовъ. Инстинктъ самосохраненія отъ чувства боли, физическаго страданія, развился въ разнообразныя эмоціи страха и отвращенія. На основѣ полового влеченія развивается чувство страстной любви, полное чаръ, поэтическихъ страданій и восторговъ, исканіе „души родной", небесной (или земной) красоты (эстетическій половой выборъ); стремленіе найти „въ ея объятіяхъ рай небесный" (Фаустъ), или: „Его обнять и тихо млѣть, и цѣловать, и умереть!.. (Маргарита); словомъ, чувство—полное страстныхъ грезъ объ идеалѣ жизни. Потребность въ тратѣ силъ,— сначала простое влеченіе къ физическому труду и физической игрѣ, развивается въ разнообразныя стремленія къ высшимъ формамъ жизненной дѣятельности,—къ работѣ мысли, къ художественному творчеству, ко всевозможнымъ занятіямъ частной и общественной жизни. Эти формы дѣятельности составляютъ для человѣка существенное жизненное содержаніе, въ которомъ онъ находитъ интересъ и смыслъ жизни, побужденіе къ упорному труду, къ великимъ подвигамъ. Все, что связываетъ его дѣятельность, заставляетъ его страдать; всякая преграда на его пути есть зло жизни, съ которымъ онъ борется. Потребность въ тратѣ силъ, въ разнообразной и полной жизнедѣятельности, развивается въ *стремленіе къ свободѣ*, какъ великому благу жизни.

Въ потребностяхъ выражается общее отношеніе жизни къ опредѣленнаго рода условіямъ ея осуществленія, роста и развитія; иными словами, въ нихъ отражаются общія формы жизненной необходимости со всѣми ихъ моментами: опредѣленной жизненной нормой, отклоненіями отъ нея и ихъ устраненіемъ. Въ ощущеніи потребности психически выражается именно отклоненіе отъ жизненной нормы. Удовлетвореніе возстановляетъ эту норму и испытывается, какъ *удовольствіе*.

Итакъ, удовольствіе есть устраненіе условій деградаціи жизни, слѣдовательно подъемъ жизни, повышеніе ея энергіи и быстроты. Спиноза опредѣлялъ удовольствіе какъ „такое пассивное состояніе, черезъ которое душа переходитъ къ большему совершенству, а неудовольствіе такое, черезъ которое она переходитъ къ мень-

шему совершенству" (Этика, III, сх. теор. 11-й). Выводя удовольствіе и неудовольствіе изъ колебаній уровня жизни,—мы можемъ признать опредѣленіе Спинозы правильнымъ и глубокимъ. Неудовольствіе, какъ деградація жизни, есть переходъ отъ большаго совершенства къ меньшему; удовольствіе, какъ подъемъ жизни, есть переходъ къ высшему совершенству,—къ полному и гармоническому расцвѣту жизни.

Состояніе потребности, неопредѣленное по отношенію къ объекту и цѣли, называется *чувствомъ*, состояніе же, вполнѣ опредѣлившееся по отношенію къ тому и другому, есть *влеченіе*. Эти два состоянія не всегда различаются съ полной точностью, однако въ общемъ возможно отличать влеченіе къ опредѣленному объекту отъ безпредметныхъ колебаній жизни, каковы чувство безпокойства, возбужденія, тоски, томленія, или свѣтлаго, жизнерадостнаго настроенія. Менѣе отчетлива разница между влеченіями и такими чувствами, какъ гнѣвъ, страхъ, любовь, восторгъ; эти состоянія бываютъ связаны съ опредѣленнымъ объектомъ,—но они не связаны съ практически опредѣленнымъ къ нему отношеніемъ: какъ только они опредѣляются практически—они становятся влеченіями; чувство гнѣва, страха переходитъ въ стремленіе уничтожить врага или скрыться отъ него; восхищеніе, любовь переходитъ въ стремленіе къ близости, обладанію и т. д. И наоборотъ, влеченіе переходитъ въ чувство, когда оно задерживается, когда между влеченіемъ и объектомъ становится неодолимая преграда, дѣлающая его недоступнымъ; когда, наконецъ, объектъ влеченія уничтожается или исчезаетъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ влеченіе становится „платоническимъ", преобразуется въ чувство.

Колебанія жизни, выражающіяся въ чувствахъ, бываютъ положительными или отрицательными, испытываются какъ подъемъ жизни или ея пониженіе,—въ зависимости отъ того, вызываетъ ли преграждеціе влеченія накопленіе внутренней энергіи, или истощеніе ея. Чувство подъема жизни, накопленія энергіи бываетъ пріятнымъ; чувство пониженія жизни, упадка энергіи, наоборотъ, непріятно. Вопреки мнѣнію Шопенгауэра, стремленіе не всегда чувствуется какъ лишеніе, страданіе; бываютъ стремленія, которыя испытываются какъ чувство полноты, избытка жизни, необычайнаго подъема энергіи; таковы потребности въ органической тратѣ,—потребность въ трудовой дѣятельности, въ свободной игрѣ силъ, въ родовомъ воспроизведеніи. Пока замедленіе въ жизненной тратѣ не перешло въ регрессъ жизни,—оно окрашивается въ оттѣнокъ наслажденія. Гомеръ говоритъ о „сладкомъ желаніи" (Иліада, XIV, 327); Лермонтовъ—о „сладкомъ недугѣ страстей"; Пушкинъ—о „свѣтлой печали", полной мечты о любимой женщинѣ, и т. д. Чувство наслажденія возбужденнымъ и задержаннымъ стремленіемъ, какъ выяснится дальше, составляетъ сущность эстетическаго состоянія.

Окраску пріятнаго и непріятнаго, наслажденія и страданія,

свойственную всѣмъ переживаніямъ, выражающимъ колебанія жизни, психологи называютъ чувственнымъ тономъ. Изъ положеній, развитыхъ выше, слѣдуетъ, что положительнымъ чувственнымъ тономъ сопровождается процессъ повышенія жизни до ея максимальнаго уровня въ предѣлахъ жизненной нормы опредѣленнаго періода жизни, или переходъ къ болѣе высокой жизненной нормѣ, съ большей интенсивностью и быстротой жизни: словомъ, процессъ накопленія, роста и развитія жизни. Отрицательнымъ чувственнымъ тономъ, наоборотъ, сопровождается оскудѣніе, замедленіе, деградація жизни. Подъемъ и пониженіе жизни могутъ быть частными или общими. Частнымъ повышеніямъ и пониженіямъ жизни соотвѣтствуютъ отдѣльныя чувствованія удовольствія и страданія. Общее повышеніе жизни испытывается какъ *счастье*. Счастье бываетъ тѣмъ выше, чѣмъ интенсивнѣе, сложнѣе и гармоничнѣе подъемъ жизни. Высшее счастье есть чувство жизни совершенной, достигшей полнаго и прекраснаго расцвѣта,—жизни могучей, сложной и гармонически развитой. Наоборотъ, общая жизненная деградація испытывается какъ страданіе, taedium vitae, агонія.

Объекты потребностей, это—условія жизни и счастья. Какъ таковыя, они составляютъ *жизненныя блага* или *жизненныя цѣнности*. Понятія блага, цѣнности—соотносительно понятію стремленія, требованія. Счастье состоитъ въ обладаніи жизненными цѣнностями, въ удовлетвореніи требованій жизни. Всякое требованіе, стремленіе, желаніе вытекаетъ изъ жизни; это ея непосредственный голосъ, ощущаемый въ психическомъ самочувствіи. Внѣ жизни нѣтъ стремленій, нѣтъ счастья, нѣтъ цѣнностей. А такъ какъ цѣнности,—это объекты потребностей, проистекающихъ изъ жизни,—то, слѣдовательно, *жизнь есть первоначальный и всеобщій субъектъ всѣхъ цѣнностей.*

Но объекты потребностей, блага жизни, не являются конечными цѣлями; они лишь средства жизненнаго процесса. Цѣнность этихъ объектовъ соразмѣрна ихъ значенію для жизни и степени ихъ жизненной утилизаціи. Они служатъ жизни, вводятся въ ея содержаніе въ качествѣ творческаго момента, создающаго жизнь. Но если жизненныя блага составляютъ лишь средства *для* жизни, которая является и начальнымъ, и конечнымъ звеномъ всѣхъ жизненныхъ отношеній, а слѣдовательно—и отношенія цѣнности, то можно сказать, что *конечнымъ объектомъ всѣхъ требованій жизни, послѣдней и высшей цѣнностью является самая жизнь.* Въ этомъ выражается внутренняя обусловленность жизни, какъ самоосуществляющагося процесса. Безусловная цѣнность, это—жизнь для жизни.

Но понятіе цѣнности жизни имѣетъ значеніе только какъ логически развернутое внутреннее отношеніе жизни. Жизнь въ ея внутренней цѣльности, въ ея общей связи, не подлежитъ оцѣнкѣ. Внѣ жизни нѣтъ критерія оцѣнки, нѣтъ субъекта тре-

бованія, для котораго жизнь была бы цѣнностью. Жизнь—верховный принципъ всякой цѣнности, какъ безусловной (жизнь-самоцѣнность), такъ и относительной (блага жизни, цѣнности для жизни, ея условія). Предметомъ оцѣнки можетъ быть лишь содержаніе жизни по его значенію для жизни, но не сама жизнь, какъ цѣлое.

Проблема цѣнности составляла содержаніе стараго философскаго спора между оптимизмомъ и пессимизмомъ. Въ томъ случаѣ, когда понятіе цѣнности возводилось въ міровой принципъ, возникала проблема о совершенствѣ міра; если же цѣнность понималась какъ принципъ жизни,—ставился вопросъ о цѣнности жизни. Понятіе о міровой цѣнности имѣетъ своей необходимой предпосылкой телеологическое міропониманіе, подпадаетъ съ нимъ подъ общую критику и вмѣстѣ съ нимъ падаетъ. Проблема о цѣнности жизни выступаетъ или какъ часть общей проблемы о цѣнности бытія—и рѣшается на основаніи метафизическихъ принциповъ; или же ставится и рѣшается какъ эмпирическая задача.

Образецъ принципіальной постановки и рѣшенія вопроса о цѣнности жизни представляетъ пессимистическая теорія Шопенгауэра. Критика жизни въ ней находится въ существенной связи съ основами метафизики бытія. По ученію Шопенгауэра, сущность жизни, какъ и сущность всякаго бытія, есть *воля*. Требованія воли представляютъ содержаніе жизни. Но всякая потребность, всякое стремленіе есть лишеніе, слѣдовательно—страданіе; поэтому страданіе есть сущность жизни; жизнь есть зло въ своей основѣ. Страданіе есть нѣчто положительное, непосредственно ощутимое; а наслажденіе отрицательно, потому что состоитъ лишь въ прекращеніи страданія.

Внутреннее противорѣчіе этой теоріи заключается въ самомъ исходномъ ея пунктѣ. Если жизнь есть источникъ потребностей, а неудовлетворенная потребность есть страданіе, то, слѣдовательно, зло есть „отрицаніе жизни“, ея оскудѣніе или подавленіе, а не сама жизнь. Страданіе есть чувство деградаціи, умиранія жизни. Отрицая деградацію жизни, какъ зло, мы утверждаемъ жизнь по существу.

Вопросъ о цѣнности жизни въ его эмпирической формулировкѣ есть вопросъ о преобладаніи въ жизни зла или добра, страданія или наслажденія. При такой постановкѣ вопроса изслѣдуется содержаніе жизни, соизмѣряются удовольствія и страданія, и подводится балансъ жизни, или благопріятный (Дюрингъ), или неблагопріятный (Гартманъ). Изъ этого вывода дѣлается принципіальное заключеніе о цѣнности жизни. Методологическая неправильность такого способа изслѣдованія зависитъ отъ того, что удовольствія и страданія объективно неизмѣримы; они сравнимы и соизмѣримы лишь субъективно; отсюда—субъективизмъ въ рѣшеніи проблемы. Вопросъ о преобладаніи въ жизни удовольствія

и страданія можетъ быть рѣшаемъ лишь съ точки зрѣнія общихъ законовъ развитія жизни. Спенсеръ признаетъ за „неизбѣжный выводъ ученія о развитіи, что удовольствія суть влеченія къ актамъ, служащимъ къ поддержанію жизни, а страданія суть отвращенія отъ актовъ, разрушающихъ жизнь“. „Только тѣ породы существъ были способны выжить, у которыхъ, въ среднемъ выводѣ, пріятныя и желательныя чувствованія шли всегда рядомъ съ дѣятельностями, ведущими къ поддержанію жизни, а непріятныя и обыкновенно избѣгаемыя чувствованія шли рядомъ съ дѣятельностями, прямо или косвенно разрушительными для жизни“ („Основы Психол.“, т. I, §§ 125, 127). Преобладаніе въ жизни удовольствія или неудовольствія характеризуетъ жизнь прогрессирующую или регрессирующую. Регрессъ, это вырожденіе, исчезаніе жизни, въ силу ея невозможности—за недосткомъ условій ея реализаціи. Прогрессъ, это ростъ и развитіе жизни, ея гармоническій расцвѣтъ. Зло есть „отрицаніе жизни“, благо—„утвержденіе жизни“, а жизнь есть мѣра добра и зла, основа и критерій оцѣнки.

Полная реализація всѣхъ условій, необходимыхъ для совершеннаго расцвѣта жизни, приводитъ къ *нормальному жизненному состоянію*. Жизнь представляетъ основу понятія *нормы* или *должнаго*. Какъ всеобщее (онтологическое) понятіе, „должное“ есть необходимое,—то, что *должно совершиться*, въ силу наличности условій для этого, слѣдовательно, обусловленное in prospecto, необходимое въ будущемъ: въ этомъ случаѣ понятіе должнаго не имѣетъ нормативнаго смысла. Нормативно должное, это—жизнецѣнное. Въ объективномъ смыслѣ оно сводится къ жизненной необходимости, къ значенію для жизни ея условій, опредѣленныхъ жизнью и осуществляющихъ ее; субъективнымъ отраженіемъ этого объективнаго отношенія служитъ эмоціональная жизнь. Въ ней выражаются требованія жизни, муки лишеній, жизнерадостное состояніе гармонически естественной жизни, блаженство полноты жизни совершенной, достигшей высшаго и всесторонняго расцвѣта. „Сущее“ и „должное“ вовсе не представляютъ двухъ взаимно исключающихъ понятій; основа нормы (должнаго)—въ отношеніяхъ сущаго: реализація нормы не есть ея „отмѣна“, но ея осуществленіе. Гармонически расцвѣтшая жизнь, прекрасное художественное произведеніе, глубокая и свѣтлая идея мыслителя, героическій подвигъ,—словомъ, всѣ формы воплощеннаго идеала представляютъ единство сущаго и должнаго.

Эмоціональное состояніе есть непосредственная форма оцѣнки. Первоначально эта оцѣнка относится къ внутреннимъ жизненнымъ состояніямъ, отразившимся въ непосредственномъ самочувствіи; она выражается въ чувственномъ тонѣ переживаній. Свѣтлыя, радостныя переживанія являются желанными въ сознаніи, мы удерживаемъ ихъ, стараемся продлить ихъ, замедлить ихъ

быстрое теченіе; напротивъ, тягостныя переживанія,—боль, тоска, скука и пр.,—насильственно вторгаются въ наше самочувствіе, какъ назойливые посѣтители, отъ которыхъ мы стремимся скорѣе отдѣлаться, устранить ихъ изъ сознанія. „Мгновенье, остановись—ты такъ прекрасно!"—восклицаетъ Фаустъ въ порывѣ счастья; „Забвенья!"—молитъ у стихійныхъ духовъ въ безысходномъ страданіи Манфредъ:

„Забвенія того, что скрыто въ сердцѣ,
Что выразить словами не могу..."

Не только въ непосредственныхъ переживаніяхъ, но и въ воспоминаніяхъ о состояніяхъ пережитыхъ, мы инстинктивно отвращаемся отъ испытанныхъ нами страданій, стремимся забыть ихъ, изгладить эти воспоминанія, или, по крайней мѣрѣ, окутать ихъ поэтически-свѣтлой дымкой, умѣряющей ихъ пережитую горечь. Но для насъ пріятны самыя воспоминанія о счастливыхъ дняхъ, мы стремимся снова пережить ихъ въ своихъ мечтахъ какъ можно ярче и подробнѣе, лелѣемъ дорогія воспоминанія, утѣшаемся ими. Въ насъ совершается инстинктивный, непреднамѣренный *отборъ* переживаній, развивающійся въ сознательный, планомѣрный выборъ такихъ комплексовъ непосредственныхъ и отраженныхъ въ памяти переживаній, которые даютъ наибольшую сумму счастья.

Тѣ связи, которыя мы наблюдаемъ между переживаніями, приводятъ къ дальнѣйшей формѣ эмоціональной оцѣнки. Сущность ея состоитъ въ объективаціи чувственнаго тона, въ перенесеніи его на внѣшніе объекты, или ихъ образы, съ которыми связаны наши стремленія и чувства. Мы озаряемъ окружающій міръ отблескомъ нашего настроенія, согрѣваемъ теплотой жизни. Предметы, которые возбуждаютъ въ насъ эмоціи радости, наслажденія, любви или страха, печали, отвращенія представляются намъ *объективно* прекрасными, пріятными, милыми или ужасными, мрачными, отвратительными. Въ этомъ выражается эмоціональная оцѣнка жизненнаго значенія объектовъ. Такая оцѣнка не можетъ быть безусловной и неизмѣнной, потому что и жизнь и ея отношенія къ средѣ до извѣстной степени мѣняются; правда, общія отношенія жизни и среды остаются довольно постоянными, но въ частностяхъ происходятъ глубокія перемѣны. Наиболѣе общее отношеніе жизни сознанія (комплексъ „я") къ внѣшнимъ явленіямъ, это—отношеніе къ нимъ, какъ къ *объектамъ*, къ *содержанію опыта*: менѣе общимъ является отношеніе къ нимъ, какъ объектамъ опредѣленныхъ потребностей, жизни. Эмоціональная оцѣнка объектовъ, выражающая ихъ значеніе для нашихъ потребностей, менѣе постоянна, чѣмъ эмоціональная оцѣнка, связанная съ способомъ воспріятія, представленія и пониманія объектовъ, то-есть *оцѣнка эстетическая* въ тѣсномъ смыслѣ. На этомъ

основывается установленное Кантомъ различіе объектовъ *интересныхъ* (относящихся къ опредѣленнымъ потребностямъ) и объектовъ *прекрасныхъ* (для свободнаго созерцанія). Шопенгауэръ шелъ дальше, опредѣляя *эстетическое состояніе* или наслажденіе прекраснымъ, какъ состояніе чистаго безволія, какъ созерцаніе, чуждое всякаго хотѣнія,—въ отличіе отъ *участія* къ занимательному, трогающему волю, заинтересовывающему насъ. Теорія Шопенгауэра объясняетъ лишь одну сторону эстетическаго состоянія — *объективность* созерцанія, вытекающую изъ спокойствія воли, но она не въ состояніи объяснить *наслажденія* объективностью, невозможнаго внѣ отношенія къ „волѣ", къ хотѣнію, къ жизни.

Сущность эстетическаго состоянія мы можемъ выразить словами Гейне, рисующими впечатлѣніе отъ древнихъ мраморныхъ изваяній боговъ: это не вѣчное спокойствіе безъ страсти, но глубокая страсть безъ волненія *). Иными словами, это — могучій и гармоническій подъемъ всей жизни сознанія, глубокій паѳосъ сердца, проникнутый живымъ свѣтомъ созерцанія.—Эстетическое состояніе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда внѣшній объектъ или внутренній образъ фантазіи, возбуждая инстинктъ жизни („волю", „хотѣніе", „стремленіе"), не требуетъ дѣйствія, непосредственной активой реакціи, въ которой могло бы разрядиться нервное возбужденіе; вслѣдствіе этого возбужденная внутренняя энергія, замкнувшись въ самомъ человѣкѣ и дѣйствуя, какъ стимулъ, на его воображеніе и умъ, вызываетъ огромный подъемъ сознанія, болѣе или менѣе соразмѣрный силѣ возбужденныхъ эмоцій, и такимъ образомъ приводитъ его къ чувству гармонически повышенной, просвѣтленной яснымъ сознаніемъ жизни. Частное возбужденіе, за невозможностью или ненужностью дѣйствія, переходитъ въ общее чувство повышенной жизни и разрѣшается въ эстетическомъ созерцаніи.

Эстетически-созерцательное состояніе есть *наслажденіе чисто объективнымъ созерцаніемъ. Наслажденіе* это состоитъ въ томъ, что мы *любуемся* образами, ласкающими всѣ наши чувства, особенно зрѣніе и слухъ (образы зрительные и звуковые). Вспомнимъ роскошную картину, которую рисуетъ Демонъ Тамарѣ:

„Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!

*) „Путевыя картины" (Городъ Лукка). Приведемъ также прекрасныя слова Діона Хризостома, описывающаго впечатлѣніе, производимое статуей Зевса Олимпійскаго (твореніе Фидія): „Ласковый и кроткій онъ возсѣдаетъ на своемъ тронѣ, покровитель мирной и единомышленной Эллады, спокойный и величественный, съ улыбкой на устахъ, податель жизни и всякаго блага, отецъ и спаситель людей. И я думаю, что даже тотъ, кто испыталъ въ жизни

Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я:
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря"...

Въ этомъ рядѣ образовъ живописныя краски, чарующіе звуки, дыханіе аромата—относятся къ разнымъ чувствамъ, „лелѣютъ" ихъ, вызываютъ многосторонній подъемъ чувства жизни, сливающійся въ гармоническое единство настроенія. *Объективность* эстетическаго созерцанія состоитъ въ его отрѣшенности отъ индивидуальныхъ хотѣній, отъ опредѣленныхъ частныхъ желаній и мотивовъ, возмущающихъ созерцаніе. Основная проблема философіи прекраснаго: *какъ возможно наслажденіе чисто объективнымъ созерцаніемъ?*—находитъ свое разрѣшеніе въ томъ, что состояніе эстетическаго созерцанія обусловливается подъемомъ сознанія надъ *возбужденной* волей, надъ *тронутымъ* сердцемъ, надъ повышеннымъ общимъ чувствомъ жизни, растворившимъ въ себѣ всѣ индивидуальныя желанія. Въ этомъ находятъ свое объясненіе оба момента эстетическаго созерцанія—наслажденіе и объективность.

Объекты эстетическаго созерцанія подраздѣляются на *возвышенные* и *прекрасные*; соотвѣтственно этому и эстетическое впечатлѣніе отъ нихъ раздѣляется на чувство возвышеннаго и чувство прекраснаго.

Чувство возвышеннаго вызывается великими и грозными явленіями природы и могуществомъ человѣческой воли и силы въ борьбѣ съ природой и людьми. Эстетическій характеръ чувства возвышеннаго основывается на томъ, что такого рода явленія въ громадной степени возбуждаютъ инстинктъ жизни, не связывая воображенія и ума практическими требованіями текущей минуты (побѣдить опасность, скрыться отъ нея, помочь другому и т. д.), и не возмущая объективнаго созерцанія на общемъ фонѣ поднятаго настроенія. Только сильные характеры могутъ любоваться грознымъ величіемъ природы и жизни; въ людяхъ малодушныхъ оно вызываетъ смятеніе и страхъ; слабаго оно подавляетъ, могучаго—возвышаетъ. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ борьба душевной мощи съ стихійными силами, какая изображается, наприм., В. Гюго въ „Труженикахъ моря" (Жильятъ и море), или у Лермонтова словами Демона:

„Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто, подымая прахъ,

много горя и несчастій, чье сердце исполнено заботъ и глаза не знаютъ сна,— даже тотъ передъ этимъ образомъ забылъ бы всѣ тягости, которыя выпадаютъ на долю человѣка; такое произведеніе создалъ ты, Фидій, — средство, какъ говоритъ поэтъ:

„Скорбь и печаль удалять и память минувшихъ страданій (Гомеръ)".

Одѣтый молньей и туманомъ
Я шумно мчался въ облакахъ"...

Чувство возвышеннаго есть могучее движеніе души, разрѣшившееся въ повышенномъ созерцаніи. Чувство прекраснаго есть жизнерадостная гармонія созерцанія. Прекрасное всегда радостно. Даже мрачная и скорбная красота,—именно какъ прекрасное,—для насъ отрадна, мы ею любуемся; скорбное содержаніе представляется намъ въ прекрасной формѣ жизни.

Прекрасное въ его объективномъ содержаніи есть жизнь,—жизнь въ ея свободномъ выраженіи, въ ея законченномъ расцвѣтѣ. *„Прекрасное есть жизнь"*, такъ опредѣляетъ его Н. Г. Чернышевскій; „прекрасно то существо, въ которомъ мы видимъ жизнь такою, какова должна быть она по нашимъ понятіямъ; прекрасенъ тотъ предметъ, который выказываетъ въ себѣ жизнь или напоминаетъ намъ о жизни" *). Всякое искаженіе жизни, упадокъ и угнетеніе производятъ на насъ тяжелое, отталкивающее впечатлѣніе, такъ какъ выражаютъ дѣйствіе враждебныхъ жизни вліяній. Впечатлѣніе красоты вызываетъ свободное и полное осуществленіе жизненной нормы, выраженіе въ индивидуальной формѣ родового типа. Родовой типъ, это—итогъ совершившагося развитія; если этотъ типъ не искаженъ въ живомъ существѣ и свободно въ немъ развивается, мы любуемся *естественной* жизнью. Но родовой типъ не только резюмируетъ въ цѣлесообразной формѣ пройденный путь развитія,—онъ выражаетъ тенденцію развитія къ наибольшей цѣлесообразности, къ высшей полнотѣ и гармоніи жизни. Когда эта тенденція съ особенной яркостью и силой воплощается въ индивидуальной живой формѣ, какъ наиболѣе цѣлесообразной и прогрессивной, передовой въ своемъ родѣ,—мы видимъ предѣльное выраженіе жизненной нормы въ *совершенной* жизни. Прекрасное по его содержанію есть жизнь естественная и жизнь совершенная.

Но, возникаетъ вопросъ, развѣ прекрасна только жизнь—свободная и цвѣтущая? Развѣ мы не наслаждаемся красотой природы? Природа для насъ прекрасна, какъ идеальная среда жизни,—среда, которая, сообразно складу нашей натуры, даетъ намъ наибольшую сумму содержанія, наибольшую полноту и разнообразіе переживаній. Мы объективируемъ свое чувство гармонической полноты жизни, вызываемое созерцаніемъ природы, наслажденіе созерцаніемъ испытываемъ какъ красоту природы. Наиболѣе прекрасной представляется намъ природа, роскошно цвѣтущая жизнью, полная свободныхъ звуковъ и движеній, когда мы видимъ „жизнь въ цвѣткѣ, въ растеньи, и въ тихомъ говорѣ ручья" (Шиллеръ). Въ этомъ случаѣ отраженная на природу красота нашего настроенія и свободная красота объективной жизни сливаются въ полной гармоніи эстетическаго созерцанія.

*) „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности".

Прекрасное, въ его субъективномъ опредѣленіи, есть предметъ созерцанія, легко и свободно вносящій въ наше сознаніе многостороннее и богатое содержаніе, и такимъ образомъ вызывающій наибольшее разнообразіе и полноту переживаній съ наименьшимъ утомленіемъ (тратой силъ). Единство, симметрія и гармонія содержанія являются формальнымъ условіемъ такого впечатлѣнія; „единство въ разнообразіи" -таковъ основной принципъ формально прекраснаго. Но, конечно, строгая правильность формъ сама по себѣ не производитъ впечатлѣнія прекраснаго, если не трогаетъ насъ, не интересна для насъ. Прекрасное, возбуждая наше вниманіе и трогая чувство, какъ бы само отдается созерцанію; богатство содержанія вызываетъ богатство переживаній; единство, стройность и гармонія формы, облегчая возможность вполнѣ овладѣть содержаніемъ съ наименьшей тратой силъ, вызываетъ радостный подъемъ настроенія. Мы переживаемъ впечатлѣніе прекраснаго образа.

Созданіе возвышенныхъ и прекрасныхъ образовъ, производящихъ эстетическое впечатлѣніе, составляетъ задачу *художественнаго творчества*. Сущность художественнаго творчества состоитъ въ образномъ созданіи такихъ формъ и такой среды жизни, которыя не вполнѣ даны въ реальной дѣйствительности, но требованіе которыхъ лежитъ въ природѣ человѣка, какъ выраженіе его стремленій къ гармонической полнотѣ жизни. *Художественные образы* представляютъ природу и жизнь съ сосредоточенной силой, въ многозначительныхъ и внутренно уравновѣшенныхъ чертахъ, дѣлая ихъ понятными и привлекательными и такимъ образомъ удовлетворяя и умъ, и чувство: они бросаютъ свѣтъ въ глубину собственной природы человѣка, показывая ему не сознаваемую ясно цѣль его стремленій. Художественныя произведенія составляютъ выраженіе художественныхъ образовъ, то есть наглядныхъ канцепцій, представляющихъ типическое и существенное въ явленіяхъ не въ абстрактной формѣ понятія, но въ живой и яркой формѣ созерцанія.

Жизнь съ ея средой составляетъ основное содержаніе искусства. Свободное выраженіе жизни есть *естественное*; вполнѣ развитое естественное есть *совершенство*. Художественная идея есть концепція естественнаго; идеалъ—концепція совершенства. Естественное и совершенное - первообразъ художественныхъ идей и идеаловъ,—почва, на которой развивается свѣтлый и прекрасный міръ искусства, идеально питающій всѣ стремленія человѣческой природы; и чѣмъ глубже въ природѣ человѣка лежатъ эти стремленія, тѣмъ выше и чище соотвѣтствующіе имъ художественные образы, выражающіе собою проникновенный, задушевный призывъ впередъ -къ идеалу жизни. Въ этомъ стремленіи, въ этомъ призывѣ къ законченному идеалу и заключается послѣдняя цѣль художественнаго творчества, лежащая въ предѣлахъ искусства.

Поэтическое выраженіе этой задачи искусства даетъ Шиллеръ, обращаясь къ художникамъ съ такимъ призывомъ:

„На крыльяхъ смѣлыхъ мчась высоко,
Временъ перегоните бѣгъ!
Ужъ въ вашемъ зеркалѣ далеко
Горитъ зарей грядущій вѣкъ".

Для созданія художественнаго образа необходимо сильное стремленіе и свободное воображеніе, возможныя лишь при нѣкоторомъ отдаленіи отъ дѣйствительности; ибо близость дѣйствительности ограничиваетъ воображеніе и умѣряетъ силу стремленій. Самыя сладкія пѣсни поются въ неволѣ и отъ несчастной любви. Искусство показываетъ полноту и гармонію жизни и влечетъ къ ней, но воплощаетъ ее лишь въ живые образы, а не въ дѣйствительность. Въ этомъ—отличіе художественнаго творчества отъ активнаго творчества жизни.

Эстетическая оцѣнка имѣетъ непосредственный, эмоціональный характеръ; познаніе эстетическаго ставитъ своей задачей объяснить все содержаніе этой оцѣнки изъ общихъ законовъ жизни, понять пріятное, возвышенное, прекрасное—какъ жизнецѣнное; словомъ, оцѣнку чувства привести къ общимъ принципамъ философской теоріи. Но содержаніе познанія не ограничивается эмоціональной жизнью; его предметъ — все содержаніе жизни и внѣшняго міра. Философія стремится систематизировать и свести къ единству общихъ принциповъ все содержаніе познанія, понять жизнь какъ явленіе природы, подчиненное ея всеобщимъ законамъ въ своей спеціальной закономѣрности, и, наконецъ, всю область психическихъ переживаній сдѣлать понятной съ точки зрѣнія объективныхъ отношеній жизни,—въ ихъ жизненномъ значеніи, жизненной необходимости. Въ той системѣ воззрѣній, которая ставитъ жизнь первоосновой всякой оцѣнки и высшимъ принципомъ объясненія всего содержанія и всѣхъ формъ сознанія, — понятіе жизненной необходимости является основнымъ и руководящимъ. Процессъ познанія есть также явленіе жизни, развивающееся *изъ* жизни и *для* жизни. Философія жизни стремится понять процессъ познанія въ его жизненной обусловленности и жизненномъ значеніи *).

Жизненное значеніе познанія состоитъ въ томъ, что оно регулируетъ отношенія жизни къ внѣшней средѣ—къ природѣ и другимъ людямъ. Открывая законы явленій, оно даетъ возможность стать въ опредѣленныя и постоянныя отношенія ко всему

*) Д-ръ Саулъ Ашеръ утверждалъ: „Разумъ есть высшій принципъ". Г. д-ръ ошибался. Высшій принципъ есть жизнь. Съ точки зрѣнія этого принципа только и можетъ быть понято познаніе, какъ фактъ и какъ цѣнность. Разумъ конституированъ жизнью, и задача его - служеніе жизни. Разумъ самъ—элементъ жизни.

совершающемуся, покоряетъ себѣ область таинственнаго и призрачнаго—вызывающаго чувство безсилія и страха предъ грознымъ могуществомъ силъ природы, подчиняетъ эти силы человѣческой власти, объединяетъ людей для совмѣстнаго труда и счастья, для разнообразнаго жизненнаго творчества. Даже самыя, повидимому, далекія отъ жизни, самыя общія и отвлеченныя науки, изслѣдующія общее строеніе міра (астрономическія),—имѣютъ огромное значеніе для установленія общихъ отношеній человѣка къ природѣ. „Величайшее благодѣяніе этихъ наукъ,—говоритъ Лапласъ,—заключается въ томъ, что онѣ истребили ужасъ, наводимый нѣкогда небесными явленіями, и заблужденія, порожденныя незнаніемъ истинныхъ нашихъ отношеній къ природѣ,—ужасъ и заблужденія, которыя быстро возродятся, если только угаснетъ свѣтильникъ наукъ“ *). Далѣе, на астрономіи основывается точная мѣра времени, необходимая для правильной организаціи труда—и вообще сношеній между людьми. Чѣмъ конкретнѣе наши знанія, тѣмъ больше ихъ непосредственное жизненное значеніе, ихъ руководящее значеніе для человѣческой дѣятельности, ихъ практическая полезность. Развитіе знаній и ихъ примѣнимости къ жизни, къ человѣческой дѣятельности, является мѣрой власти людей надъ природой, то есть ихъ техническаго прогресса, какъ основы общественнаго развитія. Еще Бэконъ писалъ: „Человѣкъ, посредникъ и толкователь природы, получаетъ и осуществляетъ свои замыслы лишь настолько, насколько онъ умѣетъ дѣлать открытія въ законахъ природы, какъ наблюденіемъ, такъ и трудолюбіемъ... Если есть возможность побѣдить природу, то только повинуясь ей. Поэтому обѣ эти цѣли, наука и могущество человѣка вполнѣ совпадаютъ въ однѣхъ и тѣхъ же точкахъ“ (О достоинствѣ и объ усоверш. наукъ. Распредѣл. сочиненія). Ог. Контъ называетъ изученіе природы „истинной разумной основой воздѣйствія человѣка на природу“. „*На наукѣ основано предвидѣніе, на предвидѣніи—дѣйствіе*“ (Курсъ „Пол. Фил.“, т. I. л. 2-я).

Разсматривая всю сферу человѣческаго познанія съ формальной стороны, слѣдуетъ признать, что существенную его характеристику составляетъ стремленіе къ систематическому единству. Все умственное развитіе человѣчества сводится къ тому, что обыденный житейскій опытъ, отрывочный, случайный и не вполнѣ согласованный, объединяется, систематизируется, принимаетъ форму научнаго познанія, развивающагося методически; а затѣмъ вся совокупность научнаго познанія классифицируется, ставится въ опредѣленную связь, приводится къ общимъ формуламъ зако-

*) Лапласъ. „Изложеніе Системы Міра“, т. II, стр. 352.

То же самое говорилъ Плиній объ астрономахъ, „Это великіе люди, они выше обыкновенныхъ смертныхъ, и, открывъ законы небесныхъ тѣлъ, они освободили бѣдный умъ людей отъ страха предъ зловѣщими предзнаменованіями затменій“. (См. Тайлоръ. „Перв. культ.“, I, 297).

номѣрности, сводится къ единству универсальныхъ принциповъ научно-философскаго міровоззрѣнія. Научно обоснованная монистическая система философіи—таковъ конечный идеалъ познанія.

Объясненія познавательнаго стремленія къ систематическому единству слѣдуетъ искать въ жизненномъ значеніи такой формы познанія. Приводя все разнообразное содержаніе научныхъ знаній въ опредѣленное соотношеніе и обобщая его въ немногихъ объединяющихъ принципахъ, систематическая форма познанія даетъ возможность овладѣть всѣмъ существеннымъ содержаніемъ наукъ съ наименьшей затратой силъ и съ наиболѣе производительнымъ ихъ примѣненіемъ. Такимъ образомъ въ общемъ развитіи наукъ находитъ свое выраженіе всеобщій законъ жизни,—законъ экономіи силъ. Значеніе „принципа наименьшей мѣры силъ" или закона экономіи въ примѣненіи къ познанію особенно отчетливо выясняли Авенаріусъ и Махъ. „Всякая система, какъ таковая,—говоритъ Авенаріусъ,—достигаетъ значительнаго сбереженія силъ. При систематизаціи происходитъ организація группъ представленій, при чемъ центральное мѣсто въ сознаніи отводится особо важному комплексу представленій: вокругъ же него, въ надлежащемъ порядкѣ, располагаются другія представленія. Совокупность представленій, объединенныхъ теоретическимъ интересомъ индивида, получаетъ распорядокъ, организуется. Только такимъ путемъ сознаніе впервые возвышается надъ наличнымъ запасомъ представленій и лучше освоивается съ нимъ. Но тѣмъ самымъ всѣ постановки вопросовъ получаютъ единое, общее рѣшеніе"... „Принципъ наименьшей мѣры силъ вызываетъ подведеніе единичныхъ представленій подъ общія понятія, а черезъ подведеніе подъ понятія съ уже извѣстнымъ содержаніемъ—и пониманіе, поскольку конкретное представленіе, хотя и было дано въ опытѣ, но по своимъ опредѣленіямъ оставалось еще неизвѣстнымъ... Стремленіе мыслить совокупность предметовъ съ наибольшимъ сбереженіемъ силъ, т. е. въ одномъ всеобщемъ понятіи,—это стремленіе и есть философія" *). По выраженію Маха,—„естествознаніе признаетъ своей цѣлью наиболѣе экономную, наиболѣе простую передачу фактовъ посредствомъ понятій" **).

Единство міровоззрѣнія имѣетъ существенное значеніе для жизни, какъ необходимое условіе ея полной гармоніи и свободнаго развитія. Объединяя въ высшихъ принципахъ законы нормальной жизни среди природы и общества, внося единство въ основные мотивы жизни, устраняя ея внутреннія противорѣчія, колебанія и сомнѣнія, обезсиливающія людей,—монистическое міровоззрѣніе освѣщаетъ путь и открываетъ свободный просторъ

*) Авенаріусъ: „Философія какъ мышленіе о мірѣ по принципу наименьшей мѣры силъ", §§ 12, 77.

**) Махъ. „Экономическая природа физическаго изслѣдованія" (Популярно-научныя лекціи).

для полнаго и гармоническаго расцвѣта жизни, въ которой реализуется разумно понятый идеалъ жизни. „Разумѣніе жизни“,— въ которомъ Л. Толстой видитъ сущность евангельскаго ученія, составляетъ основное содержаніе всякаго цѣльнаго міровоззрѣнія, сущность человѣческой *мудрости*.

Мудрость есть разумное развитіе наибольшаго содержанія человѣческой жизни; это—сама жизнь, осмысленная и уравновѣшенная, проникнутая сознаніемъ общихъ жизненныхъ законовъ и свободно имъ слѣдующая. Совершенно неправильно представленіе о мудрецѣ, какъ о „деревянномъ, неповоротливомъ манекенѣ, съ которымъ нельзя имѣть никакого дѣла, который самъ не знаетъ, что ему предпринять съ своею мудростью“ (мудрецъ-стоикъ въ изображеніи Шопенгауэра); безжизненная мудрость, это—внутреннее противорѣчіе. Истинная мудрость проникнута могучимъ и непрестаннымъ кипѣніемъ жизни, сосредоточенной силой переживаній, неутомимымъ активнымъ стремленіемъ къ правдѣ и душевной ясности, къ гармонической полнотѣ жизни. Вспомнимъ величавый образъ Сократа и болѣе близкую, болѣе понятную для насъ личность Л. Толстого. Даже тѣ ограниченія, которыя налагаетъ на себя мудрецъ, способствуютъ общему подъему чувства жизни и ея внутренней гармоніи.

Чѣмъ сложнѣе и разнообразнѣе отношенія жизни къ средѣ естественной и соціальной, тѣмъ болѣе бываютъ необходимыми нѣкоторыя частныя ограниченія жизни, ради ея общихъ и существенныхъ интересовъ. Самообладаніе, господство надъ своими порывами, разумный выборъ мотивовъ, спокойная и увѣренная энергія дѣйствій,—все это является условіемъ наиболѣе интенсивной и производительной жизнедѣятельности, предупреждаетъ растрату силъ жизни по мелочамъ, ради ничтожныхъ и даже гибельныхъ для жизни цѣлей. Именно въ жизненной необходимости подчинять частныя движенія воли общимъ законамъ жизни лежитъ первоисточникъ противоположенія долга, какъ общаго регулятива жизни, и хотѣнія, какъ частнаго побужденія къ дѣйствіямъ. Развитіе соціальной среды, въ высшей степени усложняя жизнь и отношенія людей, ограничивая свободу личности правами другихъ лицъ и интересами общества, вноситъ въ понятіе долга соціальное содержаніе; долгъ становится обязанностью передъ обществомъ, охраняемой нравами и закономъ. Общественные нравы, понятія и требованія глубочайшимъ образомъ опредѣляютъ сознаніе личности; воспитаніе и жизнь въ данной соціальной средѣ отражается на всемъ ея духовномъ складѣ. Такимъ образомъ, общество „вкладываетъ“ въ сознаніе и волю личности свой неписанный законъ жизни. Эта, выражаясь фигурально, интроекція соціальной воли рисуется въ сознаніи личности, какъ ея моральный долгъ, „категорическій императивъ“, который не навязывается внѣшнимъ повелѣніемъ и въ то же время не вытекаетъ изъ собственныхъ „хотѣній“ личности, но который

требуетъ повиновенія и опредѣляетъ личную ея волю, какъ „всеобщій законъ“. Долгъ есть форма внутренняго „обузданія“ личности, тогда какъ законъ и власть—формы внѣшняго „обузданія“.

На сколько внѣшнія и внутреннія ограниченія вызываютъ деградацію личной жизни,—они являются показателемъ ненормальности общественнаго строя. Противорѣчія соціальной жизни отражаются въ сознаніи личности. По выраженію Гейне, когда міръ разорванъ на двое,—разрывается и сердце человѣка, если оно прозаически не спряталось въ уголъ. Стремленіе къ наибольшей полнотѣ и гармоніи переживаній вызываетъ возмущеніе противъ общественнаго строя съ его несовершенствами и противорѣчіями, съ его гнетущей моралью. Такъ какъ общественное развитіе ставитъ въ однородныя (относительно) условія цѣлыя массы людей, связанныя общностью своихъ интересовъ и отношеній (классы), и соціальныя противорѣчія выражаются въ видѣ классовыхъ антагонизмовъ, то протестъ противъ существующихъ соціальныхъ отношеній становится не личнымъ, а массовымъ, принимаетъ форму классовой борьбы.

Два основныя противорѣчія проникаютъ современное общество: конкурренція и эксплоатація; на ихъ почвѣ развивается цѣлая градація вторичныхъ, производныхъ противорѣчій, получающихъ въ общественной идеологіи свое предѣльное, самое яркое выраженіе *). Соціальная борьба является принципомъ внутренняго объединенія отдѣльныхъ классовъ: но конкурренція эксплоатирующихъ подрываетъ ихъ классовое единство, находя выраженіе въ индивидуалистическихъ, антисоціальныхъ идеалахъ этого класса; напротивъ, классы обездоленные объединяются въ соціальной борьбѣ не только отрицательно, но и положительно—своимъ общественнымъ идеаломъ,—идеаломъ общечеловѣческаго братства, гармоническаго единенія людей въ совмѣстномъ творчествѣ жизни. Этотъ идеалъ развитія къ наибольшей полнотѣ и гармоніи жизни составляетъ основу философіи жизни, какъ практическаго міровоззрѣнія.

Философія, по ея практическому понятію, есть ученіе о *благѣ* или *добрѣ*. Съ точки зрѣнія философіи жизни этотъ вопросъ формулируется такъ: что такое добро, какъ содержаніе жизни? Жизнь есть основной субъектъ и конечный объектъ оцѣнки, предѣльная, высшая цѣнность; поэтому всякое жизненное содержаніе имѣетъ положительное или отрицательное значеніе, смотря по тому, выражется ли въ немъ прогрессъ или деградація жизни. Благо или зло то же самое, что положительное или отрицательное жизненное

*) „Современный соціализмъ, по своему содержанію, является прежде всего результатомъ наблюденія, съ одной стороны, надъ господствующими въ современномъ обществѣ классовыми противорѣчіями между имущими и неимущими, между наемными рабочими и буржуа, съ другой стороны,—надъ царящей въ производствѣ анархіей“.—Фр. Энгельсъ. Переворотъ въ наукѣ, произведенный Дюрингомъ, 1-я стр. русск. перев.

содержаніе. А такъ какъ прогрессъ жизни основанъ на активности, самодѣятельности, производительной тратѣ энергіи,—то положительное значеніе имѣетъ чувство растущей творческой мощи, активнаго созиданія жизни. И это чувство тѣмъ выше, чѣмъ шире и напряженнѣе жизненное творчество. Индивидуальный міръ человѣка представляетъ слишкомъ тѣсныя рамки для растущаго жизненнаго содержанія. Личная жизнь развивается въ непрерывномъ общеніи съ соціальной средой; и чѣмъ шире это общеніе, чѣмъ глубже участіе къ переживаніямъ другихъ людей,—тѣмъ богаче содержаніемъ и напряженнѣе собственная жизнь человѣка. Замкнутая индивидуальность слишкомъ бѣдна содержаніемъ; расширеніе и углубленіе жизни достигается усвоеніемъ жизни всеобщей, активнымъ участіемъ въ ней, соціальнымъ творчествомъ. Чувство соціальнаго творчества и представляетъ высшее содержаніе жизни, высшее благо. Какъ характеристика человѣческой личности, это—*доброта*, гуманность, способность проникаться переживаніями другихъ людей, съ ними радоваться и страдать, сочувствовать имъ. Сочувствіе есть высшая форма чувства жизни,—расширеніе чувства личности до чувства жизни всеобщей, или, по выраженію Герцена, „развитіе эгоистическаго сердца человѣка въ сердце всескорбящее, обобщенное разумомъ и въ свою очередь оживляющее разумъ"... Проникновеніе въ переживанія другихъ людей, чувство жизни другихъ существъ сближаетъ душевную доброту съ эстетическимъ созерцаніемъ жизни; но созерцаніе пассивно, а доброта—активна. Художественное творчество есть созданіе идеальныхъ образовъ, добродѣтель есть активное творчество жизни, воплощеніе идеаловъ въ жизнь. Взаимное сочувствіе, благодаря которому переживанія другихъ вводятся въ сознаніе и чувство личности, а ея собственная жизнь вызываетъ участіе другихъ людей,—въ огромной степени расширяетъ и обогащаетъ содержаніе человѣческой жизни. Стремленіе къ наибольшей полнотѣ и разнообразію переживаній, желаніе сосредоточить въ себѣ наибольшее содержаніе жизни, вызываетъ страстный порывъ Фауста слиться съ жизнью всеобщей:

„Вся жизнь людей, вся бездна горя, бѣдъ,—
Все будетъ мной извѣдано, прожито.
Глубоко я хочу всѣ тайны ихъ познать,
Всю силу радости и горя испытать,
Душою въ душу ихъ до глубины проникнуть"...

Высшее жизненное состояніе есть отраженіе общечеловѣческой жизни въ свободной и всесторонне развившейся жизни гуманной личности.

Личность наиболѣе ярко, глубоко и творчески-законченно выражающая идеалъ общественнаго развитія своего времени, называется *героемъ*. Герой,—это воплощеніе активнаго стремленія

къ общественному идеалу, сосредоточенное и могучее выраженіе тенденціи общественнаго развитія. Героизмъ представляетъ высочайшее проявленіе человѣчности, законченную полноту осуществленія человѣческой природы въ личности человѣка, его жизни и дѣятельности. „Великое сердце. ясный, глубоко проникающій взоръ", - такъ характеризуетъ героя Карлейль. „Человѣкъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова; человѣкъ свободы, человѣкъ человѣчности", — вотъ образъ героической личности (В. Гюго—о Гарибальди).

Наиболѣе яркимъ и законченнымъ типомъ героя-борца, поставленнаго общественнымъ движеніемъ во главѣ класса, борющагося за высшій соціальный строй, является великая личность Ф. Лассаля.

Такъ какъ основа героизма есть богатство человѣческой природы и энергія ея выраженія,—то герой необходимо есть *активная* и *творческая личность.* Творческая натура сближаетъ героя съ художникомъ, форма творчества различаетъ ихъ. Для героизма также необходимо сильное стремленіе, смѣлое воображеніе и глубокое проникновеніе въ жизнь; и герой, и художникъ стремятся къ воплощенію своихъ идеаловъ. Но художникъ воплощаетъ ихъ въ живые образы, а герой—въ жизненныя формы, въ самую жизнь. Творчество героя - его жизнь и его дѣятельность для торжества общественныхъ идеаловъ. Поэтъ пишетъ поэму, воспѣваетъ великія дѣла: герой переживаетъ великую, поэтическую жизнь. Въ героизмѣ выражается величіе и красота человѣческой природы, развивающейся въ живой дѣятельности. Поэтому героизмъ такъ могучъ и обаятеленъ, такъ неотразимо дѣйствуетъ на воображеніе и чувство людей: это активная поэзія,—поэзія всечеловѣчности. совершенство жизни въ его осуществленіи.

Самое великое и драгоцѣнное въ человѣчествѣ, это—героизмъ, руководимый правильной идей,—героизмъ, проникнутый яснымъ сознаніемъ идеала развитія. Въ этомъ свѣтломъ героизмѣ осуществляется единство поэзіи, мудрости и гуманности; въ немъ находятъ свое живое выраженіе всѣ человѣческія стремленія къ совершенству жизни. какъ высшему благу.

Значеніе героизма основывается на томъ, что онъ представляетъ выраженіе всеобщей жизни въ индивидуальной живой формѣ. Все жизненное содержаніе, интересы, настроенія, понятія и идеалы, разсѣянные въ массахъ, какъ смутныя, неполныя и несвязныя переживанія,—все это организуется и фиксируется въ героической личности—съ сосредоточенной силой, яркостью и цѣльностью: въ ней олицетворяется общественное движеніе впередъ, воплощается героизмъ, разлитый въ настроеніи массъ, и вспыхиваетъ, какъ молнія изъ заряженной электричествомъ тучи. Въ обществѣ, проникнутомъ противорѣчіями и соціальной борьбой, героизмъ является выраженіемъ активнаго протеста противъ враждебныхъ развитію силъ и страстнаго стремленія къ высшему

щественному строю, свободному отъ противорѣчій и основан-
му на началахъ соціальной свободы, равенства и братства. Со-
ıльной обусловленностью героизма опредѣляется и его соціаль-
я роль. Собирая въ себѣ и отражая впередъ разсѣянныя въ
ссахъ настроенія, порывы и мечты, онъ представляетъ обще-
енный паѳосъ, активный порывъ къ лучшему строю, живое
знаніе идеала; подобно факелу въ рукахъ, онъ движется обще-
еннымъ процессомъ и освѣщаетъ дорогу впередъ. Направле-
и задачи движенія не создаются имъ; они опредѣляются
манентными законами развитія; но этотъ движимый обще-
юмъ свѣтъ помогаетъ найти ближайшій путь къ цѣли и не
иваться съ дороги.

Общественное движеніе совершается не въ силу личнаго
оизвола, а въ силу внутренней необходимости соціальнаго раз-
тія. Соціальный процессъ есть накопленіе и трата творческихъ
іъ общества, производящихъ движеніе и развивающихся въ
мъ. И онъ имѣетъ общія черты съ великимъ процессомъ при-
ды. Энергія движенія зависитъ отъ притока живыхъ силъ,
ивающихся изъ многихъ источниковъ въ общее русло. Когда
иженіе встрѣчаетъ преграду, задерживается искусственной
отиной, потокъ поднимается, его масса возрастаетъ, энергія на-
пляется. Движеніе становится замедленнымъ и временно пе-
ходитъ въ застой. Но давленіе на плотину непрерывно возра-
етъ, ея устои подмываются и подгниваютъ; она еще стоитъ
одвижно; растущая сила давленія и убывающая сила сопро-
вленія скрыто борются между собой. Наконецъ, настаетъ „осво-
ждающій моментъ“. Онъ бываетъ иногда незначителенъ; пло-
а можетъ дрогнуть отъ удара волны, податься отъ поверхност-
о прибоя, вздымаемаго порывомъ бури; но рушится она отъ
й массы поднявшейся воды. Передовые валы, собравшіе въ
я всю силу общаго напора, бурно вырываются на свободу,
ивая всѣ преграды и пролагая дорогу впередъ, — а за ними
дуетъ величавое и могучее теченіе всего потока, торжествуетъ
ѣду свободная жизнь.

С. Суворовъ.

Основы позитивной эстетики.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Изъ всѣхъ отраслей психологіи эстетика является, быть можетъ, наименѣе законченной. Задавшись цѣлью намѣтить основныя начала позитивной эстетики, мы не скрываемъ отъ себя трудностей такой задачи. Однако, задача эта тѣмъ болѣе привлекала насъ, чѣмъ глубже входили мы въ вопросы эстетики, и чѣмъ яснѣе становилось для насъ огромное значеніе ея законовъ для смежныхъ областей этики и гносеологіи; основные законы эстетики, будучи правильно поняты, бросаютъ яркій свѣтъ на всю психологію и могутъ служить основой цѣлому міросозерцанію.

Находя повсюду множество элементовъ для созданія положительной эстетики, сознавая, какъ близко къ рѣшенію вопроса о прекрасномъ и его значеніи подходили многіе изъ старыхъ и новыхъ мыслителей, мы тѣмъ не менѣе нигдѣ не нашли систематическаго изложенія основъ эстетики, которое вполнѣ удовлетворило бы насъ. Изъ отдѣльныхъ частей намъ приходилось строить болѣе или менѣе самостоятельно. Намъ предстоитъ не излагать существующую уже позитивную эстетику, а конструировать ее въ значительной мѣрѣ сызнова. Въ виду этого, быть можетъ, наиболѣе раціонально было бы изложить нашъ опытъ по эстетикѣ въ видѣ цѣлой книги, предпославъ ему критическую исторію эстетики и обосновавъ на признанныхъ авторитетахъ все, что можно на нихъ обосновать; но по разнымъ причинамъ мы предпочитаемъ изложить наши воззрѣнія въ сравнительно небольшой статьѣ и дать абрисъ эстетики со всѣми ея выводами въ самой сжатой формѣ. Мы отказываемся совершенно отъ изложенія предшествовавшихъ теорій эстетики, мы не будемъ указывать, чѣмъ мы обязаны тому или другому мыслителю и что принадлежитъ намъ самимъ: мы предлагаемъ абрисъ цѣлаго эстетическаго міросозерцанія, такъ сказать, en bloc, и просимъ видѣть въ немъ проспектъ „Системы позитивной эстетики". Если проспектъ этотъ окажется заслуживающимъ вниманія и не встрѣтитъ такой кри-

тики, которая бы самому автору показалась сокрушительной, то мы приступимъ къ посильному построенію того зданія, общимъ очеркомъ котораго является настоящая статья.

ГЛАВА I.

Жизнь и идеалъ.

Что такое жизнь? Что такое живой организмъ? Организмъ есть сложный аггрегатъ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, обладающихъ разнородными физическими и химическими свойствами и находящихся въ постоянной взаимной зависимости; многоразличныя функціи этого аггрегата координированы между собою и съ окружающей средой такимъ образомъ, что организмъ пребываетъ самимъ собой, т. е. не теряетъ своего *формальнаго единства.* Пока организмъ сохраняетъ болѣе или менѣе неизмѣнной свою форму, хотя постоянно мѣняетъ всѣ элементы своего тѣла, – пока онъ обладаетъ этой способностью *самосохраненія*, способностью возстановлять подвижное равновѣсіе при его нарушеніяхъ воздѣйствіями среды, до тѣхъ поръ мы называемъ его живымъ; мертвый организмъ пассивно подчиняется механическимъ, термическимъ, химическимъ и др. воздѣйствіямъ среды и разлагается на составные элементы. Итакъ, жизнь есть способность самосохраненія, или вѣрнѣе—самый процессъ самосохраненія организмовъ. Мы можемъ считать организмъ тѣмъ болѣе совершеннымъ или *жизненнымъ*, чѣмъ болѣе велика его способность самосохраненія. Если бы мы стали наблюдать организмъ въ болѣе или менѣе постоянной средѣ, то мы констатировали бы, что между нимъ и этою средою устанавливается извѣстное равновѣсіе, что у организма постепенно вырабатывается рядъ наиболѣе цѣлесообразныхъ реакцій на воздѣйствія среды; при каждомъ существенномъ для организма измѣненіи среды онъ или погибаетъ, или самъ измѣняется, вырабатываетъ новыя реакціи, что отражается и на его структурѣ. Измѣненія структуры организма подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій въ процессѣ приспособленія къ средѣ можно назвать эволюціей. При условіяхъ относительно неизмѣнныхъ вырабатывается организмъ относительно *идеальный для данной среды*, т. е. наиболѣе способный выживать при данныхъ условіяхъ; такой организмъ обладаетъ однимъ огромнымъ недостаткомъ: чѣмъ опредѣленнѣе его органы приспособлены къ опредѣленнымъ функціямъ, тѣмъ безпомощнѣе онъ будетъ при перемѣнѣ условій.

Новое воздѣйствіе сразу можетъ поставить на карту самое существованіе консервативнаго организма. Такъ какъ въ природѣ неизмѣнная или равномѣрно измѣняющаяся среда далеко не представляетъ общаго правила, то организмъ, чтобы жить, не можетъ противопоставлять природѣ все тотъ же циклъ реакцій, но долженъ варьировать ихъ согласно особенностямъ внѣшнихъ воздѣйствій. Поэтому наиболѣе жизненнымъ, идеально совершеннымъ организмомъ явился бы такой, который располагалъ бы разнообразіемъ реакцій, достаточнымъ, чтобы сохранить жизнь *при всѣхъ условіяхъ*.

Измѣнчивая среда является, такимъ образомъ, какъ бы условіемъ, воспитывающимъ организмъ. Изъ цѣлаго ряда реакцій, вызываемыхъ къ жизни средою, вырабатывается въ концѣ концовъ путемъ подбора и непосредственнаго приспособленія богатый арсеналъ разныхъ пріемовъ самозащиты, нападенія и т. д. Организмъ становится все *находчивѣе* въ борьбѣ со средою, такъ какъ *находчивость* и приспособляемость только два разныхъ выраженія для обозначенія одного и того же свойства высоко развитыхъ организмовъ.

Отсюда ясно, что чѣмъ измѣнчивѣе среда, въ которой живетъ данный организмъ, тѣмъ больше реакцій должно у него вырабатываться въ процессѣ приспособленія, тѣмъ *находчивѣе* онъ будетъ во всевозможныхъ опасностяхъ, такъ какъ *находчивость* или приспособляемость есть результатъ *опыта*.

Идеальнымъ организмомъ будетъ тотъ, опытъ котораго охватываетъ все сущее (всѣ возможныя воздѣйствія среды), и находчивость котораго преодолѣваетъ всякое препятствіе для его жизни, или существованія.

Всякую эволюцію, удаляющую организмъ отъ выработки новыхъ сложныхъ, измѣнчивыхъ реакцій мы можемъ назвать *регрессивною*, всякую же эволюцію, ведущую къ обогащенію организма все болѣе сложнымъ аппаратомъ цѣлесообразныхъ реакцій, мы можемъ назвать *прогрессивной*.

Регрессъ можетъ быть полезенъ для сохраненія даннаго индивида, прогрессъ можетъ иногда быть вреденъ. Въ самомъ дѣлѣ, если сложный организмъ попадетъ въ среду, гдѣ большинство его органовъ ему не нужны, то они могутъ оказаться для него прямо вредными. Но въ общемъ и цѣломъ прогрессивная эволюція ведетъ къ укрѣпленію жизни въ природѣ, и вѣнецъ такой эволюціи мы видимъ въ человѣкѣ.

Если мы представимъ себѣ организмъ въ покоѣ, въ полной гармоніи съ окружающей средой, то передъ нами будетъ нѣкоторый устойчивый процессъ, нѣкоторое подвижное равновѣсіе. Всякое уклоненіе отъ этого равновѣсія мы будемъ называть *жизнеразностью*. Жизнеразность есть уклоненіе отъ обычнаго правильнаго теченія жизни, вызванное непосредственно непривычнымъ воздѣйствіемъ среды, либо какими-нибудь внутренними процес-

сами, въ конечномъ счетѣ тоже—косвеннымъ результатомъ такого воздѣйствія среды.

Постановка всякой жизнеразности въ большей или меньшей мѣрѣ подвергаетъ жизнь ограниченію и риску. Какъ мы знаемъ изъ опыта, организмъ испытываетъ въ своей психикѣ воздѣйствія внѣшней среды, какъ ощущенія, и большинство своихъ реакцій—какъ отвѣтъ на ощущеніе, имѣющій своею цѣлью прекратить его или усилить, удержать его. Естественно ожидать, что въ организмѣ выработались приспособленія, стремящіяся удерживать, длить тѣ именно процессы, которые полезны для жизни, и прекращать, насколько хватитъ силъ, тѣ, которые вредны. Психическимъ выраженіемъ этихъ приспособленій являются ощущенія боли и удовольствія. Если внѣшнее раздраженіе вызываетъ колебаніе жизни, угрожаетъ равновѣсію организма, оно испытывается какъ боль, страданіе, непріятность. Также и нѣкоторые разрушительные процессы въ самомъ организмѣ (косвенный результатъ внѣшнихъ воздѣйствій) могутъ испытываться какъ болѣзнь, какъ нѣчто тяжелое. Напротивъ, внѣшнія воздѣйствія, возстановляющія нарушенное равновѣсіе, и всякія реакціи, стремящіяся къ тому же, воспринимаются какъ пріятное. Эту отрицательную или положительную окраску, въ какой являются организму его ощущенія, обусловленныя внѣшними или внутренними условіями, мы назовемъ положительнымъ или, соотносительно, отрицательнымъ *аффекціоналомъ*.

Итакъ, мы можемъ сказать: все, что непосредственно способствуетъ жизни, сопровождается непосредственнымъ положительнымъ аффекціоналомъ, все, что препятствуетъ ей — отрицательнымъ. Аффекціоналъ есть не что иное, какъ отраженіе въ психикѣ наличнаго возрастанія или паденія жизни во всемъ организмѣ или въ отдѣльной его части. Само собою понятно, что существуютъ страданія, т. е. пониженія жизненности, полезныя, иногда необходимыя для спасенія жизни, какъ нѣкоторыя болѣзненныя операціи, напр., и наоборотъ, наслажденія, т. е. повышенія жизни, вредныя, т. е. оплачиваемыя позднѣе гораздо большимъ пониженіемъ ея, какъ прямымъ результатомъ такого наслажденія; но непосредственный аффекціоналъ, какъ первобытное приспособленіе, не считается съ отдаленными результатами процессовъ: это дѣло провидящаго разума,—хотя, конечно, и аффекціональная окраска можетъ съ теченіемъ времени измѣняться и становиться все болѣе цѣлесообразной. Мы не можемъ сказать, сопровождается ли какимъ-либо аффекціоналомъ идеальное равновѣсіе, такъ какъ оно вообще не наблюдается. Мы можемъ предположить, однако, что абсолютно не нарушающееся жизненное равновѣсіе, какъ сонъ безъ сновидѣній, вовсе не воспринимается. Все, что воспринимается нами какъ жизнь, и въ насъ самихъ, и въ другихъ организмахъ, есть нарушеніе равновѣсія и результатъ такихъ нарушеній.

Отсюда можно вывести то заключеніе, что страданіе есть нѣчто первоначальное, именно нарушеніе равновѣсія, наслажденіе же—нѣчто производное, что можетъ имѣть мѣсто лишь при возстановленіи нарушеннаго равновѣсія, т. е. только какъ прекращеніе страданія.

Такое заключеніе будетъ, однако, совершенно невѣрно.

Дѣло въ томъ, что взаимодѣйствіе организма и среды двояко: съ одной стороны, среда разрушаетъ организмъ, подвергаетъ его всякаго рода опасностямъ, а организмъ путемъ разнаго рода реакцій защищается отъ нея; съ другой стороны, она же даетъ организму условія его возстановленія и сохраненія: это не только среда раздраженій, но и среда питанія. Организмъ постоянно вынужденъ разсѣивать энергію ради самозащиты или *самоутвержденія*, и энергія эта должна постоянно возстанавливаться, притекать ко всѣмъ органамъ организма въ необходимомъ количествѣ. Каждый органъ представляетъ изъ себя извѣстный запасъ спеціальной потенціальной энергіи, которую онъ подъ воздѣйствіемъ среды и приводитъ въ дѣйствіе; запасъ долженъ быть возстановленъ. Если растрата энергіи такъ велика, что соразмѣрное возстановленіе невозможно, или если притокъ энергіи (въ формѣ питательныхъ веществъ) настолько ничтоженъ, что не въ состояніи покрыть обыкновенныхъ тратъ,—органъ истощается, равновѣсіе нарушается, возникаетъ отрицательный аффекціоналъ. Но, разумѣется, возможно нарушеніе равновѣсія и въ другую сторону. Если данный органъ (представляющій изъ себя, повторяемъ, извѣстную сумму организованной потенціальной энергіи) въ теченіе долгаго времени не упражняется, то притокъ питанія къ нему является совершенно излишнимъ, онъ не претворяется въ необходимую специфическую энергію, т. е. не организуется, а отлагается въ видѣ жира и т. п. Въ концѣ концовъ органъ перерождается или атрофируется, такъ какъ притокъ питанія не только постепенно прекращается, но и ткани самого неупражняемаго органа перерабатываются организмомъ. Нарушенія равновѣсія въ сторону избытка питанія сначала вовсе не испытываются, какъ тяжелыя; лишь при долгомъ отсутствіи упражненія органъ начинаетъ какъ бы *требовать* упражненія, появляется тяжелое чувство, заставляющее, напр., топтаться и рваться стоялыхъ коней или вызывающее настоятельную потребность моціона послѣ неподвижной работы у человѣка. Отрицательный аффекціоналъ, сопровождающій перенакопленіе питанія, менѣе скоръ и менѣе ярокъ, чѣмъ тотъ, который сопровождаетъ перерасходъ энергіи, что вполнѣ понятно: такое нарушеніе равновѣсія не грозитъ организму непосредственной бѣдой. Тѣмъ не менѣе, быстрое разряженіе энергіи въ органѣ, долго не упражнявшемся, испытывается какъ наслажденіе. Если застой въ обмѣнѣ веществъ и не даетъ ощущенія страданія, то ускореніе обмѣна, пока оно не перейдетъ въ утомленіе, т. е. пока притокъ питанія

достаточенъ для покрытія расходовъ, испытывается какъ наслажденіе. Если возстановленіе перерасходованной энергіи сопровождается положительнымъ аффекціоналомъ, то и расходъ перенакопленнаго питанія имъ сопровождается. На извѣстной стадіи перенакопленіе питанія уже чувствуется какъ бы глухая потребность движенія, *траты* силъ; первые моменты траты доставляютъ такое наслажденіе, что организмъ охотно предается ей, даже безцѣльно: такую безцѣльную трату перенакопленнаго питанія, быстрое превращеніе его въ специфическую энергію разныхъ органовъ и разсѣяніе ея, мы называемъ *игрою*. Положительный аффекціоналъ, сопровождающій игру организма, имѣетъ огромное біологическое значеніе, онъ способствуетъ сохраненію органовъ и обезпечиваетъ прогрессивную эволюцію.

Это сдѣлается вполнѣ яснымъ, когда мы разсмотримъ самую эволюцію въ терминахъ установленныхъ нами двоякихъ жизнеразностей.

Если организмъ подвергся какому-либо новому воздѣйствію среды или вынужденъ усилить какую-либо свою функцію (совершить работу) далеко за обычные предѣлы, то, само собой разумѣется, мы имѣемъ передъ собою жизнеразность перерасхода энергіи, которая должна быть устранена. Совершенно ясно, однако, что она можетъ быть устранена двоякимъ способомъ: работа оказывается чрезмѣрной,—для устраненія этой дисгармоніи можно либо сократить самую работу, либо усилить притокъ энергіи въ формѣ питанія. Чрезвычайно часто для организма являются равно возможными оба пути: пластическій—выработать новую сложную реакцію для увеличенія своихъ силъ или для замѣны одного рода реакціи другимъ, менѣе привычнымъ, но болѣе экономнымъ,—или пассивный—просто отказаться отъ работы, отступить, избѣжать, претерпѣть, сократиться. Жизнеразности устраняются либо активно (путемъ выработки новыхъ приспособленій, которыя увеличиваютъ общую сумму энергіи всего организма или даннаго органа или обезпечиваютъ за даннымъ органомъ помощь другихъ и т. д.), либо путемъ пассивнымъ (путемъ бѣгства отъ новой задачи). Активное рѣшеніе жизнеразностей ведетъ къ диффеpенціаціи организма, увеличиваетъ его опытность, находчивость, общую жизненность, пассивное же рѣшеніе въ лучшемъ случаѣ оставляетъ организмъ въ прежнемъ положеніи, чаще сокращаетъ область его жизни, ведетъ къ частичному умиранію, къ атрофіи нѣкоторыхъ потребностей и т. д. Пояснимъ примѣромъ: Предположимъ, что какая-нибудь раса людей или порода животныхъ вторгается въ область, занятую до того времени другой расой или породой. Жизнь становится тяжелой, всѣ условія ея мѣняются, все равно—прямо ли нападаютъ пришельцы на аборигеновъ или, конкурируя съ ними, дѣлаютъ менѣе доступной пищу и другіе источники жизни. Аборигены могутъ сопротивляться, путемъ ли непосредственной борьбы съ новымъ врагомъ, выра-

батывая наиболѣе цѣлесообразные пріемы такой борьбы, или путемъ совершенствованія тѣхъ органовъ и орудій, которые направлены къ добыванію всего необходимаго для жизни; но они могуть также подчиниться судьбѣ, предпочитая миръ и скудное существованіе напряженію силъ, выселиться изъ страны, убѣгая все дальше, въ страны все болѣе негостепріимныя, занять подчиненное положеніе вассаловъ (если дѣло идетъ о людяхъ), они могутъ привыкнуть къ менѣе питательнымъ веществамъ, къ меньшему количеству пищи и соотвѣтственно уменьшиться въ ростѣ и т. д. Въ первомъ случаѣ, въ случаѣ активнаго сопротивленія или конкуренціи путемъ совершенствованія, вторженіе новаго врага окажется высоко полезнымъ для расы или породы, разовьетъ мужество, ловкость, чутье, умъ и т. д.; во второмъ случаѣ оно понизитъ абориrеновъ на нѣсколько ступеней лѣстницы жизни. Активный человѣкъ запада при всякой боли, непріятности, бѣдствіи старается найти ихъ причины и исцѣлить ихъ рѣшительной мѣрой, пассивный человѣкъ востока одурманиваетъ себя наркотиками, или даже просто преисполняется *резиньяціи*. Первый устраняетъ жизнеразность реально, второй какъ бы закрываетъ глаза на нее, помогаетъ себѣ игнорировать ее, суживая поле сознанія. Результатъ очевиденъ.

Тенденція рѣшать жизнеразность активно или пассивно опредѣляется очень сложными причинами, въ разсмотрѣніе которыхъ мы не можемъ входить здѣсь.

То же самое наблюдаемъ мы и при другого рода жизнеразностяхъ. Допустимъ, что организмъ получаетъ избытокъ питанія, что при данныхъ благопріятныхъ для него условіяхъ ему не необходимо тратить все это количество питанія, и что это грозитъ организму чрезмѣрнымъ скопленіемъ въ немъ постороннихъ неорганизованныхъ веществъ (напр., жировыхъ тканей). Пассивнымъ рѣшеніемъ такого рода жизнеразностей будетъ соотвѣтственное уменьшеніе количества питанія. При такомъ рѣшеніи общая сумма энергіи, представляемая организмомъ, понизится, неупражняемые органы начнутъ атрофироваться, они будутъ требовать все меньше питанія,—и притокъ силъ изъ окружающей среды, вслѣдствіе застоя въ дѣятельности организма, будетъ приближаться къ minimum'у. Такой организмъ, конечно, неминуемо погибнетъ, если благопріятное время пройдетъ и снова настанутъ времена тяжелыя, а прежнія приспособленія окажутся уже потерянными.

Активнымъ же разрѣшеніемъ жизнеразности разсматриваемаго рода будетъ игра, т. е. безцѣльная трата избытка силъ, дающая возможность органамъ функціонировать со всей полнотой и такимъ образомъ не только сохраняться, но даже усиливаться. Дѣйствительно, направленная къ практическимъ цѣлямъ *работа* органовъ,—или ихъ *трудъ*,—должна подчиняться разнымъ необходимостямъ, быть болѣе или менѣе неправильною, въ зависи-

мости отъ условій: извѣстно, напр., что всякій трудъ стремится къ ритмичности, но зачастую встрѣчаетъ въ этомъ стремленіи неодолимыя препятствія. Въ игрѣ же органы проявляютъ себя съ полной свободой, т. е. такъ, какъ для нихъ наиболѣе естественно, въ наибольшемъ соотвѣтствіи со своей структурой,—отсюда особенное наслажденіе отъ игры, чувство свободы, отличающее ее; въ игрѣ организмъ живетъ наиболѣе правильной жизнью: онъ расходуетъ энергію въ той мѣрѣ, въ какой это нужно и такимъ образомъ, какъ это доставляетъ наибольшее удовольствіе, повинуясь лишь себѣ, т. е. своей организаціи *).

Играющее животное есть животное упражняющееся. Теперь ясно, почему мы сказали, что игра есть обезпеченіе прогрессивной эволюціи.

Животное, разрѣшающее жизнеразности всѣхъ родовъ активно, развивается въ направленіи къ идеальному организму. При всякомъ измѣненіи среды оно вырабатываетъ новую функцію, для всякой излишней траты оно стремится найти новые источники силъ, для всякаго избытка силъ—практически полезную и планомѣрную трату.

Въ виду несомнѣнныхъ преимуществъ, какія въ борьбѣ за существованіе имѣютъ активные организмы по сравненію съ пассивными, прогрессирующіе по сравненію съ пассивно-приспособляющимися, можно предположить (хотя врядъ ли можно утверждать съ несомнѣнностью), что самый ростъ силъ, самый прогрессъ жизни сопровождается положительнымъ аффекціоналомъ, т. е. что всѣмъ организмамъ присуща жажда мощи, жажда роста жизни. Что касается прогрессивнаго типа людей въ частности, то здѣсь эта потребность прогресса, какъ таковоrо, становится уже несомнѣнной.

Но этого мало. Намъ предстоитъ разсмотрѣть еще одну особенность жизни, т. е. разрѣшенія жизнеразностей, имѣющую огромное значеніе.

Мы говоримъ о принципѣ *наименьшей траты силъ*. Силы организма ограничены. Въ своей борьбѣ съ природой организмъ долженъ быть разсчетливъ. Пока сознаніе находится еще въ зачаточномъ состояніи, эта разсчетливость устанавливается путемъ отбора, т. е. выживанія тѣхъ организмовъ, которымъ хватало данной наличности силъ, чтобы сохраниться и размножиться, и путемъ прямой гибели тѣхъ организмовъ, которые истощались. Не истощиться въ борьбѣ, жить только на доходъ, а не на основной капиталъ—вотъ задача, которая стихійно возникла въ борьбѣ за существованіе. Такъ какъ психика является опредѣленнымъ приспо-

*) Само собою разумѣется, что умѣренный трудъ можетъ, не теряя своего характера практически полезной работы, вмѣстѣ съ тѣмъ быть „игрою“ организма, полной наслажденія. Такое соединеніе труда и игры является наиболѣе желательной формой жизнедѣятельности.

собленіемъ въ этой борьбѣ, и заключается въ способности индивидовъ припоминать, т. е. находить сходства и различія условій и регулировать соотвѣтственно этому свои реакціи, то естественно, что и психика оказалась подчиненной тому же закону. На низшихъ ступеняхъ развитія организмы руководятся не соображеніями, а ощущеніями, или вѣрнѣе—аффекціональными характеристиками, сопровождающими ощущенія. Всякое внѣшнее раздраженіе и всякій собственный актъ организма пріобрѣтаетъ положительную или отрицательную аффекціональную окраску, что, собственно говоря, можетъ быть разсматриваемо, какъ зачатокъ силлогизма: ощущается нѣкоторое субъективное или объективное явленіе *A*, оно непріятно, — организмъ стремится прекратить его, — ощущается другое явленіе *B*, оно пріятно, — организмъ стремится продлить и усилить его; на высшихъ ступеняхъ развитія, у человѣка, напримѣръ, непосредственная боль и наслажденіе уже не играютъ той исключительной роли, и рядомъ съ біологическимъ „силлогизмомъ“ является производный отъ него логическій: все вредное для жизни необходимо пресѣкать, явленіе *a* для меня вредно, слѣдовательно я долженъ стремиться къ его пресѣченію, и т. д.

Такъ какъ для организма безусловно вреднымъ является всякое напрасное разсѣяніе энергіи, то мы въ правѣ ожидать, что нераціональная трата ея будетъ сопровождаться отрицательнымъ аффекціоналомъ, а особенно раціональная — положительнымъ. Мы называемъ раціонально направленной силой такую, которая достигаетъ возможно большаго эффекта, или обратно: эффектъ считаемъ достигнутымъ тѣмъ болѣе раціонально, чѣмъ меньше энергіи затрачено для его достиженія. Извѣстно, что при всякой работѣ часть энергіи разсѣивается непроизводительно на побочные результаты. Всякій органъ есть своего рода машина, приспособленная къ опредѣленному механическому или химическому дѣйствію, онъ функціонируетъ опредѣленнымъ образомъ и обладаетъ способностью возстанавливать затраченную энергію. Если намъ неловко работать рукою—это значитъ, что движенія наши не свободны, что для достиженія цѣли мы вынуждены тратить значительную часть силъ даромъ: отрицательный аффекціоналъ, заключающійся въ чувствѣ „неловкости“, есть выраженіе непроизводительнаго разсѣянія энергіи.

Свободная, *пріятная* работа уха, глаза, или руки, ноги есть та работа, къ исполненію которой наиболѣе приспособленъ органъ, которая дѣлаетъ для него возможнымъ достигать своего необходимаго для организма результата съ наименьшей тратой силъ.

Мы знаемъ, что переутомленіе вообще непріятно, но мы не можемъ утверждать, чтобы во всѣхъ случаяхъ непріятнаго звука, мельканія въ глазахъ и т. п. явленіяхъ сразу наступало переутомленіе: очевидно, въ органахъ существуетъ особый измѣритель, такъ сказать, относительной траты силъ. Саморегулирующіяся ма-

шины приводятъ въ дѣйствіе регуляторъ не тогда, когда чрезмѣрная быстрота работы уже вызвала перерасходъ силы, а когда едва начинается ненормальный ходъ работы; то же самое замѣчаемъ мы и въ органахъ. Совершается опредѣленная работа, она сопровождается болью или чувствомъ неловкости,—она прекращается. Перерасхода силъ еще нѣтъ, но онъ *наступилъ бы*, если бы работа продолжалась, органъ какъ бы сразу даетъ знать, что такого рода работа à la longue ему непосильна, словомъ, работа оцѣнивается не по абсолютной, а по относительной затратѣ энергіи. Здѣсь сразу бросается въ глаза трудность, которую намѣтили уже первые творцы теоріи жизнеразности. Что называть относительно-чрезмѣрной тратой энергіи? Теорія жизнеразности устанавливаетъ извѣстное отношеніе лишь между притокомъ энергіи и ея тратой. Но здѣсь дѣло, на первый взглядъ, идетъ не объ этомъ отношеніи: бываютъ тяжелыя работы, требующія огромнаго напряженія, временно превышающаго притокъ энергіи, но онѣ испытываются скорѣе какъ пріятныя, напр., гимнастическія упражненія, между тѣмъ какъ незначительная работа можетъ быть непріятной только благодаря тому, что незначительный результатъ достигается относительно большою затратою силъ: приходится какъ бы признать еще отношеніе между затраченной энергіей и достигнутымъ эффектомъ. Несомнѣнно, на высшихъ ступеняхъ развитія, у человѣка, напр., вполнѣ возможно сужденіе о несоразмѣрности результата со средствами, но врядъ ли необходимо принимать въ области непосредственнаго аффекціонала приспособленія для оцѣнки иного какого-нибудь отношенія, кромѣ отношенія тратъ энергіи къ ея возстановленіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно свести работу организма и отдѣльныхъ органовъ на работу ихъ элементовъ, чтобы убѣдиться, что и одной этой оцѣнки достаточно для руководства организмомъ въ экономизаціи силъ: самъ органъ является вѣдь продуктомъ приспособленія, онъ таковъ, а не иной, какъ разъ потому, что при данныхъ условіяхъ именно данная его структура наиболѣе цѣлесообразна, структура же эта въ конечномъ счетѣ состоитъ изъ элементовъ (клѣтокъ), каждый изъ которыхъ несетъ извѣстную работу и способенъ возстановлять себя питаніемъ; для того, чтобы органъ не разрушался, необходима равномѣрная работа всѣхъ его элементовъ, или, точнѣе, посильная ихъ работа; если же тѣ или другія клѣтки, благодаря особенностямъ данной работы, окажутся разрушенными, между тѣмъ какъ масса другихъ, быть можетъ, вовсе не работала, то немедленно будетъ констатированъ перерасходъ энергіи. Допустите, что сто человѣкъ подымаютъ тяжесть: если они дергаютъ ее ритмически и сразу, то вся огромная работа можетъ быть выполнена съ удовольствіемъ; но допустите, что люди эти дергаютъ порознь, группами въ 90 человѣкъ, 9 человѣкъ и еще одинъ кто-нибудь дергаетъ самостоятельно; 90 человѣкъ не ощутятъ большой разницы, 9 человѣкъ

будутъ роптать на непосильную тяжесть, а отщепенецъ, не оказавъ товарищамъ почти никакого содѣйствія, — быть можетъ, умретъ отъ истощенія. Для наиболѣе экономной работы нужна равномѣрность ея и правильное распредѣленіе, словомъ, организація работы; но органъ и есть рабочая организація элементовъ: когда онъ вынужденъ обстоятельствами работать дезорганизованно, онъ работаетъ не экономно, экономной работой для него является та, при выполненіи которой онъ работаетъ согласно условіямъ своей организаціи. Органъ можетъ быть далеко не истощенъ ничтожной работой, но если работа эта неправильна, то истощенными окажутся нѣкоторые его элементы, эти элементы окажутся подвергнутыми жизнеразности перерасхода, что вызоветъ боль, какъ предостерегающій сигналъ.

Такъ объясняется, на нашъ взглядъ, тотъ фактъ, что не только возстановленіе перерасхода энергіи и роскошное разряженіе ея избытка, но и ея правильное, регулярное, *экономное расходованіе* вызываютъ положительный аффекціоналъ, и что отрицательный аффекціоналъ сопровождаетъ не только общій перерасходъ энергіи и избытокъ запасного, неорганизованнаго матеріала, но и нецѣлесообразное, съ точки зрѣнія принципа наименьшей траты силъ, расходованіе ея.

Намъ предстоитъ еще установить со всевозможной краткостью нѣкоторыя біомеханическія и психологическія предпосылки. Мы извиняемся передъ читателемъ за нѣкоторую сухость этихъ предварительныхъ соображеній, но это фундаментъ, совершенно необходимый для позитивной эстетики, такъ какъ эстетика есть наука *объ оцѣнкѣ* и отчасти о вытекающей изъ оцѣнки творческой дѣятельности. Понятно, такимъ образомъ, что эстетика оказывается одною изъ важнѣйшихъ (если не важнѣйшей) отраслей біологіи, какъ науки о жизни вообще. Мы склонны думать, что не только эстетика, но вся психологія и соціологія должны разсматриваться какъ части науки о жизни, и рано или поздно будутъ разсматриваться съ точки зрѣнія основныхъ законовъ біомеханики, краткій очеркъ которой мы здѣсь дали *).

Организму приходится самымъ реальнымъ образомъ бороться съ конкретнымъ воздѣйствіемъ среды. При этомъ, однако, психика развивается не путемъ синтеза и обобщенія, а путемъ чисто аналитическимъ. Въ самомъ дѣлѣ, психика первоначально заключалась, повидимому, въ дуалистическомъ отношеніи организма къ элементамъ внѣшней среды: соприкосновеніе съ одними изъ нихъ сопровождалось аффекціоналомъ положительнымъ, съ другими—отрицательнымъ, и организмъ устремлялся либо по направленію къ источнику воздѣйствія на него, либо въ противопо-

*) Избѣгая вообще указывать наши источники, въ виду кропотливости такой работы, мы не можемъ не указать, что излагаемые нами принципы біомеханики установлены однимъ изъ величайшихъ умовъ XIX вѣка — Рих. Авенаріусомъ.

ложную сторону. Этотъ дуализмъ проходитъ красною нитью отъ самыхъ простыхъ protozoa до высшихъ типовъ культурнаго человѣчества, онъ служитъ базисомъ оцѣнки міра и источникомъ понятій о добрѣ и злѣ.

Дальнѣйшее развитіе психики сводилось къ постепенному выдѣленію рядомъ съ ощущеніями — эмоціями (болью и наслажденіемъ) чистыхъ ощущеній: осязательныхъ, вкусовыхъ, термическихъ, обонятельныхъ, слуховыхъ, зрительныхъ, иннерваціонныхъ. Попрежнему, аффекціоналъ указывалъ на общій характеръ реакціи: характеръ приближенія и удаленія; но реакціи усложнились до безконечности и распались на огромную массу разновидностей и комбинацій. Входить въ подробное разсмотрѣніе эволюціи психики, теорія которой пока еще полна гипотезъ и неясностей, мы не можемъ. Мы переходимъ къ человѣку и находимъ у него тѣ же типичныя черты: онъ поддерживаетъ свою жизнь путемъ огромнаго и сложнаго ряда реакцій на внѣшнія явленія, его чувства руководятъ имъ при этомъ. Самымъ могучимъ приспособленіемъ является, конечно, умѣніе сразу опредѣлить, какую реакцію необходимо противопоставить данному объективному явленію. Вѣрнѣе, реакціи наступаютъ у человѣка послѣ сложнаго внутренняго процесса: если явленіе очень обыденно,—процессъ очень коротокъ, организмъ почти безсознательно реагируетъ на него; но если оно ново и необычно, то организмъ ищетъ реакціи, возникаютъ образы предыдущихъ опытовъ и изъ нихъ пластически вырабатывается новая реакція *). Процессы припоминанія, узнаванія и т. д. сопровождаются тратой нервно-мозгового вещества: мозгъ есть органъ памяти и органъ выработки новыхъ реакцій путемъ комбинаціи старыхъ.

Въ виду колоссальнаго разнообразія среды, вліяющей на человѣка, классификація явленій должна пріобрѣсти огромную важность въ жизни человѣческой психики: разнообразныя явленія должны быть, по возможности, подведены подъ общіе типы, т. е. соединяться въ представленіи человѣка съ какой-нибудь одной реакціей; однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне важно различать уклоненія отъ общаго типа даннаго ряда явленій, чтобы соотвѣтственно варьировать реакціи. Подъ давленіемъ этихъ потребностей и согласно закону наименьшей траты силъ, происходилъ ростъ техники, выработка словъ, грамматики, логики. Все это первоначально совершалось полусознательно, скоплялось само собою, разрѣшались лишь конкретныя жизнеразности, но опытъ накоплялся благодаря памяти и постепенно организовался, т. е. все взаимно противорѣчащее или противорѣчащее фактамъ должно было постепенно отпасть само собою.

Мозгъ возникъ и развился, какъ и всякій другой органъ,— цѣлесообразность его есть естественное порожденіе борьбы за

---

*) См. книгу А. Богданова „Познаніе съ исторической точки зрѣнія".

существованіе, непосредственнаго приспособленія къ воздѣйствіямъ среды, и отбора. При посредствѣ мозга производится оцѣнка работъ, совершаемыхъ всѣми органами тѣла, и регулированіе ихъ. Но, помимо того, мозгъ способенъ оцѣнивать и ту работу, которая совершается непосредственно имъ самимъ, т. е. испытывать страданіе отъ ея чрезмѣрности или неправильнаго характера, и наслажденіе отъ правильнаго расхода накопленной энергіи. Мозгъ также возстановляется питаніемъ, для него также вредна праздность, также полезна быстрая трата накопленной энергіи, пока трата эта не окажется чрезмѣрной, въ немъ также ощущается, правильно ли распредѣлена работа между его элементами или нѣтъ. Словомъ, мозгъ подлежитъ всѣмъ біомеханическимъ законамъ. Если испытывается наслажденіе при цѣлесообразныхъ движеніяхъ руки, мѣрныхъ и сильныхъ, потому что рука есть результатъ приспособленія, то ощущается наслажденіе, и тогда, когда мысль развивается энергично, безъ задержки, безъ противорѣчій.

Въ мозгу накопляется пережитой опытъ, мозгъ комбинируетъ настоящее съ прошедшимъ и регулируетъ реакціи, онъ возвышается надъ мгновеніемъ, въ немъ сохраняются слѣды прошлаго, въ немъ существуетъ представленіе о будущемъ. Это прошлое и будущее состоятъ изъ блѣдныхъ образовъ, возникающихъ не въ прямой и простой, а въ косвенной и сложной зависимости отъ внѣшней среды. Постепенно индивидуальные признаки конкретныхъ воспоминаній стираются, остается лишь общее понятіе, которое соединяется съ опредѣленнымъ знакомъ или словомъ. Когда мозгу не представляется внѣшнею средою никакой работы, а запасъ энергіи въ немъ существуетъ, мозгъ играетъ, онъ, свободно повинуясь лишь своей организаціи, функціонируетъ, онъ играетъ образами, комбинируя ихъ, или *творитъ*, онъ играетъ понятіями, комбинируетъ ихъ,—*мыслитъ*.

Σχολή -праздность есть мать наукъ. Съ появленіемъ класса, которому не необходимо было постоянно бороться за существованіе, явился новый могучій стимулъ человѣческаго прогресса. Праздные люди могли правильнѣе развивать всѣ свои органы, начиная съ мускуловъ и кончая мозгомъ, такъ какъ они могли играть, въ этомъ заключалась ихъ свобода; слово „рабство" происходитъ отъ слова „работа", рабу, рабочему искусство и наука были недоступны. Игра дала страшную силу аристократіи, потому что она не только упражняла тѣло и мозгъ представителей высшихъ классовъ, но дала имъ возможность перенести конкретную борьбу въ поля абстракціи: они могли комбинировать, смѣло обобщать опытъ поколѣній, они могли ставить вопросы въ самыхъ общихъ, абстрактныхъ терминахъ. Играя, мозгъ ставилъ себѣ новыя жизнеразности, онъ стремился къ правильному мышленію о мірѣ, стремился къ мышленію о мірѣ согласно принципу наименьшей траты силъ. Въ то время какъ человѣкъ повседневной жизни

боролся съ тысячами разныхъ враговъ, умъ свободныхъ мыслителей, обобщая эти маленькіе вопросы, создавалъ себѣ призрачнаго великаго врага, а именно абстрактный вопросъ. Въ этой формѣ онъ былъ жизнеразностью познавательной, нарушеніемъ равновѣсія работы мозга, но рѣшеніе такого вопроса, побѣда надъ нимъ являлась не чѣмъ инымъ, какъ удовлетворительной теоріей, практическое примѣненіе которой разрѣшало всѣ частныя трудности

Познаніе, какъ мы уже указывали, имѣетъ огромное біологическое значеніе. Опытъ и вытекающая отсюда находчивость, или знаніе законовъ сущаго, т. е. наука, и цѣлесообразная дѣятельность, или техника — вотъ основа жизни человѣчества. Идеальнымъ познаніемъ несомнѣнно является самое цѣлесообразное мышленіе о мірѣ, мышленіе, съ наибольшей легкостью охватывающее весь возможный опытъ. Таковъ идеалъ познанія.

Если всякое теоретизированіе является первоначально игрою, порожденіемъ праздности, то съ теченіемъ времени мышленіе, наиболѣе непосредственно связанное съ жизненной практикой, постепенно утрачиваетъ характеръ внутренней свободы, оно вынуждено подчиниться изучаемой дѣйствительности и все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ умственной работы, все тѣснѣе связывается съ областью человѣческаго труда. Области далекія отъ практики еще довольно долго остаются подъ знакомъ σχολή, но и на нихъ постепенно распространяется научная строгость методовъ; мыслитель становится изслѣдователемъ, дилетантъ — умственнымъ труженикомъ. Но если, такимъ образомъ, свободная мысль оказалась тѣсно связанной съ жизненной практикой, съ „работой“, то общая цѣль союза мысли и труда есть всеобщее освобожденіе отъ работы, приближеніе всѣхъ процессовъ труда къ свободному творчеству, освобожденіе всего человѣчества, путемъ порабощенія силъ природы.

Игра ума, свободное познаніе, діалектика, философія, такъ же точно отличается отъ работы ума, отъ эмпирическаго изслѣдованія, какъ всякая игра отъ всякой работы; то и другое сопровождается тратой энергіи, то и другое опредѣляется структурой даннаго органа, но въ то время, какъ въ работѣ приходится подчиняться еще условіямъ, диктуемымъ внѣшнимъ міромъ, въ игрѣ вся дѣятельность опредѣляется только субъектомъ, руководствуется только принципомъ наименьшей траты силъ, только аффекціоналомъ. Мыслить міръ, сводить къ общимъ законамъ безконечное разнообразіе явленій страшно тяжело: предварительныя построенія и догадки физика, т. е. мыслителя, изучающаго сущее, на каждомъ шагу разрушаются данными опыта; этотъ опытъ измѣнчивъ, неуловимъ, безпорядоченъ, свидѣтельства чувствъ противорѣчивы и сбивчивы; работающій мозгъ на каждомъ шагу болѣзненно спотыкается о преграды, мысль бросается отъ одного умозаключенія къ другому, топчется на мѣстѣ, человѣка

одолѣваетъ глубокая усталость; самое знаніе кажется ему недостаточнымъ, невозможнымъ и, наконецъ, онъ съ горькой улыбкой замыкается въ скептицизмѣ: „ничего нельзя знать, если же что и доступно познанію, то познанное не можетъ быть доказано“.

Между тѣмъ, въ другой области, въ области математики успѣхи были громадны съ первыхъ же шаговъ: исходя изъ опредѣленій геометрическихъ и ариѳметическихъ, свободно, строго слѣдуя внутреннимъ законамъ психики, приходили къ открытіямъ, въ значительности и доказательности которыхъ не могло быть сомнѣнія.

Міръ свѣтилъ, таинственно движущихся въ высотѣ, казалось, подчинялся законамъ числа: тамъ все было правильно, тамъ было царство гармоніи. здѣсь же въ земной юдоли ничего нельзя разобрать,—геометрическія фигуры искажены, точныхъ законовъ нельзя установить, здѣсь царство случая.

Но исходя изъ математическаго, дедуктивнаго метода, изъ явнаго противорѣчія міра небеснаго міру земному, повинуясь страстной потребности мыслить безъ противорѣчія, мыслить цѣлостно, ясно, здраво, стройно, отцы философіи и науки постулировали кромѣ міра видимаго, міра явленій, другой „истинный“ міръ, міръ законовъ, тождественныхъ съ законами мысли. Такъ появилась метафизика. Элеаты, пиѳагорейцы, платоники и множество другихъ, вмѣсто того, чтобы идти труднымъ путемъ усовершенствованія мысли до идеала познанія, до той широты, когда мысль охватитъ всю область сущаго, пошли инымъ путемъ: они создали для себя умопостигаемый міръ, и гордо заявили, что онъ-то и есть міръ „истинный“. Идеалъ познанія есть мышленіе о мірѣ, познавательный идеализмъ есть фальсификація міра, въ истинномъ познаніи мысль обрабатываетъ эмпирическую дѣйствительность, въ идеалистической философіи мысль проецируетъ свою тѣнь и хочетъ заслониться ею отъ дѣйствительности,—но это, къ счастію, невозможно: фактъ говоритъ желѣзнымъ голосомъ „нѣтъ“, и хрупкія системы идеалистовъ неминуемо разбиваются о несокрушимыя скалы дѣйствительности.

За то эстетическое достоинство метафизическихъ системъ несомнѣнно: въ нихъ все такъ просто, законченно, въ нихъ легко чувствуетъ себя человѣкъ, и какъ счастливъ онъ, когда можетъ еще принимать построенный его мыслью фантомъ за дѣйствительность, когда эстетическое достоинство системы еще совпадаетъ для него съ достоинствомъ научнымъ. Но когда человѣкъ убѣдится, что это зданіе, построенное согласно потребностямъ самой мысли, было лишь воздушнымъ замкомъ; когда онъ убѣдится, что мысль не строительница міра, а должна пока что ознакомиться со страннымъ зданіемъ дѣйствительности, загадочнымъ, полнымъ опасностей, при томъ безконечнымъ, хаотичнымъ, построеннымъ ирраціонально, но бездонно богатымъ; когда онъ

очнется среди пропастей и скалъ этой дѣйствительности,—онъ съ горечью говоритъ философамъ: „зачѣмъ вы обманули меня?“ и лишь позднѣе научается цѣнить въ нихъ поэтовъ. Но философы-метафизики не смущаются: да, метафизика дурно объясняетъ этотъ дѣйствительный міръ, но ошибочно думать, будто онъ единственно дѣйствительный, напротивъ, смотри,—все въ немъ преходяще... Кто мѣшаетъ намъ мыслить иной умопостигаемый, трансцендентный міръ? кто мѣшаетъ? Будемъ же изучать его! тамъ наша мысль можетъ строить, тамъ она можетъ быть царицей, тамъ ей нѣтъ препонъ, ибо тамъ... пустое мѣсто... Ноумены сговорчивы: они молчатъ, не то что назойливые феномены.

Мы уже говорили, что идеальное познаніе, къ которому стремится наука, есть условіе идеальной жизни. Что такое идеалъ жизни? Идеаломъ жизни собственно является для организма такая жизнь, въ которой онъ испытывалъ бы maximum наслажденій;—но положительное наслажденіе, какъ мы знаемъ, получается тогда, когда организмъ, питаясь обильно, разсѣиваетъ свою энергію свободно, повинуясь лишь своимъ внутреннимъ законамъ, когда онъ играетъ. Поэтому идеаломъ жизни является жизнь наиболѣе могучая и свободная, жизнь, въ которой органы воспринимали бы лишь ритмичное, гармоничное, плавное, пріятное, въ которой всѣ движенія происходили бы свободно и легко, въ которой самые инстинкты роста и творчества роскошно удовлетворялись бы: это была бы жизнь блаженная, о ней мечтаетъ человѣкъ; онъ хотѣлъ бы вѣчно охотиться въ богатыхъ дичью лѣсахъ и поляхъ, онъ хотѣлъ бы вѣчно сражаться съ достойнымъ врагомъ, онъ хотѣлъ бы вѣчно пировать и пѣть и любить чудныхъ женщинъ, онъ хотѣлъ бы сладко отдыхать (мечта утомленнаго человѣка), созерцать вѣчный прекрасный день, онъ хотѣлъ бы вѣчно могуче и радостно мыслить... Но играть въ жизни приходится рѣдко: трудъ, опасности, болѣзни, потеря близкихъ, смерть подстерегаютъ его со всѣхъ сторонъ. Организмъ хотѣлъ бы создать свой міръ, свое жилище, другой чудный міръ свободы и гармоніи, но мыслимо ли побѣдить чудовищныя стихіи, силы зла, царящія, повидимому, въ этомъ мірѣ? Путь завоеванія счастья долог... Человѣкъ научается находить отблескъ счастья въ мечтахъ. Онъ поетъ и разсказываетъ сказки о счастливой жизни, часто приписывая ее своимъ предкамъ, онъ куритъ одуряющія вещества, пьетъ опьяняющіе напитки, чтобы ярче были его сны. Какое огромное могущество должна была пріобрѣсти его мечта, когда, повинуясь инстинктивной горячей жаждѣ счастья, человѣкъ объявилъ эту мечту воистину существующей, только тамъ... въ другой сторонѣ... въ той, куда ушли предки, куда душа улетаетъ по временамъ во снѣ.

И рядомъ съ идеаломъ жизни, какъ далекою цѣлью, которой можно достичь, лишь познавъ природу и подчинивъ стихіи, развился идеализмъ мечты, перенесшій счастье въ міръ потусторон-

пій. Жизнь подверглась осужденію, и то, что страшнѣе всего для организма—смерть, было возвеличено и раскрашено всѣми красками грезы. Какъ истинѣ физической была противопоставлена истина метафизическая, такъ счастью реальному противопоставили счастье загробное.

Человѣка приходилось дисциплинировать. Родъ сохранялъ пріобрѣтенный опытъ предковъ: тутъ было множество раціональныхъ обычаевъ, много обычаевъ ирраціональныхъ: критика ихъ не приходила сначала и въ голову; разъ предки такъ установили—это должно быть исполнено. Неисполненіе нѣкоторыхъ обычаевъ влекло за собою естественное наказаніе, когда они были раціональны; любое несчастье истолковывалось, какъ наказаніе за нарушеніе другихъ обычаевъ. и родъ, боясь навлечь гнѣвъ предковъ и боговъ, хранителей договоровъ и обрядовъ, самъ каралъ преступленія противъ правды—справедливости. Конечно, справедливость первоначально имѣетъ одно и при томъ безспорное значеніе,—справедливо то, что принято, установлено, то, что въ порядкѣ вещей. Пока эта правда господствовала, потусторонній міръ является лишь санкціей ея; это тамъ, въ томъ мірѣ, гдѣ счастье безконечно, тамъ установлены и законы справедливости, оттуда даны они, оттуда блюдутъ ихъ могучія существа.

Но общество усложняется, и появляется иная правда. Правда Ахава сталкивается съ правдой Иліи, мораль господъ – съ моралью рабовъ, та и другая въ свою очередь усложняются и дробятся. Господа обыкновенно диктовали свою правду, рабы же лишь страдали, мечтали о торжествѣ своей правды и нерѣдко возставали подъ ея знаменами. Но наступала эпоха или находились личности, которыя смотрѣли на міръ со стороны и ужасались: во имя разныхъ правдъ, въ форму которыхъ отливались разные интересы, люди сталкивались, убивали, мучили другъ друга, создавали безконечно болѣе зла, чѣмъ самыя злѣйшія стихіи: растерзанное человѣчество, воя и корчась, терзало само себя, и наблюдателю, который смогъ поставить вопросъ о справедливости вообще, о правдѣ всечеловѣческой, неминуемо должно было стать страшно за человѣка; состраданіе, гнѣвъ, печаль, жажда исправить человѣчество начинали терзать его сердце. Какой идеалъ справедливости, какую заповѣдь абсолютнаго добра могъ онъ преподать? Эта заповѣдь естественно диктовалась стремленіемъ каждаго организма къ счастью: миръ въ человѣкахъ! любите другъ друга, всякая личность имѣетъ свое право на счастье, всякая личность цѣнна... Мораль любви, взаимопомощи провозгласила идеальное добро: мирное согласіе, гармоничное, братское сожительство людей. Но пути къ осуществленію могли быть разные: одни моралисты обращали вниманіе на индивидуумъ, находили его корыстнымъ, злобнымъ, порочнымъ и отъ исправленія его ждали осуществленія идеала: neminem laede, sed omnes, quantum potes, juva, говорилъ личности такой моралистъ, но личность,

если и проникалась этой моралью, гибла среди криковъ „homo homini lupus". Болѣе проницательные моралисты понимали, что разныя правды у людей происходятъ отъ различія ихъ положеній въ обществѣ, ужасались несправедливости общественнаго строя, этой плохо скрытой войны классовъ, и создавали планы реорганизаціи общества на началахъ братства, равенства и свободы. Но и эта работа была трудна: общество не слушало моралистовъ,—никому изъ нихъ не удалось остановить страшный, полный ненависти, человѣческій раздоръ, онъ продолжался и подъ знаменемъ креста съ тою же силой, съ какою свирѣпствовалъ раньше.

Но жажда справедливости была велика, и когда отчаяніе охватывало моралистовъ, они начинали вѣрить въ свои сны, въ пришествіе тысячелѣтняго царства съ неба, помимо воли и стремленія людей, въ существованіе небеснаго Іерусалима, въ торжество правды въ другомъ мірѣ, особенно рабы радостно привѣтствовали такія ученія,—они слишкомъ мало надѣялись осуществить свою правду своими силами.

И какъ истина, красота и добро, или познаніе, счастье и справедливость соединяются у активныхъ реалистовъ въ одинъ идеалъ могучей, полной жизни, который человѣчество можетъ завоевать на землѣ путемъ эмпирическаго познанія, техники и художества, и, наконецъ, соціальнаго творчества,—такъ тѣ же истина, красота и добро слились у идеалистовъ въ одинъ потусторонній, умопостигаемый міръ, въ царство небесное.

Идеалъ впереди есть могучій стимулъ къ работѣ, *идеалъ надъ нами* лишаетъ насъ необходимости работать: онъ уже есть, онъ существуетъ помимо насъ и достигается не познаніемъ, не борьбою, не реформами, а мистическимъ ясновидѣніемъ, мистическимъ экстазомъ и самоуглубленіемъ. Чѣмъ ярче старается идеалистъ освѣтить небесное царство, тѣмъ болѣе трагическій мракъ бросаетъ онъ на землю: „эмпирическая наука не дастъ знанія, борьба за счастіе и соціальныя реформы не приведутъ ни къ чему, онѣ малоцѣнны, все это пустыя побрякушки по сравненію со всей прелестью царства небеснаго".

Трагизмъ же активнаго реалиста заключается въ призпаніи страшной трудности пути, грозныхъ преградъ, стоящихъ стѣною передъ человѣчествомъ, но его утѣшеніе въ его надеждѣ на возможность побѣды, а главное—въ сознаніи, что только человѣкъ, одинъ только онъ, со своимъ чуднымъ мозгомъ и ловкими руками, можетъ завоевать царство человѣчности на землѣ, и никакія силы небесныя не ратуютъ за него, потому что самые его идеалы диктуются ему только его *человѣческимъ* организмомъ.

Итакъ, мы видимъ, что жизнь есть процессъ самоутвержденія, а идеалъ—та же жизнь, но полная, цѣльная, цвѣтущая, торжествующая, творческая. Мы видимъ также, какъ рядомъ съ истиннымъ идеаломъ появился ложный идеализмъ. Съ точки зрѣнія своего идеала, т. е. своихъ желаній, въ формѣ самой

непосредственной, какъ — разныхъ повседневныхъ хотѣній, или въ формѣ выработаннаго и законченнаго представленія объ истинѣ, красотѣ и справедливости, человѣкъ оцѣниваетъ всѣ явленія. Эстетика есть наука объ оцѣнкѣ; теорія познанія и этика суть лишь ея развѣтвленія, имѣющія, конечно, свои характеристическія особенности.

ГЛАВА II.

Что такое эстетика?

Эстетика есть наука объ оцѣнкахъ *). Оцѣниваетъ человѣкъ съ трехъ точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія истины, красоты и добра. Поскольку всѣ эти оцѣнки совпадаютъ, постольку можно говорить о единой и цѣлостной эстетикѣ, но, онѣ не всегда совпадаютъ, а потому единая въ принципѣ эстетика выдѣляетъ изъ себя теорію познанія и этику.

Въ какомъ смыслѣ могутъ совпадать эти оцѣнки; въ какомъ смыслѣ онѣ не совпадаютъ, и существуютъ ли еще другія какія-либо оцѣнки,—вотъ вопросы первостепенной важности, которые будутъ занимать насъ въ этой главѣ.

Съ точки зрѣнія біологической, оцѣнка, разумѣется, можетъ быть только одна: все, что способствуетъ жизни, есть истина, благо и красота, есть нѣчто вообще положительное, хорошее, *привлекательное*; все, что разрушаетъ или принижаетъ жизнь и ограничиваетъ ее, есть ложь, зло и безобразіе, нѣчто вообще отрицательное, дурное, *отталкивающее*. Въ этомъ смыслѣ оцѣнки съ точки зрѣнія истины, добра и красоты должны совпадать. Дѣйствительно, какъ мы видѣли, идеалы всеобъемлющаго знанія, справедливаго строя человѣческой жизни и торжества красоты легко сливаются въ одномъ идеалѣ maximum'а жизни.

Однако, ограниченія напрашиваются сами собою: мы видимъ передъ собою слишкомъ часто взаимную борьбу всѣхъ этихъ идеаловъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ во имя справедливости не разбивали статуй, не проклинали веселье и музыку, не бѣжали въ пустыню, не бичевали тамъ себя, разрушая свою жизнь, ибо казалось, что красота и самая жизнь непрерывно связаны съ грѣхомъ? Развѣ ежечасно не убѣждаемся мы сами, что наша

---

*) Опредѣленіе это необычно. Обыкновенно опредѣляютъ эстетику какъ науку о прекрасномъ, но не напрасно говорятъ о *вѣчной красотѣ истины* и о *нравственно-прекрасномъ*. Право эстетики считаться основной наукой объ оцѣнкахъ вообще и будетъ доказано въ этой главѣ.

золя къ мощи, эстетическіе порывы готовы вредить другимъ юдямъ и нарушать такимъ образомъ ихъ право на счастье? Развѣ, съ другой стороны, безстрастная наука не разрушаетъ езжалостно одну красивую сказку за другой? А справедливость е возстаетъ противъ знанія, находя его ученіе безнравственнымъ? Развѣ адепты красоты не ненавидятъ всѣми силами души сѣроватый свѣтъ научной прозы и аскетическія обвиненія моралистовъ?

Все это факты несомнѣнные. И часто поднимаются голоса подчиненіи истины и красоты идеалу добра, добра и истины — расотѣ и т. д. Смутная мысль о единствѣ всѣхъ этихъ идеаловъ проявляется въ этихъ тенденціяхъ.

Но обратимъ вниманіе на другую сторону дѣла. Организмъ, даже человѣческій, еще страшно далекъ отъ совершенства. Если изъ всѣхъ признаковъ совершенства мы изберемъ самый необходимый, признакъ sine qua non, гармонію отдѣльныхъ функцій, то сразу убѣдимся въ томъ, какое еще жалкое существо человѣкъ.

Его непосредственные инстинкты—это въ большинствѣ случаевъ инстинкты чисто животные: въ данный моментъ онъ хочетъ ѣсть вотъ эту пищу, пить вотъ то питье, тянется вотъ къ этому золотому яблоку... но эта пища ядовита, вредна для здоровья, питье опьяняетъ и дѣлаетъ безпомощнымъ, золотое яблоко принадлежитъ другому, это яблоко раздора. Чрезвычайно рѣдко охраняющія соображенія созрѣваютъ до того, что сами превращаются въ инстинкты: развѣ всякая вредная пища противна на вкусъ? Развѣ опьяненіе не доставляетъ сначала наслажденія? Развѣ соображенія о будущей борьбѣ, а тѣмъ болѣе о правахъ другого человѣка, дѣлаютъ золотыя яблоки непривлекательными? Свои инстинкты человѣку приходится сдерживать разумомъ. Картинѣ непосредственнаго наслажденія, картинѣ яркой, окрашенной положительнымъ аффекціоналомъ, разумъ противопоставляетъ блѣдныя, отрывочныя картины грядущихъ непріятныхъ, даже гибельныхъ послѣдствій. Въ корнѣ доводовъ разума несомнѣнно лежитъ та же эмоціональная сущность, та же жажда наслажденія, страхъ передъ страданіемъ, но они являются не въ непосредственной живой формѣ, а въ отвлеченной, въ формѣ мысли. И начинается внутренняя борьба. Вещь или поступокъ оцѣниваются двояко, съ точки зрѣнія непосредственнаго наслажденія и съ точки зрѣнія болѣе отдаленныхъ послѣдствій. Это борьба страсти и благоразумія. Если мы присмотримся къ борющимся сторонамъ, то увидимъ, что та и другая оцѣнка исходятъ изъ одинаковыхъ біологическихъ тенденцій, но оцѣнка страсти неправильна, поспѣшна, оцѣнка разума есть поправка, производимая новыми органами организма, болѣе надежными, органами, которые дальше видятъ и въ прошлое, и въ будущее. Такъ какъ центръ психической дѣятельности переносится постепенно во все высшіе

мозговые аппараты, въ которыхъ происходитъ меньше безсознательныхъ и полусознательныхъ привычныхъ дѣйствій, въ которыхъ преобладаютъ реакціи сознательныя, пластичныя, то борьбу между непосредственными инстинктами и сдерживающими представленіями мы склонны назвать борьбою нашего „я“ со страстями. Но въ разсматриваемомъ нами случаѣ коренное тождество обѣихъ оцѣнокъ совершенно очевидно, очевидно, что грубо импульсивныя непосредственныя страсти постепенно должны слиться съ разумными потребностями человѣка. Теперь зачастую противно видѣть избытокъ благоразумія. Мы часто становимся на сторону страстей, но это потому, что фактически разумъ, принимая во вниманіе обстоятельства, склоненъ на компромиссы, склоненъ сторониться борьбы и отвѣтственности: въ идеалѣ же разумъ долженъ совершенно слиться съ голосомъ страстей, человѣкъ не только разучится хотѣть невозможнаго, но, что безконечно важнѣе, научится удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, пріобрѣтя могущество и умѣнье. Разумъ, какъ старый опытный дворецкій, сдерживаетъ пылкаго и неразумнаго господина и говоритъ ему: „господинъ, эта прихоть намъ не по средствамъ“. Но роль его не только въ томъ, чтобы ограничивать кругъ желаній господина, а и въ томъ, чтобы, отыскивая новые источники, дѣлать его все болѣе богатымъ. Но пока конфликтъ чувствителенъ. Благоразумный дипломатъ и бережливый финансистъ — разумъ можетъ охладить порывы нашего организма, подчасъ сумасбродные, но всегда имѣющіе долю права на существованіе. Благоразуміе не всегда хорошая вещь. Если оно склонно вести къ самоотреченію, — оно врагъ жизни! оно не должно отказываться отъ задачи, а наоборотъ, находить путь къ ея рѣшенію.

Мы видимъ уже на этомъ примѣрѣ, что рѣшеніе вопроса какъ въ пользу страсти, такъ и въ пользу разума было бы крайне одностороннe,—оно привело бы либо къ мрачному жизнеотрицанію, или къ мѣщанскому филистерству, либо къ полной и гибельной разнузданности. Но понявъ внутреннюю сущность инстинктивныхъ и разумныхъ оцѣнокъ, мы поставимъ верховною цѣлью стремленіе къ поднятію и расширенію жизни, къ развитію какъ потребностей, такъ и средствъ къ удовлетворенію ихъ, и получимъ такимъ образомъ прочный базисъ для истинной оцѣнки вещей; если когда-либо возможно будетъ, что инстинктъ или разумъ, все равно, быстро и безошибочно будетъ угадывать все способствующее росту жизни, и только такія явленія и поступки будутъ окрашиваться положительнымъ аффекціоналомъ, тогда мы будемъ имѣть передъ собою гармоничную натуру. Сомнѣваться въ томъ, что такая прекрасная гармонія души и тѣла достижима, невозможно: къ ней естественно стремится человѣкъ въ своемъ развитіи, въ ней естественный конецъ борьбы благоразумія и страсти: страсти становятся разумными, разумъ терпимымъ и находчивымъ исполнителемъ желаній. Человѣка, достигшаго такой сту-

ии, мы въ правѣ назвать прекраснымъ: гармонія его желаній богатство средствъ для ихъ удовлетворенія неминуемымъ дополненіемъ имѣютъ крѣпкій, здоровый организмъ, человѣкъ становится καλὸς κἀγαθὸς.

Если въ борьбѣ разума со страстями мы зачастую симпатизируемъ послѣднимъ, то не только въ виду ограниченности, мѣщанской разсчетливости недозрѣвшаго, еще трусливаго благоразумія, но также—въ виду его узкой эгоистичности.

На арену исторіи человѣкъ выступаетъ съ нѣкоторыми инстинктами сверхъиндивидуальнаго характера, каковъ, напримѣръ, материнскій инстинктъ, многіе стадные инстинкты, патріотизмъ и т. п. Всѣ эти инстинкты при нѣкоторыхъ условіяхъ могутъ быть вредны для индивидуума, въ конечномъ счетѣ они необходимы для жизни, но не для жизни индивидуальной, для жизни вида. Интересы индивида и интересы вида далеко не всегда совпадаютъ. Когда тѣ и другіе проявляются еще только въ формѣ полусознательныхъ душевныхъ движеній, то столкновенія ихъ рѣшаются просто большею или меньшею ихъ силой, безъ вмѣшательства разума.

Но на болѣе высокой стадіи развитія, когда конкретныя жизнеразности превращаются въ абстрактныя задачи, человѣкъ начинаетъ сознавать противоположность своихъ интересовъ интересамъ семьи, рода, общины, націи, къ которымъ онъ принадлежитъ. Семья, родъ, нація, человѣчество,—всѣ эти представители вида,—сами зачастую находились во взаимной враждѣ, но вражда между эгоистическими и общественными стремленіями вообще выражалась съ особенной яркостью. Разумъ становился на сторону индивида. Онъ осмѣивалъ альтруистическіе, т. е. видовые инстинкты, онъ ясно понималъ, что жертвовать собою глупо и разлагалъ общинный духъ.

Этотъ индивидуалистическій разумъ долженъ быть превзойденъ, иначе путь къ идеалу былъ бы закрытъ навѣки *).

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть и рѣчи о достиженіи идеала познанія, идеальной жизненности и справедливаго общественнаго строя, какъ естественнаго фундамента для развитія личности, въ предѣлахъ единоличной жизни и путемъ единоличныхъ усилій. Индивидъ, наотрѣзъ отказавшійся объединить свою судьбу и свои цѣли съ судьбами и цѣлями вида, не можетъ не ограничить своихъ задачъ до самаго жалкаго minimum'a; конечно, путемъ полнаго игнорированія права другого человѣка на счастье, путемъ насилій, человѣкъ можетъ выработ-

*) Отмѣтимъ тутъ же, что индивидуализмъ присущъ не разуму, какъ таковому, а сталъ естественно господствующей его чертой благодаря тому, что онъ разумъ развивался во все болѣе индивидуализировавшемся обществѣ. Причины характера стихійно-историческаго, экономическія причины, разлагая общину, ставили индивидъ на собственныя ноги и заставляли его соотвѣтственно вооружаться.

тать изъ себя довольно могущественное животное, но тѣмъ не менѣе достигнутая имъ степень познанія, силы, расцвѣта является жалкой по сравненію съ тѣмъ, что можетъ быть достигнуто общими усиліями въ многовѣковомъ процессѣ борьбы человѣчества съ природой. Правда, борьба между людьми есть могущественный факторъ прогресса, но факторъ безсознательный, неразсчетливый, вредъ котораго часто превышаетъ пользу. О мирной солидарной работѣ всечеловѣчества въ настоящее время не можетъ быть рѣчи, самый страстный поклонникъ счастья „дальняго", провидецъ и паладинъ отдаленнаго будущаго, а также самый прогрессивный и сознательный классъ общества должны вступить въ борьбу съ косностью, лѣнью, себялюбіемъ другихъ людей и классовъ, съ жадностью, тупостью привилегированныхъ, невѣжествомъ и рабскимъ духомъ униженныхъ; въ этой борьбѣ они должны быть тверды и даже жестоки, они должны напрягать всѣ свои силы, чтобы вести человѣчество *своей* дорогой во что бы то ни стало, потому что они не могутъ не считать своей дорогой ту, которая съ ихъ точки зрѣнія является наиболѣе близкимъ путемъ къ идеалу. Не въ любви ко всякому ближнему, а въ стойкой и неуклонной борьбѣ за интересы вида находитъ самое яркое проявленіе геній вида, духъ истиннаго альтруизма.

Борьба за идеалъ, борьба идеаловъ—вотъ та необходимая внутренняя борьба, путемъ которой человѣчество все яснѣе сознаетъ свою задачу. Наоборотъ, мы можемъ представить себѣ, да и видимъ на каждомъ шагу людей, у которыхъ альтруистическіе инстинкты, повидимому, вполнѣ развиты: они говорятъ о терпимости, они никого не обижаютъ, они никогда ни къ чему не обязываютъ, напротивъ, всякаго готовы утѣшить, со всякимъ поговорить о томъ, что надо довольствоваться малымъ, и прибавятъ, пожалуй,—любить другъ друга, но, въ конечномъ счетѣ, это самые хилые эгоисты, ищущіе спокойствія, ведущаго къ постепенному отмиранію потребностей, а слѣдовательно и силъ человѣческаго рода. Тотъ или другой тиранъ, навязывая народу свою волю, сооружая города, знакомя человѣческія расы другъ съ другомъ, воспитывая государственный смыслъ и умственную широту своихъ подданныхъ, можетъ искренне думать, что слѣдуетъ своему эгоизму: онъ хочетъ, чтобы *его* народъ былъ силенъ, въ памятникахъ культуры онъ хочетъ оставить память *по себѣ* и т. д.; но если индувидуалистическая форма его стремленій и обманываетъ его самого и его современниковъ, подобно ему неспособныхъ понять смысла человѣческой дѣятельности, закутаннаго фетишизмомъ міра борьбы и противорѣчій, то въ дѣйствительности, по существу его работы, въ немъ говоритъ геній вида: онъ строитъ для вѣковъ, онъ заботится о мнѣніи грядущаго поколѣнія, онъ чувствуетъ, что творитъ исторію. Напротивъ, человѣкъ, переставшій видѣть смыслъ въ исторіи, какъ бы *добръ* онъ ни былъ, есть только эгоистъ, послѣ смерти котораго не оста-

нется ничего, который не повысилъ ни на іоту типъ человѣка, а только существовалъ.

Общественные инстинкты часто кажутся неразумными передъ судомъ недозрѣвшаго разума; „суета суетъ“, говоритъ разумъ: „что такое слава для мертваго? все проходитъ!“ и разумъ прибавляетъ: „ѣшь, пей и веселись“, а когда это надоѣстъ, разумъ ничего не можетъ сказать,—и человѣкомъ овладѣваетъ taedium vitae.

Но сверхличные инстинкты легко могутъ быть подняты до степени разумности, если историческій смыслъ созрѣетъ въ человѣчествѣ, если прошлое человѣчества и его будущее естественно станутъ занимать насъ больше, чѣмъ наше личное прошлое и будущее. Почему бы это было невыполнимымъ? Это не только не невозможно, но мы идемъ къ этому. Все болѣе сознаемъ мы, какъ шатко понятіе „я“, и мнѣ совершенно ясно, что мои любимые герои исторіи, напр., Джордано Бруно или Гуттенъ, ближе ко мнѣ и больше „я самъ“, чѣмъ тотъ несомнѣнный „я“ въ рубашкѣ, схватившійся за большой палецъ ноги, который смотритъ на меня съ младенческой фотографіи, или даже мальчикъ, учившійся читать и писать съ величайшей неохотой. Когда видовой инстинктъ сольется съ личнымъ, когда личность будетъ цѣнить себя какъ моментъ въ великой жизни вида, тогда неразумное сдѣлается разумнымъ. И наоборотъ, если интересы вида охраняются отъ индивидуумовъ моралью, такъ наз. *долгомъ*, такъ или иначе внѣшними силами: наказаніями, страхомъ, совѣстью (потому что совѣсть есть нѣчто чуждое личности, поскольку она не совпадаетъ съ ея естественными желаніями и категорически противорѣчитъ имъ), если они выражаются въ видѣ разумныхъ соображеній и борются съ нашими личными хотѣніями, то развѣ невозможно, чтобы они обратились въ постоянные инстинкты, подобно инстинкту материнскому? Конечно, да.

Вещи и поступки могутъ оцѣниваться съ точки зрѣнія индивидуальной и съ точки зрѣнія видовой, *моральной* по преимуществу, но въ корнѣ той и другой оцѣнки лежитъ и не можетъ не лежать одна и та же оцѣнка, оцѣнка съ точки зрѣнія maximum'а жизни. Если интересы индивида зачастую не совпадаютъ съ интересами вида, то, съ другой стороны, они вполнѣ тождественны: вѣдь видъ не имѣетъ иного существованія, кромѣ какъ въ индивидуумахъ. Что такое жизнеспособный, могучій видъ, какъ не совокупность жизнеспособныхъ, могучихъ индивидовъ? Въ настоящее время примиреніе идеала максимальной полноты жизни для меня лично и максимальной пользы для вида не всегда возможно, но уже ясно, что чѣмъ развитѣе я умственно и физически, тѣмъ болѣе полна моя жизнь и тѣмъ болѣе смогу я быть полезнымъ человѣчеству. И съ другой стороны, наибольшаго развитія я могу достигнуть тѣмъ легче, чѣмъ развитѣе среда, элементомъ которой я являюсь.

Мы не можемъ разбираться дальше въ этихъ великихъ вопросахъ жизни: наша мысль ясна,—индивидуальная и видовая оцѣнки тождественны по существу, но индивидуальная оцѣнка неправильна, поспѣшна, она видитъ меньше въ будущемъ и прошломъ, и если человѣкъ поднялся до того, что не позволяетъ себѣ жить для мгновенія, а живетъ планомѣрно для *всей жизни своей*, то онъ поднимается и до того, чтобы свою личную жизнь считать моментомъ по отношенію къ жизни вида. Отъ того, что я не слѣдую минутнымъ порывамъ, но хочу быть здоровымъ, сильнымъ и радостнымъ всю жизнь, отдѣльные, конкретные моменты моего существованія не становятся бѣднѣе, напротивъ. И отъ того, что человѣкъ будетъ относиться къ сверхличному идеалу, какъ къ чему-то высшему, чѣмъ его индивидуальная жизнь, эта жизнь не станетъ бѣднѣе, но полная творческой борьбы, великихъ стремленій, полная радостей сотрудничества и сочувствія, связующихъ всѣхъ борцовъ за идеалъ во всѣхъ народахъ и вѣкахъ, она поднимается до такой красоты, до какой немыслимо подняться индивидуалисту.

Теперь понятно, почему могутъ не совпадать идеалы красоты и справедливости. Жизнь красивая, т. е. полная, могучая, богатая можетъ быть куплена цѣною гибели другихъ жизней. Узко эстетическая точка зрѣнія, требующая красоты немедленно, въ настоящемъ, можетъ запереть двери къ идеалу. Часто надо жертвовать меньшею красотою въ настоящемъ для большей красоты въ будущемъ. Но если мы станемъ на точку зрѣнія узко моральную, то можемъ дойти до того, что признаемъ преступленіемъ всю культуру, и изъ боязни разрушить чье-либо жалкое мѣщанское счастье остановимъ наше шествіе впередъ. Только высшая точка зрѣнія, точка зрѣнія требованій полноты жизни, наибольшаго могущества и красоты *всего* рода человѣческаго, жажды того будущаго, въ которомъ справедливость станетъ само собою разумѣющимся базисомъ красоты, даетъ намъ руководящую нить: все, что ведетъ къ росту силъ въ человѣчествѣ, къ повышенію жизни, есть красота и добро, неразрывныя и единыя, все, что ослабляетъ человѣчество, есть зло и безобразіе. Можетъ казаться, что въ томъ или въ другомъ случаѣ прогрессъ культуры несправедливъ по отношенію къ тѣмъ или инымъ жертвамъ: противорѣчіе кажущееся, если этимъ прогрессомъ покупается высшее счастье вида. Можетъ казаться, что жертва цѣлымъ народомъ для роскоши горсти тунеядцевъ есть прогрессъ культуры, и что требовать низверженія такого порядка значитъ жертвовать красотой во имя справедливости: противорѣчіе кажущееся: свободный народъ создаетъ красоту безконечно болѣе могучую и высокую.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится оцѣнивать явленія съ точки зрѣнія прогресса мощи человѣчества. Иногда это, конечно, трудно, но все же это свѣтъ, при лучахъ котораго будетъ дѣлаться меньше ошибокъ, чѣмъ во имя абсолютной

морали, не принимающей въ разсчетъ жизни человѣчества, а только права нынѣ живущихъ индивидуумовъ, или во имя абсолютной красоты, готовой топтать въ грязь живыя души ради блестокъ эфемерной аристократической культуры.

Идеалъ личности, прекрасной и гармоничной въ своихъ желаніяхъ, творческой и жаждущей все растущей жизни для человѣчества, идеалъ общества такихъ людей, въ которомъ борьба между людьми принимаетъ характеръ соревнованія въ достиженіи разными путями одной цѣли, — это эстетическій идеалъ въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ прежде всего насъ охватываетъ чувство красоты его, эта мечта прежде всего прекрасна. Въ этомъ эстетитескомъ идеалѣ примиряются добро и красота, или лучше, отпавшее въ силу общественнаго неустройства добро возвращается на лоно красоты, которая и есть могучая и свободная жизнь.

Сродство логики съ эстетикой бросается въ глаза: правильная мысль, особенно такая, которая проливаетъ на тотъ или другой вопросъ новый свѣтъ, доставляетъ эстетическое наслажденіе, мысль запутанная воспринимается съ трудомъ и неудовольствіемъ: правильное мышленіе--это прежде всего легкое мышленіе, т. е. мышленіе, слѣдующее принципу наименьшей траты силъ, принципу эстетическому. Мы постоянно говоримъ о *стройности плана* того или другого трактата, о *красотѣ* того или другого доказательства, объ *изящномъ* рѣшеніи задачи. Такія игры, какъ шахматы, представляющія собой рядъ мыслительныхъ задачъ, доказываютъ близость эстетики и мышленія съ полной очевидностью: рѣшенія этихъ задачъ не имѣютъ ровно никакой практической цѣнности, это цѣликомъ игра мысли, цѣль ея—то наслажденіе, которое доставляетъ упражненіе мысли, та эстетическая эмоція, тотъ положительный аффекціоналъ, который сопровождаетъ всякую экономную работу мозга *).

Познаніе не только можетъ, оно должно слѣдовать законамъ эстетики, т. е. принципу наименьшей траты силъ или наибольшаго результата траты, другими словами—принципу цѣлесообразности. Но тутъ же начинается и разница между истиной и красотой, какъ критеріями оцѣнки. Дѣйствительность далеко не уступчива, она не торопится укладываться въ рамки разумной системы. Метафизики руководствуются единственно стремленіемъ къ цѣлостности мышленія, они торопятся, основываясь на недостаточномъ наведеніи, установить законы, которые какъ вѣчные своды охватили бы цѣлый міръ фактовъ. Но факты противорѣчатъ красивымъ построеніямъ. Между тѣмъ „душа" такъ напряженно стремится къ цѣлостному мышленію, а эмпирія такъ полна взаимныхъ противорѣчій, такъ запутанна и трудна: философъ-метафизикъ непремѣнно приходитъ къ выводу, что источникъ

*) Къ этому надо прибавить еще удовольствіе соревнованія.

его познанія болѣе чистъ, чѣмъ мутные родники дѣйствительности и что результатъ его мышленія правиленъ даже вопреки очевидности. Метафизики слѣдуютъ въ познаніи исключительно эстетической оцѣнкѣ и превращаютъ познаніе въ игру: дѣйствительно, между отдѣльными частями ихъ зданія царитъ гармонія и порядокъ, но зато все оно въ цѣломъ находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствительностью.

Это противорѣчіе и колетъ глазъ тому, кто не можетъ замкнуться отъ дѣйствительности. Рядъ послѣдовательныхъ попытокъ строить метафизическія системы приводитъ, наконецъ, къ полному крушенію умозрительнаго метода въ глазахъ людей, наиболѣе чувствующихъ дѣйствительность: эмпирическій методъ выходитъ на авансцену. Его требованіе таково: теорія должна строго отвѣчать фактамъ, пусть лучше отдѣльныя теоріи будутъ не согласованы, пусть онѣ будутъ незакончены, но покупать законченность ихъ цѣною лжи, т. е. противорѣчія съ фактами, невозможно.

Если мы присмотримся къ этого рода оцѣнкѣ, то увидимъ, что въ корнѣ ея лежитъ тотъ же принципъ наименьшей траты силъ: стремленіе къ истинѣ есть несомнѣнно стремленіе къ мышленію о мірѣ согласно этому принципу; разница между наукой и метафизикой въ томъ, что послѣдняя торопилась къ желанному результату, закрывала глаза на негодность фундамента, на которомъ строила, наука же строитъ медленно, но для вѣчности. Наука руководится тѣмъ же эстетическимъ принципомъ, она прибавляетъ лишь къ требованіямъ единства и ясности еще требованіе безусловной согласованности съ фактами, она не только *конструируетъ*, но *критикуетъ* себя, ежечасно увѣряется въ прочности построеннаго: *прочность постройки сдѣлалась необходимымъ условіемъ для признанія научнаго зданія красивымъ*. Тамъ гдѣ требованіе этого условія превратилось уже въ инстинктъ, гдѣ оно стало „инстинктивною честностью мысли", разладъ между красотою и истиною конченъ. Но люди, не умѣющіе жить въ будущемъ, въ творчествѣ, въ стремленіи, будутъ уходить съ той площади, гдѣ медленно воздвигаютъ величественный храмъ жизни, гдѣ поколѣніе трудится вслѣдъ за поколѣніемъ, но гдѣ *пока* видна лишь груда камней, ямы съ цементомъ, стропила, листы желѣза, очеркъ фундамента на землѣ, гдѣ общій планъ едва набросанъ на бумагѣ, гдѣ все обѣщаетъ, но мало что уже радуетъ взоръ... Люди торопливые будутъ уходить отсюда, они осудятъ медленную работу, какъ безплодную, они укажутъ на воду, подмывающую фундаментъ, на скалы, которыя надо взорвать, на ограниченность силъ человѣка, и предпочтутъ строить изъ облаковъ живописные воздушные замки. Мы можемъ оглянуться на нихъ съ улыбкой, полюбоваться на ихъ цвѣтную фатаморгану, но намъ странно, когда насъ приглашаютъ поселиться подъ кровлей мечты, и мы снова принимаемся за работу.

Здѣсь мы имѣемъ то же противорѣчіе непосредственнаго,

индивидуальнаго инстинкта, жажды цѣльности мышленія для себя, и видового стремленія къ истинѣ прочной навѣки вѣчные. Въ корнѣ это все то же: чувство единства, стремленіе къ ясности руководитъ ученымъ, ученый тоже эстетикъ и художникъ, но ему нужно превратить въ сіяющій образъ истины не податливую пустоту, а твердый мраморъ дѣйствительности, зато онъ знаетъ, что, руководствуясь его истиной, человѣкъ не только будетъ счастливъ ея созерцаніемъ, но станетъ царемъ вселенной. Истина въ приложеніи къ живой жизни еще разъ сливается съ идеаломъ полной и могучей жизненности, такъ какъ она есть самое лучшее орудіе борьбы человѣка съ природой. Истина, приложенная къ общественному строю, можетъ заключаться только въ изслѣдованіи законовъ развитія общества и открытіи путей, какими можно овладѣть этими законами, чтобы вести общество къ его идеалу, идеалу, продиктованному жаждой полноты жизни, жаждой красоты: такимъ образомъ идеалъ истины естественно совпадаетъ съ идеаломъ справедливости. Но пока—наука можетъ разрушать скороспѣлые идеалы, субъективныя построенія, она указываетъ на царящую надъ ними желѣзную необходимость, она утверждаетъ, что одного желанія мало, что мы должны сумѣть познать настоящія пружины исторіи и дѣйствовать творчески въ согласіи съ ними. Этотъ суровый голосъ, останавливающій утопистовъ, кажется грубымъ вторженіемъ истины въ область справедливости, но и здѣсь мы имѣемъ передъ собою лишь временное противорѣчіе совершенно того же порядка, что и мнимое противорѣчіе истины красотѣ. Метафизика и утопія суть антиципаціи истины и справедливости, честность мысли запрещаетъ намъ мириться на этихъ сказкахъ, готовыхъ насъ убаюкать или превратить въ лунатиковъ, бродящихъ своими путями и не узнающихъ предметовъ реальнаго міра.

Такимъ образомъ, въ настоящее время не слѣдуетъ смѣшивать оцѣнки собственно эстетической съ оцѣнкой научной и общественной или моральной, хотя по существу, эстетика охватываетъ и когда-нибудь всецѣло охватитъ эту область.

Возможны ли другія какія-либо оцѣнки, кромѣ эстетической, научной и общественной въ примѣненіи къ какимъ угодно объективнымъ явленіямъ или человѣческимъ поступкамъ?

Обыкновенно указываютъ еще на практическую или утилитарную оцѣнку. Эта оцѣнка, по существу, конечно, сводится къ той же основѣ, что и три вышеперечисленныя. Въ самомъ дѣлѣ, оцѣнка есть не что иное, какъ аффекціональная окраска, удовольствіе или неудовольствіе, возбуждаемое въ насъ оцѣниваемымъ; это удовольствіе или неудовольствіе могутъ быть непосредственными—тогда мы имѣемъ дѣло съ оцѣнкой собственно эстетической; они могутъ быть опосредствованы соображеніями разума,—такъ, напр., шелковичный червь или куча навоза сами по себѣ способны возбудить въ насъ отвращеніе, но разумъ ри-

суетъ намъ шелковую ткань и плодородную ниву, какъ результатъ извѣстныхъ манипуляцій съ этими объектами, и заставляетъ оцѣнить ихъ, но и въ этомъ случаѣ ясно, что цѣну этимъ предметамъ придаетъ конечное наслажденіе, могущее проистечь отъ нихъ, т. е. эстетическая же оцѣнка, только отнесенная къ результатамъ данныхъ явленій. Такимъ образомъ, всякая оцѣнка, по существу, всегда одна и та же, она всегда сводится къ сужденію о ростѣ или уменьшеніи жизни, причиняемомъ оцѣниваемыми явленіями; сужденіе это можетъ проявиться въ формѣ непосредственнаго чувства, или въ формѣ сужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть отнесено къ оцѣнивающему индивиду лично, или къ другимъ личностямъ, или къ виду,— но по существу оно всегда одно и то же.

Все полезное должно быть полезно для кого-нибудь, и на дѣлѣ всегда сознательно или безсознательно разсматривается по отношенію къ конечной цѣли—благу индивидуума, его близкихъ или вида, благо же это всегда понимается въ смыслѣ роста жизни, даже тамъ, гдѣ, какъ мы увидимъ, жизнь признается на словахъ зломъ и за благо принимаемся небытіе.

Мы видимъ, что стремленіе къ истинѣ часто противорѣчитъ непосредственному эстетическому чувству, оно разрушаетъ красивыя, но скороспѣлыя построенія, принуждаетъ насъ считаться съ фактомъ, который, повидимому, вноситъ дисгармонію въ наше міросозерцаніе, лишь вдали мерцаетъ для ученаго надежда на полное объединеніе истины и красоты во всеохватывающей системѣ реалистической философіи. Такъ же точно и справедливость часто выставляетъ требованія, тяжелыя для индивидуальной жажды жизни, только въ прекрасномъ будущемъ мы провидимъ общественный строй, въ которомъ интересы личности и общества будутъ находиться въ полной гармоніи. Равнымъ образомъ и практическая оцѣнка, судя по внѣшности, можетъ рѣзко противорѣчить оцѣнкѣ эстетической,—какъ въ примѣрѣ съ навозомъ, необходимымъ какъ удобреніе,—но тутъ противорѣчіе еще менѣе глубоко: полезность предмета или поступка немедленно или очень скоро реализуется какъ наслажденіе или приближаетъ къ истинѣ, или доставляетъ наслажденіе другимъ индивидамъ. Какое другое значеніе можетъ имѣть полезность?

Впрочемъ, мы предвидимъ возраженіе: развѣ цѣлью бытія является наслажденіе? Наслажденіе зачастую бываетъ, напротивъ, вредно для роста духовной мощи, въ которой проявляется главнымъ образомъ полнота жизни. Совершенно вѣрно, но лишь въ томъ смыслѣ, что то или другое непосредственное наслажденіе можетъ убить возможность болѣе сильныхъ и реальныхъ наслажденій въ будущемъ: кто же станетъ отрицать, что именно полнота духовной жизни и есть величайшее наслажденіе, такъ какъ полная и могучая жизнь и рядъ разнообразныхъ и сильныхъ наслажденій—одно и то же.

Но развѣ страданіе не бываетъ часто въ высокой степени возвышенно? Конечно, но только тогда, когда оно роститъ силы духа въ индивидуумѣ или видѣ (такъ какъ надо помнить, что ростъ жизни вида мы считаемъ за конечный критерій, вырабатываемый частью инстинктивно, частью сознательно). Бываютъ полезные предметы, значеніе которыхъ не въ томъ, что они доставляютъ какое-либо наслажденіе, а въ томъ, что они устраняютъ страданіе: въ этомъ случаѣ связь ихъ съ аффекціональной или, въ широкомъ смыслѣ, эстетической оцѣнкой еще менѣе непосредственна, но и тутъ она очевидна.

Такимъ образомъ эстетика могла бы считаться наукой объ оцѣнкахъ вообще, если бы мы смогли признать безспорнымъ и постоянно дѣйствующимъ критерій наивысшаго расцвѣта жизни вида, но поскольку фактически человѣкъ далекъ еще отъ того, чтобы сразу находить прекраснымъ все, способствующее этой цѣли, и безобразнымъ все, служащее ей помѣхой, постольку мы можемъ опредѣлить эстетику въ узкомъ смыслѣ слова, какъ *науку о непосредственной аффекціональной оцѣнкѣ, сопровождающей наши воспріятія и наши поступки.* Въ этой болѣе узкой сферѣ мы увидимъ все ту же градацію критеріевъ оцѣнки болѣе и болѣе высокаго типа, которая необходимо проявляется всюду, вслѣдствіе роста человѣческаго рода: прекрасное для низко развитыхъ индивидуумовъ отступаетъ на высшихъ ступеняхъ развитія на задній планъ, и красота, недоступная для низшихъ умовъ, сіяетъ болѣе развитымъ; градація эта ведетъ насъ отъ мгновеннаго животнаго наслажденія къ наслажденію развитіемъ жизни вида, ощущаемому избранными со всею интенсивностью непосредственнаго аффекціонала.

ГЛАВА III.

Что такое красота?

Непосредственный аффекціоналъ, т. е. страданіе или наслажденіе, удовольствіе или неудовольствіе — вотъ необходимая основа эстетической эмоціи. Красивыми или прекрасными мы называемъ всѣ объекты, которые вызываютъ въ насъ эстетическую эмоцію. Можемъ ли мы сказать, что красиво все, что доставляетъ намъ наслажденіе? У насъ нѣтъ основанія для выдѣленія пріятнаго, грубо услаждающаго, изъ области эстетики. Все, что вкусно, хорошо пахнетъ, все, что гладко, бархатисто, все теплое, когда мнѣ холодно, и прохладное, когда мнѣ жарко, я

мозговые аппараты, въ которыхъ происходитъ меньше безсознательныхъ и полусознательныхъ привычныхъ дѣйствій, въ которыхъ преобладаютъ реакціи сознательныя, пластичныя, то борьбу между непосредственными инстинктами и сдерживающими представленіями мы склонны назвать борьбою нашего „я“ со страстями. Но въ разсматриваемомъ нами случаѣ коренное тождество обѣихъ оцѣнокъ совершенно очевидно, очевидно, что грубо импульсивныя непосредственныя страсти постепенно должны слиться съ разумными потребностями человѣка. Теперь зачастую противно видѣть избытокъ благоразумія. Мы часто становимся на сторону страстей, но это потому, что фактически разумъ, принимая во вниманіе обстоятельства, склоненъ на компромиссы, склоненъ сторониться борьбы и отвѣтственности: въ идеалѣ же разумъ долженъ совершенно слиться съ голосомъ страстей, человѣкъ не только разучится хотѣть невозможнаго, но, что безконечно важнѣе, научится удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ, пріобрѣтя могущество и умѣнье. Разумъ, какъ старый опытный дворецкій, сдерживаетъ пылкаго и неразумнаго господина и говоритъ ему: „господинъ, эта прихоть намъ не по средствамъ“. Но роль его не только въ томъ, чтобы ограничивать кругъ желаній господина, а и въ томъ, чтобы, отыскивая новые источники, дѣлать его все болѣе богатымъ. Но пока конфликтъ чувствителенъ. Благоразумный дипломатъ и бережливый финансистъ—разумъ можетъ охладить порывы нашего организма, подчасъ сумасбродные, но всегда имѣющіе долю права на существованіе. Благоразуміе не всегда хорошая вещь. Если оно склонно вести къ самоотреченію, — оно врагъ жизни! оно не должно отказываться отъ задачи, а наоборотъ, находить путь къ ея рѣшенію.

Мы видимъ уже на этомъ примѣрѣ, что рѣшеніе вопроса какъ въ пользу страсти, такъ и въ пользу разума было бы крайне односторонне,—оно привело бы либо къ мрачному жизнеотрицанію, или къ мѣщанскому филистерству, либо къ полной и гибельной разнузданности. Но понявъ внутреннюю сущность инстинктивныхъ и разумныхъ оцѣнокъ, мы поставимъ верховною цѣлью стремленіе къ поднятію и расширенію жизни, къ развитію какъ потребностей, такъ и средствъ къ удовлетворенію ихъ, и получимъ такимъ образомъ прочный базисъ для истинной оцѣнки вещей если когда-либо возможно будетъ, что инстинктъ или разумъ, все равно, быстро и безошибочно будетъ угадывать все способствующее росту жизни, и только такія явленія и поступки будутъ окрашиваться положительнымъ аффекціоналомъ, тогда мы будемъ имѣть передъ собою гармоничную натуру. Сомнѣваться въ томъ что такая прекрасная гармонія души и тѣла достижима, невозможно: къ ней естественно стремится человѣкъ въ своемъ развитіи, въ ней естественный конецъ борьбы благоразумія и страсти: страсти становятся разумными, разумъ терпимымъ и находчивымъ исполнителемъ желаній. Человѣка, достигшаго такой сту

пени, мы въ правѣ назвать прекраснымъ: гармонія его желаній и богатство средствъ для ихъ удовлетворенія неминуемымъ дополненіемъ имѣютъ крѣпкій, здоровый организмъ, человѣкъ становится καλὸς κἀγαθὸς.

Если въ борьбѣ разума со страстями мы зачастую симпатизируемъ послѣднимъ, то не только въ виду ограниченности, мѣщанской разсчетливости недозрѣвшаго, еще трусливаго благоразумія, но также—въ виду его узкой эгоистичности.

На арену исторіи человѣкъ выступаетъ съ нѣкоторыми инстинктами сверхъиндивидуальнаго характера, каковъ, напримѣръ, материнскій инстинктъ, многіе стадные инстинкты, патріотизмъ и т. п. Всѣ эти инстинкты при нѣкоторыхъ условіяхъ могутъ быть вредны для индивидуума, въ конечномъ счетѣ они всѣ необходимы для жизни, но не для жизни индивидуальной, а для жизни вида. Интересы индивида и интересы вида далеко не всегда совпадаютъ. Когда тѣ и другіе проявляются еще только въ формѣ полусознательныхъ душевныхъ движеній, то столкновенія ихъ рѣшаются просто большею или меньшею ихъ силой, безъ вмѣшательства разума.

Но на болѣе высокой стадіи развитія, когда конкретныя жизнеразности превращаются въ абстрактныя задачи, человѣкъ начинаетъ сознавать противоположность своихъ интересовъ интересамъ семьи, рода, общины, націи, къ которымъ онъ принадлежитъ. Семья, родъ, нація, человѣчество,—всѣ эти представители идеи вида,—сами зачастую находились во взаимной враждѣ, но вражда между эгоистическими и общественными стремленіями вообще выражалась съ особенной яркостью. Разумъ становился на сторону индивида. Онъ осмѣивалъ альтруистическіе, т. е. видовые инстинкты, онъ ясно понималъ, что жертвовать собою глупо и разлагалъ общинный духъ.

Этотъ индивидуалистическій разумъ долженъ быть превзойденъ, иначе путь къ идеалу былъ бы закрытъ навѣки *).

Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ быть и рѣчи о достиженіи идеала познанія, идеальной жизненности и справедливаго общественнаго строя, какъ естественнаго фундамента для развитія личности, въ предѣлахъ единоличной жизни и путемъ единоличныхъ усилій. Индивидъ, наотрѣзъ отказавшійся объединить свою судьбу и свои цѣли съ судьбами и цѣлями вида, не можетъ не ограничить своихъ задачъ до самаго жалкаго minimum'а; конечно, путемъ полнаго игнорированія права другого человѣка на счастье, путемъ насилій, человѣкъ можетъ выработ-

*) Отмѣтимъ тутъ же, что индивидуализмъ присущъ не разуму, какъ таковому, а сталъ естественно господствующей его чертой благодаря тому, что самъ разумъ развивался во все болѣе индивидуализировавшемся обществѣ. Причины характера стихійно-историческаго, экономическія причины, разлагая общину, ставили индивидъ на собственныя ноги и заставляли его соотвѣтственно вооружаться.

тать изъ себя довольно могущественное животное, но тѣмъ не менѣе достигнутая имъ степень познанія, силы, расцвѣта является жалкой по сравненію съ тѣмъ, что можетъ быть достигнуто общими усиліями въ многовѣковомъ процессѣ борьбы человѣчества съ природой. Правда, борьба между людьми есть могущественный факторъ прогресса, но факторъ безсознательный, неразсчетливый, вредъ котораго часто превышаетъ пользу. О мирной солидарной работѣ всечеловѣчества въ настоящее время не можетъ быть рѣчи, самый страстный поклонникъ счастья „дальняго", провидецъ и паладинъ отдаленнаго будущаго, а также самый прогрессивный и сознательный классъ общества должны вступить въ борьбу съ косностью, лѣнью, себялюбіемъ другихъ людей и классовъ, съ жадностью, тупостью привилегированныхъ, невѣжествомъ и рабскимъ духомъ униженныхъ; въ этой борьбѣ они должны быть тверды и даже жестоки, они должны напрягать всѣ свои силы, чтобы вести человѣчество *своей* дорогой во что бы то ни стало, потому что они не могутъ не считать своей дорогой ту, которая съ ихъ точки зрѣнія является наиболѣе близкимъ путемъ къ идеалу. Не въ любви ко всякому ближнему, а въ стойкой и неуклонной борьбѣ за интересы вида находитъ самое яркое проявленіе геній вида, духъ истиннаго альтруизма.

Борьба за идеалъ, борьба идеаловъ—вотъ та необходимая внутренняя борьба, путемъ которой человѣчество все яснѣе сознаетъ свою задачу. Наоборотъ, мы можемъ представить себѣ, да и видимъ на каждомъ шагу людей, у которыхъ альтруистическіе инстинкты, повидимому, вполнѣ развиты: они говорятъ о терпимости, они никого не обижаютъ, они никогда ни къ чему не обязываютъ, напротивъ, всякаго готовы утѣшить, со всякимъ поговорить о томъ, что надо довольствоваться малымъ, и прибавятъ, пожалуй,—любить другъ друга, но, въ конечномъ счетѣ, это самые хилые эгоисты, ищущіе спокойствія, ведущаго къ постепенному отмиранію потребностей, а слѣдовательно и силъ человѣческаго рода. Тотъ или другой тиранъ, навязывая народу свою волю, сооружая города, знакомя человѣческія расы другъ съ другомъ, воспитывая государственный смыслъ и умственную ширту своихъ подданныхъ, можетъ искренне думать, что слѣдуетъ своему эгоизму: онъ хочетъ, чтобы *его* народъ былъ силенъ, въ памятникахъ культуры онъ хочетъ оставить память *по себѣ* и т. д.; но если индувидуалистическая форма его стремленій и обманываетъ его самого и его современниковъ, подобно ему неспособныхъ понять смысла человѣческой дѣятельности, закутаннаго фетишизмомъ міра борьбы и противорѣчій, то въ дѣйствительности, по существу его работы, въ немъ говоритъ геній вида: онъ строитъ для вѣковъ, онъ заботится о мнѣніи грядущаго поколѣнія, онъ чувствуетъ, что творитъ исторію. Напротивъ, человѣкъ, переставшій видѣть смыслъ въ исторіи, какъ бы *добръ* онъ ни былъ, есть только эгоистъ, послѣ смерти котораго не оста-

нется ничего, который не повысилъ ни на іоту типъ человѣка, а только существовалъ.

Общественные инстинкты часто кажутся неразумными передъ судомъ недозрѣвшаго разума; „суета суетъ", говоритъ разумъ: „что такое слава для мертваго? все проходитъ!" и разумъ прибавляетъ: „ѣшь, пей и веселись", а когда это надоѣстъ, разумъ ничего не можетъ сказать,—и человѣкомъ овладѣваетъ taedium vitae.

Но сверхличные инстинкты легко могутъ быть подняты до степени разумности, если историческій смыслъ созрѣетъ въ человѣчествѣ, если прошлое человѣчества и его будущее естественно станутъ занимать насъ больше, чѣмъ наше личное прошлое и будущее. Почему бы это было невыполнимымъ? Это не только не невозможно, но мы идемъ къ этому. Все болѣе сознаемъ мы, какъ шатко понятіе „я", и мнѣ совершенно ясно, что мои любимые герои исторіи, напр., Джордано Бруно или Гуттенъ, ближе ко мнѣ и больше „я самъ", чѣмъ тотъ несомнѣнный „я" въ рубашкѣ, схватившійся за большой палецъ ноги, который смотритъ на меня съ младенческой фотографіи, или даже мальчикъ, учившійся читать и писать съ величайшей неохотой. Когда видовой инстинктъ сольется съ личнымъ, когда личность будетъ цѣнить себя какъ моментъ въ великой жизни вида, тогда неразумное сдѣлается разумнымъ. И наоборотъ, если интересы вида охраняются отъ индивидуумовъ моралью, такъ наз. *долгомъ*, такъ или иначе внѣшними силами: наказаніями, страхомъ, совѣстью (потому что совѣсть есть нѣчто чуждое личности, поскольку она не совпадаетъ съ ея естественными желаніями и категорически противорѣчитъ имъ), если они выражаются въ видѣ разумныхъ соображеній и борются съ нашими личными хотѣніями, то развѣ невозможно, чтобы они обратились въ постоянные инстинкты, подобно инстинкту материнскому? Конечно, да.

Вещи и поступки могутъ оцѣниваться съ точки зрѣнія индивидуальной и съ точки зрѣнія видовой, *моральной* по преимуществу, но въ корнѣ той и другой оцѣнки лежитъ и не можетъ не лежать одна и та же оцѣнка, оцѣнка съ точки зрѣнія maximum'а жизни. Если интересы индивида зачастую не совпадаютъ съ интересами вида, то, съ другой стороны, они вполнѣ тождественны: вѣдь видъ не имѣетъ иного существованія, кромѣ какъ въ индивидуумахъ. Что такое жизнеспособный, могучій видъ, какъ не совокупность жизнеспособныхъ, могучихъ индивидовъ? Въ настоящее время примиреніе идеала максимальной полноты жизни для меня лично и максимальной пользы для вида не всегда возможно, но уже ясно, что чѣмъ развитѣе я умственно и физически, тѣмъ болѣе полна моя жизнь и тѣмъ болѣе смогу я быть полезнымъ человѣчеству. И съ другой стороны, наибольшаго развитія я могу достигнуть тѣмъ легче, чѣмъ развитѣе среда, элементомъ которой я являюсь.

Мы не можемъ разбираться дальше въ этихъ великихъ вопросахъ жизни: наша мысль ясна,—индивидуальная и видовая оцѣнки тождественны по существу, но индивидуальная оцѣнка неправильна, поспѣшна, она видитъ меньше въ будущемъ и прошломъ, и если человѣкъ поднялся до того, что не позволяетъ себѣ жить для мгновенія, а живетъ планомѣрно для *всей жизни своей*, то онъ поднимается и до того, чтобы свою личную жизнь считать моментомъ по отношенію къ жизни вида. Отъ того, что я не слѣдую минутнымъ порывамъ, но хочу быть здоровымъ, сильнымъ и радостнымъ всю жизнь, отдѣльные, конкретные моменты моего существованія не становятся бѣднѣе, напротивъ. И отъ того, что человѣкъ будетъ относиться къ сверхличному идеалу, какъ къ чему-то высшему, чѣмъ его индивидуальная жизнь, эта жизнь не станетъ бѣднѣе, но полная творческой борьбы, великихъ стремленій, полная радостей сотрудничества и сочувствія, связующихъ всѣхъ борцовъ за идеалъ во всѣхъ народахъ и вѣкахъ, она поднимается до такой красоты, до какой немыслимо подняться индивидуалисту.

Теперь понятно, почему могутъ не совпадать идеалы красоты и справедливости. Жизнь красивая, т. е. полная, могучая, богатая можетъ быть куплена цѣною гибели другихъ жизней. Узко эстетическая точка зрѣнія, требующая красоты немедленно, въ настоящемъ, можетъ запереть двери къ идеалу. Часто надо жертвовать меньшею красотою въ настоящемъ для большей красоты въ будущемъ. Но если мы станемъ на точку зрѣнія узко моральную, то можемъ дойти до того, что признаемъ преступленіемъ всю культуру, и изъ боязни разрушить чье-либо жалкое мѣщанское счастье остановимъ наше шествіе впередъ. Только высшая точка зрѣнія, точка зрѣнія требованій полноты жизни, наибольшаго могущества и красоты *всего* рода человѣческаго, жажды того будущаго, въ которомъ справедливость станетъ само собою разумѣющимся базисомъ красоты, даетъ намъ руководящую нить: все, что ведетъ къ росту силъ въ человѣчествѣ, къ повышенію жизни, есть красота и добро, неразрывныя и единыя, все, что ослабляетъ человѣчество, есть зло и безобразіе. Можетъ казаться, что въ томъ или въ другомъ случаѣ прогрессъ культуры несправедливъ по отношенію къ тѣмъ или инымъ жертвамъ: противорѣчіе кажущееся, если этимъ прогрессомъ покупается высшее счастье вида. Можетъ казаться, что жертва цѣлымъ народомъ для роскоши горсти тунеядцевъ есть прогрессъ культуры, и что требовать низверженія такого порядка значитъ жертвовать красотой во имя справедливости: противорѣчіе кажущееся: свободный народъ создаетъ красоту безконечно болѣе могучую и высокую.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приходится оцѣнивать явленія съ точки зрѣнія прогресса мощи человѣчества. Иногда это, конечно, трудно, но все же это свѣтъ, при лучахъ котораго будетъ дѣлаться меньше ошибокъ, чѣмъ во имя абсолютной

морали, не принимающей въ разсчетъ жизни человѣчества, а только права нынѣ живущихъ индивидуумовъ, или во имя абсолютной красоты, готовой топтать въ грязь живыя души ради блестокъ эфемерной аристократической культуры.

Идеалъ личности, прекрасной и гармоничной въ своихъ желаніяхъ, творческой и жаждущей все растущей жизни для человѣчества, идеалъ общества такихъ людей, въ которомъ борьба между людьми принимаетъ характеръ соревнованія въ достиженіи разными путями одной цѣли,—это эстетическій идеалъ въ широкомъ смыслѣ, такъ какъ прежде всего насъ охватываетъ чувство красоты его, эта мечта прежде всего прекрасна. Въ этомъ эстетитескомъ идеалѣ примиряются добро и красота, или лучше, отпавшее въ силу общественнаго неустройства добро возвращается на лоно красоты, которая и есть могучая и свободная жизнь.

Сродство логики съ эстетикой бросается въ глаза: правильная мысль, особенно такая, которая проливаетъ на тотъ или другой вопросъ новый свѣтъ, доставляетъ эстетическое наслажденіе, мысль запутанная воспринимается съ трудомъ и неудовольствіемъ: правильное мышленіе—это прежде всего легкое мышленіе, т. е. мышленіе, слѣдующее принципу наименьшей траты силъ, принципу эстетическому. Мы постоянно говоримъ о *стройности плана* того или другого трактата, о *красотѣ* того или другого доказательства, объ *изящномъ* рѣшеніи задачи. Такія игры, какъ шахматы, представляющія собой рядъ мыслительныхъ задачъ, доказываютъ близость эстетики и мышленія съ полной очевидностью: рѣшенія этихъ задачъ не имѣютъ ровно никакой практической цѣнности, это цѣликомъ игра мысли, цѣль ея—то наслажденіе, которое доставляетъ упражненіе мысли, та эстетическая эмоція, тотъ положительный аффекціоналъ, который сопровождаетъ всякую экономную работу мозга *).

Познаніе не только можетъ, оно должно слѣдовать законамъ эстетики, т. е. принципу наименьшей траты силъ или наибольшаго результата траты, другими словами—принципу цѣлесообразности. Но тутъ же начинается и разница между истиной и красотой, какъ критеріями оцѣнки. Дѣйствительность далеко не уступчива, она не торопится укладываться въ рамки разумной системы. Метафизики руководствуются единственно стремленіемъ къ цѣлостности мышленія, они торопятся, основываясь на недостаточномъ наведеніи, установить законы, которые какъ вѣчные своды охватили бы цѣлый міръ фактовъ. Но факты противорѣчатъ красивымъ построеніямъ. Между тѣмъ „душа“ такъ напряженно стремится къ цѣлостному мышленію, а эмпирія такъ полна взаимныхъ противорѣчій, такъ запутанна и трудна: философъ-метафизикъ непремѣнно приходитъ къ выводу, что источникъ

*) Къ этому надо прибавить еще удовольствіе соревнованія.

его познанія болѣе чистъ, чѣмъ мутные родники дѣйствительности и что результатъ его мышленія правиленъ даже вопреки очевидности. Метафизики слѣдуютъ въ познаніи исключительно эстетической оцѣнкѣ и превращаютъ познаніе въ игру: дѣйствительно, между отдѣльными частями ихъ зданія царитъ гармонія и порядокъ, но зато все оно въ цѣломъ находится въ вопіющемъ противорѣчіи съ дѣйствительностью.

Это противорѣчіе и колетъ глазъ тому, кто не можетъ замкнуться отъ дѣйствительности. Рядъ послѣдовательныхъ попытокъ строить метафизическія системы приводитъ, наконецъ, къ полному крушенію умозрительнаго метода въ глазахъ людей, наиболѣе чувствующихъ дѣйствительность: эмпирическій методъ выходитъ на авансцену. Его требованіе таково: теорія должна строго отвѣчать фактамъ, пусть лучше отдѣльныя теоріи будутъ не согласованы, пусть онѣ будутъ незакончены, но покупать законченность ихъ цѣною лжи, т. е. противорѣчія съ фактами, невозможно.

Если мы присмотримся къ этого рода оцѣнкѣ, то увидимъ, что въ корнѣ ея лежитъ тотъ же принципъ наименьшей траты силъ: стремленіе къ истинѣ есть несомнѣнно стремленіе къ мышленію о мірѣ согласно этому принципу; разница между наукой и метафизикой въ томъ, что послѣдняя торопилась къ желанному результату, закрывала глаза на негодность фундамента, на которомъ строила, наука же строитъ медленно, но для вѣчности. Наука руководится тѣмъ же эстетическимъ принципомъ, она прибавляетъ лишь къ требованіямъ единства и ясности еще требованіе безусловной согласованности съ фактами, она не только *конструируетъ*, но *критикуетъ* себя, ежечасно увѣряется въ прочности построеннаго: *прочность постройки сдѣлалась необходимымъ условіемъ для признанія научнаго зданія красивымъ*. Тамъ гдѣ требованіе этого условія превратилось уже въ инстинктъ, гдѣ оно стало „инстинктивною честностью мысли", разладъ между красотою и истиною конченъ. Но люди, не умѣющіе жить въ будущемъ въ творчествѣ, въ стремленіи, будутъ уходить съ той площади, гдѣ медленно воздвигаютъ величественный храмъ жизни, гдѣ поколѣніе трудится вслѣдъ за поколѣніемъ, но гдѣ *пока* видна лишь груда камней, ямы съ цементомъ, стропила, листы желѣза, очеркъ фундамента на землѣ, гдѣ общій планъ едва набросанъ на бумагѣ, гдѣ все обѣщаетъ, но мало что уже радуетъ взоръ... Люди торопливые будутъ уходить отсюда, они осудятъ медленную работу, какъ безплодную, они укажутъ на воду, подмывающую фундаментъ, на скалы, которыя надо взорвать, на ограниченность силъ человѣка, и предпочтутъ строить изъ облаковъ живописные воздушные замки. Мы можемъ оглянуться на нихъ съ улыбкой, полюбоваться на ихъ цвѣтную фатаморгану, но намъ странно, когда насъ приглашаютъ поселиться подъ кровлей мечты, и мы снова принимаемся за работу.

Здѣсь мы имѣемъ то же противорѣчіе непосредственнаго

индивидуальнаго инстинкта, жажды цѣльности мышленія для себя, и видового стремленія къ истинѣ прочной навѣки вѣчные. Въ корнѣ это все то же: чувство единства, стремленіе къ ясности руководитъ ученымъ, ученый тоже эстетикъ и художникъ, но ему нужно превратить въ сіяющій образъ истины не податливую пустоту, а твердый мраморъ дѣйствительности, зато онъ знаетъ, что, руководствуясь его истиной, человѣкъ не только будетъ счастливъ ея созерцаніемъ, но станетъ царемъ вселенной. Истина въ приложеніи къ живой жизни еще разъ сливается съ идеаломъ полной и могучей жизненности, такъ какъ она есть самое лучшее орудіе борьбы человѣка съ природой. Истина, приложенная къ общественному строю, можетъ заключаться только въ изслѣдованіи законовъ развитія общества и открытіи путей, какими можно овладѣть этими законами, чтобы вести общество къ его идеалу, идеалу, продиктованному жаждой полноты жизни, жаждой красоты: такимъ образомъ идеалъ истины естественно совпадаетъ съ идеаломъ справедливости. Но пока—наука можетъ разрушать скороспѣлые идеалы, субъективныя построенія, она указываетъ на царящую надъ ними желѣзную необходимость, она утверждаетъ, что одного желанія мало, что мы должны сумѣть познать настоящія пружины исторіи и дѣйствовать творчески въ согласіи съ ними. Этотъ суровый голосъ, останавливающій утопистовъ, кажется грубымъ вторженіемъ истины въ область справедливости, но и здѣсь мы имѣемъ передъ собою лишь временное противорѣчіе совершенно того же порядка, что и мнимое противорѣчіе истины красотѣ. Метафизика и утопія суть антиципаціи истины и справедливости, честность мысли запрещаетъ намъ мириться на этихъ сказкахъ, готовыхъ насъ убаюкать или превратить въ лунатиковъ, бродящихъ своими путями и не узнающихъ предметовъ реальнаго міра.

Такимъ образомъ, въ настоящее время не слѣдуетъ смѣшивать оцѣнки собственно эстетической съ оцѣнкой научной и общественной или моральной, хотя по существу, эстетика охватываетъ и когда-нибудь всецѣло охватитъ эту область.

Возможны ли другія какія-либо оцѣнки, кромѣ эстетической, научной и общественной въ примѣненіи къ какимъ угодно объективнымъ явленіямъ или человѣческимъ поступкамъ?

Обыкновенно указываютъ еще на практическую или утилитарную оцѣнку. Эта оцѣнка, по существу, конечно, сводится къ той же основѣ, что и три вышеперечисленныя. Въ самомъ дѣлѣ, оцѣнка есть не что иное, какъ аффекціональная окраска, удовольствіе или неудовольствіе, возбуждаемое въ насъ оцѣниваемымъ; это удовольствіе или неудовольствіе могутъ быть непосредственными—тогда мы имѣемъ дѣло съ оцѣнкой собственно эстетической; они могутъ быть опосредствованы соображеніями разума,—такъ, напр., шелковичный червь или куча навоза сами по себѣ способны возбудить въ насъ отвращеніе, но разумъ ри-

суетъ намъ шелковую ткань и плодородную ниву, какъ результатъ извѣстныхъ манипуляцій съ этими объектами, и заставляетъ оцѣнить ихъ, но и въ этомъ случаѣ ясно, что цѣну этимъ предметамъ придаетъ конечное наслажденіе, могущее проистечь отъ нихъ, т. е. эстетическая же оцѣнка, только отнесенная къ результатамъ данныхъ явленій. Такимъ образомъ, всякая оцѣнка, по существу, всегда одна и та же, она всегда сводится къ сужденію о ростѣ или уменьшеніи жизни, причиняемомъ оцѣниваемыми явленіями; сужденіе это можетъ проявиться въ формѣ непосредственнаго чувства, или въ формѣ сужденія въ собственномъ смыслѣ этого слова, можетъ быть отнесено къ оцѣнивающему индивиду лично, или къ другимъ личностямъ, или къ виду,— но по существу оно всегда одно и то же.

Все полезное должно быть полезно для кого-нибудь, и на дѣлѣ всегда сознательно или безсознательно разсматривается по отношенію къ конечной цѣли—благу индивидуума, его близкихъ или вида, благо же это всегда понимается въ смыслѣ роста жизни, даже тамъ, гдѣ, какъ мы увидимъ, жизнь признается на словахъ зломъ и за благо принимаемся небытіе.

Мы видимъ, что стремленіе къ истинѣ часто противорѣчитъ непосредственному эстетическому чувству, оно разрушаетъ красивыя, но скороспѣлыя построенія, принуждаетъ насъ считаться съ фактомъ, который, повидимому, вноситъ дисгармонію въ наше міросозерцаніе, лишь вдали мерцаетъ для ученаго надежда на полное объединеніе истины и красоты во всеохватывающей системѣ реалистической философіи. Такъ же точно и справедливость часто выставляетъ требованія, тяжелыя для индивидуальной жажды жизни, только въ прекрасномъ будущемъ мы провидимъ общественный строй, въ которомъ интересы личности и общества будутъ находиться въ полной гармоніи. Равнымъ образомъ и практическая оцѣнка, судя по внѣшности, можетъ рѣзко противорѣчить оцѣнкѣ эстетической,—какъ въ примѣрѣ съ навозомъ, необходимымъ какъ удобреніе,—но тутъ противорѣчіе еще менѣе глубоко: полезность предмета или поступка немедленно или очень скоро реализуется какъ наслажденіе или приближаетъ къ истинѣ, или доставляетъ наслажденіе другимъ индивидамъ. Какое другое значеніе можетъ имѣть полезность?

Впрочемъ, мы предвидимъ возраженіе: развѣ цѣлью бытія является наслажденіе? Наслажденіе зачастую бываетъ, напротивъ, вредно для роста духовной мощи, въ которой проявляется главнымъ образомъ полнота жизни. Совершенно вѣрно, но лишь въ томъ смыслѣ, что то или другое непосредственное наслажденіе можетъ убить возможность болѣе сильныхъ и реальныхъ наслажденій въ будущемъ: кто же станетъ отрицать, что именно полнота духовной жизни и есть величайшее наслажденіе, такъ какъ полная и могучая жизнь и рядъ разнообразныхъ и сильныхъ наслажденій—одно и то же.

Но развѣ страданіе не бываетъ часто въ высокой степени возвышенно? Конечно, но только тогда, когда оно роститъ силы духа въ индивидуумѣ или видѣ (такъ какъ надо помнить, что ростъ жизни вида мы считаемъ за конечный критерій, вырабатываемый частью инстинктивно, частью сознательно). Бываютъ полезные предметы, значеніе которыхъ не въ томъ, что они доставляютъ какое-либо наслажденіе, а въ томъ, что они устраняютъ страданіе: въ этомъ случаѣ связь ихъ съ аффекціональной или, въ широкомъ смыслѣ, эстетической оцѣнкой еще менѣе непосредственна, но и тутъ она очевидна.

Такимъ образомъ эстетика могла бы считаться наукой объ оцѣнкахъ вообще, если бы мы смогли признать безспорнымъ и постоянно дѣйствующимъ критерій наивысшаго расцвѣта жизни вида, но поскольку фактически человѣкъ далекъ еще отъ того, чтобы сразу находить прекраснымъ все, способствующее этой цѣли, и безобразнымъ все, служащее ей помѣхой, постольку мы можемъ опредѣлить эстетику въ узкомъ смыслѣ слова, какъ *науку о непосредственной аффекціональной оцѣнкѣ, сопровождающей наши воспріятія и наши поступки.* Въ этой болѣе узкой сферѣ мы увидимъ все ту же градацію критеріевъ оцѣнки болѣе и болѣе высокаго типа, которая необходимо проявляется всюду, вслѣдствіе роста человѣческаго рода: прекрасное для низко развитыхъ индивидуумовъ отступаетъ на высшихъ ступеняхъ развитія на задній планъ, и красота, недоступная для низшихъ умовъ, сіяетъ болѣе развитымъ; градація эта ведетъ насъ отъ мгновеннаго животнаго наслажденія къ наслажденію развитіемъ жизни вида, ощущаемому избранными со всею интенсивностью непосредственнаго аффекціонала.

ГЛАВА III.

Что такое красота?

Непосредственный аффекціоналъ, т. е. страданіе или наслажденіе, удовольствіе или неудовольствіе — вотъ необходимая основа эстетической эмоціи. Красивыми или прекрасными мы называемъ всѣ объекты, которые вызываютъ въ насъ эстетическую эмоцію. Можемъ ли мы сказать, что красиво все, что доставляетъ намъ наслажденіе? У насъ нѣтъ основанія для выдѣленія пріятнаго, грубо услаждающаго, изъ области эстетики. Все, что вкусно, хорошо пахнетъ, все, что гладко, бархатисто, все теплое, когда мнѣ холодно, и прохладное, когда мнѣ жарко, я

имѣю полное право называть эстетическимъ; но въ человѣческой рѣчи эпитетъ „красивое“ или „прекрасное“ примѣняется исключительно къ области зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній, а также опосредствованныхъ ими чувствованій и мыслей. Находить красоту въ старомъ винѣ или въ стаканѣ холодной воды лѣтнимъ днемъ. какъ будто нѣсколько смѣшно, а между тѣмъ мы имѣемъ здѣсь несомнѣнную эстетическую эмоцію, только въ очень примитивной формѣ.

Мы уже говорили, что существуютъ два рода жизнеразностей: первая—жизнеразность перерасхода, допускаетъ положительный аффекціоналъ лишь какъ устраненіе явнаго страданія или неудовольствія, вторая—жизнеразность перенакопленія, напротивъ, обезпечиваетъ положительный аффекціоналъ и безъ предварительнаго страданія, безъ ярко выраженной, все болѣе и болѣе мучительной потребности. Существо, не обладающее никакимъ жизненнымъ избыткомъ, не можетъ свободно наслаждаться, оно лишь возстановляетъ нарушенное средою равновѣсіе—питается и защищается. Конечно, актъ утоленія голода, удачнаго избѣжанія опасности и т. п. сопровождаются положительнымъ аффекціоналомъ, но здѣсь нѣтъ мѣста большому разнообразію, развитію, росту аффекціонала: предѣлъ положенъ потребностью. Удовлетвореніе настоятельныхъ потребностей есть блѣдный источникъ радостей, и понятно, почему человѣкъ, познавшій въ роскошной мѣрѣ положительный аффекціоналъ гораздо болѣе сильный, не включаетъ въ понятіе красоты тѣхъ наслажденій, которыя неразрывно связаны съ нуждою, съ самозащитой. Другое дѣло—существо, обильно питающееся, располагающее большимъ количествомъ силъ, чѣмъ сколько ему необходимо при обычныхъ обстоятельствахъ, при томъ силъ, распредѣленныхъ въ разныхъ органахъ. Такое существо, для сохраненія и роста всѣхъ органовъ, должно создавать себѣ функціи, должно играть, но на игрѣ этой отражается, конечно, самая сущность организма, какъ приспособленнаго для борьбы за существованіе: игра будетъ заключаться въ реакціяхъ, встрѣчающихся и въ обыденной жизни, но производимыхъ въ строгомъ согласіи съ закономъ экономіи силъ. Наслажденіе, сопровождающее устраненіе жизнеразностей перенакопленія, становится цѣлью; наслажденіе же это тѣмъ значительнѣе, чѣмъ оно безпримѣснѣе, чѣмъ правильнѣе и экономнѣе трата силъ, т. е. чѣмъ больше результатовъ дѣятельности даннаго органа получается на каждую единицу затраченной энергіи. Мускулы хотятъ двигаться какъ можно полнѣе, роскошнѣе, глаза видѣть какъ можно больше, уши какъ можно больше слышать и т. д. Въ свободномъ танцѣ человѣкъ разряжаетъ избытокъ силъ съ наибольшею роскошью, такъ какъ въ такомъ танцѣ члены его движутся свободно, т. е. *по своимъ* законамъ. При воспріятіяхъ же объекта глазомъ и ухомъ приходится считаться съ свойствами объекта, съ тѣмъ,

насколько легко его воспріятіе: то, что легко воспринимается, что, такъ сказать, свободно входитъ въ воспринимающій органъ, что не заставляетъ его работать неправильно,—въ общемъ пріятно. Но для глаза, который наслаждается зрѣлищемъ, важна не легкость, а богатство воспріятія, богатство же это будетъ тѣмъ большимъ, чѣмъ легче воспринимается каждый элементъ зрѣлища, принципъ наименьшей траты силъ дѣйствуетъ здѣсь не въ смыслѣ скупости, а въ смыслѣ разсчетливости: надо затратить всю данную сумму энергіи, но и купить на нее возможно больше, требуется роскошное и правильное функціонированіе глаза. То же относится и къ другимъ органамъ.

Въ виду того, что трата накопленнаго питанія, т. е. превращеніе его въ активную энергію, допускаетъ безконечное разнообразіе и ростъ, такого рода наслажденія и стали *по преимуществу* наслажденіями; присущая имъ свобода, слѣдующій за ними ростъ силъ и повышеніе жизни, все это поставило ихъ высоко надъ простымъ удовлетвореніемъ необходимыхъ потребностей. Жизнеразность перерасхода есть жизнеразность нужды. Жизнеразность перенакопленія есть жажда жизни и творчества; первая прекращается съ возстановленіемъ затраченной энергіи, соразмѣряется съ ущербомъ, нанесеннымъ средою, вторая безконечна, такъ какъ роскошная затрата энергіи вызываетъ новый, все усиливающійся притокъ питанія. Само собою разумѣется, эти наслажденія будутъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда за организмомъ обезпеченъ любой притокъ питанія. Больной организмъ, самые органы котораго способны пользоваться лишь ограниченнымъ количествомъ пищи, не способенъ къ радости жизни, къ жаждѣ жизни: у него экономическій принципъ пріобрѣтаетъ другое значеніе, ему надо, по возможности, уменьшить работу органовъ. Грубый варваръ радъ шумной музыкѣ, кричащимъ краскамъ, дикимъ движеніямъ, онъ еще не понимаетъ, во сколько разъ можно увеличить общую сумму наслажденія, урегулировавъ дѣятельность органовъ. Это понимаетъ настоящій жизнерадостный эстетикъ: онъ отдаетъ должное чувству мѣры, онъ знаетъ, какое необъятное разнообразіе ощущеній можетъ быть воспринято, когда въ нихъ внесенъ извѣстный порядокъ. Наконецъ, утонченный и усталый декадентъ морщится отъ всякаго громкаго звука и живой окраски: ему нужны сѣрые тоны, тишина и нюансы, потому что органы его нищи силами. Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ закономъ относительности эстетической оцѣнки, о которомъ мы будемъ въ своемъ мѣстѣ говорить подробнѣе.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію того, что же именно человѣкъ называетъ красотою.

Все воспринимаемое нами теченіе явленій разлагается путемъ анализа на несводимые другъ на друга элементы. Таковы ощущенія времени, пространства, вкуса, запаха, звука, цвѣта, тактиль-

ныя, термическія, иннервაціонно-мускульныя ощущенія. Что к
сается ощущеній вкуса, запаховъ, ощущеній осязательныхъ
температурныхъ, то они обыкновенно совершенно устраняются и
эстетики и не признаются за элементы красоты. Мы уже указыва
на то, что не видимъ къ тому особенно глубокаго основані
Границы, какія мы можемъ провести между этими ощущ
ніями и другими, такъ. наз. высшими, слѣдующія: ощущенія вкус
выя тѣсно связаны съ ощущеніями голода и насыщенія, ощущен
термическія также непосредственно связаны съ *нуждами* орг
низма, это несвободныя ощущенія. Однако, вкусовыя наслажден
отнюдь не сводятся къ ощущенію насыщенія; въ союзѣ съ обон
ніемъ и сливаясь съ нимъ вкусъ создаетъ цѣлую довольно уто
ченную гамму наслажденій, которымъ иные предаются, какъ иску
ству; обонятельныя ощущенія еще болѣе свободны отъ окрас
нужды и мощно вліяютъ на психику, температурныя и чисто ос
зательныя ощущенія чрезвычайно бѣдны, но дуновеніе вѣтра
разгоряченное лицо, прикосновеніе къ полированной или нѣж
пушистой поверхности суть наслажденія, совершенно свободны
отъ разрѣшенія предшествующаго ясно выраженнаго страдан
или стремленія; только относительная простота этихъ ощущені
малая связанность ихъ съ общею жизнью психики, съ предст
вленіемъ о мірѣ, можетъ служить нѣкоторымъ основаніемъ д
ихъ выдѣленія изъ области эстетики, на ряду съ тѣмъ непрія
нымъ фактомъ, что физіологическая сторона вкуса и обоняя
пока еще мало обслѣдована.

Но хотя никто не скажетъ, чтобы можно было создать нѣч
красивое изъ однихъ этихъ элементовъ, однако они безспорно к
свенно вліяютъ на красоту нашихъ сложныхъ воспріятій: оранжевь
деревянный шаръ имѣетъ значительно меньшее эстетическое д
стоинство, чѣмъ спѣлый апельсинъ съ его ароматомъ и сочн
стью, — при одномъ взглядѣ на апельсинъ мы это чувствуемъ. Пр
мѣровъ можно бы привести массу. Зловоніе можетъ такъ же нар
шить всякое эстетическое настроеніе, какъ благоуханіе значитель
повыситъ его: дѣйствіе ароматовъ, въ смыслѣ, такъ сказать, акко
панишентовъ переживаній, не ниже дѣйствія ласкающей музык

Но такъ какъ физіологическая картина, соотвѣтствующ
этимъ ощущеніямъ, пока неясна для насъ, то мы перейдемъ
зрительнымъ, слуховымъ и иннерваціоннымъ чувствамъ, анали
ихъ даетъ намъ вѣрный ключъ къ пониманію всѣхъ эстетически
наслажденій въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова *).

Мускульное или иннерваціонное чувство сопровождаетъ вс
кое зрительное воспріятіе: благодаря ему, чисто зрительныя ощ
щенія, ощущенія свѣтовыя, получаютъ форму и размѣщаются

*) Что касается тактильнаго чувства, то удовольствія и неудовольст
имъ причиняемыя легко можно объяснить съ той точки зрѣнія, которую
проводимъ относительно зрѣнія и слуха. Читатель самъ безъ труда сдѣла
соотвѣтствующее распространеніе излагаемой теоріи.

пространствѣ. Было бы излишне говорить здѣсь о всѣмъ извѣстномъ механизмѣ глаза, способствующемъ распознаванію пространственной отдаленности однихъ зрительныхъ элементовъ отъ другихъ по всѣмъ направленіямъ трехмѣрнаго пространства. Мускулы, двигающіе глазъ въ разныхъ направленіяхъ, мускулъ, сокращающій хрусталикъ, а также мускулы шеи, поворачивающіе всю голову, слѣдуя движеніямъ наблюдаемаго тѣла, могутъ двигаться правильно или неправильно. Прежде всего правильное движеніе есть движеніе плавное или ритмическое; опытъ недвусмысленно указываетъ на то, что рѣзкія, порывистыя, безпорядочныя подергиванія любого мускула ощущаются немедленно, какъ нѣчто непріятное. Ритмичность и правильность стали почти синонимами. Играя, мускулы, принимающіе участіе въ процессѣ воспріятія зрительнаго міра, должны работать плавно и мѣрно; то, что мы называемъ волнистой линіей, правильной геометрической фигурой, прямой линіей, свободнымъ взмахомъ линіи, красивымъ и правильнымъ ритмомъ орнамента,—все это какъ разъ соотвѣтствуетъ требованіямъ организаціи глаза; напротивъ, ломаная линія, неправильный кругъ, острыя и угловатыя формы тѣлъ и т. д. заставляютъ глазъ многократно измѣнять свое направленіе и тратить массу усилій. Такимъ образомъ, легкость воспріятія лежитъ въ основѣ оцѣнки глазомъ правильности, пріятности фигуръ и т. п. Опытъ учитъ съ несомнѣнностью, что именно правильныя фигуры пріятны глазу, а неправильныя непріятны. Тѣ же соображенія можно примѣнить и къ движеніямъ тѣлъ въ пространствѣ, наблюдаемыхъ глазомъ.

Всякій ритмъ предполагаетъ, что послѣдующій элементъ подобенъ предыдущему, слѣдовательно воспринимающій органъ, разъ приспособившись къ воспріятію одного элемента, безъ труда воспринимаетъ и остальные; все ритмичное легко воспринимается, ритмичныя движенія легко воспроизводятся, поэтому ритмъ есть основа формальной эстетики.

Это проявляется въ мірѣ звуковъ еще яснѣе, чѣмъ въ зрительномъ мірѣ. Не только ритмичные удары воспринимаются какъ относительно пріятные, и каждая неправильность ритма немедленно отражается въ сознаніи, какъ непріятный толчекъ, но физикамъ удалось разложить самые элементы — тоны, и оказалось, что пріятны тѣ тоны, а также тембры и аккорды, которые состоятъ изъ ритмичныхъ колебаній воздуха: графически чертя себя самихъ, эти пріятные звуки рисуютъ волнистую линію съ болѣе или менѣе сложными, но правильно чередующимися волнами. Такимъ образомъ, слуховой аппаратъ, видимо, подчиненъ тому же закону, что и нервно-мускульный аппаратъ глаза.

Гораздо труднѣе говорить объ ощущеніяхъ собственно зрительныхъ, т. е. свѣтовыхъ. Существуютъ гипотезы, которыя и ихъ (а также и всѣ остальныя ощущенія) сводятъ къ механическимъ законамъ, но это пока только гипотезы, имѣющія своей основой

представленіе о химіи, какъ о механикѣ безконечно малыхъ тѣлецъ.

Для насъ ясно лишь слѣдующее: очень ничтожный свѣтъ непріятенъ (какъ очень ничтожный звукъ), онъ заставляетъ зрѣніе напрягаться и растрачиваетъ массу энергіи непроизводительно. Чрезмѣрно яркій свѣтъ (какъ и оглушительный звукъ) сразу разсѣиваетъ огромную массу зрительной энергіи (по всей вѣроятности, химической) и ощущается какъ боль. Это строго соотвѣтствуетъ нашимъ предпосылкамъ. Наиболѣе красивы такъ называемые насыщенные цвѣта, т. е. такіе, которые состоятъ изъ одниxъ элементовъ, безъ примѣси другихъ. Такъ какъ цвѣта физически представляютъ изъ себя лишь постепенную градацію все болѣе короткихъ эѳирныхъ или, по другой теоріи, электро-магнитныхъ волнъ, объективно не имѣющую внутри себя рѣзкихъ граней, то надо предполагать, что глазъ обладаетъ нѣсколькими группами органовъ, каждая изъ которыхъ приспособлена реагировать лишь на волны опредѣленной длины. При этомъ совершенно законномъ допущеніи становится яснымъ, почему волны, строго соотвѣтствующія структурѣ той или другой группы воспринимателей, оказываются легкими, т. е. пріятными для нихъ, и почему въ этомъ случаѣ наиболѣе пріятной, является наибольшая густота, интенсивность цвѣта. Смѣшанные же цвѣта заставляютъ неправильно реагировать разные элементы глаза и вызываютъ утомленіе, или, наоборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ квалифицируются, какъ тусклые и скучные, совершенно по тѣмъ же причинамъ, по которымъ ритмически волнистая линія красивѣе простой прямой, т. е. потому, что для эстетическаго удовлетворенія при легкости воспріятія должна получиться еще и большая общая сумма правильной работы, т. е. большее богатство ощущеній.

Мы не можемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе сложныхъ отношеній, существующихъ между разными цвѣтами: пріятныя или непріятныя послѣдовательности или сочетанія цвѣтовъ, очевидно, объясняются тѣмъ, что самые процессы, возбуждаемые ими въ глазу, частью подобны, частью взаимно противоположны. Во всякомъ случаѣ тутъ долженъ дѣйствовать тотъ же законъ.

Весьма важенъ тотъ фактъ, что цвѣта распадаются на такъ называемые теплые и холодные: наивысшей теплотой обладаетъ ярко-красный цвѣтъ, синій цвѣтъ наиболѣе холоденъ. Теплые цвѣта приводятъ психику въ возбужденное состояніе, холодные дѣйствуютъ успокоительно. Признаніе болѣе пріятными тѣхъ или другихъ цвѣтовъ въ высокой степени зависитъ отъ темперамента и общаго душевнаго состоянія субъекта. Больной, слабый, раздраженный, опечаленный организмъ ищетъ темноты: обильное разсѣяніе энергіи въ глазу, быстрая ритмичная работа въ зрительныхъ нервахъ и соотвѣтствующихъ центрахъ головного мозга вызываетъ общее повышеніе тонуса жизни: какъ и громкая музыка, яркія зрительныя впечатлѣнія усиливаютъ обмѣнъ веществъ,

весь организмъ, такъ сказать, настраивается на болѣе энергичный ладъ: конечно, организмъ, находящійся подъ общимъ давленіемъ жизнеразности перерасхода, долженъ крайне отрицательно относиться къ подобному явленію, вызывающему по тѣмъ же причинамъ положительный аффекціоналъ у субъекта, обладающаго избыткомъ силъ. Однако, мракъ и тишина, хотя и воспѣваются поэтами усталыхъ людей, все же не вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ потребностямъ, по крайней мѣрѣ менѣе чѣмъ сѣроватыя или синеватыя сумерки, холодныя, едва нюансирующія краски и тихіе, ласкающіе звуки. И это потому, что мракъ и тишина оставляютъ больной организмъ наединѣ съ самимъ собою, не помогаютъ ему: хорошо, если удастся заснуть! а если жизнеразность перерасхода все равно даетъ себя знать какъ страданіе? Тихіе же звуки и неясные образы успокаиваютъ, отвлекая вниманіе: они приводятъ содрогающуюся, неправильно вибрирующую нервную систему въ медленное ритмичное колебаніе. Здѣсь корень двухъ родовъ искусства: бодраго жизнерадостнаго — и успокаивающаго, исцѣляющаго. Въ музыкѣ холоднымъ и теплымъ цвѣтамъ соотвѣтствуютъ мажорныя и минорныя сочетанія тоновъ. Трудно указать чисто физіологическое основаніе для минора и мажора, но всякій человѣкъ, который плачетъ или стонетъ, дѣлаетъ это минорно, смѣющійся же и ликующій—мажорно, слово минорный равнозначительно слову печальный, мажорный—слову бодрый; и это настроеніе, независимое отъ темпа, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что разслабленный организмъ, беря извѣстный тонъ, не выдерживаетъ его и детонируетъ внизъ къ бэмолю, т. е. спускаетъ тонъ, а ликующій, благодаря все новому приливу силъ, подымаетъ его. Мнѣ думается, что ассоціація съ этими способами выраженія горя и радости у высшихъ организмовъ дѣлаетъ минорную музыку столь пріятной для разслабленнаго организма.

Такимъ образомъ, эстетическая оцѣнка зрительныхъ и слуховыхъ воспріятій находится въ зависимости отъ количества энергіи, какимъ организмъ располагаетъ, и отъ большей или меньшей правильности ея траты, т. е. отъ того, могутъ ли при воспріятіи глазъ и ухо реагировать въ полномъ соотвѣтствіи со своею структурой. „Человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей".

Теперь мы можемъ указать на то, что и въ области низшихъ чувствъ господствуютъ, повидимому, тѣ же законы.

Запахи и вкусы также требуютъ большей или меньшей затраты энергіи. Слово „прѣсный" до такой степени характеризуетъ недостаточно полное разряженіе жизнеразности перенакопленія, что примѣняется ко многимъ родственнымъ явленіямъ изъ разлнчнѣйшихъ областей: говорятъ, — прѣсная статья, прѣсная музыка. Противоположностью являются острый и соленый вкусы, они *интереснѣе* и *содержательнѣе*, они вызываютъ большее разсѣяніе энергіи, отсюда, конечно, выраженія въ родѣ аттическая соль и т. п. Но острый и соленый вкусы могутъ быть чрезмѣрными: судя

по тому, какъ при этомъ морщится лицо, ясно, что вкусовые центры работаютъ чрезвычайно сильно, что и производитъ раздраженіе другихъ близлежащихъ центровъ. Равнымъ образомъ, самый пріятный запахъ ощущается какъ непріятный, когда онъ чрезмѣрно усиливается. Конечно, все-таки трудно сказать, почему тотъ или другой запахъ пріятенъ или непріятенъ. Относительно вкусовъ можно сказать почти точно, что всѣ средніе вкусы: умѣренные кислый, соленый, острый, горькій и т. д., пріятны, но о запахахъ отнюдь нельзя сказать того же. Во всякомъ случаѣ, въ краткой статьѣ нѣтъ мѣста для подробнаго разсмотрѣнія этихъ сравнительно очень маловажныхъ для эстетики ощущеній.

Такимъ образомъ, въ общемъ мы можемъ установить правило, что всѣ элементы, воспріятіе которыхъ сопровождается положительнымъ аффекціоналомъ, суть элементы легко воспринимающіеся, какъ бы приспособленные къ органамъ человѣка, что вполнѣ совпадаетъ и съ біомеханическими законами.

Эти элементы могутъ значительно выиграть отъ того, въ какой комбинаціи они являются. Оставимъ совершенно въ сторонѣ низшія чувства и займемся только зрительными и слуховыми элементами. Всѣ они выигрываютъ отъ ритмичнаго повторенія. Распространяться о значеніи этого факта нѣтъ надобности. Симметрія есть частный случай ритма: на сколько выигрываетъ каждое зрительное воспріятіе отъ симметричности, видно изъ простого опыта: если мы сдѣлаемъ на бумажкѣ чернильный кляксъ неправильной формы, затѣмъ сложимъ бумажку вдвое, то кляксъ отпечатается на обѣихъ ея половинкахъ и получится симметричная фигура, несомнѣнно, обладающая минимальнымъ, но замѣтнымъ эстетическимъ достоинствомъ. Какъ только извѣстное единство, извѣстная правильность внесены въ воспріятіе, сейчасъ же оно значительно облегчается и оцѣнивается выше.

Однакоже несомнѣнно, что легкость воспріятія не всегда тождественна съ эстетическимъ достоинствомъ. Вообще говоря, ухо и глазъ постоянно слѣдятъ за массой шумовъ и формъ, въ высшей степени спутанныхъ и неправильныхъ, оба органа во все время бодрствованія заняты интенсивной работой анализа хаоса шумовъ и зрительныхъ пятенъ, размѣщенія ихъ въ пространствѣ. Соотвѣтственные центры заняты узнаваніемъ ихъ, т. е. подведеніемъ подъ обобщенія, пріобрѣтенныя предыдущимъ опытомъ, поэтому все правильное, легкое сразу выдѣляется въ нашемъ сознаніи, какъ пріятное. Однакоже, если мы сосредоточимъ наше вниманіе на какомъ-нибудь ограниченномъ кругѣ зрительныхъ или слуховыхъ ощущеній, когда мы хотимъ наслаждаться зрѣлищемъ или музыкой, мы требуемъ не только того, чтобы элементы были легки, но и общаго повышенія и богатства впечатлѣній; мы хотимъ затрачивать приблизительно ту же сумму воспринимающей энергіи, что и въ обычной жизни, но вмѣсто толчковъ, ухабовъ и судорожныхъ импульсовъ неорганизованной

дѣйствительности желаемъ получить возможность планомѣрной работы органовъ. Если насъ пригласятъ вслушаться въ монотонный звуковой ритмъ, отвлекши свое вниманіе отъ остальныхъ звуковъ, то мы въ весьма скоромъ времени найдемъ его скучнымъ. Каждый новый элементъ его будетъ восприниматься все легче, но органъ будетъ получать работу столь недостаточную, что если предшествующій перерасходъ энергіи не выразился въ требованіи отдыха, то подобная музыка будетъ найдена отвратительной *). Мы вернемся еще въ другомъ мѣстѣ къ этому факту и покажемъ все его громадное значеніе. Для избѣжанія такого впечатлѣнія скуки, всякое длящееся явленіе должно быть разнообразно, однако разнообразіе это должно быть закономѣрнымъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе законовъ эстетическаго разнообразія, а также эстетическаго контраста. Общее правило при этомъ одно: работа воспринимающихъ органовъ и центровъ должна быть доведена до maximum'а, съ сохраненіемъ ея полной правильности. Если то или другое зрительное или слуховое явленіе захватываетъ все количество энергіи, какое можетъ тратить органъ, и при этомъ потрясаетъ его ритмично, правильно,—то получается высшее наслажденіе, мгновенно захватывающее всю нервную систему человѣка въ одномъ ощущеніи восторга, граничающаго со сладкимъ самозабвеніемъ.

Но разобранные нами элементы и комбинаціи далеко не исчерпываютъ всей области красоты: они составляютъ лишь область *красоты формальной.*

Всякое воспріятіе въ психикѣ человѣка вызываетъ опредѣленныя ассоціаціи, свиту сопровождающихъ представленій, мощно содѣйствующихъ эстетическому значенію того или иного явленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти ассоціативные элементы безконечно значительнѣе непосредственно формальныхъ. Такъ, напр., человѣкъ, даже самый красивый, оцѣниваемый, какъ зрительный узоръ, есть мало правильная и не важно раскрашенная фигура, какою онъ явился бы на картинѣ даже первокласснаго художника для существа, не видавшаго никогда человѣка; но съ этой фигурой для насъ ассоціативно связывается масса представленій, и сила эстетической эмоціи можетъ оказаться громадной. Примѣровъ этого рода тысячи. Наибольшее эстетическое значеніе имѣютъ два рода ассоціацій: ассоціаціи съ представленіемъ наслажденія и симпатическія ассоціаціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что спѣлый плодъ производитъ на насъ эстетическое впечатлѣніе отчасти потому, что онъ вкусенъ, что ассоціаціи вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній сильно содѣйствуютъ также красотѣ такъ называемыхъ natures

*) Весьма вѣроятно, что здѣсь сказывается также и утомленіе тѣхъ немногихъ центровъ, на которые исключительно падаетъ работа воспріятія монотонныхъ явленій.

mortes, что женская красота оцѣнивается въ значительной степени съ точки зрѣнія половыхъ наслажденій и т. д.

Если мы видимъ передъ собою человѣка и находимъ его красивымъ, то сужденіе наше въ очень малой степени опредѣляется элементами формальными, хотя, конечно, симметричность лица, вьющіеся волосы и т. п. имѣютъ свое значеніе. Значительно большее значеніе имѣютъ ассоціаціи наслажденія. Онѣ дѣлаютъ женскую красоту особенно чувствительной для мужчины и наоборотъ. Несомнѣнно, однако, что эстетически развитой мужчина, какъ и женщина, могутъ находить наслажденіе въ созерцаніи лицъ одного съ ними пола: здѣсь выступаютъ самые важные ассоціативные элементы, элементы симпатическіе.

Многія ощущенія, испытываемыя другими людьми, немедленно заражаютъ насъ, даютъ намъ какъ бы отзвукъ того же ощущенія, настраиваютъ насъ на тотъ же ладъ. Болѣзни, раны, всякаго рода страданія, слабость, тупоуміе, словомъ все, что само по себѣ является либо уже проявившейся жизнеразностью перерасхода, либо явнымъ признакомъ безпомощности организма предъ такими жизнеразностями, всякая пониженная жизнь воспринимается какъ нѣчто эстетически отрицательное. И наоборотъ, повышенная жизнь, здоровье, сила, умъ, радость и т. п. являются элементами самой высокой красоты. Красота человѣка (какъ тѣла, такъ и лица) сводится, по преимуществу, къ совокупности признаковъ, обличающихъ здоровый, сильный организмъ, одаренный живой и богатой психикой.

Стройность, сила, свѣжесть, бодрость, большой лицевой уголъ (въ общемъ, признакъ хорошо развитого мозга), выразительные глаза - вотъ главнѣйшіе элементы красоты; сюда можно еще прибавить чувственные элементы, т. е. вторичные половые признаки. Красота животныхъ (къ которымъ вообще предъявляются тѣ же требованія, причемъ принципъ стройности тѣла каждый разъ мѣняется сообразно общему типу строенія животнаго) можетъ быть статической или динамической. Подъ первой разумѣется та красота, которую мы можемъ констатировать и тогда, когда животное неподвижно, динамическая же красота есть красота движеній. Сюда относится прежде всего грація движеній. Граціозными мы называемъ наиболѣе свободныя движенія, совершаемыя безъ всякаго видимаго напряженія силъ. Всякое усиліе, какое мы констатируемъ, въ общемъ непріятно, но легкія движенія сразу заражаютъ насъ какимъ-то предвкушеніемъ свободы и сопровождаются весьма значительнымъ положительнымъ аффекціоналомъ. Однако, даръ воспроизводить въ себѣ въ видѣ отраженія настроенія и чувствованія живыхъ существъ не ограничивается этимъ: человѣческое лицо есть тотъ предметъ внѣшняго міра, съ движеніемъ котораго связано безконечное количество разнообразнѣйшихъ ассоціацій: намъ очень трудно было бы опредѣлить сразу, какія въ точности движенія соотвѣтствуютъ обидѣ,

радости, презрѣнію, боли и тысячамъ другихъ душевныхъ движеній, мы не можемъ сказать, чтобы ласковая улыбка была красивѣе презрительной гримасы въ смыслѣ формальномъ, но мы словно читаемъ на лицѣ человѣка всю музыку его души, и какая-то часть нашей психики воспроизводитъ всѣ эти движенія, дѣлая насъ соучастниками радостей и скорбей ближняго. Несомнѣнно, что симпатія первоначально служила познанію: животное должно было живо различать, что чувствуетъ другое живое существо, другъ или врагъ, чего ждать отъ него, какъ относиться къ нему. И теперь, конечно, люди съ наиболѣе развитою *чуткостью* лучше другихъ могутъ знать человѣческую душу, если только обладаютъ достаточной силой абстракціи, чтобы обобщить и систематизировать свои опыты въ этой сферѣ. При этомъ надо отмѣтить, что положительный аффекціоналъ, возникающій въ насъ вслѣдствіе душевныхъ движеній другого человѣка, отражающихся на его лицѣ, можетъ имѣть двоякое значеніе: читая на лицѣ ласковую улыбку, мы можемъ ассоціировать съ этимъ представленіе о томъ, что этотъ человѣкъ расположенъ къ намъ, что обѣщаетъ намъ выгоды и радости, или мы можемъ просто почувствовать тихій миръ доброты въ душѣ этого человѣка и, отразивъ его въ своей душѣ, сами наслаждаться его отблескомъ.

Человѣкъ не только читаетъ такимъ образомъ лицо и движенія другого человѣка и многихъ животныхъ, онъ, кромѣ того, стремится по аналогіи читать душу, настроеніе предметовъ неодушевленныхъ: окружающихъ ландшафтовъ, растеній, зданій и т. п. Эта способность служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ поэзіи. Поэзія свидѣтельствуетъ о такого рода одухотвореніи неодушевленнаго настолько громко, что намъ не зачѣмъ доказывать наше положеніе.

Такъ называемая динамическая симметрія, къ которой сводится большинство законовъ архитектуры, есть не что иное, какъ результатъ такого рода одухотворенія. Если несоразмѣрная тяжесть лежитъ на колоннѣ, то мы не одобряемъ этого не потому, что боимся ея крушенія (она можетъ быть и нарисованной), а потому, что получаемъ впечатлѣніе будто бы ей тяжело. Легкость, грація, стройность сплошь и рядомъ приписываются нами архитектурнымъ произведеніямъ, такъ же точно, какъ мы сплошь и рядомъ говоримъ объ *угрюмыхъ* облакахъ, *печальномъ* закатѣ, *гнѣвныхъ* порывахъ вѣтра, обу *улыбающемся* утрѣ и т. д. Мы ощущаемъ въ нашей психикѣ неожиданную эмоцію, какъ будто внушаемую намъ извнѣ, и по аналогіи съ симпатическимъ внушеніемъ предполагаемъ душу живую въ окружающихъ предметахъ.

Изъ элементовъ формально-положительныхъ, т. е. легко воспринимающихся, изъ тѣхъ ассоціативныхъ элементовъ, которые сводятся къ ощущеніямъ радости жизни, повышенію энергіи, и которые повышаютъ и нашу жизненную энергію, словно настраивая насъ на новый, болѣе правильный, могучій и экономный

ритмъ, создается всякая красота. Красиво то, что эстетично во всѣхъ своихъ элементахъ. Умѣлая комбинація элементовъ еще болѣе возвышаетъ красоту ихъ. Но область прекраснаго въ широкомъ смыслѣ не исчерпывается понятіемъ красиваго: ломаная линія, тусклыя краски, диссонансы и крики, страданія тѣла и души могутъ быть элементами прекраснаго вообще, хотя ни въ какомъ случаѣ не „красиваго“. Какимъ же образомъ антиэстетическія явленія могутъ получить эстетическую окраску? Этотъ вопросъ будетъ занимать насъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IV.

Важнѣйшіе роды прекраснаго.

Если мы обратимъ вниманіе на обширный міръ неэстетическаго, то увидимъ, что онъ прежде всего распадается на собственно антиэстетическія и сравнительно безразличныя явленія.

Антиэстетическими явленіями мы называемъ тѣ, воспріятіе которыхъ сопровождается отрицательнымъ аффекціоналомъ. Отрицательнымъ аффекціоналомъ сопровождается всякая постановка жизнеразности перерасхода. Можно думать, такимъ образомъ, что жизнеразность перенакопленія уничтожаетъ возможность констатировать антиэстетичность тѣхъ или другихъ явленій. Отчасти это такъ и есть: жизнерадостный человѣкъ склоненъ все находить сноснымъ; но важно припомнить, что дѣло идетъ не о жизнеразности для цѣлаго организма, даже не для отдѣльныхъ его органовъ, а для элементовъ. Сколько бы энергіи ни накопилъ организмъ вообще, но, напримѣръ, мельканіе яркаго свѣта передъ глазами не можетъ не вызвать перерасхода зрительной энергіи. Слухъ можетъ быть способенъ поглотить море звуковъ, но даже незначительный диссонансъ разрушаетъ нѣкоторые слуховые элементы, давая имъ болѣзненный толчекъ.

Антиэстетично все, что требуетъ чрезмѣрной и нецѣлесообразной затраты силъ, что заставляетъ органъ работать неправильно. *Формальнымъ* безобразіемъ будетъ все, что прямо противоположно формальной красотѣ. Все, что связано съ страданіями, болѣзнью, слабостью и т. п., воспринимается, какъ безобразное *по содержанію*. Но здѣсь мы наталкиваемся на новое явленіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что человѣкъ считаетъ безобразнымъ всякія проявленія болѣзни, глупости,—словомъ,—слабой, пониженной, вырождающейся жизни. Возникновеніе такого ин-

стинкта не только вполнѣ понятно, въ виду того, что зрѣлище страданій и слабости заставляетъ симпатически болѣть и нашу душу, но и цѣлесообразно, такъ какъ гадливость ко всему вырождающемуся сохраняетъ мощь вида, ведетъ къ скрещиванію или союзу лучшихъ представителей типа. Однако, слабые люди, становящіеся такимъ образомъ объектомъ презрѣнія, должны же какъ-нибудь жить. Ихъ собственное безобразіе ставитъ передъ ними тяжелый вопросъ, является постояннымъ возбудителемъ жизнеразности: они ропщутъ на судьбу и боговъ, на общество, на сильныхъ и гордыхъ... „Чѣмъ мы виноваты"? говорятъ они. Между тѣмъ рядъ обиженныхъ судьбою все пополняется тѣми, кто совершенно несправедливо обиженъ обществомъ,—бѣдняками. Презрѣніе къ больному, жалкому не можетъ быть законнымъ чувствомъ у бѣдняка, который самъ чувствуетъ себя оброшеннымъ и жалкимъ. Симпатическая боль, которую ощущаетъ человѣкъ, заставляетъ морщиться здороваго и сильнаго и говорить: „прочь этого больного!", но она превращается въ „симпатію" въ общепринятомъ смыслѣ въ сердцѣ, привыкшемъ къ страданію. Взаимное состраданіе, взаимная поддержка становятся для бѣдняковъ и неудачниковъ необходимостью. Возникаетъ мораль и религія обездоленныхъ, заключающіяся неизмѣнно въ провозглашеніи страданія искупленіемъ, за которымъ послѣдуетъ блаженство. Такимъ образомъ, видъ самыхъ ужасныхъ страданій мало-по-малу ассоціируется съ представленіемъ утѣхъ царства небеснаго или (у еще болѣе усталыхъ) покоя нирваны. Это міровоззрѣніе прививается всей демократіи, по скольку страданіе является ея удѣломъ, но трудовая демократія новаго времени крѣпнетъ въ самомъ процессѣ труда; простая жизнь, которую ведетъ она, борьба съ лишеніями,—все это закаляетъ тѣло и душу, въ то время, какъ истинно аристократическія семьи гибнутъ подъ бременемъ праздности и излишествъ. Демократія начинаетъ сознавать свою силу, она стряхиваетъ съ себя сны, которые навѣваютъ на нее несчастные, и создаетъ свою мораль, свою религію наступательную, полную надеждъ, провозглашающую борьбу и трудъ, какъ смыслъ жизни, реорганизацію общества на началахъ солидарности, какъ идеалъ, потому что ничто, конечно, не воспитываетъ солидарности въ такой мѣрѣ, какъ совмѣстная борьба съ несравненно сильнѣйшимъ противникомъ.

Итакъ, не къ чему смѣшивать общественной демократіи съ вырождающимися несчастными, уродливыми и слабыми.

Въ соотвѣтствіи съ моралью и религіей слабыхъ развивается и ихъ эстетика. Мы еще вернемся къ этому вопросу, здѣсь же достаточно сказать, что эстетика эта отворяетъ двери антиэстетическому, опираясь на чувство состраданія, на жажду искупленія и т. п. Задачей искусства слабыхъ становится сдѣлать прекраснымъ страданіе, умираніе, слабость. И надо отдать справед-

ливость этимъ обиженнымъ жизнью людямъ, они изумительно преуспѣли въ такого рода искусствѣ *).

Но рядомъ съ антиэстетическимъ въ силу слабости, имѣются и другія явленія, а именно внушающія страхъ, болѣе могущественныя, чѣмъ человѣкъ, чѣмъ воспринимающій субъектъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что страхъ есть крайне непріятный аффектъ. Испуганный организмъ готовится къ нападенію и бѣгству, съеживается, взъерошивается, кричитъ, замираетъ и вытаращенными глазами слѣдитъ за страшнымъ предметомъ, сердце судорожно гонитъ кровь, и, когда страхъ прошелъ, наступаетъ полная разслабленность, до того истощенными оказываются всѣ органы. Но страшное не можетъ внушить омерзѣніе. Оно въ то же время есть сила и должно бы было симпатически заразить наблюдателя чувствомъ мощи, если бы это душевное движеніе не парализовалось инстинктомъ самосохраненія. Удастся намъ усыпить временно или ослабить этотъ инстинктъ, и мы въ правѣ ожидать отъ страшнаго сильной эстетической эмоціи: въ самомъ дѣлѣ, мы будемъ заражены жизненностью, значительно превосходящей нашу.

Факты показываютъ, что наше предположеніе совершенно вѣрно: искусство, изображая рычащаго льва, всевозможныхъ гнѣвныхъ чудовищъ и т. д., несомнѣнно, даетъ намъ испытать ужасное, не грозя намъ. „Любители сильныхъ ощущеній" получаютъ эстетическій аффектъ благодаря тому, что они сдерживаютъ въ себѣ проявленія инстинкта самосохраненія и наслаждаются зрѣлищемъ силы. Самъ по себѣ гнѣвъ (не безсильная злоба, конечно) пріятная эмоція, эмоція боевая: воинственные прадѣды называли войну—военной потѣхой, и не даромъ поэты, описывая героя, гнѣвно сокрушающаго все вокругъ себя, сравниваютъ его съ богомъ.

„...Изъ шатра
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. *Ликъ его ужасенъ.*
Движенья быстры. *Онъ прекрасенъ.*
Онъ весь, какъ Божія гроза".

Въ послѣдней строчкѣ мы находимъ прекрасное объясненіе такъ называемаго динамически величественнаго. Гроза, съ ея порывами бури, ревущими потоками, съ канонадой грома и ослѣпительными вспышками молніи, съ ползущими громадами тучъ, поражаетъ воображеніе и теперь, какъ поражала его въ первобытныя времена. Особенно южныя тропическія грозы внушаютъ представленіе объ огромной силѣ, гнѣвной и сокрушающей. По-

*) Въ этомъ помогало имъ, конечно, то, что деградирующая публика неспособна ассоціативно воспринимать радостныя явленія и, будучи осужденной довольствоваться пониженной гаммой, доходитъ здѣсь до виртуозности, чувствуетъ себя дома въ мірѣ пониженной жизни, родственномъ ея собственной душѣ.

скольку человѣкъ испытываетъ страхъ, забивается въ уголокъ и трепещетъ тамъ, онъ, конечно, не можетъ оцѣнить явленіе съ точки зрѣнія эстетической, но кому же неизвѣстно, какое бодрое чувство свѣжести и отваги охватываетъ человѣка, когда онъ безбоязненно наблюдаетъ бушующія стихіи? Это объясняется тѣмъ, что громадная энергія, разряжаемая природой съ такимъ великолѣпіемъ, симпатически заражаетъ насъ чувствомъ силы и размаха. Но величественное проявляется не только въ видѣ огромнаго, подавляющаго дѣйствія, но также и въ покоѣ, какъ статически величественное. Изъ самаго термина ясно, что эстетическая эмоція заключается здѣсь въ чувствѣ величины. Почему человѣкъ наслаждается, видя передъ собой море, небо, охватывая взоромъ непривычно широкіе горизонты? Выдвигалась теорія, согласно которой человѣкъ, чувствуя себя ничтожнымъ передъ безконечностью, въ то же время съ наслажденіемъ понимаетъ, что вся эта необъятность лежитъ въ его сознаніи. Но врядъ ли можно путемъ самонаблюденія найти въ чувствѣ любованія величественнымъ, съ одной стороны, чувство уничиженія, съ другой стороны, интеллектуальную гордость. Прежде всего, если вамъ удастся наблюдать на себѣ восторженное чувство, возбужденное статически величественнымъ, вы замѣтите. что это тихое и глубокое настроеніе, граничащее съ самозабвеніемъ: объектъ словно занимаетъ собою все поле сознанія Поэтому и говорятъ: „забыться въ восторгѣ созерцанія“, „погрузиться цѣликомъ въ созерцаніе“ и т. д. Тихое благоговѣніе—вотъ чувство, испытываемое передъ неподвижно-величественнымъ.

Если мы анализируемъ понятіе „величественное“, то увидимъ, что величественными признаются тѣ явленія, въ которыхъ большія массы, пространства или силы объединены чрезвычайно простымъ принципомъ: необъятный просторъ моря однообразенъ въ своемъ равномѣрномъ ритмѣ волнъ, небо огромно и просто, все равно, наблюдаемъ ли мы его днемъ или ночью: неправильныя очертанія облаковъ, неправильныя группы звѣздъ очень мало нарушаютъ общее единство этого колоссальнаго купола. Все величественное легко воспринимается, ибо оно просто: если вы обратите вниманіе на детали, или если детали вообще выступаютъ впередъ,—впечатлѣніе величественнаго исчезнетъ. Но, будучи легко воспринимаемымъ, величественное съ силой возбуждаетъ нервную систему, оно не дробитъ ея функцій, не заставляетъ ее отзываться на тысячу ладовъ, но потрясаетъ ее могучимъ и однообразнымъ ритмомъ, въ результатѣ чего и получается сладкое, полугипнотическое состояніе.

Вы полусонно, не двигаясь ни однимъ членомъ, любуетесь еле вздымающейся лазурной гладью моря, лазурнымъ шатромъ неба; все передъ вами плавно, широко, глазъ описываетъ большія дуги, свободно озирая горизонтъ, небольшое пятно паруса тонетъ въ общемъ впечатлѣніи однообразія, но это однообразіе

не вызываетъ скуки, душа взволнована, правильная, свободная работа, совершаемая нервною системой, въ общемъ огромна, она можетъ у чувствительнаго человѣка вызвать слезы счастья на глаза (выдѣленіе же слезъ свидѣтельствуетъ объ усиленномъ притокѣ крови къ головному мозгу, объ энергичной жизни его). Если море неожиданно покроется множествомъ пестрыхъ судовъ, если между ними начнется гонка, если у берега будутъ плескаться купающіеся, большой пароходъ начнетъ разводить пары и медленно поворачиваться въ гавани, если вся эта живая картина, полная деталей, захватитъ васъ,—впечатлѣніе величественности исчезнетъ, ваша поза станетъ живой, вы будете улыбаться, волноваться, тысяча чувствъ и мыслей пробѣгутъ въ вашемъ мозгу, это будетъ забавно, живописно... Вы почувствуете, что интенсивность чувства несравненно ниже, чѣмъ тогда, когда вы были наединѣ съ моремъ, забыли о себѣ, стали сами словно уголкомъ голубого, ритмичнаго, безконечнаго моря, но работа органовъ чувствъ—богаче, разнообразнѣе. Публика прибываетъ, вы слышите вокругъ себя разноязычный говоръ, взрывы смѣха, въ гавани суталока и суматоха, словно въ непонятномъ людскомъ муравейникѣ, море переполняется десятками, сотнями судовъ: у васъ кружится голова,—довольно, довольно шума, красокъ, движенія, нервы сбиты съ толку, не успѣваютъ за всѣмъ слѣдить, утомляются, а интенсивность чувства упала окончательно, при максимумѣ разнообразія вы получаете такъ мало чего-нибудь цѣльнаго, движенія нервовъ такъ измельчали, что вамъ скучна эта пестрота, она быстро надоѣдаетъ вамъ, въ то же время утомляя.

Но сдѣлаемъ другое предположеніе. Недавно еще спокойное море вдругъ почернѣло и покрылось бѣлѣющими гребнями пѣны, его ровный, какъ дыханіе спящаго, шумъ становится настойчивымъ и угрожающимъ, пѣнистый валъ набѣгаетъ на берегъ и, разбиваясь, шипитъ, грохоча гравіемъ, забирается все дальше и дальше. Небо давно покрылось тучами; все потемнѣло, закипѣло... Шумъ усиливается, море встаетъ, негодуетъ, вопитъ, взметается на берегъ, небо словно содрогается страшными громами, и языки молніи падаютъ въ волны, взрывающіяся къ небу въ хаотическомъ движеніи. Какая-то непонятная битва разыгрывается передъ вами: нѣсколько стихій столкнулись въ чудовищной борьбѣ. Въ вашей груди все дрожитъ, сердце бьется, мускулы сжаты, глаза блестятъ, съ новымъ и новымъ восхищеніемъ привѣтствуете вы бурю при каждомъ ударѣ грома и чувствуете, что въ васъ растетъ радость борьбы и силы, какъ и въ этихъ птицахъ, которыя съ рѣзкимъ крикомъ, веселыя и возбужденныя, носятся между небомъ и землею. Громадность порыва и схватки силъ поднимаетъ васъ, заражая своею мощью, потому что вы невольно воспринимаете ее, какъ борьбу живыхъ негодующихъ силъ.

Единство во многообразіи есть почти необходимый принципъ эстетическаго, потому что многообразіе означаетъ полноту

разсѣянія перенакопленной энергіи, единство—правильность работы, облегчающую воспріятіе. Однако, ошибочно думать, будто бы этимъ принципомъ можно уяснить самую суть эстетики: въ величественномъ единство преобладаетъ, иногда исключая многообразіе, въ живописномъ, какъ мы увидимъ ниже, многообразіе получаетъ перевѣсъ надъ единствомъ. То, что прекрасное проигрываетъ во многообразіи, оно можетъ выигрывать въ интенсивности, приближаясь къ величественному, то, что оно проигрываетъ въ единствѣ, можетъ быть пополнено пикантностью, изысканностью сопоставленій и контрастовъ, приближаясь къ живописному. Но объ этомъ болѣе подробно ниже.

Мы говорили уже о томъ, что страшное можетъ быть эстетическимъ. Динамически-величественное всегда страшно въ томъ смыслѣ, что обратись оно противъ насъ, оно раздавило бы насъ. Для того, чтобы умѣть наслаждаться великимъ и грознымъ, надо умѣть быть безстрашнымъ; только извѣстная объективность даетъ намъ возможность строго эстетически оцѣнивать явленія, субъективная же заинтересованность, личное отношеніе къ оцѣниваемому объекту вызываетъ въ насъ массу движеній и чувствованій, колеблющихъ, затемняющихъ чистоту нашего воспріятія. Это особенно вѣрно тамъ, гдѣ оцѣнка зависитъ отъ симпатическихъ ассоціацій: при взглядѣ на сильное и ужасное мы можемъ симпатически ощутить сознаніе силы и отваги, но можемъ вмѣсто того обратить вниманіе главнымъ образомъ на непріятныя послѣдствія личнаго нашего столкновенія съ такимъ врагомъ. Трусамъ недоступна красота величественнаго и грознаго.

Величественное и грозное сказывается не только само по себѣ, но и по своимъ результатамъ, по тѣмъ препятствіямъ, которыя оно преодолѣваетъ, по тѣмъ разрушеніямъ, которыя производитъ. Страшное, грозное—это то, что способно разрушать, причинять страданіе. Человѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженъ стихійными врагами этого рода, и онъ долженъ противопоставить имъ мужество. Борьба героическая есть зрѣлище трагическое, потому что здѣсь мы присутствуемъ при столкновеніи силъ, которыя не только гнѣваются, побѣждаютъ, разрушаютъ, но и подаются, падаютъ, страдаютъ. При видѣ трагическихъ событій въ жизни, мы симпатически ощущаемъ и чувства борьбы, и страданія пораженія: мы видимъ ужасное и страдающее, мы ужасаемся и страдаемъ. Повторяемъ, ужасъ и страданіе суть аффекты отрицательнаго характера, но сильные. Отрицательность ихъ заключается въ колоссальной затратѣ энергіи въ цѣляхъ самозащиты, въ тѣхъ судорожныхъ движеніяхъ, какія вызываетъ въ насъ страхъ передъ болью и самая боль. Стоитъ подавить эти движенія, лишить эмоціи страха и страданія, ихъ внѣшняго выраженія, и пропорція измѣнится: количество работы судорожной и неправильной уменьшится, и если то, что вызываетъ ужасъ и состраданіе, способно вызвать правильную работу, т. е. заразить насъ чувствомъ актив-

ности, мужества, боевого веселья, или вообще если оно велико, т. е. вызываетъ въ насъ интенсивное и несложное волненіе, то мы будемъ наслаждаться трагическимъ. *Трагически прекрасное* тѣмъ болѣе доступно, чѣмъ крупнѣе душа наблюдателя, чѣмъ менѣе поддается она страху, со всѣми его послѣдствіями, чѣмъ болѣе привыкъ онъ вообще испытывать тѣ душевныя движенія, которыя составляютъ суть трагическаго. Искусству особенно легко достигнуть эстетическаго результата изображеніемъ трагическаго, о чемъ мы уже упоминали, говоря о страшномъ вообще. Все *содержаніе* трагическаго воспроизводится искусствомъ. но поскольку мы не забываемъ, что имѣемъ дѣло съ изображеніемъ, мы можемъ оставаться спокойными, т. е. не реагировать на впечатлѣніе внѣшними движеніями въ цѣляхъ самозащиты или помощи. Пріучить человѣка спокойно относиться къ трагическому, испытывать красоту ужаса, борьбы, умѣть цѣнить въ страданіяхъ героевъ ихъ героизмъ—великая задача.

Ужасное, такъ же какъ и страданіе, изображается истинно трагическимъ искусствомъ, какъ нѣчто прекрасное, достойное удивленія: это пріучаетъ насъ и въ жизни умѣть сохранять самообладаніе передъ наступленіемъ ужаснаго, а не проливать слезъ слабости, не хныкать надъ муками падающихъ рядомъ братьевъ; свобода отъ мелочного стаха, отъ трусости получается лишь цѣною привычки къ ужасному, свобода отъ слезливаго состраданія, связывающаго насъ по рукамъ и ногамъ въ тяжелой борьбѣ, лишь цѣною привычки къ зрѣлищамъ страданія,—это и есть то *очищеніе*, которое придаетъ трагически-прекрасному его глубочайшій смыслъ. Не равнодушіе воспитываетъ оно въ насъ, а умѣніе цѣнить борьбу за ея силу, за интенсивность жизни въ ней, умѣніе обратить вниманіе на мужество, ловкость, находчивость, а не на раны и стоны. Воспитывать мужество въ человѣчествѣ великое дѣло, которому служитъ истинное трагическое искусство.

Но трагедія мельчаетъ. Теперь мы на каждомъ шагу слышимъ требованіе изображать трагическое обыденной жизни. Къ сожалѣнію, мы не видимъ трагическаго въ обычной жизни: трусость, мелочность, предразсудки, жадность, ничтожное самолюбіе, обывательская хандра и лѣнь,—это ли элементы трагическаго? Для того, чтобы смерть, болѣзнь, непреодолимая судьба, все страшное, что давитъ всѣхъ равно, воспринималось какъ трагическое, надо, чтобы имъ противостояло нѣчто цѣльное, крупное, отважное. Прикованный Прометей—трагедія, а изобличенный въ казнокрадствѣ отецъ семейства—нѣтъ, хотя бы страданія его, его жены, дѣтей были очень сильны: что могутъ намъ дать эти страданія? какъ и чѣмъ они возвысятъ насъ? заражаютъ ли они насъ повышенной жизнью? Гдѣ нѣтъ повышенной жизни, гдѣ нѣтъ героическаго,—тамъ нѣтъ трагедіи. „Докторъ Штокманъ"—трагедія, хотя тамъ нѣтъ особенныхъ страданій, а

декадентскія драмы Метерлинка, несмотря на цѣлое море страданія,—тусклые кошмары.

Стремленіе современнаго искусства изображать ослабленную жизнь, не осмѣивая ее, а сочувствуя ей, есть истинный декадансъ. Какимъ образомъ могу я испытывать наслажденіе, заражаясь страхомъ смерти? Однако, очевидно, наслажденіе испытывается. Какою же сѣрой, дряблой, неподвижной должна быть жизнь, чтобы человѣку *пріятно* было проливать слезы передъ зрѣлищемъ горя будничныхъ людей, чтобы его *интересовали* даже перипетіи жизни чеховскихъ трехъ сестеръ и имъ подобныхъ. Когда кумушки соберутся на чашку чаю, онѣ бесѣдуютъ между собою о всевозможной ерундѣ, касающейся сосѣдей; чего, кажется, скучнѣе, вѣдь все то же, что и у нихъ, и тѣмъ не менѣе онѣ охаютъ, и наклоняются другъ къ другу и шепчутся, и злорадствуютъ. Жалкія событія разрастаются въ нѣчто значительное въ ихъ непроходимо безсодержательной повседневной жизни. Только общимъ пониженіемъ жизни можно объяснить, что рядомъ съ красивымъ, величественнымъ и трагическимъ появилась эстетика жалкаго, дряхлаго, ноющаго, никому ненужнаго. Въ самыя худшія эпохи жизни человѣчества его эстетическое чувство все же заставляло его искать чего-нибудь яркаго, сильнаго, исключительнаго, если не красиваго, пошлое же осмѣивать. Передъ фактомъ серьезнаго и эстетическаго отношенія къ пошлому останавливаешься почти съ ужасомъ. Очевидно, способность жить повышенной жизнью постепенно утрачивается, вывариваєтся въ сутолокѣ обыденщины, а изображеніе пошлаго кажется высоко интереснымъ, если художникъ сумѣлъ вызвать имъ особенно много всевозможныхъ ассоціацій, какими привыкли жить, напомнилъ особенно много пошлыхъ образовъ, утерявшихъ свою пошлость въ глазахъ обывателя, ставшихъ ему родными, расшевелилъ особенно много тѣхъ маленькихъ чувствъ, къ которымъ пріучена, которыми живетъ обывательская душа.

Измельчаніе чувства трагической красоты приходится волей-неволей констатировать, говоря о трагически-прекрасномъ.

Пошлое, жалкое, слабое также можетъ служить источникомъ эстетической эмоціи, а именно возбуждая смѣхъ, т. е. въ качествѣ комическаго. Строго говоря, комическое не есть прекрасное. Произведенія искусства, преслѣдующія цѣль изобразить комическое, могутъ быть прекрасными, поскольку они художественно обрабатываютъ предметъ, т. е. даютъ намъ легче воспринять массу разнородныхъ и яркихъ явленій; комическое само по себѣ не прекрасно, но оно тѣмъ не менѣе вызываетъ эстетическую эмоцію,—веселость. Веселость есть пріятное состояніе организма, при которомъ всѣ органы его находятся въ свободномъ возбужденіи. Такъ какъ веселость зачастую противополагается скукѣ, то ясно, что возбужденіе нервной системы, усиленный обмѣнъ веществъ—необходимыя черты веселости, но, разумѣется, возбу-

жденіе это не должно переходить ни абсолютной границы, опредѣляемой общимъ запасомъ энергіи организма, ни частныхъ границъ запаса энергіи каждаго отдѣльнаго элемента его. Если мы приведемъ организмъ въ возбужденіе и оставимъ за нимъ полную свободу дѣйствія—это будетъ равносильно приведенію его въ веселое настроеніе. Свободное возбужденіе и веселость—одно и то же. Въ чемъ же заключаются свойства комическаго, которыя дѣлаютъ для него возможнымъ возбуждать насъ и оставлять насъ свободными, предоставлять намъ играть тѣми силами, дѣйствіе которыхъ оно разбудило?

Возбужденіе возможно лишь въ одной формѣ, а именно, какъ разрѣшеніе жизнеразности. Вы видите нѣчто незнакомое, загадочное, въ мозгу возникаетъ жизнеразность, нарушеніе обычнаго теченія работы, затрудненіе,—мозгъ ищетъ какого-нибудь рѣшенія, т. е. стремится *узнать* незнакомое, свести его къ чему-нибудь извѣстному, чтобы знать, какъ къ нему отнестись; ассоціаціи возникаютъ одна за другой, энергія разсѣивается въ значительномъ количествѣ, притокъ крови соотвѣтственно повышается. Работа можетъ испытываться, какъ нѣчто пріятное, если расходъ энергіи въ общемъ не превышаетъ прихода, что вызвало бы утомленіе, и если работа мозга не усложнится отрицательными коаффекціональными *) элементами, напр., страхомъ передъ неизвѣстнымъ, безпокойствомъ, досадой и т. п. Но вотъ задача разрѣшена. Все входитъ въ свою колею. Работа кончается и, если вы не утомились, то чувствуете пріятное возбужденіе и избытокъ силъ, какъ послѣ неутомительной гимнастики. Само собою ясно, что чѣмъ значительнѣе первоначальная жизнеразность, чѣмъ больше уклоняется данное явленіе отъ обыденнаго шаблона, тѣмъ усиленнѣе будетъ притокъ питанія къ мозгу; съ другой стороны, чѣмъ скорѣе и неожиданнѣе воспослѣдуетъ устраненіе жизнеразности, тѣмъ выше будетъ чувство пріятнаго облегченія и избытка силъ. Сущность комическаго въ томъ и заключается, что оно вызываетъ въ психикѣ *мнимыя* жизнеразности.

Вы надѣваете маску и пугаете ребенка: онъ испуганно всматривается въ васъ, имъ овладѣваетъ тревога и ужасъ, онъ готовъ плакать, но вы во время сняли маску, онъ узналъ васъ, онъ видитъ, что ничего страшнаго не было, и хохочетъ, и радуется, и говоритъ: „еще“.

Все комическое дѣйствуетъ по этому типу: оно оригинально, оно отличается отъ обыденнаго, но отличіе это оказывается въ слѣдующій моментъ мнимымъ или маловажнымъ.

Смѣшны всѣ мелкія отклоненія отъ обычнаго типа человѣческой наружности, но если они переходятъ извѣстную границу,

*) Коаффекціоналами называетъ Авенаріусъ всѣ эмоціональныя характеристики, или окраски, сопровождающія удовольствіе или неудовольствіе, какъ, напр., страхъ, злобу и т. п.

они становятся отталкивающими, уродливыми. Смѣшны мелкія нарушенія приличій, болѣе крупныя вызываютъ негодованіе. Смѣшны мелкія несчастья и напасти, болѣе крупныя вызываютъ состраданіе. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ отвращеніе, негодованіе и состраданіе въ недоразвившейся формѣ, пресѣченныя соображеніемъ о ихъ ничтожности, и разрѣшившіяся съ неожиданной легкостью.

Когда мы наблюдаемъ извѣстное явленіе, мы впередъ ожидаемъ его извѣстныхъ естественныхъ послѣдствій; если ихъ налицо не оказывается и событія принимаютъ неожиданный оборотъ, мы испытываемъ толчекъ и либо серьезно задумываемся, либо, ощутивъ маловажность и лишь мнимую значительность отклоненія, смѣемся.

Вашъ другъ, взгляды котораго вамъ прекрасно знакомы, неожиданно высказываетъ въ обществѣ незнакомыхъ вамъ лицъ мнѣнія, совершенно противоположныя его обычнымъ взглядамъ. Это васъ возмущаетъ и изумляетъ. Возвращаясь съ нимъ домой, вы серьезно замѣчаете ему, что „не понимаете его поведенія".—„Да я отнюдь не измѣнилъ своихъ взглядовъ, я хотѣлъ помистифицировать эту публику!" Тогда вы смѣетесь, такъ какъ мнимое затрудненіе исчезло. Но вотъ у васъ возникаетъ мысль: „однако, вѣдь это же дурно вводить въ заблужденіе ближнихъ". Вы снова серьезнымъ тономъ дѣлаете ему замѣчаніе. „Да вѣдь это надутые дураки и педанты", говоритъ онъ вамъ и доказываетъ это фактами. Вы снова смѣетесь тому, что ваше затрудненіе было ложнымъ, а еще больше мысли о томъ, какъ эти педанты теперь серьезно обсуждаютъ мнимыя идеи вашего друга, потому что всякая ошибка смѣшна, ибо заключается въ дѣйствіяхъ, неклеящихся съ обстоятельствами, въ неудачномъ сопоставленіи ихъ, и смѣшна тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе самоувѣренъ ошибающійся. Впрочемъ, если ошибка можетъ имѣть серьезныя послѣдствія, она становится досадной, даже ужасной.

Всякая острота есть не что иное, какъ нарушеніе обычнаго хода разговора и разсужденій. Если это остроумная мысль, имѣющая серьезное значеніе, то она, бросая неожиданный свѣтъ на ту или иную задачу, облегчая вашу умственную работу, просто пріятна, но не вызываетъ смѣха, собственно же острота, Witz, всегда заключается въ неожиданномъ сопоставленіи, которое на секунду вызываетъ удивленіе, потомъ вы восклицаете „ахъ, да!" и смѣетесь.

Глупость есть тоже нарушеніе логически правильной послѣдовательности мыслей. Если кто-нибудь сказалъ глупость, вы смѣетесь ей, какъ и остротѣ, но если эта глупость или выразившаяся въ ней неразумность даннаго лица могутъ имѣть непріятныя послѣдствія, то вы досадуете.

Словомъ, всюду эмоція веселости является тамъ, гдѣ какая-либо сильная и, вообще говоря, отрицательная эмоція: недоумѣ-

ніе, страхъ, досада, отвращеніе, негодованіе и т. д.—оказывается задержанной и неожиданно разрѣшается.

Лучшимъ доказательствомъ правильности нашего представленія о комическомъ можетъ служить анализъ самого физіологическаго явленія смѣха, сопровождающаго воспріятіе комическаго.

Мы имѣемъ значительную жизнеразность, т. е. какъ бы потокъ энергіи изъ насъ, возстанавливаемый усиленнымъ притокомъ ея, въ формѣ прилива крови къ данному органу. Внезапно брешь, такъ сказать, закрывается. Необходимо остановить функціонирующій органъ, къ которому все приливаетъ питаніе. Для этого инстинктивно приводятся въ движеніе другіе органы, что вызываетъ уравновѣшеніе распредѣленія питанія: энергія работавшаго органа, такъ сказать, иррадіируетъ и возбуждаетъ смежные органы, въ разсматриваемомъ нами случаѣ мозговые центры возбуждаютъ центры двигательные въ опредѣленной послѣдовательности, причемъ количество вызванныхъ этимъ движеній опредѣляется предшествовавшимъ возбужденіемъ корковыхъ центровъ: сперва движутся мускулы лица, что мы называемъ улыбкой, потомъ все тѣло постепенно приводится въ движеніе: мы смѣемся, хохочемъ, хлопаемъ руками, топочемъ ногами, падаемъ, катаемся словно въ судорогахъ.

Смѣхъ, хохотъ, т. е. сотрясеніе грудобрюшной преграды и судорожное выталкиваніе воздуха изъ легкихъ, согласно мнѣнію Герб. Спенсера, имѣетъ то значеніе, что, уменьшая количество кислорода въ организмѣ, ослабляетъ окисленіе крови, а стало быть и силу ея дѣйствія, и такимъ образомъ, охраняетъ мозгъ отъ чрезмѣрной работы, ставшей, прибавимъ, излишней.

Мы не можемъ входить въ подробное разсмотрѣніе всей области комическаго и многообразныхъ формъ смѣха, скажемъ только, что умѣніе смотрѣть на многія вещи съ добродушной снисходительностью: подмѣчать разныя особенности и несообразности, но не придавать имъ серьезнаго значенія, составляетъ сущность юмора; если мы будемъ относиться къ фактамъ свысока и презрительно, то какъ и при добродушномъ всепрощеніи, многое вызоветъ въ насъ смѣхъ, хотя не безъ оттѣнка негодованія,—это сущность сатиры: въ легкой сатирѣ преобладаетъ смѣхъ, въ желчной, бичующей—негодованіе. Любопытно обратить вниманіе, напр., на такіе факты, какъ на выраженіе раздраженнаго противника въ спорѣ: „да ваше мнѣніе просто смѣшно!“ Человѣкъ отнюдь при этомъ не смѣется, а кипятится, но онъ хочетъ сказать этимъ, что, въ сущности, къ данному мнѣнію слѣдовало бы не относиться серьезно, а прекратить поставленную имъ жизнеразность путемъ смѣха. Анализъ смѣха до сихъ поръ никѣмъ не выполненъ во всемъ объемѣ, между тѣмъ какъ разные виды смѣха даютъ глубоко взглянуть въ душу человѣка вообще. Для этого нужна, конечно, спеціальная и немалая работа.

Если комическое не принадлежитъ собственно къ области прекраснаго, хотя и вызываетъ несомнѣнную эстетическую эмоцію, то то же нужно сказать и о типическомъ. Область эстетики не только не ограничивается красивымъ, но даже и прекраснымъ, т. е. она включаетъ въ себя, и при самомъ узкомъ ея пониманіи, типическое и комическое. Если мы разсматриваемъ то и другое еще въ главѣ о родахъ прекраснаго, то потому, что, отнюдь не являясь прекраснымъ въ природѣ, комическое и типичное являются могучими элементами прекраснаго въ искусствѣ. Въ природѣ не все типичное прекрасно, въ искусствѣ же—безусловно все, такъ какъ къ обычнымъ элементамъ при воспріятіи произведеній искусства прибавляется еще мысль объ *умѣніи* художника, о его организующей силѣ; Чичиковъ не прекрасенъ; мы не любуемся имъ, но, презирая его, мы, во-первыхъ, наслаждаемся его типичностью, а во-вторыхъ любуемся, геніемъ Гоголя. Поэма „Мертвыя души" ужасна по своему внутреннему смыслу, но она прекрасна, поскольку ассоціативно вызываетъ представленіе о силѣ человѣческаго генія.

Если бы мы повстрѣчали въ жизни всѣ типы безсмертной поэмы Гоголя, мы бы отнюдь не ощутили возвышающей эмоціи прекраснаго, но, если бы мы были наблюдателями, то все же обрадовались бы имъ, какъ радуется естествоиспытатель любопытному экземпляру. Все типичное вызываетъ положительную оцѣнку; независимую отъ оцѣнки съ точки зрѣнія красоты и возвышенности. Что красиво? То, что эстетично во всѣхъ своихъ элементахъ, что состоитъ изъ эстетичныхъ линій, красокъ, звуковъ, вызываетъ ассоціи наслажденія и т. д. Что величественно? То, что сообщаетъ нашей нервной системѣ гармоническій ритмъ, что заражаетъ насъ повышенной жизнью. Что эстетично? Все, что даетъ намъ необычно большую массу воспріятій на единицу затрачиваемой энергіи.

Итакъ, если передъ нами будетъ явленіе, которое хотя некрасивое и ничтожное, все же вызоветъ въ насъ массу представленій или дастъ возможность охватить большой рядъ другихъ явленій, то мы оцѣнимъ его положительно; это и есть случай типичнаго. Типичное поучительно, оно даетъ возможность въ одномъ образѣ обнять многое. Мы видимъ, что некрасивое и ничтожное можетъ быть эстетичнымъ, но для этого нужно до извѣстной степени игнорировать безобразіе и убожество разсматриваемаго предмета, воспринимать его не слишкомъ живо и конкректно, больше умомъ, чѣмъ чувствомъ, но это есть не что иное, какъ научное, познавательное отношеніе! Дѣйствительно въ типичномъ мы имѣемъ переходъ отъ эстетики къ наукѣ, отъ критерія красоты къ критерію истины, что служитъ доказательствомъ ихъ родственности и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко характеризуетъ ихъ различіе: типичностью можетъ наслаждаться лишь интеллектуальный человѣкъ, онъ, какъ Леонардо да-Винчи, бу-

детъ съ наслажденіемъ зарисовывать типичнаго убійцу, въ то время какъ человѣкъ эмоціональный съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернется отъ этого получеловѣка, полугориллы.

Оригинальность является необходимымъ условіемъ комическаго, но не все оригинальное вызываетъ смѣхъ. Всякое отклоненіе отъ обыденнаго, само собою разумѣется, привлекаетъ вниманіе и повышаетъ совершаемую организмомъ умственную работу: такое повышеніе будетъ тѣмъ болѣе пріятно, чѣмъ эстетичнѣе вообще черты оригинальнаго. Смѣхъ наступаетъ лишь тогда, когда сравнительно большое умственное напряженіе разрѣшается съ неожиданной легкостью; вообще всякое явленіе, повышающее вниманіе, характеризуется, какъ оригинальное или интересное. При прочихъ равныхъ условіяхъ предметъ оригинальный эстетически выше предмета обыденнаго для всякой психики, обладающей хотя нѣкоторымъ запасомъ энергіи, что является для человѣка почти общимъ правиломъ. При значительномъ избыткѣ энергіи, тогда, когда жизнеразность перенакопленія уже сказывается въ видѣ ощущенія скуки, жажда разряженія энеріи дѣлаетъ оригинальность чѣмъ-то желаннымъ, чуть ли не въ большей степени, чѣмъ красоту. Съ другой стороны человѣкъ, обладающій консервативнымъ мозгомъ, гдѣ приходъ едва покрываетъ необходимый расходъ, ощущаетъ досаду при видѣ всего оригинальнаго.

Гербертъ Спенсеръ выражаетъ крайнюю досаду на то, что нынче любятъ несимметрично печатать заголовки книгъ, вообще нарушаютъ обычную, раціональную внѣшность предмета. По его мнѣнію, это признакъ, наступающаго варварства. Дѣйствительно, новыя книги вовсе не красивѣе старыхъ, но онѣ оригинальны. Стремленіе повысить эстетическое достоинство не путемъ красоты, а путемъ оригинальности характеризуетъ степень пресыщенности и скуки въ обществѣ.

Цѣнить оригинальное начинаютъ обыкновенно въ зрѣлый періодъ цивилизаціи. Порядокъ, гармонія,—условія красоты,— оказываются чѣмъ-то привычнымъ и начинается исканіе источника эстетическихъ эмоцій въ безпорядкѣ. При разсмотрѣніи эволюціи искусства мы еще остановимся на этомъ явленіи. Конечно, не всякій безпорядокъ пріятенъ даже и пресыщенному человѣку: онъ ищетъ *живописнаго* безпорядка. Слово „живописный" показываетъ уже, что безпорядокъ этотъ, хотя бы и естественнаго происхожденія, долженъ имѣть въ себѣ нѣчто искусственное, преднамѣренное, словно измышленное *живописцемъ*. Дѣйствительно, въ живописномъ безпорядкѣ кроется неуловимый порядокъ, чувствуется оформливающій духъ. Хорошимъ и очень простымъ примѣромъ можетъ служить такъ называемое золотое сѣченіе. Простыя пропорціи, т. е. величины, относящіяся другъ къ другу, какъ цѣлыя числа, воспринимаются вообще легче, чѣмъ отношенія неправильныя; это объясняется, конечно, тѣмъ, что

такія пропорціи могутъ быть осмотрѣны глазомъ при помощи ряда одинаковыхъ движеній, т. е. при посредствѣ извѣстнаго ритма движеній; но рядомъ съ эстетическимъ значеніемъ симметричныхъ дѣленій на двѣ половины, на четверти, или на середину и два крыла. т. е. на три, на пять частей, неожиданно выдвигается дѣленіе линіи въ среднемъ и крайнемъ отношеніи (т. е. такъ, чтобы большой отрѣзокъ относился ко всей линіи, какъ меньшій къ большему—1 : а=а : в). Цейзингъ видѣлъ нѣчто мистическое въ томъ, что человѣкъ и самъ въ пропорціяхъ своего тѣла и въ своихъ книгахъ, коробкахъ, дверяхъ, окнахъ и т. д. стремится къ подобной пропорціи, Общность этого стремленія стала довольно шаткой послѣ тщательнаго изслѣдованія великаго психофизика Т. Фехнера, но все же извѣстная любовь къ такого рода дѣленію наблюдается; объясняется она, повидимому. тѣмъ, что золотое сѣченіе есть нѣчто среднее между симметріей и совершенно одностороней асимметріей, причемъ въ первомъ случаѣ „меньшій“ отрѣзокъ становится равнымъ большему, а во второмъ онъ равенъ нулю.

Именно такого рода почти неуловимо тонкіе законы опредѣляютъ собою живописность безпорядка.

Между тѣмъ умѣніе находить источникъ эстетическаго наслажденія въ безпорядочныхъ объектахъ, умѣніе улавливать тонкую закономѣрность тамъ. гдѣ отсутствуетъ ясный законъ, весьма расширяетъ область эстетическаго. Сравните симметричныя статуи архаическаго періода греческой скульптуры съ свободой классическаго періода или свободныя композиціи картинъ мастеровъ ренессанса съ застывшей средневѣковой симметричностью триптиковъ. Однако, само собою разумѣется, одной формальной живописности мало для сильнаго впечатлѣнія. Ростъ чуткости къ живописному сопровождался все большимъ пониманіемъ природы, многообразіе которой рѣдко охватывается ясно выраженнымъ единствомъ: единство освѣщенія единство характера — вотъ что присуще большинству пейзажей,—поэтому слово „живописный“ чаще всего примѣняется къ картинамъ природы.

Но живописный пейзажъ, въ которомъ отдѣльныя, разнообразныя части свободно раскиданы въ неуловимо эстетическомъ безпорядкѣ, если даже онъ красивъ по краскамъ и линіямъ своимъ, не можетъ дать почувствовать истинно прекрасное. Только тогда, когда онъ величественъ, онъ не нуждается въ ассоціативныхъ элементахъ, неистощимую же красоту въ природу влагаемъ мы сами, отзываясь на ея красоты и одухотворяя черты ея. Мы вкладываемъ въ красоту то настроеніе, которое она вызываетъ въ насъ по ассоціаціи, Дикія скалы, крутыя тропинки, прибой волнъ, странное освѣщеніе наводятъ на мысль о гордомъ уединеніи, о демоническихъ силахъ, или смѣлыхъ отверженникахъ общества, которые могли бы избрать такое мѣсто... Снѣжная равнина, туманный мѣсяцъ, неясныя, блѣдныя дали вызываютъ

представленія безконечной, безрадостной дороги, смутныхъ, сѣрыхъ думъ на сердцѣ, отсутствія надеждъ впереди. Чѣмъ впечатлительнѣе психика, тѣмъ скорѣе охватывается она тѣмъ или другимъ чувствомъ при видѣ вѣчно измѣнчиваго лица природы, тѣмъ поспѣшнѣе переводитъ она ея непонятные знаки на свой человѣческій языкъ. Пейзажи, которые вызываютъ въ насъ малопривычные образы и чувства, мы называемъ фантастическими: вообще фантастическимъ называется все, оригинальность чего превышаетъ предѣлъ возможнаго въ дѣйствительности, но что не вызываетъ никакой серьезной жизнеразности именно въ виду нереальности своей. Все въ природѣ, что даетъ толчекъ нашей фантазіи, т. е. вызываетъ въ мозгу свободную игру, пріятно и эстетично. Если фантазія наша работаетъ при этомъ, благодаря милымъ, ласковымъ чертамъ явленія, ее возбудившаго, въ тонахъ мягкихъ, счастливыхъ, то такія явленія мы называемъ поэтичными.

Живописное, фантастическое, поэтичное — всѣ эти термины указываютъ на элементы привнесенные человѣческимъ творчествомъ. Живописное въ связи съ фантастическимъ и поэтическимъ можетъ быть отнесено къ области прекраснаго съ большимъ правомъ, чѣмъ комическое и типичное; но эстетическое развитіе людей, ведущее къ все большему умѣнью находить прелесть въ явленіяхъ, принимаетъ иногда болѣзненный характеръ, благодаря которому въ поискахъ за оригинальнымъ, утонченно живописнымъ, оно переводитъ въ любовь къ вычурному и чрезмѣрно изысканному. Для здороваго человѣка иногда совершенно непонятна прелесть какого-нибудь кричащаго, экстравагантнаго явленія, вызывающаго восторгъ присяжныхъ эстетовъ, между тѣмъ какъ для этихъ эстетовъ красивое, величественное стало уже вульгарнымъ, пріѣвшимся. Непріятнѣе всего въ этихъ явленіяхъ то, что къ непосредственному эстетическому чувству примѣшивается вздорное хвастовство оригинальностью вкуса и т. п. Можно сказать, что человѣкъ тѣмъ развитѣе эстетически, чѣмъ большее количество явленій способно доставлять ему эстетическое наслажденіе: если мы припомнимъ, сколько путей для этого открыто передъ человѣкомъ, способнымъ понимать не только красивое и величественное, но и трагическое, комическое, оригинальное, живописное, типичное, то мы увидимъ, что легко представить себѣ натуру, которая на всякій предметъ сумѣетъ взглянуть съ интереснѣйшей стороны и показать другимъ его эстетическую цѣнность. Это и есть истинные эстеты, люди же, чванящіеся изысканностью вкусовъ, вовсе не являются піонерами въ поступательномъ ходѣ развитія человѣчества, а какимъ-то страннымъ махровымъ цвѣтомъ. Истинный эстетъ можетъ понять даже ихъ „красоты“, но онъ сохранитъ въ себѣ даръ видѣть прекрасное и въ томъ, чѣмъ наслаждается все человѣчество, чѣмъ можетъ наслаждаться даже дикарь или ребенокъ.

Умѣніе эстетически наслаждаться почти всякимъ объектомъ сводится біологически къ тонкости структуры мозга или къ огромному богатству разнообразнѣйшихъ ассоціацій: какъ великолѣпный инструментъ, эстетикъ рождаетъ въ своей душѣ звучную гармонію при всякомъ ударѣ извнѣ. Конечно, этимъ путемъ легко придти къ сантиментальному прекраснодушію, которое уже не имѣетъ возможности различать между красотой и безобразіемъ, но этого человѣкъ избѣгаетъ, благодаря рѣзкой разграниченности отдѣльныхъ родовъ оцѣнки; я могу любоваться *типичнымъ* злодѣемъ за его типичность и въ то же время сознавать безобразіе его духа и тѣла; всѣ различные критеріи эстетическаго живутъ раздѣльно въ душѣ развитого цѣнителя; онъ не смѣшиваетъ оригинальности съ красотою, красоты съ величественностью, комичности съ типичностью и т. д., онъ умѣетъ, разсмотрѣвъ явленіе съ точки зрѣнія наиболѣе выгодной, насладившись имъ, разсмотрѣть его и критически, зорко выслѣживая въ немъ всѣ недостатки. Способность строго различать точки зрѣнія есть важная эстетическая способность. Біологически она сводится къ тому, что мы воспринимаемъ предметъ такъ, чтобы заставить работать полнымъ ходомъ лишь одинъ какой-либо органъ, понижая дѣятельность другихъ: ощущать устрицы нёбомъ, а не глазами, наблюдать павлина глазами, а не вслушиваться въ его крикъ и т. д., допускать развиваться только одному благопріятному ряду ассоціацій, заглушая другіе. Относиться къ предмету эстетически значитъ воспринимать его тѣми органами, или тѣми элементами мозга, въ которыхъ онъ можетъ возбудить наиболѣе цѣлесообразную работу, т. е. такъ, чтобы оцѣнка съ точки зрѣнія красоты, непосредственнаго аффекціонала оказалась возможно болѣе высокой. Но какъ только мы хотимъ оцѣнить извѣстный предметъ не по отношенію къ намъ лично, а по отношенію къ высшему благу, т. е. совершенству вида, мы измѣняемъ точку зрѣнія, мы подчеркиваемъ среди ассоціацій тѣ, которыя даютъ возможность постичь данное явленіе въ его результатахъ, постичь вліяніе его на развитіе человѣчества. Наконецъ, разсматривать явленіе съ точки зрѣнія истины значитъ воспринимать его какъ можно полнѣе, игнорируя въ то же время совершенно аффекціональную окраску ощущеній, оперируя только чистыми ощущеніями и такими представленіями и понятіями, которыя въ основаніи своемъ не имѣютъ ничего аффекціональнаго, т. е. никакихъ субъективныхъ сужденій, а одни объективныя ощущенія—воспріятія. Человѣческая воля, словно резонаторъ, усиливаетъ то однѣ ассоціаціи, то другія, опредѣляя такимъ образомъ ихъ дальнѣйшій ходъ; высшіе центры сознанія соединяются то съ однимъ органомъ, то съ другимъ: эта способность проливать свѣтъ на одну группу явленій нашего сознанія или объектовъ, оставляя въ сторонѣ, въ тѣни остальныя, справедливо считается важнымъ приспособленіемъ, она имѣетъ, какъ

мы видѣли, огромное значеніе и въ эстетикѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. въ наукѣ объ оцѣнкахъ вообще, и въ эстетикѣ въ узкомъ смыслѣ, т. е. въ наукѣ объ оцѣнкѣ непосредственной. Если мы присмотримся къ этому приспособленію, то увидимъ, что его біологическое значеніе въ томъ-то именно и заключается, чтобы правильно оцѣнивать явленія, умѣть распознать вредное въ пріятномъ, полезное въ отталкивающемъ, умѣть вредное въ однихъ отношеніяхъ употреблять съ пользою въ другихъ, словомъ, многоразлично относиться къ предмету, потому что, дѣйствительно, каждый предметъ имѣетъ неисчерпаемое количество разнородныхъ отношеній къ человѣку въ зависимости отъ обстоятельствъ. Познать предметъ во всѣхъ его прямыхъ и косвенныхъ отношеніяхъ къ организму человѣка значитъ познать его въ совершенствѣ: такое познаніе должно быть и научнымъ, и эстетическимъ, и практическимъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Такое познаніе само по себѣ дѣлаетъ душу человѣка богатой и, кромѣ того, дѣлаетъ человѣка хозяиномъ вещей, открываетъ передъ нимъ путь къ счастью, даетъ ему возможность извлекать это счастье изъ всего окружающаго: идеалъ познанія, счастья (или красоты, что одно и то же, такъ какъ счастье есть ощущеніе красоты нашего собственнаго существа и міра) и добра сливаются и переплетаются въ одномъ стремленіи жизни къ росту, къ гармоничному и роскошному развитію: всякій шагъ къ увеличенію силъ помогаетъ гармонизаціи внутренняго и внѣшняго міра, сама же гармонія снова увеличиваетъ силы, и такъ до безконечности, или, вѣрнѣе, до тѣхъ поръ, пока прогрессъ не прекратится.

ГЛАВА V.

Искусство.

Что такое эстетическая эмоція? что собственно ощущаетъ человѣкъ, когда онъ любуется? Что это пріятно, что это доставляетъ наслажденіе,—въ томъ не можетъ быть сомнѣнія, но величайшіе авторитеты расходятся въ вопросѣ о ближайшемъ „коаффекціональномъ“ опредѣленіи этой эмоціи, объ ея ближайшей качественной характеристикѣ.

Два мнѣнія объ этомъ предметѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Одна группа эстетиковъ утверждаетъ, что красота успокаиваетъ, понижаетъ въ насъ жизнь, усыпляя наши желанія и похоти, даетъ намъ насладиться мгновеніемъ мира и покоя.

Другая провозглашаетъ, что красота—это „promesse du bonheur"—обѣщаніе счастья, что она будитъ тоску по идеалу, словно неясное воспоминаніе о далекой, милой и прекрасной родинѣ, что именно жажда счастья охватываетъ насъ и примѣшиваетъ печаль къ нашей радости на самыхъ высокихъ ступеняхъ эстетическаго наслажденія.

Противорѣчіе, на нашъ взглядъ, кажущееся. Кто станетъ отрицать, что красота въ природѣ и искусствѣ дѣйствительно заставляетъ насъ забыть наши обычныя волненія и житейскія мелочи и въ этомъ смыслѣ умиротворяетъ насъ? Съ другой стороны, самые ярые сторонники теоріи пониженія жизни и усыпленія воли не могутъ отрицать элементы желанія, порыва въ любованіи. Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе видный представитель, такъ сказать, отрицательной эстетики, мыслитель, видѣвшій въ искусствѣ послѣдовательный рядъ ступеней отъ жизни, полной страстей и смятеній, къ заоблачнымъ, холоднымъ высотамъ полнаго самоотреченія и абсолютной смерти,—самъ Шопенгауэръ не рѣшился и не могъ сказать, что явленіе тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ меньше въ немъ жизни. Нѣтъ, онъ примкнулъ къ ученію Платона объ идеяхъ. Но у Платона абсолютъ есть самое средоточіе жизни, центръ нашихъ стремленій, небесный источникъ бытія міра, отъ котораго мы бѣдственно отпали, но къ которому жадно стремимся; идеи у него, такъ сказать, первыя отраженія абсолюта, въ нихъ больше реальности, жизни, истины, чѣмъ во вторичныхъ, искаженныхъ ихъ отраженіяхъ,—существахъ и предметахъ земного міра. Ученіе объ идеяхъ возникло естественно изъ жажды мыслить законченный міръ, изъ стремленія конструировать его такимъ, какимъ человѣкъ естественно его желалъ бы. міръ идей—это міръ, въ которомъ все интуитивно понятно, т. е. въ которомъ дѣйствительность совпадаетъ съ результатами свободной игры ума, это міръ, въ которомъ все прекрасно, т. е. всѣ предметы согласованы съ человѣческими органами воспріятія и возбуждаютъ въ немъ однѣ счастливыя ассоціаціи. У Шопенгауэра же Воля не есть нѣчто идеальное, а напротивъ, злое, хаотическое, такъ что непонятно, что же такое эти идеи? почему идеи, первая объективація Воли, ближайшая, являются ступенью къ освобожденію отъ Воли? Во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что Шопенгауэръ считалъ прекраснымъ въ явленіяхъ природы то, что приближается къ чистой идеи, и созерцаніе ея считалъ за счастье, освобождающее насъ отъ principium individuationis. Да, но значитъ ли это, что мы освобождаемся отъ желаній вообще? А жажда все болѣе полнаго выраженія этихъ идей? а стремленіе къ покою, къ такой гармоніи, которое Шопенгауэръ принималъ за стремленіе къ небытію?

Абсолютный пессимизмъ плохо примиряется съ Платоновскимъ идеализмомъ, такъ какъ пессимизмъ Платона относится лишь къ земной юдоли, но признаетъ залитый свѣтомъ бла-

женства, безсмертный, упоительно прекрасный міръ трансцендентный.

Какъ бы то ни было, несомнѣненъ тотъ фактъ, что человѣкъ не можетъ, хотя бы смутно, не конструировать себѣ идеальнаго міра, гдѣ все вѣчно и прекрасно, гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни воздыханій. Всякая красота представляется словно лучомъ изъ того царства. Вѣдь царство идеала чувствовалось бы, какъ громадная, планомѣрная затрата энергіи, постоянно возстанавливаемая, какъ обиліе ощущеній, богатство переживаній, какъ совпаденіе реальности со всѣми тайными, для насъ самихъ неясными стремленіями организма. А красота земли удовлетворяетъ насъ въ этомъ отношеніи хоть на мгновеніе, хоть черезъ посредство одного какого-нибудь органа. Понятно поэтому, что этотъ фрагментъ будитъ жажду абсолютной красоты съ тѣмъ большею силой, чѣмъ ярче въ душѣ даннаго человѣка его эстетическіе идеалы. Изъ глухой потребности въ правильной жизни, изъ постоянной неудовлетворенности вслѣдствіе дезорганизованности, *нечеловѣчности* среды, изъ отдѣльныхъ наблюденій надъ явленіями, которыя вдругъ выдѣлились на общемъ фонѣ такъ, что казались легко постижимыми, знакомыми, сладостными, человѣкъ вывелъ заключеніе о существованіи идеала внѣ насъ, лучи котораго извнѣ проникаютъ въ нашу темницу. На дѣлѣ не то. Случайныя совпаденія требованій организма съ дѣйствительностью должны все учащаться, сначала въ виду того, что организмъ приспособляется къ средѣ, затѣмъ потому, что организмъ приспособляетъ среду къ себѣ.

Я позволю себѣ на примѣрѣ выяснить, что такое эстетическая эмоція въ ея полномъ объемѣ.

Вы стоите среди готическаго собора. Стройный міръ высокихъ колоннъ, стрѣльчатыхъ сводовъ, уходящихъ вдаль длиннымъ корридоромъ, окружаетъ васъ, всѣ линіи, устремляясь вверхъ, преломляются правильно, глазъ легко и свободно слѣдитъ за ними, охватываетъ пространство, измѣряетъ глубины и высоты, и вы чувствуете въ то же время, что храмъ выросъ изъ земли въ какомъ-то стремительномъ порывѣ, словно его привлекъ вверхъ неизмѣримо могучій магнитъ. И весь этотъ гармонично вздымающійся міръ полонъ разноцвѣтныхъ тѣней, многообразныхъ красокъ, сплетающихся въ чудныя сочетанія, темныхъ нишъ, въ глубинѣ которыхъ сіяютъ роскошными тонами звѣзды витралей. Постепенно пріятное и могучее возбужденіе зрительныхъ органовъ и центровъ, въ связи съ ассоціаціями свободнаго и величаваго порыва къ небу, проникаетъ собою всю вашу нервную систему: новый ритмъ, ритмъ этой каменной молитвы, ритмъ этихъ сіяющихъ узорныхъ оконъ словно вливается въ васъ, онъ смываетъ, побѣждаетъ дрожанія и судороги разныхъ центровъ, выражающіяся въ тревогахъ, дурныхъ воспоминаніяхъ, недомоганіи; онъ стремится по крайней мѣрѣ къ тому, чтобы дисгар-

монію вашей обычной душевной жизни замѣнить однимъ аккордомъ. И вотъ, въ то время, какъ чувство величественной и тихой гармоніи начинаетъ овладѣвать вами, вы все яснѣе замѣчаете тѣнь грусти, осѣняющей вашу душу: чего-то хочется, отчего-то и сладко и больно сжимается сердце. Быть можетъ, въ дополненіе къ гармоніи для глаза вы хотите музыкальной гармоніи. Вотъ стѣны и колонны дрогнули, воздухъ колыхнулся вокругъ васъ и въ самой груди вашей, вся разноцвѣтная глубина храма наполнилась живымъ трепетаніемъ: это звуки роскошными волнами, густыми, тягучими, нѣжными, плѣнительными полились сверху. Новый ритмъ новою могучею волной крѣпитъ силу перваго и, проливаясь волшебнымъ потокомъ по вашимъ нервамъ, примиряетъ ихъ между собою, соединяетъ ихъ. Но тутъ-то ощущается какъ бы контрастъ между тѣми частями психики (или, физически, нервно-мозговой системы), которыя охвачены эстетическимъ ритмомъ и другими, — непримиренными, болящими, изъязвленными жизнью. Тутъ, если вы религіозный человѣкъ, вы почувствуете всю пропасть между вами, бѣднымъ, оброшеннымъ ребенкомъ-человѣкомъ, забытымъ, затерявшимся въ непонятномъ лабиринтѣ жизни, и чарующимъ всеблаженствомъ небеснаго міра, который, какъ вамъ кажется, коснулся однимъ сладкимъ лучомъ вашей измученной души. Тоска по счастью поднимется въ васъ, выжметъ слезы изъ глазъ и вы съ горячей молитвой опуститесь на колѣни. Но если вы не религіозны, вы не станете персонифицировать силу красоты, вы ниоткуда не станете ждать сверхъестественной помощи, однако, вы все же ощутите тоску по законченномъ счастьѣ. Чего хочетъ теперь замирающее отъ грустнаго счастья сердце? Можетъ быть, любви, т. е. всего того счастья, которое способенъ дать намъ другой человѣкъ? Можетъ быть, любимое вами существо стоитъ рядомъ съ вами такое же умиленное, такое же грустное передъ лицомъ открывающагося идеала всесовершенной гармоніи. Вы крѣпко пожмете ему руку и, взглянувъ на него, поймете, какъ оброшены люди, какъ страшно вамъ за него, сколько опасностей подстерегаютъ насъ всѣхъ, сколько грязи готово осквернить насъ. Обычная наша судьба такъ противоположна тому, чего желалъ бы организмъ: онъ желалъ бы всегда прекрасныхъ и гармоничныхъ далей, ласкающихъ, вѣчно смѣняющихся тоновъ, цѣлаго міра благоуханій, мѣрныхъ плавныхъ движеній, хотѣлъ бы пѣть и танцовать, любить всею душою, мало того, онъ хотѣлъ бы расти, чувствовать вѣчно новый приливъ силъ въ себѣ, хотѣлъ бы значительныхъ событій, глубокихъ эмоцій, — пусть опасностей, но великихъ, пусть борьбы, но героической: красоты въ окружающемъ, красоты въ себѣ, торжественнаго или страстнаго подъема духа. И полный жажды этой свѣтлой, прекрасной, торжественной жизни, выходите вы изъ какой-нибудь Notre-Dame, и передъ вами гремятъ фіакры и омнибусы, снуютъ люди, печатью мелкихъ заботъ, или горя

и нужды, или лѣни и пошлости на незначительныхъ лицахъ. Какъ сонъ, готова пройти музыка души. со всѣхъ сторонъ толкаетъ ее будничная, дисгармоничная обстановка, какъ крикливыя птицы на падаль, слетаются на бѣдное сердце всѣ заботы и дурныя воспоминанія. И если жажда красоты все жива въ васъ, она превратится въ озлобленіе противъ дѣйствительности, а когда жаръ озлобленія утихнетъ,—въ жажду снова уйти въ уголки красоты, или въ жажду украсить дѣйствительность, гармонизировать ее, творить.

Здѣсь мы видимъ двѣ дороги, два пониманія искусства: то, по какой дорогѣ пойдетъ человѣкъ, по дорогѣ ли мечты, исканія маленькихъ оазисовъ красоты, или по дорогѣ активнаго творчества, зависитъ, конечно, отчасти отъ высоты идеала: чѣмъ низменнѣе идеалъ, тѣмъ въ общемъ практичнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе безнадежной кажется ему пропасть между этимъ идеаломъ и дѣйствительностью: но главнымъ образомъ это зависитъ отъ количества силъ человѣка, отъ запасовъ энергіи. отъ интенсивности питанія. какимъ располагаетъ его организмъ: интенсивная жизнь имѣетъ естественнымъ своимъ дополненіемъ экстенсивность, жажду творчества. борьбы.

Не надо думать однако, что орнаментирующее, украшающее, декоративное искусство есть единственное искусство активныхъ душъ. Въ своемъ стремленіи къ идеалу онѣ не только украшаютъ города, себя самихъ и своихъ близкихъ, свои жилища, но и въ свободныхъ созданіяхъ искусства рисуютъ свой идеалъ или этапы къ нему: они изображаютъ совершеннаго человѣка, либо со стороны физической въ мраморѣ. или красками, либо, со стороны его эмоцій. въ музыкѣ, либо, разсказывая о немъ, въ поэзіи. Они изображаютъ также человѣка, стремящагося къ совершенству: его боевые инстинкты, его сильныя страсти, напряженную мысль и волю. Наконецъ, они обрушиваются на дѣйствительность; они ярко подчеркиваютъ все дурное, гадкое въ ней, они указываютъ пальцами на то, чего человѣкъ безъ нихъ и не замѣтилъ бы, они раскрываютъ передъ нимъ гнойныя раны его духа. Всѣ эти роды искусства могутъ быть названы *реалистическимъ идеализмомъ*, потому что всѣ они ведутъ къ идеалу, стремленіе къ нему имѣютъ своею сущностью, но идеалъ этотъ принадлежитъ землѣ, самъ онъ во всѣхъ своихъ чертахъ и всѣ пути, которые къ нему ведутъ, не выходятъ за предѣлы реальнаго.

Первый родъ реалистическаго идеализма, т. е. изображеніе совершенной жизни, какъ цѣли стремленій, свойственъ тѣмъ обществамъ, которыя, гармонично развиваясь, съ спокойной надеждой идутъ къ схверхчеловѣчеству, къ человѣкобогу; этотъ родъ искусства можетъ быть названъ *классическимъ*: мѣра, гармонія, улыбающійся покой—его отличительныя черты.

Второй и третій роды, т. е. изображеніе стремящагося человѣка

этой „стрѣлы, направленной къ другому берегу“, этого „моста къ совершенству“, со всей его внутренней раздвоенностью, порывами, муками творчества, плодотворнымъ смятеніемъ души, постигшей добро и зло, увидѣвшей свѣтъ впереди и мракъ и грязь вокругъ; и затѣмъ изображеніе этого мрака и этой грязи, чтобы заставить брата-человѣка рвануться отъ нихъ къ свѣту, могутъ быть названы *романтизмомъ бури и натиска*. Всѣ эпохи возрожденія полны и такими людьми, и рисующими ихъ произведеніями. Такое искусство вообще присуще обществамъ и классамъ, развивающимся путемъ борьбы.

Но люди могутъ идти и по другому пути. Отчаявшись въ улучшеніи міра и, оставляя его лежать во злѣ, они ищутъ спасенія въ искусствѣ, какъ самодовлѣющей формѣ бытія. Реалисты-идеалисты хотятъ въ вѣкахъ и поколѣніяхъ превратить въ произведеніе искусства самую землю, и все современное искусство служитъ въ ихъ глазахъ либо украшенію земли, либо воспитанію совершеннаго человѣка, или, по меньшей мѣрѣ, человѣка борца за совершенство, напротивъ, у сторонниковъ чистаго искусства оно есть конечная цѣль, — вырваться изъ душнаго, грубаго міра дѣйствительности, отдохнуть, свободно мечтая, воплощая свои грезы въ звукахъ, камняхъ, краскахъ, словахъ, или любуясь такими воплощеніями,—вотъ чего они хотятъ. Но лишь немногіе утонченные эстеты являются чистыми художниками, огромное и страждущее большинство человѣчества, разувѣрившись, подъ гнетомъ горя, стихійныхъ бѣдствій и общественной несправедливости, въ возможности найти реальное счастье на землѣ, жаждетъ того же реальнаго счастья или хотя идеализированнаго покоя, отдохновенія, мира за предѣлами земного. Тогда искусство становится символомъ небеснаго счастья. Этотъ родъ искусства можно назвать *мистическимъ идеализмомъ*. Онъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ и по содержанію отличается отъ всѣхъ родовъ идеалистическаго искусства реалистовъ: принадлежа людямъ, отчаявшимся въ жизни, людямъ усталымъ и больнымъ, онъ избѣгаетъ всего бодраго, жизнерадостнаго, сильнаго, онъ рисуетъ все, отъ чего вѣетъ покоемъ, грустью, тишиною. Въ pendant къ романтизму идеалистическому существуетъ *мистическій романтизмъ*; онъ также изображаетъ человѣка стремящагося къ идеалу, но такъ какъ идеалъ этотъ трансцендентенъ, то и герой такого романтика-художника есть аскетъ или мистикъ, въ которомъ осталось мало земного. Искусство этого рода свойственно классамъ безнадежно угнетеннымъ или отмирающимъ.

Рядомъ съ художественнымъ идеализмомъ существуетъ и *художественный реализмъ*. Основой его является по преимуществу *типичность* и его значеніе, главнымъ образомъ, познавательное: онъ даетъ узнать окружающую дѣйствительность или пережитыя историческія эпохи. Если въ немъ нѣтъ чертъ романтическаго отрицанія дѣйствительности, то онъ характеризуетъ собой застой,

самодовольство, свойственные такимъ принципіально ограниченнымъ классамъ, какъ практическая буржуазія *).

Мы не можемъ распространяться здѣсь о происхожденіи и фактической исторіи искусства, ни объ обычныхъ его дѣленіяхъ, тѣмъ болѣе, что въ этомъ отношеніи можно сказать мало новаго. Но для насъ важно выяснить одинъ, такъ сказать, имманентный законъ развитія искусства, опредѣляющій собою важную черту прогрессивной эволюціи вообще.

По какимъ законамъ развивается искусство? Мы знаемъ, что наука, искусство (а также философія и религія) развиваются въ опредѣленномъ обществѣ и тѣсно связаны съ развитіемъ его структуры, а слѣдовательно съ развитіемъ того общественно-біологическаго или *хозяйственнаго* базиса, который лежитъ въ основѣ общества. Возникая на той же почвѣ, что и хозяйство, т. е. на почвѣ приспособленія организмомъ среды къ своимъ потребностямъ, искусство, какъ стремящееся къ удовлетворенію не нуждъ, грозящихъ смертью, а лишь свободныхъ своихъ запросовъ, дарующихъ радость, можетъ расцвѣсть лишь тогда, когда первоначальныя потребности удовлетворены, хотя бы временно. Развитіе искусства самымъ непосредственнымъ образомъ связано съ развитіемъ техники, что ясно само собою. Появленіе класса богатыхъ и праздныхъ сопровождается появленіемъ спеціалистовъ художниковъ. Будучи даже вполнѣ матеріально независимыми, спеціалисты художники невольно отражаютъ въ своихъ произведеніяхъ идеалы, думы и страсти, которыми волнуется классъ наиболѣе имъ близкій; еще чаще художникъ работаетъ для представителей господствующихъ классовъ, и тогда вынужденъ приноравливаться къ ихъ требованіямъ. Каждый классъ, имѣя свои представленія о жизни и свои идеалы, налагаетъ свою собственную печать на искусство, придавая ему тѣ или иныя формы, то или иное значеніе; связь искусства съ религіей, а религіи съ дѣйствительностью, опредѣляющей тотъ или иной характеръ идеала, никогда не отрицалась. Выростая вмѣстѣ съ опредѣленной культурой, наукой и классомъ, искусство вмѣстѣ съ нимъ и падаетъ.

Было бы, однако, поверхностнымъ утверждать, что искусство не обладаетъ своимъ собственнымъ закономъ развитія. Теченіе воды опредѣляется русломъ и берегами его: она то разстилается мертвымъ прудомъ, то стремится въ спокойномъ теченіи, то бурлитъ и пѣнится по каменистому ложу, падаетъ водопадами, поворачивается направо или налѣво, даже круто загибаетъ назадъ, но какъ ни ясно, что теченіе ручья опредѣляется желѣзной необходимостью внѣшнихъ условій, все же сущность его опредѣлена законами гидродинамики, законами, которыхъ

*) Подробнѣе о соціологической подкладкѣ этихъ родовъ искусства см. мою статью „Морисъ Метерлинкъ“,—Образованіе“ 1902 г. №№ 10 и 11.

мы не можемъ познать изъ внѣшнихъ условій, а только изъ знакомства съ самой водою,

Такъ точно и искусство, опредѣляясь во всѣхъ своихъ судьбахъ судьбою своихъ носителей. тѣмъ не менѣе рязвивается по внутреннимъ своимъ законамъ.

Если намъ дано извѣстное сложное явленіе, напр., музыкальная симфонія, а мы не имѣемъ еще приспособленій къ тому, чтобы оріентироваться въ этомъ явленіи, то мы должны сперва затратить массу усилій на то, чтобы разобраться въ немъ: мы слышимъ хаосъ звуковъ, то намъ кажется, что мы уловили нить, то снова все разбѣгается въ ирраціональныя, безпорядочныя, повидимому, группы звуковъ. До эстетической эмоціи далеко. Прежде всего вы испытываете досаду, а подъ конецъ сильное утомленіе, быть можетъ головокруженіе и головную боль, результатъ жизнеразности перерасхода. Но вотъ вы слышите ту же симфонію во второй, въ третій разъ: звуки какъ бы текутъ по проложеннымъ уже прежде путямъ,—вы узнаете ихъ, вамъ все легче оріентироваться, внутренняя логика, музыкальная архитектура пьесы выступаетъ все ярче, неясны только отдѣльныя детали. Съ каждымъ новымъ опытомъ эти детали просвѣтляются, и всю пьесу вы встрѣчаете, какъ старую знакомую, вамъ легко воспринимать ее, вашъ слухъ словно подсказываетъ все, что будетъ, помнитъ все прозвучавшее и царитъ надъ всею симфоніей. Теперь этотъ міръ звуковъ кажется вамъ гармоничнымъ, легкимъ, онъ ласкаетъ ухо, въ то же время онъ будитъ цѣлую сложную гамму чувствъ въ вашей душѣ, потому что радость, горе, тоска порывъ отваги слышатся въ этихъ звукахъ. Всякое явленіе, по мѣрѣ привычки къ нему, становится знакомымъ, доступнымъ, а если въ немъ есть элементы прекраснаго, то они и выступаютъ на первый планъ. Тутъ дѣйствуетъ такъ называемая сила привычки. Нервы приспособляются постепенно къ воспріятію даннаго явленія, для этой цѣли требуется все меньшій расходъ энергіи. И вотъ однажды придя на концертъ вы снова услышите ту же симфонію и скажете „ахъ, опять эта... ужъ сыграли бы что-нибудь новенькое“. Вы не сможете сосредоточить свое вниманіе на музыкѣ, вы будете смотрѣть вокругъ и, если не найдется развлеченія, вы зѣваете: *пьеса надоѣла вамъ,* она не въ силахъ поглотить все наличное количество энергіи въ слуховомъ аппаратѣ и центрахъ сознанія, что грозитъ жизнеразностью перенакопленія, тѣмъ болѣе, что разъ вы пошли спеціально слушать музыку, значитъ перенакопленіе было уже налицо.

Для того, чтобы оцѣниваемое явленіе, ставъ привычнымъ, потомъ не надоѣло, надо, чтобы оно обладало все новыми внутренними сокровищами; но немного есть душъ, которыя умѣютъ выжать весь внутренній смыслъ изъ произведенія; подавивъ лимонъ на сколько хватаетъ силъ, его отбрасываютъ хотя въ немъ еще много соку. Нѣкоторыя двери въ великихъ произведе-

ніяхъ навсегда заперты для большинства, и, посѣтивъ и осмотрѣвъ все отпертое, средній человѣкъ начинаетъ, зѣвая, бродить по заламъ. Поэтому-то искусство вынуждено усложняться. Статуи извѣстнаго мастера давно примелькались, онѣ превосходны, нѣтъ спору, но мы ужъ давно проходимъ мимо нихъ по форуму, почти не замѣчая ихъ; если новый мастеръ поставитъ рядомъ статую въ томъ же духѣ, чѣмъ удивитъ онъ насъ? мы едва скользимъ по ней равнодушнымъ взоромъ. Нѣтъ! онъ долженъ дать нѣчто новое, болѣе сложное, онъ долженъ вести насъ впередъ; пусть ощущеніе будетъ богаче, мы оцѣнимъ его красоту, хотя бы для этого требовалась нѣсколько большая затрата энергіи: вѣдь мы ужъ привыкли цѣнить и понимать прекрасное.

Такъ отъ правильно-симметричныхъ, простыхъ статуй ваяніе идетъ къ все большей свободѣ: позы становятся живыми, типы разнообразятся, чѣмъ дальше, тѣмъ больше: фигуры же не только смотрятъ въ зеркало или красиво склоняются на палицу, онѣ мечутъ диски, онѣ бѣгутъ, онѣ страдаютъ, плачутъ, мускулы вздуваются въ усиліи, лица искажаются; потомъ статуи начинаютъ расти непомѣрно,— вѣдь надо обратить вниманіе, отличиться отъ древнихъ, превзойти ихъ. А между тѣмъ выдумать новое и болѣе совершенное данный народъ или классъ уже не въ состояніи, гонимый жаждой новизны и оригинальности, онъ забываетъ о красотѣ, на мѣсто ея являются любопытные типы, занимательные сюжеты, живописное, экстравагантное. Въ поискахъ за новымъ основательно забываютъ старое, публика, наслаждаясь новымъ щекотаніемъ нервовъ, пряной приправой сатиры, отвращенія, сластолюбія, не замѣчаетъ какъ страшно пало искусство, и лишь позднѣйшія поколѣнія съ удивленіемъ констатируютъ его паденіе. Во всѣхъ искусствахъ и во всѣ эпохи развитіе шло такими путями.

Значитъ ли это, что развитіе искусства всегда циклично всегда приводитъ къ упадку? Нѣтъ, конечно. Что искусство должно расти и усложняться, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, но развѣ это неминуемо ведетъ къ вычурности? Развѣ невозможно вкладывать въ искусство все больше внутренняго содержанія, развѣ можетъ существовать апогей, nec plus ultra красоты? Такъ же мало, какъ и конечная точка въ развитіи науки, въ развитіи человѣческой психики, человѣческаго общества. Но *данный* классъ, народъ, *данная* культура, дойдя до апогея, быть можетъ, оказываются безсильными идти впередъ. Давъ блестящіе образцы искусства, художникъ долженъ снова и снова превосходить себя, но гдѣ взять еще болѣе высокое содержаніе, новыя идеи, новые духовные горизонты, если общество пошло на убыль, если народъ распался на враждебныя силы, потерялъ свое достоинство, вѣру въ свою миссію и своихъ боговъ? если классъ, подъ напоромъ враждебныхъ силъ и благодаря вырожденію, весь состоитъ изъ жалкихъ эпигоновъ? Культура, общество идутъ внизъ, а искусство продол-

ает развиваться, оно тщится дать все болѣе роскошные цвѣты, о они оказываются страннымъ пустоцвѣтомъ.

А между тѣмъ новая нація, новый классъ не начинаютъ амъ, гдѣ кончали старые. Тутъ дѣйствуетъ другой законъ, законъ тносительности красоты. То, что легко и привычно для васъ, рудно для меня и наоборотъ, потому что привычки наши разныя, о, что является желаннымъ для васъ, меня оставляетъ равноушнымъ. Прибавимъ къ этому, что новый классъ или раса азвиваются обыкновенно во враждѣ съ прежде господствоваими и привыкаютъ ненавидѣть ихъ культуру. Поэтому фактиескій ходъ развитія культуры прерывистъ. Въ разныхъ мѣстахъ въ разное время начинало строить человѣчество и, достроивъ о предѣловъ возможнаго, клонилось къ упадку, не потому, чтобы стрѣтилась невозможность объективная, а потому, что возможость субъективная была подорвана.

Но позднѣйшее поколѣніе, съ развитіемъ души, т. е. богатства ассоціацій, съ разграниченіемъ принциповъ оцѣнки, съ остомъ историческаго смысла и чувства, все болѣе научается бъективно наслаждаться всѣми искусствами: и великолѣпно-чуовищная, словно бредъ опіофага, пагода индійцевъ, и подавляще-тяжеловѣсные, ярко расцвѣченные храмы египтянъ, и эллинкое изящество, и экстазы готики, и бурная жизнерадостность енессанса становятся понятными и цѣнными, потому что новому еловѣку, *всечеловѣку* не чуждо ничто человѣческое; подавляя днѣ ассоціаціи, подчеркивая другія, онъ изъ глубинъ своей сихики вызываетъ настроеніе индуса, египтянина, не вѣруя, ожетъ умилиться молитвой ребенка, не жаждая крови, быть адостно потрясеннымъ сокрушительнымъ гнѣвомъ Ахиллеса, огружаясь въ бездонное глубокомысліе Фауста, съ улыбкой сморѣть забавный фарсъ или игривую оперетку.

Конечно, эта отзывчивость на искусство всѣхъ эпохъ и народовъ можетъ убить самостоятельное творчество, собственный тиль, можетъ сдѣлать насъ эклектиками, но это лишь въ томъ лучаѣ, если у насъ не хватитъ организующихъ силъ, если у асъ не будетъ собственнаго идеала, если мы будемъ скучаюими туристами и праздными зрителями, если мы будемъ поисывать для почитывающихъ, порисовывать для посматриваюихъ. Но если то страстное броженіе, которымъ полны недовольые элементы современнаго общества, та жажда жизни, солнца, армоніи общественной жизни, свободы и солидарности, за успѣами которыхъ мы слѣдимъ съ радостной тревогой, одержатъ ерхъ, то человѣчество выйдетъ на большую дорогу эстетичекаго развитія. Уже видны кое-гдѣ элементы красоты будущаго: ти огромныя зданія изъ стали съ изумительнымъ полетомъ небъятныхъ аркадъ, о какихъ не снилось ни одной культурѣ до асъ, свѣтлыя, стройныя, это чудное декоративное искусство ювиса и его школы, умѣющихъ, не нарушая гармоніи зданія,

дать намъ безконечныя, то грустныя, то веселыя перспективы, идеализированную природу и людей, настраивающихъ насъ, словно музыка, на торжественный ладъ, это развитіе художественной индустріи, проникающее, по свидѣтельству утонченнѣйшаго эстета Уайльда, даже въ хижины,—все это элементы будущаго. Грядетъ новое народное искусство, для котораго заказчикомъ явится не богачъ, а народъ.

Народъ жаждетъ лучшаго будущаго, народъ—идеалистъ искони, но его идеалы становятся все болѣе реалистическими по мѣрѣ того, какъ онъ сознаетъ свои силы; онъ все болѣе готовъ теперь предоставить небеса небеснымъ существамъ и жить земною жизнью, расширяя и поднимая ее, безпредѣльно. Содѣйствовать росту вѣры народа въ свои силы, въ лучшее будущее, искать раціональныхъ путей къ этому будущему—вотъ задача человѣка; украсить посильно жизнь народа, рисовать сіяющія счастьемъ и совершенствомъ картины будущаго, а рядомъ—все отвратительное зло настоящаго, развивать чувство трагическаго, радость борьбы и побѣдъ, Прометеевскихъ стремленій, упорной гордости, непримиримаго мужества, объединять сердца въ общемъ чувствѣ порыва къ сверхчеловѣку—вотъ задача художника.

Смыслъ жизни есть жизнь. Возникнувъ на землѣ, жизнь стремится сохраниться, но окрѣпнувъ въ борьбѣ, она принимаетъ наступательный характеръ: мы не хотимъ беречь жизни, какъ мѣщанинъ бережетъ гроши въ сундукѣ; жаждая ея расширенія, мы пускаемъ ее въ оборотъ, чтобы она росла въ тысячахъ предпріятій. Смыслъ жизни для человѣка есть ея расширеніе... Расширенная, углубленная, полная жизнь и все, что ведетъ къ ней, есть красота, она возбуждаетъ восторгъ, даетъ чувствовать счастье, она не имѣетъ и не хочетъ имѣть никакой цѣли внѣ себя. И человѣкъ создавая идеалъ будущей побѣдной красоты, чувствуетъ, какъ ничтожно то, чего онъ можетъ пока достигнуть лично для себя, и, объединивъ свои усилія съ усиліями братьевъ по идеалу, онъ творитъ въ большомъ масштабѣ, для вѣковъ; что за дѣло, если онъ не увидитъ законченнымъ построеніе храма, онъ оставляетъ его въ рукахъ человѣчества, наслаждаясь постепеннымъ приближеніемъ къ вѣнцу зданія, и находитъ свое счастье въ самой борьбѣ, въ самомъ творчествѣ. Вѣра активнаго человѣка есть вѣра въ грядущее человѣчество, его религія есть совокупность чувствъ и мыслей, дѣлающихъ его сопричастникомъ жизни человѣчества и звеномъ въ той цѣпи, которая тянется къ сверхчеловѣку, къ существу прекрасному и властному, къ законченному организму, въ которомъ жизнь и разумъ отпразднуютъ побѣду надъ стихіями. Можемъ ли мы быть въ этомъ увѣрены? Одинъ изъ религіознѣйшихъ людей въ мірѣ писалъ: „Мы спасены въ надеждѣ. Надежда же, когда видитъ, не есть надежда, ибо если кто видитъ, чего ему надѣяться?“ Не вѣра—увѣренность въ фатальномъ наступленіи

ства счастья, дѣлающая насъ пассивными, дѣлающая лишними ги усилія, а вѣра—надежда—вотъ сущность религіи человѣтва: она обязываетъ способствовать по мѣрѣ силъ смыслу зни, т. е. ея совершенствованію или, что то же, красотѣ, заючающей въ себѣ добро и истину, какъ необходимыя условія редпосылки своего торжества.

Разсчитывать же на міръ потусторонній, активные люди не :аютъ и не могутъ, ибо тотъ міръ, если и существуетъ, то ·, въ виду трансцендентности своей, никакъ себя намъ не объяетъ, и разсчеты на боговъ могутъ сильно обмануть *людей* и азить ихъ дѣятельность, тѣмъ болѣе, что боговъ мы не виъ и не слышимъ, вѣсти отъ нихъ получаемъ лишь черезъ)едство жителей Нефелококкигіи, „заоблачно-кукушечнаго" (а превыспреннихъ метафизиковъ и туманнорѣчивыхъ мистиь, повидимому, узловой станціи между небомъ и землей. Мы вы сказать вмѣстѣ съ Прометеемъ:

„Кто мнѣ помогъ
Съ титанами бороться?
Кто спасъ меня отъ смерти,
Отъ рабства?
Не все-ль ты само совершило
Святое, пламенное сердце?
Не пламенѣло-ль молодо и благо,
Обмануто, признательностью ты
Тому, что въ небѣ спитъ?
Мнѣ чтить тебя Зевесъ? За что?
Бывало-ль, чтоб'ы скорбь ты утолилъ
Обремененнаго?
Когда ты слезы осушилъ
У угнетеннаго?
Иль мужа изъ меня сковали
Не время всемогущее,
Не вѣчная судьба,
Мои владыки и твои!
Иль думалъ ты,
Что я возненавижу жизнь,
Бѣгу въ пустыни, потому
Что сны цвѣтущіе не всѣ
Созрѣли въ яви?
Я здѣсь сижу, творю людей
По образу и лику моему,
Мнѣ равное по духу племя,
Страдать и плакать,
И ликовать и наслаждаться,
И на тебя не обращать вниманья,
Какъ я...

И, прибавимъ, больше и лучше, чѣмъ я. Дѣло не въ томъ ,ко, чтобы порождать жизнь рядомъ съ собою, но творить ее ıе себя. Если сущность всякой жизни есть самосохраненіе, кизнь прекрасная, благая, истинная есть самосовершенство-

ваніе. То и другое, конечно, не можетъ быть втиснуто въ рамки индивидуальной жизни, а должно быть отнесено къ жизни вообще. Единственное благо, единственная красота есть совершеннѣйшая жизнь.

А. Луначарскій.

...торитарная метафизика и автономная личность.

Vage. and insignificant forms of speech, and abuse of language, have so long passed for mysteries of science; and hard or misapplied words, with little or no meaning, have, by prescription, such a right to be mistaken for deep learning and height of speculation; that it will not be easy to persuade either those who speak or those who hear them, that they are but the covers of ignorance and hinderance of true knowledge.

Локкъ.

Lust—tiefer noch als Herzeleid:
Weh spricht: Vergeh!
Doch alle Lust will Ewigkeit.

Ницше.

Das *Jenseits ausser Uns* ist allerdings weggefegt, und das grosse Unternehmen der Aufklärer vollbracht; allein das *Jenseits in Uns* ist ein neuer Himmel geworden und ruft Uns zu erneutem Himmelsstürmen auf.

Hast Du schon einen Geist gesehen? „Nein, Ich nicht, aber meine Grossmutter".

Максъ Штирнеръ

Читатель помнитъ, какъ Тургеневъ воскресилъ на мгновеніе ...внихъ боговъ:

„...И что было во мнѣ силы я закричалъ:—Воскресъ! воскресъ ...икій Панъ!

„И тотчасъ же, о чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по ...му широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный ...отъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. „Онъ воскресъ! ...ъ воскресъ!" шумѣли молодые голоса.—Все тамъ, впереди, ...запно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, ...гавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ ...овъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна

волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

. . . .

„Впереди несется богиня. Она выше и прекраснѣе всѣхъ,— колчанъ за плечами, въ рукахъ лукъ, на поднятыхъ кудряхъ серебристый серпъ луны...

„Діана, это—ты?

„Но вдругъ богиня остановилась... и тотчасъ вслѣдъ за ней остановились всѣ нимфы. Звонкій смѣхъ замеръ. Я видѣлъ, какъ лицо внезапно онѣмѣвшей богини покрылось смертельной блѣдностью; я видѣлъ, какъ окаменѣли ея ноги; какъ невыразимый ужасъ разверзъ ея уста, расширилъ глаза, устремленные вдаль... Что она увидала? Куда глядѣла она?

„Я обернулся въ ту сторону, куда она глядѣла...

На самомъ краю неба, за низкой чертою полей, горѣлъ огненной точкой золотой крестъ на бѣлой колокольнѣ христіанской церкви...“

Нѣчто подобное переживаетъ наша литература за послѣдніе годы. „Воскресъ великій Панъ, воскресъ!“ несется побѣдный кличъ по стогнамъ отечественной литературы. „Жива великая, божественная метафизика, мы призваны возродить ее во всемъ сіяніи ея вѣчной красоты и истины!“ вопіютъ на разные голоса новоявленные пророки древняго и, казалось, безвозвратно погребеннаго исторіей абсолюта. Но увы, какъ мало похожъ воскресающій на великаго, свѣтлаго Пана, это улыбающееся божество непосредственной радости существованія... Напротивъ, его можно скорѣе принять за блѣдный призракъ той силы, которая нѣкогда убила это свѣтлое божество. За то наши „вакханки“ и „дріады“ не блѣднѣютъ, не таютъ въ воздухѣ, встрѣчаясь съ проявленіями духа живой жизни, безпощадно разрушающаго алтари любезнаго ихъ сердцу бога,—наоборотъ, тутъ-то вакхическій концертъ ихъ и достигаетъ своего апогея: громомъ тимпановъ, трескомъ кастаньетъ, торжествующей пѣсней любви къ абсолюту они пытаются заглушить голосъ „позитивизма“. То гордо выставивъ грудь впередъ, обдаютъ они потокомъ презрѣнія жалкаго „эмпирика“, интересующагося только конкретнымъ и преходящимъ; то, бія себя въ перси, мечутъ громы нравственнаго негодованія на гнуснаго „гедониста“ и „солипсиста“, конспирирующаго противъ автократіи моральнаго принципа; то, наконецъ, проникаются жалостью къ слѣпому „матеріалисту“, не видящему небесной красоты высшихъ сферъ умозрѣнія и потому вынужденному довольствоваться метафизикой осязательнаго, самой плохой изъ возможныхъ метафизикъ. Въ заключеніе, утомившись отъ всѣхъ этихъ видовъ декламаціи, жрецы абсолюта объявляютъ позитивизмъ безнадежно погибшимъ, уничтоженнымъ, по крайней мѣрѣ *морально*. Да и фактически положеніе его, по мнѣнію противниковъ, не завидно: „идеалистическая струя“, просочившаяся въ

нашу литературу всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, успѣла уже превратиться въ могучій потокъ, уносящій съ собою все сколько-нибудь видное и талантливое, всю нашу „духовную аристократію“, за позитивизмъ, сбитый со всѣхъ позицій, упорно продолжаетъ цѣпляться лишь духовная чернь, люди или безнадежно тупые, или безнадежно невѣжественные.

Бѣдный позитивистъ совершенно подавленъ воплями и чревовѣщаніями абсолюта, онъ уже видитъ передъ собою разверстую пасть геенны огненной, готовую поглотить его грѣшное тѣло,— „души“ у позитивиста, какъ извѣстно, не полагается...

Но полно? Дѣйствительно ли всѣ эти жупелы „гедонизмъ“, „эмпиризмъ“ и даже „солипсизмъ“ такъ страшны, какъ малюетъ ихъ метафизическая кисть?

Отвѣта приходится искать, конечно, въ самомъ святилищѣ чистаго умозрѣнія, тамъ, гдѣ „фабрикуются идеалы“ и совершаются прочія мистеріи абсолюта. Но прежде чѣмъ добраться до этой возвышенной области, необходимо хоть отчасти освободить себя отъ эмпирическія скверны въ чистилищномъ огнѣ преддверія метафизики.

Преддверіе это зовется „гносеологіей“.

I.

„Гносеологія составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ безсмертныхъ заслугъ Канта: анализируя человѣческое сознаніе, Кантъ на ряду съ субъективнымъ психологическимъ содержаніемъ открылъ въ немъ сферу трансцендентальнаго, область „общеобязательныхъ“ формъ. Таковы: пространство, время, законъ причинности. Всѣ эти понятія не могутъ быть разсматриваемы, какъ продуктъ опыта,—наоборотъ, лишь благодаря имъ безпорядочный матеріалъ воспріятій и становится для нашего познанія „опытомъ“, т. е. предметомъ изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ „категоріи“ (причинность—у Канта ихъ было, кромѣ нея, еще цѣлыхъ 11) и „формы чистаго созерцанія“ (пространство, время) апріорны, сверхъэмпиричны. Однако, онѣ въ то же время имѣютъ существенное отличіе отъ чисто метафизическихъ понятій, каковы „свобода“, „causa sui“, „вещь въ себѣ“ и т. п. Послѣднія не только не являются результатомъ познанія, но не могутъ быть и его орудіемъ. Всякая попытка приложить ихъ къ эмпирическому матеріалу приводитъ къ плоскимъ противорѣчіямъ; только чистое „умозрѣніе“ способно безопасно пользоваться ими для своего высшаго „синтеза“. Преклоняясь передъ авторитетомъ этой верховной инстанціи въ сферѣ „духа“, познаніе не осмѣливается отвергать метафизическія понятія, какъ безсмысленныя сочетанія буквъ; оно почтительно слагаетъ предъ ними оружіе, объявляя ихъ „грани-

цами" своихъ полномочій. Въ противоположность метафизическимъ „идеямъ", категоріи примѣняются къ эмпирическому матеріалу изслѣдованія и только къ нему одному. „Апріорность" есть лишь сверхъопытная санкція ихъ вѣчной, внѣвременной, „объективной" пригодности въ качествѣ *орудій* эмпирическаго познанія.

Такимъ образомъ возможность объективнаго познанія разъ навсегда поставлена Кантомъ внѣ всякихъ сомнѣній. Эта утѣшительная истина была затѣмъ на тысячу ладовъ повторена блестящей плеядой позднѣйшихъ гносеологовъ, сначала просто кантіанцевъ, потомъ *нео*кантіанцевъ. Одно только маленькое обстоятельство до сихъ поръ не удалось установить съ полной точностью: что же въ сущности означаетъ эта „объективность" „общеобязательность" или „общезначимость" (Allgemeingültigkeit) познанія?

Существуютъ двѣ школы гносеологовъ. Одни—ихъ мнѣнія пропагандируетъ у насъ г. Бердяевъ—понимаютъ общеобязательное въ познаніи *нормативно*, какъ рядъ предписаній, которымъ мы *должны* слѣдовать, если желаемъ истины. Другіе—къ нимъ примыкаетъ г. Струве—видятъ въ объективномъ не нормы долженствованія, а *естественные законы* мышленія, законы, которымъ мы *не можемъ* не слѣдовать. Для первой школы истина есть абсолютно-цѣнное въ познаніи,—для второй—необходимое въ познаніи, моментъ цѣнности выступаетъ въ воззрѣніяхъ второй школы, какъ вторичный: разъ выясненная естественная необходимость въ познаніи eo ipso пріобрѣтаетъ характеристику цѣннаго. Въ первомъ случаѣ мы должны (въ смыслѣ Sollen) признать данную категорію, потому что она имѣетъ познавательную цѣнность, во второмъ—данная категорія имѣетъ познавательную цѣнность именно потому, что мы должны (въ смыслѣ Müssen) ее признать.

Первую точку зрѣнія можно характеризовать такъ же, какъ *этическую*. „Очевидность есть,—говоритъ одинъ изъ ея крупнѣйшихъ представителей, Риккертъ,—съ психологической точки зрѣнія чувство удовольствія, отличающееся той особенностью, что оно придаетъ сужденію внѣвременное значеніе и сообщаетъ ему такую цѣнность, которая не создается никакимъ другимъ чувствомъ удовольствія" *). Не эмпирически измѣнчивая и преходящая матерія, а тотъ отблескъ абсолюта, который отбрасываетъ на нее неизмѣнная познавательная форма, пробуждаетъ интеллектуальный интересъ, питаетъ лежащее въ основѣ познанія чувство вѣчнаго, внѣвременнаго.

Г. Бердяевъ, исходя изъ такой же постановки вопроса, не согласенъ, однако, признать познавательный импульсъ *этическимъ* долженствованіемъ; причемъ вся аргументація его заключается

*) Цит. по предисловію г. Струве къ книгѣ г. Бердяева: „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. XLIV.

пока *) въ слѣдующей фразѣ: „Истинное съ точки зрѣнія теоріи познанія есть должное, а не сущее, хотя познавательно должное не тождественно съ нравственно должнымъ, а только параллельно ему". Очевидно, что это вовсе даже не аргументація, а просто отводъ. Терминъ „параллельный" представляетъ незамѣнимое удобство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда извѣстное слово никакъ не удается наполнить опредѣленнымъ познавательнымъ содержаніемъ и въ то же время почему-нибудь очень не хочется отказаться отъ него.

И этическая, и познавательная цѣнность, какъ понимаетъ послѣднюю нормативная школа, имѣетъ своимъ единственнымъ опредѣленіемъ предикатъ абсолютнаго. Въ сферѣ же абсолютнаго невозможны уже никакія дальнѣйшія различенія. Какъ и всѣ конечныя абстракціи, съ которыми оперируетъ метафизика, „абсолютное" лишено положительнаго содержанія. Отсутствіе зависимости и измѣнчивости - вотъ все, что мыслятъ люди, произнося слово „абсолютный", Поэтому абсолютное не можетъ имѣть родовъ и видовъ; классификація абсолютовъ—логическій абсурдъ; „различіе" абсолютовъ есть уже ихъ ограниченіе. Все абсолютное—только абсолютно; если оно имѣетъ еще какіе-нибудь признаки, то оно уже относительно.

Итакъ, если нормативная школа гносеологовъ ищетъ *абсолютно* цѣннаго въ познаніи—а въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія—то критерій ея неизбѣжно совпадаетъ съ этическимъ. Абсолютная цѣнность и есть цѣнность этическая, — это простая тавтологія.

Г. Струве находитъ, что обязательность познавательной нормы можетъ быть скорѣе характеризована, какъ принудительность факта, нежели какъ принудительность этическаго велѣнія **).

Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ признавать нравственный долгъ, какъ таковой, и въ то же время практически *отрицать*, не подчиняясь его велѣніямъ. Признаніе долга и выполненіе его не только не совпадаютъ между собою необходимо, но именно въ этой возможности конфликта между этическимъ закономъ и фактическимъ направленіемъ воли и состоитъ специфическая характеристика *должнаго*. Истину можно также признавать и не признавать; но признать истину,—это значитъ *уяснить* себѣ, что мы неизбѣжно пользуемся ею въ процессѣ мышленія. Слѣдовательно сознательное примѣненіе истины и есть ея признаніе; никакого конфликта здѣсь представить себѣ нельзя. Отождествлять этически должное съ познавательно истиннымъ, — это значитъ, по мнѣнію г. Струве, погашать differentia specifica, устранять въ безсознательной абстракціи ту самую проблему, анализъ которой и составляетъ задачу изслѣдованія.

---

*) „Проблемы идеализма", стр. 96. Г. Бердяевъ обѣщаетъ вернуться къ этой темѣ въ особой статьѣ.

**) См. цитированное выше „Предисловіе", особенно стр. XXVII, XXVIII.

Какимъ же образомъ я прихожу къ убѣжденію въ *объективности* того, что дано мнѣ просто, какъ неустранимый изъ сознанія фактъ? Откуда я почерпаю увѣренность въ томъ, что естественные законы, открытые въ непосредственно анализируемомъ мною матеріалѣ моего познанія, имѣютъ принудительную силу для всякаго вообще познанія?

Методъ гносеологіи есть методъ „чистаго описанія", здѣсь не должно быть никакихъ метафизическихъ предпосылокъ, предрѣшающихъ результаты изслѣдованія. Въ этомъ смыслѣ г. Струве называетъ теорію познанія „позитивной". Противъ такого опредѣленія не протестуетъ и г. Бердяевъ.

Анализируя процессы своего мышленія. г. Струве приходитъ къ открытію ихъ естественнаго закона, закона *тождества*. „Когда *кто-нибудь* (курсивъ вездѣ нашъ. В. Б.) дѣлаетъ такъ называемую логическую ошибку,—пишетъ г. Струве,—это происходитъ прежде всего отъ того, что элементы или содержанія, надъ которыми оперируетъ его логическое мышленіе, отличаются недостаточною ясностью. Такъ *я* неясно схватываю признаки *А* и только поэтому могу ошибочно отождествить его съ *В*, которое есть не *А*... *Мы* должны мыслить согласно законамъ тождества и противорѣчія прежде всего въ томъ смыслѣ, что мы съ естественною необходимостью повинуемся этимъ законамъ въ нашемъ мышленіи" *).

Здѣсь „прежде всего" возникаетъ вопросъ, откуда въ процессъ мышленія г. Струве внѣдрился этотъ „кто-нибудь", дѣлающій логическія ошибки, какимъ образомъ „кто-нибудь" превратился въ „я", и въ заключеніе принялъ опять всеобщую (allgemeingültige) форму „мы". Такъ какъ для г. Струве обязательность закона тождества есть принудительность факта, а не принудительность долженствованія (послѣднее дѣйствительно не знаетъ „я" и „ты"), то онъ имѣетъ право сказать лишь слѣдующее: Во всѣхъ моихъ сужденіяхъ я открываю законъ тождества, я не могу кромѣ того представить себѣ ни одного сужденія, не подчиняющагося этому закону, и такимъ образомъ констатирую *въ моемъ мышленіи даннаго момента* законъ тождества, какъ неустранимый фактъ. Что касается другихъ людей, то сужденія ихъ мнѣ непосредственно не даны, я знаю только ихъ „высказыванія". Комбинаціи высказываній другихъ людей я разсматриваю какъ сужденія лишь постольку, поскольку, пользуясь аналогіей со своими собственными высказываніями, соединяю съ ними тотъ „смыслъ", какой имѣютъ соотвѣтственные словесные символы у меня. Слѣдовательно, высказыванія „кого-нибудь" могутъ стать для меня сужденіями лишь послѣ того, какъ я *привнесу* въ нихъ мои собственныя сужденія. Разумѣется, эта операція удается лишь въ томъ случаѣ, если лежащая въ основѣ ея аналогія оправдывается на дѣлѣ. Въ противномъ случаѣ я получаю сочетанія элемен-

*) Ibid. XXVII.

товъ, которые въ моемъ сужденіи въ такой связи не могли бы объединиться, и тогда я говорю, что сужденіе „кого-нибудь“ есть логическая ошибка.

Но оставимъ въ сторонѣ „другого“. Даже въ ограниченной области собственнаго сознанія принудительность факта не даетъ еще никакого права говорить о его „объективности“, непреходящей „значимости“ для меня. Любой „предразсудокъ“, упроченный долговременной привычкой, легко пріобрѣтаетъ въ моихъ глазахъ характеръ безусловной неустранимости, чего-то неотъемлемо присущаго сознанію. Завтра я, быть можетъ, пойму, что это только „предразсудокъ“, т. е. упрочившееся представленіе будетъ вытѣснено другимъ, но сегодня, пока ничто другое не существуетъ еще для меня, какъ возможная антитеза, я совершенно не имѣю критерія для того, чтобы рѣшить, что представляетъ изъ себя данный неустранимый фактъ моего сознанія — вѣчную истину, или привычную ложь.

Самая постановка вопроса съ точки зрѣнія чистаго описанія, очевидно, совершенно неправильна. Разъ я только описываю, терминъ „существующее“, „бытіе“ не можетъ означать для меня ничего иного, кромѣ „непосредственно найденнаго“ („vorgefundenes Авенаріуса) этимъ описаніемъ. Между тѣмъ, когда я приписываю „объективность категоріи, непосредственно констатированной мною лишь въ данныхъ познавательныхъ актахъ, я тѣмъ самымъ утверждаю, что категорія „существуетъ“ внѣ той связи и тѣхъ отношеній, въ которыхъ я ее непосредственно открылъ. Но вѣдь это все равно, что сказать „мною найдено нѣчто не найденное“.

Въ безысходномъ тупикѣ этой несуществующей проблемы и вращается вся гносеологическая аргументація, поскольку она стремится фактъ даннаго мышленія истолковать, какъ вѣчный законъ разума. Чѣмъ-то архаически-школьнымъ, какимъ-то дыханіемъ сѣдой старины вѣетъ отъ всѣхъ этихъ попытокъ связать „неустранимость“ изъ даннаго сознанія съ „воспроизводимостью“ во всякомъ сознаніи... Ба, и въ самомъ дѣлѣ! Изъ-за спины почтенной гносеологіи намъ киваютъ наши старые знакомцы, Анзельмъ и Ѳома Аквинскій съ ихъ знаменитымъ „онтологическимъ“ аргументомъ: „то, что я мыслю, какъ необходимое, не можетъ не существовать независимо отъ моихъ мыслей“. А еще говорятъ, что опроверженіе всякой онтологіи „составляетъ одну изъ безсмертныхъ заслугъ Канта!“ И кто это только распускаетъ такія превратныя толкованія? Онтологическій аргументъ преблагополучно здравствуетъ и понынѣ.

Не лучше обстоитъ дѣло съ нормативнымъ критеріемъ истины.

„Прямо поразительно,“ до какой степени эмпирики не понимаютъ своеобразнаго характера трансцендентально-критической проблемы, поставленной величайшимъ изъ философовъ“, патети-

чески восклицаетъ г. Бердяевъ *). „Психологическій субъективизмъ“, по мнѣнію этого философа, совершенно законенъ, но „гносеологическій субъективизмъ“ совершенно не законенъ и обращаетъ истину въ „субъективную иллюзію“. „Теоріи могутъ быть относительными, временными, онѣ исторически возникаютъ, какъ полезныя, и выбрасываются, какъ вредныя, но истина всегда абсолютна, всегда равна самой себѣ“. Правда, истина можетъ быть „психологически недоступна“ человѣчеству, или опредѣленному классу людей, если она въ данный моментъ вредна ему, но это нимало не подрываетъ ея объективнаго значенія. „Если даже погибнетъ человѣчество, погибнетъ наша солнечная система, народятся новые міры, безконечно отличные отъ нашего, возникнутъ формы жизни и сознанія, не имѣющія почти ничего общаго съ нашимъ, логическій законъ тождества останется въ прежней силѣ, трансцендентальное сознаніе не измѣнится ни на одну іоту“.

Спрашивается, какимъ образомъ, при помощи какой „способности своего духа“ гносеологъ открываетъ, что *данная* норма, „законъ тождества“, имѣетъ внѣвременный характеръ? Умозаключеніе отъ *данной* нормы къ ея „объективности“, къ ея „абсолютной“ цѣнности невозможно — это онтологическій аргументъ. Столь же невозможно умозаключеніе отъ голой формы „объективности“ къ какому-либо конкретному содержанію, обладающему этой объективностью. Какъ бы высоко ни было развито во мнѣ „чувство вѣчности“, какимъ бы познавательнымъ энтузіазмомъ ни наполняла меня идея „внѣвременности“, это нимало не поможетъ мнѣ разобраться въ конкретномъ матеріалѣ моего познанія, рѣшить, что въ немъ временно и что внѣвременно. Вѣдь самъ же г. Бердяевъ признаетъ, что вѣчная истина можетъ быть „психологически недоступна“ людямъ. Съ другой стороны, то, что люди считаютъ въ данный моментъ истиной, абсолютно цѣннымъ въ познаніи, всегда можетъ оказаться психологически неизбѣжнымъ заблужденіемъ. Что же гарантируетъ г. Бердяева отъ того, что законъ тождества не есть психологически неизбѣжное заблужденіе современнаго человѣчества? Не только для всякаго возможнаго познанія не имѣлъ г. Бердяевъ права аподиктически постулировать законъ тождества, но даже по отношенію къ своему собственному завтрашнему познанію могъ онъ высказать этотъ тезисъ лишь *гипотетически*. „Есть вѣчная неизмѣнная истина! Но я о ней ничего не знаю. Быть можетъ, все, признаваемое мною за истину, кажется мнѣ таковымъ лишь потому, что дѣйствительная истина мнѣ „психологически недоступна“. Быть можетъ, она даже вообще никогда не была и не будетъ доступна человѣчеству. Во всякомъ случаѣ человѣкъ лишенъ возможности узнать, является ли исповѣдуемая имъ

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ“, стр. 33.

истина дѣйствительной, или только психологически неизбѣжнымъ заблужденіемъ". Вотъ все, что имѣетъ право сказать объ истинѣ теорія абсолютной цѣнности. Очевидно, это не слишкомъ много. Необходимъ какой-либо признакъ, стоящій *внѣ понятія абсолютной цѣнности*, для того, чтобы установить, какія именно содержанія моего мышленія могутъ претендовать на абсолютизмъ. И всего естественнѣе, что на дѣлѣ такимъ признакомъ окажется опять-таки „неустранимость" изъ даннаго фактическаго сознанія.

Итакъ, съ какого бы конца мы ни начали, мы никогда не выбьемся изъ заколдованнаго круга. „Неустранимое" изъ моего сознанія не совпадаетъ съ „общеобязательнымъ"; объединить ихъ можно или метафизически, допустивъ между ними предустановленную гармонію, или же путемъ безсознательнаго раздвоенія самого критерія истины, въ зависимости отъ того, къ кому онъ примѣняется.

Возможенъ такого рода „синтезъ". Я констатировалъ въ своемъ сознаніи нѣчто неустранимое; но такъ какъ во мнѣ сильно развито чувство „внѣвременнаго" и такъ какъ для меня, конечно, очень желательно, чтобы этимъ „внѣвременнымъ" оказалось какъ разъ то, безъ чего я не могу мыслить свое собственное сознаніе,—то я и постулирую неустранимое для меня, какъ нравственно должное для всѣхъ другихъ. *Психологически* такая комбинація представляется намъ очень вѣроятной по отношенію къ человѣку, сознающему себя автономной личностью, и въ то же время снѣдаемому ненасытимымъ „алканіемъ" абсолюта. Однако, въ *теоріи* съ этимъ не согласится, конечно, ни одинъ гносеологъ. Объективное не терпитъ двойной бухгалтеріи, оно существуетъ для „всякаго" сознанія, для сознанія „вообще" совершенно такъ же, какъ для моего *даннаго* сознанія. Признать нѣчто естественнымъ закономъ для меня и нравственнымъ закономъ для другихъ—значитъ не обосновать, а наоборотъ, отвергнуть „объективность" этого нѣчто.

Все это прекрасно. Но вѣдь „чувство очевидности", объединяющее въ себѣ и сознаніе *невозможности* отступить отъ даннаго закона и *преклоненіе* передъ его „внѣвременностью", есть фактъ, лежащій въ основѣ нашего познанія. Слѣдовательно гносеологія, какъ наука описательно-аналитическая, не можетъ его отвергнуть, она обязана признать его, какъ таковой.

Мы и не думаемъ сомнѣваться въ томъ, что чувство внѣвременнаго свило себѣ прочное гнѣздо въ душѣ каждаго истиннаго гносеолога: намъ кажется только, что гносеологи не доводятъ свой анализъ до конца, не уясняютъ самимъ себѣ съ полной отчетливостью, съ чѣмъ именно связано у нихъ это чувство.

„Общезначимое" въ смыслѣ гносеологіи, какъ ясно изъ всего предыдущаго, отнюдь не тождественно съ „общепризнаннымъ". Общепризнанное, санкціонированное мнѣніемъ большинства или

хотя бы всѣхъ людей, не можетъ быть критеріемъ истины для автономно познающаго ума. Не то, что соотвѣтствуетъ взглядамъ эмпирически данныхъ людей, а то, что „сообразно съ природой“ человѣческаго интеллекта, какъ таковаго, можетъ гносеологія, не унижая своего достоинства, признать истиннымъ *). Приступая къ анализу своего „я“, гносеологъ уже *заранѣе* одушевленъ увѣренностью, что тамъ на ряду съ эмпирическимъ онъ найдетъ сверхъэмпирическое. Уже самая постановка гносеологической проблемы *предполагаетъ*, что „сущность“ каждаго даннаго человѣка, составляетъ всечеловѣкъ, „истинно“-„вѣчно“,-„неизмѣнно“-человѣческое. Но человѣкъ, понимаемый не какъ абстракція, не какъ простой классификаторскій терминъ „homo“, а какъ a priori эмпирическаго человѣка, есть, очевидно, *платоновская, „идея“ человѣка.*

Da liegt der Hund begraben! Мы попали въ тихую пристань метафизики, прежде чѣмъ успѣли отчалить отъ берега. Правда, мы и раньше знали, что въ морѣ гносеологическихъ проблемъ встрѣтятся метафизическія скалы, которыя намъ придется лишь констатировать и обойти, ибо средствами гносеологіи „преодолѣть“ ихъ нѣтъ возможности. Однако, основываясь на увѣреніяхъ самого отца гносеологіи Канта, мы ожидали, что метафизическія понятія встанутъ передъ нами, какъ *предѣлы* нашихъ изысканій. На дѣлѣ оказывается, что мы даже выступить въ путь не можемъ безъ метафизики, что самый компасъ, которымъ намъ предстоитъ руководиться, можетъ указывать только на полюсъ „умозрѣнія“. Метафизика опредѣляетъ собою не границы гносеологіи, а самую ея возможность, самую постановку ея проблемы; *гносеологія всецѣло покоится на метафизической предпосылкѣ.*

Будемъ ли мы понимать человѣка—„идею“ въ смыслѣ Платона, какъ прототипъ, существующій внѣ конкретныхъ людей, или вмѣстѣ съ Аристотелемъ признаемъ его „потенціей“, дѣйствующей въ каждомъ эмпирическомъ человѣкѣ, или, наконецъ, выберемъ какую-нибудь иную формулу, менѣе рѣжущую современное „критическое“ ухо, хотя бы и ужасную для уха музыкальнаго, напр., „трансцендентальное единство апперцепціи“,—это ничуть не мѣняетъ дѣла. Во всякомъ случаѣ мы допускаемъ здѣсь неизмѣннаго „носителя“ эмпирически измѣнчивыхъ процессовъ познанія. Только такой „носитель“, никакимъ анализомъ не открываемый и никакому описанію недоступный, можетъ питать наше „чувство внѣвременнаго“.

Наиболѣе популярную и наиболѣе на первый взглядъ убѣ-

*) Мы оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ объ „общезначимости“ въ *относительномъ* и *эволюціонномъ* значеніи этого слова. Та „общезначимость“ формъ мышленія, которая фактически сложилась въ процессѣ развитія и подобно, напр., „общезначимости“ того или другого слова, является условіемъ взаимнаго пониманія людей, которая всегда условна и ограничена, очевидно, *логически* не имѣетъ ничего общаго съ абсолютной „общезначимостью“, о которой идетъ дѣло въ кантіанской гносеологіи.

дительную формулировку метафизическая предпосылка гносеологіи получаетъ, когда въ „трансцендентальномъ человѣкѣ“ выдвигается на первый планъ *дѣйственный* моментъ. Трансцендентальный человѣкъ не только пассивный хранитель или носитель нормъ познанія, но и активный *субъектъ* его. Познавать нѣчто—значитъ дѣлать это нѣчто своимъ объектомъ. Но „объекта вообще“ не существуетъ; можетъ быть лишь мой, твой, однимъ словомъ *чей-нибудь* объектъ; короче: безъ субъекта нѣтъ объекта. Предпосылкой всякаго познанія является здѣсь „я“ — познающій.

Вполнѣ ясно и отчетливо формула эта была выставлена еще Декартомъ; cogito ergo sum, т. е. существуетъ мышленіе, слѣдовательно существуетъ и „я“ — мыслящій. Кантъ полагалъ, что Декартъ только констатируетъ здѣсь „самоизвѣстность“ мышленія, непосредственную *данность* его. Но откуда взялось тогда „я“? Это „я“ есть уже „фальсификація факта“, говоритъ Ницше, это уже *истолкованіе* процесса и не принадлежитъ ему самому. Мы умозаключаемъ здѣсь по старой грамматической привычкѣ: мышленіе есть дѣятельность, каждая дѣятельность предполагаетъ того, кто дѣйствуетъ, слѣдовательно“... *)

Въ послѣкантовское время формула „познавать=быть субъектомъ познанія“ съ особенной энергіей защищалась Шопенгауэромъ. Шопенгауэръ характеризуетъ „познающее я“ словами Упанишадъ: Не видимо, но все видитъ; не слышимо, но все слышитъ; не знаемо, но все знаетъ; не познаваемо, но все познаетъ“. „Итакъ,—продолжаетъ онъ,—не существуетъ *познанія познанія*, такъ какъ въ противномъ случаѣ субъектъ долженъ былъ бы обособиться отъ познанія и въ то же время познавать это познаніе, что невозможно. На возраженіе: „Я не только познаю, но также знаю, что я познаю“, я отвѣтилъ бы: твое знаніе о томъ, что ты познаешь, лишь по способу выраженія отлично отъ самого познанія. „Я знаю, что я познаю“ говоритъ не больше, нежели „я познаю“, а это послѣднее безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія, не больше, нежели просто „я“ **).

Тутъ съ полной отчетливостью выступаетъ и фиктивность понятія „субъектъ“ и полнѣйшая ненужность его для познанія. Субъектъ не можетъ быть познанъ, ибо познаніе его предполагаетъ новаго субъекта, субъекта въ квадратѣ, по отношенію къ которому первый являлся бы лишь объектомъ. Второй субъектъ требуетъ для своего познанія субъекта въ кубѣ и т. д. до безконечности. Предположивъ познаваемость субъекта, мы попадаемъ въ порочный кругъ. Но, съ другой стороны, всякое слово имѣетъ право на существованіе лишь постольку, поскольку оно служитъ опорою мысли, т. е. представляетъ не простое сочетаніе безсмысленныхъ звуковъ, а извѣстное „понятіе“, характеризуемое опре-

---

*) Jenseits von Gut und Böse. § 27.
**) Ueber den Satz vom Grunde... § 41.

дѣленными признаками; внѣ познавательнаго содержанія, внѣ всякихъ признаковъ понятіе немыслимо, оно превращается въ пустое слово. Итакъ, приписать „субъекту“ какое-либо познавательное содержаніе — это значитъ превратить его въ объектъ, т. е. *уничтожить* его, какъ таковой; но допустить непознаваемость субъекта, отсутствіе въ немъ всякаго познавательнаго содержанія,—это значитъ опять таки *уничтожить* его, признаться, что с-у-б-ъ-е-к-т-ъ—сочетаніе буквъ, не имѣющее никакого смысла. Тѣ опредѣленія, которыя Шопенгауэръ словами Упанишадъ пытается все же приписать субъекту, ничего въ сущности не даютъ; они лишь констатируютъ, что въ данномъ случаѣ самая грамматическая форма сужденія, унаслѣдованная нами отъ эпохи анимизма, оказывается несостоятельной. Грамматика требуетъ субъекта и предиката. Этотъ логическій дуализмъ есть лишь выраженіе метафизическаго. Дуалистическая метафизика, расчленяя всякій процессъ на дѣйственное начало и пассивный матеріалъ, создаетъ, между прочимъ, фиктивное понятіе субъекта познанія и „противостоящаго“ ему объекта.

„Но,—восклицаетъ г. Бердяевъ, —отрицать гносеологическій апріоризмъ можно только замалчиваніемъ великой проблемы... Что-нибудь изъ двухъ—или всякій самый элементарный актъ познанія, первый въ исторіи міра, уже требуетъ нѣкоторыхъ логическихъ предпосылокъ въ познающемъ субъектѣ, или этотъ первичный актъ познанія былъ результатомъ одного объекта безъ всякаго субъекта, выводъ чудовищный по своей логической нелѣпости“. Выводъ дѣствительно нелѣпый, но только потому, что у г. Бердяева по уничтоженіи субъекта какимъ-то чудомъ остался „одинъ объектъ“, между тѣмъ какъ, очевидно, эти соотносительныя понятія и возникаютъ, и исчезаютъ вмѣстѣ. „Великая проблема“ состоитъ именно въ томъ, чтобы уяснить себѣ полнѣйшую познавательную безполезность метафизическаго противопоставленія „субъектъ“—„объектъ“. Не только первый въ мірѣ, но и рѣшительно всякій актъ познанія стоитъ совершенно внѣ этой противоположности. То, что обыкновенно называютъ содержаніемъ познанія, зрительные, слуховые и т. п. элементы и комплексы элементовъ, лишь въ томъ случаѣ окажется *объектомъ*, если мы уже заранѣе знаемъ, что есть „воспринимающій“ ихъ субъектъ. Но какъ разъ необходимость этого послѣдняго мы и отрицаемъ. Только грамматическая привычка заставляетъ говорить „*я* соединяю представленія, я образую понятія и т. п.“. Для *описанія* познавательнаго процесса этотъ „я“ совершенно не нуженъ. Приведенныя выше фразы говорятъ ровно столько же, какъ и слѣдующія: „представленія соединяются“, „понятія образуются“ и т. п.

Различеніе психическаго и физическаго, конечно, чрезвычайно важно для познанія, но эта проблема не имѣетъ ничего общаго съ гносеологической. Во-первыхъ, „я“, какъ *совокупность* психическихъ процессовъ, отнюдь не тождественно съ „я“, пони-

маемымъ, какъ дѣйствующее начало познанія. Я = субъектъ противопоставляетъ себя не только физическому, но и психическому міру, поскольку оно познаетъ послѣдній, т. е. дѣлаетъ психическіе процессы и состоянія своимъ „объектомъ". Во-вторыхъ, раздѣленіе психики отъ физики является не предпосылкой, а *результатомъ* познанія. Психическое и физическое, „я" и „внѣшній міръ" представляютъ изъ себя лишь условные классификаторскіе термины, общія обозначенія различныхъ способовъ сочетанія одного и того же познавательнаго матеріала.

„Я не вижу,—пишетъ Э. Махъ,—никакой противоположности между физическимъ и психическимъ, но констатирую полную идентичность ихъ элементовъ... Передо мною лежитъ листъ растенія. Зеленый цвѣтъ (A) листа связанъ съ извѣстнымъ оптическимъ ощущеніемъ пространства (B), съ извѣстнымъ осязательнымъ ощущеніемъ (C) и съ зрительнымъ воспріятіемъ солнца или лампы (D)... Но тотъ же зеленый цвѣтъ связанъ и съ процессомъ въ моей сѣтчаткѣ. Ничто принципіально не мѣшаетъ мнѣ подвергнуть этотъ процессъ въ моемъ глазу совершенно такому же изслѣдованію, какое примѣнено выше, и разложить его на элементы X, Y, Z... A въ своей зависимости отъ B, C, D есть *физическій* элементъ, въ своей зависимости отъ X, Y, Z то же A есть уже *ощущеніе* и потому можетъ быть разсматриваемо, какъ элементъ *психическій*. Но зеленый цвѣтъ (A) *самъ по себѣ* не измѣняетъ своей природы отъ того, направляемъ ли мы наше вниманіе на одну или на другую форму зависимости". (Die Analyse der Empfindungen, § 35) *).

Какимъ бы путемъ сознаніе ни приходило къ расчлененію себя на внѣшнее и внутреннее, для насъ важно одно: обѣ эти сферы, включая въ себя одинъ и тотъ же первоначальный матеріалъ, представляютъ широкія обобщенія, *абстракціи отъ очень и очень многихъ познавательныхъ актовъ*. Внѣшнее и внутреннее воспріятіе

*) Признакъ, установленный здѣсь Махомъ, предполагаетъ уже значительное развитіе *научныхъ* методовъ наблюденія. Историческое, *донаучное* сознаніе нѣсколько иначе приходитъ къ понятіямъ „я" и „внѣшній міръ". Опредѣляющимъ моментомъ является здѣсь *независимость* „вещи" отъ „меня". Пусть въ моментъ t въ сознаніи дано воспріятіе A, высказываемое, какъ „береза". Въ связи съ одной комбинаціей элементовъ сознанія (когда, напр., человѣкъ поворачивается къ березѣ спиною) воспріятіе A исчезаетъ, въ связи съ другой („человѣкъ опять обращаетъ лицо къ березѣ") появляется вновь. Опытъ показываетъ, что A, исчезнувшее въ моментъ t и A, возникшее въ моментъ t' въ связи съ указанными комбинаціями элементовъ, если и не вполнѣ тождественны между собой, то во всякомъ случаѣ въ своемъ измѣненіи нимало *не зависятъ* отъ того, какими содержаніями наполнено было сознаніе въ теченіе промежутка времени отъ t до t'. Ср. Авенаріуса: Der menschliche Weltbegriff. S. 14—15. См. также Оствальда: „Натурфилософія", стр. 54, 55. Обстоятельное описаніе этого процесса было дано еще Миллемъ, идеи котораго развиваетъ Тэнъ въ своей работѣ „De l'intelligence" „Объ умѣ и познаніи". Надо замѣтить, впрочемъ, что установленное послѣдними понятіе матеріи, какъ „перманентной возможности ощущеній" слишкомъ легко даетъ поводъ къ метафизическимъ „истолкованіямъ".

... какъ справедливо говорятъ, восприятіе посредственное и непосредственное, вовсе не даны намъ, какъ исходная точка психологическаго анализа, но предполагаютъ уже опредѣленную метафизическую теорію. Чистое описаніе имѣетъ передъ собою элементы и комплексы элементовъ, относительно которыхъ *первоначально* нельзя еще сказать, относятся ли они къ внѣшнему или внутреннему міру: какъ непосредственно „найденные“, они лежатъ внѣ этой противоположности.

Работа чистаго описанія крайне затрудняется тѣмъ, что нашъ языкъ носитъ на себѣ печать своего происхожденія въ эпоху метафизическаго мышленія. Почти каждое слово, съ которымъ приходится оперировать, въ самомъ своемъ построеніи включаетъ уже метафизическую предпосылку. Таковы всѣ термины психологіи: „восприятіе“, „представленіе“, „созерцаніе“: всѣ они указываютъ на какое-то нѣчто, стоящее внѣ непосредственно данныхъ элементовъ и являющееся „субъектомъ“ созерцающей, воспринимающей и т. п. дѣятельности“. Даже сравнительно новый терминъ „переживаніе“ (Erlebniss) успѣлъ уже получить специфическій привкусъ метафизики: подъ нимъ начинаютъ разумѣть не комплексъ элементовъ, не разложенныхъ еще анализомъ, а метафизическое тріединство представленія, чувства и воли, разъединяемыхъ познаніемъ, но тождественныхъ въ своей непознаваемой сущности.

Непригодность историческихъ словъ для описанія, чуждаго гипотезъ, приводитъ Оствальда къ мысли о созданіи искусственнаго научнаго языка. Авенаріусъ сдѣлалъ даже практическую попытку говорить на своемъ собственномъ языкѣ, однако и это не спасло его отъ „истолкованій“ въ духѣ традиціонной метафизики *) и его желаніе „lieber nichtverstanden, als missverstanden“ оказалось невыполнимымъ.

*) Авенаріусъ находитъ (см. предисловіе къ „Kritik der r. Erfarung“ и къ „Der menschliche Weltbegriff“), что такіе термины, какъ „сознаніе“, „непосредственно данное“, неудобны въ качествѣ исходной точки, ибо съ ними связывается опредѣленная, а именно *идеалистическая* „теорія“. Но его „эмпиріокритическая предпосылка“ страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ; противопоставленіе индивидуума средѣ сильно соблазняетъ метафизика „истолковать“ эмпиріокритическую предпосылку въ духѣ *матеріализма*. И дѣйствительно, Вунтъ, напр., считаетъ эмпиріокритицизмъ „въ сущности“ матеріализмомъ (см. его „Введеніе въ философію“). Недоразумѣніе совсѣмъ уже комическаго характера произошло съ г. Бердяевымъ. Сбитый съ толку своеобразной терминологіей Авенаріуса (исходя, вѣроятно, изъ „предпосылки“, что все мало понятное по существу своему спиритуалистично), онъ благосклонно причислилъ его къ „идеалистамъ“, а Богданова, пытавшагося формулировать тотъ же строй мыслей популярнымъ языкомъ, съ негодованіемъ отнесъ къ „матеріалистамъ“. Обоготвореніе формы, какъ „вѣчнаго“ въ познаніи въ противоположность измѣнчивому матеріалу, настолько пропитываетъ собою душу метафизика, что для него совершенно не понятна точка зрѣнія, стоящая внѣ этой противоположности. Сомнѣніе позитивиста въ существованіи вѣчныхъ формъ познанія, отсутствіе у него чувства вневременнаго страшно раздражаетъ метафизика, воспринимается какъ оскорбленіе „всего святого“ въ человѣкѣ. Но оскорблять абсолютъ возможно только

Созданіе научнаго языка не можетъ явиться результатомъ произвольнаго соглашеніе ученыхъ; только постепенно складывающіеся и упрочивающіеся навыки позитивнаго мышленія способны привести къ необходимой „реформѣ“. Но какъ бы то ни было, познавательная ненужность метафизическаго или грамматическаго субъекта въ его противоположности объекту ясна и при современномъ состояніи языка.

Въ субъектѣ познанія мы открываемъ одну изъ тѣхъ „силъ“, которыя когда-то правили физическимъ міромъ, подчиняли его себѣ. какъ свое „проявленіе“, но отъ которыхъ въ настоящее время наука очистила по крайней мѣрѣ внѣшній міръ. Современная физика видитъ въ „силѣ“ лишь простое обозначеніе группы сходныхъ фактовъ. Если мы говоримъ, что тѣла притягиваются между собою, *потому что* между ними дѣйствуетъ „сила притяженія“, то мы наименованіе проблемы принимаемъ за ея рѣшеніе. Сказать „сила протяженія“—совершенно то же самое, что сказать: въ каждомъ конкретномъ случаѣ, который мы наблюдали, тѣла сближались между собой, причемъ мы могли констатировать такія-то и такія-то количественныя соотношенія скоростей.

Нѣтъ такого вопроса, отвѣтомъ на который являлось бы „я—познающее“. Это „я“ есть лишь привычный пунктъ успокоенія отъ всякихъ вопросовъ: своей устойчивостью оно обязано не запросамъ ума, а потребности чувства, и именно чувства *религіознаго*.

Въ самомъ дѣлѣ: какъ мы уже видѣли, отъ формальнаго понятія „объективнаго“ („абсолютнаго“ тожъ) нѣтъ умозаключенія къ объективности *данныхъ* формъ моего познанія, съ другой стороны отъ даннаго факта нѣтъ также ни малѣйшей возможности умозаключить къ его общеобязательности. Только *вѣра* можетъ установить недостающую здѣсь связь. Передъ гносеологіей открывается поэтому такая альтернатива. Если она хочетъ быть наукой, она только путемъ самообмана, путемъ непроизвольной фальсификаціи анализа („психологически неизбѣжной“ для метафизика) можетъ считать себя побѣдительницей „солипсизма“. Если же она во что бы то ни стало хочетъ „преодолѣть“ солипсизмъ, она не можетъ остаться наукой; не научный анализъ, а чудесное откровеніе должно быть тогда ея базисомъ. Только признавъ познавательныя категоріи откровеніемъ абсолюта, я дѣйствительно избѣгаю солипсическаго жупела.

въ угоду какого-либо другого абсолюта, еще болѣе возвышеннаго, ибо только безумецъ способенъ сказать въ сердцѣ своемъ „нѣтъ абсолюта“. Позитивистъ толкуетъ все время объ эмпирически данныхъ элементахъ сознанія, ихъ комплексахъ. Umgebungsbestandteile и т. п. Ясно, что эта эмпирическая матерія познанія и есть его абсолютъ! Такимъ образомъ, вѣрующій метафизикъ, непроизвольно укладывая всякое міровоззрѣніе въ привычныя рамки, принимаетъ при анализѣ позитивизма матерію, какъ данное содержаніе познанія, за „матерію“ -сущность или высшую „категорію“ познанія.

„Объективное познаніе возможно лишь въ Богѣ“, утверждали Декартъ, Гелинксъ, Мальбраншъ, всѣ такъ называемые *догматическіе* философы. „Познаніе возможно лишь въ Богѣ“, думалъ самъ Кантъ въ періодъ своихъ докритическихъ сомнѣній. „Человѣкъ способенъ познавать объективную истину въ силу своей способности къ объективному познанію“, провозгласила, наконецъ Критика чистаго разума. Это великое открытіе, навсегда „преодолѣвшее“ и философскій „догматизмъ“ и философскій скептицизмъ“, не устаютъ до сихъ поръ воспѣвать хоры вѣрующихъ гносеологовъ.

„Способенъ въ силу способности!“ Vermöge eines Vermögens! Вотъ поистинѣ „circulus vitiosus Deus!“ Въ чемъ же притягательная сила этой пустой безсодержательной тавтологіи?

Да въ томъ, — отвѣчаетъ Ницше *), — въ чемъ, по мнѣнію Мольеровскаго врача, сила опіума:

Est in eo virtus dormitiva
Cujus est natura sensus assoupire!

Гносеологъ вовсе не занимается научнымъ изслѣдованіемъ; объятый энтузіазмомъ „внѣвременности“, онъ лишь слагаетъ гимнъ въ честь абсолюта, откровеніемъ котораго для него являются познавательныя нормы. Но, съ другой стороны, именно этотъ откровенный характеръ своей „науки“ гносеологъ тщательнѣе всего стремится скрыть и отъ другихъ, и отъ самого себя.

Запасшись эвфемизмами „a priori“, „чистое созерцаніе“, „категоріи чистаго разсудка“, онъ всѣми силами своей діалектики и логики пытается представить дѣло такъ, какъ будто бы абсолютъ „непосредственно данъ“ ему безъ всякаго сверхнаучнаго акта откровенія.

Кантіанская гносеологія — это одна изъ наиболѣе курьезныхъ комбинацій научнаго мышленія и мистическаго чувства; мы имѣемъ здѣсь передъ собою продуктъ „человѣческаго духа“, несравненно болѣе фантастическій по своему происхожденію, нежели тѣ „гиппогрифы“, которые играли когда-то такую крупную роль въ народной поэзіи.

II.

Итакъ, солипсизмъ?!...

Но слово это пугаетъ только метафизика, временная тѣлесная оболочка котораго есть лишь сосудъ для внѣвременнаго содержанія. Правда, матафизики утверждаютъ, что чувство внѣвременнаго живетъ во всякомъ человѣкѣ, что всѣ люди по „природѣ“

*) Jenseits von Gut und Böse. S. 21.

своей метафизики, и лишь по недостатку послѣдовательности многіе изъ нихъ не приходятъ къ сознанію своей надзвѣздной сущности. Г. Булгаковъ, напримѣръ, подвергая анализу душу Герцена, находитъ, что „драма“ ея состояла въ порывахъ религіознаго чувства, не достигшаго сомопознанія. Мы не будемъ останавливаться на этомъ и подобныхъ ему анализахъ, хотя въ большинствѣ случаевъ не трудно показать, что въ основѣ ихъ лежитъ чрезвычайно некритическое употребленіе слова „религіозный“. Для насъ важно лишь одно: отъ конкретной психики нѣтъ умозаключенія къ абсолютной человѣческой сущности; поэтому сколько бы позитивистовъ ни „разоблачили“ метафизики, имъ на этомъ *эмпирическомъ* пути никогда не удастся доказать, что чувство абсолютнаго есть основа *всякаго* человѣка.

Нѣтъ и не можетъ быть аргумента, который препятствовалъ бы признать чувство вѣчности, на ряду со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ психики, *историческимъ* явленіемъ. Мы въ правѣ допустить существованіе людей, для которыхъ „абсолютъ“—звукъ пустой, ничего не говорящій ни сердцу, ни уму,—и пишущій эти строки съ душевнымъ прискорбіемъ вынужденъ въ данный моментъ причислить себя къ этой категоріи. Для людей такого типа „вѣчность“ есть лишь разновидность того, что Гегель называетъ „дурной“ безконечностью, т. е. неопредѣленное число разъ повторяющееся представленіе границы и уничтоженія ея,—операція, способная, по справедливому мнѣнію философа, возбудить лишь скуку, а отнюдь не благоговѣніе.

Но не будетъ ли такой человѣкъ грубымъ, чувственнымъ гедонистомъ на практикѣ, почти что животнымъ? А въ познаніи? И тутъ ему врядъ ли удастся далеко уйти отъ животнаго. Не даромъ же „истинные“ философы присваиваютъ подобнаго рода людямъ наименованіе „позитивныхъ ословъ“.

Остановимся пока на познаніи, и попробуемъ найти такой пунктъ, гдѣ бы психологія „позитивнаго осла“, тупо пасущагося на зеленой нивѣ жизни, была хоть отчасти понятна возвышенному метафизику, гордо шествующему по выжженной солнцемъ абсолюта пустынѣ спекуляціи.

Мы уже видѣли, что абсолютъ лишь при помощи откровенія можетъ указать метафизику, что есть истина. Допустимъ, что откровеніе это совершилось. Логическіе законы и законъ причинности стоятъ незыблемо, какъ вѣчное и неизмѣнное въ познаніи, какъ нѣчто, впервые „конституирующее“ познаніе, какъ таковое.

Какъ мы знаемъ, единственнымъ двигателемъ метафизика въ его познавательной работѣ является связанное съ откровеніемъ абсолюта чувство внѣвременнаго; зеленая нива жизни съ ея непосредственными радостями и огорченіями не имѣетъ для „абсолютиста“ никакой самостоятельной „цѣнности“, и если онъ все-таки находитъ интересъ познавать эмпирическій міръ, то только

потому, что ни къ чему иному абсолютныя категоріи, къ сожалѣнію, не примѣнимы.

Представимъ себѣ теперь два случая дѣятельности познающаго ума Съ одной стороны, передъ нами Ньютонъ; пользуясь вѣчнымъ закономъ тождества, вырабатывая на основаніи его опредѣленные математическіе пріемы, онъ создаетъ дифференціальное исчисленіе. Съ другой стороны, возьмемъ современнаго студента, который, примѣняя тѣ же самые вѣчные законы, рѣшаетъ математическую задачу.

По всей вѣроятности очень многіе идеалисты согласятся съ нами, что работа этихъ двухъ познающихъ умовъ не равноцѣнна. Но почему такъ?

„Открыть дифференціальное исчисленіе несравненно труднѣе, нежели примѣнить его принципы къ данной конкретной задачѣ". Но, во-первыхъ, *въ каждомъ частномъ случаѣ* это можетъ быть и не вѣрно: не мало найдется студентовъ, которые тратятъ на изученіе дифференціальнаго исчисленія больше труда, нежели потратилъ Ньютонъ на его изобрѣтеніе. Во-вторыхъ, критерій *общественно-необходимаго* труда, если бы онъ даже и былъ примѣнимъ въ данной сферѣ, меньше всего могъ бы, конечно, удовлетворить „абсолютистовъ", - этотъ „механическій" критерій современный идеализмъ старается изгнать даже изъ производства.

„Изслѣдованіе студента ограничено узкой сферой данной ему задачи, за этими предѣлами выводы его не имѣютъ никакого значенія; между тѣмъ изобрѣтеніе Ньютона открыло широкіе горизонты для познанія въ цѣломъ для всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей". Но и это соображеніе для познавательнаго абсолютизма не можетъ имѣть никакой силы. Разъ единственнымъ моимъ двигателемъ въ познаніи является специфическое чувство, связанное съ *вѣчнымъ* характеромъ познавательныхъ категорій, *количество* матеріала, объединяемаго этими категоріями въ данномъ конкретномъ случаѣ, не можетъ быть для меня рѣшающимъ моментомъ. Признать познавательную работу тѣмъ болѣе цѣнной, чѣмъ шире матеріалъ, охватываемый данной категоріей — это значитъ отрицать чувство абсолютности, какъ познавательный импульсъ. Съ этой точки зрѣнія специфически познавательное чувство диктуется стремленіямъ овладѣть возможно большимъ эмпирическимъ матеріаломъ; категорія служитъ мнѣ лишь *орудіемъ* въ достиженіи этой цѣли. Но цѣль работы опредѣляетъ цѣнность орудія. Слѣдовательно, теперь категорія представляетъ для меня тѣмъ больше цѣнности, чѣмъ легче, удобнѣе я могу овладѣть при помощи ея даннымъ познавательнымъ матеріаломъ. Вопросъ объ „объективности", „абсолютности" познавательныхъ нормъ совершенно отпадаетъ: вполнѣ сознавая гипотетическій, произвольный характеръ даннаго пріема, я очень высоко цѣню его, разъ практика показываетъ, что онъ хорошо удовлетворяетъ своему назначенію.

Мы видимъ, что познаніе, руководимое чувствомъ внѣвременнаго, нуждается въ откровеніи не только въ своей исходной точкѣ, въ отысканіи „объективныхъ“ нормъ.—нѣтъ, рѣшительно каждый шагъ его требуетъ спеціальнаго откровенія абсолюта. Вопросъ о томъ, что надо изслѣдовать, какія проблемы имѣютъ наибольшую научную цѣнность, нимало не освѣщается объективнымъ характеромъ категорій. Всякая попытка сочетать познавательный абсолютизмъ съ „позитивнымъ“ направленіемъ точной науки приводитъ лишь къ самымъ уродливымъ комбинаціямъ,—я употребилъ бы слово, соотвѣтствующее нѣмецкому Missgeburt, если бы оно не звучало по-русски такъ грубо. Единственный путь возстановить нарушенную цѣлостность абсолютной точки зрѣнія—возвратъ къ среднимъ вѣкамъ: чтобы быть послѣдовательнымъ, абсолютистъ долженъ провозгласить извѣстную систему взглядовъ откровеннымъ ученіемъ и допустить познаніе лишь въ качествѣ „истолкователя“ этой системы; однимъ словомъ, теологію слѣдуетъ поставить не рядомъ съ наукой, какъ пытаются это сдѣлать метафизики, а *на мѣсто* науки.

Но вернемся къ нашей „позитивной“ точкѣ зрѣнія. Мы сказали, что категоріи „цѣнятся“ нами, какъ орудіе, позволяющее овладѣть эмпирическимъ матеріаломъ познанія. Что же значитъ „овладѣть“ познавательнымъ матеріаломъ? Вѣдь матеріалъ познанія—это весь міръ. Стремленіе „овладѣть“ міромъ, создать и удержать однѣ комбинаціи его элементовъ, устранить другія, составляетъ содержаніе всей вообще жизни человѣчества, всей его борьбы за существованіе. Какимъ же образомъ познаніе, являясь одной изъ формъ дѣятельности, направленной на измѣнчивыя, эмпирическія цѣли, можетъ пріобрѣсти устойчивый, независимый отъ данныхъ конкретныхъ цѣлей, специфически познавательный импульсъ?

Не вдаваясь въ исторію познавательнаго чувства, легко замѣтить, что именно роль познанія въ качествѣ орудія борьбы за конкретное и измѣнчивое, опредѣляетъ его относительную независимость отъ злободневныхъ интересовъ практики. Какой бы комплексъ міровыхъ элементовъ я ни стремился удержать или отстранить отъ себя въ данный моментъ, создать или разрушить, какіе бы гедоническіе мотивы мною при этомъ ни руководили,—очевидно, для успѣха моей работы крайне важно: во-первыхъ, сохранять въ памяти возможно большее число уже пережитыхъ комплексовъ, во-вторыхъ, предугадывать тѣ комплексы, съ которыми мнѣ еще предстоитъ встрѣтиться. Наука и состоитъ въ отысканіи такихъ пріемовъ, при помощи которыхъ лучше всего, т. е. съ наименьшей тратою труда, достигались бы обѣ эти цѣли. Отсюда уясняется критерій „истинности“ или „цѣнности“ познавательныхъ категорій. Пусть передо мною два пріема классификаціи матеріала данной научной области; я *избираю* тотъ изъ нихъ, другими словами, тотъ изъ нихъ признаю болѣе цѣн-

нымъ, болѣе истиннымъ, который позволяетъ мнѣ легче запомнить всѣ объединяемые классификаціей элементы. Очевидно, „критерій истины“ дѣйствуетъ лишь постольку, поскольку въ моемъ распоряженіи имѣются два или нѣсколько способовъ гармонизаціи одного и того же научнаго матеріала. Если у меня есть только *одна* категорія, т. е. если я не въ состояніи вообразить себѣ никакого иного способа гармонизаціи даннаго познавательнаго содержанія, я, конечно, могу назвать эту единственную категорію *безусловно* истинной. Но это вовсе не значитъ, что вмѣстѣ съ самой категоріей мнѣ „данъ“ и ея абсолютный характеръ: я просто констатирую здѣсь фактъ отсутствія чего-либо лучшаго. Всякая истинна абсолютна, когда рядомъ съ ней нѣтъ ничего *болѣе истиннаго:* où il n'y a rien le roi perd son droit.

На это, конечно, возразятъ, что устанавливаемая здѣсь *эвристическая* оцѣнка категорій не менѣе далека отъ чистаго описанія познавательнаго процесса, чѣмъ абсолютный критерій истины.

„Законы логики, открываемые мною въ процессѣ моего мышленія, я вовсе не разсматриваю, какъ орудія или средства для достиженія опредѣленной познавательной цѣли. Абсолютны они или относительны, но въ *моемъ данномъ* сознаніи я ощущаю ихъ какъ принудительную силу, какъ естественную необходимость мышленія. Достаточно ясно усмотрѣть признаки, отличающіе А отъ В, чтобы сужденіе А = В стало немыслимымъ. Мое мышленіе слѣдуетъ закону тождества совершенно независимо отъ того, полезенъ онъ или вреденъ и для чего именно онъ полезенъ,—мышленіе просто *не можетъ* не слѣдовать этому закону“.

Посмотримъ, дѣйствительно ли это такъ.

Терминъ „тождество“ имѣетъ двоякій смыслъ. Мы называемъ тождественными неразличимые элементы нѣсколькихъ данныхъ намъ комплексовъ воспріятія. Мы говоримъ, напримѣръ, что два сосѣдніе листа березы имѣютъ „одинаковый“ (тождественный) зеленый цвѣтъ А. Это значитъ, что, отвлекшись отъ всѣхъ иныхъ „признаковъ“ листовъ, отъ ихъ формы, ихъ положенія въ пространствѣ, отъ всего, кромѣ ихъ *цвѣта*, мы получимъ не два воспріятія, *а только одно*: А. Поэтому обычная формула А=А, написанная на бумагѣ, или произнесенная голосомъ, очень неудачно символизируетъ тождество. Если даже всѣ зрительные (или слуховые) элементы перваго и второго А вполнѣ неразличимы (или мы „отвлекаемся“ отъ ихъ различій), то уже самая разница въ ихъ пространственномъ (или временномъ) размѣщеніи дѣлаетъ ихъ нетождественными. Формула А=А не даетъ намъ возможности отвлечься отъ самаго факта *удвоенія* А; но именно невозможность никакого удвоенія, сопоставленія или противопоставленія и есть специфическая характеристика тождества, какъ неразличимости. Символъ его не „А=А“, а просто „А“—*элементъ*, какъ онъ намъ непосредственно данъ. „Тождество“ въ этомъ

смыслѣ является слѣдовательно не „закономъ мышленія“, не способомъ объединенія нѣсколькихъ элементовъ въ актѣ познанія, но констатаціей *отсутствія* всякаго матеріала для какого бы то ни было познавательнаго акта или „сужденія“.

„Тождество“ какъ *законъ*, есть нѣчто совершенно иное. Здѣсь оно выступаетъ уже какъ *правило*, предписывающее соблюдать разъ установленную связь двухъ совершенно *различныхъ* элементовъ, а именно связь между даннымъ комплексомъ воспріятія и даннымъ символомъ его, „высказываніемъ“. Какъ бы филологи ни объясняли происхожденіе словъ, для познанія, анализирующаго свои процессы, слово есть *произвольный* символъ воспріятія; мы можемъ замѣнить любое слово алгебраическимъ знакомъ — ходъ нашего мышленія отъ этого нимало не пострадаетъ. Законъ логическаго тождества требуетъ только, чтобы въ теченіе всего процесса мышленія данный символъ обозначалъ именно данный комплексъ элементовъ, а не какой-либо иной.

Обладаетъ ли „тождество“ въ *этомъ* смыслѣ, въ томъ единственномъ смыслѣ, въ какомъ оно только и является „закономъ мышленія“, принудительною силою необходимости? Очевидно, нѣтъ. Ничто не препятствуетъ намъ постоянно мѣнять значеніе словъ, употреблять каждое изъ нихъ въ самыхъ разнообразныхъ смыслахъ.

Исторія знаетъ даже попытку построить „систему мышленія“ внѣ закона тождества. Я имѣю въ виду гегелевскую діалектическую логику. Возьмемъ для иллюстраціи тріаду: „бытіе=небытіе= возникновеніе“.

„Начиная мыслить, — говоритъ Гегель,—мы не имѣемъ ничего, кромѣ мысли въ ея чистой неопредѣленности... Неопредѣленная мысль... есть непосредственная мысль, т. е. не отвлеченная отъ ея опредѣленности, но неопредѣленная прежде всякой опредѣленности, неопредѣленная, какъ исходная. Эту самую мысль мы называемъ бытіемъ...

„Это чистое бытіе есть чистое отвлеченіе (т. е. отвлеченіе отъ всего) и слѣдовательно абсолютное отрицаніе; оно, взятое также въ его непосредственности, есть ничто...

„Всякій можетъ представить себѣ „возникновеніе“ и всякій согласится, что оно составляетъ одно представленіе; далѣе, что, анализируя его, онъ найдетъ въ немъ опредѣленіе „бытія“, равно какъ и противоположнаго ему ничего; наконецъ, что оба эти опредѣленія неразрывно связаны и соединены въ одномъ и томъ же представленіи“ *).

Бытіе, какъ „чистое отвлеченіе“, какъ попытка представить себѣ мысль „прежде всякой опредѣленности“, не наполненную еще никакимъ содержаніемъ, есть „ничто“. Очевидно, въ самомъ

*) Гегель. „Логика“. Пер. Чижова. Москва, 1861, стр. 146, 148 и 153.

дѣлѣ, что мыслить отсутствіе всякаго содержанія—все равно, что мыслить „ничто“, или, проще, ничего не мыслить.

Но какимъ образомъ изъ этого отсутствія всякихъ опредѣленій рождается „возникновеніе“? Абсолютно неопредѣленное не можетъ *возникнуть*: возникаетъ лишь то, что имѣетъ „предѣлъ“ во времени, а самое „возникновеніе“ кладетъ этотъ предѣлъ. Слѣдовательно „бытіе“, какъ возникшее, не есть уже чистая неопредѣленность, но совпадаетъ съ понятіемъ „предмета“ или „вещи“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что у Гегеля слово постоянно мѣняетъ свое значеніе въ процессѣ мышленія, —именно въ этомъ и состоитъ діалектическій методъ. Можно отвергать діалектическую логику, но фактъ ея существованія налицо. Когда говорятъ, что діалектическая логика „невозможна“, то этимъ въ сущности хотятъ лишь сказать, что она не соотвѣтствуетъ той цѣли, которую мы ставимъ нашему познанію. Назначеніе символовъ состоитъ не только въ томъ, чтобы передавать свои мысли другимъ людямъ: они необходимы также для того, чтобы связывать и классифицировать, т. е. „въ конечномъ счетѣ“ запоминать обозначаемые ими познавательные комплексы. Гегелевская діалектика можетъ не удовлетворять этой потребности,—но *a priori* мы не имѣемъ права утверждать, что *никакая* діалектика невозможна, что „немыслимъ“ такой способъ измѣнять значеніе символовъ, при которомъ познавательная цѣль достигается лучше, нежели при неизмѣнности разъ установленнаго ихъ смысла.

Въ математикѣ законъ тождества играетъ совершенно такую же роль, какъ и въ логикѣ, и здѣсь онъ предписываетъ сохранять вѣрность разъ избраннымъ символамъ.

Своеобразность математики состоитъ въ томъ, что лишь очень немногіе, наиболѣе простые ея символы представляютъ наименованіе элементовъ *непосредственнаго* воспріятія. Допустимъ, что человѣкъ непосредственно воспринимаетъ четыре раздѣльныхъ въ пространствѣ элемента *). Пусть свыше четырехъ непосредственное воспріятіе уже теряетъ свою отчетливость, такъ что и непосредственно намъ не даны, какъ *опредѣленныя* количества: и то и другое мы склонны высказать, какъ „много“. Ничто не мѣшаетъ намъ, однако, обозначивъ всѣ комбинаціи въ предѣлахъ четырехъ символами (1, 2, 3, 4), поступать затѣмъ съ этими символами, какъ съ элементами; мы получаемъ:

*) . Раздѣляя мысленно этотъ комплексъ по указаннымъ на чертежѣ пунктирнымъ линіямъ, мы получаемъ всѣ возможныя комбинаціи четырехъ: + - + = + = ı. Такимъ образомъ, для того, чтобы производить всѣ возможныя вычисленія въ предѣлахъ четырехъ — нѣтъ надобности „считать“, т. е. употреблять символы: 1, 2, 3, 4. Здѣсь всѣ сочетанія элементовъ „даны“ въ непосредственномъ воспріятіи.

4 + 1, 4 + 2, 4 + 3, 4 + 1 + 1 и т. п. Для каждой такой новой комбинаціи мы можемъ снова создать спеціальный символъ, напр., 4 + 1 = „5“, 5 + 1 = „6“ и т. д. Мы приходимъ такимъ образомъ къ созданію символовъ второго, третьяго и т. д. порядка. Опредѣлить „понятіе“ 6—значитъ указать способъ составленія этого символа. Знакомъ 6 мы условились обозначать 5 плюсъ единица, 6 = 5 + 1 есть слѣдовательно аналитическое сужденіе. На томъ же основаніи аналитическимъ сужденіемъ является 5 = 4 + 1, а потому и 6 = 4 + 1 + 1; вспоминая далѣе, что 1 + 1 условились обозначать символомъ 2, мы приходимъ къ равенству 6 = 4 + 2, какъ къ новому результату *анализа* понятія „6“ и т. д.

Вопреки мнѣнію Канта *), всѣ математическія сужденія носятъ аналитическій характеръ, и законъ тождества требуетъ здѣсь, какъ и въ логикѣ, чтобы символъ, разъ избранный для даннаго комплекса, не мѣнялъ своего „смысла“ въ теченіе анализа (напр., 2 всегда означало : ', а не · ¦ | или .).

Законъ тождества помогаетъ намъ осуществить лишь одну часть нашей познавательной задачи. Расчленяя отдѣльные комплексы и обозначая символами ихъ неразличимые элементы (такъ называемые „общіе признаки“), мы создаемъ классификаціи, существенно облегчающія работу *запоминанія*. Но *предсказанія* будущихъ комплексовъ мы, очевидно, такимъ путемъ не можемъ достигнуть.

Предсказать како-либо будущій фактъ B, не претендуя на пророческій даръ, можно лишь въ томъ случаѣ, если это B стоитъ въ нѣкоторой связи съ пережитымъ уже нами A. Такимъ образомъ, предсказаніе всецѣло покоится на гипотезѣ, что существуетъ извѣстная функціональная зависимость между комплексами, смѣняющими другъ друга во времени. Эту гипотезу мы называемъ закономъ причинности.

Очевидно, что категорія причинной связи еще менѣе обладаетъ принудительностью „естественно-исторической необходимости“, нежели законъ тождества.

Ничто не заставляетъ меня разсматривать нагрѣваніе падающаго на землю камня, какъ *результатъ* его прекратившагося движенія. Зрительные элементы движущагося тѣла *исчезли*; я ощупываю остановившееся тѣло и въ числѣ другихъ элементовъ получаю ощущеніе теплоты. Я не чувствую ни малѣйшаго „принужденія“ видѣть въ исчезнувшемъ воспріятіи „движенія“ причину, *создавшую* воспріятіе „теплоты“; не имѣющее съ первымъ ничего общаго. И если я уже непремѣнно хочу связать послѣдовательныя показанія различныхъ чувствъ въ одинъ рядъ, мнѣ такъ же легко соединить движеніе съ теплотой, какъ и съ другими элементами комплекса, „камень“, съ ощущеніемъ твердости, давленія и т. п. **).

---

*) См. „Kritik der reinen Vernunft“. Ed. Kehrbach. S. 650-653.

**) Шопенгауэръ (Satz von Grunde, § 21) видитъ первичную функцію ка-

Итакъ, вполнѣ „возможно“ мыслить каждое воспріятіе (или каждую „вещь“), какъ совершенно изолированное, какъ возникающее и исчезающее, — и такое представленіе даже гораздо „естественнѣе“, гораздо ближе къ тому, что мы непосредственно *находимъ* въ мірѣ, нежели причинная зависимость явленій.

Англійскіе эмпирики выводятъ, какъ извѣстно, законъ причинности изъ привычной послѣдовательности непосредственно наблюдаемыхъ фактовъ.

Въ противоположность этому взгляду Кантъ утверждаетъ, что эмпирическій фактъ, какъ бы часто онъ ни повторялся въ извѣстной связи, не можетъ быть источникомъ категоріи причинности: отъ факта нѣтъ умозаключенія къ его необходимости.

Если мысль Канта принять, какъ возраженіе эмпирикамъ, а не какъ простое противопоставленіе иного взгляда, она оказывается очевиднымъ недоразумѣніемъ. Кантъ говоритъ, что изъ эмпирической послѣдовательности нельзя *логически* вывести понятія необходимости, — но то же самое говоритъ и Юмъ. Эмпиризмъ какъ разъ и отрицаетъ безусловную необходимость въ сферѣ опыта: нѣтъ *необходимой* связи между А и В, есть только психилогическая *увѣренность*, что В, всегда наблюдавшееся послѣ А, будетъ слѣдовать за нимъ и въ каждомъ новомъ случаѣ возникновенія А. „Propter hoc“ есть гипостазированное „post hoc“, — отъ этого иллюзорнаго фетиша и предлагаетъ отрѣшиться эмпиризмъ.

Для эмпирика всѣ наши сужденія о связи явленій въ основѣ своей гипотетичны; если жизненная практика (т. е. сбывшіяся предсказанія) поддерживаетъ въ отдѣльномъ конкретномъ случаѣ эту связь, она все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сознаніи, принимаетъ характеръ психологической увѣренности, въ противномъ случаѣ связь рушится, сужденіе оказывается „ошибочнымъ“.

Абсолютизмъ не доволенъ такой постановкой вопроса, онъ хочетъ имѣть аподиктическую увѣренность въ томъ, что В „должно“ послѣдовать за А.

Посмотримъ, въ какой степени этому горю можетъ помочь *понятіе* безусловной необходимости.

„Я очень хорошо понимаю, — говоритъ Кантъ *), — какимъ образомъ слѣдствіе полагается основаніемъ по закону тождества, потому что оно можетъ быть найдено въ основаніи посредствомъ расчлененія понятія. Но какимъ образомъ нѣчто вытекаетъ изъ

тегоріи причинности не въ томъ, что она связываетъ въ одно различные элементы воспріятій, а въ томъ, что она впервые создаетъ само „воспріятіе“, какъ таковое, т. е. даетъ намъ возможность отнести его къ воспринимаемому объекту, какъ причинѣ. Здѣсь опять передъ нами „идея“ познающаго субъекта (метафизическая санкція интроекціи).

*) Кантъ: „Versuch den Begriff der negativen Grössen in die Weltweisheit einzuführen“. Цитировано по Куно Фишеру: „Исторія новой философіи“, т. III, стр. 156, 157.

чего-нибудь другого, но вытекаетъ не по правилу тождества: вотъ что я охотно хотѣлъ бы уяснить себѣ. Основаніе перваго рода я называю логическимъ, потому что отношеніе его къ слѣдствію можно усмотрѣть логически, именно по закону тождества; основаніе же второго рода я называю реальнымъ, потому что это отношеніе, конечно, принадлежитъ къ числу моихъ истинныхъ понятій, но свойства его я никакъ не могу обсудить. Итакъ, что касается этого реальнаго основанія и его отношенія къ слѣдствію, то я представляю мой вопросъ въ такомъ простомъ видѣ: *какъ я долженъ понимать, что поелику есть нѣчто, то должно быть и нѣчто другое?* Я размышлялъ о природѣ нашихъ познаній и современемъ обстоятельно изложу результатъ этихъ размышленій".

Какъ „обстоятельный результатъ размышленій" явилась „Критика чистаго разума", гдѣ развито извѣстное ученіе объ апріорности формъ познанія. Причинная связь была наименована „категоріей чистаго разсудка", но вопросъ, какъ — „понимать", что B, совершенно отличное отъ A, отнюдь не слѣдующее изъ него аналитически, тѣмъ не менѣе необходимо связано съ A, — вопросъ этотъ и здѣсь остался нерѣшеннымъ.

Задача „пониманія" совпадаетъ въ данномъ случаѣ съ задачей „примѣненія" категоріи. Если бы изъ самого понятія причинности непосредственно вытекалъ способъ ея примѣненія къ эмпирическому міру, если бы „идея" необходимой связи явленій непосредственно указывала мнѣ на практикѣ, какое именно послѣдующее явленіе B связано съ предшествующимъ A, тогда причинная связь была бы для меня совершенно понятной. Загадочность ея, отмѣченная Кантомъ, есть констатація того факта, что никакія эмпирически наблюдаемыя соотношенія не „даны" намъ, какъ безусловно необходимыя.

Изобразимъ символически два послѣдовательные момента наблюдаемаго нами „міра" какъ два ряда алгебраическихъ знаковъ (моментъ 1-й: A, B, C, D..; моментъ 2-й: a, b, c, d...), гдѣ большія и маленькія буквы означаютъ „вещи", существующія одновременно. Исходя изъ идеи причинности, мы можемъ, конечно, сказать, что всѣ a, b, c... въ совокупности „обусловлены" A, B, C.., другими словами, что въ каждый данный моментъ „міръ въ цѣломъ" есть слѣдствіе состоянія „міра" въ предшествующій моментъ. Но такое „познаніе" совершенно пусто и безсодержательно. То, что намъ дѣйствительно важно—это установить необходимую связь между каждымъ единичнымъ a, b или c послѣдующаго момента съ единичнымъ же A, B или C предшествующаго момента. „Идея" причинности совершенно не въ состояніи обнаружить, что a вытекаетъ, какъ слѣдствіе, непремѣнно изъ A, а отнюдь не изъ B. Категорія, претендующая на чинъ всеобщаго закона познанія, въ дѣйствительности совершенно оторвана отъ того познавательнаго матеріала, который она якобы организуетъ. Какъ „форма" эмпирическаго познанія, безусловная причинность

можетъ утвердить свое господство или на почвѣ психологической иллюзіи (привычное = неизбѣжное), или на почвѣ *вѣры*, что *данная* связь есть необходимая *).

Но если на почвѣ гносеологическаго абсолютизма вопросъ, выдвинутый Кантомъ, не можетъ быть рѣшенъ, это еще не значить, что самая постановка его лишена всякаго смысла для познанія. „Нельзя ли будущія явленія выводить изъ прошедшихъ *аналитически*, подобно тому, какъ анализируя данный числовой символъ, мы открываемъ всѣ сочетанія составляющихъ его болѣе простыхъ символовъ“?

Кантъ, строго разграничивая „логическое“ и „реальное основаніе, отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, да съ своей абсолютной точки зрѣнія и не могъ иначе отвѣтить.

Современная наука, какъ мнѣ кажется, даетъ положительный отвѣтъ. Всѣ ея великія завоеванія можно разсматривать, какъ практическое рѣшеніе указанной проблемы, но не на абсолютной, а на *эвристической* почвѣ: не метафизическое единство мышленія и бытія здѣсь устанавливается, но „бытіе“, т. е. качественно различныя воспріятія, замѣняется однородными, соизмѣримыми символами, допускающими примѣненіе аналитическаго метода.

Наиболѣе крупную роль въ успѣхахъ современной „точной“ науки сыгралъ, какъ извѣстно, „эвристическій“ принципъ сохраненія энергіи **). Я называю этотъ принципъ *эвристическимъ*,

*) Самъ Кантъ подозрѣвалъ, что именно трансцендентальная чистота его категорій дѣлаетъ ихъ совершенно непригодными въ эмпирическомъ познаніи, для котораго и въ которомъ (какъ его „раціональная“ форма) онѣ только и существуютъ. Въ главѣ „Schematismus der reinen Verstandesbegriffe“ онъ говоритъ: „Но чистыя понятія разсудка совершенно не однородны съ эмпирическими (и вообще чувственными) созерцаніями и никогда не могутъ быть встрѣчены ни въ какомъ созерцаніи. Какимъ же образомъ возможно *подведеніе* послѣднихъ подъ первыя и слѣдовательно *примѣненіе* категорій къ явленіямъ; вѣдь никто не скажетъ, конечно, что, напр., причинность можетъ быть результатомъ чувственнаго созерцанія или заключена въ явленіи“. Для примѣненія категоріи необходима *схема*, нѣчто „третье“, среднее между сверхчувственной категоріей и чувственнымъ опытомъ. Кантъ находилъ, что этой „схемой“ является *время* въ различныхъ его опредѣленіяхъ: время, какъ „чистое созерцаніе“ (reine Anschauung) съ одной стороны трансцендентально—объ этомъ свидѣтельствуетъ его чистота, съ другой стороны не чуждо Sinnlichkeit, ибо оно все же „созерцаніе“.

Такое рѣшеніе проблемы, по скольку оно представляетъ попытку примирить *понятія* эмпирическаго и трансцендентальнаго, вскрываетъ лишь внутреннюю несостоятельность термина „чистое созерцаніе“, этой „сверхчувственной чувственности“.

Практически кантовская схема ни на шагъ не подвигаетъ насъ впередъ. Само собою разумѣется, что причинная связь объединяетъ явленія, слѣдующія другъ за другомъ во „времени“; но *какія именно* изъ многихъ смѣняющихся явленій связаны причинно,— вотъ вопросъ, требующій, очевидно, новой „схемы“.

**) О той роли, какую принципъ сохраненія энергіи играетъ въ познаніи, см. книгу А. Богданова: „Основные элементы историческаго взгляда на природу“.

чтобы рѣзче подчеркнуть отсутствіе въ немъ принудительной силы непосредственно даннаго факта. Не въ потокахъ „вещей“ (или, что то же, „воспріятій“) открываемъ мы вѣчную энергію, наоборотъ потоки, эти мысленно организуемъ въ единый процессъ такъ, чтобы энергія оставалась неразрушимой. Было бы совершенно неправильно сказать: Нагрѣваніе камня „дано“ намъ, какъ превращенная форма его движенія; изслѣдуя это превращеніе, ученый открываетъ неизмѣнный законъ его, такъ называемый „термическій эквивалентъ механической работы“. Какъ разъ наоборотъ: именно потому, что ученымъ удалось установить термическій эквивалентъ, и только съ тѣхъ поръ, какъ его удалось установить, теплота стала для насъ превращенной формой движенія. Имѣетъ ли „законъ“, выражаемый термическимъ эквивалентомъ, абсолютную, формальную, апріори очевидную достовѣрность? Конечно, нѣтъ. Научная практика его до сихъ поръ не опровергла, положительныя услуги, оказываемыя имъ познанію, громадны, —въ этомъ все его „оправданіе“.

Однако, принципъ сохраненія энергіи самъ по себѣ еще не можетъ дать намъ орудія для предсказаній. Символы, которыми мы замѣняемъ „вещи“ въ уравненіяхъ энергіи, слишкомъ общи, въ нихъ совершенно погашаются всякія качественныя различія, и явленія разсматриваются лишь со стороны ихъ количественной измѣримости и соизмѣримости. Между тѣмъ предсказать будущій фактъ — это значитъ заранѣе конструировать его во всей его конкретности, со всѣми тѣми качественными особенностями, которыхъ понятіе „энергія“ какъ разъ и не желаетъ предусматривать. Очевидно, для этой цѣли намъ нужна болѣе богатая содержаніемъ эвристическая конструкція, необходимо выразить въ соизмѣримыхъ символахъ самыя „свойства“ вещей.

И подобныя конструкціи дѣйствительно выработаны наукой. Посмотримъ, напримѣръ, какую роль играетъ атомистическая гипотеза въ органической химіи. Мы исходимъ изъ совершенно произвольнаго предположенія (т. е. отнюдь не выводимаго *аналитически* изъ фактовъ), что въ основѣ всѣхъ органическихъ соединеній стоитъ $C\begin{smallmatrix}-H\\-H\\-H\\-H\end{smallmatrix}$, т. е. одинъ атомъ углерода, соединенный съ четырьмя атомами водорода. Расчленяя далѣе этотъ комплексъ всѣми возможными способами на два, составляющихъ въ совокупности CH_4 (т. е.: C и H_4; CH и H_3; CH_2 и H_2; CH_3 и H), мы предполагаемъ, что въ каждой такой парѣ оба члена „химически эквивалентны“, т. е. могутъ замѣщать другъ друга въ соединеніяхъ. Эта гипотеза (съ присоединеніемъ немногихъ другихъ, извѣстныхъ изъ неорганической химіи) даетъ намъ возможность, исходя изъ комплекса CH_4, *вывести* изъ него путемъ замѣщенія, конструировать a priori, всѣ возможныя органическія соединенія и предсказать химическія „свойства“ каждаго изъ нихъ. Такъ,

напримѣръ, замѣщая въ CH_4 одинъ H группой CH_3 и повторяя ту же операцію съ каждымъ производнымъ комплексомъ, я получаю $CH_3—CH_3$, $CH_3CH_2CH_3$... и т. д.—всѣ углеводороды предѣльнаго ряда. При этомъ мнѣ нѣтъ ни малѣйшей надобности непосредственно наблюдать и запоминать химическое превращеніе, чтобы *знать* его. Пользуясь моими немногими, легко запоминаемыми предпосылками, я могу заранѣе предвидѣть, какое вещество возникнетъ изъ данныхъ взаимодѣйствующихъ тѣлъ; такъ напр., никогда не видавъ предѣльнаго спирта $C_nH_{2n+1}OH$, я *знаю* что онъ явится, разъ приведены въ соприкосновеніе $C_nH_{2n+1}J$ и ѣдкое кали; я знаю также заранѣе „свойства" этого вещества, могу предсказать, какія соединенія дастъ онъ съ кислотами, другими спиртами, металлическимъ натріемъ и т. п.

Такимъ образомъ эвристическая конструкція даетъ мнѣ власть надъ будущимъ, позволяетъ предугадывать явленія, и въ то же время крайне облегчаетъ классификацію уже извѣстнаго матеріала. Запоминаніе непосредственно наблюдаемыхъ фактовъ становится почти излишнимъ, подобно тому какъ излишне (невозможное фактически) „представленіе" двадцати пяти раздѣльныхъ элементовъ, разъ у меня есть символъ 25 и я помню простой законъ, на основаніи котораго этотъ символъ составляется изъ подчиненныхъ ему.

Подобное значеніе имѣетъ въ физикѣ эвристическая конструкція волнообразнаго движенія, т. е. собственно лежащая въ основѣ ея математическая идея „простого гармоническаго колебанія". Эвристическую же конструкцію представляетъ собою и особенно прославленная научными предсказаніями менделѣевская періодическая система, гипотеза, что химическія свойства элементовъ представляютъ періодическую функцію ихъ атомнаго вѣса.

Но вѣдь эвристическія конструкціи удовлетворяютъ познаніе лишь до тѣхъ поръ, пока послѣднему удается уложить въ нихъ наличный матеріалъ опыта, пока предсказанія, построенныя на такомъ шаткомъ фундаментѣ, фактически совпадаютъ съ дѣйствительностью. Разъ это „случайное" совпаденіе не имѣетъ болѣе мѣста, приходится перестраивать принципы заново,—и для чего же? Только для того, чтобы добиться опять таки случайнаго, временнаго совпаденія? Совершенно справедливо. Всякая наука представляетъ намъ картину непрерывной борьбы отживающихъ категорій съ нарождающимися. Упомянутая выше атомистическая конструкція далеко не все позволяетъ предвидѣть въ органической химіи; она уже дополняется новыми (такъ, напр., для объясненія такъ наз. „физической" изомеріи выдвинута стереохимическая гипотеза, предполагающая опредѣленное пространственное расположеніе атомовъ). Въ физикѣ самая идея атомистическаго строенія вещества для многихъ цѣлей оказывается неудовлетворительной, здѣсь „атомы" мало-по-малу уносятся „вихрями". Но перспектива постоянной смѣны пугаетъ лишь того, кто иде-

аломъ познанія ставитъ абсолютный покой мысли, кто при каждомъ сомнѣніи начинаетъ стонать о невозможности „объективнаго" познанія и, побѣдивъ наконецъ это сомнѣніе вѣрой, торжественно провозглашаетъ абсолютную обязательность для опыта абсолютно не приложимыхъ къ нему категорій,—credo quia absurdum!

Итакъ, на нашъ взглядъ, познавательныя категоріи представляютъ не принудительные законы, а эвристическія нормы мышленія. Критерій „истины" есть *цѣнность*, но не абсолютная, а условная и посредственная, зависимая отъ цѣли, для которой категорія примѣняется. Категорія имѣетъ тѣмъ больше цѣнности, чѣмъ легче при помощи ея познавательно овладѣть *) данной эмпирической областью. Такъ называемый „прогрессъ" представляется намъ не какъ постепенное „раскрытіе" абсолюта, отъ вѣка неизмѣннаго, а какъ непрерывное творчество новыхъ формъ, изъ которыхъ каждая одинаково „истинна" для своего времени. Подобно тому какъ въ борьбѣ за данный запасъ воздуха и пищи выживаютъ организмы наиболѣе приспособленные, точно также въ борьбѣ за данный познавательный матеріалъ побѣждаетъ тотъ научный принципъ, который съ наименьшею тратою силы овладѣваетъ этимъ матеріаломъ; титулъ истины есть трофей, достающійся побѣдителю.

Попробуемъ теперь провести границу между критическимъ позитивизмомъ и догматическимъ матеріализмомъ, съ которымъ его такъ часто и охотно смѣшиваютъ.

Отрицаніе идеалистической метафизики характеризуетъ оба направленія. Догматическій матеріализмъ, какъ и позитивизмъ, отвергаетъ трансцендентальнаго „человѣка", субъекта познанія, но онъ не устраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ фиктивной метафизической проблемы объ отношеніи мышленія къ бытію, а лишь перевертываетъ ее вверхъ ногами, ставитъ на ея мѣсто другую, столь же метафизическую, столь же фиктивную. Матерія и лежащіе „въ основѣ" ея атомы объявляются единственною „реальностью", и такимъ образомъ фетишизируются тѣ эвристическіе пріемы, которые служатъ для запоминанія и предсказанія явленій внѣшняго міра. Объяснить процессъ—это значитъ „свести" его къ атомистической механикѣ: всѣ явленія, которыя мы непосредственно наблюдаемъ, и такъ, какъ мы ихъ непосредственно наблюдаемъ, есть нѣчто кажущееся, „въ сущности"—это только движенія атомовъ. Опытъ показываетъ, что наши мысли, чувствованія, вообще наши психическіе акты, стоятъ въ какой-то связи

*) Изъ всего предыдущаго уже ясно, что „стремленіе овладѣть" матеріаломъ познанія, т. е. запоминать и предсказывать явленія, мы понимаемъ не въ смыслѣ метафизической Wille zur Macht, заложенной „въ природѣ" человѣка. Эта формула представляетъ лишь попытку свести къ единству тѣ задачи, которыя фактически преслѣдуетъ современное, *данное* познаніе.

съ процессами въ корѣ головного мозга. Такъ какъ сущность процессовъ мозговой коры есть движеніе атомовъ, такъ какъ психика, подобно всему остальному, не можетъ имѣть никакой иной сущности, то для догматическаго матеріализма самъ собою рождается вопросъ: какимъ образомъ движеніе атомовъ превращается въ психическій процессъ, какъ таковой?

Вопросъ этотъ, очевидно, нелѣпъ. „Какое сходство,—говоритъ Гельмгольцъ,—можно мыслить себѣ между процессомъ въ мозгу, сопровождающимъ представленіе стола, и самимъ столомъ? Нужно ли вообразить себѣ, что фигура стола рисуется тамъ электрическими токами, и что если бы я представилъ себѣ, что я хожу вокругъ стола, то электрическій токъ нарисуетъ въ моемъ мозгу еще и фигуру человѣка? Перспективныя проекціи внѣшняго міра въ мозговыхъ полушаріяхъ, предполагавшіяся иными, очевидно, недостаточны, чтобы образовать представленіе о вещественномъ предметѣ. Но положимъ, что смѣлую фантазію не устрашили бы эти и подобныя имъ гипотезы,—все-таки такое электрическое изображеніе стола въ мозгу было бы лишь другимъ вещественнымъ объектомъ, который долженъ подлежать воспріятію, а не представленіемъ стола“.

Приведемъ еще выдержку изъ Тиндаля, чрезвычайно характерную въ двухъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, въ ней вполнѣ отчетливо показывается невозможность рѣшенія матеріалистической проблемы, но, съ другой стороны, авторъ совершенно не замѣчаетъ, что невозможность эта обусловлена фиктивностью самого вопроса, неправильностью его постановки, а отнюдь не ограниченностью нашей „познавательной способности“.

„Я полагаю,—пишетъ Тиндаль,—что всѣ крупные мыслители, изучавшіе этотъ предметъ, охотно согласятся допустить слѣдующую гипотезу: все совершающееся въ нашемъ сознаніи въ области чувства, мысли или эмоцій соотвѣтствуетъ извѣстному молекулярному состоянію мозга; такое отношеніе между физическимъ міромъ и сознаніемъ представляетъ нѣчто неизмѣнное, такъ что, разъ дано извѣстное состояніе мозга, возможно вывести отвѣчающую мысль или чувствованіе,—и наоборотъ, разъ дана мысль или чувствованіе, возможно вывести состояніе мозга. Но какъ осуществить этотъ выводъ? Строго говоря, мы имѣемъ здѣсь передъ собою не логическій выводъ, а чисто эмпирическую ассоціацію.—Вы, пожалуй, возразите, что очень многіе научные выводы носятъ эмпирическій характеръ; таковъ, напримѣръ, выводъ, что электрическій токъ, текущій въ данномъ направленіи, въ опредѣленую сторону отклонитъ магнитную стрѣлку. Но эти два случая различны въ томъ отношеніи, что хотя мы не можемъ наглядно показать (demontrer), какъ токъ вліяетъ на стрѣлку, мы можемъ, по меньшей мѣрѣ, представить себѣ (se figurer) это, и нимало не сомнѣваемся, что въ концѣ концовъ намъ удастся механически разрѣшить проблему; между тѣмъ

мы совершенно не въ состояніи даже представить себѣ переходъ физическаго состоянія мозга въ соотвѣтствующіе ему факты чувствованія.

„Допустимъ, что опредѣленная мысль соотвѣтствуетъ опредѣленному, связанному съ нею, процессу въ мозгу. Прекрасно! Но мы не обладаемъ „интеллектуальнымъ“ органомъ, у насъ нѣтъ, повидимому, даже зачатка такого органа, который позволилъ бы намъ логически перейти (passer par le raisonnement) отъ одного явленія къ другому. Они совершаются вмѣстѣ, но мы не знаемъ почему... Въ чемъ состоитъ связь между физическими состояніями и фактами нашего сознанія? Пропасть между этими двумя классами явленій навсегда останется непереходимой для нашего разума. Допустимъ, напр., что чувство *любовь* соотвѣтствуетъ правоспиральному движенію молекулъ мозга, чувство *ненависть* лѣвоспиральному движенію ихъ. Мы знаемъ теперь, что, когда мы любимъ, молекулярное движеніе совершается въ одномъ, когда ненавидимъ—въ другомъ направленіи; но вопросъ *почему* остается еще безъ отвѣта“ *).

Это безнадежно вопрошающее „почему“ въ той постановкѣ, какую даетъ ему Тиндаль, не только при анализѣ психо-физическихъ отношеній, но и рѣшительно вездѣ „остается безъ отвѣта“. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ мы можемъ когда-нибудь узнать, „почему“ токъ отклоняетъ магнитную стрѣлку? Читатель, предполагаемое возраженіе котораго хочетъ устранить Тиндаль въ цитированной выдержкѣ, имѣетъ, конечно, въ виду не математическіе символы электрической и магнитной энергіи, а непосредственное воспріятіе тока и отклоняющейся стрѣлки. Но что такое „токъ“ какъ непосредственное воспріятіе? Когда мы хотимъ, отвлекшись отъ всякой „теоріи“, представить себѣ *токъ*, у насъ возникаетъ лишь воспоминаніе о тѣхъ специфичесихъ подергиваніяхъ, которыя мы ощущаемъ при размыканіи и замыканіи проходящей черезъ наше тѣло гальванической цѣпи. Отклоненіе стрѣлки есть зрительное воспріятіе. Очевидно, вопросъ о превращеніи энергіи тока въ механическую работу вращенія магнита совершенно не совпадаетъ съ вопросомъ: почему первное подергиваніе превращается въ зрительное воспріятіе бѣгущей по циферблату стрѣлки. Въ первомъ случаѣ мы, обозначая качественно различныя свойства воспріятій (вещей) однородными символами, стремимся аналитически, при помощи уравненій, вывести изъ немногихъ гипотетическихъ предпосылокъ всѣ комбинаціи, соотвѣтствующія пестрому разнообразію возникающихъ и исчезающихъ „переживаній“. Во второмъ случаѣ операцію, имѣющую смыслъ только по отношенію къ символамъ, пытаемся перенести на самые элементы воспріятія. Разумѣется, получается нелѣпость. Невозможно

---

*) Revue de cours scientifiques, 1868—69, 1. Цит. по Тэну De l'intelligence I, 318—320.

понять какимъ образомъ нервное содроганіе превращается въ движеніе магнита просто потому, что такое превращеніе никогда не совершается: два разсматриваемые здѣсь комплекса воспріятій качественно различны и, какъ таковые, совершенно не сводимы другъ на друга.

Между тѣмъ именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ ставитъ Тиндаль свое „почему" въ вопросѣ о „любви" и „спиральномъ движеніи мозговыхъ молекулъ". Спиральное движеніе молекулъ— есть зрительный образъ. „Почему" этотъ образъ, служащій намъ символомъ для пониманія мозговыхъ процессовъ, „соотвѣтствуетъ" чувству любви, какъ таковому? Такого соотвѣтствія нѣтъ, естественно, что и „объяснить" его невозможно. Качественное различіе элементовъ воспріятія есть фактъ. Матеріалистическая метафизика совершенно такъ же, какъ и идеалистическая, хочетъ установить единство между явленіями, не отвлекаясь отъ ихъ непосредственно даннаго различія, но именно на почвѣ этого различія, что, очевидно, безсмысленно.

Ничто не препятствуетъ намъ, конечно, подставивъ на мѣсто „любви" какой-либо символъ, однородный съ „движеніемъ по спирали" молекулъ, построить цѣлый рядъ психо-физіологическихъ уравненій, подобно тому какъ мы пишемъ уравненія энергіи, замѣняя несоизмѣримыя электрическія, магнитныя, тепловыя и т. п. „явленія" соизмѣримыми математическими величинами. Но тогда мы будемъ имѣть передъ собою не актъ сознанія, какъ таковой („мышленіе" идеалистовъ) и не процессъ въ мозгу, какъ таковой („бытіе" идеалистовъ), а ихъ условныя обозначенія.

Единственный вопросъ, имѣющій смыслъ съ этой точки зрѣнія, состоитъ въ томъ, на сколько такая двойная символика нервныхъ и „соотвѣтствующихъ" имъ психическихъ явленій *цѣлесообразна*, т. е. удобна для классификаціи и предсказанія фактовъ данной области.

Современная наука еще очень далека отъ того состоянія, при которомъ поставленный здѣсь вопросъ могъ бы пріобрѣсти практическое значеніе. Лишь въ очень немногихъ случаяхъ можемъ мы „локализировать" психическіе процессы, т. е. указать въ мозгу мѣсто „соотвѣтствующихъ" имъ нервныхъ процессовъ. Механика этихъ послѣднихъ, специфическія особенности отдѣльныхъ отправленій нервной ткани, связанныхъ съ тѣми или другими отправленіями сознанія, намъ совершенно неизвѣстна. Естественно, что наукѣ, изслѣдующей психическія явленія, приходится въ большинствѣ случаевъ игнорировать психо-физіологическую гипотезу, практически разсматривать акты сознанія, какъ *независимый* рядъ, описывать и классифицировать ихъ, совершенно не затрогивая предполагаемую связь между психикой и нервными процессами. Эта относительная самостоятельность психологіи, вполнѣ оправдываемая современнымъ состояніемъ познанія, легко пріобрѣтаетъ абсолютный характеръ, когда тѣ общія формулы („за-

коны"), къ которымъ психологи пытаются свести результаты своихъ наблюденій, фетишизируются,—когда, напримѣръ, „психическая причинность" противопоставляется „физической", какъ свидѣтельство принципіальнаго различія между *сущностью* психики и физики.

Но предположимъ, что психо-физіологія достигла возможнаго для нея совершенства. Для каждаго нашего психическаго акта, для каждаго мельчайшаго оттѣнка мысли и чувства, мы можемъ найти „соотвѣтствующія" измѣненія нервной ткани мозга. Въ этомъ случаѣ, чтобы предсказать извѣстное явленіе нашей психической жизни, достаточно, очевидно, предсказать тотъ процессъ въ мозгу, который функціонально связанъ съ даннымъ явленіемъ; другими словами: умѣя на основаніи даннаго строенія нервной системы и данныхъ вліяній среды заранѣе разсчитывать весь дальнѣйшій ходъ нервныхъ процессовъ, мы тѣмъ самымъ умѣли бы предсказывать все будущее теченіе нашей духовной жизни. Очевидно, двойная символика, созданіе *различныхъ*, но математически соизмѣримыхъ символовъ для психическихъ актовъ, какъ таковыхъ, и для соотвѣтствующихъ имъ нервныхъ процессовъ, оказывается совершенно излишней. Для цѣлей нашего познанія, т. е. для вычисленія будущаго, намъ всегда удобнѣе замѣнить каждый психическій актъ его нервно-мозговымъ коррелатомъ, и производить наши математическія операціи съ этими замѣстителями, переводя затѣмъ окончательный выводъ опять на языкъ психики.

Съ точки зрѣнія допущеннаго нами идеальнаго познанія нервныя явленія представляютъ слѣдовательно двоякій интересъ. Съ одной стороны, они „даны" намъ, какъ всякіе другіе комплексы элементовъ, напр., какъ рядъ зрительныхъ воспріятій, полученныхъ при наблюденіи нервной ткани подъ микроскопомъ и т. п., — отсюда выростаетъ задача: найти для непосредственно наблюдаемыхъ „качествъ" этой области такіе символы, которые позволили бы ввести въ наши механическія уравненія нервные процессы, какъ особую „форму" или особую комбинацію уже извѣстныхъ намъ формъ энергіи; здѣсь мы стараемся достигнуть возможности предсказывать нервные процессы, какъ таковые. Съ другой стороны, каждый нервный процессъ есть замѣститель опредѣленнаго психическаго акта; слѣдовательно, тѣ же самые символы (и въ тѣхъ же самыхъ сочетаніяхъ, въ которыхъ они „объясняютъ" намъ, т. е. позволяютъ предвидѣть нервныя явленія) объясняютъ и явленія психическія. Разъ эта цѣль достигается вполнѣ удовлетворительно, не представляетъ никакого смысла измышлять еще спеціальные символы и эвристическія конструкціи для психическихъ актовъ, какъ таковыхъ.

Если психо-физіологія достигнетъ предположеннаго нами здѣсь уровня развитія, самостоятельная „наука о душѣ" станетъ ненужной для познанія: физіологія мозга будетъ включать въ себя и ту область, которая теперь разрабатывается психологіей.

Такимъ образомъ матеріализмъ, несмотря на фиктивность своей метафизической проблемы, на нашъ взглядъ, правильно опредѣлялъ идеалъ познанія. Свести психическое, какъ таковое, на физическое—задача нелѣпая; но подчинить психику при посредствѣ условной символики тѣмъ же самымъ пріемамъ математическаго анализа, которые уже утвердили свое господство въ области физики,—цѣль, къ которой познаніе неуклонно идетъ вопреки всѣмъ трусливымъ „ignorabimus" метафизиковъ.

Пресловутое ignorabimus *) диктуется или традиціонными вѣрованіями, превращающими критику познанія въ цензуру его, или мѣщанскою потребностью фактическое невѣжество данной минуты провозгласить абсолютными „предѣлами" познанія. Для ума, утомленнаго вѣчною погонею за новыми цѣнностями или „лѣниваго" отъ рожденія, одинаково соблазнительно и найти поскорѣе объективный фундаментъ познанія въ метафизической предпосылкѣ, и установить абсолютныя границы его въ принципіально непознаваемомъ. Объясняя популярность метафизической точки зрѣнія среди широкой публики, одинъ извѣстный мыслитель находитъ, что въ основѣ этой популярности лежитъ возможность „подъ предлогомъ, что дѣло доведено до конца, погрузиться въ область идеализирующихъ построеній разума, перейти къ трансцендентнымъ понятіямъ, гдѣ уже нѣтъ болѣе надобности наблюдать и изслѣдовать согласно законамъ природы, а можно только *мыслить* и *сочинять*, не опасаясь опроверженій на почвѣ эмпирическихъ фактовъ, такъ какъ именно ихъ свидѣтельствомъ умъ себя и не связываетъ здѣсь, но проходитъ просто мимо нихъ или даже подчиняетъ ихъ самихъ высшей инстанціи, а именно чистому разуму". Эти слова принадлежатъ не Бюхнеру или какому-либо иному грубому матеріалисту, чуждому высшихъ потребностей человѣческаго духа, а самому Иммануилу Канту, творцу критическаго идеализма **). И любопытно, что пытаясь обосновать равноправность такъ называемыхъ „антиномическихъ" понятій чистаго разума, Кантъ приводитъ цитированныя соображенія, какъ единственный аргументъ въ пользу потребности въ объективномъ

---

*) Надо замѣтить, впрочемъ, что именно неокантіанцы, особенно „позитивнаго" толка, обстоятельно доказывали несостоятельность „ignorabimus", поскольку оно покоится на матеріалистической метафизикѣ (см., напр., Riehl'я Der philos. Kritizismus B. II. Первыя главы). Вообще раскрытіе фиктивности матеріалистической проблемы составляетъ крупную заслугу критическаго идеализма. Почти всѣ неокантіанцы, начиная съ отца этого направленія Ланге, съ болѣе или менѣе постояннымъ успѣхомъ занимались этой критикой. Такое рвеніе объясняется, конечно, тѣмъ, что большинство идеалистовъ, поражая давно уже распростертаго врага, по недоразумѣнію приписывали себѣ побѣду надъ вѣчно живымъ позитивизмомъ, который стоитъ одинаково „по ту сторону" какъ матеріалистической, такъ и идеалистической метафизики, отрицаетъ самую метафизическую проблему, какъ фикцію, и всѣ способы ея рѣшенія, какъ попытки съ негодными средствами.

**) „Kritik der reinen Vernunft". S. 386—387.

завершеніи познанія, т. е. потребности успокоиться на такихъ псевдо-понятіяхъ, какъ „первопричина", „свобода" въ смыслѣ „способности начинать изъ себя рядъ дѣйствій", „субстанціальная душа" и т. п. Антитезисъ Кантовской антиноміи, отвергающій всѣ эти понятія, не признающій объективныхъ предѣловъ познанія, требующій безостановочнаго исканія за предѣлами всякой разъ данной границы, имѣетъ по мнѣнію Канта, „преимущества" съ точки зрѣнія „спекулятивнаго интереса разума", тезисъ же находитъ себѣ опору только въ „лѣнивомъ разумѣ" (die faule Vernunft).

Съ какого бы конца мы ни начали, какъ бы ни окрестили мы границу познанія,—назовемъ ли ее областью непознаваемаго, или апріорными предпосылками познанія,—во всякомъ случаѣ, единственно къ чему мы можемъ апеллировать здѣсь—это die Faulheit der Vernunft.

Но позвольте, негодуетъ гносеологъ, вы обнаруживаете поразительное непониманіе трансцендентально-критической проблемы. Гносеологическій апріоризмъ вовсе не ставитъ „границъ" познанію, не исключаетъ психологическаго анализа происхожденія категорій, вопросъ о томъ, какъ „рождается истина для человѣка" гносеологія нимало не устраняетъ, она просто „вращается въ другой плоскости".

Строгое разграниченіе гносеологіи и психологіи давно уже объявлено признакомъ хорошаго философскаго тона. Тѣмъ не менѣе области эти до сихъ поръ сплошь дя рядомъ сливаются или сталкиваются,—и не только подъ перомъ людей, „получившихъ недостаточное философское образованіе", но и въ трактатахъ мыслителей, философская компетентность которыхъ стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Г. Бердяевъ, напримѣръ, разводитъ руками, убѣждаясь, что Зиммель смѣшиваетъ гносеологическій критерій истины съ „историко-генетической" точкой зрѣнія *). Фактъ дѣйствительно поразительный! Какимъ образомъ Зиммель, вскрывающій и рѣзко разграничивающій такіе оттѣнки мысли и чувства, которые, конечно, ускользнули бы отъ вниманія г. Бердяева,—какимъ образомъ этотъ тончайшій аналитическій умъ нашего времени могъ допустить грубое смѣшеніе, приводящее въ ужасъ россійскаго философа?

Но полно, выдерживаетъ ли самъ г. Бердяевъ догматъ о полной „параллельности" гносеологической и психологической „плоскостей"? Мы знаемъ, что, по мнѣнію г. Бердяева, познающій субъектъ (т. е. совокупность апріорныхъ категорій) присутствовалъ при „первомъ въ мірѣ" актѣ познанія, съ другой стороны, намъ извѣстно, что и будущее, „безконечно отличное" отъ нашего, познаніе не можетъ обойтись безъ логической категоріи тождества. Очевидно, анализъ тѣхъ условій, при которыхъ истина „рождается

*) „Субъективизмъ и индивидуализмъ", стр. 31—33.

для человѣка“, становится ему „психологически доступной“, отнюдь не имѣетъ права касаться категорій трансцендентальнаго сознанія: онѣ не рождаются „для“ человѣка въ опредѣленный моментъ его существованія, но рождаются „вмѣстѣ“ съ человѣкомъ, вмѣстѣ съ первымъ проблескомъ познанія и умираютъ лишь съ послѣднимъ познавательнымъ актомъ. Чѣмъ же онѣ отличаются въ такомъ случаѣ отъ тѣхъ „innate ideas“ (врожденныхъ идей), которыя подвергъ обстоятельной критикѣ еще старикъ Локкъ?

Вывести данную категорію психологически — это значитъ показать, что она возникла (bezw. „стала доступной для человѣка“) въ опредѣленную историческую эпоху и въ связи съ опредѣленными комбинаціями фактовъ сознанія; до этого момента и при отсутствіи этой комбинаціи познаніе человѣческое обходилось *безъ* данной категоріи, замѣняя ее какимъ-либо инымъ пріемомъ гармонизаціи, который намъ также можетъ выяснить историческое описаніе. Такимъ образомъ историко-генетическій анализъ не только убѣждаетъ насъ, что данная категорія стала „доступна“ нашимъ предкамъ въ извѣстный моментъ времени, но и мышленіе нашихъ предковъ *до* этого момента, слѣдовательно *безъ* данной категоріи, становится „доступнымъ“ для насъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая категорія неизбѣжно утрачиваетъ свой „трансцендентальный“ характеръ, мы воочію убѣждаемся въ ея *относительной* цѣнности, въ томъ, что она представляетъ одинъ изъ многихъ возможныхъ пріемовъ, и „цѣнится“ нами лишь потому, что лучше всѣхъ своихъ предшественницъ удовлетворяетъ данной познавательной задачѣ *). Мы видимъ, что гносеологія никакъ не можетъ удержаться въ той плоскости, которую она себѣ отмежевала: незамѣтно для самой себя она пріобрѣтаетъ третье измѣреніе и совершенно отодвигаетъ ту, якобы параллельную плоскость, въ которой по первоначальному плану должна была самостоятельно „вращаться“ психологія **).

*) По отношенію къ категоріи тождества историко-генетическое изслѣдованіе наталкивается на почти непреодолимыя *фактическія* трудности, такъ какъ по возрасту она во всякомъ случаѣ не моложе языка (словесной символики). Но уже для исторіи „причинности“ мы имѣемъ богатый матеріалъ.

**) Не трудно понять, для чего *нужны* гносеологу двѣ параллельныя плоскости. Отрицать право психологическаго изслѣдованія категорій для гносеолога не выгодно: отрицаніе обязываетъ его обнаруживать внутреннюю несостоятельность психологическаго анализа въ каждомъ частномъ случаѣ. — это не всегда легко. Признавъ возможную зависимость гносеологической постановки вопроса отъ результатовъ психологическаго анализа, необходимо постоянно пересматривать свою предпосылку, приспособлять ее къ новымъ даннымъ психологіи, — это еще труднѣе. Провозгласивъ полнѣйшую невозможность какихъ-либо столкновеній между гносеологіей и психологіей, мы обезпечиваемъ за собою право „проходить мимо“ психологіи, не обращать вниманія на ея факты или даже подчинять ихъ высшей инстанціи — чистому разуму. Опять передъ нами та „вѣчная“ сила, которая создаетъ метафизическую потребность интеллекта: Die Kraft, die stets das Grosse will, und stets das Kleine schafft, однимъ словомъ „die faule Vernunft“.

Только эвристическій критерій истины позволяетъ намъ провести ясную границу между оцѣнкой категорій и ихъ психологическимъ „объясненіемъ“. Съ этой точки зрѣнія познавательная цѣнность категорій, т. е. ея большая или меньшая пригодность для данной цѣли, дѣйствительно совершенно не зависитъ отъ ея происхожденія. Пусть психологія откроетъ мнѣ, что данный научный пріемъ представляетъ очень поздній продуктъ познанія и потому менѣе всего можетъ претендовать на титулъ „вѣчнаго“. пусть я узнаю даже, что въ основѣ его лежитъ очень поверхностная аналогія,—все это нимало не заставитъ меня усумниться въ познавательной цѣнности избраннаго мною метода, разъ онъ, по сравненію съ своими конкурентами, требуетъ наименьшей траты силы, для того, чтобы овладѣть даннымъ познавательнымъ матеріаломъ.

Мы провозглашаемъ здѣсь не самостоятельность гносеологіи и психологіи, какъ двухъ независимыхъ „наукъ“ о познаніи. Нѣтъ, наука о познаніи, наука, анализирующая, классифицирующая и связывающая въ „законы“ познавательные элементы и комплексы на ряду со всѣми другими психическими содержаніями, одна,— наука эта—психологія. Ученіе о цѣнности категорій занимаетъ самостоятельное мѣсто на ряду съ ней, не какъ наука, а какъ *искусство* мышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, понятіе относительной цѣнности, рѣзко отличаясь и отъ „естественнаго“ *), и отъ „нравственнаго“ закона, можетъ быть легко сближено съ *эстетическимъ* критеріемъ. Въ нашу задачу совершенно не входитъ анализъ категоріи „красоты“, фетишизированной метафизиками на ряду со всѣми болѣе или менѣе широкими абстракціями. Мы укажемъ лишь на тотъ общеизвѣстный фактъ **), что естетическое впечатлѣніе гармоніи не связано неразрывно съ тѣмъ или инымъ комплексомъ элементовъ, какъ таковымъ, но измѣняется въ зависимости отъ того, въ какое отношеніе ставимъ мы этотъ комплексъ съ другими. Представимъ, напримѣръ, себѣ двѣ разновидности вида homo sapiens въ обстановкѣ изящной гостиной: захолустнаго крестьянина и моднаго франта. Мягкія, слабыя движенія франта, легко и непринужденно лавирующаго между хрупкими предметами гостиной, произведутъ на васъ впечатлѣніе „граціи“, эстетической гармоніи; но вамъ навѣрное покажутся „смѣшными“ угловатые, рѣзкіе жесты крестьянина, всѣ его движенія то слишкомъ сильныя, то „принужденно“ (т. е. опять таки съ затратой ненужной силы) сдержанныя. Дайте теперь двумъ этимъ людямъ косы и выведите ихъ на лугъ. Впечатлѣніе получится діаметрально противоположное.

---

*) Мы употребляемъ здѣсь слово „естественный“ въ смыслѣ абсолютистовъ, какъ Naturnotwendigkeit. Съ нашей точки зрѣнія Natur лишена абсолютной Notwendigkeit.

**) Подробно анализированный еще Чернышевскимъ.

Вы залюбуетесь грубыми, сильными движеніями крестьянина, въ рукахъ котораго коса „сама ходитъ“, безъ малѣйшихъ ненужныхъ уклоненій, идеально правильно кладетъ широкіе ровные ряды травы. Наоборотъ, франтъ возбуждаетъ въ новой средѣ неудержимый смѣхъ; всѣ отдѣльные жесты его остались такими же мягкими и граціозными, какъ и въ гостиной, но теперь онъ дѣлаетъ массу излишнихъ, ненужныхъ жестовъ и все-таки не достигаетъ цѣли: коса прыгаетъ и вертится, то вонзаясь носкомъ въ землю, то щелкая по верхушкамъ стеблей. Рядъ движеній дѣйствуетъ эстетически положительно, разъ онъ „соотвѣтствуетъ своему назначенію“, т. е. съ наименьшей тратой силы приводитъ къ данному результату; тотъ же рядъ движеній производитъ эстетически отрицательное, „комическое“ впечатлѣніе, разъ онъ съ точки зрѣнія иного результата представляетъ ненужную растрату энергіи. Очевидно, это тотъ же самый критерій сравнительной цѣнности, который мы выше примѣняли къ познавательнымъ категоріямъ.

Еще софисты понимали, что нѣтъ такой области „мышленія“, которая бы вздымалась *надъ* познаніемъ, какъ его метафизическое небо или лежала *подъ* познаніемъ, какъ его гносеологическая почва. Софисты первые разглядѣли, что единственно возможная область философіи, не сливающаяся съ наукой—это *искусство* мыслить. Если намѣченная ими точка зрѣнія оказалась въ то время сравнительно мало плодотворной для развитія познанія, а критика гипостазированныхъ понятій (такъ называемые „софизмы“) быстро выродилась въ безтолковую гимнастику ума, то въ этомъ прежде всего виноваты тѣ соціально-историческія условія, въ которыхъ выросла и развилась античная культура. Во всякомъ случаѣ заслуга софистовъ, какъ первыхъ провозвѣстниковъ началъ критическаго позивитизма, не уничтожается отъ того, что многіе выводы этого ученія имъ были „психологически недоступны“; и мы думаемъ, что недалеко уже то время, когда исторія мысли будетъ вести свою родословную не отъ „божественнаго“ Платона, а отъ „низменныхъ“ Протагора и Горгія.

III.

Благопопечительная заботливость абсолюта о нашемъ разумѣ не ограничивается откровеніемъ формальныхъ предпосылокъ познанія. На ряду съ категоріями, небесными лишь по своему происхожденію, но допускающими исключительно земное, эмпирическое употребленіе, абсолютъ декретируетъ еще такія понятія или „идеи“ чистаго разума, которыя уже ни къ какому эмпирическому матеріалу не могутъ быть примѣнены. Сюда относятся, какъ мы видѣли, „первопричина міра“, „свобода“, „субстанціальная душа“. Для познанія благо свободы и субстанціаль-

ной души представляетъ довольно сомнительную цѣнность; но категоріи эти необходимы для самого абсолюта, для „оправданія добра", какъ верховнаго критерія человѣческой практики, какъ нравственнаго закона, стоящаго превыше всѣхъ эмпирическихъ мотивовъ удовольствія и неудовольствія. Какъ извѣстно, практика имѣетъ „приматъ" надъ теоріей. Практическій разумъ предписываетъ теоретическому „обосновать" необходимыя для него „идеи", или по меньшей мѣрѣ доказать, что признаніе ихъ имѣетъ съ точки зрѣнія чистаго мышленія такія же права, какъ и отрицаніе. Теоретическій разумъ, подавляя тяжелый вздохъ, беретъ на себя эту нелегкую задачу—„что прикажете дѣлать: приматъ-съ!", но какъ же ему быть, если при самомъ тщательномъ и добросовѣстномъ самоанализѣ онъ не можетъ открыть въ себѣ никакой иной опоры для „идей", кромѣ „лѣни"?

Впрочемъ, практическій разумъ невзыскателенъ. Онъ попадается здѣсь въ такой же просакъ, какъ нѣкогда вѣрующіе, но наивные монахи съ „письмами темныхъ людей": принимая сарказмы теоретическаго разума за чистую монету, онъ благосклонно выслушиваетъ докладъ о „лѣни" и объявляетъ свои теоретическія основы упроченными навѣки нерушимо. Такъ обстояло дѣло во времена Канта. Позднѣе, подъ вліяніемъ критики, разоблачившей козни теоретическаго разума, взгляды гносеологовъ на этотъ предметъ нѣсколько измѣнились. Теперь „свобода" и ея хранилище, „субстанціальная душа", уже не именуются „идеями чистаго разума"—ихъ нерѣдко называютъ даже „мнимыми" категоріями *), однако, приматъ практики остается въ прежней силѣ. Категоріи мнимы, какъ формы *познанія*, имѣющаго дѣло исключительно съ эмпиріей, — но тѣмъ необходимѣе матефизическое „*умозрѣніе*", превращающее эмпирически-мнимое въ абсолютно-незыблемый фундаментъ „нравственнаго міропорядка".

Посмотримъ, въ какомъ смыслѣ для практики необходима свобода, и, прежде всего, какая именно свобода здѣсь разумѣется.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нашей практической дѣятельности, въ нашей борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ, міромъ природы и міромъ общественнымъ, идея „свободы" играетъ весьма крупную роль. Каждая „цѣль", которую мы себѣ ставимъ, и каждый достигнутый уже результатъ, поскольку онъ насъ „удовлетворяетъ", могутъ быть охарактеризованы, какъ „освобожденіе отъ чего-нибудь", какъ устраненіе препятствій, стоящихъ на пути нашихъ желаній. Строго говоря, выраженіе „препятствія, стоящія на пути нашихъ желаній" не вполнѣ точно, потому что при отсутствіи препятствій немыслимо и самое желаніе, какъ психологическій феноменъ. Если мы, увидавъ передъ собою какую-либо „вещь", обѣщающую намъ опредѣленное по опыту

*) Напр., г. Струве въ предисловіи къ цит. книгѣ г. Бердяева.

извѣстное удовольствіе, тотчасъ же производимъ рядъ привычныхъ дѣйствій и безъ всякихъ треній, безъ всякой предварительной борьбы съ внѣшними или внутренними сопротивленіями овладѣваемъ вещью и реализуетъ связанную съ нею эмоцію, то у насъ еще нѣтъ *волевого* акта въ собственномъ смыслѣ слова. Совокупность элементовъ воспріятія, данныхъ намъ, какъ „вещь", предвосхищенное мысленно или „антиципированное" чувство удовольствія и ощущеніе двигательной реакціи,—вотъ все, изъ чего слагается въ разсмотрѣнномъ примѣрѣ наша психика. Очевидно, антиципированное удовольствіе *отъ чего-нибудь* и „желаніе„, активная воля *къ чему-нибудь* далеко не тождественны между собою. Для того, чтобы могла возникнуть „воля", между нашимъ теперешнимъ состояніемъ, которое мы характеризуемъ, какъ неудовлетворенность, и ожидаемымъ удовлетвореніемъ должны встать „препятствія", т. е. нѣчто, сознаваемое какъ зависимость, приковывающая насъ къ данному отрицательному состоянію, и на ряду съ нею представленіе о тѣхъ путяхъ, которые даютъ намъ возможность „освободиться" отъ данной зависимости. Этотъ сложный комплексъ представленій и чувствованій, элементы котораго далеко неполно указаны здѣсь *), и создаетъ въ нашей психикѣ специфическій характеръ *волевого* акта, какъ таковаго. Только некритическое словоупотребленіе, склонность примѣнять терминъ, означающій сложную комбинацію элементовъ, къ отдѣльной части комплекса, сохраняя въ то же время смутное воспоминаніе, что смыслъ даннаго слова представляетъ нѣчто „большее" и „иное", только эта своеобразная обывательская фигура „totum pro parte" и могла породить распространенную иллюзію относительно внутренней простоты и неразложимости воли съ одной стороны, ея своеобразности (ея „Andersheit", „гетероты", какъ сказалъ бы Авенаріусъ) по сравненію съ чувствованіемъ и представленіемъ — съ другой. Болѣе тщательный психологическій анализъ показываетъ, что опредѣленные элементы чувствованія и представленія входятъ въ феноменъ воли, какъ его неотъемлемыя составныя части; и въ числѣ этихъ элементовъ неизбѣжно присутствуетъ, между прочимъ, комплексъ „принужденія" (отрицательная эмоція — представленіе предмета, съ которымъ она связана), какъ данный фактъ, и „свобода", какъ антиципированный фактъ будущаго (какъ „возможное" освобожденіе).

На это, пожалуй, возразятъ, что „желаніе" не зависитъ отъ того, представляемъ или не представляемъ мы средства для осуществленія желаемаго: мы можемъ *желать* сбросить съ себя гнетъ даже въ томъ случаѣ, если совершенно не вѣримъ въ возможность фактически устранить этотъ гнетъ, перешагнуть

*) Подробный анализъ волевого и вообще „аппетитивнаго" отношенія къ дѣйствительности см. у Авенаріуса: „Kritik der reinen Erfahrung". Teil II. S. 151—211. Ср. также Ницше: „Jenseits von Gut und Böse". S. 28, 29.

черезъ препятствія, мѣшающія намъ достигнуть искомаго удовлетворенія. Но что значитъ „не вѣримъ въ возможность" или осуществимость удовлетворенія? Наша фантазія непрерывно рисуетъ намъ опредѣленныя перспективы освобожденія, опредѣленные пути къ нему; въ тотъ моментъ, когда они возникаютъ въ нашемъ сознаніи, мы разсматриваемъ ихъ, какъ *возможные*, и только сопоставляя ихъ съ препятствіями, примѣривая къ нимъ дѣйствительность, убѣждаемся, что они недостаточны для намѣченной цѣли, теряемъ вѣру въ ихъ осуществимость. Если же мы перестали даже представлять себѣ возможные пути освобожденія, если въ нашемъ сознаніи не возникаетъ даже *мысли* объ активномъ переходѣ отъ состоянія гнета и лишенія къ состоянію свободы и обладанія, мы уже перестали „желать", въ насъ живетъ лишь пригнетающее чувство фактическаго страданія и безсильная греза удовольствія, удовольствіе, какъ „идея", оторванная отъ всего „реальнаго", а не какъ дѣйственный импульсъ. Внѣ активности нѣтъ желанія.

Возможно, конечно, проявлять активность, неуклонно идти по разъ избранному пути, даже послѣ того, какъ мы непоколебимо увѣрились, что путь этотъ не способенъ привести къ цѣли. Но съ того момента, когда такое сознаніе встало передъ нами съ полной отчетливостью, мы уже не къ прежней цѣли идемъ. Неизмѣнность дѣйствія осуществляется здѣсь благодаря перенесенію „цѣли" на одно изъ тѣхъ промежуточныхъ звеньевъ телеологическаго ряда, которыя раньше, когда мы еще вѣрили въ первоначальную цѣль, представлялись намъ только орудіями, простыми „средствами".

Примѣромъ такого *смѣщенія цѣли* можетъ послужить такъ называемое мужество отчаянія. Мы отдаемся дѣятельности для того, чтобы „забыться", для того, чтобы какія-нибудь, хотя бы сами по себѣ вовсе не положительныя чувствованія, вытѣснили изъ нашей психики то невыносимо тяжелое ощущеніе безвыходнаго страданія, которое нами безраздѣльно владѣетъ: „что угодно, только не это!"

Другимъ, гораздо болѣе обыкновеннымъ и несравненно менѣе трагичнымъ источникомъ фетишизаціи средствъ является нравственный императивъ или „долгъ".

Характеристическая особенность морали состоитъ, какъ извѣстно, въ ея противопоставленіи себя міру фактовъ, тому что метафизика называетъ „бытіемъ". Императивъ „ты долженъ",— въ двоякомъ смыслѣ независимъ отъ бытія. Во-первыхъ, онъ декретируетъ свои велѣнія, какъ нѣчто, абсолютно, *качественно* отличное отъ тѣхъ стимуловъ удовольствія и страданія, которые направляютъ волю человѣка въ данный моментъ. Во-вторыхъ, онъ не считается съ эмпирической возможностью достиженія того или иного результата, и вообще не интересуется результатомъ; долгъ не говоритъ „ты долженъ *осуществить* то-то и то-то",—такое при-

казаніе въ *категорической* формѣ было бы явно нелѣпо, — онъ говоритъ лишь: „ты долженъ поступать такъ-то и такъ-то, *что бы изъ этого ни вышло*“. Мы оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, какимъ образомъ абсолютная норма можетъ *фактически* опредѣлить волю, при помощи какого процесса пресуществленія абсолютъ претворяется здѣсь въ конкретное эмпирическое требованіе. Допустимъ, что этическій характеръ такъ или иначе примѣнился къ опредѣленному типу дѣйствій. Тотъ результатъ, къ которому приводятъ эти дѣйствія, хотя бы онъ представлялся непосредственно „привлекательнымъ“, „пріятнымъ“, теперь утрачиваетъ свое исключительно опредѣляющее значеніе, отступаетъ на задній планъ. Онъ можетъ оказаться недостижимымъ при измѣнившихся обстоятельствахъ, и совершенно исчезнуть въ качествѣ направляющаго волю „мотива“; но сверхъэмпирическая санкція даннаго „правила поведенія“ нимало не зависитъ отъ эмпирическихъ перемѣнъ, она остается въ прежней силѣ: такимъ образомъ то, что прежде было только средствомъ, фиксируется и консервируется моральнымъ абсолютомъ, какъ самостоятельная, ни отъ какого конкретнаго удовольствія не зависящая „цѣль“, какъ „самоцѣль“.

Разрывая телеологическіе ряды непосредственнаго удовольствія, моральный принципъ не въ состояніи, однако, совершенно вытѣснить гедоническія цѣнности и замѣнить ихъ моральными. Абсолютизмъ морали не есть невозможность конфликтовъ между нею и гедоническими мотивами, но лишь принципіальная „несоизмѣримость“ ея съ этими послѣдними. Долгъ утверждаетъ себя въ психикѣ не какъ *естественный* законъ воли, а какъ *карательный* законъ: моральное преступленіе „вмѣняется“ человѣку совершенно независимо отъ того, какія эмпирическія переживанія наполняли его психику въ моментъ совершенія безнравственнаго поступка.

Но къ кому или къ чему относится это „вмѣненіе“?

Если мы будемъ разумѣть подъ „человѣкомъ“ психологическое „я“, общее обозначеніе потока переживаній, связанныхъ между собою эмпирической непрерывностью памяти, то, очевидно, такого „суммарнаго“ человѣка столь же мало можно обвинять, за безнравственность его отдѣльнаго поступка, какъ, напримѣръ, типъ позвоночныхъ за отвратительный видъ лягушки. Не менѣе затруднительно перенести отвѣтственность на самый безнравственный поступокъ. Обвинять данный фактъ въ томъ, что онъ *данъ* намъ не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, осыпать лягушку градомъ упрековъ за то, что она не бабочка—операція, для которой трудно подыскать какіе-либо „мотивы“ какъ въ области теоретическаго, такъ и въ области практическаго разума. Остается обратить наше возвышенное слово моральнаго увѣщанія не къ поступку, какъ данному факту, а къ тому психологическому процессу, который подготовилъ его въ „душѣ“ преступника. Въ качествѣ обвиняе-

го теперь встаетъ передъ нами телеологическій рядъ: чувство удовольствія — антиципированное „грѣховное“ удовольствіе — репятствіе“ въ видѣ велѣнія долга—борьба гедоническаго мова съ этическимъ—побѣда перваго – реализація „зла“ съ точки ѣнія этики, „освобожденіе“ съ точки зрѣнія направленной на „воли“. Каждый изъ элементовъ представленія или эмоціи, крываемый въ этомъ комплексѣ, конечно, было бы нелѣпо двергнуть нравственному взысканію, ничуть не умнѣе, нежели рушиваться на самый фактъ уже реализованнаго „зла“.

Но вотъ „воля“? мы, кажется, нашли виновника. Радостное вство удовлетвореннаго правосудія заставляетъ насъ преатить аналитическія изысканія какъ можно скорѣе, не дожиясь, пока они откроютъ, что „воля“, какъ и „человѣкъ“, сумрный терминъ, обозначеніе сложнаго комплекса эмоцій и предавленій. Къ чему дальнѣйшая разъѣдающая работа разсудка? ьмы низкихъ истинъ намъ дороже насъ возвышающій приматъ!“ вольно съ насъ смутнаго представленія, что воля нѣчто отличе отъ воспріятія и эмоціи, нѣчто связанное съ какою-то „своной“, съ какими-то „возможностями“, т. е. нѣчто, принципіально вѣтственное за свои дѣянія, и въ данномъ случаѣ нѣчто, немнѣнно „злое“. Въ кандалы ее! Правда, еще Шопенгауэръ съ лной убѣдительностью доказывалъ, что воля, даже аналитичей не разложенная (или, что то же, метафизически простая), отдь не признаетъ „свободы“ въ смыслѣ безпрепятственной товности претерпѣвать этическія экзекуціи. Для воли сущевуетъ лишь свобода „отъ чего-нибудь“, какъ мотивъ, а не свода „къ чему-нибудь“, какъ опредѣляющая сила: „свободно“ значитъ „сообразно съ направленіемъ воли“; если же мы рашиваемъ, свободна ли сама воля, то мы спрашиваемъ въ щности, сообразна ли воля съ собой: это, правда, ясно безъ льнѣйшихъ разсужденій, но этимъ рѣшительно ничего не скано“ *). Но что намъ за дѣло до Шопенгауэра! Шопенгауэръ лъ извѣстный пессимистъ, призывалъ человѣчество къ квіетиву, нирванѣ, — мы же хотимъ упрятать въ нирвану лишь „зло“, человѣчество зовемъ къ жизни и работѣ... разумѣется, въ прелахъ закона. Для насъ недостаточна отрицательная свобода, декретируемъ свободу положительную, творческую способсть начинать изъ себя рядъ дѣйствій, не *данный* рядъ дѣйствій, рядъ дѣйствій вообще, какихъ угодно... Но позвольте, изъ кого же это изъ „себя“? Вѣдь до сихъ поръ передъ нами былъ лько единичный актъ воли, да еще прошедшій, т. е. отдѣленй отъ насъ непроходимою пропастью времени. Не будетъ ли ше нравственное осужденіе имѣть такой же платоническій рактеръ, какъ заочный приговоръ надъ преступникомъ, покинувимъ предѣлы отечества? Хотя мы и охотно ведемъ свое проис-

*) Schopenhauer's Sämmtliche Werke. Verl. Reclam. B. III. S. 386.

хожденіе отъ божественнаго Платона, тѣмъ не менѣе платоническій характеръ не во всѣхъ своихъ модификаціяхъ представляется намъ привлекательнымъ. Неужели нельзя распространить нашу кару на „человѣка", который совершилъ преступленіе, неужели онъ имѣетъ полную возможность издѣваться надъ моральнымъ правосудіемъ и спокойно лелѣять новые антиморальные замыслы, ссылаясь на то, что теперь эмпирическое содержаніе его психики измѣнилось, актъ злой воли безслѣдно потонулъ въ Летѣ, и обновленное настоящее его „я" не можетъ отвѣчать за прошлое, за грѣхи своихъ предковъ.

Очевидно, не только эмпирическая „свобода", но и эмпирическій „человѣкъ" насъ не удовлетворяетъ, намъ необходимъ для нашей нравственной оцѣнки человѣкъ сверхъэмпирическій; этотъ послѣдній долженъ быть неизмѣннымъ, всегда себѣ равнымъ, однимъ словомъ внѣвременнымъ, вѣчнымъ,—вѣдь иначе нельзя бы было „вмѣнить" ему въ данный моментъ его прошлыя дѣянія; но съ другой стороны его необходимо поставить въ неразрывную связь со всѣмъ эмпирически измѣнчивымъ содержаніемъ психики, такъ какъ именно за эмпирическіе „грѣхи" мы и хотимъ привлекать его къ верховному суду морали.

Итакъ, назовемъ этого морально уязвимаго человѣка „вѣчнымъ носителемъ преходящихъ явленій", субстанціальной душой, или еще лучше—это сильнѣе подчеркнетъ его отвѣтственность—„неизмѣнной причиной всѣхъ измѣнчивыхъ дѣяній". Правда, такое словосочетаніе звучитъ довольно дико: понятіе причинной связи предполагаетъ непрерывный рядъ; каждая причина есть въ то же время слѣдствіе, т. е. продуктъ измѣненія, такъ что неизмѣнная причина—это какъ будто бы contradictio in adjecto. Кромѣ того, каждая причина предполагаетъ лишь одно опредѣленное слѣдствіе; причина, способная въ каждый данный моментъ свободно творить всѣ возможныя слѣдствія, опять таки слегка смахиваетъ на отрицаніе причинности. Но что нужды! Вѣдь только нашъ обыденный теоретическій, приложимый лишь къ жалкой эмпиріи, разумъ видитъ въ понятіи субстанціальной души сцѣпленіе плоскихъ противорѣчій. У насъ есть критерій надежнѣй и вѣрнѣй: нашъ приматъ практическаго разума, этотъ волшебный ключъ, позволяющій открывать всѣ замки. Намъ нужна субстанціальная душа,—декретируемъ ее! декретируемъ верховный метафизическій разумъ, который не мыслитъ, а „зритъ умовъ", „спекулируетъ", не обращая вниманія ни на какія противорѣчія, то бишь, примиряетъ въ высшемъ синтезѣ всякія противорѣчія.

Разумѣется, всѣ эти и подобныя имъ претензіи абсолюта встрѣтили бы лишь веселый смѣхъ, если бы пророкъ его двуединой правды обратился со своей проповѣдью къ обществу аморалистовъ, къ какимъ-нибудь обитателямъ Марса, выросшимъ совершенно внѣ тѣхъ соціальныхъ условій, которыя заставляютъ нашу бѣдную землю погрязать въ грѣховности, или, точнѣе

хронически болѣть сознаніемъ своей грѣховности. У насъ же моралистъ находитъ слишкомъ легкій откликъ почти въ каждомъ слушателѣ. Не только послѣдовательные сторонники формально-этическаго абсолютизма, но и многіе люди, „склоняющіеся къ позитивному міровоззрѣнію“, принципіально отвергающіе абсолютизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, на дѣлѣ чувствуютъ въ душѣ своей тотъ же категорически повелительный голосъ. Не смѣя отрицать его, боясь, строго говоря, даже прикоснуться къ нему, они пытаются лишь подвести подъ него позитивный фундаментъ; въ результатѣ получаются системы этики, quasi-научный характеръ которыхъ только укрѣпляетъ убѣжденіе абсолютовъ въ универсальности категоріи долженствованія.

Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что „обосновать“ этику научно,— проблема по самой своей постановкѣ совершенно безнадежная. Наука можетъ, конечно, выяснить тѣ историко-соціальныя условія, при которыхъ возникаютъ данные кодексы морали, она имѣетъ право поставить и болѣе общій вопросъ: въ связи съ какими воздѣйствіями соціальной среды впервые возникъ въ сознаніи человѣка „долгъ“, какъ таковой, самая форма абсолютнаго долженствованія, и при какихъ перемѣнахъ въ общественной структурѣ можно предвидѣть гибель этой формы *). Никакая наука не можетъ, однако, заставить меня считать что-либо за долгъ, если непосредственный самоанализъ не открываетъ во мнѣ и признаковъ долга, какъ категорическаго велѣнія. Никакое научное изслѣдованіе не въ состояніи построить систему *дѣйствующей* морали, *предписать* рядъ общеобязательныхъ нормъ, разъ оно не исходитъ изъ моральнаго сознанія, какъ *даннаго факта*,— въ этомъ *практическомъ* смыслѣ моралисты вполнѣ правы, когда говорятъ, что этику нельзя вывести изъ неэтическихъ элементовъ.

Сколько бы мы ни анализировали отдѣльные случаи воли, опредѣляемой антиципированнымъ удовольствіемъ, какъ бы мы ни комбинировали ихъ, мы отъ фактовъ гедонически направленной воли никоимъ образомъ не можемъ перейти къ нормѣ, предписывающей, какъ воля *должна* быть направлена. Само слово „должна“ въ его категорическомъ, автономномъ значеніи лишено здѣсь всякаго смысла. У гедониста за каждымъ „я долженъ“ слѣдуетъ „для того, чтобы“. „Я долженъ поступить такъ-то и такъ-то, *для того, чтобы* достигнуть данной „цѣли“, т. е. овладѣть вещью, способной доставить мнѣ извѣстное удовольствіе или устранить извѣстное страданіе. Наоборотъ, съ этической точки зрѣнія „я долженъ“ ни въ какихъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ не нуждается. „Для чего я долженъ?“ или „почему я долженъ?“— вопросы, самой своей постановкой отрицающіе этику. Специфи-

*) Разумѣется, послѣдній вопросъ „психологически доступенъ“ лишь ученому аморалисту, который не считаетъ нравственный императивъ „конститутивнымъ“ признакомъ человѣка, какъ такового.

чески нравственное состоитъ именно въ эмансипаціи долга отъ всякихъ обоснованій извнѣ.

Поэтому когда въ современной полемикѣ оперируютъ съ такими понятіями, какъ „гедоническая нравственность“, „освобожденіе морали отъ долга“, „научная нравственность“, то уже самой постановкой вопроса исключаютъ возможность удовлетворительнаго рѣшенія. „Долгъ“ — специфическая характеристика моральнаго сознанія; „освободить мораль отъ долга“—значитъ освободить сознаніе отъ морали. Такое же плоское противорѣчіе представляетъ и словосочетаніе „гедоническая нравственность“; о „научной“ мы уже говорили выше,

Если бы критика гедонизма ограничивалась раскрытіемъ невозможности гедонической морали, мы ничего бы не имѣли возразить противъ нея,—въ этихъ предѣлахъ она является въ сущности не критикой въ разрушительномъ смыслѣ этого слова, а только строгимъ разграниченіемъ антиномичныхъ понятій „гедоническій“—„моральный“.

Однако, идеалисты не ограничиваются этимъ размежеваніемъ двухъ противоположныхъ психологическихъ типовъ; они стремятся изгнать гедонизмъ не только изъ области должнаго, но и изъ области сущаго, показать его психологическую невозможность.

„Гедонизмъ не выдерживаетъ даже легкаго прикосновенія психологической критики“, заявляетъ, напримѣръ, г. Бердяевъ *). „Психологія опредѣленно учитъ, что человѣкъ стремится не къ удовольствію—это было бы совершенно безсодержательное стремленіе, а къ тѣмъ или другимъ объектамъ съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Если я иду въ концертъ слушать музыку, то объектомъ моего желанія является не удовольствіе, а музыка, удовольствіе—только послѣдствіе“. Но позвольте, почему же удовольствіе безсодержательно? „Удовольствія“, какъ мы ихъ непосредственно переживаемъ, т. е. конкретныя пріятныя чувствованія, наполнены самымъ разнообразнымъ и богатымъ содержаніемъ. Безсодержательно только *понятіе* удовольствія, конечная абстракція, служащая для нашего познанія общимъ обозначеніемъ всего, привлекающаго къ себѣ волю. Но вѣдь каждый единичный актъ воли опредѣляется не познавательной абстракціей „удовольствія“, а именно конкретнымъ переживаніемъ, которое встаетъ передъ нами, какъ цѣль, антиципируется во всей полнотѣ непосредственно данныхъ въ немъ чувствованій. Не волю мы направляемъ къ тому, что намъ представляется непосредственно „цѣннымъ“ на основаніи какихъ-либо апріорныхъ, внѣ эмпирическихъ фактовъ стоящихъ соображеній; наоборотъ, цѣннымъ или „удовольствіемъ“ называемъ мы то, къ чему, какъ показываетъ наблюденіе, фактически направляется наша воля. Удовольствіе есть результатъ

*) „Проблемы идеализма“, стр. 98 и сл.

:пріятія музыки, говоритъ г. Бердяевъ. Пусть такъ. Удоволь-
ie дѣйствительно результатъ, и оно было *только* результатомъ,
гда музыка впервые предстала передъ г. Бердяевымъ, какъ
ктъ, т. е. не являясь еще „цѣлью" телеологическаго ряда.
на будущее время результатъ этотъ, разъ соединенный съ
редѣленными музыкальными пьесами, неизбѣжно возникаетъ
сознаніи вмѣстѣ съ ихъ воспоминаніемъ; и послѣднее лишь
столько способно вызвать активную волю, поскольку съ ними
язанъ именно *этотъ* результатъ, а не какой-либо иной. Неза-
симое отъ удовольствія содержаніе „пріятнаго" объекта не
жетъ заключаться ни въ чемъ иномъ, какъ въ элементахъ
стаго представленія,—но вѣдь характеристическая черта этихъ
слѣднихъ, ихъ „чистота", какъ разъ и состоитъ въ безразличіи
я воли,

Возраженіе г. Бердяева имѣло бы нѣкоторый смыслъ лишь
томъ случаѣ, если бы гедонизмъ выдвигалъ удовольствіе не
съ конкретную фактическую цѣль воли, а какъ абстрактный
инципъ, къ которому воля „должна" стремиться. Такимъ обра-
зъ аргументація нашего критика направлена въ сущности не
отивъ аморальнаго гедонизма, а противъ какой-то фантастиче-
ой моральной системы, провозглашающей „удовольствіе" вер-
вной *нравственной* цѣнностью.

Впрочемъ, недоразумѣнія, въ которыя впадаетъ здѣсь г. Бер-
явъ, сравнительно не часты. Отрицать гедонически направлен-
о волю—это значитъ, строго говоря, отрицать возможность
нфликтовъ между моральнымъ закономъ и внѣморальными
буждeніями, но именно фактъ такихъ конфликтовъ и соста-
яетъ самый корень этической проблемы идеалистовъ. Кантъ
ываетъ даже „антиноміей практическаго разума *) противо-
ніе между идеаломъ счастья (Glückseligkeit) и идеаломъ нрав-
еннаго совершенства. Автономный моральный принципъ не
жетъ черпать своего достоинства въ гедонической санкціи,—
было бы его самоотрицаніемъ. Счастье допустимо, какъ ре-
льтатъ нравственной жизни, но не какъ опредѣляющій моментъ
Въ свѣтѣ моральнаго сознанія результатъ этотъ представляется
мъ-то случайнымъ, не имѣющимъ въ себѣ никакой „значимо-
": но человѣкъ трудно мирится съ такой постановкой вопроса,
склоненъ *требовать* отъ морали, чтобы она обезпечила ему
стье. Принципіальная несогласимость этихъ двухъ требованій
представлялась Канту „антиноміей". Гармонизація моральныхъ
внѣморальныхъ побужденій и до сихъ поръ составляетъ одинъ
текущихъ вопросовъ этики (см., напр., статью г. Франка въ
роблемахъ идеализма". особенно стр. 180 и сл., статьи г. Струве
Ницше, недавно вышедшую книгу Геффдинга „Religionsphilo-
hie", послѣдній отдѣлъ и мн. др.).

*) „Kritik der praktischen Vernunft". Изд. Реклама. 136—137.

Фактъ гедонической воли не подлежитъ никакому сомнѣнію. Но можетъ ли гедонизмъ, оставаясь самимъ собою, т. е. не прибѣгая къ этической санкціи, пойти дальше констатаціи этого факта? Способенъ ли онъ, исходя только изъ содержанія отдѣльныхъ волевыхъ актовъ, установить какія-либо нормы ихъ согласованія и соподчиненія? Вѣдь каждое удовольствіе, какъ оно дано намъ въ непосредственномъ переживаніи, представляетъ нѣчто sui generis, нѣчто несоизмѣримое и несравнимое ни съ чѣмъ другимъ. „Удовольствіе отъ хорошаго ростбифа или шампанскаго нельзя сравнить съ удовольствіемъ отъ философской книги или художественнаго произведенія, нельзя даже спрашивать о томъ, что доставляетъ большее *количество* удовольствія" *). Совершенно справедливо, и даже болѣе того: не только философская книга со стороны доставляемаго ею удовольствія количественно не сравнима съ ростбифомъ *или* шампанскимъ, но ростбифъ *и* шампанское въ этомъ смыслѣ столь же мало сравнимы между собой. Всякое переживаніе качественно своеобразно, и лишь познаніе, замѣняя это своеобразіе условнымъ символомъ, соизмѣримымъ съ другими, можетъ осуществить *количественную*, соизмѣримость. Но, очевидно, никакая „символика воли" не мыслима. Воля возникаетъ и исчезаетъ въ неразрывной связи съ непосредственнымъ *качествомъ* переживанія; уничтожая это качество, мы уничтожаемъ самую волю. Итакъ, повидимому, разумъ гедониста можетъ только описывать данные факты воли, а отнюдь не предписывать опредѣленныя правила поведенія; гедонистъ подобно животному пассивно отдается хаосу безпорядочно смѣняющихъ другъ друга чувственныхъ побужденій; только этика, постулируя норму, какъ prius удовольствія, способна вывести бѣдняка изъ этого ужаснаго мрака на свѣтъ Божій.

Посмотримъ, дѣйствительно ли положеніе гедониста такъ безнадежно. Прежде всего спросимъ себя, въ какой степени „максимумъ счастья", какъ жизненная задача, требуетъ *количественнаго* сравненія удовольствій? Осуществить наибольшее счастье—это значитъ вмѣстить въ данныя рамки жизненнаго періода возможно большее число пріятныхъ переживаній и довести каждое отдѣльное переживаніе до возможно высшей степени его интенсивности. Только въ томъ случаѣ, если опытъ обнаружитъ, что два переживанія, характеризуемыя нами какъ пріятныя, совершенно исключаютъ другъ друга, ни въ какой комбинаціи не совмѣстимы, только тогда передъ нами встаетъ вопросъ о „выборѣ", т. е. о сравненіи различныхъ чувствованій. Начать свою регулятивную работу гедонистъ, очевидно, долженъ съ отдѣльнаго переживанія, съ выясненія тѣхъ условій, при которыхъ оно достигаетъ максимума яркости и силы.

Опытъ показываетъ, что каждое конкретное удовольствіе, не

*) Бердяевъ: „Проблемы идеализма", стр. 100.

мѣняя своего общаго характера (т. е. того, что создаетъ его специфическое *качество*) способно въ зависимости отъ внѣшнихъ условій проходить различныя степени интенсивности. Напримѣръ, маленькій глотокъ шампанскаго возбуждаетъ мимолетное вкусовое удовольствіе и столь же мимолетное ощущеніе общей пріятной теплоты. Бокалъ его уже слегка „бросается въ голову“: теплота охватываетъ все „я“, согрѣваетъ не только тѣло, но и чувства и мысли, весь міръ окрашивается въ болѣе яркіе и привлекательные цвѣта, чѣмъ прежде, мы ощущаемъ приливъ энергіи и силы, повышенную Unternehmungslust. Ощущеніе это достигаетъ максимума, положимъ, при трехъ бокалахъ. При дальнѣйшемъ возліяніи волна чувственнаго подъема начинаетъ падать, тяжелый дурманъ заволакиваетъ горизонтъ сознанія, яркія краски блѣднѣютъ и, наконецъ, совершенно тонутъ въ какой-то мглѣ полнаго безразличія: „человѣкъ пьянъ до безчувствія“. Допустимъ, что очерченный здѣсь процессъ мы переживаемъ впервые, какъ первый опытъ опьяненія. Безсмысленная растрата психической энергіи даетъ себя знать въ видѣ такъ называемаго „похмѣлья“, Katxenjammer'а: пониженный тонъ жизни возстановляется крайне медленно, съ задержками и зацѣпками, вызывающими чувство подавленности, общей пустоты и безвкусицы. Это печальное состояніе заставляетъ насъ задуматься надъ его источникомъ, мы анализируемъ процессъ и (конечно, приблизительно) опредѣляемъ тѣ условія, при которыхъ данное удовольствіе достигаетъ своего максимума. Въ результатѣ получается норма: „я не долженъ пить болѣе трехъ бокаловъ“. Какое значеніе имѣетъ норма эта для воли? Во-первыхъ, она разрушаетъ иллюзію: раньше мы *надѣялись*, что наше повышенное настроеніе будетъ возрастать безпредѣльно: теперь мы *знаемъ*, что за даннымъ предѣломъ (3 бокала) оно будетъ падать. Во-вторыхъ, она присоединяетъ къ антиципированному удовольствію вкусового ощущенія, какъ противоположный мотивъ, антиципированное состояніе Katzenjammer'а. Устраненіе одного мотива другимъ вовсе не есть, конечно, простой разсудочный *выборъ*. „Взвѣшиваніе“ - очень неудачная и поверхностная аналогія: мы совершенно не въ состояніи сказать, сколько бокаловъ шампанскаго надо выпить, для того, чтобы сумма пріятнаго вкусового ощущенія „уравновѣсила“ непріятность столькихъ то часовъ Katzenjammer'а. Мотивы не „оцѣниваются“ здѣсь, а борются, одинъ заступаетъ мѣсто другого, отодвигаетъ и, наконецъ, совершенно вытѣсняетъ изъ сознанія своего соперника. И, разумѣется, побѣда именно того мотива, на стражѣ котораго стоитъ наша норма, тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ глубже, прочнѣе внѣдрилась она въ наше сознаніе, какъ результатъ предшествовавшаго волевому акту анализа, чѣмъ больше наша увѣренность въ правильности послѣдняго, чѣмъ отчетливѣе и настойчивѣе была наша разсудочная работа надъ опытами жизни.

Такимъ образомъ уже самая возможность воспользоваться даннымъ конкретнымъ видомъ удовольствія во всей его полнотѣ предполагаетъ контролирующую дѣятельность разума. Это справедливо не только по отношенію къ удовольствію, которое, продолжаясь за извѣстные предѣлы, физически истощаетъ организмъ, вызывая Ketzenjammer, но и по отношенію ко всякому, хотя бы самому „невинному", переживанію. Представимъ себѣ какой-нибудь не слишкомъ сложный и непосредственно пріятный зрительный комплексъ, напримѣръ, уголокъ голубого швейцарскаго озера съ отражающимся въ немъ изумруднымъ склономъ горы. Когда вы нечаянно бросаете взглядъ на эту картину, она производитъ на васъ интенсивно пріятное, „чарующее" впечатлѣніе. Но попробуйте всецѣло отдаться созерцанію, постарайтесь устранить всякіе посторонніе, возмущающіе единство настроенія образы, такъ, чтобы въ полѣ вашего сознанія не осталось ничего, кромѣ этого свѣтлаго, ласкающаго взоръ, голубовато-зеленаго пятна. Очень скоро пріятный характеръ ощущенія исчезаетъ, оно какъ бы подергивается дымкой, вы чувствуете себя „загипнотизированнымъ", впадаете въ полузабытье и при достаточно добросовѣстной фиксаціи дѣйствительно забываетесь сномъ. Эта невозможность *фиксировать* максимумъ даннаго наслажденія, сказать мгновенью „стой", служитъ, какъ извѣстно, источникомъ безконечныхъ ламентацій поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ, она же лежитъ въ основѣ Шопенгауэровскаго пессимизма: „въ результатѣ каждаго удовлетворенія является только „скука", поэтому лучше ничего не желать, добиться полнаго квіетива воли". Результатъ удовлетворенія есть дѣйствительно „скука", но самое удовлетвореніе, какъ процессъ, есть несомнѣнное наслажденіе. Шопенгауэръ выдвинулъ пессимистическій квіетивъ воли лишь за невозможностью осуществить эвдемоническій квіетивъ ея. Но самое требованіе квіетива было у него предпосылкой, а не выводомъ: лишь недостижимость *неизмѣннаго* блаженства на почвѣ осуществленной воли заставила его искать гармоніи безволія.

Гедоническій принципъ состоитъ не въ томъ, чтобы найти мгновеніе, которому можно и стоитъ крикнуть „стой", а въ томъ, чтобы каждому мгновенію, какъ бы блаженно оно ни было, во время сказать „довольно!" Но это „довольно" есть въ то же время „впередъ!" и „снова!". Недостаточно опредѣлить норму каждаго пріятнаго переживанія, необходимо еще такъ скомбинировать ихъ, чтобы они возможно плотнѣе заполняли мою жизнь, не оставляли пустотъ и пробѣловъ, не подавляли другъ друга, но слѣдовали въ стройномъ порядкѣ, непрерывно поддерживая повышенный тонъ жизни. Для человѣческой психики, какъ для земли, не безразлично, какія сѣмена и въ какой послѣдовательности попадаютъ въ ея нѣдра. Агрономія учитъ, что одни и тѣ же виды растеній, смотря по тому, въ какомъ порядкѣ мы ихъ выращиваемъ, способны и истощить землю въ немного лѣтъ,

сдѣлать ее надолго безплодной, и, наоборотъ, слѣдовать безконечной чередой, служа удобреніемъ другъ для друга, нимало не понижая творческихъ силъ почвы. То же самое открываетъ намъ самонаблюденіе въ области нашихъ внутреннихъ переживаній: и здѣсь только при извѣстной послѣдовательности, при опредѣленномъ гармоническомъ сочетаніи, каждое положительное чувствованіе можетъ достигнуть наибольшей интенсивности, а слѣдовательно жизнь въ цѣломъ—максимальнаго счастья. Установить этотъ принципъ гармонизаціи возможно, конечно, только для данной индивидуальной психики. „Общепризнанность" здѣсь гораздо менѣе достижима, нежели въ области познанія, гдѣ мы отвлекаемся отъ тѣхъ качественныхъ оттѣнковъ, отъ тѣхъ специфически индивидуальныхъ чертъ нашей психики, которыя въ данномъ случаѣ какъ разъ и представляютъ особенный интересъ. Поэтому совершенно невозможно указать какія-либо общеобязательныя или „общезначимыя" правила поведенія, разъ мы задачей послѣднихъ поставимъ внесеніе наибольшей гармоніи въ эмпирически данную психику: тутъ мы вступаемъ въ область чисто личнаго творчества, результаты и принципы котораго не только не являются законами для человѣка „вообще", но зачастую не могутъ быть даже формулированы,—ибо слово по самому происхожденію своему *соціально*, т. е. способно охватить лишь родовое въ переживаніи.

Естественно, что этика своей претензіей на абсолютизмъ, на безусловную святость своихъ нормъ отталкиваетъ отъ себя гедониста: гдѣ раздаются слова о святости принциповъ, тамъ уже чувствуется запасъ костровъ для отступниковъ. Автономность „моральнаго" „я" слишкомъ слабое утѣшеніе для того, кто именно моральнаго „я" при всемъ желаніи не можетъ открыть въ себѣ. „Я" гедониста—это потокъ фактическихъ переживаній во всемъ блескѣ и разнообразіи его живыхъ красокъ; совокупность немногихъ, скудныхъ по содержанію „свойствъ, общихъ всѣмъ людямъ, эта бѣдная и блѣдная абстракція „всечеловѣка" менѣе всего способна внушить гедонисту энтузіазмъ. Совпадаетъ, или не совпадаетъ принципъ гармонизаціи моего эмпирическаго „я" съ аналогичными принципами индивидуумовъ A, B, C, D...—для меня сравнительно безразлично. Важно лишь создать такія условія общежитія, при которыхъ каждое эмпирическое „я" могло бы съ наименьшимъ треніемъ *творить себя*, осуществлять на дѣлѣ свою внутреннюю гармонію.

Но мы уже слышимъ презрительныя слова, характеризующія „послѣдняго человѣка": „скромно обнявъ одно маленькое счастье, они уже скромно косятся на слѣдующее маленькое счастье". „Послѣдній человѣкъ" въ качествѣ спасительнаго пугала пріобрѣлъ у насъ огромную популярность: его не устаютъ выставлять для посрамленія безнравственныхъ гедонистовъ. Но въ чемъ же уничтожающая сила вышеприведенной характеристики? Развѣ въ

словѣ „счастье“? Ничуть,--только въ эпитетахъ „скромный“ и „маленькій“. Замѣните ихъ противоположными и у васъ получится совершенно иной образъ: „смѣло овладѣваютъ они всѣми дарами счастья, по никогда не довольные, мощно прокладываютъ путь свой впередъ, къ новому счастью“. Изъ понятія „счастье“ столь же мало слѣдуетъ, что оно должно быть непремѣнно маленькимъ, какъ изъ понятія нравственнаго закона, что содержаніе его нормъ должно быть непремѣнно крупнымъ.

Психологія мѣщанства состоитъ въ стремленіи сохранять разъ осуществленную гармонію въ данныхъ узкихъ рамкахъ, отгородиться отъ жизни двойными рамами, крѣпкими засовами и цѣпными собаками. Стремленіе это тѣмъ сильнѣе, что и достигнутое уже „маленькое счастье“ является не продуктомъ свободной эвристической организаціи переживаній, а результатомъ стихійнаго приспособленія къ даннымъ формамъ, а priori признаннымъ непререкаемыми: „и у насъ, какъ у людей!“ -- вотъ гордость мѣщанина. Совершенно непонятно, почему гедоническій аморализмъ долженъ непремѣнно приводить къ мѣщанству. Какъ разъ наоборотъ, именно мѣщанину всего нужнѣе этическая санкція, для того чтобы хоть нѣсколько скрасить трусливую бѣдность своего существованія,--исторія дѣйствительно показываетъ, что мѣщанство всегда являлось наиболѣе прочною опорою нравственности. Мы не хотимъ, впрочемъ, сказать, что изъ самаго *принципа* гедонизма неизбѣжно слѣдуетъ призывъ къ непрерывному творчеству новыхъ цѣнностей. Предоставимъ арену апріорной эквилибристики въ безраздѣльное пользованіе идеалистовъ, и не будемъ соблазняться тѣмъ, что они якобы *логически* выводятъ прогрессивный характеръ всякой истинной морали изъ *понятія* абсолютнаго долженствованія. Мы увидимъ еще, насколько велика „цѣнность“ такой аргументаціи.

Съ нашей точки зрѣнія достаточно констатировать тотъ фактъ, что при данныхъ историческихъ условіяхъ гедонизмъ имѣетъ наименьшіе шансы принять форму мѣщанской приверженности къ старому, испытанному счастью и мѣщанскаго страха передъ „новымъ“, какъ таковымъ, все равно, несетъ ли оно съ собою счастье или страданіе. Никакіе замки и затворы, никакія непогрѣшимыя правила жизни не способны защитить современнаго мѣщанина отъ наплыва новыхъ идей, чувствованій, представленій. Мѣщанинъ можетъ, какъ въ извѣстной пьесѣ Горькаго, двадцать пять лѣтъ не мѣнять расположенія мебели въ своемъ домѣ, но ничто не спасаетъ его отъ тѣхъ мучительныхъ перестановокъ и смѣщеній, которыя происходятъ въ его головѣ подъ вліяніемъ новыхъ, чуждыхъ ей жизненныхъ содержаній. Мѣщанинъ несомнѣнно гибнетъ. Насколько же велика психологическая вѣроятность, что гибнущій человѣкъ, человѣкъ видящій въ окружающемъ мірѣ лишь сплетеніе эмпирически безысходныхъ трагизмовъ, что такой человѣкъ признаетъ „счастье“

основнымъ двигателемъ существованія? Гораздо естественнѣе ему прибѣгнуть подъ сѣнь моральнаго авторитета. Онъ будетъ брюзжать, тщетно призывая традиціонныхъ абсолютовъ, умирающихъ вмѣстѣ съ нимъ,—какъ мѣщанинъ Горькаго, или станетъ кликушествовать, подновитъ наслѣдственнаго абсолюта благопріобрѣтеннымъ Діонисомъ и покончитъ свое бренное существованіе въ пучинѣ мистической оргійности, – какъ нѣкоторые современные мѣщане болѣе высокаго ранга.

Гедонизмъ привлечетъ къ себѣ лишь тѣхъ, кто умѣетъ въ современной борьбѣ предвкушать счастье побѣды, кого не пугаетъ быстрая смѣна поколѣній въ мірѣ жизненныхъ цѣнностей. Современные гедонисты не могутъ поставить идеаломъ гармоніи толстую стѣну, отгораживающую данный комплексъ переживаній отъ всего остального міра. Самую смѣну жизненнаго содержанія вынуждены они включить въ свой регулятивный принципъ. Ихъ задача — такъ построить свою психику, свое „я“, чтобы новыя цѣнности, открываемыя жизнью, съ наименьшимъ треніемъ могли присоединяться къ старымъ: принципъ гармонизаціи данныхъ гедоническихъ цѣнностей долженъ въ то же время расчищать дорогу для переоцѣнки всѣхъ цѣнностей.

Задача эта, конечно, нелегкая и обыкновенно осуществляется очень несовершенно. Большинство изъ насъ живетъ порывами, переходя отъ періодовъ временнаго оживленія къ періодамъ упадка и застоя; огромная часть психической энергіи растрачивается безсмысленно; постоянно дѣятельная воля, устойчивое чувство полноты и гармоніи жизни составляетъ рѣдкое исключеніе. Но трудность еще не есть невыполнимость. И во всякомъ случаѣ очевидно, что даже идеальная гармонія счастья никакого количественнаго сравненія удовольствій не требуетъ. Мы уже видѣли, что въ непосредственномъ актѣ воли нѣтъ выбора или взвѣшиванія мотивовъ, а есть лишь борьба ихъ, вытѣсненіе одного другимъ. Но и на той предварительной стадіи, когда мы стараемся усилить въ своемъ сознаніи извѣстный мотивъ, намъ никогда не приходится прибѣгать къ количественному уравненію. Гармонизація жизни состоитъ не въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ удовольствій, какъ эквивалентныхъ другъ другу въ извѣстныхъ количественныхъ соотношеніяхъ, а въ попыткѣ выработать такія нормы, которыя позволили бы вмѣстить въ жизнь всѣ доступныя ей удовольствія.

Но, положимъ, мы убѣждаемся, что какой-либо конкретный видъ наслажденія, представляя кратковременную вспышку интенсивнаго пріятнаго чувства, влечетъ за собою общее пониженіе тона жизни, ослабляетъ нашу воспріимчивость ко всѣмъ возможнымъ видамъ наслажденія, и такимъ образомъ по мѣрѣ своего торжества въ психикѣ подрываетъ почву подъ самимъ собою, дѣлаетъ психику неспособной къ интенсивнымъ чувствованіямъ вообще. Тогда мы вступаемъ въ борьбу съ этою „пагубною

страстью“, стараемся выработать и упрочить исключающій ее мотивъ. Критеріемъ въ этой подготовительной работѣ является для насъ то общее чувство повышенности, полноты жизни, духовнаго подъема, которое мы ощущаемъ въ себѣ, какъ непосредственный показатель достигнутой, хотя бы случайно, гармоніи. Опытъ показываетъ, какая роль принадлежитъ каждому единичному переживанію и каждой единичной комбинаціи переживаній въ осуществленіи этого результата. Мы получаемъ такимъ образомъ возможность установить скалу чувствованій, расположить ихъ по ихъ сравнительной важности для нашей жизненной цѣли, совершенно не будучи въ состояніи прилагать количественную мѣрку къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Несмотря на иной критерій, задача здѣсь вполнѣ аналогична той, которую ставитъ передъ собой психологическая школа экономистовъ, пытаясь классифицировать потребности по ихъ сравнительной настоятельности. Какъ извѣстно, психологическое направленіе было внесено въ политическую экономію какъ разъ людьми идеалистическаго склада, не удовлетворявшимися тѣмъ „механическимъ“ критеріемъ трудовой цѣнности, который защищали англійскіе классики, ихъ французскіе вульгаризаторы и нѣмецкіе продолжатели. Потребности, какъ таковыя, не сравнимы, между тѣмъ возможность опредѣлить ихъ сравнительную настоятельность никѣмъ не оспаривается. Трудность начинается лишь съ того момента, когда экономисты, исходя изъ этой идеи, пытаются установить количественную эквивалентность полезностей, тѣ соотношенія, въ которыхъ послѣднія выступаютъ, какъ равнозначимыя въ обмѣнѣ. Эта задача дѣйствительно врядъ ли выполнима: однихъ она заставляетъ подъ покровомъ термина Productionsverwandte Cüter впустить въ окно трудовую цѣнность, только что изгнанную въ дверь, другихъ приводитъ къ „вѣрѣ“ въ антиномичное понятіе соціально-субъективной оцѣнки. Но при выработкѣ принципа жизненной гармоніи нашъ анализъ идетъ только до тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ онъ представляется безспорнымъ у экономистовъ-психологовъ. Намъ никогда не приходится „обмѣнивать“ гедоническія цѣнности, связывать знакомъ равенства опредѣленныя *количества* пріятныхъ переживаній, для насъ вполнѣ достаточно опредѣлить то значеніе, которое имѣетъ каждое изъ нихъ, взятое во всей его конкретной своеобразности, для общаго тона жизни.

Любопытно, что идеалисты, настаивая на качественной разнородности удовольствій, въ дѣйствительности имѣютъ обыкновенно въ виду именно количественный моментъ, несоизмѣримыми par excellence оказываются у нихъ *высшія* удовольствія по сравненію съ *низшими*, т. е., строго говоря, болѣе богатые содержаніемъ комплексы по сравненію съ болѣе бѣдными. Вспомнимъ, что г. Бердяевъ, противополагая удовольствіе отъ философской книги удовольствію отъ ростбифа „или“ шампанскаго, именно въ *возвышен-*

ности перваго видитъ качественно своеобразный моментъ, въ то время какъ оба послѣднія представляются ему чѣмъ-то однороднымъ. Но попробуемъ на мѣсто удовольствія отъ книги, этой сложной суммы разнообразныхъ переживаній, поставить удовольствіе отъ элементарнаго познавательнаго акта. Представимъ, напримѣръ, себѣ, что мы ночью идемъ по лѣсной тропинкѣ и видимъ на своемъ пути смутное очертаніе какого-то предмета, который мы никакъ не можемъ распознать; мы подозрѣваемъ въ немъ то медвѣдя, то бродягу, чувствуемъ нерѣшительность, стѣсненіе, „паденіе всѣхъ фиденціальныхъ цѣнностей“, какъ выразился бы Авенаріусъ; но вотъ выглянувшая изъ-за тучи луна бросаетъ свой свѣтъ на тропинку, и мы „уясняемъ“ себѣ, „узнаемъ“, что передъ нами большой пень. Специфическое удовольствіе этого познавательнаго акта сказывается въ быстромъ подъемѣ настроенія: „мурашки“ испуга смѣняются ощущеніемъ бодрости и теплоты, разливающейся по всѣмъ членамъ тѣла, мы смѣло продолжаемъ путь *). Удовольствіе, получаемое иззябшимъ человѣкомъ отъ рюмки вина мы также характеризуемъ, какъ приливъ бодрости и внутренней теплоты. Не подлежитъ сомнѣнію, что тождество является здѣсь лишь результатомъ несовершенства языка: на самомъ дѣлѣ и то, и другое удовольствіе заключаютъ въ себѣ специфическіе несравнимые оттѣнки, — но всякій согласится, конечно, что наслажденіе, получаемое отъ познавательной побѣды надъ страхомъ, ничуть не больше разнится отъ наслажденія, доставляемаго наркотической побѣдой надъ холодомъ, нежели это послѣднее и наслажденіе отъ куска ростбифа. Въ чемъ же заключается *высшій* характеръ удовольствія отъ хорошей философской книги? Въ томъ, что она не одного страшнаго медвѣдя превращаетъ въ безобидный пень, но преображаетъ огромныя области нашего сознанія, которыя прежде казались намъ ужасными чудовищами, зіяющими безднами, царствомъ безпросвѣтной тьмы; давъ опредѣленный толчекъ нашей мысли, книга помогаетъ намъ укротить этихъ чудовищъ, перебросить мосты черезъ бездны, разогнать мракъ и бодро проложить дорогу въ такія сферы, на границѣ которыхъ мы прежде

*) Возможно, конечно, что луна освѣтитъ передъ нами настоящаго медвѣдя. Но и въ этомъ случаѣ специфическій характеръ познавательнаго удовольствія не исчезаетъ совершенно. Познаніе опасности есть въ то же время познаніе средствъ борьбы съ нею, оно даетъ намъ возможность оріентироваться въ окружающей средѣ, повышаетъ нашу активность, нашу энергію. Поэтому-то ясно познанная опасность, какъ бы велика она не была, всегда характеризуется какъ нѣчто положительное по сравненію съ „томительной неизвѣстностью“, „мистическимъ ужасомъ“ и т. п. состояніями безпомощной растерянности и парализованности. Положительная эмоція бодрости, увѣренности, въ большей или меньшей степени сопутствуетъ всякому сведенію неизвѣстнаго къ извѣстному, загадочнаго къ понятному, и именно эта эмоція сообщаетъ притягательную силу познавательной дѣятельности въ ея наиболѣе элементарныхъ формахъ.

останавливались, объятые почтительнымъ трепетомъ. „Все это поверхностныя аналогіи“, скажетъ читатель. Мы не будемъ спорить съ нимъ; мы уже съ самаго начала признали качественную своеобразность каждаго отдѣльнаго удовольствія. Мы просимъ только расчленить сложный комплексъ увлекающей и „возвышающей“ васъ умственной работы на составные элементы и повнимательнѣе присмотрѣться къ каждому такому элементу въ отдѣльности. Совершивъ эту операцію, вы навѣрное откроете, что единичное, элементарное наслажденіе философствованія „возвышаетъ“ васъ ничуть не больше, чѣмъ превращеніе медвѣдя въ пень. Чувство высокаго въ данномъ случаѣ есть лишь результатъ богатства и концентрированности интенсивныхъ положительныхъ переживаній, а не каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Въ этомъ—и только въ этомъ—смыслѣ и мы готовы принять дѣленіе удовольствій на высшія и низшія.

Гедоническій принципъ гармонизаціи жизни ничего не предписываетъ эмпиріи „apriori“; отвергая, какъ ненужное, понятіе абсолютной цѣнности, онъ называетъ цѣннымъ всякое конкретное наслажденіе, извѣстное намъ изъ опыта; но онъ въ то же время утверждаетъ, что максимумъ интенсивнаго наслажденія возможенъ лишь какъ результатъ нормировки жизни, т. е. постоянной сознательной работы надъ матеріаломъ переживаній. Гедонизмъ не слѣдуетъ поэтому смѣшивать съ апоѳеозомъ стихійности, инстинктивности, съ такъ называемымъ „діонисовскимъ“ началомъ, которое за послѣднее время пріобрѣло особенную популярность въ качествѣ антитезы нормативнаго или „сократовскаго“ принципа *). Собственно говоря, отождествленіе бога Діониса съ „инстинктомъ“ крайне неправильно (хотя именно такъ чаще всего опредѣляетъ свое дѣтище отецъ Діониса Ницше). То, что мы называемъ инстинктомъ въ животныхъ и то, что мы порою ощущаемъ въ себѣ, какъ инстинктъ, менѣе всего похоже на отсутствіе всякой нормативности,—это вовсе не Діонисъ, это Сократъ, но Сократъ консервированный въ ряду поколѣній и потому совершенно утратившій свое скептическое „знаю, что ничего не знаю“. Инстинктъ есть *норма*, подчиняющая себѣ отдѣльныя переживанія, и настолько упрочившаяся въ насъ, что мы совершенно не сознаемъ ея эвристическаго характера,—она представляется намъ чѣмъ-то неразрывно связаннымъ съ самою нашей „природой“. Вѣдь птицѣ именно инстинктъ предписываетъ всю систему сложныхъ „правилъ“, необходимыхъ для по-

---

*) Необходимо отмѣтить, впрочемъ, что „богъ Діонисъ“ представляетъ далеко еще не установившійся терминъ. Нѣкоторые разумѣютъ подъ нимъ не отверженіе нормативности вообще, а лишь смѣлость превзойти всякую данную норму въ угоду новой, болѣе широкой, способной вмѣстить болѣе богатую и яркую жизнь. Противъ такого „Діониса“, отрицающаго не интеллектъ, а ограниченность интеллекта, не Сократа, а Митрофана, мы, конечно, ничего не имѣемъ возразить.

строенія гнѣзда; какое же тутъ отсутствіе нормативности. Гораздо удачнѣе „сущность“ бога Діониса передается предикатомъ „оргійный“, также довольно популярнымъ въ наши дни. Оргійный порывъ, стремленіе безраздѣльно отдаться во власть даннаго переживанія составляетъ дѣйствительно характерный моментъ діонисовскаго императива. Моралисты не хотятъ совершенно убить Діониса, они цѣнятъ въ немъ избытокъ силы и мощи, интенсивности и яркости жизни. Все, чего они добиваются,—это помирить Діониса съ моралью, т. е. устроить такъ, чтобы этотъ буйный богъ пускался своимъ бѣшенымъ, оргійнымъ галопомъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда ослабляетъ вожжи осѣдлавшій его Сократъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ гносеологическую проблему „какъ возможно осѣдланіе Діониса Сократомъ“? и посмотримъ лишь, насколько справедливо приписывается Діонису избытокъ жизненной силы. Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній возьмемъ Діониса въ той изъ его многочисленныхъ метаморфозъ, возвышенный и высоконравственный характеръ которой стоитъ внѣ всякихъ споровъ: въ формѣ мистическаго экстаза. Цѣль мистики осуществить блаженство религіознаго созерцанія во всей его полнотѣ и силѣ. Стремленіе освободить мистическій экстазъ отъ всякихъ земныхъ примѣсей, довести его чистоту и яркость до возможно высшихъ предѣловъ, именно этотъ порывъ властнаго религіознаго чувства, а отнюдь не гносеологическія соображенія, заставляютъ мистиковъ отбросить всякія конкретныя опредѣленія божества. Отсюда бунтъ ихъ противъ догматическихъ формулъ, противъ „слова“ вообще. „Высшее“ невыразимо, — это „ничто всѣхъ вещей“, какъ говоритъ одинъ средневѣковый мистикъ. Всякія словесныя обозначенія, всѣ эти поверхностныя аналогіи съ человѣческими свойствами должны быть отброшены, такъ какъ онѣ приковываютъ къ землѣ, подрѣзываютъ крылья мощному полету мистическаго чувства, не даютъ свободно воспарить къ небу, безраздѣльно потонуть въ лучахъ верховнаго источника свѣта. Задача мистики—не гармонизація эмпирическаго содержанія жизни на почвѣ высшаго морально-религіознаго принципа, а полнѣйшее поглощеніе всѣхъ жизненныхъ функцій одной, высшей—религіознымъ экстазомъ. Идеаломъ является здѣсь непрерывное, наполняющее всю жизнь, безпредѣльно интенсивное и безгранично блаженное чувство непосредственнаго слiянія съ божествомъ. Пусть идеалъ этотъ въ данный моментъ достигнутъ: мистикъ очистилъ свое сознаніе отъ всякихъ конечныхъ представленій и преходящихъ эмоцій; вся жалкая, непрочная, несовершенная пестрота эмпирическихъ переживаній побѣждена силою самодовлѣющаго „духа“. Но, очевидно, и въ самомъ содержаніи мистическаго блаженства, какъ таковаго, не можетъ быть никакой пестроты, никакого многообразія, никакихъ противорѣчій, конфликтовъ или просто различеній, однимъ словомъ

ничего, что могло бы дать пищу интеллекту и даже вообще сознанію. Сознаніе существуетъ лишь при непрерывной смѣнѣ его содержаній, при непрерывныхъ сопоставленіяхъ одной формы съ другой, свѣта съ тѣнью. Въ безграничномъ, безформенномъ, не имѣющемъ степеней сіяніи мистическаго экстаза нѣтъ элементовъ различенія и сопоставленія, — здѣсь все однородно, чисто, ослѣпительно ярко, какъ снѣжная пустыня въ ясный зимній день. Мистическое очищеніе сознанія есть такимъ образомъ уничтоженіе его. „Сознаніе", самое *ощущеніе* блаженства существуетъ постольку, поскольку оно достигается лишь на моментъ въ трудной борьбѣ съ земными, грѣховными чувствами и мыслями, безпрестанно возмущающими зеркальную поверхность мистическаго созерцанія. По мѣрѣ осуществленія идеала, по мѣрѣ побѣды надъ врагами, борецъ приближается не къ максимальной интенсивности чувства, составлявшей его цѣль, а къ той индифферентной точкѣ сознанія, которая зовется „нирваной". Стремясь къ максимуму духовной жизни, доступной человѣку, мистикъ неизбѣжно приходитъ къ полному погашенію всякой духовной жизни, къ духовной смерти и самоотрицанію:

Мы старались характеризовать экстазъ по возможности въ терминахъ самихъ мистиковъ. Существуютъ, однако, очень вѣскія данныя,—психіатрія даетъ ихъ не мало,-- позволяющія сблизить блаженство мистической оргійности съ блаженствомъ оргій, не носящихъ уже никакой религіозной окраски. Несомнѣнно во всякомъ случаѣ, что мистическая оргійность оставляетъ въ психикѣ совершенно тѣ же слѣды общей изломанности, безвкусицы и подавленности, какъ и другія, менѣе возвышенныя проявленія бога Діониса.

Для насъ совершенно непонятно, какимъ образомъ въ оргійныхъ подвигахъ Діониса можно видѣть избытокъ здоровой мощи и силы. То, что сбиваетъ здѣсь съ толку поверхностнаго наблюдателя, такъ это оргійный характеръ переживаній докультурнаго человѣка, дикаря, дѣйствительно полнаго здоровыхъ, нетронутыхъ силъ. Но наивная оргійность дикаря не только не тождественна съ оргійностью европейца XX вѣка, а прямо противоположна ей. Въ первомъ случаѣ дѣвственная психика не умѣетъ еще справляться съ своими переживаніями, каждое впечатлѣніе настолько сильно, что захватываетъ ее цѣликомъ, подчиняетъ себѣ. Во второмъ—передъ нами больная, ослабленная, вырождающаяся психика, которая уже не находитъ наслажден'я ни въ одномъ переживаніи, связаномъ съ окружающею жизнью и ея борьбой. Жизнь, какъ она есть, кишитъ неразрѣшимыми трагизмами, внушаетъ только страхъ: но бѣгство отъ жизни даетъ лишь пустоту; остается прибѣгнуть къ острому возбужденію сильныхъ наркотическихъ веществъ,—вотъ смыслъ современной оргійности. Не трудно понять также, почему именно мистика становится излюбленнымъ наркотическимъ средствомъ выродженцевъ.

ядь тотъ упадокъ психической силы и воспріимчивости ко всему, исключая и самихъ оргійныхъ переживаній, который является результатѣ обыкновеннаго „чистаго“ запоя, не даетъ ничего омѣ подавленности. Между тѣмъ, стоитъ придать оргіи мистическій характеръ, и разложеніе психики пріобрѣтаетъ поэтичеую окраску страданія „избранныхъ“ натуръ. Мистицизмъ, облегя муку Katzenjammer'а, скрашиваетъ путь выродженца къ молѣ. Это въ своемъ родѣ тоже эвристическій принципъ гармозаціи, но не жизни, а умиранія. Что же, suum cuique! Не намъ ь этомъ печалиться. Предоставимъ мертвымъ погребать своихъ ртвецовъ съ тѣми церемоніями, которыя способны принести ъ максимумъ утѣшенія въ горѣ.

IV.

Гедоническая норма возникаетъ, какъ результатъ рефлектиющей дѣятельности ума, какъ результатъ размышленій надъ теріаломъ, доставленнымъ намъ нашими переживаніями. Но, нечно, никакой теоретическій выводъ самъ по себѣ еще не мотъ стать объектомъ желанія, а слѣдовательно и нормой поупковъ. Правило поведенія реализуется, какъ таковое, лишь въ иъ случаѣ, если выполненіе его неразрывно связано въ найі психикѣ съ опредѣленнымъ комплексомъ представленій, особныхъ непосредственно привлекать къ себѣ нашу волю. имъ привлекающимъ моментомъ въ гедонической нормѣ является антиципированное чувство общаго подъема, прилива бодрости силы, которое трудно поддается точному описанію, но которое кдый, конечно, испытывалъ, какъ результатъ гармоніи переваній, хотя бы послѣдняя осуществлялась лишь частично и лучайно“ (т. е. безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія). Характеръ бязанности“ и то чувство „возвышенія въ собственныхъ глаъ“, которое дѣлаетъ выполненіе обязанности нравственной аслугой“ и вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ ее изъ платоническаго иказанія въ реальный импульсъ воли,—всѣ эти аттрибуты авственнаго закона совершенно чужды гедонической нормѣ, вершенно излишни для нея.

Нравственный законъ, какъ онъ выступаетъ въ сознаніи авственнаго человѣка, совершенно „несоизмѣримъ“ съ гедонискимъ импульсомъ, онъ зачастую не только не совпадаетъ съ инципомъ, гармонизирующимъ всѣ отдѣльные акты моей гедоически направленной воли, но рѣшительно идетъ наперекоръ , нимало, однако, не утрачивая отъ этого своего достоинства, воей „категоричности“. Естественно, что и тотъ импульсъ, корый стоитъ на стражѣ нравственнаго закона, то специфичекое антиципированное удовольствіе, которое фактически напра-

вляетъ волю въ нравственную сторону, должно выступать въ сознаніи, какъ нѣчто, toto genere отличное отъ всѣхъ другихъ видовъ удовольствія.

Другое существенное отличіе гедонической нормы отъ моральной состоитъ въ томъ, что послѣдняя неизбѣжно требуетъ признанія метафизическихъ (или антиномичныхъ) категорій: свободы въ смыслѣ абсолютнаго „самоопредѣленія", способности начинать изъ себя рядъ дѣйствій,—и субстанціальной души, какъ сѣдалища этой способности, субъекта нравственнаго права и объекта нравственной отвѣтственности. Гедоническая норма не требуетъ, наоборотъ, никакихъ иныхъ „предпосылокъ", кромѣ тѣхъ, какія существуютъ въ простѣйшемъ, чуждомъ всякой сознательной нормативности волевомъ актѣ. Свобода существуетъ для гедониста не какъ *условіе* дѣятельности, а какъ *цѣль* ея, не метафизическая „свобода къ чему-нибудь", а психологическая „свобода отъ чего-нибудь".

Впрочемъ, до сихъ поръ далеко еще не является общепризнаннымъ, что воля, хотя бы и гедонически направленная, можетъ быть „освобождена" отъ метафизической свободы. Читатель, вѣроятно, не забылъ еще той полемики „по вопросу о необходимости и свободѣ", которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ разыгрывалась на страницахъ нашихъ журналовъ въ связи съ извѣстной книгой Штаммлера „Wirtschaft und Recht etc".

Исходя изъ идеи Канта о двоякой закономѣрности, закономѣрности опыта и закономѣрности воли, Штаммлеръ утверждалъ, что хотя каждое наше дѣйствіе, осуществляясь на дѣлѣ (im Vollbringen), тѣмъ самымъ входитъ въ цѣпь причинно-закономѣрнаго опыта, тѣмъ не менѣе никакой фактъ будущаго, характеризованный, какъ причинно необходимый, не можетъ быть объектомъ нашей воли. Само собою понятно, что необходимое наступленіе даннаго факта въ извѣстный моментъ будущаго еще не дѣлаетъ его для насъ желательнымъ. Но Штаммлеръ говоритъ здѣсь нѣчто большее; по его мнѣнію, необходимость не только не создаетъ „цѣли", но даже *противорѣчитъ* ей: точное предвидѣніе даннаго событія (а къ этому и сводится познаніе его „необходимости"), исключаетъ возможность поставить его цѣлью сознательныхъ дѣйствій, другими словами, категорія необходимости не примѣнима къ представленію предмета, котораго мы стремимся достигнуть" („des zu bewirkenden Gegenstandes"). Поэтому немыслима партія, поставившая своею „цѣлью" затменіе луны, точно предсказанное астрономомъ.

„Законъ развитія общества,—писалъ по этому поводу г. Булгаковъ,—говоритъ не то, что выйдетъ *безъ* нашихъ дѣйствій, а *изъ* нашихъ дѣйствій... Все это трюизмы и больше на нихъ останавливаться не стоитъ".

„Трюизмы" г. Булгакова не удовлетворили г. Струве. „Къ сожалѣнію, это дѣйствительно „трюизмы",—говоритъ онъ,—и они

нисколько не выводятъ насъ на путь философскаго или науч-
ıаго рѣшенія вопроса. Ибо только что приведенному разсужде-
ıію г. Булгакова я могу противопоставить такое, на мой взглядъ,
ıеотразимое соображеніе: „законъ развитія общества говоритъ не
о, что выйдетъ безъ нашихъ дѣйствій, а изъ нашихъ дѣйствій“,
ıо *совершенно независимо* отъ того, какъ „мы будемъ дѣйствовать“,
ıбо въ этотъ законъ развитія, какъ составной элементъ объемле-
ıой имъ необходимости, входитъ уже и опредѣленный образъ
ıашихъ дѣйствій. „Какъ мы будемъ дѣйствовать“ уже „проде-
ерминировано“, и, *конечно, совершенно не зависитъ отъ нашего со-
нанія, т. е. отъ нашей рѣшимости дѣйствовать такъ, а не иначе*
(курсивъ нашъ, В. Б.). Допустить обратное значило бы, прогнавъ
свободу съ передняго крыльца, самымъ любезнымъ образомъ от-
крыть ей черный ходъ: операція отнюдь не философская“ *).

Для г. Струве „продетерминировать“ наши будущія дѣй-
ствія—это значитъ предсказать ихъ внѣ всякой зависимости отъ
„сознанія“, отъ того, къ чему и какъ мы будемъ стремиться.
Допустить сознательно-волевые акты въ качествѣ момента, опре-
дѣляющаго дѣйствія, равносильно молчаливому допущенію „сво-
боды“ („съ чернаго хода“). Очевидно, здѣсь понятіе воли и сво-
боды въ метафизическомъ смыслѣ („свободы къ чему-нибудь“)
совпадаютъ между собою. Вопросъ, нельзя ли „продетерминиро-
вать“ самую *волю*, представляется г. Струве настолько нелѣпымъ,
что онъ его даже не ставитъ. Между тѣмъ именно въ этомъ
вопросѣ и лежитъ центръ спора.

Та партія, которую Штаммлеръ сравниваетъ съ „партіей
затменія луны“, конечно, никогда не считала возможнымъ сдѣлать
вполнѣ точный соціальный прогнозъ, она ограничивалась лишь
указаніемъ „тенденцій развитія“. Но насъ здѣсь интересуетъ не
фактическая возможность при данномъ состояніи науки сдѣлать
то или другое предсказаніе, а принципіальное отношеніе между
необходимостью и волей. Историческій матеріализмъ (и детерми-
низмъ вообще) не видитъ принципіальнаго противорѣчія между
вполнѣ точнымъ предсказаніемъ даннаго факта и возможностью
сдѣлать этотъ фактъ „цѣлью“ своихъ стремленій. И само собою
разумѣется, съ этой точки зрѣнія продетерминировать наши
будущія дѣйствія *независимо отъ нашего будущаго сознанія* совер-
шенно немыслимо: въ такія предсказанія вѣрятъ фаталисты **),
ихъ осуществляютъ кудесники. Предсказать дѣйствія—это значитъ
предсказать ихъ вмѣстѣ со всѣми тѣми актами сознанія, кото-

*) Свобода и историческая необходимость. См. сборникъ „На разныя
темы“, стр. 501.

**) В. Ильинъ въ свое время вполнѣ правильно указалъ, что тѣ гносео-
логическія противорѣчія, въ которыхъ вращается мысль автора въ цитиро-
ванной статьѣ, представляютъ результатъ смѣшенія детерминизма и фата-
лизма.

рыми они будутъ сопровождаться, не только предсказать, что мы будемъ *дѣлать*, но и предсказать, чего мы будемъ *желать*. Такое идеальное научное предсказаніе, очевидно, можно представить себѣ лишь какъ точный антиципированный дубликатъ той картины, которую нарисуетъ намъ самоанализъ послѣ того, какъ предсказаніе уже сбудется.

„Необходимость" въ этомъ смыслѣ, „продетерминированность" самой *воли* ни въ какомъ противорѣчіи съ практикой не стоитъ. Для даннаго желанія, которое я констатирую въ себѣ, какъ фактъ, совершенно безразлично, обусловлено чѣмъ-нибудь его возникновеніе или „самопроизвольно", можно предсказать его заранѣе или нельзя. Если предсказаніе дѣйствительно имѣло мѣсто и стало мнѣ извѣстно *до* его исполненія, то и это обстоятельство не вноситъ въ волевой актъ ничего новаго. Интенсивность моего желанія, притягательная сила антиципированнаго мною въ данный моментъ удовольствія, нимало не измѣняется только отъ того, что я заранѣе могъ предсказать тотъ моментъ, когда во мнѣ возникнетъ этотъ комплексъ переживаній. Представимъ себѣ, напримѣръ, такое предвидѣніе. Я навѣрное знаю, что черезъ полчаса я захочу ѣсть и поставлю сознательной „цѣлью" своихъ дѣйствій „обѣдъ". Желаніе это въ связи со всѣми остальными состояніями моей психики (которыя мною тоже вполнѣ точно предсказаны) „неизбѣжно" приведетъ къ слѣдующему ряду дѣйствій: я налью воды въ горшокъ, положу туда мяса, капусты, соли и поставлю горшокъ въ печь; черезъ два часа этотъ комплексъ „съ желѣзной силой естественно-исторической необходимости" превратится въ „щи", а синтезъ щей и моего желанія ѣсть дастъ то, что я называю „обѣдомъ". Я совершенно не понимаю, какимъ образомъ это вполнѣ точное предвидѣніе обѣда со всѣми предшествующими ему и опредѣляющими его непосредственно процессами сознанія можетъ помѣшать проявленію моей „воли къ обѣду" въ тотъ моментъ, когда она фактически возникнетъ въ точномъ соотвѣтствіи съ предсказаніемъ. Развѣ щи теряютъ что-нибудь въ своей привлекательности отъ того, что я предвидѣлъ ихъ появленіе? Но вѣдь и „партія затменія луны" предсказываетъ то, что она считаетъ своею конечною цѣлью, не помимо желаній, а именно на почвѣ будущихъ желаній человѣчества, на почвѣ тѣхъ измѣненій въ классовой психологіи, которыя ей представляются неизбѣжными.

Воля, какъ она дана намъ въ непосредственномъ переживаніи, стоитъ внѣ всякой связи съ категоріей метафизической свободы, а потому не можетъ вступать ни въ какіе конфликты съ детерминизмомъ. Только *нравственно* направленная воля требуетъ свободы въ смыслѣ liberum arbitrium indifferentiae, да и то не прямо: „свобода" выступаетъ на сцену лишь тогда, когда нравственный человѣкъ пытается *истолковать* свое нравственное чувство, и прежде всего то специфическое чувство моральнаго стра-

данія (такъ называемое „раскаяніе“), которое заставляетъ его воздерживаться отъ безнравственныхъ поступковъ!

Какъ мы уже говорили, только моральная „отвѣтственность“, только „вмѣненіе нравственныхъ дѣяній“ заставляетъ создать категорію „свободнаго“ „я“. Это „я“, „я“ par excellence, субстанціальное, духовное „я“, всегда себѣ равное и неизмѣнное, является хранителемъ нравственной нормы и въ то же время козломъ отпущенія за всякія поруганія абсолюта со стороны гедонически направленной воли. Абсолютизмъ моральнаго закона выражается не въ безусловномъ господствѣ надъ низшими побужденіями, а въ правѣ карать за нихъ моральное „я“. Подлая гедоническая чернь не только не исчезаетъ въ лучахъ абсолюта, но непрестанно входитъ съ нимъ въ конфликты и, увы, зачастую даже вовсе низвергаетъ его съ трона, празднуетъ свою гнусную оргію на алтарѣ кумира, поверженнаго въ прахъ. Правда, кумиръ снова возстаетъ изъ праха, гордо поднимаетъ свою божественную голову и разгоняетъ буйную чернь; но послѣдняя оставляетъ въ самомъ святая святыхъ недвусмысленные слѣды своего пребыванія въ видѣ той или другой разновидности Katzenjammer'а. Нравственный человѣкъ старается дать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось. Прежде всего передъ нимъ встаетъ чисто фактическая картина: въ моментъ А въ немъ возобладало плотское желаніе, заглушившее голосъ абсолюта, теперь, въ моментъ В, этотъ грѣховный порывъ вполнѣ исчерпалъ самого себя, отъ него осталась лишь головная боль и ломота во всѣхъ членахъ,—и вотъ абсолютъ снова сіяетъ въ душѣ своею вѣчною красой. Но вѣдь абсолютъ — это „я“, самое глубокое, духовное, истинное „я“; и въ моментъ А онъ былъ и при томъ во всей своей силѣ и могуществѣ, ибо сила и могущество его неизмѣнны. Какимъ же образомъ то самое „я“, для котораго такъ привлекателенъ блескъ идеала, и такъ отвратителенъ грѣхъ, могло увлечься грѣхомъ? И какъ *смѣло* оно это сдѣлать! Съ этого момента для нравственнаго человѣка начинается періодъ тѣхъ самоугрызеній, которыя носятъ названіе „раскаянія“. Невозможность понять, *какимъ образомъ* внѣвременное „я“ оказалось въ моментъ В инымъ по сравненію съ моментомъ А, искупается нравственнымъ бичеваніемъ „я“ *за то, что* оно измѣнилось. „Со стороны“, т. е. на человѣка, раскаянію посторонняго, состояніе это производитъ приблизительно такое же впечатлѣніе, какъ безнадежный вопль героя извѣстнаго романса: ахъ, зачѣмъ „я“ не „бревно“?!

Раскаяніе пользуется очень солидной репутаціей во всѣхъ сферахъ главнымъ образомъ по соображеніямъ соціальной *профилактики*. Многіе разсуждаютъ такъ: самоугрызенія по поводу того, что „я“ теперешнее не равно „я“ прошедшему, что А не В, конечно, нелѣпы логически, но они заключаютъ въ себѣ стимулъ къ „исправленію“, а потому должны быть практически оправданы. Но при этомъ упускаютъ изъ виду, что двѣ стороны раскаянія,

его карающій голосъ, обращенный къ прошлому, и новый мотивъ, который оно ставитъ волѣ будущаго—не представляютъ чего-то внутренно цѣлостнаго, онѣ могутъ быть разъединены не только въ анализирующемъ познаніи, но и въ самомъ конкретномъ переживаніи; причемъ, очевидно, лишь послѣдняя сторона имѣетъ „профилактическое“ значеніе. „Двуликій Янусъ раскаянія,—пишетъ Зиммель,—одной своей стороной смотритъ въ прошедшее, какъ скорбь о совершенномъ дѣяніи, другой стороной—въ будущее, какъ импульсъ къ новому дѣянію, — но вѣдь изъ этихъ двухъ сторонъ только послѣдняя дѣйствительно полезна и, быть можетъ, прогрессирующая цѣлесообразность сохранитъ только ее одну, такъ что она уже не будетъ нуждаться въ придаткѣ и обходномъ пути скорби, которая, какъ таковая, есть несомнѣнно отрицательная величина и безсмысленная растрата силы“ *). Прогрессирующая цѣлесообразность лишь въ томъ случаѣ сумѣетъ стереть съ головы Януса лицо, обращенное къ прошлому, если ей удастся совершенно вытравить изъ раскаянія этическую окраску. И гедонистъ способенъ чувствовать отвращеніе къ „я“ прошлаго момента, какъ онъ способенъ чувствовать отвращеніе къ „ты“ даннаго момента; эта *эстетическая* оцѣнка, совершенно чуждая элемента скорби о фактическомъ различіи А и В, которыя „должны быть“ тождественны, способна стать очень энергичнымъ стимуломъ для будущаго, способна дать норму, опредѣляющую волю ничуть не менѣе, чѣмъ нравственный законъ. „Раскаяніе—говоритъ Зиммель въ другомъ мѣстѣ **),—очень часто является аффектомъ, гложущимъ и связывающимъ душу (ein nagender und lähmender Affekt), аффектомъ, который въ тотъ самый моментъ, когда онъ указываетъ необходимость измѣненія, отнимаетъ силы, нужныя для этого“. Не только „очень часто“, но и рѣшительно всегда: пассивная подавленность своимъ „несовершенствомъ“ и составляетъ специфическій характеръ раскаянія, какъ *нравственнаго* аффекта. Именно въ этомъ „гложущемъ“ сознаніи своей грѣховности, своего эмпирическаго несоотвѣтствія истинной, духовной, моральной природѣ человѣка, состоитъ *заслуга* покаянія. Нравственность санкціонируетъ и фетишизируетъ Katzenjammer, не какъ источникъ исправленія, а какъ состояніе, „цѣнное само по себѣ“. При достаточномъ навыкѣ кающійся грѣшникъ начинаетъ находить въ нравственныхъ терзаніяхъ своеобразное острое наслажденіе, онъ познаетъ „сладость покаянія“. Психологія сладострастнаго самоистязанія слишкомъ хорошо извѣстна русскому человѣку, чтобы стоило здѣсь на ней подробно останавливаться: и герои Достоевскаго, и нѣкоторые типы „кающихся дворянъ“ и безчисленныя иныя фигуры нашей литературы и жизни даютъ неисчерпаемо богатый матеріалъ въ этой области.

---

*) „Einleitung in die Moralwissenschaft“. B. I. S. 412.
**) Ibid. B. II. S. 241.

Для насъ важно лишь отмѣтить, что психологія, возводящая муку и скорбь, *какъ таковыя*, въ перлъ созданія, не есть какое-либо случайное или уродливое уклоненіе моральнаго чувства, но представляетъ необходимый психологическій результатъ самой формы нравственнаго императива, разъ она достаточно прочно и сознательно утвердила свое господство въ душѣ человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя форма категорическаго долженствованія и составляетъ неотъемлемый и неизмѣнный аттрибутъ духовнаго „я“ и въ сущности единственно возможную его характеристику, однако, *психологически* „долгъ“ выступаетъ на сцену лишь тогда, когда съ нимъ приходитъ въ столкновеніе какой-либо не нравственный мотивъ. Если бы въ числѣ десяти заповѣдей была помѣщена такая: „всякій да ястъ, когда онъ голоденъ и обладаетъ пищей“, то при всемъ уваженіи къ той санкціи, которую имѣетъ этотъ императивъ, ни одинъ нравственный человѣкъ не могъ бы *фактически почувствовать* его, какъ велѣніе долга. Сознаніе долга возможно лишь при наличности двухъ противоположныхъ направленій воли, изъ которыхъ одно a priori характеризовано какъ общезначимое, высшее, духовное, - другое, какъ измѣнчивое низшее, эмпирическое.

Еще Кантъ показалъ, что „святая“ воля, т. е. воля, не знающая конфликтовъ между долгомъ и удовольствіемъ, *не можетъ быть нравственной*. Нравственный законъ проявляетъ себя только въ борьбѣ съ грѣховными побужденіями. Чѣмъ сильнѣе эти послѣднія, чѣмъ труднѣе борьба съ ними, чѣмъ больше энергіи тратитъ человѣкъ на то, чтобы овладѣть грѣхомъ, подчинить его долгу, тѣмъ значительнѣе *нравственная заслуга* человѣка, тѣмъ выше его нравственная *цѣнность*. По мѣрѣ того какъ цѣль этой борьбы достигается, грѣховные порывы становятся все слабѣй и слабѣй, осуществленіе моральнаго принципа встрѣчаетъ все меньше и меньше сопротивленій, падаетъ и нравственная заслуга. Когда, наконецъ, идеалъ нравственнаго совершенства достигнутъ, когда всѣ заповѣди морали такъ же непосредственно совпадаютъ съ гедонически направленной волей, представляются такими же „само собою разумѣющимися“, какъ наша фиктивная заповѣдь „голодный и имущій, что ясти, да ястъ“, тогда нравственная заслуга совершенно исчезаетъ.

Нравственная цѣнность создается не фактомъ даннаго направленія воли, а *сознаніемъ*, что направленіе это есть абсолютно „должное“. Но такъ какъ сознаніе долга возможно лишь при его конфликтахъ съ грѣхомъ, то полная побѣда надъ грѣхомъ, „святость“, совершенно такъ же лишена всякой нравственной цѣнности, какъ и аморальный гедонизмъ.

Въ этомъ противорѣчіи мы склонны видѣть „основную антиномію морали“. Это не антиномія „практическаго разума“, а антиномія самого *моральнаго чувства*, обусловливающая невозможность цѣлостнаго, энергичнаго направленія моральной воли, вносящая

неизбѣжную „гложущую“ раздвоенность въ каждый моральный актъ. Единственное утѣшеніе, хоть немного развязывающее руки, моралистъ находитъ въ *неадэкватности* всякой эмпиріи по сравненію съ абсолютомъ. Неадэкватность эта не есть просто фактическая недостижимость идеала,—нѣтъ, въ нее входитъ *положительный* элементъ, элементъ *вѣры* въ то, что идеалъ никогда не приблизится къ осуществленію. Осуществленіе нравственнаго идеала нравственно не желательно, такъ какъ оно равносильно самоуничтоженію морали. Та борьба, которую ведетъ моралистъ, которая сообщаетъ въ его глазахъ весь смыслъ и всю цѣнность жизни, направлена къ цѣли, реализація которой была бы полною гибелью самого понятія моральной цѣнности, т. е. того, изъ-за чего только и стоитъ жить. Естественно, что для моралиста не побѣда надъ препятствіемъ сообщаетъ цѣнность борьбѣ, а препятствія, какъ таковыя, пріобрѣтаютъ цѣнность. Самое созерцаніе конфликта, углубленіе въ него, состояніе безнадежности и безвыходности, характеризуется, какъ *цѣнное*, доступное только „высшимъ“, „избраннымъ“, „истинно духовнымъ“ натурамъ.

Отсюда апоѳеозъ „эмпирической безвыходности“, „трагической красоты“ вообще неразрѣшимыхъ противорѣчій, —нотка, поражающая насъ на ряду съ боевыми призывами въ твореніяхъ новорожденнаго русскаго идеализма.

Такимъ образомъ моральное сознаніе вмѣщаетъ въ себя двоякую раздвоенность. Съ одной стороны, это раздвоенность самого моральнаго импульса, который одновременно кричитъ волѣ: „впередъ, къ нравственному совершенству!“ и „назадъ, нравственное совершенство есть самоубійство морали!“ Съ другой стороны, попытка *истолковать* моральные феномены приводитъ къ антиномичнымъ понятіямъ „свободы“, „неизмѣняемой измѣнчивости“, „необусловленной причины“ и т. п. Такъ называемый „метафизическій синтезъ“, о которомъ съ такимъ паѳосомъ возвѣщаютъ гг. идеалисты, долженъ объединить въ себѣ эти несовмѣстимыя, взаимно исключающія другъ друга опредѣленія. Метафизическая „проблема“, какъ она обрисовывается передъ нами въ свѣтѣ этическаго сознанія, характеризуется слѣдовательно однимъ и при томъ чисто отрицательнымъ требованіемъ: она должна быть рѣшена „по ту сторону“ категорій логическаго тождества и причинности. Но простое отрицаніе не создаетъ еще никакого рѣшенія, метафизика не можетъ просто отвергнуть тождество и причинность, она должна „превзойти“ ихъ.

Называетъ ли метафизикъ высшую функцію своего духа „интеллектуальнымъ созерцаніемъ“ или „умозрѣніемъ“, или какимъ-либо инымъ таинственно внушительнымъ терминомъ, во всякомъ случаѣ онъ стремится выразить результаты своихъ сверхэмпирическихъ исканій въ словахъ, объединенныхъ въ сужденія: онъ говоритъ или пишетъ. Логическій законъ есть правило, лежащее въ основѣ нашихъ сужденій, „по ту сторону“ этого правила наши

а и ихъ комбинаціи, сужденія, лишаются всякаго „смысла“. не утверждаемъ, что законъ тождества есть *единственно возное* правило рѣчи, мы требуемъ только, чтобы человѣкъ, соельно нарушающій это правило, выдвигающій такія „понятія“, неизмѣнная измѣнчивость (субстанціальная душа), безприіая причинность (свобода начинать изъ себя рядъ дѣйствій) п., указалъ намъ какой-либо иной законъ сужденій, правило, рымъ руководится онъ, образуя словосочетаніе, съ нашей и зрѣнія совершенно безсмысленное. Разъ метафизика водается въ словѣ, и разъ она отрицаетъ категоріи, регулирую-употребленіе словъ въ сферѣ эмпирическаго познанія, она *на* выставить новыя категоріи, способныя замѣнить и отмѣ-формальные законы эмпирическаго словоупотребленія. Такатегорій до сихъ поръ выставлено не было. Все эти „субціи“, разныхъ наименованій „духи“ и „души“, „causae sui“, оторыми оперировали метафизики всѣхъ временъ и народ, представляютъ лишь *обозначенія метафизической проблемы*; темы“, выносящія на своей вершинѣ эти псевдо-понятія, поваютъ, *что* стремится авторъ объединить въ своей высшей торіи, но никогда не показываютъ, *какъ* совершается это единеніе“; исторія человѣческой мысли ни разу не дала еще ни малѣйшаго намека на возможность *рѣшенія* метафизиой проблемы.

Метафизическія системы представляютъ особую разновидлирической поэзіи. Это непринужденныя (не связанныя ваніями научной критики) изліянія души, чрезвычайно ресныя, какъ психологическія картинки: мы узнаемъ изъ , что и какъ приводитъ автора къ *постановкѣ* метафизичепроблемы, въ какой формѣ выступаетъ передъ нимъ припрактическаго разума, требующій вѣры въ синтезъ логии несовмѣстимаго, и въ какой именно логическій абсурдъ больше всего желалъ бы вѣрить. Но тотъ синтезъ чувства, рый называется „вѣрой“, какъ извѣстно, совершенно не вымъ въ словѣ. Когда вѣра начинаетъ философствовать, пыя дать словесную оболочку своему синтезу, она, какъ прено показалъ еще Кантъ, способна создать лишь „Blendwerk vernünftelnden Urtheile“ („призракъ мнимо-раціональныхъ деній“). Вотъ почему люди, истинно вѣрующіе и послѣдованые въ своей вѣрѣ, одинаково называютъ „лжеумствованіемъ“ лософскія системы, и попытки научно познать сверхчувное.

Метафизика могла быть областью высшаго интеллектуальтворчества лишь до тѣхъ поръ, пока она была „наивной“, не сознавала границъ, отдѣляющихъ ее отъ науки, и именно олько, поскольку она была наукой, а не метафизикой. Понимъ великимъ метафизикомъ слѣдуетъ несомнѣнно приь Гегеля. Вотъ что писалъ онъ о критической философіи:

„Это мнимое знаніе присвоило себѣ, однакожъ, названіе философіи, и ничто не могло быть желательнѣе для поверхностныхъ умовъ и характеровъ, ничто не было охотнѣе принято ими, какъ это ученіе о безсиліи разума, благодаря которому ихъ собственное невѣжество и ничтожество становится желанною цѣлью всѣхъ усилій и всѣхъ стремленій духа. Что намъ отказано въ знаніи истины и что намъ дано знать одни случайныя и преходящія, т. е. ничтожныя явленія, вотъ то ничтожное ученіе, которое дѣлало и дѣлаетъ наиболѣе шума, и которое господствуетъ теперь въ философіи“ *). Для Гегеля высшіе предметы спекулятивнаго мышленія были такими же объектами знанія, какъ и явленія. Только это дало ему возможность создать грандіозную систему и наложить свою печать на цѣлую эпоху въ исторіи научной мысли; послѣдняя, впрочемъ, должна была, какъ извѣстно, „перекувырнуть Гегеля“, т. е. отбросить метафизическіе элементы, на мѣсто діалектики понятій поставить діалектику вещей.

Метафизическій синтезъ—это синтезъ науки и метафизики. Синтезъ этотъ не будетъ достигнутъ до тѣхъ поръ, пока метафизики не изобрѣтутъ новыхъ категорій на мѣсто тѣхъ, которыми пользуется наука, и отрицаніе которыхъ составляетъ единственную специфическую характеристику метафизики, какъ таковой. Но такъ какъ современные метафизики не сдѣлали пока ни малѣйшей попытки въ этомъ направленіи, да, оставаясь на своей „критической“ точкѣ зрѣнія, и не могутъ сдѣлать, то всѣ ихъ крикливые призывы къ метафизическому творчеству являются поистинѣ пустой и вздорной болтовней, - и вполнѣ понятно, что большинство позитивистовъ просто отмахиваются отъ этихъ трескучихъ тирадъ, какъ отъ надоѣдливаго жужжанія мухи.

V.

Чего же практически хотятъ господа идеалисты, къ чему они зовутъ насъ?

Какъ извѣстно, современный русскій идеализмъ стоитъ въ исторической связи съ марксизмомъ, теченіемъ по своимъ формальнымъ принципамъ несомнѣнно позитивнымъ. Многія прекрасныя и возвышенныя души, получившія свое интеллектуальное крещеніе въ купели марксизма, придя въ возрастъ, возстали противъ него, возмущенныя его узостью, грубостью, его исключительною приверженностью къ землѣ и земнымъ интересамъ, его скептической ироніей надъ всякими потусторонними пареніями духа.

*) См. предисловіе къ „Логикѣ“.

„Буржуазность“ марксизма — вотъ что вызываетъ негодованіе идеалистовъ и пробуждаетъ въ сердцахъ ихъ великодушный порывъ „облагородить“ марксизмъ, поднять его надъ конечными интересами текущей злобы дня. Посторонній наблюдатель могъ бы подумать, что „поднять надъ конечными интересами“—значить прежде всего расширить практическую программу. Однако, на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ: наоборотъ, даже существующая программа марксизма представляется большинству идеалистовъ слишкомъ утопичной. „Буржуазность“ въ ихъ устахъ не свидѣтельство о бѣдности даннаго эмпирическаго содержанія, а скорбь о недостаткѣ формально-этической санкціи, способной освящать всякое данное содержаніе.

„Метафизическій пламень“ Лассаля цѣнится г. Струве не потому, что онъ расширялъ дѣйствительные горизонты движенія,—этого не было: „позитивисты“ эйзенахцы по широтѣ задачъ и боевой энергіи по меньшей мѣрѣ не уступали лассаліанцамъ—нѣтъ, метафизическій пламень нуженъ г. Струве для того, чтобы озарить отблескомъ абсолюта *данный* горизонтъ, ибо послѣдній, какъ таковой, какъ только эмпирическій (fi donc!), не способенъ привлечь къ себѣ вниманіе духовнаго „я“ идеалиста. Г. Струве энергично протестовалъ противъ всякихъ попытокъ найти внутреннюю зависимость между эволюціей его въ сторону эмпирической умѣренности и метафизическимъ алканіемъ „превзойти“ всякую мѣру. Насъ не интересуетъ здѣсь вопросъ, возможно ли *психологически* связать приспособленіе всякой дѣйствительности къ нормамъ абсолюта и приспособленіе практической программы къ *данной* дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ *логической* связи здѣсь нѣтъ. Но абсолютъ указывалъ г. Струве, *куда* идти, онъ только санкціонировалъ своей формальной категоріей долженствованія каждый намѣченный независимо отъ него шагъ.

Нѣсколько болѣе опредѣленную физіономію принимаетъ абсолютъ въ трудахъ г. Булгакова. Послѣдній уже прямо настаиваетъ на полной совмѣстимости метафизическаго пыла съ эмпирической трезвостью, и подчеркиваетъ эту совмѣстимость въ противовѣсъ пагубному утопизму многихъ чистыхъ эмпириковъ (въ статьѣ „Душевная драма Герцена“. Вопр. Фил. и Псих. 1902). Извѣстную гейневскую пѣснь о „царствѣ небесномъ на землѣ“ г. Булгаковъ считаетъ наивностью. На землѣ не можетъ быть полнаго счастья: перенести свой идеалъ на землю, вырвать вѣсы изъ рукъ абсолюта и сдѣлать мѣрою всѣхъ вещей человѣка,—это значитъ уготовать своей душѣ вѣчныя мученія, ввергнуть ее въ геенну огненную. „Душевная драма Герцена“ является, по мнѣнію г. Булгакова, именно такою геенной огненной, неизбѣжнымъ результатомъ грѣхопаденія соціализма, забвенія истиннаго, небеснаго абсолюта, и обоготворенія человѣка съ его земными страданіями, тщетными порывами къ недостижимому земному счастью. У г. Булгакова абсолютъ принимаетъ уже явно по-

тустороннiй характеръ; онъ не совпадаетъ (какъ у гг. Струве, Бердяева и др.) съ нашимъ „высшимъ“ „духовнымъ“ и „объективнымъ“ я, гдѣ имѣютъ свое сѣдалище нормы морали и категорiи познанiя; онъ возведенъ въ санъ принципа во всѣхъ отношенiяхъ сверхчеловѣческаго, и изукрашенъ многими аттрибутами, исторiей таковымъ принципамъ присвоенными; „я“, хотя бы и самое „высокое“, „духовное“—только слабый отблескъ абсолюта, искаженное, „неадэкватное“ его отраженiе. Не даромъ „идеалъ свободной теократiи, осуществляемый свободной теургiей при руководствѣ свободной теософiи“ является для г. Булгакова „самымъ дорогимъ завѣщанiемъ“, которое онъ, почтительно преклонивъ колѣна, и предлагаетъ намъ „благочестиво исполнить“ *).

Естественно, что именно Булгаковская постановка вопроса заставила позитивистовъ-практиковъ съ особеннымъ недовѣрiемъ отнестись къ тѣмъ высшимъ благамъ, которыми стремится обогатить ихъ бѣдныя души „schenkende Tugend“ нашей „духовной аристократiи“. Въ исторiи были перiоды, когда надзвѣздный абсолютъ бралъ въ свои руки знамя соцiальнаго прогресса, и порою даже довольно ярко окрашенное знамя. Но съ тѣхъ поръ много воды утекло. Событiя послѣднихъ вѣковъ сильно скомпрометировали потустороннее начало въ роли прогрессивнаго вождя, и въ настоящее время имя абсолюта обыкновенно выкрикиваютъ не для того, чтобы зажечь сердца усталыхъ борцовъ огнемъ новаго энтузiазма, а для того, чтобы пролить на израненныя, разбитыя, а то просто дряблыя, трусливыя сердца бальзамъ цѣлительнаго спокойствiя, чтобы низвести въ душу то проникновенно-молитвенное настроенiе, ту меланхолически-сладкую грусть, которая позволяетъ мирно складывать ненужныя руки на пустой груди при самомъ безпощадномъ поруганiи наиболѣе дорогого и важнаго въ нашемъ „эмпирическомъ я“.

Эта меланхолическая истома въ сердцѣ въ соединенiи съ печатью метафизической тайны на челѣ составляетъ отличительную особенность третьяго русскаго идеалиста отъ марксизма, г. Бердяева, который съ своей книгой „Субъективизмъ и Идеализмъ“ выступилъ застрѣльщикомъ идеалистическаго похода на русской почвѣ. Несмотря на то, что абсолютъ г. Бердяева отличается крайней экспансивностью и облекаетъ свои велѣнiя въ очень патетическую форму, понять, куда именно толкаетъ онъ своего провозвѣстника, гораздо труднѣе, чѣмъ у г. Булгакова. Вмѣстѣ съ г. Булгаковымъ, г. Бердяевъ полагаетъ, что счастье на землѣ недостижимо. Да и хорошо, что это такъ! Вѣдь если бы оно было достижимо, если бы можно было найти путь къ эмпирическому устраненiю всего того, что мучитъ и терзаетъ современное человѣчество, то человѣкъ чего добраго окончательно

*) См. сборникъ „Литературное дѣло“, стр. 134.

утратилъ бы поэтическую тоску по надзвѣздному міру, превратился бы въ сильное, смѣлое, жизнерадостное существо, чуждое того „трагизма обыденной жизни“, въ которомъ г. Бердяевъ видитъ всю красоту человѣческаго духа. Съ другой стороны, Булгаковская теократія, повидимому, не приводитъ г. Бердяева въ особенный восторгъ. Синтезируя „богочеловѣка“ съ „человѣкобогомъ“, онъ ставитъ высшей инстанціей свое „я“. „Противоположеніе „долга“ и „я“ съ этической точки зрѣнія абсурдъ, такъ какъ долгъ есть законодательство я“ *). Разумѣется, это касается лишь „высшаго“, „духовнаго“ „я“, хранителя абсолютныхъ нормъ, и въ сущности самый тезисъ представляетъ безсодержательную тавтологію. Впрочемъ, и къ эмпирическому „я“ г. Бердяевъ не чувствуетъ полнаго презрѣнія. Стихійныя возстанія „бога Діониса“, не признающаго никакихъ нормъ, вызываютъ также его энтузіазмъ; онъ, однакоже, желалъ бы подчинить этого „безпутнаго“ бога уздѣ нравственнаго императива. Вообще рѣзко очерченный сурово-авторитарный типъ Булгаковскаго абсолюта чуждъ абсолюту Бердяевскому. Г. Бердяевъ весь состоитъ изъ порывовъ, то бурныхъ и страстныхъ, то щемящихъ и тревожныхъ, всегда эффектныхъ, но зачастую очень слабо мотивированныхъ и совершенно не согласованныхъ между собою. Прыжокъ въ потустороннее царство нравственнаго идеала... трескучій паѳосъ, рядъ прилагательныхъ въ превосходныхъ степеняхъ... Не успѣлъ еще читатель освоиться съ атмосферой этой надзвѣздной области, какъ его уже заставляютъ опять спрыгнуть на землю и съ присовокупленіемъ тѣхъ же превосходныхъ степеней развертываютъ передъ нимъ картину земного прогресса. Какъ связываются между собою эти прыжки, чѣмъ объединяются, сказать нерѣдко очень трудно. Да и зачѣмъ ихъ объединять? Вѣдь въ этомъ трагизмѣ несоединимаго и состоитъ главная красота Бердяевскаго духа!

Мы оставимъ въ сторонѣ остальныхъ идеалистовъ, выступившихъ за послѣднее время въ нашей литературѣ съ проповѣдью духовнаго обновленія. У каждаго идеалиста есть, конечно, свои практическіе взгляды или убѣжденія; у однихъ, какъ у авторовъ сборника „Проблемы идеализма“, взгляды эти принадлежатъ къ категоріи такъ называемыхъ „прогрессивныхъ“, у другихъ, напримѣръ, у сотрудниковъ журнала „Новый Путь“— къ категоріи такъ называемыхъ „реакціонныхъ“. И тѣ, и другіе одинаково хорошо мирятся съ формальной санкціей абсолютнаго долженствованія.

Иначе, конечно, и быть не можетъ. Какъ мы уже видѣли въ самомъ началѣ настоящей статьи, изъ голаго понятія „объективности“,— будетъ ли это объективная необходимость сущаго, или объективная обязательность должнаго—нѣтъ возможности,

*) „Проблемы идеализма“, стр. 129.

не впадая въ онтологическую ошибку, вывести какое-либо конкретное содержаніе.

Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Einleitung in die Moralwissenschaft“ *) Зиммель очень обстоятельно разобралъ онтологическую ошибку Кантовской морали, и въ свое время г. Струве очень обстоятельно цитировалъ Зиммеля **). Аргументація Зиммеля, представляя въ сущности распространеніе критики чистаго (теоретическаго) разума на догматику практическаго, никогда и никѣмъ не была опровергнута; даже сколько нибудь серьезныхъ попытокъ въ этомъ направленіи, насколько намъ извѣстно, не дѣлалось. Тѣмъ не менѣе современные идеалисты, выставляя прямо противоположный тезисъ, постулируя неразрывную связь между самою формою категорическаго императива и опредѣленнымъ содержаніемъ практической дѣятельности, просто-напросто игнорируютъ указанную критику, проходятъ „мимо“ нея. Съ легкостью фокусника, извлекающаго изъ своей неизмѣнной, всегда себѣ равной, шляпы гору самыхъ разнообразныхъ безделушекъ, выводятъ они изъ „абсолюта“ цѣлый рядъ „эмпирическихъ“ требованій.

„Я хотѣлъ бы, — декламируетъ г. Бердяевъ; — чтобы было наложено клеймо позора на тѣхъ, которые нагло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе — признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета, эксплоатаціи и нарушенія элементарныхъ правъ человѣка—съ другой“. Было бы очень интересно узнать, какимъ это образомъ „духъ“ человѣческій можно подвергнуть гнету и эксплоатаціи. Развѣ духовное „я“, нравственное сознаніе теряетъ что-нибудь въ своей силѣ и безусловности отъ того, что я отнимаю у человѣка заработанный имъ пятачекъ? Не моральное, а гедоническое „я“ урѣзывается здѣсь въ своемъ содержаніи, *эмпирическій* человѣкъ лишается извѣстнаго количества пріятныхъ переживаній. Духовное „я“ Бердяева можетъ, конечно, объявить всякую урѣзку одного эмпирическаго „я“ въ пользу другого безнравственной, грѣховной, и само собою разумѣется, это свидѣтельствуетъ о добротѣ сердца г. Бердяева. Но столь же мало подлежитъ сомнѣнію существованіе многочисленныхъ духовныхъ „я“, видящихъ въ эксплоатаціи не грѣхъ, а именно выполненіе нравственнаго долга; причемъ такое рѣшеніе моральной проблемы одинаково распространено ***) и на сторонѣ эксплоатирующихъ, и на сторонѣ эксплоатируемыхъ.

Тотъ щедринскій мужикъ, который кормилъ генераловъ на

*) Полная практическая безплодность абсолютнаго формализма кантовской этики показана въ первой главѣ второго тома указаннаго труда.

**) См. его статью „Свобода и историческая необходимость“.

***) Мы имѣемъ въ виду типическіе, „нормальные“ историческіе періоды, такъ называемыя „органическія“ эпохи въ противоположность „критическимъ“.

необитаемомъ островѣ, ловилъ силками изъ собственныхъ волосъ дичь, варилъ въ собственныхъ пригоршняхъ супъ, и въ заключеніе, нарвавъ генераламъ по десятку спѣлыхъ яблокъ, взялъ себѣ въ награду за труды одно яблоко, кислое,—мужикъ этотъ, по всей вѣроятности, видѣлъ въ нормахъ общежитія его съ генералами отнюдь не гнетъ и эксплоатацію, а какъ разъ наоборотъ, идеальное осуществленіе „нравственнаго міропорядка". Если бы его бунтующая плоть изъявила притязаніе хоть на одно спѣлое „генеральское" яблоко, онъ несомнѣнно приписалъ бы это искушеніе врагу рода человѣческаго, его нравственное я властно потребовало бы возмездія и на слѣдующій день онъ совершенно „автономно", безъ всякаго принужденія извнѣ, взялъ бы себѣ лишь половину кислаго яблока. Съ другой стороны, и генералы съ Подьяческой менѣе всего напоминаютъ ницшеанскихъ „бѣлокурыхъ звѣрей", проникнутыхъ аморализмомъ господъ. Это очень добрые и жалостливые люди; „за хорошее поведеніе" они готовы „наградить" мужика цѣлой парой спѣлыхъ яблокъ; но они считаютъ своимъ *нравственнымъ* долгомъ отказать ему, если онъ „самочинно" требуетъ прибавки,—и это прежде всего долгъ по отношенію къ самому мужику. О жадности не можетъ быть и рѣчи,—человѣкъ, проведшій всю жизнь въ канцеляріи, а слѣдовательно награжденный катарромъ желудка, все равно не въ состояніи съѣсть десять яблокъ въ день; но уступить *требованію* мужика значитъ совершить непростительный грѣхъ передъ нимъ, пошатнуть тѣ нравственные устои, на которыхъ держится все его существованіе, ибо генералы непоколебимо убѣждены, что мужикъ, предоставленный самочинному умствованію, немедленно гибнетъ не только духовно, но даже и тѣлесно: утративъ всякое представленіе о мѣрѣ и нормѣ, онъ перестаетъ работать, наѣдается доотвалу и въ скоромъ времени умираетъ отъ обжорства.

Въ какое же положеніе попадаетъ прогрессивный идеалистъ передъ лицомъ этого идиллическаго торжества добродѣтели? Имѣетъ ли онъ хоть малѣйшее „нравственное" право бороться противъ эксплоатаціи, одинаково санкціонированной нравственнымъ сознаніемъ, какъ тѣхъ, кто, по мнѣнію идеалиста, является жертвой, такъ и тѣхъ, кого идеалистъ склоненъ признать угнетающей стороной? Идея „автономной личности", изъ которой, по завѣреніямъ идеалистовъ, необходимо вытекаетъ и боевой и прогрессивный характеръ „всякой истинной морали", гласитъ такъ: Ни одного человѣка не долженъ ты разсматривать, какъ средство для твоихъ цѣлей: человѣкъ есть самоцѣль. Разумѣется, подъ „человѣкомъ" и „цѣлью" понимается здѣсь не случайное, эмпирическое или гедоническое содержаніе психики, а вѣчное, высшее, духовное, однимъ словомъ нравственная личность и нравственная цѣль.

Формула „человѣкъ — самоцѣль" или не имѣетъ вовсе никакого смысла, или только слѣдующій. Никто не смѣетъ оспари-

вать нравственнаго характера той цѣли, которую автономно санкціонировало моральное сознаніе даннаго человѣка; мало того, сталкиваясь съ даннымъ человѣкомъ въ практической дѣятельности, я не имѣю нравственнаго права поступать съ нимъ, какъ съ орудіемъ для достиженія *моей*, хотя бы и нравственной, цѣли, я обязанъ видѣть въ немъ „самоцѣль", т. е. направлять мои поступки, поскольку они его касаются, не къ тому, что я считаю нравственнымъ, а къ тому, что *онъ* признаетъ таковымъ. Но могу ли я тогда хоть что-нибудь дѣлать, принять хоть какое-нибудь участіе въ жизненной борьбѣ?

Представимъ себѣ, что идиллическая гармонія нравственнаго сознанія различныхъ элементовъ нарушена: стремленіе овладѣть генеральскимъ яблокомъ мужикъ уже не считаетъ грѣховнымъ порывомъ, онъ видитъ въ этомъ нравственную задачу, признаетъ своимъ „естественнымъ правомъ" употреблять самолично одно изъ каждаго десятка добытыхъ имъ яблокъ. Можетъ ли мое нравственное „духовное я" стать на сторону мужика? „Но я могу сочувствовать только мужику", скажетъ прогрессивный идеалистъ. Позвольте, какое же дѣло моральному сознанію до вашего сочувствія или несочувствія? Состраданіе, какъ это незыблемо установлено еще Кантомъ, совершенно внѣнравственный мотивъ, оно такъ же безразлично съ точки зрѣнія морали, какъ благоуханіе розы. Нравственное сознаніе предписываетъ мнѣ не сочувствіе, а *обязанность* разсматривать подьяческихъ генераловъ, какъ самоцѣль, и потому рѣшительно воспрещаетъ отнимать у нихъ то яблоко, въ сохраненіи котораго они видятъ свое нравственное право. „Но я стану убѣждать ихъ!" восклицаетъ идеалистъ. Откуда же вы почерпнете аргументы? Вы укажете, что мужикъ „тоже" автономная личность? Но генералы этого не отрицаютъ: они утверждаютъ только, что эта автономія касается лишь нравственнаго сознанія, а не „эмпирическаго хаоса", изъ котораго выросла плотская похоть мужика къ непринадлежащему ему яблоку; нравственное же сознаніе, какъ глубоко вѣрятъ и непосредственно чувствуютъ генералы, санкціонируетъ именно данную норму общежитія. „Вы нагло и беззастѣнчиво совмѣщаете въ себѣ безобразное противовѣчіе", кричитъ идеалистъ, „никакая эмпирическая норма не можетъ быть адэкватнымъ выраженіемъ абсолютнаго идеала; нравственный законъ есть призывъ къ вѣчному творчеству новыхъ эмпирическихъ формъ!"—Не горячитесь, молодой человѣкъ, внушительно перебиваетъ тотъ изъ генераловъ, который служилъ когда-то въ школѣ военныхъ кантонистовъ учителемъ каллиграфіи и потому былъ поумнѣе,—въ своемъ мальчишескомъ задорѣ вы просто не понимаете, что говорите. Разумѣется, ничто эмпирическое не адэкватно абсолютному--это простая тавтологія; ибо единственное возможное опредѣленіе абсолютнаго есть „не эмпирическое",—но именно самоочевидность этой истины и подрываетъ всякую почву подъ вашимъ легкомысленно-задорнымъ тре-

ваніемъ; откуда вы знаете, что предлагаемая вами новая норма *лѣе адэкватна*, что она есть движеніе по направленію къ нравственному идеалу, а не въ діаметрально противоположную сторону? И не свидѣтельствуетъ ли самая склонность ваша измѣть „адэкватный“ по степенямъ сравненія, что вы не имѣете и ни правильнаго понятія объ истиной природѣ абсолюта.

Всякая эмпирическая норма *равно* не адэкватна абсолюту. лько фальсифицированная гедонизмомъ этика можетъ усматриь какую-либо нравственную цѣнность въ той безсмысленной ѣнѣ соціальныхъ формъ, которую историческая лже-наука наваетъ прогрессомъ. Нравственное совершенствованіе состоитъ все не въ томъ, чтобы двигать куда-то существующія нормы зни,—для такого движенія формальная категорія долга не даетъ мъ рѣшительно никакихъ указаній. Въ противоположность ичнымъ крикунамъ-полузнайкамъ мы съ его превосходительвомъ и въ союзѣ со всѣми великими философами міра видимъ авственное совершенство, „святость“ въ чисто формальной гарніи между фактической волей человѣка и велѣніями моральго закона, совершенно независимо отъ того, какія именно соржанія санкціонируетъ этотъ послѣдній. Очевидно, эта дурная зконечность постоянныхъ внѣшнихъ перемѣнъ, этотъ вашъ израчный псевдопрогрессъ менѣе всего можетъ приблизить ловѣчество къ дѣйствительному нравственному совершенству; ша мнимо-моральная демагогія только отвлекаетъ нравственное знаніе отъ его истинной задачи. Мы исходимъ изъ данныхъ, е упрочившихся, укрѣпленныхъ традиціей нормъ, но это вовсе значитъ, что мы проповѣдуемъ неподвижность и застой, какъ верждаютъ безмозглые либералы. Наоборотъ, нашъ идеалъ — вѣчно юный призывъ къ борьбѣ, къ самоусовершенствованію, о никакой эмпирическій человѣкъ не можетъ быть адэкватенъ деалу святости, не въ состояніи вполнѣ подчинить свои грѣвные порывы нравственному закону. Это и есть та истинная адэкватность, которая, не порождая ни безнадежнаго пессиизма пассивности, ни буйнаго разгула страстей, указуетъ путь непрерывному нравственному подвижничеству,—замѣтьте это бѣ, молодой человѣкъ. Съ другой стороны, мы зовемъ человѣество къ безграничной свободѣ, ибо, очевидно, въ обществѣ зятыхъ исчезнетъ всякая мысль о внѣшнемъ принужденіи; всяое велѣніе начальства, всякая извнѣ установленная норма будетъ ознаваться тогда каждымъ человѣкомъ, какъ его собственное желаніе, какъ свободное осуществленіе *его* воли, не знающей конфликтовъ между моральными и гедоническими мотивами. Мы желали бы поэтому, чтобы клеймо неизгладимаго позора легло а тѣхъ невѣжественныхъ вульгаризаторовъ морали, которые агло и беззастѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе: безграничное уваженіе къ автономіи моральнаго созна-

нія, на словахъ, и самочинное насиліе надъ моральнымъ сознаніемъ ближняго въ угоду своей бунтующей плоти, на дѣлѣ.

На нашъ взглядъ генералъ разсуждаетъ во всякомъ случаѣ не менѣе послѣдовательно, чѣмъ прогрессивный идеалистъ.

Автономная моральная личность, „человѣкъ-самоцѣль", — совершенно пустая, безсодержательная формула: никакой практической максимы выжать изъ нея нельзя.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ другой знаменитой формулой: ты имѣешь нравственное право совершить данный поступокъ лишь въ томъ случаѣ, если можешь пожелать, чтобы максима твоего поведенія стала всеобщимъ закономъ.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться на томъ, насколько самая *идея* всеобщаго закона можетъ опредѣлять собою волю. Какъ извѣстно, Кантъ именно „идею" закономѣрности воли, т. е. *категорію чистаго разума*, считалъ источникомъ морали. Съ точки зрѣнія Канта признать моральный императивъ просто, какъ *фактъ сознанія*, было совершенно не достаточно: такое признаніе поставило бы мораль на одну доску со всѣми другими психическими „явленіями", т. е. принципіально лишило бы ее всякой „общезначимости". Несмотря на то, что несостоятельность кантовскаго моральнаго интеллектуализма была съ полною убѣдительностью показана еще Шопенгауэромъ *), интеллектуализмъ этотъ во всей его дѣвственной чистотѣ и невинности возродился на нашихъ глазахъ въ работѣ Штаммлера Wirtschaft und Recht etc. У современныхъ русскихъ идеалистовъ мы не находимъ ясныхъ указаній на то, какъ они смотрятъ на этотъ основной вопросъ кантовской этики.

Допустимъ однако, что требованіе всеобщей закономѣрности дѣйствительно является „императивомъ" воли. Итакъ, предпосылка каждаго акта морально направленной воли состоитъ въ томъ, что максима нашего поведенія мыслится нами, какъ желательный для насъ общій законъ.

Но что же такое эта „максима", обобществленія которой я могу желать или не желать? Допустимъ, я обманулъ человѣка и тѣмъ спасъ отъ насилія моего друга. Поступокъ мой съ одной стороны есть „обманъ", съ другой—„защита друга". Очевидно, ни то, ни другое понятіе въ отдѣльности не можетъ стать максимой, о которой идетъ рѣчь. Нелѣпо было бы въ самомъ дѣлѣ, если бы я, рѣшаясь на обманъ, спрашивалъ себя предварительно: „желательно ли, чтобы всѣ люди обманывали?", или „желательно ли, чтобы всѣ люди защищали друзей?" Ни тотъ, ни другой вопросъ не исчерпываетъ поступка. „Вѣдь никто,—говоритъ Зиммель,—не обманываетъ *вообще*, никто не реализуетъ безцвѣтнаго понятія обмана" **). Не всеобщее господство „понятія", выдѣ-

*) См. его: „Zwei Grundprobleme der Ethik".
**) „Einleitung in die Moralwissenschaft". B. II. S. 37.

ющаго изъ даннаго поступка *одну* сторону, общую ему съ цѣ-
мъ рядомъ другихъ поступковъ, интересуетъ человѣка, пытаю-
гося примѣнить на дѣлѣ кантовскую максиму, — нѣтъ, онъ
рашиваетъ себя, можетъ ли онъ пожелать повторенія другими
дьми даннаго поступка во всей его индивидуальной своеобраз-
сти, во всей его конкретности. Для этого необходимо, очевидно,
ставить другого на свое мѣсто, вообразить его совершенно въ
хъ же условіяхъ, въ которыхъ находился я въ моментъ со-
ршенія поступка. Однако, тождество однихъ только внѣшнихъ
ловій въ данномъ случаѣ еще не достаточно. Результатъ моей
ѣнки можетъ быть совершенно различенъ въ зависимости отъ
го, какъ относится обманывающій субъектъ къ человѣку, кото-
го онъ обманываетъ и къ человѣку, ради котораго онъ обма-
ваетъ. Такимъ образомъ, соединяя два поставленные выше
проса въ одинъ: „желаю ли я, чтобы всѣ люди обманомъ спа-
ли своихъ друзей", я далеко еще не достигаю цѣли. Я долженъ
едположить, что другой находится совершенно въ тѣхъ же
ловіяхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ (психологиче-
ихъ), въ какихъ находился я, совершая данный поступокъ. Но
гда, очевидно, этотъ „другой" рѣшительно ничѣмъ не отли-
ется отъ „меня", онъ будетъ простымъ повтореніемъ меня са-
го, и, конечно, никакого „общаго закона" такая операція дать
ѣ не въ состояніи. Вмѣсто того, чтобы получить „общезначи-
е" правило для реальнаго міра окружающихъ меня людей (къ
торымъ я присоединяю себя, какъ равноправный членъ), я ухожу
міръ фантастическихъ призраковъ, безчисленныхъ зеркаль-
іхъ отраженій моей собственной персоны, фиксированной въ
нный моментъ ея жизни.

Никакого понятія „прогресса", никакихъ указаній для прак-
ческой жизненной борьбы, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ,
ъ абсолютно безсодержательнаго этическаго абсолюта выжать
возможно.

„Абсолютно должное призываетъ къ вѣчной борьбѣ съ эмпи-
ическимъ". Само собой разумѣется, иначе оно не было бы абсо-
отнымъ.

„Эмпирическое, чувственное, гедоническое „я" должно скло-
иться передъ моею высшею духовною природой, передъ моимъ
истиннымъ" „я". Но что такое это духовное, истинное „я"? То,
ередъ чѣмъ должно склониться гедоническое, „не истинное" „я".

Вотъ смыслъ философіи всей!

Смыслъ, надо сказать, довольно неутѣшительный, ибо жи-
ого человѣка интересуетъ не схоластическое жонглированіе фор-
альными тавтологіями, какимъ бы блескомъ и трескомъ оно ни
опровождалось, а вопросъ о *содержаніи* дѣятельности. Не то
ажно, что нравственный принципъ ведетъ насъ куда-то; но куда
менно онъ насъ ведетъ?—that is the question.

Отвѣтить на *этотъ* вопросъ, оставаясь на почвѣ моральнаго

абсолютизма, и не прибѣгая къ сознательной или безсознательной фальсификаціи абсолюта, совершенно немыслимо. Единственно, на что можетъ указать моралистъ, оставаясь послѣдовательнымъ,— это на способность абсолюта возвысить въ нашихъ глазахъ цѣнность каждаго даннаго факта нашей будничной работы. Но именно эта сторона морали и представляется намъ въ высшей степени отрицательной. Г. Булгаковъ рекомендуетъ, напримѣръ, разсматривать въ свѣтѣ этическаго абсолюта каждое мельчайшее мѣропріятіе, клонящееся къ расширенію любезныхъ нашему сердцу чаяній и надеждъ. Не заставитъ ли насъ этотъ „свѣтъ" увидѣть эльдорадо нравственнаго прогресса тамъ, гдѣ при свѣтѣ трезвой эмпиріи развертывается лишь извѣстная щедринская перспектива: „сперва одно право, плевое, затѣмъ другое, также плевое, но уже въ меньшей степени, и такъ далѣе, въ разумной постепенности, вплоть до выѣденнаго яйца"?

VI.

Категорическій императивъ не всегда звучалъ гордымъ призывомъ къ автономному законодательству индивидуума; было время, когда онъ отдавался въ душѣ новорожденной человѣческой личности, какъ минорный аккордъ тоски по утраченной гармоніи коллективнаго, сплошного сознанія, не вѣдавшаго противорѣчія между „я хочу" и „мы хотимъ".

Соціальная дифференціація и расширеніе рамокъ общественнаго союза положили конецъ этой первобытной гармоніи: исчезла возможность непосредственно переживать состоянія своего „ближняго", какъ свои собственныя, явилась необходимость „извнѣ установленныхъ нормъ, т. е. законовъ, поддерживаемыхъ спеціальной общественной силой, ad hoc выдѣленной изъ массы членовъ общества. Вмѣстѣ съ правомъ родилась и нравственность: человѣчество вступило въ государственно-моральный періодъ своего существованія. Одни умиляются при воспоминаніи объ этой отдаленной эпохѣ, говорятъ о началѣ „истинно" человѣческой культуры и исторіи, о томъ, что человѣческій духъ нашелъ здѣсь свои вѣковѣчные устои права морали, которые со стороны содержанія хотя и способны къ безконечному прогрессу, но какъ таковые, какъ чистыя формы, представляютъ неизмѣнную „естественную" основу всякаго человѣческаго общежитія. Другіе — и такихъ пока значительное меньшинство—самыя формы государственной и моральной жизни не считаютъ вѣковѣчными; питая къ послѣднимъ чувства, менѣе всего похожія на энтузіазмъ, они въ то же время думаютъ, что человѣчество при извѣстныхъ условіяхъ сумѣетъ обойтись безъ этихъ

формъ;—такіе люди видятъ въ нравственно-правовомъ періодѣ жизни человѣчества только „прологъ исторіи“ *).

Мы оставимъ въ сторонѣ „прологъ пролога“ съ его коллективнымъ „я“, съ его полнымъ отсутствіемъ не только „автономной“, но и вообще какой бы то ни было „личности“. Докультурный міръ безлично-коллективнаго сознанія для насъ почти такъ же недоступенъ, какъ неуменальный міръ кантовскихъ интеллигибельныхъ характеровъ.

Въ теченіе культурнаго“ періода личность, „я“ человѣческое. пройдя всѣ этапы отъ полнаго небытія до абсолютнаго самоутвержденія, испытала не мало метаморфозъ. Сравнительно очень недавно „истинное“ „я“, противопоставивъ себя „эмпирическому хаосу“, совпало съ моральнымъ принципомъ; долгое время, какъ разъ наоборотъ, именно эмпирическій хаосъ или, какъ проще выражались наши дѣды, плотскія, бѣсовскія побужденія считались истиннымъ, подлиннымъ „я“. „Природа“ человѣческая признавалась грѣховной, враждебной морали силой, и только путемъ отреченія отъ своей природы или „самоотреченія“ „я“ достигало нравственной жизни. Строго говоря, категорическій императивъ, какъ голая форма долженствованія, тогда еще не существовалъ: „я долженъ“ безъ всякихъ поясненій и мотивировокъ было такъ же мало понятно нашимъ высоконравственнымъ дѣдамъ, какъ и современнымъ гедонистамъ. „Я хочу поступить такъ-то. Но „онъ“ (вождь, предокъ-покровитель рода, богъ племени и т. п.) повелѣваетъ мнѣ поступать иначе. „Онъ“ безконечно *выше*, совершеннѣе меня; моя воля ничтожна по сравненію съ „его“ волей, слѣдовательно *я долженъ* его слушаться“. Вотъ что соотвѣтствовало нѣкогда въ сознаніи человѣка современному автономному долгу. Первоначально „высшимъ“ была конкретная личность вождя во всей полнотѣ ея доступныхъ моимъ чувствамъ проявленій. Вождь неизмѣримо превосходитъ меня по силѣ и могуществу; онъ находится въ непосредственномъ общеніи съ душами предковъ, руководящими нашею жизнью, и потому только онъ одинъ знаетъ, какъ надо вести меня къ моему же собственному счастью;—*ему я долженъ повиноваться безъ всякихъ разсужденій*. Въ дальнѣйшемъ развитіи этотъ „онъ“ росъ и ширился, охватывалъ все болѣе и болѣе далекіе горизонты, но вмѣстѣ съ тѣмъ становился все бѣднѣе по содержанію, заволакивался туманомъ и, наконецъ, утратилъ всякія опредѣленныя очертанія, превратился въ какую-то прорѣху въ порядкѣ разумѣнія, тщетно затыкаемую нынѣ метафизическимъ синтезомъ. Параллельно съ этимъ процессомъ первоначально сложная формула долженствованія теряла въ пучинѣ временъ одну свою предпосылку за другой, и къ концу XVIII вѣка отъ нея осталась только часть послѣдней фразы: „долженъ повиноваться безъ всякихъ разсужде-

*) Vorgeschichte, какъ выражался Марксъ.

ній". Кто и кому? Очевидно, я самому себѣ, т. е. „я" „неистинное" „я" „истинному". Почему долженъ? Но вопросъ этотъ не имѣетъ смысла! Вѣдь внутренній голосъ гласитъ „безъ всякихъ разсужденій"; именно „категорическій" характеръ императива и есть его специфически нравственный характеръ.

Современнымъ идеалистамъ авторитарная нравственность древнихъ представляется, конечно, въ высшей степени несовершенной: въ ней „автономный моральный духъ не приходитъ еще къ самопознанію". Отсюда стремленіе моралистовъ освободить мораль „отъ непріятнаго историческаго привкуса" (выраженіе г. Бердяева). Но на нашъ взглядъ этотъ „непріятный привкусъ" какъ разъ и дѣлалъ мораль дѣйствительно прочной и жизнеспособной опорой практики. Не безсодержательная форма моральнаго закона, а данная конкретная заповѣдь была въ прежнія времена непререкаемой; эта заповѣдь исходила отъ личности, которая была „мнѣ" *непосредственно извѣстна*, какъ нѣчто высшее по сравненію со „мной", передъ чѣмъ „я" не могло не склониться. Вмѣстѣ съ моральной санкціей было *дано* и то, что она санкціонируетъ. Нравственное сознаніе ясно и опредѣленно говорило человѣку, куда онъ долженъ идти, и слѣдовательно не было никакой необходимости прибѣгать къ ухищреніямъ онтологическаго аргумента для того, чтобы наполнить абсолютную форму эмпирическимъ содержаніемъ. Съ другой стороны, гораздо слабѣе сказывалась и та раздвоенность моральнаго чувства, которую мы выше назвали „антиноміей морали". Разстояніе между грѣховнымъ „я" и высшимъ существомъ, моральнымъ законодателемъ, стоящимъ внѣ меня, не могло ощущаться, какъ мучительное противорѣчіе. Стремленіе стать совершеннымъ, быть „какъ боги", въ глазахъ древняго человѣка было не двигателемъ моральнаго сознанія, а ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ моральныхъ преступленій; онъ видѣлъ здѣсь даже не „грѣхъ", а какое то непонятное и отвратительное уродство, извращеніе „нормальнаго" „я". Много вѣковъ должно было пройти, прежде чѣмъ могла зародиться заповѣдь: „будите совершени, яко Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть". Естественно, что „раскаяніе" древнихъ въ гораздо большей степени было призывомъ къ исправленію, угрозой наказанія за отступленіе отъ нормы, нежели пассивной скорбью по поводу своей фактической грѣховности.

Идея автономности „я" въ корнѣ подрываетъ самые устои моральнаго сознанія. Объявляя всякую конкретную заповѣдь эмпирическимъ, „случайнымъ" содержаніемъ абсолютной нормы, она дѣлаетъ невозможной оцѣнку дѣйствительности съ точки зрѣнія моральнаго (т. е. абсолютнаго) критерія и параллельно съ этимъ разъѣдаетъ самый моральный импульсъ воли, санкціонируетъ противорѣчія его, какъ таковыя, создаетъ чувство „трагической красоты". Мы склонны поэтому въ автономной морали видѣть не зарю новаго „истинно"-моральнаго періода человѣче-

ской исторіи, а медленную, мучительную, полубезсознательную ликвидацію стараго, начало конца.

За недостаткомъ мѣста и подходящаго настроенія мы не будемъ здѣсь проливать слезъ по этому поводу, а вернемся къ древней *истинной* (т. е. жизнеспособной) морали, къ морали рабовъ и морали господъ. Въ настоящее время благодаря Ницше довольно популярна легенда о полной противоположности между господской и рабьей моралью. Господа имѣютъ обязанности, но лишь по отношенію къ равнымъ себѣ: „по отношенію къ существамъ низшаго ранга, по отношенію ко всѣмъ чужимъ можно поступить по произволу, по прихоти сердца и во всякомъ случаѣ—по ту сторону добра и зла" *). Г. Невѣдомскій въ своемъ предисловіи къ книгѣ Лихтенберже говоритъ, что „господинъ" Ницше не имѣетъ въ себѣ ничего историческаго, — это „герой философскаго романа". Дѣйствительно, исторія не знаетъ господъ, чуждыхъ сознанія нравственной связи съ рабами. Всякая историческая аристократія, поскольку она жизнеспособна, поскольку устои ея господства дѣйствительно прочны, ничуть не менѣе пропитана моральными обязанностями по отношенію къ рабамъ, нежели эти послѣдніе по отношенію къ аристократіи. Феодалъ видитъ въ крестьянинѣ не средство, которымъ онъ свободно пользуется для удовлетворенія своихъ вкусовъ и потребностей, а цѣль, поставленную ему Богомъ. Онъ — „избранный слуга Божій", его провиденціальное назначеніе, его нравственный долгъ управлять человѣческимъ общежитіемъ согласно священнымъ завѣтамъ предковъ. Соціальная норма, гарантирующая самое существованіе даннаго общественнаго класса, не можетъ не фетишизироваться имъ, она неизбѣжно принимаетъ нравственную санкцію,—разсматривается не какъ орудіе, для свободнаго творчества цѣнностей, а какъ высшая цѣнность, опредѣляющая собою неизмѣнныя рамки всякаго творчества.

Иначе и быть не можетъ. Какъ бы низко ни палъ рабъ, какъ бы ни было велико разстояніе между нимъ и рабовладѣльцемъ, онъ все же никогда не позволитъ управлять собою чисто механически, какъ управляютъ домашнимъ скотомъ и машинами. Когда я ѣду верхомъ на лошади, мнѣ нѣтъ никакой надобности вступать съ ней въ непосредственное психическое общеніе. Я поднимаю хлыстъ, и она пускается галопомъ, преодолѣвая усталость длиннаго путешествія. Что думаетъ она при этомъ, я не знаю; быть можетъ, она чувствуетъ нѣчто въ родѣ религіознаго экстаза, изъ послѣднихъ силъ вытягивая въ струнку спину и вздымая копытами пыль? Какое мнѣ дѣло. Съ меня довольно сознанія, что легкимъ движеніемъ поводовъ я сумѣю вернуть ее къ спокойному шагу, когда мнѣ этого захочется. Совсѣмъ иное дѣло рабъ: рабъ лишь тогда станетъ покорно служить мнѣ, когда

*) Jenseits von Gut und Böse. S. 241.

онъ вѣритъ въ мое высшее призваніе, и чтобы поддержать въ немъ эту вѣру, я долженъ вѣрить самъ.

Древняя Спарта представляетъ едва ли не самый яркій примѣръ аристократіи, основанной почти исключительно на голой силѣ, безъ ясно выраженныхъ узъ господско-рабьей морали. И что же? Развѣ Спарта была эльдорадо автономнаго развитія индивидуальностей? Какъ разъ наоборотъ. Рѣшительно все въ этой маленькой республикѣ, начиная съ ничтожнаго гвоздя, вбиваемаго въ стѣну дома, и кончая высшими принципами, вбиваемыми въ голову юношества, опредѣлялось одною цѣлью: держать общину господъ въ постоянной боевой готовности на случай усмиренія возставшихъ рабовъ. Цѣль эта создала знаменитую спартанскую этику, кодексъ морали, безпощадно подавляющій всякій свободный порывъ личности, быть можетъ, самый грубый, ограниченный, тупой кодексъ морали изъ всѣхъ, которые когда-либо знала исторія. Такимъ образомъ рабъ даже въ томъ случаѣ, если онъ выступаетъ въ сознаніи господина лишь какъ объектъ возможнаго усмиренія, всецѣло опредѣляетъ собою мораль господъ.

Для того, чтобы держать слугу въ повиновеніи, не вступая съ нимъ въ моральную связь, для того, чтобы подчинять его себѣ однимъ голымъ насиліемъ, надо затратить на трудъ „руководительства" чуть ли не столько же силы, сколько требуетъ сама исполняемая слугою работа. Не удивительно поэтому, что гласомъ вопіющаго въ пустынѣ звучатъ тѣ бичи и скорпіоны сарказма, которыми Ницше осыпаетъ аристократію за ея раболѣпство передъ государствомъ. Увы! только это, по мнѣнію Ницше, „самое холодное изъ всѣхъ холодныхъ чудовищъ" можетъ отогрѣть на груди своей аристократію. Не случайно „πόλις" было высшимъ божествомъ свободнаго эллина, а добродѣтельное ζῷον πολιτικόν его высшимъ идеаломъ. Правда, моральный голосъ не звучалъ еще въ эллинской душѣ той холодной казенщиной, которой отдаетъ отъ нашего „категорическаго императива", порожденнаго совершенно инымъ общественнымъ строемъ. Поскольку дѣло касалось индивидуума, какъ таковаго, высшимъ принципомъ эллина была гедоническая гармонизація переживаній; въ этомъ пунктѣ этика уступила мѣсто эстетикѣ еще въ древней Элладѣ. Но какъ только на сцену вступаетъ πόλις, картина немедленно преображается. Не формы общежитія разсматриваетъ грекъ какъ свое орудіе, какъ средство, которое на ряду съ прочими элементами внѣшняго міра должно быть подчинено принципу субъективной гармоніи; наоборотъ, самого себя онъ стремится подчинить данному соціальному цѣлому, какъ его ничтожную часть, какъ орудіе для его „объективныхъ" цѣлей. Въ свободныхъ Аѳинахъ подозрѣніе, что данный индивидуумъ можетъ быть опасенъ для общественнаго спокойствія, влекло за собою остракизмъ; обвиненіе въ безбожіи было чрезвычайно популярнымъ средствомъ обузданія слишкомъ вольнолюбивыхъ умовъ. Софисты, наиболѣе

послѣдовательно отстаивавшіе точку зрѣнія автономной личности, могли, правда, признать всякую извнѣ установленную норму „зломъ“... „но это *необходимое* зло“, добавляли они со вздохомъ. И дѣйствительно, „зло“ было необходимо среди народца-аристократа, культура котораго распустилась, какъ чужеядный цвѣтокъ на стволѣ огромнаго варварскаго міра. Πόλις былъ тѣми корнями, при помощи которыхъ цвѣтокъ высасывалъ грубый варварскій потъ, для того, чтобы претворить его потомъ въ свой благоухающій нектаръ; Πόλις не могъ, не быть священнымъ.

Рабство исключаетъ возможность свободнаго самоопредѣленія на обоихъ своихъ полюсахъ, не только на сторонѣ порабощенныхъ, но и на сторонѣ поработителей. Личность рабовладѣльца столь же мало можетъ достигнуть дѣйствительной автономіи, какъ и личность раба. Охраняя власть свою надъ рабами, господинъ тѣмъ самымъ вынужденъ охранять весь жизненный укладъ, выросшій на данной системѣ рабства, вынужденъ поддерживать весь строй мыслей, чувствъ, понятій, связанныхъ съ этой системой. Отступники изъ господъ, „свободные“ люди, осмѣлившіеся подвергнуть критикѣ хотя бы одинъ изъ устоевъ окружающаго ихъ общежитія, караются такъ же жестоко, такъ же безпощадно, какъ и возставшіе рабы. Мораль господъ это та же мораль рабовъ, но лишь перевернутая вверхъ ногами, разсматриваемая не съ основанія, а съ вершины общественной пирамиды.

Но, возразятъ намъ, все это не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія къ той психологіи рабства и господства, о которой говоритъ Ницше: „Ницше никогда не становится на соціальную точку зрѣнія“ (г. Бердяевъ. „Проб. ид.“, 122), онъ совершенно не имѣетъ въ виду „экономической, матеріальной власти надъ людьми, такъ какъ всѣ вопросы матеріальнаго порядка лежатъ вообще далеко за предѣлами его мыслей и стремленій“ (г. Франкъ, ibid. 189.).

Прежде всего это фактически не вѣрно. Ницше не писалъ, правда, соціологическихъ трактатовъ, но постоянно становился „на соціальную точку зрѣнія“, очень часто и очень настойчиво говорилъ о необходимости „экономической, матеріальной“ эксплоатаціи рабовъ для расцвѣта свободной и гордой воли господъ *).

---

*) Вотъ наудачу двѣ выдержки: „она (аристократія) вполнѣ сознательно приноситъ себѣ въ жертву множество людей, которые *ради нея* должны быть низведены на степень неполныхъ людей, рабовъ, орудій“... „эксплоатація не есть нѣчто, свойственное испорченному, несовершенному, примитивному обществу: она принадлежитъ къ самому *существу*“ всего живого (Jens. v. G. u. B. S. 237, 238).

Зиммель говоритъ, что каждую индивидуальность можно разсматривать какъ пунктъ скрещенія родовыхъ чертъ. Ницше есть пунктъ, въ которомъ сталкиваются едва ли не всѣ выдающіяся черты психологіи нашего „критическаго“ времени, при этомъ каждая изъ нихъ выступаетъ съ такою яркостью, рельефностью и силой, съ такой непримиримой исключительностью, что думать о какомъ-либо гармоническомъ синтезѣ здѣсь положительно не прихо-

Во-вторыхъ, насъ интересуетъ здѣсь не экономическая эксплоатація сама по себѣ, а та „идеологія“ господства и подчиненія, которая обусловливаетъ собою ея психологическую возможность. Пусть для господина экономическая равноправность людей является непоколебимымъ моральнымъ постулатомъ. Онъ уже не эксплоатируетъ рабовъ, не въ присвоеніи себѣ продукта ихъ труда видитъ свою задачу, а въ осуществленіи идеала „справедливаго“ распредѣленія; не на матеріальную власть онъ опирается въ своемъ господствѣ, а исключительно на силу своего духовнаго превосходства, превосходства въ знаніи, въ твердости моральныхъ принциповъ: это—духовный „руководитель“ массы, „духовный аристократъ“. Да простятъ намъ „господа“ идеалисты, но ихъ идеалъ духовной аристократіи представляетъ на нашъ взглядъ лишь новую варіацію на безконечную старую тему о томъ, что господа должны быть милостивы къ своимъ рабамъ, не должны употреблять преимущества высшаго духовнаго развитія во зло „меньшому брату“.

Духовный аристократизмъ въ смыслѣ непосредственнаго *руководительства* массою не имѣетъ ничего общаго съ геніальностью, если только геніями мы назовемъ людей, открывающихъ новыя цѣнности въ области мысли и чувства, а не тѣхъ ловкихъ дрессировщиковъ домашняго животнаго „человѣкъ“, à la Бисмаркъ, Наполеонъ, Робеспьеръ e tutti quanti, которымъ „гражданская“ исторія присваиваетъ это паименованіе *). Геній индивидуаленъ, замкнутъ въ себѣ отъ начала до конца своей творческой дѣятельности. Пока онъ еще работаетъ надъ своимъ будущимъ открытіемъ, онъ, очевидно, „руководитъ“ лишь самимъ собою, подчиняетъ свои переживанія поставленной себѣ цѣли. Разъ открытіе готово, геній отдаетъ его человѣчеству, и отдаетъ зачастую грубо, угловато,—какъ будто бросаетъ его людямъ, вовсе не заботясь о той психологической „обстановочкѣ“, которая такъ необходима руководителю, для того, чтобы вести человѣчество по проторенньмъ уже дорожкамъ. Дѣло генія, какъ таковаго, заканчивается формулировкой вывода. Примѣнить этотъ выводъ на практикѣ можетъ каждый среднiй человѣкъ, вѣрнѣе могъ бы,

---

дится. Отсюда безплодность всякихъ попытокъ выдѣлить изъ Ницше его „истинной ядро“, вогнать его въ рамки опредѣленнаго направленія. Просто диву даешься при видѣ того искусства, съ которымъ, напр., наши русскіе идеалисты прилизываютъ и приглаживаютъ непокорные вихры своей нѣмецкой симпатіи; въ концѣ концовъ у нихъ получается совсѣмъ-таки высоконравственный паинька, благодушно протягивающій руку примиренія врагу своему Канту. Поистинѣ чудотворцы!

*) Мы знаемъ, конечно, что эмпирическое „я“ зачастую совмѣщаетъ въ себѣ и генія, и дрессировщика; но такое совмѣстительство ничего еще не говоритъ о ихъ внутреннемъ родствѣ. Изъ того, что Геркулесъ и Сампсонъ обнаруживали большую слабость въ сердечныхъ дѣлахъ, а Гефестъ былъ хромъ, отнюдь не слѣдуетъ, что всякій богатырь долженъ находиться въ рабствѣ у женщины, а всякій талантливый кузнецъ ходить на костыляхъ.

[ли] бы *смѣлъ* самъ овладѣвать всѣмъ доступнымъ ему содер[жа]ніемъ жизни, не прибѣгая къ руководителю. Глубокая пропасть [ле]житъ между смѣлымъ изслѣдователемъ, впервые взобравшимся на [ве]ршину горы, и проводникомъ, перетаскивающимъ за 10 фран[ко]въ въ день безпомощныхъ дамъ и кавалеровъ черезъ горные [щ]чейки въ полтора аршина шириною. Работа генія кончается [та]мъ, гдѣ начинается руководительство. Этотъ трудъ геній предо[ст]авляетъ нянькамъ, дядькамъ, надсмотрщикамъ несовершенно[лѣ]тняго человѣчества. Послѣдніе вовсе не превосходятъ своихъ [пи]томцевъ дарованіями, наоборотъ, зачастую уступаютъ имъ; но [он]и получили систематическое образованіе, они культивировали [въ] себѣ организаторскіе таланты, и прежде всего *мораль*, какъ [ос]нову всякой организаціи; они удивительно, трогательно нрав[ст]венны, насквозь пропитаны принципами; ихъ „долгъ“, смыслъ [ихъ] жизни—предохранять человѣчество отъ „пагубныхъ заблу[жд]еній“, достигается эта цѣль по возможности одними только [„у]вѣщаніями“, то сладостно журчащими, то патетически-рокочу[щи]ми тирадами на тему о нравственномъ призваніи „истиннаго“ [чел]овѣка, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, съ глубокимъ [вз]дохомъ пускаются въ ходъ толчки и зуботычины,—да и эти [по]слѣдніе разсматриваются отнюдь не какъ внѣшнія мѣропріятія, [а] какъ возстановленіе нравственной гармоніи преступной души: [пр]еступникъ имѣетъ нравственное право *требовать* себѣ наказанія.

Съ нашей точки зрѣнія психологія свободнаго человѣка не [ми]рится ни съ какимъ руководительствомъ. Не свободенъ тотъ, [кт]о боится самого себя, не смѣетъ признать принципіальной [ра]вноцѣнности всѣхъ своихъ переживаній, и въ нихъ самихъ, [въ] показаніяхъ непосредственнаго чувства („ἡδονή“) искать нормъ [жи]зни. Потребность въ абсолютной, внѣ эмпиріи установленной [и] внѣшней санкціей упроченной нормѣ есть уже психологиче[ско]е рабство; причемъ сравнительно второстепеннымъ является [во]просъ, какъ именно представляетъ себѣ человѣкъ абсолютную [са]нкцію, въ видѣ реальнаго существа внѣ его или въ видѣ гипо[ста]зированной абстракціи („формы“), какъ таковой. Свободный [чел]овѣкъ, встрѣчая на пути своемъ индивидуума, пытающагося [„ру]ководить“ имъ, очень мало интересуется вопросомъ, изъ ка[ки]хъ побужденій вытекаетъ этотъ руководительскій зудъ, изъ [мо]ральнаго сознанія или грѣховнаго порыва къ матеріальной [вл]асти. Если я пробираюсь черезъ терновникъ, вонзающій въ [ме]ня свои шипы, я отстраняю его рукой, а когда это невозможно, [п]рорубаю себѣ дорогу топоромъ; въ томъ и другомъ случаѣ у [ме]ня одинъ принципъ: достигнуть даннаго результата съ наимень[ше]ю тратою силы; но само собою разумѣется, мнѣ и въ голову [не] приходитъ спросить себя: „а какой способъ цѣлесообразнѣе [съ] точки зрѣнія жезненной задачи самого терновника, разсма[тр]иваемаго, какъ самоцѣль?“

Удивительная въ самомъ дѣлѣ вещь. Изъ-за того, что въ

цѣляхъ зоологической и нѣкоторыхъ другихъ классификацій даннаго индивидуума и меня удобно обозначить однимъ общимъ терминомъ „человѣкъ“, изъ-за одного только этого „человѣкъ“, какъ таковой, долженъ стать высшей задачей моей жизни, я обязанъ во что бы то ни стало признать практическую общезначимость между мною и каждымъ эмпирически даннымъ человѣкомъ...

Не всякій человѣкъ можетъ быть „ближнимъ“, сотрудникомъ, товарищемъ въ моей жизненной борьбѣ; Mensch еще не есть Mitmensch, — и свобода состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы провести эту границу „автономно“, безъ всякихъ формальныхъ или матеріальныхъ указаній извнѣ, исключительно на основаніи „субъективныхъ“ требованій моего конкретнаго „я“ и тѣхъ эвристическихъ принциповъ, которые я худо ли, хорошо ли, но *самъ* себѣ выработалъ. Весь человѣческій матеріалъ, стоящій внѣ сферы „Mitmensch“, составляетъ ту часть скалы моихъ жизненныхъ цѣнностей, которая спускается отъ нуля книзу. Каждый отдѣльный экземпляръ этого комплекса равенъ нулю, безразличенъ для меня, поскольку я съ нимъ не сталкиваюсь, и пріобрѣтаетъ знакъ минусъ, становится препятствіемъ, которое я стремлюсь преодолѣть, разъ наши дороги такъ или иначе перекрещиваются. Но и часть скалы выше нуля, Mitmenschen, товарищи, сотрудники въ работѣ, разсматриваются мною не какъ „самоцѣль“, а какъ средство; разница въ томъ, что въ данномъ случаѣ это положительныя средства, орудія въ борьбѣ, которыми я дорожу, и которыя стараюсь поэтому удержать у себя.

Господско-рабья психологія далеко не ограничиваетъ своего вліянія сферой матеріальной эксплоатаціи, какъ это наивно думаютъ гг. идеалисты,—нѣтъ, она забирается въ такія возвышенныя области, которыя на первый взглядъ стоятъ совершенно „по ту сторону“ всего матеріальнаго. Сколько разъ въ произведеніяхъ либеральныхъ и гуманныхъ писателей, не чуждыхъ при томъ современнаго культа силы, приходилось вамъ читать восторженныя описанія „могучей, цѣлостной“ натуры, которая требуетъ, чтобы ее любили не за тѣ или другія „качества“, а всю „цѣликомъ“, независимо отъ какихъ-либо качествъ. Это типическая психологія господина-рабовладѣльца. Каждое мое „качество“, каждая моя мысль или поступокъ должны быть цѣнны для тебя не сами по себѣ, т. е. не какъ средство для удовлетворенія *твоихъ* запросовъ, ты обязанъ преклоняться передъ ними, просто потому, что они *мои*. Никакой автономной, самостоятельной нормы цѣнностей для тебя не полагается; „я“—вотъ твоя норма, благоговѣйное воспріятіе моихъ переживаній—вотъ „должное“ содержаніе твоей жизни. Видѣть каждую свою мину, каждое свое движеніе пассивно отраженными въ душахъ окружающихъ, какъ въ десяткахъ, а по возможности сотняхъ и тысячахъ зеркалъ—вотъ эта пресловутая

Lust der Befehlenden, „удовольствіе“, въ равной степени понятное и древнему Нарцису и современнымъ кокоткамъ.

Не того ищетъ въ товарищѣ свободный человѣкъ, не глядѣться въ его душу онъ хочетъ, а найти въ немъ опору, поддержку, особенно въ критическіе моменты сомнѣній и неувѣренности. Но, очевидно, на почвѣ „сліянія двухъ душъ въ одну“, на почвѣ поглощающей любви другого человѣка къ моему „цѣлостному“ „я“ эта задача совершенно недостижима. Только въ томъ случаѣ, если близкій мнѣ человѣкъ оцѣниваетъ каждый мой актъ по скалѣ собственнаго масштаба цѣнностей, я могу разсчитывать на его помощь въ моментъ затрудненія; лишь при этой предпосылкѣ возможна надежда, что та иная связь, въ которую Mitmensch организуетъ мои планы и мысли, откроетъ мнѣ выходъ, котораго я напрасно ищу въ себѣ. Такимъ образомъ, свободный человѣкъ не только самъ относится къ ближнему, какъ къ средству; онъ требуетъ, чтобы и ближній видѣлъ въ немъ лишь средство, лишь орудіе для *своихъ* цѣлей, — вѣрнѣе, лишь того признаетъ онъ „ближнимъ“, товарищемъ, другомъ, кто именно такъ относится къ нему.

Допустимъ теперь, что та господско-рабья психологія, которая заставляетъ меня въ данный моментъ проводить такую рѣзкую границу между Mitmensch и просто Mensch, такъ или иначе исчезла. Является вопросъ, возможно ли представить себѣ такія условія, при которыхъ ни одна сфера жизни свободныхъ людей не нуждалось бы въ существованіи внѣшнихъ нормъ. Само собою разумѣется, что область умственнаго и художественнаго творчества, область различныхъ видовъ общенія съ природой, совмѣстныхъ „увеселеній“ въ тѣсномъ смыслѣ слова не представляетъ здѣсь никакой трудности. Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ даннаго настроенія участниковъ, гдѣ ассоціація можетъ въ каждый моментъ возникнуть и рушиться, не внося никакихъ потрясеній въ общія условія существованія элементовъ, тамъ ненужность внѣшней нормировки слишкомъ очевидна, чтобы стоило на ней останавливаться. Но какъ быть съ такъ называемой „матеріальной“ стороной жизни, гдѣ необходимо регулярное, планомѣрное, непрерывное сотрудничество? Мы ограничимся одной маленькой иллюстраціей, и нарочно возьмемъ ее изъ области, которая хотя и не является наиболѣе подходящей въ данномъ случаѣ, но по своей „безпартійности“ менѣе всего можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пишущему эти строки пришлось работать въ качествѣ студента въ химической лабораторіи. Далеко не вся работа химика имѣетъ непосредственно научный интересъ; очень много времени и труда приходится тратить на приготовленіе препаратовъ, которые представляютъ лишь матеріалъ для собственно „научныхъ“, т. е. болѣе или менѣе самостоятельныхъ и потому непосредственно „цѣнныхъ“ занятій. Вся техника необходимыхъ для насъ препаратовъ была преду-

смотрѣна въ огромномъ коллективномъ трудѣ, издаваемомъ подъ редакціей академика Бейльштейна. У насъ совершенно отсутствовалъ уставъ, налагающій опредѣленныя взысканія за отступленіе отъ нормъ Бейльштейна; равнымъ образомъ не было учреждено должности химическаго инспектора, на обязанности коего лежало бы слѣдить за точнымъ и единообразнымъ повсемѣстно примѣненіемъ вышеозначенныхъ нормъ. Никто не задавалъ себѣ даже вопроса о томъ, является ли пользованіе Бейльштейномъ его „естественнымъ правомъ“ или „нравственною обязанностью“, или еще чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но, увѣряю васъ, несмотря на такое полное отсутствіе правосознанія и правопорядка, предписанія Бейльштейна выполнялись нами лучше и разумнѣе, нежели фабричные законы на самой благоустроенной англійской фабрикѣ. Разгадка этого поразительнаго факта заключается въ слѣдующемъ: во-первыхъ, каждый студентъ ясно понималъ, что предварительныя, лишенныя всякаго самостоятельнаго интереса операціи представляютъ единственно возможное средство достигнуть того, что имѣетъ уже непосредственную цѣнность; во-вторыхъ, самыя предписанія Бейльштейна со стороны ихъ цѣлесообразности не представляли чего-либо „высшаго“, недоступнаго; передъ всякимъ была открыта возможность самостоятельно провѣрить указанія учебника, разъ возникло сомнѣніе, что именно данный путь къ цѣли наиболѣе цѣлесообразенъ (т. е. кратчайшій).

Само собою разумѣется, очень легко теоретически отвѣтить на вопросъ, „какъ возможна такая-то комбинація?“, но гораздо труднѣе показать, какъ ее осуществить на дѣлѣ. Этотъ кардинальный вопросъ, однако, выходитъ за предѣлы настоящей статьи.

Мы говоримъ здѣсь только объ идеалахъ. По нашему мнѣнію, личность, дѣйствительно освободившаяся отъ всякихъ остатковъ рабской психологіи, не можетъ поставить своимъ идеаломъ ни теократію, ни духовную аристократію, ни даже демократію. Изъ всѣхъ этихъ „тео“, „аристо“, „демо“, когда-то будившихъ такія яркія и „возвышающія“ чувства, только послѣднее сохраняетъ еще мѣсто въ душѣ современнаго человѣка; но и ему предстоитъ то же, что случилось съ остальными, которыя уже теперь превратились въ пустыя, холодныя слова, и свободный человѣкъ констатируетъ ихъ гедоническую пустоту, замѣняя ихъ краткимъ, но выразительнымъ „α“ — privativum.

Нѣкоторые русскіе идеалисты приближаются, повидимому, къ тому пониманію идеала, которое мы попытались намѣтить въ предшествующихъ строкахъ. Мы имѣемъ здѣсь въ виду идею „естественнаго права“, какъ она развивается г. Новгородцевымъ и въ особенности г. Струве. „Абсолютное право,—пишетъ этотъ послѣдній,— раскроется и восторжествуетъ тогда, когда субъективныя права, образующія абсолютное право, совлекутъ съ себя несовершенную, охраняющую ихъ одежду объективнаго права,

перестанутъ быть юридическими нормами и опираться на принужденіе. Принужденіе тогда всецѣло уступитъ свободѣ" *).

Мы охотно подписались бы подъ этими словами, если бы... Ахъ, если бы всякій разъ, когда намъ хочется въ чемъ-нибудь согласиться съ идеалистомъ, не вставало на нашемъ пути столько неустранимыхъ „если бы"! Прежде всего, что такое „естественное" право? Изъ приведенныхъ словъ г. Струве ясно, что это—простое отрицаніе юридической нормировки, и оно поступило бы гораздо „сообразнѣе съ своею природой", если бы явилось передъ нами, какъ таковое, не претендуя на фантастическую роль какой-то абсолютной „сущности" юридическаго права, до сихъ поръ имъ самимъ не найденной, да, по правдѣ сказать, и не слишкомъ-то „искомой". Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ ту несовершенную метафизическую одежду, которую никакъ не можетъ совлечь съ себя естественное право. Но вотъ что насъ болѣе всего смущаетъ. По мнѣнію г. Струве, реализація естественнаго права есть дѣло „національное". Конечно, „національзмъ" въ устахъ этого писателя имѣетъ мало общаго съ соотвѣтственнымъ терминомъ философовъ Страстного бульвара, однако, кое-что общее все-таки есть. „При всемъ субъективизмѣ смѣняющихся содержаній (національзма), сквозь эту смѣну развивается и отверждается чистая *идея-форма*" („На разныя темы", стр. 527). Гдѣ же „отверждается" эта формальная идея? Быть можетъ, въ головѣ ученаго, называющаго для удобства изложенія одинаковымъ терминомъ „нѣмецкій", „французскій" совершенно различныя психологическія содержанія? Это бы еще съ полъ-бѣды. Увы, нѣтъ! Эта абсолютная идея кристаллизуется въ психикѣ практически дѣйствующаго человѣка, какъ неизмѣнный руководящій принципъ. „Истинный національзмъ", это, по мнѣнію г. Струве, „одушевленное служеніе національному духу". Но что значитъ служить „національному духу", какъ „идеѣ-формѣ?" Очевидно, тѣ психологическія черты, которыя въ переживаемое мною время фактически раздѣляются всѣми представителями данной націи, не могутъ имѣться здѣсь въ виду: это былъ бы эмпирическій, а не формальный „духъ". Остается предположить, что идея національной организаціи есть та форма, въ которой я „долженъ" осуществлять мою задачу, въ данномъ случаѣ, мое „естественное право". Какъ же мнѣ быть, если окажется, что самый принципъ національной организаціи слишкомъ узокъ или широкъ для осуществленія „естественнаго права", какъ я его понимаю,—если, съ другой стороны, выяснится, что моя задача не выполнима именно среди той эмпирической группы людей, съ которой я связанъ происхожденіемъ? Я долженъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ уступить, отбросить свою задачу въ угоду „идеѣ-формѣ?" На нашъ взглядъ при утвердительномъ отвѣтѣ „я" въ обоихъ слу-

*) „На разныя темы", стр. 538.

чаяхъ оказалось бы жалкимъ рабомъ своей собственной гипостазированной абстракціи.

Въ заключеніе устранимъ еще одно возможное недоразумѣніе. Высказываясь за идею „естественнаго права", поскольку это послѣднее противополагается *юридическому*, мы отнюдь не становимся *практически* на сторону тѣхъ соціальныхъ романтиковъ, въ родѣ нашихъ толстовцевъ или заграничныхъ единомышленниковъ Элизе Реклю, которые стараются устраниться отъ всего юридическаго, отойти къ сторонкѣ и умыть руки. „Брать изморомъ"—тактика, крайне нецѣлосообразная съ точки зрѣнія экономіи силъ; для того, чтобы устранить препятствіе, надо сначала овладѣть имъ. На нашъ взглядъ гораздо прямѣе ведутъ къ цѣли тѣ пріемы, которые выработаны марксизмомъ. Въ публикѣ довольно широко распространенъ взглядъ, будто марксизмъ представляетъ одно изъ многихъ направленій, стремящихся на мѣсто „не истинныхъ" юридическихъ нормъ поставить „истинныя". Это пагубное заблужденіе. Не отступаясь отъ самыхъ основъ своего міровоззрѣнія, марксистъ не можетъ выработать понятія „истинной" юридической нормы: съ его точки зрѣнія юридическая нормировка есть не формальное условіе всякаго возможнаго общежитія, но лишь необходимая подпорка общежитія, расчлененнаго на классы. Поэтому „истинная"—т. е. соотвѣтствующая конечной цѣли марксизма—юридическая норма есть contradictio in adjecto.

Но куда дѣвался вашъ „гедонизмъ?" спроситъ читатель. Правда, въ самомъ построеніи идеала свободы нѣтъ этическихъ элементовъ: это чисто отрицательное требованіе устраненія всѣхъ препятствій, стоящихъ на пути свободной эвристической гармонизаціи моихъ переживаній. Но вотъ, что касается дороги къ идеалу... Вѣдь ни для кого не тайна, что она усыпана не розами, а терніями. Что же заставляетъ васъ избирать терніи и отказываться отъ розъ, хотя въ умѣренномъ количествѣ, но все же гарантированныхъ существующими нормами? Прежде всего, на одни только терніи я не промѣнялъ бы даже самыя плохонькія розы. Человѣкъ, бьющійся головой о стѣну съ полнымъ сознаніемъ, что это стѣна и что головой пробить ее невозможно, представляетъ только комическую фигуру, хотя бы онъ былъ охваченъ при этомъ самымъ превыспреннимъ энтузіазмомъ. Если опытъ показалъ, что положеніе мое совершенно безнадежно, что для меня нѣтъ никакого выхода, эвристическій принципъ гармонизаціи указываетъ мнѣ на смерть, какъ на кратчайшій путь къ цѣли. Смерть безусловно предпочтительнѣе мужества отчаянія; она, несомнѣнно, первое „естественное право" человѣка. Однако, въ данномъ случаѣ дѣло обстоитъ далеко не такъ трагично. Какъ ни жалки, какъ ни изуродованы внѣшними, а порою и внутренними условіями тѣ зародыши будущаго, которые возникаютъ въ нѣдрахъ современности, все-таки то непосредственное наслажденіе, которое даютъ они, съ избыткомъ искупаетъ утра-

ченныя розы. Тѣмъ болѣе, что и терять-то приходится очень немного. Если „норма“ предоставляетъ мнѣ право нюхать розу въ продолженіе тридцати секундъ, а по истеченіи указаннаго срока приставленный къ розѣ стражъ отпускаетъ мнѣ въ случаѣ моей забывчивости плюху, то удовольствіе мое заранѣе отравлено уже одной этой перспективой. Антиципированная мною плюха все обезцвѣчиваетъ и обезвкусиваетъ въ моихъ глазахъ,—и не потому, что она оскорбляетъ мое „человѣческое“ достоинство, которое я „долженъ“ защищать, а просто потому, что она мнѣ *непосредственно* до крайности отвратительна. Я не нуждаюсь здѣсь въ голосѣ категорическаго императива, какъ не нуждаюсь въ моральномъ самообузданіи, для того, чтобы не ѣсть человѣческаго мяса, хотя на́ вкусъ оно, надо думать, не хуже свиного.

Но и людоѣдство, возразитъ идеалистъ, было когда-то запрещено *моральнымъ* закономъ, и только длинное нравственное воспитаніе сдѣлало для человѣка это блюдо такимъ же физіологически отвратительнымъ, какъ, напримѣръ, падаль. Противъ этого мы не станемъ спорить. Мы охотно готовы признать *историческія* заслуги морали. Мы рѣшаемся только утверждать, что „сладость подчиненія“ есть единственное грѣховное удовольствіе, отъ котораго человѣчеству предстоитъ еще эмансипироваться; и къ нашей радости значительная и все растущая часть человѣчества быстро достигаетъ въ этомъ пунктѣ полной и окончательной *святости*; во всемъ же остальномъ достаточно гедоническаго аморализма съ его принципомъ свободной гармонизаціи переживаній,

Вы помните притчу Заратустры о трехъ превращеніяхъ. Мы стоимъ на рубежѣ второго. Духъ человѣческій сбрасываетъ съ себя верблюжій образъ вмѣстѣ съ тяжелыми тюками добродѣтелей, которые онъ терпѣливо тащилъ на себѣ черезъ пустыню исторіи. Изъ верблюда рождается левъ:

„Свободы хочетъ добыть онъ и стать господиномъ своей пустыни...

„Какъ зовется великій драконъ, котораго духъ не хочетъ болѣе называть своимъ господиномъ и богомъ?

„Ты долженъ“— имя великаго дракона. Но духъ льва говоритъ „я хочу!“

„Впрочемъ, это новое, автономное „хочу“ тождественно съ добрымъ, вѣчнымъ „я долженъ“, — раздается вдругъ откуда-то голосъ, полный почтительнаго достоинства.

Что это? Левъ поперхнулся? Или верблюдъ не совсѣмъ еще околѣлъ?

Нѣтъ, это россійскіе „бараны непомнящіе“ стараются осмыслить странное видѣніе, внезапно нарушившее ихъ сонный покой. Вольный баранъ промчался въ дальнихъ горахъ. Смотрятъ домашніе бараны вслѣдъ убѣгающей тѣни и думаютъ:

Ловокъ-то ты дѣйствительно ловокъ, и силенъ, и строенъ, спору нѣтъ, не намъ чета. Но развѣ эта матеріальная мускуль-

ная сила создаетъ подлинное достоинство, развѣ въ этой грубой физической красотѣ эстетическое совершенство истиннаго барана?! — А знаешь ли ты трагическую красоту обыденной жизни? Можешь ли ты понять невыразимую прелесть тѣхъ тончайшихъ настроеній и настроеньицъ, тѣхъ глубокихъ переливовъ воркующей меланхоліи, которые разыгрываются въ нашей душѣ, когда мы такъ спокойно и, повидимому, благодушно пережевываемъ жвачку въ тепломъ, уютномъ хлѣву?

Ты воленъ, какъ птица, ты грубо доволенъ своей независимостью, — но пойми же, что независимость эта есть отвратительная безпринципность плоскаго гедонизма! Отсутствіе всякаго абсолютнаго начала дѣлаетъ твое бытіе нравственно ничтожнымъ: ты безсмысленно носишься со скалы на скалу, какъ вѣтеръ горъ твоихъ, пока не умрешь гдѣ-нибудь въ ущельѣ.

Совсѣмъ иное дѣло мы. Наша смерть есть лишь переходъ въ высшую форму существованія: въ желудокъ верховнаго существа, владѣльца и господина нашего, Ивана Созонтыча Растаковскаго. Это благородное назначеніе согрѣваетъ всю нашу жизнь лучами нравственнаго идеала; каждый поступокъ нашъ, каждый актъ нашей будничной работы пріобрѣтаетъ глубокій этическій смыслъ, поскольку мы его разсматриваемъ, какъ подготовительную ступень къ высокой конечной цѣли: стать достойными пира верховнаго существа. Наше узенькое, маленькое „я" въ сознаніи исполненнаго долга безконечно расширяется, охватываетъ безбрежные горизонты, непосредственно отождествляетъ себя съ универсальнымъ, вѣчнымъ міропорядкомъ. Теперь для насъ баранъ уже не просто баранъ, а, такъ сказать, эмпирическое воплощеніе абсолютной идеи съѣдобности; и мы вѣримъ, что дальнѣйшее развитіе бараньяго рода въ принципахъ строгой морали устранитъ изъ барана всѣ жилистыя, сухія, плохо удобоваримыя части и сдѣлаетъ его сплошь мягкимъ и сочнымъ, однимъ словомъ, адэкватнымъ той идеѣ верховнаго существа, несовершенной реализаціей которой онъ теперь является.

А что касается „воли", такъ развѣ же мы не свободны, развѣ мы не автономны? Правда, пастухъ нашъ, пощелкивая бичемъ, очень рѣдко пытается обосновывать свои удары на требованіяхъ нашего нравственнаго чувства; въ большинствѣ случаевъ трехъэтажные афоризмы народной мудрости представляются ему вполнѣ достаточной мотивировкой мѣропріятій. Это горько, но, будемъ надѣяться, не вѣчно. Вѣдь не только наши, но всеобщіе интересы, истинно понятые, предписываютъ считаться съ бараньимъ правосознаніемъ. Развѣ мы отрицаемъ карательныя мѣры? Ничуть! Мы готовы вполнѣ автономно провозгласить принципъ возмездія за всякое нарушеніе нормъ бараньяго общежитія. Только подчинивъ нашу жизнь закону, мы достигаемъ дѣйствительнаго самоопредѣленія! Подчиненіе утрачиваетъ свое жало, разъ оно становится самоподчиненіемъ, и боль ударовъ теряетъ остроту,

когда они лишь реализація принципа самопорки! Гордостью и самоуваженіемъ наполняютъ насъ наши заслуженные рубцы. Мы возвысились до того, что *требуемъ* себѣ наказанія!..

Wir haben das Recht, das *natürliche* Recht erfunden sagen die Feinsten... und blinzeln.

В. Базаровъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Обмѣнъ и техника.

Въ жизни капиталистическаго общества процессы обмѣна представляютъ одно изъ основныхъ и наиболѣе характерныхъ явленій. Въ то же время это—явленія чрезвычайно сложныя очень трудно поддающіяся анализу. Вопросъ о законахъ капиталистическаго обмѣна до сихъ поръ порождаетъ массу разногласій между изслѣдователями, и пріобрѣлъ репутацію наиболѣе запутаннаго вопроса экономической науки. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы указать и обосновать такой способъ рѣшенія этого вопроса, который намъ кажется наиболѣе простымъ, и при томъ единственнымъ надежнымъ способомъ *).

Въ основу нашей работы положена идея *общественнаго приспособленія*. Общество есть сложная система взаимно приспособляющихся элементовъ и отношеній. Поэтому невозможно понять ту или другую сторону его жизни внѣ неразрывной связи съ другими сторонами, внѣ ея приспособленія къ нимъ и обратно. Такимъ образомъ законы общественной жизни могутъ быть установлены путемъ выясненія условій, при которыхъ общественное цѣлое является приспособленнымъ, т. е. сохраняется или развивается. Законы приспособленія даютъ не только возможность понять процессы приспособленія, но и необходимую исходную точку для анализа явленій неприспособленности; а въ этихъ предѣлахъ лежитъ вся область жизни, общественной, какъ и всякой иной.

То же самое относится, въ частности, къ законамъ обмѣна. Обмѣнъ есть опредѣленная, исторически преходящая, форма *распредѣленія* въ обществѣ продуктовъ, созданныхъ общественнымъ трудомъ. Распредѣленіе нельзя понять иначе, какъ въ неразрывной связи съ процессомъ общественнаго труда, съ „про-

---

*) Мы не считаемъ нужнымъ извиняться передъ читателемъ въ томъ, что посвящаемъ эту статью такому „надоѣвшему всѣмъ" вопросу, какъ вопросъ о цѣнности, стоимости и т. д. Мы убѣждены, что найдутся читатели, которые смотрятъ на дѣло не съ точки зрѣнія жажды новыхъ темъ, а съ точки зрѣнія необходимости возможно полнѣе и строже выяснить основные научные вопросы.

изводствомъ“; распредѣленіе должно быть приспособлено къ производству, иначе общество не можетъ сохраняться и развиваться. Такимъ образомъ и законы обмѣна сводятся къ выраженію тѣхъ условій, при которыхъ система производства оказывается приспособленной, т. е. сохраняющейся и развивающейся; вмѣстѣ съ этимъ легко выясняются и противоположные случаи—случаи неприспособленности системъ обмѣна и производства съ возникающей на ея почвѣ частичной или общей деградаціей, разрушеніемъ элементовъ той и другой системы. Идея приспособленія, взятая и съ ея положительной, и съ ея отрицательной стороны, достаточно широка для всѣхъ ея проявленій жизни.

Наша точка зрѣнія не представляетъ изъ себя чего-либо *по существу новаго* въ данной области изслѣдованія. Не формулированная вполнѣ отчетливо и не проведенная вполнѣ систематично, она тѣмъ не менѣе фактически господствуетъ въ работахъ цѣлой обширной экономической школы, точнѣе даже—двухъ школъ, при томъ, школъ по своимъ тенденціямъ наиболѣе жизненныхъ и прогрессивныхъ—каждая для своего времени. Большая часть примѣненій такъ называемаго „абстрактнаго метода“ классической и затѣмъ марксистской школы предполагаютъ идею приспособленія, какъ скрытую предпосылку *). Но мы полагаемъ, что только вполнѣ сознательное и послѣдовательнос

*) Именно поэтому и та, и другая школа изучали обмѣнъ всегда въ неразрывной связи съ производствомъ. Такое отношеніе къ вопросу оказалось особенно антипатичнымъ новѣйшимъ русскимъ „критикамъ“. Въ своей статьѣ „Къ критикѣ“ и т. д. („Жизнь“, 1900 г.) г. Струве писалъ: „...поскольку научный анализъ ограничивается--сознательно или безсознательно—хозяйственнымъ общеніемъ, фетишистическая точка зрѣнія является и методологически единственно правильной. Изслѣдуя при помощи междухозяйственныхъ категорій абстрактную форму экономической лимитаціи, политическая экономія можетъ и должна оставаться на почвѣ фетишизма“ (стр. 264). Въ переводѣ на общепонятный языкъ: обмѣнъ надо изучать внѣ связи съ производствомъ, и при томъ съ фетишистической точки зрѣнія. Но почему такъ? А потому, что фетишизмъ въ обмѣнѣ „является психологической необходимостью“ (стр. 264, выше). Если продавецъ и покупатель въ обмѣнѣ неизбѣжно оказываются фетишистами, то, по мнѣнію г. Струве, и экономистъ не смѣетъ, изучая ихъ отношенія, стать выше фетишизма. Слѣдуя этой логикѣ, жизнь дѣтей надо изучать непремѣнно съ дѣтской точки зрѣнія, жизнь муравьевъ—съ муравьиной и т. д. Не легкая задача!

Развивая свою идею, г. Струве замѣчаетъ: „...Марксъ не сознавалъ глубокаго принципіальнаго различія между различными „экономическими категоріями“, между категоріями хозяйственными, междухозяйственными и соціальными. Этимъ объясняется научная несостоятельность его конструкціи, въ которой соціальная категорія—капиталъ, какъ общественное отношеніе, выводится изъ хозяйственной категоріи - цѣнности“ (стр. 266). Итакъ, вотъ чего не хватало Марксу. Ему не хватало того, описаннаго еще Гейне, гелертерскаго устройства головы, при которомъ всѣ „категоріи“ разложены въ мозгу по отдѣльнымъ ящикамъ, и отъ каждаго ящика ключъ совсѣмъ особый. Избави Боже найти связь между „капиталомъ“, который лежитъ у г. Струве въ одномъ ящичкѣ, и „цѣнностью“, которая лежитъ въ другомъ. Такія категоріи г. Струве называетъ „острыми орудіями анализа“ (стр. 272). Сомнѣваемся, чтобы объ нихъ можно было обрѣзаться.

оведеніе этой идеи можетъ привести къ ясному освѣщенію проса, къ обоснованному и вполнѣ надежному методу его разшенія.

Чтобы не усложнять изложенія и не нарушать его цѣльсти, мы будемъ воздерживаться отъ историческихъ справокъ развитіи тѣхъ или иныхъ воззрѣній на изучаемый вопросъ, а демъ касаться этихъ воззрѣній лишь настолько, насколько они ѣютъ прямое отношеніе къ нашей задачѣ, и каждый разъ демъ брать ихъ въ возможно болѣе выработанной и законнной формѣ.

I.

Общественный процессъ есть прежде всего процессъ трувой; его основное содержаніе составляетъ сознательно-цѣлесоразная дѣятельность людей въ ихъ борьбѣ съ природой и съ угими людьми за свое существованіе. Наиболѣе обширная и иболѣе важная область этого процесса обозначается словомъ роизводство".

Трудовая дѣятельность отдѣльной личности въ цѣлой массѣ учаевъ направляется не только къ сохраненію и развитію ея мой, но также къ сохраненію и развитію другихъ людей. иогда такое направленіе труда сознается вполнѣ отчетливо, оди сами ставятъ себѣ цѣли, выходящія за предѣлы ихъ личй пользы: иногда общественный характеръ труда остается за едѣлами сознанія, непосредственныя цѣли людей эгоистичны, полезные результаты для другихъ людей получаются помимо ихъ цѣлей. Напр., въ родовомъ обществѣ каждый чувствуетъ бя частью нераздѣльнаго цѣлаго, ради котораго онъ и выполетъ свою производительную дѣятельность; въ обществѣ мѣномъ каждый имѣетъ въ виду свои собственные интересы, но оизводя на продажу, для рынка, работаетъ въ дѣйствительсти также и для другихъ людей, которые будутъ потреблять одукты его труда. Всякій по своимъ результатамъ *общественнонаправленный* трудъ мы будемъ называть трудомъ производильнымъ или, короче, производствомъ.

Такимъ образомъ въ сферу производства не входитъ трудъ, лезный *только* для самого трудящагося, напр., трудъ личнаго отребленія, ни тѣмъ болѣе трудъ общественно-вредный, напр., удъ разрушенія и грабежа. Что же касается до труда общевенно-полезнаго, то онъ весь входитъ въ область производства, изическій" онъ или „умственный", матеріальны его продукты и не матеріальны *).

*) Мы отмѣчаемъ это въ виду того, что въ экономической наукѣ до сихъ ъ сохраняется въ значительной мѣрѣ иное, болѣе узкое понятіе производ-

Чтобы трудъ моіъ оказаться въ дѣйствительности общественно-полезнымъ, для этого его продукты должны такъ или иначе *распредѣляться* въ обществѣ для петребленія. Система производства неразрывно связана съ системой распредѣленія, необходимо ею дополняется. Трудъ отдѣльной личности или даже цѣлой группы только тогда вполнѣ обнаруживаетъ свой общественный характеръ, когда продукты этого труда находятъ себѣ мѣсто въ системѣ общественнаго распредѣленія. Въ то же время личность или группа могутъ выполнять свой общественно-производительный трудъ лишь въ томъ случаѣ, если изъ области распредѣленія онѣ получаютъ извѣстную долю общественнаго продукта, достаточную для поддержанія трудовой способности этой личности или группы. Для производительнаго труда необходимы, во-1-хъ, достаточныя „средства производства", надъ которыми трудъ выполняется,—его матеріалы и орудія, и во-2-хъ, достаточныя „средства личнаго потребленія", которыми поддерживается рабочая сила людей. Все это получается личностями и группами при посредствѣ распредѣленія общественнаго продукта *).

Изъ всего этого уже ясна та основная связь приспособленія, которая существуетъ между сферою производства и сферою распредѣленія. Связь эту можно выразить слѣдующимъ образомъ: *распредѣляется въ обществѣ то, что дано производственной дѣятельностью, и распредѣляется такъ, чтобы производственная дѣятельность могла продолжаться.* Разовьемъ эту формулу, чтобы сдѣлать ее вполнѣ ясной.

Первая часть формулы, конечно, очень понятна, но можетъ показаться не вполнѣ точною. Могутъ сказать: развѣ не распредѣляются и такія вещи, которыя не созданы общественнымъ производствомъ, развѣ не присваиваются отдѣльными членами общества невоздѣланная почва, дѣвственные лѣса, сила теченія воды и прочіе „дары природы". Но здѣсь есть недоразумѣніе,

---

ства: „производительнымъ" многіе называютъ только такой трудъ, результаты котораго *матеріальны:* а всякій иной трудъ, напр., чисто интеллектуальный, обозначаютъ какъ „непроизводительный". Слѣды такой точки зрѣнія встрѣчаются даже у Маркса, хотя у него же есть и прямыя указанія въ пользу противоположной точки зрѣнія, той, которую мы считаемъ правильною. „Матеріальность" и „не-матеріальность" продуктовъ вовсе не являются ихъ *общественными* свойствами, а потому и не могутъ служить основою разграниченія видовъ труда для *общественной* науки. Въ общественной борьбѣ за жизнь и развитіе трудъ „физическій" и „умственный" имѣютъ *по существу однородное* значеніе, и реально они нераздѣльны. Подробнѣе объ этомъ см. В. Базарова—„Трудъ производительный и трудъ, образующій цѣнность". Спб. 1899.

*) И опять-таки отмѣтимъ, что все это совершенно одинаково относится къ труду физическому и умственному, къ продуктамъ матеріальнымъ и нематеріальнымъ: тотъ и другой видъ труда нуждается въ средствахъ производства и въ средствахъ потребленія, тотъ и другой видъ продукта можетъ служить условіемъ поддержанія или возрастанія работоспособности людей, какъ предметъ потребленія.

возникшее благодаря тому, что къ производству примѣнено не подходящее слово „создавать“. Трудъ вообще не можетъ ничего „создавать“; онъ, какъ давно уже выяснено, только перемѣщаетъ и комбинируетъ свои объекты. Но все, что только попадаетъ въ сферу распредѣленія, необходимо прошло черезъ процессъ общественнаго труда, и слѣдовательно *дано* имъ такъ или иначе. Дѣвственная почва, которая становится предметомъ присвоенія, стало быть — распредѣленія, — необходимо должна быть раньше по крайней мѣрѣ открыта и достигнута людьми; а съ нашей точки зрѣнія трудъ путешественника, трудъ изслѣдователя новыхъ странъ существенно не отличается отъ другихъ видовъ общественнаго труда *). И здѣсь, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, сфера распредѣленія вполнѣ опредѣляется сферой производства.

Второе положеніе нашей формулы — продукты распредѣляются такъ, чтобы производство могло продолжаться, - выражаетъ идею приспособленія: поскольку общества сохраняются или развиваются, постольку ходъ явленій, очевидно, соотвѣтствуетъ формулѣ въ самомъ прямомъ ея смыслѣ. Если же дѣло происходитъ иначе, если законъ не соблюдается, то система производства разстраивается, и измѣняется до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто какое-либо соотвѣтствіе двухъ сферъ жизни общества, или пока общество не уничтожится. Слѣдовательно, законъ, какъ норма явленій, выступаетъ тогда съ отрицательной стороны, но все же сохраняетъ свое значеніе.

Всѣ вообще законы приспособленія относятся къ числу *абстрактныхъ*, т. е. выражаютъ *тенденціи* явленій, а не простыя эмпирическія соотношенія. Широкое общее значеніе абстрактныхъ нормъ зависитъ именно отъ того, что онѣ изображаютъ явленія въ идеализированномъ, упрощенномъ видѣ, представляя ихъ такими, какъ если бы ихъ тенденціи осуществлялись вполнѣ.

Такіе абстрактные законы существуютъ не только въ соціальныхъ наукахъ; въ естественныхъ наукахъ они играютъ не меньшую роль. И тамъ анализъ стремится для каждаго ряда явленій найти его основную тенденцію и выразить ее, какъ норму этого ряда; вводя затѣмъ въ анализъ другія, осложняющія тен-

---

*) Конечно, въ наше время возможно присваивать, покупать и продавать сѣверный полюсъ раньше, чѣмъ его фактически достигли; но реально въ область распредѣленія сѣверный полюсъ при этомъ все-таки не попадаетъ. Кромѣ того, даже такое фиктивное „распредѣленіе“ сѣвернаго полюса предполагаетъ, по крайней мѣрѣ, трудъ теоретическаго изслѣдованія относительно этого сомнительнаго предмета потребленія; и во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что уже въ наше время сѣверный полюсъ „стоитъ“ не мало труда.

Эти замѣчанія направлены, между прочимъ, противъ одного изъ банальныхъ возраженій на теорію трудовой цѣнности — противъ утвержденія, что есть товары, которые имѣютъ мѣновую цѣнность, но „совсѣмъ не стоятъ труда“. Такихъ товаровъ безусловно нѣтъ; но есть товары, которые стоятъ очень мало труда. Быть продуктомъ труда вообще — это безусловно всеобщее свойство товаровъ, какъ предметовъ распредѣленія.

денціи, можно шагъ за шагомъ отъ нормы перейти къ конкретности явленія. Такъ, напр., абстрактный законъ паденія говоритъ о равномѣрно-ускоренномъ движеніи падающихъ тѣлъ; но это только норма явленій: ни въ одномъ изъ нашихъ опытовъ и наблюденій мы не найдемъ строгаго соотвѣтствія съ этой формулой; но явленіе совершается тѣмъ ближе къ формулѣ, чѣмъ меньше осложняющихъ тенденцій (сопротивленіе воздуха, побочные толчки, притяженіе близъ лежащихъ предметовъ...), и чѣмъ онѣ слабѣе. Принявши во вниманіе всѣ такіе вторичные моменты, мы можемъ съ безконечно-возрастающимъ приближеніемъ анализировать и описывать реальные процессы паденія. Но ни въ какомъ случаѣ мы не должны требовать отъ абстрактнаго закона, чтобы онъ точно выражалъ всю конкретность ряда явленій; такое требованіе было бы даже просто противорѣчиво, такъ какъ абстрактная норма есть именно *отвлеченіе* отъ конкретности реальнаго процесса, отъ конкретности, которая безконечно-сложна для познанія *).

Выяснивши, какое значеніе должны мы придавать формулированному нами закону, и какъ должны мы имъ пользоваться въ анализѣ, мы возвратимся къ самой его формулировкѣ. Для цѣлей нашего изслѣдованія она можетъ быть сдѣлана нѣсколько опредѣленнѣе и конкретнѣе, именно въ такомъ видѣ:

Въ обществѣ сохраняющемся или развивающемся каждая личность или производственная группа получаетъ изъ всего общественнаго труда средства производства и средства потребленія въ достаточномъ количествѣ, чтобы выполнять свою общественную роль.

Поскольку производители не получаютъ средствъ производства и потребленія въ достаточномъ количествѣ, поскольку

---

*) Одно изъ вульгарныхъ возраженій противъ теоріи трудовой цѣнности таково: цѣны товаровъ фактически уклоняются отъ трудовыхъ цѣнностей, стало быть законъ обмѣна по трудовой нормѣ не вѣренъ. Ясно, что возраженіе это сводится къ незнанію того, что есть научный законъ вообще, и въ какой мѣрѣ абстрактная норма можетъ соотвѣтствовать конкретному явленію.

Нѣсколько менѣе вульгарная форма этого возраженія такова: *среднія* цѣны товаровъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ трудовымъ цѣнностямъ, стало быть теорія трудовой цѣнности невѣрна. Здѣсь дѣло уже идетъ о смѣшеніи двухъ познавательныхъ характеристикъ, нормы и средней. Норма, какъ мы указали, выражаетъ *основную* тенденцію ряда явленій, а средняя — *равнодѣйствующую* всѣхъ различныхъ тенденцій, выступающихъ въ этомъ рядѣ; ясно, что та и другая въ большинствѣ случаевъ не будутъ совпадать между собою. Такъ, если мы будемъ наблюдать паденіе тѣлъ близъ земной поверхности, и эмпирически найдемъ среднюю величину ускоренія, то эта средняя отнюдь не совпадаетъ съ нормою ускоренія ($g = 981$ ст.), но окажется меньше ея; норма соотвѣтствуетъ вполнѣ безпрепятственному паденію, безъ всякихъ осложняющихъ вліяній, а въ средней сказываются и всѣ осложняющія вліянія; изъ нихъ же наиболѣе важныя (сопротивленіе воздуха) дѣйствуютъ въ сторону уменьшенія скорости падающихъ тѣлъ. Точно также *нормальная* продолжительность жизни, соотвѣтствующая полному физіологическому ея циклу, отнюдь не равна *средней* продолжительности жизни, и т. п. Но обо всемъ этомъ намъ еще придется, и при томъ гораздо подробнѣе, говорить въ дальнѣйшемъ.

они не въ состоянiи принимать прежняго участiя въ производствѣ, — постольку общество уже не сохраняется и не развивоется, а деградируетъ. Положенiе это на первый взглядъ—почти тавтологiя; но въ дѣйствительности но далеко не тавтологично: въ немъ заключается идея приспособленiя, и потому изъ него могутъ быть сдѣланы, въ примѣненiи къ тѣмъ или инымъ условiямъ, дальнѣйшiе выводы, далеко не очевидные сами по себѣ. Это не большая тавтологiя, чѣмъ, напр., принципъ естественнаго подбора, который говоритъ, что переживаютъ приспособленные, тогда какъ приспособленность и есть именно возможность сохраненiя жизни; но въ этомъ принципѣ заключается идея *закономѣрности* сохраненiя и разрушенiе жизни, и потому онъ можетъ вести къ новымъ и важнымъ выводамъ.

II.

Ближайшей иллюстрацiей общаго закона распредѣленiя намъ послужитъ организацiя патрiархально-родовой общины старыхъ временъ.

Патрiархъ — глава рода — является здѣсь организаторомъ производства и распредѣленiя. Онъ указываетъ каждому члену группы его роль въ общинномъ трудѣ, и даетъ средства для выполненiя этой роли. Если одни должны заняться полевыми работами, онъ предоставляетъ имъ общинныя сохи, сѣмена для посѣва и т. д.; если другимъ предстоитъ отправиться на рыбную ловлю, онъ передаетъ имъ общинныя сѣти, лодки и т. под. Кромѣ того, онъ позволяетъ каждому работнику взять изъ общинныхъ запасовъ достаточное количество хлѣба, мяса, одежды и другихъ продуктовъ, потребленiе которыхъ должно поддерживать надлежащую работоспособность всѣхъ производителей.

При этомъ организаторъ долженъ принять въ соображенiе неодинаковый характеръ труда отдѣльныхъ работниковъ: у однихъ трудъ легче, у другихъ напряженнѣе, у однихъ проще, у другихъ сложнѣе. Трудъ болѣе напряженный или болѣе сложный можетъ успѣшно выполняться только при болѣе значительномъ потребленiи; каждому виду труда соотвѣтствуетъ опредѣленная величина потребностей,—какая именно, это извѣстно патрiарху на основанiи своего предшествующаго опыта. Женщины, которымъ приходится выполнять работы обыкновенно несложныя или менѣе интенсивныя, получаютъ преимущественно растительную пищу и въ меньшемъ количествѣ; мужчины, которые совершаютъ болѣе значительныя передвиженiя, и въ болѣе сильной степени испытываютъ на себѣ тягостныя воздѣйствiя внѣшней природы, нуждаются также въ животной, и кромѣ того болѣе обильной пищѣ. Рыболовамъ, которые нерѣдко принуждены,

находясь въ холодной водѣ, исполнять весьма утомительную работу. необходимы еще нѣкоторыя дополнительныя возбужденія, напр., опьяняющіе напитки. Самъ организаторъ, чтобы быть пригоднымъ для своей сложной и многотрудной дѣятельности, требующей особеннаго нервнаго напряженія, столь убійственнаго для мало развитой психики,—организаторъ неизбѣжно долженъ обладать болѣе обширными, разнообразными, утонченными потребностями и, конечно, не отказываетъ себѣ въ ихъ удовлетвореніи.

Здѣсь мы наталкиваемся на одинъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ экономической науки. Глава общины долженъ разрѣшить такую задачу: соизмѣрить участіе отдѣльныхъ производителей въ общинномъ трудѣ, и соотвѣтственно этому участію распредѣлить между ними общій продуктъ *). Конечно, патріархъ умѣетъ *практически* разрѣшить эту задачу, опираясь на родовыя традиціи и на личную свою опытность. Но съ точки зрѣнія *теоретическаго* изслѣдованія дѣло не такъ просто.

Можно ли установить какую-нибудь соизмѣримость между видами труда, настолько различными, какъ, положимъ, механическій трудъ женщины, прядущей шерсть, и умственный трудъ организатора группы? Не слѣдуетъ ли признать различные виды труда количественно несравнимыми вслѣдствіе ихъ качественной разнородности? Допустима ли вообще идея теоретиковъ трудовой цѣнности, что въ анализѣ общественной системы сложный трудъ долженъ разсматриваться, какъ умноженный простой? На какомъ пути могла бы быть найдена такая соизмѣримость? На эти вопросы мы постараемся дать точный и мотивированный отвѣтъ.

Трудъ есть опредѣленная форма *затраты* человѣческой энергіи. Но затрата энергіи можетъ непрерывно осуществляться лишь подъ условіемъ *усвоенія* энергіи организмомъ. При этомъ, гдѣ больше затраты, тамъ соотвѣтственно больше должно быть и усвоеніе; наоборотъ, гдѣ наблюдается необходимость въ большемъ усвоеніи, тамъ, значитъ, имѣются и большія затраты. Вообще, если только равновѣсіе этихъ двухъ сторонъ жизни не нарушается, то мы можемъ по величинѣ одной изъ нихъ дѣлать выводы о величинѣ другой.

Но въ экономическомъ анализѣ мы, очевидно, не можемъ говорить о затратахъ и усвоеніи энергіи съ общей физической точки зрѣнія: здѣсь наше изслѣдованіе ведется со спеціально-общественной точки зрѣнія, и рѣчь можетъ идти только о затратахъ и усвоеніи *общественно-трудовой* энергіи. Затрата обще-

*) Потребляютъ общинный продуктъ не одни только настоящіе производители, но и „непроизводительные" члены группы—дѣти, больные, старики. Но намъ нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ осложняющихъ моментахъ, къ тому же будущіе и возможные производители—необходимые элементы трудового дѣла, и всякая особь, взятая за все время своего существованія, является производителемъ (за ничтожными, развѣ, исключеніями).

ственно-трудовой энергіи, это, какъ мы знаемъ, и есть трудъ, поскольку онъ является общественнымъ. Но что такое усвоеніе общественно-трудовой энергіи?

Это—потребленіе общественнаго продукта. Въ продуктѣ воплощенъ, „кристаллизованъ" общественный трудъ, и личность, потребляя продуктъ, усваиваетъ слѣдовательно трудовую энергію, вложенную въ него другими людьми. Этимъ усвоеніемъ общественно-трудовой энергіи создается работоспособность, „рабочая сила" производителей, которая затѣмъ тратится въ ихъ собственномъ трудѣ.

Если существуетъ соотвѣтствіе между усвоеніемъ и тратою трудовой энергіи, то очевидно, что вмѣсто прямого количественнаго сравненія, напр., выполняемаго труда организатора съ выполняемымъ трудомъ простого исполнителя, можно сравнивать количество труда, ими усвояемаго, воплощеннаго въ тѣхъ продуктахъ, потребленіемъ которыхъ создается рабочая сила обоихъ; — первое отношеніе можно замѣнить вторымъ, безъ опасенія впасть въ ошибку, а между тѣмъ второе отношеніе найти принципіально легче, такъ какъ тутъ дѣло идетъ уже о сравненіи суммы потребляемыхъ продуктовъ.

Однако и здѣсь имѣется еще не малое затрудненіе. Организаторъ потребляетъ не только больше, чѣмъ исполнитель, но отчасти и не тѣ продукты, что этотъ послѣдній. Одинъ для сохраненія своей рабочей силы нуждается въ шелковыхъ тканяхъ, тонкомъ винѣ и бѣломъ хлѣбѣ, другой—только въ холстѣ, водкѣ и черномъ хлѣбѣ. Тѣ и другіе продукты производятся опять таки различными видами труда. Не станетъ ли сравненіе отъ замѣны еще запутаннѣе?

Но ничто не мѣшаетъ намъ спуститься еще дальше, и, вмѣсто труда тѣхъ производителей, которые произвели шелкъ и холстъ, вино и водку, черный и бѣлый хлѣбъ, сравнивать средства потребленія этихъ производителей. Здѣсь сравненіе можетъ оказаться легче, потому что у производителей шелка и холста потребности далеко не такъ различны, какъ продукты ихъ труда. Если и тутъ дѣло будетъ недостаточно просто, то слѣдуетъ еще дальше идти по пути косвеннаго сравненія, и продолжать это до тѣхъ поръ, пока не получимъ величинъ, удобныхъ для сравненія *). Такимъ способомъ мы можемъ, наконецъ, убѣдиться въ

---

*) Если бы кому-нибудь такой путь сравненія показался безконечнымъ, то надо имѣть въ виду еще вотъ что. Каждая стадія этого пути, какъ мы видѣли, даетъ намъ уравненіе, въ которомъ отношеніе однихъ видовъ труда приравнивается къ отношенію другихъ. Такихъ уравненій можно получить сколько угодно, а число видовъ труда ограничено; — очевидно, что извѣстное число уравненій всегда дало бы возможность разрѣшить вопросъ о количественномъ сравненіи отдѣльныхъ видовъ труда.

Здѣсь мы предвидимъ возможность еще такого возраженія. Мы замѣнили отношеніе труда организатора и исполнителя отношеніемъ общественнаго труда, воплощеннаго въ потребляемыхъ ими продуктахъ; но въ этихъ продук-

настоящей соизмѣримости труда сложнаго и простого,—въ томъ, что качественныя различія видовъ труда съ общественной точки зрѣнія вполнѣ могутъ быть сведены къ сложнымъ количественнымъ. Это даетъ намъ право трудъ любой степени сложности разсматривать какъ умноженный простой *).

Мы отнюдь не предлагаемъ господамъ экономистамъ примѣнять указанный нами способъ изслѣдованія къ каждому конкретному случаю. Жизнь умѣетъ сама рѣшить трудную задачу, и въ наше время рынокъ, оцѣнивая рабочую силу организатора въ 3.000 рублей, а исполнителя въ 300 рублей, достаточно опредѣленно устанавливаетъ количественное отношеніе между видами труда **). Для насъ важно было только выяснить, насколько законной является въ абстрактномъ изслѣдованіи самая идея соизмѣримости всѣхъ нормъ труда, и мы видѣли, что ея законность несомнѣнна.

тахъ можетъ быть воплощенъ отчасти и *ихъ собственный трудъ*, тотъ самый, который мы и хотимъ количественно сравнить при помощи сдѣланной нами замѣны. Нѣтъ ли здѣсь ложнаго круга? — Конечно, нѣтъ. Уравненіе не перестаетъ быть законнымъ уравненіемъ отъ того, что его неизвѣстныя входятъ и во вторую его часть, а не только въ первую. Оно потеряло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы неизвѣстныя входили въ обѣ части въ равной мѣрѣ, съ равными коэффиціентами: тогда они просто исключались бы, и уравненіе стало бы неопредѣленнымъ. Но объ этомъ, здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи.

Вопросъ о сложности и трудности уравненій для насъ здѣсь вовсе не интересенъ. Какъ увидимъ, намъ и въ дальнѣйшемъ рѣшать ихъ не придется. Намъ надо было только опровергнуть ошибку тѣхъ, кто считаетъ уравненія соизмѣримости труда формально-невозможными, и на этомъ основаніи отвергаетъ самое понятіе соизмѣримой общественно-трудовой стоимости всѣхъ товаровъ.

*) Съ этой же точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать отношеніе труда большей интенсивности и меньшей интенсивности. Обыкновенно говорятъ: этотъ работникъ выполняетъ въ день вдвое больше, чѣмъ тотъ,- значитъ онъ работаетъ вдвое интенсивнѣе. Такой взглядъ неправиленъ. Чтобы за равное время выполнить вдвое больше внѣшней работы, для этого обыкновенно надо потратить не вдвое больше трудовой энергіи, а можетъ быть втрое или вчетверо' опытъ показываетъ, что за извѣстнымъ предѣломъ всякая дополнительная внѣшняя работа обходится организму гораздо дороже. Поэтому и здѣсь необходимо косвенное сравненіе: надо изслѣдовать, насколько должно возрасти потребленіе работника, чтобы онъ за такое же время могъ создать продуктовъ вдвое, втрое больше; этимъ способомъ мы и получимъ наиболѣе надежную мѣру возрастанія интенсивности труда.

**) Чтобы устранить возможное возраженіе, замѣтимъ заранѣе, что сумма продуктовъ, реально получаемыхъ тѣмъ или другимъ производителемъ (а въ современномъ обществѣ — сумма денежнаго вознагражденія), можетъ и не соотвѣтствовать величинѣ нормальныхъ потребностей, удовлетвореніе которыхъ объективно необходимо для полнаго поддержанія рабочей силы на ея данной высотѣ: организаторы производства часто получаютъ, напр., гораздо больше, чѣмъ съ этой точки зрѣнія требуется, рабочіе — нерѣдко гораздо меньше. Но для нашихъ выводовъ достаточно того, что эта норма *существуетъ*, что всякой данной рабочей силѣ *фактически соотвѣтствуетъ* извѣстная высота потребленія, отклоненіе отъ которой внизъ означаетъ истощеніе рабочей силы, вверхъ — либо возможность качественнаго и количественнаго *развитія* (но не простого сохраненія) рабочей силы, либо общественно-безполезную роскошь. *Эта высота есть норма общественнаго приспособленія.*

Возвращаемся къ нашему примѣру распредѣленія—къ патріархально-родовой общинѣ. Было показано, что производители должны получать не меньше, чѣмъ необходимыя для ихъ трудовой дѣятельности средства производства и средства потребленія. Но не могутъ ли они получать больше этого? Если за удовлетвореніемъ всѣхъ насущныхъ потребностей общины, достаточнымъ для поддержанія ея производства, остается еще излишекъ—прибавочный продуктъ,—какъ тогда совершается распредѣленіе?

Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіемъ, играющимъ очень важную роль въ теоріи распредѣленія,—съ понятіемъ о прибавочномъ трудѣ *). Прибавочный трудъ означаетъ возможность общественнаго *развитія*. На мѣсто простого равновѣсія общественной системы наступаетъ возрастаніе энергіи этой системы, такъ какъ усвоеніе энергіи болѣе чѣмъ покрываетъ собою ея затраты. При этомъ вопросъ о распредѣленіи, очевидно, усложняется.

Но по отношенію къ родовому обществу, о которомъ у насъ пока идетъ рѣчь, прибавочный трудъ не представляется особенно важнымъ явленіемъ. Техника родового общества не развита и чрезвычайно консервативна; количество прибавочнаго труда тамъ ничтожно, а результаты его сводятся къ увеличенію общины путемъ размноженія;—здѣсь вполнѣ примѣнимъ законъ Мальтуса, который соотвѣтствуетъ именно застойной техникѣ. Когда же производительныя силы достигаютъ такого уровня, при которомъ прибавочный трудъ становится значительной и не случайной величиной въ производствѣ, тогда старая организація не можетъ уже сохраняться, а разлагается и переходитъ въ новую, исторически высшую форму. Эта высшая форма—мѣновое общество. На его организаціи намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться, прежде чѣмъ идти дальше.

III.

Въ мѣновомъ обществѣ самый способъ распредѣленія весьма сильно отличается отъ того, который господствовалъ въ родовыхъ общинахъ. На мѣсто сознательной воли организатора, не-

*) Прибавочный трудъ есть излишекъ всего общественнаго труда надъ трудомъ, производящимъ средства потребленія производителей. Таково первое и прямое значеніе термина; оно, стало быть, относится только къ системѣ производства въ ея цѣломъ, а не къ труду отдѣльныхъ лицъ. Но если признать соизмѣримость всѣхъ видовъ труда, существованіе для нихъ общей мѣры, то является возможность говорить и о прибавочномъ трудѣ отдѣльнаго производителя. Достаточно представить выраженнымъ въ однѣхъ и тѣхъ же трудовыхъ единицахъ и его собственный трудъ, и трудъ, воплощенный въ средствахъ его потребленія; тогда излишекъ перваго количества надъ вторымъ представитъ изъ себя прибавочный трудъ даннаго производителя. Это второе, производное и болѣе абстрактное значеніе термина „прибавочный трудъ“, имѣетъ для насъ особенно важное значеніе.

посредственно приспособляющей распредѣленіе къ потребностямъ производства, становится общественно-стихійная сила рынка. Каждый отдѣльный производитель, независимо отъ другихъ, организуетъ свое маленькое хозяйство, а затѣмъ, выступая со своими продуктами въ сферѣ общественнаго распредѣленія—обмѣна стремится лишь къ выгодамъ для этого своего хозяйства, а не къ сохраненію и развитію общественнаго цѣлаго. Такимъ образомъ для общества въ цѣломъ распредѣленіе не организовано *). Въ актѣ обмѣна имѣются только взаимно сталкивающіеся интересы, но нѣтъ сознательнаго контроля надъ ихъ взаимодѣйствіемъ.

Какимъ же способомъ можетъ осуществиться при этомъ общій законъ распредѣленія, тотъ законъ, по которому каждый производитель долженъ получать изъ общественнаго продукта средства производства и потребленія, достаточныя для продолженія его общественно-трудовой дѣятельности? Если нѣтъ сознательнаго дѣятеля, который, подобно организатору родовой общины, прямо проводилъ бы въ жизнь эту норму, то очевидно, что она можетъ лишь стихійно и косвеннымъ путемъ господствовать надъ явленіями. Такъ это и бываетъ въ дѣйствительности.

Хозяйства, которыя неспособны изъ продажи своихъ продуктовъ извлечь достаточныя средства для поддержанія своей жизнедѣятельности, такія хозяйства либо погибаютъ и устраняются изъ общественной системы, либо деградируютъ настолько, что ихъ пониженныя потребности какъ разъ покрываются результатами продажи ихъ товаровъ. Сохраняются хозяйства приспособленныя, получающія изъ обмѣна достаточно средствъ производства и потребленія; и посредствомъ такого „подбора" мѣновое распредѣленіе приходитъ къ соотвѣтствію съ нормой. Соотвѣтствіе здѣсь, разумѣется, для каждаго частнаго случая лишь приблизительное, и норма осуществляется лишь въ общемъ и среднемъ, лишь цѣной постоянныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Но это не мѣшаетъ ей оставаться закономъ явленій, т. е. выражать ихъ основную и постоянную тенденцію.

Благодаря своеобразной организаціи мѣнового общества, вопросъ о распредѣленіи пріобрѣтаетъ для него еще новую постановку, по формѣ отличающуюся отъ прежней. Товары обмѣниваются на товары; и для каждаго отдѣльнаго случая обмѣна приходится спрашивать не объ общемъ соотношеніи между сум-

*) При обмѣнѣ одинъ производитель отдаетъ другому свой продуктъ, какъ это бываетъ при всякомъ процессѣ распредѣленія; путемъ обмѣна продукты *распредѣляются* въ обществѣ, и своеобразна здѣсь только форма этого процесса, который является неорганизованнымъ, а потому полнымъ борьбы и противорѣчій. Но г-ну Струве угодно неорганизованное распредѣленіе называть „псевдораспредѣленіемъ". Неорганизованное производство онъ также называетъ „псевдохозяйствомъ". Самоуслажденіе подобными „псевдотерминами" г. Струве серьезно считаетъ „критикой". Псевдокритика!

мой продуктовъ хозяйства и суммой его потребностей, а только о частномъ мѣновомъ отношеніи двухъ товаровъ. Это вопросъ о „мѣновой цѣнности“.

Само собою разумѣется, что сущность вопроса не можетъ измѣниться отъ новой его формулировки. Дѣло идетъ попрежнему о томъ, чтобы выяснить необходимую зависимость между производствомъ и распредѣленіемъ; только выраженіе этой связи должно быть найдено въ новыхъ терминахъ.

Товаръ съ точки зрѣнія производства есть результатъ общественнаго труда; съ точки зрѣнія обмѣна онъ есть цѣнность. Онъ воплощаетъ въ себѣ столько-то единицъ общественно-трудовой энергіи; онъ равноцѣненъ столькимъ-то единицамъ другихъ товаровъ. Другими словами: товаръ имѣетъ такую-то *трудовую стоимость* и такую-то *мѣновую цѣнность* *). Какова связь этихъ фактовъ?

Предъ нами членъ мѣнового общества, положимъ, сапожникъ. Въ годъ онъ приготовляетъ 100 паръ сапогъ. При этомъ онъ тратитъ кожу, нитки, употребляетъ ножъ, шило и другіе инструменты. Допустимъ, что всѣхъ этихъ „средствъ производства“ потребляется въ годъ такое количество, которое воплощаетъ въ себѣ 6.000 часовъ простого труда Сумма живого труда, приложеннаго къ матеріаламъ и орудіямъ самимъ сапожникомъ и другими членами его хозяйства, равняется, положимъ, 4.000 часовъ простого труда. Итакъ, сумма труда, которой объективно стоитъ данный товаръ, составляетъ 10.000 часовъ простого труда, а для каждой пары сапогъ 10.000 : 100, т. е. 100 часовъ. Такова трудовая стоимость товара; какъ велика можетъ быть его мѣновая цѣнность?

Чтобы производство могло поддерживаться, сапожникъ долженъ за свой товаръ получить на рынкѣ достаточное количество средствъ производства и потребленія. Затраченная имъ кожа, нитки, инструменты представляютъ трудовую стоимость въ 6.000 часовъ; такое же количество средствъ производства, имѣющее, слѣдовательно, и равную трудовую стоимость, онъ долженъ вернуть изъ сферы обмѣна. Кромѣ того, онъ долженъ купить достаточное количество хлѣба, мяса, одежды и другихъ предметовъ потребленія—для поддержанія рабочей силы членовъ своего хозяйства. Какова же можетъ быть трудовая стоимость этихъ предметовъ потребленія? *Пока нѣтъ прибавочнаго труда*, до тѣхъ поръ средства потребленія должны заключать ровно такую же сумму труда, какая прилагается въ производствѣ самими работниками; — если ихъ трудовая стоимость меньше суммы живого

*) Терминомъ „трудовая стоимость“ мы будемъ вообще обозначать только сумму общественнаго труда, воплощенную въ товарѣ, стало быть чисто *производственное* отношеніе; терминъ же „мѣновая цѣнность“ будетъ означать у насъ пропорцію обмѣна—отношеніе *распредѣлительное*.

посредственно приспособляющей распредѣленіе къ потребностямъ производства, становится общественно-стихійная сила рынка. Каждый отдѣльный производитель, независимо отъ другихъ, организуетъ свое маленькое хозяйство, а затѣмъ, выступая со своими продуктами въ сферѣ общественнаго распредѣленія—обмѣна стремится лишь къ выгодамъ для этого своего хозяйства, а не къ сохраненію и развитію общественнаго цѣлаго. Такимъ образомъ для общества въ цѣломъ распредѣленіе не организовано *). Въ актѣ обмѣна имѣются только взаимно сталкивающіеся интересы, но нѣтъ сознательнаго контроля надъ ихъ взаимодѣйствіемъ.

Какимъ же способомъ можетъ осуществиться при этомъ общій законъ распредѣленія, тотъ законъ, по которому каждый производитель долженъ получать изъ общественнаго продукта средства производства и потребленія, достаточныя для продолженія его общественно-трудовой дѣятельности? Если нѣтъ сознательнаго дѣятеля, который, подобно организатору родовой общины, прямо проводилъ бы въ жизнь эту норму, то очевидно, что она можетъ лишь стихійно и косвеннымъ путемъ господствовать надъ явленіями. Такъ это и бываетъ въ дѣйствительности.

Хозяйства, которыя неспособны изъ продажи своихъ продуктовъ извлечь достаточныя средства для поддержанія своей жизнедѣятельности, такія хозяйства либо погибаютъ и устраняются изъ общественной системы, либо деградируютъ настолько, что ихъ пониженныя потребности какъ разъ покрываются результатами продажи ихъ товаровъ. Сохраняются хозяйства приспособленныя, получающія изъ обмѣна достаточно средствъ производства и потребленія; и посредствомъ такого „подбора" мѣновое распредѣленіе приходитъ къ соотвѣтствію съ нормой. Соотвѣтствіе здѣсь, разумѣется, для каждаго частнаго случая лишь приблизительное, и норма осуществляется лишь въ общемъ и среднемъ, лишь цѣной постоянныхъ колебаній то въ ту, то въ другую сторону. Но это не мѣшаетъ ей оставаться закономъ явленій, т. е. выражать ихъ основную и постоянную тенденцію.

Благодаря своеобразной организаціи мѣнового общества, вопросъ о распредѣленіи пріобрѣтаетъ для него еще новую постановку, по формѣ отличающуюся отъ прежней. Товары обмѣниваются на товары; и для каждаго отдѣльнаго случая обмѣна приходится спрашивать не объ общемъ соотношеніи между сум-

---

*) При обмѣнѣ одинъ производитель отдаетъ другому свой продуктъ, какъ это бываетъ при всякомъ процессѣ распредѣленія; путемъ обмѣна продукты *распредѣляются* въ обществѣ, и своеобразна здѣсь только форма этого процесса, который является неорганизованнымъ, а потому полнымъ борьбы и противорѣчій. Но г-ну Струве угодно неорганизованное распредѣленіе называть „псевдораспредѣленіемъ". Неорганизованное производство онъ также называетъ „псевдохозяйствомъ". Самоуслажденіе подобными „псевдотерминами" г. Струве серьезно считаетъ „критикой". Псевдокритика!

мой продуктовъ хозяйства и суммой его потребностей, а только о частномъ мѣновомъ отношеніи двухъ товаровъ. Это вопросъ о „мѣновой цѣнности".

Само собою разумѣется, что сущность вопроса не можетъ измѣниться отъ новой его формулировки. Дѣло идетъ попрежнему о томъ, чтобы выяснить необходимую зависимость между производствомъ и распредѣленіемъ; только выраженіе этой связи должно быть найдено въ новыхъ терминахъ.

Товаръ съ точки зрѣнія производства есть результатъ общественнаго труда; съ точки зрѣнія обмѣна онъ есть цѣнность. Онъ воплощаетъ въ себѣ столько-то единицъ общественно-трудовой энергіи; онъ равноцѣненъ столькимъ-то единицамъ другихъ товаровъ. Другими словами: товаръ имѣетъ такую-то *трудовую стоимость* и такую-то *мѣновую цѣнность* *). Какова связь этихъ фактовъ?

Предъ нами членъ мѣнового общества, положимъ, сапожникъ. Въ годъ онъ приготовляетъ 100 паръ сапогъ. При этомъ онъ тратитъ кожу, нитки, употребляетъ ножъ, шило и другіе инструменты. Допустимъ, что всѣхъ этихъ „средствъ производства" потребляется въ годъ такое количество, которое воплощаетъ въ себѣ 6.000 часовъ простого труда Сумма живого труда, приложеннаго къ матеріаламъ и орудіямъ самимъ сапожникомъ и другими членами его хозяйства, равняется, положимъ, 4.000 часовъ простого труда. Итакъ, сумма труда, которой объективно стоитъ данный товаръ, составляетъ 10.000 часовъ простого труда, а для каждой пары сапогъ 10.000 : 100, т. е. 100 часовъ. Такова трудовая стоимость товара; какъ велика можетъ быть его мѣновая цѣнность?

Чтобы производство могло поддерживаться, сапожникъ долженъ за свой товаръ получить на рынкѣ достаточное количество средствъ производства и потребленія. Затраченная имъ кожа, нитки, инструменты представляютъ трудовую стоимость въ 6.000 часовъ; такое же количество средствъ производства, имѣющее, слѣдовательно, и равную трудовую стоимость, онъ долженъ вернуть изъ сферы обмѣна. Кромѣ того, онъ долженъ купить достаточное количество хлѣба, мяса, одежды и другихъ предметовъ потребленія—для поддержанія рабочей силы членовъ своего хозяйства. Какова же можетъ быть трудовая стоимость этихъ предметовъ потребленія? *Пока нѣтъ прибавочнаго труда*, до тѣхъ поръ средства потребленія должны заключать ровно такую же сумму труда, какая прилагается въ производствѣ самими работниками; — если ихъ трудовая стоимость меньше суммы живого

*) Терминомъ „трудовая стоимость" мы будемъ вообще обозначать только сумму общественнаго труда, воплощенную въ товарѣ, стало быть чисто *производственное* отношеніе; терминъ же „мѣновая цѣнность" будетъ означать у насъ пропорцію обмѣна—отношеніе *распредѣлительное*.

труда, то прибавочный трудъ *уже существуетъ*; если она больше суммы живого труда, то значитъ, данное хозяйство не жизнеспособно, потому что не можетъ развить столько труда, сколько требуется для его собственнаго поддержанія *). Словомъ, если прибавочнаго труда нѣтъ, то трудовая стоимость жизненныхъ средствъ, необходимыхъ для сохраненія всей рабочей силы хозяйства, равна какъ разъ суммѣ труда, развиваемаго этою рабочей силою. Въ нашемъ примѣрѣ это составитъ 4.000 часовъ простого труда.

Такимъ образомъ вся трудовая стоимость чужихъ товаровъ, которые сапожникъ долженъ получить за свои 100 паръ сапогъ, составляетъ 6.000+4.000, т. е. 10.000 часовъ простого труда, или 100 часовъ за пару. Но трудовая стоимость самыхъ этихъ сапогъ, какъ мы раньше видѣли, 10.000 часовъ, или 100 часовъ для каждой пары. Обѣ величины равны. Отсюда выводъ: *мѣновая цѣнность соотвѣтствуетъ трудовой стоимости*; отношенія обмѣна въ простомъ товарномъ обществѣ количественно опредѣляются отношеніемъ труда, кристаллизованнаго въ отдѣльныхъ товарахъ.

Въ дѣйствительности, какъ мы знаемъ, товары обмѣниваются сначала на деньги, а потомъ уже деньги служатъ средствомъ покупки другихъ товаровъ. Но измѣняетъ ли это что-нибудь въ нашихъ разсчетахъ? Деньги — товаръ, который стоитъ труда подобно другимъ товарамъ, и обмѣнивается по тому же самому закону. Правда, это товаръ особенный, а именно такой, который служитъ орудіемъ обмѣна. Но именно вслѣдствіе того, что онъ *орудіе* обмѣна, онъ не можетъ ничего существенно измѣнить въ количественныхъ *результатахъ* обмѣна: при посредствѣ денегъ товары обмѣниваются на товары; очевидно, что количественное отношеніе между тѣмъ товаромъ, который продается, и тѣмъ, который потомъ покупается, не можетъ существенно измѣниться благодаря только тому обстоятельству, что въ качествѣ промежуточнаго звена между ними выступаютъ деньги,— условія приспособленности нисколько не измѣняются **). Поэтому на данной ступени анализа мы можемъ вопросъ о вліяніи денегъ оставить въ сторонѣ (мы еще вернемся къ нему въ дальнѣйшемъ).

*) Конечно, такое хозяйство можетъ существовать цѣной эксплоатаціи другихъ хозяйствъ, путемъ, напр., продажи своихъ продуктовъ по чрезмѣрной цѣнѣ; но тогда въ этихъ другихъ хозяйствахъ долженъ существовать прибавочный трудъ, за счетъ котораго совершалась бы эксплоатація; а мы взяли случай, когда въ данномъ обществѣ прибавочнаго труда нѣтъ,

**) Денежная форма обмѣна имѣетъ свойство чрезвычайно спутывать экономистовъ-эклектиковъ, которые склонны оставаться на поверхности явленій. Такъ, г. Франкъ („Теорія цѣнности Маркса") полагаетъ, что изслѣдованіе вопроса о мѣновой цѣнности надо начинать съ историческаго изученія психологіи денежнаго фитишизма, и это будетъ только первымъ шагомъ къ рѣшенію вопроса, шагомъ, который, по мнѣнію г. Франка, еще не сдѣланъ. Г. Струве могъ бы въ прежнія времена сказать г. Франку, что суть не въ деньгахъ, что товары обмѣниваются на товары. Теперь г. Струве, какъ мы знаемъ, говоритъ нѣчто иное: теперь онъ посовѣтуетъ г. Франку проникнуться денежнымъ фетишизмомъ, а не пытаться изъ него вылѣзть. И дѣйствительно, оно спокойнѣе.

Законъ товарнаго обмѣна установленъ нами при томъ условіи, что въ системѣ производства нѣтъ прибавочнаго труда. Но какъ обстоитъ дѣло при его наличности? Основной принципъ оказывается тогда недостаточнымъ. Пусть, напримѣръ, трудовая стоимость продукта, производимаго въ хозяйствѣ ремесленника, 10.000 часовъ, а трудовая стоимость необходимыхъ средствъ производства и потребленія—всего 9.000 часовъ. Тогда мы можемъ съ увѣренностью сказать только одно: что продуктъ, стоящій 10.000 часовъ, долженъ быть проданъ не менѣе какъ за 9.000 часовъ, воплощенныхъ въ чужихъ товарахъ—средствахъ производства и потребленія; если онъ продается дешевле, то хозяйство не можетъ поддерживаться. Но долженъ ли продуктъ быть обмѣненъ какъ разъ на такую сумму товаровъ, которая соотвѣтствуетъ его дѣйствительной трудовой стоимости—этого мы не можемъ сказать навѣрное.

Дальнѣйшій анализъ здѣсь довольно труденъ, и въ то же время не представляетъ значительнаго интереса. Простое товарное общество—это научная абстракція довольно высокой степени отвлеченія; а всѣ сколько-нибудь близкія къ его схемѣ реальныя общественныя организаціи, напр., городскія общины среднихъ вѣковъ, сами по себѣ неустойчивы. Мелкое хозяйство изолированнаго товаропроизводителя слабо и непрочно именно потому, что оно мелкое, что его производительная сила ничтожна; при всякой неблагопріятной комбинаціи стихійныхъ силъ природы (пожары, наводненія, неурожаи, болѣзни и т. под.) или общества (паденіе рыночнаго спроса на производимый товаръ) оно подвергается глубокому потрясенію, отъ котораго лишь съ большимъ трудомъ, и то далеко не всегда успѣваетъ оправиться. А такъ какъ такія неблагопріятныя комбинаціи неизбѣжно должны время отъ времени случаться, то большинство мелкихъ хозяйствъ приходитъ въ состояніе хронической неприспособленности. Этимъ нарушаются нормальныя условія обмѣна, и большинство соціально-ослабленныхъ товаропроизводителей продаетъ свои товары ниже ихъ стоимости. Немногія болѣе счастливыя и сильныя хозяйства оказываются за то въ исключительно благопріятномъ положеніи; путемъ обмѣна они присваиваютъ себѣ весь продуктъ прибавочнаго труда первыхъ (если онъ тамъ уже имѣется) и обыкновенно часть продукта необходимаго труда. На этой почвѣ развертываютъ свое господство новыя общественныя формы—*капиталъ торговый и ростовщическій*. Слабыя хозяйства экономически подчиняются болѣе сильнымъ.

Дальнѣйшее ослабленіе хозяйствъ менѣе приспособленныхъ и усиленіе болѣе присобленныхъ приводитъ къ полному поглощенію первыхъ вторыми. Это совершается въ формѣ развитія *промышленнаго капитала*. Прежній самостоятельный или полусамостоятельный мелкій производитель становится простымъ элементомъ крупнаго хозяйства—наемнымъ работникомъ, объектомъ

эксплоатаціи. Такое поглощеніе происходитъ тѣмъ быстрѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе развивается въ производствѣ прибавочный трудъ, создающій почву для эксплоатаціи, а стало быть и побудительные мотивы для крупныхъ хозяйствъ къ поглощенію мелкихъ. Такъ силы развитія приводятъ къ превращенію простого товарнаго общества въ капиталистическое.

Для этого послѣдняго прибавочный трудъ уже не можетъ считаться случайнымъ явленіемъ; здѣсь онъ—существенная необходимость, постоянная характеристика, при отсутствіи которой нельзя даже говорить о капитализмѣ. Поэтому значеніе прибавочнаго труда въ обмѣнѣ всего цѣлесообразнѣе изслѣдовать именно на капиталистическомъ обществѣ, которое, къ тому же, исторически ближе для насъ, чѣмъ всякое другое.

IV.

Для капиталистической организаціи основной чертою является своеобразная роль рабочей силы, какъ товара. Намъ нѣтъ надобности останавливаться на исторіи этого товара, которая есть въ то же время исторія капитализма; для насъ важно пока одно; рабочая сила обмѣнивается на заработную плату, которая служитъ работнику только орудіемъ покупки предметовъ, дающихъ ему возможность поддерживать и воспроизводить свою рабочую силу. „Трудовая стоимость“ рабочей силы есть сумма общественнаго труда, необходимая для ея полнаго сохраненія, т. е. сумма общественнаго труда, необходимая для производства нормальныхъ средствъ потребленія работника. Такъ какъ рабочая сила въ общемъ должна обмѣниваться именно на эти средства потребленія—иначе она не могла бы поддерживаться,—то мы можемъ сдѣлать прямо такой выводъ: *рабочая сила въ капиталистическомъ обществѣ есть товаръ, обмѣнивающійся по его трудовой стоимости* *).

Но такъ ли обмѣниваются другіе товары? Чтобы выяснить это, намъ слѣдуетъ воспользоваться тѣмъ же методомъ, который мы примѣняли въ предыдущемъ, именно, анализировать, при какихъ условіяхъ обмѣна можетъ сохраняться и развиваться капиталистическое предпріятіе.

Положимъ, капиталистъ затратилъ въ теченіе года такое количество средствъ производства, въ которомъ кристаллизовано 900.000 часовъ общественнаго труда; обозначимъ это формулой

*) Возможность индивидуальныхъ отклоненій отъ нормы подразумѣвается само собою; но отклоненія эти здѣсь не могутъ быть устойчивыми и продолжительными, потому что давать больше необходимаго для сохраненія полной работоспособности и здоровья работника капиталистъ не склоненъ, а давать меньше—значитъ разрушать рабочую силу, которая, однако, нужна для производства.

$c = 900.000$. На поддержаніе работоспособности всѣхъ производителей въ предпріятіи понадобилось при этомъ такое количество различныхъ предметовъ потребленія, въ которомъ воплощается 100.000 часовъ общественнаго труда: $v = 100.000$ (замѣтимъ, что въ этой общей суммѣ мы должны считать и удовлетвореніе потребностей самого капиталиста, поскольку онъ въ дѣйствительности работаетъ, какъ организаторъ труда, и его потребности реально обусловливаются его организаторскою ролью). Очевидно, если капиталистъ не получитъ обратно путемъ продажи-покупки столько же средствъ производства и потребленія, сколько имъ затрачено, то предпріятіе не можетъ даже сохраняться. Слѣдовательно, онъ непремѣнно долженъ выручить на рынкѣ по меньшей мѣрѣ такую сумму чужихъ товаровъ, которая заключаетъ въ себѣ 1 милліонъ часовъ общественнаго труда. А какъ велика трудовая стоимость его собственнаго продукта? Если бы прибавочнаго труда не было, то количество живого труда, выполненнаго въ предпріятіи, равнялось бы 100.000 часовъ (стоимости предметовъ потребленія), а общая трудовая стоимость произведенныхъ товаровъ была бы 900.000 (средства производства) плюсъ 100.000 (живой трудъ), т. е. 1 милліонъ часовъ. Итакъ, для сохраненія предпріятія, товаръ въ этомъ случаѣ долженъ былъ бы продаваться вполнѣ по трудовой его стоимости. Но прибавочный трудъ существуетъ, и долженъ быть введенъ въ нашъ анализъ.

„Нормой прибавочнаго труда“ называется отношеніе величины прибавочнаго труда къ трудовой стоимости рабочей силы — $\frac{m}{v}$. Пусть въ нашемъ примѣрѣ такая норма будетъ 100%. Въ такомъ случаѣ годовое количество прибавочнаго труда въ предпріятіи окажется равно 100.000 часовъ. Трудовая стоимость всего продукта представится въ такомъ видѣ:

Трудовая стоимость средствъ производства $c = 900.000$ час.	Трудовая стоимость средствъ потребленія $v = 100.000$ час.	Прибавочный трудъ $= m$ 100.000 час.	Общая сумма. $= 1.100.000$ час.

Въ обмѣнъ за этотъ продуктъ должна быть получена въ формѣ другихъ товаровъ трудовая стоимость, какъ мы знаемъ, *не меньше* 1.000.000 часовъ, иначе предпріятіе не можетъ даже сохраняться. Но не трудно показать, что мѣновая цѣнность продукта должна быть *больше* этой величины.

Въ капиталистической системѣ развитіе производства становится потребностью производства. Каждое предпріятіе должно расти, или оно погибнетъ. Въ безпощадной конкурренціи сильные губятъ слабыхъ, и только возрастающая сила можетъ себя поддерживать. Отсюда неудержимый, колоссальный ростъ капиталистическаго производства. Предпріятія должны расширяться, чтобы не отстать отъ другихъ, и не оказаться безсильными въ борьбѣ.

Расширеніе производства совершается насчетъ прибавочнаго продукта общества. Конечно, не весь прибавочный продуктъ находитъ именно такое примѣненіе — часть его тратится непроизводительно. Съ одной стороны, существуетъ въ капиталистической системѣ потребленіе паразитическое, т. е. не обусловленное потребностями производства, не связанное съ соотвѣтственнымъ участіемъ потребителя въ общественномъ трудѣ. Съ другой стороны, благодаря особенностямъ капиталистической организаціи, въ ней наблюдается иногда безплодная растрата продуктовъ, которые не могутъ быть во время проданы по условіямъ рынка, и портятся, пропадаютъ даромъ. Въ извѣстныхъ намъ развивающихся обществахъ эти непроизводительно потребляемыя доли прибавочнаго продукта *фактически* относительно не велики по сравненію съ производительно потребляемыми. Во всякомъ случаѣ, въ данный моментъ мы оставимъ первыя въ сторонѣ, и сосредоточимъ свое вниманіе на послѣднихъ.

Расширеніе капиталистическаго производства подчиняется опредѣленной закономѣрности. Исходя изъ идеи приспособленія, не трудно показать, въ чемъ эта закономѣрность заключается.

Между различными отраслями капиталистическаго производства существуетъ самая тѣсная связь: однѣ доставляютъ для другихъ орудія, матеріалы, предметы потребленія. Производство угля и желѣза даетъ матеріалы для производства инструментовъ и машинъ, а это послѣднее въ свою очередь даетъ орудія для массы другихъ отраслей, въ томъ числѣ и для первыхъ двухъ; производство хлѣба и мяса доставляетъ необходимыя средства потребленія для работниковъ всѣхъ вообще отраслей производства, а само получаетъ орудія и матеріалы отъ машиннаго, химическаго и многихъ другихъ производствъ, средства потребленія отъ производства тканей и жилищъ, отъ соляной промышленности и т. д. То же можно сказать и о всѣхъ другихъ отрасляхъ общественно-трудовой системы: *каждая изъ нихъ служитъ рынкомъ для другихъ, и имѣетъ въ нихъ свой рынокъ.*

Расширеніе производства каждой отрасли требуетъ соотвѣтственнaго расширенія собственнаго ея рынка, и предполагаетъ такое же расширеніе тѣхъ отраслей, для которыхъ она является рынкомъ. Напр., расширяется на 5% производство хлопчато-бумажной пряжи; въ такомъ случаѣ должно, во-первыхъ, расшириться производство бумажныхъ тканей, приготовляемыхъ изъ этой пряжи, при томъ именно на 5%: расшириться больше оно не можетъ — откуда оно взяло бы достаточное количество пряжи; а если бы оно расширилось меньше чѣмъ на 5%, то часть произведенной пряжи не нашла бы сбыта, и безъ пользы пропала бы. Во-вторыхъ, должно еще раньше на 5% увеличиться производство хлопка, изъ котораго дѣлается пряжа: если бы оно увеличилось меньше этого, то откуда взялось бы достаточное количество матеріала для производства пряжи; а если бы оно увеличилось

больше этого, то куда сбыть излишекъ хлопка сверхъ 5%, когда рынокъ на него увеличился лишь на 5%? Съ соотвѣтственными измѣненіями то же относится ко всѣмъ другимъ областямъ общественнаго труда. Дѣло нисколько не мѣняется изъ-за того, что каждая изъ нихъ служитъ обыкновенно рынкомъ не для одной, а для нѣсколькихъ другихъ, и находитъ для себя рынокъ также не въ одной, а въ нѣсколькихъ; только вмѣсто отношенія между одной и другой отдѣльными отраслями выступаетъ отношеніе между одной отдѣльной отраслью и цѣлыми комплексами другихъ отраслей.

Такимъ образомъ въ капиталистическомъ обществѣ каждая область производства можетъ расширяться успѣшно лишь *въ извѣстной пропорціональности* съ другими областями, съ ней связанными,—какъ тѣми, которыя служатъ рынкомъ для нея, такъ и тѣми, для которыхъ она служитъ рынкомъ. И такъ какъ, прямо или черезъ посредство другихъ, *всѣ* отрасли капиталистическаго производства объединены указаннаго рода связью, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ сдѣлать такой выводъ:

Для даннаго капиталистическаго общества существуетъ опредѣленная норма расширенія, норма капиталистическаго накопленія, одна и та же для различныхъ сферъ производства.

Эта норма, какъ и всякая другая, имѣетъ, конечно, не безусловное значеніе. Отъ нея фактически уклоняются то въ ту, то въ другую сторону не только отдѣльныя предпріятія, но и цѣлыя отрасли производства. Однако, норма господствуетъ надъ этими колебаніями. Тѣ отрасли производства, которыя заходятъ дальше ея въ своемъ расширеніи, неизбѣжно терпятъ нѣкоторый кризисъ, не находя достаточнаго сбыта. Тѣ же отрасли, которыя начинаютъ отставать отъ установившейся общей нормы, необходимо задерживаютъ развитіе другихъ, не доставляя имъ того количества средствъ производства или потребленія, которое для нихъ требуется. Тогда условія рынка оказываются особенно выгодными для отстающихъ отраслей: спросъ на ихъ продукты больше предложенія, цѣны повышены, и является возможность ускорить накопленіе, пока величина его не достигнетъ общей нормы или даже не перейдетъ ее. Если же, въ силу какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, накопленіе не возрастаетъ въ достаточной мѣрѣ, то происходитъ явленіе другого рода: самая норма накопленія понижается тогда и для другихъ производствъ, частью вслѣдствіе недостаточности рынка, частью вслѣдствіе недостатка въ средствахъ производства. Пониженіе нормы происходитъ, очевидно, до тѣхъ поръ, пока не установится равновѣсіе.

Можетъ показаться, что законъ равенства нормъ накопленія относится только къ идеально-замкнутому капиталистическому обществу, живущему исключительно внутреннимъ рынкомъ. Можетъ показаться, что вывозъ товаровъ въ другія страны, капи-

видѣть, если съ колоссальной массой прибавочнаго продукта въ видѣ всякихъ орудій, машинъ, матеріаловъ производства и обычныхъ предметовъ потребленія производительныхъ работниковъ,— если мы со всей этой массой сопоставимъ ежегодное производство предметовъ чистой роскоши *). Поэтому нашъ анализъ не слишкомъ далеко отойдетъ отъ конкретной дѣйствительности, если мы отвлечемся пока отъ элементовъ неприспособленности, и будемъ разсматривать дѣло такъ, какъ будто бы прибавочный трудъ весь тратился для производительныхъ цѣлей, а поправки на неприспособленность отложимъ до выясненія вопроса о рентѣ.

Возвращаемся къ нашему примѣру, на которомъ мы изслѣдуемъ условія капиталистической продажи товаровъ. Пусть въ данномъ обществѣ годовая норма накопленія — 5%. Трудовая стоимость товара была у насъ 900.000 (c) + 100.000 (v) + 100.000 (m), или 1.100.000 трудовыхъ единицъ, изъ которыхъ 1 милліонъ единицъ соотвѣтствуетъ потраченному капиталу, а 100.000 единицъ— прибавочному труду.

Такъ какъ норма накопленія 5%, то предпріятіе на слѣдующій годъ должно вестись въ размѣрахъ, увеличенныхъ на 5%, т. е. средствъ производства и потребленія въ немъ должно быть затрачено не прежнее количество, стоимостью 1 милліонъ трудовыхъ единицъ, а на 5% больше — 1.050.000 трудовыхъ единицъ. Эти средства производства и потребленія должны быть выручены путемъ продажи произведеннаго товара, т. е. такъ, какъ мы пока предположили, что непроизводительнаго потребленія нѣтъ, товаръ этотъ долженъ быть обмѣненъ въ концѣ концовъ именно на эти средства производства и потребленія. Слѣдовательно, товаръ, имѣющій стоимость въ 1.100.000 часовъ простого труда, долженъ быть обмѣненъ на другіе товары, общей стоимостью въ 1.050.000 часовъ. Обмѣнъ не вполнѣ по трудовой нормѣ, но съ уклоненіемъ отъ нея—въ данномъ случаѣ меньше, чѣмъ на 5% (именно на $4^{6}/_{11}$%): мѣновая цѣнность даннаго товара ниже нормы, а цѣнность тѣхъ товаровъ, на которые онъ обмѣнивается на столько же выше ея.

Не трудно выяснить, чѣмъ опредѣляется величина этого уклоненія. При данной нормѣ накопленія она зависитъ отъ такъ называемаго „органическаго состава“ капитала, т. е. отношенія трудовой стоимости c къ трудовой стоимости v. Для капитала

*) Говоря о чистой роскоши, мы подразумѣваемъ такое потребленіе, которое безусловно не вызывается потребностями производства. Многіе изъ продуктовъ, обыкновенно относимыхъ къ сферѣ роскоши, отчасти являются общественно необходимыми, какъ привычные предметы потребленія группы дѣйствительныхъ организаторовъ производства. Мы знаемъ, что организаторская дѣятельность связана съ широкими потребностями, и поскольку это такъ, потребленіе необходимыхъ организаторовъ производства не можетъ считаться непроизводительнымъ. Точное изслѣдованіе о границахъ роскоши, конечно, пока невозможно, но для насъ достаточно и приблизительнаго разсчета.

опредѣленнаго органическаго состава, который легко вычислить, величина эта равна нулю, т. е. обмѣнъ происходитъ строго по трудовой стоимости: c = 950.000 часовъ, v = 50.000 ч., m = 50.000 ч., трудовая стоимость товара 1.050.000 часовъ. При расширеніи на 5%, для слѣдующаго года c и v будутъ составлять въ суммѣ уже не 1 милліонъ, а 1.050.000 часовъ. Такова трудовая стоимость тѣхъ чужихъ товаровъ, въ видѣ средствъ производства и потребленія, на которые долженъ быть обмѣненъ товаръ даннаго предпріятія; при этомъ совпаденіе трудовой стоимости и мѣновой цѣнности окажется полное.

Не трудно установить и крайніе предѣлы отклоненія мѣновой цѣнности отъ трудовой стоимости, если извѣстны норма накопленія и норма прибавочнаго труда. Эти предѣлы соотвѣтствуютъ двумъ крайнимъ случаямъ органическаго состава: капиталу, который весь состоитъ изъ c, т. е. представляетъ одни средства производства, и капиталу, который весь состоитъ изъ v, т. е. весь тратится на средства потребленія производителей (заработную плату). Оба случая въ чистомъ видѣ немыслимы; но мы и разсматриваемъ ихъ, какъ предѣлы.

a) Капиталъ весь перемѣнный: c = 0; v = 100.000; m = 100.000. Трудовая стоимость продукта, слѣдовательно, 200.000 часовъ. При нормѣ накопленія 5% продуктъ обмѣнивается на такое количество чужихъ товаровъ (средствъ потребленія), трудовая стоимость котораго 105.000 часовъ. Уклоненіе отъ трудовой нормы— минусъ 95.000 на 200.000, или — $47\frac{1}{2}$% (ниже трудовой нормы).

b) Капиталъ весь постоянный: c = 100.000; v = 0; m = 0. Трудовая стоимость продукта 100.000 часовъ; при нормѣ накопленія 5%, продуктъ обмѣнивается за такое количество чужихъ товаровъ (средствъ производства), трудовая стоимость котораго 105.000 часовъ. Уклоненіе отъ нормы — плюсъ 5.000 на 100.000 или + 5% (выше трудовой нормы).

Періодъ оборота капитала мы принимали въ своихъ разсчетахъ равнымъ году. Разумѣется, онъ можетъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ и больше, и меньше этой величины; въ разсчетахъ, слѣдовательно, должны быть сдѣланы соотвѣтственныя измѣненія. Это очень не трудно сдѣлать; надо только вмѣсто годовой нормы накопленія поставить норму накопленія за другой періодъ времени—за періодъ оборота капитала. Возьмемъ, напр., всѣ цифры нашего прежняго примѣра, но только оборотъ капитала предположимъ равнымъ $\frac{1}{2}$ года: c = 900.000; v = 190.000; m = 100.000. Трудовая стоимость товара 1.100.000. Норма накопленія за $\frac{1}{2}$ года—$2\frac{1}{2}$% (при годовой 5%). Товаръ обмѣнивается, въ концѣ концовъ, за средства производства и потребленія въ количествѣ, соотвѣтствующемъ 1.025.000 часовъ (900.000 m, плюсъ 100.000 v, плюсъ еще $2\frac{1}{2}$% этой суммы). Отклоненіе отъ нормы около 7% (именно, мѣновая цѣнность на $6\frac{9}{11}$% меньше, чѣмъ трудовая).

Примемъ въ аналогичномъ примѣрѣ продолжительность оборота равной 5 годамъ: $c=900.000$; $v=100.000$; $m=100.000$. Трудовая стоимость товара 1.100.000 Норма накопленія за 5 лѣтъ 25% *). Въ обмѣнъ за товаръ получается, въ видѣ чужихъ товаровъ, трудовая стоимость 1.250.000 часовъ; величина эта больше трудовой нормы почти на 14% (именно на $13^7/_{11}$%).

Также не трудно опредѣлить и крайнія, предѣльныя величины отклоненій отъ трудовой нормы. Предполагая ту же норму прибавочной стоимости и ту же норму накопленія, мы, при помощи простыхъ, но скучныхъ вычисленій найдемъ такія величины:

При оборотѣ въ ½ года наибольшее отклоненіе вверхъ $+2^1/_2$%; наибольшее внизъ $-48^3/_4$%. При оборотѣ въ 5 лѣтъ наибольшее отклоненіе вверхъ +25%; наибольщее внизъ $-37^1/_2$% **).

Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы видѣть, какъ легко устанавливается отношеніе мѣновой цѣнности къ трудовой стоимости при тѣхъ или иныхъ условіяхъ, техническихъ (органическій составъ капитала, время оборота) и экономически-соціальныхъ (норма накопленія, норма прибавочной стоимости ***).

Въ чемъ же состоитъ научное значеніе этихъ выводовъ? Ими устанавливается основная закономѣрность капиталистическаго обмѣна. Каково же содержаніе этой закономѣрности? Оно можетъ быть обозначено, какъ принципъ трудовой стоимости, или точнѣе—*принципъ технически-производственный*.

На первый взглядъ такое заключеніе представляется не вполнѣ правильнымъ. Мѣновыя цѣнности, какъ мы видѣли, не совпадаютъ съ трудовой нормою, въ большинствѣ случаевъ отъ нея уклоняются, и при томъ не случайно, а необходимо уклоняются. Но если мы обратимъ вниманіе на *условія*, которыми опредѣляются и характеръ, и величина этихъ уклоненій, то окажется, что они сами лежатъ въ трудовомъ процессѣ, такъ что и здѣсь мѣновое отношеніе управляется трудовымъ принципомъ, только не прямо, а косвенно.

---

*) Точнѣе — около 27,6%, потому что процессъ накопленія совершается въ геометрической прогрессіи (по правилу сложныхъ %).

**) Для нашего анализа не имѣетъ значенія ни время оборота перемѣннаго капитала въ отдѣльности, ни *годовая* норма прибавочной стоимости. У насъ v обозначаетъ общую трудовую стоимость потребляемыхъ производителями въ теченіе одного цикла жизненныхъ средствъ, а величина этой стоимости не измѣняется отъ того, во сколько пріемовъ капиталистъ продаетъ свой товаръ, и какъ часто къ нему возвращаются деньги, которыя онъ платитъ рабочимъ. По отношенію же къ этой общей величинѣ v важна только общая норма прибавочной стоимости (норма для одного цикла производства).

***) Замѣтимъ, что здѣсь подъ „мѣновой цѣнностью“ мы подразумѣваемъ не ту случайную частную цѣну товара, которая выступаетъ при той или иной продажѣ, и не ту абстрактную норму, которая соотвѣтствуетъ трудовой стоимости, а ту величину мѣнового отношенія, при которой *достигается приспо*-[illegible] норму, къ которой, слѣдовательно, тяготѣетъ [illegible] приспособленія. Это значеніе термина немного не совпадаетъ съ марксовскимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ было выяснено, на мѣновую цѣнность товара оказываютъ вліяніе, кромѣ трудовой стоимости, еще такіе моменты: органическій составъ капитала, норма прибавочной стоимости, норма накопленія и время оборота капитала. Изъ нихъ два первыхъ очевиднымъ образомъ представляютъ изъ себя отношенія трудовыхъ стоимостей c, v и m. Норма накопленія въ свою очередь, при нашемъ предположеніи, что прибавочный продуктъ не растрачивается безплодно и не потребляется паразитически, сводится къ отношенію трудовыхъ стоимостей всего общественнаго прибавочнаго продукта и всего капитала, вложеннаго въ производство. Наконецъ, время оборота капитала, предполагая опять-таки отсутствіе безполезныхъ растратъ общественнаго труда, всецѣло зависитъ отъ техники производства, является однимъ изъ технически-трудовыхъ условій. Вообще, если отвлечься отъ элементовъ *неприспособленности* общества въ его борьбѣ съ природой, то окажется, что всѣ условія, которыми опредѣляется мѣновая цѣнность, лежатъ въ сферѣ трудового процесса, и прежде всего основное изъ этихъ условій—непосредственная трудовая стоимость продукта.

V.

Предыдущіе выводы даютъ возможность шагъ за шагомъ анализировать конкретныя условія обмѣна въ томъ или иномъ исторически данномъ обществѣ.

Такъ, напримѣръ, если мы будемъ разсматривать наиболѣе культурныя государства, взятыя въ совокупности, какъ одну производительную систему, то по отношенію къ ней, на основаніи существующаго статистическаго матеріала, можно установить слѣдующія приблизительныя нормы (*очень* приблизительныя, такъ какъ этотъ матеріалъ никогда не собирался и не обрабатывался съ тѣми цѣлями, о которыхъ идетъ рѣчь):

Норма прибавочной стоимости между 100—130%; норма накопленія—2%, 3%. Органическій составъ капиталовъ въ общемъ уже высокій: постоянный, повидимому, вездѣ преобладаетъ надъ перемѣннымъ, и есть цѣлыя отрасли, гдѣ послѣдній почти исчезаетъ по сравненію съ первымъ (торговое, кредитное дѣло; автоматически-машинныя производства). Время оборота капитала наиболѣе измѣнчиво; лишь въ немногихъ случаяхъ его—главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговаго и кредитнаго дѣла—можно считать меньше года, въ большинствѣ случаевъ—значительно больше; обыкновенно оно, однако, не больше 5--10 лѣтъ.

Несмотря на грубость этихъ данныхъ, изъ нихъ можно уже сдѣлать выводъ, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, обмѣна отклоненія отъ простой трудовой нормы должны быть не

велики: не больше 20—30%. Дѣло въ томъ, что высокій органическій составъ капитала въ соединеніи съ низкой нормой накопленія приводятъ къ наименьшимъ величинамъ отклоненій отъ этой нормы, причемъ и вліяніе остальныхъ двухъ условій, нормы прибавочнаго труда и времени оборота капитала, оказывается сравнительно не велико *).

Къ этому надо прибавить, что согласно теоріи вѣроятностей, при большомъ числѣ случаевъ болѣе мелкія отклоненія отъ нормы должны значительно преобладать надъ отклоненіями крупными, близкими къ предѣльнымъ. Такимъ образомъ трудовая норма даже въ ея прямомъ, непосредственномъ значеніи выражаетъ дѣйствительно *основную тенденцію приспособленія въ капиталистическомъ обмѣнѣ.*

Этого мало. Не трудно показать, что капиталистическое развитіе техники стремится все съ большей полнотой и строгостью осуществлять основную тенденцію обмѣна. Это происходитъ, главнымъ образомъ, двумя способами: измѣняется органическій составъ капиталовъ, и измѣняется норма накопленія. Выяснимъ себѣ направленіе обоихъ процессовъ.

Прежде всего, техническій процессъ стремится къ уменьшенію потребности капитала въ рабочей силѣ, что и достигается путемъ введенія машинъ и другихъ усовершенствованій. При этомъ постоянная часть капитала возрастаетъ по сравненію съ перемѣнной, средства производства начинаютъ все болѣе преобладать по сравненію со средствами потребленія производителей. Органическій составъ всѣхъ капиталовъ повышается **). А капи-

---

*) Мы можемъ провѣрить это на сравнительно крайнихъ случаяхъ, какіе должны быть уже довольно рѣдки въ современной капиталистической системѣ.

1. Постоянный капиталъ 990.000, перемѣнный 10.000, норма прибавочнаго труда 100%, норма накопленія 3%, время оборота капитала 10 лѣтъ. Трудовая стоимость продукта 1.010 000 единицъ; накопленіе за 10 лѣтъ 30%; мѣновая цѣнность продукта 1.300.000 единицъ (капиталъ, увеличенный на 30%). Отклоненіе отъ нормы + 28,7%.

2. Постоянный 750.000, перемѣнный 250.000, норма прибавочнаго труда 130%, норма накопленія 2%, время оборота 1 годъ. Трудовая стоимость продукта 1.325.000 единицъ $\left(750.000 + 250.000 + \frac{250.000 \times 130}{100}\right)$: мѣновая цѣнность 1.020.000 единицъ (капиталъ + 2% его величины). Отклоненіе — 29,9%.

Взявши другія величины въ тѣхъ же предѣлахъ, которые указаны въ текстѣ для нынѣшняго общества, мы всюду получимъ значительно меньшія отклоненія.

**) Капиталъ такимъ образомъ приближается къ тому предѣлу, на которомъ онъ свелся бы къ одному постоянному. Существуютъ — и въ развитомъ капиталистическомъ обществѣ играютъ особенно важную роль — опредѣленныя формы капитала, которыя *почти* совпадаютъ съ этимъ предѣломъ: капиталъ торговый, и особенно кредитный. О полномъ совпаденіи съ предѣломъ, однако, не можетъ быть и рѣчи: безъ живого человѣческаго труда, хотя бы взятаго въ очень небольшомъ количествѣ, капиталъ вообще не можетъ занять мѣста въ соціальной системѣ; и даже кредитный капиталъ приводится въ движеніе

талы высокихъ органическихъ составовъ, какъ легко было видѣть изъ предыдущихъ примѣровъ, даютъ при обычныхъ условіяхъ меньшія отклоненія цѣнностей отъ непосредственной трудовой нормы.

Но если для капиталистическаго общества въ цѣломъ является господствующей тенденція къ повышенію органическаго состава, то для отдѣльныхъ предпріятій дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: можно показать, что капиталы особенно высоко организованные начинаютъ стремиться къ пониженію своего состава, тогда какъ наиболѣе низко организованные съ особенной силой стремятся къ его повышенію, такъ что и тѣ и другіе обнаруживаютъ *тенденцію къ среднему строенію*. Разсмотримъ это на простѣйшихъ примѣрахъ.

Пусть передъ нами капиталъ такого органическаго состава который для даннаго общества является особенно низкимъ, положимъ, 750.000 c. и 250.000 v. Это означаетъ, что для даннаго предпріятія требуется особенно много живого труда, особенно много рабочихъ силъ. При такихъ условіяхъ даже *простое замѣщеніе* части v равнымъ количествомъ c, части рабочихъ машинами, хотя оно и не составляетъ прямой экономіи, однако, приноситъ не малыя выгоды. Чѣмъ больше машинъ и чѣмъ меньше людей, тѣмъ легче управлять предпріятіемъ: люди всегда доставляютъ больше затрудненій. Дѣло не только въ количествѣ работниковъ, но также въ ихъ качествѣ: чѣмъ болѣе производство ведется при помощи машинъ, тѣмъ меньше отъ работника требуется часто ремесленной ловкости, искусства рукъ. То и другое приводитъ къ тому, что капиталисту легче замѣнять работниковъ другими въ случаѣ столкновеній съ ними, или набирать новыхъ—въ случаѣ расширенія производства. Въ обоихъ такихъ случаяхъ капиталистъ болѣе низко организованнаго предпріятія испытываетъ значительныя неудобства: достать новыхъ рабочихъ ему требуется сравнительно больше, потому что его предпріятіе вообще примѣняетъ больше рабочей силы; а резервъ, изъ котораго ему приходится черпать, гораздо меньше, потому что ему нужны ручные работники съ опредѣленной профессіональной спеціализаціей, какихъ не можетъ быть очень много. Напротивъ, при болѣе высокомъ составѣ работники нужны въ меньшемъ количествѣ, и при томъ не настолько спеціализированные, какъ въ первомъ случаѣ, а просто достаточно интеллигентные, чтобы имѣть дѣло съ машинами: такихъ работниковъ въ резервной арміи капитала всегда гораздо больше. Далѣе, капиталистическій кредитъ болѣе доступенъ предпріятіямъ вы-

---

все-таки живымъ трудомъ (трудъ веденія счетовъ и сношеній, перемѣщенія денегъ, контроля за операціями и т. п.). Кромѣ того, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, тенденція къ повышенію органическаго состава имѣетъ свои границы.

сокаго состава: подъ залогъ машинъ можно получить деньги, тогда какъ подъ залогъ рабочей силы нельзя; а въ конкурренціи капиталовъ ихъ кредитоспособность имѣетъ громадное значеніе, и часто является рѣшающимъ моментомъ въ вопросѣ объ ихъ жизни или смерти.

Иначе обстоитъ дѣло съ капиталомъ особенно высокаго строенія. Пусть передъ нами предпріятіе, въ которомъ с составляетъ 999.000 трудовыхъ единицъ, а v всего 1.000, т. е. предпріятіе, въ которомъ очень много машинъ и очень мало работниковъ. Тутъ для капиталиста исчезаетъ всякій интересъ уменьшать перемѣнный капиталъ, вытѣсняя трудъ машинами: перемѣнный капиталъ и такъ ничтоженъ, на немъ много выгадывать нельзя. Гораздо важнѣе позаботиться объ удешевленіи орудій и матеріаловъ производства, т. е. о сокращеніи постоянной части капитала: при ея громадныхъ размѣрахъ даже сравнительно небольшое удешевленіе ея элементовъ представляетъ очень большія выгоды. Капиталистъ особенно долженъ стараться, напримѣръ, о томъ, чтобы дорого стоящія машины замѣнить менѣе дорогими, чтобы съэкономизировать на постройкахъ; уменьшить затраты на уголь и т. п. Если ему это удается, то, несмотря на повышеніе производительности труда, постоянная часть капитала будетъ не настолько, какъ прежде, преобладать надъ перемѣнною: органическій составъ капитала понизится, приближаясь къ средней для даннаго общества величинѣ.

Такимъ образомъ, въ то время какъ для капиталистовъ съ капиталами болѣе низкаго строенія особенно сильный интересъ представляетъ вытѣсненіе рабочихъ машинами и уменьшеніе перемѣнной части капитала, для предпріятій наиболѣе высокаго состава техническая задача выступаетъ въ противоположномъ видѣ: исключительное значеніе пріобрѣтаютъ мотивы, заставляющіе по возможности удешевлять орудія и матеріалы, и относительно уменьшать постоянный капиталъ. Наука, состоящая на службѣ у капиталистической техники, обыкновенно съ большимъ успѣхомъ удовлетворяетъ возникающимъ потребностямъ. Въ результатѣ оба крайніе типа капиталовъ стремятся пріобрѣсти строеніе, болѣе близкое къ среднему. А именно при среднемъ строеніи, какъ мы знаемъ, мѣновыя цѣнности въ наибольшей мѣрѣ соотвѣтствуютъ простой трудовой нормѣ.

Но несравненно сильнѣе въ томъ же смыслѣ дѣйствуютъ на капиталистическую систему общія и основныя условія техническаго прогресса. Для общества въ цѣломъ повышеніе производительности труда связано, какъ мы говорили, именно съ повышеніемъ органическаго состава капитала. При этомъ живой трудъ производителей представляетъ все меньшую величину по сравненію съ мертвымъ трудомъ, воплощеннымъ въ средствахъ производства и потребленія—въ элементахъ капитала. Такимъ образомъ норма прибыли, выражающая отношеніе этихъ двухъ вели-

чинъ, должна уменьшаться, а стало быть должна уменьшаться и норма накопленія, которая для насъ пока еще сливается съ нормой прибыли. Противодѣйствовать этой тенденціи можетъ только повышеніе нормы прибавочнаго труда (нормы эксплоатаціи), но оно, какъ показываетъ опытъ, не можетъ, вообще говоря, поспѣвать за возрастаніемъ органическаго состава общественнаго капитала, и потому въ дѣйствительности норма прибыли съ ходомъ техническаго прогресса обыкновенно понижается *). Но чѣмъ ниже эта норма, тѣмъ меньше, какъ показываютъ наши примѣры, предѣльныя величины отклоненія цѣнности отъ трудовой стоимости, тѣмъ ближе трудовая норма къ дѣйствительности.

При извѣстныхъ условіяхъ, разумѣется, возможно, и иногда фактически наблюдалось также обратное явленіе — повышеніе нормы прибыли (и накопленія) вслѣдствіе того, что норма прибавочной стоимости повышается быстрѣе органическаго состава. Съ одной стороны, капиталисты могутъ иногда быстро усиливать эксплоатацію, удлиняя рабочее время или увеличивая интенсивность труда, но на этомъ пути они встрѣчаютъ сопротивленіе, которое рано или поздно парализуетъ ихъ усилія. Съ другой стороны, можетъ падать трудовая стоимость рабочей силы, т. е. средствъ потребленія производителей: если повышается производительность труда въ отрасляхъ производства, доставляющихъ

---

*) Г. Струве въ пониженіи нормы прибыли, происходящемъ рядомъ съ повышеніемъ производительности труда, усмотрѣлъ „антиномію" или иначе „явную нелѣпость", а также „абсурдъ" (см. въ „Жизни" 1900 г., февраль). Въ чемъ тутъ заключается собственно „антиномія", т. е. *прямое формальное противорѣчіе*, г. Струве, къ сожалѣнію, не выяснилъ. Между тѣмъ, очевидно, что производительность труда и норма прибыли не одно и то же, а потому повышеніе одной рядомъ съ пониженіемъ другой даже съ точки зрѣнія капиталиста можетъ представлять развѣ только грустный фактъ, но отнюдь не формально-логическое противорѣчіе.

Не трудно свести производительность труда и норму прибыли къ такимъ отношеніямъ, изъ которыхъ станетъ ясною полная фактическая возможность одновременнаго противоположнаго измѣненія той и другой. Производительность труда можетъ быть выражена дробью, числитель которой — количество всего вновь произведеннаго продукта, а знаменатель — количество затраченнаго въ производствѣ живого труда, или, замѣняя эти величины другими, вполнѣ имъ пропорціональными, дробью, которой числитель количество прибавочнаго продукта, *а знаменатель — количество прибавочнаго труда*. Норма же прибыли можетъ быть выражена дробью, которой *числитель — количество прибавочнаго труда*, а знаменатель — общая сумма труда, кристаллизованная въ капиталѣ (трудовая стоимость капитала). Итакъ, двѣ дроби, у которыхъ числитель одной совпадаетъ со знаменателемъ другой: ясно, что эти дроби не только могутъ, но при извѣстныхъ условіяхъ *должны* измѣняться въ противоположныхъ направленіяхъ: „антиномія" г. Струве лежитъ не въ „теоріи трудовой цѣнности", какъ онъ полагаетъ, а въ основныхъ законахъ алгебры.

Впрочемъ, эту „антиномію" можно найти еще глубже: въ самой дѣйствительности. Вѣдь фактъ одновременнаго повышенія производительности труда и пониженія нормы прибыли налицо: и г. Струве даже не отрицаетъ этого факта, а ищетъ ему другого объясненія: но если такъ, то какой критерій даетъ ему право безъ всякихъ доказательствъ объявлять „нелѣпостью" то объясненіе, которое ему не нравится?

эти средства потребленія, то рабочая сила становится общественно-дешевле, уменьшается „необходимое рабочее время“, въ которое производитель отрабатываетъ ея стоимость, и увеличивается прибавочное время. Этотъ второй способъ повышенія нормы прибавочной стоимости опредѣленныхъ границъ не имѣетъ; но и онъ до сихъ поръ фактически сыгралъ не очень большую (хотя и не малую) роль въ экономической жизни, такъ какъ техническій прогрессъ въ важнѣйшихъ отрасляхъ производства предметовъ потребленія работниковъ шелъ довольно медленно (особенно въ сельскомъ хозяйствѣ *).

При изслѣдованіи вопроса надо во всякомъ случаѣ не упускать изъ виду, что ни усиленіе эксплоатаціи, ни повышеніе производительности труда не могутъ происходить такими скачками, какъ это можетъ показаться для поверхностнаго взгляда. Если предприниматель увеличиваетъ рабочее время на 2 часа, то норма прибавочной стоимости едва ли возрастетъ хотя въ приблизительной пропорціональности съ этимъ увеличеніемъ: трудъ окажется менѣе интенсивенъ и менѣе производителенъ, чѣмъ прежде. Если вводится новая машина, при которой одинъ работ-

Но, можетъ быть, мы не такъ поняли г. Струве, можетъ быть, онъ говоритъ собственно не объ „антиноміи“, то есть не о *логическомъ* противорѣчіи, а о противорѣчіи психологическомъ, о томъ, что капиталистамъ не было бы мотивовъ повышать производительность труда, если бы это повышеніе вело къ паденію нормы прибыли? Не ручаемся — способъ выраженія у г. Струве ясностью не отличается; но тогда пришлось бы предположить, что г. Струве совершенно не понялъ того элементарнаго объясненія этого вопроса, которое въ такихъ простыхъ выраженіяхъ дано Марксомъ. Марксъ указалъ, что отдѣльный капиталистъ имѣетъ всѣ основанія повышать технику своего предпріятія, потому что его собственная прибыль отъ этого возрастаетъ: за весь періодъ времени, пока данное усовершенствованіе не стало общепринятымъ, онъ продаетъ свой товаръ выше *индивидуальной* его стоимости, по стоимости общественной; а вопросъ о томъ, не понизится ли отъ этого впослѣдствіи норма прибыли для *класса* капиталистовъ, отнюдь не можетъ интересовать отдѣльнаго предпринимателя: ему важно увеличить свою прибыль и свой капиталъ. Да и классъ капиталистовъ немного теряетъ отъ пониженія нормы, потому что благодаря громадному возрастанію капитала при развитіи производства общая *масса* прибыли все равно оказывается гораздо больше прежней, хотя и составляетъ нѣсколько меньшій процентъ на капиталъ.

*) Г. Туганъ-Барановскій въ 1899 году сдѣлалъ „открытіе, что норма прибыли не можетъ падать въ зависимости отъ повышенія органическаго состава капитала, что она „автоматически“ повышается отъ одного этого повышенія какъ разъ на столько, чтобы удержать норму прибыли на прежней высотѣ. („Научн. Об.“ 99, 3). Открытіе это формулировано въ цѣломъ рядѣ выкладокъ, которыя я въ свое время подробно анализировалъ („Научн. Об.“ 1899, 9 и 1900, 8). Въ основѣ ихъ, какъ я показалъ, лежатъ два совершенно новыхъ для теоріи Маркса допущенія. Одно заключается въ томъ, что какъ только произведены новыя орудія, при которыхъ трудъ можетъ сдѣлаться, напр., вдвое производительнѣе, такъ сейчасъ же трудовая цѣнность всего существующаго капитала - орудій и матеріаловъ и средствъ потребленія — „автоматически“ падаетъ вдвое, такъ какъ они *впредь могутъ воспроизводиться* со двое меньшими затратами труда, чѣмъ прежде. Я показалъ, что допущеніе это вообще ложно, такъ какъ по его смыслу реальное и настоящее (мѣновая цѣнность всего капитала) опредѣляется *возможнымъ и будущимъ* (затраты труда при но-

никъ дѣлаетъ столько, сколько раньше дѣлали трое, то это не значитъ, чтобы производительность его труда повысилась втрое: сама машина стоитъ труда, который долженъ быть принятъ во вниманіе, и который значительно измѣняетъ оцѣнку явленія *).

Преобладающей тенденціей въ историческомъ развитіи капитализма является, несомнѣнно, не повышеніе, а пониженіе нормы прибыли, такъ же какъ не пониженіе, а повышеніе органическаго состава капиталовъ: то и другое доказывается массой фактовъ. Но именно низкая норма накопленія при высокомъ органическомъ составѣ капитала приводитъ къ наименьшимъ отклоненіямъ отъ обмѣна по трудовой стоимости. Слѣдовательно, и здѣсь прогрессъ капиталистической жизни не удаляетъ, а приближаетъ мѣновыя отношенія къ той нормѣ, которую указываетъ теорія трудовой цѣнности.

выхъ, еще только что созданныхъ, условіяхъ производства, которыя еще только будутъ примѣнены), и кромѣ того указалъ, что это допущеніе (теорія „издержекъ воспроизводства") принадлежитъ не Марксу, а Кэри. Г. Туганъ-Барановскій отвѣчалъ на это, что точка зрѣнія издержекъ воспроизводства есть именно точка зрѣнія Маркса, причемъ цитировалъ III томъ „Капитала" („Научн. Об." 1900, 3), но, къ сожалѣнію, цитировалъ по формѣ—неточно (исказивши слова Маркса невѣрно поставленнымъ курсивомъ), а по существу—не понявши цитированнаго мѣста, что я и доказалъ въ своемъ отвѣтѣ („Научн. Об." 1900, 8), и чего г. Туганъ-Барановскій не пытался опровергнуть. Другое допущеніе г. Туганъ-Барановскаго заключалось въ томъ, что вытѣсненіе машинами рабочихъ можетъ происходить безъ всякаго измѣненія въ равновѣсіи рынка; я же выяснилъ по этому поводу, что рабочіе обусловливаютъ собою значительную часть спроса на потребительномъ рынкѣ, и что ихъ вытѣсненіе и безработица означаютъ сокращеніе спроса и убытки для капиталистовъ, производящихъ ихъ средства потребленія, а косвенно—и для многихъ другихъ предпринимателей. Машина, какъ „потребительница" угля, масла и т. д., никогда не можетъ замѣнить вытѣсненнаго ею живого потребителя—работника: вѣдь съ вытѣсненіемъ работника неминуемо, кромѣ него, „вытѣсняется" другая „машина", примѣнявшаяся въ производствѣ средствъ потребленія этого работника и слѣдовательно устраняется также все „потребленіе" этой другой машины, аналогичное „потребленію" первой. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ первомъ, г. Туганъ-Барановскій упустилъ изъ виду органическую связь и единство общественной системы производства въ ея развитіи. Поэтому у него получилось невѣроятно быстрое и легкое возрастаніе производительности труда, происходящее какими-то рѣзкими скачками. Психологическую же основу всей этой путаницы (какъ и „антиномія" г. Струве) составляетъ идея *производительности постояннаго капитала*—старая буржуазно-апологетическая идея.

По существу, г. Туганъ-Барановскій ничего не возражалъ противъ критики обоихъ допущеній. Онъ только заявилъ (въ „Сборникѣ въ пользу евреевъ", 1901 г.), что находитъ всю критику не убѣдительной, и повторилъ заново всю путаницу первой статьи. Подобнаго рода отвѣтъ нельзя было бы признать убѣдительнымъ, если бы онъ былъ данъ хотя бы даже такимъ великимъ ученымъ, какъ Дарвинъ или Марксъ; впрочемъ, ни Дарвинъ, ни Марксъ никогда, конечно, и не позволили бы себѣ опровергать чужія возраженія одной ссылкой на свой собственный авторитетъ.

*) Въ довольно грубую ошибку по этому вопросу впалъ г. Туганъ-Барановскій въ цитированной выше статьѣ 1899 г. Онъ говоритъ: „Уже одинъ тотъ фактъ, что машина замѣняетъ живой трудъ, дѣлаетъ этотъ трудъ производительнѣе, *хотя бы издержки производства единицы продукта оставались прежними*" (курсивъ г. Туганъ-Барановскаго, стр. 982). Конечно, если половина

VI.

Остановимся теперь на самыхъ моментахъ измѣненія техники, и разсмотримъ, какимъ образомъ тогда трудовая норма выполняетъ свою роль—регулятора мѣновыхъ отношеній.

Пусть годовое производство предпріятія выражается въ такихъ цифрахъ:

900.000 c + 100.000 v + 100.000 m = 1.100.000 трудовыхъ единицъ. Это трудовая стоимость продукта. При нормѣ накопленія 5% онъ обмѣнивается за 1.050.000 трудовыхъ единицъ, воплощенныхъ въ другихъ товарахъ (средствахъ производства и потребленія).

Вводится техническое усовершенствованіе; оно уменьшаетъ перемѣнную часть капитала, но увеличиваетъ постоянную; оно приноситъ капиталистамъ выгоды только въ томъ случаѣ, если уменьшеніе первой части болѣе чѣмъ вознаграждаетъ собою увеличеніе второй. Напримѣръ, положимъ, c увеличивается на 20.000 трудовыхъ единицъ, а v уменьшается на цѣлыхъ 50.000. Тогда трудовая стоимость годового продукта представится въ такомъ видѣ:

920.000 c + 50.000 v + 50.000 m = 1.020.000 труд. единицъ.

Однако, установившаяся въ обществѣ рыночная цѣнность сама по себѣ не можетъ измѣниться, а въ началѣ остается прежнею: продуктъ обмѣнивается за 1.050.000 трудовыхъ единицъ. При этомъ прибыль капиталиста оказывается 80.000 на 970.000 единицъ капитала, т. е. $8^1/_4$%, гораздо больше обычной нормы накопленія. Создается возможность расширять предпріятіе больше, чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось; и капиталистъ пользуется возможностью, быстро расширяетъ предпріятіе, потому что повышенная прибыль возбуждаетъ жажду накопленія, и даетъ надежду устранить конкуррентовъ.

Конкуррентамъ не нравится эта перспектива, и они спѣшатъ, въ свою очередь, преобразовать технику своихъ предпріятій, а также ускорить ихъ расширеніе. Но цѣлая отрасль производства не можетъ, какъ мы видѣли, расширяться сверхъ общей нормы накопленія: рынокъ не можетъ самъ собою увеличиваться въ той мѣрѣ, въ какой происходитъ возрастаніе массы производи-

рабочихъ, дѣлающихъ шелковыя ткани, вытѣснена машинами, то черезъ руки каждаго изъ остальныхъ проходитъ двойное количество тканей; но это отнюдь не означаетъ, чтобы производительность труда въ производствѣ шелковыхъ тканей возрасла вдвое. Если машина стоитъ столько же труда, сколько она вытѣсняетъ, то, очевидно, *никакого возрастанія производительности труда не произошло:* только трудъ ткачей замѣненъ трудомъ рабочихъ, дѣлающихъ машину, а общая сумма труда, которой стоитъ данное количество тканей, осталась прежняя. Г. Туганъ-Барановскій все время забываетъ о связи различныхъ предпріятій и отраслей производства.

маго товара. Поэтому либо часть товара будетъ оставаться совсѣмъ непроданной, либо станетъ понижаться его мѣновая цѣнность; и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока данная отрасль производства не придетъ къ равной нормѣ накопленія со всѣми другими. Товаръ, представляющій стоимость въ 1.020.000 трудовыхъ единицъ будетъ продаваться уже не за 1.050.000, а за 970.000 (величина капитала) плюсъ 5% отъ 970.000 (величина накопленія), т. е. за 1.018.500 единицъ.

Въ дѣйствительности процессъ пониженія долженъ пойти еще дальше. Въ цѣлой отрасли производства органическій составъ капитала оказывается повышенъ; слѣдовательно, и строеніе всего общественнаго капитала уже не такое, какъ прежде, а въ среднемъ нѣсколько выше. Если измѣненіе производительности труда въ общемъ не такъ велико, чтобы уравновѣсить это повышеніе органическаго состава, то норма накопленія должна нѣсколько понизиться, напр., вмѣсто 5% стать 4,9%. Какимъ путемъ произойдетъ такое измѣненіе?

Это можетъ совершиться двумя способами. Съ одной стороны, хотя это, повидимому, менѣе существенная сторона дѣла,— вытѣсненіе части рабочихъ машинами въ началѣ описаннаго нами процесса влечетъ за собою суженіе потребительнаго рынка: не получая платы, вытѣсненные рабочіе не могутъ покупать для себя предметовъ потребленія. Капиталисты, производящіе эти продукты, терпятъ стѣсненіе, и стремятся переводить свои капиталы въ другія сферы производства, гдѣ такого стѣсненія нѣтъ,— но этимъ увеличиваютъ конкурренцію капиталовъ въ другихъ отрасляхъ, и содѣйствуютъ пониженію прибыли также и въ нихъ, тѣмъ болѣе что и помимо этого сами, благодаря своему стѣсненному положенію, являются болѣе плохими покупателями, чѣмъ прежде, и такимъ образомъ ухудшаютъ положеніе рынка для всѣхъ. Съ другой стороны, усиленное накопленіе въ той отрасли производства, въ которой введено новое усовершенствованіе, создаетъ избыточные капиталы, которые ищутъ себѣ примѣненія, и такимъ образомъ увеличиваютъ общую конкурренцію капиталовъ. Повидимому, этотъ второй путь пониженія нормы прибыли имѣетъ въ общемъ гораздо большее значеніе, чѣмъ первый. Такъ или иначе, норма накопленія понижается.

Какъ видимъ, при измѣненіи техники мѣновая цѣнность отдѣльныхъ товаровъ не сразу приспособляется къ измѣнившейся трудовой стоимости, а норма накопленія въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства — къ измѣнившемуся строенію капиталовъ. Но шагъ за шагомъ, такое приспособленіе необходимо должно совершаться.

VII.

До сихъ поръ мы намѣренно изображали дѣло такъ, какъ будто товары обмѣниваются прямо на товары; мы игнорировали роль денегъ, какъ орудія обмѣна. Что измѣнится въ нашихъ выводахъ, если мы примемъ ее во вниманіе?

Какъ мы знаемъ, деньги не только орудіе обмѣна, но и товаръ въ ряду другихъ товаровъ. Производство денегъ (денежныхъ металловъ) организовано въ капиталистическомъ обществѣ такимъ же образомъ, какъ всякая другая отрасль производства. Поэтому къ деньгамъ примѣнимо все, что нами установлено относительно трудовой нормы въ обмѣнѣ и уклоненій отъ нея. Если продуктъ предпріятія не прямо обмѣнивается на товары, необходимые для продолженія производства, а продается за деньги, которыя уже служатъ средствомъ покупки этихъ товаровъ, то уклоненія обмѣна отъ трудовой нормы, такъ сказать, осложняются одни другими. Присоединяя къ тѣмъ уклоненіямъ отъ нормы обмѣна, которыя свойственны данному товару самому по себѣ, тѣ уклоненія которыя свойственны товару-деньгамъ при обмѣнѣ ихъ на другіе товары, мы легко опредѣлили бы мѣновое отношеніе даннаго товара къ деньгамъ. При этомъ въ однихъ случаяхъ отношенія обмѣна окажутся нѣсколько болѣе отклоняющимися отъ нормы, чѣмъ въ случаѣ идеальнаго прямого обмѣна, въ другихъ—нѣсколько менѣе.

Но каждое лишнее отклоненіе, зависящее отъ посреднической роли денегъ, уравновѣшивается противоположнымъ отклоненіемъ: за продажей слѣдуетъ покупка, роль денегъ измѣняется въ обратную сторону, и такимъ образомъ въ конечныхъ результатахъ обмѣна деньги ничего не измѣняютъ. Поэтому мы не только въ предыдущемъ съ полнымъ правомъ отвлекались отъ вліянія денегъ на мѣновую цѣнность товаровъ, но и въ дальнѣйшемъ можемъ на немъ не останавливаться.

VIII.

Теперь намъ слѣдуетъ сдѣлать новый шагъ въ своемъ анализѣ. Мы должны ввести въ него два факта, которые обыкновенно считаютъ за серьезное затрудненіе для трудовой теоріи мѣновыхъ отношеній: налоги и ренту.

По отношенію къ налогамъ дѣло обстоитъ довольно просто,—по крайней мѣрѣ съ самой общей теоретической точки зрѣнія. Налоги представляютъ изъ себя ту долю общественнаго продукта, которая затрачивается не на частныя потребности одного, другого, третьяго предпріятія, но на общія потребности

сей той системы производства, которая охватывается даннымъ олитическимъ цѣлымъ. И поскольку удовлетвореніе этихъ общихъ потребностей необходимо для каждаго частнаго предпріятія, постольку въ трудовую стоимость продукта этого предпріятія, очевидно, *прямо входитъ* и соотвѣтственная часть того труда, который воплощается въ налогахъ. Напримѣръ, если дороги и общественная безопасность необходимы для того, чтобы продуктъ могъ стать общественно-полезнымъ, могъ выполнить свое общественное назначеніе, то производство дорогъ и общественной безопасности прямо входитъ въ процессъ производства этого продукта (не цѣликомъ, конечно, а соотвѣтственной частью). Нѣтъ никакихъ основаній трудовую стоимость даннаго частнаго продукта измѣрять только тѣмъ количествомъ труда, которое непосредственно потрачено на него въ данномъ частномъ предпріятіи: трудовая стоимость есть все количество общественнаго труда, необходимое для производства продукта. Здѣсь, такимъ образомъ, принципъ трудовой стоимости пока еще нисколько не ограничивается, а наоборотъ, обнаруживаетъ свое значеніе въ полной мѣрѣ.

Но затѣмъ выступаетъ вопросъ: дѣйствительно ли налоги распредѣляются *соотвѣтственно* участію каждаго предпріятія въ общей системѣ производства? Неравномѣрность, разумѣется, здѣсь возможна, и въ современныхъ государствахъ составляетъ даже скорѣе правило, чѣмъ исключеніе. Благодаря этому нѣкоторыя группы предпріятій, именно тѣ, на которыя падаетъ относительно большая доля налоговъ, принуждены продавать свой продуктъ относительно дороже, — иначе они не могли бы нормальнымъ образомъ развиваться.—Такимъ путемъ получаются добавочныя отклоненія цѣнности отъ трудовой нормы. Они подлежатъ уже не абстрактному анализу, а конкретному изслѣдованію, которое имѣетъ дѣло съ исторически данной экономической и политической организаціей. Здѣсь можно отмѣтить только два основныхъ факта: во-первыхъ, что подобныя отклоненія обыкновенно незначительны *), по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе хорошо организованныхъ общественныхъ системахъ: во-вторыхъ, что развитіе стремится уменьшить и устранить эти отклоненія, путемъ внесенія равномѣрности въ распредѣленіе налоговъ.

Остается отмѣтить еще одно важное обстоятельство: нерѣдко часть налоговъ не является „общественно-необходимою“, не служитъ дѣйствительнымъ потребностямъ производства, а служитъ цѣлямъ паразитизма, употребляется для поддержанія жизни какихъ-либо группъ, утратившихъ уже свое реальное жизненное значеніе въ системѣ общественнаго труда. Въ обществахъ деградирующихъ эта часть налоговъ можетъ оказываться громадной

*) Въ *отдѣльныхъ* случаяхъ они бываютъ и очень значительны (напр., въ Россіи—тѣ, которыя зависятъ отъ акцизовъ на водку, табакъ и т. п.).

(примѣръ—Римская имперія въ эпоху ея упадка и разложенія); но она можетъ быть довольно велика и въ обществахъ прогрессирующихъ, въ которыхъ развитіе не успѣло еще разрушить многихъ пережитковъ прошлаго (примѣръ — Англія начала нынѣшняго вѣка съ ея „хлѣбными законами", облагавшими косвенно все населеніе въ пользу лэндлордовъ, и безчисленными должностями — синекурами, также для лэндлордовъ). Величина этой непроизводительной доли налоговъ, конечно, не можетъ быть установлена абстрактнымъ анализомъ, такъ же какъ и ея распредѣленіе; для каждаго частнаго случая то и другое надо опредѣлить эмпирически. Разъ это сдѣлано, то уже не трудно выяснить вліяніе этихъ налоговъ на систему производства и распредѣленія. Но для такого изслѣдованія удобнѣе разсматривать данный фактъ въ связи съ другими однородными экономическими фактами—съ явленіями „ренты".

IX.

Терминъ „рента" примѣняется экономистами въ различныхъ значеніяхъ. У Родбертуса, напр., онъ означаетъ капиталистическій доходъ вообще. Обыкновенно же—въ выраженіяхъ „земельная рента", „рента съ капитала"—терминъ этотъ означаетъ такой доходъ, который не связанъ ни съ какой производственной дѣятельностью ея получателя, а всецѣло основанъ на фактѣ собственности. Рентьеромъ называютъ и землевладѣльца, который беретъ плату за возможность приложенія производительнаго труда на принадлежащемъ ему участкѣ земли, и капиталиста, который получаетъ проценты на капиталъ, положенный въ банкъ, т. е. собственно беретъ плату за возможность прозводительнаго примѣненія своего капитала въ чужихъ предпріятіяхъ. Рентьеромъ слѣдуетъ признавать и каждаго владѣльца какой-нибудь доходной синекуры на частной или государственной службѣ, владѣльца пенсіи, которая не обусловлена дѣятельностью общественно-полезнаго характера и т. под.

Такъ какъ наше изслѣдованіе ведется съ точки зрѣнія общественнаго производства, то въ соотвѣтствіи съ этой точкой зрѣнія намъ слѣдуетъ установить и понятіе „ренты". Именно, у насъ „рента" будетъ означать не тотъ или иной способъ *присвоенія*, а вообще *непроизводительно потребляемую часть прибавочнаго продукта*. Землевладѣлецъ можетъ присваивать себѣ извѣстную часть общественнаго продукта исключительно по праву собственника на данный участокъ земли, но мы не отнесемъ это къ рентѣ, если присвоенная часть примѣняется производительно—на расширеніе какого-либо предпріятія. Доходъ капиталиста, ведущаго промышленное предпріятіе, въ

наибольшей долѣ, конечно, не вытекаетъ изъ его личнаго труда; но къ рентѣ мы съ точки зрѣнія производства должны отнести только ту часть этого дохода, которая тратится совершенно непроизводительно, на потребленіе предметовъ чистой роскоши *). Такимъ образомъ сумма прибавочнаго продукта въ обществѣ распадается для насъ на двѣ части: одна идетъ на „капиталистическое накопленіе“, на расширеніе производства (а стало быть—и потребленія производительныхъ работниковъ), другая—на непроизводительныя цѣли; эту послѣднюю мы и называемъ рентой—употребленіе термина не вполнѣ обычное, но на данной стадіи анализа наиболѣе удобное.

Пусть весь „капиталъ“ общества представляетъ въ данный моментъ трудовую стоимость въ 100 милліардовъ часовъ простого труда; изъ нихъ 95 милліардовъ воплощаются въ средствахъ производства—орудіяхъ и матеріалахъ и 5 милліардовъ—въ средствахъ потребленія производителей. Въ теченіе года производители поддерживаютъ средствами потребленія свою рабочую силу, и прилагаютъ къ средствамъ производства живой трудъ, въ количествѣ, положимъ, 10 милліардовъ часовъ. Это означаетъ, что сумма прибавочнаго труда -5 милліардовъ часовъ, и норма прибавочнаго труда—100%.

Теперь вопросъ заключается въ томъ, какая часть общей суммы прибавочнаге труда пойдетъ на производительныя цѣли—на развитіе производства,—и какая составитъ „ренту“. Вопроса этого нельзя разрѣшить теоритическими разсужденіями—онъ рѣшается борьбой интересовъ. Интересы эти въ своемъ столкновеніи воплощаются частью въ различныхъ классахъ общества, частью въ различныхъ группахъ или представителяхъ одного класса, частью даже въ различныхъ сторонахъ одной психики. Когда капиталистъ борется съ землевладѣльцемъ за величину прибыли и такъ называемой „земельной ренты“, то первый является по преимуществу представителемъ накопленія, а второй—главнымъ образомъ, непроизводительнаго потребленія, т. е. „ренты“ въ нашемъ смыслѣ этого слова. Таково же во многихъ случаяхъ отношеніе между различными группами участниковъ акціонернаго предпріятія, изъ которыхъ одни стремятся больше къ развитію предпріятія, а другіе—къ увеличенію непосредственнаго дивиденда. И отдѣльный капиталистъ вмѣщаетъ въ своей душѣ то же противорѣчіе, когда передъ нимъ выступаетъ во-

*) Напомнимъ, что съ нашей точки зрѣнія доходъ капиталиста можетъ заключать въ себѣ и элементъ заработной платы, поскольку капиталистъ *дѣйствительно* участвуетъ въ производствѣ, какъ организаторъ, и удовлетворяетъ потребности, необходимо связанныя съ этой ролью (безъ удовлетворенія которыхъ онъ былъ бы не въ силахъ ее выполнять). Только обыкновенно эта часть дохода сравнительно ничтожна.

просъ, какую часть своей прибыли помѣстить въ дѣло, и какую употребить на чистое наслажденіе жизнью *).

Исходъ этой борьбы интересовъ рѣшается всей совокупностью историческихъ условій — движущей силой конкурренціи, консервативной силой традицій, и т. д. Можно указать только тенденцію развитія самой этой борьбы: чѣмъ дальше идетъ прогрессъ капиталистическихъ отношеній, чѣмъ болѣе интенсивной становится взаимная конкурренція предпріятій, тѣмъ въ большей мѣрѣ накопленіе должно одерживать, въ общей суммѣ, верхъ надъ „рентой". Въ жестокой капиталистической борьбѣ сильные побиваютъ слабыхъ, и каждый стремится стать сильнѣе, чтобы не погибнуть: а чтобы стать сильнѣе, для этого надо накоплять и накоплять, и какъ можно меньше тратить непроизводительно. Эта тенденція захватываетъ даже тѣ группы, которыя являются представителями ренты по преимуществу (напр., остатки феодальныхъ группъ). Что касается того капиталистическаго общества, въ которомъ мы живемъ, то для него можно съ несомнѣнностью констатировать, что производительное потребленіе весьма сильно преобладаетъ надъ непроизводительнымъ.

Итакъ, пусть въ нашемъ примѣрѣ цѣлямъ накопленія служитъ $^4/_5$ прибавочнаго продукта (трудовая стоимость—4 милліарда часовъ), „ренту" составляетъ $^1/_5$ (трудовая стоимость—1 милліардъ часовъ). Въ такомъ случаѣ система производства за годъ должна расширяться на $^4/_{100}$ своей величины (такъ какъ общая сумма капитала - 100 милліардовъ единицъ), или, что то же, норма накопленія равна 4%. Что же касается до ренты, то мы пока знаемъ только ея общую величину **), но не знаемъ, имѣетъ ли какой-нибудь смыслъ говорить, напр., о „нормѣ ренты". Намъ надо еще узнать, по какимъ законамъ распредѣляется въ цѣнности товаровъ этотъ остальной милліардъ трудовыхъ единицъ; другими словами, какъ отражается „рента" на обмѣнѣ товаровъ?

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду такія соображенія. До сихъ поръ мы устанавливали законы обмѣна исходя изъ идеи *приспособленія*, т. е. предполагая, что и общественное цѣлое и его элементы постоянно и успѣшно приспособляются къ условіямъ жизненной борьбы. Теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе. Непроизводительное потребленіе въ какой бы то ни было формѣ является, очевидно, фактомъ общественной *неприспособленности*, безплодной растраты общественно-трудовой энергіи. Уста-

*) Трагедія, которая при этомъ разыгрывается въ душѣ капиталиста, послужила основой для извѣстной вульгарной теоріи происхожденія прибыли—или теоріи „воздержанія".

**) Статистика могла бы установить относительную величину всей „ренты" въ нашемъ смыслѣ слова, сравнивши цѣнность производимыхъ за годъ предметовъ чистой роскоши съ общей годовой суммой капиталистическаго дохода.

навливать же законы неприспособленности, на первый взглядъ невозможно, такъ какъ ея формы могутъ быть безконечно разнообразны—вещь очевидная уже a priori. Но на этомъ никакъ нельзя остановиться.

Жизнь общества заключаетъ въ себѣ такую громадную массу элементовъ развитія, что о *безусловной* неприсобленности по отношенію къ ней говорить вообще не приходится. Дѣло идетъ всегда либо о *незаконченныхъ* процессахъ приспособленія, либо о *сталкивающихся* его тенденціяхъ: неприспособленность относительная, допускающая анализъ съ точки зрѣнія идеи приспособенія. „Рента", выражающая собою неприспособленность общества въ цѣломъ, есть результатъ приспособленія (по особому типу) его элементовъ—частныхъ хозяйствъ. Поэтому мы до извѣстной степени можемъ ее изслѣдовать, но для этого намъ надо остановиться на нѣкоторыхъ явленіяхъ частной хозяйственной жизни—тѣхъ, которыя подъ названіемъ „земельной ренты" были предметомъ анализа Рикардо и Маркса.

X.

Капиталистическое производство ведется при самыхъ различныхъ природныхъ условіяхъ. Потому, какъ извѣстно, производительность труда въ различныхъ предпріятіяхъ каждой отрасли производства оказывается неодинаковой. Одно промышленное предпріятіе имѣетъ возможность съ выгодой утилизировать силу паденія воды въ близъ протекающей рѣкѣ, другое не имѣетъ этой возможности; одно расположено вблизи отъ рынка, и нуждается лишь въ минимальныхъ затратахъ труда на перевозку продукта, другое находится далеко отъ рынка, и дополнительныя затраты труда на перевозку очень велики; въ одномъ горнозаводскомъ предпріятіи руда богаче металломъ и легче поддается обработкѣ, въ другомъ—руда бѣднѣе и обработка затруднительнѣе; одно земледѣльческое предпріятіе ведется на болѣе плодородной почвѣ, другое—на менѣе плодородной. Поэтому единица продукта,—напримѣръ, пудъ желѣза,—произведенная въ одномъ предпріятіи, представляетъ одну сумму выполненнаго труда, произведенная въ другомъ предпріятіи—другую, напримѣръ 8 и 10 часовъ простого труда *).

---

*) Условія общественно-техническія—примѣненіе лучшихъ или худшихъ машинъ, лучшая или худшая организація сотрудничества—порождаютъ также различія въ производительности труда отдѣльныхъ предпріятій; но эти различія, какъ мы видѣли, только временныя, устраняемыя развитіемъ; напротивъ, тѣ различія, которыя вытекаютъ изъ неоднородности естественныхъ условій, до извѣстной степени могутъ разсматриваться, какъ неустранимыя, постоянныя.

Однако, рынокъ не признаетъ этихъ различій, и двѣ единицы продукта, произведенныя при самыхъ различныхъ естественныхъ условіяхъ, обмѣниваются на однихъ и тѣхъ же общественныхъ условіяхъ—имѣютъ равную мѣновую цѣнность. Какой же изъ трудовыхъ стоимостей она должна соотвѣтствовать?

Если норма накопленія—4%, то въ общей системѣ производства могутъ занимать прочное положеніе и сохраняться въ борьбѣ только тѣ предпріятія, производство которыхъ возрастаетъ ежегодно не менѣе какъ на 4%. Предпріятія, отстающія въ развитіи, должны разсматриваться, какъ неустойчивыя, неприспособленныя, потому что среди постоянныхъ колебаній рынка, въ особенно острые моменты конкурренціи, наиболѣе слабыя, накопившія наименьшую сумму силъ, неминуемо терпятъ крушеніе. Отсюда мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что и предпріятія, ведущія производство при *наименѣе выгодныхъ* природныхъ условіяхъ, должны имѣть возможность накоплять на капиталъ 4% въ годъ, т. е. должны получать не меньше 4% прибыли.

Очевидно, что предпріятія, ведущія свое производство при *болѣе благопріятныхъ* для производительности труда естественныхъ условіяхъ, получаютъ при этомъ больше 4% дохода (напр., 5, 8, 10%). Излишекъ, который они получаютъ, составляетъ *ренту* этихъ предпріятій, ренту не въ томъ соціально-производственномъ смыслѣ, въ какомъ мы брали этотъ терминъ выше, а въ иномъ, частно-хозяйственномъ смыслѣ, принятомъ у большинства экономистовъ.

Но какая связь существуетъ между той и другой рентой, между общественной и частно-хозяйственной? Связь эту мы можемъ выразить слѣдующимъ положеніемъ:

Сумма частно-хозяйственной ренты всѣхъ отдѣльныхъ предпріятій должна имѣть тенденцію къ совпаденію съ суммой общественной ренты—непроизводительнаго потребленія.

Что эта тенденція дѣйствительно существуетъ, и что приблизительное совпаденіе должно, въ общемъ, достигаться, можно доказать путемъ такихъ соображеній. Если помимо прибыли еще сколько-нибудь значительная часть ренты отдѣльныхъ предпріятій будетъ употребляться для цѣлей накопленія, то нарушатся обычныя отношенія въ сферѣ накопленія, его неравномѣрность вызоветъ (какъ мы выше выяснили) частичные кризисы, и либо произойдетъ возвращеніе къ нормѣ уклонившихся отъ нея предпріятій, либо установится новая норма. Если же, наоборотъ, сумма непроизводительнаго потребленія превзойдетъ сумму ренты отдѣльныхъ предпріятій, то это будетъ означать, что въ нѣкоторыхъ областяхъ производства накопленіе не достигаетъ обычной нормы (потому что въ каждомъ предпріятіи его рента представляетъ какъ разъ остатокъ сверхъ обычной нормы накопленія); и здѣсь неравномѣрность накопленія должна вызвать какую-нибудь реакцію либо возвращеніе отклонившихся предпріятій къ

прежней нормѣ, либо установленіе новой. Поэтому слѣдуетъ предположить, что сумма частно-хозяйственной ренты дѣйствительно соотвѣтствуетъ суммѣ непроизводительнаго потребленія.— Между тѣмъ, несомнѣнно, что часть ренты отдѣльныхъ предпріятій, и, вообще говоря, не малая, тратится на цѣли накопленія; а въ то же время часть собственно прибыли тратится на непроизводительныя цѣли; очевидно, что та и другая величина должны приблизительно уравновѣшивать другъ друга; поскольку же онѣ не уравновѣшиваются, постольку нарушается равновѣсіе и въ сферѣ накопленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выступаютъ на сцену стихійныя силы рынка, стремящіяся возстановить это равновѣсіе— уменьшить накопленіе тамъ, гдѣ оно чрезмѣрно, увеличить тамъ, гдѣ недостаточно.

Этимъ доказывается наша теорема, и въ то же время оправдывается употребленіе одного и того же термина „рента" въ двухъ такихъ различныхъ смыслахъ, какъ принятый нами соціально-производственный, и обычный частно-хозяйственный.

XI.

Принято разграничивать „абсолютную" и „дифференціальную" ренту отдѣльныхъ предпріятій. Разграниченіе это имѣетъ слѣдующія основанія. Во вполнѣ дифференцированномъ капиталистическомъ обществѣ получателями собственно ренты отдѣльныхъ предпріятій являются обыкновенно землевладѣльцы. Они присваиваютъ себѣ ренту, какъ плату за возможность приложенія общественнаго труда на принадлежащей имъ землѣ. А они не отдаютъ даромъ и наименѣе удобныхъ для производства участковъ: и за нихъ они требуютъ себѣ плату, которая и составляетъ „абсолютную ренту". Поэтому и въ тѣхъ предпріятіяхъ, которыя работаютъ при наихудшихъ естественныхъ условіяхъ, размѣры всего капиталистическаго дохода должны быть выше нормы накопленія, такъ какъ включаютъ въ себѣ абсолютную ренту. Въ предпріятіяхъ съ болѣе благопріятными естественными условіями рента, конечно, значительнѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ; разница и составляетъ „дифференціальную ренту".

Можно принять за несомнѣнное, что въ современномъ обществѣ — величина абсолютной ренты для большинства предпріятій очень незначительна: для какого-нибудь промышленнаго предпріятія, занимающаго нѣсколько сотенъ квадратныхъ саженъ и ведущаго громадное производство, она почти безконечно малая величина; и только въ раскидывающихся на большое пространство предпріятіяхъ, каковы, напримѣръ, земледѣльческія, она становится сколько-нибудь замѣтной въ общей суммѣ разсчетовъ.

Въ сущности, правильно было бы признать, что въ извѣст-

ныхъ намъ капиталистическихъ обществахъ абсолютной ренты совсѣмъ нѣтъ. То, что называютъ этимъ именемъ, есть, собственно, лишь *частная форма дифференціальной ренты.* Настоящая „абсолютная рента" возможна только во вполнѣ замкнутомъ капиталистическомъ обществѣ, ограниченномъ опредѣленной территоріей, которая находится всецѣло въ рукахъ частныхъ собственниковъ; а современныя общества еще не таковы.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ опредѣляется величина ренты съ худшихъ участковъ земли въ данной странѣ? Въ какихъ предѣлахъ согласенъ капиталистъ платить „абсолютную" ренту? Если она становится слишкомъ велика, то онъ можетъ перенести свой капиталъ въ другую страну, гдѣ рента ниже: въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ найти для этого даже совершенно незанятыя земли—если только затраты на перевозку туда людей и средствъ производства, а оттуда готовыхъ товаровъ окажутся меньше ренты, которую съ него требуютъ. И это дѣйствительно одна изъ причинъ перемѣщенія капиталовъ изъ странъ съ высокой рентой въ страны съ низкой. Такимъ образомъ и эта „абсолютная" рента опредѣляется *дифференціальнымъ* отношеніемъ—различіемъ условій производства въ данной странѣ и въ другихъ странахъ, гдѣ еще есть свободныя земли (конечно, различіемъ не только по отношенію къ стоимости перевозки, какъ въ нашемъ примѣрѣ, но также по отношенію къ естественнымъ богатствамъ—плодородію и т. под.) *).

Выяснивши для себя основное содержаніе и типы явленій ренты, мы можемъ теперь перейти къ вопросу о томъ, какимъ образомъ явленія эти отражаются на мѣновомъ процессѣ, на рыночной цѣнности товаровъ.

XII.

Общественно-трудовая стоимость товаровъ, произведенныхъ при худшихъ и при лучшихъ природныхъ условіяхъ, должна считаться одинаковой: норму здѣсь представляетъ количество

*) П. Масловъ съ иной точки зрѣнія доказываютъ невозможность абсолютной ренты въ современныхъ капиталистическихъ обществахъ. Такъ какъ „естественныя силы" земли нигдѣ еще цѣликомъ не использованы, то всюду капиталистъ-арендаторъ можетъ прилагать къ арендуемому имъ участку земли новыя и новыя количества капитала, пока будетъ получать хотя обычную прибыль на вновь прилагаемый капиталъ, все равно какъ если бы онъ занялъ для приложенія этого капитала свободный, но еще худшій участокъ, за который не требуется платить ренты. Такимъ образомъ и для худшихъ участковъ земли рента фактически окажется дифференціальной, и въ основѣ ея будетъ лежать различіе въ выгодности примѣненія первыхъ вложенныхъ въ нее количествъ капитала, и послѣдующихъ.

Какъ видимъ, абсолютная рента окончательно расплывается въ дифференціальной, оставаясь лишь для тѣхъ частныхъ случаевъ и временныхъ условій, когда арендатору негдѣ взять капитала для увеличенія интенсив-

труда, необходимое при среднихъ природныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, одинаковыя количества дѣйствительно выполненнаго труда получаютъ различное общественное значеніе, смотря по тому, приходилось ли преодолѣвать относительно наибольшія, среднія или наименьшія сопротивленія со стороны внѣшней природы.

Представимъ себѣ три предпріятія одной отрасли производства, всѣ со *среднимъ* органическимъ составомъ капитала, но одно изъ нихъ ведется въ *среднихъ* естественныхъ условіяхъ, другое—въ наименѣе, третье въ наиболѣе благопріятныхъ.

A) Трудовая стоимость средствъ производства, c = 950.000 часовъ; трудовая стоимость средствъ потребленія производителей, v = 50.000 часовъ. Норма прибавочнаго труда 100%. Стоимость продукта 950.000 + 50.000 + 50.000 = 1.050.000 трудовыхъ единицъ. Пусть этотъ продуктъ представляетъ изъ себя 105.000 пудовъ чугуна; стоимость каждаго пуда слѣдовательно 10 часовъ. Спрашивается, какова мѣновая цѣнность даннаго товара.

Для возстановленія потребленнаго при производствѣ капитала плюсъ обычное накопленіе (4%) требуется сумма чужихъ товаровъ, заключающая въ себѣ 1.040.000 часовъ труда. Но кромѣ того данное предпріятіе должно давать ренту, именно, въ соотвѣтствіи со средними природными условіями—среднюю ренту *). Средняя же рента въ данномъ обществѣ составляетъ, по нашему предположенію, 1% на капиталъ (1 милліардъ единицъ на 100 милліардовъ); значитъ, въ данномъ предпріятіи она равняется трудовой стоимости въ 10.000 единицъ. Въ итогѣ, трудовая стоимость 1.050.000 часовъ обмѣнивается на трудовую стоимость 1.050.000 часовъ, и каждый пудъ чугуна, согласно трудовой нормѣ, обмѣнивается на 10 часовъ труда, воплощенные въ чужихъ товарахъ.

Выражая величину ренты въ количествѣ продукта, мы можемъ сказать, что въ данномъ предпріятіи рента въ ея натуральной формѣ составляетъ 1.000 пудовъ чугуна.

B) Производство при наиболѣе значительныхъ сопротивленіяхъ со стороны внѣшней природы. Трудовая стоимость капитала, положимъ, та же, что въ предыдущемъ примѣрѣ—950.000 c + + 50.000 v. Такимъ образомъ сумма труда, дѣйствительно выполненнаго при производствѣ товара, равняется, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, 1.050.000 часовъ. Но *общественная* трудовая стои-

ности своего хозяйства. Но для этого ряда случаевъ нѣтъ надобности создавать особой экономической категоріи, они относятся къ области колебаній въ сферѣ спроса—предложенія капиталовъ.

*) Если нѣтъ абсолютной ренты, то средняя величина ренты вообще будетъ равняться средней дифференціальной рентѣ, если абсолютная рента существуетъ, то для опредѣленія средней ренты надо къ величинѣ средней дифференціальной прибавить величину абсолютной ренты (абсолютная *вся* входитъ въ среднюю величину, потому что имѣется налицо во всѣхъ случаяхъ).

мость продукта не такова, а нѣсколько меньше, и не трудно опредѣлить, на сколько именно. Данное предпріятіе, разъ оно ведется при наиболѣе неблагопріятныхъ естественныхъ условіяхъ, должно совсѣмъ не давать (или *почти* не давать) ренты; слѣдовательно, та 1.000 пудовъ чугуна, которая въ предыдущемъ случаѣ представляетъ натуральную форму ренты, здѣсь при данныхъ затратахъ капитала и труда не должна быть получена. Сумма произведеннаго продукта составитъ, такимъ образомъ, не 105.000, а всего 104.000 пудовъ чугуна. И такъ какъ при среднихъ общественныхъ условіяхъ производства пудъ чугуна воплощаетъ въ себѣ 10 часовъ труда, то общественно-трудовая стоимость продукта въ данномъ предпріятіи равна 1.040.000 часовъ. За сколько же продуктъ будетъ обмѣненъ? Для возстановленія капитала плюсъ обычное накопленіе требуется такая сумма товаровъ—средствъ производства и потребленія,—въ которой заключается 1.040.000 часовъ труда (капиталъ — 1 милліонъ, а накопленіе—4% съ этой величины); такъ какъ ренты нѣтъ, то къ этому и сведется вся мѣновая цѣнность произведеннаго товара: стоимость 1.040.000 трудовыхъ единицъ будетъ отдана за стоимость 1.040.000 такихъ же единицъ, т. е. соотвѣтственно трудовой нормѣ.

Конечно, *индивидуальная* трудовая стоимость товара не такова; она, какъ мы видѣли, равна 1.050.000 единицъ. Но мы уже знаемъ, что не она представляетъ норму для такого *общественнаго* отношенія, какъ обмѣнъ, и потому вопросъ о ней можетъ не занимать насъ.

C) Производство при наименьшихъ сопротивленіяхъ со стороны внѣшней природы. Капиталъ попрежнему 950.000 c+50.000 v; сумма дѣйствительно выполненнаго труда—1.050.000 часовъ. Количество продукта, конечно, больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ; какъ оно велико — это зависитъ, очевидно, именно отъ степени благопріятности естественныхъ условій; допустимъ, что оно составляетъ 108.000 пудовъ. Общественно-трудовая стоимость этого продукта, составляетъ, согласно предыдущему, 1.080.000 трудовыхъ единицъ. Рента предпріятія составляетъ цѣлыхъ 4.000 пудовъ чугуна, или 40.000 трудовыхъ единицъ; капиталъ 1 милліонъ, накопленіе 40.000; — въ итогѣ мѣновая цѣнность, равная 1.080.000 единицъ, т. е. опять соотвѣтствующая трудовой нормѣ. Несовпаденіе съ индивидуальной трудовой стоимостью опять-таки имѣется по той же причинѣ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ.

Итакъ, явленія ренты вовсе не должны бы, повидимому, порождать спеціальныхъ отклоненій мѣновыхъ цѣнностей отъ трудовой нормы: но остается еще одно обстоятельство, отъ котораго мы отвлеклись въ предыдущихъ соображеніяхъ. Мы приняли, что средняя рента предпріятій данной отрасли соотвѣтствуетъ средней рентѣ даннаго общества въ цѣломъ, и равняется 1%. Но нельзя сказать, чтобы *вообще* это было такъ. Скорѣе на-

противъ; между различными областями производства рента распредѣляется неравномѣрно.

Дѣло въ томъ, что присвоеніе ренты связано, главнымъ образомъ, съ правомъ собственности на землю, занятую предпріятіями. А распредѣленіе земли подъ предпріятія въ силу самой техники не можетъ быть равномѣрнымъ: земледѣліе нуждается въ относительно гораздо бльшихъ пространствахъ земли, чѣмъ мануфактурная промышленность, скотоводство въ большихъ, чѣмъ горное дѣло и т. п. Поэтому на однѣ отрасли производства падаетъ болѣе значительная часть общественной ренты, на другія—менѣе значительная; напр., при средней общественной рентѣ 1%, для земледѣлія рента въ общемъ можетъ оказаться 2—3% на примѣненный капиталъ, и даже болѣе, тогда какъ для текстильной, положимъ, промышленности—1/2, 1/4% и даже менѣе.

Этимъ, несомнѣнно, вносятся новыя усложненія въ наши разсчеты, новыя отклоненія обмѣна отъ трудовой нормы. Вслѣдствіе различнаго вліянія ренты, мѣновая цѣнность однихъ товаровъ нѣсколько повышается, другихъ — нѣсколько понижается. Степень такихъ отклоненій опредѣляется степенью неравномѣрности ренты. Выяснить ихъ величину для частныхъ случаевъ — дѣло конкретно-экономическаго изслѣдованія; абстрактный методъ не можетъ, разумѣется, выполнять этого, — онъ можетъ только указать основную форму связи между величинами ренты и мѣновой цѣнности. Не трудно видѣть, что повышеніе мѣновой цѣнности произойдетъ именно для тѣхъ товаровъ, техника производства которыхъ требуетъ относительно большаго пространства земли, пониженіе -- для тѣхъ, производство которыхъ нуждается въ относительно меньшемъ пространствѣ.

Пусть опредѣленная отрасль производства, въ которой прилагается всего 1/4 общественнаго капитала и живого труда, захватываетъ въ то же время цѣлыхъ 3/4 общественной ренты *). Въ такомъ случаѣ средняя величина ренты отдѣльныхъ предпріятій равна для этой отрасли не 1%, а 3% на приложенный капиталъ. Предпріятіе средняго органическаго состава, которое ведется при среднихъ естественныхъ условіяхъ, представится тогда въ слѣдующемъ видѣ:

$c = 950.000$ трудовыхъ единицъ, $v = 50.000$; $m = 50.000$; итого

*) Распредѣленіе частно-хозяйственной ренты все же не такъ равномѣрно, какъ техническое распредѣленіе земли подъ предпріятіями. Если, напр., въ данномъ обществѣ различныя отрасли сельскаго хозяйства занимаютъ 9/10 общей площади страны, то это еще не означаетъ, чтобы на сельское хозяйство падало и 9/10 ренты. Наибольшую дифференціальную ренту приносятъ тѣ земли, на которыхъ расположены крупные центры общественной жизни—центры промышленные, торговые и т. д. Такимъ образомъ подъ сельское хозяйство остаются менѣе „рентоносныя“ земли, и сумма ренты въ сельскомъ хозяйствѣ будетъ, для предположеннаго нами случая, не 9/10 общей суммы, а напр., 3/4 или 1/2.

1.050.000. При обмѣнѣ за товаръ должно быть получено такое же количество общественнаго труда, кристаллизованнаго въ чужихъ товарахъ: на возстановленіе капитала — 1 милліонъ единицъ; на обычное накопленіе (норма — 4%) — 40.000; въ видѣ ренты (средняя для данной отрасли — 3%) — 30.000. Всего 1.070.000 трудовыхъ единицъ. Такимъ образомъ здѣсь частно-хозяйственная рента вызываетъ повышеніе мѣновой цѣнности почти на 2%. Это—результатъ особыхъ техническихъ условій данной отрасли производства, какъ занимающей относительно наибольшее пространство земли, такъ что опредѣляющій моментъ отклоненія мѣновой цѣнности отъ нормы и здѣсь все-таки *технически-производственный*.

Въ общей системѣ обмѣна размѣры такихъ отклоненій отъ нормы тѣмъ меньше, чѣмъ меньше общая сумма непроизводительнаго потребленія—ренты въ общественномъ смыслѣ термина.

Вполнѣ аналогичный рядъ соображеній относится къ вопросу о вліяніи налоговъ на мѣновыя отношенія; неравномѣрность распредѣленія налоговъ имѣетъ приблизительно такое же значеніе, какъ неравномѣрность распредѣленія ренты; только происхожденіе неравномѣрности иное. Что же касается налоговъ общественно-безполезныхъ, то они и представляютъ изъ себя не что иное, какъ одну изъ частныхъ формъ общественной „ренты".

При помощи абстрактнаго метода, основываясь на идеѣ приспособленія, мы изслѣдовали вопросъ о мѣновыхъ отношеніяхъ и пришли къ такому выводу:

Мѣновая цѣнность товара опредѣляется технически-производственными условіями: трудовая стоимость основное изъ этихъ условій, и при томъ такое, значеніе котораго возрастаетъ въ процессѣ капиталистическаго развитія.

Не трудно видѣть, что положенія эти какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ теоріи историческаго монизма, логически сливаясь съ нею, какъ одинъ изъ ея частныхъ выводовъ. Если техническій процессъ—основа всѣхъ остальныхъ общественныхъ явленій, то онъ же опредѣляетъ собою и условія процессовъ распредѣленія, въ томъ числѣ условія обмѣна.

Значеніе абстрактныхъ выводовъ заключается въ томъ, что они даютъ, во-первыхъ, исходную точку для конкретнаго изслѣдованія, во-вторыхъ, надежную руководящую нить среди его запутанныхъ частностей. Все это достигается лишь въ томъ случаѣ, когда посылки, изъ которыхъ исходитъ само абстрактное изслѣдованіе, представляютъ по существу вѣрное, хотя обобщенное и отвлеченное выраженіе конкретной дѣйствительности. Мы полагаемъ, что изложенная нами теорія удовлетворяетъ этому требованію, и потому постоянно указывали на возможныя ея примѣненія въ сферѣ конкретнаго изслѣдованія. Степень успѣш-

ности этихъ примѣненій послужитъ окончательнымъ критеріемъ вѣрности самой теоріи.

XIII.

Изложенные нами взгляды на природу и законы обмѣна во всемъ существенномъ представляютъ, какъ мы указывали, дальнѣйшее развитіе того цикла идей, который извѣстенъ подъ названіемъ „теоріи трудовой цѣнности". Теорія эта за все время своего существованія являлась предметомъ ожесточенной критики, съ одной стороны, энергичной защиты съ другой. Мимоходомъ, по тому или другому частному пункту мы уже не разъ считались съ этой критикой, пользуясь соотвѣтственно частными аргументами защиты. Теперь умѣстно будетъ окинуть общимъ взглядомъ систему критики и систему защиты въ ихъ цѣломъ.

Критика теоріи трудовой цѣнности съ наибольшей полнотой и систематичностью, а также съ наибольшей внѣшней научностью была изложена Евг. Бемъ-Баверкомъ, къ которому мы теперь и обратимся *). Слѣдуя его изложенію, мы пунктъ за пунктомъ прослѣдимъ основные моменты критики, не останавливаясь на деталяхъ, такъ какъ размѣры статьи не позволяютъ этого.

Какъ извѣстно, Марксъ далъ очень простую и оригинальную обосновку теоріи трудовой цѣнности, обосновку, которая въ немногихъ словахъ сводится къ слѣдующему. Обмѣнъ предполагаетъ *эквивалентность* двухъ обмѣниваемыхъ товаровъ, т. е. наличность чего-то *общаго*, по величинѣ *измѣримаго* и находящагося въ обоихъ товарахъ *въ равномъ количествѣ*. Но что можетъ быть общаго во всякихъ, самыхъ различныхъ товарахъ? Марксъ находитъ два такихъ свойства: потребительную цѣнность и трудовую стоимость. Такъ какъ первая, по его мнѣнію, „очевидно", не можетъ быть основою мѣновой эквивалентности,—именно отъ нея и *отвлекаются* люди при обмѣнѣ, именно она не одинакова въ обмѣниваемыхъ товарахъ, - то остается вторая, которая и опредѣляетъ собою отношенія обмѣна: трудовая стоимость оказывается основою мѣновой цѣнности. Наша точка зрѣнія позволяетъ обойтись безъ этой аргументаціи, но все же мы полагаемъ, что по существу она правильна, хотя нѣсколько отвлеченна. Какъ же опровергаетъ ее австрійскій профессоръ?

Онъ начинаетъ съ игры словъ на тему о томъ, что обмѣнъ предполагаетъ отнюдь не эквивалентность, а именно неравенство, иначе изъ-за чего было бы обмѣниваться? Получать равное за

*) См. его „Kapital und Kapitalzins", I, 18, главы о Родбертусѣ и Марксѣ, и „Zum Abschluss der Marx'schen Theorie", ст. въ сборникѣ „Festgaben fur Karl Knies". Его русскій популяризаторъ — С. Франкъ „Теорія цѣнности Маркса".

равное не стоитъ труда —человѣкъ захочетъ мѣняться тогда, когда разсчитываетъ получить больше, чѣмъ даетъ. Разбирать такой аргументъ нѣтъ надобности, да и самъ Бемъ-Баверкъ не придаетъ ему особеннаго значенія. Дѣло въ томъ, что, какъ указалъ Марксъ, обмѣнъ предполагаетъ дѣйствительно *различіе* товаровъ, но именно различіе по потребительной цѣнности: желѣзо не зачѣмъ мѣнять на равное количество желѣза, но его можно обмѣнить на эквивалентное количество хлѣба. Находить же въ каждомъ актѣ обмѣна необходимость взять больше, чѣмъ даешь, можетъ, очевидно, только человѣкъ, насквозь пропитавшійся атмосферой эксплоатаціи, человѣкъ, для котораго эксплоатація стала необходимой формой мышленія, апріорной категоріей, включающей въ себя весь его соціальный опытъ.

Гораздо серьезнѣе другое возраженіе Бемъ-Баверка, направляемое противъ той мысли Маркса, что въ процессѣ обмѣна люди „отвлекаются“ отъ потребительной цѣнности. Критикъ находитъ у Маркса логическую ошибку, смѣшеніе двухъ случаевъ „отвлеченія“.

„Что сказалъ бы Марксъ на такую аргументацію: на оперной сценѣ три выдающихся пѣвца, теноръ, басъ и баритонъ, получаютъ одинаковое вознагражденіе, каждый по 20.000 флориновъ. Меня спрашиваютъ, въ чемъ заключается то общее условіе, въ силу котораго ихъ вознагражденіе оказывается равнымъ, и я отвѣчаю: въ вопросѣ о вознагражденіи одинъ хорошій голосъ имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякій другой хорошій голосъ, хорошій теноръ такъ же, какъ хорошій басъ или баритонъ, лишь бы вообще онъ имѣлся налицо въ соотвѣтственной пропорціи. Стало быть, въ данномъ случаѣ люди „очевидно“, вообще отвлекаются отъ хорошаго голоса, и слѣдовательно хорошій голосъ не можетъ быть общей причиной высокаго вознагражденія. Ложность такой аргументаціи совершенно ясна. Но не менѣе ясно и то, что марксовскій ходъ разсужденій, точное подражаніе которому она представляетъ, ничуть не болѣе правиленъ. Въ обоихъ случаяхъ ошибка одна и та же: смѣшивается отвлеченіе *отъ извѣстнаго условія вообще* съ отвлеченіемъ отъ спеціальной формы (Modalität), въ которой выступаетъ это условіе“. („Kapital und Kapitalzins“, I. B., S. 435; переводъ по возможности дословный).

Если бы дѣло шло о чисто-схоластической игрѣ въ опредѣленія и умозаключенія, то критикъ былъ бы, конечно, правъ; но Марксъ никогда не занимался такой игрою. Бемъ-Баверкъ не понялъ широкой *эмпирической* подкладки его аргумента. Когда Марксъ говоритъ, что въ актѣ обмѣна люди „очевидно“ отвлекаются отъ потребительной цѣнности, то онъ имѣетъ въ виду не просто качественное различіе потребительныхъ цѣнностей товаровъ. Но онъ находитъ, что между количественными отношеніями обмѣна, съ одной стороны, и потребительными цѣнностями — съ другой просто нельзя отыскать никакого объективнаго соотвѣт-

ствія, что если говорить о *величинѣ* потребительной цѣнности, т. е. полезности товаровъ, то мѣновыя отношенія систематически расходятся съ нею, и расходятся очень рѣзко. Блестящій кристалликъ полимернаго углерода продается дороже, чѣмъ 100.000 пудовъ хлѣба въ голодающей мѣстности, предметы роскоши въ равныхъ количествахъ почти всегда дороже предметовъ необходимости. Правда, если стать на индивидуально-психологическую точку зрѣнія, и пустить въ ходъ Протея „предѣльной полезности", то все это можно уладить, и несоотвѣтствіе станетъ соотвѣтствіемъ. Но Марксъ всегда полагалъ, что общественно-закономѣрныя мѣновыя отношенія могутъ имѣть лишь *общественную* и *объективную*, а не индивидуальную и субъективную основу *); да и „предѣльная полезность" не фигурировала еще въ наукѣ въ то время, когда онъ обосновывалъ теорію трудовой цѣнности **).

Дальше критикъ находитъ новое возраженіе. Если и признать, что потребительная цѣнность не можетъ лежать въ основѣ мѣновой, то неужели, спрашиваетъ онъ, остается еще только одно общее ихъ свойство — свойство быть продуктами труда? Развѣ нѣтъ другихъ общихъ свойствъ, каково, напримѣръ, свойство быть объектами спроса и предложенія, или ихъ рѣдкость по отношенію къ потребности въ нихъ, или свойство быть объектами присвоенія, или ихъ происхожденіе изъ природы, и т. д.? Развѣ не можетъ любое изъ этихъ общихъ свойствъ такъ же хорошо быть основою мѣновой цѣнности, какъ и свойство быть продуктами труда? („Kapital und Kapitalzins". I. B. S. 436).

Но присмотримся къ этимъ „общимъ свойствамъ", которыя въ такомъ изобиліи предлагаетъ намъ критикъ. Два изъ нихъ — свойство быть „произведеніями природы" и свойство быть „частной собственностью"—уже потому не могутъ „такъ же хорошо", какъ и трудовая стоимость, опредѣлять собою мѣновую цѣнность, что они вообще не могутъ быть основой для *количественнаго* опредѣленія, какимъ является мѣновая цѣнность товара. Свойство товаровъ „быть рѣдкими по отношенію къ потребности въ нихъ", очевидно, при обмѣнѣ совпадаетъ со свойствомъ „быть объектами спроса и предложенія". Но что же это за свойство? „Быть объектами спроса и предложенія" значитъ—покупаться и продаваться, значитъ — быть товарами... Итакъ, надо искать базиса для мѣновыхъ пропорцій въ томъ фактѣ, что товары суть товары. Сомнительно, чтобы мы могли далеко уйти впередъ на этомъ пути.

Да, скажетъ сторонникъ буржуазной критики, — но *количественное отношеніе* спроса къ предложенію можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять собою мѣновую цѣнность? Къ сожа-

---

*) Г. С. Франкъ, настроенный полу-примирительно, ищетъ, при помощи Штольцманна, общественной, но *субъективной* основы.

**) О предѣльной полезности намъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ.

ленію, на этой почвѣ не можетъ быть и рѣчи объ установленіи *закономѣрности* обмѣна. Ученіе о конкурренціи, ведущее начало отъ классиковъ-экономистовъ, и по преимуществу развитое Марксомъ, показываетъ, что предложеніе и спросъ непрерывно стремятся *приспособиться* одно къ другому, и при этомъ колеблются около нѣкотораго общаго уровня, который не отъ ихъ колебаній зависитъ, и который, однако, какъ разъ и выражаетъ собою закономѣрность обмѣна. Если вслѣдствіе преобладанія спроса цѣна поднимается выше нормы, а затѣмъ, въ силу реакціи увеличеннаго предложенія, падаетъ ниже нормы, то *норма* ни въ какомъ случаѣ не объясняется этими колебаніями.

Однако, Grenznützler'ы не такого мнѣнія. Они считаютъ неправильнымъ то пониманіе конкурренціи, которое беретъ понятія спроса и предложенія въ объективномъ смыслѣ—соотношенія между количествомъ дѣйствительно предлагаемыхъ и дѣйствительно спрашиваемыхъ на рынкѣ товаровъ. Grenznützler'ы въ спросѣ и предложеніи видятъ сложное соотношеніе сложнѣйшихъ психологическихъ фактовъ, разыгрывающихся въ душѣ продавцовъ и покупателей —стремленія пріобрѣсти чужое „благо", готовности „пожертвовать" для этого своимъ благомъ, борьбы различныхъ мотивовъ, колебаній относительно того, чѣмъ стоитъ и чѣмъ не стоитъ жертвовать для даннаго пріобрѣтенія и т. д. Эта школа настаиваетъ на „субъективномъ" пониманіи спроса и предложенія, и въ немъ ищетъ базиса для объективныхъ мѣновыхъ отношеній. Это все равно, какъ если бы біологъ объективные факты сохраненія того и вымиранія другого вида животныхъ сталъ объяснять не объективными условіями среды, а субъективными переживаніями отдѣльныхъ животныхъ—тѣмъ, что одному нездоровилось и оно чувствовало голодъ, а другое находилось въ хорошемъ самочувствіи, и т. д. Наука никогда не выигрывала отъ сведенія объективнаго къ субъективному, потому что ея задача по существу противоположна такому сведенію. Апеллируя отъ общественнаго и опредѣленнаго факта - мѣновой цѣнности къ неопредѣленнымъ и неуловимымъ личнымъ настроеніямъ отдѣльныхъ людей, мы можемъ получить только *мнимое* объясненіе фактовъ, а не дѣйствительное, только теорію „безпредѣльной безполезности", а не теорію мѣновой цѣнности. Экономическая наука есть наука объ объективныхъ отношеніяхъ общественной борьбы за существованіе, и можетъ брать отношенія спроса и предложенія лишь какъ объективныя отношенія: для нея конкурренція—объективный процессъ приспособленія, а не субъективная игра личныхъ настроеній.

Такимъ образомъ всѣ предложенныя Бемъ-Баверкомъ „общія свойства" товаровъ, яко бы способныя конкуррировать съ трудовой стоимостью въ качествѣ базиса для мѣновой цѣнности, a priori должны быть исключены экономическимъ анализомъ, и остается опять таки все та же трудовая стоимость. Но неутоми-

мый критикъ продолжаетъ ее преслѣдовать. „Дѣйствительно ли всѣмъ мѣновымъ благамъ присуще общее свойство — быть продуктами труда? Развѣ, напримѣръ, дѣвственная почва, золотая розсыпь, залежи каменнаго угля—развѣ это продукты труда? И однако, они имѣютъ, какъ извѣстно всякому, нерѣдко очень высокую мѣновую цѣнность“ (Тамъ же, стр. 437).

Въ началѣ своей статьи мы уже указывали, что это невѣрно прежде всего фактически, что въ сферу обмѣна ничто не можетъ попасть, не пройдя черезъ сферу производства: дѣвственная почва, золотая розсыпь, залежи угля только тогда становятся предметомъ обмѣна, когда выполненъ, по меньшей мѣрѣ, физическій и интеллектуальный трудъ ихъ отысканія и изслѣдованія, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ. Поэтому здѣсь возможна рѣчь только о несоотвѣтствіи между величиною трудовой стоимости и величиною мѣновой цѣнности *). Но объ этомъ намъ придется говорить особо, по поводу относящихся сюда возраженій Бемъ-Баверка, а пока мы укажемъ еще на чисто-логическій дефектъ его аргумента. Онъ утверждаетъ, что уже одинъ фактъ существованія „не-трудовыхъ“ благъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, въ корнѣ устраняетъ трудовую теорію. Но это было бы невѣрно, если бы даже такія „блага“ существовали. Въ самомъ дѣлѣ, это обозначало бы только извѣстную *границу* примѣнимости теоріи, и только,—это обозначало бы, что теорія не имѣетъ *абсолютнаго* характера,—но эволюціонное міровоззрѣніе, къ которому примыкаетъ трудовая теорія, вообще и не признаетъ абсолютныхъ формулъ, полагая, что конкретная дѣйствительность и познавательная абстракція даже не могутъ совпадать безусловно.

Наконецъ, принципіальное значеніе такой предполагаемой границы трудовой теоріи уменьшалось бы еще больше, если бы оказалось, что „не-трудовыя блага“ имѣютъ мѣновую цѣнность лишь въ силу опредѣленнаго отношенія къ благамъ трудовымъ, напримѣръ, какъ необходимое условіе ихъ возникновенія („дѣвственная почва“, „рудникъ“, „угольная копь“), или какъ предметы требующіе труда для своего поддержанія и возстановленія въ прежнемъ видѣ (плодородіе почвы; дѣвственный лѣсъ, который вырубаютъ) или какъ предметы, которые лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаются „безъ труда“, а въ другихъ, рядомъ съ этимъ, производятся трудовымъ процессомъ (случайно находимый самородокъ, и золото вообще). Стало быть, если даже игнорировать малую трудовую стоимость подобныхъ товаровъ, и считать ее за нуль, то принципіальное значеніе трудовой теоріи тимъ еще не подрывается, и нужны болѣе сильные аргументы.

---

*) Г. Франкъ для большей убѣдительности употребляетъ терминъ „блага, не созданныя трудомъ“ вмѣсто „блага, не заключающія трудовыхъ затратъ энергіи“. Къ сожалѣнію, трудъ вообще ничего „не создаетъ“, а только измѣняетъ отношенія предметовъ и ихъ элементовъ.

И буржуазный критикъ находитъ ихъ цѣлую массу. Для удобства ихъ разсмотрѣнія мы сначала исключимъ тотъ изъ нихъ, который имѣетъ лишь чисто словесный характеръ и свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ о степени антипатіи критика къ трудовой теоріи. Вотъ этотъ аргументъ. „...Исключеніе изъ принципа трудовой цѣнности образуютъ, во-2-хъ. всѣ тѣ блага, которыя производятся не обыкновеннымъ, а квалифицированнымъ трудомъ. Хотя въ продуктѣ дневной работы скульптора, рѣзчика, скрипичнаго мастера, механика и такъ далѣе воплощено не больше работы, чѣмъ въ дневномъ продуктѣ обыкновеннаго ремесленника или фабричнаго работника, но въ первомъ случаѣ мѣновая цѣнность продукта выше, часто во много разъ выше, чѣмъ во второмъ" (с. 438).

Но, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія трудовой теоріи квалифицированный трудъ разсматривается какъ умноженный простой. Въ виду этого Бемъ-Баверкъ прибавляетъ:

„Что рабочій день скульптора въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ смыслѣ оцѣнки, можно *принимать равнымъ* пяти рабочимъ днямъ землекопа, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но что 12 часовъ работы скульптора *составляютъ въ дѣйствительности* 60 обыкновенныхъ рабочихъ часовъ, этого, навѣрное, никто не станетъ утверждать". (Тамъ же, стр. 439).

Возраженіе это, которымъ Бемъ-Баверкъ хочетъ доказать, что самъ Марксъ не выдерживаетъ трудового принципа теоріи и вноситъ въ нее чуждые ей элементы, если бы оно было вѣрнымъ, могло бы имѣть значеніе только для вопроса о названіи теоріи: вполнѣ ли подходитъ къ ней терминъ, „трудовая", или нѣтъ. Но возраженіе основано на ошибкѣ. Со своей индивидуалистической точки зрѣнія критикъ постоянно видитъ только отдѣльнаго работника, и забываетъ, что у Маркса дѣло идетъ объ общественно-необходимомъ времени, объ общественныхъ затратахъ трудовой энергіи, а это необходимо предполагаетъ сведеніе индивидуальнаго труда къ какой-нибудь общественно-трудовой единицѣ; что такой единицей не можетъ являться просто единица *времени*, независимо отъ интенсивности и сложности труда, очевидно само собою. Мы же во 2-ой главѣ своей статьи показали, какимъ образомъ самое понятіе общественно-трудовой энергіи требуетъ теоретическаго сведенія сложнаго труда къ умноженному простому, и можемъ не останавливаться на этомъ больше.

Остальныя возраженія, выставляемыя въ одномъ ряду съ только что разобраннымъ, сводятся къ указанію на различныя „исключенія", вѣрнѣе—уклоненія отъ трудовой нормы, которыя будто бы подрываютъ ея значеніе. Но здѣсь, чтобы ясно представить себѣ смыслъ этихъ возраженій, намъ надо прежде ознакомиться съ тѣмъ, какъ понимаетъ Бемъ-Баверкъ законы соціальныхъ явленій вообще, чего требуетъ онъ отъ научной формулы обмѣна въ частности.

Критикъ допускаетъ, что „существуютъ извѣстныя реальныя уклоненія отъ теоретической формулы, отъ которыхъ теоретикъ дѣйствительно имѣетъ право абстрагировать: это случайныя и преходящія колебанія рыночныхъ цѣнъ около ихъ правильнаго, длительно сохраняющагося уровня“ („Zum Abschluss der Marx'schen Theorie“, стр. 171).

Но ужъ дальше этого, по мнѣнію критика, процессъ абстракціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти. Бемъ-Баверкъ считаетъ уже незаконнымъ, что съ точки зрѣнія Маркса „мѣновая цѣнность товаровъ, благодаря колебаніямъ спроса и предложенія, то поднимается надъ тѣмъ уровнемъ, который соотвѣтствовалъ бы количеству труда, кристаллизованнаго въ товарахъ, то опускается ниже этого уровня“, что „послѣдній обозначаетъ только пунктъ, къ которому тяготѣетъ мѣновая цѣнность, а не ея постоянную величину“ („Kapital und Kapitalzins“, I B, стр. 440). Бемъ-Баверкъ полагаетъ, что уже одно это должно бы заставить экономиста изслѣдовать, „не существуетъ ли болѣе общаго принципа мѣновой цѣнности, къ которому можно бы было одинаково свести не только „правильныя“, но равнымъ образомъ и кажущіяся съ точки зрѣнія трудовой теоріи „неправильными“ образованія цѣнъ“. (Тамъ же, стр. 441). Какъ видимъ, критикъ настаиваетъ на *монистическомъ* объясненіи мѣновыхъ процессовъ... Что же это значитъ? Неужели человѣкъ каѳедры и человѣкъ генія помѣнялись мѣстами: первый выступаетъ, какъ монистъ, а второй—какъ эклектикъ?

По этому поводу я нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ слѣдующее:

„Познанію не приходится имѣть дѣла съ явленіями совершенно изолированными; реально всѣ процессы природы связаны между собою и взаимно вліяютъ одни на другіе; поэтому совершенно немыслимо одну какую-нибудь группу явленій всецѣло, безъ остатка, объяснить изъ одного принципа, спеціально для нея установленнаго, ибо различныя вліянія со стороны другихъ окружающихъ явленій не могутъ уложиться въ рамки этого спеціальнаго принципа. Такъ, напримѣръ, въ объясненіи конкретныхъ наблюдаемыхъ фактовъ паденія тѣлъ невозможно ограничиться основной абстрактной формулой паденія (выражающей дѣйствіе тяготѣнія въ чистомъ видѣ), но необходимо принять во вниманіе всю сумму реальныхъ условій. Полное объясненіе должно считаться и съ формой, и съ плотностью самого падающаго тѣла, и съ плотностью воздуха, и съ наличностью тѣхъ или иныхъ воздушныхъ теченій, и съ близостью горныхъ массивовъ, отклоняющихъ, хотя незначительно, линію паденія отъ строгой вертикали, и т. д., и т. д. При этомъ *основной* принципъ объясненія въ отдѣльности не только вообще недостаточенъ, но иногда даже совершенно затемняется побочными вліяніями.

Единый принципъ объясненія, который совершенно не ну-

ждается въ ограниченіяхъ для отдѣльной группы эмпирическихъ фактовъ; окажется въ то же время всеобщимъ принципомъ объясненія для всѣхъ явленій, такъ или иначе связанныхъ съ этою группою, стало быть — для всей природы вообще. Таковъ, напр., принципъ причинности. Но каждая группа однородныхъ явленій нуждается, кромѣ такого слишкомъ общаго принципа, еще въ спеціальномъ, болѣе частномъ; и этотъ послѣдній необходимо сталкивается съ другими, тоже спеціальными и частными принципами, и ограничивается ими".

Такимъ образомъ, если бы Бемъ-Баверкъ примѣнилъ свой критерій „научнаго закона" къ самой развитой изъ естественныхъ наукъ — къ механикѣ, — то существующее ученіе, напримѣръ, о паденіи тѣлъ совершенно его бы не удовлетворило. Онъ сказалъ бы: „формула равномѣрно ускореннаго движенія въ направленіи къ центру земли, очевидно, невѣрна. Изъ нея имѣется такъ много исключеній, что правило теряетъ всякое значеніе. Отъ нея отклоняются, во-1-хъ, всѣ тѣла, падающія въ предѣлахъ атмосферы, то есть, почти всѣ случаи, дѣйствительно встрѣчающіеся въ нашемъ опытѣ, во-2-хъ, всѣ тѣла, падающія въ водѣ, въ-3-хъ, всѣ тѣла, имѣвшія до момента начала паденія какое-нибудь собственное движеніе, и т. д. При томъ, это не маленькія случайныя отклоненія, нѣтъ, въ цѣлой массѣ случаевъ отъ чистой формулы паденія почти ничего не остается, напримѣръ, для дождевыхъ капель или ледяныхъ кристалловъ, образующихъ различнаго рода облака, или для мелкой пыли, для падающихъ сухихъ листьевъ, для парашютовъ, воздушныхъ шаровъ и т. д. Нѣтъ, очевидно, что этотъ мнимый „законъ" вовсе не заслуживаетъ названія закона".

На это человѣкъ, знакомый съ методами естественныхъ наукъ, отвѣтилъ бы критику, приблизительно слѣдующее: „конечно, данная формула не имѣетъ въ примѣненіи къ дѣйствительности абсолютнаго значенія; но она правильно отмѣчаетъ основную, наиболѣе общую тенденцію даннаго ряда явленій; сдѣлавши ее исходной точкой анализа, мы всегда можемъ, вводя въ анализъ одно за другимъ осложняющія вліянія, придти къ достаточному пониманію конкретныхъ фактовъ паденія". И въ свою очередь критикъ отвѣтилъ бы: „Нѣтъ, надо найти болѣе общій принципъ, который охватывалъ бы, за ничтожными „случайными" исключеніями, всѣ факты паденія тѣлъ, какъ соотвѣтствующіе данной формулѣ, такъ и отклоняющіеся отъ нея". Естественникъ тогда выяснилъ бы слѣдующее: „такую роль могутъ играть лишь наиболѣе общіе законы механики, но именно въ силу своей большой общности они сами по себѣ недостаточны для анализа данной спеціальной группы явленій, и непремѣнно должны быть дополнены болѣе частными формулами, изъ которыхъ основная, спеціально характеризующая данный рядъ фактовъ, есть формула тяготѣнія". Критикъ продолжаетъ требовать

„Нѣтъ, вы мнѣ дайте одинъ частный законъ, всецѣло охватывающій факты паденія“. Утомленному естественнику остается заявить одно: „Вы хотите луну—принесите ее сами“.

Если же неутомимый критикъ и тутъ не потеряется, и немедленно доставитъ требуемый принципъ, то уже a priori мы можемъ рѣшить, что онъ впалъ въ недоразумѣніе, и то, что онъ вмѣсто данной научной формулы предлагаетъ, должно оказаться или ложнымъ принципомъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ фактами, или мнимымъ, совершенно безсодержательнымъ, и потому безполезнымъ въ изслѣдованіи...

Но, можетъ быть, дѣло обстоитъ такъ лишь по отношенію къ естественнымъ наукамъ, а для наукъ общественныхъ оно совсѣмъ иначе, и тамъ строгія требованія критика вполнѣ умѣстны? Но на это можно отвѣтить только вопросомъ; развѣ та или другая группа общественныхъ фактовъ, напримѣръ, мѣновыя отношенія, обладаетъ той изолированностью, которой не хватаетъ явленіямъ физическимъ, біологическимъ и т. д.? Совсѣмъ напротивъ: здѣсь всевозможныя отклоняющія отъ нормъ вліянія и по количеству гораздо многочисленнѣе, и по качеству гораздо разнообразнѣе, такъ что все сказанное о предѣлахъ значенія частныхъ естественно-научныхъ принциповъ еще въ гораздо большей степени примѣнимо къ общественно-научнымъ. Поэтому и предлагаемый Grenznützler'ами универсально-мѣновой, все объясняющій принципъ „предѣльной полезности“ уже a priori, въ силу общихъ методологическихъ соображеній долженъ быть признанъ негоднымъ. Но о немъ намъ придется говорить особо.

Теперь намъ понятно, каковы должны быть дальнѣйшія возраженія ученаго критика противъ трудовой теоріи. Онъ вылавливаетъ всевозможныя исключенія и отклоненія отъ трудовой нормы, тащитъ ихъ въ одну груду и, съ торжествомъ на нее указывая, заявляетъ: какой ужъ законъ, когда столько исключеній! Но для насъ вопросъ выступаетъ совсѣмъ въ иномъ видѣ; мы хотимъ знать, возможно ли сдѣлать трудовой принципъ исходной точкой систематическаго анализа мѣновыхъ отношеній, выражаетъ ли данная идея дѣйствительно основную, наиболѣе общую тенденцію мѣновыхъ процессовъ,—вообще, цѣлесообразно ли ея примѣненіе въ данномъ рядѣ явленій. Все предыдущее изложеніе привело насъ къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ, и потому намъ просто нѣтъ надобности детально разбирать частныя группы отклоненій, фигурирующія у Бемъ-Баверка. Къ тому же наиболѣе важныя изъ нихъ, тѣ отклоненія, которыя зависятъ отъ неравенства органическаго состава капиталовъ, отъ различія періодовъ ихъ обращенія, отъ вліянія ренты, уже анализированы нами. Но изъ остальныхъ группъ мы все-таки на двухъ, наиболѣе значительныхъ, считаемъ полезнымъ нѣсколько остановиться.

„Прежде всего исключается изъ сферы дѣйствія трудового

ждается въ ограниченіяхъ для отдѣльной группы эмпириче
·фактовъ; окажется въ то же время всеобщимъ принципомъ
ясненія для всѣхъ явленій, такъ или иначе связанныхъ съ
группою, стало быть — для всей природы вообще. Таковъ,
принципъ причинности. Но каждая группа однородныхъ я
нуждается, кромѣ такого слишкомъ общаго принципа, е
спеціальномъ, болѣе частномъ; и этотъ послѣдній необх
сталкивается съ другими, тоже спеціальными и частными
ципами, и ограничивается ими".

Такимъ образомъ, если бы Бемъ-Баверкъ примѣнилъ
критерій „научнаго закона" къ самой развитой изъ есте
ныхъ наукъ — къ механикѣ, — то существующее ученіе, н
мѣръ, о паденіи тѣлъ совершенно его бы не удовлетворило
сказалъ бы: „формула равномѣрно ускореннаго движенія
правленіи къ центру земли, очевидно, невѣрна. Изъ нея им
такъ много исключеній, что правило теряетъ всякое зна
Отъ нея отклоняются, во-1-хъ, всѣ тѣла, падающія въ пред
атмосферы, то есть, почти всѣ случаи, дѣйствительно встр
щіеся въ нашемъ опытѣ, во-2-хъ, всѣ тѣла, падающія въ
въ-3-хъ, всѣ тѣла, имѣвшія до момента начала паденія
нибудь собственное движеніе, и т. д. При томъ, это не мал
случайныя отклоненія, нѣтъ, въ цѣлой массѣ случаевъ от
стой формулы паденія почти ничего не остается, напримѣръ
дождевыхъ капель или ледяныхъ кристалловъ, образую
различнаго рода облака, или для мелкой пыли, для падак
сухихъ листьевъ, для парашютовъ, воздушныхъ шаровъ
Нѣтъ, очевидно, что этотъ мнимый „законъ" вовсе не зас
ваетъ названія закона".

На это человѣкъ, знакомый съ методами естестве
наукъ, отвѣтилъ бы критику, приблизительно слѣдующее:
нечно, данная формула не имѣетъ въ примѣненіи къ дѣ
тельности абсолютнаго значенія; но она правильно отмѣ
основную, наиболѣе общую тенденцію даннаго ряда яв
сдѣлавши ее исходной точкой анализа, мы всегда можемъ,
въ анализъ одно за другимъ осложняющія вліянія, прид
достаточному пониманію конкретныхъ фактовъ паденія".
свою очередь критикъ отвѣтилъ бы: „Нѣтъ, надо найти
общій принципъ, который охватывалъ бы, за ничтожными
чайными" исключеніями, всѣ факты паденія тѣлъ, какъ со
ствующіе данной формулѣ, такъ и отклоняющіеся отъ
Естественникъ тогда выяснилъ бы слѣдующее: „такую
гутъ играть лишь наиболѣе общіе законы механики
въ силу своей большой общности он
для анализа данной спеціальной г
должны быть дополнены болѣе
рыхъ основная, спеціально у
товъ, есть формула тяготѣ

принципа всѣ „рѣдко встрѣчающіяся“ блага („Sèltenheitsgüter“), которыя вслѣдствіе непреодолимыхъ препятствій фактическаго или правового характера вовсе не могутъ быть воспроизводимы, или по крайней мѣрѣ не молутъ быть воспроизводимы въ неограниченномъ количествѣ“ („Kapital und Kapitalzins“, I B, S. 438, 1).

Поскольку дѣло касается здѣсь земельной собственности, то ея мѣновая цѣнность, какъ мы знаемъ, зависитъ отъ ренты, и именно, дифференціальной, такъ какъ абсолютная рента, если бы даже и существовала, то въ извѣстныхъ намъ капиталистическихъ обществахъ была бы относительно очень мала, такъ мала, что ею можно пренебречь почти безъ ущерба для точности анализа. Дифференціальная же рента, какъ мы выясняли, возникаетъ всецѣло на почвѣ трудового принципа цѣнности, а отнюдь не вопреки ему, именно изъ различія общественно-трудовой стоимости продукта, и его индивидуально-трудовой стоимости въ условіяхъ того или другого отдѣльнаго предпріятія. Здѣсь, стало быть, дѣло идетъ не объ исключеніи изъ трудовой теоріи, а объ ея спеціальномъ примѣненіи.

Поскольку же Бемъ-Баверкъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду такія „рѣдкія блага“, какъ замѣчательныя произведенія искусства, необыкновенно рѣдкіе предметы роскоши, многолѣтнее вино и т. д.,—то это все такія „исключенія“, относительно которыхъ въ наибольшей мѣрѣ правильно было бы сказать, что они „подтверждаютъ правило“. Въ самомъ дѣлѣ, если бы законъ цѣнности въ чистомъ видѣ и въ полной мѣрѣ обнаруживалъ свое дѣйствіе и для такихъ, наиболѣе исключительныхъ, наиболѣе осложненныхъ случаевъ, если бы онъ, будучи установленъ для міра конкурренціи, оказывался совершенно примѣнимъ въ сферѣ почти чистой монополіи—то это былъ бы очень сомнительный законъ: какъ разъ такой абсолютный и въ то же время частный принципъ, какого *не можетъ* существовать ни для одной отдѣльной, но не безусловно изолированной группы явленій, каковы явленія обмѣна. Можно, конечно, сочинить мнимый принципъ, который по своей безсодержательности будетъ одинаково примѣнимъ и къ типичнымъ, и къ исключительнымъ случаямъ,—но это потому, что онъ не объяснитъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Другое „исключеніе“, которому критикъ придаетъ особенную важность, онъ формулируетъ такъ:

„... необходимыя средства существованія работниковъ могутъ тоже продаваться по такимъ цѣнамъ производства, которыя отступаютъ отъ необходимаго рабочаго времени. Въ этомъ случаѣ, по ученію Маркса, и перемѣнная часть капитала (т. е. выплачиваемая заработная плата) можетъ отступать отъ своей цѣнности“ („Zum Abschluss der M. Th.“, S. 141).

Въ дѣйствительности это, если можно такъ выразиться, наименьшее исключеніе. Рабочій получаетъ такую заработную плату, чтобы ея хватало, вообще говоря, на удовлетвореніе его сложив-

шихся потребностей, т. е. на покупку обычныхъ предметовъ потребленія; и именно на это онъ и тратитъ заработную плату. Такимъ образомъ денежный моментъ обмѣна здѣсь совершенно не важенъ, и дѣло происходитъ такъ, какъ будто бы рабочій мѣнялъ свою рабочую силу прямо на свои средства потребленія. А въ этомъ случаѣ принципъ трудовой цѣнности, какъ онъ формулированъ у Маркса, оказывается въ полной силѣ, такъ какъ цѣнность необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ и есть въ то же время цѣнность его рабочей силы. Если при обмѣнѣ рабочей силы на деньги происходитъ отклоненіе отъ трудовой нормы, то оно неизбѣжно компенсируется затѣмъ отклоненіемъ въ обратную сторону при обмѣнѣ этихъ денегъ на предметы потребленія. Но критикъ не идетъ далѣе денежной видимости обмѣна—ея фетишизмъ мѣшаетъ ему заглянуть глубже.

Между тѣмъ эту свою ошибку критикъ кладетъ въ основу сложной аргументаціи, которая должна доказать, что норма прибыли, а за нею и цѣны производства не находится въ зависимости отъ трудового принципа. Съ точки зрѣнія Маркса норма прибыли опредѣляется отношеніемъ прибавочной цѣнности къ трудовой цѣнности всего общественнаго капитала, потому что общая сумма прибыли (если не выдѣлять изъ нея другіе виды капиталистическаго дохода) равна общей суммѣ прибавочной цѣнности. Критикъ же находить, что сумма капиталистическихъ доходовъ *не равна* суммѣ прибавочной цѣнности, если общая заработная плата не соотвѣтствуетъ нормальной трудовой цѣнности рабочей силы. Но это послѣднее положеніе, какъ мы сейчасъ видѣли, совершенно невѣрно, и основано на поверхностномъ пониманіи фактовъ.

Намъ нѣтъ надобности идти за австрійскимъ критикомъ дальше, во всѣхъ его болѣе мелкихъ нападеніяхъ съ тыла и съ фланговъ на трудовую теорію. На всѣ его заявленія о томъ или иномъ частномъ отклоненіи рыночной цѣнности отъ нормы, мы можемъ разъ навсегда отвѣтить такъ: „Почтенный профессоръ, наша наука не ставитъ себѣ цѣлью объяснять того, по какой причинѣ меценатъ А заплатилъ за картину художника В столько-то долларовъ, а лэндлордъ С платитъ за вино прошлаго вѣка по столько-то фунтовъ за бутылку, ни даже того, по какому случаю купецъ такой-то выручилъ за свои товары на тысячу талеровъ меньше, чѣмъ ожидалъ, а фабрикантъ такой-то, устранивши конкуррентовъ—на сто тысячъ рублей больше, чѣмъ его товары стоили. Все это можетъ быть, очень важно съ „индивидуально-психологической“, а также съ лавочной точки зрѣнія, но насъ это *само по себѣ* очень мало интересуетъ, и даже не потому, что намъ, какъ представителямъ опредѣленнаго класса, нѣтъ ни малѣйшаго риска получить всѣ эти тысячи. Но насъ занимаетъ собственно вопросъ о строеніи общества, о борющихся въ немъ соціальныхъ силахъ, о широкихъ классовыхъ интересахъ, поро-

равное не стоитъ труда—человѣкъ захочетъ мѣняться тогда, к
разсчитываетъ получить больше, чѣмъ даетъ. Разбирать т
аргументъ нѣтъ надобности, да и самъ Бемъ-Баверкъ не при
ему особеннаго значенія. Дѣло въ томъ, что, какъ указалъ Ма
обмѣнъ предполагаетъ дѣйствительно *различіе* товаровъ, но им
различіе по потребительной цѣнности: желѣзо не зачѣмъ мѣ
на равное количество желѣза, но его можно обмѣнить на
валентное количество хлѣба. Находить же въ каждомъ актѣ
мѣна необходимость взять больше, чѣмъ даешь, можетъ,
видно, только человѣкъ, насквозь пропитавшійся атмосф
эксплоатаціи, человѣкъ, для котораго эксплоатація стала не
димой формой мышленія, апріорной категоріей, включающе
себя весь его соціальный опытъ.

Гораздо серьезнѣе другое возраженіе Бемъ-Баверка, на
вляемое противъ той мысли Маркса, что въ процессѣ об
люди „отвлекаются" отъ потребительной цѣнности. Критикъ
ходитъ у Маркса логическую ошибку, смѣшеніе двухъ случ
„отвлеченія".

„Что сказалъ бы Марксъ на такую аргументацію: на опе
сценѣ три выдающихся пѣвца, теноръ, басъ и баритонъ, п
чаютъ одинаковое вознагражденіе, каждый по 20.000 флорин
Меня спрашиваютъ, въ чемъ заключается то общее условіе
силу котораго ихъ вознагражденіе оказывается равнымъ,
отвѣчаю: въ вопросѣ о вознагражденіи одинъ хорошій го
имѣетъ такое же значеніе, какъ и всякій другой хорошій го
хорошій теноръ такъ же, какъ хорошій басъ или баритонъ,
бы вообще онъ имѣлся налицо въ соотвѣтственной пропо
Стало быть, въ данномъ случаѣ люди „очевидно", вообще о
каются отъ хорошаго голоса, и слѣдовательно хорошій голос
можетъ быть общей причиной высокаго вознагражденія.
ность такой аргументаціи совершенно ясна. Но не менѣе яс
то, что марксовскій ходъ разсужденій, точное подражаніе
рому она представляетъ, ничуть не болѣе правиленъ. Въ об
случаяхъ ошибка одна и та же: смѣшивается отвлеченіе *от*
вѣстнаго условія вообще съ отвлеченіемъ отъ спеціальной ф
(Modalität), въ которой выступаетъ это условіе". („Kapital
Kapitalzins", I. B., S. 435; переводъ по возможности дословн

Если бы дѣло шло о чисто-схоластической игрѣ въ опр
ленія и умозаключенія, то критикъ былъ бы, конечно, прав
Марксъ никогда не занимался такой игрою. Бемъ-Баверк
понялъ широкой *эмпирической* подкладки его аргумента. К
Марксъ говоритъ, что въ актѣ обмѣна люди „очевидно" о
каются отъ потребительной цѣнности, то онъ имѣетъ въ ви
просто качественное различіе потребительныхъ цѣнностей
ровъ. Но онъ находитъ, что между количественными отношен
обмѣна, съ одной стороны, и потребительными цѣнностями -
другой просто нельзя отыскать никакого объективнаго соо

ствія, что если говорить о *величинѣ* потребительной цѣнности, т. е. полезности товаровъ, то мѣновыя отношенія систематически расходятся съ нею, и расходятся очень рѣзко. Блестящій кристалликъ полимернаго углерода продается дороже, чѣмъ 100.000 пудовъ хлѣба въ голодающей мѣстности, предметы роскоши въ равныхъ количествахъ почти всегда дороже предметовъ необходимости. Правда, если стать на индивидуально-психологическую точку зрѣнія, и пустить въ ходъ Протея „предѣльной полезности", то все это можно уладить, и несоотвѣтствіе станетъ соотвѣтствіемъ. Но Марксъ всегда полагалъ, что общественно-закономѣрныя мѣновыя отношенія могутъ имѣть лишь *общественную* и *объективную*, а не индивидуальную и субъективную основу *); да и „предѣльная полезность" не фигурировала еще въ наукѣ въ то время, когда онъ обосновывалъ теорію трудовой цѣнности **).

Дальше критикъ находитъ новое возраженіе. Если и признать, что потребительная цѣнность не можетъ лежать въ основѣ мѣновой, то неужели, спрашиваетъ онъ, остается еще только одно общее ихъ свойство — свойство быть продуктами труда? Развѣ нѣтъ другихъ общихъ свойствъ, каково, напримѣръ, свойство быть объектами спроса и предложенія, или ихъ рѣдкость по отношенію къ потребности въ нихъ, или свойство быть объектами присвоенія, или ихъ происхожденіе изъ природы, и т. д.? Развѣ не можетъ любое изъ этихъ общихъ свойствъ такъ же хорошо быть основою мѣновой цѣнности, какъ и свойство быть продуктами труда? („Kapital und Kapitalzins", I. B. S. 436).

Но присмотримся къ этимъ „общимъ свойствамъ", которыя въ такомъ изобиліи предлагаетъ намъ критикъ. Два изъ нихъ— свойство быть „произведеніями природы" и свойство быть „частной собственностью"—уже потому не могутъ „такъ же хорошо", какъ и трудовая стоимость, опредѣлять собою мѣновую цѣнность, что они вообще не могутъ быть основой для *количественнаго* опредѣленія, какимъ является мѣновая цѣнность товара. Свойство товаровъ „быть рѣдкими по отношенію къ потребности въ нихъ", очевидно, при обмѣнѣ совпадаетъ со свойствомъ „быть объектами спроса и предложенія". Но что же это за свойство? „Быть объектами спроса и предложенія" значитъ—покупаться и продаваться, значитъ — быть товарами... Итакъ, надо искать базиса для мѣновыхъ пропорцій въ томъ фактѣ, что товары суть товары. Сомнительно, чтобы мы могли далеко уйти впередъ на этомъ пути.

Да, скажетъ сторонникъ буржуазной критики, — но *количественное отношеніе* спроса къ предложенію можетъ въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлять собою мѣновую цѣнность? Къ сожа-

*) Г. С. Франкъ, настроенный полу-примирительно, ищетъ, при помощи Штольцманна, общественной, но *субъективной* основы.

**) О предѣльной полезности намъ еще придется говорить въ дальнѣйшемъ.

ленію, на этой почвѣ не можетъ быть и рѣчи объ установленіи *закономѣрности* обмѣна. Ученіе о конкурренціи, ведущее начало отъ классиковъ-экономистовъ, и по преимуществу развитое Марксомъ, показываетъ, что предложеніе и спросъ непрерывно стремятся *приспособиться* одно къ другому, и при этомъ колеблются около нѣкотораго общаго уровня, который не отъ ихъ колебаній зависитъ, и который, однако, какъ разъ и выражаетъ собою закономѣрность обмѣна. Если вслѣдствіе преобладанія спроса цѣна поднимается выше нормы, а затѣмъ, въ силу реакціи увеличеннаго предложенія, падаетъ ниже нормы, то *норма* ни въ какомъ случаѣ не объясняется этими колебаніями.

Однако, Grenznützler'ы не такого мнѣнія. Они считаютъ неправильнымъ то пониманіе конкурренціи, которое беретъ понятія спроса и предложенія въ объективномъ смыслѣ—соотношенія между количествомъ дѣйствительно предлагаемыхъ и дѣйствительно спрашиваемыхъ на рынкѣ товаровъ. Grenznützler'ы въ спросѣ и предложеніи видятъ сложное соотношеніе сложнѣйшихъ психологическихъ фактовъ, разыгрывающихся въ душѣ продавцовъ и покупателей—стремленія пріобрѣсти чужое „благо", готовности „пожертвовать" для этого своимъ благомъ, борьбы различныхъ мотивовъ, колебаній относительно того, чѣмъ стоитъ и чѣмъ не стоитъ жертвовать для даннаго пріобрѣтенія и т. д. Эта школа настаиваетъ на „субъективномъ" пониманіи спроса и предложенія, и въ немъ ищетъ базиса для объективныхъ мѣновыхъ отношеній. Это все равно, какъ если бы біологъ объективные факты сохраненія того и вымиранія другого вида животныхъ сталъ объяснять не объективными условіями среды, а субъективными переживаніями отдѣльныхъ животныхъ—тѣмъ, что одному нездоровилось и оно чувствовало голодъ, а другое находилось въ хорошемъ самочувствіи, и т. д. Наука никогда не выигрывала отъ сведенія объективнаго къ субъективному, потому что ея задача по существу противоположна такому сведенію. Апеллируя отъ общественнаго и опредѣленнаго факта—мѣновой цѣнности—къ неопредѣленнымъ и неуловимымъ личнымъ настроеніямъ отдѣльныхъ людей, мы можемъ получить только *мнимое* объясненіе фактовъ, а не дѣйствительное, только теорію „*беспредѣльной безполезности*", а не теорію мѣновой цѣнности. Экономическая наука есть наука объ объективныхъ отношеніяхъ общественной борьбы за существованіе, и можетъ брать отношенія спроса и предложенія лишь какъ объективныя отношенія: для нея конкурренція—объективный процессъ приспособленія, а не субъективная игра личныхъ настроеній.

Такимъ образомъ всѣ предложенныя Бемъ-Баверкомъ „общія свойства" товаровъ, яко бы способныя конкуррировать съ трудовой стоимостью въ качествѣ базиса для мѣновой цѣнности, a priori должны быть исключены экономическимъ анализомъ, и остается опять таки все та же трудовая стоимость. Но неутоми-

ый критикъ продолжаетъ ее преслѣдовать. „Дѣйствительно ли ѣмъ мѣновымъ благамъ присуще общее свойство — быть проуктами труда? Развѣ, напримѣръ, дѣвственная почва, золотая розсыпь, залежи каменнаго угля—развѣ это продукты труда? И однако, они имѣютъ, какъ извѣстно всякому, нерѣдко очень высокую мѣновую цѣнность“ (Тамъ же, стр. 437).

Въ началѣ своей статьи мы уже указывали, что это невѣрно прежде всего фактически, что въ сферу обмѣна ничто не можетъ попасть, не пройдя черезъ сферу производства: дѣвственная почва, золотая розсыпь, залежи угля только тогда становятся предметомъ обмѣна, когда выполненъ, по меньшей мѣрѣ, физическій и интеллектуальный трудъ ихъ отысканія и изслѣдованія, какъ бы незначителенъ онъ ни былъ. Поэтому здѣсь возможна рѣчь только о несоотвѣтствіи между величиною трудовой стоимости и величиною мѣновой цѣнности *). Но объ этомъ намъ придется говорить особо, по поводу относящихся сюда возраженій Бемъ-Баверка, а пока мы укажемъ еще на чисто-логическій дефектъ его аргумента. Онъ утверждаетъ, что уже одинъ фактъ существованія „не-трудовыхъ“ благъ, имѣющихъ мѣновую цѣнность, въ корнѣ устраняетъ трудовую теорію. Но это было бы невѣрно, если бы даже такія „блага“ существовали. Въ самомъ дѣлѣ, это обозначало бы только извѣстную *границу* примѣнимости теоріи, и только,—это обозначало бы, что теорія не имѣетъ *абсолютнаго* характера,—но эволюціонное міровоззрѣніе, къ которому примыкаетъ трудовая теорія, вообще и не признаетъ абсолютныхъ формулъ, полагая, что конкретная дѣйствительность и познавательная абстракція даже не могутъ совпадать безусловно.

Наконецъ, принципіальное значеніе такой предполагаемой границы трудовой теоріи уменьшалось бы еще больше, если бы оказалось, что „не-трудовыя блага“ имѣютъ мѣновую цѣнность лишь въ силу опредѣленнаго отношенія къ благамъ трудовымъ, напримѣръ, какъ необходимое условіе ихъ возникновенія („дѣвственная почва“, „рудникъ“, „угольная копь“), или какъ предметы требующіе труда для своего поддержанія и возстановленія въ прежнемъ видѣ (плодородіе почвы; дѣвственный лѣсъ, который вырубаютъ) или какъ предметы, которые лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаются „безъ труда“, а въ другихъ, рядомъ съ этимъ, производятся трудовымъ процессомъ (случайно находимый самородокъ, и золото вообще). Стало быть, если даже игнорировать малую трудовую стоимость подобныхъ товаровъ, и считать ее за нуль, то принципіальное значеніе трудовой теоріи этимъ еще не подрывается, и нужны болѣе сильные аргументы.

*) Г. Франкъ для большей убѣдительности употребляетъ терминъ „блага, не созданныя трудомъ“ вмѣсто „блага, не заключающія трудовыхъ затратъ энергія“. Къ сожалѣнію, трудъ вообще ничего „не создаетъ“, а только измѣняетъ отношенія предметовъ и ихъ элементовъ.

И буржуазный критикъ находитъ ихъ цѣлую массу. Для удобства ихъ разсмотрѣнія мы сначала исключимъ тотъ изъ нихъ, который имѣетъ лишь чисто словесный характеръ и свидѣтельствуетъ главнымъ образомъ о степени антипатіи критика къ трудовой теоріи. Вотъ этотъ аргументъ. „...Исключеніе изъ принципа трудовой цѣнности образуютъ, во-2-хъ, всѣ тѣ блага, которыя производятся не обыкновеннымъ, а квалифицированнымъ трудомъ. Хотя въ продуктѣ дневной работы скульптора, рѣзчика, скрипичнаго мастера, механика и такъ далѣе воплощено не больше работы, чѣмъ въ дневномъ продуктѣ обыкновеннаго ремесленника или фабричнаго работника, но въ первомъ случаѣ мѣновая цѣнность продукта выше, часто во много разъ выше, чѣмъ во второмъ“ (с. 438).

Но, какъ извѣстно, съ точки зрѣнія трудовой теоріи квалифицированный трудъ разсматривается какъ умноженный простой. Въ виду этого Бемъ-Баверкъ прибавляетъ:

„Что рабочій день скульптора въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, напримѣръ, въ смыслѣ оцѣнки, можно *принимать равнымъ* пяти рабочимъ днямъ землекопа, это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію. Но что 12 часовъ работы скульптора *составляютъ въ дѣйствительности* 60 обыковенныхъ рабочихъ часовъ, этого, навѣрное, никто не станетъ утверждать“. (Тамъ же, стр. 439).

Возраженіе это, которымъ Бемъ-Баверкъ хочетъ доказать, что самъ Марксъ не выдерживаетъ трудового принципа теоріи и вноситъ въ нее чуждые ей элементы, если бы оно было вѣрнымъ, могло бы имѣть значеніе только для вопроса о названіи теоріи: вполнѣ ли подходитъ къ ней терминъ „трудовая“, или нѣтъ. Но возраженіе основано на ошибкѣ. Со своей индивидуалистической точки зрѣнія критикъ постоянно видитъ только отдѣльнаго работника, и забываетъ, что у Маркса дѣло идетъ объ общественно-необходимомъ времени, объ общественныхъ затратахъ трудовой энергіи, а это необходимо предполагаетъ сведеніе индивидуальнаго труда къ какой-нибудь общественно-трудовой единицѣ; что такой единицей не можетъ являться просто единица *времени*, независимо отъ интенсивности и сложности труда, очевидно само собою. Мы же во 2-ой главѣ своей статьи показали, какимъ образомъ самое понятіе общественно-трудовой энергіи требуетъ теоретическаго сведенія сложнаго труда къ умноженному простому, и можемъ не останавливаться на этомъ больше.

Остальныя возраженія, выставляемыя въ одномъ ряду съ только что разобраннымъ, сводятся къ указанію на различныя „исключенія“, вѣрнѣе—уклоненія отъ трудовой нормы, которыя будто бы подрываютъ ея значеніе. Но здѣсь, чтобы ясно представить себѣ смыслъ этихъ возраженій, намъ надо прежде ознакомиться съ тѣмъ, какъ понимаетъ Бемъ-Баверкъ законы соціальныхъ явленій вообще, чего требуетъ онъ отъ научной формулы обмѣна въ частности.

Критикъ допускаетъ, что „существуютъ извѣстныя реальныя уклоненія отъ теоретической формулы, отъ которыхъ теоретикъ дѣйствительно имѣетъ право абстрагировать: это случайныя преходящія колебанія рыночныхъ цѣнъ около ихъ правильнаго, длительно сохраняющагося уровня“ („Zum Abschluss der Marx'schen Theorie“, стр. 171).

Но ужъ дальше этого, по мнѣнію критика, процессъ абстракціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ идти. Бемъ-Баверкъ считаетъ уже незаконнымъ, что съ точки зрѣнія Маркса „мѣновая цѣнность товаровъ, благодаря колебаніямъ спроса и предложенія, то поднимается надъ тѣмъ уровнемъ, который соотвѣтствовалъ бы количеству труда, кристаллизованнаго въ товарахъ, то опускается ниже этого уровня“, что „послѣдній обозначаетъ только пунктъ, къ которому тяготѣетъ мѣновая цѣнность, а не постоянную величину“ („Kapital und Kapitalzins“, I B, стр. 440). Бемъ-Баверкъ полагаетъ, что уже одно это должно бы заставить экономиста изслѣдовать, „не существуетъ ли болѣе общаго принципа мѣновой цѣнности, къ которому можно бы было одинаково свести не только „правильныя“, но равнымъ образомъ и кажущіяся съ точки зрѣнія трудовой теоріи „неправильными“ образованія цѣнъ“. (Тамъ же, стр. 441). Какъ видимъ, критикъ настаиваетъ на *монистическомъ* объясненіи мѣновыхъ процессовъ... Что же это значитъ? Неужели человѣкъ каѳедры и человѣкъ движенія помѣнялись мѣстами: первый выступаетъ, какъ монистъ, а второй—какъ эклектикъ?

По этому поводу я нѣсколько лѣтъ тому назадъ писалъ слѣдующее:

„Познанію не приходится имѣть дѣла съ явленіями совершенно изолированными; реально всѣ процессы природы связаны между собою и взаимно вліяютъ одни на другіе; поэтому совершенно немыслимо одну какую-нибудь группу явленій всецѣло, безъ остатка, объяснить изъ одного принципа, спеціально для нея установленнаго, ибо различныя вліянія со стороны другихъ окружающихъ явленій не могутъ уложиться въ рамки этого спеціальнаго принципа. Такъ, напримѣръ, въ объясненіи конкретныхъ наблюдаемыхъ фактовъ паденія тѣлъ невозможно ограничиться основной абстрактной формулой паденія (выражающей дѣйствіе тяготѣнія въ чистомъ видѣ), но необходимо принять во вниманіе всю сумму реальныхъ условій. Полное объясненіе должно считаться и съ формой, и съ плотностью самого падающаго тѣла, и съ плотностью воздуха, и съ наличностью тѣхъ или иныхъ воздушныхъ теченій, и съ близостью горныхъ массивовъ, отклоняющихъ, хотя незначительно, линію паденія отъ строгой вертикали, и т. д., и т. д. При этомъ *основной* принципъ объясненія въ отдѣльности не только вообще недостаточенъ, но иногда даже совершенно затемняется побочными вліяніями.

Единый принципъ объясненія, который совершенно не ну-

ждается въ ограниченіяхъ для отдѣльной группы эмпирических фактовъ; окажется въ то же время всеобщимъ принципомъ об ясненія для всѣхъ явленій, такъ или иначе связанныхъ съ это группою, стало быть — для всей природы вообще. Таковъ, напр принципъ причинности. Но каждая группа однородныхъ явлеі нуждается, кромѣ такого слишкомъ общаго принципа, еще в спеціальномъ, болѣе частномъ; и этотъ послѣдній необходим сталкивается съ другими, тоже спеціальными и частными при ципами, и ограничивается ими".

Такимъ образомъ, если бы Бемъ-Баверкъ примѣнилъ сво критерій „научнаго закона" къ самой развитой изъ естествен ныхъ наукъ — къ механикѣ, — то существующее ученіе, напри мѣръ, о паденіи тѣлъ совершенно его бы не удовлетворило. Он сказалъ бы: „формула равномѣрно ускореннаго движенія въ на правленіи къ центру земли, очевидно, невѣрна. Изъ нея имѣетс такъ много исключеній, что правило теряетъ всякое значеніе Отъ нея отклоняются, во-1-хъ, всѣ тѣла, падающія въ предѣлах атмосферы, то есть, почти всѣ случаи, дѣйствительно встрѣчаю щіеся въ нашемъ опытѣ, во-2-хъ, всѣ тѣла, падающія въ водѣ въ-3-хъ, всѣ тѣла, имѣвшія до момента начала паденія какое нибудь собственное движеніе, и т. д. При томъ, это не маленькія случайныя отклоненія, нѣтъ, въ цѣлой массѣ случаевъ отъ чи стой формулы паденія почти ничего не остается, напримѣръ, дл дождевыхъ капель или ледяныхъ кристалловъ, образующих различнаго рода облака, или для мелкой пыли, для падающих сухихъ листьевъ, для парашютовъ, воздушныхъ шаровъ и т. д Нѣтъ, очевидно, что этотъ мнимый „законъ" вовсе не заслужи ваетъ названія закона".

На это человѣкъ, знакомый съ методами естественных наукъ, отвѣтилъ бы критику, приблизительно слѣдующее: „ко нечно, данная формула не имѣетъ въ примѣненіи къ дѣйстви тельности абсолютнаго значенія; но она правильно отмѣчает основную, наиболѣе общую тенденцію даннаго ряда явленій сдѣлавши ее исходной точкой анализа, мы всегда можемъ, ввод въ анализъ одно за другимъ осложняющія вліянія, придти к достаточному пониманію конкретныхъ фактовъ паденія". И в свою очередь критикъ отвѣтилъ бы: „Нѣтъ, надо найти болѣе общій принципъ, который охватывалъ бы, за ничтожными „слу чайными" исключеніями, всѣ факты паденія тѣлъ, какъ соотвѣт ствующіе данной формулѣ, такъ и отклоняющіеся отъ нея" Естественникъ тогда выяснилъ бы слѣдующее: „такую роль мо гутъ играть лишь наиболѣе общіе законы механики, но именн въ силу своей большой общности они сами по себѣ недостаточны для анализа данной спеціальной группы явленій, и непремѣнн должны быть дополнены болѣе частными формулами, изъ кото рыхъ основная, спеціально характеризующая данный рядъ фак товъ, есть формула тяготѣнія". Критикъ продолжаетъ требоват

Нѣтъ, вы мнѣ дайте одинъ частный законъ, всецѣло охватывающій факты паденія". Утомленному естественнику остается заявить одно: „Вы хотите луну—принесите ее сами".

Если же неутомимый критикъ и тутъ не потеряется, и немедленно доставитъ требуемый принципъ, то уже a priori мы можемъ рѣшить, что онъ впалъ въ недоразумѣніе, и то, что онъ вмѣсто данной научной формулы предлагаетъ, должно оказаться или ложнымъ принципомъ, стоящимъ въ противорѣчіи съ фактами, или мнимымъ, совершенно безсодержательнымъ, и потому безполезнымъ въ изслѣдованіи...

Но, можетъ быть, дѣло обстоитъ такъ лишь по отношенію къ естественнымъ наукамъ, а для наукъ общественныхъ оно совсѣмъ иначе, и тамъ строгія требованія критика вполнѣ умѣстны? Но на это можно отвѣтить только вопросомъ; развѣ та или другая группа общественныхъ фактовъ, напримѣръ, мѣновыя отношенія, обладаетъ той изолированностью, которой не хватаетъ явленіямъ физическимъ, біологическимъ и т. д.? Совсѣмъ напротивъ: здѣсь всевозможныя отклоняющія отъ нормъ вліянія и по количеству гораздо многочисленнѣе, и по качеству гораздо разнообразнѣе, такъ что все сказанное о предѣлахъ значенія частныхъ естественно-научныхъ принциповъ еще въ гораздо большей степени примѣнимо къ общественно-научнымъ. Поэтому и предлагаемый Grenznützler'ами универсально-мѣновой, все объясняющій принципъ „предѣльной полезности" уже a priori, въ силу общихъ методологическихъ соображеній долженъ быть признанъ негоднымъ. Но о немъ намъ придется говорить особо.

Теперь намъ понятно, каковы должны быть дальнѣйшія возраженія ученаго критика противъ трудовой теоріи. Онъ вылавливаетъ всевозможныя исключенія и отклоненія отъ трудовой нормы, тащитъ ихъ въ одну груду и, съ торжествомъ на нее указывая, заявляетъ: какой ужъ законъ, когда столько исключеній! Но для насъ вопросъ выступаетъ совсѣмъ въ иномъ видѣ; мы хотимъ знать, возможно ли сдѣлать трудовой принципъ исходной точкой систематическаго анализа мѣновыхъ отношеній, выражаетъ ли данная идея дѣйствительно основную, наиболѣе общую тенденцію мѣновыхъ процессовъ,—вообще, цѣлесообразно ли ея примѣненіе въ данномъ рядѣ явленій. Все предыдущее изложеніе привело насъ къ утвердительному отвѣту на этотъ вопросъ, и потому намъ просто нѣтъ надобности детально разбирать частныя группы отклоненій, фигурирующія у Бемъ-Баверка. Къ тому же наиболѣе важныя изъ нихъ, тѣ отклоненія, которыя зависятъ отъ неравенства органическаго состава капиталовъ, отъ различія періодовъ ихъ обращенія, отъ вліянія ренты, уже анализированы нами. Но изъ остальныхъ группъ мы все-таки на двухъ, наиболѣе значительныхъ, считаемъ полезнымъ нѣсколько остановиться.

„Прежде всего исключается изъ сферы дѣйствія трудового

принципа всѣ „рѣдко встрѣчающіяся“ блага („Seltenheitsgüter“), которыя вслѣдствіе непреодолимыхъ препятствій фактическаго или правового характера вовсе не могутъ быть воспроизводимы, или по крайней мѣрѣ не могутъ быть воспроизводимы въ неограниченномъ количествѣ“ („Kapital und Kapitalzins“, I B, S. 438, 1).

Поскольку дѣло касается здѣсь земельной собственности, то ея мѣновая цѣнность, какъ мы знаемъ, зависитъ отъ ренты, и именно, дифференціальной, такъ какъ абсолютная рента, если бы даже и существовала, то въ извѣстныхъ намъ капиталистическихъ обществахъ была бы относительно очень мала, такъ мала, что ею можно пренебречь почти безъ ущерба для точности анализа. Дифференціальная же рента, какъ мы выясняли, возникаетъ всецѣло на почвѣ трудового принципа цѣнности, а отнюдь не вопреки ему, именно изъ различія общественно-трудовой стоимости продукта, и его индивидуально-трудовой стоимости въ условіяхъ того или другого отдѣльнаго предпріятія. Здѣсь, стало быть, дѣло идетъ не объ исключеніи изъ трудовой теоріи, а объ ея спеціальномъ примѣненіи.

Поскольку же Бемъ-Баверкъ въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду такія „рѣдкія блага“, какъ замѣчательныя произведенія искусства, необыкновенно рѣдкіе предметы роскоши, многолѣтнее вино и т. д., то это все такія „исключенія“, относительно которыхъ въ наибольшей мѣрѣ правильно было бы сказать, что они „подтверждаютъ правило“. Въ самомъ дѣлѣ, если бы законъ цѣнности въ чистомъ видѣ и въ полной мѣрѣ обнаруживалъ свое дѣйствіе и для такихъ, наиболѣе исключительныхъ, наиболѣе осложненныхъ случаевъ, если бы онъ, будучи установленъ для міра конкурренціи, оказывался совершенно примѣнимъ въ сферѣ почти чистой монополіи — то это былъ бы очень сомнительный законъ: какъ разъ такой абсолютный и въ то же время частный принципъ, какого *не можетъ* существовать ни для одной отдѣльной, но не безусловно изолированной группы явленій, каковы явленія обмѣна. Можно, конечно, сочинить мнимый принципъ, который по своей безсодержательности будетъ одинаково примѣнимъ и къ типичнымъ, и къ исключительнымъ случаямъ,—но это потому, что онъ не объяснитъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Другое „исключеніе“, которому критикъ придаетъ особенную важность, онъ формулируетъ такъ:

„... необходимыя средства существованія работниковъ могутъ тоже продаваться по такимъ цѣнамъ производства, которыя отступаютъ отъ необходимаго рабочаго времени. Въ этомъ случаѣ, по ученію Маркса, и перемѣнная часть капитала (т. е. выплачиваемая заработная плата) можетъ отступать отъ своей цѣнности“ („Zum Abschluss der M. Sy.“, S. 141).

Въ дѣйствительности это, если можно такъ выразиться, наименьшее исключеніе. Рабочій получаетъ такую заработную плату, чтобы ея хватало, вообще говоря, на удовлетвореніе его сложив-

щихся потребностей, т. е. на покупку обычныхъ предметовъ потребленія; и именно на это онъ и тратитъ заработную плату. Такимъ образомъ денежный моментъ обмѣна здѣсь совершенно не важенъ, и дѣло происходитъ такъ, какъ будто бы рабочій мѣнялъ свою рабочую силу прямо на свои средства потребленія. А въ этомъ случаѣ принципъ трудовой цѣнности, какъ онъ формулированъ у Маркса, оказывается въ полной силѣ, такъ какъ цѣнность необходимыхъ для работника жизненныхъ средствъ и есть въ то же время цѣнность его рабочей силы. Если при обмѣнѣ рабочей силы на деньги происходитъ отклоненіе отъ трудовой нормы, то оно неизбѣжно компенсируется затѣмъ отклоненіемъ въ обратную сторону при обмѣнѣ этихъ денегъ на предметы потребленія. Но критикъ не идетъ далѣе денежной видимости обмѣна—ея фетишизмъ мѣшаетъ ему заглянуть глубже.

Между тѣмъ эту свою ошибку критикъ кладетъ въ основу сложной аргументаціи, которая должна доказать, что норма прибыли, а за нею и цѣны производства не находится въ зависимости отъ трудового принципа. Съ точки зрѣнія Маркса норма прибыли опредѣляется отношеніемъ прибавочной цѣнности къ трудовой цѣнности всего общественнаго капитала, потому что общая сумма прибыли (если не выдѣлять изъ нея другіе виды капиталистическаго дохода) равна общей суммѣ прибавочной цѣнности. Критикъ же находитъ, что сумма капиталистическихъ доходовъ *не равна* суммѣ прибавочной цѣнности, если общая заработная плата не соотвѣтствуетъ нормальной трудовой цѣнности рабочей силы. Но это послѣднее положеніе, какъ мы сейчасъ видѣли, совершенно невѣрно, и основано на поверхностномъ пониманіи фактовъ.

Намъ нѣтъ надобности идти за австрійскимъ критикомъ дальше, во всѣхъ его болѣе мелкихъ нападеніяхъ съ тыла и съ фланговъ на трудовую теорію. На всѣ его заявленія о томъ или иномъ частномъ отклоненіи рыночной цѣнности отъ нормы, мы можемъ разъ навсегда отвѣтить такъ: „Почтенный профессоръ, наша наука не ставитъ себѣ цѣлью объяснять того, по какой причинѣ меценатъ А заплатилъ за картину художника В столько-то долларовъ, а лэндлордъ С платитъ за вино прошлаго вѣка по стольку-то фунтовъ за бутылку, ни даже того, по какому случаю купецъ такой-то выручилъ за свои товары на тысячу талеровъ меньше, чѣмъ ожидалъ, а фабрикантъ такой-то, устранивши конкуррентовъ—на сто тысячъ рублей больше, чѣмъ его товары стоили. Все это можетъ быть, очень важно съ „индивидуально-психологической", а также съ лавочной точки зрѣнія, но насъ это *само по себѣ* очень мало интересуетъ, и даже не потому, что намъ, какъ представителямъ опредѣленнаго класса, нѣтъ ни малѣйшаго риска получить всѣ эти тысячи. Но насъ занимаетъ собственно вопросъ о строеніи общества, о борющихся въ немъ соціальныхъ силахъ, о широкихъ классовыхъ интересахъ, поро-

ждающихъ эту борьбу, объ ея возможномъ и вѣроятномъ развитіи, объ ея различныхъ мыслимыхъ исходахъ. Мы требуемъ отъ нашей науки отвѣта на вопросъ о томъ, какія объективныя и общія причины управляютъ дѣйствіями людей въ обществѣ, обусловливая ихъ рѣшающіе мотивы, и какіе объективные и общіе результаты возникаютъ изъ такихъ дѣйствій: мы хотимъ знать стимулы общественнаго развитія и его направленіе и пути. И теорія трудовой цѣнности, по нашему мнѣнію, больше и лучше всякой другой теоріи обмѣна помогаетъ намъ разбираться въ этихъ вопросахъ. Показывая намъ, какъ единая, возникшая въ производствѣ цѣнность распредѣляется затѣмъ, не мѣняясь въ общей величинѣ, между различными классами, теорія эта съ полной ясностью обнаруживаетъ намъ происхожденіе классовыхъ антагонизмовъ, и ихъ принципіальную непримиримость при существованіи самыхъ классовъ, изъ которыхъ каждый можетъ увеличивать свою долю лишь за счетъ другихъ. Рисуя группировку цѣлыхъ классовъ и отдѣльныхъ соціальныхъ группъ на основѣ одного общаго факта—эксплоатаціи,—теорія эта даетъ намъ возможность съ большой отчетливостью представить себѣ строеніе капиталистическаго общества и общіе стимулы совершающейся въ немъ борьбы съ ея прогрессивными и регрессивными тенденціями. Теорія трудовой цѣнности дѣйствительно *объясняетъ* закономѣрность явленій обмѣна, потому что не только позволяетъ шагъ за шагомъ приблизиться къ пониманію отдѣльныхъ процессовъ обмѣна, но и представляетъ намъ эти процессы въ связи съ основными проявленіями общественной жизни, какъ звенья, неразрывно входящія въ единую великую цѣпь общественно-трудовой борьбы за существованіе. И потому мы остаемся при этой теоріи, пока намъ не предложатъ другой, которая могла бы дать намъ то же, и еще больше больше этого".

На все это почтенные критики возразили бы намъ очень многое. Во-первыхъ, они повторили бы всѣ свои прежніе аргументы и, указывая на ихъ громадное число, стали бы убѣждать насъ, что если и возможно не придавать особаго значенія каждому изъ нихъ въ отдѣльности, то въ суммѣ они достаточны, чтобы сокрушить трудовую теорію. Но мы не согласились бы съ этимъ, находя, что плохой аргументъ есть величина не положительная, а отрицательная, и потому множество плохихъ аргументовъ составляютъ тѣмъ болѣе не положительную, а только большую отрицательную величину. Во-вторыхъ, они заявили бы намъ, что то, въ чемъ мы видимъ преимущества трудовой теоріи — ея выводы относительно общественныхъ антагонизмовъ - составляетъ ея величайшій недостатокъ, что это — вредная теорія, демагогическая, разжигающая противорѣчія общественной жизни, мѣшающая ихъ притупленію и примиренію, что *научная* теорія не можетъ быть такою. Но это не убѣдило бы насъ, а только объяснило бы намъ, изъ-за чего собственно стараются почтенные критики,

мы въ свою очередь увидѣли бы въ нихъ не людей науки, а ознательныхъ или безсознательныхъ апологетовъ существующихъ тношеній и господствующихъ классовъ. Въ-третьихъ, почтенные ритики предложили бы намъ свои собственныя теоріи обмѣна цѣнности, какъ теоріи непогрѣшимыя и сразу все объясняющія—теоріи „субъективно-психологическія". Чтобы рѣшить вопросъ объ этихъ теоріяхъ, намъ пришлось бы разсмотрѣть самыя хъ основы, что мы сейчасъ и сдѣлаемъ, хотя по недостатку мѣста, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

XIV.

Теоріи психологической школы ищутъ основъ мѣновой цѣнности въ индивидуальной психикѣ. Какъ средство удовлетворенія опредѣленныхъ потребностей, товаръ имѣетъ для каждаго отдѣльнаго лица опредѣленную „субъективную цѣнность". По поводу каждаго товара отдѣльное лицо соображаетъ, чѣмъ стоитъ пожертвовать изъ своего имущества для пріобрѣтенія этого товара, или наоборотъ, ради какой другой полезности его стоитъ уступить. При этомъ у одного покупателя получается одна оцѣнка, у другого—другая, и т. д.; точно также и у различныхъ продавцовъ. Для объясненія того, какимъ образомъ сравниваются субъективныя цѣнности различныхъ товаровъ въ одной психикѣ и одного товара въ различныхъ психикахъ, вводится понятіе „предѣльной полезности", играющее главную роль въ теоріяхъ данной школы („Grenznützler'овъ"). При помощи этого понятія анализируются различные случаи оцѣнки, и указывается путь выработки изъ индивидуальныхъ оцѣнокъ рыночной цѣнности.

Величина „полезности", а стало быть и „субъективной цѣнности" блага опредѣляется для каждаго человѣка интенсивностью той потребности, которую онъ при помощи этого „блага" можетъ удовлетворить. Но одно и то же благо обыкновенно годится для удовлетворенія не одной, а нѣсколькихъ потребностей, да и для каждой изъ этихъ потребностей ея напряженность измѣняется, уменьшаясь по мѣрѣ ея удовлетворенія, увеличиваясь по мѣрѣ оставленія потребности неудовлетворенною. Такъ, напр., кусокъ хлѣба можетъ служить, во-1-хъ, для удовлетворенія собственнаго голода, во-2-хъ, для угощенія гостей (потребность оказать гостепріимство), въ-3-хъ, для того, чтобы отдѣлаться отъ нищаго (филантропическая потребность) и т. д. При этомъ, если дѣло идетъ объ утоленіи собственнаго голода, то первые полъ-фунта удовлетворяютъ наиболѣе острую потребность, вторые полъ-фунта—потребность болѣе слабую, отчасти уже удовлетворенную и т. д. Чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, опредѣляется „субъективная цѣнность" товара—хлѣба для даннаго лица?

Она опредѣляется *наименѣе интенсивною* изъ потребностей, какая при данной наличности блага можетъ быть удовлетворена, другими словами—низшей полезностью блага или, какъ принято говорить, его *предѣльной полезностью*. Такимъ образомъ, если въ нашемъ примѣрѣ имѣется достаточно хлѣба для полнаго удовлетворенія всѣхъ трехъ потребностей, которыя мы перечислили, то субъективная хозяйственная цѣнность хлѣба будетъ зависѣть отъ „полезности“ того послѣдняго куска, которымъ удовлетворяется послѣдняя, минимальная степень послѣдней, наименѣе интенсивной потребности. Если хлѣба окажется меньше, то данное лицо жертвуетъ, конечно, менѣе интенсивными потребностями и низшими ихъ степенями ради болѣе интенсивныхъ потребностей и въ высшихъ степеняхъ; тогда и предѣльная полезность и субъективная цѣнность повышаются, въ соотвѣтствіи съ предѣльной, низшей потребностью, какая еще фактически можетъ быть удовлетворена, напр., не потребностью филантропической, а потребностью гостепріимства, или низшей степенью потребности въ утоленіи собственнаго голода и т. под.

Когда предѣльная полезность какого-нибудь блага для человѣка ниже предѣльной полезности другого блага, то онъ охотно промѣняетъ первое на второе; но при этомъ обмѣнъ состоится, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если для владѣльца второго блага дѣло обстоитъ наоборотъ. На этомъ основываются рыночныя отношенія.

Пусть, напр., данное лицо, имѣя много рыбы, нуждается въ хлѣбѣ, и идетъ на рынокъ, съ цѣлью пріобрѣсти, положимъ, 2 фунта для удовлетворенія собственнаго аппетита, 1 фунтъ для гостей и $^{1}/_{2}$ фунта для нищихъ. Для этого оно предполагаетъ пожертвовать не болѣе 7 рыбъ, потому что предѣльная полезность слѣдующей, 8-ой рыбы, какъ предмета возможнаго потребленія, уже для него не ниже, или даже нѣсколько выше, чѣмъ полезность послѣдняго полуфунта хлѣба, въ которомъ онъ нуждается. Продавецъ хлѣба не прочь мѣнять его на рыбу, но, сообразуясь со своими предѣльными полезностями, хочетъ получить за каждый фунтъ не 2 рыбы, какъ предлагаетъ первый, а 4. Тогда нашъ первый Grenznützler видитъ, что ему не удастся въ такой мѣрѣ удовлетворить свою потребность, какъ онъ предполагалъ, и рѣшаетъ пожертвовать своей филантропіей, т. е. купить только три фунта. Но при этомъ оказывается, что предѣльная полезность хлѣба для него уже повысилась, ибо опредѣляется уже другой, болѣе интенсивной потребностью, которую онъ имѣетъ въ виду удовлетворить — потребностью гостепріимства; и, принимая во вниманіе свою предѣльную полезность рыбы, идетъ до цѣны $2^{1}/_{2}$ рыбъ за фунтъ хлѣба. Но и покупатель рыбы, видя, что не можетъ получить ея сколько бы хотѣлось полностью, рѣшается пожертвовать низшею степенью потребности въ ней, причемъ для него ея предѣльная полезность повышается, и онъ уже готовъ

уступить фунтъ хлѣба по $3^1/_2$ рыбы. — Такъ процессъ измѣненія предѣльной полезности товаровъ, а вмѣстѣ и ихъ субъективной цѣнности можетъ продолжаться и далѣе, пока оба Grenznützler'а не сойдутся въ цѣнѣ или окончательно не разойдутся.

Аналогичнымъ образомъ, только съ соотвѣтственными усложненіями, происходитъ дѣло и на настоящемъ рынкѣ, гдѣ имѣется цѣлый рядъ продавцовъ съ одной стороны, цѣлый рядъ покупателей съ другой. Затѣмъ при помощи разныхъ теоретическихъ переходовъ, подъ формулы предѣльной полезности подводятся тѣ случаи, когда въ обмѣнѣ фигурируютъ товары, не подлежащіе прямому личному потребленію, напр., деньги, средства производства и т. д. При этомъ всюду оказывается, что субъективная хозяйственная цѣнность товара для отдѣльнаго лица прямо опредѣляется предѣльной полезностью товара, а изъ взаимодѣйствія субъективныхъ оцѣнокъ возникаетъ объективная мѣновая цѣнность.

Но намъ нѣтъ надобности идти дальше въ изложеніи этой теоріи; для насъ важенъ лежащій въ ея основѣ методъ, ея краеугольныя понятія. Насколько вообще законно сведеніе общественно-экономическихъ фактовъ къ индивидуально-психологическимъ моментамъ? Можно ли въ индивидуальномъ сознаніи отдѣльныхъ людей искать опредѣляющихъ условій для такихъ соціально-стихійныхъ процессовъ, какъ жизнь рынка?

Надо помнить, что личность рождается, живетъ и развивается въ обществѣ, а не внѣ его, и потому психически необходимо имъ опредѣляется. Съ самаго начала ея жизни ее охватываютъ со всѣхъ сторонъ не зависящія отъ ея произвола объективныя отношенія, и она должна къ нимъ постоянно приспособляться. Мѣновая цѣнность товаровъ для каждой данной личности есть одно изъ такихъ отношеній, это — нѣчто данное извнѣ, нѣчто находимое личностью уже готовымъ въ общественной средѣ. Этотъ внѣшній фактъ не можетъ остаться безъ вліянія на „субъективную“ оцѣнку товаровъ, личность не можетъ не исходить изъ него въ своемъ „субъективномъ“ опредѣленіи цѣнности. Цѣны, объективно существующія на рынкѣ, независимо отъ воли отдѣльнаго продавца или покупателя, въ безконечно большей степени опредѣляютъ „субъективную“ оцѣнку имъ товаровъ, чѣмъ сами опредѣляются ею. А если такъ, то „субъективная цѣнность“ неизбѣжно сводится въ наибольшей мѣрѣ къ цѣнности мѣновой, для объясненія которой сама она должна служить базисомъ. Получается логическій кругъ, изъ котораго данному методу не выбраться ни въ какомъ случаѣ. Совершенно безполезны ссылки на то, что хотя бы вліянія чисто индивидуальныя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обмѣна были очень малы, но они могутъ, накопляясь и складываясь, опредѣлять въ концѣ концовъ, въ своемъ взаимодѣйствіи за сотни и тысячи лѣтъ, общественно-мѣновую оцѣнку. Эти индивидуальныя вліянія

либо случайны и неопредѣленны--тогда они ничего опредѣлить не могутъ, ибо въ громадной массѣ они должны суммарно уравновѣшиваться, согласно закону большихъ чиселъ; либо —эти вліянія подчинены опредѣленной, объективной закономѣрности; но тогда надо найти эту опредѣляющую ихъ закономѣрность, а безъ нея они опять-таки ничего не объясняютъ.

Все это становится особенно очевиднымъ, если принять во вниманіе, что въ массѣ случаевъ личности вообще не въ состояніи дать оцѣнки по полезности тому или другому товару. Какъ велика „субъективная цѣнность“ аршина дешеваго ситца для торгующаго имъ милліонера-капиталиста, или „субъективная цѣнность“ роскошнаго наряда для шьющей его бѣдной модистки, или „субъективная цѣнность“ готоваго гроба для продающаго его гробовщика? Потребовалась масса схоластическихъ ухищреній, чтобы уложить всѣ подобные случаи въ рамки „предѣльной полезности“ *).

---

*) Образцомъ подобной схоластики можетъ служить блестяще разработанная теорія прибыли на капиталъ, данная Е. Бёмъ-Баверкомъ („Kapital und Kapitalzins“, 2 тома). Ея основная мысль такова. То или иное благо, когда оно является какъ наличное, имѣетъ болѣе значительную субъективную цѣнность, чѣмъ такое же благо, но которое предстоитъ получить въ будущемъ. 100 рублей въ настоящемъ для субъективной оцѣнки не равны 100 рублямъ въ будущемъ, но представляютъ большую величину. Поэтому, если предприниматель даетъ взаймы или затрачиваетъ на производство 100 рублей, то онъ долженъ получить обратно или выручить отъ продажи продуктовъ не 100 руб., а больше: онъ обмѣниваетъ настоящія блага на будущія, и чтобы обмѣнъ происходилъ въ соотвѣтствіи съ субъективной цѣнностью, надо, чтобы будущія блага были получены въ большемъ количествѣ. Высота процента прибыли опредѣляется при этомъ въ конечномъ счетѣ именно разницей въ субъективныхъ цѣнностяхъ н будущихъ благъ.

Эта частная теорія какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ по своему характеру общей теоріи „предѣльной полезности“. Здѣсь имѣется совершенно такой же логическій кругъ. Почему данное лицо, отдавая свои 100 рублей взаймы, субъективно оцѣниваетъ ихъ въ 105 рублей, которые придется получить черезъ годъ? Именно потому, что въ данномъ обществѣ уже сложился такой обычный % на капиталъ; въ другой экономической системѣ, гдѣ кредитный процентъ установился иной, и личность иначе оцѣниваетъ свои наличныя блага за 100 рублей желаетъ получить черезъ годъ не 105, а напр., 103 рубля. Въ обществахъ отчасти уже товарныхъ, но еще не капиталистическихъ процентъ на капиталъ представляется людямъ дѣломъ крайне неестественнымъ, противорѣчащимъ и природѣ и разуму. Значитъ ли это, что эти люди заблуждаются въ субъективной оцѣнкѣ настоящихъ и будущихъ благъ? Но тогда всякая вообще „субъективная цѣнность“ можетъ оказаться заблужденіемъ; и гдѣ здѣсь критерій истины?

Въ обществахъ, гдѣ нѣтъ эксплоатаціи, никому не приходитъ въ голову, что 100 пудовъ хлѣба въ настоящемъ больше, чѣмъ 100 пудовъ въ будущемъ: тѣ и другіе означаютъ пропитаніе такого-то числа людей въ теченіе такого-то, въ обоихъ случаяхъ одинаковаго, промежутка времени. Если въ буржуазной психологіи дѣло обстоитъ иначе, то именно потому, что есть возможность съ помощью этихъ 100 пудовъ извлечь прибавочную цѣнность изъ труда другихъ людей. Прибыль въ видѣ массы прибавочнаго продукта есть нѣчто весьма объективное, и „субъективныя“ основы для нея — плохой фундаментъ.

Но если принципіально недопустимо для науки объясненіе щественныхъ фактовъ индивидуальн о-психическими особенно- ями отдѣльныхъ людей, то еще менѣе для нея допустимо объ- ненiе опредѣленнаго и сравнительно устойчиваго—неопредѣ- нымъ и колеблющимся. Теорія предѣльной полезности уво- тъ насъ изъ сферы фактовъ, доступныхъ прямому объектив- му наблюденію, въ область фактовъ, ему недоступныхъ, отъ димаго—къ невидимому. Передъ вами цѣпь открыто совершаю- ихся, количественно опредѣленныхъ мѣновыхъ процессовъ; вы тите понять причины и закономѣрность этихъ явленій—васъ иглашаютъ въ тайники внутренней душевной жизни отдѣльныхъ одей, и въ ея неопредѣленности предлагаютъ искать опредѣ- яющихъ моментовъ опредѣленнаго, въ качественномъ разно- разіи ея элементовъ искать причинъ для данныхъ количествен- ыхъ отношеній, въ ея колебаніяхъ и переходахъ — причинъ тносительнаго постоянства этихъ отношеній. Тамъ вы находите субъективную цѣнность"—слегка искаженное индивидуальностью аннаго лица *отраженіе той же объективной мѣновой цѣнности*; вамъ говорятъ: „вотъ, здѣсь и объясненіе. Теперь вы поняли?"

Передъ нами, очевидно, *мнимая* теорія, которую нельзя ни оказать, ни опровергнуть, потому что самые критеріи истины и аблужденія къ ней непримѣнимы. Ее никогда нельзя будетъ ни рямо, ни косвенно провѣрить никакими объективными опытами наблюденіями, и въ этомъ ея „преимущество": она неуязвима, акъ тѣнь или привидѣніе. Естествоиспытатель просто оскорбился ы, если бы ему предложили такую теорію *).

Поразительное незнакомство громаднаго большинства уче- ыхъ экономистовъ съ точными научными методами, выработан- ыми въ болѣе развитыхъ областяхъ науки, безспорно, весьма лагопріятное условіе для сохраненія такихъ экономическихъ тео-

---

Апологетическій характеръ теоріи очевиденъ. Прибыль въ ней высту- аетъ не какъ результатъ эксплоатаціи, а какъ результатъ простого теченія ремени съ одной стороны, и „субъективно-психологическихъ" оцѣнокъ съ ругой. А такъ какъ время есть законное достояніе всякаго человѣка, право на „субъективную" оцѣнку благъ — „неотъемлемое естественное право", акъ сказалъ бы г. Бердяевъ, то прибыль оказывается тоже „естественнымъ равомъ" капитала.

*) Не улучшается положеніе дѣла и тогда, когда теорію предѣльной по- езности „дополняютъ" теоріей издержекъ производства. Эта послѣдняя „объ- яняетъ" цѣну каждаго товара цѣной средствъ его производства плюсъ „обыч- ая прибыль". Цѣна этихъ средствъ производства подлежитъ точно такому же бъясненію". Такимъ образомъ теорія указываетъ только—и то довольно не- редѣленно—связь между цѣнами различныхъ товаровъ; но этимъ ровно ни- го не дается для пониманія *цѣнъ вообще*, для уясненія *основъ обмѣна*. Въ омъ смыслѣ наивная формула — „цѣна роди цѣну отъ цѣны" — очевидно, къ же безполезна и пуста, какъ формула предѣльной полезности, и какъ ни рмонично сочетаніе безсодержательности „субъективно-психологической" съ зсодержательностью „объективно-экономической", но очевидно, и изъ него может получаться реальной теоріи цѣнности, а опять только *мнимая*.

рій, какъ теорія предѣльной полезности. Но основная причина ихъ фактическаго господства въ мірѣ каѳедры—это сила классовыхъ интересовъ, подчиняющихъ себѣ психику людей.

Итакъ, мы должны признать, что субъективно-психологическая теорія не только не можетъ замѣнить въ экономическомъ анализѣ объективно-производственной, но не можетъ даже ея дополнить. Она должна быть просто отвергнута.

Что касается принятой нами теоріи, то она, какъ теорія глубоко-жизненная, ведетъ насъ гораздо дальше своихъ непосредственныхъ задачъ. Онъ не только указываетъ намъ надежный путь къ познанію экономической дѣйствительности, но и выполняетъ великую организующую роль въ идейной жизни цѣлыхъ классовъ общества. И есть всѣ основанія думать, что въ дальнѣйшемъ ея значеніе возрастетъ еще болѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, разъ установленъ путь для перехода отъ трудовой стоимости къ мѣновой цѣнности, то вѣдь по этому пути можно идти и въ обратномъ направленіи. Производство каждаго товара слагается въ наше время изъ безчисленныхъ атомовъ труда, приложеннаго цѣлыми милліонами людей; непосредственно учесть эти атомы—трудъ совершенно немыслимый. Какъ учесть, напр., долю труда, вложенную въ стоимость даннаго продукта рабочимъ, строившимъ дорогу, по которой продуктъ былъ привезенъ: а между тѣмъ эта доля, несомнѣнно, входитъ въ общую трудовую стоимость продукта? Но технически-производственная теорія обмѣна создаетъ возможность косвеннаго суммированія такихъ атомовъ. Отъ міровыхъ цѣнъ даннаго товара мы можемъ, внося поправки по принципамъ самой теоріи, восходить къ трудовой стоимости даннаго товара, и выяснять съ возрастающей точностью ея реальную величину. Только этимъ путемъ можетъ быть создана точная картина системы распредѣленія общественнаго труда въ развивающемся капиталистическомъ производствѣ различныхъ продуктовъ, и могутъ быть найдены условія цѣлесообразнаго распредѣленія рабочихъ силъ общества для его послѣдующей планомѣрной организаціи. Безъ рѣшенія этихъ задачъ наукою невозможенъ тотъ процессъ сознательнаго преобразованія общественныхъ формъ, который шагъ за шагомъ долженъ замѣнять собою стихійность современнаго капиталистическаго развитія.

А. Богдановъ.

юмышленный капитализмъ въ Россіи за последнее десятилѣтіе.

„Le mort saisit le vif".

Могучій острый кризисъ, который вотъ уже четыре года, ъ потрясаетъ въ корнѣ молодой русскій индустріальный міръ, ническій застой въ сельскомъ хозяйствѣ, постоянные недо(ы, растущая пролетаризація крестьянства—все это, и многое другое, неизбѣжно выдвигаетъ на первый планъ вопросъ: овъ долженъ быть *дальнѣйшій* ходъ экономическаго развитія сіи?

Старый вопросъ: идетъ или не идетъ Россія по пути капитама—отошелъ въ область преданій. Но тѣмъ живучѣе другой: йствительно ли капитализмъ встрѣчаетъ у насъ на пути своего звитія *непреодолимыя* препятствія--въ малыхъ, при томъ все кращающихся, размѣрахъ внутренняго рынка и въ отсутствіи ѣшняго, котораго нѣтъ надежды завоевать; дѣйствительно ли питализмъ ведетъ у насъ не къ обобществленію производства, къ развитію производительныхъ силъ, увеличенію національго богатства, а къ „дезорганизаціи труда, къ остановкѣ или же медленію умноженія матеріальныхъ благъ"—къ регрессу, какъ о въ продолженіе многихъ лѣтъ отстаиваютъ гг. В. В., Никой—онъ и ихъ единомышленники *)? Или же причины, препят-

---

*) Въ октябрьской книжкѣ „Народ. Хозяйства" за 1902 годъ г. В. В. пиетъ: „Догматическое ученіе неомарксизма (читай: ортодоксальнаго марксизма) ыстро теряетъ власть надъ умами, а безпочвенность новѣйшихъ успѣховъ ндустріализма сдѣлалась, повидимому, совершенно очевидной даже для оффиальныхъ его апологетовъ... Въ первомъ десятилѣтіи XX-го вѣка мы возврааемся, такимъ образомъ, къ той самой постановкѣ вопроса экономическаго азвитія Россіи, какая была завѣщана своимъ преемникамъ поколѣніемъ мидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія"... (182—183 стр.). Г. Пѣшехоновъ въ ньской книжкѣ „Рус. Богатства" за 1903 г., въ статьѣ „Послѣдній ученый удъ русскаго правовѣрнаго марксизма", въ заключеніи говоритъ: „Г. Маловъ всей своей книгой—„Условія развитія сельск. хоз. въ Россіи"—приглааетъ насъ преклониться передъ двумя кумирами: передъ индустріей и са-

ствующія теперь развитію нашего капитализма, являются *временными*, вытекающими отчасти изъ самыхъ условій развитія капитализма повсюду, отчасти же изъ нашихъ особенныхъ условій, которыя являются лишь постольку „самобытными", поскольку они представляютъ наслѣдіе нашего историческаго общественнаго прошлаго? Проще говоря: лежатъ ли тормазы нашего капитализма *въ немъ самомъ* или же въ окружающей его *общей обстановкѣ*, въ той „надстройкѣ", которую онъ рано или поздно долженъ разрушить, чтобы имѣть возможность развивать свои производительныя силы, а тѣмъ самымъ сыграть у насъ такую же творческую роль, какъ и на Западѣ? — вотъ вопросъ, посильнымъ отвѣтомъ на который и является настоящая статья.

I.

Капитализмъ неразрывно связанъ съ рынками, вотъ почему центръ тяжести народническо-экономической литературы составляла теорія рынковъ. Съ нея то мы и начнемъ.

Въ основѣ народнической теоріи рынковъ лежитъ анализъ товарной цѣнности, данный Ад. Смитомъ. Его положеніе, что вся товарная цѣнность въ концѣ концовъ разлагается на заработную плату, прибыль и ренту, послужило исходнымъ пунктомъ для утвержденія западно-европейскихъ экономистовъ до Маркса, а нашихъ народниковъ, по ироніи судьбы, послѣ него, что *потребители — личные — въ послѣднемъ счетѣ должны оплатить валовую цѣнность валового продукта производителямъ*. Такъ, г. Южаковъ въ статьѣ: „Вопросы экономическаго развитія Россіи" („Рус. Богат." 1893 г. №№ 11 и 12) дословно повторяетъ Рикардо *), что „въ

мымъ обыкновеннымъ капитализмомъ. На алтарь ихъ, ради развитія производительныхъ силъ, нами принесены уже обильныя жертвы. Пора бы, казалось, убѣдиться въ непосильности и безцѣльности этихъ жертвъ, пора бы усомниться въ божественныхъ достоинствахъ этихъ фетишей" (136 стр.) Г. Пѣшехоновъ называетъ „преклоненіемъ передъ кумирами" теоретически выраженное сознаніе, что при *настоящихъ* условіяхъ экономическое *развитіе* Россія можетъ идти *только* путемъ капитализма („самаго обыкновеннаго", г. Пѣшехоновъ, а то какой еще имѣется?)... Спиноза давно сказалъ: не плакать, не смѣяться, а *понимать*. Этому завѣту великаго философа, съ которымъ марксизмъ стоитъ въ преемственной связи, и слѣдуютъ Масловъ и его единомышленники: и разъ понявъ, они сообразно съ этимъ *и дѣйствуютъ*. Въ виду бьющихъ въ глаза фактовъ, что дѣлаютъ они это не ad majorem gloriam капитала, говорить о какомъ-то „приглашеніи къ преклоненію" по меньшей мѣрѣ странно, г. Пѣшехоновъ. „Правовѣрные марксисты" знаютъ, далѣе, не меньше г. Пѣшехонова о „безцѣльности", болѣе того, о вредности многихъ жертвъ, принесенныхъ у насъ капиталу. У г. В. В., въ указанномъ нами выше мѣстѣ, онъ могъ бы узнать, что они объявили „благодѣтельнымъ въ общемъ итогѣ значеніе развитія капитализма, которое разсматривалось, какъ явленіе совершенно самостоятельное, а соотвѣтствующія правительственныя мѣропріятія объявлялись скорѣе задерживающими, чѣмъ способствующими росту индустріализма"... (182 стр.).

*) Тѣмъ самымъ и Ад. Смита: различіе между Рикардо и послѣднимъ

концѣ концовъ, если разсматривать рыночный товаръ съ точки зрѣнія не предпринимателя или рабочаго, а всего общества, то въ его мѣновой цѣнности будетъ заключаться рабочая плата многихъ рабочихъ и прибыль многихъ капиталистовъ. Доля рабочаго и доля капиталиста—вотъ составныя части мѣновой цѣнности". Такой взглядъ приводитъ г. Южакова къ слѣдующему: „Способность рынка поглотить все производство, тѣмъ болѣе все растущее производство, зависитъ, слѣдовательно, отъ отношенія, которое устанавливается между этими двумя величинами: всей мѣновой цѣнности, внесенной на рынокъ, и величиной всѣхъ мѣновыхъ знаковъ, денегъ, которыми обладаютъ потребители и располагаютъ для потребленія". Но въ капиталистическомъ производствѣ,—предполагая въ немъ только рабочихъ и капиталистовъ,—первые могутъ реализовать лишь ту часть годового продукта, которая равна потраченному на нихъ перемѣнному капиталу, а капиталисты оплачивать лишь ту часть прибавочнаго продукта, которую потребляютъ лично. Какъ же быть съ остальной частью прибавочнаго продукта? „Очевидно,—продолжаетъ г. Южаковъ,—что потребить эту часть нерабочіе классы могли бы лишь въ томъ случаѣ, если бы они не богатѣли. Накопленіе богатства означаетъ, что богатѣющіе потребляютъ не все полученное. Но если не все потреблено, то не вся произведенная цѣнность реализована... Очевидно одно изъ двухъ: или нерабочіе классы должны потреблять всю прибавочную цѣнность и въ такомъ случаѣ не богатѣть или же, если они богатѣютъ, то эту прибавочную цѣнность долженъ потребить кто-то другой. Рабочіе классы собственной страны потребить не могутъ, значитъ ее должны потребить иностранцы... Внѣшній рынокъ является, такимъ образомъ, необходимымъ дополненіемъ капитализаціи промысловъ и денежнаго хозяйства".

Короче говоря: *вся* цѣнность *всѣхъ* продуктовъ, въ томъ числѣ *вся* прибавочная цѣнность можетъ быть потреблена *только лично, часть* ея должна быть потреблена *только иностранцами*, чтобы капиталисты могли богатѣть, чтобы производство могло *расширяться*!—такова сущность теоріи рынковъ одного изъ представителей этой школы г. Южакова.

Отъ г. В. В. („Очерки теоретической экономіи") мы знаемъ, что „ахиллесова пята капиталистической организаціи промышленности заключается въ *затруднительности* для владѣющихъ классовъ *потребить весь свой доходъ*... При такомъ положеніи дѣлъ остается или направить избытокъ дохода на расширеніе производства, (это „или" здѣсь великолѣпно! А. Ф.) или тѣмъ или инымъ способомъ передать его для потребленія лицамъ въ про-

---

заключается здѣсь въ томъ, что первый не считаетъ земельную ренту необходимой *составной* частью товарной цѣнности. Г. Южаковъ справедливо согласенъ съ Рикардо.

изводствѣ не участвующимъ, или вѣчно находиться въ ожиданіи кризисовъ, сначала острыхъ, а потомъ хроническихъ"... А. Волгинъ въ своихъ „Обоснованіяхъ народничества" показалъ г. В. В., что за эластичностью человѣческаго желудка дѣло не станетъ. Значитъ ли это, что ахиллесовой пяты у капитализма нѣтъ? Нисколько, она несомнѣнно есть. Но тотъ фактъ, что г. В. В., какъ и г. Южаковъ, видитъ въ *личномъ* потребленіи цѣль капитала, достаточно краснорѣчиво говоритъ, насколько они оба глубоко понимаютъ сущность капитализма, насколько они въ состояніи отличить сильныя и слабыя стороны его и найти дѣйствительно уязвимую пяту капитализма. Въ дѣлѣ общественнаго распредѣленія продукта и для г. В. В. вся трудность сводится къ тому, что на внутреннемъ рынкѣ, по самому характеру капиталистическаго производства, *весь* прибавочный продуктъ не можетъ быть оплаченъ *личнымъ потребителемъ*... Отсюда и у него необходимость внѣшняго рынка... То же самое мы видимъ и у Николай—она.

Послѣдній исходитъ изъ положенія: „Весь вновь произведенный годичный продуктъ можно подраздѣлить на двѣ части; одну, которую получаютъ въ видѣ заработной платы рабочіе, и другую, которую получаютъ капиталисты" *). Благодаря этому онъ впадаетъ въ двойную ошибку. Его задача—изслѣдовать роль внутренняго рынка, т. е. показать: какимъ образомъ происходитъ въ данной странѣ распредѣленіе всего общественнаго продукта, какимъ образомъ реализуется вся товарная цѣнность *всего* годичнаго продукта. Анализируя лишь „весь вновь произведенный годичный продуктъ", т. е. лишь ту часть всего годичнаго продукта, которая соотвѣтствуетъ вновь приложенному годичному труду, онъ оставляетъ безъ отвѣта: что же происходитъ съ остальной частью, какъ она *оплачивается*? Но если, ограничивъ область своего изслѣдованія только „вновь произведеннымъ продуктомъ", Н.—онъ и имѣлъ какое-либо основаніе игнорировать этотъ вопросъ, то онъ долженъ былъ все-таки отвѣтить на другой: какимъ образомъ *возмѣщается* другая часть всего годичнаго продукта, которую въ pendant ко „вновь произведенной" назовемъ, „старой"? **). Устранивъ совершенно вопросъ о *капитальной постоянной* цѣнности, Н.—онъ, подобно гг. Южакову и В. В., раздѣляетъ ошибку классической экономической школы, которая полагала, что постоянный капиталъ является лишь воображаемымъ элементомъ товарной цѣнности, который совсѣмъ исчезаетъ въ анализѣ всего процесса общественнаго воспроизводства.

Но и само положеніе, что весь вновь произведенный продуктъ подраздѣляется на v + m, т. е. на доходы, при изслѣдо-

*) „Очерки нашего пореформ. обществ. хозяйства" 1893 г., стр. 202—205.

**) „Возмѣщается", говоримъ мы потому, что она потеряла свою старую оболочку, войдя въ общественный годичный продуктъ.

ніи условій общественнаго распредѣленія продукта можетъ шь сбивать съ толку, потому что оно въ лучшемъ случаѣ ниго не выражаетъ. Вновь произведенный продуктъ распадается дѣйствительности на средства потребленія и средства произдства, т. е. на собственно „доходы" и на капиталъ. Часть вновь иложеннаго труда идетъ постоянно на замѣщеніе въ натурѣ, воспроизводство затраченнаго постояннаго капитала и, хотя а и выражается въ формѣ „дохода" рабочихъ и капиталистовъ, съ точки зрѣнія *общественнаго производства* не распадается на и на m.

По Николай—ону: „Хотя прибавочная стоимость, получаемая питалистомъ, и можетъ быть реализована въ прибавочномъ одуктѣ цѣлаго ряда другихъ капиталистовъ и, наоборотъ, привочная стоимость другихъ фабрикантовъ, хотя и можетъ быть ализована въ прибавочномъ продуктѣ нашего капиталиста, и аимнымъ обмѣномъ прибавочныхъ стоимостей, такимъ образомъ, ализовать прибавочныя стоимости, произведенныя рабочими ждой изъ отдѣльныхъ фабрикъ, какъ это дѣйствительно и сорщается, но надо припомнить, что *такая реализація совершается лько продуктами одного рода производства, именно того, который нимается изготовленіемъ предметовъ личнаго потребленія*, которое, къ бы широко ни было, можетъ дать занятіе очень ограниченму числу рабочихъ" (l. c. 204 стр. Подчеркнуто нами. А. Ф.). о хотѣлъ Н.—онъ сказать этой туманной фразой? Если то, что мѣнъ прибавочныхъ цѣнностей между отдѣльными капиталиами возможенъ только въ отдѣлѣ производства средствъ поебленія, тогда спрашивается: какимъ же образомъ происходитъ евращеніе прибавочной цѣнности въ капиталъ? Развѣ нѣтъ мѣна прибавочныхъ цѣнностей въ отдѣлѣ производства средствъ оизводства, и далѣе, развѣ не происходитъ обмѣнъ между катталистами обоихъ отдѣловъ? Если же эта фраза означаетъ то, о лишь продукты *личнаго* потребленія могутъ реализовать и ализуютъ въ послѣднемъ счетѣ *всю* прибавочную цѣнность, то і здѣсь снова встрѣчаемся съ знакомымъ намъ старымъ догмамъ политической экономіи, который исповѣдуютъ и гг. В. В. и жаковъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ утвержденія Н.—она сятъ въ воздухѣ *).

*) Вся ошибочность пониманія Н.—ономъ процесса воспроизводства и ращенія общественнаго капитала бросается въ глаза въ его сравненіи прокта единичнаго капиталиста съ продуктомъ общественнаго валового капила. „...Какъ отдѣльный фабрикантъ, какъ капиталистъ,—пишетъ онъ,—не жетъ просуществовать и дня, если его рынокъ ограниченъ только предѣми потребностей его рабочихъ и его собственныхъ, точно также не можетъ довлетвориться однимъ своимъ собственнымъ внутреннимъ рынкомъ и развившаяся капиталистическая нація" (l. c. 205 стр.) Н.—онъ забываетъ, что апиталистическій рынокъ состоитъ не изъ однихъ только предметовъ *личго* потребленія... Указываемый имъ фактъ, что продуктъ каждой фабрики ревосходитъ потребность въ немъ капиталиста и рабочихъ, является conditio

Неожиданнаго союзника въ своей теоріи рынковъ наши народники нашли въ Эд. Бернштейнѣ. Въ своихъ „Voraussetzungen etc". послѣдній пишетъ: „Отличительная черта современнаго способа производства—это высокое развитіе производительности труда. Результатомъ этого является не менѣе высокій ростъ производства—массовое производство *средствъ потребленія*. Куда дѣвается это богатство? Или, если поставить вопросъ ребромъ, куда дѣвается *прибавочный продуктъ*, который производится промышленными рабочими сверхъ средствъ потребленія, ограниченныхъ ихъ заработной платой. Если бы магнаты-капиталисты обладали въ десять разъ болѣе широкими желудками, чѣмъ имъ приписываетъ народная мудрость, и если бы они имѣли вдесятеро больше слугъ, чѣмъ у нихъ находится въ дѣйствительности, то и тогда въ сравненіи съ массой годового національнаго продукта—слѣдуетъ помнить, что капиталистическое производство прежде всего *массовое* производство—ихъ потребленіе было бы каплей въ морѣ. Намъ скажутъ: они вывозятъ избытокъ. Прекрасно, но иностранный потребитель въ концѣ концовъ оплачиваетъ этотъ избытокъ также товарами"... *). Г. Бернштейнъ забылъ, что на ряду съ личнымъ потребленіемъ существуетъ и *производительное*, и что цѣль капиталистовъ именно въ *накопленіи*, въ *увеличеніи капитала*—на это и указалъ ему Каутскій въ своей антикритикѣ. Отсюда-то и „вопросъ" г. Бернштейна, столь хорошо знакомый русской публикѣ по народнической литературѣ.

Своимъ анализомъ процесса воспроизводства всего общественнаго капитала, даннымъ во II и въ III томахъ „Капитала", Марксъ впервые разрѣшилъ важнѣйшій вопросъ о реализаціи и о возмѣщеніи постоянной капитальной цѣнности годичнаго продукта, вопросъ, котораго классическая экономическая школа и не ставила себѣ. Расчленивъ весь общественный капиталъ на два класса: I-ый—производители средствъ производства и II-ой—производители средствъ потребленія,—что не гипотеза, какъ говорятъ нѣкоторые критики, а выраженіе дѣйствительнаго общественнаго факта—онъ показалъ, что реализаціи постоянной части капитала происходитъ отчасти такимъ путемъ, что постоянная часть капитала возмѣщается in natura или обмѣномъ между

---

sine qua non существованія капиталистическаго производства. Ибо, если бы продуктъ отдѣльной фабрики равнялся по своей цѣнности v + m, т. е. созданной въ ней цѣнности, то какимъ образомъ возмѣщалась бы постоянная капитальная цѣнность c, такъ какъ продуктъ каждой фабрики состоитъ изъ c + v + m? Этотъ продуктъ по своей цѣнности *долженъ* быть больше v + m. Точно также „продуктъ капиталист. націй" *долженъ* превосходить по своей цѣнности ту, которая вновь произведена и можетъ быть потреблена „всѣмъ занятымъ промышленнымъ населеніемъ". Ибо иначе, какъ могъ бы возмѣщаться *постоянный* общественный капиталъ, уже не говоря о постоянномъ *увеличеніи* его?

*) L. c. 51—52 стр. Рус. перев. Канцель: „Истор. матеріализмъ" 1901 г. стр. 91—92.

мими капиталистами I класса — процессъ, къ которому личные требители не имѣютъ непосредственнаго отношенія, — отчасти такимъ путемъ, что постоянная часть капитала, входящая II классъ, потребляется въ натуральной формѣ рабочими и питалистами I, а произведенныя средства производства въ омъ классѣ, ихъ доходы, потребляются производительно капиталистами II. Далѣе онъ показалъ, какъ при *расширяющемся* проводствѣ часть прибавочной цѣнности, которая превращается капиталъ, реализуется и распредѣляется отчасти in natura и обмѣномъ непосредственно между капиталистами I класса — оцессъ, къ которому *личный* потребитель опять таки не имѣетъ ямого отношенія, — отчасти обращеніемъ между классомъ I и и, наконецъ, отчасти въ самомъ II классѣ. Такимъ рѣшеніемъ дачи Марксъ рельефно показалъ роль *производительнаго* потребнія въ капиталистическомъ производствѣ; подчеркнулъ, что е самый фактъ, что часть общественнаго прибавочнаго прокта должна дѣйствовать производительно, какъ *капиталъ*, пооываетъ, что она не можетъ быть потреблена лично, въ видѣ *ода*; доказалъ, наконецъ, всю нелѣпость господствовавшаго со еменъ Ад. Смита взгляда, что „личные потребители должны *атить* всю цѣнность валового продукта производителямъ". имъ самымъ рухнули и всѣ выводы изъ этого взгляда, рухла и теорія рынковъ нашей народническо-экономической школы Бернштейновскій варіантъ этой теоріи.

Намъ не зачѣмъ здѣсь дальше останавливаться на критикѣ оріи рынковъ нашихъ народниковъ съ точки зрѣнія этого аназа Маркса, такъ какъ въ болѣе или менѣе вѣрномъ видѣ она свое время была дана г. Т.-Барановскимъ, В. Ильинымъ, Булгаковымъ и друг. Передъ нами другая задача. Этотъ аназъ послужилъ г. Т.-Барановскому, а за нимъ и г. Булгакову нованіемъ для постройки *новой* теоріи рынковъ *). Послѣдняя концѣ 90-хъ годовъ вызвала оживленную полемику въ нашей ріодической печати; она служитъ предметомъ критики и въ рманской литературѣ со времени выхода въ 1900 г. „Промышл. изисовъ" Т.-Барановскаго на нѣмецкомъ языкѣ. Спрашивается: йствительно ли эта теорія неизбѣжно вытекаетъ изъ анализа ркса, какъ въ этомъ увѣряли насъ гг. Т.-Барановскій и Булковъ; дѣйствительно ли только незаконченность II тома „Капила" помѣшала автору его придти къ этой же теоріи, и только совершенствомъ обработки III тома объясняется, почему Марксъ ъ, повидимому, другого мнѣнія на этотъ счетъ, — какъ это торитетно заявилъ г. Т.-Барановскій? Наша задача, далѣе, вынить: вѣрна или ложна *эта* теорія рынковъ?

*) Т.-Барановскій: „Промышл. кризисы въ соврем. Англіи" 1894 г.; . II. 1900 г.; „Капитализмъ и рынокъ", „Міръ Божій" 1898 г. VI.; „Очерки новѣйшей исторіи полит. экономіи" 1903 г. С. Булгаковъ: „О рынкахъ капит. производствѣ" 1897 г.

II.

Въ противоположность меркантильной системѣ, являвшейся теоретическимъ выраженіемъ поверхностныхъ явленій процесса капиталистическаго обращенія, классическая политическая экономія избрала предметомъ своихъ изслѣдованій самый процессъ производства капитала. Въ основу свою анализа движенія общественнаго капитала она поставила, поэтому, исключительно форму движенія производительнаго капитала: П... П', между тѣмъ какъ меркантилисты исходили изъ формы Д... Д' (денежнаго капитала). Это былъ шагъ впередъ по отношенію къ послѣднимъ, но шагъ назадъ сравнительно съ физіократами, исходной точкой которыхъ была форма Т'... Т' (товарный капиталъ).

Формула движенія П... П' одностороння: она показываетъ лишь періодическое возобновленіе функціи *производительнаго* капитала, который, какъ и денежный капиталъ, является лишь отдѣльной фазой во всемъ процессѣ круговращенія общественнаго *промышленнаго* капитала, о которомъ только и можетъ идти рѣчь при анализѣ всего общественнаго воспроизводства и обращенія. Далѣе, формула эта ничего не говоритъ о томъ, что *цѣль* капиталистич. производства—*возрастаніе цѣнности*, увеличеніе капитала, *обогащеніе для обогащенія*. Вотъ почему выборъ этой формулы классической экономической школой привелъ ее къ невѣрному изображенію капиталистическаго производства, какъ производства, *имѣющаго своей цѣлью само производство*. Вотъ почему она не видѣла никакихъ другихъ границъ расширенію производства, кромѣ размѣра производительныхъ силъ, не видѣла тѣхъ постоянныхъ препятствій, которыя ставятся капиталистическому производству его *узкой* цѣлью: „увеличеніемъ *цѣнности* наличнаго капитала *).

Ад. Смитъ, Рикардо, а за ними и другіе, различали производительное потребленіе отъ непроизводительнаго и считали первое характернымъ для капиталистическаго накопленія. Въ этомъ одна изъ ихъ заслугъ. Но ихъ *ошибка* состояла въ томъ, что они считали капитализаціей прибавочной цѣнности исключительно обращеніе ея въ перемѣнный капиталъ, т. е. обмѣнъ ея на добавочную рабочую силу. Этимъ самымъ производительное потребленіе отождествлялось съ личнымъ потребленіемъ производительныхъ рабочихъ. Изъ этого прямо вытекло, что производительное потребленіе вызываетъ само по себѣ соотвѣтствующій ростъ личнаго. И Ад. Смитъ, и Рикардо, и Дж. Ст. Милль, и Сей, и Сисмонди раздѣляютъ одну ошибку: они игнорируютъ постоянный капиталъ, средства производства. Но заслуга Сисмонди въ томъ, что онъ подчеркнулъ, хотя и плохо формулировалъ, про-

---

*) См. Карлъ Марксъ, II томъ „Капитала", I отдѣлъ 1—3 главы.

тиворѣчіе капитализма. состоящее въ тенденціи уменьшить этотъ перемѣнный капиталъ, ограничить *этотъ спросъ.*

Поверхностный анализъ этой же формулы П... П′, особенно у вульгарной экономіи, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что не обращалось вниманія ни на свойства денежнаго капитала въ капиталистическомъ обращеніи, ни на свойства товарнаго, на составныя части послѣдняго и особенности ихъ движенія,—не видѣли, что „замѣна товара товаромъ, обусловленная производствомъ прибавочной цѣнности, есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ обмѣнъ продуктовъ при посредствѣ денегъ“ (Марксъ).

Только непониманіемъ специфическихъ особенностей обмѣна въ капиталистическомъ производствѣ, отличительнаго характера „общественнаго распредѣленія *продукта*, которое имѣетъ своей основой и условіемъ распредѣленіе *элементовъ* производства, именно разобщеніе рабочей силы, какъ товара рабочаго, отъ средствъ производства, какъ собственности нерабочихъ“ *), объясняется,

*) Съ легкой руки г. П. Струве („Жизнь“ 1900, № 2, стр. 305) и другіе начали у насъ утверждать, что „проблема раздѣленія общественнаго продукта между соціальными классами не связана непосредственно ни съ вопросомъ созданія продукта, ни съ вопросомъ объ образованіи и мѣрилѣ цѣнности“. Въ Рукописи, относящейся къ 1857 г. Марксъ подробно останавливается на сущности распредѣленія и его отношенія къ производству, и показываетъ всю ошибочность такого взгляда. „Разсматривать производство,—пишетъ онъ,—безъ заключающагося въ немъ распредѣленія элементовъ производства—это, очевидно, пустая абстракція; между тѣмъ какъ, наоборотъ, распредѣленіе продуктовъ дано тѣмъ распредѣленіемъ, являющимся съ самаго начала моментомъ производства... Рикардо („къ осторожному реализму“ котораго насъ зоветъ „назадъ“ г. Струве),—задача котораго заключалась въ разсмотрѣніи современнаго производства въ его опредѣленномъ общественномъ расчлененіи, и который былъ экономистомъ производства par excellence, объявляетъ именно поэтому темой современной экономіи не производство, но распредѣленіе. Въ этомъ отношеніи онъ идетъ по ложнымъ стопамъ экономистовъ, которые развиваютъ производство, какъ вѣчную истину, между тѣмъ какъ исторію они гонятъ въ область распредѣленія“.

„...Результатъ, къ которому мы пришли,—говоритъ въ заключеніе Марксъ,—это не тотъ, что производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе идентичны, но что они образуютъ части одного цѣлаго, различія одного общаго. Производство доминируетъ какъ надъ самимъ собой въ своихъ противоположныхъ опредѣленіяхъ производства, такъ и надъ другими моментами. Имъ процессъ всегда начинается снова. Что обмѣнъ и потребленіе не могутъ быть преобладающими моментами, это ясно самой собой. То же самое относится и къ распредѣленію *продуктовъ*. Но какъ распредѣленіе *агентовъ* производства, распредѣленіе само является моментомъ производства. *Опредѣленная форма производства* опредѣляетъ, такимъ образомъ, *опредѣленныя формы потребленія, распредѣленія, обмѣна и опредѣленныя отношенія* различныхъ моментовъ между собой... Между различными моментами происходитъ взаимодѣйствіе. Это имѣетъ мѣсто во всякомъ органическомъ цѣломъ („N. Zeit“, 1903, № 24). Что сказать г. Прокоповичу, который въ своей soi disant „Критикѣ Маркса“ (С.-Петербургъ, 1901 г., 114—115 стр.) навязываетъ прежде всего послѣднему схему: „производство—обращеніе—распредѣленіе“ и затѣмъ получаетъ его: „Правило обращенія товаровъ находится въ строгой зависимости отъ правила распредѣленія годового продукта между отдѣльными общественными классами. Другими словами схема должна быть такова: производство—распредѣленіе—обращеніе“? Г. Про-

почему Рикардо, Милль, въ особенности же школа Сея-Бастіа, утверждали, что *общее* товарное перепроизводство, избыточное производство, вообще невозможно.

Казалось бы, что все это такія истины, которыя не зачѣмъ и повторять. Казалось бы, что послѣ выхода въ свѣтъ всѣхъ трехъ томовъ „Капитала", въ которыхъ противорѣчія современнаго производства раскрыты воочію обнажены въ деталяхъ, не можетъ имѣть мѣста утвержденіе, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ „границы производству полагаются только размѣрами производительныхъ силъ, которыми располагаетъ нація..., что никакихъ *внѣшнихъ* границъ для расширенія производства, кромѣ недостаточности производительныхъ силъ, не существуетъ". А между тѣмъ оказывается, что этотъ старый хламъ, но подъ новымъ ярлыкомъ, преподносится русской и нѣмецкой публикѣ именно нашими „ревизіонистами", г. Т.-Барановскимъ и К°.

„Въ нашихъ работахъ: „Промышленные кризисы" и „Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England"—говоритъ г. Т.-Барановскій—читатель найдетъ доказательство тезиса, который можетъ казаться парадоксомъ, гласящаго, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ не потребленіе управляетъ производствомъ, а производство потребленіемъ, и что общественное производство при пропорціональномъ распредѣленіи его *само создаетъ себѣ спросъ*". („Очерки etc", 1903 г. 165 стр.). „Выводы, къ которымъ я пришелъ,—писалъ г. Т.-Барановскій въ 1898 году,—явились развитіемъ теоріи классической школы политической экономіи о невозможности общаго товарнаго перепроизводства, и основаны на замѣчательномъ анализѣ воспроизводства и обращенія даннаго Марксомъ въ двухъ главахъ II тома „Капитала" *). Если г. Т.-Барановскій такъ или иначе признавалъ тутъ свое родство съ буржуазной экономіей, то этого нельзя сказать о г. Булгаковѣ. Въ своей книгѣ—„О рынкахъ" онъ подвергъ основательной критикѣ теоретиковъ „невозможности общаго товарнаго перепроизводства", отмѣтилъ также ошибки ученія о рынкахъ противоположной школы (фонъ-Кирхмана и др.) и пришелъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же выводамъ, что и г. Т.-Барановскій, „пришелъ—какъ говоритъ—на основаніи изученія анализа общественнаго воспроизводства Маркса". Посмотримъ, поэтому, на дѣло ближе.

Во II-мъ томѣ „Капитала" Марксъ далъ анализъ процесса воспроизводства лишь съ чисто *формальной* стороны, т. е. предполагая, что всѣ условія, необходимыя для реализаціи, и возмѣщенія товарнаго продукта въ сферѣ обращенія соотвѣтственно напередъ даны. Роли денежнаго и кредитнаго капиталовъ, тѣхъ измѣненій, которыя они вносятъ въ процессъ воспроизводства, онъ совсѣмъ

коновичъ думаетъ, что дѣлаетъ великое открытіе, повторяя старую „схему" буржуазныхъ экономистовъ: производство, распредѣленіе, обмѣнъ и потребленіе, схему, „поверхностность" которой показалъ Марксъ въ той же рукописи.

*) „Капитализмъ и рынокъ", l. c. 121, 123—125 стр.

затронулъ, или точнѣе едва-едва коснулся въ своемъ ана-
зѣ, а отъ Энгельса извѣстно, какое значеніе придавалъ онъ
ъ *). Не ввелъ Марксъ въ свой анализъ и условія *обществен-
го распредѣленія продукта.* Но отдѣльныя мѣста, какъ во II, такъ
въ III томахъ, показываютъ, что онъ имѣлъ и это въ виду. Онъ
не могъ дать во II томѣ теоріи рынковъ, потому что для этого
у нужно было бы раньше изслѣдовать такъ называемое „об-
щественное потребленіе", т. е. проанализировать различные виды
дохода" и ихъ взаимное отношеніе, а это онъ могъ сдѣлать лишь
ъ III томѣ. Задача, которую Марксъ прежде всего поставилъ въ
I отдѣлѣ II тома, была показать, какимъ образомъ происходитъ
еализація постояннаго капитала, его возмѣщеніе и расширеніе.
на могла быть рѣшена и дѣйствительно была рѣшена *такимъ*
нализомъ, представляя всесторонній разборъ формулы П... П',
е. *производительнаго* капитала... *Рынокъ* же, сфера *общаго* товар-
аго обращенія въ капиталистическомъ производствѣ, состоитъ,—
оворитъ Марксъ,—не только изъ круговращенія товаровъ, соста-
вляющихъ собственно капиталъ, но и изъ товаровъ, входящихъ
ъ личное потребленіе; онъ включаетъ въ себѣ не только сово-
упность единичныхъ капиталовъ общества, но и обращеніе цѣн-
остей, появившихся на немъ не въ видѣ капитала. Общая же
ормула капиталистическаго товарнаго обращенія, повторяемъ,
о—Т'—Т'.

Не понявъ, о чемъ у Маркса идетъ рѣчь, г. Т.-Барановскій
утверждаетъ, что „анализъ Маркса не что иное, какъ болѣе
ное и законченное выраженіе того же самаго, что довольно
удачно старался доказать Милль", и что выводы его, Т.-Бара-
вскаго, взятые у Сея и Милля, съ „логической неизбѣжностью
текаютъ изъ замѣчательнаго анализа Маркса". Но въ этомъ
жно сомнѣваться уже потому, что, по словамъ самого г. Т.-Бара-
вскаго, „эти выводы *отнюдь не были формулированы Марксомъ*".
въ другомъ мѣстѣ г. Т.-Барановскій говоритъ: „изложенное
меня рѣшеніе вопроса о роли внѣшняго рынка для капитали-
ической страны, цѣликомъ принимаемое Булгаковымъ, *отнюдь*
взято у Маркса"... И это совершенно вѣрно: Марксъ *такихъ*
щей говорить не могъ. И вотъ почему.

Альфой и омегой теоріи рынковъ гг. Т.-Барановскаго и Булга-
ва является то, что капиталистическое производство имѣетъ
лью само производство, а потому оно и *безгранично*. Это невѣрно.
о цѣль—прибавочная цѣнность. Послѣднее они сами неодно-

*) Во II томѣ и именно въ отдѣлѣ: „О воспроизводствѣ и обращеніи
го общественнаго капитала" Марксъ говоритъ: „Какъ простое товарное об-
щеніе не тождественно съ простымъ обмѣномъ продуктовъ, точно также
нѣнъ годичнаго товарнаго продукта *не можетъ быть сведенъ на непосред-
ственный взаимный обмѣнъ его различныхъ составныхъ частей.* Въ немъ деньги
аютъ своеобразную роль, которая выражается именно также въ способѣ
производства основной капитальной цѣнности" (рус. пер. 343 стр.).

кратно повторяютъ, сами справедливо упрекаютъ народниковъ въ игнорированіи этого факта, но въ концѣ концовъ оказывается, что они сами плохо поняли все его значеніе. Что въ капиталистическомъ строѣ производство обгоняетъ потребленіе, что оно не руководится *даннымъ* вопросомъ—это несомнѣнно. Въ противоположность докапиталистическимъ способамъ производства здѣсь не только спросъ вызываетъ предложеніе, но предложеніе—спросъ. Но производительное потребленіе въ капиталистическомъ строѣ само по себѣ безгранично, личное же — въ силу антагонистическихъ условій распредѣленія и самой цѣли капитала — ограничено. Спрашивается: существуетъ ли между производительнымъ и личнымъ потребленіемъ *внутренняя* связь? Гг. Т.-Барановскій и Булгаковъ отвѣчаютъ: *нѣтъ, не существуетъ.*

„Хотя условія производства и потребленія и находятся въ антагонизмѣ..., говоритъ г. Булгаковъ, но нужно ли повторять, что капиталистическое производство способно къ *безграничному расширенію, несмотря или даже вопреки сокращенію потребленія*"... „При пропорціональномъ распредѣленіи національнаго производства, вторитъ ему г. Т.-Барановскій,—предложеніе товаровъ *всегда* балансируется спросомъ, *какъ бы ни измѣнялась сумма народнаго дохода и какъ бы ни сокращалось народное потребленіе*"... *) Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Развѣ этотъ постоянный ростъ производительнаго потребленія, это постоянное накопленіе орудій производства совершается an und für sich, вовсе не сообразуясь съ общественными потребностями въ нихъ, съ *количествомъ* этихъ потребностей? Производительное потребленіе совершается потому, что оно создаетъ *цѣнности*; но это возможно только потому, что это потребленіе соотвѣтствуетъ *общественной потребности* въ немъ, въ послѣдней инстанціи — общественному *личному* потребленію. Производительное потребленіе безъ личнаго—безсмыслица съ *общественной* точки зрѣнія. Гг. Туганъ-Барановскій и Булгаковъ забываютъ, что капитализмъ—лишь опредѣленная *историческая* система *общественнаго* производства. „Законы природы, —писалъ Марксъ своему другу д-ру Кугельману,—вообще не могутъ быть устранены. Въ различныхъ историческихъ состояніяхъ можетъ измѣняться только форма, какую принимаетъ дѣйствіе *этихъ* законовъ. Опредѣленная форма общественнаго производства нимало не устраняетъ необходимости распредѣленія общественнаго труда въ извѣстныхъ пропорціяхъ соотвѣтственно различнымъ массамъ потребностей; она можетъ измѣнить только *форму* ея проявленія. Въ обществѣ, гдѣ связующимъ элементомъ общественнаго труда является частный обмѣнъ индивидуальныхъ продуктовъ труда—

*) С. Булгаковъ: „О рынкахъ etc." стр. 161 и 167; Т.-Бар.: „Капит. и рынокъ", 1898 г. стр. 120; его же „Очерки etc." 1903 г., стр. 166—168. (Подчеркнуто вездѣ нами. А. Ф.).

мѣновая цѣнность этихъ продуктовъ и есть та форма, въ которой проявляется это пропорціональное раздѣленіе труда"... *).

Ростъ одного производительнаго потребленія безъ соотвѣтствующаго роста личнаго *безполезенъ* для капитала... Это—логика простого „здраваго смысла" и ровно ничего не доказываетъ, заявляетъ намъ г. Т.-Барановскій **). Такъ ли это? Расширеніе производства требуетъ всегда соотвѣтствующаго расширенія рынка. Нѣтъ его—созданная цѣнность реализована быть не можетъ, она перестаетъ быть *цѣнностью вообще*. Средства производства—капиталъ—не только не могутъ служить тогда для дальнѣйшаго созданія цѣнностей, но они сами лишаются значательной доли своей *цѣнности*... Все это бросается въ глаза во время кризисовъ... ***)

---

*) Письмо было написано по поводу I тома „Капитала" въ 1868 г. („N. Zeit" 1902, П. В. № 7). Отмѣтимъ еще здѣсь, что по поводу „анализа" Марксъ писалъ въ III томѣ: „Между постояннымъ капиталомъ и постояннымъ (даже оставляя въ сторонѣ ускоренное накопленіе) происходитъ, какъ мы видѣли (II томъ III отд.), постоянное обращеніе, которое на первыхъ порахъ постольку независимо отъ индивидуальнаго потребленія, поскольку оно никогда не входитъ въ послѣднее, но оно въ концѣ концовъ имъ *ограничено*, такъ какъ производство постояннаго капитала никогда не совершается ради него самого но только потому, что его больше потребляется въ сферахъ производства, продукты которыхъ входятъ въ индивидуальное потребленіе" (T. B. I Th. 289).

**) „Съ точки зрѣнія капиталиста потребленіе рабочаго есть такая же затрата капитала, какъ и расходы на прокормленіе скота или отопленіе машины", говоритъ Т.-Барановскій. Это вѣрно, но отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что машины, средства производства могутъ съ успѣхомъ всегда замѣнить на рынкѣ продукты личнаго потребленія и, что производство средствъ производства поэтому *независимо* отъ народнаго личнаго потребленія. Вотъ это-то и вздоръ. Каутскій справедливо возражаетъ на это г. Т.-Барановскому: „Какъ бы тамъ капиталистъ ни смотрѣлъ на рабочаго, ни приравнивалъ его къ машинѣ, законы общества отъ этого не измѣняются. Общество остается обществомъ людей, а не машинъ; общественныя отношенія являются отношеніями людей, а не машинъ. Поэтому-то *человѣческій* трудъ и является создателемъ *цѣнности* и поэтому-то въ послѣдней инстанціи расширеніе *человѣческихъ потребностей* рѣшаетъ вопросъ о расширеніи производства. Послѣднее было и остается производствомъ для человѣческаго потребленія" („N. Zeit" 1902„ Krisen theorien"). Но въ томъ-то и бѣда, что гг. Т.-Барановскій, Франкъ, Прокоповичъ et tutti quanti не видятъ, что создателемъ цѣнности является именно *общественный человѣческій* трудъ, а не просто трудъ, какъ *техническій* факторъ производства. Вотъ почему у г. Т.-Барановскаго и К° „лошадь, машина нисколько не меньше участвуютъ въ созданіи мѣновой цѣнности, чѣмъ рабочій". („Очерки" 397 стр.). Но объ этомъ мы подробно говоримъ въ статьѣ: „Трудовая теорія цѣнности и новѣйшіе русскіе критики", начало которой напечатано въ „Науч. Обозрѣніи" 1903 г. №№ 4 и 5.

***) Противорѣчіе между современнымъ производствомъ цѣнностей и общественнымъ потребленіемъ обнаруживается во время кризисовъ въ *эпидемическомъ паденіи цѣнъ* на товары. Противорѣчіе между товаромъ и его формой цѣнности проявляется здѣсь насильно. Товарный капиталъ теряетъ тогда значительную часть своей способности представлять *потенціальный денежный* капиталъ, т. е. опредѣленную сумму цѣнностей. Index numbers Зауербека и „Economist'а показываютъ намъ яркое паденіе цѣнъ, въ Европѣ, на громадное большинство товаровъ, особенно основныхъ отраслей промышленности, съ начала кризиса—со второй половины 1900 года. Это паденіе продолжалось весь 1901 г., и только со второй половины 1902 г. началось медленное повышеніе,

Логика „здраваго смысла“ здѣсь оказывается правой: ее подтверждаетъ логика фактовъ.

Капиталистическому производству несомнѣнно присуще стремленіе неограниченно развить свои производительныя силы. Но *цѣль* производства—сохраненіе существующей капитальной цѣнности и созданіе прибавочной цѣнности, эта *ограниченная* цѣль стоитъ всегда поперекъ дороги расширяющемуся производству. Вотъ *этого-то* не видятъ ни г. Т.-Барановскій, ни г. Булгаковъ. Они считаютъ *эту цѣль* безграничной, не потому ли, что „потребность“ капитала въ самовозрастаніи *ненасытна*?..

Въ капиталистическомъ строѣ производительное потребленіе ростетъ вслѣдствіе присущей ему замѣны перемѣннаго капитала постояннымъ, все возрастаетъ количество средствъ производства, представляющимъ *основной* капиталъ. „Капиталистическій способъ производства характеризуется, главнымъ образомъ, не только относительнымъ, но и абсолютнымъ ростомъ богатствъ въ этой формѣ“ (Марксъ). Ростетъ далѣе количество предметовъ, составляющихъ оборотный капиталъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ростетъ и *личное* потребленіе. Вопреки теоріи гг. Т.-Барановскаго и Булгакова *сумма національнаго дохода, національное потребленіе. должно рости* *).

и то неравномѣрное и не повсемѣстное. Въ частности относительно Россіи данныя, публикуемыя Мин. Фин., показываютъ, что средняя цѣна по десяти „ископаемымъ“ продуктамъ (кам. уголь, нефть, нефт. остатки, керосинъ, чугунъ, желѣзо, мѣдь, олово, цинкъ и свинецъ) съ 1895 г. по 1900 поднималась неуклонно съ 90,8 до 129,3; въ 1901 г. она упала до 108,1, а въ 1902 г. до 95,9. Хлопчато-бумажная пряжа, поднявшись съ 1895 по 1899 г. съ 98,1 до 109, за послѣдніе три года упала до 100,5; москательные товары (12 видовъ) со 100,7 въ 1900 г. упали до 100,2 въ 1902 г. Изъ бакалейныхъ товаровъ упали за это время: табакъ, рисъ, хмѣль, чай, кофе и сахаръ. (За 100 принята здѣсь средняя цѣна за 1890—99 г. „Сводъ товарныхъ цѣнъ etc. за 1902 годъ“. Изд. Мин. Фин. С.-Петерб. 1903 г.).

*) „Ученіе Сея-Рикардо теоретически совершенно правильно; если бы противники его дали себѣ трудъ разсчитать на цифрахъ, какимъ образомъ распредѣляются товары въ капит. хозяйствѣ, то они легко бы поняли, что отрицаніе этого ученіи заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе“—писалъ еще въ 1894 г. г. Туганъ-Барановскій; то же самое повторяетъ онъ и теперь. („Пром. кризисы“ I изд., 427 стр. „Очерки“, 168 стр.). К. Каутскій, подвергнувъ подробному разбору „схемы“ г. Т.-Баран., показалъ, что если бы послѣдній продолжилъ свои „вычисленія“, то увидѣлъ бы, что „уже послѣ *шести* лѣтъ потребленіе всего общества должно было бы *удвоиться*, то же самое и потребленіе рабочихъ, чтобы не наступило *перепроизводство*... Дальнѣйшія вычисленія, показали бы г-ну Т.-Баран., что сумма цѣнностей средствъ потребленія, произведенная въ теченіе года, возрастаетъ точно въ такомъ же отношеніи, какъ и сумма цѣнностей орудій производства. Сумма средствъ потребленія возрастаетъ еще скорѣе, чѣмъ сумма ихъ цѣнностей, если одновременно возрастаетъ и производительность труда (что соотвѣтствуетъ именно дѣйствительности). Потребленіе средствъ потребленія должно не только возрастать *безпрерывно*, но постоянно по крайней мѣрѣ въ такомъ же отношеніи или даже еще скорѣе, чѣмъ производство средствъ производства, чтобы не наступилъ *кризисъ*...“ („Krisentheorien“ I. c.).

III.

Въ тѣсной связи съ теоріей рынковъ стоитъ теорія кризисовъ; одна дополняетъ другую. Гдѣ источникъ кризисовъ въ капиталистическомъ производствѣ? „Послѣдней причиной всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ,—отвѣчаетъ Марксъ,—остается бѣдность и ограниченное потребленіе массъ по *отношенію* къ стремленію капиталистическаго производства развить свои производительныя силы, какъ будто бы *абсолютная* потребительная способность общества являлась только его границей". Это мѣсто изъ III тома „Капитала" неоднократно цитировалось и цитируется въ нашей и иностранной литературѣ. Въ немъ увидѣли *тождество* теоріи Маркса съ теоріей недостаточнаго потребленія Сисмонди-Родбертуса. Народники (Н.—онъ) нашли здѣсь подтвержденіе своей теоріи „сокращенія" рынка. Ревизіонисты (Бернштейнъ, г. Т.-Барановскій и др.) – разногласіе между взглядами, изложенными во II и III томахъ „капитала". Однако, стоитъ только присмотрѣться ближе, чтобы убѣдиться, что все это невѣрно.—Еще въ предисловіи къ „Zur Kritik etc.". Марксъ ясно высказалъ, что основное противорѣчіе капиталист. строя это — противорѣчіе между его производительными силами и тѣми имущественными отношеніями, въ которыхъ имъ приходится развиваться, т. е. противорѣчіе между стремленіемъ къ неограниченному расширенію первыхъ и ограниченнымъ общественнымъ потребленіемъ, создаваемымъ вторыми. Это противорѣчіе дѣйствуетъ въ современномъ производствѣ постоянно; періодически оно принимаетъ обостренный характеръ, прорывается вулканически наружу, даетъ себя чувствовать въ формѣ кризисовъ.

Г. Туг.-Барановскій съ этимъ не согласенъ. Для него *единственная* причина кризисовъ—это непропорціональность распредѣленія капиталовъ въ различныхъ отрасляхъ производства. Эту мысль онъ проводитъ повсюду. Марксъ неоднократно указываетъ: „По скольку капиталистъ олицетворяетъ собой капиталъ, стимуломъ его дѣятельности служатъ не потребительныя цѣнности и пользованіе ими, а цѣнности мѣновыя и ихъ умноженіе. Какъ фанатикъ созиданія новыхъ цѣнностей, онъ, не обращая ни на что вниманія, побуждаетъ человѣчество къ производству ради производства и созданію матеріальныхъ условій производства, которыя *одни только могутъ образовать реальное основаніе высшей общественной формы, основной принципъ которой есть полное и свободное развитіе каждой отдѣльной личности*" (Подчеркнуто нами къ свѣдѣнію россійскихъ новоявленныхъ идеалистовъ! I т. рус. пер. 1898 г. стр. 516). Г. Туганъ-Барановскій, спутавъ Маркса съ Сеемъ, вывелъ отсюда: капитализмъ, цѣль котораго — накопленіе, можетъ развиваться безъ мѣры въ длину и безъ конца

въ ширину *). Дѣло, однако, въ томъ, г. Т.-Барановскій, что если капиталистъ и не обращаетъ вниманія на „истинную цѣль всякой хозяйственной дѣятельности — удовлетвореніе потребностей человѣка“, то общество въ его цѣломъ объ этомъ не забываетъ и не можетъ забыть. Вотъ почему и Марксъ, и Энгельсъ постоянно говорятъ: „Въ *кризисахъ* противорѣчіе между общественнымъ характеромъ производства и капиталистическимъ присвоеніемъ насильственно прорывается наружу... Производительныя силы съ наростающей силой стремятся къ своему освобожденію отъ *капиталистической* оболочки, къ фактическому признанію за ними характера *общественныхъ* производительныхъ силъ“ (Anti-Dühring, 297—298 S.).

Любопытно отмѣтить, что Эд. Бернштейнъ противникъ теоріи г. Туг.-Барановскаго. Несмотря на весь свой эклектизмъ въ данномъ вопросѣ, онъ высказываетъ рядъ положеній, съ которыми нельзя не согласиться. „Можетъ ли недостаточная пропорціональность въ производствѣ объяснить различныя формы и періоды кризисовъ? Конечно, нѣтъ—говоритъ Бернштейнъ... Недостатокъ пропорціональности въ производствѣ объясняетъ перепроизводство въ отдѣльныхъ отрасляхъ, но не остановку во всей хозяйственной области, которая обозначается какъ хозяйственный кризисъ. Налицо, такимъ образомъ, раньше должна быть опредѣленная высота диспропорціональности, если перепроизводство должно стать причиной общаго кризиса. И что тогда приходится объяснять—это меньше кризисъ, чѣмъ эту высоту, т. е. не результатъ, а его коэффиціентъ: какъ и на какомъ основаніи происходитъ такая *особенная* диспропорціональность“ **)... Указаніе

*) „Каутскій, какъ и большинство современныхъ экономистовъ, совершенно не понимаетъ *законовъ реализаціи товаровъ* въ капиталистическомъ хозяйствѣ, не понимаетъ того, что единственной границей расширенія рынка въ капит. хозяйствѣ является трудность пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Трудность эта велика, но не непреодолима; капитализмъ преодолѣваетъ ее въ общемъ очень успѣшно... Капит. производство, несмотря на кризисы, въ цѣломъ быстро расширяется и *мы не можемъ указать никакой границы этому расширенію*“. Это заявляетъ г. Т.-Барановскій въ своихъ „Очеркахъ“ въ концѣ 1902 года, а еще 4 декабря 1899 г. въ докладѣ, читанномъ В. Эк. Обществу, онъ говорилъ: „Всѣ историческія системы хозяйства пали вслѣдствіе того, что заключали въ себѣ неустранимыя препятствія для дальнѣйшаго повышенія производительности труда... И капитализмъ наталкивается на границу, которую онъ не можетъ преодолѣть. *Границей этой является невозможность для капитализма использовать всѣ производительныя силы общества и вытекающіе отсюда съ одной стороны промышленный застой, съ другой тяжелыя бѣдствія безработицы*“. (21 стр.)... Что касается „законовъ реализаціи въ капит. производствѣ“, то непониманіе ихъ обнаруживаютъ тѣ, кто вмѣстѣ съ г. Т.-Барановскимъ утверждаютъ, что вопросъ о внѣшнемъ рынкѣ не стоитъ въ непосредственной связи съ вопросомъ о реализаціи, и кто въ вопросѣ о рынкахъ и кризисахъ игнорируютъ тѣсную зависимость реализаціи цѣнностей отъ общественнаго потребленія. (См. объ этомъ и нашу статью: „Теорія кризисовъ“, „Науч. Обозр.“ 1901 г. № 8).

**) „Documente des Soc.“, 1902 J., I B., 525 —226 S. То же самое говоритъ и К. Шмидтъ въ статьѣ: „Zur Theorie der Handelskrisen etc.“ (S. Monatsh. - 1901.

іа нарушеній отношеній между основнымъ капиталомъ и оборотнымъ—любимое объясненіе буржуазной экономіи—Марксъ считалъ недостаточнымъ. Не является исчерпывающей теоріей и указанная имъ въ II томѣ „Капитала“ связь между періодическимъ характеромъ кризисовъ и временемъ обращенія общественнаго основного капитала. Онъ подвергъ тамъ анализу, какъ мы уже выше указали, формулу движенія *производительнаго* капитала II... I' Понятно, почему онъ тамъ и выдвинулъ на первый планъ *анархію производства*, какъ причину кризисовъ. Онъ не могъ тамъ дать полной теоріи кризисовъ по тѣмъ же причинамъ, по какимъ онъ не могъ дать тамъ и теоріи рынковъ...

Теорія Сисмонди-Родбертуса, подвергавшаяся критикѣ Маркса и Энгельса, страдаетъ прежде всего тѣмъ недостаткомъ, что считаетъ *область распредѣленія* продуктовъ *самостоятельной, первенствующей* областью въ современномъ строѣ. Открывъ въ области распредѣленія законъ паденія доли рабочаго въ національномъ продуктѣ, Родбертусъ, какъ извѣстно, объявилъ, что „причина пауперизма и торговыхъ кризисовъ лежитъ именно въ этомъ законѣ и *ни въ чемъ другомъ*“, и началъ создавать проекты врачеванія современнаго общества, оставляя производственныя отношенія нетронутыми *). Но рабочіе не единственные потребители. Въ противоположность Родбертусу Марксъ подчеркиваетъ и громадное значе-

№ 9). Г. Прокоповичъ, критикуя г. Т.-Барановскаго, выставляетъ свою теорію кризисовъ, по которой „причиной кризисовъ является *неорганизованность каждой отдѣльной отрасли промышленности* въ противоположность г. Т.-Барановскому, по которому причина—неорганизованность всего національнаго производства“ („Къ критикѣ Маркса“, 133 стр.) Г. Прокоповичъ не согласенъ съ г. Т.-Барановскимъ, что трэсты не въ силахъ предотвратить кризисовъ. „Безсиліе существующихъ трэстовъ предотвратить промышленные кризисы—заявляетъ онъ—обусловливается ихъ *малочисленностью*“! (125 стр.). Г. Прокоповичъ повторяетъ здѣсь вздоръ Вейзенгрюна и К⁰. („Das Ende des Marxismus“). Что сказать такимъ „критикамъ“? Если бы г. Прокоповичъ обратился къ моднымъ теперь австрійскимъ профессорамъ, ну хоть къ Клейнвехтеру, который еще двадцать лѣтъ тому назадъ проповѣдывалъ такую же премудрость, то и тотъ разсказалъ бы ему теперь совсѣмъ другое. И въ Германіи, и въ Австріи, и въ С.-Америкѣ, и даже въ Италіи мы видимъ сильное движеніе противъ картелей—этихъ „регуляторовъ“ производства, какъ ихъ называли и Луйо Брентано, а еще недавно и Бернштейнъ и К⁰. Въ Европѣ современный кризисъ проявился въ наиболѣе рѣзкой формѣ именно въ отрасляхъ промышленности наиболѣе картелированныхъ. Послѣднія извѣстія изъ Америки—родины картелей—говорятъ, что и здѣсь періоду подъема наступаетъ уже конецъ; лопаются именно трэсты съ ихъ разбавленными водой, искусственно вздутыми капиталами... „Пагубная“ роль картелей какъ во внутренней, такъ и въ международной торговлѣ разъяснялось въ послѣднее время довольно часто органами печати нашего Министерства Финансовъ. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ тому, чтобы именно въ послѣдніе годы у насъ росли различнаго рода предпринимательскіе союзы и „общія конторы“... Отношеніе трэстовъ къ кризисамъ обстоятельно разсмотрѣно H. Cunow'ымъ въ „N. Zeit“ 1903 г. №№ 14, 21 и 22. См. также нашу статью: „Соврем. міровой промышл. кризисъ“, „Науч. Обозрѣніе“, 1902 г. № 9).

*) Rodbertus-Iagetzow, „Sociale Briefe an v. Kirchmann“, Berlin, 1885. II Th. Brief. Vorwort 94 S., III Brief. 1890. I Th. 329—330 SS.

ніе *непроизводительныхъ* классовъ въ дѣлѣ реализаціи продуктовъ, въ дѣлѣ замѣщенія капитала (III B. II Th. 21 и 29 S.). Но далѣе. Мало было указать на существованіе „недостаточнаго потребленія", нужно было объяснить, *почему* оно существуетъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ. Марксъ впервые указалъ, что оно вытекаетъ изъ самыхъ условій современнаго *производства*, а не условій *распредѣленія* продуктовъ, которыя являются лишь производными первыхъ. Онъ впервые выяснилъ, почему и какъ *относительное* недостаточное потребленіе большинства и тѣсно связанное съ нимъ *накопленіе* меньшинства ведетъ неизбѣжно къ *перепроизводству*, а съ нимъ и къ *кризисамъ*...

IV.

„Выводы Т.-Барановскаго сводятся къ тому, что капиталистическая форма производства *не требуетъ внѣшнихъ рынковъ*, расширеніе производства само по себѣ создаетъ непрерывно расширяющійся рынокъ и степень этого расширенія зависитъ отъ наличности производительныхъ силъ. Внѣшній рынокъ требуется лишь настолько, насколько въ страну ввозится товаровъ иноземнаго происхожденія. „Мы,—говоритъ г. Булгаковъ,—считаемъ эти положенія *безусловно правильными*" („О рынкахъ", 158 стр.). Народники, какъ мы видѣли, объявляли, что капиталистическое производство въ каждой странѣ необходимо требуетъ, чтобы капиталисты всегда дѣлились частью своего прибавочнаго продукта съ *иностранцами*, что только при потребленіи, *съѣденіи* *ея* послѣдними, первые могутъ *богатѣть*. Это, конечно, нелѣпость. Г. Булгаковъ поинтересовался узнать, что въ дѣйствительности происходитъ съ прибавочнымъ продуктомъ на внѣшнемъ рынкѣ, и пришелъ къ выводу, что „въ международной торговлѣ происходитъ обмѣнъ эквивалентовъ и потому внѣшній рынокъ вовсе не представляетъ какихъ-либо удобствъ для помѣщенія прибавочной цѣнности... Благодаря внѣшнему рынку *не устраняется* прибавочная цѣнность, наоборотъ, она снова появляется лишь въ преобразованномъ видѣ". Этимъ гордіевъ узелъ, завѣщанный капиталистическими условіями, только еще сильнѣе запутывается (I. с. 183—184 стр.). Г. Булгаковъ не видитъ, что внѣшній рынокъ тѣмъ-то и важенъ для капитала данной страны, что онъ *реализуетъ* по цѣнности и по потребительной цѣнности *излишекъ* его товаровъ, излишекъ, который при данныхъ условіяхъ является дома безполезнымъ, что внѣшній рынокъ сохраняетъ этимъ общественную потребительную цѣнность этого излишка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *мѣновую*. Именно въ томъ, что прибавочная цѣнность *„не устранилась"*, а явилась „въ преобразованномъ видѣ"—*вся суть* дѣла. Это-то и требуется отъ *внѣшней* торговли.

Г. Булгаковъ—то же самое относится и къ Т.-Барановмму,—не видитъ, что сущность внѣшняго рынка въ томъ, что ь *расширенный* рынокъ, что онъ открываетъ противорѣчіямъ капиталистическаго производства большій просторъ. Внѣшній рынокъ этъ возможность *національному* капиталу развивать свои производительныя силы, продолжать возрастать въ своей *цѣнности*, не ртвуя существующей нормой прибыли,—этимъ жизненнымъ рвомъ капитала,—возрастать на базисѣ *расширеннаго общественю потребленія. Національный* капиталъ покоится тогда на *интерціональномъ* потребленіи *). Созданіе *міроваго* рынка одна изъ *порическихъ* заслугъ капитала.

„Пропорціональность“ различныхъ отраслей производства,— этъ любимый конекъ гг. Т.-Барановскаго и Булгакова,—поится не только на узкомъ базисѣ общественнаго потребленія, даваемомъ имущественными отношеніями капиталистическаго роя, зависитъ не только отъ планомѣрности производства, корой нѣтъ и быть не можетъ въ капиталистическомъ производвѣ, несмотря на всѣ его картели и трэсты, но и отъ естественхъ **) и историческихъ условій, въ которыхъ развивается капиталъ. Лишь на основѣ внѣшней торговли можетъ развиться данной странѣ извѣстная „гармонія“, извѣстная пропорціональность между главными отраслями производства. Г. Булгаковъ мъ указываетъ, что первоначальное развитіе капитализма соршается при посредствѣ внѣшней торговли: „внѣшняя торговля служила основой при зарожденіи капиталистическаго производства“, цитируетъ онъ изъ „Капитала“. Далѣе. Внѣшняя торговля, являющаяся необходимымъ регуляторомъ даже при идеьно-соразмѣрномъ простомъ воспроизводствѣ (II т. „Капитала“) ляется тѣмъ болѣе необходимой въ дѣйствительномъ, расшиющемся капиталистическомъ производствѣ. Г. Булгаковъ и это изнаетъ. „Внѣшній рынокъ играетъ роль предохранительнаго апана отъ перепроизводства и кризисовъ въ данной странѣ“, ворить онъ. И наконецъ, онъ самъ цитируетъ извѣстное мѣсто ь III тома „Капитала“, что „по мѣрѣ развитія капитализма тѣдствіе *внутренней* необходимости, присущей этому способу оизводства, вслѣдствіе его потребности во все болѣе и болѣе *сширенномъ* рынкѣ, расширеніе внѣшней торговли стало его *соб-*

*) Вліяніе *личнаго* потребленія на *все* капиталистическое производство ствовали еще Мальтусъ и Чольмерсъ, но ихъ бѣда, какъ и нашихъ народовъ теперь, заключалась въ томъ, что они это вліяніе смѣшивали съ *прической возрастанія* цѣнности, съ причиной, которую составляетъ лишь *производительное* потребленіе.

**) „Что развитіе производительныхъ силъ въ различныхъ отрасляхъ изводства совершается не только въ различныхъ пропорціяхъ, но часто въ тивоположномъ направленіи, это происходитъ не только отъ анархіи конренціи и особенностей буржуазнаго способа производства, но и отъ естеенныхъ условій“... („Das Kapital“ III B. I Th. S. 242).

ственнымъ результатомъ *). Г. Булгаковъ, далѣе, говоритъ намъ, что „въ богатѣйшихъ капиталистическихъ странахъ становится все труднѣе найти приложеніе вновь накопленному капиталу: все съ большимъ и большимъ трудомъ капиталистическое производство преодолѣваетъ тѣ узкія рамки, въ которыхъ оно заключено вслѣдствіе узкаго базиса, на которомъ основано потребленіе". Но... въ концѣ концовъ оказывается, что все сказанное г. Булгаковымъ насчетъ необходимости внѣшняго рынка, исключая развѣ „второстепенной функціи его, какъ предохранительнаго клапана", имѣетъ силу для капиталистическихъ странъ опредѣленнаго типа—manufacturzustand'а. Существуетъ другой типъ—agricultur-manufacturzustand,—для котораго эти законы не писаны и который „можетъ безгранично расширять свое производство на основѣ внутренняго рынка" (l. с. 192—193 стр.).

Къ счастливому агрикультурно-мануфактурному типу Булгаковъ относитъ Россію, С. Штаты... Спрашивается: С. Штаты сразу явились въ этомъ zustand'ѣ на бѣлый свѣтъ? До конца 40-хъ годовъ XIX ст. С. Америка была колоніей для европейскаго капитализма: поставщицей сырья и потребительницей его фабрикатовъ. Исторія капитализма этой агрикультурно-мануфактурной страны par excellence показываетъ, что и здѣсь капитализмъ имѣлъ исходнымъ пунктомъ *внѣшній* рынокъ, капиталы послѣдняго,—они потекли сюда особенно послѣ революціи 48 г.,—что на основахъ внѣшняго рынка развивалось американское земледѣліе, которое съ своей стороны послужило рынкомъ, базисомъ для американской мануфактуры. Только благодаря все расширяющемуся внѣшнему рынку для сельскохозяйственныхъ продуктовъ могло создаться здѣсь благопріятное отношеніе между мануфактурой и земледѣліемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, вслѣдствіе условій мірового рынка, среднее и мелкое фермерство стало и здѣсь колебаться въ своихъ основаніяхъ, и американской мануфактурѣ начало становиться все тѣснѣе и тѣснѣе дома, С. Америка закрыла высокой таможенной стѣной свой внутренній рынокъ для европейскихъ фабрикатовъ, и усиленно стремится увеличить вывозъ своихъ издѣлій **)...

*) У г. Булгакова, который цитируетъ по русскому переводу, слово „внутренняя" опущено, а мѣсто: „nach *stets ausgedehnterm* Markt" переведено: „потребность въ *болѣе или менѣе* обширныхъ рынкахъ" (T. B. I Th. 218 S. Рус. пер. 183 стр.). Мы обращаемъ вниманіе на эту цитату потому, что вся книга Булгакова предназначена для того, чтобы доказать, на *основаніи Маркса*, что „никакой *внутренней* необходимости во внѣшнемъ рынкѣ въ капиталистическомъ хозяйствѣ не существуетъ"!

**) По послѣднимъ даннымъ вывозъ *фабрикатовъ* изъ С. Штатовъ со 151 мил. дол. въ 1890 г. возросъ до 433 мил. въ 1900 г., т. е. достигъ 31.65% всего вывоза, между тѣмъ какъ въ 1893 году онъ былъ еще 19,02%. (Въ послѣдующіе два года вывозъ нѣсколько уменьшился и въ 1902 г. онъ составлялъ 404 мил. или 29,77%. Причина—подъемъ внутри страны и кризисъ на внѣшнемъ, міровомъ рынкѣ). Панамериканизмъ или, иначе говоря, Америка для С.

Съ другой стороны хорошо извѣстно, что Англія, Германія, а и другія западно-европейскія капиталистическія страны не разу стали „мануфактурными". „Вспомнимъ судьбы странъ, ко-рыя раньше Россіи были охвачены процессомъ развитія капи-листической формы производства. Не говоря уже объ Англіи, ѣдь Германія только въ 30-хъ годахъ XIX ст. — эпоха сильно апоминающая по своему экономическому характеру теперешнее стояніе Россіи — была въ числѣ странъ, вывозящихъ хлѣбъ, а перь она уже ввозитъ его въ значительномъ количествѣ. Та же золюція имѣла мѣсто для Франціи и, въ послѣднее время, для таліи. Неужели только для святой Руси не писаны эти законы кономическаго развитія?!" Этотъ патетическій вопросъ задаетъ ь концѣ концовъ никто иной, какъ самъ г. Булгаковъ, который ь другомъ мѣстѣ заявлялъ: „Народники, указывая на Англію, гнорируютъ индивидуальныя условія Россіи".—А послушать г. -Барановскаго, то намъ здѣсь не указъ не одна только Англія, и Германія, Франція, да и вообще весь Западъ. Спрашивается, чѣмъ г. Булгакову понадобилось раньше взывать къ „самобыт-ости" и огородъ городить: классифицировать страны по ихъ statu по при изслѣдованіи вопроса о рынкахъ въ капиталистическомъ роизводствѣ вообще?!

Г. Булгаковъ считаетъ *„безусловно справедливымъ"* взглядъ ародническoй школы, что между странами вступившими раньше путь капитализма и вступившими позже существуетъ разли-е, состоящее въ томъ, что первыя захватили уже всѣ внѣшніе ынки, и вторымъ нечего поэтому и думать о завоеваніи ихъ. Отдѣльные случаи успѣха молодыхъ странъ на міровомъ рынкѣ, онечно, возможны, но несомнѣнно эти исключительные случаи е могутъ убѣдить въ возможности развитія капитализма въ но-ой странѣ на основѣ внѣшняго рынка", — замѣчаетъ г. Булга-овъ А. Волгину, который, какъ извѣстно, доказывалъ ошибочность ого взгляда. Но въ другомъ мѣстѣ у г. Булгакова же оказы-ается, что „это различіе имѣетъ дѣйствительную силу для странъ ромышленныхъ, существующихъ внѣшними рынками. Но оно овершенно *неправильно* распространяется на *всѣ* страны. Суще-твуетъ коренная разница, которая должна быть положена въ снову классификаціи, разница между положеніемъ странъ ма-

---

татовъ, сталъ здѣсь лозунгомъ. Но этого мало: и европейскій, и особенно іатскій рынокъ все больше и больше наводняются американскими фабрика-ми. Въ 1892 г. въ Европу было ввезено на 76 мил., а въ 1902 г. на 197 мил. омышл. издѣлій, т. е. почти 50% вывоза С. Штатовъ. Особенно ростетъ вы-зъ металлическихъ издѣлій, машинъ... Вывозъ хлопчатобумажныхъ фабрика-въ достигъ 32 мил. дол.; причемъ на долю Азіи —преимущественно Китая— дается 18 мил. дол., между тѣмъ въ 1891 г. онъ составлялъ здѣсь 5 мил. дол. готовящуюся выставку въ С.-Луи весь промышленный міръ смотритъ, какъ арену борьбы между Европой и Америкой за рынки Дальняго Востока... также статью Леруа-Болье: „Le mouvement économique et social aux Etats-is". („L'Economiste français", 1903, № 14).

нуфатурныхъ и агрикультурно-мануфактурныхъ. Для послѣднихъ фактъ поздняго вступленія на путь капиталистическаго развитія совсѣмъ не имѣетъ того значенія, какъ для первыхъ; капитализмъ не встрѣтитъ здѣсь препятствія въ недостаткѣ рынковъ, потому что рынокъ будетъ расширяться съ расширеніемъ производства"... На С. Штаты мы указывали выше. Волгинъ въ „Обоснованіяхъ etc." говоритъ преимущественно о Россіи и вскользь Японіи и Остъ-Индіи. Но все это страны, которыя можно причислить къ „избраннымъ"—къ агрикультурно-мануфактурному типу. Возьмемъ Германію, страну мануфактурнаго типа, для которой, по г. Булгакову, *различіе дѣйствительно*. Извѣстно, что она вступила на путь капитализма позже Англіи и Франціи. Капитализмъ начинаетъ свою эру здѣсь въ сущности съ 48 года и сталъ быстро развиваться лишь послѣ 1866 года. „Мнѣніе" народниковъ, которое г. Булгаковъ считаетъ „безусловно справедливымъ", должно было бы быть для Германіи закономъ. И что же оказывается? Побѣдительницей на міровомъ рынкѣ со второй половины 70-хъ годовъ выступаетъ именно молодая Германія *). Ростъ ея конкуренціи тревожитъ все больше и больше старую Англію Чемберленскій протекціонизмъ ссылается именно на „Made in germany"... Но для г. Булгакова эти примѣры—все „отдѣльные случаи", которые не могутъ служить доказательствомъ *ложности* „безусловно справедливой" теоріи „различія" нашей народническо-экономической школы!

Г. Булгаковъ задался цѣлью доказать, что „внутренній крестьянскій рынокъ, играющій для Россіи роль внѣшняго",—на что указывалъ и г. Струве—не необходимъ для развитія въ ней капитализма, какъ и вообще всякій внѣшній рынокъ. Однако, цѣли этой онъ не достигъ. Шульце-Геверницъ, котораго цитируетъ и г. Булгаковъ, справедливо указываетъ нашимъ народникамъ, въ частности Н.—ону: „У средней Россіи, такъ же какъ у Ланкашира, есть своя Индія, не отдаленная отъ нея, какъ тамъ, длиннымъ морскимъ путемъ, но близко, рядомъ; такую роль

*) В. Зомбартъ въ своей недавно вышедшей книгѣ: „Die deutsche Volkswirtschaft im XIX Jahrhundert" говоритъ, что Германія въ этомъ столѣтіи стала изъ страны вывозящей—ввозящей, и что этой формулой онъ замѣняетъ обычную: изъ аграрной она стала индустріальной. Эту замѣну нужно признать абсолютно неудачной. Въ сельскохозяйств. отношеніи вѣрно, что она изъ вывозящей стала ввозящей; въ индустріальномъ какъ разъ наоборотъ. Еще въ 20-40-хъ годахъ она была колоніей для англійскихъ фабрикатовъ, теперь она ввозитъ туда все больше и больше промышленныхъ издѣлій... Зомбартъ хочетъ подчеркнуть ростущую роль внутренняго рынка въ Германіи и ея нужду во ввозѣ сырыхъ и съѣстныхъ продуктовъ. Это несомнѣнно, но столь же несомнѣнно и то, что сильно ростетъ и зависимость германской индустріи отъ *экспорта ея фабрикатовъ*... („Deutschland und der Weltmarkt" v. Werner Sombart. „Die Zukunft". 1903, № 20).

играетъ чисто земледѣльческая область Россіи и Азіи; но еще большая часть этого рынка недоступна вслѣдствіе господства тамъ натуральнаго хозяйства. Какъ Индія сдѣлалась крупнымъ потребителемъ Англіи только съ постройкой желѣзныхъ дорогъ и съ вывозомъ хлѣба, такъ развитіе денежнаго хозяйства въ массѣ русскаго сельскаго населенія имѣетъ огромное значеніе для русской промышленности. Съ этимъ связано появленіе милліоновъ новыхъ потребителей и болѣе обширный базисъ для московскаго капиталима"... *).

Г. Булгаковъ, постоянно толкующій о „пропорціональности" производства, не видитъ того, что при существующемъ у насъ отношеніи между сельскимъ хозяйствомъ и мануфактурой эта „пропорціональность" можетъ быть достигнута только при помощи внѣшняго рынка для продуктовъ земледѣлія. Далѣе. Установленіе капиталистической „пропорціональности" требуетъ соотвѣтствующаго капиталистическаго земледѣлія. Послѣднее создается не только рядомъ, но и на основѣ „внутренняго крестьянскаго рынка". Такіе факты, какъ дифференціація крестьянства, сильная мобилизація земли и концентрація ея въ рукахъ сельской буржуазіи, рекрутирующейся преимущественно изъ богатѣевъ-крестьянъ, и рядомъ съ этимъ сильнѣйшее парцеллированіе земель и пролетаризація массъ крестьянства — все это факты, которые давно стали общимъ мѣстомъ въ нашей экономической литературѣ... Напомнимъ здѣсь, что характерная особенность крупнаго земледѣльческаго хозяйства, все равно опирается ли оно на барщину или на наемный трудъ, заключается въ томъ, что оно на первыхъ порахъ своего возникновенія на ряду и на счетъ крестьянскаго отличается отъ послѣдняго лишь своими размѣрами и не затрогиваетъ почти культуры. Это наблюдалось и на Западѣ, это мы видимъ и въ Россіи... „Лишь на извѣстной высотѣ общественной культуры и соотвѣтствующаго ей истощенія почвы капиталъ,—здѣсь также и въ смыслѣ накопленныхъ средствъ производства,—становится рѣшающимъ элементомъ и въ земледѣліи". (Марксъ).

Вывозъ, главнымъ образомъ, продуктовъ сельскаго хозяйства и продуктовъ отраслей промышленности, близко стоящихъ къ нему, былъ удѣломъ Германіи, Франціи и другихъ странъ на первыхъ ступеняхъ развитія въ нихъ капитализма. Россія въ этомъ отношеніи слѣдуетъ ихъ примѣру. Вывозъ хлѣбныхъ грузовъ за границу, составлявшій въ періодъ 1883 — 1887 г. ежегодно 332 мил. пуд., въ 1888—92 г. составлялъ 404 мил., въ 1893—97 г.—523 м., въ 1898—901 г.—428 м., въ 1902 г. вывезено 579 мил. пуд. Въ то время какъ вывозъ ржи—нашего главнаго продоволь-

*) „Крупное производство въ Россіи", переводъ Б. Авилова. Москва, 1899 г., стр. 77. Сравненіе съ Индіей очень удачно у Шульце-Геверница: оно характерно во *многихъ* отношеніяхъ...

ственнаго хлѣба—остается почти безъ измѣненія, возрастаетъ быстро вывозъ пшеницы, ячменя, овса, кукурузы и отрубей. Вмѣстѣ съ тѣмъ за послѣднія два десятилѣтія центръ тяжести нашей вывозной хлѣбной торговли переносится въ южные порты. Причину этому слѣдуетъ искать не въ дешевизнѣ лишь морскихъ фрахтовъ, но, главнымъ образомъ, въ томъ, что южныя губерніи работаютъ преимущественно на внѣшній рынокъ, и далѣе въ томъ, что за послѣднее время растетъ спросъ на нашъ хлѣбъ,—особенно пшеницу,—и со стороны южныхъ европейскихъ государствъ. Растетъ быстро вывозъ животныхъ продуктовъ, продуктовъ птицеводства и молочнаго хозяйства... Итакъ, *внѣшній* рынокъ для нашихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ есть, и при томъ все *возрастающій*. Все дѣло въ томъ, чтобы сдѣлать этотъ вывозъ нормальнымъ, здоровымъ; а это возможно только при развитіи производительности земледѣльческаго труда и измѣненіи тѣхъ „общихъ“ условій, въ которыхъ находится наше сельское хозяйство, что дало бы возможность удовлетворить вполнѣ внутренняго потребителя и вывозить только избытки. Совершенно правы тѣ, кто въ уѣздныхъ да и губернскихъ комитетахъ указывали, что развитіе нашей промышленности стоитъ въ полной связи съ подъемомъ сельскаго хозяйства... *).

Быстрый ростъ желѣзнодорожной сѣти внутри Европейской Россіи содѣйствуетъ у насъ, какъ и на Западѣ, соединенію промышленныхъ центровъ съ окраинами и съ портовыми городами, объединенію стараго населенія, вовлеченію его въ обмѣнъ; ускоряетъ отдѣленіе мануфактуры отъ земледѣлія и всѣмъ этимъ расширяетъ *внутренній* рынокъ. За періодъ подъема 1893—1899 г. перевозка грузовъ по жел. дорогамъ Евр. Россіи возрасла съ 4.846 мил. пуд. до 8.108 м. п. Общее количество грузовъ, отправленныхъ по внутр. воднымъ путямъ, возрасло за это время съ 1.182 до 1.900 мил. пуд. („Ежегодникъ Мин. Фин.“ выпускъ 1901 г., изд. 1902 г.)... Съ другой стороны постройка такихъ ж. д., какъ Закаспійская и Сибирская, содѣйствуетъ у насъ, какъ и въ Америкѣ, колонизаціи окраинъ, дѣлаетъ возможной эксплоатацію ихъ богатствъ: обработку рудниковъ, расширеніе земледѣлія,

*) „Рынокъ для русской промышленности не создается, а лишь расширяется хлѣбнымъ экспортомъ—это, во-первыхъ,—говоритъ г. Булгаковъ, а во-вторыхъ, не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать... что съ извѣстнаго момента онъ станетъ понижаться, чтобы съ теченіемъ времени совсѣмъ прекратиться“... Во-первыхъ, отвѣтимъ мы г. Булгакову, о словахъ спорить не станемъ, тѣмъ болѣе, что въ „расширеніи“ рынка здѣсь все дѣло; во-вторыхъ, чтобы предсказать прекращеніе вывоза хлѣба,—при увеличеніи его производства, нужно предварительно доказать, что мануфактура для этого достаточно расширится, и показать, какимъ образомъ это произойдетъ; и въ-третьихъ, „не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать“, что вслѣдъ за прекращеніемъ вывоза хлѣба,—вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ расширеніемъ мануфактуры—долженъ будетъ увеличиться вывозъ *мануфактуратовъ*. Безъ *внѣшняго* рынка мы все-таки не обойдемся.

разведеніе новыхъ культуръ (хлопчатая бумага и пр.), что опять-таки расширяетъ *внутренній* рынокъ вообще и индустріальный въ частности... *).

Но расширеніе индустріи идетъ у насъ и непосредственно насчетъ *внѣшняго* рынка,—*иностранныхъ* капиталовъ. Растетъ и вывозъ продуктовъ какъ обрабатывающей, такъ и добывающей промышленности не только на азіатскіе, но и европейскіе рынки **).

---

*) Вмѣстѣ съ проведеніемъ въ Сибирь ж. д. мы видимъ, какъ туда потекли иностранные капиталы, изъ Евр. Россіи фабрикаты, а оттуда хлѣбъ и масло за границу. Товарныя перевозки по Сибирской ж. д. съ 37,9 мил. пуд. въ 1898 г. неуклонно возрастали и въ 1902 г. составляли 65,8 м. п. Хлѣбныхъ грузовъ перевезено въ 1899 г. — 19,7 м. пуд., въ 1900 г. — 18,4 въ 1901 г. — 24,3 мил.; послѣдніе возрасли за 4 года на 25%, а общая перевозка на 60%. Слѣдуетъ помнить, что неурожай постигъ Сибирь два года подъ рядъ, а въ 1900 г. охватилъ почти всю Сибирь... Вывозъ сливочнаго масла въ 1900 г. составлялъ 1.067 тыс. пуд., въ 1901 г. — 1.873 и въ 1902 г. — 2.183 т. пуд. („В. Фин.", 1903. № 18). Считаемъ не лишнимъ сдѣлать здѣсь оговорку: все это еще не значитъ, что мы оправдываемъ нынѣшнюю желѣзнодорожную политику. На убыточность нашего ж.-д. хозяйства неоднократно указывалось въ послѣднее время въ нашей литературѣ: она признана теперь и оффиціально. На основаніи данныхъ Госуд. Контроля Ходскій говоритъ: „За послѣднее пятилѣтіе ж.-дорожное хозяйство, не говоря о громадныхъ капитальныхъ затратахъ по чрезвычайному бюджету, по текущимъ доходамъ и расходамъ, связаннымъ съ ж.-д. хозяйствомъ, принесло по государственному бюджету 322.7 мил. руб. дефицита, причемъ ежегодный убытокъ обнаружилъ сильную тенденцію къ возрастанію, увеличившись съ 55,4 мил. руб. въ 1897 г. до 91,7 мил. въ 1901 г." („Народ. Хоз.", 1903, № 1). По вычисленіямъ г. Бутми приплата казны къ ж.-д. хозяйству въ 1902 г. составляетъ сумму въ 140 мил., а въ 1903 она выразится въ 155,6 мил. руб... Въ числѣ причинъ убыточности несомнѣнно находится и бездоходный. стратегическій характеръ многихъ ж. дорогъ... Стремленіе къ повышенію тарифныхъ ставокъ для уничтоженія убыточности ж. дорогъ нужно считать абсолютно безполезнымъ. На *высокій* желѣзнодор. тарифъ на хлѣбные продукты,—который мѣшаетъ и обмѣну хлѣба *внутри* страны—давно жалуются сельскіе хозяева... По поводу предполагающагося пересмотра тарифа лицо, близко стоящее къ мануфактурной промышл. Иваново-Кинешемскаго района, пишетъ въ „Торгово-Пром. газету": „Съ 1871 г. тарифъ на перевозку грузовъ 1 класса неизмѣнно повышался и достигъ теперь 33—38 коп., включая сюда подвозку съ фабрикъ до станціи и доставку въ московскіе амбары—42 к. за пудъ, а эта цѣна уже значительно *превышаетъ* стоимость гужевой доставки"... Нѣкоторые фабриканты дѣлали, поэтому, попытки возвратиться къ прадѣдовской формѣ транспорта—доставкѣ кладей въ Москву на лошадяхъ, и попытки эти увѣнчались успѣхомъ... Мануфактурный товаръ на Ирбитскую ярмарку до сихъ поръ изъ нашего района транспортируется гужемъ, несмотря на проведенный ж.-д. путь. Громадная экономія въ провозѣ въ первомъ случаѣ до 15%, а во второмъ до 40% служитъ объясненіемъ того маловѣроятнаго факта, что товарные поѣзда мчатся мимо нагруженныхъ кладью возовъ" (l. c. 1903 г., отъ 9 мая)... Несмотря на все растущую сѣть ж. дорогъ товарный обмѣнъ у насъ сильно заторможенъ отсутствіемъ къ нимъ подъѣздныхъ путей. Генералъ Бильдерлингъ въ своей запискѣ Особому Совѣщанію говоритъ: „Огромная часть Россіи остается до сихъ поръ непроѣздной въ теченіе чуть ли не большей половины года. Въ 22 губ. Евр. Россіи и Кавказа съ населеніемъ въ 34 мил. жит. *нѣтъ вовсе* шоссейныхъ дорогъ, а по всей Россіи всего 30 тыс. верстъ шоссе... Во франціи на 1 кв. версту приходится 480 саж. шоссе, въ Бельгіи 444, въ Англіи 358, а въ Россіи 6".

**) Относительно нашихъ азіатскихъ рынковъ мы читаемъ въ недавно вышедшей книжкѣ: Экспортъ ситца" (изд. товариществомъ мануфактуры

Поскольку этотъ ростъ индустріи увеличиваетъ городское населеніе, онъ увеличиваетъ внутри страны рынокъ и для сельскаго хозяйства, дѣлаетъ его менѣе зависимымъ отъ внѣшняго, создаетъ для него тюненовскіе пояса и содѣйствуетъ улучшенію и разнообразію его культуры... *) Во всѣхъ этихъ случаяхъ „гармонія“ между главными отраслями производства создается именно при помощи *внѣшней* торговли...

За періодъ 1893—1902 г. обороты нашей внѣшней торговли возрасли съ 1.048,8 мил. рублей до 1.352,4 мил. рублей; *вывозъ* же возросъ съ 599,2 до 825,3 мил. руб. Въ виду этихъ цифръ одинаково странно говорить какъ объ отсутствіи у насъ внѣшняго рынка, такъ и объ отсутствіи въ немъ надобности. Гг. Булгаковъ, Туганъ-Барановскій et tutti quanti въ своихъ стремленіяхъ доказать возможность экономическаго развитія Россіи внѣ вліянія внѣшняго, мірового рынка, раздѣляютъ судьбу тѣхъ нашихъ „самобытниковъ“, о которыхъ Энгельсъ въ свое время сказалъ: „Они напоминаютъ собой прусскаго лейтенанта, который требовалъ въ магазинѣ глобусъ, но не неба и не земли, а глобусъ одной Пруссіи“.

V.

Промышленный капиталъ началъ у насъ свой *новый* циклъ движенія въ 1893 году. Толчекъ былъ данъ возникшей тогда желѣзно-дорожной горячкой, далеко оставившей за собой таковую 60-хъ и 70-хъ годовъ. Періоды усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ во всѣхъ капиталистическихъ странахъ вызывали соотвѣтствующій подъемъ всей индустріи; наступавшее затѣмъ затишье

„Эмиль Циндель“, Москва, 1903 г.): „Ввозъ русскихъ хлопчатобумажныхъ матерій въ Персію за послѣдніе десять лѣтъ увеличился болѣе чѣмъ въ 10 разъ, причемъ въ сѣверной Персіи нашъ бумажный товаръ сталъ вытѣснять англійскій“ (56—66 стр.). Насчетъ Китая мы тамъ же находимъ: „Подобно южной Персіи, собственный Китай находится въ экономической зависимости отъ Англіи, а къ этому присоединяется конкуренція баснословно дешевыми цѣнами со стороны Америки и Японіи... Къ Россіи тяготѣютъ Маньчжурія, Монголія и Кашгарія; въ послѣднюю подавляющая масса бумажныхъ матерій идетъ изъ Россіи и лишь незначительное количество изъ Англіи... Обороты наши съ Монголіей возрасли съ 1892 по 1902 г. съ 376 тыс. до 1.795 тыс. р.“—(70—74).

*) „Слабое развитіе нашихъ городовъ,—писалъ еще въ 50-хъ годахъ Чернышевскій,—имѣетъ своей причиной неразвитость нашей промышленности и торговли, а отпускъ хлѣба за границу стѣсняется отсутствіемъ основныхъ путей сообщенія... Надобно ли говорить, что земледѣліе не можетъ дѣлать успѣховъ въ странѣ, гдѣ слаба промышленность и торговля? Кому неизвѣстно, что Псковская губ. можетъ умереть съ голоду прежде, чѣмъ получитъ хотя четверть хлѣба изъ Малороссіи, которая въ то же время будетъ страдать отъ невозможности сбыть куда бы то ни было свой хлѣбъ?“ („Суевѣрія и правила логики“).

амъ имѣло своимъ слѣдствіемъ общій застой, кризисъ въ этой ослѣдней. Это наблюдалось въ свое время и въ Англіи, и въ ерманіи, и въ С. Америкѣ и др. То же самое и въ Россіи.

Подъему нашей промышленности за періодъ 1893—1899 г. лагопріятствовали и условія международнаго рынка. Рядъ конверсій въ главнѣйшихъ европейскихъ странахъ, совершенныхъ ъ періодъ застоя начала 90-хъ годовъ, толкнули массу капитаовъ на путь промышленности. Привлеченные нашей высокой *ормой* прибыли, охраняемой покровительственными таможенными ошлинами, и не менѣе высокой *прибавочной* прибылью, вытекающей непосредственно изъ государственнаго казначейства ъ формѣ заказовъ,—иностранные капиталы широкими ручьями отекли въ Россію, и это особенно послѣ установленія золотой алюты *).

Казенное ж.-д. строительство шло рука объ руку съ *частымъ*. Для цѣлей послѣдняго при помощи государственнаго креита были реализованы за 1893—1902 г. около 1.300 мил. рублей. Большая часть этихъ государственныхъ займовъ совершена за границей, но были привлечены и внутренніе капиталы—преимущественно государственныя *сберегательныя кассы*... За это же время „вся сумма *казенныхъ* желѣзнодорожныхъ затратъ, которыя носили такъ или иначе характеръ „капитальныхъ", составляла 1.691,5 мил. руб." Изъ нихъ только 495 мил. были получены путемъ займовъ; остальные 1.196 мил. были употреблены изъ *обыкновенныхъ* государственныхъ доходовъ, путемъ усиленнаго обложенія населенія. „Практика безпримѣрная въ исторіи финансовъ"—говоритъ проф. Мигулинъ **).

Эксплоатаціонная длина ж. д. въ Евр. Россіи безъ Финляндіи, по даннымъ мин. путей сообщенія, въ 1893 г. составляла 29.114 верстъ; въ 1899—40.268 и въ 1902 г.—46.325; вмѣстѣ съ дорогами Азіатской Россіи она составляла въ 1898 г.—41.819;

*) „Устойчивость денежнаго курса,—основательно замѣчаетъ Parvus,—это важное условіе для индустріальнаго развитія. Не только потому, что съ паденіемъ денежнаго курса возрастаетъ дисконтъ и, слѣдовательно, затрудняется кредитъ, падаетъ курсъ государственныхъ долговыхъ обязательствъ и одновременно съ этимъ возрастаетъ уплата процентовъ въ золотѣ и бюджетъ выходитъ изъ равновѣсія, но и потому, что вмѣстѣ съ колебаніями денежнаго курса весь товарный обмѣнъ съ заграницей становится игрушкой случая и биржевой спекуляціи". Это сознаетъ и наше Мин. Финансовъ. Но сохраненіе курса стало у насъ теперь самодовлѣющей цѣлью; причемъ не замѣчается, что практикуемыя для этого мѣры не только не выводятъ насъ изъ circuli vitiosi, но, наоборотъ, еще болѣе затягиваютъ... Данныя о количествѣ золота въ Государств. банкѣ и Государств. казначействѣ по ежегоднымъ балансамъ Государств. банка на 23 декабря показываютъ, что къ концу 1898 г. золота было 975,1 мил. руб.; въ концѣ 1902 г.—737,7 мил., т. е. за четыре года убыль составляетъ 237,4 мил. руб.

**) „Наша новѣйшая жел.-дор. политика и желѣзнодорож. займы", П. Мигулинъ. Харьковъ, 1903 г., стр. 323. Его же: „Казна и частныя ж.-д. общества", „Народн. Хоз." мартъ—апрѣль 1903 г. 87—88 стр.

въ 1901 г.—53.030 и въ 1902 г.—54.075 вер. За десять лѣтъ эксплоатаціонная линія возрасла, такимъ образомъ, почти на 25 тысячъ верстъ, причемъ самый быстрый ростъ ея постройки приходится на 1896—1900 годы. Въ 1902 г. ростъ сѣти не составляетъ и 7% общаго увеличенія за пятилѣтіе 1898—1902 г., которое равняется 30%... „Девятью только частными обществами за 10 лѣтъ было сооружено 12.500 верстъ новыхъ путей, при томъ на старыхъ построено тысяча верстъ второй колеи; сооружались пристани, элеваторы, шоссе, перестраивались старые центральные вокзалы, пріобрѣтался громадный подвижной составъ“... По даннымъ мин. фин. число паровозовъ за 1892—1901 г. возрасло на 6.660 или на 93%, пассажирскихъ вагоновъ на 9.446 или 119% и товарныхъ на 176.402 или 118%.

Все это, а также форсированная постройка военныхъ судовъ,- вызвало сильный спросъ на продукты желѣзной и стальной промышленности, что въ свою очередь отразилось на горной, каменно-угольной промышленности. Началась усиленная постройка новыхъ заводовъ и доменныхъ печей и расширеніе старыхъ. Развивалась быстро лѣсная промышленность, кирпичное, цементное, стекольное производства... Съ другой стороны ростъ нефтяной промышленности, работавшей на все выраставшій въ это время внутренній и *міровой* рынокъ, еще болѣе усилилъ спросъ на „строительную“ промышленность. Сооружались нефтяныя вышки, строились керосиновые и масленые заводы; создавалась громадная паровая флотилія на Каспійскомъ морѣ и масса перевозочныхъ средствъ на Волгѣ. Расширялись и строились заново различнаго рода вспомогательные къ нефтяной промышленности механическіе и химическіе заводы (сѣрн. кислоты, поташа и пр.)... Далѣе, ростъ городовъ, особенно на Югѣ, вызвалъ лихорадочную постройку новыхъ домовъ и перестройку старыхъ, проводились конныя ж. дороги, трамваи, вводилось электрическое освѣщеніе, прокладывались водопроводы, устраивалась канализація *)... Все это усиливало производство соотвѣт-

---

*) Съ 1885 по 1897 г., по вычисленіямъ В. Михайловскаго, приростъ городского населенія въ Россіи составилъ 33,8%, слишкомъ вдвое больше общаго числа прироста жителей Евр. Россіи (15,25%) и почти втрое больше увеличенія сельскаго населенія (12,7%)... („Новое Слово“, 1897. № 9, стр. 112). Не надо забывать сильное развитіе фабрично-заводскихъ селъ и мѣстечекъ, которыя слѣдуетъ причислить къ *городскому* населенію. За 1897—1902 годы городское населеніе несомнѣнно еще болѣе быстро возрастало.. Вмѣстѣ съ ростомъ городовъ росли и цѣны на квартиры, на дома, росла городская земельная рента, цѣны на землю, а со всѣмъ этимъ и городская *задолженность*. Къ 1-му января 1896 года послѣдняя составила 631,8 мил. руб., въ томъ числѣ на Сибирь *158 тысячъ*; къ 1-му января 1901 г. она достигла 977,2 мил., въ томъ числѣ на Сибирь *8,1 мил. руб.* Къ началу 1896 г. въ залогѣ было 52,067 имуществъ съ оцѣнкой въ 1.408,7 мил. руб., къ началу 1901 г. 77.739 съ суммой въ 2.080 мил. руб. Изъ 479 городовъ, по которымъ числятся долги,—по 64, съ задолженностью болѣе 1 милліона, числилось 924 мил. или болѣе 95%. Въ группѣ съ задолженностью отъ 10 до 100 мил. на ряду со старыми промыш

ствующихъ продуктовъ; росли быстро производства средствъ производства. Это дало заработокъ значительной части нашей громадной резервной арміи городского и сельскаго пролетаріата... Въ капиталистическомъ производствѣ всѣ отрасли тѣсно переплетены между собой; развивалась и промышленность, занятая производствомъ средствъ потребленія. Быстро возрастала текстильная индустрія, какъ благодаря спросу со стороны возросшаго городского населенія, такъ и со стороны сельскаго, въ виду удовлетворительныхъ урожаевъ 1893—96 годовъ. Такъ, группа по обработкѣ волокнистыхъ веществъ увеличила за 1893—1897 г. свое производство по стоимости продуктовъ съ 621,9 мил. до 946 мил. руб., а по числу занятыхъ рабочихъ съ 497.940 до 642.520; производства „питательныхъ" продуктовъ съ 399,7 мил. до 648,1 мил. руб., а по числу рабочихъ съ 216.834 до 255.357;— „животныхъ" продуктовъ: 78,4 и 132,1 мил. руб., 44.228 и 64.418 рабочихъ...

Грюндерство и связанная съ нимъ спекуляція достигли въ разсматриваемый нами періодъ небывалыхъ размѣровъ. Они съ своей стороны дали толчекъ развитію промышленности, но какъ вездѣ въ капиталист. странахъ, такъ и у насъ они вслѣдъ за тѣмъ дали почувствовать свои „прелестныя" стороны... За десятилѣтіе 1893—1902 г. *основной* капиталъ акціонерныхъ предпріятій возросъ *на 2.055,8* мил. рублей, между тѣмъ какъ за періодъ 1854—1892 г. онъ увеличился всего на 919,3 мил. руб. Акціонерное дѣло росло особенно быстро съ 1895 г. и достигло высшей точки въ 1899 г.; съ того времени оно все понижается. Число *вновь* учрежденныхъ обществъ возрастало неуклонно съ 63 съ капиталомъ въ 54,6 мил.

ленными и торговыми центрами, какъ Одесса, Варшава, Кіевъ, мы находимъ и молодые: Лодзь, Ростовъ, Екатеринославъ, Николаевъ и пр. („Статист. долгоср. кредита въ Россіи въ 1900 г.". С.-Петербургъ. 1903 г. Вып. III, редакція А. Голубева (ст. VI и VIII) и „Вѣст. Фин.", 1903 г. № 25). Для характеристики развитія городской жизни на Югѣ укажемъ на корреспонд., недавно присланную изъ Ростова въ „Новое Время": Еще въ 1854 г. городской бюджетъ Ростова не превышалъ 14 тыс. руб., Въ 1879 онъ былъ полмилліона, а теперь (1903 г.)—1,3 мил. руб. Въ 60-хъ годахъ—„это былъ грязный, неустроенный городишко съ зачатками мостовыхъ, почти безъ школъ, съ пародіей на больницу и пр... Теперь онъ узловой пунктъ 3-хъ желѣзныхъ дорогъ съ громаднымъ пассажирскимъ движеніемъ, съ огромнымъ грузооборотомъ, съ 11 банками въ 3 милліарда оборота, съ фабриками и заводами, употребляющими десятки тысячъ рабочихъ и производ. на десятки мил. руб., съ 7 сред. учебн. завед. и 70 начальн. школами; это—городъ съ водопроводомъ, электрическимъ освѣщеніемъ, съ канализаціей, электрическимъ трамваемъ, съ тремя обширными крытыми рынками и т. д.,—съ общественной и 4 безплатными народн. библіотеками-читальнями, 3 большими газетами, 3 спеціальными журналами и съ 21 типографіей"... И Ростовъ не исключеніе. Въ то время какъ населеніе Ростова возрасло за тридцатилѣтіе 1867—97 г. на 310% (съ 29 до 120 тысячъ), Баку за это же время съ 14 до 112 тыс. или на 702%. Екатеринославъ съ 19,9 тыс. до 121,2 или на 508% и т. д. (См. „Россія въ концѣ XIX вѣка", Изд. Мин. Фин. 1900 г. „Населеніе", статья В. И. Покровскаго, стр. 60—64).

руб, въ 1894 г. до 327 общ. съ 358,4 мил. въ 1899 году; затѣмъ оно все падаетъ, и въ 1902 г. основано было только 78 обществъ съ капиталомъ въ 73,2 мил. То же явленіе обнаруживаютъ и цифры новыхъ *иностранныхъ* предпріятій, допущенныхъ къ дѣйствію въ Россіи: въ 1894 г.—3; въ 1899 — 70, а въ 1903 г. — 13 обществъ... (См. „Статистику акціон. дѣла въ Россіи", III вып. Харьковъ, 1901 г. и „Горнозав. Лист." за 1902 и 1903 г.).

Въ акціонерномъ дѣлѣ первое мѣсто у насъ теперь занимаетъ группа горнопромышленныхъ предпріятій, т. е. по добычѣ металловъ, каменнаго угля, нефти и пр. Въ 1890 году такихъ акціонерн. предпріятій было лишь 47 съ капиталомъ въ 101 мил. рублей, въ 1901 г.—188 съ основнымъ капиталомъ болѣе полумилліарда руб. Второе мѣсто занимаетъ группа по обработкѣ волокнистыхъ веществъ: число акціонерн. предпріятій съ 104 съ основ. капиталомъ въ 144,5 мил. руб., въ 1885 г. возрасло къ 1 января 1902 г. до 240 съ капиталомъ въ 402,6 мил. руб. Третьей по размѣрамъ основ. капитала является группа по обработкѣ металловъ: въ 1890 г.—29 общ. съ капиталомъ въ 31,7 мил. руб., а въ 1901 г.—178 акціон. обществъ съ капиталомъ почти въ 10 разъ больше. Удвоилась за эти 12 лѣтъ какъ по числу предпріятій, такъ и по ихъ капиталамъ, группа по производству питательныхъ продуктовъ (сахарные заводы, винокуреніе, мельницы и проч.). То же самое наблюдается и въ остальныхъ группахъ... („Вѣст. Фин." № 8. 1902 г. *).

Крупно-капиталистическій типъ организаціи производства выраженъ наиболѣе ярко въ промышленности желѣзной, въ каменно-угольной и нефтяной; и онѣ же отличаются наиболѣе бы-

*) Яркой иллюстраціей развитія нашей промышленности *въ различныхъ* ея отросляхъ за послѣдній періодъ подъема можетъ дать слѣдующая таблица роста основного капитала *акціонерныхъ промышленныхъ* предпріятій (въ мил. руб.).

Группы производствъ:	1890 г.	1893 г.	1896 г.	1899 г.	1900 г.
Волокнистыя вещества	197,6	22,6	225,2	342,0	373,7
Химическія производства	15,6	17,1	45,1	58,4	93,9
Бумагомассная группа	11,4	14,3	20,0	34,6	31,8
Горнопромышленная	85,7	101,0	209,4	406,1	392,2
Металлическая	27,8	32,7	85,3	250,3	257,3
Керамическая	6,7	9,1	19,2	48,5	59,1
Сельскохозяйственная группа (въ 1891 г.)	2,7	2.9	3,6	4,9	5,2
Лѣсная	3,2	8,1	14,1	14,5	17,3
Питательная	87,6	91,9	114,2	143,4	153,1
Животная	7,4	6,6	8,9	17,6	16,5
Торговая	25,3	38,1	48,9	62,3	76,6
Перевозочная	36,7	39,8	40,4	45,0	63,3
Группа по благоустройству городовъ	51,5	62,1	74,2	97,8	109,8
Смѣшанная группа	23,4	38,1	48,9	74,4	90,2

Эти данныя взяты изъ „Ежегодник. Мин. Финансовъ", выпуски 1901 г. и 1902 г. Изд. 1902 и 1903 г. Данныя о нашемъ акц. дѣлѣ изъ различ. источниковъ между собой не совпадаютъ.

стрымъ темпомъ развитія. Первыя двѣ отрасли, развиваясь особенно на югѣ Россіи *), положили въ послѣднее десятилѣтіе новый отпечатокъ на мѣстную жизнь, превратили земледѣльческія до того времени губерніи, какъ Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Область Войска Донскаго, въ индустріально-земледѣльческія, оттѣснили чисто „торговый" капиталъ, работавшій и работающій здѣсь на почвѣ „капитализаціи земледѣльческихъ доходовъ", и выдвинули роль „промышленнаго": точно также и нефтяная промышленность своимъ развитіемъ дала тонъ всему Закавказью отъ Баку вплоть до Батума, оживило Каспійское море и Волгу и оттѣснило въ устьѣ ея—въ Астрахани—исконную рыбную промышленность, которая, хотя и ведется теперь крупно, „капиталистически", но хищнически, паразитарно **). Нефтяной районъ черезъ Грозный и Владикавказскую ж. д., близко примыкая къ Ростову, какъ бы сливается съ горнозаводской промышленностью этого южно-русскаго района. Послѣдній въ свою очередь близко примыкаетъ къ юго-западному,—району капиталистической сахарной промышленности,—съ Кіевомъ во главѣ. Далѣе на Западѣ идетъ быстрыми шагами польскій капитализмъ, развивается крупная промышленность прибалтійскихъ губерній, растетъ центральный промышленный районъ вообще и въ частности его капиталистическая текстильная индустрія, расширяется горная и заводская промышленность Урала, растетъ капиталистическая индустрія Петербургскаго района,—обнаруживая повсюду свои специфическія общественныя черты... А далеко на сѣверѣ развивается капитализмъ въ Финляндіи, судьбу которой исторія послѣдняго времени такъ тѣсно связываетъ съ судьбой Россіи... ***).

---

*) Еще въ 1890 г. южный районъ вырабатывалъ менѣе половины Урала, въ 1901 г. вдвое больше его,—свыше 53% всего производства чугуна въ Россіи за этотъ годъ. Производство желѣза и стали на югѣ было въ 1890 г. въ 2½ раза меньше, чѣмъ на Уралѣ и равнялось производству въ Польшѣ или въ центральномъ районѣ, въ 1896 г. онъ обогналъ ихъ всѣхъ. Въ 1890 г. производство этихъ продуктовъ составляло здѣсь 16%, а въ 1901 г.—40% всего производства въ Россіи.

**) Какъ убійственно положеніе рабочихъ рыбной промышленности, — число ихъ насчитывается не менѣе ста тысячъ (д-ръ Арустамовъ),—читатель можетъ видѣть изъ обстоятельнаго доклада д-ра И. С. Вегера: „Очеркъ санитарнаго положенія рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ дельты Волги". („Жур. Общ. Охр. Нар. Здр." 1902 г. № 7, 8 и слѣд.).

***) Развитіе капитализма и рабочій вопросъ въ Финляндіи прекрасно представлены въ книгѣ г-жи Коллонтай: „Жизнь финлянд. рабочихъ" (1903). Нашлись, конечно, критики, которые поставили автору въ упрекъ его „ортодоксальный марксизмъ". Нашелся, далѣе, рецензентъ г. Рыкачевъ, который не могъ ничего другого придумать, какъ заявить, что финлянд. рабочій самъ не знаетъ кто такой финл. рабочій; не могутъ знать этого и его изслѣдователи. („Міръ Божій", Іюнь, 1903 г.). Г. Рыкачевъ, очевидно, судитъ о Финляндіи по дачнымъ мѣстностямъ, расположеннымъ по финл. ж. д. вблизи Петербурга.

VI.

Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ отдѣльныя отрасли нашей промышленности, ихъ положеніе и ихъ развитіе съ его колебаніями за послѣднее десятилѣтіе.

Состояніе *желѣзной* промышленности является въ настоящее время лучшимъ показателемъ развитія капитализма въ данной странѣ. Текстильная индустрія, игравшая прежде первенствующую роль въ *старыхъ* капиталист. странахъ, теперь уступила ее тамъ желѣзной; она и въ *молодыхъ* странахъ все больше и больше дѣлится своимъ значеніемъ съ этой послѣдней. Каковъ былъ ходъ развитія желѣзной промышленности у насъ за послѣднее время?

Выплавка чугуна, составлявшая въ 1893 году 68,8 мил. пуд., постоянно возрастая, достигла въ 1900 г.—177,5 мил.; за послѣдніе два года она понизилась и въ 1902 равнялась 155 мил. пуд. Производство желѣза и стали съ 57,5 мил. въ 1893 г. поднялось до 121,8 м. п. въ 1900 г., до 129 въ 1901 г., и упало въ 1902 г. до 116,3 мил. пуд. *). Въ 1890 г. Россія занимала шестое мѣсто по выплавкѣ чугуна, теперь она занимаетъ четвертое, обогнавъ Австро-Венгрію и Францію; по производству желѣза и стали она также заняла четвертое мѣсто, обогнавъ кромѣ того и Бельгію. Въ то время какъ Франція увеличила свою выплавку чугуна за 1890—1900 г. на 58%, Великобританія на 13%, С. Штаты на 76%, Германія на 61%, въ Россіи она возрасла на 220%. Производство желѣза и стали возрасло за это время во Франціи на 42%, въ С. Штатахъ на 50%, въ Германіи на 91%, а въ Россіи на 196%. *Сравнительный* ростъ производства въ этой промышленности у насъ значительно превзошелъ таковой какъ всего мірового производства, такъ и каждой изъ остальныхъ капиталист. странъ въ отдѣльности.

Согласно нисколько не преувеличеннымъ даннымъ „Постоян. совѣщ. конторы желѣзнозаводчиковъ", производительная способность русскихъ заводовъ въ отношеніи выплавки чугуна достигаетъ теперь 264 мил. пуд., а выдѣлки желѣза и стали 210 мил.

*) Еще быстрѣе росло у насъ съ 1893 по 1900 г. потребленіе этихъ продуктовъ, что вызвало усиленный ввозъ ихъ изъ-за границы. Ввозъ машинъ и аппаратовъ возросъ за 1893—1899 г. съ 3,4 до 12,4 мил. пуд.; съ 1900 г. вплоть до настоящаго момента ввозъ этихъ издѣлій, равно какъ чугуна, желѣза и стали все падаетъ... Съ другой стороны растетъ *вывозъ* чугуна за границу: въ 1900 г. онъ составлялъ всего 18 тыс. пуд., въ 1901 г.—918 т. п., а въ 1902 г.—4.341 тыс. п. Теперь растетъ вывозъ желѣзной руды: за первую четверть 1903 г. ея вывезено 7 мил. пуд., за это же время 1902 г.—691 т. пуд. (См. „Внѣш. торгов. по Евр. Рос. за 1901, 1902 и апрѣль 1903 г."; выпуски Ст. Отд. Деп. Тамож. Сбор.). „Видимое" потребленіе чугуна и друг. продуктовъ въ переводѣ на чугунъ составляло въ 1899 г.—219.452 тыс. пуд., въ 1900—206.839; въ 1901—195.011, и въ 1902 г. (приблиз.) 175.479.

Наши заводы по выплавкѣ чугуна оборудованы сильнѣе ихъ производства въ 1902 году на 67%, а по выдѣлкѣ стали и желѣза на 61%!

Таковъ былъ ростъ желѣзодѣлательной промышленности за послѣдній періодъ подъема; по отдѣльнымъ районамъ онъ былъ гораздо быстрѣе. Такъ, въ южномъ районѣ выплавка чугуна за 1890—61 г. возрасла на 595%, а производство желѣза и стали болѣе чѣмъ на 600%. Число рабочихъ на доменныхъ заводахъ этого округа возрасло съ 11.371 въ 1890 г. до 45.416 въ 1899; съ этого времени оно сокращается и въ 1902 г. составляло 35.710. На передѣльныхъ заводахъ въ 1900 г. было 8.726, въ 1901 г.—7.749 и въ 1902 г. 7.502 рабочихъ *).

По даннымъ горн. департ. въ нашей *желѣзной* промышленности въ 1900 г. числилось 389.130 рабочихъ**). Но если принять во вниманіе рабочихъ, занятыхъ добычей необходимыхъ этой промышленности сырыхъ матеріаловъ: угля, флюса, огнеупорныхъ веществъ, дроворубовъ и др., то, согласно докладу, сдѣланному на Петербургскомъ желѣзномъ съѣздѣ въ апрѣлѣ 1903 г. „Научно-технической комиссіей общества горныхъ инженеровъ", число занятыхъ въ желѣзной промышленности рабочихъ будетъ не менѣе 700.000 человѣкъ. „Съ водвореніемъ у насъ крупной капиталистической промышленности, — читаемъ мы въ этомъ докладѣ — работники этой промышленности должны совершенно выдѣлиться изъ общей массы населенія и создать общественную группу съ вполнѣ своеобразными экономическими, бытовыми и профессіональными особенностями... Эти особенности обусловливаются, какъ требованіями самой промышленности, такъ отношеніями вновь образовавшейся общественной группы къ общему строю страны... Коллективная группировка промышленныхъ рабочихъ является прямымъ слѣдствіемъ всѣхъ условій ихъ труда и никакими внѣшними уси-

---

*) См. „Желѣзная промышл. въ Россіи въ 1901 г.", Харьковъ, 1902 г. и „Горно-завод. Листокъ" 1903, № 6. Укажемъ еще здѣсь, что число рабочихъ, занятыхъ добычей минеральнаго топлива въ Донецкомъ бассейнѣ, сократилось съ 67.526 въ 1900 г. до 58.596 въ 1902 г., а добыча съ 678,15 мил. пуд. до 650,84... Каменноугольная промышленность обнаруживаетъ такія же явленія, какъ и желѣзная. Съ 1896 по 1901 г. добыча угля возрасла въ Евр. Россіи съ 569 мил. до 996 м. п.; но въ то же время какъ за пятилѣтіе 1896—1900 она возрастала ежегодно въ среднемъ на 103,4 мил., въ 1901 она возрасла всего на 10,9 мил. По даннымъ Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга добыча угля въ Европейской Россіи въ 1901 г. равнялась 1002,93 мил. пуд., а въ 1902 г.—953,50... (Горноз. Лист. № 14 1903). Ввозъ иностраннаго угля, составлялъ въ 1900 г. 240 мил. пуд., въ 1901 г.—192,4, а въ 1902 г.—174,0 мил. пудовъ.

**) Въ „Сборникѣ статист. свѣдѣній о горнозав. промышл. „*въ 1899 г.*", изд. Учен. Гор. Комит. въ 1901 г. и составл. по оффиц. даннымъ А. Лоранскимъ, число рабочихъ, занятыхъ въ этомъ году на горныхъ промыслахъ и заводахъ, составляло во всей имперіи 634.099 человѣкъ. Цифра эта безусловно ниже дѣйствительной, но она можетъ служить для сравненія съ данными за предыдущіе годы. Въ 1890 г такихъ рабочихъ числилось 435.668 человѣкъ, въ 1893 г.—465.012, въ 1896 г.—492.980 человѣкъ. (LXIX стр.).

ліями не можетъ быть устранена. Неустройство рабочаго вопроса въ русской промышленности вообще, и въ желѣзной въ частности, выдвинулось особенно рѣзко въ періодъ переживаемаго нынѣ промышленнаго кризиса. Съ особенной рельефностью несовершенство постановки рабочаго вопроса чувствуется на Уралѣ, пользующемся кореннымъ горнозаводскимъ населеніемъ. Горные инженеры прекрасно сознаютъ, что въ настоящее время... рабочій вопросъ является насущнѣйшимъ, неотложнѣйшимъ вопросомъ, опредѣляющимъ всю будущность этой промышленности... Необходимъ подъемъ культурнаго уровня рабочихъ желѣзной промышл. путемъ развитія профессіональнаго и общаго образованія. Необходимо облегченіе организаціи какъ школьнаго, такъ и внѣшкольнаго образованія. Необходимо созданіе условій обезпечивающихъ лучшую обстановку жизни рабочихъ желѣзн. промышленности и въ томъ числѣ созданіе страхованія рабочихъ и рабочихъ организацій взаимопомощи... Необходима выработка такихъ правовыхъ нормъ, которыя обезпечивали бы болѣе правильное взаимоотношеніе между предпринимателями и рабочими, и при которыхъ рабочія группы могли бы отстаивать свои интересы какъ коллективныя единицы, объединенныя общностью работы и жизненныхъ условій...“ *). Несостоятельность этихъ мѣръ и съ точки зрѣнія самой промышленности не подлежитъ сомнѣнію. Рабочіе это — важнѣйшій факторъ производства. Западно-европейская теорія и практика одинаково приходятъ къ заключенію, что на международномъ рынкѣ перевѣсъ можетъ остаться лишь за странами съ развитымъ интеллектуально промышеннымъ рабочимъ классомъ. Шульце-Геверницъ и Каутскій—люди различныхъ лагерей — одинаково признаютъ слабость нашей индустріи именно въ слабой культурности и недостачной производительности русскаго рабочаго, что въ свою очередь является продуктомъ опредѣленной общественной обстановки... **).

---

*) „О рабочихъ желѣзной промышленности“, 1903 г., стр. 4—5, 13—15.

**) Въ то время, какъ въ Германіи въ 1894 году общій процентъ учащихся составлялъ 18,7% всего населенія, въ Англіи 17,24, въ Италія 7,6, у насъ въ 60 губерніяхъ земскихъ и неземскихъ онъ составляетъ теперь только 2,3%. По отдѣльнымъ губерніямъ этотъ процентъ колеблется отъ 1,2 (Уфимская) до 4,6 (Ярославская) и въ трехъ губ. Прибалтійскаго края 5,7. („Начальное образованіе въ Вологодской губ.“. Изд. В. Г. Земства 1902, стр. 90—91). Наши горные инженеры забыли указать и на необходимость сокращенія рабочаго дня: въ С. Штатахъ средняя продолжительность его 9¾, въ Великобританіи 9, во Франціи, Германіи и Швейцаріи 10½, въ Бельгіи, Италіи и Австріи 11 час., а въ Россіи 12 ч. („Промыш. и здоровье“ 1903, № 4). Каковъ пролетарскій квартирный вопросъ у насъ, показало статистическое обслѣдованіе коечно-каморочныхъ квартиръ въ Москвѣ, произведенное Мос. гор. управой въ началѣ 1899 г. Ужасающія данныя этой переписи, зарегистрировавшей 174.622 жит.— преимущественно фабр.-зав. рабочихъ, низшихъ жел.-дор. служ., чернорабочихъ можно найти въ статьѣ: „Жилища бѣднѣйшаго населенія Москвы“ И. Вернера („Изв. Моск. Гор. Думы“. Октябрь, 1902 г.). Каковы *результаты* такой домашней обстановки и не менѣе тяжелой на фабрикахъ и заводахъ, вслѣдствіе слабости нашего рабочаго законодательства, видно изъ слѣдующаго: „Высокая

Перейдемъ къ нефтяной промышленности. Общее представленіе о ходѣ ея развитія за 1893—1902 г. можетъ дать слѣдующая таблица:

	1893.	1896.	1900.	1901.	1002.
	Милліоны пудовъ.				
Полезная добыча нефти	325	386	601	671,3	636,5
Было въ буреніи скважинъ	175	387	215	1.050	814
Пробурено саженей	10 980	28.126	83.140	75.665	40.390
Вывезено нефти, прод. изъ Баку	248	307	443	497	514
" " за границу	60,2	64,6	87	93,4	92.4

Съ 1889 по 1901 г. число фирмъ, работавшихъ въ бакинскомъ районѣ, возрасло съ 61 до 171, въ томъ числѣ крупныхъ 15 и 42. Число „наиболѣе крупныхъ" фирмъ осталось за это время безъ измѣненій: —15. И въ 1889, и въ 1901 г. эти послѣднія добывали $^3/_4$ всей добычи, средняя добыча каждой изъ этихъ фирмъ составляла тогда 9,7 мил. пуд. въ годъ, въ 1901 г. — 33 мил. пуд. *Половина* всей добычи нефти въ этомъ году приходится на долю только *шести* фирмъ или $^1/_{28}$ общаго ихъ числа! Таковъ процессъ концентраціи въ этой отрасли промышленности.

Нефтяная промышленность, работающаяся при посредствѣ иностраннаго капитала и на міровой рынокъ, ярко проявляетъ законы капиталистическаго производства. Изслѣдованіе цѣнъ на ея продукты показываетъ: въ *1890 г.* высокія цѣны, кульмин. пунктъ предыдущаго подъема, *въ 1892 г. кризисъ низкихъ цѣнъ*; 1893 и 1894 — годы застоя. Съ 1895 г. новый циклъ движенія, въ *1900 г.* цѣны достигаютъ самаго высокаго уровня, затѣмъ идетъ рѣзкое паденіе цѣнъ, въ 1902 г. *кризисъ низкихъ цѣнъ*. Обрисовывается, такимъ образомъ, десятилѣтній циклъ движенія *).

степень смертности фабричныхъ рабочихъ не представляетъ чего-либо новаго,— пишетъ Е. Дементьевъ.—Десять лѣтъ тому назадъ намъ пришлось показать на возрастномъ составѣ фабричныхъ рабочихъ, что послѣ сорокалѣтняго возраста рабочіе исчезаютъ съ фабрикъ („Фабрика, что она даетъ населенію etc"). Рабочіе уходятъ съ фабрикъ, лишенные возможности продолжать работу и, какъ заставляли насъ предполагать всѣ свѣдѣнія о нихъ, которыми мы располагали, уходятъ домой, одержимые хроническими недугами, докачивать свои недолгіе дни. Мы указали и на причины этого явленія, на всѣ антисанитарныя условія работы и жизни фабричныхъ рабочихъ. Теперь статистика движенія населенія фабричныхъ мѣстностей, чрезвычайно высокая степень смертности, доходящая поистинѣ до колоссальныхъ цифръ, и поразительно малая средняя продолжительность жизни каждаго вновь родившагося, т. е. показатели пониженія долговѣчности фабричнаго населенія даютъ имъ прочное подтвержденіе. Но она даетъ намъ еще и другое: чрезвычайно высокую смертность дѣтей—результатъ современнаго положенія нашей фабричной работницы, условій ея труда и жизни". („Женскій фабричный трудъ въ Россіи". Е. Дементьева. „Промышл. и здоровье" 1902 г. кн. III). Мы видимъ, что Verelendungstheorie—даже въ той „абсолютной" формѣ, въ какой только ее и понимаютъ гг. Бернштейнъ, Т.-Барановскій и К°.—далеко не вездѣ еще отжила свой вѣкъ...

*) Источники: „Обзоръ бакинск. нефт. промышл. за 1901 г." изд. 1902 г.; „Отчетъ завѣд. акциз. сбор. Закавк. края за 1900 г." изд. 1902 г.; „Нефтян. дѣло" № 2, 1903 г.; „Вѣст. Фин". № 7, 1903 г. и др... Согласно даннымъ совѣта

Что касается бакинской нефтеобрабатывающей промышленности, то число заводовъ въ ней въ 1893 г. было 115; 1896 –105, 1900—94 и 1901—91 зав., т. е. оно сократилось на 21%. Особенно сократилось число керосиновыхъ съ 99 до 64. Изъ общаго числа нефтеперегонныхъ заводовъ въ 1901 г. *бездѣйствовали круглый годъ* 14 или 16%. Однако, „въ этомъ году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, несмотря на ухудшеніе въ условіяхъ заводской дѣятельности наблюдалось рядомъ съ уменьшеніемъ числа заводовъ улучшеніе и расширеніе производительности заводовъ"... Явленіе это наблюдается повсюду во время кризисовъ; оно констатируется теперь у насъ и въ другихъ отрасляхъ производства: въ хлопчатобумажной, желѣзной и пр. *). Выработка керосина съ 89,5 мил. пуд. въ 1893 г. достигала 134,1 мил. въ 1900 г.; въ 1901 г. она сократилась до 128,7 мил. пуд. По отношенію ко всей добычѣ нефти выработка керосина сократилась съ 27,6% въ 1893 до 19,5% въ 1901 г...

Въ то время какъ большинство керосиновыхъ заводчиковъ жалуются на перепроизводство и низкія цѣны, диктуемыя въ Баку монополистами экспортерами и иностранными синдикатами, у насъ еще существуютъ цѣлые районы, гдѣ лучина въ полномъ ходу. И причина не только въ недостаточной организованности внутренняго рынка, въ дороговизнѣ перевозки, но и въ высо-

съѣзда нефтепр. число служащихъ и рабочихъ на однихъ *бакинскихъ промыслахъ* въ началѣ 1899 г. составляло *16.896;* въ февралѣ 1900 г. ихъ было 21.253; въ то же время 1901 г. 26.637 и въ началѣ 1902—24.018. Къ этому слѣдуетъ прибавить рабочихъ у подрядчиковъ по буренію, а также въ подсобныхъ ремонтныхъ мастерскихъ, которыхъ было въ 1900 г.—5.618 чел.; да кромѣ того у подрядчиковъ по плотничьимъ, землянымъ и каменнымъ работамъ числилось отъ 600 до 800 человѣкъ. Итакъ, въ началѣ 1900 г. ихъ было около 28.000; въ февралѣ—мартѣ 1901 г. 33.000; въ февралѣ—апрѣлѣ 1902 г.—27.500 или сокращеніе на 16,7%. Сокращеніе особенно падаетъ на рабочихъ у подрядчиковъ по буренію и въ разныхъ ремонт. мастерскихъ (48,6%). Изъ 24.018 служащихъ и рабочихъ въ началѣ 1902 г. на администрацію и конторы приходилось 815 человѣкъ, по промысламъ 10.495, по буренію 5.360, въ мастерскихъ 5.542 и проч. служащихъ 1.749. („Обзоръ Бакин. нефт. промышл. за 1901 г.", часть I, стр. 315—321. Баку, изд. 1902 г.). Кромѣ того въ *заводскомъ* районѣ постоянныхъ рабочихъ и мастеровыхъ на нефтеперегонныхъ *заводахъ и станціяхъ* числилось въ Баку въ 1899 г.—3.447, въ 1900—3.997 и въ 1901 г.—3.865 (I. с. 337—338).

*) Сильное паденіе цѣнъ во время кризиса и обостренная борьба конкуренціи заставляетъ отдѣльнаго капиталиста приложеніемъ новыхъ машинъ, примѣненіемъ новыхъ методовъ производства, поднять индивидуальную цѣнность своего продукта надъ общей цѣнностью этого продукта. Это, конечно, болѣе всего подъ силу крупнымъ, *экономически* стойкимъ предпріятіямъ, которыя усовершенствуютъ свою технику, увеличивая производительность труда, удешевляютъ производство и выручаютъ, такимъ образомъ, свою прибыль и при пониженныхъ цѣнахъ. Съ другой стороны имѣетъ мѣсто слѣдующее явленіе. Предпріятія крѣпкія технически, но слабыя экономически, вслѣдствіе того, что ихъ „учредительство" во время подъема промышленности обошлось въ тридорога, перейдя теперь за полъ-цѣны въ новыя руки, становятся состоятельными и экономически. При прежней или даже пониженной выручкѣ они могутъ теперь давать нормальную прибыль.

омъ акцизѣ. Еще на съѣздѣ нефтепромышленниковъ въ 900 г. комиссія пришла къ единогласному заключенію, что „дороговизна для народныхъ массъ керосина является фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію, и что въ этомъ причина его слабаго потребленія“. Комиссія „пришла къ твердому убѣжденію о своевременности возбужденія ходатайства объ уменьшеніи акциза въ размѣрѣ 40 к. съ пуда“. Въ настоящее время онъ, какъ извѣстно, 60 к. съ пуда, въ то время какъ цѣна керосина въ Баку доходила до 5 к. По даннымъ глав. управ. неоклад. сборовъ потребленіе керосина на душу населенія у насъ въ 1900 г. было 13 ф., между тѣмъ какъ въ Германіи въ томъ же году оно составляло 43,9 фунт.!

Въ такомъ же положеніи находятся у насъ и другія отрасли производства продуктовъ личнаго потребленія. Возьмемъ сначала хлопчатобумажную промышленность.

Мы видѣли выше какъ текстильная индустрія развивалась въ періодъ 1893—97 г.; расширеніе фабрикъ и устройство новыхъ продолжалось до конца 90-хъ годовъ и стояло, по словамъ фабрикантовъ, также въ связи съ закономъ 2 іюля 1897 г. о нормировкѣ рабочаго дня, давшимъ толчекъ развитію техники. За 1896—1900 г., число веретенъ въ хлопчатобумажной промышленности возрасло съ 5,1 до 6,4 мил. или на 27%, а число ткацкихъ станковъ съ 113 до 148 т. или на 30%. Но обработка хлопка за 1893—1900 г. далеко не шла такъ быстро; она увеличилась всего на 12%... „Увеличеніе *техническихъ* средствъ сопровождалось сначала нѣкоторымъ увеличеніемъ *предложенія*,—читаемъ мы въ докладной запискѣ петербургскихъ фабрикантовъ министру финансовъ отъ 18 января 1902 г.,—однако, въ послѣднее время, подъ угнетающимъ вліяніемъ низкаго уровня покупной силы населенія, вновь остановилось и на цѣломъ рядѣ фабрикъ сократилось на одну треть“. Слѣдуетъ подчеркнуть, что хлопчатобумажная промышленность стоитъ въ тѣсной связи съ покупательной способностью нашего сельскаго населенія, а общая недовыручка послѣдняго, вслѣдствіе плохихъ сборовъ хлѣба за періодъ 1897—1902 г., по вычисленіямъ самого министра финансовъ, составляла не менѣе одного милліарда рублей... Однако, тормазомъ для развитія хлопчатобумажнаго производства являются несомнѣнно и высокія пошлины на хлопчатобумажные продукты. „Русская хлопчатобумажная промышленность представляетъ собой единственный примѣръ во всемъ свѣтѣ, такъ какъ она пользуется таможенной защитой даже по отношенію къ сырому матеріалу“ — писалъ въ свое время Шульце-Геверницъ. И онъ былъ совершенно правъ, заявляя, что въ томъ видѣ, въ какомъ покровительственныя пошлины вообще примѣняются въ Россіи, „онѣ скорѣе вредятъ дѣлу, чѣмъ содѣйствуютъ“. Теперь и хлопчатобумажные фабриканты въ цѣломъ рядѣ докладныхъ записокъ въ мин. фин. говорятъ, что *„пониженіе пошлинъ на хлопокъ является неотложно-*

необходимымъ условіемъ" дальнѣйшаго развитія этой индустріи *). „Совершенно безспорно, читаемъ мы въ одной запискѣ, что высокая пошлина на хлопокъ сохраняется нынѣ въ тарифѣ не ради поощренія хлопководства, а исключительно въ интересахъ *фискальныхъ*". На послѣдній характеръ нашихъ пошлинъ, какъ извѣстно, указывалъ и Энгельсъ..

Обратимся къ производствамъ, *обложеннымъ акцизомъ*. Согласно послѣднимъ даннымъ Глав. управл. неокл сборовъ состояніе *сахарной* промышленности за періодъ 1889—90 и 1899—900 было слѣдующее. Число дѣйствовавшихъ песочныхъ и песочно-рафинадныхъ заводовъ возрасло за это время съ 220 до 268, количество учтеннаго сахара съ 24,6 мил. пуд. до 48,5. На ряду съ растущимъ техническимъ совершенствованіемъ производства, все большимъ и большимъ распространеніемъ механическихъ двигателей, число рабочихъ за это время возрасло съ 85.696 до 105.059 чел.— цифры, которыя „не могутъ быть названы точными". Обращаетъ на себя вниманіе ростъ числа малолѣтнихъ: съ 479 до 1.158, число женщинъ возрасло съ 9.328 до 12.584. Количество выработаннаго сахара на одного рабочаго возрасло съ 287 до 461 пуд. По предварительнымъ свѣдѣніямъ за 1900—901 г. число заводовъ

---

*) „О затруднительномъ положеніи хлопчато-бумажной промышленности, о пошлинѣ на хлопокъ и жел.-дор. тарифѣ", изд. С.-Пет. Общ. содѣйств. разв. фабр.-завод. пр. апрѣль 1903 г., стр. 33—49. „О критич. положеніи хлопч.-бум. промышл. etc.", тамъ же, стр. 49—55. До 1894 г. пошлина на хлопокъ составляла 1 р. 40 к. золот. или 2 р. 40 к. кред., въ этомъ году она была поднята до 3 р. 15 к., что составляло 65% стоимости самого хлопка. Въ 1900 г. она была поднята до 4 р. 15 к. И это въ то время, когда цѣна хлопка за границей возрастала. Цѣна его у насъ съ 8 р. 46 к. за пудъ въ 1899 г. достигла 11 р. 64 к. въ 1901 г., весной текущаго года она равнялась 13 р., между тѣмъ цѣна на миткаль съ 22 р. 1899 г. упала до 20 въ 1901 и 21 въ 1903 г., что, по увѣреніямъ фабрикантовъ, не оплачиваетъ издержекъ производства. „15 петербург. акціонер. компаній, получившія въ совокупности въ 1899 г.—2,2 мил. прибыли, въ 1900 получили 1.3 мил., въ 1901 г.—388 тыс. руб., а въ 1902 г. закончили почти всѣ свой годъ съ убыткомъ"... Но гг. фабриканты умѣютъ и вознаградить себя за такую покровительственную политику. При вывозѣ *тканей* за границу пошлина на хлопокъ, какъ извѣстно, возвращается. И вотъ вмѣсто хлопка идетъ камень, старые мѣшки, тряпки и т. п. дрянь, за которую получаются изъ государств. казначейства деньги. „Общій подсчетъ этихъ операцій таковъ, что возвратъ пошлины превосходитъ стоимость затраченныхъ въ дѣло матеріаловъ". См. статью Реджэпа: „Премія за фальсификаціи" („Новое Время", 1903 г. № 9757). Каковы дивиденды, получаемые группой акціон. предпріятій по обработкѣ волокнист. веществъ, видно изъ слѣдующаго: „За операціонный 1900—901 г. изъ общаго числа 240 предпр. (изъ нихъ 108 хлопчатобумажныхъ), три находились въ администраціи, 6 строились, 13 не опубликовали еще своихъ отчетовъ. Изъ остальныхъ 218 предпр. 34 понесли убытки въ суммѣ 3,7 мил. р., одно окончило ничѣмъ операціон. годъ и 183 получили 48 мил. прибыли. Если изъ послѣдней исключить понесенный убытокъ, исчисленія произвед. нѣкоторыми предпріятіями на покрытіе убытковъ прежнихъ лѣтъ въ размѣрѣ 522 тыс. р., то остатокъ въ 44.3 мил. руб. составитъ *болѣе* чѣмъ 11% на основной капиталъ всѣхъ 240 предпріятій этой группы. А между тѣмъ отчетный годъ отнюдь *нельзя назвать благопріятнымъ* въ торговомъ отношеніи" („Вѣст. Фин." № 8. 1902 г.).

было 273 съ производствомъ въ 49,2 мил. п. Число рафинадныхъ заводовъ за 1889—90 и 1899—900 возрасло лишь съ 18 до 23, а производство ихъ съ 14,5 мил. п. до 23,2; въ 1900—1901 ихъ было 20 заводовъ съ производствомъ въ 24,3 мил. пуд. За границу было вывезено въ 1890 г.—3,3 мил. п., въ 1900—12,5 мил. п. За послѣдующіе два года вывозъ сократился. Главнымъ нашимъ рынкомъ является Персія, около 1/4 всего вывоза идетъ въ южныя европейскія государства. На внутренній рынокъ поступило въ 1890—91—23,4 мил. п., въ 1899—900—36,4 мил. п. Съ 1895—96 увеличеніе внутренняго потребленія выражалось ежегодно отъ 2 до 3 мил. п.; въ послѣднемъ году всего лишь 912 тыс. п., что объясняется наступившимъ кризисомъ.

Ненормальность положенія нашей сахарной промышленности—всѣмъ извѣстный фактъ. Въ то время, какъ въ 1900 г. русскій потребитель платилъ за рафинадъ 6 р. 15 к., въ Гамбургѣ онъ стоилъ 4 р. 30 к., а въ Лондонѣ 2 р. 48 к. Кромѣ запретительныхъ пошлинъ на ввозный сахаръ мы имѣемъ съ 1872 г. въ цѣляхъ вывоза его возвратъ акциза, съ 1886 по 1891 г. у насъ платили еще премію за вывозъ—отъ 1 р. до 80 к. за пудъ. Съ 1887 г. по настоящій моментъ мы имѣемъ синдикатъ сахарозаводчиковъ, а съ 1895 г. казенную „нормировку" его. Чтобы удержать цѣны на внутреннемъ рынкѣ на прямо-таки недоступной широкимъ слоямъ высотѣ, мы кормили нашимъ сахаромъ свиней въ Англіи. А въ виду того, что вывозъ нашего сахара за границу (С. Америка, Англія) теперь затрудненъ, то разрѣшается кормить безъ акциза сахаромъ свиней и въ Россіи, только сахаръ долженъ быть предварительно *денатурализованъ*. Послѣ этого нужно еще удивляться, что потребленіе сахара за 1890—1900 г. у насъ увеличилось на [illegible]0%. Но какъ мы далеки отъ западно-европейской нормы видно изъ того, что въ Англіи въ 1898 г. на душу населенія приходилось 92 ф., въ Германіи въ 1897 г.—25 ф., въ С. Штатахъ 70 ф., а у насъ въ 1898—99—10½ ф., т. е. въ *девять* почти разъ меньше, чѣмъ въ Англіи *). За то наши сахарозаводчики получаютъ неслыханные за границей барыши: за 1901 операціонный годъ нѣкоторые изъ нихъ получили до 67% чистой прибыли на основной капиталъ, а *средній* % 12 заводовъ составлялъ, по словамъ „Моск. Вѣд.", всего на всего 27,5%. И это во время кризиса!

---

*) По поводу отвѣта нашего мин. фин. С. Штатамъ, что въ Россіи сахаръ, вывозимый за границу, „не покровительствуется ни явными, ни скрытыми преміями" проф. Лебедевъ пишетъ: „Не поощряя вывоза сахара мин-во фин. лишь заботится о нормѣ потребленія, опредѣляя какое количество сахара имѣютъ право съѣсть въ данномъ году жители Рос. Имперіи, платя по 1 р. 75 к. на пудъ акциза въ прибавку къ предѣльной цѣнѣ и по 3 р. 50 к. акциза, если спросъ ихъ превыситъ назначенное имъ количество. Такимъ образомъ *расширенію потребленія поставлена граница еще въ видѣ штрафованія потребителя удвоеніемъ акциза за попытку употребить больше*"... („Промыш. міръ" № 41, 1902 г.).

Что касается *винокуреннаго* производства, то число заводовъ за время 1889—90 и 1899—900 сократилось съ 2.082 до 2.069, причемъ убыль падаетъ на среднie и мелкie заводы, число же крупныхъ возрасло съ 7 до 9% всѣхъ заводовъ. Съ 1890 по 1900 количество выкуреннаго спирта увеличилось съ 75.939 тыс. вед. 40° до 81.148 т. в. Потребленie спирта возрасло съ 59,4 до 64,1 мил. в. Число рабочихъ на этихъ винокуренныхъ и дрожжево-винокуренныхъ числилось въ 1900 г.—32.020, въ томъ числѣ 135 ч. малолѣтнихъ. На фруктово-виноградно-водочныхъ заводахъ, которыхъ было 2.494, числилось 10.988 рабочихъ *).

Въ *пивоваренномъ* производствѣ: число заводовъ за этотъ же перiодъ неуклонно сокращалось и съ 1.233 упало до 988 Изъ заводовъ сокращались главнымъ образомъ мелкie и среднie. Отмѣтимъ здѣсь, что число пивоваренныхъ заводовъ въ городахъ составляетъ 51% всѣхъ этихъ заводовъ. Число рабочихъ за 1890—1900 г. возрасло съ 10.325 мужчинъ, 212 женщинъ и 34 малолѣтнихъ до 14.177, 989 и 337. Увеличенie числа рабочихъ наблюдается особенно съ 1897 г., что объясняется и болѣе достовѣрными данными. Общее количество вывареннаго пива возрасло за 1896—1900 г. съ 43,6 мил. вед. до 47,7, причемъ въ послѣднемъ году менѣе 1899 на 337 тыс. вед. Въ среднемъ на одинъ заводъ въ 1896 г. приходилось 41,7 тыс. вед., въ 1900 г.—48,7 тыс. вед.

Въ *табачномъ* производствѣ: число фабрикъ сократилось съ 1890 по 1900 г. съ 340 до 248, причемъ число фабрикъ съ производствомъ отъ 10 до 25 тыс. п. табаку и свыше возрасло; сокращенie падаетъ на мелкiя и среднiя фабрики. Число рабочихъ возрасло съ 32.606 до 38.996 чел., среднее число на фабрику съ 96 до 157 чел. Число женщинъ въ 1900 г.—25.849 или 66,3% общаго числа рабочихъ, при этомъ малолѣтнiя составляютъ 10,6% общаго числа женщинъ. Съ 1890 по 1900 гг. переработка табаку подъ высшей бандеролью возрасла съ 959 до 1.233 тыс. п., подъ низшей бандеролью съ 2.556 до 3.033 тыс. п. Отмѣчается растущее техническое усовершенствованie производства; число керосиновыхъ, газовыхъ и механическихъ станковъ значительно возрасло, число ручныхъ сократилось **).

---

*) Замѣчающееся въ десятилѣтie 1890—1900 сокращенie вывоза спирта за границу съ 10.549 тыс. вед. до 1.092 тыс. вед. возмѣщается увеличеннымъ потребленiемъ внутри. Несмотря на поднятую цѣну водки, пьянство, какъ извѣстно, не уменьшается. (Л. Ходскiй: „Винная монополiя etc.“, „Нар. Хоз.“ 1902 г., № 7). Наблюдается, кромѣ того, замѣна 40° водки потребленiемъ 57° спирта („Рус. Богат.“ 1903, № 5: „Несовмѣстимыя заботы“, В. Норовъ). (За это десятилѣтie замѣчается и возрастанie вывоза издѣлiй изъ спирта (лака, уксуса, эфира, коллодiя и пр.) съ 6.456 ведеръ въ 40° до 38.836 вед. Число такихъ заводовъ у насъ возрасло съ 87 въ 1897 г. до 138 въ 1900 г.; количество употребляемаго ими спирта возрасло за это время съ 541 тыс. вед. до 1.019 тыс. вед., а производство съ 398 тыс. до 878 тыс. ведеръ).

**) Вывозъ листового табаку возросъ за 1890—1900 г. съ 202 тыс. пуд. до 430,8 тыс. пуд.; вывозъ папиросъ съ 27 до 152 мил. шт., сигаръ съ 23,9 т. шт. до 40,9; кротечнаго табаку съ 983 до 9.729 пуд., а нюхательнаго съ 284 до

И, наконецъ, въ *спичечномъ производствѣ* мы видимъ: число фабрикъ, производящихъ фосфорныя, безфосфорныя и смѣшанныя спички, сократилось за этотъ же періодъ съ 290 до 123; а число произведенныхъ спичекъ возрасло съ 143 до 208 милліардовъ штукъ. Число рабочихъ увеличилось съ 15.818 до 17.687 чел., причемъ % малолѣтнихъ (до 15 лѣтъ) мужчинъ и женщинъ возросъ съ 14 до 17%.

Въ перечисленныхъ нами выше отрасляхъ производства предметовъ личнаго потребленія, несмотря на тѣ ненормальныя условія, въ которыхъ оно находится, мы видимъ, такимъ образомъ, какъ общее явленіе: расширеніе производства, улучшеніе техники, концентрацію производства, увеличеніе числа рабочихъ и поднятіе производительности труда.

Очень характернымъ для развитія капитализма въ послѣдній періодъ является *мукомольное* дѣло. Въ то время какъ перевозка ржаной муки по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ возрасла за 1890—1900 лишь на 23 мил. пуд. или менѣе чѣмъ на 50%, перевозка пшеничной—на 90 мил. пуд. или въ 4 раза. Этотъ ростъ проявился особенно въ періодъ 1893—1900 г.—съ 53 до 121 мил. пуд. пшеничной муки. И причина этого, по словамъ самого г. В. В., не только въ расширеніи рельсовой сѣти, но и въ *„крупныхъ успѣхахъ мѣнового хозяйства“*.

„Главной причиной возрастанія перевозокъ пшеничной муки,—пишетъ онъ,—нужно считать расширеніе ея производства въ районахъ, отправляющихъ этотъ продуктъ на болѣе или менѣе отдаленные рынки. А такъ какъ заграничный экспортъ этого товара почти отсутствуетъ и трудно допустить, чтобы удвоеніе и утроеніе производства муки въ районахъ отправленія въ теченіе какихъ-нибудь восьми лѣтъ обусловливалось соотвѣтствующимъ расширеніемъ внутренняго потребленія этого продукта, то мы естественно приходимъ къ заключенію, что увеличеніе водныхъ и желѣзнодорожныхъ перевозокъ пшеничной муки служитъ выраженіемъ также процесса вовлеченія большаго и большаго количества этой муки въ *широкій товарный оборотъ* путемъ сокращенія переработки пшеницы на мелкихъ мельницахъ для маленькихъ районовъ потребленія, въ которые мука доставляется на подводахъ, и сосредоточенія этой переработки въ крупныхъ заведеніяхъ у рѣчныхъ пристаней и станцій жел. дор., отправляющихъ приготовляемый продуктъ на отдаленные рынки“.

„И дѣйствительно, наблюденія показываютъ, что крестьяне больше и больше сокращаютъ перемолъ пшеницы для личнаго потребленія на вѣтрянкахъ,—къ этому побуждаетъ ихъ и боль-

---

1.490 пуд. (Вышеприведенныя данныя взяты изъ „Статистики производствъ облагаемыхъ акцизомъ за 1900 г.“ изд. гл. упр. неокл. сбор. 1902 г.).

шая потеря зерна на этихъ мельницахъ,—и предпочитаютъ продавать зерно и покупать муку"... Волжскій районъ является однимъ изъ главныхъ районовъ мучного дѣла. Пристанями Волги отправлено было въ 1893 г.—7,9 мил. пуд., въ 1900 г.—17,4 мил. пуд. пшеничной муки. И это увеличеніе на 120% слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ „абсолютному расширенію мукомольнаго производства въ этомъ районѣ" *)...

VII.

Вмѣстѣ съ развитіемъ денежнаго хозяйства, съ развитіемъ промышленнаго капитала мы видимъ на ряду съ *отдѣленіемъ подсобныхъ промысловъ отъ земледѣлія* и процессъ превращенія „домашней" формы промышленности въ *фабричную*, или совершенное ея вытѣсненіе. Для иллюстраціи беремъ Нижегородскую губернію, которая издавна славилась своими кустарными промыслами.

Въ Павловскомъ слесарномъ районѣ, – охватывающемъ 7 волостей съ населеніемъ въ 10.314 дворовъ и 50.433 души — за періодъ 1889 — 1901 г. число промысловыхъ дворовъ увеличилось на 16%, въ то время, какъ число дворовъ вообще и количество ихъ населенія возрасло на 11%; число промышленныхъ работниковъ—мужчинъ рабочаго возраста увеличилось на 17%, нерабочаго возраста на 51,4%, а женщинъ на 195,3%. Хотя и въ 1889 году промысловой характеръ района былъ выраженъ довольно ясно, но не замѣчалось тогда той рѣзкой оторванности промысловыхъ занятій отъ земледѣльческихъ, какое наблюдается теперь: группа рабочихъ, совмѣщавшихъ промысловыя занятія съ земледѣльческими насчитывала болѣе ¹/₃ общаго ихъ числа, причемъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ она являлась даже преобладающей, чего теперь ни въ одной изъ волостей уже не наблюдается. Группа работниковъ, занятыхъ исключительно промыслами, отмѣчаетъ увеличеніе на 21,5%, и возрастаніе ея идетъ на счетъ предыдущей группы, которая сократилась на 18,8%; группа чисто земледѣльческая сократилась на 2,9%. „Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ „Сравнит. итоговъ статист. изслѣд. 1889 и 1901 гг. въ Павловскомъ районѣ" (изд. Ниж. Губ. Земства, 1902 г.),– происшедшая за 12 лѣтъ перемѣна должна быть охарактеризована

---

*) В. В. „Вывозъ русскаго хлѣба за границу" „Нар. Хоз.", мартъ—апрѣль 1903 г. стр. 20 - 26. Развитіемъ мучного дѣла объясняется и сокращеніе вывоза пшеницы за границу изъ Волжскаго района черезъ западные вывозные пункты. Большая часть этой пшеницы перемалывается на сосредоточенныхъ здѣсь крупныхъ паровыхъ мельницахъ; послѣднія являются и потребителями сибирской пшеницы. Отмѣтимъ еще здѣсь, что другимъ центромъ мукомольнаго дѣла является Новороссія и преимущественно Херсонская губернія.

только какъ возрастаніе относительнаго значенія промысловъ жизни населенія района, но какъ увеличеніе *разорванности ду промыслами и земледѣліемъ*" (18—19, 22—23 стр.). „Значе- земледѣлія, если не абсолютное, то относительное, несомнѣнно аетъ" (29 стр.).

Если мы обратимся къ „Матеріаламъ для оцѣнки фабрикъ, довъ и друг. промыш. завед. Нижегородской губ." (изд. Ниж. . Земства, 1902 г.), то увидимъ, что въ группѣ производствъ, абатывающихъ шерсть, — стирко-стелечное, валено-сапожное, мовальное, шерстобойное и сукновальное производства — на- тывалось 2.608 заведеній съ 5.652 раб., изъ которыхъ 1.276 на- ыхъ. По отдѣльнымъ отраслямъ число послѣднихъ колеблется, кошмовальномъ производствѣ они значительно преобладаютъ. мадное большинство этихъ заведеній работаютъ на „хозяевъ", . лицъ, покупающихъ шерсть и отдающихъ имъ на выдѣлку. дѣльцы же заведеній—тѣ же рабочіе. Заработная плата 9 руб. мѣсяцъ и ниже; длина рабочаго дня 17 часовъ съ перерывомъ 2 часа... Въ такомъ же положеніи находится производство атовъ и веревокъ; число заведеній здѣсь 880 съ 3.240 рабоч., которыхъ 2,522 или 77,8% сами владѣльцы заведеній и ихъ ьи. „Вѣроятная будущность этого мелкаго производства—быть то фабричнымъ. Всѣ фабрики канатовъ и веревокъ возникли Нижегор. губ. недавно и продолжаютъ возникать на нашихъ захъ". И кузнечно-слесарное производство, насчитывающее 97 завед. съ 7.683 рабоч., изъ которыхъ 1.616 наемныхъ, рабо- тъ преимущественно на заказъ изъ чужого матеріала. Этимъ изводствомъ заняты, главнымъ образомъ, пять уѣздовъ: Арза- скій, Балахнинскій, Горбатовскій, Нижегородскій и Семеновскій. удущность нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ отраслей производ- а представляется печальной. Гвоздарное дѣло... падаетъ подъ япіемъ конкуррента болѣе дешеваго машиннаго гвоздя и, безъ нѣнія, рано или поздно будетъ убито. Замочное и ножовое дѣло болѣе переходитъ къ чисто фабричному устройству, въ чемъ, очемъ, его единственное спасеніе... Промыселъ села Безвод- о также недолго можетъ сохранять устойчивое положеніе: при- овленіе машинной проволоки съ каждымъ годомъ развивается сильнѣе и сильнѣе; при большей дешевизнѣ производства вытѣсняетъ безводнинскій товаръ" *)... „Домашняя" форма омышленности встрѣчается въ громадномъ большинствѣ про- словъ этой губерніи; въ нѣкоторыхъ дѣйствуетъ почти исклю- тельно она одна, въ другихъ рядомъ съ чисто „кустарной" фор- ... Въ нѣкоторыхъ группахъ промысловъ — ложкарномъ, са- кно-валяльномъ—участіе капитала въ *производствѣ* выражается вольно сильно. „Работники здѣсь устраняются не только отъ

*) См. нашу статью: „По поводу „домаш." формы промышл.", „Промышл. ъ", 1902 г., № 37.

всякаго участія въ коммерческой сторонѣ предпріятій—покупкѣ сырья и продажѣ издѣлій, что составляетъ общій признакъ раздаточной системы, но также и въ организаціи самаго производства руководящая роль принадлежитъ „капиталу". Здѣсь наблюдается и извѣстное раздѣленіе труда уже не между отдѣльными членами семьи, но отдѣльными семьями и по выбору самого капиталиста. При томъ „на дому" совершается лишь часть операцій, остальныя въ заведеніи „хозяина" (гильзовое производство).

„Не слѣдуетъ, однако, думать, читаемъ въ только что вышедшемъ „Сельско-хозяйств. обзорѣ Нижегор. губ. за 1902 г." (изд. Нижегор. Губ. Земства 1903 г.), чтобы положеніе лицъ, работающихъ на такъ называемыхъ „хозяевъ" было хуже, чѣмъ такъ называемыхъ „самостоятельныхъ кустарей"... Мы пришли къ обратному заключенію, а именно, что положеніе самостоятельныхъ кустарей хуже работающихъ па хозяевъ у себя или въ хозяйскихъ мастерскихъ"... (12—13 стр.).

Въ „кустарной" промышленности „участіе торговаго капитала въ сбытѣ издѣлій въ формѣ скупки ихъ—на базарахъ или непосредственно на домахъ производителей — проявляется почти во всѣхъ промыслахъ, о которыхъ мы имѣемъ сообщенія. Этотъ признакъ можно считать типичнымъ для крестьянской обрабатывающей промышленности и перечислить отдѣльные промыслы, въ которыхъ онъ встрѣчается, значило бы переименовать ихъ всѣ за самыми ничтожными исключеніями"... Каковы барыши посредниковъ, доставляющихъ сырье кустарямъ, видно изъ того, что въ валяльномъ промыслѣ „богачи", отпускающіе кустарямъ шерсть въ долгъ, наживаютъ отъ 25 до 100% на цѣну ея. На мочало „кулаки" получаютъ отъ рогожниковъ 33% барыша на свой капиталъ... (10—11 стр.).

„Характерными чертами „домашней" формы промышленности являются: разбросанность самого производства, ничтожное раздѣленіе труда, примитивная техника, растрата рабочей силы, нищенская заработная плата и длинный рабочій день въ плохой антисанитарной обстановкѣ; съ другой стороны — очень высокая прибыль на капиталъ, который не далеко еще ушелъ отъ торговаго-ростовщическаго... Эта форма промышленности пользуется у насъ еще очень широкимъ распространеніемъ, но она обречена или на исчезновеніе, или на переходъ въ высшую мануфактурно-заводскую форму. Чѣмъ скорѣе это произойдетъ, тѣмъ лучше...

Однимъ изъ признаковъ совершающейся у насъ экономической эволюціи является ростъ *отхожихъ промысловъ*, идущій рядомъ съ возрастающей пролетаризаціей крестьянскихъ массъ... Показателемъ этого процесса является все увеличивающееся число паспортовъ, выдаваемыхъ волостными правленіями. Согласно даннымъ „Стат. ежегод. Тверской губ. за 1901 г." (изд. 1902 г.)

за восьмилѣтіе 1893—1900 возрастаніе отхода по четыремъ уѣздамъ колеблется отъ 20,4 до 43,2%. Громадное число отлучекъ происходитъ весной (37,6%), т. е. передъ моментомъ земледѣльческихъ работъ. Но и даже взятые зимой паспорта (23,2%) не даютъ, по словамъ Сборника, основанія утверждать, чтобы „ушедшіе по нимъ работники вернулись къ весеннимъ работамъ. Напротивъ того, отхожіе промышленники все рѣже возвращаются домой къ полевымъ работамъ, что также можно заключить изъ средняго увеличенія продолжительности срока пребыванія промышленниковъ на сторонѣ"... Большинство уходящихъ — чернорабочіе; идутъ въ *столицы и промышленные* центры. То же самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ земскихъ сборникахъ (См., напр., „Хозяйств. Обзоръ Уфимской губ. за 1900—1901 г." изд. 1902 и др.).

По даннымъ глав. управ. неоклад. сборовъ съ 1890 по 1900 г. выборка паспортовъ отъ 2 до 5 лѣтъ возрасла съ 10.500 до 193.163, а паспортныхъ бланковъ на срокъ не болѣе года съ 6.096 до 8.312. Въ 1900 г. по выборкѣ пятилѣтнихъ паспортовъ на первомъ мѣстѣ стояли сѣверо-западныя, средне-черноземныя, прибалтійскія, южныя и юго-западныя губерніи. Что касается паспортныхъ бланковъ, то болѣе половины ихъ (52,1% въ 1900 г.) были выбраны въ трехъ районахъ: *средне-черноземномъ, средне-промышленномъ и восточномъ.*

Каково положеніе вещей въ центрально-промышленныхъ губерніяхъ. можно видѣть изъ слѣдующей картины, рисуемой на основаніи земско-статист. данныхъ Владимірской губ. Ал. Смирновымъ: „Во многихъ уголкахъ въ деревнѣ остаются лишь старый да малый; исключительно земледѣліемъ заняты лишь 16½% работ. муж. пола; пашни пустуютъ отъ 8 до 10%; 6,3% дворовъ совсѣмъ ничего не сѣютъ; 16% сдаютъ свой надѣлъ весь или частью въ аренду; 46% безлошадныхъ дворовъ; у семей, ведущихъ хозяйство, цѣлая ¼ нанимаетъ и лошадь и пахаря; наконецъ, 8,1% дворовъ ушедшихъ изъ своихъ деревень въ полномъ составѣ уже болѣе двухъ лѣтъ"... Развитіе отхожихъ промысловъ проводитъ здѣсь рѣдкую черту среди крестьянскихъ хозяйствъ: одни всецѣло заняты промыслами, другія держатся земледѣлія; одни стараются совсѣмъ отдѣлаться отъ обладанія землей, земледѣліемъ у нихъ занимаются лишь женщины и старики,—и прикупаютъ хлѣбъ, другія округляютъ свои надѣлы — арендой и прикупкой земельныхъ участковъ — на счетъ первой группы, не имѣютъ безлошадныхъ и продаютъ свой избытокъ хлѣба... „За послѣдніе 4 года *отхожіе* промыслы сильно развиваются, и это развитіе идетъ на счетъ *сокращенія мѣстныхъ* промысловъ и на счетъ земледѣлія". — Въ Павловскомъ и другихъ районахъ Нижегор. губ., какъ мы видѣли, преобладаютъ мѣстные. —„Раньше отхожіе промыслы носили временный характеръ, теперь уходятъ *на годъ*". („Земледѣліе и земледѣлецъ центр.-пром. губ. „Русская Мысль" 1902 г.). Въ только что вышедшихъ

„Матеріалахъ“ для оцѣнки земель Владимір. губ., относящихся къ Суздальскому уѣзду, мы находимъ подтвержденіе вышесказаннаго. Изъ 100 работниковъ муж. пола лишь 13,9% занимаются только хлѣбопашествомъ, *56,5% совсѣмъ забросили его.* „Тяга“ въ фабричные центры и въ города *усиливается съ каждымъ годомъ.* Крестьяне, занявшіеся всецѣло земледѣліемъ, увеличиваютъ свои надѣлы на счетъ *эмигрирующихъ* въ города...

Что это происходитъ не въ одной лишь Влад. губ., видно изъ недавно вышедшаго труда оцѣноч. стат. отд. Костромского губ. земства: „Земледѣльч. хозяйства и промысл. заработки въ Кинешемскомъ уѣздѣ“. Оказывается, что въ этомъ, бывшемъ раньше чисто земледѣльч., уѣздѣ теперь только земледѣліемъ занимаются 7,6% крестьян. хозяйствъ, *24%* земледѣліемъ *совершенно не занимаются,* остальныя на ряду съ земледѣліемъ—промыслами. Въ бюджетъ современнаго кинешемскаго крестьянина дохода отъ земледѣлія входитъ только—31%. Безлошадныхъ хозяйствъ 23%, запущенной пашни 21% всей площади надѣльной земли. „Другими словами, — говорятъ „Рус. Вѣд.“, — земледѣліе, исконный основной промыселъ, несомнѣнно находится въ состояніи полнаго упадка. Промыселъ вообще, фабрика въ частности, становятся источникомъ средствъ существованія. Беря приблизительно цифры по *всей* губерніи, мы видимъ, что промыселъ вообще отнимаетъ у земледѣлія 20% рабочей силы, причемъ наиболѣе развитыми промыслами являются *не мѣстные,* а *отхожіе,* какъ болѣе доходные и наиболѣе удовлетворяющіе стремленію населенія уйти подальше отъ земли и *всего съ пользованіемъ ею связаннаго...* Все сказанное относительно Кинешемскаго уѣзда можетъ быть смѣло отнесено къ цѣлому району губерніи, является характернымъ болѣе чѣмъ для половины всей губерніи“...

Вмѣстѣ съ разрушеніемъ вѣковыхъ устоевъ деревни идетъ такимъ образомъ перераспредѣленіе рабочихъ силъ населенія. На ряду съ громаднымъ ростомъ сельскаго пролетаріата рекрутируется громадная армія промышленнаго... Въ нормальное время этотъ быстрый приливъ въ промышленность сельскаго населенія, увеличивая здѣсь резервную рабочую армію, давитъ сильно на заработную плату; во время застоя промышленности, какой мы теперь и переживаемъ, онъ еще болѣе увеличиваетъ всѣ бѣдствія безработицы...

VIII.

Подробную картину современнаго намъ кризиса мы дали въ концѣ прошлаго года на страницахъ „Научнаго Обозрѣнія“ *).

*) См. „Современный міровой промышл. кризисъ“, „Науч. Обозр.“ 1902 г. №№ 9, 10 и 11.; „По поводу „притупленія капитализма“, „Пром. Міръ“, 1902 г. № 47.

Тамъ мы старались подчеркнуть *тождественныя* черты между нашимъ кризисомъ и таковымъ на Западѣ. Здѣсь насъ прежде всего интересуютъ результаты, достигнутые у насъ капитализмомъ—результаты, съ которыми, при *настоящихъ* условіяхъ, тѣсно связано развитіе производительныхъ силъ страны *). Далѣе, мы отмѣчаемъ лишь главные моменты переживаемаго нами кризиса, и вмѣстѣ съ тѣмъ оттѣняемъ его „самобытныя" черты.

Биржа—это одинъ изъ самыхъ сильныхъ регуляторовъ прибыли; она отражаетъ въ себѣ въ каждый моментъ состояніе промышленности и торговли какъ данной страны, такъ и мірового хозяйства. Норма прибыли — это двигатель капиталистическаго производства. Въ погонѣ за высокой прибылью капиталы переносятся изъ одной отрасли производства въ другую, мчатся изъ одного конца свѣта въ другой. Необходимую имъ подвижность и даетъ биржа со своими формами цѣнностей, со своимъ доведеннымъ до высшей степени развитія кредитомъ. „Государственные займы и акціонерныя общества провозглашаютъ абсолютную свободу капитала, они всецѣло отрываютъ капиталиста отъ той націи, которой онъ ссужаетъ деньги, и отъ индустріи, которую оплодотворяютъ его деньги; онъ имѣетъ въ виду лишь одно: опредѣленный процентъ на капиталъ. Ему все равно дастъ ли ему этотъ процентъ желѣзная дорога, рудники, банки, національная или иностранная индустрія, республиканское или монархическое правительство, бюджетъ его отечества или любого государства на земномъ шарѣ. Онъ желаетъ, ищетъ, добивается только извѣстныхъ процентовъ на капиталъ; если онъ ихъ получаетъ, его душа спокойна"... (Lafargue).

Пока ссудный процентъ въ старыхъ капиталистическихъ странахъ былъ низокъ и показывалъ, что свободнаго денежнаго капитала достаточно, избытки его текли къ намъ свободно **). Но подъемъ промышленности, охватившій съ 1895 года *міровой* капитализмъ, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что уже въ 1898 г.

---

*) Слова: „производительныя силы", которыя часто употребляетъ въ своей книгѣ Масловъ, не нравятся почему-то г. Пѣшехонову, а между тѣмъ и онъ признаетъ, что развитіе производительныхъ силъ является насущнѣйшей задачей нашего времени... Масловъ и его единомышленники, предоставляя капиталу, въ силу свойственной ему необходимости, развивать производительныя силы страны, сами свои заботы и надежды переносятъ на instrumenta vocalia, понимая подъ послѣдними, конечно, не граммофоны...

**) Средній годовой учетный процентъ на главнѣйшихъ биржахъ запад. Европы составлялъ:

	1895 г.	1896 г.	1897 г.	1898 г.	1899 г.	1900 г.	1901 г.	1902 г.
Парижъ . . .	2,20%	2	2	2,20	3,06	3,23	3	3
Лондонъ . . .	2	2,48	2,78	3,26	3,75	3,96	2,72	3,33
Берлинъ . . .	3,15	3,65	3,84	4,28	4,98	5,33	4,10	3,13

Тѣ же явленія наблюдаемъ и въ Бельгіи, Голландіи и др. странахъ. Въ Россіи средній годовой % въ 1898 г. — 5,27; 1899—5,59; 1900—6,07; 1901—5,67; 1902 г.—4,57% (Edmond Théry).

замѣчается нѣкоторое стѣсненіе на денежномъ рынкѣ; оно проявляется съ особенной силой со средины 1899 года... Процентныя нормы идутъ въ гору и въ старыхъ западно-европейскихъ странахъ. Капиталамъ ихъ не зачѣмъ искать счастья за тридевять земель: ихъ и дома оказывается теперь меньше, чѣмъ могла бы поглотить зарвавшаяся промышленность, подгоняемая спекулятивной горячкой. Притокъ къ намъ капиталовъ начинаетъ замедляться, а то и совсѣмъ останавливаться. Нужда въ капиталѣ для идущей все еще полнымъ ходомъ промышленности начинаетъ давать все сильнѣе и сильнѣе себя чувствовать. Это выражается у насъ въ сильномъ ростѣ учетнаго процента и въ пониженіи цѣнности индустріальныхъ бумагъ *). Въ 1899 году, когда промышленность, повидимому, была еще въ полномъ разгарѣ, усиленная реализація нашихъ бумагъ, въ связи со спросомъ на капиталы за границу и отливомъ туда нашего золота, открываетъ эру краховъ на биржѣ. Денежный кризисъ былъ налицо, но на этотъ разъ *не одинъ*. какъ въ 1896 г.: за нимъ слѣдовалъ по пятамъ сильнѣйшій промышленный и торговый кризисъ. Картину періода „краха“, продолжавшагося у насъ почти *три года*,—на Западѣ, въ типичной капиталистической Германіи, онъ былъ всего одинъ годъ, и только отдѣльные отклики были

---

*) Подробное изслѣдованіе колебаній курса различныхъ индустріальныхъ, торговыхъ, желѣзнодорож., банковыхъ и друг. цѣнностей на Петербург. и Москов. биржахъ за 1893—1903 г. показываетъ, что начиная съ 1893 г. идетъ повышеніе на всѣ цѣнности, которое достигаетъ своего *максимума* въ 1895 г. Въ 1896 г. мы имѣемъ *чисто денежный* кризисъ, сфера дѣйствія котораго биржа и банки; цѣнности всѣхъ бумагъ падаютъ. За послѣдующіе годы онѣ крѣпнутъ, въ громадномъ своемъ большинствѣ онѣ понижены сравнительно съ самымъ высокимъ курсомъ 1895 г.,— и это вслѣдствіе повышенія на міровомъ рынкѣ ссуднаго процента,—но онѣ отличаются *устойчивостью*. Въ концѣ 1899 г. мы наблюдаемъ сильное пониженіе; оно продолжается, хотя и слабѣе, въ 1900 г.; осенью 1901 г. *сильнѣйшее* паденіе цѣнъ на всѣ бумаги включая и фонды, которые до того времени повышались. Въ 1902 и 1903 г. легкое улучшеніе, но цѣнности сильно колеблются и онѣ ниже 1900 г. (Данныя вплоть до 1900 г. см. „Ежегодники Мин. Фин.“ выпуски 1898, 99 и 1901 г.: „Обзоры вексельныхъ курсовъ“). Каково было паденіе цѣнъ на наши бумаги, видно изъ того, что акціи *шести* петербургскихъ банковъ за время отъ 30 декабря 1898 г. по 10 дек. 1901 г. понизились въ общей суммѣ на 103 мил. рублей, причемъ паденіе цѣны акцій колебалось отъ 24% (Волж. Ком. банкъ) до 74% (Спб. Азовскій Ком. б.). А за два только года, съ 15 октября 1899 г. 15 октября 1901 г., цѣнности 98 русскихъ промышл. предпріятій, котирующіяся на Парижской и Брюссельской биржахъ, потеряли въ общей сложности 780 м. фр. или 59% своей цѣнности. Отъ такой „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“ Госуд. *сберегательныя* кассы понесли въ 1900 году убытку около 12 мил. руб. Къ 1 января 1902 г. въ сберегат. кассахъ было цѣнныхъ бумагъ по нариц. цѣнѣ на сумму въ 669,5 мил. р., въ числѣ ихъ 44,76% составляли закладные листы земельн. банк. 38,5% желѣз.-дор. займы и 17,09% государств. займы. За періодъ 1892—1901 г. вклады возрасли здѣсь на 632 мил. руб. и составили въ этомъ году 832 мил. По предвар. свѣд. за 1902 г. число вкладовъ возрасло къ 1 января 1903 г. до 918,8 мил. р. Результатомъ всѣхъ операцій за 1897—1901 г. былъ *убытокъ* въ 500 тысячъ рублей! („В. Фин.“ № 15 и № 11 за 1903 годъ).

лышны и въ 1902 г.;—эту картину мы дали въ указанномъ уже ыше мѣстѣ.

Начиная съ конца 1899 года эмиссіонная дѣятельность у насъ се понижается; число вновь основанныхъ акціонерныхъ компаній ъ теченіе трехлѣтія 1900—1902 г., какъ мы уже раньше видѣли, все адало. За первые *пять* мѣсяцевъ 1903 г. оно составляло 22 общества ъ основн. капиталомъ въ 21,1 мил. руб. противъ 22 общ. съ 21,2 м. а то же время въ 1902 году. Соотвѣтствующія данныя за преды- ущіе годы представляли: въ 1901 г.—58 общ. и 47,6 мил. руб.; 900 г.—109 и 124,8 мил. руб. и въ 1899 г.—110 и 130,2 мил. руб. 'лавнѣйшія отрасли производства,—желѣзная, нефтяная, каменно- гольная и др. — замедлившія въ началѣ кризиса свой поступа- ельный ходъ, въ концѣ концовъ пошли назадъ. Къ застою въ лопчатобумажномъ производствѣ присоединился теперь и хлопко- ый голодъ, вызванный вздорожаніемъ сырья вслѣдствіе неурожая ъ Америкѣ и у насъ, въ Средней Азіи, а также спекуляціями едавно образовавшагося трэста хлопковыхъ промышленниковъ юго- осточныхъ штатовъ С. Америки... Товарныя перевозки по желѣз. орогамъ, сократившіяся въ 1901 г. сравнительно съ 1900 г., въ 902 г. немного возрасли, но это объясняется лишь увеличенной еревозкой хлѣба, вслѣдствіе „хорошаго“ урожая; перевозка же дру- ихъ продуктовъ, какъ желѣзныхъ, нефтяныхъ сократилась;— гля въ общемъ не измѣнилась, а съ Донецкаго и Домбровскаго ассейновъ уменьшилась... Товарная перевозка по воднымъ пу- тямъ Евр. Россіи, все возраставшая до 1901 г., сократилась въ 1902 г. съ 2.056 до 1.961 мил. пуд. Привозъ изъ-за границы, на- чиная съ 1900 г., все уменьшается... Главнѣйшія ярмарки про- шли въ 1902 г. неудовлетворительно. Средняя цѣна по *всѣмъ* товарамъ упала за этотъ годъ со 112,7 до 109,5 принимая сред- нюю 1890—99 годы за 100. Число безработныхъ, все возраставшее съ конца 1899 года, въ 1902 году еще болѣе увеличилось... Цѣнныя бумаги промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, хотя и поднялись сравнительно съ „эпидемическимъ“ 1901 годомъ, но были далеко ниже „критическаго“ 1900 года, не говоря уже о 1899 г. Биржа все время работала вяло, и это несмотря на то, что на міровомъ рынкѣ съ „деньгами“ было свободнѣе, что вы- разилось у насъ въ пониженіи учетнаго процента... Государствен- ные финансы неважны: текущій счетъ Государ. казначей- ства въ Государ. банкѣ составлялъ по балансу 23 декабря, 1902 г. — 174,6 мил. руб., а въ концѣ 1901 г. — 311,5 мил. руб.; 8 іюля 1903 г. онъ равнялся 136,7, а того же числа 1902 года— 157,4 мил. р.... Общій выводъ, который можно сдѣлать, тотъ, что 1902 годъ для нашей промышленности и внутренней торговли былъ не лучше, если не хуже очень плохого 1901 года; и это несмотря на урожай 1902 года... *).

*) Любопытно сопоставить, каковы были дѣла въ западной Европѣ въ 1902 г. За предыдущіе годы см. нашу статью: „Соврем. мір. промышл. кри-

Общій застой продолжается вплоть до настоящаго момента—іюля 1903 г. Если мы обратимся къ послѣднимъ даннымъ кассовой наличности въ Государственномъ и частныхъ банкахъ, то увидимъ, что къ 1 апрѣля 1903 г. она была на 55,6 мил. руб. меньше, чѣмъ къ 1 апрѣля 1902 г.; вклады и текущіе счета въ частныхъ банкахъ возрасли на 58,8 мил. р., въ Государств. сократилось на 44,1 мил. р., портфель учтенныхъ векселей возросъ въ частныхъ банкахъ на 86,5 мил.; ссуды подъ залогъ цѣнныхъ бумагъ возрасли на 38,9 мил. р.; цѣнныя бумаги, принадлежащія банкамъ, возрасли въ частныхъ банкахъ всего на 3,9 мил. руб., причемъ плюсъ указываютъ только нѣсколько банковъ (Международный+ +9 мил. р.), громадное же большинство особенно московскихъ и провинціальныхъ показываютъ минусы, и довольно значительные. Что касается Государственнаго банка, то его учетъ съ 16 іюля 1902 г. по 16 іюля 1903 г. возросъ со 196,7 мил. до 201,8 мил.

зисъ". Съ этого года начинается періодъ „покоя" промышленности. Вездѣ мы наблюдаемъ увеличеніе золотыхъ запасовъ, паденіе учетнаго процента, увеличеніе курса фондовъ; и какъ характерное явленіе такихъ періодовъ—многочисленныя конверсіи. Index numbers Economist'a показываетъ: 1 января 1902 г.—1.948; 1 апрѣля 1.983, 1 октября 2.002; 1 января 1903 г.—2.003; 1 апрѣля 1903 г.—2.099. Грюндерство въ пониженномъ настроеніи: въ Германіи за 1902 г. основано 87 нов. обществъ со 118 мил. р.; въ 1901 г.—158 со 158 м., а въ 1899 г.—364 съ 544 мил. р. „Der deutsche Oeconom"). Курсовая цѣнность выпущенныхъ бумагъ въ 1902 г.—2,031 мил., въ 1901 г.—1.809, 1899 г.—2.338. Въ Англіи въ 1902 г. выпущено бумагъ на 154 мил. ф. ст., въ 1901 г.—159,4, а въ 1900 г.—165,5; причемъ изъ 154 мил. выпущ. въ 1902 г. 84 мил. падаютъ на общественныя бумаги-фонды. („The Economist" Commercial History and Review of 1902, Febr. 1903). Эмиссіонная дѣятельность во Франціи въ 1902 г.—1.717 мил. фр., въ 1901 г.—2.693 и въ 1900—2.608; изъ нихъ на правительств. и городскіе займы приходилось за соотвѣтствующіе годы 935,3 мил.; 1.837 и 313 мил., количество же выпущен. акцій и облигацій за эти три года сильно и неуклонно падало... Въ *Америкѣ* противоположное теченіе: деньги вздорожали и чувствуется постоянное стѣсненіе въ нихъ; ввозъ увеличился, а вывозъ товаровъ уменьшился. С. Штаты въ 1902 г. представляли большой рынокъ для европейскаго, въ частности германскаго желѣза, что ослабило кризисъ; въ 1900 г. С. Штаты, наоборотъ, наводнили своими желѣз. продуктами Европу, вслѣдствіе заминки на ихъ рынкѣ; это ускорило здѣсь кризисъ. Крутой поворотъ америк. промышленности, который ожидается со дня на день, несомнѣнно отразится на дѣлахъ Европы. На сколько силенъ подъемъ въ С. Америкѣ за послѣдніе два года видно изъ того, что на ньюіоркской биржѣ въ 1902 г. было продано 188,5 мил. цѣн. бумагъ на 73 милліарда, а въ 1901 г.—265,9 цѣнностью въ 107 милліард. фр.; въ 1894—годъ кризиса—было продано 49 мил. съ цѣнностью въ 16 милліардовъ фр. (L'Economiste français). Положеніе рабочаго рынка въ Германіи въ первую половину 1902 г. ухудшилось сравнительно съ предыдущ. годомъ, съ сентября онъ улучшается. По даннымъ д-ра Ястрова на 100 раб. мѣстъ было въ январѣ 1902—220, въ іюнѣ—168, сентябрѣ 136,6 и декабрѣ 203,9; за соотвѣтствующее время въ 1901 г.: 169, 152, 153,7 и 242,5. Въ противоположность Германіи, во Франціи, Австро-Венгріи и особенно Англіи безработица во второй половинѣ 1902 г. *возрасла*. Свѣдѣнія о раб. рынкѣ за первые пять мѣсяцевъ 1903 г. показываютъ, что онъ улучшился немного повсюду сравнительно съ прош. годомъ (см. Labour Gazette, февраль и іюнь; Bulletin de l'office du travail, мартъ и май и Reichs-Arbeitsblatt, апрѣль и іюнь 1903. I Jahrg. Beilage zur „Sociale Praxis")... „Вѣстникъ Финансовъ" въ № 2 за 1903 годъ совершенно справедливо говоритъ, что „причина

руб.; ссуды подъ проц. бумаги остались почти безъ измѣненія: 91,2 и 91,0. Процентныя бумаги, принадлеж. банку, упали съ 52,9 до 45,5 мил. руб. Ссуды товарныя возрасли съ 25,3 до 26,1 мил.;—промышленныя 52,1 и 52,3 мил. Относительно „промышленныхъ“ ссудъ слѣдуетъ сказать, что еще въ концѣ 1898 г. ихъ было всего 3,9 мил. руб., 23 ноября 1900 г.—46,8 мил., а 23 ноября 1901 года—50,3 мил. рублей... („Вѣст. Фин.“ 1903. №№ 20 и 30).

Но ни различнаго рода ссуды и авансы со стороны Государств. банка, ни различнаго рода казенные заказы,—считая въ томъ числѣ и заказъ на 57 мил. пуд. рельсовъ съ распредѣленіемъ его на три года, сдѣланный въ концѣ 1902 г. *), ни государственные займы, считая и послѣдній Парижскій заемъ въ 173 мил. фр., на усиленіе таможенныхъ пошлинъ, какъ мы это видимъ въ „программномъ“ тарифѣ 1903 г., ни цѣлый рядъ другихъ подобныхъ мѣръ не въ силахъ дать нашей экономической

послѣдняго общаго кризиса — не въ смутахъ Китая и не въ южно-африк. войнѣ; это явствуетъ и изъ того, что прекращеніе этихъ полит. факторовъ, препятствовавшихъ внѣшнему обмѣну, не отразились на общемъ положеніи дѣлъ даже въ Англіи“... А вотъ гг. Бернштейнъ, Кампфмейеръ и др. еще недавно увѣряли, что „если непредвидѣнныя *внѣшнія* обстоятельства не вызовутъ общаго кризиса, то нѣтъ *никакого основанія* выводить таковой изъ *чисто-экономическихъ причинъ*“... Г. Кампфмейеръ еще въ 1901 году усомнился въ правильности такого взгляда, теперь и Бернштейнъ заявляетъ, что онъ никогда не отрицалъ возможности *общихъ* кризисовъ и, что это о немъ „легенду“ распространяютъ...

*) Этотъ заказъ былъ переданъ нѣсколькимъ крупнымъ заводамъ и по повышеннымъ цѣнамъ, такъ что ежегодная переплата казны за эти рельсы выразится въ 7 мил. рублей, а если принять во вниманіе, что и другіе заказы—на паровозы, вагоны и пр.—дѣлаются также экономно, то переплата выражается ежегодно въ суммѣ около 20 мил. руб. И это для того, чтобы нѣкоторые заводы могли выдавать и въ годы кризиса—1901 г.—18%, дивиденду, какъ Южноднѣпровскій, или 10%, какъ Юзовскій. „Необходимость упраздненія нынѣшней системы распредѣленія казенныхъ заказовъ и замѣны ея свободной конкурренціей“—была высказана и „Обществомъ для содѣйствія развит. фабр.-завод. промышл. въ Россіи“, и высказывались также на послѣднемъ желѣзномъ съѣздѣ. Инж. Вольскій въ своемъ докладѣ указывалъ и на „необходимость прекращенія выдачи желѣзнод. заводамъ изъ Госуд. банка всѣхъ субсидій, *не носящихъ чисто коммерческаго характера*“. Такихъ субсидій, по его вычисленіямъ, выдано было за послѣдніе годы не менѣе ста мил. руб. („Основ. услов. для расширенія въ Россіи сбыта желѣза“ 1903). На дѣятельность Госуд. банка въ качествѣ „старьевщика“, скупающаго убыточныя для частн. обществъ предпріятія, указываетъ и проф. Ходскій. „Въ послѣднее время,—пишетъ онъ,—такъ много частныхъ предпріятій попали въ казенную администрацію, что можно было бы составить цѣлый департаментъ, а то министерство казеннаго управленія частными предпріятіями“ („Нар. Хоз.“ 1903 г., кн. I-ая). Инж. Вольскій—сотрудникъ „В. Фин.“ и „Тор.-Пр. газеты“—находитъ, что пора покончить систему ссудъ и „связанное съ ней хозяйничаніе въ частн. промышл. предпріятіяхъ чиновниковъ, можетъ быть весьма искусныхъ въ госуд. дѣлахъ, но почти всегда вредныхъ здѣсь“. Само собой понятно, что такое хозяйничаніе обходится Госуд. банку очень дорого. „Рус. Вѣд.“, подвергая разбору послѣдніе отчеты Госуд. банка, говорятъ: „Операціи банка принимаютъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе опасное направленіе“ (1903 г. № 9 и 17).

жизни нормальнаго хода, и это потому, что,—какъ мы писали и въ прошломъ году,—основная причина кризиса, пропасть между нашимъ производствомъ и потребленіемъ, отъ нихъ не только не уменьшается, но еще болѣе увеличивается.

IX.

Государственная машина, какъ извѣстно, повсюду обходится все дороже и дороже. Въ развитыхъ капиталистическихъ странахъ и капиталу приходится дѣлиться съ ней болѣе или менѣе значительной частью своей прибыли, однако, главнымъ источникомъ ея остаются вездѣ до сихъ поръ „доходы" народныхъ *массъ*. Государственная власть пользуется вездѣ періодами подъема экономической жизни страны, чтобы увеличить свой бюджетъ, разъ ставъ на который, она съ него уже неохотно сходитъ. Въ періоды застоя, кризисовъ, ей остается тогда сводить свои счеты съ дефицитомъ. Это мы и видимъ въ главнѣйшихъ западноевропейскихъ странахъ со строго контролируемыми бюджетами. Съ 1900 г. дефициты во французской росписи все увеличиваются; съ 1901 г. мы видимъ то же самое и въ германскомъ имперскомъ бюджетѣ, и въ прусскомъ, и въ бюджетахъ другихъ германскихъ государствъ. И Англія уже третій годъ имѣетъ дефицитныя росписи... „Самобытное" явленіе мы наблюдаемъ въ Россіи: государственная роспись сведена и на 1903, какъ и за предыдущіе годы, не только безъ дефицита, но и съ значительнымъ превышеніемъ обыкновенныхъ приходовъ надъ обыкн. расходами. И это, несмотря на свирѣпствующій со второй половины 1899 г. кризисъ, несмотря на „недороды", изъ которыхъ мы не выходили за пятилѣтіе 1897—1901 г...

Существуютъ два средства для *погашенія дефицитовъ*: увеличеніе налоговъ и государственные займы. Оба средства очень „хороши" въ періоды угнетенія хозяйственной жизни. Выборъ между ними, или употребленіе и того и другого—это уже зависитъ отъ политики даннаго государства.

Чтобы сдѣлать нашу финансовую систему независимой отъ капризовъ западно-европейскаго кредита, министромъ финансовъ И. А. Вышнеградскимъ было изобрѣтено средство: накопленіе „свободной наличности". „...Не слѣдуетъ полагать,—писалъ онъ въ росписи на 1889 г.,—что финансовая задача разрѣшена удовлетворительно, пока въ *обыкновенномъ* бюджетѣ не получится *такое превышеніе доходовъ*, которое вмѣстѣ съ чрезвычайными поступленіями, *помимо кредитныхъ операцій*, могло бы покрывать полностью ежегодные чрезвычайные расходы... Главнѣйшимъ и могущественнѣйшимъ къ тому средствомъ должна служить *спасительная бережливость въ расходованіи* государственныхъ

средствъ". На дѣлѣ же средствомъ послужило *усиленное обложеніе населенія* *). „...Сіи *новые* источники,—призналъ самъ министръ Вышнеградскій въ своей росписи 1892 г.,—въ какомъ бы видѣ они ни представлялись, *по существу* всегда приводятся или къ *установленію новыхъ*, или къ *усиленію существующихъ* налоговъ"... И въ результатѣ финансовой политики за 1888—1892 г. получился излишекъ обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами въ 305,9 мил. руб. И. А. Вышнеградскій сошелъ со своего поста въ полномъ сознаніи, что дальше, въ виду знаменательныхъ 1891 и 1892 годовъ, идти въ этомъ направленіи некуда, однако, его преемникъ показалъ, что онъ ошибся.

Косвенные налоги еще болѣе были выдвинуты впередъ: послѣдовало значительное повышеніе акциза на сахаръ, керосинъ, спички, пиво, махорку и табачныя издѣлія, на спиртъ и на водочныя издѣлія... Въ 1900 году были значительно подняты и чисто фискальныя и полуфискальныя пошлины... Согласно даннымъ Государств. контроля общая сумма косвенныхъ налоговъ (безъ дохода отъ казен. продажи питей) возрасла съ 1892 по 1901 г. съ 474,8 до 686,6 мил. руб., въ томъ числѣ таможенные сборы со 130,6 до 219,7 мил. руб. Питейный налогъ за это время возросъ съ 268,9 до 312,8, табачный съ 29,5 до 45,7, сахарный—27,7 и 71,8, нефтяной—12,9 и 28,7, спичечный—5,2 и 7,9... Доходъ отъ продажи питей возросъ съ 10,9 мил. до 163,4 мил, руб. (См. „Отчеты Главнаго Управ. неоклад. сбор. за 1900 и 1901 г.", изд. 1902 и 1903 г.) **).

По даннымъ Госуд. контроля съ 1893 г. по 1901 г. превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами достигло 1.411,1 мил.

*) Напомнимъ таможенный тарифъ 1891 г., который поднялъ чисто фискальныя пошлины 1878 г.: на чай съ 22 р. 79 к. до 31 р. 15 к., кофе сырой—2 р. 22 к. и 4 р. 45 к., перецъ 2 р. 22 к. и 4 р. 45 к. и пр.; полуфискальныя: сыръ 5 р. 92 к. и 8 р. 90 к.; рисъ 74 к. и 1 р. 4 к.; сельди 15 к. и 40 к. Тотъ же таможенный тарифъ, въ цѣляхъ покровительства вашей промышленности, поднялъ неимовѣрно цѣны на продукты металлургической, текстильной, химической и др. отраслей: чугунъ съ 7 к. до 45—52 к., желѣзо листовое съ 74 к. до 7 р. 20 к., косы и серпы съ 65 к. до 2 р. 8 к.—бумаж. пряжу съ 4 р. 81 к. до 7 р. 20 к., соду съ 15 к. до 82 к. и пр. Въ 1900 г. чисто фискальныя пошлины вновь увеличены и нѣкоторыя на 50%. Увеличены также пошлины на хлопокъ, соду, муку etc... (Отъ послѣднихъ пошлинъ развитіе промышленности меньше всего выигрываетъ: поднятіе цѣнъ хлопка, какъ мы видѣли, вредно отражается на хлопчатобумаж. производствѣ, возвышеніе пошлины на хлорную известь удорожаетъ отбѣлку тканей, а соды удорожаетъ издержки производства мыла, стекла, свѣчей и т. д.).

**) По Швапебаху: „Наше податное дѣло" 1903 г.,—доходъ отъ косвеннаго обложенія увеличился съ 1880 по 1892 г. на 37%, съ 1892 по 1901 г. на дальнѣйшіе 50%; въ двадцать лѣтъ съ 1880 по 1901 г. этотъ доходъ болѣе чѣмъ удвоился—108%. Въ 1880 г. прямые налоги относились къ косвеннымъ какъ 3 : 7, въ 1901 г.—какъ 1 : 5, (32 стр.). По даннымъ А. Радцига косвенные налоги съ 3 р. 50 к. на одного жителя въ 1886 г. возрасли до 3 р. 95 к. въ 1890 г. и 5 р. 20 к. въ 1901 г., т. е. за 15 лѣтъ на 78%, и это безъ прибылей отъ винной монополіи. („Косвенные налоги въ рус. бюджетѣ", „Нар. Хоз." 1902 г., № 8).

руб., а съ 1888 г., т. е. за весь періодъ дѣйствія нынѣшняго финансоваго курса, эта перевыручка составляла 1.851,6 мил. руб. За періодъ 1888—1901 г. *чрезвычайные расходы* достигли 3.214,6 мил. рублей. Они превысили *чрезвычайные доходы* на 1.711 мил. руб. На покрытіе этого дефицита и пошли средства, полученныя отъ населенія путемъ непомѣрнаго обложенія *)... За періодъ дефицитовъ 1881—1887 годовъ мы имѣли въ обыкновенномъ бюджетѣ убытокъ въ 171,5 мил. руб., а въ чрезвычайномъ излишекъ въ 205,4 мил. руб., за пятилѣтіе только 1897—1901 г.,—годы неурожаевъ, а затѣмъ и сильнѣйшаго кризиса, —мы имѣемъ въ обыкновенномъ бюджетѣ перевыручку на 964 мил., а въ чрезвычайномъ недостачу въ 928 мил. рублей. Причемъ чрезвычайные расходы въ этотъ только періодъ легли на платежныя силы населенія въ суммѣ—1.473,6 мил. руб. Кромѣ возрастанія обыкновенныхъ доходовъ съ 1897 г. до 1901 г. на 27% или на 383,5 мил. руб., мы пріобрѣли *долгу* 545 мил. руб. и въ утѣшеніе „свободную наличность“ въ 36 мил. руб.! Къ 1 января 1902 года мы имѣли,

*) Какъ тратились эти деньги, видно изъ слѣдующаго отзыва проф. Мигулина: „Извлеченныя деньги въ значительной части оставлены были не среди населенія внутри Россіи, а переведены на окраины: Сибирь, Среднюю Азію, Кавказъ, причемъ крупныя суммы издержаны въ Китайской имперіи, т. е. совершенно ушли изъ Россіи. Расходованіе этихъ суммъ, добытыхъ съ такимъ трудомъ и огромными жертвами населенія,—насущнѣйшія нужды котораго остались безъ удовлетворенія,—производились далеко не всегда экономно и раціонально... До 150 мил. руб. было истрачено на покупку и чеканку за границей ни на что ненужной серебряной монеты, на нѣсколько десятковъ милліоновъ было сдѣлано *за границей* заказовъ на сооруженіе судовъ военнаго флота... Стоимость Сибирской ж. д. превзошла всѣ ожиданія и всѣ самыя смѣлыя предположенія... Что дѣло велось ненормально, это признано, такъ сказать, оффиціально въ Комитетѣ Сиб. ж. д. Вся дорога, — включая стоимость Кругобайкальской, Екатеринбурго-Челябинской и Маньчжурской, обошлась приблизительно въ 850 мил. руб., болѣе предположенной суммы въ 339 мил. руб. на 551 мил. руб. или на 150,8%! Во что обойдется государств. казначейству предпріятіе восточно-китайской ж. д., сейчасъ опредѣлить невозможно. Общество выдало ссудъ уже свыше 351 мил. руб., реализовано облигацій на 14 мил., всего значитъ 365 мил. руб. не считая 5 мил. акціонернаго капитала и суммъ, уплаченныхъ обществу за убытки во время китайскаго возстанія. Такимъ образомъ, дорога уже обошлась вчернѣ свыше 152.000 руб. на версту, цифра положительно невѣроятная, если стоимость пути Срѣтенскъ-Покровская на подпорныхъ стѣнахъ исчислялась всего въ 89 тыс. руб. верста и, если принять во вниманіе, что Маньчжурская дорога строилась *дешевымъ* безпошлиннымъ иностраннымъ матеріаломъ, дешевыми рабочими-китайцами, при отсутствіи всякихъ *техническихъ* трудностей... Менѣе расточительно, чѣмъ Сибирская, но также далеко не экономно сооружались другія желѣзныя дороги. Безъ увеличенія можно сказать, что на желѣзнодорожномъ строительствѣ послѣдняго десятилѣтія, по крайней мѣрѣ, до полумилліарда рублей было „израсходовано“ лишнихъ, которые могли бы остаться въ распоряженіи государств. казначейства и быть потребленными на культурныя потребности населенія, способствуя поднятію уровня его благосостоянія... („Реформа денежнаго обращенія въ Россіи и промышл. кризисъ“ проф. Мигулинъ, 1902 г., стр. 286. Нужно ли послѣ этого удивляться тому, что желѣзнодорожное хозяйство приноситъ казнѣ одни убытки? „Наша новѣйшая ж. д. политика etc.“—его же, 1903 г., стр. 299, 328, 360 и др.).

согласно даннымъ Государ. Контроля, свободную наличность въ 268,4 мил. руб.. но за то долгъ по государственнымъ займамъ, согласно даннымъ Мин. Фин., возросъ съ 1 января 1892 г. къ 1 января 1902 г. съ 4.731,6 мил. руб. до 6.479,8, т. е. увеличился на 1.748,2 мил. руб.!

Государственная роспись на 1903 г., если соединить въ ней обыкновенные и чрезвычайные приходы и расходы,—а на это имѣются всѣ основанія (см. „The Economist", 21 января 1903 г.),—показываетъ превышеніе всѣхъ расходовъ надъ приходами въ 172,1 мил. руб. *). Этотъ дефицитъ былъ покрытъ изъ средствъ „свободной наличности" Госуд. казначейства, которая, по даннымъ мин. фин., составляла къ 1 января 1903 г.—199,2 мил. р. Такая наличность могла образоваться только благодаря увеличенію государственнаго долга путемъ Парижскаго займа 1901 г., давшаго 127,2 мил. руб. и Берлинскаго 1902 г. въ 173 мил. р. **). Теперь имѣемъ новый Парижскій заемъ въ 173 мил. фр. Такимъ образомъ, зависимость нашего бюджета отъ заграничныхъ займовъ не только не уменьшилась отъ политики накопленія свободной наличности путемъ перевыручекъ отъ обыкновенныхъ доходовъ, но стала больше, чѣмъ когда бы то ни было...

Согласно опубликованнымъ даннымъ особ. канцеляріи по кредитной части, къ 1 января 1902 г. цѣнность всѣхъ государственныхъ и гарантированныхъ правительствомъ процент. бумагъ составляла 8.300,4 мил. руб.; изъ нихъ внутри Имперіи было размѣщено 3.381 мил. руб., значитъ за границей 4.919,4 мил. руб. (Къ 1 января 1893 г. тамъ числилось 3.847 мил. руб.). Принимая во вниманіе заемъ 1902 года и послѣдній заемъ, а также и то, что многія крупныя суммы не попадаютъ въ подсчетъ, можно безошибочно принять нашу заграничную задолженность въ суммѣ не менѣе $5^1/_2$ милліардовъ рублей! („В. Ф". № 50, 1902 г.).

Въ своей брошюрѣ: „Русск. сельскохоз. банкъ" (Харьковъ,

---

*) Если сдѣлать сравнимыми росписи 1893 и 1903 г., то окажется, что обыкновенные расходы возрасли за это время съ 946 мил. до 1.348,5 мил., т. е. на 402,5 мил. руб., на 42,5% или 4% въ годъ, между тѣмъ увеличеніе обыкновенныхъ доходовъ безъ поступленій отъ желѣз.-дор. хозяйства и винной монополіи въ періодъ 1897—1901 г. составляло 3,2%. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что убыточность желѣз.-д. хозяйства все растетъ и, что увеличеніе доходовъ отъ лѣсного хозяйства за 1892—1900 г. съ 9,4 до 40,4 мил. руб. объясняется усиленной вырубкой казен. лѣсовъ, что признаетъ теперь вслѣдъ за Ходскимъ Бутми и г. Шванебахъ.

**) По предварительнымъ кассовымъ свѣдѣніямъ за 1902 г. общій итогъ *обыкнов.* доходовъ составлялъ 1.905,9 (превысилъ предполож. смѣту на 105,1 мил. руб.); исполнено и подлежитъ исполненію расходовъ 1.783,8, т. е. избытокъ надъ *обыкнов.* расходами 122,1 мил. руб. *Чрезвычайные* доходы и расходы составляли: 198,8 и 372,5, т. е. превышеніе *этихъ* расходовъ надъ приходами равняется 173,7 мил. Итого дефициту 51,6 мил. руб. Слѣдуетъ прибавить, что въ чрезвычайные доходы уже вошли цѣликомъ 173 мил. Берлинскаго займа. („В. Фин.", № 13, 1903 г.). Этотъ дефицитъ, какъ и прошлогодній, былъ покрытъ увеличеніемъ государственнаго долга...

1902 г.) проф. Мигулинъ говоритъ: „Россія по своей *внѣшней* задолженности безспорно занимаетъ первое мѣсто въ цѣломъ мірѣ *). Ежегодно наша дань за границей составляетъ minimum 300 мил. руб. Въ общемъ за десятилѣтіе 1893—1902 г. ни избытками вывоза надъ ввозомъ, ни поступленіями отъ заграничныхъ займовъ нельзя было покрыть необходимыхъ платежей нашихъ за границей, и покрытіе совершилось дѣйствительно единственно благодаря *притоку иностранныхъ капиталовъ въ частную промышленность.* (Подчеркнуто нами А. Ф.). Если такое положеніе вещей, т. е. покрытіе невыгодныхъ для Россіи saldo разсчетнаго баланса все новыми и новыми заграничными займами, будетъ непрерывно продолжаться въ теченіе многихъ лѣтъ, то мы несомнѣнно стоимъ на пути къ банкротству“... (стр. 3).

X.

Теорія кризисовъ Сисмонди имѣла свой смыслъ для періода, когда *чисто* промышленные кризисы еще не были извѣстны, и когда потребленіе народныхъ массъ сокращалось и абсолютно подъ вліяніемъ общественныхъ и аграрныхъ условій, какъ это мы видимъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ или въ Германіи въ началѣ XIX-го. Не случайность и то, что эта теорія имѣетъ своихъ послѣдователей у насъ. Марксъ и Энгельсъ неоднократно указывали на сходство положенія нашего крестьянства—этого важнаго для развивающагося капитализма рынка—съ положеніемъ французскаго при Людовикѣ XIV. На ряду съ законами капиталистическаго строя у насъ еще въ полной силѣ и законы докапиталистическаго періода. Переживаемый нами теперь промышленный кризисъ при всемъ его несомнѣнномъ сходствѣ съ таковымъ на западѣ, — что постоянно подчеркиваютъ и наше минист. финансовъ, и его литературные представители (Брандтъ)—нашъ кризисъ имѣетъ столь же несомнѣнно и „другую“ страницу исторіи; отсюда-то и его продолжительность и его обостренный характеръ.

„До возникновенія индустріальнаго капитализма, — пишетъ К. Каутскій,—эксплоатація ведется исключительно въ цѣляхъ потребленія. То, что выжимается изъ трудящихся массъ, то проѣдается. Нельзя тогда говорить *о перепроизводствѣ*, вытекающемъ изъ соціальныхъ причинъ. Докапиталистическіе способы произ-

*) Насколько велика наша задолженность, видно изъ того, что изъ всѣхъ капиталовъ, размѣщенныхъ Франціею во всей Европѣ, на Россію приходится 1/3 и почти 1/4,—размѣщенныхъ ею во всемъ мірѣ. Франц. министер. иностр. дѣлъ считаетъ общую сумму помѣщенныхъ у насъ французскихъ капиталовъ около 7 милліардовъ фр.: это—въ 1902 г., теперь еще больше Въ государств. фонды помѣщены изъ нихъ 6 милліардовъ, въ горныя и промышленныя предпріятія 792 мил., въ торговыя 49 мил. и т д. („В. Фин.“, 1902 г., № 38).

водства развиваютъ противоположное зло. Эксплоатація увеличиваетъ орудія власти у поработителей, а вмѣстѣ съ этимъ и возможность еще болѣе выжать продуктовъ у порабощенныхъ, еще болѣе усилить эксплоатацію. Но средства производства развиваются здѣсь медленно или совсѣмъ не развиваются. Результатъ—возрастающее хищническое истощеніе почвы и человѣческой рабочей силы, уменьшеніе производительности труда, т. е. возрастающая недостаточность производства, опустошеніе деревни... Это конецъ всякой докапиталистической, основанной на эксплоатаціи общественной формы... Отъ этого погибла древняя Греція, императорскій Римъ, феодализмъ во Франціи и Испаніи въ XVIII столѣтіи, отъ этого гибнутъ Турція и Персія въ наше время"...

Г. Туганъ-Барановскій отрицаетъ связь между переживаемымъ нами кризисомъ въ индустріи съ неурожаями, точно такъ же какъ предыдущій подъемъ ея не былъ связанъ съ урожаями („Міръ Божій", ноябрь, 1900 г.). Это, на первый взглядъ, находитъ подтвержденіе въ томъ, что именно въ годы сильныхъ неурожаевъ, 1897 и 98, промышленный подъемъ достигъ апогея. Но на дѣлѣ, если послѣдній циклъ движенія нашего промышленнаго капитала и былъ *самостоятеленъ*, если онъ стоялъ въ связи и съ цикломъ движенія *мірового промышленнаго* капитала, то несомнѣнно на ходъ его вліяло,—и сильно вліяло,—состояніе нашего сельско-хозяйственнаго рынка. И на Западѣ, гдѣ связь между земледѣльческими и индустріальными кризисами давно нарушена, и тамъ мы видимъ, что періодъ угнетенія промышленности, съ конца 70-хъ годовъ вплоть до средины 90-хъ, былъ усиленъ хроническимъ застоемъ сельскаго хозяйства, и что послѣдній подъемъ промышленности совпалъ съ подъемомъ съ 1895 г. цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, а вмѣстѣ съ этимъ и съ улучшеніемъ положенія западно-европейскаго земледѣлія. *Взаимодѣйствіе* и здѣсь налицо. У насъ же, гдѣ процессъ перехода натуральной формы хозяйства въ денежную еще въ полномъ ходу, гдѣ идетъ отдѣленіе мануфактуры отъ земледѣлія, а вмѣстѣ съ этимъ созданіе внутренняго рынка, гдѣ покупательная способность большинства населенія зависитъ отъ земледѣльческихъ доходовъ, гдѣ внѣшняя и внутренняя торговля сельско-хозяйственными продуктами играетъ такую крупную роль, отрицать эту связь между промышленностью и земледѣліемъ—нелѣпо. Это можно только съ точки зрѣнія той теоріи, которая причину кризисовъ видитъ лишь въ „неорганизованности промышленнаго капитала", а не въ эксплоатаціи—капиталистической, а у насъ и докапиталистической.

Промышленный подъемъ не былъ бы у насъ такъ силенъ, если бы онъ не получилъ толчка именно въ періодъ благопріятныхъ урожаевъ 1893—1896 г.; съ другой стороны, нынѣшній кризисъ не былъ бы у насъ такъ ужасенъ, если бы ему не предшествовали общіе неурожаи 1897 и 1898 гг., не сопутствовали частные

неурожаи 1899—1900 г. въ районахъ, работающихъ на внѣшній рынокъ, и опять общій неурожай 1901 г. *). Промышленность, разъ получивъ толчекъ, можетъ нѣкоторое время продолжать свой ходъ, не считаясь съ остановившимся или даже сократившимся потребленіемъ, но безнаказанно это для нея не проходитъ; чѣмъ дольше это продолжается, тѣмъ тяжелѣе часъ расплаты.

Пошлины и акцизы имѣютъ у насъ своимъ слѣдствіемъ то, что продукты промышленности обходятся намъ въ три-дорога: хлопчатобумажныя издѣлія на 357%, сельскія машины на 159%, табакъ на 687% выше, чѣмъ германскому потребителю. А низкія цѣны на фабрикаты, принимая во вниманіе рость производительности труда, являются необходимымъ условіемъ развитія рынка, а съ нимъ и промышленности. Нашему крестьянскому населенію, чтобы уплатить свои высокія подати и пріобрѣсть необходимые ему продукты промышленности, приходится отчуждать все больше и больше сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и это—по *пониженнымъ* цѣнамъ. Почтенные авторы сборника „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ etc.“—стремились доказать мысль, раздѣляемую и нашимъ мин. фин., что низкія цѣны на хлѣбъ *выгодны* для нашего въ громадной своей части *„натуральнаго“* сельскаго хозяйства, апологетами котораго они являлись. И съ этой цѣлью они примѣнили къ намъ мѣрку развитыхъ *капиталистически* странъ, съ *капиталистической земельной рентой*, гдѣ низкія цѣны дѣйствительно необходимы для развитія индустріи, для громад-

*) По даннымъ центр. стат. комит. урожай зерновыхъ хлѣбовъ въ 60-ти губ. Евр. Россіи въ 1893—96 г. колебался отъ 110 до 122% средняго урожая за десятилѣтіе 1887—96. В. Михайловскій на основаніи оффиціальныхъ данныхъ показалъ, что въ 1897 г. въ Евр. Россіи *полный* неурожай озимыхъ хлѣбовъ постигъ 18 губ. съ 34½ мил. жит., а частичный — 21 губ. Не лучше былъ и урожай яровыхъ („Неурожай и продов. нужда“, „Н. Слово“, 1897 г., сентябрь). Въ 1898 г. неурожай охватилъ значительную часть того же района, что въ 1891—92 гг., а также и въ 1897 г. Въ центральномъ районѣ неурожай постигъ 38 уѣздовъ съ 5,1 мил. жит., въ восточномъ 62 уѣзда съ 15,1 мил. жит. Изъ этого числа 13 мил. крестьянъ имѣли сборъ отъ 40 до 60%, а 7 мил. ниже 40% сравнительно со среднимъ (Лосицкій. „Размѣры неурожая и продов. нужды въ 1898—99 гг.“, Начало, май 1899 г.). Въ 1901 г., согласно даннымъ Центр. стат. комит., урожай былъ ниже средняго въ 42 губ., а согласно всепод. докладу министра внутреннихъ дѣлъ отъ 15 октября 1901 г. „неурожай 1901 г. охватилъ 17 губ. и 2 области съ населеніемъ въ 24 мил. душъ;—по своимъ размѣрамъ онъ является уже народнымъ бѣдствіемъ“. Сравнивая валовой сборъ зерновыхъ хлѣбовъ въ 64 губ. Евр. Россіи, мы имѣемъ, на основаніи данныхъ мин. фин., за 1893—96 г. въ среднемъ ежегодно 3.231 м. п. или 30,9 пуд. на душу населенія; за пятилѣтіе 1897—1901 этотъ сборъ составлялъ 3.061 или 27,5 на одного жителя; причемъ въ 1897 г. сборъ равнялся 2.546 мил. пуд. и 23,6 на душу населенія, въ 1898—3.037 мил. пуд. и 27,7 пуд. и въ 1901 г.—2.938 мил. пуд. или 25,7 на одного жителя. Въ то же время *косвенные* налоги возрасли съ 565 мил. руб. въ среднемъ ежегодно за 1893—96 г. до 649 мил. руб. за 1897—901 г. И это *безъ дохода* отъ казенной продажи питей, который возросъ *съ 19,5 мил.* въ среднемъ за 1895—96 годы *до 109,4 мил.* въ среднемъ ежегодно за 1897—901 г.

го городского населенія и для большинства крестьянъ-про-
аріевъ, *не продающихъ* своего хлѣба вовсе, а *прикупающихъ*
! Они забыли, что нашъ крестьянинъ больше *продавецъ*, чѣмъ
купатель, продавецъ по необходимости и не излишковъ, а са-
го *насущнаго*, что продаетъ онъ осенью по низкимъ цѣнамъ,
ктуемымъ *нуждой въ деньгахъ* и зависимостью отъ торговаго
питала, работающаго на *международный* рынокъ, а прикупаетъ
ѣбъ весной по *высокимъ*, *мѣстнымъ* цѣнамъ сельскаго ростовщи-
скаго капитала. На Западѣ и у насъ понятія „низкія" хлѣбныя
ны различны. Тамъ высокія цѣны зависятъ отъ развитой
питалистической ренты, у насъ же низкія хлѣбныя цѣны —
нонимъ бѣдности сельскаго населенія, гибели нашего экстен-
внаго „натуральнаго" хозяйства *).

Помѣщичья партія наканунѣ 19 февраля 1861 г. думала,
освобожденіе крестьянъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ ихъ отъ
брой доли ихъ земли обратить крестьянъ въ англійскихъ фер-
ровъ, а помѣщиковъ въ англійскихъ лендлордовъ. Они впали
ту же ошибку, что и англичане, воображавшіе, что своими
формами создадутъ въ Индіи англійскіе земельные порядки. На
лѣ оказалось, что они создали *ирландскіе* порядки (Милль) **).
ше крестьянство вышло дифференцированнымъ уже изъ крѣ-
стного состоянія; за послѣдніе сорокъ два года оно еще болѣе
скололось. Ростъ населенія, пишетъ въ своей запискѣ и членъ
обаго Совѣщанія М. Семеновъ, семейные раздѣлы, ростъ внѣ-
дѣльной аренды въ связи съ поднятіемъ цѣнъ на землю, по-
гная система имѣли своимъ результатомъ то, что крестьяне,
инадлежавшіе къ разряду наиболѣе обезпеченныхъ землей,

*) Замѣтимъ здѣсь, что цѣна на *муку*, особенно пшеничную, у насъ
еко не соотвѣтствуетъ низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ. Наша мукомольная про-
шленность пользуется покровительствомъ; ввозъ муки къ намъ обложенъ
шлиной. Въ 1885 г. она равнялась 18 к., въ 1891 г.—30 к., а въ 1900 г.—45 к.
пъ жел.-дор. тарифъ для вывоза муки *за границу* ниже, чѣмъ для обмѣна
внутри Россіи. Мы имѣемъ, кромѣ того, и союзъ мукомоловъ. Въ Петербургѣ,
имъ образомъ, пшеничная мука стоитъ дороже чѣмъ въ Лондонѣ! Вопросъ
ліяніи низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ въ общемъ вѣрно разсмотрѣнъ Н. Кова-
скимъ въ докладѣ Харьковскому Губерн. Комитету о нужд. сельск.-хоз.
омышл.: „Возрастающее оскудѣніе деревни", 1903 г. (43—58 стр.).

**) „Погодная съемка—знаменитая ирландская from year to year—захва-
ваетъ у насъ въ малоарендной полосѣ 75% всѣхъ арендъ, во многоарендной
%" (А. Мануиловъ „Аренда земли въ Россіи и Ирландіи" „Р. Мысль", 1895 г.
5). Этотъ ростъ „съемки" на счетъ „аренды" за послѣднее время все уве-
ивается; сокращается и срокъ аренды... Арендная цѣна въ Полтавской губ.
1897—901 г. возрасла съ 6 р. до 9 р. 29 к. десятина, а денежная съемная
на на пахотную землю съ 7 р. 81 к. до 12 р. 72 к. (И. Гельротъ „Р. Бог.",
2 г. № 8: „Изъ народ. хоз. жизни Полтавской губ."). Въ Саратовской губ.,
томъ же уѣздѣ, аренда 1 дес. внѣнадѣльной пашни возрасла съ 1862 г. по
7 г. съ 3 р. 60 к. до 9 р. 09 к.; въ 1900—10 р. 82 к., а въ 1901—10 р. 40 к.
Семеновъ). Изъ 599 тыс. дес. земли, арендованной крестьянами въ 1902 г.
этой губерніи, только 37% арендуется на года, а остальная снимается *на*
нъ посѣвъ (В. Колобовъ).—См. „Матеріалы къ вопросу о нужд. сельск.-хоз.
омыш. въ Саратов. губ.". (Изд. Сар. Губ. Земства 1903 г.).

еще болѣе богатѣли, а вмѣстѣ съ тѣмъ все росло количество дворовъ мало обезпеченныхъ землей, которые бѣднѣли и наконецъ совсѣмъ разорились, переходя во дворы безлошадные, безхозяйственные, и наконецъ, совсѣмъ неимущіе *)...

Наши голодовки являются результатомъ не только нашей финансовой системы, но и унаслѣдованнаго отъ крѣпостного періода трехполья съ мертвымъ паромъ — этой чумы земледѣлія, по выраженію Шубарта **). „Голодовки,—писалъ въ „Нов. Словѣ" С. Б. есть симптомъ переходного состоянія, банкротства натуральнаго хозяйства и развитія на его развалинахъ хозяйства капиталистическаго. Избавленія отъ нихъ можно ждать только отъ дальнѣйшаго развитія капитализма, которое обозначаетъ и развитіе производительныхъ силъ, т. е. ростъ производительности земледѣльческаго труда"... Эта наша точка зрѣнія и теперь. Хвала капитализму! — скажутъ намъ. „Все на свѣтѣ относительно,—отвѣтимъ мы словами же С. Б.,—и, безъ сомнѣнія, есть общественныя состоянія, по сравненію съ которыми капитализмъ является благословенной общественной организаціей. *Свободный* рабочій капитализма съ его неизбѣжно и неуклонно растущимъ сознаніемъ своей личности и своихъ правъ лучше греческаго раба, лучше крѣпостного крестьянина и, смѣемъ прибавить, лучше „самостоятельнаго" производителя, на прокормленіе котораго испрашиваются изъ года въ годъ ссуды. Развитой капитализмъ характеризуется рѣзкими и жестокими антагонизмами — не мы будемъ это отрицать. Но гдѣ на Западѣ въ странахъ развитого капиталистическаго производства вы увидите въ концѣ XIX, а теперь и въ началѣ XX вѣка, поголовныя голодовки со всѣми тѣми послѣдствіями, какія происходятъ у насъ" ***)...

---

*) По даннымъ Полферова ростъ безлошадныхъ въ Имперіи за послѣдніе 20 лѣтъ выразился въ слѣдующихъ цифрахъ: 1882 — 27,5% безлошад. двор., 1888 — 29,4, 1893 — 31,7, 1899 — 34,8 и 1902 — 35,6%. Насчитывается 16 губерній, въ которыхъ ростъ безлошадныхъ сталъ хроническимъ явленіемъ даже независимо отъ неурожаевъ („Торг.-Промышл." газета отъ 15 іюля 1903 г.). Что удивительнаго, если крестьянскія недоимки возрасли за періодъ 1892—1901 на 75,5%, и если онѣ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ къ 1 января 1902 г. достигли 507% оклада 1901 г. (Уфимская губ.), 456,5% (Оренбургская), 465,4% (Казанская), 185% (Самарская) и т. д. (См. М. Н. Кашкарова: „Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія" (1892—1901), изд. 1903 г.).

**) [illegible] за 1888 [illegible] показываютъ, что въ Новороссіи, въ степныхъ [illegible] центральныхъ и [illegible] губ. неурожаи въ крестьянскихъ хозяйствахъ [illegible] и даже [illegible] чаще, чѣмъ во владѣльческихъ, [illegible] выше (См. Лосицкаго: „Неурожаи [illegible]", 1896 г., [illegible]).

***) [illegible] какъ въ Россіи за [illegible] 1888 [illegible] въ Евр. Россіи безъ Финлянд. [illegible] составляла 32,1 [illegible] Румынія и Испанія приближаются къ намъ [illegible] у насъ сильно [illegible] Германія, какъ показываетъ проф. [illegible] смертность съ 28,2 въ 1871—80 г. сократилась до [illegible]

Нашъ капитализмъ въ своемъ развитіи несомнѣнно наталкивается на сильное препятствіе—на слабое развитіе внутренняго потребленія. Это констатировано и многочисленными промышленными съѣздами за послѣдніе годы, на которыхъ вопросъ о необходимости расширенія внутренняго потребленія все больше и больше выдвигается впередъ. Но капитализмъ—это цѣлая система; онъ требуетъ для своего развитія не только желѣзныхъ дорогъ, городовъ, почтъ и телеграфовъ, организованной торговли, накопленныхъ капиталовъ, развитого денежнаго рынка, не только техническаго образованія, обученныхъ рабочихъ и народныхъ школъ, но и опредѣленныхъ *правовыхъ* нормъ... (Parvüs). Государственная „опека" необходима капитализму лишь до извѣстныхъ границъ и до извѣстнаго времени, переступивъ которыя она становится лишь выгодной для небольшой группы промышленниковъ-монополистовъ и для финансовой аристократіи. Это все больше и больше проникаетъ въ сознаніе нашихъ промышленныхъ классовъ... И на страницахъ „Вѣст. Финансовъ" начинаютъ раздаваться голоса: „чтобы выйти изъ настоящаго положенія, намъ надо идти тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ весь цивилизованный міръ... Ясно понимать свои интересы и отстаивать могутъ только тѣ, кто этими интересами живетъ. Торговая политика страны можетъ стать на вѣрный и прямой путь только при содѣйствіи заинтересованнаго торгово-промышленнаго класса, а *никакъ не помимо его участія*" *).

Мысль о неотложной необходимости развитія *самодѣятельности* получила наиболѣе яркое выраженіе въ уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. „Выйти изъ современнаго тяжелаго положенія земледѣлія безъ корен-

---

1891—98 г. и этимъ компенсируется *понижающаяся* рождаемость; за соотвѣтствующіе періоды она была 40,7% и 37,5. Приростъ населенія въ Германіи съ 1882 г. по 1895 г. составлялъ 1,11% ежегодно („Entwicklungstendenzen d. Deutsch. Volkswirtschaft". Braun's Archiv, 1901).

*) Неоднократно приходилось слышать мнѣніе, что стремленіе нашего мин. финансовъ проникнуть во всѣ сферы хозяйств. жизни, взять ее подъ свой контроль—не что иное какъ стремленіе къ осуществленію такъ называемаго государственнаго соціализма. Это, конечно, не вѣрно, какъ была вздорна и выдумка нашумѣвшаго въ свое время проф. Ціона, что министръ г. С. Ю. Витте послѣдователь К. Маркса! Задачей г. Витте, какъ и его предшественника, было: насаждать крупную индустрію, развивать денежное хозяйство, но все это, какъ средство къ усиленію status quo соврем. государств. власти. Это показалъ рельефно и г. Пѣшехоновъ („Р. Бог." 1902 г. №№ 3 и 4). Но мы и не сторонники бисмарковскаго способа разрѣшенія соврем. соціальныхъ проблемъ. Націонализація,—вѣрнѣе было бы сказать огосударствленіе,—земли, хлѣбной торговли, ипотекъ, которыя предлагаются нѣкоторыми у насъ, раньше считались „радикальными" мѣрами и на Западѣ, а теперь онѣ тамъ выдвигаются „реакціоными" партіями,—аграріями. Мы не вѣримъ въ плодотворность этихъ мѣръ на Западѣ, мы считаемъ ихъ въ настоящій моментъ безусловно вредными у насъ, гдѣ онѣ могутъ имѣть лишь одинъ результатъ: усиленіе бюрократизма и ослабленіе и безъ того слабой самодѣятельности различныхъ общественныхъ группъ.

ного измѣненія тѣхъ *общихъ* условій, въ которыхъ находится наше хозяйство—нельзя. Тутъ не помогутъ ни одни взятыя по себѣ заботливыя попеченія правительства въ области агрикультурныхъ начинаній, ни приказы, ни сильная власть, долженствовавшая воздѣйствовать на производство извнѣ въ духѣ насажденія тѣхъ или иныхъ порядковъ. Необходимо одно и только одно--развитіе самодѣятельности въ населеніи". Эта мысль все болѣе и болѣе проникаетъ и въ ряды крестьянства, какъ видно, напр., изъ записки крестьянина Ѳ. Носкова, поданной въ Тульскомъ комитетѣ по нуждамъ сельскаго хозяйства. Поскольку крестьянство стремится освободиться отъ „сословныхъ" рамокъ*), оно является у насъ прогрессивнымъ *in corpore*, въ противоположность западно-европейскому, гдѣ эти рамки давно разрушены и гдѣ дифференціація на классы съ противоположными интересами получила и среди крестьянства полное развитіе... Ибо „*безъ антагонизма классовъ нѣтъ прогресса*—таковъ законъ, которому цивилизація подчинялась до нашихъ дней".

Капитализмъ встрѣчаетъ у насъ препятствіе въ современныхъ общественныхъ условіяхъ... Къ намъ приложимо сказанное Марксомъ въ свое время относительно Германіи: мы страдаемъ не только отъ развитія капитализма, но и отъ недостаточнаго его развитія... Но исторія капитализма всѣхъ странъ показываетъ, что онъ достаточно живучъ, и въ дни молодости былъ вездѣ достаточно силенъ, чтобы разрушить „вѣковыя" стѣны, которыя стояли ему на пути... Кризисъ, который мы теперь переживаемъ въ промышленности, принадлежитъ къ той формѣ, которая сопровождаетъ вездѣ капитализмъ въ его раннемъ возрастѣ и имѣетъ, по справедливому замѣчанію Розы Люксембургъ, своимъ послѣдствіемъ *не сокращеніе, но дальнѣйшее расширеніе его сферы дѣйствія.*

А. Финнъ-Енотаевскій.

Іюль 1903 г.

---

*) „Дайте намъ возможность книжки читать да обрубите тѣ двѣ веревки, которыя привязываютъ личность крестьянина къ земельной общинѣ и сельскому обществу, какъ была обрублена 19 февраля 1861 г. третья веревка, привязывавшая крестьянина къ помѣщику, и вы увидите чѣмъ станутъ крестьяне черезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ", говорилъ одинъ молодой крестьянинъ въ засѣданіи коммиссіи Новоторжскаго комитета. Мы не думаемъ, что причина нашихъ бѣдствій общинное землевладѣніе, и стоимъ противъ всякаго законодательнаго его разрушенія. Необходимо дать общинѣ сначала свободное развитіе, уничтожить сидящіе на ней „средневѣковые" наросты, и тогда жизнь сама рѣшитъ: способна она къ развитію или обречена на гибель. Нужно, однако, помнить исторію, которая учитъ, что не бѣдность разрушала общину, а именно „богатство". Нужно, далѣе, знать, что „кооперативныя товарищества на Западѣ, имѣющія цѣлью производство или продажу продуктовъ, ведутъ насъ къ коллективизму, но тѣмъ же путемъ, что и акціонер. компаніи, картели и трэсты т. е. *путемъ капитализма*". Это говоритъ теперь никто иной, какъ Вандервельдъ („La coopération rurale en Belgique" Revue d'econ. polit. 1902 № 1 и 2).

Объ аграрномъ вопроѣ.

I. Условіе развитія крупнаго и мелкаго земледѣльческаго хозяйства.

I.

Одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ современности,—вопросъ о тенденціяхъ развитія сельскаго хозяйства, о его будущности, о преимуществахъ того или иного типа хозяйствъ,—не считается окончательно рѣшеннымъ.

Въ литературѣ господствуютъ до сихъ поръ два различныхъ взгляда на вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ. Съ точки зрѣнія однихъ—сельское хозяйство отличается отъ другихъ производствъ такими особенностями, благодаря которымъ крупное хозяйство не можетъ вытѣснить мелкаго, и если возможна въ будущемъ организація крупнаго сельскохозяйственнаго производства, то не подъ вліяніемъ экономической необходимости. Другіе придерживаются противоположныхъ взглядовъ. Крупное капиталистическое хозяйство въ борьбѣ съ мелкимъ имѣетъ при современныхъ условіяхъ такія преимущества, которыя поведутъ къ паденію мелкаго хозяйства и къ увеличенію числа пролетаризированныхъ крестьянъ. Но обычная аргументація въ пользу того и другого взгляда не на столько убѣдительна, чтобы можно было сказать о рѣшительномъ преобладаніи котораго-либо изъ двухъ противоположныхъ воззрѣній.

Такая неопредѣленность рѣшенія одного изъ самыхъ важныхъ экономическихъ вопросовъ обусловливается тѣмъ, что въ пользу того и другого воззрѣнія приводятся одинаково убѣдительные факты. Одни, доказывая преобладаніе мелкаго хозяйства, приводятъ факты, изъ которыхъ ясно, что мелкое хозяйство въ нѣкоторыхъ районахъ распространяется на счетъ крупнаго, другіе приводятъ не менѣе убѣдительные факты противоположнаго характера.

Чтобы разобраться въ этихъ фактахъ, нужно сдѣлать анализъ условій развитія различныхъ типовъ хозяйства, такъ какъ

только при помощи такого анализа и можно опредѣлить значеніе противоположныхъ фактовъ.

Вопросъ о развитіи индустріи защитниками мелкаго хозяйства благоразумно замалчивается, такъ какъ въ этой области капитализмъ дѣлаетъ слишкомъ крупныя завоеванія, чтобы можно было оспаривать тенденціи его развитія. Едва ли кто-нибудь теперь будетъ утверждать, что при болѣе благопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ для экономическаго развитія побѣждало бы въ индустріи мелкое производство. За то съ тѣмъ большей увѣренностью утверждается это по отношенію къ развитію земледѣлія.

На анализѣ общихъ условій развитія мелкаго *) и крупнаго сельскаго хозяйства мы и остановимся.

Прежде чѣмъ приступить къ анализу условій развитія крупнаго и мелкаго хозяйства, нужно опредѣлить, что разумѣется подъ тѣмъ и другимъ.

Подъ крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ нужно разумѣть такое хозяйство, которое, производя достаточное количество продуктовъ для удовлетворенія потребностей членовъ этого хозяйства и лицъ производящихъ продукты, даетъ еще прибыль, получаемую отъ эксплоатаціи *наемнаго труда*. Эта прибыль, реализованная при продажѣ продукта на рынкѣ, даетъ возможность расширять хозяйство, увеличивать въ немъ производительность труда и превращать его въ еще болѣе крупное. Возможность развитія такого хозяйства заключается въ возможности накопленія прибыли, размѣры котораго могутъ опредѣлять и размѣры хозяйства. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе благопріятны условія для полученія прибыли, тѣмъ болѣе благопріятны условія и для организаціи крупнаго хозяйства. Если же прибыль по какимъ-либо условіямъ поглощается земельной рентой, то и крупное капиталистическое хозяйство не имѣетъ почвы для своего существованія. Напримѣръ, если мелкія хозяйства такъ повышаютъ арендную плату, что землевладѣлецъ въ этой платѣ получаетъ и прибыль, и ренту. Т. е. рента, получаемая имъ при сдачѣ въ аренду земли мелкимъ хозяйствамъ (продовольственная рента),

---

*) Прочность и устойчивость мелкаго земледѣльческаго хозяйства его защитники обосновываютъ на томъ, что оно является *продовольственнымъ* хозяйствомъ, т. е. хозяйствомъ, производящимъ продукты для собственнаго потребленія членовъ этого хозяйства. Поэтому мы и разсматриваемъ мелкое хозяйство постольку, поскольку оно является продовольственнымъ. Мелкое хозяйство, производящее продукты *главнымъ образомъ* для рынка, подчиняется законамъ конкурренціи съ другими товаропроизводителями какъ товаропроизводительное хозяйство. На этой почвѣ побѣждаетъ хозяйство съ болѣе производительнымъ трудомъ. Едва ли требуется доказывать, что хозяйство, обладающее жнейками, молотилками, сѣялками и т. п., т. е. болѣе крупное хозяйство, располагаетъ и болѣе производительнымъ трудомъ. Авторы книги „Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ“ старались доказать, что большая часть крестьянъ производитъ хлѣбъ *главнымъ образомъ* для собственнаго продовольствія, а не для продажи. Такого рода хозяйства и будутъ продовольственными.

даетъ столько же, сколько онъ получилъ бы, ведя свое хозяйство, въ которомъ должна получаться и прибыль (отъ наемнаго труда), и рента. Очевидно, при такихъ условіяхъ, невыгодно вести капиталистическое хозяйство ни самому землевладѣльцу, ни арендатору-капиталисту.

Продовольственное мелкое хозяйство имѣетъ главной цѣлью производство продуктовъ земледѣлія для удовлетворенія потребностей членовъ хозяйства въ продовольствіи и для удовлетворенія другихъ болѣе настоятельныхъ потребностей. Оно отличается отъ чисто натуральнаго хозяйства тѣмъ, что производя большую часть продуктовъ для непосредственнаго потребленія, другую, обыкновенно меньшую часть, продаетъ—для удовлетворенія другихъ потребностей посредствомъ купли. Слѣдовательно, отъ натуральнаго хозяйства оно отличается тѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ рынку, продавая часть продуктовъ и покупая вмѣсто нихъ другіе.

II.

Въ доказательство устойчивости мелкаго хозяйства приводятся и теоретическія соображенія, и фактическія данныя. Теоретическія доказательства сводятся къ двумъ положеніямъ. Во-1-хъ, доказывается, что мелкое хозяйство выгоднѣе крупнаго, такъ какъ мелкій собственникъ тщательнѣе обрабатываетъ свою землю въ *качествѣ собственника*, и можетъ обрабатывать землю, не получая прибыли, между тѣмъ какъ капиталистъ ведетъ хозяйство исключительно для полученія прибыли. Во-2-хъ, мелкое крестьянское хозяйство, являясь продовольственнымъ, добывающимъ предметы потребленія его членовъ въ самомъ хозяйствѣ, не подчиняется рыночнымъ условіямъ, а слѣдовательно и законамъ конкурренціи, и не сталкивается съ крупнымъ въ борьбѣ за свое существованіе. Такимъ образомъ, мелкое продовольственное хозяйство и крупное капиталистическое представляютъ два различныхъ *типа* хозяйствъ, находящихся, такъ сказать, въ различныхъ плоскостяхъ, и крупное хозяйство не можетъ уничтожить мелкаго просто потому, что послѣднее является самодовлѣющимъ, живущимъ самостоятельною, изолированною въ хозяйственномъ отношеніи, жизнью. Фактическія данныя показываютъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ и даже въ нѣкоторыхъ странахъ не происходитъ процесса концентраціи земледѣльческихъ хозяйствъ, вытѣсненія мелкихъ крупными, а, напротивъ, происходитъ распаденіе крупныхъ хозяйствъ на мелкія. Эти факты, повидимому, подтверждаютъ приведенныя выше теоретическія соображенія.

Разберемся въ этой аргументаціи. Начнемъ съ фактовъ. Факты говорятъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ и въ нѣкоторыхъ

странахъ мелкое хозяйство не только прочно держится, но даже вытѣсняетъ крупное. Но другіе факты говорятъ о томъ, что въ другихъ районахъ, въ другихъ странахъ происходитъ противоположный процессъ—вытѣсненіе мелкихъ хозяйствъ крупными. Очевидно, существованіе этихъ противоположныхъ процессовъ требуетъ какого-нибудь объясненія. Очевидно также, что приведенныя выше теоретическія соображенія не только не достаточны для объясненія противоположныхъ фактовъ, но находятся съ ними въ явномъ противорѣчіи. Если мелкое хозяйство выгоднѣе и устойчивѣе крупнаго, то чѣмъ объяснить факты вытѣсненія мелкаго хозяйства болѣе крупнымъ въ однихъ районахъ, когда оно, благодаря своей выгодности, вытѣсняетъ крупное въ другихъ районахъ? Очевидно, если мелкое хозяйство и выгоднѣе крупнаго, то только при *опредѣленныхъ* условіяхъ. Точно также второе объясненіе прочности мелкаго хозяйства находится въ противорѣчіи съ фактами, которые приводятся въ доказательство ея. Если мелкое хозяйство не сталкивается съ крупнымъ, не борется съ нимъ, какъ хозяйство совершенно другого типа, то ни то, ни другое не можетъ вторгнуться въ чужую область, т. е. ни мелкое хозяйство не можетъ вытѣснить крупнаго, ни крупное хозяйство—мелкаго. Если же въ однихъ случаяхъ ясно наблюдается распространеніе мелкаго хозяйства за счетъ крупнаго, въ другихъ случаяхъ наоборотъ, то нужно найти объясненіе этому явленію. Безъ такого объясненія ни тѣ, ни другіе факты ничего не дадутъ, кромѣ вывода, что въ районѣ А побѣждаетъ мелкое хозяйство, а въ районѣ В побѣждаетъ крупное.

Защитники мелкаго хозяйства очень не любятъ теорію, однако, для того, чтобы опредѣлить условія, при которыхъ побѣждаетъ мелкое хозяйство, и при которыхъ побѣждаетъ крупное, приходится заглянуть въ область теоріи земельной ренты *). Но нужно сдѣлать нѣкоторыя предварительныя замѣчанія.

Типичное продовольственное хозяйство, удовлетворяющее продуктами своего производства всѣ потребности членовъ хозяйства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ потребностей, дѣйствительно не находится почти ни въ какой связи съ капиталистическимъ. Удовлетворяя свои потребности продуктами, произведенными въ своемъ хозяйствѣ, на своей землѣ, мелкіе земледѣльцы не поддаются эксплоатаціи крупнаго хозяйства, потому что нѣтъ почвы для взаимныхъ прочныхъ хозяйственныхъ отношеній. Но для этого необходимы два условія: во-1-хъ, чтобы хозяйство имѣло достаточно земли для полученія достаточнаго для земледѣльца количества продуктовъ и орудій производства

*) Обобщенія, сдѣланныя на основаніи теоретическаго анализа экономическихъ явленій, защитники мелкаго хозяйства называютъ „доктринерствомъ". Это, разумѣется, не мѣшаетъ имъ дѣлать столь же широкія обобщенія, но чаще безъ теоретическаго анализа.

для обработки этой земли, и во-2-хъ, чтобы потребности членовъ хозяйства росли не быстрѣе, чѣмъ количество продуктовъ, добываемыхъ въ хозяйствѣ. При отсутствіи какого-либо изъ этихъ условій мелкое хозяйство сталкивается съ крупнымъ, и въ борьбѣ съ нимъ при однихъ условіяхъ можетъ побѣдить, при другихъ — быть побѣжденнымъ. Достаточные размѣры земельнаго участка необходимы для продовольственнаго хозяйства потому, что при недостаткѣ земли и при необходимости арендовать ее, мелкое хозяйство сталкивается съ капиталистическимъ, такъ какъ при существованіи капиталистическаго хозяйства земля даетъ капиталистическую ренту, и аренда невозможна безъ арендной платы не *меньшей*, чѣмъ капиталистическая рента. Слѣдовательно аренда ведетъ къ борьбѣ продовольственной и капиталистической ренты. Второе условіе также необходимо для существованія независимаго продовольственнаго хозяйства, такъ какъ повышеніе потребностей ведетъ къ необходимости увеличить и количество получаемыхъ продуктовъ. Слѣдовательно, при ростѣ населенія, требующемъ большаго количества продуктовъ, или при ростѣ культурныхъ потребностей, которыя не могутъ быть удовлетворены продуктами собственнаго хозяйства, необходимо опять-таки соотвѣтственное увеличеніе количества продуктовъ, производимыхъ на *своей* землѣ, такъ какъ аренда ведетъ къ борьбѣ съ капиталистическимъ хозяйствомъ.

Кромѣ того, *ростъ потребностей* въ продуктахъ пріобрѣтаемыхъ покупкой, или въ орудіяхъ производства, производимыхъ въ капиталистическихъ хозяйствахъ, побуждаетъ мелкихъ хозяевъ или продавать на рынкѣ больше продуктовъ своего хозяйства, т. е. вступать въ конкурренцію съ другими товаро-производителями, и въ томъ числѣ съ капиталистами, или выступать въ качествѣ продавцовъ своей рабочей силы, и вступать уже въ конкурренцію другъ съ другомъ и съ рабочими-пролетаріями. Такимъ образомъ продовольственное хозяйство можетъ быть изолированнымъ: 1) при отсутствіи въ немъ техническаго прогресса, потому что улучшенныя орудія производства не могутъ производиться такимъ хозяйствомъ; 2) при отсутствіи роста потребностей въ продуктахъ, производимыхъ въ другихъ хозяйствахъ; 3) при ростѣ производства продуктовъ въ продовольственныхъ хозяйствахъ пропорціонально росту населенія.

Развитіе потребностей населенія и его культурный ростъ, ростъ населенія и малоземелье, техническій прогрессъ выталкиваютъ продовольственныя хозяйства изъ ихъ устойчиваго равновѣсія въ конкурренцію другъ съ другомъ и въ борьбу съ крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ не только на рынкѣ, при продажѣ хлѣба, но и въ стремленіи къ расширенію запашки. Оселкомъ, на которомъ испытывается сила и слабость различныхъ типовъ хозяйствъ при расширеніи запашки, является земельная рента. Побѣда крупнаго или мелкаго хозяйства обусловливается

ростомъ капиталистической или продовольственной ренты, выражающейся въ ростѣ арендной платы.

Продовольственныя хозяйства, находящіяся въ устойчивомъ равновѣсіи, въ настоящее время представляютъ такую же рѣдкость, какъ бѣлые вороны, потому что который-нибудь изъ перечисленныхъ выше факторовъ неминуемо толкаетъ мелкія хозяйства въ конкурренціи другъ съ другомъ или съ крупнымъ хозяйствомъ на почвѣ стремленія къ расширенію запашки (напр., посредствомъ аренды), и успѣхъ борьбы изъ-за земли является мѣриломъ успѣха и побѣды того или другого типа хозяйствъ.

Почва для борьбы продовольственнаго хозяйства съ капиталистическимъ чрезвычайно неблагопріятная: „все куплю“ девизъ капиталистическаго хозяйства, и продовольственное хозяйство принуждено встать на эту почву, и тоже покупать каждый шагъ для расширенія своей запашки, покупать за деньги, арендовать за отработки, за деньги, исполу и т. д.

Пока продовольственное хозяйство производитъ продукты для собственнаго потребленія на своей землѣ, оно не знаетъ ренты. Хлѣбъ производится и потребляется внутри хозяйства. Ни прибыли, ни ренты, ни заработной платы въ такихъ хозяйствахъ нѣтъ, хотя на различныхъ участкахъ земли урожайность, а слѣдовательно и производительность труда, бываетъ различная. На одномъ участкѣ опредѣленное количество труда даетъ одно количество продукта, на другомъ — другое, но никакой прибыли или ренты при этомъ найти нельзя: земля („Божья“) родитъ, если прилагается трудъ, но близко ли она къ рынку или далеко отъ него, высоки ли цѣны на хлѣбъ или низки, отъ этого не измѣняются результаты труда въ хозяйствѣ, производящемъ для собственнаго потребленія. Вытолкнутое изъ состоянія устойчиваго равновѣсія, продовольственное хозяйство сталкивается съ новымъ явленіемъ: земля имѣетъ цѣну, на которую вліяетъ разстояніе отъ рынка, цѣны на хлѣбъ и т. д. Для того, чтобы арендовать землю, нужно платить за право аренды, считаясь съ цѣнами на хлѣбъ, съ рынкомъ и т. д., *потому что* капиталистъ, производящій хлѣбъ на рынокъ, платитъ ренту въ зависимости отъ этихъ условій. При высокой цѣнѣ на хлѣбъ меньшій урожай можетъ дать большій доходъ, чѣмъ высокій урожай при низкой цѣнѣ на хлѣбъ. Поэтому, при повышеніи цѣнъ на хлѣбъ, рента съ земли повышается; слѣдовательно, капиталистъ-арендаторъ или землевладѣлецъ найдетъ выгоднымъ расширить запашку, причемъ первый вынужденъ повысить арендную плату, а послѣдній будетъ большую сумму денегъ класть въ карманъ въ видѣ ренты съ земли. Продовольственное хозяйство ничего не получаетъ отъ повышенія цѣнъ на хлѣбъ, если не продастъ хлѣбъ, и, во всякомъ случаѣ, получаетъ только отъ того хлѣба, который не идетъ на продовольствіе, но принуждено уплачивать уже повышенную ренту, чтобы удержать за собой арендованный

частокъ. Такимъ образомъ, борьба продовольственнаго, некапиталистическаго хозяйства съ капиталистическимъ происходитъ на почвѣ, созданной капиталистическимъ хозяйствомъ *), посредствомъ повышенія ренты въ видѣ арендной платы. Здѣсь, кто больше можетъ платить, тотъ и будетъ побѣдителемъ.

Слѣдовательно, для выясненія условій, при которыхъ побѣждаетъ крупное или мелкое хозяйство, нужно опредѣлить законы, вліяющіе на высоту капиталистической и некапиталистической ренты.

III.

Рента является доходомъ землевладѣльца, получаемымъ имъ за право пользованія его землей. Величина этого дохода опредѣляется различными условіями. Капиталистическая рента, т. е. рента съ земли, которая распахивается арендаторомъ или самимъ землевладѣльцемъ для продажи продукта на рынкѣ и для полученія прибыли, растетъ при однихъ условіяхъ, продовольственная рента, съ земли арендуемой главнымъ образомъ для удовлетворенія потребностей продуктами земледѣлія самого хозяйства, растетъ при другихъ условіяхъ.

Конечно, трудно найти капиталистическое хозяйство, которое продавало бы *всѣ* продукты земледѣлія на рынкѣ, и продовольственное хозяйство, которое бы совершенно ихъ не прода-

*) Защитники мелкаго хозяйства, доказывая его прочность, обыкновенно ссылаются на различіе *типовъ* продовольственнаго и капиталистическаго хозяйствъ. Это различіе, яко бы, мѣшаетъ сталкиваться крупному хозяйству съ мелкимъ. На это различіе ссылается, между прочимъ, г. Громанъ въ своей статьѣ (см. „Сарат. Земск. Недѣля" № 2. 1903 г.), о моей книгѣ „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи". Такихъ „теоретиковъ" смущаетъ обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ районахъ Россіи капиталистическая аренда совсѣмъ вытѣснена продовольственной арендой, и это кажется доказательствомъ того, что капиталистическая рента не вліяетъ на высоту продовольственной ренты. Между тѣмъ этотъ фактъ ничего не доказываетъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ могутъ быть благопріятныя условія для роста капиталистической ренты, и капиталистическая аренда можетъ вытѣснять продовольственную, въ другихъ районахъ благопріятныя условія для роста продовольственной ренты поведутъ къ вытѣсненію капиталистической аренды. Но изъ этого нельзя еще заключить, что при пониженіи продовольственной ренты тотчасъ не явится капиталистическая аренда. Капиталъ не затрачивается въ земледѣльческія предпріятія, пока эта затрата невыгодна. Поэтому, напр., въ Таврической губ. можетъ преобладать капиталистическое хозяйство, а гдѣ-нибудь въ Вятской губерніи продовольственное хозяйство только потому, что въ Таврической губ. выше капиталистическая рента, а въ Вятской—продовольственная. Если есть рынокъ, гдѣ капиталистическое хозяйство можетъ сбывать свои продукты, оно является конкуррентомъ продовольственнаго хозяйства на почвѣ повышенія земельной ренты, и послѣднее волей-неволей должно становиться на чуждую себѣ почву: *покупать* право аренды, производя продукты вовсе не съ цѣлью продажи, но вынужденное, въ большинствѣ случаевъ, продавать ихъ, чтобы имѣть возможность купить.

вало, но это два различныхъ *типа* хозяйствъ, между которыми есть переходныя формы.

Въ арендную плату, т. е. въ каждый конкретный случай пользованія землей землевладѣльца, входитъ рента—капиталистическая или продовольственная. Но рента, т. е. типичный доходъ, получаемый за право пользованія землей, осложняется другими формами дохода. Такъ, въ капиталистическую аренду можетъ войти, кромѣ капиталистической ренты, часть прибыли арендатора или часть заработной платы его работниковъ.

Капиталистическая *рента* опредѣляется различіемъ плодородія земли, высотой цѣнъ на хлѣбъ, производительностью труда въ земледѣліи и т. д., т. е. общими условіями, вліяніе которыхъ можно формулировать какъ законы роста и паденія земельной ренты; между тѣмъ какъ высота *аренды* опредѣляется не только высотой ренты, но и другими, болѣе или менѣе случайными, или, правильнѣе, индивидуальными условіями.

Точно также продовольственная *аренда* опредѣляется не только высотой продовольственной *ренты*, но и индивидуальными условіями: черезполосностью, характеромъ отношеній землевладѣльца и арендатора и т. д. Такимъ образомъ, чтобы разобраться въ вопросѣ объ условіяхъ развитія крупнаго и мелкаго хозяйствъ, нужно выяснить *типичныя* стороны этихъ хозяйствъ, анализировать условія роста продовольственной или капиталистической *ренты*, потому что аренда является конкретнымъ выраженіемъ земельной ренты, и высота ея опредѣляется, главнымъ образомъ, высотой ренты.

Отсылая читателя, интересующагося вопросомъ о земельной рентѣ, къ своей книгѣ, гдѣ этотъ вопросъ разсматривается болѣе подробно, здѣсь мы остановимся лишь на выясненіи соотношенія капиталистической и продовольственной ренты. Начнемъ съ анализа продовольственной ренты.

Продовольственное хозяйство, производящее на своей землѣ продукты для потребленія въ самомъ хозяйствѣ, какъ мы выше упомянули, не получаетъ ренты: оно производитъ не товары, а просто предметы потребленія въ хозяйствѣ, и различія земельныхъ участковъ, различія затраты труда на участокъ выражаются въ разницѣ количества предметовъ потребленія отъ одинаковыхъ затратъ. Конечно, основной факторъ хозяйственной жизни—стремленіе къ сохраненію энергіи, а слѣдовательно, и къ увеличенію производительности труда,—остается общимъ, какъ для продовольственнаго хозяйства, такъ и для хозяйства капиталистическаго. Но различіе въ производительности труда при различныхъ условіяхъ въ продовольственномъ хозяйствѣ не выражается въ такой формѣ „дохода", въ какой выражается въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Когда продовольственное хозяйство получаетъ достаточное количество продуктовъ со своей земли, оно, *какъ таковое*, не прибѣгаетъ къ арендѣ. Если оно арен-

етъ землю, получая достаточное количество продуктовъ со
ей земли, то оно уже не будетъ продовольственнымъ хозяй-
вомъ, такъ какъ, очевидно, арендуетъ для того, чтобы прода-
ть *избытокъ* хлѣба, накоплять капиталъ. Если продовольствен-
е хозяйство арендуетъ землю потому, что получаетъ со своей
мли недостаточное количество продуктовъ, то оно, не получая
своей земли никакой ренты, должно уплачивать ренту тому
млевладѣльцу, у котораго арендуетъ землю. Такимъ образомъ
одовольственное хозяйство, *не получая ренты со своей земли*,
лачиваетъ ренту за арендованную землю въ видѣ арендной
аты *).

Итакъ, продовольственная аренда, какъ таковая, существуетъ
лько при условіи, если хозяйство не имѣетъ достаточно земли
ія удовлетворенія потребностей членовъ хозяйства собствен-
ыми продуктами. Слѣдовательно, чѣмъ меньше собственной земли
хозяйствѣ, тѣмъ болѣе настоятельна потребность въ арендѣ
мли. Это такъ понятно, что не требуетъ особыхъ доказа-
льствъ **).

Иллюстрируемъ на конкретномъ примѣрѣ, какимъ образомъ
стетъ некапиталистическая рента.

Допустимъ, что въ крестьянскомъ хозяйствѣ, имѣющемъ
ного работника, напр., въ хозяйствѣ отдѣлившагося отъ ста-
й семьи сына, имѣется двѣ десятины земли, съ которыхъ по-
чается 60 пуд. хлѣба.

При данной культурѣ земли одинъ работникъ обрабатываетъ
у землю и получаетъ хлѣба достаточно для удовлетворенія на-
оятельныхъ потребностей своей семьи. Но вотъ подрастаетъ въ
мьѣ другой работникъ; семья въ то же время растетъ, и хлѣба,
лучаемаго съ двухъ десятинъ, становится недостаточно, да и

---

*) Г. Громана очень смутило мое утвержденіе, что рента въ некапитали-
ическомъ хозяйствѣ не получается и, въ то же время, при арендѣ уплачи-
ется рента, хотя бы арендовало некапиталистическое, продовольственное хо-
йство. Какое противорѣчіе! Если г. Громанъ самъ чиститъ свои сапоги, то
получаетъ за это заработной платы, а если отдаетъ чистильщику сапогъ,
уплачиваетъ ему заработную плату.

**) Г. Громанъ возражаетъ: „Г. Масловъ такъ истолковываетъ свою фор-
лу: очевидно, говоритъ онъ, чѣмъ меньше своей земли, тѣмъ выше аренд-
я плата при продовольственной арендѣ. Г. Масловъ не принялъ въ разсчетъ
зличія производительныхъ силъ разнообезпеченныхъ своей землею арендa-
ровъ, и въ этомъ его коренная ошибка“. Т. е. мною не принято во внима-
е, что въ хозяйствѣ могутъ отсутствовать лошади или орудія производства.
ы, я такую же „коренную ошибку“ дѣлаю и при анализѣ капиталистиче-
ой ренты, не принимая во вниманіе „различія производительныхъ силъ
ендаторовъ“, не принимая въ разсчетъ, что арендаторъ можетъ оказаться
состоятельнымъ, банкротомъ и даже пьяницей. Это наивное внесеніе посто-
нныхъ элементовъ въ теоретическій анализъ характерно для многихъ „тео-
тиковъ“. Разумѣется, нужно предположить, что продовольственное (какъ и
питалистическое) хозяйство, арендуя землю, имѣетъ необходимыя средства
я ея обработки.—Г. Громанъ совершенно правъ, напоминая, что не имѣя
шади, трудно на ней вспахать землю.

производительныя силы двухъ работниковъ лишь въ половину используются при обработкѣ двухъ десятинъ *). Если теперь для продовольствія семьи требуется 80 пуд. хлѣба, и если оба работника будутъ обрабатывать свои двѣ десятины, съ которыхъ получается только 60 пуд., то производительность труда каждаго работника упадетъ вдвое, такъ какъ раньше одинъ работникъ производилъ столько же хлѣба. Но теперь получаемыхъ съ двухъ десятинъ 60 пуд. хлѣба недостаточно для продовольствія семьи, и одинъ работникъ долженъ затрачивать свои силы для добыванія продукта сверхъ того, который получается со своей земли: этотъ лишній работникъ можетъ или зарабатывать недостаточное количество хлѣба продажей своей рабочей силы, или хозяйство будетъ арендовать землю, чтобы использовать рабочую силу и получить съ арендуемой земли то количество хлѣба, котораго недостаетъ для продовольствія. Но для того, чтобы арендовать землю, нужно платить за нее арендную плату, которая опредѣляется высотой ренты. Землевладѣлецъ не сдаетъ своей земли въ аренду даромъ, потому что, имѣя свою запашку или сдавая землю капиталисту-арендатору, онъ получитъ капиталистическую ренту, опредѣляемую условіями капиталистическаго производства: высотой цѣнъ на хлѣбъ, стоимостью провоза до рынка и т. д. Слѣдовательно, при арендѣ земли крестьянинъ долженъ уплатить арендную плату большую чѣмъ капиталистическая земельная рента, получаемая землевладѣльцемъ. Это объясняютъ тѣмъ, что крестьянину не нужно прибыли. Какое великодушіе... теоретиковъ!

Но и крестьянинъ можетъ платить не больше извѣстнаго maximum'а. Онъ можетъ продавать свою рабочую силу въ качествѣ сельскохозяйственнаго рабочаго, уйти въ городъ или переселиться, если эти выходы будутъ давать ему значительно большую выгоду, чѣмъ аренда земли. Очевидно, чѣмъ выше заработная плата, чѣмъ легче передвиженіе населенія, чѣмъ больше рабочихъ поглощаетъ индустрія, тѣмъ maximum продовольственной ренты будетъ ниже, такъ какъ крестьянину легче представляются другіе, кромѣ аренды, выходы изъ малоземелья. Этотъ выводъ имѣетъ огромное значеніе, и дальше мы на немъ остановимся. Теперь же вернемся къ maximum'у продовольственной ренты.

Наше продовольственное хозяйство, имѣя двухъ работниковъ, можетъ обработать двѣ арендованныхъ десятины, кромѣ своихъ двухъ десятинъ. Для существованія ему необходимо 80 пуд, изъ которыхъ 60 пудовъ получается со своихъ двухъ десятинъ. Если съ арендованныхъ двухъ десятинъ получается также 60 пуд. то больше 40 пуд. продовольственное хозяйство не можетъ пла-

*) Предполагается, что каждый работникъ можетъ обработать 2 десятины, а съ десятины получается 30 пуд. хлѣба.

тить арендной платы, такъ какъ ему останется 80 пуд. (20 п.+60 п.) и со своей и съ арендованной земли—количество, необходимое лишь для поддержанія жизни. Больше платить ренты хозяйство не можетъ, потому что при обычныхъ, нормальныхъ условіяхъ всѣ другіе выходы (различныя формы продажи своей рабочей силы) даютъ этотъ minimum. Въ противномъ случаѣ начинается вымираніе, какъ и было въ голодные годы. Слѣдовательно, maximum ренты опредѣляется разницей между количествомъ продуктовъ, которое получается при использованіи всѣхъ рабочихъ силъ семьи и на своей и на арендованной землѣ, и количествомъ продуктовъ, необходимыхъ для существованія. Выше этого maximum'а продовольственная рента подняться не можетъ даже при отстутствіи заработковъ, такъ какъ дальнѣйшее болѣе или менѣе постоянное превышеніе maximum'а повело бы къ голодовкѣ, къ вымиранію или выселенію.

Minimum продовольственной ренты долженъ былъ бы опредѣлиться собственно высотой капиталистической ренты, такъ какъ капиталистъ уплачиваетъ ренту, какъ доходъ отъ земледѣлія, получаемый сверхъ обычной прибыли. Но конкурренція изъ-за аренды земли многочисленныхъ продовольственныхъ хозяйствъ существуютъ не только и не столько съ капиталистическимъ хозяйствомъ, но и между продовольственными хозяйствами. Въ нашемъ примѣрѣ въ продовольственномъ хозяйствѣ каждый работникъ на своей землѣ производитъ 30 пудовъ, такъ какъ съ двухъ десятинъ при двухъ работникахъ получается 60 пудовъ. Если представить себѣ цѣлый рядъ хозяйствъ съ такимъ же количествомъ земли по отношенію къ числу работниковъ, то, очевидно, каждое хозяйство будетъ стремиться арендовать землю, отдавая арендную плату въ 30 пудовъ съ двухъ десятинъ и получая 30 пудовъ, т. е. столько же, сколько получается на каждаго работника на своей землѣ. Такимъ образомъ, наше продовольственное хозяйство, арендуя двѣ десятины, отдаетъ 30 пуд. съ арендованной земли.

Каждое хозяйство будетъ стремиться арендовать за такую плату, потому что два работника, обрабатывая *только* свою землю, получатъ по 30 пуд. Правда, трудъ ихъ можетъ быть легче, такъ какъ они вдвоемъ обрабатываютъ двѣ десятины, но хлѣба, получаемаго со своей земли, недостаточно, и необходимо прибѣгать къ стороннимъ заработкамъ. Уплачивая minimum продовольственной ренты, наше хозяйство получитъ всего хлѣба 90 пудовъ (60 пуд. со своей земли и 30 пуд. съ арендованной), слѣдовательно на 10 пуд. больше, чѣмъ необходимо для поддержанія существованія.

Допустимъ далѣе, что при сохраненіи той же площади и культуры земли населеніе увеличилось, и наша типичная семья состоитъ изъ трехъ работниковъ при двухъ десятинахъ, между тѣмъ какъ потребность въ хлѣбѣ возрасла до 100 пудовъ.

Работая только на своей землѣ, каждый изъ работниковъ получилъ бы хлѣба ⁶⁰/₃—по 20 пудовъ. Вслѣдствіе необходимости арендовать землю, чтобы получить необходимое для существованія количество продукта, хозяйства будутъ прибѣгать къ арендѣ земли; но теперь minimum продовольственной ренты совпадетъ съ maximum'омъ. Населеніе будетъ находиться на границѣ голодовки, такъ какъ уплачивая по 20 пудовъ съ десятины и получая 40 пудовъ съ 4 десятинъ, которыя могутъ арендоваться хозяйствомъ съ 3 работниками (каждый работникъ обрабатываетъ по 2 дес.), хозяйство только получитъ необходимое для поддержанія своего существованія количество продуктовъ. Оно получитъ 60 пудовъ со своей земли и 40 пудовъ съ арендованной, т. е. какъ разъ сто пудовъ. Въ данномъ случаѣ minimum ренты приблизился къ maximum'у, и продовольственная рента не можетъ уже повышаться. Населеніе будетъ уходить на заработки, выселяться или, наконецъ, вымирать, если оно не найдетъ другого выхода, но повышать арендную плату оно уже не можетъ. Слѣдовательно, если *капиталистическая рента* будетъ превышать этотъ maximum *продовольственной ренты*, продовольственная *аренда* будетъ уступать мѣсто капиталистической *арендѣ*.

Въ вышеприведенномъ примѣрѣ мы брали одно типичное продовольственное хозяйство съ опредѣленнымъ количествомъ земли и числомъ работниковъ, имѣющее необходимыя орудія производства. Въ дѣйствительности, разумѣется, существуетъ крайнее разнообразіе хозяйствъ по количеству собственной земли, по количеству работниковъ и инвентаря. Хозяйства, не имѣющія достаточно инвентаря для обработки арендуемой земли, во взаимной конкурренціи мелкихъ хозяйствъ должны прежде всего уступить и добывать недостающее количество хлѣба какими-нибудь заработками. Изъ вышеизложеннаго ясно также, что наиболѣе упорно добиваться аренды будутъ хозяйства, имѣющія больше работниковъ въ семьѣ, такъ какъ на своей землѣ прилагаемый ими трудъ будетъ наименѣе производителенъ. Такимъ образомъ, при взаимной борьбѣ за аренду продовольственныя хозяйства находятся въ различномъ положеніи, и наибольшимъ успѣхомъ будутъ пользоваться хозяйства, имѣющія необходимый инвентарь и больше работниковъ.

IV.

Мы брали наиболѣе благопріятныя условія для роста продовольственной ренты, условія, при которыхъ ея minimum приближался къ maximum'у. Но часто случается, что 1) продовольственному хозяйству очень немного недостаетъ земли для пользованія всѣхъ рабочихъ силъ семьи и, слѣдовательно, трудъ на своей землѣ болѣе производителенъ или 2) обратно, своей земли

такъ мало, что производительность труда на своей землѣ ничтожна.

Возьмемъ первый случай. Допустимъ, что семья съ тремя работниками имѣетъ не двѣ десятины, а 4 десятины, съ которыхъ получается 120 пудовъ хлѣба, между тѣмъ какъ для поддержанія существованія семьи мы предполагали необходимымъ 100 пудовъ. Каждый работникъ производитъ на своей землѣ по 40 пудовъ. Если хозяйство, имѣя это количество хлѣба, арендуетъ еще двѣ десятины, чтобы использовать всѣ рабочія силы, то такая аренда вызвана уже не недостаткомъ въ средствахъ существованія, а стремленіемъ къ расширенію хозяйства. Если бы не существовало капиталистическаго хозяйства, если бы не существовало хозяйствъ, стремящихся къ безграничному расширенію, то арендная плата упала бы очень низко, такъ какъ на своей землѣ въ хозяйствѣ производится достаточно хлѣба. Но при современныхъ условіяхъ хозяйство можетъ расширяться, используя рабочія силы не только семьи, но и наемныхъ рабочихъ. Поэтому создается конкурренція хозяйствъ при арендѣ для полученія *прибыли*, создается и капиталистическая рента, высота которой опредѣляется особыми законами, и которая не даетъ опускаться арендной платѣ ниже капиталистической ренты. Слѣдовательно, при достаточномъ надѣленіи землей будетъ существовать капиталистическая аренда, которая будетъ вытѣснять продовольственную: арендовать будутъ хозяйства, стремящіяся къ расширенію производства и къ полученію прибыли *). Чѣмъ меньше избыточное земледѣльческое населеніе, тѣмъ благопріятнѣе условія для капиталистической аренды, потому что тѣмъ ниже продовольственная рента.

Разсмотримъ второй случай. Допустимъ, что арендующее продовольственное хозяйство совсѣмъ не имѣетъ своей земли или имѣетъ ничтожный клочекъ. Не получая хлѣба со своей земли или получая ничтожное его количество, продовольственное хозяйство можетъ существовать, получая необходимыя средства существованія лишь съ арендуемой земли или отъ продажи своей рабочей силы. Выше мы нашли maximum арендной платы равнымъ разницѣ между количествомъ продукта, необходимымъ для существованія, и количествомъ продуктовъ, которое хозяйство можетъ произвести. Выше этой разности продовольственная рента не можетъ подняться, потому что населеніе будетъ уходить или вымирать. Ниже опуститься рента не можетъ, потому что будетъ мѣшать этому не только капиталистическая рента, но и взаимная конкурренція продовольственныхъ хозяйствъ, не имѣющихъ собственной земли или имѣющихъ ея недостаточно. Легко, од-

*) Въ нѣкоторыхъ (сѣверныхъ) уѣздахъ Оренбургской губ. до проведенія Сибирской жел. дороги, вслѣдствіе обилія земли у казаковъ и крестьянъ, аренда десятины земли стоила 15—20 коп. Съ проведеніемъ желѣзной дороги цѣны на хлѣбъ поднялись, рента возрасла, и крупныя распашки расширились. Арендныя цѣны выросли до 1 рубля за десятину, мѣстами до 3—4 руб.

нако, замѣтить, что при отсутствіи собственной земли продовольственныя хозяйства не могутъ платить такую высокую ренту, какъ хозяйства, имѣющія небольшой клочекъ земли.

Удовлетвореніе minimum'а потребностей необходимо какъ въ хозяйствахъ имѣющихъ свою землю, такъ и въ хозяйствахъ не имѣющихъ своей земли. Получая со своей земли нѣкоторую долю продуктовъ, необходимыхъ для существованія, хозяйства со своей землей могутъ удовлетворяться меньшей долей продуктовъ съ арендованной земли, чѣмъ хозяйства, совершенно не имѣющія своей земли. Поэтому при существованіи рядомъ хозяйствъ со своими клочками земли и хозяйствъ совершенно безземельныхъ, первыя въ конкурренціи со вторыми будутъ имѣть всѣ шансы на успѣхъ. Точно также борьба капиталистическаго хозяйства съ продовольственнымъ скорѣе ведетъ къ побѣдѣ перваго тогда, когда послѣднее не имѣетъ своей земли, такъ какъ продовольственная аренда не можетъ подняться до такого уровня, какъ при мелкомъ землевладѣніи. Слѣдовательно, капиталистическое хозяйство легче можетъ побѣдить или тогда, когда продовольственное хозяйство имѣетъ много земли, или когда оно совсѣмъ ея не имѣетъ. На многоземельныхъ окраинахъ Россіи, точно такъ же какъ и въ Англіи, при безземельи фермеровъ, преобладаетъ капиталистическое хозяйство, между тѣмъ какъ въ центральной Россіи ясно замѣтно преобладаніе продовольственной аренды.

Англійское фермерское капиталистическое хозяйство заставляетъ тотчасъ же вспомнить объ ирландскомъ мелкомъ хозяйствѣ, существующемъ также на арендуемой землѣ и вытѣснившемъ капиталистическое крупное хозяйство. Очевидно, есть условія, которыя и при отсутствіи мелкаго землевладѣнія содѣйствуютъ побѣдѣ мелкаго хозяйства. Объ этихъ условіяхъ мы уже упомянули: чѣмъ выше заработная плата, чѣмъ легче передвиженіе населенія, и чѣмъ больше рабочихъ поглощаетъ индустрія, тѣмъ легче побѣждаетъ капиталистическое хозяйство; и обратно, чѣмъ хуже условія для ухода населенія изъ земледѣлія, чѣмъ ниже minimum, необходимый для его существованія, тѣмъ прочнѣе держится мелкое хозяйство. Чѣмъ хуже и безвыходнѣе положеніе населенія, тѣмъ меньшую долю продукта, получаемаго съ арендуемой земли, можетъ оно оставить себѣ *). Вліяніе minimum'а

*) Въ приведенномъ выше примѣрѣ, гдѣ minimum арендной платы приближается къ maximum'у, аренда двухъ десятинъ, поглощающая силы третьяго работника семьи, даетъ хозяйству только 20 пудовъ хлѣба. Очевидно, если на сторонѣ продажей своей рабочей силы этотъ работникъ заработаетъ не больше 20 пудовъ хлѣба, то хозяйство предпочтетъ голодную аренду и не можетъ повысить minimum'а своихъ потребностей. Это ведетъ къ полуголодному существованію при кабальной арендѣ. Если въ качествѣ индустріальнаго или сельскохозяйственнаго рабочаго этотъ третій работникъ получитъ значительно больше, чѣмъ при арендѣ земли, то и продовольственная рента не повысится до такой нормы, при которой остается за работу только 20 пудовъ. Слѣдова-

потребностей на распространеніе продовольственно аренды обусловливается тѣмъ, что продовольственная рента опредѣляется степенью нужды населенія въ арендѣ, и чѣмъ ниже minimum, т. е. чѣмъ больше нужда, тѣмъ выше можетъ подняться продовольственная рента.

Повышеніе потребностей населенія, легкость отысканія другихъ заработковъ кромѣ земледѣлія, понижая продовольственную ренту, облегчаетъ для капиталистической аренды борьбы съ продовольственной. Возможность отысканія другихъ заработковъ, кромѣ землевладѣльческихъ, связана съ развитіемъ индустріи и вообще съ развитіемъ производительныхъ силъ страны. Эти условія вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ къ повышенію капиталистической ренты, слѣдовательно еще болѣе содѣйствуютъ побѣдѣ капиталистическаго хозяйства надъ продовольственнымъ.

Капиталистическая рента растетъ: 1) при повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ, слѣдовательно, при развитіи индустріи, повышающемъ потребность въ продуктахъ земледѣлія.

2) При увеличеніи производительности земледѣльческаго труда, слѣдовательно, при техническомъ прогрессѣ и введеніи всякихъ усовершенствованій въ земледѣліи.

Продовольственная рента повышается, какъ разъ при противоположныхъ условіяхъ. 1) Чѣмъ болѣе падаетъ производительность земледѣльческаго труда, тѣмъ выше поднимается продовольственная рента, пока не дойдетъ до maximum'a, выше котораго она можетъ подняться лишь приводя къ полному разоренію продовольственныя хозяйства.

2) Чѣмъ меньше стороннихъ заработковъ, чѣмъ менѣе развита индустрія, слѣдовательно, чѣмъ ниже цѣна хлѣба, тѣмъ выше поднимается продовольственная рента (*по отношенію* къ продукту, остающемуся въ пользу продовольственнаго хозяйства), потому что продовольственному хозяйству нѣтъ другихъ выходовъ, кромѣ аренды земли.

Такимъ образомъ, развитіе сельскаго хозяйства ведетъ къ развитію капиталистической аренды, и обратно, остановка сельско-хозяйственнаго развитія, вслѣдствіе ли конкурренціи странъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ и болѣе производительнымъ трудомъ, или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ условій, ведетъ къ сохраненію и даже развитію продовольственнаго хозяйства, продовольственной аренды.

V.

Какое же значеніе имѣетъ паденіе и ростъ того или другого типа ренты для развитія хозяйствъ того или иного типа?

тельно, наличность стороннихъ заработковъ, повышеніе заработной платы, развитіе индустріи ведутъ къ устраненію кабальныхъ формъ аренды. Но при этихъ условіяхъ повышается какъ разъ капиталистическая рента.

Существованіе и возможность развитія капиталистическаго хозяйства обусловливается общими соціальными условіями страны. При крѣпостномъ правѣ не могло развиваться капиталистическое хозяйство, потому что общія соціальныя условія были неблагопріятны для существованія хозяйства съ наемнымъ трудомъ. Теперь и продовольственное хозяйство, получая большее количество продуктовъ, чѣмъ необходимо для потребленія членовъ хозяйства, можетъ реализовать избытокъ продукта въ деньгахъ и расширять производство. Поэтому, если продовольственныя хозяйства имѣютъ больше земли, чѣмъ это необходимо для продовольствія, они или арендуютъ или сдаютъ въ аренду этотъ избытокъ. Но такого рода аренда будетъ уже капиталистической арендой. При такихъ условіяхъ арендаторы-крестьяне, сосредоточивая въ своихъ рукахъ землю, могутъ получать прибыль и пользоваться наемнымъ трудомъ.

Если крестьяне имѣютъ меньше земли, чѣмъ необходимо для поддержанія своего существованія—такъ бываетъ въ большинствѣ случаевъ,—то условія существованія такого хозяйства опредѣлены выше: при ростѣ капиталистической ренты, при повышеніи заработковъ внѣ своего хозяйства и при невозможности арендовать для продовольствія, вслѣдствіе повышенія капиталистической ренты, хозяйство падаетъ; оно можетъ лишь служить подспорьемъ при сезонныхъ работахъ, и ведетъ лишь къ пониженію заработной платы.

Такимъ образомъ, „законы" развитія продовольственной и капиталистической ренты какъ разъ противоположные: условія, благопріятныя для укрѣпленія продовольственнаго хозяйства, неблагопріятны для развитія капиталистическаго и обратно. Такъ какъ капиталистическія и продовольственныя хозяйства, существуютъ *въ одно время въ одной и той же странѣ*, то развитіе или паденіе того или другого типа хозяйствъ и опредѣляется условіями, болѣе благопріятными для котораго-либо изъ нихъ *).

*) Г. Громану очень не хочется признать факта борьбы продовольственнаго и капиталистическаго хозяйствъ, и онъ приводитъ шаблонное, но нелѣпое возраженіе: „Для послѣдователя этой теоріи (Маркса!) должно быть принципомъ, что общества, различающіяся по экономической структурѣ, характеризующіяся наличностью различныхъ соціально-экономическихъ типовъ хозяйства, должны имѣть различныя условія развитія, и что, слѣдовательно, приступая къ изученію условій развитія *общества одного типа* (курсивъ мой), нельзя примѣнять къ нему законы, найденные *для общества другого типа*". Не знаю, чему приписать такого рода возраженія, уже много разъ повторяемыя, сознательному или безсознательному нежеланію понять ту мысль, противъ которой они приводятся. *Законы* развитія различныхъ хозяйствъ различны (мы выше привели законы роста капиталистической и некапиталистической ренты), но *оба хозяйственныхъ типа* находятся не въ различныхъ странахъ, не въ *различныхъ „обществахъ"*, а *въ одной* странѣ. Кстати, г. Громанъ пишетъ, далѣе, слѣдующее: „мы имѣли право ожидать послѣ цитированныхъ строкъ, что онъ поставитъ и рѣшитъ слѣдующій вопросъ: одинаковы ли *условія* (курсивъ г. Громана) для осуществленія стремленія развить призводительныя силы для

Условія, опредѣляющія паденіе и ростъ капиталистической и продовольственной ренты, вліяютъ на хозяйства и не арендующія. На это можетъ быть такого рода возраженіе: За пользованіе своей землей продовольственное хозяйство не платитъ никакой ренты, слѣдовательно хозяйство, имѣющее собственную землю, не вступаетъ ни въ какую конкурренцію съ другими хозяйствами.

Это возраженіе было бы справедливо, если бы законы роста и паденія продовольственной ренты (какъ и капиталистической) разсматривались независимо отъ производительности труда въ хозяйствѣ на собственной землѣ. Между тѣмъ паденіе и ростъ продовольственной ренты находится въ тѣсной связи съ производительностью труда на собственной землѣ. Чѣмъ ниже производительность труда *благодаря* недостатку собственной земли, тѣмъ меньше остается хозяйству и отъ аренды, тѣмъ выше арендная плата. Разумѣется, если трудъ на своей землѣ непроизводителенъ отъ недостатка средствъ производства, то и арендовать хозяйство не можетъ: если нѣтъ средствъ обработать двѣ десятины, то ихъ недостаточно и для четырехъ десятинъ.

Такимъ образомъ, борьба между капиталистическимъ и продовольственнымъ хозяйствомъ существуетъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ продовольственное хозяйство имѣетъ или больше или меньше земли, чѣмъ это необходимо для его поддержанія. *А такъ какъ земля не растетъ вмѣстѣ съ семьей и съ населеніемъ, то каждое хозяйство, въ тотъ или иной періодъ роста семьи, выталкивается изъ устойчиваго равновѣсія*, или побѣждая капиталистическое хозяйство мелкой арендой, или продавая свою рабочую силу этому хозяйству *).

обоихъ типовъ хозяйствъ, или правильнѣе, для обществъ, отличающихся другъ отъ друга степенью распространенія и сравнительной ролью хозяйствъ различнаго типа? *Постановки такого вопроса мы не найдемъ въ книгѣ* г. Маслова". Это говорится о книгѣ „*Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи*". Т. е. въ книгѣ ни слова не говорится о томъ, о чемъ говоритъ ея заглавіе. Если это и добросовѣстная критика, то... черезчуръ строгая, такъ какъ игнорируетъ все содержаніе книги!

*) Г. Громанъ уничтожаетъ борьбу капиталистической и продовольственной аренды тѣмъ, что безцеремонно выслалъ капиталистовъ за границу! „Препятствія для дешевой (мелкой) аренды состоятъ къ возможности землевладѣльца вести капиталистическое хозяйство путемъ экономической запашки или сдать землю капиталисту-арендатору. *Но оба эти препятствія крестьянинъ встрѣчаетъ при обиліи капиталистовъ въ странѣ* (курсивъ нашъ) и при томъ условіи, что прибыль въ земледѣліи не ниже прибыли въ индустріи. Наша Россія благодаря протекціонизму даетъ въ промышленности невѣроятную прибыль, и все же не находитъ капиталовъ внутри страны: они милліардами плывутъ изъ-за границы". Если бы г. Громанъ этимъ объяснялъ побѣду продовольственнаго хозяйства надъ капиталистическимъ, то приведенныя соображенія имѣли бы значеніе. Но утверждать, что капиталистическая *рента* не имѣетъ значенія, значитъ отрицать совершенно существованіе въ Россіи капиталистическихъ хозяйствъ и существованіе землевладѣльцевъ, имѣющихъ экономическую запашку, и значитъ предполагать, что при отказѣ крестьянъ арендовать землю, помѣщикъ или капиталистъ найдутъ невыгоднымъ ее распахивать и бросятъ!

Теорія капиталистической и продовольственной ренты имѣетъ значеніе не только при существованіи крупнаго и мелкаго землевладѣнія, а при *всѣхъ формахъ* землевладѣнія, разъ существуютъ капиталистическія отношенія. Допустимъ, напр., что вся земля находится въ общинномъ землевладѣніи крестьянъ. Такія условія существуютъ во многихъ районахъ Россіи: въ Оренбургской губ. въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, въ Сибирскихъ губерніяхъ и т. д.

При большихъ надѣлахъ крестьянъ капиталистическая рента превышаетъ продовольственную тѣмъ больше, чѣмъ выше техника производства, и чѣмъ выше хлѣбныя цѣны. Капиталистическое хозяйство съ тѣмъ большимъ успѣхомъ расширяетъ свою запашку на счетъ продовольственнаго хозяйства, чѣмъ выше техническій прогрессъ, чѣмъ больше разница производительности труда въ продовольственномъ и капиталистическомъ хозяйствѣ. Продовольственное хозяйство *не можетъ* пріобрѣтать молотилки, жнейки, сѣялки, потому что, во-первыхъ, эти орудія могутъ быть использованы только въ хозяйствѣ болѣе крупномъ, во-вторыхъ, потому, что мелкое хозяйство не настолько заинтересовано въ экономіи труда, чтобы дѣлать затраты на пріобрѣтеніе этихъ орудій. Оно не столько заинтересовано, потому что затрата на пріобрѣтеніе этихъ орудій имѣетъ смыслъ тогда, когда сбереженное ими время будетъ затрачено на расширеніе хозяйства, т. е. тогда, когда продовольственное хозяйство стремится превратиться въ капиталистическое. Поэтому при обиліи у крестьянъ земли, находящейся въ общинномъ землевладѣніи, капиталистическія крестьянскія хозяйства быстро прогрессируютъ, и продовольственное хозяйство уступаетъ мѣсто капиталистическому, какъ болѣе производительному. Это выражается обыкновенно въ едачѣ въ аренду цѣликомъ или частично земельныхъ надѣловъ *).

При недостаткѣ земли для всѣхъ продовольственныхъ хозяйствъ и при отсутствіи крупнаго землевладѣнія, условія для развитія того или другого типа хозяйства не измѣняются. Продовольственныя хозяйства *всѣ* не могутъ существовать, если *всѣ* они не могутъ получить достаточно средствъ для существованія отъ земли. Часть изъ нихъ должна въ той или иной формѣ передать землю или продовольственному, или капиталистическому хозяйству. Очевидно, условія благопріятныя для роста продовольственной или капиталистической ренты и опредѣлятъ, который изъ этихъ двухъ типовъ хозяйства удержитъ за собой землю, т. е. при техническомъ прогрессѣ и при высокихъ цѣнахъ на

*) Управленіе Оренб. каз. войска, для устраненія пролетаризаціи казачества и сосредоточенія общинныхъ земель въ рукахъ капиталистовъ-казаковъ, *запретило* долгосрочную аренду, назначило minimum арендной платы и приняло нѣкоторыя другія мѣры (нормальный надѣлъ у казаковъ 30—36 десятинъ). Разумѣется, всѣ эти мѣры ни къ чему не приводятъ, такъ какъ всегда есть достаточно путей, чтобы обойти исполненіе тѣхъ или иныхъ предписаній

хлѣбъ побѣдитъ капиталистическое хозяйство, при обратныхъ условіяхъ—продовольственное.

Такое же значеніе имѣетъ ростъ капиталистической и продовольственной ренты тогда, когда не существуетъ аренды, а земля находится въ частной собственности мелкихъ землевладѣльцевъ—крестьянъ. При такихъ условіяхъ ростъ того или другого типа ренты выразится въ цѣнахъ на землю, которыя опредѣляются капитализаціей ренты. Если повышается капиталистическая рента, то капиталистическое хозяйство будетъ скупать земли по высшей цѣнѣ, чѣмъ продовольственное хозяйство, и обратно, при повышеніи продовольственной ренты земля будетъ держаться въ мелкихъ продовольственныхъ хозяйствахъ. Чѣмъ болѣе развивается обмѣнъ и мобилизація земельной собственности, тѣмъ ярче выразится побѣда того или другого типа хозяйства, связанная съ общими условіями, опредѣляющими высоту земельной ренты.

IV.

Разумѣется, въ изложенную нами выше схему роста капиталистической и некапиталистической ренты и ихъ борьбы дѣйствительность не укладывается цѣликомъ. Жизнь гораздо сложнѣе, и на ряду съ разнообразіемъ типовъ хозяйствъ существуютъ комбинаціи различныхъ условій. Кромѣ разнообразія по количеству необходимаго инвентаря и средствъ производства, продовольственныя хозяйства различаются по количеству земли въ каждомъ и по количеству работниковъ. Но это различіе еще укладывается въ вышеприведенную схему роста продовольственной ренты, такъ какъ количество земли и работниковъ въ хозяйствѣ учитается въ борьбѣ продовольственныхъ хозяйствъ между собой и съ капиталистическимъ хозяйствомъ: увеличеніе количества работниковъ въ семьѣ даетъ возможность повысить продовольственную ренту и побить конкуррентовъ. Это на опытѣ знаютъ и землевладѣльцы, оплакивающіе распаденіе крестьянской семьи. Гораздо болѣе осложняетъ борьбу хозяйствъ изъ-за аренды различіе въ средствахъ производства, такъ такъ подъ вліяніемъ ихъ можетъ понижаться, временно, minimum необходимыхъ для семьи средствъ существованія. Это измѣненіе можно наблюдать въ центральномъ земледѣльческомъ районѣ, гдѣ постепенно „проѣдается“ даже необходимый для земледѣлія инвентарь, и гдѣ, слѣдовательно, рента уплачивается даже изъ той доли, которая составляетъ minimum, необходимый для существованія. Налоги также вліяютъ на продовольственное хозяйство, обостряя его борьбу за существованіе и побуждая его расширять запашку на арендуемой землѣ, повышать продовольственную аренду на счетъ необходимыхъ средствъ для производства, и понижать свои потребности.

Точно также капиталистическія хозяйства не организованы по одному шаблону и представляютъ крайне разнообразные типы. Тѣмъ не менѣе теорія капиталистической и некапиталистической ренты даетъ ясное пониманіе условій борьбы и развитія того или другого *типа* хозяйствъ. Индивидуальныя хозяйства могутъ одни развиваться, другія падать, но при однихъ условіяхъ будутъ развиваться хозяйства *капиталистическаго типа*, при другихъ *продовольственныя*.

Minimum и maximum продовольственной ренты ограничивается капиталистической рентой. Когда продовольственная рента опускается вслѣдствіе отсутствія настоятельной потребности хозяйствъ въ арендѣ, капиталъ захватываетъ землю уплатой капиталистической ренты. Когда рента вслѣдствіе конкурренціи капиталистическихъ хозяйствъ поднимается выше того maximum'a, который продовольственное хозяйство можетъ платить, послѣднее само отступаетъ передъ капиталистическимъ хозяйствомъ, такъ какъ для поддержанія существованія необходимъ нѣкоторый minimum продуктовъ. Чѣмъ меньшими средствами обладаетъ продовольственное хозяйство, тѣмъ раньше оно уступаетъ, такъ какъ при ничтожной производительности труда ему остается слишкомъ ничтожная доля. При этомъ имѣютъ значеніе и другія осложняющія условія: кредитоспособность, размѣръ семьи и т. п.

Очевидно, что изъ продовольственныхъ хозяйствъ, располагающихъ различными средствами производства, различнымъ количествомъ работниковъ и земли, будутъ прочнѣе тѣ, которыя, при перечисленныхъ выше условіяхъ, могутъ платить высшую продовольственную ренту, т. е. хозяйства многосемейныя, лошадныя, т. е. такія хозяйства, которыя при пониженіи продовольственной ренты до капиталистической, могутъ развиться въ капиталистическія хозяйства съ наемнымъ трудомъ *).

Соціальныя условія, благопріятныя для развитія производительныхъ силъ страны, для техническаго прогресса и для повышенія потребностей населенія, ведутъ къ развитію капиталистическаго хозяйства. Это происходитъ путемъ повышенія капиталистической ренты и пониженія продовольственной, такъ какъ при такихъ условіяхъ мелкое хозяйство не вынуждено „отказываться" не только отъ нѣкоторыхъ настоятельныхъ потребностей, но и отъ прибыли, отъ которой за него великодушно „отказываются"

*) Отъ г. Громана мы узнаемъ, что „въ *экономическомъ* (курсивъ автора) смыслѣ крестьянскимъ хозяйствомъ называется хозяйство самостоятельнаго производителя, трудящагося своими средствами производства; слѣдовательно, становясь капиталистическимъ, оно перестаетъ быть крестьянскимъ". Такъ поучаетъ г. Громанъ экономической терминологіи. Но черезъ нѣсколько страницъ, по поводу терминологіи же, употребляемой мною, г. Громанъ замѣчаетъ, что въ третью группу крупныхъ *крестьянскихъ* хозяйствъ „въ которыхъ большая часть дохода получается отъ *эксплоатаціи наемнаго труда*", подъ вліяніемъ промысловъ „изъ второй нѣкоторая часть (небольшая) перейдетъ въ третью". Очень своеобразно г. Громанъ понимаетъ терминологію!

его защитники. Отказываться отъ каждаго фунта хлѣба, получаемаго съ арендуемой земли, заставляютъ крестьянъ не преимущества мелкаго хозяйства, а его нужда и безвыходность положенія. Отыскиваніе такихъ „преимуществъ“ — какое-то издѣвательство надъ положеніемъ мелкаго хозяйства, а не защита его...

Въ настоящее время нѣкоторые писатели хоронятъ марксизмъ, съ его представленіемъ о роли крупнаго хозяйства, но мы напрасно стали бы искать въ экономической литературѣ другой аргументаціи, кромѣ ссылки на то, что въ деревнѣ Неѣловкѣ, Неурожайкѣ и другихъ мелкое хозяйство не только держится, но и арендуетъ землю у крупныхъ землевладѣльцевъ. Увы, это Пиррова побѣда мелкаго землевладѣнія!

Выводы защитниковъ мелкаго хозяйства основаны на слѣдующихъ силлогизмахъ: 1) хозяйства a, b, c, d и т. д. существуютъ, удовлеторяя потребности продуктами собственнаго производства, слѣдовательно *всѣ* мелкія хозяйства устойчивы; 2) хозяйства a, b, c, d вытѣсняютъ крупное производство, слѣдовательно, *вообще* мелкое хозяйство имѣетъ преимущества надъ крупнымъ. Нашъ анализъ исходитъ изъ условій общихъ *всѣмъ* мелкимъ хозяйствамъ и всѣмъ крупнымъ. Мелкіе хозяева крестьяне *всѣ* имѣютъ привычку питаться хлѣбомъ, отъ которой они никакъ не могутъ отвыкнуть, несмотря на постоянныя попытки замѣнить его суррогатами. Вслѣдствіе этого мелкія хозяйства *должны* производить нѣкоторый minimum продуктовъ. А такъ какъ площадь земли не растетъ вмѣстѣ съ ростомъ семьи, то изъ-за земли происходитъ конкурренція, которая даетъ побѣду тѣмъ, кто больше можетъ уплатить. Капиталистическія хозяйства *всѣ* стремятся получить прибыль, слѣдовательно, даютъ и капиталистическую ренту.

Первые два силлогизма построены неправильно, потому, что: 1) существованіе нѣсколькихъ хозяйствъ, которыя удовольствуются продуктами, полученными съ собственной земли, ничуть не доказываетъ, что другія хозяйства могутъ довольствоваться ими; 2) вытѣсненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ капиталистическаго хозяйства продовольственнымъ также нельзя распространять на другіе случаи борьбы крупнаго и мелкаго хозяйства. Общій выводъ возможенъ лишь изъ анализа условій, общихъ для всѣхъ хозяйствъ даннаго типа. Чтобы доказать неправильность нашего вывода, нужно доказать, что крестьянинъ можетъ бросить „привычку“ ѣсть хлѣбъ. Такъ какъ жить безъ пищи невозможно, то существованіе продовольственнаго хозяйства поставлено въ рамки maximum'а и minimum'а продовольственной ренты, при которой можетъ сохраниться продовольственное хозяйство. При повышеніи капиталистической ренты выше продовольственной мелкое хозяйство можетъ существовать лишь какъ товаропроизводительное хозяйство (подгородные огородники, садоводы и т. п.); но здѣсь борьба съ крупнымъ хозяйствомъ уже ведется не столько на почвѣ ренты, сколько на почвѣ техники, причемъ побѣждаетъ

то хозяйство, которое можетъ пользоваться болѣе производительнымъ трудомъ, техническимъ прогрессомъ.

Чистый доходъ землевладѣльца, имѣющаго экономическую запашку, равняется разности между издержками производства и цѣной продукта. Maximum продовольственной ренты равняется разности между количествомъ производимыхъ имъ продуктовъ и количествомъ средствъ, необходимыхъ для существованія.

Сравнимъ эти два типа доходовъ. Если производительность труда въ обоихъ случаяхъ одинакова, то какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ издержки на орудія производства одинаковы, и въ первомъ случаѣ величина дохода опредѣляется высотой заработной платы: исключая стоимость орудій производства, доходъ отъ экономической запашки есть разность между заработной платой и цѣной продукта. Во второмъ случаѣ, при продовольственной арендѣ, разность между валовымъ доходомъ и средствами, необходимыми для существованія, тѣмъ выше, чѣмъ ниже послѣдняя сумма. Слѣдовательно, при данной цѣнѣ продукта и при одинаковой техникѣ продовольственная рента выгоднѣе для землевладѣльца, если продовольственное хозяйство довольствуется меньшей долей, чѣмъ батракъ. Повышеніе производительности наемнаго труда благодаря техническому прогрессу, машинамъ, дѣлаетъ болѣе выгодной экономическую запашку при прочихъ равныхъ условіяхъ. Такое же значеніе, какъ техническій прогрессъ, имѣютъ цѣны на хлѣбъ, потому что продовольственное хозяйство одинаково должно получить необходимый minimum продукта, каковы бы ни были его цѣны, между тѣмъ какъ капиталистическое хозяйство при повышеніи цѣны на хлѣбъ и наемный трудъ стремится сократить живой трудъ машиной. Поэтому повышеніе капиталистической ренты, вызванное повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и стоимости наемнаго труда, сопровождается техническимъ прогрессомъ, примѣненіемъ жнеекъ, молотилокъ, сѣялокъ и т. п.; поэтому на окраинахъ Россіи примѣняются эти машины, между тѣмъ какъ въ центрѣ Россіи примѣненіе ихъ крайне ограничено.

Изъ вышеизложеннаго видно, какое значеніе имѣютъ размѣры землевладѣнія мелкихъ хозяйствъ, и какъ они вліяютъ на положеніе продовольственнаго хозяйства. Условія роста продовольственной ренты показываютъ, что чѣмъ выше такого рода рента, тѣмъ стѣснительнѣе положеніе мелкаго хозяйства. А продовольственная рента выше тогда, когда у крестьянина не слишкомъ мало и не много земли. Наиболѣе благопріятны условія для развитія изъ крестьянскихъ хозяйствъ капиталистическихъ при земельномъ просторѣ, когда хозяйство можетъ расширить посѣвы. *При такихъ условіяхъ, не затрачивая свой доходъ на уплату ренты, хозяйства могутъ быстро расширяться, увеличивать производительность труда улучшенными орудіями и превращаться въ капиталистическія хозяйства.* Правда, при такихъ условіяхъ ростъ

капиталистической ренты ведетъ къ вытѣсненію болѣе слабыхъ хозяйствъ, которыя или сдадутъ свои надѣлы въ аренду, или продадутъ землю при правѣ на продажу ея; но продовольственная рента исчезаетъ, слѣдовательно, исчезаютъ и кабальныя формы сельскохозяйственныхъ отношеній. Чѣмъ рѣже *земледѣльческое* населеніе, чѣмъ больше стороннихъ не земледѣльческихъ заработковъ, чѣмъ болѣе развиваются производительныя силы населенія, тѣмъ легче бѣднѣйшей части населенія порвать съ землей, и тѣмъ болѣе благопріятны условія для роста капиталистической ренты, капиталистическаго хозяйства. Поэтому земельный просторъ не укрѣпляетъ крестьянское продовольственное хозяйство, а разрушаетъ его, содѣйствуя развитію крестьянскаго капиталистическаго хозяйства съ тѣмъ большимъ успѣхомъ, чѣмъ благопріятнѣе условія для роста капиталистической ренты, условія, о которыхъ мы выше говорили.

Резюмируемъ все сказанное. 1) *Размѣры* и *форма* землевладѣнія не измѣняютъ *законовъ* роста капиталистической и продовольственной ренты.

2) Высота продовольственной или капиталистической ренты указываетъ на развитіе того или другого типа хозяйства, слѣдовательно, условія, благопріятныя для роста продовольственной ренты, ведутъ къ распространенію продовольственнаго типа хозяйствъ, благопріятныя условія для роста капиталистической ренты—къ развитію капиталистическаго хозяйства.

3) Продовольственная рента растетъ: а) при паденіи производительности земледѣльческаго труда, вызванномъ избыткомъ земледѣльческаго населенія, слѣдовательно, при недостаткѣ собственной земли для удовлетворенія всѣхъ потребностей хозяйства, и в) при медленномъ развитіи индустріи, задерживающемъ отливъ населенія въ обрабатывающую промышленность. Недостаточное развитіе индустріи сопровождается низкими цѣнами на хлѣбъ вслѣдствіе отсутствія вблизи рынка.

4) Капиталистическая рента растетъ: а) при техническомъ прогрессѣ въ земледѣліи, увеличивающемъ производительность труда: в) при ростѣ хлѣбныхъ цѣнъ, связанномъ съ развитіемъ индустріи и близостью рынка. Развитіе того или другого типа хозяйства опредѣляется, слѣдовательно, общими соціально-экономическими условіями. Если нѣтъ надежды на хозяйственный прогрессъ страны, то продовольственному хозяйству мы можемъ предсказывать дальнѣйшее развитіе на счетъ капиталистическаго, и обратно, благопріятныя условія для развитія производительныхъ силъ должны повести къ противоположнымъ результатамъ. Искать выхода для массы крестьянскаго населенія нужно въ общихъ соціальныхъ условіяхъ страны: измѣненіе ихъ, благопріятное для развитія производительныхъ силъ страны, даетъ, правда, толчекъ къ развитію капитализма, но вмѣстѣ съ тѣмъ

вытолкнетъ и изъ пассивнаго и безнадежнаго состоянія голодающихъ собственниковъ и арендаторовъ.

Надежды на лучшее будущее нужно основывать не на прочности стараго уклада жизни, а на его шаткости...

II. Отвѣтъ критикамъ.

I.

Въ послѣдніе два года аграрному вопросу въ Россіи особенно посчастливилось. Кто только и какъ только его не рѣшалъ? Сколько чисто русскаго „самобытнаго“ таланта вложено въ проекты „улучшенія сельскохозяйственнаго быта“, сколько смѣлости и категоричности при этомъ обнаружено! Одни предлагаютъ сократить надѣлы крестьянъ, чтобы увеличить интенсивность хозяйства, другіе съ этой же цѣлью предлагаютъ увеличеніе надѣловъ. Одни введеніемъ травосѣянія уничтожаютъ аграрный кризисъ; другіе уничтожаютъ его древонасажденіемъ; третьи увеличеніемъ крестьянскихъ надѣловъ уничтожаютъ не только кризисъ, но вмѣстѣ съ нимъ и капитализмъ и т. д. и т. д. Несмотря на то, что аграрный вопросъ и аграрный кризисъ рѣшаются просто и категорически, все-таки при каждомъ его рѣшеніи можно и должно поставить вопросъ, почему и для чего? Почему отъ увеличенія или уменьшенія крестьянскаго надѣла хозяйство будетъ интенсивнѣе? Почему увеличеніе надѣловъ упрочитъ крестьянскія хозяйства, а не поведетъ къ паденію значительной ихъ части и сосредоточенію земли въ рукахъ болѣе зажиточныхъ? Можно было бы поставить много вопросовъ „почему“ на каждое рѣшеніе аграрнаго вопроса вообще, и вопроса объ аграрномъ кризисѣ въ частности.

Есть основаніе думать, что немногіе прожектеры могутъ удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Чтобы отвѣтить на него, нужно ясно представлять себѣ условія развитія сельскаго хозяйства, знать, что то или иное измѣненіе общественныхъ условій поведетъ опредѣленныя слѣдствія.

Въ своей книгѣ „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи“ я и пытался анализировать условія, при которыхъ такъ или иначе развивается сельское хозяйство. Безъ такого анализа невозможно и рѣшеніе аграрнаго вопроса.

Книга вызвала возраженія, изъ которыхъ ясно, что даже авторамъ критическихъ статей, болѣе или менѣе знакомымъ съ сельскохозяйственной экономіей, не выяснилось значеніе самыхъ общихъ, самыхъ распространенныхъ явленій сельскохозяйственной жизни. А между тѣмъ, только выяснивши ихъ значеніе, можно подойти

рѣшенію аграрнаго вопроса. Поэтому, имѣя въ виду возра-ѳнія критиковъ, я и остановлюсь на этихъ явленіяхъ.

Изъ статей-рецензій по поводу моей книги заслуживаетъ иманія статья г. Пѣшехонова „Послѣдній (?) ученый трудъ тодоксальнаго марксизма“ („Русск. Бог.“, VII, 1903 г.) и статья Громана („Сар. Зем. Недѣля“ № 3, 1903 г.).

Начну съ г. Пѣшехонова, напередъ извинившись, что укажу юго, но не всѣ сдѣланные имъ промахи, такъ какъ его статья— но сплошное недоразумѣніе.

Г. Пѣшехоновъ критикуетъ всесторонне: критикѣ подвер-ась и внѣшность книги, причемъ она сравнивается съ изда-емъ министерства финансовъ „Производительныя силы Россіи“, тя, по словамъ критика, „направленіе, къ которому принадле-итъ г. Масловъ, не имѣетъ съ направленіемъ упомянутой книги ичего общаго“. Критикѣ подверглись и корректурныя ошибки *) даже одна цитата.

Чтобы не останавливаться долго на мелочахъ, я замѣчу, о, въ общемъ, указанія г. Пѣшехонова о внѣшнихъ недостат-хъ книги вполнѣ справедливы, и вина въ этомъ въ значитель-й мѣрѣ падаетъ на автора, хотя и можно было бы привести ѣкоторыя „смягчающія вину обстоятельства“.

Итакъ, перейдемъ къ возраженіямъ „по существу“.

II.

Прежде всего, г. Пѣшехонова приводитъ въ смущеніе повто-енное въ книгѣ нѣсколько разъ замѣчаніе, что вопросъ о раз-тіи производительныхъ силъ при современныхъ экономическихъ ношеніяхъ не программный вопросъ, что на почвѣ развитія про-зводительныхъ силъ лишь происходитъ борьба различныхъ бщественныхъ группъ, которыя руководятся той или иной про-раммой. Т. е. развитіе производительныхъ силъ—основной фонъ озяйственной жизни, на которомъ создаются различныя проти-

---

*) „При паденіи производительныхъ силъ не будетъ происходить диф-еренціаціи крестьянства (слѣдуетъ читать *крестьянскихъ*) земледѣльческихъ озяйствъ, хотя дифференціація *крестьянства* можетъ идти очень быстро“. го не требуетъ комментарій, если принять во вниманіе, что крестьянство за-імается не только земледѣліемъ, но и промыслами. „Близость къ рынку, е. къ району, куда требуется ввозъ хлѣба, опредѣляется цѣнами на хлѣбъ“. а эту фразу г. Пѣшехоновъ дѣлаетъ возраженіе, заимствованное у г-жи Про-аковой: „не лучше ли спросить объ этомъ у извозчиковъ“? Очевидно, кри-ікъ не догадался о томъ, что „близость къ рынку“ можетъ быть не только ографической (разстояніе въ верстахъ, миляхъ и т. д.), но и экономической. оясню примѣромъ: Новороссійскъ по разстоянію находится дальше отъ рынка нгліи), чѣмъ центральныя черноземныя губерніи, но въ то же время ближе ъ рынку вслѣдствіе дешевизны провоза: разница близости къ рынку того и ругого пункта выразится въ цѣнахъ на хлѣбъ. Полемика по поводу такихъ ритическихъ замѣчаній не имѣетъ смысла, и я ихъ оставлю безъ отвѣта.

воположныя программы „планомѣрной общественной дѣятельности".

Наиболѣе производительнымъ при современной организаціи общественнаго хозяйства является крупное капиталистическое хозяйство, примѣняющее въ производствѣ всевозможныя машины. Естественно, что вносить въ какую бы то ни было программу организацію капиталистическаго хозяйства съ *лучшими орудіями* нелѣпо, такъ какъ примѣненіе орудій, увеличивающихъ производительность труда, обусловливается экономическими объективными условіями. Для того лагеря, къ которому принадлежитъ г. Пѣшехоновъ, такая постановка вопроса совершенно непонятна. „Это фатализмъ!" вопіютъ экономисты изъ лагеря „Рус. Богатства", обуреваемые жаждой экономическаго строительства на почвѣ капиталистическихъ отношеній. Это „преклоненіе передъ кумиромъ"—капитализмомъ, повторяетъ г. Пѣшехоновъ, забывая, что читатель за десять лѣтъ успѣлъ уже узнать и оцѣнить достоинство и правильность такихъ обвиненій. „Г. Масловъ всею своей книгою приглашаетъ (это послѣ неоднократныхъ заявленій, что въ книгѣ не обсуждаются программные вопросы!) насъ преклониться (!) передъ двумя кумирами: передъ индустріей и самымъ (!) обыкновеннымъ капитализмомъ (развѣ есть еще какой-нибудь необыкновенный капитализмъ?)... пора бы усумниться въ божественныхъ достоинствахъ самыхъ фетишей" (капитализма). Конечно „приглашеніе преклониться передъ капитализмомъ", какимъ бы то ни было,—просто выдумка г. Пѣшехонова.

Менѣе всего можно было бы ожидать такого обвиненія автору книги, которая посвящена изложенію *противорѣчій* капитализма въ сельскомъ хозяйствѣ *), но, если такое обвиненіе есть, то нужно выяснить, чѣмъ оно вызвано.

Общественныя науки, какъ и другія, напр., естественныя науки, стремятся найти причинную связь между изучаемыми явленіями. Наблюденіе и опытъ даютъ намъ возможность дѣлать выводы, что та или иная причина непремѣнно вызываетъ тѣ или иныя опредѣленныя слѣдствія. Знаніе наше причинной связи явленій въ каждый моментъ нашей жизни помогаетъ намъ наиболѣе целѣсообразно дѣйствовать на внѣшнюю среду. Ребенокъ, ударившись о полъ, будетъ бить по полу кулачками, чтобы наказать его за причиненную ему боль. Напрасна была бы попытка убѣждать его, что упавши на полъ, „фатально" получишь шишку на лбу: ребенокъ еще не научился разбираться въ причинной связи явленій. Г. Пѣшехоновъ, какъ и всякій взрослый человѣкъ, вѣроятно, получалъ въ свое время шишки на лбу и

*) „Интересы предпринимателей (капиталистовъ) вовсе не тождественны съ экономическимъ прогрессомъ, а часто ему противорѣчатъ гораздо больше, чѣмъ обыкновенно думаютъ", стр. 17 „Если развитіе земледѣлія неизбѣжно приводило къ организаціи крупнаго производства, то это не можетъ вести къ защитѣ капитализма" и т. д., стр. 16

ерь не будетъ бить кулаками по полу. Но при анализѣ об-
ственныхъ явленій причинную связь между ними не такъ
ко найти. Такая „фатальная“ связь явленій, какъ боль и по-
еніе на лбу шишки тогда, когда ударишься о полъ, ка-
ымъ узнается на собственномъ опытѣ, а связь общественныхъ
еній открываетъ общественная наука. Младенческое предста-
віе объ общественныхъ явленіяхъ имѣютъ тѣ, кто мало вы-
илъ себѣ ихъ причинную связь. Когда экономисты утвер-
ютъ, что при общественныхъ условіяхъ, благопріятныхъ для
витія капитализма, развивается изъ мелкаго некапиталисти-
скаго хозяйства, капиталистическое, то многіе, въ томъ числѣ
г. Пѣшехоновъ, обвиняютъ экономистовъ въ фатализмѣ и сту-
ъ кулачками...

Въ чемъ же обнаруживается тотъ „фатализмъ“, который
къ не нравится г. Пѣшехонову и другимъ экономистамъ его
геря?

Та идея, которую г. Пѣшехоновъ толкуетъ какъ преклоне-
передъ капитализмомъ и называетъ фатализмомъ, заключается
слѣдующемъ: развитіе производительныхъ силъ является не-
ходимымъ условіемъ для существованія размножающагося на-
енія съ развивающимися потребностями. Съ развитіемъ про-
водительныхъ силъ типы хозяйства измѣняются *), такъ какъ тех-
ческія условія требуютъ соотвѣтственной организаціи хозяйства.
пр., сельско хозяйственныя машины не примѣнимы въ очень
лкихъ хозяйствахъ. Наиболѣе производительный трудъ возмо-
нъ въ крупномъ хозяйствѣ. Современныя общественныя усло-
наиболѣе благопріятны для организаціи крупнаго *капитали-
ическаго* хозяйства. Хотя мыслима и возможна организація
упныхъ кооперативныхъ предпріятій, но для этого необходимы
которыя общественныя условія, изъ которыхъ главное—созна-
ьное отношеніе людей къ экономическимъ отношеніямъ и

---

*) Г. Пѣшехоновъ, цитируя изъ книги эту мысль, дѣлаетъ передержку,
итатель можетъ составить совершенно ложное представленіе о томъ, что
орится въ книгѣ. Тамъ цитируется извѣстный отрывокъ изъ предисловія
Маркса къ „Крит. Пол. Экон.“ о связи „надстроекъ“, т. е. *правовыхъ и поли-
ескихъ* отношеній, съ состояніемъ производительныхъ силъ; противорѣчіе
жду первыми и послѣдними разрѣшается кризисомъ. „Мы же въ *данномъ
аѣ* указываемъ на другую не менѣе важную связь состоянія произ-
ительныхъ силъ съ *формой и съ типами хозяйства*“, связь, ведущую къ
тепенной смѣнѣ однихъ другими типами хозяйства. Для всякаго не преду-
жденнаго читателя ясно, что приведенными словами не указывается на ка-
-то открытіе, которымъ „исправляется“ положеніе К. Маркса, а указывается
то, что идетъ рѣчь о другихъ явленіяхъ. Французская революція являлась
зисомъ для старыхъ *правовыхъ* отношеній, а *формы* хозяйства измѣнялись
тепенно. Во всей книгѣ идетъ рѣчь о смѣнѣ *типовъ хозяйства въ капита-
ическомъ обществѣ*. Г. Пѣшехоновъ, на основаніи цитированнаго, сообщаетъ
ателю, что, „какъ думаетъ онъ (Масловъ) не *въ примѣръ Марксу* (!) про-
йдетъ не революціонная, а постепенная смѣна типовъ и формъ хозяйства“.
ъ „излагаетъ“ г. Пѣшехоновъ книгу.

правильное ихъ пониманіе. Такъ какъ это пріобрѣтается не скоро, а производительныя силы развиваются, то и организуются только крупныя капиталистическія хозяйства.

Если даже г. Пѣшехоновъ плохо разбирается въ экономическихъ явленіяхъ, и вмѣсто объективнаго анализа капитализма отрицаетъ его значеніе потому, что онъ ему не нравится (намъ онъ „нравится“ не больше, чѣмъ г. Пѣшехонову), то гдѣ же у *общества* сознаніе для организаціи другого типа хозяйства, которое *теперь же* могло бы конкуррировать съ крупнымъ капиталистическимъ? Мелкое хозяйство не можетъ конкуррировать съ крупнымъ при развитіи производительныхъ силъ, а для крупнаго кооперативнаго неблагопріятны общественныя условія. Вотъ выводъ, сдѣланный въ книгѣ.

Г. Пѣшехонову капиталистическое хозяйство не нравится. Поэтому онъ меня называетъ фаталистомъ, приглашающимъ преклониться передъ капитализмомъ и индустріей, и стучитъ кулачками. Повторю въ сотый разъ то, что писалось уже и мною и другими. Организація крупнаго капиталистическаго производства является неизбѣжной потому, что его развитію благопріятствуютъ общественныя условія, общественныя отношенія; но, добавляю я, крупное капиталистическое хозяйство развивается изъ мелкаго при условіи развитія производительныхъ силъ, а при паденіи ихъ развивается мелкое хозяйство на счетъ крупнаго *).

Итакъ, вопросъ рѣшается мною условно: при паденіи производительныхъ силъ населенія, ведущемъ къ вырожденію и къ вымиранію, будетъ побѣждать мелкое продовольственное хозяйство. Въ обществѣ же, имѣющемъ жизненныя силы, имѣющемъ данныя для развитія, будетъ побѣждать крупное капиталистическое хозяйство, такъ какъ развитіе производительныхъ силъ населенія ведетъ къ организаціи этого типа хозяйства. Гдѣ же тутъ фатализмъ и преклоненіе передъ капитализмомъ? Приведенные выводы вытекаютъ изъ анализа капиталистическаго, а

---

*) Каутскій въ своей книгѣ „Аграр. вопросъ“ доказывалъ, что въ земледѣліи происходитъ процессъ капитализаціи и концентраціи производства и приводилъ данныя, подтверждающія этотъ выводъ. Герцъ въ книгѣ „Аграрные вопросы“ доказывалъ противоположное этому и приводилъ данныя, подтверждающія его выводы. Въ русской литературѣ тѣ же выводы доказывали фактами дѣйствительности съ одной стороны Вл. Ильинъ, а съ другой П. Вихляевъ. Я указываю, что ни Герцъ, ни Вихляевъ не опровергаютъ того вывода, который дѣлаетъ Каутскій и другіе ортодоксы, такъ какъ процессъ развитія крупнаго хозяйства связанъ съ развитіемъ производительныхъ силъ, а тамъ, гдѣ все населеніе разоряется, не происходитъ и капитализаціи. Г. Пѣшехоновъ находитъ, что я „возвожу напраслину на своихъ друзей“ и заступается за своихъ противниковъ. Это великодушно, но совершенно напрасно. Раньше, дѣйствительно, въ спорахъ объ аграрномъ вопросѣ упускалось изъ виду, что можетъ происходить обратный процессъ образованія мелкихъ хозяйствъ изъ крупныхъ *при паденіи производительныхъ силъ*. Если бы не было такого упущенія, то ни Герцъ, ни Вихляевъ не трудились бы напрасно и не писали бы книжекъ, доказывающихъ лишь мысль противниковъ.

акже продовольственнаго типа хозяйства, типа, которымъ вос-
ищается г. Пѣшехоновъ и другіе экономисты изъ лагеря „Рус.
огатства“. Критикъ ни словомъ не обмолвился въ защиту излю-
леннаго имъ хозяйства, а преподнесъ читателю вздорныя обвине-
ія въ фатализмѣ, въ преклоненіи передъ капитализмомъ и т. д. *).

Въ книгѣ указывается, что производительныя силы населе-
ія могутъ падать при непроизводительномъ потребленіи слиш-
омъ большой доли національнаго дохода на войско и т. п. рас-
оды. Этому вопросу посвящена цѣлая глава. Г. Пѣшехоновъ
итируетъ: „на стр. 241 мы читаемъ: въ очеркѣ условій произво-
ительныхъ силъ мы пришли къ заключенію, что непроизводи-
ельное потребленіе продуктовъ земледѣлія является одной изъ
лавныхъ причинъ, задерживающихъ развитіе производительныхъ
илъ“. Однако, — замѣчаетъ критикъ, — „если мы обратимся къ
очерку развитія производительныхъ силъ (глава III), то не найдемъ
тамъ *ни слова* (курсивъ критика) о непроизводительномъ потребле-
ніи. Ничего нѣтъ о немъ и въ слѣдующей главѣ... Между тѣмъ,
если бы авторъ своевременно“ и т. д.

Критикъ пишетъ по поводу книги рефератъ въ 30 страницъ
и не потрудился заглянуть во 2-ю главу, содержаніе которой
по оглавленію слѣдующее: „соотношеніе условій производства и
потребленія. *Вліяніе условій потребленія продуктовъ на развитіе
производительныхъ силъ. Различныя схемы условій развитія произ-
водительныхъ силъ подъ вліяніемъ условій потребленія*“. Ну, а г. Пѣ-
шехоновъ искалъ, искалъ и не нашелъ.

Нашелъ я для г. Пѣшехонова вопросъ о вліяніи условій
потребленія на развитіе производительныхъ силъ для того, чтобы
разъяснить различіе программныхъ вопросовъ отъ непрограммныхъ,
различіе, въ которомъ критикъ никакъ не можетъ разобраться.
Въ программу умѣщается вопросъ о сокращеніи непроизводи-
тельнаго потребленія, т. е. вопросъ объ устраненіи неблагопріят-
ныхъ условій для развитія производительныхъ силъ, но самое
развитіе производительныхъ силъ при современныхъ хозяйствен-
ныхъ условіяхъ происходитъ въ *предпріятіяхъ* безъ всякой про-
граммы, подъ вліяніемъ условій рынка, въ зависимости отъ про-
цесса накопленія и т. д. Не знаю, достаточно ли уяснилось кри-
тику, почему вопросъ о развитіи производительныхъ силъ — не
программный вопросъ. Надѣюсь, что экономистъ, часто пишущій
въ „Рус. Богат.“ о „непроизводительномъ потребленіи“, вдумается
въ выше написанное и уяснитъ себѣ разницу между программ-
ными и непрограммными вопросами: а то вѣдь позоръ: присяж-

*) Г. Пѣшехоновъ можетъ обвинять въ фатализмѣ не одного меня. „Ка-
питалъ является той стихійной и объективной силой, которая властвуетъ надъ
всѣми, принося однимъ гибель, другимъ жизнь, сама же не подчиняется ни-
кому. Это слѣпой безличный рокъ современнаго общества“... и т. д. Это напе-
чатано въ той же книгѣ „Р. Б.“, гдѣ статья строгаго критика. О ужасъ! Ор-
тодоксальный марксизмъ внесъ заразу и на страницы почтеннаго журнала!

ный экономистъ весьма почтеннаго журнала не знаетъ, о чемъ пишетъ, о программныхъ или непрограммныхъ вопросахъ! *)

Благодаря тѣмъ или инымъ неблагопріятнымъ условіямъ развитіе производительныхъ силъ можетъ остановиться, и происходитъ обратный процессъ—паденія производительныхъ силъ населенія, ведущій къ его вырожденію и къ побѣдѣ мелкаго продовольственнаго хозяйства. Развитіе продовольственныхъ силъ ведетъ къ организаціи капиталистическаго земледѣлія и къ разслоенію крестьянства. Эта связь между развитіемъ производительныхъ силъ и организаціей типовъ хозяйствъ иллюстрируется мною и статистическими и не статистическими данными и, между прочимъ, данными военно-конскихъ переписей, разработанными Вихляевымъ. Вотъ эти данныя:

Въ хозяйствахъ.	На сколько % число лошадей. увел.(+) умен.(—) Въ 4 вост. губ.	Въ 23 центр. и зап.	Въ 4 южныхъ.
Съ 1 лошадью. . . .	+ 4.2	+ 10,9	— 1,1
„ 2 „ . . .	— 13.7	— 11,6	+ 24,1
„ 3 „ . . .	— 21,7	— 29,7	+ 26,1
„ 4 „ . . .	— 22,8	— 38,1	+ 41,5
„ 5 „ . . .	— 22,0	— 45,4	+ 44,7
„ 6 и болѣе	— 24,5	— 51,5	+ 34,7
Вообще	— 11,0	— 11,4	+ 26,0

Всякій статистикъ и не статистикъ изъ этихъ цифръ увидитъ, что въ I и II столбцахъ, гдѣ число лошадей вообще сократилось, слѣдовательно, производительныя силы населенія упали, больше всего потеряли зажиточныя группы крестьянъ. Въ III столбцѣ въ 4 южныхъ губерніяхъ, обратно—при общемъ увеличеніи лошадей болѣе выиграли зажиточныя группы. Но, г. Пѣшехоновъ, которому этотъ выводъ не нравится и который „знакомъ съ особенными свойствами статистическихъ матеріаловъ“, дѣлаетъ выводъ, что и въ послѣднемъ столбцѣ чѣмъ богаче группа, тѣмъ меньше она пріобрѣла лошадей. Повѣривши собственнымъ глазамъ, я повторяю вслѣдъ за г. Вихляевымъ выводъ, который слѣдуетъ изъ этихъ цифръ, а именно, что „прирость лошадей выпалъ въ южныхъ губерніяхъ на долю многолошадныхъ группъ“ и... оказался уличеннымъ въ незнаніи „свойства“ статистическихъ матеріаловъ. Оказывается, что и въ 4 юж-

*) „Не до конца, однако, г. Масловъ остается фаталистомъ, онъ лишь противополагаетъ „непрограммнымъ вопросамъ производства *какіе-то* другіе программные вопросы“.. И это пишетъ публицистъ серьезнаго журнала! Такъ какъ г. Пѣшехоновъ не представляетъ себѣ разницы между различными вопросами въ такой общей формулировкѣ, то приведу конкретный примѣръ. Въ Германіи увеличивается расходъ на морскія вооруженія, и этотъ фактъ вызываетъ то или иное отношеніе въ различныхъ программахъ. Въ то же время въ хозяйственныхъ предпріятіяхъ электрическая тяга начинаетъ замѣнять лошадиную и паровыя машины, потому что она увеличиваетъ производительность труда. Желательно бы знать, какой программы придерживается г. Пѣшехоновъ въ вопросѣ объ электрической тягѣ. Будемъ ждать по этому вопросу „программы“ на страницахъ „Рус. Богатства“.

ныхъ губерніяхъ „группы многолошадныхъ хозяйствъ выигрываютъ не больше, а меньше малолошадныхъ!“

Можно было бы вину въ незнаніи свойства статистическихъ матеріаловъ свалить на г. Вихляева, за которымъ я повторилъ выводъ, но примемъ вину на себя.

Поразительно то совершенно своеобразное „знакомство со свойствами статистическаго матеріала“, которое обнаружилъ здѣсь г. Пѣшехоновъ, ухитрившись получить желательный для него выводъ изъ фактовъ, доказывающихъ противоположное. Мой критикъ воспользовался „особенными“ свойствами матеріаловъ въ защиту излюбленной идеи, и можно простить его увлеченіе; но нельзя не рекомендовать нѣкоторой осторожности даже переполненному хорошими намѣреніями статистику, чтобы такъ не компрометировать свойствъ статистическихъ матеріаловъ *).

Если бы г. Пѣшехоновъ ограничился тѣмъ, что показалъ свое искусство справляться со статистическимъ матеріаломъ, то бѣда бы еще не большая. Но онъ не ограничился „критикой“ статистическихъ выводовъ.

Изъ приведенной выше таблицы о количествѣ лошадей въ 4-хъ южныхъ губерніяхъ видно, что зажиточныя группы крестьянъ за пятилѣтіе выиграли въ числѣ лошадей. Но, добавляю я, выигрышъ этотъ въ дѣйствительности еще больше, чѣмъ показываютъ цифры, такъ какъ въ этомъ районѣ наиболѣе зажиточными крестьянами пріобрѣтались улучшенныя орудія, сокращающія лошадиную тягу и дающія возможность при томъ же числѣ лошадей увеличить запашку. „Позвольте, однако, какія же это

---

*) „Фокусъ“ г. Пѣшехонова мало остроуменъ, но можетъ ввести въ заблужденіе неопытнаго читателя, и мы изложимъ его „идею“. Допустимъ, что имѣются по 100 домохозяевъ въ группахъ однолошадныхъ, 2-хъ лошадныхъ, 3-хъ, 4-хъ, 5, 6 и болѣе лошадныхъ. Если всѣ хозяйства пріобрѣли по одной лошади, т. е. *поровну*, то увеличеніе лошадей въ %% у первой группы равно 100%, такъ какъ они имѣли по одной лошади и пріобрѣли еще по одной. У двухъ-лошадныхъ увеличеніе лошадей = 50%, у 3-хъ лошадныхъ = = 33%, у 4-хъ лошадныхъ = 25% и т. д.

Г. Пѣшехоновъ нѣсколько осложнилъ вопросъ еще разсчетомъ, изъ какой группы и въ какую перемѣстились хозяева, но основная идея фокуса проста: болѣе зажиточные хозяева въ *процентахъ къ наличному числу лошадей* всегда меньше выиграютъ, чѣмъ малолошадные и особенно безлошадные: послѣдніе, пріобрѣтя одну лошадь на 1000 хозяйствъ, получатъ приростъ въ безконечное число разъ большій, чѣмъ многолошадные, которые пріобрѣли 1000 лошадей. Да, опытный статистикъ г. Пѣшехоновъ.

Такъ какъ *хозяйства* группируются по числу лошадей, то, пріобрѣтя лошадь, хозяйство перемѣщается въ *таблицахъ* въ высшую группу. Г. Пѣшехоновъ поучаетъ: „Передвинулись *хозяйства* изъ группы въ группу, а *не* лошади изъ однихъ хозяйствъ въ другія“. Какая бездна чисто статистическаго глубокомыслія! Какъ при группировкѣ *хозяйствъ* по числу лошадей могутъ передвигаться въ таблицахъ хозяйства безъ лошадей, или лошади безъ хозяйствъ? Ярому статистику представляется, что лошади самостоятельно „передвигаются“ не только по землѣ, но и по статистическимъ таблицамъ...

Критикъ довольно нескромно подчеркиваетъ свое знаніе „свойствъ статистическихъ матеріаловъ“. Изъ текста видно, что скромность была бы умѣстнѣе.

улучшенныя орудія замѣняють хозяйствамъ лошадь? Паровые плуги, развѣ?.. Или г. Масловъ имѣетъ въ виду электрическія машины для доенія коровъ"?.. иронизируетъ почтенный экономистъ изъ „Русск. Бог.". Я не знаю, видалъ ли г. Пѣшехоновъ сельскохозяйственныя работы, но что онъ не имѣетъ о нихъ никакого понятія,—это очевидно изъ сдѣланнаго замѣчанія.

Начнемъ съ обработки полей. Раньше поля обрабатывались на югѣ деревянными плугами, а старыя земли—сохой. Введеніе желѣзнаго однолемешнаго плуга сокращаетъ лошадиную тягу. Двухъ-трехлемешный плугъ еще болѣе ее сокращаетъ. И этого вы, г. Пѣшехоновъ, не знаете?!

Дальше. Вспаханная земля боронится. Пять деревянныхъ боронъ направленныхъ одна за другой, слѣдовательно, требующія пять лошадей, не взрыхлять такъ почву, какъ одна хорошая желѣзная борона. И этого г. Пѣшехоновъ не знаетъ? Дальше. Уборка хлѣба. Хлѣбъ молотился, да и теперь молотится на окраинахъ такимъ образомъ: или запрягаютъ лошадей въ телѣги и гоняютъ ихъ по снопамъ, или просто нѣсколько лошадей (5—6), привязанныхъ одна къ другой, гоняютъ по снопамъ, которые и обмолачиваются ногами этихъ лошадей. Цѣпами молотятъ только болѣе бѣдные хозяева. Иногда употреблялись каменныя и деревянныя „била", въ которыя также запрягаютъ лошадей. Пріобрѣтеніе молотилки въ значительной степени увеличиваетъ производительность работы лошади. Всѣ эти усовершенствованія даютъ возможность расширить запашку при томъ же количествѣ лошадей. И констатированіе этого факта кажется г. Пѣшехонову, постоянно пишущему о крестьянскомъ хозяйствѣ, смѣшнымъ?! Неужели трудно ознакомиться со значеніемъ улучшенныхъ сельскохозяйственныхъ орудій.

Въ книгѣ, которую критикуетъ г. Пѣшехоновъ, приведены даже данныя о производительности работы лошади въ различныхъ хозяйствахъ. Отчего бы не ознакомиться съ этимъ хотя бы изъ критикуемой книги, прежде чѣмъ писать такіе курьезы?

Полному использованію лошадиной тяги содѣйствуютъ не только тѣ орудія, которыя увеличиваютъ производительность работы лошади, но и машины, сокращающія затрату человѣческаго труда. Ироническія замѣчанія по этому поводу г. Пѣшехонова лишь воочію показали отсутствіе у него какого бы то ни было представленія о томъ отдѣлѣ агрономической науки, который посвящается организаціи труда въ хозяйствѣ.

Вся „суть" этой организаціи труда заключается въ слѣдующемъ. Каждая часть сельскохозяйственной работы въ теченіе годовой операціи должна быть совершена своевремено. На южныхъ и восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи наибольшее затрудненіе до введенія жнеекъ представляла уборка хлѣба—жнитво. Поэтому крестьянинъ имѣя 10 лошадей и имѣя возможность вспахать или, напр., 40 десятинъ, вспахивалъ только

дес., потому что при ручной уборкѣ, съ помощью 2—3 вре-
нныхъ рабочихъ, онъ не могъ сжать больше. Зерно выкро-
ется или останется совсѣмъ на корню, если крестьянинъ бу-
гъ при посѣвѣ сообразоваться не съ собственными рабочими
лами, а съ силами своихъ лошадей. Введеніе жнеекъ ускоряетъ
ерацію уборки хлѣба и въ нѣсколько разъ увеличиваетъ про-
водительность труда. Это даетъ возможность *использовать* всѣ
бочія силы лошадей безъ риска оставить хлѣбъ своевременно
убраннымъ. Поэтому съ покупкой жнейки хозяева, имѣющіе
-10 и больше лошадей, въ нѣкоторыхъ районахъ расширяли
сѣвъ, не увеличивая числа лошадей *).

Г. Пѣшехоновъ авторитетно заявляетъ, что жнеи, сноповя-
зки и молотилки вытѣсняютъ ручную работу, а не конную и
могутъ содѣйствовать увеличенію посѣва при томъ же числѣ
шадей. Всѣ приведенныя заявленія критика были бы комичны
не заслуживали бы возраженій, если бы критикъ упражнялся
въ толстомъ журналѣ, а въ своей тетрадкѣ. Между тѣмъ,
ло знакомый съ вопросомъ, русскій читатель учится по та-
мъ произведеніямъ, и такимъ образомъ составляется обществен-
е мнѣніе „по аграрному вопросу".

IV.

Мы разсматривали возраженія на статистическіе выводы и
выводы о значеніи развитія сельскохозяйственной техники.
перь разсмотримъ критику теоріи развитія сельскаго хозяйства,
становившись на ней нѣсколько дольше, такъ какъ въ теорети-
скихъ вопросахъ сельскаго хозяйства существуетъ путаница
у одного г. Пѣшехонова.

Въ книгѣ настойчиво указывается на различіе между *техни-*
кой хозяйства и *культурой* земли, такъ какъ обыкновенно они
ѣшиваются. Между тѣмъ составить ясное представленіе о томъ
другомъ чрезвычайно важно, чтобы разобраться въ аграрномъ
просѣ. Поэтому въ книгѣ дается точное опредѣленіе и техники
культуры. Одинаковая *культура* земли можетъ быть сдѣлана
помощью *различной техники*, и обратно—при одинаковой *техникѣ*
жетъ быть различная культура. Напримѣръ, можно одинако-
е число разъ вспахать и желѣзнымъ и деревяннымъ плугомъ.
льтура будетъ одинакова, но техника различная, такъ какъ
и вспашкѣ желѣзнымъ плугомъ трудъ производительнѣе,
жно одинаково хорошо измолотить хлѣбъ и цѣпомъ и моло-

*) „Заведя машины (жнейки) крестьяне въ средней Россіи могутъ вполнѣ
авляться при 3-хъ работникахъ во дворѣ и *3-хъ парахъ лошадей* съ... 60 де-
инами въ трехпольномъ хозяйствѣ при 40 дес. посѣва". В. Постниковъ,
жно-русск. хоз.", стр. 330. См. П. Масловъ „Усл. разв.", 313 стр.

тилкой, но техника будетъ различная. Сжать и жнейкой, и серпомъ и т. д.

Культура можетъ быть различной при одинаковой техникѣ. Напримѣръ, одна полоса выпахивается два раза, а другая полоса такимъ же или тѣмъ же плугомъ вспахивается три раза.

Въ нѣкоторыхъ странахъ существуетъ *высокая культура* земли и *низкая техника*, напр., въ Китаѣ. Въ другихъ странахъ существуетъ *высокая техника* и низкая культура, напр., въ Западныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ европейцевъ. Наконецъ, есть страны съ высокой техникой и съ высокой культурой земли, напр., Англія. Россія принадлежитъ къ странамъ съ низкой культурой и техникой. Агрономія, ставя выше всего практическія задачи, плохо разбирается въ различіи этихъ двухъ понятій, а экономисты слишкомъ мало занимались аграрными отношеніями, чтобы точно выяснить различіе культуры и техники, различіе, имѣющее первостепенное значеніе для пониманія условій развитія сельскаго хозяйства. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что критикъ дѣлаетъ возраженія, указывающія на полное отсутствіе понятія о техникѣ и культурѣ земли. „Трудъ, вооруженный *совершенной* техникой интенсивнаго хозяйства,—возражаетъ г. Пѣшехоновъ,—на много превзойдетъ своею продуктивностью технически-несовершенный трудъ хозяйства хищническаго“, т. е. экстенсивнаго. Въ этомъ возраженіи высокая техника отождествляется съ интенсивной (высокой) культурой, а низкая техника съ экстенсивной (хищнической) культурой. Да проститъ мнѣ строгій критикъ, но вѣдь это теоретическая безграмотность! Въ Западныхъ Штатахъ С. Америки примѣняются паровые плуги, паровыя молотилки, сортировки и вѣялки, жнейки, сноповязалки и проч. Техника, кажется, довольно высокая, а культура земли экстенсивная. Въ Китаѣ, наоборотъ, очень высокая культура, хозяйство интенсивное, но значитъ ли это, что оно „технически-совершенное“?

Въ развитіи хозяйства я указываю двѣ противоположныхъ тенденціи, которыя не замѣчались вслѣдствіе смѣшенія техники и культуры хозяйства. Одна тенденція развитія хозяйства—увеличеніе производительности земледѣльческаго труда благодаря техническому прогрессу. Благодаря ему человѣкъ можетъ производить въ единицу времени все большее и большее количество продукта. Вторая тенденція—паденіе производительности труда человѣка благодаря сокращенію площади земли по отношенію къ населенію—и *необходимость* благодаря этому увеличивать интенсивность культуры земли, для полученія болѣе высокихъ урожаевъ. Если при *земельномъ просторѣ* не вводится интенсивная культура, то только потому, что дальнѣйшія затраты на ту же площадь земли менѣе производительны.

Г. Пѣшехоновъ съ этимъ не согласенъ, но, вмѣсто опроверженія, приводитъ анекдотъ объ Ахиллесѣ и черепахѣ. Было бы

гораздо убѣдительнѣе, если бы критикъ, прежде чѣмъ острить, постарался доказать фактами, что при обиліи земли, при земельномъ просторѣ интенсивная культура хлѣбовъ или травъ выгоднѣе и гдѣ-нибудь существуетъ; *что малоземелье выгоднѣе, чѣмъ многоземелье*, такъ какъ при малоземельи по необходимости вводится интенсивная культура *), при которой, по мнѣнію г. Пѣшехонова, трудъ производительнѣе.

При увеличеніи населенія и при сокращеніи площади земли по отношенію къ населенію, послѣднее для полученія необходимыхъ продуктовъ земледѣлія вынуждено прибѣгать къ интенсификаціи хозяйства **). Это ведетъ къ паденію производительности труда. Но человѣчество можетъ пользоваться техническимъ прогрессомъ для *увеличенія* производительности труда. Благодаря этому въ тѣхъ странахъ, гдѣ населеніе увеличивается, но въ то же время прогрессируетъ и техника, производительность земледѣльческаго труда не только не падаетъ, но повышается. Въ Россіи въ нѣкоторыхъ районахъ (въ центральномъ черноземномъ) техника не прогрессируетъ и, при ростѣ населенія, производительность труда падаетъ.

Въ опроверженіе изложенныхъ выше двухъ тенденцій развитія сельскаго хозяйства г. Пѣшехоновъ возражаетъ такъ: „Ну, а какъ же быть съ такимъ техническимъ улучшеніемъ, которымъ (!?) интенсивное хозяйство отличается отъ экстенсивнаго? Возьмемъ самое простое изъ такихъ техническихъ улучшеній“: трехкратную пахоту въ одномъ хозяйствѣ и двукратную въ другомъ? Этимъ убійственнымъ вопросомъ критикъ показалъ, что даже не потрудился заучить и запомнить изъ книги опредѣленія техническаго прогресса и культуры земли. Интенсивное хозяйство отличается отъ экстенсивнаго не техникой труда, а

*) „Когда скотъ пасется на нетронутыхъ плугомъ земляхъ, то трудъ, затрачиваемый на полученіе корма для скота, равняется нулю. Сдѣлать трудъ производительнѣе этого довольно трудно“. На это критикъ возражаетъ, что аргументъ такъ же убѣдителенъ, „какъ извѣстный ариѳметическій разсчетъ объ Ахиллесѣ и черепахѣ“. Остается только рекомендовать г. Пѣшехонову заняться пропагандой травосѣянія среди жителей Аргентины, Зап. Штат. Сѣв. Америки и нашихъ зауральскихъ степей. До статьи г. Пѣшехонова земледѣльцы и не знали, что сѣять траву гораздо производительнѣе, чѣмъ просто пасти скотъ въ полѣ.

**) Для культуры различныхъ растеній необходимъ различный minimum первоначальныхъ затратъ, послѣ котораго дальнѣйшая интенсификація является менѣе производительной. Для травы и лѣса этотъ minimum равенъ нулю, для злаковъ разрыхленіе почвы и т. д. Уже въ своей книгѣ я указывалъ, что г. Пѣшехоновъ сходится съ нововременскимъ фельетонистомъ, рекомендующимъ сокращеніе крестьянскихъ надѣловъ для интенсификаціи хозяйства. Чѣмъ меньше въ рукахъ крестьянъ клочки земли, тѣмъ больше (по отношенію къ площади) будетъ затрачиваться на нихъ труда. А интенсификація хозяйства, по мнѣнію г. Пѣшехонова, тождественна съ ростомъ производительныхъ силъ, съ техническимъ прогрессомъ: зачѣмъ же почтенный экономистъ упоминаетъ иногда о малоземельи? Да потому, очевидно, что не разобрался въ причинной связи явленій, о которой мы выше упоминали.

количествомъ его, затраченнымъ на данную площадь земли для увеличенія количества получаемаго съ нея продукта. Если обрабатывается 1/5 часть земли, а остальныя 4/5 послѣдовательно поступаютъ въ обработку, пока предыдущая „отдыхаетъ“ подъ выгономъ, то при одинаковой техникѣ (напр., при вспашкѣ,—желѣзнымъ плугомъ, при жнитвѣ,—машиной, при молотьбѣ,—молотилкой и т. д.) трудъ въ такомъ хозяйствѣ будетъ *производительнѣе*, чѣмъ при запашкѣ всей земли, т. е. каждый работникъ обработаетъ большую площадь и произведетъ больше хлѣба въ первомъ случаѣ, хотя при высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ послѣднее хозяйство будетъ выгоднѣе. Объясненіе этому можно найти въ теоріи земельной ренты.

Несмотря на болѣе низкіе урожаи, въ странахъ рѣже населенныхъ существуетъ экстенсивное, какъ болѣе производительное хозяйство, хотя никто бы не помѣшалъ тамъ интенсивному хозяйству: травосѣянію, удобренію и проч., если бы оно было болѣе производительно. Въ книгѣ нѣсколько разъ настойчиво повторяется, что нельзя смѣшивать производительность (урожайность) *земли* съ производительностью *труда*: первая повышается отъ увеличенія затратъ труда на землю, а производительность труда повышается отъ сокращенія его затратъ на добываніе единицы продукта благодаря техническому прогрессу.

Мы остановились такъ долго на опредѣленіи техническаго прогресса и культуры земли не потому, конечно, что г. Пѣшехоновъ не знаетъ того, о чемъ пишетъ, а потому, что, во-1-хъ, только указавши ихъ различіе возможно выяснить ошибку мальтузіанцевъ, которые принимаютъ во вниманіе одинъ факторъ развитія—интенсификацію хозяйства. Во-2-хъ, можно объяснить, почему сельское хозяйство экстенсивныхъ странъ побѣждаетъ въ конкурренціи страны съ интенсивнымъ хозяйствомъ, пользующіяся самой высокой техникой; почему американскій хлѣбъ вытѣсняетъ англійскій даже въ самой Англіи. Наконецъ, при *капиталистическомъ* строѣ двѣ противоположныя тенденціи сельскохозяйственнаго развитія ведутъ къ слѣдующимъ послѣдствіямъ. Капиталистическое хозяйство, стремясь къ увеличенію производительности труда ради повышенія прибыли, пользуется техническимъ прогрессомъ, сокращая затраты труда на единицу площади земли. Благодаря этому создается избыточное населеніе въ земледѣліи. Мелкое продовольственное хозяйство, вынужденное конкуррировать съ крупнымъ, пользуясь менѣе производительнымъ трудомъ, разоряется. Такимъ образомъ капитализмъ несетъ съ собою свойственныя ему противорѣчія, которыя тѣмъ бѣдственнѣе отражаются на населеніи, чѣмъ меньше индустрія отвлекаетъ избыточное населеніе изъ земледѣлія. Такъ какъ развитіе производительныхъ силъ—необходимое условіе хозяйственнаго развитія, то *при существованіи капиталистическихъ отношеній* крупное капиталистическое хозяйство побѣждаетъ про-

довольственное. Только при паденіи производительныхъ силъ послѣднее побѣждаетъ; но эта побѣда сопровождается остановкой хозяйственнаго развитія и даже регрессомъ. Изъ этого не слѣдуетъ, разумѣется, что капиталистическія отношенія вѣчны.

На такой *объективный* анализъ условій развитія сельскаго хозяйства критикъ чисто по-дѣтски возражаетъ: „а все-таки безъ капитализма лучше", „а все-таки продовольственное хозяйство лучше капиталистическаго, потому что оно хоть впроголодь, да кормитъ, а вашъ капитализмъ послѣдній кусокъ отнимаетъ" *). Здѣсь г. Пѣшехоновъ послѣдователенъ, и *эта* послѣдовательность—характерная черта отживающаго уже міровоззрѣнія: капитализмъ несетъ съ собой массу отрицательныхъ сторонъ и бѣдствій, *слѣдовательно* онъ не существуетъ, а если существуетъ, то по недоразумѣнію, и его побьетъ милое сердцу мелкое хозяйство. Если вы доказываете, что онъ имѣетъ въ общественныхъ условіяхъ данныя для своего развитія, значитъ вы поклонникъ капитализма, значитъ вы преклоняетесь передъ нимъ, и вамъ возражаютъ: „капитализмъ" „бяка" и вы самъ „бяка"!

Это можетъ быть мило звучитъ въ устахъ ребенка, но не въ серьезной статьѣ экономиста...

V.

Обсуждая далѣе условія, при которыхъ возможно дальнѣйшее развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи, г. Пѣшехоновъ даетъ читателю вмѣсто яснаго изложенія этихъ условій какую-то мѣшанину, въ которой не только читатель, но и самъ критикъ едва ли разберется. Поэтому я изложу вкратцѣ свою основную мысль.

Состояніе міроваго сельскаго хозяйства показываетъ, что страны съ интенсивнымъ хозяйствомъ ввозятъ хлѣбъ изъ странъ съ экстенсивнымъ хозяйствомъ. Въ первыхъ хлѣбъ обходится дороже. Интенсификація хозяйства выгодна лишь при расширеніи внутренняго рынка, при ростѣ городского населенія, при развитіи индустріи. Увеличеніе производительности земледѣльческаго труда возможно при относительномъ сокращеніи земледѣльческаго населенія, такъ какъ избыточное населеніе понижаетъ производительность земледѣльческаго труда, вытѣсняетъ машины

*) „Мелкое хозяйство предохраняетъ отъ *абсолютной* голодовки и даетъ возможность хотя и несытаго существованія", цитируетъ критикъ и добавляетъ: „и за то спасибо ему—это все-таки лучше, чѣмъ прямо умирать съ голоду". Еще говорятъ, что народничество разбито! Между тѣмъ какія истины еще оно оказалось способнымъ открыть! Только... развѣ кто споритъ противъ того, что лучше жить впроголодь, чѣмъ умереть съ голоду?

Или еще: „Если бы при данныхъ условіяхъ мнѣ предложили выборъ между продовольственнымъ хозяйствомъ и капиталистическимъ, я предпочелъ бы первое". У критика, несомнѣнно, добрыя чувства.

и служитъ матеріаломъ для хищнической и наиболѣе жестокой эксплоатаціи. Благопріятныя условія для развитія земледѣлія могутъ существовать только при развитіи въ странѣ индустріи, потому что развитіе индустріи и внутренняго рынка дѣлаетъ выгодной интенсификацію хозяйства и улучшеніе техники земледѣлія. По мѣрѣ развитія народнаго хозяйства растетъ потребность въ продуктахъ обрабатывающей промышленности. Вывозъ хлѣба въ обмѣнъ на продукты индустріи долженъ сокращаться съ увеличеніемъ населенія и съ увеличеніемъ интенсификаціи хозяйства: при интенсивномъ хозяйствѣ хлѣбъ стоитъ дороже и, какъ выше замѣчено, не вывозится изъ страны, такъ какъ не можетъ конкуррировать съ хлѣбомъ изъ экстенсивныхъ хозяйствъ. Между тѣмъ увеличеніе населенія и развитіе его производительныхъ силъ требуютъ все больше и больше продуктовъ обрабатывающей промышленности. Чтобы получать эти продукты изъ-за границы, требовалось бы вывозить все большее и большее количество дешеваго хлѣба. А получить больше хлѣба возможно лишь интенсификаціей хозяйства. Интенсификація хозяйства затрудняетъ конкурренцію съ экстенсивнымъ хозяйствомъ колоній. Поэтому старыя страны все болѣе и болѣе сокращаютъ вывозъ хлѣба; поэтому въ нихъ все большая и большая часть населенія переходитъ въ обрабатывающую промышленность. Чѣмъ большая площадь земли приходится на душу земледѣльческаго населенія, тѣмъ производительнѣе можетъ быть трудъ этого населенія. Развитіе индустріи сокращаетъ земледѣльческое населеніе, отвлекая его отъ земледѣлія промыслами. Чѣмъ большая часть населенія занята индустріей, тѣмъ большая площадь земли приходится на душу *земледѣльческаго* населенія, тѣмъ большій внутренній рынокъ открывается для продуктовъ земледѣлія, тѣмъ больше продуктовъ обрабатывающей промышленности производится для земледѣльческаго населенія. Такимъ образомъ развитіе производительныхъ силъ населенія возможно при перераспредѣленіи ихъ между индустріей и земледѣліемъ.

Къ этому теоретическому анализу распредѣленія производительныхъ силъ я присоединяю анализъ потребленія продуктовъ, производимыхъ страной.

Чѣмъ большая часть продуктовъ страны потребляется непроизводительно, напр., на милитаризмъ, тѣмъ больше задерживается развитіе производительныхъ силъ.

Покровительство обрабатывающей промышленности въ видѣ таможенной защиты не ведетъ къ развитію производительныхъ силъ и къ развитію индустріи, а содѣйствуетъ лишь обогащенію отдѣльныхъ группъ предпринимателей на счетъ разоренія другихъ. Этотъ выводъ многимъ покажется парадоксомъ, потому что предприниматели и ихъ идеологи всегда отождествляютъ „интересы промышленности“ съ своими собственными групповыми интересами. Между тѣмъ производительныя силы развиваются

не отъ того, что карманы массы потребителей опустошаются въ пользу одного-двухъ предпринимателей, а отъ увеличенія суммы производимыхъ продуктовъ. Г. Пѣшехоновъ легкомысленно повѣрилъ буржуазной идеологіи и восклицаетъ: „ради развитія производительныхъ силъ нами принесены уже обильныя жертвы!“ Принесены обильныя жертвы не ради развитія производительныхъ силъ, а ради ихъ остановки, ради наполненія кармановъ монопольныхъ предпринимателей и на непроизводительное потребленіе. Пора бы объ этомъ знать почтенному экономисту и не поддерживать тѣхъ предразсудковъ, которые съ такимъ усердіемъ пропагандируютъ различные промышленные съѣзды. Развитіе производительныхъ силъ и неизбѣжно и необходимо, а опустошеніе кармановъ потребителей не неизбѣжно и не необходимо.

Характеръ критики заставилъ меня остановиться на элементарныхъ положеніяхъ, которыя необходимо усвоить, чтобы разобраться въ программныхъ вопросахъ. Критикъ, выхвативши нѣкоторыя мысли изъ „тысячи думушекъ“, которыя онъ нашелъ въ книгѣ, не могъ разобрать „что къ чему“. Въ короткой статьѣ мы можемъ только бѣгло намѣтить связь между изложенными положеніями и практическими задачами, которыя могутъ ставиться обществомъ.

Существованіе двухъ противоположныхъ тенденцій развитія сельскаго хозяйства, при размноженіи населенія и при увеличеніи производства на рынокъ, приводитъ къ слѣдующимъ противорѣчіямъ. *Предприниматель*—сельскій хозяинъ стремится увеличить производительность труда, чтобы получить больше прибыли посредствомъ производства съ наименьшими затратами. Техническій прогрессъ является наиболѣе сильнымъ орудіемъ для удешевленія производства хлѣба и для побѣды крупнаго хозяйства въ борьбѣ съ мелкимъ. Но *землевладѣлецъ* получаетъ ренту не какъ предприниматель, а какъ собственникъ земли, ведетъ ли онъ хозяйство лично самъ, или сдаетъ землю въ аренду. Поэтому землевладѣлецъ, *какъ таковой*, не заинтересованъ въ техническомъ прогрессѣ, а заинтересованъ въ повышеніи ренты. Онъ можетъ, сдавая въ аренду свою землю, при благопріятныхъ условіяхъ повысить арендную плату, не прибѣгая къ техническимъ улучшеніямъ. Наиболѣе благопріятныя условія для сохраненія примитивной техники существуютъ въ такихъ районахъ и странахъ, гдѣ при мало развитой индустріи населеніе держится за землю, имѣя *недостаточно* ея для веденія на ней хозяйства, гдѣ населеніе вынуждено арендовать землю для поддержанія своего существованія. Поэтому паденіе или уничтоженіе земельной ренты, какъ особаго вида дохода землевладѣльца, могло бы послужить сильнымъ толчкомъ для техническаго прогресса, хотя бы и повела къ развитію капиталистическихъ крестьянскихъ хозяйствъ. При земельномъ просторѣ для земледѣльческаго насе-

ленія легче, при современныхъ условіяхъ, развиваются производительныя силы населенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаются условія для развитія капитализма въ земледѣліи.

Возраженія г. Пѣшехонова и „наглядныя несообразности", которыя онъ высказываетъ, вытекаютъ изъ его общихъ воззрѣній на экономическую дѣйствительность. Другой критикъ, г. Громанъ, „хорошей школы". Какъ „марксистъ", онъ гораздо легче оріентируется въ теоріи аграрнаго вопроса. Но, такъ какъ теорія аграрнаго вопроса вообще мало разработана и на многіе вопросы нѣтъ готовыхъ отвѣтовъ, то и г. Громанъ теряется и не можетъ во многомъ разобраться. Во всякомъ случаѣ, то, что есть въ 3-хъ томахъ „Капитала" Маркса, усвоено г. Громаномъ удовлетворительно; поэтому его возраженія заслуживали бы гораздо больше вниманія.

Размѣры статьи не позволяютъ остановиться на всѣхъ вопросахъ, затронутыхъ г. Громаномъ, такъ какъ каждый вопросъ требуетъ обстоятельнаго обсужденія, и здѣсь мы остановимся лишь на одномъ: на факторахъ хозяйственной эволюціи. Этотъ вопросъ мимоходомъ затронутъ и г. Іорданскимъ, рецензентомъ „Міра Божьяго" („М. Б.", IX, 1903 г.).

При анализѣ развитія индустріи вопросъ представляется гораздо проще, чѣмъ при анализѣ развитія земледѣлія. Въ индустріи мы видимъ тѣсную связь техническаго прогресса съ состояніемъ обрабатывающей промышленности и съ формами промышленныхъ предпріятій. Техническій прогрессъ исключительно опредѣляетъ то и другое. Въ земледѣліи мы видимъ нѣчто иное. Техническій прогрессъ, правда, имѣетъ также рѣшающее значеніе въ организаціи типа хозяйства, но *культура* хозяйства опредѣляется не только техникой, но и количествомъ населенія на данной площади земли.

Мы находимъ при одинаковыхъ *техническихъ* условіяхъ совершенно различную *культуру* земли въ зависимости отъ роста населенія. На далекихъ окраинахъ существуетъ дикое скотоводческое хозяйство какъ у номадовъ, такъ и у цивилизованныхъ націй, потому что тамъ наименьшая плотность населенія. Въ болѣе населенныхъ районахъ мы видимъ экстенсивное хозяйство съ различной техникой. Наконецъ, въ наиболѣе плотно населенныхъ районахъ мы видимъ интенсивное хозяйство какъ въ странахъ съ развитой техникой, напр., въ Англіи, такъ и въ странахъ отсталыхъ (Китай).

Въ настоящее время развитіе капитализма, огромный техническій прогрессъ и связанное съ этимъ необычайное развитіе путей сообщенія ослабили еще вліяніе роста населенія на культуру земли, такъ какъ хлѣбъ можетъ перевозиться на далекія разстоянія изъ рѣже населенныхъ районовъ въ болѣе населенные. Тѣмъ не менѣе и при такихъ условіяхъ ясно видно вліяніе роста населенія на культуру хозяйства.

Не задаваясь вопросомъ о томъ, который изъ двухъ факторовъ „важнѣе“, мы во всякомъ случаѣ можемъ констатировать вліяніе двухъ факторовъ на развитіе земледѣльческаго хозяйства, техническаго прогресса и роста народонаселенія. *Только принимая во вниманіе оба эти фактора* возможно выяснить условія развитія сельскаго хозяйства. Но г. Громану указаніе на эти два фактора кажется еретическимъ, да и г. Іорданскій не одобряетъ, что мною принимается во вниманіе ростъ населенія. Правда, до сихъ поръ экономистами не анализировались *отдѣльно* культура земли и техника земледѣлія, а, слѣдовательно, и ихъ значеніе, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что этого не нужно было и дѣлать. Если культура земли можетъ быть различной при одинаковой техникѣ и одинаковая культура земли — при различной техникѣ, то необходимо анализировать условія развитія культуры земли и техническаго прогресса. Оказывается, что при развитіи земледѣлія на *культуру* земли имѣлъ огромное вліяніе ростъ населенія. Этотъ фактъ нисколько не умаляетъ значенія техническаго прогресса, такъ какъ безъ него ростъ населенія возможенъ только до извѣстныхъ предѣловъ. (Слѣдовательно, ростъ населенія „второстепенный факторъ“, если говорить о ихъ важности). Критики находятъ признаніе двухъ факторовъ хозяйственнаго развитія (развитіе производительныхъ силъ и ростъ населенія) не ортодоксальнымъ, но не сдѣлали никакой попытки опровергнуть изложенную точку зрѣнія. Ортодоксально или неортодоксально констатированіе вліянія роста населенія на культуру земли — вопросъ не важный, а важно точно выяснить значеніе того и другого фактора. Я думаю, что изложенное въ книгѣ рѣшеніе вопроса „ортодоксально“ потому, что правильно..

Читатель легко можетъ замѣтить, что всѣ выше затронутые вопросы находятся въ тѣсной связи, и изложенные выводы логически вытекаютъ одинъ изъ другого.

Ростъ населенія побуждаетъ съ той же площади земли получать все больше и больше продуктовъ земледѣлія. Производительность труда въ земледѣліи падала *бы*, продукты труднѣе было бы доставать, если бы человѣчество не пользовалось техническимъ прогрессомъ для увеличенія производительности труда. Двѣ противоположныя тенденціи развитія хозяйства (паденіе производительности труда при интенсификаціи хозяйства и увеличеніе производительности труда отъ техническаго прогресса), вызванныя двумя указанными факторами, ведутъ къ противоположнымъ результатамъ при организаціи хозяйства въ капиталистическомъ обществѣ. При техническомъ прогрессѣ организуются болѣе крупныя хозяйства, такъ какъ только въ нихъ и возможно значительное увеличеніе производительности

труда, и такъ какъ растетъ *капиталистическая* рента. При отсутствіи техническаго прогресса, при объдніи населенія сохраняются мелкія продовольственныя хозяйства, и растетъ продовольственная рента, а падаетъ капиталистическая.

П. Масловъ.

Къ вопросу объ эволюціи русскаго крестьянства.

I.

Эпигоны нашего народничества, вспоминая столь нелюбимое ими идейное теченіе, связанное съ именемъ Маркса, приписываютъ ему обыкновенно массу болѣе или менѣе тяжкихъ грѣховъ. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ забвеніе мужика. Источникомъ этихъ обвиненій является простое „неразумѣніе“; но въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло и съ фактической невѣрностью. Въ девяностые годы прошлаго вѣка, когда сказанное теченіе особенно широко и сильно захватило нашу интеллигенцію, вопросомъ о соціально-экономической структурѣ крестьянства и о его роли въ хозяйственной жизни страны занимались очень много. Это былъ, можно сказать, кардинальный вопросъ въ изученіи экономической жизни Россіи, а вѣдь такое изученіе клалось въ основу „программы“. Литературнымъ отраженіемъ этого интереса къ крестьянству явился цѣлый рядъ книгъ *) и журнальныхъ статей. Большинство ихъ носило полемическій характеръ, такъ какъ прежде всего нужно было очистить вопросъ отъ нароста народническихъ фантазій и утопій и поставить его на реальную почву. Общественное значеніе работы „учениковъ“ по критическому пересмотру народническаго міровоззрѣнія, на нашъ взглядъ, громадно, и его лѣтъ пять назадъ не боялись признавать и на страницахъ „Русскаго Богатства“, которыя теперь гостепріимно открыты для реставрированія народническихъ взглядовъ. „Въ самые послѣдніе годы“, читаемъ въ этомъ журналѣ,—„у насъ появилось теченіе, которое можно назвать антинародническимъ. Употребляемъ этотъ отрицательный терминъ потому, что полагаемъ, не положительная сторона теоріи создала ей видимый успѣхъ... Нѣтъ, главная причина успѣха новаго ученія заключалась, по нашему мнѣнію,

---

*) Называемъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Критическія замѣтки“ Струве, „Экономическое положеніе русской деревни“ Гурвича, „Обоснованіе народничества“ Волгина, „Развитіе капитализма въ Россіи“ Ильина, „Ростовщичество-кулачество“ Гвоздева.

въ его отрицательной сторонѣ, въ той страстной критикѣ, съ какой оно обрушилось на наше современное, шаблонное и устарѣлое народничество, возложившее всѣ упованія на трехъ китовъ земли русской (общину, артель и кустарные промыслы) и побѣдоносно успокоившееся на лонѣ „малыхъ дѣлъ“ и „симпатичныхъ начинаній“... Битвы между этой послѣдней партіей (марксизмомъ) и нынѣшними народниками еще у всѣхъ въ памяти. И нужно сознаться, что народники, несмотря на всѣ ошибки и нелѣпости противниковъ, не вышли изъ этой борьбы побѣдителями“... (П. Ф. Гриневичъ „Итоги двухъ юбилеевъ“. „Русск. Богатство“, 1898 г. № 8). Но на ряду съ признаніемъ за „учениками“ нѣкоторой заслуги, въ качествѣ критиковъ народничества, г. Гриневичъ относится, конечно, отрицательно къ „положительной сторонѣ новаго ученія“, которую онъ наивно представляетъ какъ „призывъ идти на выучку къ капитализму, мечту—переварить въ фабричномъ котлѣ русское крестьянство, готовность привѣтствовать количественный ростъ гаршиновскихъ „глухарей“ и т. д. Вздорность такого представленія, раздѣлявшагося въ большей или меньшей степени многими, если не всѣми, противниками „учениковъ“, достаточно была выяснена въ литературѣ, чтобы здѣсь останавливаться на этомъ вопросѣ. Констатированіе фактическаго положенія вещей, неизбѣжности извѣстнаго экономическаго процесса, причемъ указывались „прогрессивныя“ стороны его, т. е. тѣ стороны, опираясь на которыя, возможно содѣйствовать дальнѣйшему общественному развитію, трактовалось, какъ „фатализмъ“ или какъ апологія современнаго общественно-экономическаго строя *).

Въ частности по отношенію къ крестьянству установленные „новымъ“ ученіемъ взгляды въ немногихъ словахъ могутъ быть формулированы такъ. Крестьянство втянуто въ круговоротъ капиталистическаго національнаго (а стало быть и мірового) хозяйства. Крестьянское хозяйство утратило присущій ему когда-то натуральный характеръ, —оно стало товарно-денежнымъ, а крестьянинъ изъ производителя продуктовъ для потребленія его семьи превратился въ производителя товаровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и существовавшая нѣкогда въ большей или меньшей степени экономическая однородность массы крестьянскихъ хозяйствъ. Товарно-капиталистическія отношенія, вторгнувшіяся въ жизнь деревни, внесли въ нее элементъ борьбы, конкурренціи, и на этой почвѣ произошло разслоеніе крестьянства: въ сферѣ земледѣлія образовался на одномъ полюсѣ слой сельскихъ пролетаріевъ-батраковъ, на другомъ—слой мелкой сельской буржуазіи; неземледѣльческіе, кустарные промыслы, уцѣлѣвшіе еще отъ конкуррен-

*) Мы признаемъ, что въ пылу полемики нѣкоторыми авторами изъ рядовъ „учениковъ“ были брошены неудачныя фразы, затемнявшія истинный характеръ ихъ программы. Однако, это не можетъ оправдать сознательнаго или безсознательнаго искаженія этой программы со стороны ея критиковъ.

и съ фабрикой, превратились или въ такъ называемую домашнюю форму крупной капиталистической промышленности, или ь мелкую капиталистически-организованную промышленность; ютвѣтственно этому кустарь сталъ замаскированнымъ или незамаскированнымъ рабочимъ, работающимъ на контору фабрики хозяйчика" или скупщика. Разумѣется, между этими полярными кономическими слоями крестьянства мы находимъ рядъ среднихъ переходныхъ группъ. Эта экономическая дифференціація рестьянства является неизбѣжнымъ результатомъ превращенія натурально-потребительскихъ крестьянскихъ хозяйствъ въ товарноенежныя и знаменуетъ собой разложеніе стараго крестьянства а различные общественные классы съ противорѣчивыми во ногомъ экономическими интересами. Отъ этого разложенія не пасутъ „самобытныя" экономическія формы — община и артель, оставляющія якобы особенность русскаго народа; всякіе же ридическіе тормозы этому процессу только создаютъ уродлиыя болѣзненныя формы его проявленія, въ видѣ, напримѣръ, ышнаго расцвѣта ростовщичества и кулачества. Изложенные олько что взгляды на крестьянство опираются не только на теоретическій анализъ условій товарно-капиталистическаго хозяйтва и на знакомство съ эволюціей болѣе старыхъ по культурѣ транъ Западной Европы; они основаны также на изученіи фактическихъ данныхъ, главнымъ образомъ, матеріаловъ земской татистики. Однако, и сказанный теоретическій анализъ игралъ ь ихъ построеніи важную роль. Это послѣднее обстоятельство аетъ поводъ народникамъ упрекать „учениковъ" въ апріорности предвзятости ихъ воззрѣній на крестьянское хозяйство, въ еренесеніи на послѣднее теоретическихъ положеній, основанныхъ а изученіи якобы совершенно чуждыхъ намъ формъ экономиеской жизни и т. п. Въ дѣйствительности, однако, плодотворое изслѣдованіе конкретныхъ экономическихъ явленій возможно олько при свѣтѣ опредѣленной экономической теоріи, а та путаница и туманность воззрѣній нашихъ народниковъ на жизнь еревни, которыя господствуютъ въ ихъ изслѣдованіяхъ, въ значительной мѣрѣ объясняются тѣмъ, что въ послѣднихъ ясныя еоретическія предпосылки или совсѣмъ отсутствуютъ, или замѣняются „отсебятиной".

Сказаннымъ выше о работахъ представителей „новаго" направленія въ сферѣ изученія крестьянскаго хозяйства, мы отнюдь е хотимъ утверждать, что „ученики" исчерпывающимъ образомъ зслѣдовали соціально-экономическую жизнь современной русской деревни и тѣ процессы, которые въ ней совершаются. Для акого изученія, пожалуй, не собранъ еще и достаточный статистическій матеріалъ. Но и тотъ матеріалъ, который есть, использованъ далеко не весь. Этому мѣшали многія причины, и въ числѣ хъ малая доступность статистическихъ матеріаловъ: они страдаютъ отрывочностью, неполнотой и неоднородностью, и все это

дѣлаетъ сводку ихъ крайне трудной, подчасъ даже невозможной. Какъ бы тамъ ни было, но крестьянское хозяйство изучено далеко не полно, а многія положенія, установленныя „учениками" относительно его, отличаются слишкомъ большой схематичностью. Можно сказать, что установлены исходныя точки изслѣдованія, констатированы общіе принципы и тенденціи экономической эволюціи крестьянства, но сферы распространенія тѣхъ или другихъ явленій, конкретныя соціальныя формы, въ которыя отливаются экономическіе процессы въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, причины различія этихъ формъ—далеко еще не изучены. Это дальнѣйшее изученіе должно быть, конечно, направлено на существующіе уже статистическіе матеріалы, которые до сихъ поръ не подвергались еще научной разработкѣ; но оно несомнѣнно нуждается и въ новыхъ матеріалахъ, чтобы освѣтить многіе процессы, до сихъ поръ еще совсѣмъ или почти не затронутые нашей статистикой. Когда мы говоримъ о статистикѣ, мы имѣемъ въ виду почти исключительно земскую статистику: въ сущности это—единственный органъ, который до сихъ поръ пытался болѣе или менѣе полно и систематично изслѣдовать народную жизнь; заслуги земской статистики въ этомъ изслѣдованіи и, въ частности, въ изученіи той экономической дифференціаціи крестьянства, о которой мы упоминали выше, безспорны *), и можно только пожелать дальнѣйшаго развитія земскихъ статистическихъ работъ. Въ настоящее время это особенно важно потому, что многія земства произвели, а другія—должны произвести повторныя переписи крестьянскихъ хозяйствъ. Разработка этихъ переписей, понятно, можетъ пролить свѣтъ на многіе спорные еще вопросы экономической эволюціи крестьянства.

Послѣ той критической работы, которая была совершена поколѣніемъ девяностыхъ годовъ, можно было ожидать, что

*) Одинъ изъ земскихъ статистиковъ отрекается отъ этихъ заслугъ. Процитировавъ изъ нашей статьи, напечатанной въ „Началѣ", слѣдующія фразы: „Какія бы стороны жизни деревни мы ни разсматривали, для правильнаго пониманія ихъ необходимо имѣть въ виду, что крестьянство давно перестало быть экономически однородной массой, что эта масса распалась уже на отдѣльные слои съ экономическими признаками отдѣльныхъ классовъ. Констатированіе экономической дифференціаціи деревни составляетъ одну изъ безспорныхъ заслугъ нашей земской статистики", онъ утверждаетъ, что „констатированіе „дифференціи деревни", если и представляетъ чью-либо заслугу, то едва ли земской статистики, которая въ данномъ вопросѣ отличалась обыкновенно большою осторожностью и говорила о „группахъ" и „типахъ", но не о „классахъ" (въ строго опредѣленномъ смыслѣ этого слова"). (Н. Н. Черненковъ. „Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства". „Саратовская Земская Недѣля" 1902 г. № 5).

Мы не знаемъ, конечно, на сколько статистики сознавали значеніе тѣхъ выводовъ, которые неизбѣжно вытекали изъ ихъ „группировокъ" и „комбинацій" крестьянскихъ хозяйствъ по „экономическимъ признакамъ". Но это, конечно, не мѣняетъ вывода, а выводъ можетъ быть сдѣланъ одинъ: деревня экономически „дифференцировалась", распалась на экономически-противоположные слои, какъ бы ихъ ни называть—„группы", „типы" или „классы".

установленныя тогда общія положенія относительно экономики крестьянства лягутъ въ основу дальнѣйшаго изученія крестьянскаго хозяйства, и намъ не придется быть свидѣтелями реставрированія народническихъ взглядовъ, казалось бы, давно опровергнутыхъ и жизнью, и литературой. Однако, дѣйствительность далеко не оправдываетъ этихъ ожиданій.

Волна общественнаго теченія, такъ широко захватившаго нашу интеллигенцію въ девяностые годы, отлила. Отливъ этотъ, пожалуй, представляетъ явленіе вполнѣ естественное, и, во всякомъ случаѣ, теченіе отъ этого не проиграло, а скорѣе выиграло: правда, оно стало менѣе широко, но глубже и опредѣленнѣе. И здѣсь произошла и происходитъ дифференціація: тѣ представители интеллигенціи, которые примкнули къ идеологіи опредѣленнаго общественнаго класса только или главнымъ образомъ потому, что въ теченіи, развившемся въ девяностые годы, видѣли выходъ изъ общественнаго застоя, а не въ силу духовнаго родства съ сказаннымъ классомъ, отошли отъ него и драпируются теперь въ „общечеловѣческіе" идейные плащи всякихъ цвѣтовъ и покроевъ, вплоть до мистической черной рясы... Но если отъ такой метаморфозы не проигрываетъ движеніе, то едва ли это можно сказать о нашей интеллигенціи: въ ея лексиконѣ прибавилось нѣсколько „забытыхъ" словъ, и какъ скоро забытыхъ.

Особенно нежелательна такая забывчивость въ той области, которая насъ сейчасъ спеціально интересутъ. Въ послѣднее время деревня заставляетъ думать и говорить о себѣ особенно много. Но совершенно очевидно, что для всякой дѣятельности въ деревнѣ, для всякихъ практическихъ мѣропріятій прежде всего необходимо ясное представленіе объ экономической структурѣ крестьянства и о значеніи тѣхъ измѣненій, которыя въ ней происходятъ. Между тѣмъ именно въ послѣдніе годы въ нашей литературѣ появляется рядъ произведеній, пытающихся, правда еще не достаточно смѣло, воскресить народническія утопіи относительно соціально-экономической роли крестьянства. Въ числѣ этихъ произведеній особенно заслуживаютъ быть отмѣченными статьи г. Черненкова „Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства" („Саратовская Земская Недѣля", 1900 г., №№ 11 — 32 и 1902 г. № 5) и г. Пѣшехонова „Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства" („Русское Богатство", 1902 г., №№ 9 и 10). Оба автора извѣстны своими работами въ земской статистикѣ и въ названныхъ статьяхъ для подтвержденія своихъ положеній пользуются статистическими данными. Единомысліе между г. Черненковымъ и г. Пѣшехоновымъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ выводахъ, полное, и указанныя статьи дополняютъ одна другую, а обѣ вмѣстѣ даютъ представленіе о тѣхъ взглядахъ на крестьянское хозяйство и соціальную роль крестьянина, которые эпигоны нашего народничества усиленно стараются внѣдрить въ умы современнаго интеллигентнаго поколѣнія.

Изложить въ общихъ чертахъ эти взгляды мы и постараемся сейчасъ. Однако, заранѣе оговариваемся, что мы не намѣрены здѣсь подвергать критикѣ статистическій матеріалъ, приведенный въ вышеуказанныхъ статьяхъ, и тѣ пріемы пользованія имъ, которые употребляютъ авторы для полученія своихъ выводовъ. Заняться здѣсь такой критикой, какъ ни интересна она, не позволяетъ намъ мѣсто, да и она слишкомъ бы удалила насъ отъ цѣли настоящей статьи. Цѣль же эта—познакомить читателей съ нѣкоторыми новыми статистическими данными, проливающими свѣтъ на крестьянское хозяйство и его эволюцію; и изложеніе взглядовъ нашихъ народниковъ мы дѣлаемъ лишь для того, чтобы яснѣе противоставить имъ наши выводы.

II.

Обѣ названныя статьи носятъ критическій и даже полемическій характеръ, и ни одна изъ нихъ не даетъ хоть сколько-нибудь исчерпывающей характеристики крестьянскаго хозяйства*).

Однако основныя предпосылки авторовъ въ изслѣдованіи даннаго вопроса выясняются довольно опредѣленно, чего нельзя сказать о многихъ ихъ выводахъ.

Въ статьѣ Н. Н. Черненкова „Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства“ скорѣе дается постановка вопросовъ этого хозяйства, чѣмъ ихъ рѣшеніе. Но изъ самой постановки вопросовъ и сопровождающей ее критики существующихъ отвѣтовъ на нихъ довольно ясно просвѣчиваютъ взгляды самого автора. Г. Черненковъ начинаетъ съ указанія на неизученность крестьянскаго хозяйства: „Русская научно-теоретическая мысль... оказывалась... до сихъ поръ совершенно безсильною *овладѣть* (въ научномъ смыслѣ) всею совокупностью имѣющихся данныхъ, *понять* и *точно установить* основные принципы и тенденціи крестьянскаго хозяйства,... создать согласованную съ совокупностью фактическихъ матеріаловъ „*теорію*“ *крестьянскаго хозяйства*, принимающую въ соображеніе какъ специфическія черты этого типа хозяйства (въ наиболѣе чистомъ его видѣ), такъ и черты сходства его съ другими хозяйственными типами“... (курсивъ вездѣ автора). Вмѣсто такой научной теоріи крестьянскаго хозяйства, какъ „особаго типа“, существуютъ „облеченныя въ форму несомнѣнныхъ и установленныхъ истинъ ходячія обобщенія изъ отрывочныхъ наблюденій“ или же „построенія, сдѣланныя à priori, нерѣдко при томъ на основаніи данныхъ, относящихся къ другимъ типамъ

*) Въ частности работа Н. Н. Черненкова не окончена: 4 главы ея были напечатаны въ „Саратовской Земской Недѣлѣ“ въ 1900 г. (№№ 11—32), а пятая глава появилась въ пятой книжкѣ того же журнала за 1902 г. Въ этой послѣдней главѣ намѣченъ планъ дальнѣйшаго изслѣдованія, исполненіе котораго до сихъ поръ не опубликовано.

хозяйственнаго строя, и вносимыя въ сферу нашего крестьянскаго хозяйства какъ бы извнѣ (?) и болѣе или менѣе насильственно (?), часто игнорируя весьма важныя его стороны и особенности“ *). Какъ видно изъ дальнѣйшаго содержанія статьи г. Черненкова, „эти „ходячіе“ и не обоснованные взгляды принадлежатъ, главнымъ образомъ, представителямъ „новаго“ направленія и тѣмъ авторамъ другихъ направленій, которые высказывали на нѣкоторые вопросы крестьянскаго хозяйства аналогичныя воззрѣнія.

Если такъ плохо изучена статика крестьянскаго хозяйства, то изученіе динамики его еще почти не начато. Между тѣмъ накапливаются матеріалы по повторнымъ переписямъ крестьянскихъ хозяйствъ, которые „позволяютъ, во-первыхъ, произвести фактическую провѣрку наличныхъ представленій о происходящихъ въ немъ процессахъ и, во-вторыхъ, подвергнуть болѣе глубокому и детальному анализу многія стороны и явленія въ области крестьянскаго хозяйства, которыя до сихъ поръ оставались какъ бы въ тѣни, хотя они и представляются крайне важными для уясненія основныхъ чертъ и тенденцій этого хозяйства, а слѣдовательно и для надлежащаго разграниченія въ современномъ крестьянскомъ хозяйствѣ явленій и тенденцій, свойственныхъ ему, *какъ таковому* (курсивъ автора), отъ явленій и тенденцій, порождаемыхъ окружающей его въ данное время общей экономической атмосферой“. . **).

Итакъ, крестьянство — особый соціальный типъ, и при изученіи крестьянскаго хозяйства необходимо различать процессы, свойственные ему, „*какъ таковому*“, отъ процессовъ, возникающихъ подъ „внѣшними“ вліяніями „общей экономической атмосферы“ — вотъ первая и основная предпосылка автора въ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства.

Въ томъ же смыслѣ, но еще болѣе опредѣленно ***) высказывается г. Пѣшехоновъ. Статью „Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства“ онъ также начинаетъ съ заявленій, что „въ сферѣ крестьянскихъ отношеній для насъ еще много неяснаго“ и что „крестьянство, какъ соціологическій фактъ, до сихъ поръ не получило надлежащаго себѣ истолкованія, а какъ соціальный

---

*) „Къ характеристикѣ крестьянскаго хозяйства“ „Сар. Нед.“ 1900 г. №№ 11—32, стр. 1—2.

**) Ibid, стр. 4—5.

***) Необходимо отмѣтить, что при солидарности главныхъ взглядовъ цитируемыхъ авторовъ, характеръ ихъ статей различенъ: г. Черненковъ высказываетъ свои положенія въ видѣ вопросовъ, г. Пѣшехоновъ декретируетъ ихъ: г. Черненковъ даетъ подчасъ мастерской анализъ цифроваго матеріала относительно нѣкоторыхъ сторонъ крестьянской жизни въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, г. Пѣшехоновъ цифрами только иллюстрируетъ свои положенія, кокетливо извиняясь передъ читателями, что ему свою статью „придется наполнить сухими цифрами“; отъ этого выводы г. Пѣшехонова категоричнѣе, чѣмъ г. Черненкова, и... голословнѣе.

факторъ—надлежащей оцѣнки". И это несмотря на то, что „еще недавно многимъ эти вопросы казались совершенно ясными. Крестьянство разсматривалось, какъ обломокъ прошлаго, быстрое исчезновеніе котораго несомнѣнно и желательно... Жизнь не замедлила, однако, убѣдить, что этотъ непрочный, ненужный и неважный, какъ казалось, обломокъ обладаетъ неимовѣрной (?) живучестью, а по своему соціальному вѣсу *можетъ перевѣсить всѣ другіе классы въ совокупности*" (курсивъ нашъ). Оставляя въ сторонѣ весьма оригинальное и, прибавимъ, далекое отъ истины изложеніе взглядовъ на крестьянство „учениковъ", отмѣтимъ, что здѣсь крестьянство противополагается „всѣмъ другимъ классамъ въ совокупности", уже какъ особый соціальный классъ *); и первыя пять главъ своей статьи г. Пѣшехоновъ посвящаетъ изложенію тенденцій хозяйственной жизни этого класса, какъ таковаго, „теоріи" крестьянскаго хозяйства, „органическимъ свойствамъ того строя соціальныхъ отношеній, который мы называемъ крестьянствомъ", а въ остальныхъ главахъ излагается „практика крестьянскаго хозяйства", т. е. результаты воздѣйствія „внѣшнихъ условій крестьянскаго существованія".

Каковы же „органическія свойства" хозяйственной жизни крестьянства, какъ особаго класса?

Крестьянскій „дворъ" есть соединеніе семьи и хозяйства. Понятіе о крестьянскомъ дворѣ, какъ „семьѣ-хозяйствѣ" и должно служить „руководящей нитью" въ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства. „Это понятіе, конечно, болѣе или менѣе апріорное или „предвзятое"; но, какъ извѣстно, безъ всякихъ „предвзятыхъ" понятій плодотворное изученіе фактическихъ матеріаловъ совершенно невозможно; важно только, чтобы эти „предвзятыя" понятія, во-первыхъ, были заимствованы, по возможности, изъ сферы тѣхъ же явленій или объектовъ наблюденія, къ которымъ они затѣмъ прилагаются, а не изъ какой-либо иной области, а, во-вторыхъ, примѣнялись бы къ дѣлу вполнѣ сознательно, т. е. именно въ качествѣ сознательно принятыхъ *исходныхъ предвзятыхъ* представленій, которыя должны помочь разобраться въ фактическихъ данныхъ и должны быть немедленно же отброшены, видоизмѣнены и дополнены, если эти фактическія данныя окажутся съ ними въ той или иной мѣрѣ несогласными" **).

*) Мы не можемъ не отмѣтить страннаго, на нашъ взглядъ, противорѣчія. Признаніе крестьянства особымъ классомъ или особымъ соціальнымъ типомъ основной народническій принципъ, старый, какъ само народничество, и въ теченіе десятилѣтій крестьянское хозяйство изучалось именно исходя изъ этого принципа. Откуда же то незнаніе крестьянства, на которое такъ единодушно указываютъ оба цитируемыхъ автора? Вѣдь тѣ ереси и заблужденія, которыя внесли въ изученіе „теоріи и практики" крестьянскаго хозяйства „ученики", отвергнувшіе вышеизложенный принципъ, относятся къ послѣднимъ 10 — 15 годамъ. Кстати, срокъ не совсѣмъ, пожалуй, достаточный, чтобы доказать „неимовѣрную живучесть" крестьянства.

**) „Сарат. Земск. Недѣля", 1902 г. № 5, статья г., Черненкова, стр. 36.

Такъ довольно осторожно и вмѣстѣ съ тѣмъ неопредѣленно высказывается г. Черненковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, почему соединеніе семьи и хозяйства (предпріятія) составляетъ отличительную черту крестьянства, какъ „особаго соціальнаго типа"? Вѣдь такое соединеніе мы наблюдаемъ во всякой мелкой промышленности,—и у ремесленниковъ, и у мелкихъ предпринимателей—промышленниковъ и торговцевъ. Недоумѣніе это разъясняетъ г. Пѣшехоновъ.

„Семья, — говоритъ онъ, — а именно рабочій составъ ея, является важнѣйшимъ факторомъ хозяйства; та же семья, — а именно потребительными своими нуждами,—опредѣляетъ конечныя его цѣли; она же несетъ на себѣ всѣ послѣдствія той или иной его организаціи. Важнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ крестьянскаго хозяйства, какъ особой формы соціально-экономическихъ отношеній, и служитъ то именно обстоятельство, что оно существуетъ при посредствѣ семьи и ради семьи. Это одна изъ формъ объединенія (до извѣстной... степени) въ одномъ и томъ же субъектѣ, а именно въ нѣкоторой коллективной единицѣ,—предпринимателя и рабочаго, производителя и потребителя... Изучая послѣднее (крестьянское хозяйство), мы не только можемъ, но и обязаны исходить изъ представленія о крестьянскомъ дворѣ, какъ объ ячейкѣ, не только совмѣщающей въ своихъ нѣдрахъ, но и объединяющей въ нѣчто цѣльное и единое семью и хозяйство" *).

Итакъ, цѣль крестьянскаго хозяйства удовлетвореніе „потребительныхъ нуждъ" семьи — въ противоположность мелкимъ предпріятіямъ товарно-капиталистическаго типа, гдѣ цѣлью является расширеніе предпріятія, накопленіе капитала.

Но факты говорятъ, что крестьянская семья—точно такъ же, какъ хозяйство,—не однородна и не неподвижна. Каковы же органическіе процессы, совершающіеся въ нѣдрахъ крестьянства, какъ совокупности семей-хозяйствъ?

Н. Н. Черненковъ на основаніи, главнымъ образомъ, данныхъ повторной переписи крестьянскихъ хозяйствъ въ 6 волостяхъ Петровскаго уѣзда, а также нѣкоторыхъ другихъ статистическихъ матеріаловъ по Саратовской и Орловской губерніямъ приходитъ къ заключенію, что крестьянская семья имѣетъ тенденцію сохранить средній — для данной мѣстности и даннаго разряда **) крестьянъ—размѣръ; въ отдѣльныхъ группахъ семей происходятъ, конечно, перемѣны: однѣ семьи мельчаютъ и вымираютъ, другія, наоборотъ, растутъ, третьи дробятся путемъ раздѣловъ, но раздѣлы стоятъ въ прямой связи съ ростомъ на-

*) „Русск. Богатство", 1902 г., № 9. „Изъ теоріи и практики крестьянскаго хозяйства", стр. 179.

**) Подъ разрядами здѣсь разумѣется то дѣленіе крестьянъ, которое соотвѣтствуетъ еще дореформенной эпохѣ: бывшіе государственные, удѣльные помѣщичьи и т. д.

селенія и величиной семейнаго состава; въ результатѣ же этихъ „молекулярныхъ“ процессовъ средняя величина семьи остается неизмѣнной. Объясненіе этому явленію г. Черненковъ видитъ въ томъ, что современная *средняя* крестьянская семья достигла „физическаго minimum'а своего состава“: наиболѣе распространенная средняя крестьянской семьи 6 человѣкъ; при такомъ числѣ членовъ семья является „простой“, т. е. состоитъ изъ одной брачной пары или же двухъ паръ, изъ которыхъ молодая пара наслѣдуетъ старой.

Этотъ эмпирическій выводъ, къ обобщенію котораго г. Черненковъ относится съ осторожностью, г. Пѣшехоновъ возвелъ въ теорію, въ законъ хозяйственной жизни крестьянъ.

Усмотрѣвъ изъ заимствованныхъ у г. Черненкова вышеупомянутыхъ данныхъ повторной переписи по 6 волостямъ Петровскаго уѣзда, что дѣлятся главнымъ образомъ крупныя семьи, а вымираютъ или уходятъ на сторону преимущественно мелкія,— г. Пѣшехоновъ заключаетъ, что „всѣ эти процессы дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же направленіи, приводятъ къ исчезновенію старыхъ хозяйствъ, по своему семейному составу уклонившихся отъ средняго типа для данной мѣстности, и къ возникновенію новыхъ, соотвѣтствующихъ или, по крайней мѣрѣ, приближающихся къ этому типу... Такимъ образомъ процессъ обновленія крестьянскихъ хозяйствъ... имѣетъ ясно выраженную общую тенденцію: при его посредствѣ жизнь стремится всѣ наличныя хозяйства данной мѣстности со стороны ихъ семейнаго состава привести къ одному уровню, къ *середнему* (курсивъ автора) типу... Это тяготѣніе крестьянскихъ хозяйствъ *къ серединѣ, а не къ краямъ* (курсивъ автора), могло быть вскрыто нами внѣ связи съ какими-либо временными или мѣстными условіями, оно вытекаетъ изъ самой природы крестьянскаго двора, или, правильнѣе, изъ лежащей въ его основѣ семьи, неустанно стремящейся къ устойчивому равновѣсію и цѣлостному единству *). Но сфера дѣйствія этого вновь открытаго удивительнаго закона крестьянской жизни— тяготѣніе къ серединѣ—не ограничивается семьей: „Дворъ... является носителемъ не только семейныхъ, но хозяйственныхъ функцій крестьянскаго населенія. Мы въ правѣ поэтому ожидать, что вліяніе отмѣченной тенденціи сказывается не только въ сферѣ семейно-бытовыхъ, но и въ области соціально-экономическихъ отношеній“ **).

Иллюстрировавъ далѣе нѣкоторыми цифровыми данными общеизвѣстную въ статистической литературѣ связь между размѣрами крестьянской семьи и крестьянскаго хозяйства, г. Пѣшехоновъ задается вопросомъ: „что въ данномъ случаѣ служитъ

*) „Русск. Богат.“, 1902 г., № 9. „Изъ теоріи и практики крестьянск. хоз.“, стр. 178 и 179.
**) L. c., стр. 179.

сновнымъ факторомъ и что является производною функціей, . е. семья ли опредѣляетъ собою размѣры хозяйства и его организацію или, наоборотъ, хозяйственныя силы и строеніе двора казывается на его семейномъ составѣ?“ *). Казалось бы, разъ становивши положеніе, что крестьянское хозяйство „существуетъ ри посредствѣ семьи и ради семьи“, г. Пѣшехоновъ долженъ ылъ бы отвѣчать на поставленный вопросъ безъ колебаній: емья своими потребностями и своими рабочими силами опредѣляетъ размѣръ крестьянскаго хозяйства. Но г. Пѣшехоновъ наетъ факты, указывающіе и на обратную зависимость, и вотъ а помощь къ себѣ онъ призываетъ пресловутое „взаимодѣйствіе“.)нъ строитъ нѣчто въ родѣ знаменитаго лассалевскаго „желѣзаго закона заработной платы“, такъ же мало основаннаго на факахъ, какъ и построеніе г. Пѣшехонова, а потому давно отвергутаго наукой. Мелкія семьи не въ состояніи вести крупнаго озяйства, и потому въ этихъ дворахъ ими сокращается хозяйтво, что ведетъ къ пониженію прироста населенія и наконецъ ъ вымиранію или выселенію изъ деревни, или же семья доратаетъ до хозяйства и между размѣрами семьи и хозяйства натупаетъ гармонія. Въ крупныхъ семьяхъ-хозяйствахъ происхоитъ усиленный приростъ населенія, и это приводитъ въ концѣ онцовъ къ раздѣлу семьи и имущества и опять возстановятся редняя семья и среднее хозяйство. „Крайнія группы семей и озяйствъ,—говоритъ г. Пѣшехоновъ,—такимъ образомъ, имѣютъ ишь временное, преходящее бытіе; въ ихъ средѣ... быстрѣе всего роисходитъ процессъ обновленія“. Общій же выводъ г. Пѣшеонова о „направленіи, въ которомъ должна складываться быовая и экономическая жизнь крестьянина“ таковъ: „Въ основѣ я... лежатъ двѣ тенденціи: съ одной стороны, въ каждомъ рестьянскомъ дворѣ сказывается стремленіе уравновѣсить производительныя силы и потребительныя нужды входящаго въ его оставъ населенія (семья) съ размѣрами и организаціей принадежащаго ему хозяйственнаго предпріятія; съ другой — всѣмъ рестьянскимъ дворамъ свойственно тяготѣніе къ нѣкоторому бщему и среднему для всѣхъ нихъ семейному и хозяйственному ровню. Это, такъ сказать, органическія свойства того строя соіальныхъ отношеній, который мы называемъ крестьянствомъ и оторый опирается на семью, объединенную въ одно неразрывное ѣлое съ хозяйствомъ“ **).

Если это замѣчательное открытіе г. Пѣшехонова дополнить закономъ среднихъ потребностей“ ***), открытымъ г. Щербиной ще въ 1887 г. при разработкѣ данныхъ о нѣсколькихъ бюдже-

*) L. c., стр. 188.

**) „Русск. Бог.“, 1902 г., № 9, стр., 193. „Изъ теоріи и практики крест. хоз.“.

***) „Законъ“ этотъ въ свое время получилъ должную оцѣнку. См., напр., Критическія замѣтки“ Струве (стр. 175). „Экономическіе этюды“ Водовозова, тр. 51 и 52). „Развитіе капитализма“ Ильина (стр. 112 и 113).

тахъ крестьянъ Острогожскаго уѣзда Воронежской губ. (автора этого г. Пѣшехоновъ цитируетъ съ особеннымъ удовольствіемъ), то получается довольно стройная теорія крестьянскаго хозяйства: крестьянство представляетъ собою отдѣльный соціально-экономическій классъ; особенности этого класса — объединеніе въ одной единицѣ (дворѣ) семьи и хозяйства; цѣль крестьянскаго хозяйства — удовлетвореніе потребностей семьи; какъ размѣръ семьи съ ея потребностями, такъ и размѣръ хозяйства тяготѣютъ къ среднему уровню. Вотъ теорія, которая должна намъ пролить свѣтъ на крестьянское хозяйство и пополнить тотъ пробѣлъ научнаго его изслѣдованія, на который, какъ мы видѣли, сѣтуютъ оба излагаемые автора.

Теорія эта, однако, не нова. Какъ видитъ читатель, всѣ ея элементы давнымъ-давно проповѣдывались народниками, много потрудившимися надъ изслѣдованіемъ крестьянской жизни, и мы совершенно недоумѣваемъ, почему, несмотря на это, послѣдняя и до сихъ поръ остается темна и не понятна.

Какъ извѣстно, „среднія" семьи, ея потребностей, хозяйства представляютъ собой простыя статистическія абстракціи, а дѣйствительность знаетъ лишь одни отклоненія, отъ средней; и чѣмъ больше эти отклоненія тѣмъ меньше говоритъ нашему уму средняя. Какъ же справляются наши нео-народники съ тѣми противорѣчіями „среднему уровню", которыя наблюдаются въ жизни крестьянства? Противорѣчія эти имъ, конечно, хорошо извѣстны. Г. Пѣшехоновъ, указавъ, что изслѣдователи крестьянскаго хозяйства пришли „къ убѣжденію въ дифференцированомъ состояніи общей массы" крестьянскихъ дворовъ, говоритъ: „Послѣднее можно считать за доказанный и общеизвѣстный фактъ. Ни одинъ изслѣдователь, ни одинъ публицистъ, ни одинъ общественный дѣятель не станетъ теперь разсматривать крестьянство, какъ однородную массу" *).

Читатель въ правѣ недоумѣвать, какимъ образомъ „тяготѣніе къ среднему уровню"—эта отличительная тенденція крестьянской хозяйственной жизни—могло привести крестьянство въ дифференцированное состояніе? Но дѣло объясняется просто: „тяготѣніе къ среднему уровню" свойственно крестьянству, „какъ таковому", а „дифференцированное состояніе" есть результатъ „внѣшнихъ" вліяній, подъ которыми наши народники разумѣютъ всю совокупность современныхъ условій соціально-экономической жизни Россіи. То —„теорія" крестьянскаго хозяйства, а это— „практика". А практика, какъ утверждаютъ всѣ здравомыслящіе люди, всегда противорѣчитъ теоріи.

Но и дѣйствіе этой практики весьма ограничено. Констатировано „дифференцированное *состояніе*" крестьянской массы, а

*) „Русск. Бог.", 1902 г., № 10. „Изъ теоріи и практики крестьянск. хоз." Стр. 102.

не *процессъ* дифференціаціи крестьянства, существованіе котораго напрасно тщатся установить „ученики“, утверждающіе, что этотъ процессъ приводитъ къ разложенію крестьянства на пролетаріатъ и буржуазію. Извѣстна *статика* явленія, но не *динамика* его. Къ этой мысли разбираемые нами авторы возвращаются много разъ. Въ своей критикѣ заблужденій „учениковъ“ они останавливаются на трехъ вопросахъ: о выселеніи крестьянскихъ хозяйствъ изъ деревень (такъ называемыя отсутствующія хозяйства), объ измѣненіи размѣра крестьянскихъ семей и объ измѣненіи численности различныхъ экономическихъ группъ крестьянства (дифференціи въ тѣсномъ смыслѣ слова).

Убѣдившись изъ данныхъ повторной переписи шести волостей Петровскаго уѣзда, что, *несмотря на общее увеличеніе процента отсутствующихъ хозяйствъ*, нѣкоторыя изъ отсутствовавшихъ при первой переписи хозяйствъ вернулись въ деревню ко времени второй,—г. Черненковъ констатируетъ на ряду съ уходомъ изъ деревни, обратное возвращеніе въ нее. Это даетъ ему поводъ высказать соображеніе, что „простыя... сопоставленія конечныхъ итоговъ... даютъ возможность уловить не самые *процессы* въ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ и въ ихъ настоящемъ значеніи, а только окончательные *результаты*, нерѣдко совершенно противоположныхъ теченій и при томъ только въ томъ случаѣ, если одно изъ этихъ теченій имѣло извѣстный перевѣсъ надъ другими“ *). Оперируя съ тѣми же данными, г. Пѣшехоновъ въ своихъ выводахъ идетъ дальше. Вспомнивъ о констатированномъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ (подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса) „обращеніи къ землѣ“ крестьянъ-фабричныхъ рабочихъ, о встрѣчающихся и теперь случаяхъ возвращенія (иногда невольнаго) въ деревню переселившихся въ города крестьянъ, г. Пѣшехоновъ полагаетъ, что увеличеніе процента „отсутствующихъ“ хозяйствъ не даетъ еще права говорить объ „исшествіи“ крестьянъ изъ деревни, тѣмъ болѣе, что число „наличныхъ“ хозяйствъ, какъ показываютъ повторныя переписи, *абсолютно* растетъ **).

Какія же измѣненія въ сферѣ семьи и хозяйства происходятъ съ „наличными“ крестьянскими дворами?

Вопросомъ о семьѣ особенно много занимается г. Черненковъ. Усмотрѣвъ изъ не разъ уже упоминавшихся данныхъ повторной переписи 6 волостей Петровскаго уѣзда, а также нѣкоторыхъ другихъ матеріаловъ, относящихся къ другихъ уѣздамъ Саратовской и Орловской губерній, что средній размѣръ крестьянской семьи *со второй половины восьмидесятыхъ годовъ* почти не измѣнился, а по скольку измѣнился, то не сократился, а возросъ,

*) „Сарат. Земск. Нед.“, 1900 г., № 11—32. „Къ характеристикѣ крест. хоз.“. Стр. 11.

**) „Русск. Бог.“, 1902 г., № 9. „Изъ теоріи и практики крест. хоз.“. Стр. 173.

г. Черненковъ приходитъ къ заключенію, что толки о разложеніи патріархальной крестьянской семьи не соотвѣтствуютъ фактамъ. Но онъ предвидитъ возраженіе, что періодъ, взятый для сравненія, слишкомъ малъ, чтобы дѣлать рѣшительныя заключенія, и при томъ относится къ послѣднему времени, когда процессъ разложенія патріархальной семьи могъ въ значительной степени завершиться, тогда какъ сравненіе данныхъ земскихъ переписей съ данными X ревизіи и другихъ статистическихъ матеріаловъ изъ дореформенной эпохи, напр., румянцевской описи по Черниговской губерніи, обнаруживаетъ рѣзкое паденіе средней численности крестьянской семьи. Поэтому г. Черненковъ путемъ историческихъ справокъ—иногда очень интересныхъ—и критики названныхъ историко-статистическихъ матеріаловъ пытается доказать, что и въ дореформенное время крестьянская семья едва ли была крупнѣе современной. Что же касается указаній на проникновеніе въ крестьянскую среду вмѣстѣ съ товарно-денежнымъ хозяйствомъ индивидуалистическихъ началъ, разлагающихъ патріархальную семью, то „эти доводы могли бы имѣть извѣстное значеніе для *объясненія* уже констатированнаго факта сокращенія размѣровъ семьи; для *доказательства* же его существованія они совершенно не пригодны“ *). Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что нѣсколькими страницами дальше г. Черненковъ, указавъ, что „господствующимъ и, слѣдовательно, какъ бы нормальнымъ типомъ семьи среди крестьянъ является... „простая“ семья, имѣющая въ своей основѣ лишь одну брачную пару“, и что большія семьи, представляющія хозяйственный союзъ нѣсколькихъ брачныхъ паръ, или индивидуальныхъ семей, распадаются путемъ раздѣловъ на простыя, объясняетъ это явленіе тѣми же индивидуалистическими теченіями въ сферѣ хозяйственныхъ и правовыхъ отношеній крестьянъ **).

Г. Пѣшехоновъ по данному вопросу ограничивается только указаніемъ, на основаніи матеріаловъ повторныхъ переписей, на фактъ „укрѣпленія“ крестьянской семьи, отказываясь дать этому явленію опредѣленное объясненіе, но отмѣчая, что этотъ фактъ противорѣчитъ взгляду, по которому „крестьянскій дворъ, когда-то напоминавшій семейную общину и во всякомъ случаѣ представлявшій своеобразное явленіе соціальной жизни, не сегодня-завтра окончательно уступитъ мѣсто семьѣ городского типа, жизнь которой регулируется X томомъ свода россійскихъ законовъ“ ***).

Какія же измѣненія претерпѣваетъ хозяйство крестьянской

*) „Сарат. Земск. Нед.“ 1900 г., № 11—32. „Къ характер. крест. хоз.“. Стр. 88.

**) Loco cit., стр. 108 passim.

***) „Русск. Бог.“ 1902 г., № 10 „Изъ теоріи и практ. крест. хоз.“. Стр. 74. „Укрупнѣніе“ семьи противорѣчитъ „тяготѣнію къ среднему уровню“, но, какъ мы уже сказали, это—только „теорія“.

семьи, ставшей крупнѣе; происходитъ ли экономическая дифференціація крестьянства?

Г. Черненковъ больше занимается исторіей этого вопроса и критикой его рѣшенія „учениками“, но самъ опредѣленнаго отвѣта на него не даетъ. Онъ устанавливаетъ, что уже въ началѣ семидесятыхъ годовъ говорили объ „упадкѣ“ и „пролетаризаціи“ крестьянства, но это еще не была „дифференція“, а „*односторонній* процессъ“, отъ котораго „выигрываютъ лишь немногочисленные посторонніе крестьянству элементы (?) и выдѣляющіяся отъ него отдѣльныя лица— „кулаки“. Затѣмъ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ литературѣ начинаетъ укореняться идея о „двустороннемъ“ процессѣ экономической дифференціаціи крестьянства. Эту идею восприняло „новое направленіе“, но дало ей несоотвѣтственно широкое толкованіе: „ростъ неравенства среди крестьянъ признавался за несомнѣнный фактъ, но разсматривался въ значительной мѣрѣ именно какъ усиленіе „неравенства состояній“ (?), т. е. неравенства преимущественно количественнаго (?) характера, которое лишь могло бы въ будущемъ, при условіи его дальнѣйшаго роста и развитія явиться базисомъ общей перестройки крестьянскаго хозяйства на капиталистическихъ началахъ“ *). Новое же направленіе заявляетъ о разложеніи крестьянства на отдѣльные классы. Доказать наличность такого разложенія „ученики“ могутъ только констатированіемъ *процесса „двусторонней“ дифференціаціи*, т. е. одновременнаго роста обѣихъ крайнихъ группъ крестьянства. При этомъ явленіе это должно быть (?) объединено и мѣстомъ, т. е. совершаться внутри одной и той же общины; точно также *уходъ* изъ деревни крестьянъ цѣлыми хозяйствами не можетъ быть принятъ за доказательство дифференціаціи, такъ какъ уходомъ на сторону „обрисовывается лишь одна сторона процесса,—„пролетаризація крестьянства“.

Такой постановки вопроса держится и г. Пѣшехоновъ. Онъ также полагаетъ, что, дифференціація „должна быть двусторонней“ или ея нѣтъ вовсе. О чемъ же свидѣтельствуютъ данныя повторныхъ изслѣдованій, которыми пользуется въ своей статьѣ г. Пѣшехоновъ?

По его мнѣнію, въ то время какъ число *наличныхъ* крестьянскихъ хозяйствъ абсолютно возрасло, земельный фондъ крестьянъ не увеличился въ той же мѣрѣ: его не могли значительно увеличить ни наблюдавшаяся усиленная распашка надѣльныхъ земель, ни ростъ аренды, ни покупка крестьянами частновладѣльческой земли; правда, по отношенію къ двумъ послѣднимъ явленіямъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ наблюдаются громадныя различія, но, г. Пѣшехоновъ полагаетъ, что это не измѣняетъ вышеизложеннаго вывода. Вмѣстѣ съ тѣмъ число хозяйствъ, дѣлаю-

*) „Сарат. Зем. Нед.“ 1902 г., № 5 „Къ характерист. крест. хоз.“, стр. 26.

щихъ посѣвы, возрасло и абсолютно, и относительно. Такимъ образомъ, средній размѣръ посѣва на 1 хозяйство понизился. Въ то же время переписи лошадей и земскія, и военныя показываютъ убыль и рабочаго скота. Но пониженіе *средняго* хозяйственнаго уровня ничего еще не говоритъ объ измѣненіи положенія отдѣльныхъ экономическихъ группъ крестьянства. Однако, и данныя объ измѣненіи численности отдѣльныхъ группъ показываютъ, что произошло увеличеніе числа хозяйствъ низшихъ группъ и сокращеніе—высшихъ, при сравнительно малой измѣнчивости численности среднихъ группъ. Это положеніе г. Пѣшехоновъ иллюстрируетъ данными группировокъ хозяйствъ по площади посѣва (Полтавская губ.) и по количеству лошадей. Правда, при этомъ обнаруживается, что въ высшихъ группахъ нѣсколько увеличился средній размѣръ хозяйства. Но г. Пѣшехоновъ не придаетъ этому значенія, такъ какъ „численность крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ, по отношенію къ которымъ можно допускать нѣкоторыя особенности въ эволюціи, въ сущности, ничтожна... Отвлекаясь же мыслью оть указанныхъ ничтожныхъ по своей численности и, нужно думать, по соціальному своему вѣсу группъ крестьянскаго населенія, мы должны признать, что во всей массѣ крестьянскихъ дворовъ происходили одни и тѣ же явленія: семья разрасталась, а земледѣльческое хозяйство мельчало“ *).

Итакъ, процесса дифференціаціи нѣтъ, такъ какъ „тяготѣніе крестьянскихъ дворовъ къ среднему уровню имѣетъ такую силу, что его не въ состояніи оказались преодолѣть внѣшнія условія,—отъ географическихъ до политическихъ включительно,—каковыя въ пространствѣ и во времени были не одинаковы для различныхъ группъ крестьянскаго населенія). Значительно увеличивъ имущественныя и хозяйственныя неравенства среди крестьянства, эти условія не разслоили его, однако, на различно-эволюціонирующіе классы“ **).

Но какъ же, все-таки, быть съ тѣмъ „дифференцированнымъ *состояніемъ*“ крестьянства, которое признали оба излагаемые автора? Какъ объяснить происхожденіе его? И какое значеніе оно имѣетъ?

---

*) „Русск. Бог.“ 1902 г., № 10. „Изъ теоріи и практики крест. хоз.“. Стр. 115.

**) L. c. Стр. 116 и 117. Любопытно сопоставить съ этимъ категорическимъ выводомъ данную самимъ же г. Пѣшехоновымъ характеристику тѣхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ выводъ сдѣланъ: „они скудны и отрывочны Правда, они относятся къ довольно разнообразнымъ губерніямъ, но въ большинствѣ случаевъ къ очень небольшимъ раіонамъ. Собранные по разнымъ спеціальнымъ поводамъ, нѣкоторые изъ нихъ лишь съ очень немногихъ сторонъ охватываютъ крестьянское хозяйство. Наконецъ, по методическимъ пріемамъ, которыми они получены, они не всегда сравнимы между собою и, главное, съ данными первыхъ переписей по тѣмъ же мѣстностямъ. Они не годятся, такимъ образомъ, для широкихъ обобщеній и увѣренныхъ выводовъ“. „Русск. Богат.“ 1902 г., № 9. „Изъ теоріи и практики крест. хоз.“. Стр. 165.

Происхожденіе экономической неоднородности крестьянства оба автора менѣе всего склонны объяснять „дифференціацией". Г. Черненковъ путемъ историческихъ справокъ пытается установить, что и въ крѣпостную еще эпоху существовало то неравенство въ размѣрахъ семьи и имущества отдѣльныхъ крестьянскихъ дворовъ, которое констатировано позднѣйшими земскими переписями. Г. Пѣшехоновъ еще въ 1897 г. высказывалъ мысль, что „вполнѣ вѣроятно, что хозяйственный мужичекъ ни больше ни менѣе, какъ обломокъ бывшей общей зажиточности, по тѣмъ или другимъ причинамъ еще не захваченный общимъ разореніемъ или менѣе пошатнувшійся подъ давленімъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ" *). Отъ этой идеи, повидимому, онъ не отказался и въ настоящее время: относительно группы хозяйствъ, владѣющихъ промышленными заведеніями и въ то же время расширившихъ свое земледѣліе, онъ говоритъ: „Едва ли, однако, эти *остатки самостоятельнаго крестьянства* (курсивъ нашъ) можно разсматривать, какъ зачатки вновь нарождающагося и при томъ *сельскохозяйственнаго* класса" **). Существованіе же противоположной пролетарской группы крестьянства легко объяснить, какъ результатъ общаго процесса разоренія крестьянства. Но неоднородность крестьянства объясняется г. Пѣшехоновымъ еще проще: „Большей по численности семьѣ соотвѣтствуетъ... болѣе обширное по своимъ размѣрамъ и болѣе сложное по своей организаціи хозяйство. Такъ какъ отдѣльныя семьи, въ силу физіологическихъ и экомомическихъ факторовъ, далеко не одинаковы по своему численному, половому и возрастному составу, то и принадлежащія имъ хозяйства должны быть различны по своимъ размѣрамъ и организаціи" ***). При построеніи „теоріи" крестьянскаго хозяйства г. Пѣшехоновъ, какъ мы видѣли, колебался рѣшить, что является причиной и что слѣдствіемъ,—семья или хозяйство, и говорилъ о „взаимодѣйствіи"; здѣсь же, при разсмотрѣніи „практики" крестьянскаго хозяйства этотъ вопросъ уже рѣшенъ. „Дифференцированное состояніе крестьянской массы обусловлено, однако, отнюдь не одними семейными различіями" ****). Вліяли также различія между отдѣльными группами крестьянства въ условіяхъ надѣленія землей, плодородіи ея, условіяхъ аренды и покупки частно-владѣльческой земли и т. д. Наконецъ, „идя дальше, съ извѣстной вѣроятностью можно допустить, что и вновь возникшія условія, въ которыхъ крестьяне должны были вести земледѣльческое производство, начали сказываться въ разное время и имѣли неодинаковую силу для различныхъ хозяйственныхъ группъ" ****).

---

*) „Русск. Бог.", 1897 г., № 7. „Къ вопросу о роли собирателей земли" и т. д. Стр. 37.

**) „Русск. Бог.", 1902 г., № 10, стр. 114

***) Ibid., стр. 104.

****) „Русск. Бог.", 1902 г., № 10, стр. 105.

Но чѣмъ бы ни объяснялся фактъ неоднородности крестьянскихъ хозяйствъ, это—простое „количественное“ неравенство, не нарушающее цѣлостности крестьянства какъ класса. „Легко... понять, — говоритъ г. Пѣшехоновъ,—что... дифференцированное состояніе крестьянской массы и даже усиленіе въ ея средѣ семейныхъ, хозяйственныхъ и имущественныхъ (?) неравенствъ, отнюдь не равнозначуще еще съ тѣмъ разложеніемъ на противоположные классы, на которомъ настаиваютъ... „русскіе ученики Маркса“ *).

„Дифференціаціи“ нѣтъ и не происходитъ, но равновѣсіе между семьей и хозяйствомъ нарушено, и это привело крестьянина къ необходимости отчуждать свою рабочую силу все въ большемъ и большемъ количествѣ для работы по найму въ чужихъ земледѣльческихъ и промышленныхъ предпріятіяхъ. „Такое направленіе хозяйственной жизни не сопровождалось, однако, сколько-нибудь замѣтнымъ выдѣленіемъ изъ среды крестьянства обособленнаго класса рабочихъ и полнымъ отдѣленіемъ промысловой части населенія отъ сельскохозяйственной **). Капитализмъ не можетъ поглотить всѣхъ свободныхъ рукъ и всего времени рабочаго населенія, поэтому крестьяне часть своего времени и своихъ семейныхъ силъ (женщины, подростки и старики) посвящаютъ земледѣлію, другую — промысламъ. „Мѣркою всѣхъ хозяйственныхъ разсчетовъ мужика силою вещей сдѣлалась заработная плата. Сообразно съ тѣмъ, сколько онъ и вся его семья могла бы заработать на поденщинѣ, батрачествомъ или въ промыслахъ, стали устанавливаться арендныя цѣны, цѣны на продукты и т. д. Доходы отъ собственнаго хозяйства и заработки внѣ его по отношенію другъ къ другу сдѣлались лишь ариѳметическимъ дополненіемъ ***), прибавочный продуктъ тѣмъ или инымъ путемъ сталъ цѣликомъ ускользать изъ крестьянскихъ рукъ. Крестьянство, въ истинномъ пониманіи этого слова, какъ классъ трудящихся собственниковъ, перестало существовать. Крестьянинъ теперь ни больше, ни меньше, какъ замаскированный рабочій. Это „разрушеніе“ крестьянства шло не изъ средины, а отъ одного края къ другому и въ настоящее время, за ничтожными исключеніями, захватило всю его массу“ ****).

Этимъ довольно неожиданнымъ превращеніемъ „неимовѣрно живучаго“ класса крестьянъ въ классъ „замаскированныхъ рабочихъ“ мы и закончимъ изложеніе воззрѣній на крестьянство нашихъ нео-народниковъ. Какъ видитъ читатель, въ этихъ воз-

*) Ibid., стр. 117.

**) Ibid., стр. 117.

***) Это — излюбленная идея г. Пѣшехонова, которую онъ особенно обстоятельно развиваетъ въ статьѣ: „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“ (Русск. Бог.“ 1898 г.). Статья эта, вызвавшая въ свое время возраженія въ литературѣ, заслуживаетъ особаго критическаго разбора.

****) „Русск. Бог.“ 1902 г., № 10. „Изъ теоріи и т. д.“, стр. 118.

зрѣніяхъ есть кое-какія новыя черты, но въ своихъ основныхъ положеніяхъ и общей конструкціи они представляютъ собой почти полное реставрированіе стараго народническаго ученія, подвергшагося въ девяностыхъ годахъ, казалось, столь разрушительной критикѣ. Но такъ, очевидно, только казалось, потому что наши нео-народники почти полностью игнорируютъ указанія этой критики. О нихъ, какъ о дѣятеляхъ иной реставраціи, можно сказать: „они ничего не забыли и ничему не научились"...

Съ своей стороны и мы не будемъ повторять доводы противъ изложенныхъ взглядовъ, высказывавшіеся въ литературѣ девяностыхъ годовъ, къ которой мы и отсылаемъ читателей *). Теперь же перейдемъ къ изложенію тѣхъ предпосылокъ и пріемовъ, съ которыми, по нашему мнѣнію, необходимо подходить къ изслѣдованію вопроса о дифференціаціи крестьянства. Попутно при этомъ, какъ и при дальнѣйшемъ анализѣ нѣкоторыхъ цифровыхъ матеріаловъ, намъ придется, конечно, возвращаться къ выводамъ изложенныхъ авторовъ и подвергать эти выводы критическому разбору.

III.

Представители того направленія, взгляды котораго на крестьянство мы только что изложили, разсматриваютъ вопросъ о дифференціаціи крестьянства внѣ связи съ общей эволюціей русской соціально-экономической жизни, и въ этомъ заключается одна—но не единственная—изъ причинъ ошибочности ихъ выводовъ. Крестьянства, *„какъ таковаго"*, не существуетъ, — оно — плодъ благожелательной фантазіи народниковъ. Крестьянство существуетъ только въ общихъ условіяхъ—юридическихъ и экономическихъ—жизни россійскаго государства, и эти условія нѣтъ никакихъ реальныхъ основаній считать „внѣшними", и если только не надѣлить крестьянъ особымъ „духомъ", который проявляется, напр., въ „тяготѣніи къ среднему уровню" и т. п. Мало того, крестьянство подпало уже вліяніямъ и мірового хозяйства а вмѣстѣ съ тѣмъ и межъ-государственныхъ политическихъ и экономическихъ отношеній. Каковы же эти обще-русскія условія и въ чемъ заключается ихъ эволюція въ ближайшія къ намъ десятилѣтія?

„О судьбахъ капитализма" въ Россіи больше, кажется, уже не спорятъ, по крайней мѣрѣ въ той общей постановкѣ вопроса, какая была придана ему въ концѣ семидесятыхъ—началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Товарно-капиталистическія отношенія по-

*) Мы особенно рекомендуемъ вниманію читателей книгу Ильина. „Развитіе капитализма въ Россіи", а изъ новѣйшихъ работъ по тому же вопросу книгу Маслова. „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи".

степенно и очень быстро захватили всѣ стороны общественнаго хозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и народной жизни. Процессъ обращенія Россіи въ современную страну буржуазнаго типа, конечно, еще не завершился, однако направленіе и исходъ его не возбуждаютъ уже сомнѣній. Трудно установить дату начала этого процесса, но во всякомъ случаѣ ее слѣдуетъ искать въ далекой глубинѣ „дореформенной“ эпохи. Отмѣна крѣпостного права была только первой крупной побѣдой въ Россіи новаго строя соціально-экономической жизни. Но съ этого момента процессъ „капитализаціи производства“ идетъ быстрыми и все ускоряющимися шагами. Громадное увеличеніе сперва вывоза за границу нашего хлѣба, а затѣмъ и вообще международнаго торговаго оборота, не менѣе быстрое развитіе парового транспорта и, въ частности, желѣзнодорожной сѣти, развитіе кредитно-финансоваго дѣла, ростъ фабрично-заводской промышленности, при сильной иммиграціи заграничныхъ капиталовъ, —вотъ—общеизвѣстные, установленные статистическимъ путемъ этапы того процесса, который называютъ развитіемъ капитализма въ Россіи. Развитіе это, какъ и во всемъ мірѣ, шло волнообразно — что, между прочимъ, не разъ давало поводъ нашимъ народникамъ мечтать о невозможности въ Россіи водворенія капитализма, — но за каждымъ промышленнымъ отливомъ наступалъ новый приливъ, и каждая новая волна прилива поднималась выше предшествующей. Въ результатѣ указанный процессъ, можно сказать, измѣнилъ физіономію страны: преобразовавъ сельское хозяйство и индустрію въ отрасли національнаго капиталистическаго производства, онъ создалъ новую промышленную географію. Почти на нашихъ глазахъ центръ хлѣбнаго производства перекочевалъ изъ черноземной полосы средней Россіи въ степи юга и юго-востока, образовались также, главнымъ образомъ на томъ же югѣ, новые промышленные центры. Съ проложеніемъ великаго сибирскаго пути и открытіемъ на востокѣ новыхъ рынковъ это перераспредѣленіе по странѣ отраслей промышленности получило новый толчекъ, результаты котораго не замедлятъ, конечно, выясниться въ ближайшемъ будущемъ.

Вмѣстѣ съ перераспредѣленіемъ по территоріи промышленности, перераспредѣлялось и населеніе. На ряду съ заселеніемъ цѣлыхъ когда-то пустынныхъ округовъ, особенно слѣдуетъ отмѣтить быстрый ростъ городовъ: концентрація населенія въ городахъ и промышленныхъ центрахъ одинъ изъ характернѣйшихъ признаковъ изображаемаго процесса, имѣющій громадное общественное значеніе. Но еще большее значеніе имѣетъ измѣненіе соціальной структуры всего общества, измѣненіе, которое непосредственно связано съ указаннымъ преобразованіемъ строя экономической жизни и которое дало намъ скалу общественныхъ классовъ, свойственную всѣмъ западно-европейскимъ націямъ.

Какова же роль крестьянсгва въ замѣнѣ стараго сословнаго

щества новымъ классовымъ? Вполнѣ опредѣленный и при томъ ифровый, слѣдовательно, наиболѣе точный отвѣтъ на этотъ воросъ могли бы дать только періодическія всеобщія профессіональныя переписи, на манеръ нѣмецкихъ профессіональныхъ ерeписей или американскихъ цензовъ. Двѣ-три такихъ переписи разу и навсегда рѣшили бы споръ о „дифференціаціи“ русскаго рестьянства. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ даже аналогичныхъ тимъ переписямъ статистическихъ изслѣдованій, а неудачный пытъ первой всероссійской переписи заставляетъ думать, что е скоро ихъ и дождемся. Пока же намъ приходится искать отѣта въ частичныхъ матеріалахъ и указаніяхъ жизни.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ остановиться на „исшествіи“ рестьянъ изъ деревни. Какъ мы видѣли, засвидѣтельствованнаго овторными земскими переписями факта увеличенія % „отсутствующихъ“ крестьянскихъ хозяйствъ не отрицаютъ и наши народники, они только указываютъ, что на ряду съ уходомъ изъ еревни существуетъ и возвращеніе въ деревню, и видятъ въ томъ аргументъ противъ „исшествія“. Какъ будто бы гдѣ-нибудь когда-нибудь (разумѣется, при нормальныхъ условіяхъ) наблюдалось одностороннее миграціонное движеніе. Важенъ результатъ его, а онъ несомнѣненъ: изъ деревни уходитъ все большее — абсолютно, и относительно — число *хозяйствъ, сохраняющихъ съ ей лишь юридическую связь.* Каковы же размѣры этого движенія каково его значеніе? На этотъ вопросъ проливаютъ нѣкоторый вѣтъ данныя всероссійской переписи 1897 г.

За 11 лѣтъ, съ 1884 г. по 1897 г., приростъ населенія *) вропейской Россіи и ея отдѣльныхъ областей выразился въ слѣующихъ цифрахъ:

ГУБЕРНІИ:	Общій приростъ населенія въ %.	Разница дѣйствительнаго и естественнаго прироста.
1. Крайняго сѣвера . .	13,1	— 75
2. Пріозерныя	21,4	+344
3. Прибалтійскія . . .	5,7	—117
4. Литовскія.	16,1	— 72
5. Бѣлорусскія	28,3	+168
6. Центральныя промышленныя . . .	8,2	—431
7. Пріуральскія. . . .	12,5	—347
8. Средневолжскія . .	5,6	—747
9. Центральныя земледѣльческія. . . .	3,2	—1.535
10. Малороссійскія . . .	9,2	—793
11. Юго-западныя . . .	29,5	+587
12. Новороссійскія . . .	35,03	+748
13. Нижневолжскія. . .	20,4	+170
Европейская Россія . .	15,25	—2.100

*) Всѣ приводимыя здѣсь цифры о движеніи населенія мы заимствуемъ зъ статьи г. Михайловскаго „Факты и цифры изъ русской дѣйствительности“, апечатанной въ № 9 „Новаго Слова“ за 1897 г. Статья основана на „пред-

Первый рядъ цифръ въ приведенной таблицѣ показываетъ общій или дѣйствительный приростъ населенія, который слагается изъ естественнаго прироста (повышеніе рождаемости надъ смертностью) *плюсъ* иммиграція *минусъ* эмиграція; второй—разницу въ тысячахъ между дѣйствительнымъ и естественнымъ приростомъ. А оба столбца краснорѣчиво говорятъ объ одномъ и томъ же явленіи: въ Россіи совершается гигантское перераспредѣленіе населенія, равное которому наблюдается только въ Америкѣ. 29 губерній *) коренной Россіи за 11 лѣтъ потеряли не менѣе 4 милліоновъ естественнаго прироста своего населенія; изъ нихъ 2 милліона переселились въ Азіатскую Россію, и почти столько же ушло въ степи юго востока, юга и юго-запада **). „Центръ тяжести населенія" Европейской Россіи сильно перемѣстился къ югу, который, какъ мы уже говорили, сдѣлалъ также гигантскіе шаги въ своемъ промышленномъ развитіи.

Но этого мало, населеніе стало „скученнѣе",—значительная часть его перешла въ города. У насъ есть рядъ городовъ, которые растутъ съ быстротой, свойственной только американскимъ городамъ: Лодзь, Ростовъ на Дону, Баку, Екатеринославъ, Либава и друг. Въ общемъ же города Европейской Россіи за 11 лѣтъ увеличили свое населеніе на 33,8%, тогда какъ процентъ увеличенія *всего* населенія равенъ 15,25, а *сельскаго*—12,7. Иными словами, городское населеніе растетъ почти въ три раза быстрѣе сельскаго. Но *естественный* приростъ городского населенія не превышаетъ въ годъ $^3/_4$%, т. е. раза въ два ниже естественнаго прироста сельскаго населенія. Слѣдовательно ростъ городовъ совершается благодаря иммиграціи крестьянъ. Это подтверждается прямыми данными всѣхъ городскихъ переписей, которыя показываютъ сильное численное преобладаніе въ городахъ мужчинъ надъ женщинами на ряду съ громадной численностью крестьянъ: въ Петербургѣ, напримѣръ, крестьяне составляютъ около $^3/_5$ всего населенія. За 11 лѣтъ въ города переселилось изъ деревень не меньше $2^1/_2$ милліоновъ крестьянъ. Въ результатѣ городское население въ 1897 г. составляло около 14,2% всего населенія Россіи, тогда какъ въ 1885 г. его было не болѣе 12,2%. Но и эти цифры несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ: въ число городовъ не попала масса крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ посе-

варительныхъ" итогахъ переписи 1897 г. Окончательный подсчетъ ея, какъ извѣстно, не опубликованъ еще по многимъ губерніямъ. Для сравненія берется 1885 г. такъ какъ для него съ извѣстной поправкой (увеличеніемъ количества населенія на 1,39%) имѣются наиболѣе точныя данныя. Цифровые выводы получаются, понятно, приблизительные.

*) Приростъ въ пріозерныхъ губерніяхъ относится исключительно къ городу Петербургу.

**) Вселеніе въ бѣлорусскія губерніи объясняется, вѣроятно, массовымъ водвореніемъ евреевъ въ „черту осѣдлости" въ разсматриваемый періодъ. Эмиграція изъ Прибалтійскихъ и Литовскихъ губерній совершалась, главнымъ образомъ, въ Америку.

ній, изъ которыхъ многія насчитываютъ десятки тысячъ жи-
лей; особенно много такихъ поселеній на югѣ и на нижней
лгѣ. Въ результатѣ такого сильнаго отлива сельскаго населе-
і въ города и переселеній изъ центра на окраины деревенское
селеніе центральныхъ губерній Россіи уменьшается *абсолютно*.
такимъ губерніямъ относятся: Тульская, Калужская, Ярослав-
ая, Воронежская; къ нимъ же слѣдуетъ причислить губерніи:
мбирскую, Пензенскую, Московскую и, вѣроятно, Рязанскую, и
конецъ, въ Орловской, Курской, Тамбовской, Нижегородской,
адимірской и Тверской—приростъ сельскаго населенія совер-
нно ничтоженъ.

Таковы данныя переписи 1897 г. Все, что мы знаемъ о дви-
ніи населенія за протекшія съ тѣхъ поръ шесть лѣтъ (ростъ
тербурга и Москвы, усиленіе переселеній, ростъ южныхъ горо-
въ) показываетъ, что отмѣченные процессы продолжаютъ бы-
ро развиваться въ томъ же направленіи.

Соціальное значеніе этихъ процессовъ, которые въ общемъ
жно назвать отливомъ крестьянства изъ центра Россіи въ
кныя степи и въ города,—громадно. Это—одинъ изъ яркихъ
изнаковъ дифференціаціи крестьянства, и пусть народники не
ворятъ намъ объ „односторонности" этого процесса. Правда,
югъ и въ города идутъ въ массѣ крестьяне пролетарскаго
па, въ поискахъ работы (тогда какъ за Уралъ уходятъ, глав-
мъ образомъ, крестьяне-земледѣльцы, хозяева средней и частью
сшей зажиточности *), въ поискахъ земли), но это уже не
амаскированные" рабочіе, а рабочіе болѣе или менѣе европей-
аго типа, и такое отслоеніе крестьянъ-рабочихъ отъ крестьянъ-
мледѣльцевъ есть доподлинная „дифференціація", даже въ
имологическомъ смыслѣ этого слова, на который особенно па-
раютъ гг. народники. Но этого мало. Уходятъ не одни рабочіе.
городахъ и торговыхъ и промышленныхъ центрахъ внѣ го-
довъ розничная торговля, ремесленныя и мелкія фабричныя
веденія, перевозочныя предпріятія и т. п. находятся по боль-
ей части въ рукахъ крестьянъ, они же, главнымъ образомъ,
ляются подрядчиками строительныхъ рабочихъ; все это – болѣе
и менѣе мелкіе капиталисты, ворочающіе, однако, зачастую де-
тками и сотнями тысячъ рублей и держащіе въ подчиненіи
сятки и сотни рабочихъ. Россійскій мужичекъ этого типа съ
пѣхомъ конкуррируетъ въ коммерціи съ такими коммерсантами
r excellence, какъ евреи и армяне, и вы встрѣтите его и на
ѣ, и на западѣ и даже въ предпріимчивой Финляндіи, не
воря уже о коренной Россіи, гдѣ онъ — господинъ положенія.

Несомнѣнно, что буржуазные элементы „отсутствующихъ"
естьянъ сравнительно съ пролетарскими немногочисленны,—

*) См., „Переселенія изъ Полтавской губерніи" съ 1861 по 1900 г. Пол-
а. 1900 г. Изд. Земск. Статистич. Бюро.

Первый рядъ цифръ въ приведенной таблицѣ показываетъ общій или дѣйствительный приростъ населенія, который слагается изъ естественнаго прироста (повышеніе рождаемости надъ смертностью) *плюсъ* иммиграція *минусъ* эмиграція; второй—разницу въ тысячахъ между дѣйствительнымъ и естественнымъ приростомъ. А оба столбца краснорѣчиво говорятъ объ одномъ и томъ же явленіи: въ Россіи совершается гигантское перераспредѣленіе населенія, равное которому наблюдается только въ Америкѣ. 29 губерній *) коренной Россіи за 11 лѣтъ потеряли не менѣе 4 милліоновъ естественнаго прироста своего населенія; изъ нихъ 2 милліона переселились въ Азіатскую Россію, и почти столько же ушло въ степи юго востока, юга и юго-запада **). „Центръ тяжести населенія" Европейской Россіи сильно перемѣстился къ югу, который, какъ мы уже говорили, сдѣлалъ также гигантскіе шаги въ своемъ промышленномъ развитіи.

Но этого мало, населеніе стало „скученнѣе",—значительная часть его перешла въ города. У насъ есть рядъ городовъ, которые растутъ съ быстротой, свойственной только американскимъ городамъ: Лодзь, Ростовъ на Дону, Баку, Екатеринославъ, Либава и друг. Въ общемъ же города Европейской Россіи за 11 лѣтъ увеличили свое населеніе на 33,8%, тогда какъ процентъ увеличенія *всего* населенія равенъ 15,25, а *сельскаго*—12,7. Иными словами, городское населеніе растетъ почти въ три раза быстрѣе сельскаго. Но *естественный* приростъ городского населенія не превышаетъ въ годъ $^3/_4$%, т. е. раза въ два ниже естественнаго прироста сельскаго населенія. Слѣдовательно ростъ городовъ совершается благодаря иммиграціи крестьянъ. Это подтверждается прямыми данными всѣхъ городскихъ переписей, которыя показываютъ сильное численное преобладаніе въ городахъ мужчинъ надъ женщинами на ряду съ громадной численностью крестьянъ: въ Петербургѣ, напримѣръ, крестьяне составляютъ около $^3/_5$ всего населенія. За 11 лѣтъ въ города переселилось изъ деревень не меньше $2^1/_2$ милліоновъ крестьянъ. Въ результатѣ городское населеніе въ 1897 г. составляло около 14,2% всего населенія Россіи, тогда какъ въ 1885 г. его было не болѣе 12,2%. Но и эти цифры несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ: въ число городовъ не попала масса крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ посе-

варительныхъ" итогахъ переписи 1897 г. Окончательный подсчетъ ея, какъ извѣстно, не опубликованъ еще по многимъ губерніямъ. Для сравненія берется 1885 г. такъ какъ для него съ извѣстной поправкой (увеличеніемъ количества населенія на 1,39%) имѣются наиболѣе точныя данныя. Цифровые выводы получаются, понятно, приблизительные.

*) Приростъ въ пріозерныхъ губерніяхъ относится исключительно къ городу Петербургу.

**) Вселеніе въ бѣлорусскія губерніи объясняется, вѣроятно, массовымъ водвореніемъ евреевъ въ „черту осѣдлости" въ разсматриваемый періодъ. Эмиграція изъ Прибалтійскихъ и Литовскихъ губерній совершалась, главнымъ образомъ, въ Америку.

леній, изъ которыхъ многія насчитываютъ десятки тысячъ жителей; особенно много такихъ поселеній на югѣ и на нижней Волгѣ. Въ результатѣ такого сильнаго отлива сельскаго населенія въ города и переселеній изъ центра на окраины деревенское населеніе центральныхъ губерній Россіи уменьшается *абсолютно*. Къ такимъ губерніямъ относятся: Тульская, Калужская, Ярославская, Воронежская; къ нимъ же слѣдуетъ причислить губерніи: Симбирскую, Пензенскую, Московскую и, вѣроятно, Рязанскую, и наконецъ, въ Орловской, Курской, Тамбовской, Нижегородской, Владимірской и Тверской—приростъ сельскаго населенія совершенно ничтоженъ.

Таковы данныя переписи 1897 г. Все, что мы знаемъ о движеніи населенія за протекшія съ тѣхъ поръ шесть лѣтъ (ростъ Петербурга и Москвы, усиленіе переселеній, ростъ южныхъ городовъ) показываетъ, что отмѣченные процессы продолжаютъ быстро развиваться въ томъ же направленіи.

Соціальное значеніе этихъ процессовъ, которые въ общемъ можно назвать отливомъ крестьянства изъ центра Россіи въ южныя степи и въ города,—громадно. Это—одинъ изъ яркихъ признаковъ дифференціаціи крестьянства, и пусть народники не говорятъ намъ объ „односторонности“ этого процесса. Правда, на югъ и въ города идутъ въ массѣ крестьяне пролетарскаго типа, въ поискахъ работы (тогда какъ за Уралъ уходятъ, главнымъ образомъ, крестьяне-земледѣльцы, хозяева средней и частью высшей зажиточности *), въ поискахъ земли), но это уже не „замаскированные“ рабочіе, а рабочіе болѣе или менѣе европейскаго типа, и такое отслоеніе крестьянъ-рабочихъ отъ крестьянъ-земледѣльцевъ есть доподлинная „дифференціація“, даже въ этимологическомъ смыслѣ этого слова, на который особенно напираютъ гг. народники. Но этого мало. Уходятъ не одни рабочіе. Въ городахъ и торговыхъ и промышленныхъ центрахъ внѣ городовъ розничная торговля, ремесленныя и мелкія фабричныя заведенія, перевозочныя предпріятія и т. п. находятся по большей части въ рукахъ крестьянъ, они же, главнымъ образомъ, являются подрядчиками строительныхъ рабочихъ; все это—болѣе или менѣе мелкіе капиталисты, ворочающіе, однако, зачастую десятками и сотнями тысячъ рублей и держащіе въ подчиненіи десятки и сотни рабочихъ. Россійскій мужичекъ этого типа съ успѣхомъ конкуррируетъ въ коммерціи съ такими коммерсантами par excellence, какъ евреи и армяне, и вы встрѣтите его и на югѣ, и на западѣ и даже въ предпріимчивой Финляндіи, не говоря уже о коренной Россіи, гдѣ онъ—господинъ положенія.

Несомнѣнно, что буржуазные элементы „отсутствующихъ“ крестьянъ сравнительно съ пролетарскими немногочисленны,—

---

*) См., „Переселенія изъ Полтавской губерніи“ съ 1861 по 1900 г. Полтава. 1900 г. Изд. Земск. Статистич. Бюро.

такъ это и „должно быть",—но выразить въ цифрахъ отношеніе между двумя этими группами мы не можемъ. Единственнымъ статистическимъ матеріаломъ для этого могли бы служить земскія переписи крестьянскихъ хозяйствъ, но регистрація „отсутствующихъ" хозяйствъ велась крайне неполно и поверхностно. Это одинъ изъ недостатковъ земскихъ статистическихъ работъ, мѣшающихъ имъ выяснить процессъ „дифференціаціи" крестьянства. Не говоря уже о томъ, что отсутствующіе дворы часто пропускаются, мы не имѣемъ, обыкновенно, въ матеріалахъ указаній, каково соціально-экономическое положеніе „отсутствующаго" хозяйства на новомъ мѣстѣ его жительства. Правда, такія свѣдѣнія иногда бываетъ трудно и получить, но въ большинствѣ случаевъ родня или „сосѣди" ушедшихъ могутъ ихъ сообщить.

„Отсутствующіе" сохраняютъ юридическую связь съ деревней: они получаютъ изъ нея „паспорта", платятъ выкупные платежи и другіе деревенскіе налоги и, вообще, испытываютъ на себѣ всѣ прелести принадлежности къ крестьянскому сословію. „Отсутствующіе"—пролетаріи остаются въ такомъ положеніи, по большей части, до конца дней своихъ. Другое дѣло ихъ болѣе счастливые „земляки", удостоившіеся общенія съ капиталомъ. Рано или поздно они „выписываются изъ общества" и приписываются или въ мѣщане, или въ купцы, смотря по размѣрамъ своихъ коммерческихъ предпріятій. Такимъ образомъ крестьянство является кадромъ не только для миграціи между отдѣльными округами и между городомъ и деревней, но и между отдѣльными сословіями.

Но за этой межсословной миграціей скрывается развитіе новыхъ общественныхъ классовъ: купечество и верхній слой мѣщанства (низшій слой мѣщанства пролетаризировался) образуютъ ядро нашей буржуазіи, къ которому примыкаютъ представители другихъ сословій, — дворянства и крестьянства. И дѣды и отцы многихъ, если не большинства, представителей нашего капитала „носили еще лапти", были крестьянами *). Фактъ этотъ получилъ свое отраженіе и въ нашей художественной литературѣ (Салтыковъ, Успенскій и др.), на которую такъ любитъ ссылаться г. Пѣшехоновъ; но статистическаго, слѣдовательно, цифрового выраженія дать ему, по свойствамъ имѣющихся матеріаловъ, нельзя. Онъ остался внѣ поля зрѣнія земской статистики: если не полно регистрировались „отсутствующія приписныя" хозяйства крестьянъ, то хозяйства, выписавшіяся изъ крестьянъ, превратившіяся, по земско-статистической терминологіи, въ „постороннія", не регистрировались во-

*) Любопытныя иллюстраціи къ только что сказанному можно найти въ брошюрѣ г. Шишмарева „Краткій очеркъ промышленности района Нижегородской и Шуйско-Ивановской ж. д.". Спб. 1892 г. Въ этомъ, въ общемъ малограмотномъ очеркѣ, восхитительномъ по наивному преклоненію передъ капиталомъ, помѣщена, между прочимъ, родословная Морозовыхъ.

все или регистрировались въ той части, которая оставалась жить и хозяйничать въ предѣлахъ родной общины и послѣ „выписки".

А между тѣмъ наша буржуазія, рекрутирующаяся, главнымъ образомъ, изъ крестьянъ, не ограничиваетъ свою дѣятельность торговлей и индустріей,—она захватываетъ въ свои руки и сельское хозяйство. Изданные министерстромъ финансовъ „Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи" (вып. 4) свидѣтельствуютъ, что за 30 лѣтъ съ 1863 по 1892 г. изъ всѣхъ сословій одно только дворянство уменьшило площадь своего землевладѣнія, и при томъ на громадную величину,—почти 25 милліоновъ десятинъ. Дворянское землевладѣніе ликвидируется. Народилось новое буржуазное землевладѣніе: изъ дворянскаго наслѣдія 11 милліоновъ десятинъ получили купцы и 7 милліоновъ крестьяне, въ томъ числѣ 4 милліона—товарищества и 3—отдѣльные владѣльцы; остальные 7 милліоновъ—достались мѣщанамъ и лицамъ другихъ сословій. Г. Карышевъ, котораго заподозрить въ симпатіяхъ къ „новому направленію" довольно трудно, резюмируетъ изученіе названныхъ „Матеріаловъ" слѣдующими словами: „Послѣ паденія крѣпостного права дворянство не сумѣло приспособиться къ новымъ капиталистическимъ условіямъ хозяйства... Открылось обширное поле для увеличенія землевладѣнія тѣхъ слоевъ населенія, въ рукахъ которыхъ скоплялись денежные капиталы. Первымъ по времени, по одному характерному выраженію, „наступило купечество" съ почетными гражданами. А за нимъ пошелъ и тотъ отслой состоятельныхъ крестьянъ, который неминуемо долженъ былъ образоваться на почвѣ нужды и малоземелья прочихъ крестьянскихъ группъ. Средствами онъ еще пока въ общемъ побѣднѣе купцовъ, хотя уже теперь отдѣльные его представители не уступятъ имъ и по этому признаку. Съ теченіемъ времени, вѣроятно, имущественная разница между ними будетъ постоянно сглаживаться и тѣмъ болѣе будетъ вырастать пропасть между разными категоріями бывшихъ однородными крестьянъ" *).

Въ нашей экономической литературѣ существовало мнѣніе, соотвѣтствующее господствовавшимъ въ ней до недавняго времени народническимъ воззрѣніямъ, что „чумазый", захвативъ въ свои руки дворянскія помѣстья, расхищаетъ въ нихъ природныя богатства (вырубка лѣсовъ) и хозяйство, а затѣмъ землю продаетъ или сдаетъ въ аренду по мелочамъ сосѣднимъ крестьянамъ. Названные выше „Матеріалы" опровергаютъ цифрами это мнѣніе: сельскохозяйственная буржуазія крѣпко держится за землю, она не только не уменьшаетъ, но быстро увеличиваетъ площадь своего землевладѣнія. Въ то же время послѣднія земско-статистическія изслѣдованія показываютъ, что „чумазый"

*) См. „Русск. Богат." 1898 г., № 1. „Народно-хозяйственные наброски"

превращается въ капиталиста-землевладѣльца европейскаго типа: онъ вводитъ въ земледѣліе техническія улучшенія, организуетъ переработку сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ фабрикаты и полуфабрикаты и, вообще, самъ ведетъ хозяйство, стараясь ставить его экономически-раціонально. Тѣ же изслѣдованія показываютъ, что далеко не вся земля, купленная крестьянами, попадаетъ въ руки крестьянъ-общинниковъ, крестьяне-частные владѣльцы — не рѣдкость, — во многихъ изъ изслѣдованныхъ уѣздовъ они насчитываются десятками и даже сотнями. Эти землевладѣльцы-крестьяне ведутъ хозяйство въ своихъ хуторахъ и экономіяхъ, но изъ своего сословія они не выписались, часто даже они не отказываются отъ надѣла, а сдаютъ его въ аренду односельчанамъ, съ которыми вообще поддерживаютъ довольно близкія отношенія.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ новымъ дефектомъ земскихъ статистическихъ работъ. По принятой терминологіи, хозяйства такихъ крестьянъ-землевладѣльцевъ попадаютъ въ разрядъ „отсутствующихъ“ и, какъ таковыя, или вовсе не регистрируются, или, во всякомъ случаѣ, не принимаются въ разсчетъ при группировкѣ крестьянскихъ дворовъ по размѣрамъ хозяйства: они сосчитываются въ категоріи „частныхъ владѣльцевъ“. Такимъ образомъ, высшая группа крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ буржуазнаго типа искусственно, благодаря неудачному статистическому пріему, или совсѣмъ упраздняется, или во всякомъ случаѣ сильно сокращается въ численности *).

Вышеизложеннымъ достаточно обрисована роль крестьянства въ эволюціи соціальной структуры русскаго общества. Если признать, что Россія изъ сословной страны, становится классовой,—въ условномъ значеніи этого слова,—а мы надѣемся, что даже изъ народническаго лагеря никто не станетъ отрицать этого, то необходимо признать, что происходитъ это, главнымъ образомъ, путемъ „дифференціаціи“ самаго многочисленнаго въ Россіи сословія — крестьянства, путемъ выдѣленія изъ него, съ

---

*) Указанный методологическій дефектъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій не ускользнулъ отъ вниманія и г. Пѣшехонова. Но посмотрите, какое толкованіе онъ даетъ ему въ примѣненіи къ вопросу о дифференціаціи" и, въ частности, о ростѣ высшихъ группъ крестьянства. „Вполнѣ вѣроятно... предположеніе, что нѣкоторая задержка (?!) въ убыли ихъ компенсируется усиленною, но оставшеюся внѣ наблюденія, убылью однородныхъ хозяйствъ другихъ сословій". Г. Пѣшехоновъ допускаетъ, что отдѣльныя крестьянскія хозяйства перешли въ разрядъ частно-владѣльческихъ, „капиталистическихъ". „Но это явленіе, - говоритъ онъ, можетъ быть, уравновѣшивается и даже перевѣшивается преобразованіемъ на крестьянскій ладъ еще большей доли частновладѣльческихъ хозяйствъ, оставшихся внѣ нашего наблюденія". („Рус. Бог." 1902 г., № 10 и. с. стр. 114). Любовь цитируемаго автора „къ среднему уровню", а, въ сущности, къ мелкому, такъ велика, что изъ всякаго" плохого положенія онъ находитъ выходъ, не замѣчая, что въ данномъ, напр., случаѣ одинъ вопросъ - дифференціація крестьянства - онъ подмѣняетъ другимъ—эволюція землевладѣнія.

одной стороны, пролетаріата, съ другой—буржуазіи. Это — уже доподлинная „двусторонняя“ дифференціація, какъ того требуютъ гг. Черненковъ и Пѣшехоновъ.

Но такой обрисовки процесса дифференціаціи крестьянства, какая дана нами на предшествующихъ страницахъ, мало, — необходимо, во-первыхъ, дать ему количественное выраженіе и, во-вторыхъ, выяснить, что происходитъ съ той многомилліонной массой крестьянства, которая остается въ деревнѣ и въ своей общинѣ, т. е. съ такъ называемыми „наличными“ хозяйствами. Что касается перваго требованія, то оно почти неисполнимо, какъ мы уже говорили, по недостатку соотвѣтствующихъ статистическихъ данныхъ. Для рѣшенія же второй задачи могутъ послужить обширные матеріалы земскихъ статистическихъ изслѣдованій; при этомъ не слѣдуетъ, однако, забывать, что это будетъ только частичный отвѣтъ на вопросъ о дифференціаціи крестьянства, какъ это достаточно выяснено нами выше.

Подходя къ изслѣдованію крестьянской экономической жизни по даннымъ земской статистики, необходимо прежде всего выяснить нѣкоторыя общія экономическія и правовыя условія существованія крестьянства. Крестьянство — сословіе, и, какъ таковое, имѣетъ свое историческое наслѣдіе. Въ чемъ же послѣднее заключается?

Крестьяне получили земельной надѣлъ, за который должны платить выкупной долгъ государству. Кромѣ того на нихъ возложены и другіе прямые налоги (государственный поземельный, земскій, волостной и общинный), связанные съ землевладѣніемъ. Такимъ образомъ землевладѣніе для крестьянъ сразу послѣ реформы 1861 г. получило, въ значительной мѣрѣ, принудительный характеръ, характеръ государственной *повинности*. Община съ ея круговой порукой и служила — да и теперь продолжаетъ служить—прежде всего механизмомъ для уравнительнаго распредѣленія между ея членами этой повинности. Повинность эта вначалѣ была очень тяжела, такъ какъ цѣна выкупаемой крестьянами земли была опредѣлена слишкомъ высоко, и поэтому платежи за нее превышали доходность надѣловъ, — разницу крестьянамъ приходилось доплачивать деньгами, добытыми изъ другихъ источниковъ, помимо хозяйства на надѣльной землѣ. Затѣмъ тяжесть выкупныхъ платежей постепенно была понижена, и въ настоящее время, вѣроятно, повсюду *) доходность надѣльной земли выше выкупныхъ платежей; вмѣстѣ съ тѣмъ въ самое послѣднее время облегчена крестьянамъ возможность временнаго ухода изъ общины (измѣненіе паспортной системы) и ограничено дѣйствіе круговой поруки въ уплатѣ податей. Тѣмъ не менѣе принуди-

*) Есть общины, въ которыхъ, по даннымъ земскихъ оцѣночно-статистическихъ работъ, нѣкоторыя категоріи надѣльныхъ земель (пашня) даютъ убытокъ съ точки зрѣнія *товарно-денежнаго* хозяйства. Въ такихъ общинахъ, возможно, выкупные платежи и теперь еще превышаютъ доходность надѣловъ.

тельный характеръ крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія продолжаетъ существовать,—реформами послѣднихъ двухъ десятилѣтій онъ только ослабленъ.

Это „прикрѣпленіе къ землѣ“, связанное съ ограниченіемъ въ правахъ распоряженія ею, съ прикрѣпленіемъ къ своему сословію и, что еще важнѣе, къ своей общинѣ и даже къ „двору“ (паспорта на отлучку неотдѣльныхъ членовъ крестьянскихъ семей выдаются только съ разрѣшенія хозяина двора), и составляетъ специфическую особенность экономической жизни крестьянства по сравненію съ другими сословными группами населенія Россіи.

Условія надѣленія землей крестьянъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и отдѣльныхъ разрядовъ (бывшіе помѣщичьи, государственные, удѣльные) были различны. Въ частности для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ особенную роль играли (и, частью, продолжаютъ играть) такъ называемыя „отрѣзки“, т. е. земли, находившіяся до эмансипаціи въ пользованіи крестьянъ и послѣ нея отрѣзанныя помѣщику, а также черезполосица надѣльныхъ и занадѣльныхъ (помѣщичьихъ) земель; и то, и другое создало для крестьянъ необходимость арендовать помѣщичьи земли и способствовало, особенно въ центральной полосѣ Россіи, развитію такъ называемыхъ „отработковъ“, представляющихъ собой пережитокъ барщинныхъ отношеній.

Но всѣ эти „отрѣзки“, „отработки“, „испольщина“, „скопщина“ и т. п., имѣющія свое происхожденіе въ дореформенную эпоху, представляютъ собой частныя явленія по сравненію съ указаннымъ выше „прикрѣпленіемъ крестьянина къ землѣ“. Эта особенность крестьянской жизни способствовала созданію многихъ специфическихъ черть крестьянскаго хозяйства, надъ которыми такъ умиляются народники; ею объясняется и подчеркиваемая г. Пѣшехоновымъ „неимовѣрная живучесть“ крестьянства. Для прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянина земледѣліе почти обязательно,—только въ рѣдкихъ случаяхъ для него возможно и выгодно отказаться отъ надѣла или даже платить выкупные „съ пуста“; въ большинствѣ же случаевъ часть своихъ рабочихъ силъ онъ долженъ посвящать землѣ, чтобы получить отъ нея хотя нѣкоторую долю необходимыхъ ему средствъ для прокормленія и для уплаты налоговъ. Въ этой обязательности для крестьянъ земледѣлія играетъ, конечно, роль и то обстоятельство, что промышленный рынокъ не можетъ поглотить всѣхъ рабочихъ рукъ, предлагаемыхъ ему со стороны крестьянства. Но для насъ несомнѣнно, что существованіе въ Россіи громаднаго количества „карликовыхъ“, экономически совершенно нераціональныхъ, земледѣльческихъ хозяйствъ объясняется, главнымъ образомъ, вышеуказанными правовыми условіями крестьянскаго землевладѣнія.

Таково „наслѣдіе“, полученное крестьянами отъ крѣпостной эпохи. Каковы же современныя вліянія на его хозяйство?

Какъ ни малъ у рядового крестьянина его бюджетъ (большая половина котораго, замѣтимъ, носитъ денежный характеръ), онъ не можетъ быть покрытъ доходами отъ своего сельскаго хозяйства. Отсюда развитіе такъ называемыхъ „промысловъ“, т. е. всевозможныхъ занятій внѣ своего земледѣлія. На ряду съ „промысловой“ дѣятельностью, дающей крестьянину денежный доходъ, въ деньги же обращается и часть продуктовъ его сельскаго хозяйства. Этого требуетъ развитіе денежныхъ потребностей крестьянина. Такимъ образомъ обѣ стороны хозяйственной дѣятельности крестьянина—земледѣліе и промыслы—подчиняются товарно-капиталистическимъ отношеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ среду крестьянства проникаетъ принципъ конкурренціи и капиталистическаго накопленія, которое является цѣлью всякаго товарно-капиталистическаго хозяйства, и, слѣдовательно, создаются условія для „дифференціаціи“ крестьянства.

Итакъ, экономическая жизнь крестьянства идетъ подъ вліяніемъ условій двухъ категорій: во-первыхъ, хозяйственно-правовыхъ условій, унаслѣдованныхъ отъ крѣпостной эпохи, во-вторыхъ, условій современнаго капиталистическаго строя общественнаго хозяйства. Съ первыми, по нашему мнѣнію, связаны тѣ, черты крестьянскаго хозяйства, которыя народники считаютъ „органическими свойствами крестьянства, какъ таковoго“, вторыя—они называютъ „внѣшними“ условіями, оказывающими разлагающее вліяніе. Вопросъ о томъ, какія изъ этихъ условій слѣдуетъ считать „внѣшними“, а какія „—внутренними“, „органическими“, для насъ имѣетъ весьма малую теоретическую цѣнность, такъ какъ, очевидно, и та, и другая категорія условій одинаково реальна, и внѣ ихъ мы не знаемъ русскаго крестьянства. Но если ужъ нужно рѣшать этотъ схоластическій вопросъ, то „органическими“ мы склонны назвать условія второй категоріи, именно—товарно-капиталистическаго хозяйства, такъ какъ это—условія, въ которыхъ совершается экономическое развитіе всего современнаго міра, тогда какъ унаслѣдованныя отъ крѣпостной эпохи условія только задерживаютъ „естественное“ экономическое развитіе крестьянства, совершающееся подъ указанными современными вліяніями, видоизмѣняютъ эти вліянія, создаютъ болѣзненныя или уродливыя формы ихъ проявленія, словомъ, причиняютъ много излишнихъ страданій, физическихъ и моральныхъ, многомилліонной массѣ крестьянства. Къ тому же условія первой категоріи легко устранимы; поэтому мы думаемъ, что имъ гораздо больше идетъ названіе „внѣшнихъ“, хотя не сомнѣваемся, что съ устраненіемъ ихъ г. Пѣшехонову скоро пришлось бы разочароваться въ „духѣ“ русскаго крестьянина, тяготѣющаго будто бы „къ среднему уровню“.

Спѣшимъ оговориться,—памятуя столь недавнюю горькую участь „учениковъ“, экономическіе взгляды которыхъ такъ охотно отождествлялись съ желаніемъ „выварить мужика въ фабрич-

номъ котлѣ",—что, высказываясь за уничтоженіе „прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ", мы вовсе не хлопочемъ объ „освобожденіи" крестьянина отъ земли, мы желаемъ только, чтобы крестьянское землевладѣніе сдѣлалось полноправнымъ и свободнымъ.

Указанныя неблагопріятныя условія, унаслѣдованныя отъ крѣпостной эпохи, сыграли большую роль въ томъ хроническомъ кризисѣ, который давно уже переживаетъ крестьянское хозяйство. Но, конечно, кризисъ этотъ не ими одними создавался: вліяли и общія для государства правовыя и экономическія условія, неблагопріятныя для экономическаго развитія страны вообще и сельскаго хозяйства въ частности; въ оцѣнкѣ послѣднихъ мы, вѣроятно, не разойдемся съ гг. народниками.

Разсмотрѣвъ общія условія и характеръ крестьянскаго хозяйства, укажемъ теперь нѣкоторыя свойства земско-статистическихъ изслѣдованій, имѣющія важное значеніе для изученія этого хозяйства и, въ частности, дифференціаціи крестьянства. Выше мы уже отмѣтили, что судьбы „отсутствующихъ" крестьянскихъ хозяйствъ и выписавшихся изъ общества ускользали отъ наблюденія земскихъ статистиковъ. Но и экономическая структура „наличныхъ приписныхъ" хозяйствъ изучалась далеко не полно. Статистиковъ интересовало, главнымъ образомъ, земледѣльческое хозяйство крестьянъ, и признаки этого хозяйства и регистровались особенно тщательно. Что же касается „промысловъ", то обыкновенно отмѣчался лишь фактъ существованія ихъ, но соціально-экономическій характеръ ихъ, значеніе ихъ въ общей экономикѣ крестьянства и соотношеніе промысловъ и земледѣлія почти не изучались вовсе. Между тѣмъ крестьянское земледѣліе и „промыслы" находятся въ тѣсной связи, и только въ совокупности опредѣляютъ экономическую силу и типъ крестьянскаго хозяйства. Понятно, что это невниманіе статистиковъ къ „промысламъ" мѣшаетъ изучить дифференціацію крестьянства съ тою глубиной, которая была бы желательна. Къ этому присоединяется еще отсутствіе во многихъ статистическихъ сборникахъ групповыхъ и комбинаціонныхъ подсчетовъ; — статистики ограничивались простой сводкой собранныхъ цифровыхъ данныхъ о крестьянскомъ хозяйствѣ по юридическимъ единицамъ, какъ община, волость, уѣздъ, разрядъ крестьянъ, и выводомъ для нихъ *среднихъ* величинъ.

Мы думаемъ, что указанные дефекты земскихъ статистическихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства, мѣшающіе полному изученію „дифференціаціи" крестьянства, въ значительной мѣрѣ объясняются долгое время господствовавшими среди земскихъ статистиковъ народническими воззрѣніями. Въ самомъ дѣлѣ, по этимъ воззрѣніямъ, „отсутствующіе" дворы — своего рода отступники коренного крестьянства, крестьяне же, ведущіе хозяйство капиталистическаго типа, болѣзненный наростъ на народномъ организмѣ; и тѣ, и другіе — продуктъ „внѣшнихъ", вредныхъ вліяній,

не имѣющихъ ничего общаго съ „органическими свойствами“ крестьянскаго хозяйства; едва ли къ этимъ свойствамъ можно отнести и „подсобные“ промыслы крестьянъ—„исконныхъ“ земледѣльцевъ. Исходя же изъ идеи, что отличительная черта крестьянства, „какъ таковаго“, есть „тяготѣніе къ среднему уровню“, пожалуй, нѣтъ особенныхъ основаній заниматься и сложными „комбинаціонными“ подсчетами. Необходимо, впрочемъ, указать, что послѣднія статистическія работы постепенно освобождаются отъ отмѣченныхъ недостатковъ, хотя и онѣ во многомъ придерживаются традиціонныхъ способовъ регистраціи и разработки, несмотря на ихъ несовершенства.

Указывая дефекты земскихъ статистическихъ изслѣдованій, мы отнюдь не хотимъ умалить крупныя заслуги земской статистики въ дѣлѣ изученія русской экономической жизни. Въ частности же по отношенію къ крестьянскому хозяйству земскія переписи являются почти единственнымъ цѣннымъ матеріаломъ. Мы хотимъ только указать, при какой постановкѣ работъ земская статистика могла бы дать рѣшеніе одного изъ самыхъ важныхъ экономическихъ вопросовъ нашей жизни. И поскольку *такой* постановкѣ работъ способствуетъ „подчиненіе земской статистики новому теченію“ (о чемъ не безъ сожалѣнія, повидимому, упоминаетъ г. Черненковъ) *), мы готовы привѣтствовать это „подчиненіе“, если только возможно признать его фактомъ.

Выше мы намѣтили лишь общія экономическія условія, при которыхъ совершается эволюція крестьянскаго хозяйства. Но въ различныхъ частяхъ Россіи они варьируютъ и, кромѣ нихъ, на сцену выступаетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ хозяйственныхъ факторовъ; въ результатѣ же получаются въ различныхъ частяхъ страны неодинаковыя условія крестьянскаго хозяйства, а слѣдовательно, и „дифференціація“ крестьянства должна въ этихъ частяхъ проявляться различно. Это обстоятельство не ускользнуло отъ вниманія авторовъ, занимавшихся вопросомъ о „дифференціаціи“. На необходимость порайоннаго изученія вопроса указываетъ Вл. Ильинъ, о ней же говоритъ и г. Черненковъ. П. П. Масловъ въ своей книгѣ „Условія развитія сельскаго хозяйства въ Россіи“, на основаніи теоретическаго анализа этихъ условій, приходитъ къ заключенію, что эволюція крестьянскаго *земледѣльческаго* хозяйства не одинакова въ мѣстностяхъ, гдѣ „производительныя силы населенія въ земледѣліи“ падаютъ и гдѣ онѣ развиваются. Сообразно этому признаку, пришлось бы при изученіи „дифференціаціи“ крестьянства разбить Россію всего на два района, причемъ къ первому бы отошла вся Россія, кромѣ южной и юго-восточной окраины. Но Масловъ знаетъ, что онъ

*) „Сарат. Земск. Нед.“ 1902 г., № 5. „Къ характеристикѣ крест. хоз.“. Стр. 31, примѣч.

сужаетъ вопросъ о дифференціаціи,—онъ говоритъ: „...При паденіи производительныхъ силъ (въ *земледѣльческомъ* производствѣ) не будетъ происходить и дифференціаціи *крестьянскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ*, хотя дифференціація *крестьянства* можетъ идти очень быстро“ *).

Мы думаемъ, что предложенное Масловымъ дѣленіе Россіи на два района слишкомъ „грубо“ даже для изученія дифференціаціи крестьянскаго сельскаго хозяйства, уже хотя бы по одному тому, что крестьяне ведутъ не одно зерновое хозяйство, а занимаются и промышленнымъ льноводствомъ и промышленнымъ молочнымъ хозяйствомъ и т. п. Но не только поэтому: выше мы уже говорили, какъ тѣсно связаны между собой двѣ стороны крестьянскаго хозяйства,—„промыслы“ и земледѣліе, и изучать дифференціацію крестьянства, поэтому, надо въ цѣломъ.

Установить дѣленіе Россіи на районы съ различными условіями хозяйства, по нашему мнѣнію, возможно только статистическимъ путемъ, т. е. путемъ систематическаго изученія имѣющихся статистическихъ матеріаловъ, освѣщеннаго, конечно, опредѣленной научной точкой зрѣнія. Это—большая работа, которая ждетъ еще своихъ исполнителей, и здѣсь мы не будемъ ею заниматься. Намъ важно было только отмѣтить необходимость такой работы, прежде чѣмъ перейти къ болѣе детальному разсмотрѣнію условій крестьянскаго хозяйства и его эволюціи на основаніи имѣющихся у насъ статистическихъ матеріаловъ, относящихся къ мѣстностямъ съ весьма различными хозяйственными условіями.

IV.

Данныя, съ которыми мы ниже познакомимъ читателя, относятся къ тремъ уѣздамъ: Николаевскому Самарской губерніи, Роменскому Полтавской и Вяземскому Смоленской. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ были произведены повторныя переписи крестьянскихъ хозяйствъ: въ Николаевскомъ уѣздѣ въ 1898 г., въ Роменскомъ—въ 1899 г. и въ Вяземскомъ—1900 г. **). Переписямъ

*) П. П. Масловъ. „Условія развитія и пр.“. Стр. 332, г. Пѣшехоновъ въ своей критикѣ книги Маслова („Русск. Богат.“ 1903 г., № 6. „Послѣдній ученый трудъ ортодоксальнаго марксизма“), повидимому, не замѣчаетъ указаннаго ограниченія Масловымъ вопроса, когда отмѣчаетъ, что Масловъ самъ себѣ противорѣчитъ: „въ районѣ упадка производительныхъ силъ то нѣтъ „дифференціаціи“, то есть „дифференціація“.

**) Матеріалы повторныхъ переписей по Николаевскому и Вяземскому уѣздамъ были разработаны (но не собраны) подъ непосредственнымъ руководствомъ пишущаго эти строки. Таблицы данныхъ повторной переписи Роменскаго уѣзда въ рукописномъ видѣ предоставлены въ наше пользованіе статистическимъ бюро Полтавскаго земства, за что приносимъ глубокую благодарность Полтавскому бюро и, въ частности, Н. К. Галимскому.

этимъ не чужды, конечно, обычные недостатки работъ этого рода, на которые мы указывали выше; тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ собой цѣнный статистическій матеріалъ по интересующему насъ здѣсь вопросу. Въ частности, по отношенію къ Николаевскому уѣзду слѣдуетъ отмѣтить, что изъ 56 волостей уѣзда только въ 48 перепись была произведена самими статистиками, въ остальныхъ—перепись вели волостные и сельскіе писаря, а статистики только контролировали ихъ работу, но и въ первыхъ 38 волостяхъ статистикамъ пришлось вести перепись, по сравнительно короткой программѣ, по списочной, а не по карточной системѣ и безъ соблюденія нѣкоторыхъ другихъ техническихъ пріемовъ, выработанныхъ практикой земскихъ подворныхъ переписей *). Не посчастливилось Николаевскому уѣзду и въ другомъ отношеніи: изслѣдованіе производилось въ „голодный" годъ, послѣ *двухъ* сильнѣйшихъ въ этой полосѣ Россіи неурожаевъ 1897 и 1898 гг. Понятно, что это стихійное бѣдствіе рѣзко отразилось на положеніи хозяйства николаевскихъ крестьянъ, а слѣдовательно и его регистрація дала картину *не нормальнаго* хозяйства. Указанныя особенности переписи Николаевскаго уѣзда были бы, пожалуй, достаточны, чтобы не пользоваться ея матеріалами для изученія интересующаго насъ вопроса, но разработанныхъ повторныхъ изслѣдованій такъ не много — а перепись Николаевскаго уѣзда даже не вторая, а третья,— что мы рѣшили ввести и ихъ въ дальнѣйшее изложеніе. Однако, мы будемъ пользоваться только данными по 38 волостямъ, собранными самими статистиками.

Первая перепись Николаевскаго уѣзда (такъ же какъ и другихъ уѣздовъ Самарской губ.) была произведена въ 1867 г. черезъ сельскую администрацію помощникомъ предсѣдателя губернскаго статистическаго комитета В. Рихтеромъ и секретаремъ того же комитета Е. Анучинымъ. Ими же разработанъ матеріалъ и изданъ въ 5 выпускахъ въ 1870 и 1871 гг. Вторую перепись крестьянскихъ хозяйствъ произвело въ 1888 г. уже земское статистическое бюро. Разработанные матеріалы этого изслѣдованія составили VI томъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній по Самарской губ.", изданнаго въ 1889 г.

Роменскій уѣздъ въ первый разъ изслѣдованъ былъ земскими статистиками въ 1888 г. Результаты этого изслѣдованія изданы въ 1893 г. въ видѣ XII тома „Сборника по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи".

Наконецъ, первое, также земско-статистическое описаніе Вяземскаго уѣзда было произведено въ 1884 г.; матеріалы этого описанія составили содержаніе двухъ выпусковъ I тома „Сбор-

*) Вина въ этихъ отступленіяхъ отъ требованій статистической техники никоимъ образомъ не можетъ быть возложена на статистическое бюро Самарскаго земства; она должна быть отнесена къ „независящимъ обстоятельствамъ".

ника статистическихъ свѣдѣній по Смоленской губ.", изданныхъ въ 1885 и 1886 гг.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію *динамики* крестьянскаго хозяйства въ названныхъ трехъ уѣздахъ, набросаемъ въ общихъ чертахъ картину *состоянія* (статики) этого хозяйства по послѣднимъ изслѣдованіямъ.

Уѣзды, съ крестьянскимъ хозяйствомъ которыхъ намъ предстоитъ познакомиться, рѣзко различаются между собой по общимъ естественно- и культурно-историческимъ условіямъ.

Николаевскій уѣздъ занимаетъ громадную площадь болѣе 2.850.000 десятинъ, представляющую собой, особенно въ южной части уѣзда, по лѣвому берегу р. Иргиза, типичную степь юго-востока Россіи. Поверхность уѣзда покрыта главнымъ образомъ тяжелыми и частью грубыми почвами, надлежащая обработка которыхъ требуетъ большой затраты труда, — преобладающими почвенными типами являются сѣро-шоколадный черноземъ, темно-каштановый и грубый суглинки, нерѣдко встрѣчаются и солонцы. Орошеніе слабое; зимы суровыя съ частыми степными „буранами", лѣто жаркое и сухое, вообще атмосферныхъ осадковъ выпадаетъ мало, и уѣздъ періодически страдаетъ отъ засухъ, сопровождающихся неурожаемъ хлѣбовъ и травъ. Господствуетъ зерновое хозяйство при залежной системѣ полеводства, которая частными владѣльцами примѣняется почти исключительно, но сохранилась еще до сихъ поръ и у крестьянъ. Послѣдніе, впрочемъ, переходятъ и частью уже перешли къ трехполью, но удобреніе полей, можно сказать, отсутствуетъ. Залежь уже на 4—5 годъ заростаетъ ковылемъ, слѣдовательно становится „твердою", годною для культуры, „бѣлотурки" (яровой пшеницы изъ породы твердыхъ, стекловидныхъ), составляющей цѣнный продуктъ нашего заграничнаго экспорта. Громадное количество бѣлотурки и другихъ хлѣбовъ и вывозится изъ уѣзда. Кромѣ зерноваго хозяйства въ уѣздѣ встрѣчается еще разведеніе мясного скота.

Роменскій уѣздъ, площадь котораго—238.000 десятинъ,—почти въ 12 разъ меньше площади Николаевскаго уѣзда, принадлежитъ также къ степной полосѣ Россіи, но расположенъ въ ея пограничной сѣверо западной части. Здѣсь климатъ гораздо ровнѣе и мягче, количество почвенной и атмосферной влаги гораздо больше и урожаи гораздо постояннѣе. Почвы менѣе тяжелы: господствуетъ типичный горовой черноземъ, покрывающій болѣе 2/3 поверхности уѣзда, и лѣсной темно-коричневый суглинокъ. Здѣсь культурное воздѣйствіе человѣка давно уже отодвинуло далеко на югъ пограничную линію ковыля: залежная система встрѣчается, какъ исключеніе, трехполье пріобрѣло всеобщее господство, и начинаетъ практиковаться удобреніе полей, пока, главнымъ образомъ, приусадебныхъ участковъ. Ведется также зерновое хозяйство, но на ряду съ мягкими сортами яровой и озимой

еницы, сѣются въ большомъ количествѣ „сѣрые“ хлѣба: рожь, есъ, ячмень и др. Культивируются и нѣкоторыя промышлен-ія растенія, изъ которыхъ слѣдуетъ отмѣтить табакъ. Хлѣбъ возится преимущественно за границу.

Совсѣмъ иную картину представляетъ Вяземскій уѣздъ, по ощади—278.000 десятинъ—лишь немного превышающій Ромен-ій уѣздъ. По климату, рельефу и почвенному покрову это—ти-чный представитель центральной нечерноземной полосы. Лѣто роткое и не жаркое, зима снѣжная продолжительная. Ощу-ется избытокъ почвенной и атмосферной влаги, который иногда едитъ даже урожаямъ, но послѣдніе въ общемъ ровнѣе, чѣмъ южной и тѣмъ болѣе юго-восточной Россіи. Почвы средніе и гкіе суглинки и супеси, частью подзолистыя, иногда заболочен-ія. Удобреніе пашни обязательно. Давно господствующее трех-лье замѣняется уже болѣе сложными травопольными системами, половина крестьянскихъ общинъ,—не говоря уже о частныхъ адѣльцахъ,— ввела травосѣяніе въ связи съ переходомъ отъ ехполья къ многопольнымъ системамъ. На ряду съ культурой рновыхъ хлѣбовъ (ржи и овса) развито промышленное льно-дство. Уѣздъ *ввозитъ* продовольственные хлѣба, а вывозитъ нъ (на заграничные рынки) и овесъ.

Эти различія въ естественно-историческихъ условіяхъ уѣз-въ наглядно показываются нижеслѣдующими цифрами, пред-авляющими распредѣленіе всей площади удобной земли на дѣльныя угодія.

Изъ 100 десятинъ удобной земли приходится:

Уѣзды:	По уѣзду вообще.						У крестьян. (надѣльн. и куплен. земли).					
	Усадебной.	Пашни.	Покоса.	Выгона.	Лѣса.	Итого.	Усадебной.	Пашни.	Покоса.	Выгона.	Лѣса.	Итого.
колаевскій . . .	0,8	81,9	1,7	15,3	0,4	100	1,0	73,9	2,6	21	21,9	100
менскій . . .	7,7	69,5	7,7	1,9	13,2	100	8,6	79,1	5,8	0	0,5	100
земскій . . .	2,8	38,9	25,4	2,2	30,7	100	3,8	53,2	24,3	16	16,9	100

Если обратимся къ цифрамъ распредѣленія угодій *по уѣзду обще*, то увидимъ, что $^0/_0{}^0/_0$ пашни, покоса, лѣса колеблются совер-енно правильно: въ Николаевскомъ уѣздѣ подъ пашней наи-льшая площадь, а подъ покосомъ и лѣсомъ—наименьшая, въ埋 земскомъ—наоборотъ, а Роменскій уѣздъ занимаетъ середину жду другими двумя; Роменскій уѣздъ выдѣляется по вели-нѣ площади усадебной земли, что составляетъ особенность Ма-россіи вообще, съ ея садами, баштанами и левадами; въ Ни-лаевскомъ уѣздѣ бросается въ глаза обширность выгоновъ, ко-рые представляютъ собой менѣе удобныя для посѣвовъ степ-

ныя мѣста, но при болѣе высокой культурѣ, во всякомъ случаѣ, годныя для обрашенія въ пашню.

Въ частности кресьянскія земли (надѣльныя и купчія) распредѣляются по угодьямъ уже нѣсколько иначе. Въ сравнительно лѣсистомъ Вяземскомъ уѣздѣ у крестьянъ оказывается лѣсу меньше, чѣмъ въ безлѣсномъ Роменскомъ уѣздѣ. Этотъ уѣздъ и по площади пашни попадаетъ на первое мѣсто, оставляя второе—Николаевскому уѣзду. Это значитъ только, что николаевскіе крестьяне распахали далеко еще не всю степь, находящуюся въ ихъ распоряженіи, оставивъ значительную часть ея подъ выгономъ для скота, тогда какъ роменскіе поселяне почти исчерпали уже фондъ земельныхъ угодій, которыя можно обратить въ пашню. Въ общемъ же, судя по относительной величинѣ площади пашни, полевое хозяйство въ Николаевскомъ и Роменскомъ уѣздѣ играетъ почти одинаковую роль, и значительно большую, чѣмъ въ Вяземскомъ. Этотъ послѣдній выводъ получаетъ дальнѣйшее развитіе при свѣтѣ нижеслѣдующихъ данныхъ о пропорціи культивируемыхъ на поляхъ растеній въ каждомъ изъ трехъ уѣздовъ.

Изъ 100 десятинъ посѣва занято:

Уѣзды:	Рожью.	пшеницей яровой: Озимой.	Русской.	Бѣлотуркой.	Прочим. сортами.	Итого.	Ячменемъ.	Овсомъ.	Просомъ.	Гречей.	Горохомъ.	Картофел.	Льномъ.	Коноплей.	Табакомъ.	Кормовыми травами.	Остальными растеніями.	Всего.
Николаевскій . .	8,7	···	18,1	43,1	2,1	**63,3**	5,1	**11,2**	7,0	0,0	0,4	0,2	1,2	0,0	0,0	0,0	2,9	100
Роменскій .	**35,6**	0,1	5,4	—	—	5,5	**12,6**	**24,2**	4,8	**12,4**	—	0,9	0,1	1,5	1,3	0,1	1,0	100
Вяземскій .	**39,6**	—	0,0	—	—	0,0	0,3	**23,1**	—	0,1	1,8	3,6	**23,3**	0,0	—	**8,2**	—	100

Николаевскій уѣздъ производитъ наиболѣе цѣнный продуктъ—пшеницу, тогда какъ и Роменскій (рѣчь идетъ о крестьянскомъ хозяйствѣ) и Вяземскій уѣзды—ржаные; изъ яровыхъ хлѣбовъ въ Роменскомъ уѣздѣ главнымъ образомъ культивируются ячмень, овесъ, греча, просо; въ Вяземскомъ же—на первый планъ выступаютъ посѣвы льна на волокно и затѣмъ уже идетъ овесъ; выдѣляютъ также этотъ послѣдній уѣздъ изъ двухъ предыдущихъ сравнительно значительные посѣвы травъ (клевера). Въ общемъ же слѣдуетъ отмѣтить большее разнообразіе культуръ въ двухъ первыхъ уѣздахъ.

Не менѣе, чѣмъ по естественно-историческимъ условіямъ, различаются между собой изслѣдуемые уѣзды и по характеру населенія и культурно-экономическимъ особенностямъ его жизни.

Николаевскій уѣздъ двѣсти лѣтъ назадъ представлялъ собою пустынную степь, по которой кочевали башкиры, киргизы, калмыки и ногайцы. Заселеніе его началось въ XVIII вѣкѣ, при

Екатеринѣ II, съ одной стороны, раскольниками и другими „вольными“ людьми, имѣвшими основаніе скрываться отъ вниманія государственной власти, съ другой — нѣмцами, выписанными изъ-за границы. Съ начала XIX столѣтія появляются въ Николаевскомъ уѣздѣ и крѣпостные крестьяне, переселенные сюда изъ внутреннихъ губерній помѣщиками, получившими земли въ Самарскихъ степяхъ. Но волна иммиграціи, постепенно расширяясь, пріобрѣла съ теченіемъ времени обычный у насъ характеръ: „избыточное“ земледѣльческое населеніе коренной Россіи искало здѣсь „свободныхъ“ земель. Долго еще колонистамъ-земледѣльцамъ приходилось бороться съ дикими кочевниками: жалобы на ихъ „баранты“ (набѣги съ цѣлью грабежа) раздаются до половины XIX вѣка *). Заселеніе уѣзда не закончилось и въ настоящее время: онъ принадлежитъ къ той полосѣ Россіи, которая, какъ показали приведенныя выше данныя всероссійской переписи 1897 г., привлекаетъ эмигрантовъ изъ внутреннихъ губерній. Сообразно характеру заселенія. Николаевскій уѣздъ представляетъ чрезвычайное разнообразіе въ отношеніи этнографическаго и вѣроисповѣднаго состава его жителей: великороссы, малороссы, бѣлорусы, латыши, нѣмцы, мордва, башкиры, татары,—вотъ перечень населяющихъ его народностей; преобладаютъ, однако, великороссы и, затѣмъ, малороссы.

Больше 3/4 (76%) николаевскихъ крестьянъ—бывшіе государственные, затѣмъ 13% бывшихъ удѣльныхъ и только 11% бывшихъ помѣщичьихъ, знавшихъ доподлинное крѣпостное право или у себя на старой родинѣ, или уже здѣсь въ степи. Сильное миграціонное движеніе, существующее въ уѣздѣ, отразилось также и на соотношеніи тѣхъ категорій хозяйствъ, которыя въ земской статистикѣ называются приписными—наличными и отсутствующими—и посторонними (не приписанными). „Постороннія“ составляютъ 11% всего сельскаго населенія. Это, очевидно, въ значительной своей части „новоселы“, не успѣвшіе еще „приписаться“. Въ противоположность высокому проценту „постороннихъ“, % „приписныхъ отсутствующихъ“ очень малъ—4,2, причемъ громадное большинство этихъ отсутствующихъ живетъ или въ своемъ же уѣздѣ, но внѣ своей общины, или въ томъ же степномъ районѣ въ сосѣднихъ уѣздахъ. Они ведутъ свое земледѣльческое хозяйство, или „батрачатъ“ у другихъ хозяевъ.

Гораздо старѣе земледѣльческая исторія Роменскаго уѣзда. Здѣсь уже въ концѣ XVI вѣка жило постоянное земледѣльческое населеніе—казаки и „посполитые“ крестьяне, находившіеся въ тяжкой крѣпостной зависимости у „ясновельможныхъ пановъ“ Польско-литовскаго государства. Послѣ кровопролитныхъ казацкихъ войнъ съ Польшей Роменскій уѣздъ вошелъ въ составъ военно-аристократической государственной организаціи Богдана

---

*) См. „Сборникъ статистич. свѣдѣній по „Самарской губ.“ Т. VI.

Хмѣльницкаго, подчинившейся Московскому государству. Но раздѣленіе на два сословія—привилегированное и непривилегированное осталось, только мѣсто польскихъ пановъ заняли войсковая „старшина“ и другіе члены „войскового товариства“, попрежнему державшіе въ крѣпостной зависимости „посполитыхъ“ *). Мало измѣненій по существу въ эти соціально-экономическія отношенія внесло и наступившее впослѣдствіи упраздненіе въ Украинѣ войсковой организаціи съ преобразованіемъ полтавскихъ и черниговскихъ полковъ сперва въ намѣстничества, а потомъ и въ губерніи. Слѣды историческихъ отношеній сохранились, однако, еще и теперь: „непривилегированное“ сельское населеніе Роменскаго уѣзда—сплошь малорусское—дѣлится на два разряда: крестьянъ (главнымъ образомъ, бывшихъ помѣщичьихъ) и казаковъ, утратившихъ свое воинское званіе, но сохранившихъ въ массѣ нѣкоторое экономическое преимущество передъ крестьянами, какъ это увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія. Въ настоящее время Роменскій уѣздъ принадлежитъ, несомнѣнно, къ „перенаселеннымъ“ (относительно, конечно): въ немъ дѣйствительный приростъ населенія ниже естественнаго. „Избыточное“ населеніе частью переселяется, главнымъ образомъ, въ Сибирь и на юго-востокъ Россіи, частью уходитъ въ „дальніе“ заработки въ Новороссію, на Донъ и Сѣверный Кавказъ, входя въ составъ той милліонной массы сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которая ежегодно заполняетъ югъ Россіи. По „напряженности“ переселенческаго движенія Роменскій уѣздъ занимаетъ среди другихъ уѣздовъ Полтавской губ., дающей громадную массу переселенцевъ, второе мѣсто (первое принадлежитъ Полтавскому уѣзду): ежегодно изъ Роменскаго уѣзда выселяется 0,62% всего населенія **).

Вяземскій уѣздъ, населенный исключительно великороссами, еще болѣе „старый“. Первыя упоминанія о Вязьмѣ относятся къ XI вѣку, а съ XIII-го вѣка, вѣроятно, въ уѣздѣ ведется уже болѣе или менѣе правильное земледѣліе. Бывшіе помѣщичьи крестьяне составляютъ въ немъ 89% всѣхъ крестьянъ, бывшіе государственные—10% и остальные разряды—1%. Уѣздъ, несомнѣнно, также „перенаселенный“. Но избыточное населеніе выселяется не на „новыя земли“, а въ города: „отсутствующія“ хозяйства составляютъ 12.4% всѣхъ „приписныхъ“. Но и эта цифра не даетъ еще представленія о дѣйствительныхъ размѣрахъ эмиграціи вяземскихъ крестьянъ. Изъ „наличныхъ“ хозяйствъ 71,8% отпускаютъ своихъ членовъ на „промыслы“. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ это—неземледѣльческія занятія разнаго

---

*) См. „Сводный сборникъ по статистическому описанію Полтавской губ. въ 1882—1889 гг.“. Выпускъ I.

**) См. „Переселенія изъ Полтавской губ. съ 1861 г. по 1 іюля 1900 г.“. Выпускъ I.

рода въ тѣхъ же городахъ, и „промышленники“ нерѣдко уходятъ съ женами и дѣтьми или обзаводятся семьями на сторонѣ. Великъ % хозяйствъ отсутствующихъ, но малъ процентъ „постороннихъ“ хозяйствъ, живущихъ въ селеніяхъ Вяземскаго уѣзда,—онъ равенъ всего 1,1. Слѣдовательно „вселеніе“—ничтожно.

Мы могли бы продолжать сравнительную характеристику трехъ изслѣдуемыхъ уѣздовъ—указать, напр., что наиболѣе низкія продажныя и арендныя цѣны на землю существуютъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, наиболѣе высокія продажныя цѣны—въ Роменскомъ и арендныя—въ Вяземскомъ и т. д.,—но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, что условія хозяйственной жизни крестьянскаго населенія и, въ частности, земледѣлія въ нихъ различны.

Различія эти рельефно сказались и въ группировкѣ крестьянскихъ хозяйствъ по величинѣ посѣва—признаку, наиболѣе характерному для земледѣлія.

Группировка хозяйствъ по площади посѣва.	Уѣзды: Николаевскій			Роменскій			Вяземскій.	
I. Не сѣющія	**11,6**			28,5; 2,0	**30,5**		**9,5**	
Засѣвающія:								
II. До 1 дес.	—	**17,6**		**6,6**		27,2	2,9	**24,6**
III. Отъ 1 до 2 дес.	—			10,3	**20,6**		21,7	
IV. Отъ 2 до 3 дес.	—			10,3				
V. Отъ 3 до 6 дес.	21,2	35,9	**46,3**	23,8	**34,0**		43,1	**59,2**
VI. Отъ 6 до 9 дес.	14,7			10,2			16,1	
VII. Отъ 9 до 12 дес.	10,4		17,1	—	**6,0**		4,7	**6,7**
VIII. Отъ 12 до 15 дес.	6,7	**13,6**		—			*Болѣе 12 дес.* 2,0	
IX. Отъ 15 до 20 дес.	6,9			*Отъ 15 до 25 д.* 1,7		**2,3**	—	
X. Отъ 20 до 30 дес.	6,3	**10,9**		отъ 25 до 50 д.: 0,5			—	
XI. Отъ 30 до 40 дес.	2,2						—	
XII. Болѣе 40 дес.	2,4			Болѣе 50 дес.: 0,1			—	

Благодаря различному масштабу, принятому для группировки хозяйствъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ, произвести полное сравненіе можно только для низшихъ группъ, съ посѣвомъ до 9 десятинъ; хозяйства же, засѣвающія болѣе 9 десятинъ пашни, приходится въ цѣляхъ такого сравненія объединить въ одну группу.

ПРОЦЕНТЪ ХОЗЯЙСТВЪ.

Уѣзды:	Безъпосѣва.	Съ пос. до 3 дес.	Съ пос. 3—6 д.	Съ пос. 6—9 д.	Съ пос. бол. 9 дес.
Николаевскій . . .	11,6	17,6	21,2	14,7	34,9
Роменскій.	30,5	27,2	23,8	10,2	8,3
Вяземскій.	9,5	24,6	41,3	16,1	6,7

Цифры двухъ приведенныхъ таблицъ приводятъ насъ къ слѣдующимъ выводамъ. Наиболѣе мелкое земледѣльческое хозяйство ведутъ вяземскіе крестьяне,—у значительной части которыхъ оно имѣетъ „карликовые" размѣры, и даже въ высшей группѣ крестьянъ этого уѣзда запашка не превышаетъ 12—15 десятинъ; но здѣсь наименѣе сильна дифференціація въ сферѣ земледѣлія: обѣ крайнія группы сравнительно не многочисленны.

Наоборотъ, въ Николаевскомъ уѣздѣ крестьяне дѣлаютъ крупные посѣвы, высшая группа—самая многочисленная, а среднія—не велики; однако, откололась довольно значительная группа безпосѣвныхъ хозяйствъ, и дифференціація здѣсь сказалась гораздо замѣтнѣе. Наиболѣе рѣзко выразилось разслоеніе *земледѣльческихъ* хозяйствъ въ Роменскомъ уѣздѣ. Здѣсь, на ряду съ существованіемъ весьма крупныхъ посѣвщиковъ, образовалось громадное число хозяйствъ безпосѣвныхъ и засѣвающихъ ничтожные участки пашни.

Чтобы судить, представляетъ ли указанная группировка хозяйствъ по площади посѣва только „количественное" различіе, какъ утверждаютъ народники, или же и „качественное", т. е. являются ли хозяйства крайнихъ группъ представителями различныхъ соціально-экономическихъ типовъ, присмотримся ближе къ хозяйственнымъ условіямъ этихъ группъ. Для этого намъ придется установить въ каждомъ уѣздѣ нѣсколько иные предѣлы группъ, чѣмъ тѣ, которые приняты въ двухъ предыдущихъ таблицахъ. Именно, въ Николаевскомъ уѣздѣ мы разобьемъ хозяйства на пять группъ: I) не сѣющія, II) съ посѣвомъ до 3 дес., III) съ посѣвомъ отъ 3—12 дес., IV) съ посѣв. отъ 12 до 20 дес. и V) съ посѣв. болѣе 20 дес.; въ Роменскомъ—на шесть группъ: I) не сѣющія, II) съ пос. до 1 дес., III) съ пос. отъ 1 до 3 дес., IV) съ пос. отъ 3 до 9 дес., V) съ пос. отъ 9 до 15 дес. и VI) съ пос. болѣе 15 дес., и въ Вяземскомъ—на четыре группы: I) не сѣющія, II) засѣвающія до 3 дес., III) съ посѣв. отъ 3 до 6 дес. и IV) съ пос. болѣе 9 дес.

Остановимся прежде всего на Николаевскомъ уѣздѣ. Та или другая посѣвная площадь представляетъ собой, если можно такъ выразиться, результатъ всѣхъ условій землевладѣнія и землепользованія. Каковы эти условія, показываютъ слѣдующія цифры.

Группы хозяйствъ:	% хозяйствъ безнадѣльныхъ.	На 1 надѣльное хозяйство приход. десят.: Пашни.	Всей удобной земли.	% хозяйствъ сдающихъ въ аренду: Весь надѣлъ.	Часть надѣла.	% хозяйствъ съ купчей землей.	На 1 хозяйство съ купчей землей приход.: Пашни.	Всей удобной земли.
I. Не сѣющія	53,1	9,1	15,3	29,7	51,8	0,3	12,9	15,2
II. Съ пос. до 3 дес. .	11,4	8,6	13,0	2,3	56,2	0,6	3,5	4,2
III. Съ пос. отъ 3 до 12 д.	1,1	12,6	18,7	0,8	35,8	1,5	8,5	10,0
IV. Съ пос. отъ 12 до 20 д.	0,4	19,4	28,9	0,4	20,3	3,7	9,2	10,5
V. Съ пос. болѣе 20 дес.	0,2	28,4	37,4	0,5	15,3	5,4	31,0	47,7
По уѣзду	8,8	16,4	21,6	2,7	35,2	1,9	15,4	21,4

Группы хозяйствъ:	% хозяйствъ, арендующихъ землю въ своей общинѣ.	На 1 арендующее хозяйство приходится: Пашни.	Всей удобной земли.	% хозяйствъ, арендующихъ землю внѣ общины.	На 1 арендующее хозяйство приходится: Пашни.	Всей удобной.	На 1 хозяйство, обрабатыв. землю, приходится: Пашни.	Покоса.	Всей удобной земли.	Изъ 100 дес. удоб. эксплоатир. земли приход.: Пашни.	Покоса.
I. Не сѣющія. . .	0,5	2,6	2,9	3,1	3,4	19,0	2.3	0,8	5,5	40,9	13.9
II. Съ пос. до 3 д.	17,8	1,4	1,5	21,8	1,2	3,1	6,4	0,9	11,2	57,1	7,9
III. Съ пос. отъ 3 до 12 дес.	26,6	2,3	2,5	51,3	2,6	5,7	13,5	2,3	21,2	63,5	11,0
IV. Съ пос. отъ 12 до 20 дес.	48,6	4,0	4,1	78,7	5,2	10,7	25,1	5,3	39,0	64,3	13,6
V. Съ пос. болѣе 20 дес.	66,7	10,9	11,6	87,9	15.8	28,2	50,7	13,0	74,3	68,3	17,6
По уѣзду	29.4	4,8	5,0	48,2	5,7	11,2	16,8	3,5	26,2	64,2	13,4

Цифры всѣхъ столбцовъ приведенной таблицы колеблются правильно: увеличивающіе размѣръ хозяйства факторы растутъ отъ I группы къ V, уменьшающіе—падаютъ въ томъ же направленіи. Хозяйства высшей группы „собрали“ въ своихъ рукахъ довольно крупную площадь земли (въ среднемъ на 1 хоз. 75 десятинъ), и въ этомъ „собираніи земли“ видную роль играетъ аренда. Размѣръ площади землевладѣнія и размѣръ эксплоатируемой площади измѣняются по группамъ, хотя и въ одномъ направленіи, но не параллельно: тогда какъ площадь надѣльной пашни, приходящейся на 1 хозяйство, въ V-й группѣ больше, чѣмъ во II-й, всего въ $3^1/_2$ раза, площадь всей эксплоатируемой пашни—больше въ 8 разъ. А такъ какъ хозяйства съ купчей землей въ V группѣ составляютъ всего 5,4%, то такой сильный ростъ въ этой группѣ эксплоатируемой площади земли объясняется развитіемъ въ высшихъ группахъ аренды: представители этихъ группъ

арендуютъ землю и въ своей общинѣ и на сторонѣ,—у частныхъ владѣльцевъ и казны. Наоборотъ, хозяйства низшихъ группъ сдаютъ свою землю—надѣльную и купчую,—и у нихъ (I и II группы) площадь эксплоатируемой земли *меньше* площади землевладѣнія. Такимъ образомъ, обладаніе надѣльной землей въ томъ или иномъ количествѣ не обусловливаетъ еще размѣровъ земледѣльческаго хозяйства.

Участки земли, эксплоатируемые хозяйствами высшихъ группъ, отличаются не только большей величиной, но и болѣе выгоднымъ распредѣленіемъ угодій,—пашня и покосъ, наиболѣе доходныя угодья, даютъ въ нихъ высшій процентъ. Но и доходность одного и того же угодья—пашни—у нихъ повышается благодаря условіямъ эксплоатаціи, съ которыми знакомятъ насъ цифры слѣдующей таблицы.

Группы хозяйствъ:	На 1 хозяйство приходится десят. посѣв.	Изъ 100 десят. пашни находится подъ:		Процентное отношеніе хозяйствъ, сѣющихъ.						
		Посѣвомъ.	Паромъ и залежью.	Только на надѣлѣ.	На надѣльн. и купчей землѣ.	На надѣльн. и аренд. землѣ.	На над., купч. аренд. землѣ.	Только на купчей землѣ.	На купчей и аренд. землѣ.	Только на аренд. землѣ.
I. Безъ посѣва. . . .	—	—	100	—	—	—	—	—	—	—
II. Съ пос. до 3 д. . .	1,9	30,6	69.4	71,00	0,11	11,33	0,05	0,27	0,03	17,21
III. Съ пос. 3-12 д. . .	6,8	52,3	47.7	51,84	0.54	43,79	0,56	0,09	0,03	3,15
IV. Съ пос. 12—20 д. .	15,5	64,4	35,6	23.37	0,85	71,12	2,60	0,08	0,13	1,85
V. Съ пос. б. 20 д. . .	34.5	72,2	27,8	5.47	0.80	88,84	3,22	0,14	0,04	1,49
По уѣзду	10,6	59.2	40,8	44,37	0,54	48,33	1,16	0,13	0,05	5,42

Группы хозяйствъ:	Изъ 100 дес. посѣва занято:						
	Рожью.	Бѣлотурк.	Остальн. сортами пшеницы.	Овсомъ.	Ячменемъ.	Просомъ.	Остальными хлѣбами.
I. Безъ посѣва.	—	—	—	—	—	—	—
II. Съ пос. до 3 д.	7.36	39.66	33,95	2,20	3,24	9.38	4,21
III. Съ пос. 3-12 д.	9.20	38.36	24,95	9,38	5,38	8,46	4,27
IV. Съ пос. 12-20 д.	9,48	41.07	19.28	12,73	5,78	7.20	4,46
V. Съ пос. б. 20 д.	7.87	48,57	15,58	12,53	4,76	5,44	5.25
По уѣзду	8,66	43.13	20,21	11,15	5,14	6,99	4,72

Въ хозяйствахъ II группы, засѣвающихъ до 3 десятинъ, посѣвомъ занято меньше 1/3 всей эксплоатируемой пашни, тогда какъ въ V группѣ—посѣвъ составляетъ почти 3/4 эксплоатируемой

:. Достигается такой результатъ не измѣненіемъ *системы* *)ства* на своей землѣ, а арендованіемъ необходимой для ченія площади посѣва пашни, причемъ та часть ея, кото- :дыхаетъ (паръ или залежь), остается на рукахъ у сдатчика. выводъ вытекаетъ изъ цифръ таблицы, показывающихъ дѣленіе хозяйствъ, сѣющихъ на надѣльной, купчей и арен- юй землѣ: въ V группѣ *только на своей* землѣ (надѣль- купчей) сѣетъ 6,41% всѣхъ хозяйствъ, 92,1% -сѣетъ на и арендованной и 1,49% только на арендованной, тогда зо II группѣ только на своей сѣетъ 71,38% всѣхъ хозяйствъ,)ей и арендованной—11,42% и только на арендованной— о. Хозяйственное значеніе отношенія между посѣвомъ и ь ясно: чѣмъ выше процентъ посѣвной площади, тѣмъ е, при прочихъ равныхъ условіяхъ, доходность пашни во- Но и „прочія условія“ въ различныхъ группахъ далеко не . Оставляя въ сторонѣ вопросъ о высотѣ урожайности, мы ы констатировать, на основаніи цифръ вышеприведенной цы, что въ V-й группѣ большій—сравнительно съ осталь- группами—процентъ посѣва занятъ бѣлотуркой, рыноч- и наиболѣе дорогимъ продуктомъ.

Земледѣльческое хозяйство требуетъ, кромѣ земли, извѣст- :апитала. Мы имѣемъ данныя объ одномъ и самомъ цѣн- изъ элементовъ этого капитала,—о скотѣ. Но скотоводство гся и самостоятельной отраслью хозяйства; однако, Нико- :ій уѣздъ не можетъ быть причисленъ къ скотоводческимъ,— зодство зерна здѣсь безусловно господствуетъ надъ всѣми ными отраслями сельскаго хозяйства.

уппы хозяйствъ съ посѣвомъ.	Всего скота въ переводѣ на лошадь *).	Въ среднемъ на 1 хоз. приходится рабочаго скота: Лошадей.	Верблюдовъ.	Воловъ.	Итого въ переводѣ на лош. **).	Изъ 100 головъ рабочаго скота приходится. Лошадей.	Верблюдовъ.	Воловъ.
0	2,1	0,5	0,02	0,02	0,54	93,5	3,4	3,1
0 — 3	2,2	0,75	0,00	0.01	0,76	98,3	0,4	1,3
3 —12	4,9	1,9	0,01	0,1	2,0	95,1	0,6	4,3
12 —20	10,6	3,7	0,1	0,8	4.2	81,1	1,3	17,6
лѣе 20	23,6	6,1	0,2	4,4	8.4	57,0	2.0	41,0
уѣзду	9,6	3,4	0,05	0,97	3.9	77,0	1,0	22,0

) Переводъ сдѣланъ по „кормовой“ нормѣ.

) Переводъ сдѣланъ по рабочей нормѣ, причемъ 2 вола или 1 вер- приравнены 1 лошади; на самомъ дѣлѣ пара воловъ или 1 верблюдъ)дятъ большую работу, чѣмъ лошадь. Такимъ образомъ этотъ „пере-

Группы хозяйствъ съ посѣвомъ.	Безъ всякаго скота.	Безъ рабочаго скота.	Процентное отношеніе хозяйствъ, имѣющихъ рабочаго скота штукъ.						
			1	2	3	4	5	6	Болѣе 6
I. 0	52,4	81,2	15,5	2,0	0,5	0,3	0,2	0,0	0,3
II. 0 — 3	13,3	45,0	47,0	6,9	0,7	0,2	0,1	0,1	0,0
III. 3 —12	0,9	5,8	33,1	35,7	15,0	7,8	1,7	0,4	0,5
IV. 12 —20	0,2	0,5	1,8	11,0	20,0	32,8	19,4	7,5	7,0
V. болѣе 20	0,1	0,3	0,9	1,6	2,5	9,9	15,7	15,1	54,0
По уѣзду	8,9	20,1	25,7	19,7	10,2	9,0	5,3	2,9	7,1

Цифры этой таблицы даютъ также вполнѣ закономѣрные ряды, которые показываютъ, что крупные посѣвщики сосредоточили въ своихъ рукахъ и большое количество скота, продуктивнаго и рабочаго, тогда какъ изъ хозяйствъ противоположнаго полюса,—безпосѣвныхъ, $^4/_5$—не имѣютъ рабочаго скота, а больше $^1/_2$ никакого скота. Самый составъ рабочаго скота во многосѣющей группѣ выше, чѣмъ въ остальныхъ: волы и верблюды, обладающіе гораздо большими рабочими достоинствами, чѣмъ лошадь, составляютъ въ этой группѣ наивысшій % всего рабочаго скота.

Приведенныя таблицы не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что масса николаевскихъ крестьянскихъ хозяйствъ распалась на группы, крайнія изъ которыхъ находятся въ *полярномъ* соотношеніи по экономическимъ условіямъ. Но, быть можетъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простыми „количественными" различіями обусловленными семейнымъ составомъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ группахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ цифры слѣдующей таблицы:

Группы хозяйствъ.	На 1 хоз. приходится. Лицъ обоего пола.	Мужч. въ рабоч. возрастѣ.	% хозяйствъ, панимающ. *сроковыхъ* рабочихъ.	На 1 панимающее хоз. приходится всего паемныхъ рабочихъ.	% женщ. къ общ. числу паемныхъ рабочихъ.	% наемн. рабоч. взросл. мужчинъ къ своимъ мужчинамъ въ раб. возрастѣ.	% хозяйствъ съ „промышленниками".	% промышленниковъ ко всему населенію.
I. Не сѣющія.	3,24	0,76	1,6	1,9	23,1	2,1	40,7	13,6
II. Съ пос. до 3 дес.	4,29	1,02	1,2	1,3	21,9	0,8	20,9	4,5
III. Съ пос. отъ 3 до 12 дес. .	5,69	1,34	2,5	1,6	28,2	1,8	8,7	1,7
IV. Съ пос. отъ 12 до 20 дес.	7,64	1,78	14,4	1,3	6,3	7,4	4,3	0,7
V. Съ пос. болѣе 20 дес. . .	9,95	2,29	44,4	2,0	6,3	26,1	4,4	0,5
По уѣзду	5,89	1,38	8,34	1,8	10,0	6,9	13,5	2,5

водъ" понижаетъ число единицъ рабочаго скота въ высшей группѣ, гдѣ лошади составляютъ только половину всего рабочаго скота.

Группы хозяйствъ.	0/0 мужчинъ къ общему числу „промышлен.".	0/0 „промышл." мужчинъ къ общему числу взрослыхъ мужчинъ.	Изъ 100 „промышленниковъ". Сельскохозяйств. рабочихъ.	Промышленныхъ рабочихъ.	Лицъ, занятыхъ службой и либер. профессіями.	Самостоятельныхъ промышленник.	0/0 хозяйствъ съ торговыми и промышл. заведеніями.
е сѣющія.	82,8	48,2	61,99	8,17	15,46	14,38	5,0
ъ пос. до 3 дес.	89,9	20,3	59,24	11,54	7,71	21,51	2,5
ъ пос. отъ 3 до 12 дес. .	90,4	6,3	42,77	9,62	10,53	37,08	3,5
ъ пос. отъ 12 до 20 дес.	87,2	2,6	18,68	16,12	19,78	45,42	6,7
ъ пос. болѣе 20 дес. . .	99,5	2,0	10,11	10,64	20,21	59,04	12,8
уѣзду	87,8	9,3	51,71	10,0	12,24	26,05	5,0

Средній размѣръ семьи правильно растетъ отъ I-й группы V-й, т. е. вмѣстѣ съ ростомъ запашки. Для народника достаный аргументъ, чтобы говорить о зависимости размѣровъ хотва отъ размѣра семьи. Но намъ цифры говорятъ нѣчто иное. 1 отбросимъ первую безпосѣвную группу, то найдемъ, что нее на 1 хозяйство число работниковъ въ V-й группѣ, больше ъ во II-й въ $2^1/_4$ раза, тогда какъ площадь посѣва больше 18 разъ, а количество скота больше въ 11 разъ. Ясно, что пиреніе хозяйства обусловлено не ростомъ семьи, такъ какъ е крупная семья V-й группы не въ состояніи своими силами вится съ 30 десятинами посѣва и 55 головами скота (здѣсь ъ не переведенъ на лошадь, какъ это сдѣлано въ одной изъ дыдущихъ таблицъ), которыя приходятся въ среднемъ на 1 хотво этой группы. И эти хозяйства широко практикуютъ ъ рабочихъ: къ найму на срокъ (годъ, лѣто, нѣсколько мѣвъ) прибѣгаетъ почти половина всѣхъ хозяйствъ V-й группы. роковой наемъ рабочихъ вовсе не характеренъ для Николаево уѣзда: здѣсь даже помѣщики практикуютъ его сравнительно алыхъ размѣрахъ; но, зато, широко распространенъ сдѣльный ъ. Весной изъ Пензенской, Тамбовской и средне-волжскихъ рній въ заволжскія степи приходятъ сотни тысячъ рабочихъ, которыхъ десятки тысячъ работаютъ въ Николаевскомъ дѣ. Существуютъ особые рабочіе рынки, гдѣ производится ъ понедѣльно, поденно и сдѣльно отъ десятины. Интерещихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ публикуемымъ санимъ бюро самарскаго земства отчетамъ врачебно-продовольнныхъ пунктовъ для пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рахъ. Здѣсь же ограничимся только указаніемъ, что крупные вщики-крестьяне нанимаютъ сдѣльно и поденно массу этихъ чихъ (этотъ наемъ переписью совсѣмъ не регистрировался)

и что условія работы у этихъ „хозяйственныхъ мужичковъ" часто гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Но вернемся къ цифрамъ послѣдней таблицы.

Въ V группѣ на 1 нанимающее хозяйство приходится въ среднемъ 2 наемныхъ рабочихъ, а ко всему числу *своихъ* работниковъ — мужчинъ наемные составляютъ во всей группѣ 26%. Наемъ рабочихъ встрѣчается и въ другихъ группахъ, не исключая и I-й (гдѣ рабочихъ нанимаютъ, очевидно, не на земледѣльческія работы), но въ нихъ, кромѣ, пожалуй, IV-й группы, онъ не играетъ сколько-нибудь замѣтной роли.

Картина соціально-экономическихъ различій между отдѣльными группами станетъ еще яснѣе, если мы дополнимъ ее данными объ отчужденіи рабочей силы. Здѣсь на первый планъ выступаетъ I-я, безпосѣвная группа, а за нею слѣдуетъ II-я, съ ничтожными посѣвами: въ I-й—двѣ пятыхъ хозяйствъ и почти половина взрослыхъ мужчинъ, а во II-й—одна пятая хозяйствъ и взрослыхъ мужчинъ занята „промыслами" внѣ своего земледѣлія. Громадное большинство этихъ „промышленниковъ"—сельскохозяйственные рабочіе, и мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что многіе изъ нихъ работаютъ въ хозяйствахъ своихъ же односельчанъ или своихъ сосѣдей. Небольшой процентъ хозяйствъ отпускаетъ „промышленниковъ" и въ высшихъ группахъ, но тамъ они заняты, главнымъ образомъ, „самостоятельными" промыслами, т. е. разнаго рода производствами ремесленно-кустарнаго характера или по переработкѣ продуктовъ земледѣлія (мельницы, маслобойки), или же службой и „либеральными" профессіями; небольшой въ этихъ группахъ процентъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ представляетъ собой такъ называемыхъ „плугарей", работающихъ по найму своимъ плугомъ и на своихъ волахъ у хозяевъ, не имѣющихъ рабочаго скота и вообще не управляющихся съ пашней своими силами; такіе плугари иногда сами имѣютъ наемныхъ рабочихъ, — погонщиковъ, напримѣръ. Понятно, что въ высшей же группѣ сосредоточены, преимущественно, и промышленныя и торговыя заведенія.

Изложенныя данныя о крестьянскомъ хозяйствѣ въ Николаевскомъ уѣздѣ съ очевидностью говорятъ намъ, что между хозяйствами I-й, безпосѣвной группы и V-й, съ посѣвомъ болѣе 20 десятинъ, существуютъ не только „количественныя", но и „качественныя" различія (количество перешло въ качество): это представители двухъ различныхъ классовъ. Хозяйства I-й группы, за исключеніемъ небольшого числа хозяйствъ съ промышленными предпріятіями, обладаютъ типичными пролетарскими чертами: большинство ихъ не имѣетъ земли, не имѣетъ никакого самостоятельнаго производства и живетъ продажей своей рабочей силы, главнымъ образомъ, окрестнымъ сельскимъ хозяевамъ крестьянскаго и не-крестьянскихъ сословій. Это—сельскій про-

таріатъ. На противоположномъ полюсѣ—V-я группа—мы нахо-
мъ хозяйства, владѣющія землей и капиталомъ, ведущія до-
льно обширное сельскохозяйственное производство, нерѣдко
исоединяющія къ нему торгово-промышленныя предпріятія и
ироко практикующія наемъ рабочихъ. Это типичная сельско-
зяйственная буржуазія. Не крупная, конечно, такъ какъ „хозяй-
венные мужички", собравъ болѣе или менѣе крупный капи-
тъ, уходятъ изъ общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ поля зрѣ-
я статистика. Въ Николаевскомъ же уѣздѣ, гдѣ границу между
естьянскими и частно-владѣльческими хозяйствами, — всегда
кусственную,—провести особенно трудно, въ виду сильнаго раз-
тія „хуторского" хозяйства на купленной и арендованной
млѣ, такихъ ускользнувшихъ отъ нашего вниманія крестьянъ-
ржуа очень много. Косвенное доказательство этого мы можемъ
йти въ высотѣ процента частныхъ владѣльцевъ, *лично* прини-
ющихъ участіе въ земледѣльческихъ работахъ: въ группѣ
стныхъ хозяйствъ, обрабатывающихъ пашни менѣе 50 деся-
нъ, а въ среднемъ на 1 хозяйство 19,1 десятины, *работающихъ*
адѣльцевъ 94,8%, въ группѣ же обрабатывающихъ отъ 50 до
0 или въ среднемъ 143,6 десятинъ, работаетъ 55,2% всѣхъ
адѣльцевъ *). Конечно, участіе въ полевыхъ работахъ членовъ
мьи такихъ „помѣщиковъ" не мѣшаетъ имъ широко примѣ-
ть въ своихъ хозяйствахъ наемный трудъ.

Болѣе полную экономическую характеристику отдѣльныхъ
уппъ крестьянскихъ хозяйствъ могли бы дать только подроб-
е изученіе бюджетовъ типическихъ представителей ихъ. Къ
жалѣнію, такими бюджетными данными мы не располагаемъ.
нако, частичныя данныя о продажѣ-покупкѣ хлѣбныхъ про-
ктовъ у насъ есть **).

Группы хозяйствъ.	Куплено пудовъ хлѣба.	Продано пудовъ хлѣба.	Продажа превышаетъ покупку (+ или —).
Не сѣющія.	67,6	—	— 67,6
Съ посѣв. до 3 десятинъ. . .	52,35	14,10	— 38,25
a) Съ посѣв. отъ 3 до 6 дес. . .	62,88	25,0	— 37,88
b) Съ посѣв. отъ 6 до 12 дес. .	86,91	52,50	— 34,41
Съ посѣв. отъ 12 до 20 дес. .	98,80	120,50	+ 21,71
a) Съ посѣв. отъ 20 до 40 дес. .	115,26	233,40	+ 118,14
b) Съ посѣв. более 40 дес. . . .	148,00	657,0	+ 509,0

Хозяйства I-й группы (безпосѣвной) только покупаютъ хлѣб-
ые продукты, хозяйства остальныхъ группъ—и покупаютъ и про-

*) См. „Таблицы по опредѣленію доходности земель центральнаго района
колаевскаго уѣзда". Самара. 1901 г.

**) См. „Движеніе хлѣбныхъ грузовъ по грунтовымъ дорогамъ Самар-
ой губ." (Новоузенскій и Николаевскій уѣзды). Самара. 1902 г.

даютъ, причемъ самыми крупными не только продавцами, но и *покупателями* являются хозяйства V группы, засѣвающія болѣе 20 дес. Въ хозяйствахъ II и III группъ—съ посѣвомъ до 12 десятинъ—покупка превышаетъ продажу, въ IV группѣ — посѣвъ отъ 12 до 20 дес.—покупка и продажа почти балансируются (продажа на ничтожную величину больше) и въ хозяйствахъ V-й группы—много сѣющихъ — продается значительно большее количество хлѣба, чѣмъ покупается.

Эти данныя вносятъ въ характеристику крайнихъ группъ новыя черты: земледѣліе носитъ денежный характеръ, хотя, конечно, часть *натуральныхъ* потребностей хозяйства удовлетворяется его продуктами; цѣлью земледѣлія въ высшихъ группахъ является продажа продуктовъ на рынкѣ, слѣдовательно денежный доходъ.

Мы думаемъ, что сдѣланной характеристики хозяйства николаевскихъ крестьянъ достаточно, чтобы убѣдить читателя въ существованіи здѣсь сельскаго пролетаріата и сельской буржуазіи. Очевидно, открытое г. Пѣшехоновымъ „тяготѣніе крестьянъ къ среднему уровню“ здѣсь еще не успѣло сказаться. И если даже принять его чисто легендарное объясненіе существованія „хозяйственныхъ мужиковъ“, какъ остатка когда-то „общаго благополучія“, то и тогда мы должны будемъ признать, что эти эпигоны „золотого вѣка“ (читай крѣпостной эпохи) совершенно преобразовали свою соціальную физіономію и превратились въ мелкихъ предпринимателей — буржуа, округляющихъ свои капиталы.

Посмотримъ теперь, какъ сложились экономическія отношенія въ деревнѣ Роменскаго уѣзда.

Въ Роменскомъ уѣздѣ, какъ мы уже говорили, существуютъ двѣ почти равныя по численности группы поселянъ: казаки и крестьяне разныхъ разрядовъ. Изъ послѣднихъ преобладаютъ крестьяне (бывшіе помѣщичьи).

Эти двѣ группы до сихъ поръ сохранили черты бытовыхъ и экономическихъ различій, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго. Поэтому въ нижеслѣдующихъ таблицахъ цифры даются отдѣльно для казаковъ и крестьянъ-собственниковъ и, кромѣ того, итоговыя для „непривилегированныхъ“ поселянъ всѣхъ категорій. Остановимся прежде всего на данныхъ о землевладѣніи и землепользованіи.

руппы хозяйствъ:	% беземельныхъ хозяйствъ. Каз.	Крест.	На 1 земельн. хоз. приходится удобн. земли десятинъ. Каз.	Крест.	На 1 обрабат. хоз. приходится обрабатываем. земли. Каз.	Крест.	% своей земли къ общей площади обрабатываемой. Каз.	Крест.
› сѣющія	56.3	71,2	6,4	3,7	0,08	0,03	89,8	75,3
› посѣв. до 1 дес. . .	2,9	5,2	1,4	1,4	0,8	0,9	95,0	94,7
ь посѣв. отъ 1 до 3 дес.	2,7	5,4	3,3	3,0	2,6	2,7	83,1	85,7
ь пос. отъ 3 до 9 дес.	1,2	4,5	7,0	4,6	7,0	6,4	72,9	71,5
ь пос. отъ 9 до 15 дес.	0,5	4,3	15,1	12,2	4,5	14,2	80,3	69,0
ь пос. болѣе 15 дес. .	1,3	8,4	42,2	36,7	13,3	33,3	85,6	71,6
Итого	18,1	23,7	7,9	4,5	35,4	3,9	78,3	74,2
По уѣзду . .	24,6		6,9		4,6		77,9	

Въ общемъ казаки лучше обезпечены землей, чѣмъ крестьно внутри каждаго сословія распредѣленіе земельной собıности между отдѣльными группами хозяйствъ даетъ одинаю картину. Безпосѣвная группа въ значительной своей части ется въ то же время и беземельной, хозяйства же высшей группы владѣютъ наиболѣе крупными участками земли. Но ктерно, что въ той же высшей группѣ процентъ беземель› хозяйствъ *больше*, чѣмъ въ предыдущихъ группахъ. Это разъ подтверждаетъ, что размѣръ запашки обусловливается ınимъ замлевладѣніемъ: крупные посѣвщики увеличиваютъ ıадь посѣва арендой. На это указываетъ и распредѣленіе ıждой группѣ хозяйствъ, сѣющихъ на своей и чужой пашнѣ. ко, въ Роменскомъ уѣздѣ аренда, по сравненію съ Николаевъ, играетъ небольшую роль: площадь арендованной земли вляетъ у казаковъ 27.7% всей обрабатываемой земли, а у ьянъ 25.8%. Какъ же используютъ обрабатываемую пашню іства различныхъ группъ.

Группы хозяйствъ:	На 1 хоз. приходится десятинъ посѣва. Всего. Каз.	Крест.	Въ томъ числѣ Главныхъ хлѣбовъ. Каз.	Крест.	Прочихъ хлѣбовъ. Каз.	Крест.
: сѣющія.	0,06	0,05	0,03		0,03	0,05
› пос. до 1 дес.	0,57	0,63	0,51	0,58	0,06	0,05
› пос. отъ 1 до 3 дес. .	1.97	2,09	1.55	1.99	0.12	0,10
› пос. 3—9 дес.	5,60	5.26	5.34	5.05	0.26	0.21
› пос. 9—15 дес.	11.53	11.73	11.0	11.29	0,53	0.44
ь пос. болѣе 15 дес. . .	25.50	28.16	23.63	26.40	1.87	1.76
Итого	4.94	3.89	4.67	3.72	0.27	0.17
По уѣзду	4.56		4.32		0.24	

Группы хозяйствъ:	Изъ 100 десятинъ обрабатываемой пашни занято: Толокой.		Переложн. покосомъ.		Посѣвомъ.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	63,24	48,61	1,32	—	35,44	50,39
II. Съ пос. до 1 дес.	29,66	31,49	0,32	0,61	70,02	67,90
III. Съ пос. отъ 1 до 3 дес.	25,64	27,28	0,48	0,26	73,88	72,46
IV. Съ пос. 3—9 дес.	20,61	21,23	0,36	0,54	79,03	78,23
V. Съ пос. 9—15 дес.	20,08	18,89	0,98	1,92	78,94	79,19
VI. Съ пос. болѣе 15 дес.	21,72	21,20	2,68	4,84	75,60	73,96
Итого	21,14	22,27	0,98	1,04	77,88	76,69
По уѣзду	21,84		0,98		77,18	

Группы хозяйствъ:	Изъ 100 десятинъ посѣва занято: Рожью.		Пшеницей.		Ячменемъ.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	—	—	0,47	—	—	—
II. Съ пос. до 1 дес.	52,47	52,11	2,09	4,82	13,30	16,87
III. Съ пос. отъ 1 до 3 дес.	45,81	43,97	2,72	8,90	13,89	19,76
IV. Съ пос. 3—9 дес.	37,34	34,71	3,30	9,21	11,46	17,86
V. Съ пос. 9—15 дес.	32,05	28,79	4,13	9,27	11,32	15,76
VI. Съ пос. болѣе 15 дес.	29,51	27,34	5,20	11,60	10,18	11,68
Итого	35,40	35,13	3,79	9,30	11,38	17,38
По уѣзду	35,6		5,5		12,6	

Группы хозяйствъ:	Изъ 100 десятинъ посѣва занято: Овсомъ.		Гречей.		Просомъ.		Прочими хлѣбами.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	—	—	—	—	—	—	92,53	100
II. Съ пос. до 1 дес.	4,04	3,92	13,90	7,23	4,48	6,33	9,72	8,72
III. Съ пос. 1—3 дес.	11,41	9,72	14,76	6,09	5,38	6,97	6,03	4,59
IV. Съ пос. 3—9 дес.	21,79	20,58	16,53	7,52	4,93	6,08	4,65	4,04
V. Съ пос. 9—15 дес.	26,56	26,96	16,47	9,55	4,88	6,05	4,59	3,62
VI. Съ пос. болѣе 15 дес.	30,70	29,44	12,99	8,09	4,06	5,61	7,36	6,24
Итого	23,53	19,98	15,62	7,56	4,77	6,19	5,51	4,46
По уѣзду	24,2		12,4		4,8		4,9	

При разсмотрѣніи цифръ вышеприведенной таблицы прежде всего бросается въ глаза нѣкоторая „несообразность“: безпосѣвныя имѣютъ посѣвъ. Дѣло въ томъ, что хозяйства группировались только по площади посѣва главныхъ хлѣбовъ, перечисленныхъ въ таблицѣ, между тѣмъ прочіе хлѣба, къ которымъ относятся конопля, табакъ, картофель, бахчевыя растенія и др., составляютъ около 5% всего посѣва. Процентъ этотъ особенно высокъ во II-й и въ VI-й группѣ, въ послѣдней „прочими хлѣбами“ засѣвается до 2 десятинъ на хозяйство. Но и нѣкоторыя хозяйства I-й группы сѣютъ прочіе хлѣба, такихъ „огородниковъ“ среди казаковъ 2,5%,

среди крестьянъ—1,5%. Эта особенность группировки увеличила нѣсколько процентъ безпосѣвныхъ хозяйствъ, но зато уменьшила и число хозяйствъ высшей группы.

Данныя разсматриваемой таблицы приводятъ насъ къ заключенію, что и въ Роменскомъ уѣздѣ группа крупныхъ посѣвщиковъ не только эксплоатируетъ большую площадь пашни, но и извлекаетъ изъ нея болѣе высокій доходъ: процентъ пашни подъ толокой (паромъ) у нихъ ниже, чѣмъ во II-й группѣ, а болѣе цѣнныя культуры пшеницы, овса и гречи занимаютъ значительно большую площадь, чѣмъ въ остальныхъ группахъ. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что казаки сѣютъ больше гречи, а крестьяне—пшеницы.

Чтобы закончить характеристику земледѣльческаго хозяйства въ различныхъ группахъ, приведемъ еще данныя о скотоводствѣ.

Группы хозяйствъ:	Въ среднемъ на 1 скотное хозяйство приходится: Воловъ.		Коровъ.		Лошадей.		Всего крупнаго скота.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	0,05	0,03	0,85	0,73	0,6	0,6	1,5	1,3
II. Съ пос. до 1 дес.	0,05	0,04	0,63	0,63	0,6	0,6	1,3	1,3
III. Съ пос. 1—3 дес.	0,2	0,1	0,7	0,60	0,8	0,9	1,7	1,6
IV. Съ пос. 3—9 дес.	0,6	0,3	0,9	0,91	1,1	1,2	2,6	2,5
V. Съ пос. 9—15 дес.	1,2	1,0	1,3	1,3	1,6	1,8	4,1	4,1
VI. Съ пос болѣе 15 дес.	2,4	2,2	2,0	2,0	2,8	2,8	7,3	7,0
Итого	0,6	0,29	0,9	0,8	1,1	1,1	2,7	2,2
По уѣзду	0,41		0,9		1,2		2,5	

Группы хозяйствъ:	Въ средн. на 1 скотн. хоз. приходится: Всего рабочаго скота.		Изъ 100 головъ рабочаго скота приходится: Воловъ.		Коровъ.		Лошадей.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	0,7	0,6	7,9	4,9	5,0	5,2	87,1	89,9
II. Съ пос. до 1 дес.	0,7	0,7	6,9	5,8	6,0	5,8	87,1	88,4
III. Съ пос. 1—3 дес.	1,1	1,1	16,4	11,5	10,2	6,3	73,4	82,2
IV. Съ пос. 3—9 дес.	1,9	1,7	30,6	18,9	9,7	9,0	59,7	72,1
V. Съ пос. 9—15 дес.	3,0	3,1	38,6	33,2	6,6	8,1	54,8	58,7
VI. Съ пос. болѣе 15 дес.	5,4	5,3	45,5	41,1	2,8	6,9	51,7	52,0
Итого	1,9	1,5	31,2	19,1	8,1	8,0	60,7	72,9
По уѣзду	1,7		23,9		7,3		68,8	

Процентъ хозяйствъ.

Группы хозяйствъ.	Безъ всякаго скота.		Безъ крупнаго скота.		Безъ рабочаго скота.		Съ рабочимъ скотомъ.		Съ одними только коровами.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющихъ	26,6	32,2	46,6	41,9	85,8	65,8	14,2	34,2	0,6	0,7
II. Съ пос. до 1 д.	8,5	13,7	51,0	46,1	76,0	73,2	24,0	26,8	0,3	1,3
III. Съ пос. 1—3 д.	3,5	5,2	29,1	17,5	19,0	33,4	81,0	66,6	7,1	4,1
IV. Съ пос. 3—9 д.	0,2	0,4	1,5	1,5	5,9	3,8	94,1	96,2	11,6	10,4
V. Съ пос. 9—15 д.	—	—	0,2	—	1,0	0,6	99,0	99,4	12,4	15,7
VI. Съ пос. б. 15 д.	—	—	—	—	—	—	100	100	7,9	15,8
Итого.	8,2	10,8	20,9	19,25	38,0	32,3	62,0	67,7	6,7	5,9
По уѣзду	13,1		19,6		48,31		51,69		5,5	

Цифры только что приведенной таблицы рисуютъ обычную картину распредѣленія скота между отдѣльными группами крестьянства. Крупные посѣвщики держатъ помногу рабочаго и продуктивнаго скота, тогда какъ $^2/_3$—$^4/_5$ безпосѣвныхъ и сѣющихъ менѣе 1 дес. хозяйствъ не имѣютъ рабочаго скота, отъ $^2/_5$ до $^1/_2$—не имѣютъ крупнаго скота, а многіе не имѣютъ никакого скота. У хозяйствъ высшей группы, имѣющихъ сравнительно съ другими группами больше скота, выше и составъ его, по крайней мѣрѣ, рабочаго скота: у нихъ волы даютъ наибольшій процентъ и лошади—наименьшій. Однако, даже хозяйства высшихъ группъ держатъ сравнительно съ хозяйствами Николаевскаго уѣзда въ нѣсколько разъ меньше скота.

Такимъ образомъ фактъ рѣзкой экономической неоднородности отдѣльныхъ группъ казацкихъ и крестьянскихъ хозяйствъ Роменскаго уѣзда — налицо. По сравненію съ Николаевскимъ уѣздомъ бросается въ глаза громадная численность низшей группы и, наоборотъ, небольшая—высшей, какъ это уже было отмѣчено выше. Къ сожалѣнію, по Роменскому уѣзду мы не располагаемъ для соціально-экономической характеристики представителей отдѣльныхъ группъ даже такими неполными матеріалами, какіе у насъ имѣлись по Николаевскому уѣзду. Размѣръ запашки и количество скота здѣсь мы можемъ сопоставить только съ размѣромъ семьи и развитіемъ отхода на „дальніе" заработки. Соотвѣтствующія цифры приводимъ ниже:

Группы хозяйствъ.	Въ среднемъ на 1 хозяйство, лицъ обоего пола.		Процентъ уходящихъ на далекіе заработки: хозяйствъ.		Процентъ уходящихъ на далекіе заработки: мужчинъ.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
I. Не сѣющія	4,68	4,85	15,6	12,1	18,6	14,3
II. Съ посѣв. до 1 дес.	4,98	5,09	19,0	19,6	21,1	21,0
III. Съ посѣв. 1—3 дес.	5,28	5,49	13,6	15,5	14,7	15,9

Группы хозяйствъ.	Въ среднемъ на 1 хозяйство, лицъ обоего пола.		Процентъ уходящихъ на далекіе заработки:			
			хозяйствъ.		мужчинъ.	
	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.	Каз.	Крест.
IV. Съ посѣв. 3—9 дес.	6,34	6,80	11,3	15,7	11,3	17,2
V. Съ посѣв. 9—15 дес.	8,33	8,93	7,4	14,6	8,0	20,5
VI. Съ пос. бол. 15 дес.	10,02	10,15	3,3	1,1	4,2	0,7
Итого	5,89	5,93	12,9	14,7	14,1	16,2
По уѣзду	5,94		12,5		41,5	

По поводу цифръ этой таблицы намъ приходится повторить то, что мы уже говорили относительно аналогичныхъ данныхъ по Николаевскому уѣзду. Если исключить изъ разсмотрѣнія первую безпосѣвную группу, то увидимъ, что въ V-й группѣ, съ посѣвомъ свыше 20 дес., семья больше, чѣмъ во II-й (съ посѣвомъ до 1 дес.), въ два слишкомъ раза; но совершенно не въ соотвѣтствіи съ этимъ увеличеніемъ размѣра семьи возрасла средняя площадь посѣва: она увеличилась почти въ *пятьдесятъ* разъ (у казаковъ во II-й группѣ 0,57, въ V-й—25,5, у крестьянъ во II-й—0,63, въ V-й 28,16 дес.). Точно также не пропорціонально увеличилось количество крупнаго скота: съ 1,3 головы до 7,0 и 7,3, т. е. въ 5½ разъ. Совершенно очевидно, что 2—3 своихъ работника въ хозяйствахъ V-й группы не могутъ управляться съ тридцати-десятиннымъ посѣвомъ, довольно большимъ количествомъ скота и всѣми связанными съ болѣе или менѣе крупнымъ земледѣліемъ работами; они должны нанимать рабочихъ. Точно также очевидно, что хозяйства I-й группы, за исключеніемъ небольшого числа занятыхъ самостоятельными промыслами должны существовать продажей своей рабочей силы. Но и къ хозяйствамъ II-й группы, имѣющихъ поистинѣ „карликовое" земледѣліе, цѣликомъ примѣнимо сказанное относительно I-й группы, точно такъ же какъ къ большей части хозяйствъ III группы.

Мы не имѣемъ въ таблицахъ 1899 г. данныхъ о наймѣ рабочихъ, по переписи же 1888 г хозяйствъ, нанимающихъ рабочихъ, на срокъ, было среди казаковъ 3,2% и среди крестьянъ—1,1%. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти хозяйства принадлежатъ къ группѣ крупныхъ посѣвщиковъ. Но сроковой наемъ и здѣсь не распространенъ. Нанимаютъ больше поденно или сдѣльно, причемъ еще до сихъ поръ сохранилась оплата труда натурой; такъ, богатые хозяева отдаютъ жать „со снопа", молотить „съ коробки" и т. п. Еще въ большей степени пользуются наемнымъ трудомъ „богатыри"—казаки и крестьяне, „владѣющіе крупными помѣстьями". Но ни количество ихъ, ни характеръ ихъ хозяйства намъ неизвѣстны: они, въ качествѣ частныхъ владѣльцевъ, остались внѣ сферы изученія крестьянскаго хозяйства. Между тѣмъ фактъ существованія ихъ стоитъ внѣ спора: о нихъ не

разъ упоминается въ „Очеркѣ хозяйства сельскихъ сословій" Роменскаго уѣзда, напечатанномъ въ т. XII „Сборника по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ.".

Что касается отчужденія рабочей силы внѣ своего хозяйства, то и его регистрація далеко не полна. У насъ есть данныя объ „дальнемъ" отходѣ въ Новороссію и др. южныя губерніи на сельскохозяйственныя работы. Какъ и слѣдовало ожидать, наивысшій процентъ уходящихъ хозяйствъ и уходящихъ мужчинъ дала не I-я, а II-я группа. Явленіе это, отмѣченное и первой переписью, авторъ только что упомянутаго „очерка" объясняетъ тѣмъ, „что „слабыя" хозяйства полной „убожи" и „голоты" не въ состояніи уже выносить тягостей дальняго путешествія въ поискахъ черныхъ земледѣльческихъ работъ". Объясняется оно и тѣмъ, что въ I-й группѣ сравнительно много хозяйствъ *безъ работниковъ*, слѣдовательно такихъ, изъ которыхъ и уходить некому. Наименѣе развитъ дальній отходъ, конечно, въ V-й группѣ, среди крупныхъ посѣвщиковъ.

Но отходъ поглощаетъ не болѣе 1/5 „свободныхъ" рабочихъ рукъ въ низшихъ группахъ. Чѣмъ же заняты остальныя 3/5 рабочихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ также только въ матеріалахъ первой переписи. За исключеніемъ весьма небольшого числа ремесленниковъ и кустарей, остальные „заробітчане" представляютъ собой батраковъ, работающихъ у помѣщиковъ и у богатыхъ односельчанъ и сосѣдей или же на заводахъ, перерабатывающихъ сельскохозяйственные продукты,—свеклосахарныхъ, винокуренныхъ и т. п. Какъ особенность, нужно отмѣтить существованіе „зажонщиковъ", т. е. батраковъ, работающихъ изъ части продукта. Однако, быстрое и широкое распространеніе машинъ для уборки хлѣба уничтожаетъ постепенно этотъ остатокъ крѣпостной старины.

Нарисовать полную картину соціально-экономическаго положенія представителей различныхъ группъ роменскаго крестьянства могло бы только бюджетное изслѣдованіе. Но по Полтавской губ., на сколько намъ извѣстно, имѣется описаніе, правда, весьма обстоятельное и подробное, только 5 бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ Хорольскаго уѣзда *). Къ сожалѣнію, хозяйства эти относятся какъ разъ къ среднимъ группамъ: 2 къ III-й и 3 къ IV-й, и, слѣдовательно, не могутъ характеризовать представителей крайнихъ ступеней деревенской соціальной лѣстницы. Но и эти бюджеты даютъ намъ цѣнныя указанія: даже въ „среднихъ" хозяйствахъ, 30% (по цѣнности) всѣхъ получаемыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ продается, изъ всѣхъ же потребляемыхъ продуктовъ покупается 26,7%; весь же *денежный* приходъ на 1 хозяйство опредѣляется въ 110 рублей, а денежный расходъ въ 78 рублей. Эти цифры

---

*) См. „5 бюджетовъ крестьянскихъ хозяйствъ с. Демьяновки Полтавской губ. Хорольск. у.". Полтава. 1903 г.

даютъ намъ основаніе утверждать, что хозяйства крайнихъ группъ имѣютъ еще болѣе рѣзко выраженный денежный характеръ.

Приведенныя по Роменскому уѣзду цифры съ неменьшей убѣдительностью, чѣмъ по Николаевскому, показываютъ, что малороссійскіе „поселяне“ также дифференцировались, и это не „количественная“ только дифференцировка. Можно сказать, въ центрѣ „благословенной“ Малороссіи образовалось громадное количество хозяйствъ пролетарскаго типа, живущихъ батрачествомъ всякаго рода. Если къ этой группѣ отнести безпосѣвныя хозяйства и засѣвающія меньше 1 десятины, то численность ея по Роменскому уѣзду опредѣлится въ 37,1%. На противоположномъ полюсѣ отслоилась небольшая, составляющая всего 2,3% всѣхъ хозяйствъ, группа сравнительно крупныхъ земледѣльческихъ предпріятій; прибѣгающихъ къ пользованію наемнымъ трудомъ. Такимъ образомъ и здѣсь фактъ существованія сельскаго пролетаріата и сельской буржуазіи неоспоримъ, только численное соотношеніе между двумя этими классами иное, чѣмъ въ Николаевскомъ уѣздѣ.

Обратимся теперь къ послѣднему, Вяземскому уѣзду.

Переходъ довольно рѣзокъ. Изъ мѣстностей, гдѣ господствуетъ земледѣльческое зерновое хозяйство съ рѣзко-выраженнымъ, по крайней мѣрѣ, въ Николаевскомъ уѣздѣ, экстенсивнымъ характеромъ, мы попадаемъ въ полосу интенсивнаго (по русскому масштабу) земледѣлія, направленнаго, въ значительной степени, на культуру техническаго растенія (льна), и въ полосу „промышленнаго отхода“.

Остановимся прежде всего, - какъ это мы дѣлали и для другихъ уѣздовъ,—на условіяхъ землевладѣнія и землепользованія.

Группы хозяйствъ.	% хозяйствъ:			Въ среднемъ на 1 земельное хозяйство приходится: Надѣльной.			Купчей.			Всей.			%хозяйствъ, сдающихъ свою землю.		
	Безнадѣльн.	Безземельн.	Имѣющихъ купчую землю.	Пашни.	Покоса.	Всей удобной.	Пашни	Покоса.	Всей удобной.	Пашни.	Покоса.	Удобной.	В с ю.	Часть.	Арендующихъ землю.
I. Не сѣющія.	51,7	49,2	9,3	2,79	1,18	5,19	0,89	0,94	3,42	2,86	1,32	5,64	58,1	15,6	6,1
II. Съ посѣв. до 3 дес.	4,8	1,8	33,6	3,17	1,5	5,78	0,7	0,76	3,58	3,31	1,86	6.82	0,6	20.5	69,9
III. Съ посѣв. отъ 3 до 9 дес.	1,2	0,2	50,1	5,29	1,05	8.98	1,38	1,72	5,61	5,93	2,79	11.7	0,2	12,8	82,6
IV. Съ посѣв. бол. 9 дес.	1,8	—	66,2	9,47	2,67	21,08	4,46	3,65	13.87	12,26	5,04	29,89	0,6	16,7	86,8
По уѣзду	6.9	5,3	43,3	4,93	1,85	8,31	1,56	1,79	6,02	3,86	1,83	7,58	3,2	15,2	72,6

Нѣтъ нужды еще разъ указывать, что ростъ землевладѣнія стоитъ въ прямой связи съ размѣромъ хозяйства. Въ I-й безпосѣвной группѣ половина хозяйствъ не имѣетъ земли, а въ IV-й нѣтъ ни одного безземельнаго хозяйства, хотя 1,8% хозяйствъ не имѣютъ *надѣловъ*. Здѣсь мы наталкиваемся на особенность землевладѣнія въ Вяземскомъ уѣздѣ, гдѣ сильно развита крестьянская мелкая земельная частная собственность,—въ среднемъ по уѣзду болѣе 2/5 хозяйствъ купило землю у своихъ бывшихъ господъ, въ IV-й же группѣ такихъ хозяйствъ 2/3. Данныя о процентѣ хозяйствъ съ купчей землей подтверждаютъ, что скорѣе размѣръ хозяйства опредѣляетъ собой размѣръ землевладѣнія, а не наоборотъ: чтобы купить землю, нужны деньги, а ими въ большемъ количествѣ располагаютъ крупныя хозяйства. Къ послѣднимъ въ Вяземскомъ уѣздѣ слѣдуетъ отнести IV-ю группу, въ которой въ среднемъ на 1 хозяйство приходится до 30 десятинъ надѣльной и купчей земли. Несмотря на распространенность покупки земли, въ Вяземскомъ уѣздѣ сильно развита и аренда, и опять-таки хозяйства высшихъ группъ наиболѣе интенсивно увеличиваютъ путемъ аренды площадь своего землепользованія, характеристику котораго даетъ слѣдующая таблица.

Группы хозяйствъ:	Въ среднемъ на 1 хоз., пользующееся землей, приходится десятинъ:				Приходится въ среднемъ изъ 100 десятинъ: Пашни.			Посѣва.			Покоса.		
	Пашни.	Посѣва.	Покоса.	Всей удобной.	Надѣльной.	Купчей.	Арендован.	Надѣльн.	Купчаго.	Арендован.	Надѣльн.	Купчаго.	Арендован.
I. Не сѣющія .	0,25	—	0,29	0,99	90,43	9,07	0,5	—	—	—	32,83	51,5	51,67
II. Съ пос. до 3 д.	4,05	2,05	3,93	10,09	85,84	7,0	7,16	84,11	7,32	8,57	38,76	11,88	4[illegible],36
III. Съ пос. 3-9 д.	8,4	5,10	5,84	17,53	77,12	9,5	13,38	74,50	9,67	15,83	35,48	14,69	49,83
IV. Съ пос. бол. 9 д.	18,42	11,16	10,5	35,78	60,49	18,56	20,95	57,34	18,87	23,79	28,66	26,11	45,23
По уѣзду .	6,15	4,72	4,38	13,04	75,53	10,67	13,80	72,65	10,99	16,36	35,14	15,71	49,15

Группы хозяйствъ.	Приходится въ среднемъ изъ 100 десятинъ. Удобной Надѣльн.	Купчей.	Арендован.	Изъ 100 десятинъ пашни занято: посѣвами. Ржи.	Овса.	Льна.	Картофеля.	Клевера.	Прочихъ хлѣбовъ.	Паромъ.	Пустаки въ озимомъ и яровомъ поляхъ.
Не сѣющія . .	65,74	18,36	15, 9	—	—	—	—	—	—	—	100
Съ пос. до 3 д.	68,64	16,64	14,72	29,71	15,18	12,27	3,51	3,25	1,67	29,61	4,8
Съ пос. 3—9 д.	57,21	18,02	24,77	27,84	16,20	16,87	2,53	5,40	1,89	26,89	2,38
Съ пос. бол. 9 д.	44,66	29,79	25,55	26,12	17,59	18,01	1,59	6,80	1,78	25,37	2,74
уѣзду. .	56,02	19,30	24,68	28,30	16,49	16,70	2,56	5,44	1,98	25,74	2,79

Въ пользованіи хозяйствъ высшей группы сосредоточены вольно большіе участки земли — до 36 десятинъ въ среднемъ хозяйство,—хотя значительно меньшіе, чѣмъ участки, на коɪыхъ ведутъ хозяйство крестьяне высшихъ группъ въ Никоɪвскомъ и Роменскомъ уѣздахъ. Но изъ общей эксплоатируемой ɪщади въ IV-й группѣ хозяйствъ Вяземскаго уѣзда пашня ставляетъ только половину, а посѣвъ меньше $^1/_3$,—средняя заɪшка равна всего 11 десятинамъ. Такимъ образомъ высшая ɪппа вяземскихъ хозяйствъ, по масштабу Николаевскаго и Роɪскаго уѣздовъ, попали бы только въ одну изъ среднихъ группъ. ɪмъ не менѣе черты, отличающія IV-ю группу отъ остальныхъ, ɪьма характерны. Изъ общей площади землепользованія этой ɪппы надѣльная земля составляетъ меньше половины, купчая— ɪло $^1/_3$ и арендованная $^1/_4$. Для отдѣльныхъ угодій эти отноɪнія нѣсколько измѣняются: $^3/_5$ всей пашни — надѣльная, а ɪальныя $^2/_5$ распредѣляется печти поровну между купчей и ɪндованной землей; наоборотъ, надѣльный покосъ составляетъ ɪньше $^1/_3$, купчій — больше $^1/_4$ и арендованный больше $^2/_5$. Таɪмъ образомъ надѣльная земля для высшей группы вяземскихъ ɪстьянъ утратила уже значеніе главнаго земельнаго фонда ɪ веденія сельскаго хозяйства. Но въ низшихъ группахъ это ɪченіе сохраняется въ полной силѣ.

Крупные—по вяземскому масштабу — посѣвщики и здѣсь, ɪъ и въ разсмотрѣнныхъ раньше уѣздахъ, извлекаютъ изъ ɪшни большій доходъ, чѣмъ мелкіе. Это, помимо прочихъ приɪъ, обусловливается болѣе выгодной системой полеводства: Подъ

паромъ и „пустаками“ (незасѣянными полосами) въ IV-й группѣ находится 28,11% всей пашни, а во II-й—34,41%. Эти цифры требуютъ нѣкотораго разъясненія. Система полеводства въ общинѣ для всѣхъ хозяйствъ одинакова, сѣвооборотъ — принудительный. Какимъ же образомъ хозяйства IV-й группы, которыя встрѣчаются во всѣхъ общинахъ лишь въ небольшомъ процентѣ, могли улучшить свои сѣвообороты сравнительно съ сѣвооборотами низшихъ группъ? Отвѣтъ заключается въ данныхъ о системахъ полеводства въ общинахъ съ различнымъ процентомъ не сѣющихъ и мало сѣющихъ (до 3 десят.) хозяйствъ.

Группы общинъ.	Распредѣленіе пашни (въ %) по системамъ полеводства.						
	Трехполье.	Четырехполье.	Итого сист. безъ посѣва клевера.	Трехполье съ клеверн. выгородкой.	Многополье съ посѣвомъ клевера.	Итого сист. съ посѣвомъ клевера.	Всего.
I. Мало сѣющ. хозяйствъ болѣе 75% . .	83,2	—	**83.2**	16,8	—	**16.8**	100
II. Мало сѣющ. хозяйствъ отъ 50 до 75%.	66,6	1,4	**68.0**	30,9	1,1	**32.0**	100
II. Мало сѣющ. хозяйствъ отъ 25 до 50%.	42,9	6,5	**49.4**	41,4	9,2	**50.6**	100
IV. Мало сѣющ. хозяйствъ отъ 10 до 25%.	37,4	7,5	**44.9**	42,1	13,0	**55.1**	100
V. Мало сѣющ. хозяйствъ менѣе 10% . .	37,3	10,1	**47.4**	35,0	17,6	**52.6**	100

Въ общинахъ съ наименьшимъ процентомъ не сѣющихъ и сѣющихъ до 3 дес. хозяйствъ и, слѣдовательно, съ наибольшимъ процентомъ крупныхъ посѣвщиковъ четырехполье, требующее, между прочимъ, усиленнаго удобренія, и многополье занимаютъ, сравнительно съ другими группами, наибольшую площадь пашни. Но при этихъ системахъ подъ паромъ остается гораздо меньшая часть пашни, чѣмъ при трехпольѣ. Кромѣ того, цифры только что приведенной таблички показываютъ, что развитіе травосѣянія находится также въ прямой связи съ составомъ хозяйствъ въ общинѣ: чѣмъ выше этотъ составъ, тѣмъ большая площадь пашни занята системами съ посѣвомъ травъ.

То же говорятъ и цифры предыдущей таблицы, относящіяся къ пропорціи культуръ въ различныхъ группахъ хозяйствъ: въ высшей группѣ клеверомъ занятъ большій процентъ пашни. Но этого мало. Если выдѣлить культуру льна и овса, поступающихъ почти цѣликомъ на рынокъ, то окажется, что въ IV-й группѣ продовольственные хлѣба (рожь, картофель и „прочіе“) занимаютъ 29,48% пашни, а „промышленные“ (ленъ и овесъ)—35,6%, во II-й же группѣ отношеніе обратное,— на долю первыхъ приходится 35,61% пашни, послѣднихъ — 27,35%. Это значитъ, что пахотное хозяйство въ высшей группѣ не только доходнѣе, но и въ большей степени носитъ товарно-денежный характеръ.

Однако, и въ низшихъ группахъ значительная часть продуктовъ производится для продажи, несмотря на то, что хозяйствамъ этихъ группъ приходится покупать хлѣбъ для продовольствія,— своего не хватаетъ.

Выше мы говорили, что крестьяне Вяземскаго уѣзда ведутъ „интенсивное“ хозяйство. Сказывается это не только въ улучшеніи системы полеводства и техники обработки пашни, но и въ примѣненіи удобренія парового поля. Такъ какъ удобрительнымъ средствомъ служитъ, можно сказать, исключительно навозъ, то скотоводство здѣсь играетъ особенно важную роль. Оно характеризуется цифрами нижеприведенной таблицы:

ГРУППЫ ХОЗЯЙСТВЪ.	Въ средн. на 1 хоз. приходится лошад.	Изъ 100 хозяйствъ приходится: Безлошадныхъ	имѣющихъ головъ лошадей: 1	2	3	4	5 и бол.	Въ среднемъ на 1 хоз. приходится всего скота.	Изъ 100 хоз. приходится: Без всякаго скота.	имѣющ. всег. ск. въ перев. на един. *): до 3 шт.	отъ 3 до 6 шт.	болѣе 6 шт.
I. Не сѣющія. . .	0,06	94,92	4,50	0,36	0,22	—	—	0,22	75,8	23,9	0,3	—
II. Съ посѣв. до 3 д.	1,01	15,72	69,07	14,19	0,93	0,03	0,06	2,41	5,4	69,8	24,2	0,6
III. Съ посѣв 3—9 д.	1,75	1,38	36,91	49,18	10,56	1,75	0,22	4,28	0,5	24,6	62,3	12,6
IV. Съ пос. бол. 9 д.	2,96	0,52	2,52	34,0	36,52	19,72	6,72	7,35	0,4	1,7	30,9	67,0
По уѣзду	1,49	13,70	39,49	34,91	8,95	2,31	0,59	3,64	8,8	34,1	44,9	12,2

Высшая группа здѣсь, какъ и въ другихъ уѣздахъ, держитъ сравнительно много скота, тогда какъ въ І-й безпосѣвной группѣ ³/₄ хозяйствъ не имѣютъ никакого скота и 95% не имѣютъ лошадей, которыя въ Вяземскомъ уѣздѣ являются единственнымъ видомъ рабочаго скота.

Какъ мы видимъ, высшая группа вяземскихъ крестьянъ имѣетъ гораздо менѣе крупныя запашки и держитъ меньше скота, чѣмъ въ Николаевскомъ и Роменскомъ уѣздахъ. Слѣдовательно здѣсь расширеніе хозяйственныхъ предпріятій происходитъ не только въ сферѣ земледѣлія, но и промышленности. Въ виду этого представляютъ особый интересъ нижеслѣдующія данныя о семейномъ составѣ, наймѣ рабочихъ и „промыслахъ“ въ хозяйствахъ различныхъ группъ, дорисовывающія картину ихъ соціально-экономической структуры:

---

*) Скотъ переведенъ на 1 лошадь по среднему скопу навоза отъ головы разнаго вида скота.

Группы хозяйствъ.	Въ сред. на 1 хоз. приходится. Лицъ обоего пола.	Мужчин. работник.	Женщинъ работницъ.	% хоз. наним. сроков. рабочихъ.	% хоз. Съ промыс.	Безпромыслов.	Изъ 100 пром.хоз. Рабочихъ.	Зан. служ., лич. усл., своб. проф.	Самостоятельн. промышленн.	Предпринимат. наним. раб.	% промышленниковъ: ко всему населен. Мужч.	Женщ.	къ рабоч. населен. Мужч.	Женщ.
I. Не сѣющія. . . .	3,35	0,76	0,86	—	77,8	22,2	58,7	23,4	17,3	0,6	56,23	22,75	94,37	34,74
II. Съ пос. до 3 дес. .	5,40	1,17	1,38	3,03	72,6	27,4	64,7	10,7	24,0	0,6	36,40	7,81	68,52	13,58
III. Съ пос. 3--9 дес. .	7.15	1,62	1,82	9,02	70,5	29,5	58,3	17,4	23,7	0,6	30,09	3,56	57,48	6.79
IV. Съ пос. болѣе 9 дес.	9.72	2,44	2,63	20,57	72,8	27,2	44,8	29,1	24,6	1,5	26,36	1,98	51,23	3,59
По уѣзду. .	6,58	1,48	1,68	7,46	7,7	28,3	59,2	23,1	17,1	0,6	32,11	5,22	60,73	14,69

Группы хозяйствъ.	% отхожихъ промышленниковъ.	Изъ 100 промышленниковъ. Рабочихъ.	Въ томъ числѣ. Промышлен.	Сельскохозяйствен.	Занят. службой, личн. услуг. и своб. профес.	Самостоят., не нанимающихъ рабочихъ.	Предпринимат. наним. раб.	Неизвѣстныя профессіи.	% хоз. имѣющ. „заведенія": Торговыя.	Промышлен.
I. Не сѣющія	25,98	61.27	39,8	21,47	21,47	13,91	0,63	2,72	0,59	1,48
II. Съ пос. до 3 дес. .	22,37	68,14	53,15	14,99	10,98	18,65	0,39	1,84	0,57	1,20
III. Съ пос. 3--9 дес. .	39,50	58,95	48,61	10,35	17,56	20,14	0,38	2,97	0,65	1,42
IV. Съ пос. болѣе 9 дес.	54,52	43,48	40.14	3,34	28,19	24.41	1,07	2,85	2,41	3,56
По уѣзду. .	35,29	60,15	48,14	12,01	17,38	19,54	0,37	2,56	0,74	1,50

Сравнивая размѣръ семьи съ величиной посѣва и количествомъ скота, мы должны констатировать, что эти три величины колеблются по группамъ въ одномъ направленіи: возрастаютъ отъ I-й къ IV-й, но ростъ размѣровъ земледѣльческаго хозяйства далеко обгоняетъ ростъ семьи: посѣвъ въ IV-й группѣ въ 5 слишкомъ разъ больше, чѣмъ во II-й, а семья увеличилась менѣе чѣмъ въ 2 раза. Однако, сопоставляя количество мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ, приходящееся въ IV-й группѣ на 1 хозяйство съ среднимъ размѣромъ запашки (11 дес.), мы должны придти къ заключенію, что громадное большинство хозяйствъ этой группы справилось бы своими силами съ земледѣльческими работами, если бы они не отчуждали значительной части своихъ рабочихъ силъ для занятій „промыслами".

°/₀ хозяйствъ съ „промыслами“ *), составляющихъ по уѣзду около ³/₄ всего числа хозяйствъ, колеблется по группамъ довольно слабо. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что въ IV-й группѣ онъ *выше*, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ. Это показываетъ, что въ экономикѣ вяземскихъ крестьянъ *всѣхъ группъ* „промыслы“, характеръ которыхъ мы опредѣлимъ ниже, играютъ одинаково важную роль. Но распредѣленіе рабочихъ силъ между своимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ и „промыслами“ въ отдѣльныхъ группахъ различно. Въ безпосѣвной группѣ почти все мужское взрослое населеніе и больше одной трети женскаго — заняты „промыслами“, затѣмъ °/₀ промышленниковъ падаетъ, и въ IV-й группѣ промышленники-мужчины составляютъ только немногимъ болѣе половины взрослыхъ мужчинъ, а „промышленницы“ — только 3,6°/₀ взрослыхъ женщинъ. Въ общемъ же по уѣзду 61°/₀ взрослыхъ мужчинъ и 15°/₀ взрослыхъ женщинъ заняты промыслами. Такимъ образомъ Вяземскій уѣздъ, какъ и всѣ уѣзды съ развитымъ отходомъ, — „бабій“ уѣздъ: дома, въ хозяйствахъ, остаются, главнымъ образомъ, женщины, старики и подростки, большинство же взрослыхъ мужчинъ уходитъ на заработки. Правда „отхожіе“ промышленники, т. е. работающіе внѣ предѣловъ своего уѣзда, только въ IV-й группѣ составляютъ больше половины всѣхъ промышленниковъ, а въ остальныхъ группахъ относительное число ихъ колеблется отъ ¹/₄ до ²/₅, но и работающіе въ своемъ уѣздѣ въ большинствѣ случаевъ отрываются совсѣмъ или частью отъ своего земледѣлія. Свои же земледѣльческія работы не всегда могутъ быть исполнены оставшимися дома членами семьи, даже если хозяйство имѣетъ необходимый живой и мертвый инвентарь. И вотъ создается оригинальное экономическое явленіе, свойственное только не вполнѣ развитымъ формамъ буржуазнаго строя: хозяйства, продающія свою рабочую силу въ промышленности, находятъ выгоднымъ въ деревнѣ нанимать земледѣльческаго работника. Такимъ образомъ мы въ одномъ субъектѣ имѣемъ и нанимающагося и нанимателя. Понятно, однако, что наемъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ не во всѣхъ группахъ хозяйствъ и не всегда имѣетъ такой характеръ. Изъ 20°/₀ хозяйствъ IV-й группы, нанимающихъ батраковъ, громадное большинство принадлежитъ къ хозяйствамъ *буржуазнаго* типа.

Они вкладываютъ часть дохода, получаемаго отъ „промысловъ“, въ земледѣліе, расширяютъ его, ведутъ болѣе раціонально и ставятъ на коммерческую ногу. Что это такъ, показываетъ распредѣленіе въ каждой группѣ промышленныхъ хозяйствъ и промышленниковъ по соціально-экономическому характеру про-

*) Рѣчь идетъ, конечно, только о болѣе или менѣе постоянныхъ и правильныхъ занятіяхъ. Случайные заработки ускользнули отъ регистраціи.

мысловъ. Въ IV-й группѣ 26,1% промышленныхъ хозяйствъ и 25,48% промышленниковъ занято „самостоятельными“ промыслами, т. е. торговлей, ремеслами и кустарными производствами *); часть промышленниковъ этой категоріи нанимаютъ рабочихъ для работы въ своихъ предпріятіяхъ; такихъ хозяйствъ 1,5% и лицъ 1,07%; многіе „самостоятельные“ промышленники имѣютъ спеціальныя „заведенія“,—хозяйствъ съ торговыми заведеніями въ IV-й группѣ 2,41% и съ промышленными—3,56%. Затѣмъ, не много менѣе 1/3 промышленниковъ этой группы заняты службой въ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ и „свободными“ профессіями, и только 2/3 промышленниковъ — рабочіе, почти исключительно индустріальные, слѣдовательно лучше оплачиваемые, чѣмъ земледѣльческіе рабочіе.

Иной составъ „промышленниковъ“ въ низшихъ группахъ. Здѣсь рабочіе составляютъ около 2/3 всѣхъ промышленниковъ, причемъ довольно большая часть ихъ занята сельскохозяйственными работами. Процентъ „самостоятельныхъ“ промышленниковъ значительно ниже, чѣмъ въ IV-й группѣ, и „капиталистовъ“ среди нихъ почти нѣтъ, точно также очень немногіе изъ „самостоятельныхъ“ промышленниковъ первыхъ группъ имѣютъ спеціальныя заведенія; процентъ „свободныхъ“ профессій тоже ниже, причемъ самый составъ послѣднихъ иной, чѣмъ въ IV-й группѣ: здѣсь преобладаетъ прислуга и встрѣчаются паразитирующія лица,—нищіе, проститутки, воры и т. д.

Такимъ образомъ, если хозяйство IV-й группы и нельзя цѣликомъ отнести къ разряду „буржуазныхъ“, то значительная часть ихъ, какъ показываютъ приведенныя данныя, такова. Но это уже не сельская буржуазія, а буржуазія смѣшаннаго характера „земледѣльческо-промышленная“. Точно также пролетарская группа хозяйствъ представляетъ въ значительно большей своей части не земледѣльческій, а промышленный пролетаріатъ. Наконецъ, среднія группы являются соединеніемъ крестьянина и рабочаго, если не въ одномъ лицѣ, то въ одномъ хозяйствѣ. Изъ сказаннаго видно, что въ Вяземскомъ уѣздѣ дифференціація крестьянскихъ хозяйствъ происходитъ не только въ сферѣ земледѣлія, но и въ сферѣ „промысловъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ дифференціація земледѣлія и „промысловъ“.

Выше мы уже указывали на высокій % (12,4) въ Вяземскомъ уѣздѣ „отсутствующихъ“ хозяйствъ. Это „отсутствіе“

*) О характерѣ мелкой промышленности въ Вяземскомъ уѣздѣ, связи ея съ земледѣліемъ и эволюціи см. интересную брошюру, составленную В. В. Дмитріевымъ и Н. В. Чернышевымъ „Мелкая сельская промышленность. Вяземскій уѣздъ. Смоленская губ.“. Смоленскъ. 1902 г. Изд. Смол. губ. зем. управы. Мы не останавливаемся на данныхъ этой работы, такъ какъ онѣ лишь подробно рисуютъ одинъ уголокъ жизни вяземскихъ крестьянъ и ни въ чемъ не измѣняютъ той ея общей картины, которую мы стараемся набросать предъ читателями.

является прямымъ послѣдствіемъ промыслового отхода. Процессъ превращенія „наличнаго“ хозяйства въ „отсутствующее“ здѣсь въ общихъ чертахъ таковъ. „Промышленникъ“, нашедшій себѣ на сторонѣ болѣе или менѣе прочное занятіе, дающее постоянный заработокъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ выписываетъ къ себѣ семью изъ деревни или обзаводится семьей въ городѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ ликвидируетъ свое земледѣльческое хозяйство, если таковое было, или „выдѣляется“ изъ двора, къ которому онъ принадлежалъ ранѣе. Однако, такое выдѣленіе сопряжено съ трудностями и хлопотами, и къ нему прибѣгаютъ обыкновенно не скоро и только въ тѣхъ случаяхъ, когда связь съ родственнымъ дворомъ становится тягостной и экономически не выгодной. Поэтому *фактически* отсутствующихъ хозяйствъ значительно больше, чѣмъ зарегистрировано: отсутствовавшія семьи, сохранившія съ тѣмъ или инымъ дворомъ только номинальную, юридическую связь, не считались самостоятельными хозяйствами. Благодаря такому пріему, промышленниковъ, живущихъ на сторонѣ съ семьями, но сосчитанныхъ въ составѣ „наличныхъ“ хозяйствъ, оказалось 10%. Нерѣдко на почвѣ исключительныхъ правовыхъ отношеній крестьянъ, предоставляющихъ, между прочимъ, „хозяину двора“ власть надъ остальными его членами, происходитъ борьба между членами, ушедшими на сторону, и оставшимися въ деревнѣ. Борьба эта кончается, рано или поздно, „отдѣленіемъ“ отсутствующаго хозяйства, но иногда она создаетъ цѣлую драму для ушедшаго на сторону промышленника *).

Громадное большинство (96,6%) „отсутствующихъ“ въ Вяземскомъ уѣздѣ хозяйствъ выселилось за послѣднія 30 лѣтъ, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблички:

% хозяйствъ, отсутствующихъ въ продолженіе лѣтъ:

До 3-хъ.	Отъ 3 до 5.	Отъ 5 до 10.	Отъ 10 до 15.	Отъ 15 до 20.	Отъ 20 до 30.	Свыше 30.
18,0	10,2	19,9	14,9	18,2	15,4	3,4

Почти 2/3 отсутствующихъ хозяйствъ (63%) выселилось въ послѣднія 15 лѣтъ, 18,2%—живутъ на сторонѣ отъ 15 до 20 лѣтъ, 15,4% отъ 20 до 30 лѣтъ и только 3,4%—свыше 30 лѣтъ. Такимъ образомъ „исшествіе“ изъ деревни быстро прогрессируетъ;

*) Для знакомства съ этой стороной взаимныхъ отношеній крестьянина и рабочаго, которую г. Пѣшехоновъ въ своей статьѣ „Крестьяне и рабочіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ“ оставляетъ безъ разсмотрѣнія, особенно рекомендуемъ одинъ изъ очерковъ г. В. Беренштама, напечатанныхъ подъ общимъ заглавіемъ: „За право“ („Русск. Бог.“, 1902 г., № 11) и представляющихъ собой его наблюденія въ качествѣ адвоката. Въ VI очеркѣ: „Обмѣнъ паспорта“ авторъ весьма картинно изображаетъ всѣ прелести крестьянской паспортной системы, дающей возможность „хозяину двора“, при желаніи, выжимать изъ своихъ сочленовъ, живущихъ на сторонѣ, всѣ соки.

О томъ, куда направляется потокъ этой эмиграціи, даютъ представленіе слѣдующія цифры:

% отсутствующихъ хозяйствъ, живущихъ въ						
Петербургѣ.	Москвѣ.	Вязьмѣ.	Другихъ городахъ.	Своемъ уѣздѣ.	Другихъ уѣздахъ своей губ.	Другихъ губерніяхъ.
14,2	39,2	11,0	5,2	20,3	4,9	5,2

Города привлекли 70% эмигрировавшихъ хозяйствъ, сельскія мѣстности—30% хозяйствъ, изъ которыхъ 2/3 (20%) живутъ въ предѣлахъ Вяземскаго уѣзда. Однако, далеко не всѣ 30%, выселившіяся въ сельскія мѣстности, занимаются сельскимъ хозяйствомъ, многія изъ нихъ заняты въ промышленности и торговлѣ: дѣленіе на живущихъ въ городахъ и селеніяхъ не равнозначуще дѣленію на занятыхъ промышленностью и сельскимъ хозяйствомъ. Изъ городовъ наибольшій потокъ деревенскихъ эмигрантовъ Вяземскаго уѣзда привлекаетъ Москва, на второмъ мѣстѣ стоитъ Петербургъ, а оба эти города вмѣстѣ поглощаютъ больше половины (53,4%) всѣхъ выселяющихся хозяйствъ.

Профессіи „отсутствующихъ“ хозяйствъ тѣ же, что и у „наличныхъ“ промышленниковъ, однако, количественное распредѣленіе занятій по ихъ соціально-экономическому характеру нѣсколько иное:

% отсутствующихъ хозяйствъ:				
Рабочихъ.	Самостоятельныхъ промышленниковъ, не пользующихся наемнымъ трудомъ.	Лицъ, занятыхъ службой въ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ и свободными профессіями.	Предпринимателей, пользующихся наемн. трудомъ.	Ведущихъ сельское хозяйство на купленной землѣ.
56,2	11,1	24,5	4,0	4,2

Прежде всего бросается въ глаза высокій, сравнительно съ наличными хозяйствами, процентъ „предпринимателей“, тамъ онъ равенъ 0,6, здѣсь 4,0. Къ „предпринимателямъ“ же надо отнести и 4,2% хозяйствъ, поселившихся на купчей землѣ. Затѣмъ, % рабочихъ и самостоятельныхъ промышленниковъ у „отсутствующихъ“ нѣсколько ниже, а % занятыхъ службой и свободными профессіями нѣсколько выше, чѣмъ у „наличныхъ“. Въ послѣдней категоріи промышленниковъ (свободныя профессіи и служба) главный контингентъ составляетъ личная прислуга, а въ категоріи рабочихъ— фабричные и заводскіе рабочіе.

Изъ числа отсутствующихъ хозяйствъ, занятыхъ земледѣ-

ліемъ на купленной землѣ, многія живутъ въ своемъ уѣздѣ: они при статистической регистраціи попали въ разрядъ частныхъ владѣльцевъ. Это подтверждается слѣдующими цифрами:

	Частно-владѣльческія хозяйства, имѣющія земли.							
	До 10 д.	Отъ 10 до 50 д.	Отъ 50 до 150 д.	Отъ 150 до 300 д.	Отъ 300 до 600 д.	Отъ 600 до 1000 д.	Свыше 1000 д.	Итого.
% крестьянскихъ хозяйствъ къ общему числу	28,0	34,4	33,0	25,0	17,0	4,0	—	25,0

Одна четверть всѣхъ „частныхъ владѣльцевъ" Вяземскаго уѣзда—крестьяне, отъ нихъ свободна только послѣдняя группа владѣній свыше 1000 дес., въ остальныхъ же группахъ они составляютъ болѣе или менѣе значительный процентъ, который, конечно, выше въ *среднихъ* владѣніяхъ,—отъ 10 до 300 десятинъ. Такимъ образомъ и въ Вяземскомъ уѣздѣ высшая группа „наличныхъ „крестьянскихъ хозяйствъ непосредственно переходитъ въ низшія и среднія группы „частныхъ владѣльцевъ".

На этомъ мы закончимъ изученіе *статики* крестьянскаго хозяйства въ трехъ уѣздахъ, по которымъ мы располагаемъ соотвѣтствующими данными. Общій выводъ, который неизбѣжно вытекаетъ изъ приведенныхъ цифръ, таковъ: масса крестьянскихъ хозяйствъ экономически дифференцировалась, на одномъ полюсѣ ея выдѣлилась группа хозяйствъ пролетарскаго типа, на другомъ—буржуазнаго. Въ слабо населенной степной полосѣ съ экстенсивнымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ, точно такъ же какъ въ перенаселенной черноземной земледѣльческой полосѣ дифференціація выдѣлила сельскохозяйственный пролетаріатъ и сельскохозяйственную буржуазію; разница между названными полосами сказалась только въ томъ, что въ первой малочисленнѣе слой пролетарскихъ хозяйствъ и многочисленнѣе—буржуазныхъ, во второй, наоборотъ, многочисленнѣе пролетарскія хозяйства и малочисленнѣе буржуазныя. Въ нечерноземной промышленной полосѣ, съ интенсивнымъ сельскимъ хозяйствомъ, дифференціація происходитъ не только на почвѣ земледѣлія, но и—промысловъ. Пролетарскія хозяйства здѣсь, главнымъ образомъ, хозяйства промышленныхъ рабочихъ, буржуазныя — соединяютъ въ своихъ рукахъ болѣе или менѣе крупное земледѣліе съ торговлей и промышленными предпріятіями; но на ряду съ соединеніемъ въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ этихъ двухъ отраслей производства, происходитъ и дифференціація ихъ: промышленныя хозяйства переселяются въ города, и сохраняютъ съ деревней только юридическую связь.

Мы не думаемъ, чтобы даже наши народники по поводу приведенныхъ цифръ стали толковать о „простой количественной разницѣ“ между отдѣльными группами крестьянства. Но если бы такой грѣхъ случился, позволительно спросить, гдѣ же та граница, за которой въ данномъ случаѣ количественная разница переходитъ въ качественную? Мы считаемъ такой границей существованіе исключительно или почти исключительно продажей своей рабочей силы, съ одной стороны, и покупку рабочей силы для извлеченія изъ своего предпріятія большаго дохода - съ другой. Если эти два признака взять за критерій для опредѣленія соціально-экономическаго характера крестьянскихъ хозяйствъ, то наличность въ деревнѣ пролетарской и буржуазной группъ доказана.

Мы характеризовали, конечно, только крайніе типы крестьянскихъ хозяйствъ; между ними находятся еще многочисленныя среднія группы, приближающіяся къ тому или другому полюсамъ деревенской соціальной лѣстницы. Что происходитъ съ этими средними группами? Разсуждая теоретически, мы должны допустить, что при современномъ господствѣ товарно-капиталистическихъ отношеній въ экономической борьбѣ могутъ выживать только наиболѣе приспособленные субъекты, т. е. хозяйства буржуазнаго типа, слѣдовательно „среднія“ группы крестьянства должны или пролетаризироваться, или преобразоваться въ хозяйства высшихъ буржуазныхъ группъ. Но народники отвергаютъ такое предположеніе. Мало того, они и современное разслоеніе крестьянства отказываются считать результатомъ указаннаго процесса дифференціаціи. Для объясненія его спеціально изобрѣтены двѣ гипотезы: одна о господствѣ когда-то (повидимому, въ крѣпостную эпоху) всеобщаго крестьянскаго благополучія, остатки котораго и сохранились въ лицѣ—увы—все убывающаго высшаго слоя крестьянства, другая о всегдашнемъ существованіи среди крестьянства тѣхъ экономическихъ различій, какія наблюдаются теперь. Не бѣда, что эти гипотезы какъ будто бы противорѣчатъ одна другой: онѣ обѣ мирно уживаются въ однихъ и тѣхъ же статьяхъ однихъ и тѣхъ же авторовъ *). Мы, конечно, не можемъ признать ни той, ни другой гипотезы. Ихъ авторы забыли сущій пустякъ, благодаря которому построенія ихъ рушатся отъ малѣйшаго прикосновенія критики. Они забыли, что въ дореформенную эпоху—по отношенію къ которой, замѣтимъ въ скобкахъ, никто и никогда не отрицалъ существованія въ средѣ крестьянства экономическаго неравенства—соціально-экономическая структура Россіи была совершенно иная. Съ тѣхъ поръ физіономія страны измѣнилась до неузнаваемости. Намъ нѣтъ надобности

*) См., напр., цитированныя выше статьи гг. Черненкова и Пѣшехонова.

повторять, въ чемъ заключались эти перемѣны. Мы указали ихъ, когда говорили объ обще-экономическихъ условіяхъ страны, въ которыхъ живутъ и крестьянскія хозяйства. Но ясно, что наличность этихъ перемѣнъ въ соціально-экономической структурѣ Россіи почти совершенно исключаетъ возможность приравнивать дореформенную хозяйственную неоднородность крестьянства современной.

Что касается гипотезы „золотого вѣка“ крестьянства, существованіе котораго г. Пѣшехоновъ представляетъ себѣ позади, то, право, объ этомъ немного совѣстно и говорить...

Однако, все это—„разсужденія“, а наши народники требуютъ фактовъ, подтверждающихъ существованіе дифференціации крестьянства. Перейдемъ же къ фактамъ.

V.

Наши наблюденія динамики крестьянскаго хозяйства относятся къ очень короткому періоду: первыя переписи были произведены въ серединѣ или концѣ восьмидесятыхъ годовъ (Вяземскій уѣздъ въ 1884 г., Николаевскій и Роменскій въ 1888 г.), вторыя—въ концѣ девяностыхъ (Николаевскій уѣздъ въ 1898 г., Роменскій въ 1899 г. и Вяземскій въ 1900 г.). Сравниваемые моменты отдѣлены другъ отъ друга 10—16 годами конца прошлаго вѣка. Но для Николаевскаго уѣзда мы имѣетъ еще и третій моментъ, относящійся къ 1867 г. и отдѣленный отъ первой земской переписи 21 годомъ и отъ второй—31. Къ сожалѣнію, изъ матеріаловъ переписи, произведенной въ 1867 г. Самарскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ, мы можемъ для сравненія воспользоваться только данными о семейномъ составѣ, скотоводствѣ и постройкахъ. Перепись 1867 г. коснулась всѣхъ *наличныхъ* крестьянскихъ хозяйствъ, какъ „приписныхъ“, такъ и „постороннихъ“; „отсутствующія“ же—не регистрировались. Поэтому и цифры 1888 и 1898 гг. вычислены нами здѣсь для *всего* наличнаго населенія, тогда какъ выше мы приводили цифры, относящіяся только къ „*приписному*“ наличному населенію.

Годы переписей.	Въ среднемъ на 1 хозяйство приходится: мужчинъ.	женщинъ.	лицъ обоего пола.	мужчинъ работниковъ.	Процентъ хозяйствъ: безъ работника.	съ 1 работникомъ.	съ 2 работниками.	съ 3 работниками и	имѣющихъ болѣе 3 раб.	безлошадныхъ.
1867	3,11	3,17	6,28	1,55	6,24	51,73	28,17	13,86		20,43
1888	2,81	2,86	5,67	1,34	8,09	61,29	22,11	6,46	2,05	21,17
1898	2,80	2,87	5,67	1,34	8,82	59,71	22,84	6,60	2,03	25,71

Годы переписей.	На 1 *лошадное* хозяйство приходится лошадей.	На 1 *всякое* хозяйство приходится: лошадей.	рогатаго скота.	овецъ.	свиней.	% хозяйствъ: бездомовыхъ.	съ 1 домомъ.	съ 2 домами.	съ 3 домами.	% домовъ: деревянныхъ.	каменныхъ.
1867	5,02	4,0	3,09	6,61	0,30	8,15	84,55	6,61	0,69	80,28	19,72
1888	3,86	2,80	3,05	6,06	0,45	9,04	85,78	5,18		83,68	16,32
1898	3,06	2,27	3,25	4,28	0,43	Нѣтъ данныхъ.					

Среднiй размѣръ семьи съ 1867 г. *уменьшился*, но за десятилѣтіе 1888—1898 гг. онъ остался неизмѣннымъ. Сравненіе группировки хозяйствъ по числу работниковъ даетъ нѣсколько иной результатъ. Въ 1867 г., по сравненiю съ двумя слѣдующими датами, былъ минимальный процентъ хозяйствъ безъ работника и съ однимъ работникомъ и максимальный съ двумя, тремя и болѣе работниками; это соотвѣтствуетъ болѣе крупному среднему размѣру семьи,— въ этомъ году въ Николаевскомъ уѣздѣ было насчитано 114 хозяйствъ (0,35%) съ 6—10 работниками, что, при обычномъ соотношенiи половъ и возрастовъ, даетъ семьи въ 24—40 человѣкъ, и 2 хозяйства, имѣющихъ болѣе 10 работниковъ и, слѣдовательно, болѣе 40 душъ всего населенія. Но въ 1898 г., несмотря на неизмѣнившійся среднiй размѣръ семьи по сравненiю съ 1888 г., % хозяйствъ безъ работниковъ и съ 2 и 3 работниками увеличился, а съ однимъ—уменьшился.

Обращаясь къ даннымъ о скотоводствѣ, мы должны констатировать ростъ % безлошадныхъ хозяйствъ и уменьшеніе средняго на 1 хозяйство количества скота всѣхъ видовъ, кромѣ рогатаго и свиней. Другой признакъ состоятельности—обезпеченіе хозяйствъ постройками — какъ будто бы говоритъ также о пониженiи ея уровня: % бездомовыхъ хозяйствъ и имѣющихъ одинъ домъ возросъ, а имѣющихъ 2 и 3 дома—уменьшился.

Однако, къ выводу о пониженiи средняго экономическаго уровня николаевскихъ крестьянъ мы должны отнестись съ крайней осторожностью. Если даже игнорировать отмѣченные уже выше дефекты переписей 1867 и 1898 г. *) и принять приведенныя цифры за безусловно достовѣрныя, то и тогда приходится отмѣтить, что процентъ безлошадныхъ хозяйствъ за 21 годъ увеличился всего на 0,74, а за 31 годъ на 5,28. Если же принять во вниманіе, что въ

*) Переписи эти по пріемамъ ихъ веденія довольно близки другъ къ другу, и обѣ стоятъ ниже переписи 1888 г., которая была произведена тщательно и по карточной системѣ. Къ сожалѣнію, разработка ея оставляетъ желать очень многаго.

эти десятилѣтія въ Николаевскомъ уѣздѣ происходила замѣна лошадей другими видами скота—волами и верблюдами (въ противоположность явленію замѣны воловъ лошадьми, наблюдающемуся въ Малороссіи и Новороссіи), и что слѣдовательно, безлошадное хозяйство не равнозначуще здѣсь хозяйству безъ рабочаго скота, то станетъ весьма сомнительнымъ, увеличился ли % хозяйствъ послѣдней категоріи. Правда, въ 1898 г. наблюдается довольно рѣзкое повышеніе % безлошадныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе средняго количества скота на 1 хозяйство, но не надо забывать, что перепись 1898 г. была произведена послѣ двухъ сильнѣйшихъ неурожаевъ, когда масса крестьянскихъ хозяйствъ, какъ увидимъ ниже, потеряла значительную часть своего скота. Сравненіе же средняго количества разныхъ видовъ скота, приходящагося на 1 хозяйство въ 1867 и 1888 г., показываетъ, въ сущности, пониженіе только числа лошадей. Что касается худшаго въ 1888 г. обезпеченія хозяйствъ постройками, то и оно легко объясняется громаднымъ числомъ „новоселовъ“, которые обыкновенно не сразу обзаводятся домами.

Такимъ образомъ вышеприведенныя данныя, пріуроченныя къ 3 моментамъ, не даютъ еще, по нашему мнѣнію, права категорически утверждать о пониженіи благосостоянія николаевскихъ крестьянъ; по скольку же такое утвержденіе можетъ имѣть мѣсто, оно говоритъ объ увеличеніи пролетарской группы хозяйствъ.

Переписи 1888 и 1898 г. позволяютъ произвести болѣе детальное сравненіе положенія крестьянскаго хозяйства въ эти годы. Но, къ сожалѣнію, дефекты и этихъ статистическихъ матеріаловъ таковы, что лишаютъ это сравненіе значительной доли его интереса и научной цѣнности. Для 1888 г. мы не имѣемъ такой группировки хозяйствъ по площади посѣва, какую мы сдѣлали для 1898 г.: была составлена только таблица по группамъ *надѣльныхъ* хозяйствъ съ различнымъ количествомъ рабочаго скота. Исключеніе изъ этой группировки *безнадѣльныхъ* хозяйствъ слѣдуетъ признать весьма неудачнымъ пріемомъ, потому что *надѣльная* земля въ Николаевскомъ уѣздѣ, какъ мы видѣли, является далеко не единственнымъ земельнымъ фондомъ для веденія хозяйства. Чтобы сдѣлать возможнымъ сравненіе данныхъ двухъ переписей, матеріалы 1898 г. были подсчитаны въ такія же групповыя таблицы, какъ и матеріалы 1888 г. Но здѣсь мы встрѣтились съ другимъ дефектомъ. Оказалось, что регистрація 1898 г. была очень не полна: въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ было зарегистрировано въ 1898 г. на 1.060 хозяйствъ *меньше*, чѣмъ въ 1888 г., и это,—несмотря на естественный ростъ населенія и сильную иммиграцію; особенно, конечно, велики пропуски по отношенію къ „отсутствующимъ“ хозяйствамъ. Этотъ дефектъ переписи 1897 г. лишилъ насъ возможности уста-

новить для Николаевскаго уѣзда измѣненіе относительной численности „наличныхъ“ и „отсутствующихъ“ хозяйствъ приписного населенія и численности всѣхъ „приписныхъ“ хозяйствъ и „постороннихъ“. Послѣ этихъ оговорокъ, которыя, конечно, не исчерпываютъ собой всѣхъ трудностей, встрѣтившихся при сопоставленіи данныхъ двухъ переписей, перейдемъ къ разсмотрѣнію самихъ данныхъ и прежде всего, сравнимъ группировку хозяйствъ въ 1888 и 1898 гг. по количеству рабочаго скота.

Годъ переписи.	Изъ 100 надѣльныхъ хозяйствъ приходится:						
	Безъ рабочаго скота.	имѣющихъ рабочаго скота штукъ: 1	2—3	4	5—10	10—20	20 и болѣе
1888	10,71	18,83	28,86	12,13	22,15	6,30	1,02
1898	14,16	26,75	32,49	9,82	12,93	3,45	0,40
Въ 1898 г. болѣе (+) или менѣе (—). .	+3,45	+7,92	+3,63	—2,31	—9,22	—2,85	—0,62

Процентъ хозяйствъ безъ рабочаго скота и имѣющихъ 1, 2 и 3 штуки рабочаго скота (за „штуку“ рабочаго скота считается 1 лошадь или 1 верблюдъ или 2 вола) значительно *увеличился*, % же „среднихъ“ хозяйствъ съ 4 штуками рабочаго скота (въ среднемъ на 1 хозяйство, какъ видно изъ приведенной раньше таблицы, приходится 3,91 шт. рабочаго скота) *уменьшился*, точно также *уменьшился* % хозяйствъ высшихъ группъ. Такимъ образомъ въ 1898 г. сравнительно съ 1888 г. наблюдалось рѣзкое *общее* пониженіе обезпеченія хозяйствъ рабочимъ скотомъ. Прежде чѣмъ комментировать это явленіе, разсмотримъ для каждой изъ намѣченныхъ въ только что приведенной таблицѣ группъ измѣненіе въ количествѣ и составѣ скота:

Группы хозяйствъ.	Годъ переписи.	Въ среднемъ на 1 хозяйство приходится: лошадей: взрослыхъ.	молодыхъ.	верблюдовъ.	воловъ.	коровъ: взрослыхъ.	молодыхъ.
I. Безъ рабочаго скота.	1888	—	0,01	—	—	0,52	0,36
	1898	—	0,02	—	—	0,60	0,50
	+,—	—	+0,01	—	—	+0,08	+0,14
II. Съ 1 шт. раб. ск. . .	1888	1,0	0,17	—	—	0,91	0,73
	1898	1,01	0,17	0,00	0,00	0,96	0,94
	+, —	+0,01	0	+0,00	+0,01	+0,05	+0,21

уппы хозяйствъ.	Годъ переписи.	Въ среднемъ на 1 хозяйство приходится: лошадей: взрослыхъ.	молодыхъ.	верблюдовъ.	воловъ.	коровъ: взрослыхъ.	молодыхъ.
Съ 2—3 шт. раб. ск.	1888	2,38	0,64	0,00	0,02	1,16	1,10
	1898	2,35	0,52	0,01	0,08	1,27	1,46
	+,—	—0,03	—0,12	+0,01	+0,06	+0,11	+0,36
Съ 4 шт. раб. ск.	1888	3,97	1,11	—	0,06	1,47	1,46
	1898	3,91	0,96	0,02	0,35	1,74	2,11
	+,—	—0,06	—0,15	+0,02	+0,29	+0,27	+0,65
Съ 5—10 шт. раб. ск.	1888	5,81	1,66	0,00	0,68	2,11	2,23
	1898	5,19	1,36	0,10	2,31	2,38	3,18
	+,—	—0,62	—0,30	+0,10	+1,63	+0,27	+0,95
Съ 10—20 шт. раб. ск.	1888	9,68	3,17	0,03	5,99	3,40	3,72
	1898	8,16	2,63	0,45	9,10	3,88	5,27
	+,—	—1,52	—0,54	+0,42	+3,11	+0,48	+1,55
Съ 20 и бол. шт. р. ск.	1888	18,92	6,98	0,17	17,57	6,41	7,72
	1898	16,54	6,86	1,13	19,34	7,36	12,27
	+,—	—2,38	—0,12	+0,96	+1,77	+0,95	+4,55

уппы хозяйствъ.	Годъ переписи.	Въ среднемъ на 1 хозяйство приходится: овецъ.	козъ.	свиней.	Изъ 100 головъ рабочаго скота приходится: лошадей.	верблюдовъ.	воловъ.
Безъ рабочаго скота.	1888	0,64	0,02	0,13	—	—	—
	1898	0,66	0,06	0,14	—	—	—
	+,—	+0,02	+0,04	+0,01	—	—	—
Съ 1 шт. раб. ск.	1888	2,15	0,01	0,31	100	—	—
	1898	1,71	0,04	0,25	99,0	0,05	0,95
	+,—	—0,44	+0,03	—0,06	—1,0	+0,05	+0,95
Съ 2—3 шт. раб. ск.	1888	4,77	0,01	0,06	99,16	0,02	0,82
	1898	4,13	0,03	0,48	96,25	0,31	3,44
	+,—	—0,64	+0,02	+0,42	—2,91	+0,29	+2,62
Съ 4 шт. раб. ск.	1888	7,93	0,01	0,80	98,33	—	1,67
	1898	7,54	0,03	0,72	91,29	0,51	8,20
	+,—	—0,39	+0,02	—0,08	—7,04	+0,51	+6,53
Съ 5—10 шт. раб. ск.	1888	13,05	0,01	1,06	89,23	0,06	10,71
	1898	16,43	0,06	0,99	68,26	1,32	30,42
	+,—	+3,38	+0,05	—0,7	—20,97	+1,26	+19,71
Съ 10—20 шт. раб. ск.	1888	23,62	0,01	1,61	62,14	0,18	37,68
	1898	23,18	0,06	1,48	45,90	2,54	51,56
	+,—	—0,44	+0,05	—0,13	—16,24	+2,36	+13,88
Съ 20 и бол. шт. р. ск.	1888	40,39	0,12	2,62	51,60	0,47	47,93
	1898	47,80	0,24	2,46	44,67	3,04	52,29
	+,—	+7,41	+0,12	—0,16	—6,93	+2,57	+4,36

Приведенныя цифры показываютъ, что убыль числа хозяйствъ съ среднимъ и большимъ количествомъ рабочаго скота, не сопровождалась—по крайней мѣрѣ въ высшихъ группахъ—пониженіемъ средняго количества скота на 1 дворъ. Убавилось во всѣхъ группахъ, кромѣ II-й, только количество лошадей, взрослыхъ и молодыхъ, причемъ эта убыль прогрессируетъ отъ низшихъ группъ къ высшей. Однако, убыль лошадей покрывается прибылью верблюдовъ и воловъ, которая совершалась особенно интенсивно опять-таки въ высшихъ группахъ. Такимъ образомъ составъ рабочаго скота, какъ видно изъ трехъ послѣднихъ столбцовъ приведенной таблицы, улучшился: лошади частью замѣнены верблюдами и волами, и это улучшеніе коснулось главнымъ образомъ, конечно, высшихъ группъ. Увеличилось также среднее на 1 хозяйство количество коровъ и молодого рогатаго скота. Что же касается овецъ, то измѣненіе ихъ числа по группамъ—неправильно, но въ высшей группѣ и здѣсь замѣчается увеличеніе. Свиньи, число которыхъ убыло, и козы, число которыхъ прибыло, не играютъ большой роли въ хозяйствѣ николаевскихъ крестьянъ.

Итакъ, какой же общій выводъ можно сдѣлать изъ двухъ вышеприведенныхъ таблицъ? Численность среднихъ группъ уменьшилась, точно также уменьшилась численность и высшей группы, пролетарская же группа увеличилась. Но при этомъ соціально-экономическій вѣсъ высшей группы возросъ какъ потому, что увеличилась ея хозяйственная сила, поскольку она выражается въ количествѣ скота, такъ и потому, что малочисленнѣе стали среднія, переходныя группы. Мы видимъ, что въ Николаевскомъ уѣздѣ „тяготѣнія крестьянъ къ среднему уровню“ не обнаружилось, и нашимъ народникамъ остается утѣшаться тѣмъ, что „дифференція“, если имѣть въ виду измѣненіе относительной численности группъ, была „односторонней“: росла только пролетарская группа. Однако, едва ли можно согласиться и съ этимъ выводомъ.

Мы не разъ уже упоминали, что перепись 1898 г. была произведена послѣ двухъ неурожаевъ. Посмотримъ же, какое вліяніе на группировку хозяйствъ по количеству скота оказало это обстоятельство. Обратимся къ даннымъ текущей статистики. Въ 1897 г. сборъ ржи въ Самарской губ., составлялъ всего 58,8% средняго за предыдущее пятилѣтіе (27,1 пуда противъ 46,1). Даже въ „голодный“ 1891 г. средній съ 1 десятины сборъ ржи былъ на 5,8 пудовъ выше, чѣмъ въ 1897 г. Также плохъ былъ въ этомъ году урожай яровыхъ хлѣбовъ. Составитель главы „Къ продовольственному вопросу“ въ „Сельскохозяйственномъ обзорѣ Самарской губ. за 1897—1898 г.“ (вып. II), изъ которой мы заимствовали вышеприведенныя данныя объ урожаѣ, говоритъ: „Понятно, что такой существенный недоборъ хлѣбовъ долженъ былъ весьма чувствительно отозваться на благосостояніи значительнѣй-

шей части населенія нашей губерніи". Пострадали, главнымъ образомъ, „низы" крестьянства съ неустойчивымъ хозяйствомъ, которыхъ неурожай превратилъ „изъ кандидатовъ въ пролетаріатъ, изъ, такъ сказать, потенціальныхъ пролетаріевъ въ пролетаріатъ sans phrase". Но и средніе слои крестьянства, какъ указывается въ той же работѣ, утратили хозяйственное равновѣсіе и передвинулись къ пролетарской группѣ крестьянскихъ хозяйствъ. Неурожай 1897 г. создалъ острую продовольственную нужду со всѣми ея послѣдствіями и нужду въ кормѣ для скота. Выдававшіяся продовольственныя ссуды не могли покрыть этой нужды и населеніе въ широкихъ размѣрахъ прибѣгало къ займамъ и распродажѣ имущества. Распродавался преимущественно скотъ. „Всѣхъ показаній о продажѣ своего инвентаря,—читаемъ въ цитированномъ уже „обзорѣ",—съ точнымъ указаніемъ, что именно было продаваемо, сообщено намъ 200, изъ коихъ въ громадномъ большинствѣ, именно 180, сообщается о продажѣ разнаго скота. Указаній на отчужденіе другихъ предметовъ хозяйства весьма немного, и они являются скорѣе, какъ бы исключеніями". Главной причиной массовой распродажи скота былъ недостатокъ корма (42,3% всѣхъ показаній), затѣмъ нужда въ деньгахъ для покупки хлѣба (29,3%) и уплаты податей (19,1%).

1898 г. принесъ самарскимъ крестьянамъ новое испытаніе: неурожай повторился въ сильнѣйшей степени. Въ „Сельско-хозяйственномъ обзорѣ Самарской губ. за 1898—1899 г." (вып. I) въ главѣ „Къ характеристикѣ продовольственнаго положенія деревни" мы находимъ опредѣленіе размѣровъ этого новаго неурожая и его послѣдствій для населенія. Въ Николаевскомъ уѣздѣ среднiй сборъ съ 1 дес. ржи былъ въ 1898 г. равенъ 12,1 пудовъ, овса—8,6 пудовъ и пшеницы—12,5 пудовъ; цифры эти лишь немногимъ *выше* цифръ урожая 1891 г. и составляютъ отъ 22 до 48% *средняго* урожая за предшествующее пятилѣтіе, несмотря на то, что въ послѣднее входитъ также неурожайный 1897 г. Травы въ 1898 г. тоже не уродилось. Понятно, что повторный неурожай явился для Самарской губ. уже настоящимъ бѣдствіемъ, и въ памятный 1898 г. она была ареной обширной „продовольственной кампаніи": на ряду съ выдачей ссудъ изъ продовольственнаго капитала, здѣсь въ широкихъ размѣрахъ производились продовольственно-лѣчебныя операціи „Краснаго Креста" и „Частнаго самарскаго кружка", сумѣвшаго собрать значительныя средства; сюда, ища подвига, стремилась интеллигентная молодежь для борьбы съ голодомъ, тифомъ и цынгою; къ этому именно времени относятся самарскія наблюденія нѣмецкихъ путешественниковъ, составившія значительную часть содержанія небезызвѣстной книги „Der Hunger in Russland".

Мы не имѣемъ здѣсь возможности выяснить всѣ послѣдствія неурожая для крестьянскаго хозяйства Николаевскаго уѣзда, и

остановимся только на вліяніи его на размѣръ скотоводства. Если неурожай 1897 г. вызвалъ уже усиленную распродажу скота, то въ 1898 г, она стала массовой: скотъ продавали не только хозяева, которые такимъ образомъ добывали деньги для покупки хлѣба, его продавали даже зажиточные крестьяне, такъ какъ корма не было и скоту грозила голодная смерть, которая въ этотъ памятный годъ не была исключеніемъ,—трупы и кости павшихъ животныхъ валялись по степнымъ дорогамъ. Чтобы удовлетворить продовольственныя нужды и другія потребности, распродавался не только скотъ, но и другіе предметы имущества; однако, скотъ составлялъ изъ нихъ въ Николаевскомъ, напр., уѣздѣ 72,5%. Продажа имущества давала денежныя средства для покупки предметовъ потребленія, другимъ такимъ же источникомъ являлись всякаго рода займы натурой и деньгами подъ залогъ земли, инвентаря, подъ работу и т. д. Всѣ эти операціи предполагаютъ наличность двухъ сторонъ: продажа есть въ то же время покупка, заемъ требуетъ существованія и должника, и кредитора. Кто же скупалъ у крестьянъ имущество, ссужалъ ихъ деньгами и хлѣбомъ или продавалъ имъ его? Въ цитируемомъ „обзорѣ“ мы находимъ отвѣтъ и на этотъ вопросъ. Въ Николаевскомъ уѣздѣ въ 46,7% всѣхъ случаевъ покупки продовольствія на наличныя деньги и въ 85% всѣхъ случавъ покупки въ кредитъ *продавцами являлись мѣстные состоятельные крестьяне*; остальные случаи падаютъ на покупку въ городахъ, на базарахъ, у купцовъ и частныхъ владѣльцевъ. Гораздо менѣе охотно выступала высшая группа крестьянства въ роли покупателя скота своихъ голодающихъ односельчанъ: изъ общаго числа такихъ покупателей они составляли всего 23.2%; это и понятно,--кормить скотъ въ голодный годъ было трудно и невыгодно.

Такимъ образомъ послѣдствія неурожая для крестьянскихъ хозяйствъ Николаевскаго уѣзда сказались прежде всего въ массовой и *всеобщей* распродажѣ скота. Но это явленіе сопровождало, говоритъ авторъ главы „Послѣдствія неурожая 1898 г.“ въ „Обзорѣ“ за 1898—1899 г. (вып. III), „сильнѣйшее обостреніе того процесса, отличительными чертами котораго является углубленіе пропасти между различными по состоятельности слоями крестьянства; средніе слои выпадаютъ: увеличивается число безлошадныхъ, безхозяйственныхъ, а съ другой стороны крупнѣютъ и богатѣютъ такіе хозяева, которые умѣютъ извлекать выгоды изъ бѣдственнаго положенія своихъ сосѣдей“. И этотъ выводъ опирается и на свидѣтельства мѣстныхъ жителей-корреспондентовъ статистическаго бюро, -сообщенія которыхъ послужили матеріаломъ для составленія цитируемыхъ „Обзоровъ“. Вотъ нѣсколько такихъ сообщеній, рисующихъ послѣдствія неурожая въ Николаевскомъ уѣздѣ. „Скотъ частью распроданъ, частью палъ, земли напахано мало, своихъ сѣмянъ не было, а покупали очень дорого. Многіе

хозяева лишились своего хозяйства и сдѣлались работниками". „Горя было много. Могу сказать одно, что большинство населенія лишилось скота". „1898 г. вообще повліялъ чрезмѣрнымъ упадкомъ въ хозяйственномъ отношеніи для бѣднѣйшихъ жителей населенія, потому что они очень вошли въ долги полученіемъ въ кредитъ и подъ будущія работы хлѣба отъ зажиточныхъ домохозяевъ, но послѣдніе отъ хорошихъ (цѣнъ) подняли еще больше свое хозяйство". „Послѣдствія неурожая выразились сокращеніемъ и полной потерей многими рабочаго скота, большимъ сокращеніемъ посѣва хлѣба противъ нормальнаго; въ кабалѣ своего труда почти на все лѣто, въ продажѣ надѣловъ земли и даже пахотной, которую не оказалось средствъ засѣять".

Мы сдѣлали довольно длинное отступленіе для характеристики послѣдствій неурожая 1897—1899 гг. съ цѣлью дать читателямъ представленіе о „вѣсѣ" матеріаловъ переписи 1898 г. Сравненіе данныхъ переписи этого года съ данными переписи 1888 г., прежде всего, показываетъ, какъ отразились на группировкѣ хозяйствъ по рабочему скоту два неурожайныхъ года. На сколько вліяніе неурожаевъ сгладилось въ послѣдующіе годы и какъ, сообразно этому, измѣнилась группировка хозяйствъ, могла бы показать только новая перепись, но не нужно быть пророкомъ, чтобы сказать, что у извѣстной части хозяевъ и именно наиболѣе сильныхъ, слѣдовательно, хозяевъ высшихъ группъ послѣдовало возстановленіе потеряннаго рабочаго скота.

Но какъ бы ни отнестись къ даннымъ 1898 г., онѣ во всякомъ случаѣ указываютъ на *углубленіе* различій между хозяйствами пролетарскаго и буржуазнаго типа и на уменьшеніе численности промежуточныхъ между ними группъ. Первое изъ этихъ положеній подтверждается и данными о наймѣ рабочихъ, которыя мы приведемъ параллельно съ данными о семейномъ составѣ хозяйствъ различныхъ группъ.

Группы хозяйствъ.	Годы переписей.	Въ средн. на 1 хоз. приходится: Мужч.	Женщ.	Лицъ обоего пола.	Мужч. работник.	% хозяйст., нанимающ. рабочихъ.	На 1 хоз. нанято рабоч.
I. Безъ рабочаго скота. . . .	1888	2,15	1,89	4,04	0,97	0,53	1,70
	1898	2,01	2,02	4,03	1,01	1,45	1,49
	+,—	−0,14	+0,13	−0,01	+0,04	+ 0,92	−0,21
II. Съ 1 шт. раб. скота	1888	2,25	2,33	4.58	1,09	1,26	1,39
	1898	2,42	2,47	4,89	1,17	1,51	2,09
	+,—	+0,17	+0,14	+0,31	+0,08	+ 0,25	+0,70
III. Съ 2—3 шт. раб. скота . .	1888	2,71	2,79	5.50	1,28	1,80	1,22
	1898	3,01	3,08	6,09	1,44	3,03	1,42
	+,	+0,30	+0,29	+0,59	+0,16	+ 1,23	+0,20
IV. Съ 4 шт. раб. скота	1888	3,26	3,33	6,59	1,51	9,28	1,03
	1898	3,69	3,75	7,44	1,74	11,68	1,29
	+,—	+0,43	+0,42	+0,85	+0,23	+ 2,40	+0,26

Групны хозяйствъ.	Годы переписей.	Въ средн. на 1 хоз. приходится: Мужч.	Женщ.	Лицъ обоего пола.	Мужч. работник.	% хозяйст., нанимающ. рабочихъ.	На 1 хоз. нанято рабоч.
V. Съ 5—10 шт. раб. скота .	1888	3,95	4.04	7.99	1,82	27,56	1,06
	1898	4.34	4,38	8.72	2.0	29.79	1.43
	+, —	+0.39	+0,34	+ 0,73	+0,18	— 2.23	+0.35
VI. Съ 10—20 шт. раб. скота.	1888	5.59	5.56	11.15	2,45	64.98	1,57
	1898	5.67	5,68	11,35	2.67	72,07	2.37
	+, —	+0,08	+0.12	+ 0,20	+0,22	+ 7,09	+0.80
VII. Имѣющ. бол. 20 шт. р. ск.	1888	6.79	6,99	13,78	2,93	90.61	3.20
	1898	7,39	7.88	15.27	3.44	91.24	3,75
	+, —	+0,60	+0.89	+ 1.39	+0,51	+ 0.63	+0.55

Несмотря на замѣтное увеличеніе средняго размѣра семьи и ея рабочаго состава, примѣненіе *наемнаго* труда расширилось. Особенно сильно это расширеніе произошло въ VI-й группѣ, гдѣ въ 1888 г. нанимали рабочихъ около ²/₃ всѣхъ хозяйствъ, а въ 1898 г.—около ³/₄, вмѣстѣ же съ послѣдней VII-й группой, она образовала довольно законченный типъ мелкихъ капиталистическихъ предпріятій, работающихъ наемными рабочими, и распространяющихъ свою дѣятельность какъ на земледѣліе, такъ и на торговлю и „кредитъ" (ростовщичество).

Итакъ, въ Николаевскомъ уѣздѣ „тяготѣнія крестьянъ къ среднему уровню" не проявилось; нельзя также говорить и объ общемъ объднѣніи: пролетарская группа сильно возрасла, но на ряду съ этимъ увеличилась хозяйственная сила буржуазной группы,—предпріятія ея стали крупнѣе; правда, если вывести „среднюю" для всѣхъ группъ, то мы можемъ придти и къ противоположному выводу, но безсодержательность такой „средней" очевидна: нельзя складывать бюджетъ рабочаго и капиталиста и выводить для нихъ „среднюю". Объднѣніе, пролетаризація многихъ хозяйствъ сопровождалась обогащеніемъ, „капитализаціей" немногихъ, а это и есть та самая дифференціація крестьянства, наличность которой пытаются опровергать наши народники.

Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли въ хозяйствѣ [illegible] казаковъ и крестьянъ.

Здѣсь мы также наталкиваемся на невозможность произвести болѣе или менѣе полное сравненіе матеріаловъ двухъ переписей: данныя переписи 1888 г. не были сведены въ такія групповыя таблицы, какія составлены по матеріаламъ 1899 г., а эти послѣднія не заключаютъ въ себѣ отвѣтовъ на многіе важные вопросы хозяйственной жизни поселянъ, напр., о наймѣ рабочихъ, о занятіяхъ внѣ своего земледѣльческаго хозяйства

(кромѣ дальняго отхода) и др. Вслѣдствіе указанныхъ причинъ ниже мы будемъ сравнивать только *среднія* цифры для казаковъ, крестьянъ-собственниковъ и поселянъ вообще, вполнѣ сознавая, что такое сравненіе не можетъ замѣнить сопоставленій по отдѣльнымъ группамъ хозяйствъ.

Остановимся прежде всего на условіяхъ землевладѣнія и землепользованія.

Разряды населенія.	Годы переписей.	% хозяйствъ: безземельныхъ.	% хозяйствъ: не имѣющихъ пахоти.	Изъ 100 хозяйствъ, имѣющихъ пахоть, имѣютъ десятинъ: До 1.	Отъ 1 до 3.	Отъ 3 до 9.	Отъ 9 до 15.
I. Казаки . .	1888	1,9	14,4	9,41	26,30	45,15	11,38
	1899	2,93	15,18	12,67	28,90	40,14	10,34
	+,—	+1,03	+0,78	+3,26	+2,60	— 5,01	—1,04
II. Крестьяне.	1888	4,4	19.5	2,92	30,01	61,92	3,90
	1899	4,6	19,11	7.66	35,82	49,19	5,27
	+,—	+0,2	—0,39	+4,74	+5,81	—12,73	+1,37
III. По уѣзду.	1888	3,2	15,7	6,54	26,72	52,49	9,0
	1899	7,97	16,64	10,15	30,70	44,84	8,58
	+,—	+4,77	+0,94	+3,61	+3,98	— 7,65	- 0,42

Разряды населенія.	Годы переписей.	Изъ 100 хозяйствъ, имѣющихъ пахоть, имѣютъ десятинъ. Отъ 15 до 50.	Свыше 50.	На 1 земельное хозяйство приходится пахоти.	всей удобной.	% хозяйствъ, арендующихъ землю.	На 1 арендующее хоз. арендовано десят. земли.	% хозяйствъ, сдающихъ пахоть въ аренд.
I. Казаки . .	1888	7.30	0,46	5,24	6,67	38,82	4,65	17,3
	1899	7.26	0.69	5,12	6,69	35,34	3,28	15,3
	+,—	—0,04	+0,23	—0,12	+0,02	—3,48	--1,37	—2,0
II. Крестьяне.	1888	1,13	0,11	3,41	3,96	41,65	4,08	12,5
	1899	1,86	0,18	3,29	3,96	47,96	2,77	11,3
	+,—	+0,73	+0,07	+0,12	0	| 6.31	—1,31	—1,2
III. По уѣзду.	1888	4·89	0,37	4,64	5.70	39,54	4.45	15,4
	1899	5.24	0,51	4,46	5,63	43,26	3,09	15,1
	+,—	+0.35	+0.14	—0,18	—0.07	+3,72	-—1,36	—0,3

Приведенныя цифры обнаруживаютъ одну общую тенденцію какъ для всѣхъ „поселянъ" уѣзда, такъ и для казаковъ и крестьянъ-собственниковъ въ частности: численность *средней* группы (отъ 3 до 9 дес.) довольно сильно понизилась, % же безземельныхъ и малоземельныхъ, съ одной стороны, и многоземельныхъ съ другой—увеличился; въ то же время средній размѣръ земельнаго участка остался почти безъ перемѣны. Послѣднее обстоя-

тельство еще разъ подчеркиваетъ способность нѣкоторыхъ среднихъ скрывать дѣйствительность. Указанная тенденція въ перераспредѣленіи земельной собственности рѣзче сказалась у крестьянъ, чѣмъ у казаковъ. Арендныя отношенія также измѣнились: % хозяйствъ, сдающихъ пахоть, понизился, слѣдовательно большее число хозяйствъ стали сами обрабатывать пашню, % же арендующихъ хозяйствъ у казаковъ также понизился, а у крестьянъ и вообще по уѣзду повысился; въ то же время средній размѣръ арендуемаго участка, сталъ мельче. Въ результатѣ измѣненій условій землевладѣнія и землепользованія получилась перегруппировка хозяйствъ по площади посѣва.

Разряды населенія.	Годы переписей.	Изъ 100 хозяйствъ приходится: не сѣющихъ	засѣвающихъ десятинъ До 1.	Отъ 1 до 3.	Отъ 3 до 9.	Отъ 9 до 15.	Болѣе 15.	Въ среднемъ на 1 сѣющ. хоз. приходится десятинъ посѣва.
I. Казаки.	1888	29,0	4,6	14,9	38,2	10,5	2,8	5,82
	1899	26,2	8,3	18,1	35,9	8,3	3,2	4,94
	+,—	2,8	+3,7	+3,2	—2,3	—2,2	+0,4	—0,88
II. Крестьяне.	1888	28,4	2,5	23,2	40,7	4,4	0,8	4,45
	1899	26,5	6,0	27,4	35,6	3,5	1,0	3,89
	+,—	— 1,9	+3,5	+3,2	—5,1	— 0,9	+0,2	—0,56
III. По уѣзду.	1888	28,4	3,7	18,3	39,5	8,1	2,0	5,31
	1899	30,5	6,6	20,6	34,0	6,0	2,3	4,56
	+,—	+2,1	+2,9	+2,3	—5,5	—2,1	+0,3	— 0,75

Среднія группы съ посѣвомъ отъ 3 до 15 десятинъ *уменьшились* въ своей численности, зато сильно возрасли — низшія группы, съ посѣвомъ до 3 десятинъ, увеличилось также число хозяйствъ высшей группы, засѣвающихъ болѣе 15 десятинъ пашни; но такъ какъ наиболѣе сильно увеличилось число мелкихъ посѣвщиковъ, то средній размѣръ посѣва на 1 хозяйство упалъ; характерно, что % безпосѣвныхъ хозяйствъ уменьшился. Гг. народники могутъ усмотрѣть въ этомъ, пожалуй, „возвращеніе“ на землю, но на самомъ дѣлѣ произошло только прикрѣпленіе батраковъ къ своему селу: посѣвъ до 1 десятины и даже до 3 десятинъ не даетъ возможности существовать, и продажа рабочей силы для такихъ посѣвщиковъ обязательна. Впрочемъ, по цѣлому уѣзду % безпосѣвныхъ хозяйствъ значительно возросъ; это значитъ, что въ другихъ разрядахъ поселянъ, кромѣ казаковъ и крестьянъ-собственниковъ (казенные крестьяне и мѣщане), произошло сильное увеличеніе числа безпосѣвныхъ, превышающее сокращеніе его у казаковъ и крестьянъ-собственниковъ. Выводы эти получили бы несомнѣнно еще болѣе рѣзкое выраженіе, если бы для 1899 г. группировка хозяйствъ была сдѣлана по всей площади посѣва, а не по площади посѣва только

„главныхъ“ хлѣбовъ, „прочіе“ хлѣба, не принятые въ разсчетъ при группировкѣ, занимаютъ 5% всего посѣва, и въ высшихъ группахъ на 1 хозяйство ихъ приходится около 2 десятинъ; такимъ образомъ, если бы въ разсчетъ были приняты и эти „прочіе“ хлѣба, то часть хозяйствъ изъ среднихъ группъ передвинулась бы въ высшія, и въ то же время – изъ безпосѣвной въ первую посѣвную (до 1 дес.). Но общій характеръ эволюціи этимъ не мѣняется: произошла дифференціація среднихъ группъ, значительно возрасла пролетарская группа, увеличилось также число хозяйствъ буржуазнаго типа *).

Картину эволюціи хозяйства роменскихъ крестьянъ мы можемъ еще дополнить сравнительными данными о скотоводствѣ.

Разряды населенія.	Годы переписей.	Въ среднемъ на 1 скотное хозяйство приходится: Воловъ.	Коровъ.	Лошадей.	Всего крупнаго скота.	Процентъ хозяйствъ: Безъ крупнаго скота.	Безъ всякаго скота.	Безъ рабочаго скота.	Съ 1 штукой рабоч. скота.	Съ 2—3 шт. раб. скота.	Съ 4—6 шт. раб. скота.	Съ 7 и болѣе шт. раб. скота.
I Казаки . .	1888	0,68	0,74	0,83	2,24	16,34	10,68	29,2	18,8	34,5	15,9	1,6
	1899	0,58	0,94	1,13	2,66	20,94	8,23	28,6	18,7	35,9	15,1	1,7
	+,—	—0,10	+0,20	+0,30	+0,42	+4,60	—2,45	—0,6	—0,1	+1,4	—0,8	+0,1
II Крестьяне .	1888	0,38	0,71	0,86	1,94	19,41	7,52	30,0	22,6	38,1	8,8	0,5
	1899	0,29	0,81	1,09	2,20	19,25	10,78	29,9	22,8	39,2	7,4	0,7
	+,—	—0,11	+0,10	+0,23	+0,26	—0,16	+3,26	—0,1	+0,2	+1,1	—1,4	+0,2
III По уѣзду .	1888	0,50	0,72	0,93	2,16	17,84	9,55	29,8	20,0	35,4	13,6	1,2
	1899	0,41	0,88	1,20	2,49	19,62	13,06	32,6	19,6	35,3	11,1	1,4
	+,—	—0,09	+0,16	+0,27	+0,33	+1,78	+3,51	+2,8	—0,4	—0,1	—2,5	+0,2

% хозяйствъ, не имѣющихъ никакого скота, точно такъ же какъ и % хозяйствъ безъ крупнаго скота, увеличился у всѣхъ разрядовъ, кромѣ казаковъ, у которыхъ онъ понизился. Но на 1 скотное хозяйство въ 1899 году приходилось больше крупнаго скота, чѣмъ въ 1888 г. Это увеличеніе численности скота относится исключительно къ коровамъ и лошадямъ, число же воловъ

*) Г. Пѣшехоновъ, на основаніи матеріаловъ повторной переписи 1899 г. по 9 уѣздамъ Полтавской же губ., приходитъ къ другому выводу (см. „Русск. Бог.“ 1902 г., № 10 „Изъ теоріи и практики крест. хоз.“, стр. 108 и 112). Отчего это происходитъ? Прежде всего отъ того, что г. Пѣшехоновъ всѣ хозяйства, засѣвающія свыше 6 десятинъ, отнесъ въ одну группу, т. е. смѣшалъ и среднія, и высшія группы, а такъ какъ послѣднія малочисленны, то на *средній* выводъ они не оказали замѣтнаго давленія: они потонули въ „средней“, и получилось общее передвиженіе группъ въ сторону малосѣющихъ. Оперируя съ такими „средними“, можно придти къ любымъ выводамъ, которые, однако, только скроютъ отъ насъ дѣйствительность. Но и помимо того, наши цифры не сходятся съ цифрами г. Пѣшехонова, быть можетъ, потому, что мы оперируемъ съ данными по одному уѣзду,– единственному до сихъ поръ разработанному, на сколько намъ извѣстно,– а г. Пѣшехоновъ—по девяти. Къ сожалѣнію, источникъ, откуда онъ позаимствовалъ свои данныя, не указанъ.

убыло—процессъ, наблюдающійся во всей Малороссіи и Новороссіи. Измѣненіе группировки хозяйствъ по рабочему скоту, въ общемъ соотвѣтствуетъ измѣненію группировки по площади посѣва: по уѣзду % хозяйствъ безъ рабочаго скота и имѣющихъ 7 и болѣе головъ рабочаго скота увеличился, наоборотъ, численность среднихъ группъ уменьшилась; въ частности, у казаковъ и крестьянъ % хозяйствъ безъ рабочаго скота незначительно сократился, сократился также % среднихъ хозяйствъ съ 4—6 штуками рабочаго скота, послѣдняя же группа, съ 7 и болѣе головами, увеличилась.

Остановимся еще на двухъ явленіяхъ,—на измѣненіи средняго размѣра семьи и развитіи дальняго отхода.

Разряды населенія.	Годы переписей.	Средній размѣръ семьи.	% уходящихъ на дальніе заработки: хозяйствъ.	взрослыхъ мужчинъ.
I. Казаки . . .	1888	5.82	11,0	8.3
	1899	5,89	12.9	14,1
	+.—	+0,07	+1,9	+5,7
II. Крестьяне . .	1888	5.91	11.3	8,2
	1899	5.93	14.7	16.2
	+.—	+0.04	+3.4	+8.0
III. По уѣзду . .	1888	5,91	11,3	8.3
	1899	5,94	12,6	13.8
	+.—	+0,03	+1.3	+5,5

Средній размѣръ семьи незначительно увеличился, тогда какъ средній размѣръ своей запашки уменьшился. По скольку эти „среднія“ выражаютъ собой дѣйствительность, они говорятъ, что теперь большее количество средствъ должно добываться не изъ своего хозяйства, а со стороны. Этому выводу вполнѣ соотвѣтствуетъ и усиліе отхода на сельскохозяйственныя работы въ южныя губерніи, какъ показываютъ цифры второго и третьяго столбца приведенной таблицы. Къ сожалѣнію, наши матеріалы не позволяютъ намъ прослѣдить измѣненіе въ „промысловой“ дѣятельности роменскихъ поселянъ во всемъ ея объемѣ, „дальній“ же отходъ далеко не исчерпываетъ ея. Точно также мы не знаемъ, насколько развилось въ высшей группѣ хозяйствъ примѣненіе наемной рабочей силы.

Эта неполнота нашихъ матеріаловъ не можетъ, однако, поколебать общаго вывода, —среди роменскихъ поселянъ происходитъ экономическая дифференціація, разслояющая ихъ на сельскій пролетаріатъ и сельскую буржуазію.

Гораздо болѣе полными данными мы располагаемъ по Вяземскому уѣзду. Здѣсь при переписи 1900 г. устанавливались для

каждаго двора измѣненія, происшедшія съ 1884 г. Кромѣ того, данныя первой переписи были подвергнуты новому подсчету по тѣмъ же группамъ хозяйствъ, по которымъ подсчитаны данныя 1900 г. Это даетъ возможность сравнить не только конечные результаты экономической эволюціи, — именно: группировку хозяйствъ въ 1884 и 1900 г., но и прослѣдить за этотъ періодъ судьбу каждой экономической группы. Мало того, указанный способъ параллельной разработки матеріаловъ двухъ переписей, позволилъ прослѣдить судьбу каждаго двора и связать его экономическую эволюцію съ процессомъ образованія новыхъ хозяйственныхъ единицъ и вымиранія старыхъ. Но прежде всего остановимся на общихъ результатахъ происшедшей эволюціи.

За 16 лѣтъ—съ 1884 г. до 1900—число „приписныхъ" дворовъ увеличилось на 18,8% (съ 13.880 до 16.464); но увеличеніе это было совершенно не одинаково для двухъ категорій хозяйствъ— „наличныхъ" и „отсутствующихъ". Число первыхъ возрасло всего на 7,1%, а вторыхъ—на 412,4% (съ 402 до 2.039); „отсутствующія" хозяйства въ 1884 г. составляли 2,9% всѣхъ „приписныхъ", а въ 1900 г.—12,4%. Это—настоящее переселеніе мужика изъ деревни въ городъ *); впрочемъ, и здѣсь народники могутъ говорить объ „обращеніи къ землѣ": изъ 402 хозяйствъ „отсутствовавшихъ" въ 1884 г., вернулось въ деревню къ 1900 г. 118, т. е. 29,3%. Съ этими вернувшимися мы еще встрѣтимся дальше; а теперь замѣтимъ только, что они тонутъ въ массѣ хозяйствъ выселившихся за тотъ же періодъ,—такихъ хозяйствъ 1.776.

Что же произошло съ хозяйствами „наличными", т. е. оставшимися въ деревнѣ,—какъ измѣнилась ихъ группировка по экономическимъ признакамъ? Отвѣтъ даютъ слѣдующія цифры.

Годы переписей.	Изъ 100 наличныхъ хозяйствъ: Не имѣютъ посѣва.	Засѣваютъ: До 3 дес.	Отъ 3 до 9 д.	Болѣе 9 д.
1884	14,30	24,24	56,92	4,54
1900	9,5	24,6	59,2	6,7
Въ 1900 больше (+), меньше (—)	— 4,80	+ 0,36	+ 2,28	+ 2,16

Число безпосѣвныхъ хозяйствъ уменьшилось (и *абсолютно*, и относительно), число засѣвающихъ до 3 десятинъ осталось почти безъ перемѣны и число хозяйствъ, имѣющихъ посѣва отъ 3 до 9 и болѣе 9 десятинъ возрасло; особенно сильно увеличилось число хозяйствъ послѣдней группы: % ихъ возросъ въ 1½ раза.

---

*) Въ данномъ случаѣ точность регистраціи не можетъ быть заподозрѣна: благодаря указанному пріему „исторической" переписи установлена исторія каждаго изъ 2.039 отсутствовавшихъ дворовъ; изъ нихъ только 284 „отсутствовали" и въ 1884 г., а остальные тогда были „наличными".

Что же означаетъ, съ одной стороны, бѣгство изъ деревни въ городъ, съ другой -уменьшеніе числа безпосѣвныхъ и вообще „укрупнѣніе“ хозяйствъ? Нѣтъ ли въ этихъ двухъ явленіяхъ противорѣчія,—вѣдь наши народники самый отходъ объясняютъ, какъ мы видѣли, упадкомъ земледѣлія? Противорѣчія здѣсь нѣтъ; мы имѣемъ здѣсь двѣ стороны одного и того же процесса,—экономической дифференціаціи крестьянства, которая заключается не только въ разслоеніи земледѣльческихъ хозяйствъ, но и въ раздѣленіи земледѣлія и „промысловъ“. Хозяйства, не сумѣвшія поставить болѣе или менѣе раціонально свое земледѣліе, стремятся уйти изъ деревни, по скольку это допускаетъ ихъ юридическое положеніе, прикрѣпляющее ихъ къ землѣ, и состояніе промышленнаго рынка. Въ деревнѣ же остаются болѣе сильныя и крупныя хозяйства. Этимъ и ничѣмъ инымъ объясняется уменьшеніе % *наличныхъ* безпосѣвныхъ хозяйствъ и увеличеніе % крупныхъ посѣвщиковъ. Если же въ разсчетъ ввести и отсутствующія хозяйства, то тогда безпосѣвная группа съ 17,1% въ 1884 г. возрастетъ до 20,7% въ 1900 г., и такимъ образомъ обнаружится ростъ обѣихъ крайнихъ группъ: пролетарской и буржуазной.

Посмотримъ же, какими измѣненіями въ условіяхъ хозяйства каждой группы сопровождалась эта дифференціація вяземскихъ крестьянъ.

Группы хозяйствъ:	Годы переписей.	Процентъ хозяйствъ:				Въ среднемъ приходится десятинъ удобной земли:			
		безнадѣльныхъ.	безземельныхъ.	Арендующихъ землю.	Имѣющихъ купчую землю.	надѣльной на 1 надѣльн. хозяйство.	купчей на 1 хоз. съ купч. землей.	всей на 1 земельное хоз. вообще.	посѣва на 1 сѣющее хоз.
I. Не имѣющ. пос.	1884	74,15	73,92	4,85	4,50	6,35	2,13	7.15	—
	1900	51,73	49,18	6.06	9,31	5,19	3,42	5,64	—
	+,—	—22,32	—23,74	+1,21	+4,81	—1,16	+1,29	—1,15	—
II. Съ посѣв. до 3 дес. . . .	1884	1,46	1,26	59,72	13,59	6,66	4,21	7,22	2,22
	1900	4,8	1,75	69.93	33,63	5,78	3,58	6,82	2,05
	+,—	+3,34	+0,49	+10,20	+20,04	—0,88	+0,63	—0,40	—0,17
III. Съ посѣв. отъ 3 до 9 дес. .	1884	0,32	0.16	78,66	16,63	10,63	4,87	11,42	4.94
	1900	1.22	0,17	82.64	50,08	8,98	5,61	11,70	5.10
	+,	+0,90	+0,01	+3,98	+33,45	—1,65	+0,74	+0,28	+0,16
V. Съ посѣв. болѣе 9 дес. .	1884	—	—	91,47	22.50	17,69	9,13	19,75	10,09
	1900	1,78	—	86,78	66,21	21,08	13,87	29,89	11,19
	+,—	+1,78	...	—4,69	+43,71	+3,39	+4.74	+10,14	+1,10
По уѣзду. .	1884	11,14	10,97	64,09	14.42	9,73	4,90	10,54	4,45
	1900	6,92	5,25	72,55	43,25	8,31	6.02	7.58	4,72
	+,—	—4,22	—5,72	+8,46	+28.83	—1,42	+1,12	—2,96	+0,27

За 16 лѣтъ въ условіяхъ землевладѣнія и землепользованія вяземскихъ крестьянъ произошли большія и характерныя перемѣны. Прежде всего сократился % безнадѣльныхъ крестьянъ и въ то же время измѣнилось распредѣленіе ихъ по посѣвнымъ группамъ: въ 1884 г. почти всѣ безнадѣльныя хозяйства сосредоточивались въ І-й, безпосѣвной группѣ, во ІІ-й ихъ было очень немного, еще меньше въ ІІІ-й, а IV-я ихъ вовсе не имѣла. Теперь число безнадѣльныхъ въ І-й группѣ почти въ 1½ раза упало, но % ихъ въ ІІ-й и ІІІ-й группахъ сильно возросъ и они появились также въ IV-й группѣ. Это значитъ, во-первыхъ, что надѣльная земля стала разверстываться на большее число единицъ, въ результатѣ чего возросъ % надѣльныхъ дворовъ и сократился— безнадѣльныхъ; во-вторыхъ, что размѣры запашки стали меньше зависѣть отъ владѣнія надѣльной землей. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1884 г. ¾ безпосѣвныхъ хозяйствъ не имѣли надѣльной земли, а въ 1900 г. ея не имѣетъ только половина безпосѣвныхъ хозяйствъ, другая же половина владѣетъ надѣльной землей и тѣмъ не менѣе не можетъ дѣлать посѣвовъ; наоборотъ, въ высшихъ группахъ появились безнадѣльныя хозяйства, которыя, однако, имѣютъ довольно крупные посѣвы.

Сообразно увеличенію числа надѣльныхъ хозяйствъ уменьшился средній размѣръ участка надѣльной земли, приходящагося на 1 надѣльное хозяйство, такъ какъ общая площадь надѣльной земли, конечно, не измѣнилась. Но это пониженіе размѣровъ средняго надѣла не коснулось высшей, IV-й группы: хозяйства этой группы, наоборотъ, сумѣли расширить свои надѣльные участки на 3 слишкомъ десятины на дворъ, или больше чѣмъ на 20%.

Другой характерной перемѣной является громадное развитіе частнаго крестьянскаго землевладѣнія, такъ называемаго купчаго: % хозяйствъ съ купчей землей возросъ въ 3 раза; это увеличеніе числа частныхъ земельныхъ собственниковъ наблюдается во всѣхъ группахъ, но особенное значеніе оно пріобрѣло въ высшей группѣ, гдѣ въ 1884 г. имѣла купчую землю ⅕ всѣхъ хозяйствъ, въ 1900—⅔. Въ то же время размѣры купленныхъ участковъ стали крупнѣе, и опять-таки выдѣляется IV-я группа, въ которой средній купленный участокъ увеличился на 4¾ десятины, или на 50%. Нѣтъ надобности напоминать, что земля, перешедшая за 16 лѣтъ къ вяземскимъ крестьянамъ, принадлежала ранѣе ихъ помѣщикамъ.

Казалось бы, развитіе покупки земли должно было ослабить ея мобилизацію путемъ аренды, но факты показываютъ обратное: число арендующихъ дворовъ нѣсколько сократилось только въ высшей группѣ, которая, очевидно, предпочитаетъ удовлетворять нужду въ землѣ ея покупкой, въ остальныхъ же группахъ оно возрасло.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ измѣненій размѣры средняго

земельнаго владѣнія вообще (надѣльная + купчая земля) въ I-й группѣ сократились, во II-й и III-й почти не измѣнились (во II-й ничтожно уменьшились, въ III-й также ничтожно увеличились) и въ IV-й, высшей группѣ, возрасли на 10 десятинъ на 1 дворъ, или болѣе чѣмъ въ 1½ раза. Это—уже настоящее „собираніе земли“, существованіе котораго въ данномъ случаѣ не рѣшится, вѣроятно, отрицать и г. Пѣшехоновъ.

Сообразно измѣненію площади землевладѣнія, измѣнилась площадь землепользованія и въ частности посѣва, во II-й группѣ она нѣсколько понизилась, въ III-й нѣсколько повысилась и IV-й значительно повысилась: на 1,10 десят. на хозяйство, т. е. на 10%. Повысилась она и по уѣзду, въ среднемъ для всѣхъ сѣющихъ хозяйствъ.

Если слѣдовать обычному народническому методу *среднихъ* выводовъ для *всѣхъ* крестьянскихъ хозяйствъ данной мѣстности, то мы должны признать, что хозяйственное положеніе вяземскихъ крестьянъ за 16 лѣтъ *улучшилось*. Въ самомъ дѣлѣ, % безнадѣльныхъ, безземельныхъ и безпосѣвныхъ уменьшился, % же сравнительно крупныхъ владѣльцевъ и крупныхъ посѣвщиковъ возросъ, въ связи съ развитіемъ частнаго землевладѣнія и аренды, и увеличилась средняя площадь запашки. Но прежде чѣмъ останавливаться на томъ или другомъ окончательномъ выводѣ, прослѣдимъ измѣненія другихъ сторонъ крестьянскаго хозяйства.

Группы хозяйствъ.	Годы переписей.	Въ средн. на 1 скот. хоз.		Процентъ хозяйствъ:			
				Безъ всякаго скота.	Имѣющ. всего скота въ переводѣ на лошадь:		
		лошадей.	Всего скота въ перев. на лошадь.		До 3 шт.	отъ 3 до 6 шт.	Болѣе 6 шт.
I. Не сѣющія.	1884	0,35	1,23	71,3	27,3	1,1	0,3
	1900	0,06	0,22	75,8	23,9	0,3	--
	+, —	—0,29	—1,01	+ 4,5	— 3,4	— 0,8	-- 0,3
II. Съ посѣв. до 3 дес. . . .	1884	1,23	2,49	4,2	64,9	29,9	1,0
	1900	1,01	2,41	5,4	69,8	24,2	0,6
	+, —	- 0,22	—0,08	+ 1,2	+ 4,9	— 5,7	— 0,4
III. Съ посѣв. отъ 3 до 9 д. .	1884	1,97	4 0	0,7	25,8	57,5	16,0
	1900	1,75	4,28	0,5	24,6	62,3	12,6
	+, -	—0,22	+0,28	— 0,2	— 1,2	+ 4,8	— 3,4
IV. Съ посѣв. бол. 9 дес. . .	1884	3,35	6,15	- -	2,7	28,2	69,1
	1900	2,96	7,35	0,4	1,7	30,9	67,0
	+, -	— 0,39	+1,20	+ 0,4	— 1,0	+ 2,7	— 2,1
По уѣзду.	1884	1,77	3,64	11,60	34,4	41,4	12,6
	1900	1,49	3,64	8,8	34,1	44,9	12,2
	+, —	—0,28	0	- 2,8	— 0,3	+ 3,5	— 0,4

Въ общемъ въ условіяхъ скотоводства вяземскихъ крестьянъ произошло мало перемѣнъ. По скольку же онѣ были, условія измѣнились, повидимому, къ худшему. Правда, среднее на 1 хозяйство количество всего скота въ IV-й группѣ увеличилось, точно также возрасло оно нѣсколько и въ III-й группѣ, но среднее количество рабочаго скота (лошадей) упало во всѣхъ группахъ. Въ то же время группировка хозяйствъ по скоту обнаружила уменьшеніе, хотя и небольшое, % хозяйствъ, имѣющихъ болѣе 6 головъ всякаго скота въ переводѣ на лошадь (по скопу навоза).

Какъ помирить уменьшеніе численности рабочаго скота съ расширеніемъ запашки и вообще прогрессомъ земледѣлія? А такой прогрессъ въ Вяземскомъ уѣздѣ за періодъ, раздѣляющій двѣ переписи, несомнѣнно произошелъ. Въ 1884 г., во время перваго изслѣдованія, въ Вяземскомъ уѣздѣ исключительно господствовало трехполье, въ 1900 г. уже въ половинѣ всѣхъ общинъ было введено травосѣяніе, связанное съ переходомъ отъ трехполья къ многопольнымъ системамъ. Вмѣстѣ съ посѣвами клевера за тотъ же періодъ сильно развилось промышленное льноводство: въ 1884 г. ленъ занималъ около 1/5 ярового поля, а въ 1900 г. болѣе 2/5 (44,3%). Въ то же время во всеобщее употребленіе вошли плуги, замѣнившіе традиціонную соху, и—вмѣсто старыхъ деревянныхъ боронъ, бороны съ желѣзными зубьями. Сопоставляя съ этими фактами уменьшеніе численности рабочаго скота, мы задаемся вопросомъ, не связано ли оно съ улучшеніемъ качества лошадей и болѣе полнымъ и производительнымъ использованіемъ ихъ рабочей силы? *).

Посмотримъ теперь, какія перемѣны произошли въ сферѣ промысловой дѣятельности вяземскихъ крестьянъ.

---

*) Г. Черненковъ относительно значенія убыли рабочаго скота, между прочимъ, говоритъ: „...интенсификація хозяйства часто вовсе не требуетъ увеличенія *числа головъ рабочаго* скота, а требуетъ лишь затраты на данную площадь *большаго количества средствъ и труда*, а въ томъ числѣ и *конской силы*, причемъ затрата послѣдней обыкновенно распредѣляется на большее количество времени при томъ же или даже уменьшенномъ числѣ головъ скота: вмѣсто, напр., одной тяжелой вспашки или бороновки дѣлается послѣдовательно нѣсколько болѣе легкихъ (вслѣдствіе большей разрыхленности почвы) вспашекъ и бороновокъ; вмѣсто посѣва преимущественно какого-либо одного хлѣба, требующаго затраты большаго количества труда въ опредѣленный короткій промежутокъ времени, вводятся посѣвы разныхъ хлѣбовъ, требующихъ уже разновременныхъ работъ, и т. д. Увеличеніе количества скота при интенсификаціи хозяйства важно, конечно, для увеличенія количества навоза (если удобреніе уже примѣняется); но послѣднее можетъ достигаться увеличеніемъ количества не рабочаго, а продуктивнаго скота. Такимъ образомъ, неизмѣнность или нѣкоторое сокращеніе количества рабочаго скота, *сами по себѣ*, не могутъ служить непремѣнно признакомъ общаго упадка крестьянскаго хозяйства“... („Сарат. Земск. Нед.“ 1900 г., №№ 11—32. „Къ характер. крест. хоз.“. Стр. 18 и 19 примѣчаніе).

Группы хозяйствъ.	Годы переписей.	Въ сред. на 1 хоз. лицъ обоего пола.	Въ сред. на 1 хоз. мужчинъ работ.	0/0 хоз. нанимающ. рабочихъ.	На 1 наним. хоз. наемныхъ рабоч.	0/0 хозяйствъ съ промыслами.	0/0 промыш. Мужчинъ.
I. Не сѣющія	1888	3,33	0,94	1,04	1,50	87.8	56,64
	1900	3,35	0.76	—	—	77,8	56,23
	+, —	+0,02	—0,18	—	—	—10,0	—0,41
II. Съ посѣв. до 3 дес.	1888	5,11	1,26	7,22	1,04	68,6	31,03
	1900	5,40	1.17	3,03	1,13	72,6	36,40
	+, —	+0,29	—0,09	—4,19	+0,09	+4,0	+5,37
III. Съ посѣв. 3—9 дес.	1888	6,52	1,81	10,90	1,15	72,3	28,17
	1900	7,15	1,62	9,02	1,09	70,5	30,09
	+, —	+0,63	—0,19	—1,88	—0,06	—1,8	+1,92
IV. Съ посѣв. бол. 9 дес.	1888	10,80	2,95	17,24	1,28	79,9	27,41
	1900	9,72	2.44	20,57	1,31	72,8	26,36
	+, —	—1,08	—0,51	+3,33	+0,03	—7,1	—1,05
По уѣзду	1888	5,92	1,61	8,89	1,15	74.0	30,82
	1900	6,58	1,48	7,46	1,13	71,7	32,11
	+, —	+0,64	—0,13	—1,43	—0,02	—2,3	+1,29

Группы хозяйствъ.	Годы переписей.	0/0 промыш. Женщин.	0/0 отхожихъ промышленн.	Изъ 100 промышленниковъ: Рабочихъ.	Самостоятельныхъ.	Предпринимателей.	Служащихъ и занятыхъ своб. профес.
I. Не сѣющія	1888	20,40	57,05	69.92	3.53	1,27	25,28
	1900	22.75	25,98	61,27	13.91	0,63	21.47
	+, —	+2,35	—31,07	—8,65	+10,30	—0,64	—3,81
II. Съ посѣв. до 3 дес.	1888	5,32	34,32	75,36	14,69	1,0	8,95
	1900	7,81	22,37	68,14	18,65	0,39	10,98
	+, —	+3,49	—11,95	—7,22	+3,96	—0,61	+2,03
III. Съ посѣв. 3—9 дес.	1888	3,0	51,83	70,54	16,39	0,90	12.17
	1900	3.56	39,50	58,96	20,14	0,38	17.56
	+, —	+0,56	—12,33	—11,58	+3.75	—0,52	+5,39
IV. Съ посѣв. бол. 9 дес.	1888	1.96	65,74	66,60	10,58	2,60	20,22
	1900	1,98	54,52	43,48	24.41	1,07	28,19
	+, —	+0,02	—11,22	—23,12	+13,83	—1,53	+7.97
По уѣзду	1888	4.91	50,00	71,28	13,63	1,08	14,01
	1900	5,22	35,29	60,15	19,54	0,37	17,36
	+, —	+0,31	—14,71	—11,13	+5,91	—0,71	+3.37

Процентъ хозяйствъ, занимающихся промыслами, понизился, но процентъ лицъ, занятыхъ промыслами, увеличился: слѣдовательно, каждое „промысловое“ хозяйство стало отдавать промысламъ большое число рабочихъ силъ, чѣмъ прежде. Этотъ вы-

водъ относится ко всѣмъ группамъ безъ исключенія, даже къ III-й и IV-й группамъ, гдѣ % мужчинъ, занятыхъ промыслами, уменьшился, такъ какъ это сокращеніе далеко отстаетъ отъ сокращенія числа „промысловыхъ" хозяйствъ, и въ результатѣ такія хозяйства въ этихъ группахъ отчуждаютъ для работъ внѣ своего земледѣлія большее число рабочихъ рукъ. Такимъ образомъ отдѣленіе земледѣлія отъ „промысловой" дѣятельности выразилось не только въ переселеніи громаднаго числа хозяйствъ въ города, но и въ сосредоточеніи „промысловъ" въ относительно меньшемъ числѣ „наличныхъ" хозяйствъ. Измѣнился и характеръ „промысловъ". Число „отхожихъ" промышленниковъ, работающихъ за предѣлами своего уѣзда, рѣзко понизилось, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшился % промышленниковъ-рабочихъ и промышленниковъ-предпринимателей и увеличился % промышленниковъ остальныхъ соціально-экономическихъ категорій: самостоятельныхъ, но не пользующихся наемнымъ трудомъ, служащихъ въ учрежденіяхъ, предпріятіяхъ и т. п., и лицъ занятыхъ свободными профессіями. Впрочемъ, необходимо оговориться, что по свойству записей въ матеріалахъ 1884 г. не всегда было возможно опредѣлить характеръ „промысловой" дѣятельности того или иного лица, а слѣдовательно и двора: хозяйства съ неопредѣленными профессіями въ 1884 г. составляютъ 22,8% въ 1900 же всего—1,5%. Поэтому наши выводы, касающіеся измѣненій въ промысловой дѣятельности вяземскихъ крестьянъ, наименѣе точны *).

Въ помѣщенной выше таблицѣ включены также графы о среднемъ семейномъ составѣ хозяйствъ и о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Средній размѣръ семьи увеличился во всѣхъ группахъ, кромѣ IV-й, высшей, группы, гдѣ онъ, наоборотъ, уменьшился. Но увеличеніе состава относится *не* къ рабочему мужескому населенію: среднее на 1 хозяйство число мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ понизилось нѣсколько во всѣхъ группахъ. Можно ли связать съ этими измѣненіями средняго размѣра семьи тѣ измѣненія въ условіяхъ хозяйства, о которыхъ мы говорили выше? Намъ кажется, что отвѣтъ можетъ быть только отрицательный: измѣненіе состава крестьянской семьи имѣетъ, разумѣется, для нея хозяйственное значеніе, но въ конечномъ счетѣ судьба крестьянскаго хозяйства—его расширеніе или упадокъ—опредѣляется не демографическими причинами. Во II-й, посѣвной группѣ, размѣры земледѣльческаго хозяйства, по скольку они опредѣляются пло-

*) Особенно это относится къ выводу объ измѣненіи % промышленниковъ-предпринимателей. Отличительнымъ признакамъ этой категоріи мы выбрали наемъ промысловыхъ рабочихъ, но въ матеріалахъ 1884 г. имѣются указанія только о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Поэтому вся группа промышленниковъ-предпринимателей для 1884 г. образована искусственно на основаніи различныхъ косвенныхъ признаковъ, названія профессіи и т. п.

щадью запашки и количествомъ скота, сократились. въ III-й остались безъ перемѣны, а между тѣмъ въ обѣихъ этихъ группахъ семья стала крупнѣе; наоборотъ, въ VI-й группѣ семья стала малочисленнѣе, а хозяйство сильно разрослось. Послѣднее доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что въ IV-й группѣ большій $^0/_0$ хозяйствъ сталъ прибѣгать къ найму рабочихъ, тогда какъ въ остальныхъ группахъ число такихъ хозяйствъ сократилось; слѣдовательно, въ высшей группѣ большее число хозяйствъ пріобрѣло, такъ сказать, формальный признакъ буржуазности.

Какъ мы упоминали уже, матеріалы повторной переписи Вяземскаго уѣзда позволяютъ прослѣдить судьбу каждой экономической группы хозяйствъ въ связи съ семейными раздѣлами. Къ сожалѣнію, объемъ статьи не позволяетъ намъ сдѣлать это здѣсь сколько нибудь исчерпывающимъ образомъ, и мы ограничимся лишь самыми общими указаніями на тѣ процессы, которые пережили за 16 лѣтъ хозяйства различныхъ категорій.

Изъ 13.880 хозяйствъ, зарегистрированныхъ переписью 1884 г. для 12.520 удалось при переписи 1900 г. установить до извѣстной степени ихъ исторію. Изъ послѣдняго числа 5,47$^0/_0$ хозяйствъ вымерло, 21,38$^0/_0$ - раздѣлились, причемъ 15.53$^0/_0$ составляютъ хозяйства, изъ которыхъ каждое раздѣлилось на два, 5,20$^0/_0$— раздѣлившіяся на 3 и болѣе и 0,60$^0/_0$—подвергшіяся болѣе сложному процессу соединенія и дѣленія, въ результатѣ котораго число хозяйствъ увеличилось; 1,65$^0/_0$ хозяйствъ соединилось путемъ различныхъ комбинацій,—изъ двухъ одно, трехъ два, трехъ одно и т. д.; наконецъ 71,50$^0/_0$ хозяйствъ не дѣлились и не соединялись, впрочемъ, изъ нихъ 1,07$^0/_0$—такія, которыя также прошли черезъ сложный процессъ дѣленія и соединенія, не измѣнившій, однако, общаго числа хозяйствъ въ этой группѣ. Такимъ образомъ почти $^3/_4$ всѣхъ хозяйствъ за 16 лѣтъ, протекшихъ между двумя переписями, дробленію не подвергались,— очевидно, въ Вяземскомъ уѣздѣ семейно-хозяйственные раздѣлы не представляютъ собой широко распространеннаго явленія. Каковъ же былъ процессъ мобилизаціи хозяйствъ по отдѣльнымъ группамъ?

Группы хозяйствъ.	Процентъ хозяйствъ: Вымершихъ.	Раздѣлившихъ на 2.	Раздѣлившихъ на 3 и болѣе.	Не дѣлившихъ.	Соединившихъ.
I. Не сѣющія	26,95	3.52	0.75	65.78	3,0
II. Съ посѣв. до 3 дес.	4,09	10.42	1.46	82.02	2.01
III. Съ посѣв. отъ 3 до 9 дес. . .	1.09	20.30	6.41	70.93	1,27
IV. Съ посѣв. болѣе 9 дес. . .	0.18	35.21	23.96	40.47	0.18

Связь интенсивности и характера мобилизаціи хозяйствъ съ ихъ размѣрами очевидна. Наибольшій % хозяйствъ „вымершихъ“, т. е. совсѣмъ прекратившихъ свое существованіе *), даетъ I-я безпосѣвная группа,—больше 1/4 хозяйствъ этой группы, существовавшихъ въ 1884 г., къ 1900 г. исчезли; въ этой же группѣ наиболѣе часты соединенія, не играющія, впрочемъ, сколько-нибудь замѣтной роли въ общей мобилизаціи хозяйствъ; зато раздѣловъ здѣсь почти не было. Отмѣченныя три явленія: вымираніе, соединеніе и раздѣлы даютъ по группамъ совершенно правильные ряды цифръ: первыя два—убывающіе отъ I-й группы къ IV-й, послѣдній—возрастающій отъ I къ IV-й группѣ; въ которой 59,17% всѣхъ хозяйствъ за 16 лѣтъ подвергались раздѣламъ. Наиболѣе неподвижными являются II-я группа, гдѣ изъ общаго числа хозяйствъ не дѣлилось 82,02%, и III-я—съ 70,93% такихъ хозяйствъ; подчеркиваемъ, являются *неподвижными*, но не наиболѣе *устойчивыми*: хозяйства, входящія въ ихъ составъ, сохранили цѣлостность, но сохранили ли они прежніе размѣры, мы пока не знаемъ.

Нѣсколько иныя отношенія мы получимъ, если посмотримъ, изъ какихъ группъ рекрутировались хозяйства каждой изъ вышеустановленныхъ категорій: вымершія, раздѣлившіяся, *не* дѣлившіяся и соединившіяся.

Группы хозяйствъ:	Вымершія.	Раздѣлив. на 2.	Раздѣлив. на 3.	Не дѣлившіяся.	Соединившіяся.
I. Не сѣющія.	70,44	3,11	2,06	13,16	26,0
II. Съ посѣв. до 3 д. . .	18,10	15,60	6,83	27,80	29,50
III. „ „ 3—9 „ . .	11,31	70,39	70,16	56,46	44,0
IV. „ „ б. 9 „ . .	0,15	9,90	20,95	2,58	0,50

Громадное большинство вымершихъ хозяйствъ принадлежало къ I-й пролетарской группѣ, такое же большинство раздѣлившихся къ III-й, не дѣлившіяся и соединившіяся входили, главнымъ образомъ, въ составъ III-й и II-й группъ.

Такимъ образомъ главную массу мобилизовавшихся хозяйствъ составляютъ представители средней экономической группы.

Изъ 12.520 хозяйствъ, зарегистрированныхъ въ 1884 г., 663 вымерло, 2.601—раздѣлилось на 5.901, 200—соединилось въ 106 и 9.056 хозяйствъ сохранились, какъ старыя хозяйственныя единицы; въ результатѣ же этого процесса получилось въ 1900 г.

---

*) „Вымираніе“ хозяйства не всегда, конечно, равнозначуще вымиранію всѣхъ членовъ составлявшей его семьи: иногда оставшіеся въ живыхъ члены ея входятъ въ составъ другихъ семей, но *безъ имущества*, слѣд. сліянія хозяйствъ въ этомъ случаѣ не происходитъ.

15.073 хозяйства, которыя распредѣляются по отношенію къ процессу мобилизаціи въ слѣдующія категоріи.

Группы хозяйствъ.	Изъ 100 хозяйствъ 1901 г. принадлежитъ къ категоріямъ: Раздѣлив. на 2.	Раздѣлив. на 3 и бол.	Не дѣлившихся.	Соединившихся.
I. Не сѣющія	21,04	10,60	67,38	0.98
II. Съ посѣв. до 3 д.	35,48	20,07	44,04	0,41
III. „ „ отъ 3 до 9 д.	24,82	10,66	63,69	0.83
IV. „ „ бол. 9 д.	19,16	5,32	73,97	1,55
Итого наличныя	26,68	12,54	59,99	0,79
Отсутствующія	19.93	18,83	61,18	0,06
Всего приписныхъ	25,87	13,28	60.15	0,70

Среди „отсутствующихъ“ хозяйствъ не дѣлившіяся составляютъ большій %, чѣмъ среди „наличныхъ“, а изъ отдѣльныхъ группъ этихъ послѣднихъ „старыя“ хозяйства даютъ наибольшій % въ IV-й группѣ и наименьшій во II-й. Изъ общаго же числа хозяйствъ 1900 г. старыя хозяйства составляютъ 3/5, а новыя, образовавшіяся путемъ дробленія или соединенія 2/5. Такимъ образомъ вліяніе на экономическую жизнь вяземскихъ крестьянъ раздѣловъ (мы говоримъ только о нихъ, потому что „соединенія“ представляютъ собой единичныя явленія) весьма ограничено: тѣ или другія послѣдствія семейныхъ и имущественныхъ раздѣловъ испытала на себѣ значительно меньшая половина хозяйствъ. Уже одно это обстоятельство устраняетъ возможность объяснять процессъ дифференціаціи крестьянскихъ хозяйствъ раздѣлами.

Однако, какъ бы ни была ограничена сфера ихъ вліянія, необходимо его выяснить. Для этого мы остановимся на измѣненіяхъ въ группировкѣ хозяйствъ трехъ крупныхъ категорій: раздѣлившихся на 2, раздѣлившихся на 3 и болѣе хозяйства и не дѣлившихся.

Группы хозяйствъ въ 1900 г. / Группы хозяйствъ въ 1884 г.	Не дѣлившіяся. Не сѣющія. I.	Не дѣлившіяся. Сѣющія: до 3 д. II.	Сѣющія: 3—9 д. III.	Сѣющія: б. 9 д. IV.	Отсутствующія.	Раздѣлившіяся на 2. Не сѣющія. I.	Раздѣлившіяся на 2. Сѣющія до 3 д. II.
I. Не сѣющія	51,0	24,50	23,74	0.76	41,78	32,86	42,8
II. Съ посѣв. до 3 д.	9,55	35,41	53.74	1,30	6,30	13.59	53,9
III. „ „ 3-9 д.	3,34	8,37	77.49	11,0	4,07	5.07	29,9
IV. „ „ б. 9 д.	2,35	1,88	41,31	54,46	3,18	1,97	7,0
Итого въ 1900 г.	9,01	17,37	65.08	8,54	9,51	6,61	31,4
„ „ 1884 г.	13,03	27,90	56,49	2,58	0	3,03	15,2
Въ 1900 г. +, -	—4,02	10,53	+8,59	+ 5,96	+9,51	+3,58	+16,2

Группы хозяйствъ въ 1900 г. / Группы хозяйствъ въ 1884 г.	Раздѣлившіяся на 2. Сѣющія: 3—9 д. III.	б. 9 д. IV.	Отсутствующія.	Раздѣлившіяся на 3. Не сѣющія. I.	Сѣющія: до 3 д. II.	3—9 д. III.	б. 9 д. IV.	Отсутствующія.
I. Не сѣющія	21,43	1,43	38,60	40,91	22,73	27,27	9,09	48,84
Съ посѣв. до 3 д. .	31,07	1,36	9,97	19,63	60.75	19,62	—	18,94
„ „ 3—9 д. .	61,18	3,89	8,77	6,23	43,51	48,40	1,86	17,48
„ „ б. 9 д. . .	73,31	17,70	5,32	4,65	18,34	70,90	6,11	12,29
Итого въ 1900 г. .	57,07	4,90	9,51	7.16	38,15	51,81	2,90	16,98
„ „ 1884 г. .	71,80	9,99	0	2,06	6.83	70,16	20,32	0
Въ 1900 г. +, —	−14,73	—5,09	+9,51	+5,10	+31,32	—18,35	—17,42	+16,13

Вліяніе раздѣловъ на измѣненіе размѣровъ хозяйства очевидно: у недѣлившихся сократились низшія группы, — безпосѣвная и съ посѣвомъ до 3 десятинъ и возрасли высшія, — съ посѣвомъ отъ 3 до 9 и болѣе 9 десятинъ, у раздѣлившихся, наоборотъ повысился % хозяйствъ низшихъ группъ и понизился % хозяйствъ высшихъ группъ, причемъ эти измѣненія соотвѣтственно сильнѣе у раздѣлившихся на 3, чѣмъ у раздѣлившихся на 2 хозяйства. Прослѣживая эволюцію каждой изъ четырехъ группъ въ отдѣльности, мы и здѣсь замѣчаемъ разницу между категоріями дѣлившихся и не дѣлившихся хозяйствъ. У не дѣлившихся изъ числа хозяйствъ, принадлежавшихъ въ 1884 г. къ IV-й группѣ, въ 1900 г. остался въ той же группѣ большій %, чѣмъ у дѣлившихся; то же самое относится къ хозяйствамъ III-й и II-й группъ, съ тѣмъ добавленіемъ, что у недѣлившихся въ каждой изъ этихъ группъ большій % перешелъ въ высшія группы. Но совершенно другое приходится сказать о I-й, безпосѣвной группѣ. Здѣсь обнаруживается обратное вліяніе раздѣловъ: изъ числа хозяйствъ I-й группы у раздѣлившихся на 3 перешелъ въ IV-ю и III-ю группы большій процентъ, чѣмъ у раздѣлившихся на 2, а у этихъ послѣднихъ—большій чѣмъ у недѣлившихся. Это весьма интересное явленіе стоитъ, вѣроятно, въ связи съ развитой промысловой дѣятельностью въ I-й группѣ: сохранявшіе только номинальную связь съ родственнымъ хозяйствомъ промышленники, которымъ посчастливилось хорошо заработать, сразу ставятъ у себя въ деревнѣ крупное земледѣльческое хозяйство, порвавъ предварительно юридическую связь съ отцовскимъ дворомъ, ставшую уже теперь невыгодной.

Что касается „отсутствующихъ“ хозяйствъ, то не дѣлившіяся и раздѣлившіяся на 2 дали ихъ одинаковый процентъ, но у раздѣлившихся на 3—выселился гораздо болѣе высокій %. Колебаніе % „отсутствующихъ“ по посѣвнымъ группамъ одинаково во всѣхъ трехъ категоріяхъ: выселяется наибольшій % хозяйствъ

I-й, безпосѣвной группы,—отъ $^2/_5$ до $^1/_2$ затѣмъ % выселившихся правильно падаетъ къ IV-й группѣ.

Предшествующая таблица показала намъ, какъ отразились раздѣлы на перегруппировкѣ хозяйствъ, совершившейся за 16 лѣтъ, которые протекли между двумя переписями. Теперь разсмотримъ общіе результаты эволюціи отдѣльныхъ группъ, независимо отъ мобилизаціи хозяйствъ путемъ раздѣловъ и соединенія.

Группы хозяйствъ въ 1900 г. / Группы хозяйствъ въ 1884 г.	Процентъ хозяйствъ: Отсутствующихъ.	Процентъ хозяйствъ: наличныхъ.	Изъ 100 наличныхъ хозяйствъ: Не сѣющихъ. I.	Засѣвающихъ десятинъ: до 3. II.	от 3 до 9. III.	бол. 9. IV.
I. Не сѣющія	41,29	58,71	48,99	26,31	23,62	1,08
II. Съ посѣв. до 3 д. .	7,52	92,48	10,66	39,71	48,37	1,26
III. „ „ 3—9 д. .	7,54	92,46	4,14	19,62	68,61	7,63
IV. „ „ бол. 9 д.	7,91	92,09	3,17	10,63	65,34	20,86

Болѣе $^2/_5$ не сѣющихъ хозяйствъ ушли изъ деревни совсѣмъ, тогда какъ въ остальныхъ группахъ % ушедшихъ хозяйствъ — гораздо болѣе низкій—почти не колеблется. Изъ оставшихся же въ деревнѣ „наличныхъ“ хозяйствъ наиболѣе устойчивой оказывается III-я группа,— болѣе $^2/_3$ ея хозяйствъ сохранила прежніе средніе размѣры, наименѣе же устойчивой—IV-я группа, изъ состава которой только 20,86% хозяйствъ остались попрежнему въ IV-й же группѣ, затѣмъ по степени неустойчивости слѣдуютъ II-я и I-я группы. Насколько обновился составъ отдѣльныхъ группъ, еще рельефнѣе показываетъ слѣдующая табличка.

Группы хозяйствъ въ 1900 г.	Изъ 100 хозяйствъ принадлежали въ 1884 г. къ группамъ. Не сѣющія. I.	Засѣвающихъ десятинъ. до 3. II.	отъ 3 до 9. III.	бол. 9. IV.	Отсутствующія.
I. Не сѣющія.	**33,64**	28,02	31,33	2,86	4,15
II. Съ посѣв. до 3 д. .	6,38	**36.88**	52,48	3,38	0,88
III. „ „ 3—9 д. .	2,24	17,53	**71.60**	8,12	0,51
IV. „ „ бол. 9 д.	0,91	4,10	71,30	**23.23**	0,46

Изъ хозяйствъ I-й, несѣющей группы только 33,64% принадлежали и въ 1884 г. къ той же I-й группѣ, остальныя перешли въ нее изъ другихъ группъ и всего меньше, конечно, изъ IV-й; слѣдуетъ отмѣтить, что 4,15% безпосѣвныхъ, наличныхъ въ 1900 г. хозяйствъ, въ 1884 г. — отсутствовало. Во II-й группѣ „старыхъ“ хозяйствъ 36,88%, больше же половины всѣхъ хозяйствъ въ 1884 г. принадлежали къ III-й и IV-й группѣ.

Въ III-й группѣ „старыя" хозяйства составляютъ 71,6%, большинство же „новыхъ" перешло изъ II-й группы. Наконецъ, въ IV-й группѣ „старыхъ" хозяйствъ 23,23%, а почти всѣ остальныя въ 1884 г. входили въ составъ III-й группы. Эти цифры указываютъ на весьма сильную мобилизацію хозяйствъ между отдѣльными группами, которая совершенно устраняетъ возможность объяснять существованіе высшей группы, какъ переживаніе прежняго хозяйственнаго благополучія: высшая группа — самая молодая по составу входящихъ въ нее дворовъ.

Ограниченность мѣста заставляетъ насъ не продолжать дальше анализъ экономической эволюціи отдѣльныхъ категорій вяземскихъ крестьянъ. Впрочемъ, какъ ни интересенъ этотъ анализъ самъ по себѣ, онъ ничего не прибавитъ къ тѣмъ выводамъ относительно характера этой эволюціи, которые мы сдѣлали выше. Повторимъ ихъ вкратцѣ: за 16 лѣтъ въ Вяземскомъ уѣздѣ сильно подвинулась впередъ дифференціація земледѣлія и промысловъ, и значительная часть хозяйствъ переселилась въ города; въ большинствѣ случаевъ это — хозяйства пролетарскаго типа. Среди хозяйствъ, оставшихся въ деревнѣ, возросъ % крупныхъ посѣвщиковъ и сократился % несѣющихъ и малосѣющихъ хозяйствъ, что сопровождалось въ то же время несомнѣннымъ прогрессомъ земледѣльческой техники. Такимъ образомъ за 16 лѣтъ возрасли въ своей численности обѣ крайнія группы крестьянства, — пролетарская и буржуазная, и эта дифференціація совершалась путемъ сложной межгрупповой мобилизаціи хозяйствъ, которая только отчасти можетъ быть объяснена семейными раздѣлами, вліявшими на экономическую эволюцію хозяйствъ на фонѣ общихъ ея условій.

Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ нашихъ матеріаловъ. Каковы же тѣ выводы, къ которымъ онъ приводитъ?

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія говорить о „тяготѣніи крестьянъ къ среднему уровню". Такого тяготѣнія мы не обнаружили ни въ одномъ изъ разсмотрѣнныхъ уѣздовъ, представляющихъ большое разнообразіе естественныхъ и историко-экономическихъ условій. Такъ же мало основательно утвержденіе, что происходитъ *общій* упадокъ крестьянскаго хозяйства. На самомъ дѣлѣ однѣ, болѣе многочисленныя группы крестьянства теряютъ свою хозяйственную самостоятельность и переходятъ въ ряды земледѣльческаго и промышленнаго пролетаріата, другія, менѣе, многочисленныя группы — расширяютъ свое хозяйство и превращаютъ его въ предпріятія капиталистическаго типа, чисто земледѣльческія или земледѣльческо-промышленныя. Эти буржуазныя группы крестьянства являются носителями прогресса въ земледѣліи, признаки котораго: переходъ къ болѣе раціональнымъ

сѣвооборотамъ, введеніе улучшенныхъ орудій и машинъ для обработки почвы и уборки полевыхъ продуктовъ наблюдаются во многихъ мѣстностяхъ.

Такимъ образомъ матеріалы повторныхъ переписей доказываютъ цифрами существованіе дифференціаціи крестьянства, *какъ процесса*, и тѣмъ подтверждаютъ правильность тѣхъ взглядовъ на крестьянское хозяйство и его эволюцію, которые излагались въ литературѣ девяностыхъ годовъ. Дифференціація эта не можетъ быть объяснена демографическими причинами,—семейными раздѣлами и связанными съ ними измѣненіями численности семей; она является результатомъ болѣе общихъ экономическихъ причинъ, которыя были уже указаны нами выше.

Такъ, по нашему убѣжденію, говорятъ факты — „практика крестьянскаго хозяйства", и такъ же говоритъ и его „теорія", которая ничѣмъ инымъ не можетъ быть, какъ общей современной теоретической экономіей.

Какъ же отнестись къ *факту* экономической дифференціаціи крестьянства? Мы не поемъ ему гимновъ, но и не видимъ основаній проливать надъ нимъ слезы. Въ немъ заложены условія общественнаго прогресса, которыя и нужно понять и использовать. И съ этой точки зрѣнія приходится прежде всего пожелать, чтобы были устранены тѣ юридическія помѣхи дифференціаціи крестьянства, которыя мѣшаютъ свободному и нормальному развитію экономическихъ отношеній въ современной деревнѣ.

Мы отнюдь, конечно, не претендуемъ на то, чтобы въ настоящей статьѣ разрѣшить сложный и большой вопросъ объ эволюціи русскаго крестьянства во всемъ его объемѣ. Наше дѣло гораздо скромнѣе, и если намъ удалось хоть немного разсѣять туманъ народническихъ фантазій, которымъ нѣкоторые авторы такъ усердно заволакиваютъ въ сознаніи современнаго интеллигентнаго поколѣнія вопросъ о крестьянствѣ, то цѣль достигнута.

П. Румянцевъ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Общество правовое и общество трудовое.

Въ наше время не много уже найдется мыслящихъ людей, торые стали бы отрицать, что въ борьбѣ за общественное раз-тіе теорія служитъ для практики необходимымъ организующимъ регулирующимъ моментомъ. Въ силу этого соотношенія, выборъ критика теорій о природѣ и развитіи общества получаетъ такое зненное значеніе, котораго нѣтъ надобности доказывать и по-нять. Наша задача — критическое сопоставленіе двухъ теорій, торыя въ этой области наиболѣе интенсивно конкуррируютъ жду собою, и изъ которыхъ каждая энергично заявляетъ при-заніе быть наиболѣе прогрессивною; мы обозначимъ ихъ, какъ *авовую* и *трудовую* концепцію общества. Въ основу сопоставле-я мы положимъ очень извѣстную работу проф. Рудольфа Штам-iера—„Wirtschaft und Recht"... Въ ней Штаммлеръ обстоятельно лагаетъ основы правовой концепціи, крупнымъ представителемъ торой онъ является, и подвергаетъ критикѣ концепцію трудо-'ю,—словомъ, дѣлаетъ *со своей точки зрѣнія* то же самое сопо-авленіе, которое и мы въ данный моментъ ставимъ своей за-.чей.

Основной ходъ мыслей у Штаммлера таковъ.

Первая задача соціально-философскаго изслѣдованія заклю-ιется въ томъ, чтобы строго и отчетливо установить *объектъ* ціальной науки, какъ особой, самостоятельной области познанія. пя этого надо выдѣлить то *своеобразное*, что обособляетъ со-альныя явленія отъ явленій „естественныхъ", что дѣлаетъ ·чку зрѣнія и методы естественныхъ наукъ непригодными для ιученія соціальной жизни. Выяснить это „своеобразное" зна-ιтъ—одновременно опредѣлить и формальную исходную точку ціальнаго познанія—его логическое „а priori",—и его границы. ιзъ найдены „границы" и „а priori"—тѣмъ самымъ даны „гно-ологическія основы" для соціальнаго познанія, и соціальная

наука впервые становится „возможной, какъ наука въ истинномъ, кантіанскомъ значеніи этого слова.

Итакъ, чѣмъ опредѣляется соціальное явленіе, какъ объектъ особой—соціальной науки? Само собой разумѣется, что нѣтъ соціальнаго явленія, если нѣтъ какого-нибудь *отношенія между людьми*. Очевидно также, что если это—отношеніе борьбы между людьми, то само по себѣ оно не даетъ еще соціальнаго явленія: соціальность предполагаетъ нѣкоторую положительную связь, объединяющую людей въ ихъ жизненной дѣятельности. Дѣйствительно, какое бы соціальное явленіе ни стали мы разсматривать, отъ элементарнѣйшихъ формъ производства до самыхъ сложныхъ движеній въ общественно-идеологической жизни, мы всюду найдемъ, что люди прямо или косвенно, сознательно или безсознательно, объединяются для достиженія различныхъ цѣлей. Такимъ образомъ, совмѣстная дѣятельность людей есть *всеобщее содержаніе* соціальныхъ явленій, ихъ „матерія“, по выраженію Штаммлера.

Но „матерія“, не имѣющая „формы“, есть только безформенная матерія, т. е. хаосъ, лишенный всякой закономѣрности, и непригодный для научнаго изслѣдованія. „Соціальнаго явленія“—объекта для особой соціальной науки—еще нѣтъ, пока дано только сотрудничество, т. е. безформенная матерія соціальности. Это не значитъ, чтобы тутъ вообще ничего нельзя было изслѣдовать,—но тутъ нѣтъ почвы для особаго *соціально-научнаго* изслѣдованія.

Поянимъ это на конкретныхъ примѣрахъ. Предположимъ, что вы видите человѣка, который тащитъ непосильную для себя тяжесть. Повинуясь непосредственному альтруистическому влеченію, вы помогаете измученному человѣку, хотя ничто не обязываетъ васъ дѣлать это, а правила приличія, о которыхъ вы въ этотъ моментъ совершенно забыли, даже воспрещаютъ человѣку вашего соціальнаго положенія играть роль носильщика. Фактъ совмѣстной дѣятельности налицо, но „соціальнаго явленія“, по Штаммлеру, здѣсь нѣтъ. Вы дѣйствуете сообразно своимъ личнымъ склонностямъ, человѣкъ, принимающій отъ васъ помощь—сообразно своей непосредственной выгодѣ; передъ изслѣдователемъ тутъ имѣются только личности, съ ихъ мотивами, стремленіями, желаніями матеріалъ для *психологическаго* изслѣдованія,—но нѣтъ ничего кромѣ этихъ личностей и внѣ ихъ, ничего такого, что создавало бы необходимость новой точки зрѣнія, новыхъ методовъ необходимость особаго, соціально-научнаго изслѣдованія. Человѣкъ могъ дѣйствовать такъ, могъ иначе: стало быть, его дѣйствія *соціально не опредѣлены*, а потому и *соціально не закономѣрны*.

Другой примѣръ. Нѣсколько человѣкъ, гуляющихъ по лѣсу, подвергаются нападенію стаи волковъ, и принуждены отчаянно защищаться. Хотя раньше эти лица были совершенно чужими другъ другу, и ничѣмъ не были практически связаны, но здѣсь,

передъ лицомъ общаго врага, они принуждены дѣйствовать совмѣстно, и безъ всякаго взаимнаго соглашенія стараются какъ можно цѣлесообразнѣе взаимно координировать свои дѣйствія. Передъ нами не только сотрудничество, но и нѣкоторая опредѣленная его форма, зависящая отъ чисто техническихъ условій борьбы съ хищными врагами. Однако и здѣсь, по мнѣнію Штаммлера, „соціальному познанію" еще нечего дѣлать: имѣются люди съ ихъ чисто личными, хотя и взаимно сплетающимися мотивами и желаніями, имѣются волки и другія внѣшнія природныя условія—объекты для изслѣдованія психологическаго, біологическаго и т. д., но не для спеціальнаго общественно-научнаго познанія *).

Откуда же начинается это „спеціальное" познаніе? Чтобы дать наглядный отвѣтъ, мы вновь возвратимся къ нашимъ примѣрамъ, но возьмемъ ихъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ.

Предположимъ, что въ тотъ самый моментъ, какъ вы, повинуясь непосредственному влеченію, собирались подойти и помочь несущему непосильную тяжесть человѣку, вы вспомнили, насколько это для васъ „неприлично", и, подозвавши своего лакея, послали его вмѣсто себя. Фактъ совмѣстной дѣятельности попрежнему налицо, участіе въ немъ третьяго лица — лакея — по существу ничего не измѣняетъ, но въ дѣло замѣшался новый элементъ, совершенно особаго рода. Этотъ элементъ — *соціальная норма, обладающая внѣшней обязательностью* („äusserlich verbindende"). Ваше поведеніе опредѣляется не вашимъ непосредственнымъ желаніемъ, а правиломъ приличія, которое *извнѣ* налагаетъ на васъ извѣстную обязанность, которому вы *принуждены* слѣдовать, хотя, можетъ быть, даже совсѣмъ ему не сочувствуете. Поведеніе вашего лакея также опредѣляется не его собственнымъ желаніемъ, а правовымъ отношеніемъ, которое *принуждаетъ* его повиноваться вамъ въ предѣлахъ договора, хотя, можетъ быть, онъ вовсе не расположенъ къ этому. При этомъ совершенно не важно, какими средствами принужденія данная норма санкціонирована—давленіемъ ли общественнаго мнѣнія, какъ правило приличія, или силою судебныхъ учрежденій, какъ правовая форма,—существенно одно, что эта норма *внѣшняя*, что она требуетъ чисто *внѣшняго повиновенія*, внѣшней легальности, независимо отъ собственныхъ мотивовъ личности.

Аналогичнымъ образомъ обстоитъ дѣло, если вы участвуете въ организованной охотѣ за волками, причемъ у васъ есть предводитель, которому вы должны, на основаніи общаго соглашенія, безпрекословно повиноваться. Надъ вашей личной волей стоитъ норма, созданная этимъ соглашеніемъ; разъ она возникла — она становится для васъ внѣшней принудительной силой, какъ бы ни были малы объективныя средства, на которыя опирается это

*) Обѣ иллюстраціи принадлежатъ намъ,—Штаммлеръ излагаетъ эти положенія абстрактно.

принужденіе. Вы можете, конечно, ее нарушить—всякому внѣшнему принужденію возможно сопротивляться; но это нисколько не измѣняетъ характера самой нормы, формы ея требованій. Она не интересуется вашей психологіей, вашими мотивами и стремленіями: она требуетъ, чтобы вы внѣшнимъ образомъ ей слѣдовали, и ничего больше. Вы можете подчиняться ей съ полнымъ убѣжденіемъ въ ея разумности, или только скрѣпя сердце, съ раздраженіемъ и недовольствомъ—это безразлично. Существенно то, что въ явленіи есть нѣчто, выходящее за предѣлы человѣческой личности съ ея непосредственными склонностями и желаніями, нѣчто такое, что не укладывается, слѣдовательно, въ рамки индивидуально-психологическаго изслѣдованія, и требуетъ особой точки зрѣнія, особаго метода. Тутъ и возникаетъ необходимость въ спеціальной наукѣ—общественной, въ особомъ видѣ познанія—соціально-научномъ.

Такъ найденъ спеціальный объектъ общественной науки: это—внѣшними нормами урегулированное сотрудничество. Внѣшне-обязательныя нормы—таково то основное понятіе, которое „дѣлаетъ возможнымъ“ особое соціальное познаніе, опредѣляя въ то же время его границы; таково соціально-научное „a priori“. Внѣшне-обязательныя нормы—и только онѣ—придаютъ безформенной соціальной матеріи—совмѣстной дѣятельности людей—ту специфическую опредѣленность, которая характеризуетъ „соціальное явленіе“. Онѣ — всеобщая форма соціальности; съ нихъ должно начинаться всякое изслѣдованіе соціальной закономѣрности.

Приводя, какъ типичные примѣры „соціальныхъ явленій“, браки, преступленія, торговую и промышленную дѣятельность, Штаммлеръ замѣчаетъ: вдумайтесь въ эти понятія, и вы тотчасъ же замѣтите, что независимо отъ внѣшнихъ нормъ они не имѣютъ никакого смысла *).

Прежде чѣмъ слѣдовать дальше за развитіемъ взглядовъ Штаммлера, мы нѣсколько остановимся на изложенной нами *основной* его концепціи.

Что, собственно, слѣдуетъ понимать подъ внѣшне-обязательной нормой? Штаммлеръ считаетъ излишнимъ подвергать это понятіе общему логическому анализу и генетическому изслѣдованію—въ этомъ онъ, какъ и всегда, вѣренъ духу кантіанства, которое учитъ: разъ ты дошелъ до „a priori“—кончено, дальше идти некуда, и незачѣмъ. Конечно, того, что въ данномъ случаѣ можно идти дальше, и кантіанецъ отрицать не станетъ; но съ его

*) Если принять во вниманіе, что по Штаммлеру не только альтруистическіе инстинкты не создаютъ „соціальнаго“ отношенія, но также не даютъ для него почвы и нравственныя нормы съ ихъ исключительно „внутренней“ принудительностью, то надо признать, что понятіе почтеннаго мыслителя о бракѣ („безъ внѣшнихъ нормъ не имѣетъ никакого смысла“) не лишено замѣтнаго филистерскаго оттѣнка.

точки зрѣнія это „дальше“ совершенно безполезно и излишне для „соціальнаго познанія“, а можетъ имѣть значеніе только для какой-нибудь иной области познанія. Но мы все-таки попытаемся идти дальше—насколько это для насъ потребуется.

Съ логической стороны, всякая внѣшне-обязательная норма предполагаетъ сознаваемую людьми возможность не слѣдовать ей. Поэтому не вездѣ, гдѣ только мы наблюдаемъ у людей объективное однообразіе и правильность въ ихъ дѣйствіяхъ, это слѣдуетъ приписать такой нормѣ. Напр., всѣ или почти всѣ люди ходятъ на двухъ ногахъ; но, несмотря на свою всеобщность, этотъ фактъ не имѣетъ никакого отношенія къ „внѣшнимъ нормамъ“: всѣ поступаютъ такъ въ силу своей объективной организаціи — и только. Однако и здѣсь возможна была бы „внѣшняя норма“. Предположимъ, что нашлись легкомысленные люди, которые упорно предпочитаютъ ходить на четверенькахъ, или даже на рукахъ, причиняя тѣмъ самымъ значительныя затрудненія и безпокойство всѣмъ остальнымъ. Тогда остальные члены общества начинаютъ борьбу противъ неудобныхъ оригиналовъ, и создаютъ „внѣшнюю норму“, въ видѣ юридическаго правила или правила приличія, такого, примѣрно, содержанія: всякій, кто ходитъ, да пользуется для сего, по возможности, однѣми нижними конечностями. Норма стала логически возможна, потому что ее есть чему противопоставить.

Эти элементарныя соображенія понадобились намъ вотъ по какому поводу. Къ внѣшне-обязательнымъ нормамъ соціальной жизни Штаммлеръ относитъ, между прочимъ, *формы рѣчи*. Доказывая, что нѣтъ соціальности безъ внѣшнихъ нормъ, онъ опирается на тотъ фактъ, что никакое планомѣрное сотрудничество невозможно безъ помощи языка; формы же языка сами по себѣ являются, по его мнѣнію, такими нормами.

„Языкъ, въ этомъ случаѣ, представляетъ собою не что иное какъ *первичное соглашеніе*. Простой звукъ человѣческаго голоса не имѣетъ при этомъ никакого значенія, — по крайней мѣрѣ, не больше, чѣмъ всякій другой звукъ, издаваемый человѣкомъ. Но онъ пріобрѣтаетъ соціальное значеніе, какъ только всѣ *должны* обозначать имъ что-либо. Ибо въ этомъ кроется идея (открытой или молчаливой) условной нормировки“ (стр. 103, „W. und R.“).

„...грамматическіе законы суть внѣшнія условныя правила для взаимнаго общенія между людьми—jus et norma loquendi,—и имѣютъ такое же значеніе для выраженія мыслей, какъ правила вѣжливости, приличія, этикета—для человѣческаго поведенія“... (стр. 104).

Читателю представляется трогательная картина. Собрались троглодиты и вступаютъ въ „первичное соглашеніе“: они устанавливаютъ „условныя нормы“—человѣка называть „человѣкомъ“ и склонять такъ-то, собаку называть „собакой“ и склонять такъ-то. Соглашеніе происходитъ, можетъ быть, „открыто“, а можетъ

быть „молчаливо“; первое предположить не легко, потому что—на какомъ же языкѣ „соглашаются“? второе—тоже не легко, потому что—какимъ же путемъ соглашеніе доходитъ тогда до сознанія людей?

Но, — презрительно замѣчаетъ читатель-кантіанецъ, — вы просто не понимаете Штаммлера: онъ говоритъ вовсе не объ *историческомъ* фактѣ соглашенія, а о *логическомъ* значеніи формъ рѣчи, какъ условныхъ нормъ общенія между людьми. Возраженіе весьма „критическое“, но, къ сожалѣнію, оно сталкивается именно съ логикой. Логика прежде всего требуетъ, чтобы слова употреблялись въ ихъ *точномъ значеніи*; она не допускаетъ, чтобы говорилось объ условномъ соглашеніи тамъ, гдѣ никакого „соглашенія“ не было, и объ „обязывающей“ нормѣ тамъ, гдѣ нѣтъ необходимыхъ логическихъ элементовъ этого понятія. А о такой нормѣ не можетъ быть и рѣчи, если въ сознаніи людей нѣтъ представленія о возможности поступать „иначе“. Развитіе языка—стихійно-органическое явленіе, подобное развитію любого органа или рефлекса. Ребенокъ, произнося „мама“, всего меньше думаетъ о томъ, что онъ могъ бы назвать самое близкое существо какъ-нибудь иначе, но нарушилъ бы тогда „внѣшнюю легальность“, которой требуетъ „условное соглашеніе“. Когда мы сами говоримъ или думаемъ на своемъ родномъ языкѣ, мы тоже и не помышляемъ о „внѣшней легальности“.

Иное, разумѣется, дѣло, когда ребенка обучаютъ чужому языку или тому „родному“, который преподается въ учебныхъ заведеніяхъ. Тутъ, дѣйствительно, выступаетъ на сцену „внѣшняя норма“ съ ея фатальной „обязательностью“ и даже „принудительностью“; принудительность эта настолько соотвѣтствуетъ своему „логическому значенію“, что на ея почвѣ нерѣдко складывается особый типъ учителя-садиста, звѣрски наслаждающагося слезами и рыданіями „ввѣренныхъ ему“ дѣтей. Но если на этомъ основаніи считать природный языкъ — языкъ нашихъ мыслей — „внѣшней нормою“, то и хожденіе на двухъ ногахъ надо считать результатомъ такой же нормы, потому что и оно можетъ быть „извнѣ урегулировано“, какъ это бываетъ при обученіи маршировкѣ.

Такимъ образомъ, рѣшительное утвержденіе Штаммлера, что невозможно планомѣрное сотрудничество безъ внѣшнихъ нормъ, потому что оно невозможно безъ формъ рѣчи,—это утвержденіе оказывается „некритическимъ“, потому что основано на смѣшеніи и искаженіи понятій.—Таковъ результатъ „логическаго“ анализа понятія „внѣшнихъ нормъ“; изслѣдованіе же „генетическое“ приводитъ еще къ инымъ, болѣе рѣшительнымъ выводамъ.

„Что есть законъ? Преступленія ради приложися“,—говоритъ Библія. Эта мысль какъ нельзя вѣрнѣе выражаетъ историческій смыслъ всѣхъ „внѣшнихъ“ — и не однѣхъ внѣшнихъ

нормъ. „Соціальная норма“ выступаетъ на сцену только тамъ, гдѣ нарушена непосредственная гармонія соціальнаго бытія. Штаммлеръ относитъ *обычай* къ числу нормативныхъ формъ внѣшняго характера. Это далеко не вполнѣ вѣрно. Въ своемъ чистомъ, первоначальномъ видѣ „обычай“ отнюдь не есть внѣшняя для человѣка соціальная норма. Въ первобытной группѣ онъ имѣетъ характеръ соціальной *привычки*, даже инстинкта; тамъ онъ такое же органическое, стихійно сложившееся приспособленіе, какъ, напр., языкъ. Человѣкъ тамъ слѣдуетъ обычаю вовсе не потому, что подчиняется его внѣшнему принужденію, а просто потому, что привыкъ поступать такимъ именно образомъ, и не представляетъ себѣ возможности дѣйствовать иначе. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о внѣшней принудительности,—да и о внутренней тоже: дѣло идетъ просто о фактической организаціи человѣка, въ которой данный обычай является интегральнымъ элементомъ. „Общезначимость“ обычая для человѣческихъ поступковъ на этой стадіи развитія совершенно такая же непосредственная и полная, какъ для насъ—„общезначимость“ сложившихся и безсознательно усвоенныхъ нами формъ мышленія или рѣчи. Для стереотипнаго человѣка родовой группы обычай такъ же является внѣшнимъ обязательствомъ, какъ для насъ—логическіе законы—„обычаи“ мышленія.

Но рано или поздно—грѣхопаденіе совершается: „сплошной человѣкъ“ родовой общины перестаетъ быть сплошнымъ; появляются индивидуальные оттѣнки, новыя потребности и стремленія; подъ ихъ вліяніемъ отдѣльный человѣкъ иногда отклоняется отъ сложившейся соціальной привычки—отъ „обычая“. Вначалѣ это просто непонятно остальнымъ членамъ группы; это кажется имъ страннымъ уродствомъ, въ родѣ того какъ ребенокъ о двухъ головахъ или покрытый шерстью. Нарушителя обычая не „наказываютъ“, а просто изгоняютъ, или убиваютъ, какъ ребенка о двухъ головахъ не стараются исправить, а просто выбрасываютъ. Но по мѣрѣ того какъ нарушенія обычаевъ становятся болѣе частыми, возникаетъ необходимость въ новой формѣ приспособленія. Тогда и создается „внѣшняя норма“, требующая „внѣшней легальности“. Она свидѣтельствуетъ о томъ, что система сотрудничества перестала быть гармоническимъ цѣлымъ, что въ соціальной жизни возникли противорѣчія. Это—заплата на расползающуюся ткань соціальнаго бытія людей.

На этой стадіи развитія „обычай“ теряетъ свой стихійно-органическій характеръ, онъ получаетъ окраску *обычнаго права*, и только благодаря такому измѣненію становится „внѣшней нормою“, какой не былъ раньше.

Какъ видимъ, и логически, и генетически сотрудничеству внѣшне-нормированному предшествуетъ сотрудничество органически цѣлостное, безъ внѣшнихъ нормъ. Ни языкъ, ни первобытно-чистыя формы обычая не означаютъ еще „внѣшняго ре-

гулированія“, и съ этой стороны понятіе Штаммлера о соціальности должно быть признано неудовлетворительнымъ и недостаточнымъ, какъ не охватывающее всей суммы подлежащихъ объясненію фактовъ.

Но зато, можетъ быть, понятіе это вполнѣ соотвѣтствуетъ всѣмъ сколько-нибудь развитымъ формамъ соціальности, и стало быть вполнѣ достаточно для изученія *культурныхъ обществъ*, именно тѣхъ, которыя представляютъ для науки наибольшій жизненный интересъ? Тогда мы могли бы оставить первобытно-гармоническое сотрудничество въ сторонѣ, обозначивъ его, какъ явленіе „до-соціальное“, и спокойно слѣдовать за Штаммлеромъ во всѣхъ вопросахъ соціологіи культурнаго міра. Посмотримъ, такъ ли это.

Штаммлеръ рѣшительно отрицаетъ возможность общества людей, основаннаго исключительно на *нравственной* связи между ними. Эта мысль для него вполнѣ естественна, такъ какъ онъ, въ качествѣ кантіанца, считаетъ нравственныя нормы „внутреннимъ законодательствомъ человѣка“, а соціальность — связью внѣшняго регулированія жизни. Но самая аргументація Штаммлера полна здѣсь натяжекъ, точнѣе—только изъ нихъ и состоитъ. Съ одной изъ нихъ мы уже познакомились,—это его утвержденіе, что языкъ—необходимое при всякомъ сотрудничествѣ средство общенія — есть внѣшняя норма, требующая внѣшней легальности. Другой аргументъ сводится къ слѣдующему: сотрудничество свободно-нравственныхъ личностей во всякомъ случаѣ осуществляется при помощи *соглашеній* между ними, а соглашеніе—это уже „внѣшняя нормировка“. Несерьезность аргумента очевидна и безъ особаго анализа: если въ основу каждаго соглашенія будетъ положена *нравственная* идея, и обязательность его для каждаго изъ „соглашающихся“ будетъ приниматься, какъ исключительно *нравственная* обязательность, какъ вопросъ „нравственнаго долга“, то какая можетъ быть рѣчь о не-нравственномъ, а только „внѣшнемъ“ характерѣ соціальнаго регулированія?

Но мы охотно отдадимъ „этическое общество“ всецѣло въ жертву Штаммлеру. Намъ оно не интересно, и это по двумъ причинамъ. Во-1-хъ, съ *нашей* точки зрѣнія, оно исторически невозможно, потому что предполагаетъ такую высокую ступень культурнаго развитія, которая, конечно, оказалась бы достаточна, чтобы преодолѣть фетишизмъ „абсолютнаго“, а такъ какъ этотъ фетишизмъ составляетъ необходимую основу всякаго этическаго нормированія, то именно „этическія“ нормы и оказались бы совершенно не пригодными для того общества, которое по уровню своего развитія *могло бы* стать этическимъ. Во-2-хъ, съ *нашей* точки зрѣнія, и этическія нормы—нормы внѣшнія. Въ нихъ мы видимъ вовсе не „внутреннее“ законодательство абсолютнаго „я“, а только одинъ изъ продуктовъ общественнаго развитія. Ихъ

принудительность, поскольку онѣ противополагаются „субъективнымъ склонностямъ и стремленіямъ, мы считаемъ внѣшней принудительностью, въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это можно сказать, напр., о нормахъ приличія. „Эмпирическій“ человѣкъ не есть абсолютное, и повелѣніе абсолютнаго для него всегда „внѣшняя“ норма, какъ и повелѣніе, напр., личнаго божества или государства или общественнаго мнѣнія.

Итакъ, мы не будемъ останавливаться на противорѣчіяхъ, въ которыя впадаетъ Штаммлеръ по вопросу объ „этическомъ обществѣ“: тутъ онъ является только жертвой того cant'а, который подъ фирмой Kant'а господствуетъ среди кантіанцевъ *). Вопросъ о предѣлахъ внѣшняго нормированія мы разсмотримъ съ иной точки зрѣнія.

Внѣшнія нормы, какъ мы видѣли, выступаютъ на сцену тогда, когда гармонія сотрудничества нарушается, когда въ соціальной системѣ обнаруживаются противорѣчія. Внѣшняя норма есть *организующее приспособленіе* для общества; она возстановляетъ гармонію. Какимъ способомъ? Не прямымъ, а косвеннымъ: согласуясь съ нормою, дѣйствія людей, благодаря этому, согласуются между собой. Если дисциплина требуетъ, чтобы солдатъ мгновенно исполнялъ команду, то, слѣдуя дисциплинѣ и командѣ, солдатъ дѣйствуетъ одинаково съ другими солдатами и въ полной гармоніи съ ними. Гармонія при этомъ достигается не полная, а вообще говоря, только внѣшняя: норма согласуетъ поступки людей, но не ихъ чувства и желанія; для нея безразлично, по какимъ мотивамъ ей слѣдуютъ, и охотно или неохотно это дѣлается. Настроеніе каждаго солдата можетъ быть совершенно иное, чѣмъ настроеніе кого бы то ни было изъ его товарищей, и однако, они дѣлаютъ одно и то же. Внутреннее разъединеніе прикрывается внѣшнимъ единствомъ.

Итакъ, соціальная организованность достигается при внѣшнемъ регулированіи лишь *косвеннымъ путемъ* и *внѣшнимъ образомъ*. Это совершенно необходимо, это не мѣшаетъ внѣшнимъ нормамъ имѣть громадное жизненное значеніе въ дѣлѣ организаціи человѣчества на борьбу съ враждебной природой, но все же—слѣдуетъ ли признать это безразличнымъ въ практическомъ отношеніи?

Организуя дѣятельность людей лишь косвенно, норма никогда не можетъ достигнуть той полноты приспособленія къ дѣйствительности, которая достигается при *прямомъ* приспособленіи. Чѣмъ сложнѣе становится дѣйствительность, чѣмъ разнообразнѣе и неожиданнѣе тѣ сопротивленія, которыя она ставитъ на пути человѣка, тѣмъ больше значенія въ жизни пріобрѣтаетъ этотъ принципіальный недостатокъ всякихъ нормъ. Программа

*) „Критика практическаго разума“, „Метафизика нравовъ“, и вообще вся консервативная сторона философской дѣятельности Канта.

такого-то класса гимназіи можетъ быть прекрасно составлена; и однако, поскольку она выполняется, она истощаетъ силы тѣхъ учениковъ, у которыхъ психика сравнительно мало подвижна и слаба, она не удовлетворяетъ интеллектуальнымъ запросамъ тѣхъ, кто обладаетъ особенно живымъ и пластичнымъ складомъ ума; а по отношенію къ тѣмъ, у кого различныя стороны психики развиты неравномѣрно, она до извѣстной степени совмѣщаетъ въ себѣ оба недостатка. Дѣлу можно, разумѣется, помочь разными дополнительными нормами, допускающими тѣ или иныя уклоненія отъ единства программы—но и этимъ цѣль будетъ достигнута только отчасти, индивидуальныя особенности учениковъ останутся всегда въ большей или меньшей степени внѣ регулирующихъ нормъ, за предѣлами ихъ возможнаго дѣйствія. Наибольшая мыслимая приспособленность была бы достигнута въ томъ только случаѣ, если бы учитель, обладая достаточно богатой и гибкой психикой, чтобы вполнѣ понимать каждаго изъ своихъ учениковъ во всей своеобразности его душевнаго склада, могъ, не стѣсняемый внѣшними нормами, свободно и непосредственно приспособлять свою дѣятельность къ этой своеобразности, и такимъ путемъ передавать своимъ воспитанникамъ пережитой опытъ человѣчества. Это былъ бы *непосредственно-творческій* типъ соціальной дѣятельности, прямая противоположность типу внѣшне-нормированному, и въ предѣлахъ нормъ неизбѣжно консервативному.

Далѣе, какъ мы сказали, та гармонія, которая достигается при помощи внѣшняго регулированія, имѣетъ неминуемо внѣшній характеръ. Объединеніе человѣческихъ дѣйствій „внѣшней легальностью“ можетъ скрывать за собою очень большія различія настроеній и мотивовъ, и даже прямыя ихъ противорѣчія. Эти различія и противорѣчія становятся тѣмъ значительнѣе, чѣмъ дальше идетъ соціальная дифференціація; а между тѣмъ именно ея развитіе и вызываетъ *потребность* во внѣшнихъ нормахъ. Такимъ образомъ, развитіе соціально-нормированной жизни отнюдь не ведетъ неизбѣжно къ тому, чтобы внѣшней гармоніи жизни людей все болѣе соотвѣтствовала внутренняя; для современныхъ культурныхъ обществъ можно даже скорѣе утверждать противоположное: скрытая дисгармонія соціальнаго бытія возрастаетъ; и она имѣетъ громадное жизненное значеніе.

Нѣтъ надобности спеціально доказывать, что всякая коллективность представляетъ тѣмъ большую силу, чѣмъ въ большей мѣрѣ ея внѣшнее единство *вытекаетъ* изъ внутренняго, а не только сохраняется несмотря на недостатокъ внутренняго единства. Когда римскіе легіоны превратились въ пестрый конгломератъ людей различныхъ расъ и націй, различныхъ интересовъ и стремленій, то и желѣзная дисциплина оказалась недостаточной, чтобы спасти ихъ отъ пораженій въ борьбѣ со стихійно-цѣлостными, связанными „сплошной“ психологіей родового быта ордами

варваровъ. На внѣшнемъ характерѣ „нормативнаго“ соціальнаго единства основывается вся психологія классоваго господства и классовыхъ антагонизмовъ: однѣ группы общества создаютъ и поддерживаютъ подходящія для себя внѣшнія нормы, другія, подчиняясь силѣ первыхъ, сохраняютъ „внѣшнюю легальность“, вопреки своимъ основнымъ склонностямъ и стремленіямъ, но по мѣрѣ возможности ведутъ и борьбу противъ первыхъ съ ихъ нормами; въ результатѣ—общество является лишеннымъ внутренняго единства, классовымъ, и масса соціальныхъ силъ растрачивается, вмѣсто борьбы съ внѣшней природой, на явные соціальные конфликты и скрытыя соціальныя противорѣчія.—Словомъ, внѣшній характеръ соціальныхъ нормъ означаетъ, во всякомъ случаѣ, далеко не полное и не гармоничное объединеніе элементовъ общества. И въ этомъ также отношеніи прямую противоположность внѣшнему нормативному единству представляетъ то единство, которое достигается путемъ непосредственнаго, сознательнаго и свободнаго взаимнаго приспособленія людей въ ихъ стремленіи къ общимъ цѣлямъ.

Внѣшнія нормы всегда консервативны, и тѣмъ самымъ укрѣпляютъ консерватизмъ человѣческой психики; этотъ консерватизмъ создаетъ лишнія сопротивленія при всякомъ измѣненіи нормъ, вызываемомъ потребностями жизни, создаетъ, слѣдовательно, и лишнія затраты силъ. Исторія показываетъ, что и въ сферѣ права, и въ сферѣ приличій, обычаевъ и т. д., сохраняются нерѣдко подолгу такія нормы, которыя, въ сущности, никому уже не нужны, и безполезно стѣсняютъ многихъ. Нѣкоторые каррикатурные остатки феодальныхъ правъ во Франціи XVIII вѣка едва ли не больше возмущали крестьянство, чѣмъ болѣе серьезныя привилегіи—возмущали именно своей безцѣльностью, тѣмъ, что и феодаламъ они были, собственно, ни къ чему. А „китайскія церемоніи“—для кого онѣ выгодны и желательны въ наше время? и это не мѣшаетъ имъ сохраняться.

Напротивъ, прямое и свободное сознательное приспособленіе людей другъ къ другу принципіально чуждо такого консерватизма, въ своихъ проявленіяхъ оно легко измѣняется сообразно съ измѣняющимися условіями; въ немъ на просторѣ развертывается человѣческое творчество,—именно потому мы и назвали этотъ типъ „творческимъ“ типомъ приспособленія.

Все это очень хорошо,—скажетъ проницательный читатель,—но что это доказываетъ? Вѣдь и Штаммлеръ признаетъ, что во многихъ случаяхъ лучше обходиться безъ излишней нормировки, предоставляя людямъ устраиваться сообразно ихъ индивидуальнымъ мотивамъ и склонностямъ, но это не колеблетъ его основного положенія, что „соціальность“ немыслима безъ внѣшняго регулированія. Изъ предыдущихъ разсужденій видны, конечно, нѣкоторые принципіальные недостатки этого регулированія, но не видно, чтобы безъ него вообще можно было обойтись при

сколько-нибудь развитой системѣ сотрудничества. Напр., приведенная выше иллюстрація изъ сферы отношеній школьной жизни указываетъ только на то, что въ эти отношенія можетъ быть внесено больше свободы; но при этомъ основное отношеніе— „учителя и ученики“ — предполагается заранѣе; а оно есть уже внѣшняя норма. Пусть этимъ не все исчерпывается; но нельзя ли допустить, вмѣстѣ со Штаммлеромъ, что именно здѣсь-то и скрывается „специфически-соціальное“ въ явленіи?

Мы старались показать, что существуетъ *два различныхъ типа* взаимнаго приспособленія людей въ процессѣ совмѣстнаго труда: типъ непосредственной, свободно-сознательной координаціи, и типъ координаціи косвенной, внѣшне-нормативной. Мы можемъ оставить нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, возможно ли общество, организованное исключительно по первому типу, безъ элементовъ внѣшне-нормативныхъ: намъ, людямъ эпохи внѣшнихъ нормъ, во всякомъ случаѣ слишкомъ трудно представить себѣ такую организацію. Но для насъ важно только одно: оба типа координаціи людей могутъ фактически *замѣнять* другъ друга въ тѣхъ или иныхъ конкретныхъ проявленіяхъ сотрудничества: то, что осуществлялось при помощи непосредственной координаціи, можетъ затѣмъ выполняться при помощи нормативной организаціи, и наоборотъ. Не всегда такая замѣна практически возможна—это зависитъ отъ характера объединяемыхъ людей, отъ конкретной цѣли, для которой они объединяются, отчасти даже просто отъ ихъ количества; —это не мѣняетъ самаго главнаго —что соціальная связь людей въ ихъ дѣятельности не сводится къ одной только формѣ „внѣшняго регулированія“ при помощи „внѣшне-обязательныхъ нормъ“, что связь эта проявляется и въ иной формѣ—непосредственной координаціи.

Но, можетъ быть, эту вторую форму не слѣдуетъ считать „соціальною“, или, по крайней мѣрѣ, „соціально-закономѣрною“?— Конечно, всѣ термины условны, и если кто не захочетъ къ непосредственному сотрудничеству примѣнять терминъ „соціальное“, то заставить нельзя; но при этомъ совершенно утратился бы реальный, историческій смыслъ понятія. Мы видѣли, что именно при непосредственномъ сотрудничествѣ, гдѣ оно оказывается возможнымъ, достигается наиболѣе полная координація человѣческой дѣятельности, ея наиболѣе гармоническое объединеніе, тогда какъ при сотрудничествѣ нормативномъ единство бываетъ менѣе совершеннымъ, связь менѣе цѣлостной; и если выраженіе „соціальность“ примѣнимо къ второму типу сотрудничества, то тѣмъ болѣе примѣнимо оно къ первому. Эта сторона дѣла сама по себѣ достаточно ясна, и не можетъ вызывать сомнѣній; болѣе сомнительнымъ представляется на первый взглядъ вопросъ о томъ, присуща ли непосредственному сотрудничеству „соціаль-

ная закономѣрность", которая одна должна интересовать общественную науку.

Съ точки зрѣнія Штаммлера, дѣйствія людей „соціально закономѣрны" лишь въ томъ случаѣ, если ихъ регулируетъ внѣшняя норма. Если ея нѣтъ, дѣйствія людей—какъ бы „соціальны" ни были они по своей цѣли—являются „соціально-случайными": они зависятъ отъ личныхъ мотивовъ и склонностей, отъ индивидуальныхъ особенностей —отъ условій, лишенныхъ соціальной законосообразности; эту послѣднюю вноситъ въ человѣческіе поступки только внѣшняя норма, которая не считается съ индивидуальными условіями, не зависитъ отъ нихъ, какъ бы „отвлекается" отъ нихъ, предписывая людямъ тотъ или другой образъ дѣйствій. Поступки людей, подчиняясь нормѣ, перестаютъ обусловливаться причинами случайнаго, индивидуальнаго характера,—а это и дѣлаетъ ихъ „не случайными", соціально-закономѣрными.

Въ основѣ этого разсужденія лежитъ та ошибка, что заранѣе признается, будто кромѣ „внѣшнихъ нормъ" все остальное сплошь „индивидуально" и „случайно". Между тѣмъ это не такъ. Существуетъ нѣчто такое, что въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ внѣшнія нормы, способно вносить закономѣрность въ соціальную жизнь людей; это нѣчто—*коллективный опытъ*. Сотрудничество нераздѣльно съ общностью переживаній; соціальный трудъ означаетъ соціальный опытъ. Человѣческая психика есть продуктъ соціально-трудовой жизни; и какъ бы ни была она „индивидуальна", масса нитей постоянно связываютъ ее съ психикой другихъ людей. Основное сходство біологической организаціи, однѣ и тѣ же стихійныя силы внѣшней природы, съ которыми люди борются, и которыя они подчиняютъ, постоянный обмѣнъ мыслей и впечатлѣній—все это образуетъ въ жизни каждаго даннаго общества, и въ особенности—даннаго класса, данной соціальной группы, громадную массу общихъ переживаній, такую массу, передъ которой сравнительно ничтожно „индивидуальное" и „случайное" въ опытѣ отдѣльныхъ людей. Общій опытъ порождаетъ общія цѣли и общіе методы дѣйствія, что всего ярче и очевиднѣе сказывается въ „классовой психологіи" людей: онъ-то и составляетъ дѣйствительную основу „соціальной закономѣрности". Что касается внѣшнихъ нормъ, то онѣ, съ точки зрѣнія каждой отдѣльной личности, только часть этого общаго опыта; и онъ же является необходимой „предпосылкой" внѣшнихъ нормъ; безъ него онѣ просто немыслимы, такъ какъ онѣ немыслимы безъ взаимнаго пониманія людей и общности ихъ основныхъ жизненныхъ цѣлей.

Мы должны рѣшительно отвергнуть то исключительно нормативное понятіе „соціальности", которое составляетъ основу всѣхъ выводовъ Штаммлера. Внѣшнія нормы вообще, и основныя между ними—нормы права—въ частности составляютъ только

одинъ изъ типовъ соціальнаго приспособленія людей. Онѣ необходимо выступаютъ на сцену съ возникновеніемъ соціальной дифференціаціи, и долгое время развиваются вмѣстѣ съ нею: въ этомъ періодѣ культуры онѣ являются необходимой формой *широкаго* объединенія людей въ борьбѣ со стихійностью природы внѣшней и природы соціальной. Но рядомъ съ ними никогда не исчезаетъ окончательно и другой типъ соціальной координаціи: непосредственное сознательное приспособленіе людей въ процессѣ совмѣстной дѣятельности. Этотъ второй типъ тѣмъ больше отступаетъ передъ первымъ, чѣмъ больше принципіальная разнородность опыта отдѣльныхъ людей, чѣмъ меньше ихъ взаимное пониманіе, чѣмъ различнѣе ихъ интересы и стремленія. Можно думать—и жизнь даетъ много указаній на это—что дальнѣйшее развитіе человѣчества принесетъ съ собою новую гармонизацію опыта различныхъ людей. Узость спеціализаціи мало-по-малу исчезнетъ, личность интегрируется; путемъ широкаго общенія и объединяющихъ методовъ познанія опытъ отдѣльнаго человѣка расширится до того, что станетъ дѣйствительнымъ „микрокосмомъ“ опыта соціальнаго, и при всемъ разнообразіи въ конкретномъ содержаніи опыта людей, каждый окажется въ силахъ понимать всякаго другого; широта общихъ цѣлей человѣчества, отчетливо отражаясь въ каждой человѣческой психикѣ, устранитъ противорѣчія личныхъ стремленій, оставляя въ то же время просторъ для ихъ разнообразія. Тогда нормативный типъ жизни долженъ будетъ вновь отступать передъ непосредственной, свободно-творческой координаціей человѣческаго труда; старыя консервативныя нормы будутъ становиться излишни и не нужны, какъ безполезны будутъ тяжелые, неподвижные рельсы для тѣхъ, кто сумѣетъ окончательно побѣдить силу тяжести, кто будетъ свободно и легко носиться въ воздухѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но сотрудничество людей не есть только „матерія“ для внѣшнихъ нормъ, а онѣ въ свою очередь—не всеобщая форма соціальности. Процессъ общественной борьбы съ природою порождаетъ различныя соціальныя приспособленія, и одно изъ нихъ—внѣшнія нормы. Правда, оно въ предѣлахъ извѣстной намъ исторіи человѣчества имѣетъ громадное жизненное значеніе,—но все же *не исключительное*.—Нерѣдко одна и та же комбинація трудовыхъ дѣйствій различныхъ людей можетъ являться въ однихъ случаяхъ результатомъ прямой, непосредственной координаціи, въ другихъ—результатомъ внѣшняго регулированія, при томъ иногда въ одной его формѣ, иногда въ другой, напр., въ видѣ правовой нормы или въ видѣ условнаго соглашенія. Все это позволяетъ экономисту, при изслѣдованіи сотрудничества, по мѣрѣ надобности *совсѣмъ отвлекаться* отъ внѣшнихъ нормъ, регулирующихъ трудъ людей; тогда экономистъ имѣетъ передъ своими глазами „производственныя отношенія“ въ ихъ чистомъ видѣ, какъ они объективно проявляются для

посторонняго наблюдателя, ничего не знающаго о „внѣшней обязательности“ и „внѣшней легальности“ въ этихъ отношеніяхъ.

Система соціально-философскихъ воззрѣній Штаммлера построена, въ своемъ цѣломъ, весьма логично, и именно поэтому вся она неминуемо падаетъ, разъ невѣрно ея основное положеніе. Намъ, слѣдовательно, нѣтъ надобности спеціально прослѣживать и анализировать дальнѣйшіе выводы Штаммлера во всей ихъ послѣдовательности, и мы ограничимся тѣми изъ нихъ, которые направляются противъ теоріи историческаго монизма.

Съ точки зрѣнія Штаммлера, взглядъ на правовую жизнь, какъ на одну изъ надстроекъ соціальнаго хозяйства, естественно, представляется плодомъ „теоретической неясности“ и „непродуманности“: правовая „форма“ такъ же мало, по его мнѣнію, можетъ являться надстройкой надъ соціально-хозяйственной „матеріей“, какъ, положимъ, внѣшнія очертанія тѣла—надстройкой надъ его веществомъ. Недоразумѣніе, которое здѣсь заключается, мы выяснили въ достаточной мѣрѣ: право съ его нормами вовсе не „конститутивный признакъ“, входящій въ самое понятіе соціальнаго хозяйства, а одно изъ реальныхъ приспособленій, порождаемыхъ соціально-трудовой жизнью—приспособленіе, которое на опредѣленной стадіи развитія возникаетъ, при опредѣленныхъ условіяхъ прогрессируетъ или деградируетъ. Ошибка Штаммлера въ значительной мѣрѣ объясняется двумя обстоятельствами: во-1-хъ, тѣмъ, что мы живемъ въ эпоху колоссальнаго развитія правовой жизни, во-2-хъ, тѣмъ, что само право является по своему содержанію *организующимъ приспособленіемъ* соціальной жизни. Для всякаго товарнаго, и особенно капиталистическаго общества право, дѣйствительно, неустранимый, „конститутивный“ признакъ, соціальная форма, безъ которой оно не можетъ существовать, которая сдерживаетъ вмѣстѣ его противорѣчивые элементы: безъ принудительной силы права оно, благодаря своей основной неорганизованности, мгновенно разсыпалось бы, какъ бочка безъ обручей. Частныя условія товарно-хозяйственной жизни Штаммлеръ принялъ за всеобщія условія какой бы то ни было соціальной жизни—обычная ошибка въ идеологіяхъ господствующихъ классовъ.

Но даже въ современной жизни право не единственное внѣшне-организующее приспособленіе: по существу такое же значеніе имѣютъ нормы обычая, а также нормы нравственности, которыя Штаммлеръ принципіально противополагаетъ правовымъ. И всѣ эти формы имѣютъ свою „предпосылку“ въ приспособленіяхъ *внутренне организующихъ*—въ языкѣ и въ познаніи. Языкъ создаетъ условія для общенія людей, для ихъ взаимнаго пониманія, безъ котораго немыслимо цѣлесообразное сотрудничество; познаніе прямо объединяетъ и гармонизируетъ коллективный опытъ, опредѣляющій методы всякаго дальнѣйшаго коллектив-

наго труда. Въ этомъ смыслѣ *вся идеологія* должна разсматриваться, какъ система соціально-организующихъ приспособленій. И въ то же время это система *надстроекъ* надъ соціально-трудовымъ процессомъ, потому что она возникаетъ изъ его пріобрѣтеній и изъ его потребностей, потому что для него она служитъ, имъ жизненно-обусловлена.

Многихъ критиковъ историческаго монизма приводитъ въ недоумѣніе самая форма зависимости „базиса" и „надстроекъ". Если это связь причинности,—разсуждаютъ они,—то почему же идеологическія надстройки не измѣняются *прямо вслѣдъ* за экономическимъ базисомъ и *по мѣрѣ* его измѣненія, а какимъ-то образомъ „переживаютъ" свой базисъ, и становятся съ нимъ въ противорѣчіе?—Недоумѣніе легко устраняется, если вспомнить, что передъ нами та форма причинности, которая свойственна всякому *развитію жизни.* Всякая форма жизни консервативна и „переживаетъ" тѣ реальныя условія, на почвѣ которыхъ сложилась. Біологія знаетъ массу случаевъ, когда органы переживаютъ свою функцію, или когда функція органа, хотя еще сохраняется, становится жизненно-безполезной, и даже вредной для организма. Идеологическія формы—также формы жизни, формы ея приспособленія, и также реально консервативны, также способны переживать тѣ жизненныя условія, которыми первоначально были порождены. Въ этомъ отношеніи нормы права уступаютъ развѣ только формамъ обычая и нравственнаго сознанія.

Съ точки зрѣнія Штаммлера никакое противорѣчіе между хозяйствомъ и правомъ, разумѣется, невозможно: то и другое для него нераздѣльны, какъ матерія и форма соціальной жизни. Вопросъ о противорѣчіи хозяйства и права для Штаммлера просто не существуетъ; но послѣ всего изложеннаго и для насъ не существуютъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ у него принципіально устраняется этотъ вопросъ. Съ нашей точки зрѣнія такое противорѣчіе не только мыслимо, но при извѣстныхъ условіяхъ жизненно-необходимо: это несоотвѣтствіе между основными первично развивающимися функціями соціальнаго организма, и одной изъ функцій вторичныхъ, производныхъ. Но у нѣкоторыхъ умѣренныхъ послѣдователей Штаммлера его основную идею о связи хозяйства и права можно встрѣтить въ ослабленной, эклектически-смягченной формѣ, причемъ соотвѣтственно измѣняется и способъ аргументаціи противъ идей историческаго монизма. Въ этомъ отношеніи для русскаго читателя особый интересъ могутъ представлять воззрѣнія г. Струве.

Такъ какъ та статья г. Струве, въ которой онъ даетъ критику основъ историческаго матеріализма, особенной ясностью формулировокъ не отличается, то мы будемъ по возможности текстуально приводить его основныя положенія *).

*) „Die Marx'sche Theorie der socialen Entwicklung", P. von Struve, Braun's Archiv f. soc. Gesetzgebung, 1899.

„Въ марксовской теоріи соціальнаго развитія центральный пунктъ представляетъ взаимное отношеніе—соотвѣтственно, противорѣчіе между хозяйствомъ и правомъ. Марксъ признавалъ хозяйство причиною, право—слѣдствіемъ. Но Штаммлеръ превосходно показалъ, что съ логической точки зрѣнія (logischerweise) отнюдь нельзя понимать отношеніе даннаго хозяйства и даннаго права (*die* Wirthschaft und *das* Recht), какъ отношеніе обусловливающаго къ обусловливаемому. Подходящимъ выраженіемъ для ихъ зависимости можетъ скорѣе служить отношеніе содержанія къ формѣ („регулируемой матеріи" къ „обусловливающей формѣ"...) (стр. 667).

Казалось бы, принята точка зрѣнія Штаммлера; однако, затѣмъ оказывается, не вполнѣ. „Тѣ соціальныя явленія, которыя можно разсматривать, какъ хозяйственные феномены, *не всегда* представляютъ соціально-урегулированныя отношенія"...(стр. 669)".

„Категорія „содержанія—формы" далеко не достаточна, чтобы свести къ одной формулѣ это многообразное отношеніе (хозяйства и права). Эта формула приводитъ къ отрицанію генетической, причиной зависимости между отдѣльнымъ хозяйственнымъ и отдѣльнымъ правовымъ явленіемъ, она не допускаетъ возможности соціально-хозяйственныхъ актовъ, независимыхъ отъ правового регулированія"... (стр. 668).

Но если такъ, то какимъ образомъ можно опровергнуть Маркса Штаммлеромъ? Пусть Штаммлеръ „превосходно показалъ, что данное хозяйство регулируется даннымъ правомъ",—вѣроятно, до него это не было никому извѣстно,—но почему же *изъ этого* слѣдуетъ, что Марксъ былъ неправъ, признавая соціальное хозяйство причиною, а право — результатомъ? Предыдущая хозяйственная жизнь общества *причинно обусловила* возникновеніе такихъ-то нормъ права, и онѣ, пока существуютъ, *регулируютъ* дальнѣйшую соціальную жизнь, — какое въ этомъ противорѣчіе, и почему „logischerweise" второе дѣлается возраженіемъ противъ перваго. („Es ist aber von St. treffend ausgeführt" u. s. w.)? Если мой жизненный опытъ привелъ меня къ тому, что я выработалъ для себя извѣстныя практическія и познавательныя нормы, и мой дальнѣйшій опытъ регулируется ими,—неужели онѣ въ силу этого не должны уже мыслиться, какъ результатъ предшествующаго опыта? Ясно, что возраженіе существуетъ здѣсь только грамматически, а не „logischerweise".

Но все же отъ Штаммлера у г. Струве остается довольно много:

Что хозяйство, какъ цѣлое, не можетъ воздѣйствовать на право, какъ цѣлое, это слѣдуетъ изъ того, что оба собирательныя понятія (Gesammtbegriffe) выражаютъ одинъ и тотъ же реальный субстратъ: „въ хозяйствѣ уже содержится право, и наоборотъ" (стр. 669).

„Противъ Маркса съ его формулой противорѣчія мы можемъ

привести то соображеніе, что по основному воззрѣнію „историческаго матеріализма“ антагонизмъ отдѣльныхъ конкретныхъ экономическихъ феноменовъ съ отдѣльными правовыми условіями неминуемо приводитъ къ преодолѣнію этого самаго антагонизма. Представленіе же о томъ, что система права въ ея цѣломъ можетъ не соотвѣтствовать соціальному хозяйству въ его цѣломъ, не реалистично: правовая организація и соціальное хозяйство — абстрактныя понятія, а не реальности и не отношенія“ (стр. 671).

„Во всѣхъ цитированныхъ положеніяхъ Маркса (объ отношеніи производительныхъ силъ къ производственнымъ отношеніямъ и къ идеологіи. Н. К.) имѣется та неясность, что матеріальныя производительныя силы съ одной стороны, производственныя отношенія съ другой, которыя представляютъ изъ себя не болѣе, какъ абстрактныя выраженія для совокупности конкретныхъ хозяйственныхъ и правовыхъ отношеній, возводятся въ рангъ самостоятельныхъ, особыхъ реальностей или „вещей“. Только благодаря этому становится возможнымъ представлять ихъ въ ихъ цѣломъ находящимися во взаимномъ соотвѣтствіи или во взаимномъ противорѣчіи...“ (стр. 666).

Итакъ, съ одной стороны, по мнѣнію г. Струве, невѣрно мнѣніе Штаммлера, что хозяйство и право нераздѣльны—могутъ быть хозяйственныя отношенія безъ правовыхъ: съ другой стороны — хозяйство и право въ цѣломъ нераздѣльны, такъ какъ имѣютъ одинъ и тотъ же субстратъ: въ хозяйствѣ уже содержится право, и въ правѣ—хозяйство. Затѣмъ: отдѣльныя хозяйственныя и отдѣльныя правовыя явленія реально существуютъ, и могутъ находиться въ антагонизмѣ, но хозяйство и право въ цѣломъ реально не существуютъ и не могутъ находиться въ антагонизмѣ, такъ какъ это абстрактныя обозначенія для *совокупности* конкретныхъ хозяйственныхъ и правовыхъ явленій. Такова логика г. Струве.

Присмотримся къ отдѣльнымъ положеніямъ этой удивительно стройной концепціи. „Хозяйство уже содержитъ въ себѣ право и наоборотъ“; „субстратъ ихъ одинъ и тотъ же“. Что соціальное хозяйство, взятое въ суммарномъ значеніи слова, заключаетъ въ себѣ систему правовыхъ отношеній—это для исторически извѣстныхъ, товарныхъ обществъ еще довольно вѣрно, напр., система капиталистическаго хозяйства совершенно неотдѣлима отъ опредѣленныхъ отношеній собственности, и обязательно ихъ подразумѣваетъ. Но какимъ образомъ правовая организація „содержитъ“ въ себѣ всѣ хозяйственныя явленія—во всей ихъ конкретности,— это, по правдѣ говоря, понять не легко. Какимъ образомъ система правовыхъ нормъ современнаго общества цѣликомъ содержитъ въ себѣ тотъ фактъ, что капиталистъ такой-то расширяетъ свое производство, а рабочіе его фабрики по этому поводу поговариваютъ объ увеличеніи платы? Право регулируетъ эти факты, ставитъ ихъ въ извѣстныя границы, гарантируетъ без-

епятственность ихъ осуществленія и т. д.; но чтобы оно „со-
ржало“ въ себѣ (enthalten) фактъ развитія производительныхъ
лъ и производственныхъ отношеній—это совершенно невѣроятно.

Очевидно, здѣсь игра словомъ „enthalten“. Право „заклю-
етъ“ въ себѣ соціальное хозяйство въ томъ смыслѣ, что оно
разуетъ его фактическія рамки, а вовсе не въ томъ смыслѣ,
обы хозяйственное содержаніе жизни общества было тожде-
венно съ правовымъ содержаніемъ: производительныя силы
щества въ ихъ развитіи вовсе не то же самое, что спеціальная
ятельность, направленная къ ихъ регулированію. Возможность
отиворѣчія между этими силами развитія и консервативной
существу системой нормъ, которыя ихъ сдерживаютъ и регу-
руютъ, эта возможность настолько очевидна, что для г. Струве,
нечно, ничего больше не оставалось, какъ признать ее „не-
алистической“.

Странное дѣло! Меньше чѣмъ полвѣка тому назадъ въ
ссіи еще господствовало крѣпостное право; наше время еще
лно его воспоминаній и отчасти даже—пережитковъ. На немъ
ла тогда построена правовая система въ ея цѣломъ; оно явля-
сь ея основнымъ, опредѣляющимъ принципомъ. А производи-
льныя силы росли, имъ было тѣсно въ его рамкахъ, онѣ тре-
вали новыхъ формъ жизни, новой правовой организаціи. Ка-
лось бы, вотъ классическій примѣръ противорѣчія между хо-
йственной и правовой жизнью, и примѣръ настолько для насъ
изкій и знакомый. И что же? г. Струве заявляетъ, что это
ереалистично“. При помощи нѣсколькихъ шаблонныхъ тер-
новъ, какъ-то „субстратъ“, „съ логической точки зрѣнія“,
бстрактное понятіе“, „реалистически“, „критически“ и т. д.—
окойно устраняются и „опровергаются“ крупнѣйшіе историче-
іе факты.

Однако, не правъ ли г. Струве, когда полагаетъ, что „при-
особленіе права къ соціальному хозяйству не прекращается ни
минуту, и развитіе экономическихъ феноменовъ совершается
только въ рамкахъ стараго общественнаго порядка, но также
еобразуетъ и расширяетъ эти рамки“? Что жъ, это приблизи-
льно вѣрно; и, напр., даже въ крѣпостной Россіи то здѣсь, то
мъ совершались маленькія „приспособленія“ права къ разви-
ющейся производственной жизни. Но если такъ, то какое же
отиворѣчіе между „правомъ“ и „хозяйствомъ“ въ ихъ цѣломъ?
ъ этомъ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи?—*Не могло бы
ть*, если бы вся жизнь состояла изъ такихъ отдѣльныхъ ма-
нькихъ кусочковъ, на какіе она дробится въ мозаичномъ мыш-
ніи гг. Струве, Бернштейновъ и имъ подобныхъ. Но жизнь
ть органическое цѣлое, и система крѣпостного права не могла
ть устранена при помощи маленькихъ приспособленьицъ, на
торыя возлагали надежды гг. Струве и Бернштейны того вре-
ни. Всякое приспособленьице совершается *въ предѣлахъ* дан-

наго правового строя и находитъ свои границы *въ его основахъ*, и потому не можетъ даже ослабить противорѣчія этихъ основъ съ развивающейся жизнью. Какъ должна бы происходить крестьянская реформа по г. Струве? Сегодня капельку пріосвободили да чуточку пообезземелили крестьянина, завтра тоже,—и такъ, понемногу, лѣтъ черезъ 500—нѣтъ крѣпостной системы; и никто не видалъ, куда дѣвалась. Это было бы какъ нельзя болѣе „реалистично".

Впрочемъ, у г. Струве это слово имѣетъ совсѣмъ особенное и очень оригинальное значеніе. Онъ полагаетъ, напр., что въ 40-ые годы вообще никакой соціальный оптимизмъ не былъ реалистиченъ, а реалистиченъ былъ только соціальный пессимизмъ, и въ крайнемъ случаѣ — „der Zerstörungsozialismus" (стр. 662). Слѣдовательно, въ тѣ времена „реалистъ" не долженъ былъ вѣрить въ возможность соціальнаго развитія, не долженъ былъ находить въ жизни никакихъ его элементовъ, не имѣлъ права указывать эти элементы; если Марксъ сдѣлалъ все это, то только въ силу своего утопизма. Но вѣдь онъ *фактически* вѣрно указалъ элементы развитія и тѣ классы, которые были ихъ носителями; вѣдь развитіе *фактически* совершалось, и „реалистъ" г-на Струве былъ *фактически* опровергнутъ реальной жизнью. Что же значитъ послѣ этого „быть реалистомъ"? Повидимому, съ точки зрѣнія г. Струве это значитъ — не видѣть дальше своего носа? Если въ томъ же смыслѣ г. Струве отрицаетъ реализмъ теоріи обостроенія основныхъ противорѣчій, то, пожалуй, онъ и правъ, а его собственная теорія „притупленія" тогда, дѣйствительно, „реалистична"...

Да, но вотъ жизнь... она упорно не хочетъ быть „реалистичной". Можетъ быть, она тайная „марксистка"? Кто знаетъ? во всякомъ случаѣ за послѣдніе годы она жестоко издѣвалась надъ „притупленіемъ" гг. бернштейніанцевъ. Г. Струве такъ хорошо доказалъ ей, при помощи цѣлаго ряда разсужденій съ самой лучшей терминологіей и даже особыми схемами, что нѣтъ никакихъ препятствій къ „притупленію" великихъ антагонизмовъ. А она не обращаетъ на это никакого вниманія, и поступаетъ „какъ разъ наоборотъ". Такъ же поступила она и съ Бернштейномъ, когда онъ нашелъ, что нѣтъ достаточныхъ для „трезваго реалиста" основаній ожидать новыхъ общихъ кризисовъ промышленности. Она отвѣтила на это именно такимъ кризисомъ, и кризисомъ громаднымъ...

Въ разсужденіяхъ г. Струве о притупленіи противорѣчій есть одинъ маленькій недостатокъ, а именно—они ведутся не съ исторической, а съ „гносеологической" точки зрѣнія: дѣло идетъ въ нихъ не о дѣйствительныхъ противорѣчіяхъ, а о понятіяхъ и формулахъ, о разныхъ „противорѣчіяхъ вообще". Теперь это называютъ „критицизмомъ"; а впослѣдствіи будутъ называть „схоластикой". Это такая вещь, посредствомъ которой

жно загипнотизировать себя и многихъ другихъ, но выяснить
ла нельзя. Съ исторической же точки зрѣнія сущность его
вольно проста, и сводится къ слѣдующему. Если два великихъ
асса развиваются во взаимно-противоположномъ направленіи—
инъ, положимъ, въ производительномъ, а другой, скажемъ, въ
отребительномъ", то каждый новый шагъ на пути развитія
рываетъ все большую пропасть между ними въ ихъ жизнен-
хъ интересахъ и стремленіяхъ. Поворотъ въ другую сторону
новится для каждаго изъ нихъ все менѣе возможнымъ, и
ритупленіе противорѣчій" все въ большей мѣрѣ становится
лкой „трезвенной утопіей". Можетъ, конечно, притупиться
ужіе котораго-нибудь изъ обоихъ классовъ, но никакъ не
отивоположность ихъ основныхъ интересовъ. Она можетъ только
зрастать. Жизнь—не благодушный эклектикъ; она сурова и по-
ѣдовательна въ своей логикѣ. Она сдастъ въ „архивъ" всякую
пиловщину.

Но довольно о статьѣ Braun's Archiv'a. Возвратимся къ
рвоисточнику—къ идеямъ Штаммлера. Вторая часть его ра-
ты „Wirthschaft und Recht" посвящена вопросу объ *основной
ціальной закономѣрности*. Это—попытка примѣнить къ ученію о
ціальной жизни основныя идеи „Критики практическаго ра-
ма". Разбирать эту сторону воззрѣній Штаммлера по существу,
самыхъ ея основахъ—значило бы прежде всего подвергнуть
итикѣ все ученіе о „практическомъ разумѣ". Для этого у
съ здѣсь нѣтъ мѣста, и мы ограничимся тѣмъ, что имѣетъ
ижайшее отношеніе къ критикѣ историческаго монизма.

Штаммлеръ полагаетъ, что въ человѣческомъ опытѣ су-
ствуетъ двѣ различныхъ закономѣрности, одна относящаяся
области познанія, другая—относящаяся къ области воли, за-
номѣрность теоретическаго и практическаго разума. Сущность
й и другой заключается въ сведеніи къ систематическому
инству всего матеріала человѣческихъ переживаній, къ уста-
вленію въ немъ „объективной связи". Когда человѣкъ „по-
аетъ" явленія, онъ стремится объединить ихъ въ сознаніи та-
мъ образомъ, чтобы это соотвѣтствовало не случайнымъ,
убъективнымъ" переживаніямъ, въ которыхъ есть столько иллю-
онаго, а ихъ „объективной" закономѣрности. Опираясь на
закономѣрность, человѣкъ связываетъ разрозненные клочки
оего опыта въ одно стройное цѣлое, въ одну непрерывную
пь звеньевъ, сплетенныхъ той высшей необходимостью, кото-
я вытекаетъ изъ самыхъ основъ познавательной организаціи
ловѣка. Эта цѣпь есть цѣпь причинъ и слѣдствій, а объек-
вная закономѣрность въ сферѣ познанія—всеобщій принципъ
ичинности. Поскольку познаваемыя явленія удается правильно
ъединить этой закономѣрностью, постольку достигается *истина*.
ковы отношенія въ области познанія; и въ области воли
таммлеръ находитъ вполнѣ аналогичныя отношенія.

По мнѣнію Штаммлера, въ развивающемся человѣческомъ сознаніи каждая частная цѣль, какую человѣкъ себѣ ставитъ, дѣлается необходимо *средствомъ* для иной, болѣе широкой и общей, какъ эта въ свою очередь—еще для иной и т. д. Такимъ образомъ въ области воли получается развертывающаяся цѣпь цѣлей и средствъ, какъ въ области теоретическаго познанія—цѣпь причинъ и слѣдствій; въ первой господствуетъ закономѣрность τέλος'а, цѣлесообразности, какъ во второй—закономѣрность причиннаго отношенія. И подобно тому какъ въ познаніи возможны „субъективныя" и ложныя представленія, но возможны также „объективныя" и правильныя,—въ сферѣ постановки цѣлей возможны стремленія чисто субъективныя и ложныя съ одной стороны, объективно-правильныя—съ другой. Въ мірѣ познанія объективно-правильное есть *истина*, въ мірѣ воли эту роль играетъ *должное*. Для познающаго задача заключается въ томъ, чтобы изъ пестрой ткани смѣняющихся переживаній выдѣлить истинное среди кажущагося, объективное среди субъективнаго; для стремящагося она заключается въ томъ, чтобы изъ матеріала случайныхъ и субъективныхъ стремленій выдѣлить и ограничить объективныя, „должныя" цѣли,—истину воли. И если человѣкъ можетъ доказывать другимъ людямъ объективную истину своихъ представленій, то онъ можетъ также доказывать и объективную правильность своихъ стремленій. Въ первомъ случаѣ судьей являются незыблемые и общезначимые законы логики, во второмъ—такія же незыблемыя и общезначимыя требованія нравственнаго долга. И здѣсь и тамъ человѣкъ можетъ ошибаться въ своемъ мнѣніи и доказательствахъ, но это не измѣняетъ объективнаго значенія самыхъ принциповъ истиннаго и должнаго.

Такимъ образомъ параллельно съ теоретическимъ разумомъ выступаетъ разумъ практическій, рядомъ съ закономѣрностью причинной—закономѣрность цѣлей, рядомъ съ царствомъ истины—царство долга. Въ той и другой области объективно-правильное устанавливается посредствомъ систематическаго *изслѣдованія* и *научнаго выясненія*. Да, и въ области воли—*научное* выясненіе; Штаммлеръ не разъ употребляетъ въ этомъ смыслѣ терминъ „wissenschaftlich", и говоритъ объ „Erkenntnisswerth" точки зрѣнія волевой закономѣрности.

Дѣло въ томъ, что у Штаммлера практическій разумъ нерѣдко настолько увлекается своей „разумностью", что забываетъ о своемъ „практическомъ" характерѣ и начинаетъ серьезно конкуррировать съ разумомъ теоретическимъ. Онъ не только перенимаетъ „научную" внѣшность этого послѣдняго, но и пытается ограничить его права, памятуя, конечно, о своемъ, милостью Канта, приматѣ. Именно, въ тѣхъ случаяхъ, когда что-нибудь разсматривается, какъ предметъ стремленія („als zu bewirkende"), оно тѣмъ самымъ уже извлекается, по мнѣнію Штам-

млера, изъ-подъ власти теоретическаго разума съ его закономъ причинности. Это говорится не въ смыслѣ той безспорной истины, что въ актѣ воли, какъ таковомъ, нѣтъ мѣста познанію, а въ томъ смыслѣ, что особое познаніе съ точки зрѣнія τέλος'а *исключаетъ* обычное познаніе съ точки зрѣнія причинности. Штаммлеръ полагаетъ, что невозможно одновременно признавать какое-нибудь явленіе за причинно-*необходимое* въ будущемъ, и въ то же время дѣлать его своей *цѣлью*, активно къ нему стремиться. Если мы чего-нибудь желаемъ и добиваемся, то тѣмъ самымъ мы уже признаемъ, что это „что-нибудь" можетъ быть или не быть, что оно лежитъ внѣ причинной цѣпи, что оно *теоретически не необходимо*. Такимъ образомъ въ переживаніи волевомъ („Wollen, Streben") кантіанецъ находитъ нѣкоторый *теоретическій* элементъ, хотя и отрицательнаго характера: признаніе желаемаго стоящимъ внѣ причинной закономѣрности. „Причинно-необходимаго", по мнѣнію кантіанца, желать нельзя: закономѣрность τέλος'а ревнива и исключительна, она не терпитъ *рядомъ* съ собой закономѣрности причинной, и съ негодованіемъ удаляется, какъ только встрѣчаетъ эту послѣднюю.

Здѣсь—центральный пунктъ воззрѣній Штаммлера по вопросу объ отношеніи познанія и практической дѣятельности; здѣсь и исходная точка его возраженій противъ той формы активнаго идеализма, которая характеризуетъ сторонниковъ историческаго монизма. Они, какъ извѣстно, полагаютъ, что тотъ общественный строй, который они дѣлаютъ своимъ практическимъ идеаломъ, долженъ придти на смѣну капитализму въ силу *необходимости общественнаго развитія;* доказательства этому они находятъ въ анализѣ тѣхъ тенденцій общественнаго развитія, которыя могутъ быть фактически установлены по отношенію къ современному строю въ его цѣломъ и по отношенію къ отдѣльнымъ его классамъ. Въ такомъ соединеніи соціальнаго идеала съ идеей исторической необходимости Штаммлеръ видитъ основное противорѣчіе марксизма.

Штаммлеръ справедливо полагаетъ, что всѣ практическіе идеалы - въ томъ числѣ и соціальный—лежатъ въ области активныхъ стремленій, въ области *цѣлей*; но изъ этого онъ, на основаніи изложенныхъ выше идей о двухъ закономѣрностяхъ опыта, дѣлаетъ тотъ выводъ, что слѣдовательно соціальный идеалъ лежитъ *внѣ области исторической необходимости*, внѣ сферы *причинности* вообще. По его мнѣнію, признавать историческую необходимость выступленія новаго строя на мѣсто даннаго, и въ то же время активно стремиться къ этому строю, ничѣмъ существенно не отличается отъ того случая, какъ если бы какая-нибудь партія сдѣлала основнымъ пунктомъ своей программы затменіе луны, заранѣе вычисленное астрономами. Практическій идеалъ, разъ онъ принадлежитъ къ сферѣ воли, можетъ приниматься исключительно съ точки зрѣнія *ея* особенной закономѣрности; а это

закономѣрность *долженствованія*, не причинности; практическій идеалъ нельзя поэтому признавать какъ нѣчто исторически необходимое на извѣстной стадіи развитія человѣчества, но только—какъ нѣчто *должное*, что мы призваны осуществить, но что само по себѣ можетъ быть или не быть. Если есть историческая необходимость—наше вмѣшательство въ ходъ событій ни къ чему; если наше вмѣшательство требуется, значитъ нѣтъ исторической необходимости; Штаммлеръ считаетъ эту дилемму совершенно неизбѣжною, и не допускаетъ возможности чего-либо третьяго внѣ ея.

Все это, какъ видимъ, вполнѣ логичный выводъ изъ идеи о конкурренціи практическаго разума съ теоретическимъ; а она, какъ мы указали, состоитъ въ томъ, что желать чего-нибудь, значитъ не только „желать", но и нѣчто признавать,—именно признавать, что желаемое находится внѣ объективной исторической необходимости. Но насколько вѣрна эта идея? Для рѣшенія вопроса, обратимся къ непосредственному опыту, на который ссылается и Штаммлеръ.

Опытъ насъ учитъ, что рѣшающей инстанціей въ вопросѣ о „желаніяхъ" является чувство. Мы желаемъ того, что намъ пріятно, что доставляетъ намъ удовольствіе, не желаемъ того, что непріятно, что причиняетъ страданіе. Когда различные мотивы борются въ сознаніи, то сила каждаго изъ нихъ и возможность его побѣды опредѣляется силою чувства, лежащаго въ его основѣ. Процессъ „выбора" или, что то же, состояніе нерѣшительности сводится къ тому, что ни одинъ изъ различно направленныхъ мотивовъ не обладаетъ *достаточнымъ перевѣсомъ* силы—именно силы связаннаго съ нимъ чувства,—чтобы преодолѣть инерцію психическаго цѣлаго. Какъ только такой перевѣсъ чувства оказывается налицо, рѣшеніе опредѣлилось, выборъ законченъ. Пока же борьба мотивовъ продолжается, ихъ сила еще не выяснилась, человѣкъ высказывается въ томъ смыслѣ, что для него „возможно" то или иное рѣшеніе.

Но „выборъ" не всегда имѣетъ мѣсто. Иногда стихійно-сильный порывъ чувства сразу овладѣваетъ психикой, и сразу опредѣляетъ цѣль дѣйствій; человѣкъ „отдается" неудержимому импульсу любви, ненависти, влеченія, отвращенія. Спросите тогда у человѣка объ его душевномъ состояніи,—онъ вамъ отвѣтитъ, что для него *невозможно* стремиться къ чему-либо иному, кромѣ той цѣли, которую указываетъ ему данное чувство. Такимъ образомъ, у него имѣется одновременно интенсивное стремленіе—и сознаніе того, что стремленіе это органически необходимо, что его цѣль *причинно* обусловлена, и что если не окажется другихъ *причинъ*, внѣшнихъ, которыя ему помѣщаютъ, то достиженіе цѣли явится также необходимымъ, опять-таки, въ смыслѣ *причинной* закономѣрности. При этомъ человѣку и въ голову не приходитъ,

что его душевное состоянiе нелѣпо, что нельзя активно стремиться къ тому, что въ силу органической необходимости стало его цѣлью.

Но оставимъ этого „ослѣпленнаго страстью“ человѣка, который, конечно, только въ силу недостатка „критики“ дѣлаетъ своей цѣлью то, чего не можетъ не желать. Перейдемъ къ болѣе сознательному человѣку, который „выбиралъ“ и пришелъ уже къ рѣшенію. Весь психологическiй процессъ выбора и актъ рѣшенiя для него относятся уже къ прошлому, и, слѣдовательно, какъ признаетъ и Штаммлеръ, „вошли“ уже въ общiй причинный рядъ. Дальнѣйшiя же дѣйствiя принявшаго рѣшенiе человѣка *причинно* обусловлены этимъ самымъ рѣшенiемъ, а достиженiе цѣли — этими дѣйствiями. Такимъ образомъ, если онъ станетъ рефлектировать надъ своимъ положенiемъ, то по совѣсти долженъ будетъ признать, что стремится къ „лунному затменiю“ — къ тому, что будетъ осуществлено въ силу заранѣе имъ познанной причинной закономѣрности. Конечно, можетъ быть, его дѣйствiя не достигнутъ цѣли, или, можетъ быть, онъ самъ перемѣнитъ рѣшенiе; но то и другое не можетъ произойти безпричинно, а непремѣнно въ силу какихъ-нибудь внѣшнихъ причинъ, которыя вмѣшаются въ ходъ дѣла, и которыхъ онъ пока еще не предвидитъ. Вѣдь и лунное затменiе можетъ не состояться вслѣдствiе какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ событiй въ солнечной системѣ. Что же касается того факта, что въ вопросѣ о лунномъ затменiи онъ, человѣкъ, съ его рѣшенiемъ,—quantité négligeable, а въ вопросѣ о поставленной имъ цѣли—важная величина, то это не мѣняетъ ничего въ принципiальномъ значенiи причинной закономѣрности, такъ какъ эта величина уже принадлежитъ къ причинной цѣпи.

Хорошо, пусть это такъ; но пока рѣшенiе не было принято, человѣкъ, выбирая, признавалъ вѣдь, что возможенъ и такой, и иной ходъ событiй, слѣдовательно, не принималъ его за необходимо обусловленный? Да, онъ, вѣроятно, не говорилъ себѣ: и мое рѣшенiе, и все послѣдующее произойдетъ сообразно закону причинности—эта общая формула для него совершенно безполезна, пока онъ не знаетъ, *какъ именно* опредѣлится причинной закономѣрностью его рѣшенiе; но онъ также не занимается и отрицанiемъ причинной обусловленности своего послѣдующаго рѣшенiя, — это ничуть не менѣе безполезное занятiе; онъ просто переживаетъ „не теоретическое“, а эмоцiонально-волевое душевное состоянiе; принципъ причинности не руководитъ имъ, но и не подвергается ограниченiямъ, — онъ просто внѣ поля сознанiя. Но съ точки зрѣнiя познающаго,—напр., другого человѣка, слѣдящаго за этой борьбой мотивовъ по высказыванiямъ—дѣло происходитъ въ строгомъ соотвѣтствiи съ причинной закономѣрностью; опираясь на нее, другой человѣкъ можетъ даже предугадать рѣшенiе, когда сам̕ъ рѣшающiй еще колеблется.

Ошибка Штаммлера заключается въ томъ, что онъ изъ *волевого* состоянія пытается дѣлать логическій, слѣдовательно, теоретическій выводъ, въ стремленіи усматриваетъ временное отрицаніе причинной необходимости. Это—ошибка противъ логики и противъ опыта.

Но вернемся къ противникамъ Штаммлера. Они стремятся къ опредѣленному строю общественной жизни. Почему? Вѣроятно, потому, что онъ имъ нравится. Нѣтъ,—говоритъ Штаммлеръ,—они думаютъ не такъ, по ихъ собственнымъ заявленіемъ, они стремятся къ этому строю потому, что онъ является грядущей исторической необходимостью. Штаммлеръ ошибается, какъ очень часто ошибаются даже очень добросовѣстные мыслители, излагая идеи своихъ противниковъ.

Вотъ что говорятъ эти противники. „Нашъ идеалъ—такой-то; мы не сомнѣваемся, что онъ осуществится, потому что къ нему ведетъ историческое развитіе". Если что-нибудь называютъ своимъ идеаломъ, то тѣмъ самымъ достаточно ясно указываютъ, что это что-нибудь является цѣлью стремленій, *потому что нравится*. Если затѣмъ ссылаются на объективный ходъ историческаго развитія, то этимъ даютъ понять, что имѣютъ на своей сторонѣ могучаго союзника въ стихійныхъ силахъ исторіи, союзника, голосъ котораго рѣшаетъ дѣло. Это практическая точка зрѣнія на идеалъ. Когда же становятся на точку зрѣнія *познавательную*, то находятъ, что и формула идеала, и стремленіе къ нему является выраженіемъ прогрессивныхъ тенденцій историческаго развитія. „Нашъ идеализмъ, наши задачи,—говорятъ эти фанатики объективизма, причинно обусловлены ходомъ историческаго развитія, какъ идеологическое отраженіе его прогрессивныхъ тенденцій". Какъ, самое священное для себя — свои идеалы и свой идеализмъ — вы разсматриваете съ точки зрѣнія причинности? „Да, когда мы *познавательно* къ нимъ относимся. Мы этимъ только исполняемъ заповѣдь: познай самого себя. А когда мы относимся къ своимъ идеаламъ практически - мы дѣйствуемъ, стараясь ихъ осуществлять. Намъ нравится быть агентами и выразителями прогрессивныхъ силъ развитія". — Но къ чему вашъ трудъ, если историческое развитіе и безъ того должно осуществить вашъ идеалъ?—„Мои лично дѣйствія, конечно, не рѣшатъ дѣла, но они войдутъ, какъ положительное слагаемое, въ общую сумму причинъ, которыя приведутъ къ моему идеалу. Мнѣ больше хочется быть активнымъ человѣкомъ, чѣмъ бездѣльникомъ, и больше нравится быть положительной величиной въ цѣпи развитія, чѣмъ отрицательной или нулемъ. Вы видите человѣка, который несетъ большую тяжесть на большое разстояніе. Вы знаете, что не абсолютный долгъ, не нравственный міропорядокъ, а жизненная необходимость заставляетъ его тащить свою ношу; знаете, что у него хватитъ и силъ донести ее, хотя и цѣною большой усталости. Неужели будетъ такъ странно, если

вы захотите раздѣлить его трудъ? Неужели вы обязаны стоять, сложа руки, только потому, что и безъ васъ дѣло, навѣрное, будетъ доведено до конца? Таково наше практическое отношеніе къ общественному развитію,—облегчить трудъ, уменьшить жертвы и утомленіе, постараться, чтобы больше силъ и элементовъ развитія принесло общество въ ту новую фазу своей жизни, чтобы какъ можно полнѣе могло оно воспользоваться ею. Мы вовсе не говоримъ, что вы *должны* дѣлать то же самое; вопросы „долга" намъ мало понятны и не особенно интересны; но мы оставляемъ за собой право *квалифицировать* васъ, какъ плюсъ, минусъ или нуль въ дѣлѣ общественнаго развитія".

Такъ говорятъ означенные фанатики — и немедленно получаютъ надлежащую отповѣдь отъ Штаммлера и другихъ „соціальныхъ идеалистовъ" школы естественнаго права. „Что это еще за фетишъ—общественное развитіе? Почему намъ дѣлать его своей цѣлью? Докажите—основываясь на закономѣрности воли,—что это объективно правильная, что это „должная" цѣль, а не случайная, субъективная, ложная,—тогда вы насъ убѣдите". Къ этому прибавляются такого рода соображенія. Въ пользу общественнаго развитія можно, конечно, сказать, что оно ведетъ къ возрастанію жизнеспособности общества. Но что изъ этого? „Болѣе жизнеспособный и приспособленный вовсе не то же, что лучшій и этически-цѣнный. Чтобы вспомнить примѣръ изъ естествознанія, приведенный у Гексли,—при извѣстныхъ условіяхъ развитія наиболѣе приспособленными къ жизни повсюду могутъ оказаться лишайники. Все это повторялось много разъ, и едва ли требуетъ болѣе подробнаго разъясненія" *).

Увы, очень даже требуетъ, какъ это обыкновенно бываетъ, когда гг. гносеологи и юристы ссылаются на біологію, которую они скорѣе терпятъ, чѣмъ уважаютъ, и всего менѣе—изучаютъ. Г. Новгородцевъ, подобно многимъ его предшественникамъ по „этико-біологическому аргументу", смѣшалъ двѣ очень различныя вещи: „приспособленность вообще" и „возрастаніе жизнеспособности". *Приспособленность* выражаетъ отношеніе организма къ данной, опредѣленной средѣ: приспособленъ тотъ организмъ, видъ и т. д., который въ данной средѣ сохраняется и размножается, а не вымираетъ, который, слѣдовательно, именно этой средѣ достаточно соотвѣтствуетъ. *Жизнеспособность* же есть отношеніе не только къ данной средѣ, но и ко всѣмъ возможнымъ ея измѣненіямъ: жизнеспособенъ тотъ, кто при всякихъ варіаціяхъ условій легко приспособляется, кто успѣшно реагируетъ не только на привычныя, но и на всякія новыя воздѣйствія среды. Паразитъ приспособленъ къ данной средѣ — къ опредѣленнымъ тканямъ организма, въ которомъ паразитируетъ; но его жизнеспособность почти безконечно мала, потому что связана съ без-

*) Сборникъ „Проблемы идеализма", ст. П. Новгородцева, стр. 264.

конечно-узкой средой, и требуются иногда милліоны поколѣній, чтобы паразитъ приспособился хотя бы къ минимальной варіаціи обычныхъ для него условій. Поэтому у многихъ приспособленныхъ, т. е. отнюдь не вымирающихъ, видовъ низшихъ организмовъ изъ милліардовъ зародышей развиваются фактически только единицы, нашедшія *вполнѣ* подходящую комбинацію условій. Наоборотъ, человѣкъ среди всего біологическаго міра наиболѣе жизнеспособенъ, потому что умѣетъ создать цѣлесообразныя реакціи для самыхъ разнообразныхъ и измѣнчивыхъ условій, потому что область его жизненныхъ побѣдъ наиболѣе широка. Съ точки зрѣнія жизнеспособности пугать человѣка „лишайниками“ не приходится.

Жизнеспособность зависитъ отъ того, сколько *элементовъ развитія* заключаетъ въ себѣ данная форма жизни, насколько богатъ и пластиченъ тотъ матеріалъ для приспособленія, которымъ она располагаетъ. А матеріалъ этотъ составляютъ уже существующія приспособленія. Такимъ образомъ, maximum жизнеспособности сводится къ максимальному разнообразію приспособленій, максимальной энергіи ихъ дѣйствія и максимальной гибкости; другими словами, онъ тождественъ съ *maximum жизни.*

Въ природѣ встрѣчается нерѣдко такъ называемое „регрессивное развитіе“, когда организмъ теряетъ часть выработанныхъ раньше приспособленій, часть своихъ элементовъ развитія, потому что въ *данной*, долгое время устойчивой средѣ они не нужны; примѣромъ можетъ служить атрофія органовъ зрѣнія у рыбъ и амфибій подземныхъ озеръ. Тогда повышеніе приспособленности достигается вмѣстѣ съ пониженіемъ жизнеспособности: сфера жизни сужена, и стоитъ только немного измѣниться обстановкѣ, немного расшириться системѣ внѣшнихъ вліяній, какъ несчастныя атрофированныя существа оказываются окончательно неприспособленными. Временная устойчивость, купленная цѣной пониженія жизни, превращается въ тѣмъ большую неустойчивость; регрессивное развитіе оказывается внутренно противорѣчивымъ, и выступаетъ какъ ступень къ деградаціи. *Прогрессивное* развитіе, въ которомъ сумма жизни и разнообразіе ея элементовъ непрерывно возрастаетъ, само постоянно расширяетъ свой базисъ, увеличивая свой матеріалъ и его пластичность: оно чуждо внутренняго противорѣчія.

Вотъ уже сколько вѣковъ человѣчество развивается прогрессивно, жизнь его становится полнѣе и разностороннѣе, элементы возможнаго прогресса накопляются... Развѣ это не говоритъ въ пользу тѣхъ, кто предполагаетъ, что и дальше прогрессивное развитіе будетъ продолжаться, и совѣтуетъ принимать во вниманіе возможные пути этого развитія? Но для кого весь интересъ заключается не въ самой вѣчно прогрессирующей жизни, а въ чемъ-нибудь иномъ, для того всѣ эти указанія не могутъ, конечно, имѣть принципіальнаго значенія; тотъ можетъ сказать:

„для меня все это безразлично“,—и его безполезно убѣждать, потому что его точка зрѣнія опирается на чувство, а чувство — не познаніе, и не принимаетъ доказательствъ. Однако, это не даетъ ему права искажать воззрѣнія своихъ противниковъ, и смѣшивать идеалъ безконечнаго возрастанія жизни съ идеаломъ ея неподвижной приспособленности къ данной ограниченной средѣ.

Штаммлеръ полагаетъ, что идеалъ можно „доказать“, что волю людей можно направлять къ „обоснованнымъ научно“ цѣлямъ, причемъ доказательство и обосновка сводятся къ выясненію того, что этотъ идеалъ и эти цѣли „объективно наилучшія“. Но вопросъ о лучшемъ и худшемъ рѣшается въ сферѣ чувства, такъ что дѣло идетъ объ объективныхъ доказательствахъ въ жизни чувства. Противники Штаммлера склонны думать, что возможно, разумѣется, показать жизненное значеніе идеала, какъ прогрессивнаго или реакціоннаго, но нельзя доказать чувству, что оно должно находить этотъ идеалъ лучшимъ.

Штаммлеръ, опираясь на „Критику практическаго разума“, признаетъ „объективность“ нравственнаго долга; его противники, основываясь на опытѣ, считаютъ сознаніе „долга“ основаннымъ на чувствѣ, а всякое чувство *субъективнымъ*. Ясно, что тутъ нѣтъ общей почвы не только для соглашенія, но и для полемики. Вопросъ въ томъ — вѣрить или не вѣрить въ объективность и общезначимость велѣній чувства „долга“. Кто не вѣритъ, того вѣрующій можетъ сколько угодно называть нравственнымъ идіотомъ, или существомъ, подобнымъ животному, какъ предпочитаютъ сдержанно выражаться наши идеалисты, — но опровергнуть не можетъ. Это съ несомнѣннымъ раздраженіемъ признаетъ и самъ Штаммлеръ. Какъ бы то ни было, еще со времени Шопенгауэра, который полагалъ, что „практическій разумъ“, „объективно-правильныя цѣли“ и прочія формулы кантіанской этики должны быть отнесены къ разновидностямъ деревяннаго желѣза, число людей, „подобныхъ животнымъ“, несомнѣнно возрастаетъ, и при томъ, къ сожалѣнію, среди самыхъ активныхъ и прогрессивныхъ элементовъ общества.

Итакъ, по вопросу о соціальномъ идеалѣ передъ нами обрисовываются двѣ рѣзко противоположныя точки зрѣнія. Одна принимаетъ, что для этого идеала „обосновка“ должна заключаться въ доказательствѣ того, что данный идеалъ есть „объективно-должное“ въ смыслѣ нравственной оцѣнки, а направленіе историческаго развитія здѣсь не при чемъ. Другая полагаетъ, что „обосновка“ идеала можетъ состоять только въ выясненіи его жизненной прогрессивности и исторической необходимости развитія, для личности же вопросъ субъективной оцѣнки чувства — принять или не принять этотъ идеалъ, бороться за него или нѣтъ. Казалось бы, эти двѣ точки зрѣнія настолько взаимно-непримиримы, что нельзя и представить себѣ какого-нибудь компромисса между ними. Однако, оказывается, это не такъ. Авторъ

статьи въ „Braun's Archiv'ѣ“ и здѣсь ухитряется найти и занять эклектическую позицію.

По его мнѣнію, наука должна, конечно, выяснять необходимость историческаго развитія, и на этомъ пути устанавливать соціальный идеалъ. Но всего она предусмотрѣть не въ состояніи, а потому, „будущее не сплошь окрашено для насъ цвѣтомъ необходимости“, и въ немъ остается еще кое-какое пространство для „свободнаго творчества“. На этомъ основаніи „утопія также имѣетъ свои права. Она представляетъ не вошедшій въ науку *автономный* остатокъ соціальнаго идеала... Утопія должна не противорѣчить наукѣ, но въ остальномъ она можетъ и должна быть автономною“ (стр. 703).

Итакъ, слабость нашего познанія, которое не въ силахъ полностью предугадать историческую необходимость будущаго, гарантируетъ намъ кусочекъ „свободы“ въ опредѣленіи нашего идеала, чѣмъ мы и можемъ воспользоваться для построеній „утопическаго“ характера. Авторъ статьи въ „Braun's Archiv'ѣ“ тогда признавалъ, что основныя черты соціальнаго идеала правильно выясняются историческими монистами съ точки зрѣнія исторической необходимости развитія: слѣдовательно, область „утопіи“ должна была, во-1-хъ, ограничиваться невыясненными частностями, во-2-хъ, суживаться по мѣрѣ болѣе точныхъ изслѣдованій въ томъ же направленіи. Другими словами: голова идеала, къ сожалѣнію, предопредѣлена выясненными тенденціями историческаго развитія; за то его хвостъ мы можемъ пока „свободно“ разукрашивать фантастическими перьями „утопіи“. Мы сомнѣваемся, чтобы столь умѣренный утопизмъ могъ особенно соблазнить кого-нибудь, кромѣ развѣ „малыхъ сихъ“ *).

Во всякомъ случаѣ, такой утопизмъ, при всей своей скромности, какъ нельзя болѣе „утопиченъ“, такъ какъ, основываясь исключительно на неполнотѣ познанія, онъ, очевидно, ничего кромѣ иллюзій создать не можетъ. Или, можетъ быть, г. Струве полагаетъ, что эта область невыясненнаго дѣйствительно *не подлежитъ* исторической необходимости? Повидимому, можно понять и такъ. Въ такомъ случаѣ, историческая философія г. Струве представляется въ слѣдующемъ видѣ: будущее частью опредѣляется необходимой связью причинъ и слѣдствій, частью—„свободными“ проявленіями нашей воли. Или, какъ говорилъ одинъ астрономъ XVII вѣка: „ядро кометы—безспорно, естественное явленіе, и нѣтъ никакихъ основаній считать его знаменіемъ Божьяго гнѣва,

*) Г. Струве не замѣчаетъ всей скромности своего „утопизма“, иначе онъ не могъ бы такъ презрительно отозваться о Бернштейнѣ: „Въ цѣломъ, это смѣшеніе плохо понятаго теоретическаго идеализма съ робкимъ практическимъ реализмомъ производитъ—пусть извинятъ мнѣ это выраженіе—производитъ впечатлѣніе нѣкотораго филистерства“ (стр. 702). Но въ какую злую иронію превратила затѣмъ жизнь эти слова! Вѣдь это—самое язвительное опредѣленіе нашихъ ex-марксистскихъ „идеалистовъ“.

но ея хвостъ, пожалуй что и можетъ быть признанъ таковымъ".

Возвратимся теперь къ исходной точкѣ положительныхъ и критическихъ построеній Штаммлера и его послѣдователей. Это—своеобразная концепція общества, которая является преобладающей за нѣсколько послѣднихъ вѣковъ—за всю эпоху буржуазной культуры; это именно *правовая* концепція общества. Сущность ея сводится къ слѣдующему.

Основою всякой общественной связи признается внѣшнее нормированіе вообще, и спеціально его типическая форма—право; принимается, что право, а не что-либо иное является конечнымъ регуляторомъ общественной жизни, что оно одно создаетъ объективное единство и закономѣрность соціальнаго бытія людей.

При этомъ, во-1-хъ, устраняется возможность искать соціальныхъ основъ правовой жизни гдѣ-либо глубже ея самой; область права разсматривается, какъ соціально-самостоятельная, и даже соціально-опредѣляющая для другихъ областей жизни людей. Во-2-хъ, дѣятельность законодателя пріобрѣтаетъ характеръ чистаго соціальнаго творчества съ особенной окраской „свободы": ея соціальная обусловленность причинами, лежащими *внѣ* правовой жизни, либо отвергается, либо становится неуловима.

Отсюда и вытекаетъ необходимость искать для развитія права *иную* закономѣрность, чѣмъ основные принципы познанія, чѣмъ необходимая связь причинъ и слѣдствій. На сцену выступаетъ „закономѣрность воли", „принципъ практическаго разума", „этическій идеалъ права", и т. д. На этой основѣ выросла *современная школа естественнаго права*, однимъ изъ представителей которой является и Штаммлеръ.

Говоря словами г. П. Новгородцева, одного изъ болѣе видныхъ русскихъ сторонниковъ этой школы, она характеризуется „апріорною методою, идеальными стремленіями, признаніемъ самостоятельнаго значенія за нравственнымъ началомъ и нормативнымъ разсмотрѣніемъ" („Проблемы идеализма", стр. 250). За исключеніемъ того, что „идеальныя стремленія" трудно считать *отличительной* чертою этой школы по сравненію съ ея современными противниками, характеристика достаточно точная, и ясно указывающая на логическую связь идей этой школы съ нормативной или, что то же, правовой концепціей общества.

„Вопросъ естественнаго права,—по словамъ того же г. Новгородцева,—состоитъ... вовсе не въ томъ, чтобы дать теорію правообразованія, *объясняющую* естественное развитіе правовыхъ институтовъ, а въ томъ, чтобы установить моральныя требованія, *предписывающія* идеальные пути развитія... Здѣсь необходимо обратиться къ апріорнымъ указаніямъ нравственнаго сознанія, которое въ своемъ независимомъ отъ всякаго опыта существѣ содержитъ данныя для оцѣнки любого опытнаго матеріала" (стр. 255, passim.). Къ сожалѣнію, почтенные теоретики школы не ограничиваются

невинными „предписаніями путей“ на основаніи „апріорныхъ указаній“, но постоянно превращаютъ означенныя „указанія“ въ принципъ „объясненія“ правовой жизни (стр. 270), ея „изслѣдованія“, ея „изученія“ (стр. 273) и т. д.—словомъ, въ принципъ *познавательный, конкуррирующій съ принципомъ причинности*. Здѣсь ихъ дѣятельность становится научно-реакціонною. Всего ярче это выражается въ ихъ борьбѣ противъ эволюціонизма, которому они упорно стремятся предписать „границы“.

Намъ нѣтъ возможности спеціально обсуждать здѣсь построенія этой школы: ясно, что они сохраняются или падаютъ вмѣстѣ съ ихъ общей основой—правовой концепціей общества. Для нашей цѣли достаточно было противопоставить ей *концепцію трудовую*.

Трудовая концепція общества видитъ въ соціальной жизни коллективно-трудовой процессъ борьбы людей за жизнь и развитіе, и признаетъ, что этимъ *содержаніемъ* соціальной жизни опредѣляются развитіе ея *формъ*. Въ правовыхъ и всякихъ иныхъ нормахъ она усматриваетъ только *организующія приспособленія*, выработанныя въ этомъ трудовомъ процессѣ, и имѣющія лишь условное и временное значеніе. Абсолютный идеалъ права для нея—логическое противорѣчіе, потому что въ самомъ правѣ она не находитъ ничего абсолютнаго. „Безконечное“ развитіе правовыхъ отношеній ее не прельщаетъ, такъ какъ она не можетъ принципіально отвергать вѣроятности соціальнаго развитія за предѣлы самой формы права. Практическая же сторона вопроса о правовомъ развитіи для трудовой концепціи заключается не въ томъ, чтобы a priori „предписывать пути“ правового развитія, а въ томъ, чтобы, анализируя дѣйствительность, выяснять и затѣмъ активно осуществлять такія правовыя формы, которыя наиболѣе способны облегчить прогрессивное развитіе общественно-трудового процесса. Съ этой точки зрѣнія исканіе новыхъ правовыхъ формъ должно происходить въ свѣтѣ болѣе широкаго соціальнаго идеала, чѣмъ чисто-правовой.

Н. Корсакъ.

Возстановленіе разрушенной эстетики.

(Къ критикѣ идеалистическихъ вѣяній въ новѣйшей русской литературѣ).

Существуетъ старинный историко-критическій пріемъ, согласно которому смѣна литературныхъ школъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: въ опредѣленный моментъ господствующая школа оказывается завершившей кругъ своего развитія; она высказала все, что могла высказать, создала рядъ художественныхъ образовъ, типовъ и концепцій, какіе только могла создать; ей ничего болѣе не остается, какъ повторять уже пройденное, какъ предлагать читающей публикѣ плоды шаблоннаго творчества; публика начинаетъ ею тяготиться; наступаетъ литературный кризисъ; зарождается новое литературное теченіе, опирающееся на діаметрально противоположныя предпосылки.

Такъ, переходъ отъ романтизма къ реализму, имѣвшій мѣсто въ срединѣ XIX столѣтія, объясняется старческимъ вырожденіемъ перваго. Романтизмъ сдѣлалъ свое дѣло, освободилъ искусство отъ узъ классической догматики, открылъ новые эстетическіе горизонты, далъ извѣстное количество шедевровъ, и затѣмъ его творческія силы изсякли, интеллигентное общество утомилось его фантасмагоріями и почувствовало потребность въ иномъ искусствѣ — искусствѣ „дѣйствительной“ жизни... Или, знаете, почему на смѣну классической комедіи явилась „мѣщанская драма“ (comedie larmoyante)? потому что обществу надоѣло смѣяться и захотѣлось слезъ! *)

Просто и удобно. Такая „стихійная“ точка зрѣнія не требуетъ отъ критиковъ проникновенія въ глубь историческихъ движеній и въ то же время даетъ возможность замаскировать, при случаѣ, истинный смыслъ и цѣнность той или другой „идеологіи“.

---

*) Такое объясненіе предложено благодушнымъ историкомъ французской литературы, извѣстнымъ Лансономъ.

Истинная цѣнность каждаго литературнаго теченія выясняется, прежде всего, соціально-генетическимъ анализомъ. Соціально-генетическій анализъ—вотъ тотъ единственный свѣточъ, который, будучи направленъ на темные углы царства художественныхъ идеологій, позволяетъ разглядѣть за эстетическими и идеалистическими туманами контуры реальныхъ предметовъ, за сложной, иногда капризной игрой художественныхъ образовъ и идей — столкновеніе „матеріальныхъ" стремленій и интересовъ.

Понять литературное теченіе — значитъ установить его зависимость отъ опредѣленной общественной группы. Оцѣнить его—значитъ произвести его учетъ на основаніи того удѣльнаго вѣса, который данная группа имѣетъ въ общей экономикѣ соціальной жизни. Степень прогрессивности данной группы служитъ показателемъ объективнаго значенія литературной школы, этой группой созданной; и при разсмотрѣніи вопроса о смѣнѣ школъ можетъ явиться единственнымъ надежнымъ свидѣтельствомъ передъ судомъ критики.

Но такой путь критическаго изслѣдованія литературы далеко еще не является общепринятымъ. Его избѣгаютъ и отвергаютъ естественнымъ образомъ представители тѣхъ литературныхъ теченій, для которыхъ онъ неудобенъ, — принципіальную слабость и непрогрессивность которыхъ онъ могъ бы обнаружить. Такое отрицаніе единственно научнаго метода критики лишь рѣдко бываетъ сознательнымъ, основаннымъ на служеніи опредѣленнымъ интересамъ; чаще оно опирается на недостатокъ сознательности—на полную недоступность новыхъ формъ мышленія людямъ, закостенѣвшимъ въ старыхъ Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ на сцену выступаютъ одни и тѣ же традиціонные пріемы литературно-критическаго объясненія: это—апелляція къ „абсолютному", къ стихійному, или ссылка на произвольную игру чувствъ и аффектовъ читающей публики.

Именно такъ поступаютъ теоретики новѣйшаго литературнаго перелома,—смѣны реалистическаго искусства—романтическимъ и „идеалистическимъ", смѣны идейнаго „гражданскаго" искусства—„свободнымъ", „аморальнымъ", „аполитическимъ". Новѣйшія литературныя вѣянія завербовали себѣ цѣлую армію апологетовъ различныхъ оттѣнковъ. Есть въ этой арміи и прямолинейные энтузіасты-новобранцы, sturm-und-dränger'ы „новыхъ истинъ", есть и умѣренныя натуры, проповѣдующія компромиссъ, есть, наконецъ, ветераны, посѣдѣвшіе въ литературныхъ бояхъ, заявляющіе о своихъ симпатіяхъ новымъ вѣяніямъ робко, издалека. Но всѣ они, въ своей апологіи литературнаго поворота, пользуются одними и тѣми же основными тезисами.

Вотъ два случая изъ ихъ практики.

Ницшеанствующій г. Невѣдомскій ратуетъ за „свободное"

искусство *): господствовавшую до настоящаго времени литературную школу онъ, призывая авторитетъ главы французской импрессіонистической критики, опредѣляетъ какъ школу проповѣдническаго, „жреческаго", тенденціознаго искусства.

„Жюль Леметръ говоритъ въ своей статьѣ „Literatures du Nord", что русская художественная литература всегда поражала его одной особенностью: при чтеніи ему всегда слышался рядомъ съ голосомъ художника еще голосъ проповѣдующаго священника. Замѣчаніе очень мѣткое и заслуживающее серьезнаго вниманія. Европейское ухо вѣрно уловило отличительную черту нашего художественнаго творчества".

И г. Невѣдомскій ставитъ вопросъ: „не начинаетъ ли эта нота *утомлять* ухо современнаго читателя"? на что спѣшитъ отвѣтить въ положительномъ смыслѣ. По его мнѣнію, современная русская интеллигенція чувствуетъ „*усталость* отъ идейнаго искусства"; искусство это даетъ нынѣ лишь стереотипныя, „напередъ извѣстныя поученія и мысли", т. е. выродилось въ шаблонное творчество. Успѣхъ произведеній новаго стиля опредѣляется именно подобнаго рода „усталостью".

И г. Невѣдомскій пытается узаконить обращеніе „усталой" интеллигенціи къ новому литературному „credo": онъ указываетъ на фактъ роста общественной жизни и дѣлаетъ выводъ, что русскіе интеллигенты уже могутъ позволить себѣ отдыхъ отъ гражданскихъ мотивовъ въ искусствѣ; могутъ уже наслаждаться художествомъ, отвѣчающимъ индивидуальнымъ потребностямъ...

Другой примѣръ. Считавшійся сторонникомъ „реалистическаго" искусства, г. Скабичевскій, около двухъ лѣтъ тому назадъ выступилъ съ похвальнымъ словомъ новымъ литературнымъ вѣяніямъ. Правда, это была далеко не рѣшительная похвала, похвала съ большими оговорками, но она очень характерна, какъ „признакъ времени" **).

Современный литературный кризисъ, въ его глазахъ, исчерпывается крушеніемъ „натурализма". Натурализмъ, въ свое время спасшій искусство отъ односторонняго увлеченія „чудесными", мистическими элементами, не избѣжалъ самъ односторонностей. Провозгласивши требованіе изображать только типическое, только обыденное „дѣйствительной" жизни, онъ тѣмъ самымъ изгналъ со столбцовъ художественной литературы все субъективное и поэтическое. Ограниченные въ своемъ кругозорѣ созерцаніемъ „дрязгъ повседневной жизни", беллетристы начали писать по трафареткамъ и обратились въ холодныхъ протоколистовъ.

„Изъятіе изъ области творчества, съ одной стороны, всего конкретнаго, случайнаго, съ другой—поэтическаго, наконецъ, тре-

---

*) См. его статьи „О современномъ художествѣ": „Міръ Божій", 1903 апрѣль.

**) Статья „Новыя теченія въ современной литературѣ": „Русская мысль", 1901 г., ноябрь.

бованіе, чтобы беллетристы были непремѣнно зашнурованы въ корсетъ холоднаго, объективнаго протоколизма, все это легло на искусство гнетомъ узкаго односторонняго и нетерпимаго деспотизма, нисколько не въ меньшей мѣрѣ, если не въ большей степени, чѣмъ и всѣ предыдущія школы".

Интеллигентное общество ничего не стало выносить отъ натуралистическихъ произведеній, кромѣ *„скуки"*. И противъ „скучнаго" объективнаго протоколизма возникла реакція, на знамени которой написано „поэтическое" и „субъективное".

Мы не будемъ здѣсь распространяться о томъ, насколько вѣрную оцѣнку господствовавшей литературной школы сдѣлали и г. Скабичевскій, и г. Невѣдомскій, и насколько правы были — г. Невѣдомскій, покрывая понятіе идейной, гражданской литературы терминомъ тенденціознаго искусства, а г. Скабичевскій, отождествляя реализмъ съ „протокольнымъ" натурализмомъ. Намъ важно, въ данномъ случаѣ, лишь усвоенное ими объясненіе процесса смѣны литературныхъ вѣяній. И въ дѣлѣ этого объясненія представители двухъ различныхъ поколѣній интеллигенціи и двухъ различныхъ интеллигентныхъ міросозерцаній подали другъ другу руки. Имманентное развитіе литературныхъ явленій, старческая дряхлость господствовавшей школы и „усталость" интеллигенціи отъ нея—таковы ихъ общіе аргументы. Отъ анализа реально-групповой и классовой подпочвы литературной смѣны оба критика держатся въ своихъ статьяхъ на почтительномъ разстояніи.

Иначе имъ и нельзя. Г. Невѣдомскій—проповѣдникъ автономіи „цѣльно и всесторонне развивающейся человѣческой личности", поторопившійся даже изобразить картину текущей общественной жизни далеко не въ надлежащихъ краскахъ, повинуясь желанію поскорѣе узаконить „индивидуальныя" переживанія. Прежде чѣмъ выступить съ похвальнымъ словомъ новымъ вѣяніямъ, г. Скабичевскій заявилъ себя также сторонникомъ „индивидуальныхъ переживаній": онъ осудилъ интеллигенцію за то, что она чуждается „радостей" жизни, приноситъ на алтарь общаго блага личное счастье, дѣлаетъ изъ служенія „идеѣ" исключительную задачу своего существованія *).

Снисходить до анализа реальной подпочвы для индивидуалистически настроенныхъ критиковъ означало бы заниматься самокритикой и самообвиненіемъ. Какъ и откуда „пошла, есть и стала быть" апологія чистаго индивидуализма, лежащая въ основѣ новоромантической литературы и новаго, „свободнаго" искусства? Да, это вопросъ очень непріятный, очень тяжелый для защитниковъ новыхъ вѣяній въ литературѣ. Лучше и легче для нихъ отдѣлываться отъ этого вопроса общими фразами и отвлеченными формулами.

*) „Аскетическіе недуги въ нашей современной передовой интеллигенціи". („Русская Мысль", 1900 г., окт.—ноябрь.).

Лучше и легче, напр., довольствоваться слѣдующаго рода изложеніемъ *) „исторіи“ новыхъ элементовъ русской литературы: былъ Тургеневъ, еще въ шестидесятыхъ годахъ разорвавшій съ „постылымъ прошлымъ“, начавъ писать „полуреалистическія, полусимволическія“ произведенія; былъ Гаршинъ, внесшій въ литературу струю психологически-индивидуальнаго направленія; былъ Надсонъ, узаконившій поэзію „настроеній“; существуетъ Владиміръ Короленко, очаровавшій въ восьмидесятыхъ годахъ читателей „поэтической экстраординарностью своихъ образовъ“; существуетъ Антонъ Чеховъ, крайне субъективный художникъ; существуетъ Максимъ Горькій, яркій романтикъ; существуютъ декаденты, играющіе „почтенную роль тѣхъ первыхъ протестантовъ и піонеровъ, которые, движимые однимъ лишь слѣпымъ и чисто стихійнымъ побужденіемъ... бросаются отважно въ открытое море на утлыхъ челнахъ и гибнутъ“... усиліями названныхъ художниковъ слова и производилась закладка зданія „новаго искусства“.

Лѣтописнымъ записямъ далеко до научной исторіи. Но надъ уровнемъ лѣтописнаго повѣствованія критики, чувствующіе склонность къ „индивидуализму“, подняться не въ силахъ: избѣгая разсматривать литературныя явленія, какъ продукты разныхъ формъ классоваго сознанія, эти критики обречены исповѣдывать культъ героевъ искусства... А между тѣмъ даже ограничиваясь изученіемъ литературной дѣятельности перечисленныхъ г. Скабичевскимъ писателей, если только отрѣшиться отъ точки зрѣнія индивидуалистической психологіи, можно было бы достаточно точно уяснить себѣ источники зарождающихся „вѣяній“ и пріобрѣсти надежный критерій для оцѣнки послѣднихъ.

Но, повторяемъ, сдѣлать уклоненія въ сторону реалистическаго анализа критики-апологеты новыхъ вѣяній не могутъ изъ чувства самосохраненія. Имъ пришлось бы въ данномъ случаѣ убѣдиться, что защищаемые ими „новые“ взгляды на литературу отнюдь нельзя назвать передовыми, что боевой лозунгъ „свобода“ творчества, „субъективное въ искусствѣ“ рожденъ интересами обанкротившихся, капитулировавшихъ передъ требованіями „дѣйствительности“, и частью реакціонныхъ общественныхъ группъ.

I.

Охарактеризуемъ ближе методъ реалистической критики.

Изученіе соціальнаго строенія интеллигентныхъ ячеекъ, въ нѣдрахъ которыхъ развивается то или другое литературное „вѣяніе“, изученіе ихъ роста, столкновеніе между собою и съ дру-

*) Изложеніе принадлежитъ перу г. Скабичевскаго.

гими общественными тѣлами, изученіе ихъ побѣдъ и пораженій— вотъ съ чего долженъ начать историкъ литературы. Затѣмъ, основываясь на добытыхъ подобнаго рода изученіемъ данныхъ, критикъ долженъ приступать къ анализу литературныхъ вѣяній, какъ идеологическихъ приспособленій, выработанныхъ тѣми или другими интеллигентными группами *).

Зарожденіе, ростъ, смѣна, крушеніе литературныхъ теченій свидѣтельствуютъ о соотвѣтствующихъ перемѣнахъ въ строеніи и соотношеніи интеллигентныхъ ячеекъ.

Положимъ, господствуетъ литературная школа, точно и опредѣленно выразившая свое художественное profession de foi: это значитъ, что существуетъ интеллигентная группа опредѣленнаго однороднаго соціальнаго состава. Въ господствующей школѣ происходитъ броженіе: это значитъ, что составъ группы обновляется элементами новаго соціальнаго происхожденія. Зарождается новое литературное теченіе: это значитъ, что новые элементы имѣются уже въ достаточномъ количествѣ и успѣли достаточно организоваться, достаточно прониклись своимъ „групповымъ“ сознаніемъ. Новозарожденная школа вступаетъ въ состязаніе съ господствовавшимъ до сихъ поръ направленіемъ литературы: новые элементы выдѣляются въ самостоятельный общественный агломератъ. Происходитъ литературная „смѣна“: старые элементы теряютъ преобладающее значеніе, сходятъ со сцены, растворяются въ новообразовавшемся агломератѣ или приспособляются къ другимъ интеллигентнымъ ячейкамъ.

При такой постановкѣ вопроса понятіе процесса литературной эволюціи теряетъ „стихійный“ и анекдотическій лѣтописный характеръ, какой ему приписывается критиками старой школы и современными критиками-индивидуалистами: черезъ изученіе соціальной подпочвы—опредѣляющейся, съ своей стороны, состояніемъ производственныхъ отношеній, и, въ конечномъ счетѣ, развитіемъ производительныхъ силъ—процессъ этотъ представляется органическимъ звеномъ обще-историческаго движенія.

Иллюстрируемъ нашъ тезисъ обзоромъ смѣнъ направленій въ русской литературѣ XIX столѣтія.

Это столѣтіе начало съ отрицанія завѣтовъ реалистической культуры „просвѣтительной“ эпохи. На его рубежѣ закатывалась звѣзда „вольтерьянства“, угасала горячая вѣра во всемогущество разума, развѣнчивались идеалы матеріализма и деизма, „просвѣтительная“ литература подвергалась осмѣянію; она начинала казаться „мелкой и безстыдной, какъ и сами люди XVIII вѣка“.

---

*) Говоря объ интеллигентныхъ группахъ и ячейкахъ, мы, конечно, имѣемъ въ виду и интеллигентные кадры, выдѣляемые различными такъ назыв. „народными“ слоями, т. е. напр., среднимъ или мелкимъ крестьянствомъ, городскимъ пролетаріатомъ, мелкимъ бюргерствомъ. Наростаніе интеллигентныхъ группъ въ средѣ этихъ слоевъ—непремѣнное условіе созданія литературы соотвѣтствующей идеологіи.

Наступили „сумерки кумировъ“ и наступили потому, что оздалось новое „общество“, народилась новая интеллигенція, овершенно иного соціальнаго состава, чѣмъ та, которая фигуировала на исторической авансценѣ въ концѣ XVIII столѣтія.

Интеллигенція, вызванная къ жизни экономическими и общественными передвиженіями „просвѣтительной“ эпохи, представляла изъ себя довольно пеструю толпу. Въ этой толпѣ сынъ рестьянина стоялъ рядомъ съ сыномъ мелкаго дворянина, сынъ вященника рядомъ съ сыномъ какого-нибудь лѣкаря-саксонца, ынъ чиновника рядомъ съ сыномъ мѣщанина или приказчика. Io вся эта толпа объединена общими интересами, имѣетъ общихъ рузей и враговъ, выполняетъ общую работу. Ею руководитъ азночинецъ-труженикъ на поприщѣ оффиціальныхъ общественыхъ преобразованій. Онъ количественно преобладаетъ, онъ сообщаетъ всей толпѣ умѣренно раціоналистическое и умѣренно птимистическое міросозерцаніе.

Прошедшій трудную жизненную школу, всѣмъ въ жизни бязанный исключительно своимъ умственнымъ дарованіямъ и рудовой энергіи, онъ выше всего на свѣтѣ цѣнитъ умъ и активость, невѣжество его злѣйшій врагъ: оно символъ гибели, символъ отживающей старины. Онъ свято вѣруетъ въ науку; она олжна принести ему побѣду. Протестующій противъ привилегій „родовитыхъ“ общественныхъ группъ, онъ усваиваетъ теорію „естественнаго права“. Въ даль будущаго онъ смотритъ бодро. Эна рисуется ему идилліей развитой городской цивилизаціи и ирнаго, постепеннаго, экономическаго, общественнаго, политиескаго прогресса.

Онъ сторонникъ раціонализма въ искусствѣ, раціонализма „дѣловаго“, утилитарнаго, поучающаго: таковъ ложный классиизмъ на русской территоріи.

Въ началѣ XIX вѣка интеллигентъ-разночинецъ перестаетъ а время играть первенствующую роль, стушевывается на время въ толпѣ интеллигентовъ дворянъ. Если онъ изрѣдка заявляетъ о своемъ существованіи, то долженъ дѣлать это робко, поддѣлываясь подъ общій тонъ и вкусы доминирующей интеллигенціи; въ противномъ случаѣ даже либеральные писатели упоминаемой эпохи окрестятъ его презрительной кличкой „семинариста“ или „торгаша“ *).

Мы не будемъ вскрывать здѣсь тѣхъ причинъ, которыя создали новую интеллигенцію: вскрытіе этихъ причинъ заставило бы насъ сдѣлать пространную характеристику развитія крѣпостническихъ отношеній въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. Во всякомъ случаѣ, появленіе кадровъ новой интеллигенціи есть историческій фактъ. Земледѣльческій классъ принужденъ былъ разстаться съ традиціями архаической культуры. Новые устои

*) Случаи съ Надеждинымъ и Н. Полевымъ.

жизни потребовали отъ него, чтобы онъ лучше вооружился въ борьбѣ за существованіе. Передъ землевладѣльцами всталъ неотвязный вопросъ о повышенномъ уровнѣ образованности. Правительственный указъ (1803 г.) гласилъ: „ни въ какой губерніи никто не будетъ опредѣленъ къ гражданской должности, требующей юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ ученія въ „общественномъ или частномъ училищѣ".

Дворянство оставило систему примитивнаго домашняго воспитанія. Питомцы деревни устремились въ городъ. Частные пансіоны, гимназіи, университеты начали образовывать поколѣнія новой интеллигенціи.

Изъ провинціальной глуши пришельцы принесли съ собою запасъ своеобразныхъ впечатлѣній, настроеній, вѣрованій *). Проводя первые годы дѣтства и отрочества въ деревнѣ, они пріучились любить природу; окруженные штатомъ нянекъ и дядекъ, этихъ патріархальныхъ воспитателей, они проникались пристрастіемъ къ „простотѣ патріархальныхъ отношеній"; нянюшкины сказки поселяли въ нихъ склонность уноситься воображеніемъ въ міръ фантазіи; патріархальная среда развивала въ нихъ также религіозное чувство. Безсистемность первоначальнаго воспитанія, шумная и безпорядочная жизнь помѣщичьей усадьбы награждала ихъ безпокойной, не способной къ упорному, требующему продолжительнаго вниманія труду, мечущейся изъ стороны въ сторону натурой.

Режимъ городской цивилизаціи не въ состояніи перевоспитать ихъ натуру, дисциплинировать ихъ чувства, внушить имъ безграничное уваженіе ко „всемогущему" разуму, направить ихъ на путь упорнаго труда и активной энергіи. Городская обстановка не внушаетъ имъ довѣрія. Они не чувствуютъ себя „господами исторіи".

Они попали въ общество, которое живетъ и развивается по какимъ-то непонятнымъ для нихъ „желѣзнымъ" законамъ. Въ тѣхъ аристократическихъ и бюрократическихъ салонахъ, которыми ограничивается ихъ ближайшій кругозоръ, они не видятъ ни малѣйшаго отраднаго явленія. Ихъ чувствительное сердце оскорбляется холодной и бездушной толпой, наполняющей эти салоны. Исполненные „безкорыстныхъ душевныхъ порывовъ", томимые жаждой „вѣчной" любви, „вѣчной" дружбы, они встрѣчаютъ лишь „измѣну", „предательство", „клевету ядовитую", „холодный разсчетъ". А за предѣлами салоновъ еще хуже: тамъ они замѣчаютъ лишь фигуры дѣльцовъ-капиталистовъ, тамъ царство плоскаго матеріализма и утилитаризма; тамъ процвѣтаетъ „мануфактурная" религія, мануфактурная нравственность, мануфактур-

*) См. книгу П. Мизинова „Исторія и поэзія. Историко-литературные этюды", стр. 333—389, гдѣ дается характеристика дворянина-студента начала XIX вѣка.

ная философія; тамъ душа человѣка превращена въ „паровую машину"; и въ этой машинѣ видны лишь „винты и колеса, но жизни не видно".

И близь и даль ихъ наблюденій надъ „обществомъ", такимъ образомъ, не предрасполагаютъ ихъ къ оптимизму. Изъ „обрывковъ" дѣйствительности, передъ лицомъ которыхъ они, эти тепличныя растенія, стоятъ, представленія о прогрессѣ имъ получить нельзя. Они теряютъ вѣру въ „человѣчество". Они проникаются боязнью передъ „цивилизаціей". Они бѣгутъ отъ „толпы" и въ своемъ бѣгствѣ то думаютъ найти утѣшеніе на лонѣ природы и вмѣстѣ съ пушкинскимъ Алеко отправляются кочевать по привольному простору южныхъ степей; то вмѣстѣ съ Лермонтовымъ вознаграждаютъ себя созерцаніемъ панорамъ „страны чудесъ", „золотого Востока", то вмѣстѣ съ Жуковскимъ уносятся въ таинственный міръ кладбищенскихъ привидѣній, то вмѣстѣ съ Марлинскимъ мечтаютъ найти забвеніе въ разгулѣ титаническихъ страстей, то вмѣстѣ съ Подолинскимъ тоскуютъ по царству божественныхъ „Пери", то вмѣстѣ съ Чаадаевымъ упиваются поэзіей католицизма, то вмѣстѣ съ Вл. Одоевскимъ утѣшаются игрой метафизическихъ настроеній, то съ Веневитиновымъ грезятъ о мірѣ лучезарной, нетлѣнной красоты. Однимъ словомъ, они стараются замкнуться въ родномъ для нихъ мірѣ чувства и фантастики; умомъ, „холоднымъ разсудкомъ", не приносящимъ для нихъ ничего, кромѣ разочарованія, они жить не хотятъ и не могутъ.

Въ „*романтическомъ*" искусствѣ, съ его культомъ „запредѣльнаго", экскурсіями въ область „экзотическихъ" странъ и лирикой субъективныхъ переживаній находитъ себѣ литературное выраженіе ихъ аристократическій индивидуализмъ *).

Романтическая эпопея продолжалась недолго. Въ „николаевскую" эпоху интеллигенція мало-по-малу начинаетъ мѣнять свою физіономію: разночинецъ снова начинаетъ завоевывать потерянное имъ значеніе: за него стоитъ экономическая эволюція, направляющаяся на путь капитализма, медленно, но вѣрно расшатывающая устои крѣпостническаго хозяйства и патріархальныхъ отношеній.

По мѣрѣ того, какъ разночинецъ одерживаетъ побѣду, бѣгство изъ міра дѣйствительности въ міръ фантазіи, и культъ чувства постепенно отходятъ въ область преданій. Интеллигентъ приближается къ „толпѣ", производитъ новую оцѣнку дѣйствительности. Правда, романтизмъ еще не окончательно складываетъ оружіе

---

*) Такъ называемое *сантиментальное* направленіе, *на русской почвѣ*, также служило интересамъ дворянской идеологіи; это—направленіе промежуточнаго періода, т. е. періода, когда дворянская интеллигенція не вступала еще en masse на историческую авансцену и происходило предварительное броженіе элементовъ въ составѣ интеллигентнаго „общества" конца „просвѣтительнаго" вѣка.

передъ *реалистическимъ міросозерцаніемъ*; правда, онъ снова дѣлаетъ попытку расцвѣсти въ „сороковые" годы: но это его осенніе цвѣты. Если романтики „сороковыхъ" годовъ и заявляютъ, что „прекрасное ихъ жизни не отъ міра сего", то все же они не относятся къ этому міру съ титаническимъ презрѣніемъ: напротивъ, любятъ его, болѣютъ его страданіями. Если они и увлекаются идеалистической философіей, то предметомъ ихъ увлеченія являются не шеллингіанскій романтизмъ, а гегеліанскій „раціонализмъ" *).

Они наполовину порвали со стариной. Окончательный разрывъ съ романтизмомъ у интеллигенціи произошелъ на закатѣ сороковыхъ годовъ. Тогда романтизмъ предается осужденію, какъ болѣзненный продуктъ крѣпостническаго строя. Тогда получаетъ права гражданства теорія естественнаго развитія. Тогда осмѣиваются идеалистическая отрѣшенность отъ дѣйствительности, скорбь „одинокихъ душъ", аристократическій индивидуализмъ романтиковъ. Тогда „обыкновенный" человѣкъ признается достойнымъ героемъ литературы. Тогда интеллигенція старается находить пути къ положительному рѣшенію общественныхъ вопросовъ. Она вдохновляется демократическими симпатіями. Она вѣритъ въ свои творческія способности и ищетъ себѣ помощниковъ. Какъ разъ туда, гдѣ романтики видѣли только царство утилитаризма и матеріализма, интеллигенты конца сороковыхъ годовъ смотрятъ исполненные большихъ надеждъ.

Утилитаризмъ имъ не страшенъ. Въ лицѣ „мануфактуристовъ" они видятъ лишь воплощеніе энергіи и „разумнаго эгоизма", который они сами исповѣдуютъ. Они привѣтствуютъ нарождающуюся буржуазію, какъ классъ, не похожій на классъ крѣпостниковъ и обѣщающій свѣтлую, богатую поступательными шагами будущность. На зарѣ новыхъ общественныхъ отношеній они считаютъ буржуазію союзникомъ.

Но разрывая съ завѣтами „феодальнаго" міросозерцанія, реализмъ въ сороковые (и пятидесятые) годы не произнесъ своего рѣшительнаго слова. Составъ интеллигентной ячейки продолжаетъ еще включать въ себѣ значительное число неразночинскихъ элементовъ. Проповѣдниками разночинской „идеологіи" выступаютъ, въ многихъ случаяхъ, интеллигенты феодальнаго происхожденія. И въ своей *массѣ* передовая интеллигенція сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ не проникнута духомъ безусловно ригористическаго отрицанія старыхъ культурныхъ вѣяній. Въ глубинѣ своей психологіи она сохранила кое-какіе отголоски симпатій прошлаго: напр., отъ пристрастія къ эстетизму она не можетъ

---

*) Романтики стараго покроя цѣнили Шеллинга именно за апологію „непосредственнаго чувства", и когда имъ пришлось ознакомиться съ системой Гегеля, они отрицательно отнеслись къ послѣднему, найдя его крайнимъ *раціоналистомъ*. (Ср. „Русскія ночи" Вл. Одоевскаго).

отдѣлаться *). Далѣе, рѣзкой розни между передовымъ реализмомъ и реалистически настроенными представителями оппортюнистическихъ общественныхъ группъ не проявлялось. Въ продолженіе нѣкотораго времени будущіе враги уживаются подъ общимъ знаменемъ натуральной школы **).

Это эпоха реализма „классиковъ" русской художественной литературы.

Наступили „шестидесятые годы". Ряды интеллигенціи пополнились въ такой степени, какъ никогда прежде, лицами, вышедшими изъ непривилегированныхъ классовъ. И разночинская „идеологія" никогда раньше не отливалась въ такія опредѣленныя, яркія формы.

Мыслящій пролетарій-разночинецъ первый разъ въ русской исторіи почувствовалъ себя совершенно полноправнымъ членомъ общества. Теперь онъ былъ диктаторомъ интеллигенціи.

Онъ провозгласилъ теорію „критически мыслящей *личности*", вершающій судьбы исторіи. Въ этой теоріи нашли себѣ санкцію тѣ условія, которыя доставили группѣ разночинцевъ побѣду въ борьбѣ за существованіе: настойчивость и энергія, „постоянное бодрствованіе" ума, необходимость повѣрять каждый свой шагъ, зорко присматриваться къ лагерямъ друзей и противниковъ, необходимость воспитывать постоянно свой душевный міръ, освобождая его отъ всѣхъ переживаній, могущихъ являться лишнимъ балластомъ, увлекать въ сторону отъ „строительства" жизни и способствовать пораженію группы и, слѣдовательно, общественному регрессу. Разночинецъ дѣлаетъ свой міръ недоступнымъ для всѣхъ тѣхъ чувствъ и наклонностей, которыми жили мало энергичные, пассивно покоряющіеся судьбѣ, не умѣющіе за себя постоять, легко поддающіеся гипнозу застоя питомцы дворянскихъ гнѣздъ. Онъ осуждаетъ эти чувства и наклонности, какъ противообщественное преступленіе. Онъ отвергаетъ фантазію, чистую поэзію и эстетику; онъ не позволяетъ инстинктамъ и „чувствамъ" безконтрольно властвовать надъ его поступками. Ученіе о „разумномъ эгоизмѣ" (т. е. ученіе объ освобожденіи „личности" отъ излишка внутреннихъ переживаній) получаетъ свое высшее развитіе.

Стоитъ только захотѣть, стоитъ только отрѣшиться отъ старыхъ „привычекъ"— и двери свѣтлаго будущаго открыты, исторія пойдетъ по новому руслу, направляемая „мыслящей личностью".

Создается система новаго индивидуализма". И разночинскій индивидуализмъ на первыхъ порахъ не признается противорѣ-

---

*) О чемъ свидѣтельствуетъ примѣръ даже наиболѣе типичнаго „разночинца" сороковыхъ годовъ—Бѣлинскаго.

**) Такъ, страницы „Современника" были открыты, напр., для Гончарова или Никитина съ ихъ проповѣдью умѣренно-аккуратнаго реализма и для Некрасова и Герцена...

чащимъ предпосылкамъ общественнаго міровоззрѣнія, усвоеннаго „шестидесятниками“, точнѣе—представленію объ историческомъ процессѣ, какъ продуктѣ массовыхъ передвиженій, и объ опредѣляющемъ значеніи соціальной среды, т. е. общественному детерминизму.

Неразвитость общественно-экономическихъ отношеній оставляла не вскрытымъ это противорѣчіе. Благодаря данной неразвитости мыслящіе „реалисты“ не могли выработать классоваго пониманія исторіи. Даже въ своей критикѣ „феодальной“ психологіи они, руководствуясь голосомъ группового антагонизма, въ то же время прибѣгали къ „общимъ“ формуламъ.

Феодольная психика объяснялась ими не какъ необходимое слѣдствіе извѣстнаго классоваго развитія, а какъ болѣзненное уклоненіе въ сторону отъ типа общечеловѣческой психики, которое легко можно уврачевать. Мысль о возможности отказа отъ групповыхъ интересовъ лежитъ въ основѣ всѣхъ надеждъ ихъ на будущее, ихъ „утопизма“.

Расцвѣтъ разночиннаго „индивидуализма“ не былъ продолжителенъ. Хотя до обнаруженія его теоретической несостоятельности и было еще далеко, хотя даже въ послѣдующую „сумеречную“ эпоху его предпосылки послужили матеріаломъ для созданія цѣлой научно-философской системы *), но вскорѣ уже подорвана была вѣра въ его практическую жизнеспособность: критически мыслящая личность оказалась непризванной властно распоряжаться судьбами исторіи.

Тѣмъ временемъ на историческую сцену выступили новые элементы разночинной интеллигенціи. Виднѣйшіе теоретики рѣшительной схватки съ преданіями „феодальной“ старины не принадлежали къ низшимъ слоямъ разночиннаго общества. Теперь среда мелкаго духовенства и мелкаго мѣщанства выкинула изъ своихъ нѣдръ интеллигентовъ-пролетаріевъ. Воспитывавшіеся въ атмосферѣ непрерывныхъ безсильныхъ страданій и безсильнаго озлобленія, съ дѣтства забитые и униженные, они не раздѣляли оптимизма первоучителей разночинской догмы. Побѣдителями себя на жизненномъ пиру они не чувствовали, вѣрой во всеспасающее значеніе „цѣльной“ личности не были проникнуты. Они, напротивъ, по выраженію ихъ самаго искренняго идеолога **), бѣжали отъ своей личности и личности каждаго отдѣльнаго человѣка, дабы „уйти отъ страданій“.

И спасеніе отъ своихъ личныхъ невзгодъ они находили въ своихъ демократическихъ симпатіяхъ. Эти симпатіи не носили платоническаго характера. Новые разночинцы-интеллигенты въ свой массѣ стояли ближе, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія разночинцевъ, къ народной жизни, были связаны съ нею болѣе тѣс-

*) Системы Н. К. Михайловскаго.
**) Глѣба Успенскаго.

ными узами чувства солидарности. Въ горѣ „человѣческихъ массъ“ они стремились растворить собственное горе. Ихъ скорбь вылилась въ народническія теоріи.

Въ своемъ бѣгствѣ отъ страданія они создали „философію отчаянія“. Присутствуя при зачаткахъ распаденія устоевъ натуральнаго хозяйства въ деревнѣ, не видя изъ-за хаоса падающихъ обломковъ дали будущаго, они, эти пасынки разночинской интеллигенціи, считаютъ единственнымъ выходомъ изъ трагическаго положенія починку и укрѣпленіе разрушающаго зданія. Но такой выходъ означалъ лишь осложненіе трагизма.

Если мелкое хозяйство въ борьбѣ съ враждебными обстоятельствами держится лишь нечеловѣческимъ напряженіемъ производителя, то желать дальнѣйшаго сохраненія старыхъ аграрныхъ устоевъ, значило лишь привѣтствовать послѣднія отчаянныя усилія гладіатора—мелкаго земледѣльца, гибнущаго въ безнадежной борьбѣ.

Народники-разночинцы были сами гладіаторами на жизненной аренѣ, и проповѣдь ихъ звучала, передъ лицомъ новой общественно-экономической эры, какъ древній кличъ: „ave, caesar, morituri te salutant!“

Демонстративный даже по формѣ реализмъ публицистическихъ романовъ „мыслящаго пролетаріата“ и пессимистическій натурализмъ народническихъ повѣстей, романовъ—вотъ наиболѣе характерные образцы искусства шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ.

Въ концѣ семидесятыхъ годовъ на ряду съ голосомъ „народника“ громко начинаетъ раздаваться голосъ иныхъ интеллигентовъ... Мы подошли къ источникамъ новѣйшаго литературнаго „перелома“, къ первому акту „идеалистической“ драмы.

II.

Эта драма, какъ сообщаетъ лѣтопись новаго литературнаго движенія, имѣла свой прологъ еще въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Дѣйствующимъ лицомъ пролога явился Тургеневъ, „сжегшій то, чему поклонялся и поклонившійся тому, что сжигалъ“. И какъ прологъ древнихъ драмъ давалъ необходимыя поясненія къ долженствовавшему развиться передъ зрителями дѣйствію, такъ и „отступничество“ Тургенева даетъ многое для пониманія новѣйшаго хода литературнаго развитія.

Сожженіе прежнихъ „кумировъ“, совершенное имъ, есть актъ, свидѣтельствующій о наличности общественнаго конфликта и реакціи опредѣленной части интеллигентнаго общества.

„Сжигающій“ Тургеневъ—это интеллигентъ-дворянинъ, повертывающій назадъ къ завѣтамъ феодальной старины. „Сжигае-

мое“ —это усвоенныя имъ въ эпоху „сороковыхъ годовъ“ предпосылки разночинской идеологіи.

Идя, въ продолженіе нѣкотораго времени, рука объ руку съ интеллигентами-разночинцами, учась у нихъ и въ свою очередь развивая отдѣльныя стороны ихъ міросозерцанія, выступая выразителями ихъ думъ, надеждъ, стремленій, работая совмѣстно съ ними надъ критикой „романтической“ культуры, дворяне-интеллигенты—„люди сороковыхъ годовъ“ въ рѣшительную минуту покинули авангардъ шествующей впередъ интеллигенціи. Отъ рѣшительной ломки старыхъ культурныхъ наслоеній они отказались: „старина“ звала ихъ назадъ, подъ одѣяніемъ прогрессиста въ нихъ заговорилъ человѣкъ „стараго“ психическаго склада. Когда они стояли передъ еще немногочисленными сравнительно рядами разночинцевъ, — разночинцевъ, уступавшихъ имъ кое въ чемъ, не посягавшихъ еще на все наслѣдіе „отцовъ“ и не доводившихъ своихъ выводовъ до конца, этотъ человѣкъ дремалъ. Но онъ проснулся, какъ только люди „сороковыхъ годовъ“ очутились передъ сплоченными массами разночинской интеллигенціи. Передъ этими массами они почувствовали себя „чужими“ людьми, людьми иного міра и иной душевной организаціи. И они объявили о разрывѣ со своими прежними сотоварищами. Они, начиная съ Герцена и Салтыкова-Щедрина и кончая Тургеневымъ и Анненковымъ, осудили „отрицательное“ направленіе разночинцевъ.

Оффиціальный разрывъ Тургенева съ „отрицателями“ выразился въ его ссорѣ съ редакціей „Современника“ *). Но матеріалъ для разрыва накоплялся еще значительно раньше. Тургеневъ негодовалъ на „черствость души“ разночинцевъ, заявлялъ, что они не понимаютъ поэзіи. Онъ проповѣдывалъ о необходимости возвращенія пушкинскаго элемента, въ противовѣсъ гоголевскому**): послѣдній элементъ особенно цѣнили „шестидесятники“. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ опредѣленно противополагалъ себя „мыслящимъ реалистамъ“, какъ носителя „старыхъ“ культурныхъ началъ. Впослѣдствіи, когда „разрывъ“ сталъ совершившимся фактомъ, Тургеневъ прямо охарактеризовалъ классовое происхожденіе своихъ симпатій: „Н. П. (Николай Петровичъ Кирсановъ) это—я, Огаревъ и тысяча другихъ“. А по его собственному признанію, создавая фигуру Николая Кирсанова, онъ имѣлъ въ виду выяснить одинъ изъ типовъ лучшихъ сыновъ дворянской интеллигенціи своего времени ***). Именно съ „кирсановской“

---

*) Соціологическое объясненіе этого разрыва дано В. Богучарскимъ въ статьѣ „Столкновеніе двухъ міросозерцаній“ („Міръ Божій“, 1901, ноябрь). Но, характеризуя реальную подпочву столкнувшихся міросозерцаній, г. В. Богучарскій не отмѣтилъ вліянія разночинской „идеологіи“ на людей сороковыхъ годовъ.

**) „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“, стр. 20.

***) Ibid., стр. 105.

точки зрѣнія онъ протестовалъ противъ господствовавшаго направленія литературы, противъ „разночинскаго“ реализма и натурализма.

„Способности нельзя отрицать во всѣхъ этихъ Рѣшетниковыхъ, Успенскихъ и т. д.,—пишетъ онъ Полонскому,—но *гдѣ же вымыселъ, сила, воображеніе, выдумка гдѣ?—Они ничего выдумать не могутъ*—и, пожалуй, даже радуются тому: этакъ мы, полагаютъ они, ближе къ *правдѣ*. Правда - воздухъ, безъ котораго дышать нельзя; но художество—растеніе, иногда даже довольно причудливое, которое зрѣетъ и развивается въ этомъ воздухѣ. А эти господа,—безсѣмянники, и посѣять ничего не могутъ *).

Къ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ относится слѣдующее, сдѣланное имъ въ одномъ письмѣ заявленіе:

„Теперь мода въ литературѣ на политику: все, что не политика—для нея вздоръ или даже нелѣпость: какъ-то неловко защищать свои вещи, но вообразите вы себѣ, что я никакъ не могу согласиться, что даже „Стукъ-стукъ“ нелѣпость. Вы мнѣ скажете, что моя студія мнѣ не удалась... Быть можетъ: но я хотѣлъ только указать вамъ на право и умѣстность разработки чисто *психологическихъ* (не политическихъ и не соціальныхъ) вопросовъ“.

Тургеневъ провозглашаетъ принципъ „аполитическаго“, „асоціальнаго“, т. е. выражаясь терминомъ г. Невѣдомскаго, „свободнаго“ художества.

И предпосылки этого художества опредѣлялись старо-дворянскими тенденціями его пророка. Въ противовѣсъ реализму „разрушителей“ эстетики, онъ выдвигаетъ апологію „вымысла, воображенія, выдумки“, т. е. въ столкновеніи съ интеллигентами-разночинцами, пользуется тѣмъ оборонительнымъ оружіемъ, которое нѣкогда ввели въ употребленіе интеллигенты-дворяне крѣпостническихъ временъ. Отъ дѣйствительности, гдѣ хозяйничаютъ чуждые ему люди, отъ „*правды*“ онъ бѣжитъ въ область родной ему стихіи. Пессимистически настроенный по отношенію къ „реальному“ міру, онъ „*выдумываетъ*“ иной міръ. Отъ тревогъ демократическаго вѣка онъ находитъ успокоеніе въ *психологическихъ* построеніяхъ, въ анализѣ *индивидуалистическихъ* ощущеній и настроеній, въ игрѣ *поэтическаго* воображенія.

Возрождается „идеализмъ“ и „идеалистическое“ искусство **).

Виновнику его возрожденія оно не принесло желаннаго „покоя“. Разорвавъ съ передовой интеллигенціей, создавая „полу-

---

*) Ibid., стр. 129 (курсивъ нашъ).

**) Подчеркиваемъ, что подъ „идеализмомъ“ мы разумѣемъ не исключительно идеализмъ въ философскомъ смыслѣ, т. е. метафизическій идеализмъ, а нѣчто болѣе общее,—именно всякаго рода бѣгство отъ „трагизма эмпирической безысходности“ въ разные „возвышающіеся“ надъ дѣйствительностью „міры“, предпочтеніе всякаго рода „возвышающихъ обмановъ“ безстрашному опытному анализу, эмпирическимъ истинамъ.

реалистическія“ произведенія. Тургеневъ чувствовалъ, что теряетъ подъ собою твердую почву. Въ письмахъ второго періода его литературной дѣятельности онъ часто выражаетъ неувѣренность въ своемъ направленіи. Въ минуты откровенности онъ даже называетъ такія произведенія, какъ „Стукъ-стукъ“, „Несчастная“ „уродцами“. Ему приходится переживать „душевную драму“: разночинскія, демократическія симпатіи уступаютъ, въ его психическомъ мірѣ, диктатуру старо-дворянскимъ, индивидуалистическимъ тенденціямъ не безъ борьбы *). Правда, эта драма не была особенно тяжелая, не ознаменовывалась никакими особенно глубокими вспышками отчаянія: но все же это была драма, осложнявшая пессимизмъ Тургенева, дѣлавшая малонадежной ту позицію, въ которую онъ замыкался, спасаясь отъ „громадно несущейся жизни“. Нѣкоторыя изъ „Стихотвореній въ прозѣ“, напр., даютъ достаточно ясное представленіе объ этой драмѣ.

Тургеневскій „идеализмъ“, какъ исповѣдь писателя, плывшаго „противъ теченія“, долго оставался своего рода единичнымъ явленіемъ, не находя себѣ отклика въ рядахъ „молодыхъ“ поколѣній интеллигенціи. Прологъ былъ отдѣленъ отъ той общей драмы, частью которой онъ являлся, длиннымъ рядомъ годовъ. „Старые“ элементы, выдѣлившіеся изъ состава передовой интеллигентной ячейки, заполненной разночинскими элементами, и не примыкавшіе къ явно консервативнымъ группамъ, не въ силахъ были составить самостоятельный агломератъ, который бы создалъ и иное литературное направленіе. Только съ перемѣной состава интеллигенціи, стоявшей на исторической авансценѣ, они получили возможность приспособиться къ благодарной для нихъ почвѣ.

На закатѣ своей литературной дѣятельности въ толпѣ молодыхъ художниковъ слова Тургеневъ отмѣтилъ одного, не похожаго на другихъ. Отмѣченный имъ художникъ не принадлежалъ къ „безсѣмянникамъ“. Онъ, по мнѣнію Тургенева, подавалъ большія надежды, какъ носитель традицій истиннаго искусства.

Это былъ Всеволодъ Гаршинъ.

Личность Гаршина, дѣйствительно, говорила о наступленіи новыхъ временъ въ жизни и литературѣ. Авторъ „Attalea princeps“, „Художниковъ“ и „Краснаго цвѣтка“ былъ знаменоносцемъ новыхъ кадровъ интеллигенціи.

Это—кадры такъ называемыхъ „восьмидесятниковъ“.

„Восьмидесятые годы“ **) характеризуются первымъ рѣши-

*) Характерно, напр., въ данномъ случаѣ, его отношеніе къ Базарову.

**) Употребляя терминъ „восьмидесятые“ годы, мы должны замѣтить слѣдующее: подобно тому, какъ принятыя литературной критикой понятія „сороковые годы“, „шестидесятые годы“ вовсе не отвѣчаютъ точнымъ хронологическимъ датамъ („шестидесятые годы“—это эпоха 1855—1864 г.), такъ и „восьмидесятые годы“ означаютъ литературный періодъ, не ограниченный десятилѣтіемъ 1800—1890: къ „восьмидесятникамъ“ относится и извѣстная часть интеллигенціи конца семидесятыхъ годовъ.

тельнымъ проявленіемъ энергичной дѣятельности тѣхъ „союзниковъ“, на которыхъ возлагались большія надежды интеллигенціей сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ,—„союзниковъ“, которыхъ еще въ „реформаціонную“ эпоху привѣтствовалъ теоретикъ „мыслящаго пролетаріата“. „Союзники“ сдѣлались господами исторіи и первымъ своимъ дебютомъ въ новой роли заявили о себѣ съ самой невыгодной стороны. Интеллигенты восьмидесятыхъ годовъ попали въ міръ „борьбы и наживы“, на шумный „рынокъ“, въ царство „цифръ и разсчета“. Они на первыхъ порахъ не видятъ никакой цѣлесообразности въ развитіи торгово-промышленнаго класса. Они видятъ передъ собою лишь „буржуя“ и „хищника“. Капитализмъ признается ими болѣзненнымъ феноменомъ, не имѣющимъ будущности. „Дѣйствительность“, въ ихъ глазахъ, получаетъ значеніе хаотически безпорядочнаго процесса. Слѣпыя „страсти“ и слѣпой „случай“, — кажется имъ, — единственно начинаютъ распоряжаться жизнью общества и отдѣльнаго человѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣра въ демократическіе идеалы, выработанная шестидесятниками и семидесятниками, перестаетъ одушевлять интеллигенцію. „Народъ“, т. е. крестьянство, пребывали во тьмѣ „ночи“: попытки внести „свѣтъ“ въ тьму остались безуспѣшны. Приходилъ конецъ „народническимъ“ вѣяніямъ. А та часть интеллигенціи, которая теперь завладѣвала общественнымъ мнѣніемъ, которая теперь руководила судьбами искусства и литературы, унаслѣдовала прогрессивныя симпатіи лишь какъ „священные“ завѣты прежнихъ временъ: она не купила этихъ симпатій цѣною интенсивной борьбы съ переживаніями „патріархальнаго“ и „феодальнаго“ строя; она не была связана „страдальческими“ узами съ „народной жизнью“.

Но если интеллигенту-разночинцу „восьмидесятыхъ годовъ“ не приходилось воспитываться въ атмосферѣ „безсильныхъ страданій“, если ему былъ работой предшественниковъ расчищенъ путь къ дальнѣйшимъ поступательнымъ шагамъ, это не значитъ, чтобы онъ вплелъ новые лавры въ вѣнокъ разночинской интеллигенціи.

Напротивъ, ему пришлось занести на страницы исторіи разночинской интеллигенціи первую запись о крупномъ пораженіи. Онъ принужденъ былъ объявить себя банкротомъ.

На самомъ дѣлѣ, то оружіе, которымъ интеллигенты-разночинцы боролись нѣкогда противъ „враждущей судьбы“,—свѣтлая вѣра въ силу разума и идеалъ цѣльной, критически мыслящей личности— оказывалось въ его рукахъ безполезнымъ. Тамъ, гдѣ царятъ слѣпыя страсти и слѣпая случайность – разумъ безсиленъ. Еще „народники“ сомнѣвались въ авторитетѣ „критически мыслящей личности“. Противостоять же дикому „хаосу“ эмпирической дѣйствительности, опираясь на этотъ авторитетъ, уже совершенно невозможно.

И разочарованному въ своихъ силахъ, пресытившемуся съ излишкомъ народническихъ увлеченій, отказавшемуся находить какой-либо смыслъ и цѣль жизни, „восьмидесятнику“ оставалось лишь воскликнуть устами поэта, ярко выразившаго его пессимистическое настроеніе:

Отверстой бездны зевъ, зіяющей мнѣ въ очи
Ни дна нѣтъ, ни границъ—я на ея краю,
Охваченъ душной мглой невыносимой ночи,
Безсильный, какъ дитя, въ раздумьи я стою.
Что значу я, пигмей, со всей моей любовью,
И разумомъ моимъ, и волей, и душой
Предъ льющейся вѣка страдальческою кровью,
Предъ вѣчнымъ зломъ людскихъ и вѣчною враждой!!

Попытка разночинной интеллигенціи создать свою собственную „культуру“, казалось, потерпѣла неудачу. Зданіе, воздвигавшееся трудами „мыслящихъ реалистовъ“, казалось, рухнуло. Разночинная интеллигенція осталась безъ положительнаго міросозерцанія.

И въ эту критическую для нея минуту она прибѣгла къ средству, еще болѣе осложнившему ея положеніе: отчаяніе слѣпо и плохой совѣтчикъ. Очутившись на распутьи, разночинская интеллигенція „восьмидесятыхъ годовъ“ сдѣлала „культурное“ заимствованіе у своихъ бывшихъ противниковъ.

Какъ разъ къ тому времени эволюція пореформеннаго хозяйства выкинула на рынокъ интеллигентнаго труда большія массы „дворянскаго пролетаріата“ *). И эти массы обновили „преданія старины глубокой“, старины, которая считалась навсегда погребенной. Спасаясь отъ „хаоса“ дѣйствительности, и не слыша авторитетнаго, открывающаго радужные горизонты, слова разночинской интеллигенціи, они пошли по проторенной ихъ прадѣ-

*) Появленіе на историческую сцену большихъ массъ дворянской интеллигенціи въ данную эпоху—фактъ общеизвѣстный. Имъ пользуется А. Скабичевскій для объясненія литературы „восьмидесятниковъ“. („Исторія новѣйшей русской литературы“, стр. 333). Объясненіе, предлагаемое имъ, страдаетъ неполнотой и чрезмѣрной упрощенностью: дворяне-интеллигенты внесли въ литературу, по его мнѣнію, струю „гамлетизма“ и „сенсуализма“; этимъ его характеристика дворянской психологіи ограничивается. Возрожденіе художественности не ставится въ связь съ послѣдней. Съ усвоенной имъ точки зрѣнія г. Скабичевскій постоянно отвлекается въ сторону „общихъ“ разсужденій. При этомъ всего лишь произведенія нѣсколькихъ писателей „восьмидесятыхъ годовъ“ объяснены соціологически. Остальные „восьмидесятники“ являются въ его изложеніи одинокими фигурами. Самое же главное—основной вопросъ объясненія не вѣренъ: г. Скабичевскій не исходилъ изъ характеристики разночинской интеллигенціи названной эпохи.

Замѣчательно, что отрицательно относясь въ своей „Ист. нов. русск. лит.“ къ писателямъ восьмидесятыхъ годовъ, г. Скабичевскій становится на реалистическую почву. Но, въ послѣднее время пересмотрѣвъ оцѣнку, онъ покинулъ эту почву?

дами дорожкѣ—отъ міра „правды“ обратились къ міру „вымысла“... Ихъ примѣру послѣдовали разночинцы.

Разрушенная „эстетика“ отнынѣ была возстановлена

Идеалистическое искусство, искусство индивидуальныхъ переживаній и романтическихъ порывовъ вновь получило широкія права гражданства. Правда, идеалистическое искусство потеряло свѣжесть былыхъ красокъ; правда, смѣлости и размаха прежнихъ романтическихъ стремленій оно теперь не вѣдало; правда, его новыя произведенія не были отмѣчены печатью прежней силы творчества. Сохраненіе полнаго status quo ante торжества реалистическаго начала—было невозможно. Идеалистическое искусство должно было считаться со многими требованіями реализма. „Романтика“ раціонализировалась.

„Новое направленіе поняло, что реализмъ имѣетъ громадное право на существованіе тѣмъ, что построенъ огромною частью своего зданія на фундаментѣ дѣйствительныхъ требованій, на жизненности своихъ притязаній. Выражаясь наглядно, реализмъ есть кирпичный остовъ дома, совершенно еще не отдѣланнаго, безъ крыши, безъ оконъ, безъ дверей. Согласитесь, однакоже, что въ такомъ домѣ еще нельзя жить. Дѣйствительно, кирпичный оставъ есть главная часть будущаго зданія, но безъ отдѣлки, безъ окраски оно не можетъ служить человѣческимъ жилищемъ. Идеализмъ есть именно то нѣчто, что суровое основаніе зданія превращаетъ въ пріятное помѣщеніе для человѣка, такъ созданнаго, что однимъ необходимымъ никакъ не можетъ довольствоваться“ *).

Такъ формулируется теорія новой „идеологіи“.

„Борецъ за идеализмъ“ своего времени объясняетъ, что онъ „не имѣетъ *никакихъ корней* ни въ сороковыхъ, ни въ шестидесятыхъ годахъ“, т. е. въ эпохѣ расцвѣта эстетики и эпохѣ торжества реализма; и потому онъ считаетъ возможнымъ „къ обѣимъ эпохамъ отнестись одинаково *объективно*“. Другими словами, онъ объявляетъ, что не обязанъ смотрѣть на „эстетику“ глазами „мыслящаго реалиста“. Онъ отказывается видѣть въ эстетическихъ увлеченіяхъ одинъ изъ тормазовъ, сильно задерживающихъ ходъ прогресса, одно изъ противообщественныхъ преступленій. Обращеніе къ области искусства, эстетики, идеализма, по его мнѣнію,—удѣлъ *прогрессивно настроенныхъ*, но мало энергичныхъ людей.

„Человѣкъ не настолько энергичный, чтобъ мысленный протестъ его выразился какимъ-нибудь вещественнымъ образомъ находитъ опору своему тоскливому настроенію въ идеализмѣ.

---

*) С. Венгеровъ „Русская литература въ ея современныхъ представителяхъ“, т. I, стр. 44. Въ своей защитѣ идеализма С. Венгеровъ, подобно современнымъ „борцамъ за идеализмъ“, въ родѣ г. Бердяева, аргументируетъ, спутывая два разныхъ понятія: практическій идеализмъ, какъ готовность жертвовать собою за „идею“, и идеализмъ, какъ проповѣдь бѣгства отъ „дѣйствительности“ въ міръ „возвышающихъ обмановъ“.

Въ вѣчныхъ созданіяхъ искусства, онъ наталкивается на тотъ идеальный міръ чистой красоты и совершенства, котораго никогда въ сѣренькой пошлости обыденной жизни не встрѣтить. Тутъ онъ попадаетъ въ область, гдѣ всякое его справедливое требованіе не остается безъ удовлетворенія, въ область, гдѣ нѣтъ корыстныхъ разсчетовъ, гдѣ единственнымъ мотивомъ являются прекрасныя и чистыя цѣли" *).

И удаленіе въ міръ „возвышающихъ обмановъ" въ извѣстные историческіе моменты признается „объективно" обязательнымъ, естественно необходимымъ.

„Во времена общественной приниженности, общественной неурядицы, отъ общества независящей, искусство и художество находится въ большомъ процвѣтаніи, потому именно, что большинство развитыхъ людей находитъ въ нихъ отдохновеніе отъ грустнухъ думъ и примиреніе съ своими высшими требованіями". С. Венгеровъ приводитъ примѣръ интеллигенціи „сороковыхъ" годовъ. Онъ называетъ „какъ нельзя болѣе естественнымъ" образъ дѣйствій этой интеллигенціи, „потратившей всѣ лучшія силы свои, весь запасъ природныхъ дарованій" на художественное творчество. Въ художественныхъ произведеніяхъ,—поясняетъ онъ,—люди „сороковыхъ" годовъ воспроизводили „душевную боль свою, стонъ своего наболѣвшаго сердца". Идеализмъ получаетъ высшее оправданіе.

„Поэзія, да, поэзія была необходима нашимъ „отцамъ" иначе они бы унизились до участія въ разныхъ несправедливостяхъ, до забвенія истиннаго понятія о человѣческомъ достоинствѣ и требованіи осмысленнаго человѣческаго существованія".

„Эстетика" объявляется—въ извѣстныхъ случаяхъ—спасательницей и хранительницей прегрессивныхъ тенденцій. Противорѣчіе взгляду на нее, высказанному шестидесятниками, получается полное.

Реабилитація эстетики покупается цѣною другого противорѣчія ихъ взглядамъ—цѣною реабилитаціи людей „сороковыхъ" годовъ, точнѣе дворянской интеллигенціи названной эпохи.

Прекраснодушные баричи „Обломовы", какими они являлись въ глазахъ „мыслящихъ реалистовъ", характеризуются теперь, какъ глубоко несчастные прогрессисты, парализованные въ своихъ высокихъ стремленіяхъ гнетомъ „безвременья". Къ подобной реабилитаціи обязываетъ разночинцевъ-восьмидесятниковъ сдѣланное ими культурное „заимствованіе". Усвоивши выработанный „феодальной" психологіей пріемъ—примиряться съ трагизмомъ „эмпирической безысходности" на почвѣ „идеалистическихъ" построеній, разночинцы-восьмидесятники неминуемо должны были предать забвенію соціальную грань, отдѣляющую ихъ отъ носителей „идеалистическаго" начала въ дореформенную старину,

*) Ibid., стр. 41.

должны были поставить себя и ихъ въ одну плоскость, оцѣнить свою и ихъ идеологію съ отвлеченной, „общечеловѣческой“ точки зрѣнія... Отсюда протестъ „восьмидесятниковъ“ противъ „партійности“ въ художественной литературѣ и требованіе, чтобы литература служила „общечеловѣческимъ“ цѣлямъ, изображала „общечеловѣческое“, „общечеловѣческіе“ типы *).

Оправдывая эстетическую реакцію въ прошломъ, г. Венгеровъ оправдывалъ ее, тѣмъ самымъ, и въ настоящемъ. Текущій историческій моментъ какъ разъ принадлежалъ къ разряду „извѣстныхъ случаевъ“: „новые“ интеллигенты не были „энергичными“ людьми, „новая“ эпоха была эпохой общественной „приниженности“. „Поэзія необходима намъ, иначе мы погибнемъ“— вотъ какую мысль доказываютъ всѣ разсужденія апологета „идеализма“.

Остовъ „суроваго зданія“ начиваетъ отдѣлываться, внутренность его обставляется экзотической обстановкой. Появляются даже портреты великолѣпныхъ предковъ на стѣнахъ.

III.

„Страстный цѣнитель искусствъ, онъ всею душою любилъ поэзію, живопись и музыку, никогда не уставалъ ими наслаждаться“ **). Когда ему приходилось встрѣчаться съ людьми прежняго закала, осуждавшими „эстетику“, какъ вредную роскошь, онъ вступалъ съ ними въ горячій споръ, доказывая противное. Отрицаніе искусства означало въ его глазахъ лишь „односторонность“ развитія.

Передъ нами одинъ изъ новыхъ обитателей и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ архитекторовъ достраивающагося и отдѣлывающагося зданія. Всеволодъ Гаршинъ—рѣчь идетъ о немъ—отвѣдалъ и цѣнилъ воздѣйствіе „возвышающихъ обмановъ“. Онъ подчеркивалъ именно „спасительную“ миссію эстетическаго начала. „Идеализмъ“ имѣлъ для него значеніе, какъ нѣчто такое, что должно примирить съ жестокой „правдой“ реальныхъ отношеній, вносить гармонію въ смятенный противорѣчіями жизни душевный міръ ставшаго на распутьи интеллигента.

Художникъ Рябининъ задается вопросомъ о цѣли и смыслѣ своего призванія: чьимъ интересамъ, какому общему дѣлу онъ служитъ. Его наблюденія надъ дѣйствительностью не даютъ ему основанія получить сколько-нибудь утѣшительный отвѣтъ. „Какъ убѣдиться въ томъ, что всю свою жизнь не будешь служить

*) Въ дальнѣйшемъ изложеніи цитируемой статьи г. Венгеровъ какъ разъ выставляетъ эти требованія.

**) „Сборн. памяти Гаршина“, статья В. Фауссека.

исключительно глупому любопытству толпы... и тщеславію какого-нибудь разбогатѣвшаго желудка на ногахъ...“ Мысль о безцѣльности своего существованія неотлучно преслѣдуетъ его. Ему рисуется одинъ выходъ—совершенно забыться въ области напряженнаго художественнаго творчества: „Нѣсколько времени полнаго забвенія,—мечтаетъ онъ:—ушелъ бы въ картину, какъ въ монастырь, думалъ бы только о ней одной. Вопросы: куда? зачѣмъ? во время работы исчезаютъ; въ головѣ одна мысль, одна цѣль, и приведеніе ея въ исполненіе доставляетъ наслажденіе. Картина—міръ, въ которомъ живешь и передъ которымъ отвѣчаешь. Здѣсь *исчезаетъ житейская нравственность*; *ты создаешь себѣ новую въ своемъ новомъ мірѣ* и въ немъ чувствуешь свою правоту, достоинство или ничтожество и ложь, *по своему—независимо отъ жизни*“. Область творчества, по опредѣленію Рябинина, это—„міръ *сна*, въ которомъ живутъ только выходящіе изъ себя самого образы складывающіеся и проясняющіеся предъ тобою на полотнѣ“.

И Гаршинъ показываетъ намъ человѣка, успокоившагося отъ тревожной „реальности“ въ „мірѣ сна“. Это—Дѣдовъ, жрецъ „красоты, гармоніи, изящнаго“. Онъ обходитъ „тяжелыя впечатлѣнія“ жизни, упиваясь поэзіей природы. „Природа не обижаетъ, да и ее не нужно обижать, чтобы эксплоатировать ее, какъ мы, художники“. Онъ идеалистъ-пейзажистъ. Его идеалистическое искусство „настраиваетъ человѣка на тихую, кроткую задумчивость, смягчаетъ душу“.

Гаршинъ самъ, по свидѣтельству лица, близко его знавшаго *), не чуждъ былъ „дѣдовскихъ“ увлеченій. Онъ былъ поклонникъ природы, „чрезвычайно чутко относился ко всѣмъ ея *красотамъ*, ко всѣмъ ея проявленіямъ: книга природы была для него великолѣпная книга, каждая страница которой доставляла ему наслажденіе“. Но къ Дѣдову Гаршинъ относится отрицательно.

Создавая его образъ, и также образъ Рябинина, авторъ „Художниковъ“ какъ бы ведетъ борьбу съ самимъ собою—со своимъ „идеализмомъ“. Наслажденіе „красотами“ природы онъ объявляетъ неумѣстнымъ при наличности общественнаго „нестроенія“, служеніе культу „гармоніи и изящества“ — признакомъ черстваго эгоизма; вполнѣ забыться въ „мірѣ сна“ могутъ только буржуазныя натуры; а интеллигенты прогрессивнаго типа лишены этой возможности.

Гаршинъ показалъ тщету попытки послѣднихъ жить „независимо отъ реальной жизни“, построивъ „новый міръ“ силой творческаго воображенія. Рябинину не удалось отдохнуть въ „монастырѣ“. Его „сонъ“ посѣтили видѣнія дѣйствительности и при томъ столь тяжелыя, что дальнѣйшее успокоеніе оказалось немыслимымъ.

Идеалистическому индивидуализму противополагаются „гра-

---

*) „*Сборникъ* памяти Гаршина“, ст. В. Фаусека.

жданскіе“ мотивы. Но „гражданственность“ Гаршина носитъ своеобразный характеръ—не тотъ, какой она имѣла въ шестидесятые годы.

Какъ мы выше отмѣтили, хаосъ, сопровождавшій предварительныя завоеванія капитализма, помѣшалъ „восьмидесятникамъ“ опредѣлить направленіе пути историческаго развитія. Изъ „опыта“ восьмидесятники не вынесли никакого представленія объ общественномъ прогрессѣ. Они имѣли въ своемъ распоряженіи старую „формулу прогресса“, но освѣтить тайники „хаоса“ эта формула имъ не могла помочь: несостоятельность ея уже доказывалась всѣми фактами „дѣйствительности“.

Не обладавшіе опредѣленнымъ общественнымъ міросозерцаніемъ, и при томъ далеко стоявшіе отъ „народной жизни“, восьмидесятники могли вдохновляться лишь смутно-прогрессивными *настроеніями* и *вспышками* гражданскихъ чувствъ.

На ихъ гражданственности лежитъ печать „индивидуалистической“ эпохи. Не сознаніемъ солидарности съ извѣстными общественными группами, а потребностями индивидуальной психики опредѣляются ихъ „общественныя“ стремленія. Проявить себя „гражданиномъ“ и альтруистомъ значитъ для нихъ, прежде всего, внести гармонію въ свой смятенный душевный міръ.

Герой разсказа Гаршина „Трусъ“ идетъ добровольцемъ на войну. Что побуждаетъ его сдѣлаться участникомъ „зла“? Онъ не можетъ уклониться отъ „общаго горя и общаго страданія“. Невозможность уклониться *для него* вытекаетъ изъ слѣдующаго психическаго факта.

Между нимъ и нѣкіимъ Василіемъ Петровичемъ происходитъ такой разговоръ. Василій Петровичъ уговариваетъ его не идти на войну, доказывая, что онъ, не вынеся ужасовъ войны, можетъ или сойти съ ума, или пустить пулю въ лобъ. Приводится примѣръ, имѣвшій мѣсто при одной артиллерійской переправѣ по залитымъ водой дорогамъ; артиллерія въ одной „трясинѣ“ застряла; солдаты безъ пользы надрывались, стараясь вытащить орудія.

— „Докторъ молодой былъ у нихъ, послѣдняго выпуска, нервный человѣкъ. Плачетъ. „Не могу, говоритъ, я вынести этого зрѣлища, уѣду впередъ“. Уѣхалъ. Нарубили солдаты вѣтокъ, сдѣлали чуть не цѣлую плотину и, наконецъ, сдвинулись съ мѣста. Вывезли батарею на гору; смотрятъ, а на деревѣ докторъ виситъ... Вотъ вамъ примѣръ. Не могъ человѣкъ вида мученій вынести, такъ гдѣ же вамъ самыя-то муки одолѣть?..

— Василій Петровичъ, да *не легче ли самому муки нести, чѣмъ казниться*, какъ этотъ докторъ?

— Ну, не знаю, что хорошаго, что васъ самихъ въ дышло запрягнутъ.

— Совѣсть *мучить* не будетъ, Василій Петровичъ“.

Для героя повѣсти Гаршина, слѣдовательно, порывъ самоотверженности является *бѣгствомъ отъ внутреннихъ страданій*, средствомъ избавиться отъ „гнетущей мысли“. Изъ двухъ золъ Гаршинскій герой выбираетъ меньшее. А что дѣйствительни оставаться на мѣстѣ для него равносильно сумасшествію или

самоубійству, явствуетъ изъ слѣдующей записи въ его дневникѣ: „Все новыя битвы, новыя смерти и страданія. Прочитавъ газету, я не въ состояніи ни за что взяться: въ книгѣ, *вмѣсто буквъ*—валяющіеся ряды людей; *перо кажется оружіемъ*, наносящимъ бѣлой бумагѣ черныя раны. Если со мной такъ будетъ идти дальше, право, дѣло дойдетъ до настоящихъ галлюцинацій...

Другой примѣръ подобнаго же бѣгства отъ внутренней дисгармоніи. Герой „Ночи" приходитъ къ убѣжденію, что „жить на собственный страхъ и счетъ" нельзя, что необходимо отказаться отъ своего „я", отдавши себя на служеніе ближнимъ, связавши себя съ „общею" жизнью.

„Да, да!—повторялъ въ страшномъ волненіи Алексѣй Петровичъ,—все это сказано въ зеленой книжкѣ (евангеліи), и сказано навсегда и вѣрно. Нужно „отвергнуть себя", убить свое я, бросить на дорогу...

„Какая же польза тебѣ, безумный?"—шепталъ голосъ.

„Но другой, какой-то робкій и неслышный прогремѣлъ ему въ отвѣтъ:

„Молчи! Какая же польза будетъ ему, если онъ самъ растерзаетъ себя?"

Ближайшій поводъ, который заставилъ Алексѣя Петровича именно въ данное время сначала рѣшиться на самоубійство, а затѣмъ перемѣнить рѣшеніе и придти къ мысли о необходимости отречься отъ своего „я", не сообщенъ читателю. Но это въ данномъ случаѣ неважно. Гаршинъ былъ заинтересованъ лишь общей постановкой психологической темы—анализомъ пробуждающихся альтруистическихъ побужденій. И опять процессъ идетъ въ прежнемъ порядкѣ: отреченіе отъ своего „я" становится необходимымъ психологическимъ актомъ, ибо это „я"—„всепожирающее" существо, „уродецъ, какъ глистъ сосущій душу", убивающій ее. Покончить съ этимъ существомъ, „отвратительнымъ я", значитъ удалить отъ себя надвигающуюся катастрофу.

Гаршинскіе герои отрекаются отъ себя, чтобы спасти себя. На первый взглядъ казалось, они повторяли примѣръ разночинцевъ-народниковъ: разночинцы-народники также бѣжали отъ своей „личности", отъ своего „я", старались избавиться отъ внутреннихъ страданій, служа „общему" дѣлу. Но дѣло въ томъ, что ихъ поколѣніе, поколѣніе Рѣшетниковыхъ и Левитовыхъ, бѣжало отъ своего обособленнаго „я" къ толпѣ родственныхъ „я", отъ себя бѣжали къ себѣ же. Поэтому актъ ихъ отреченія отъ своей личности не сопровождался такимъ перерасходомъ трагической энергіи, какой отмѣчаетъ „восьмидесятниковъ".

Зрѣлища чужихъ страданій герои Гаршина не могутъ переносить безъ страшнаго внутренняго потрясенія, безъ того, чтобы не проникнуться паѳосомъ ужаса передъ жизнью: герой повѣсти „Трусъ" при извѣстіяхъ о битвахъ доходитъ почти до галлюцинацій; образъ глухаря преслѣдуетъ Рябинина, какъ кошмаръ,

и наконецъ даже заставляетъ его пережить ужасъ горячечнаго бреда. Кое-что изъ „кошмарныхъ“ страницъ гаршинскихъ повѣстей слѣдуетъ отнести, конечно, на счетъ патологическихъ особенностей психики ихъ автора. Но если душевный недугъ диктовалъ Гаршину частое обращенiе къ обрисовкѣ патологическихъ моментовъ, облекалъ „трагическое“ его мiросозерцанiе въ туманы кошмарныхъ видѣнiй;—все же сущности „трагическаго его мiросозерцанiя эти „туманы“ не объясняютъ.

Источника перерасхода „трагическихъ“ чувствъ и ощущенiй слѣдуетъ искать въ особенностяхъ соцiальнаго кругозора „восьмидесятниковъ“. Сгущенiе красокъ на палитрахъ ихъ художниковъ соотвѣтствуетъ суженiю этого кругозора.

Восьмидесятники, потерявшiе дорогу въ темнотѣ „хаоса“, не усматривавшiе вдали никакихъ свѣтлыхъ общественныхъ перспективъ, поставленные лицомъ къ лицу лишь съ толпой „буржуевъ“ и „сѣренькихъ“ людей, переживали молчаливую драму безпомощныхъ „одинокихъ душъ“. Все кругомъ нихъ сливалось въ картину „вѣчнаго зла“. И вотъ каждый отдѣльный случай, когда имъ приходилось сталкиваться съ проявленiями страданiй, получалъ для нихъ особое значенiе: они вкладывали въ него весь запасъ пессимистическихъ настроенiй, накопленныхъ переживанiями молчаливой „драмы“. Вокругъ отдѣльнаго случая они концентрировали весь опытъ собственныхъ жизненныхъ неудачъ. Они подводили тогда итоги безпомощности и безвыходности своего положенiя.

Воплощенiе „мiрового зла“ въ красномъ цвѣткѣ—эта аллегорiя, изображенная больнымъ воображенiемъ гаршинскаго героя, въ то же время типична для психологiи интеллигенцiи восьмидесятыхъ годовъ. Откиньте узоры патологическаго вымысла, и вы получите слѣдующiй сюжетъ: извѣрившiйся во всемъ, изнемогающiй подъ бременемъ безплодныхъ страданiй интеллигентъ переноситъ на опредѣленное единичное явленiе всю боль своей „наболѣвшей души“, и погибаетъ пораженный трагизмомъ открывшагося зрѣлища.

Быть свидѣтелемъ язвъ общественнаго нестроенiя—ужасно, но видѣть эти язвы не должно означать — проникнуться пессимизмомъ трагической *безысходности*... Только осложненное индивидуалистическимъ настроенiемъ зрѣлище страданiй могло заставить гаршинскихъ героевъ *погибнуть* отъ внутреннихъ терзанiй и казниться до галлюцинацiй, до самоубiйствъ,..

Громоотводомъ тяжелыхъ впечатлѣнiй, вызываемыхъ картинами нестроенiя жизни, можетъ быть лишь просвѣтленное соцiальное сознанiе. Гаршинъ его не имѣлъ и, убѣжденный въ неисцѣлимомъ трагизмѣ жизни, допускалъ въ извѣстныхъ случаяхъ частичныя разрѣшенiя этого трагизма. Разрѣшенiя носили, какъ мы отмѣтили выше, индивидуалистическiй характеръ. И въ спасительность подобныхъ разрѣшенiй Гаршинъ плохо вѣрилъ.

Онъ нигдѣ не показалъ торжества самоотреченія. Однажды онъ на личномъ примѣрѣ пытался разрѣшить трагизмъ: и каковы были результаты? Онъ отправился добровольцемъ на театръ военныхъ дѣйствій, дабы раздѣлить общее горе: исповѣдью его попытки явился разсказъ „Четыре дня“.—Рябининъ, перенесшій тяжелую болѣзнь, бросаетъ искусство и ѣдетъ въ деревню учителемъ; но тамъ онъ, по выраженію автора „не преуспѣлъ“. Героя „Ночи“, вырвавшаго изъ своего внутренняго міра всепожирающее „я“, Гаршинъ заставляетъ сойти съ жизненной сцены въ минуту самоотреченія: только при такой обстановкѣ Гаршинъ получаетъ возможность привести примѣръ человѣка, который бы дѣйствительно, подсчитавъ итоги своего жизненнаго опыта, оказался достигшимъ внутренней гармоніи, радужно настроеннымъ, безповоротно покончившимъ со своимъ пессимизмомъ. Но это былъ уже „человѣческій трупъ съ мирнымъ и счастливымъ выраженіемъ на блѣдномъ лицѣ“. Если бы этотъ трупъ, какимъ-нибудь чудомъ, опять превратился въ живого человѣка и Гаршину пришлось бы разсказать читателямъ его дальнѣйшую судьбу, то Гаршинъ лишился бы своего единственнаго „счастливаго“ героя.

Его герои, уходящіе служить „общему“, „невѣдомому организму“ съ опредѣленной цѣлью—примириться съ самими собой, бѣжать отъ своихъ страданій, растворивъ свои страданія въ „общемъ“ горѣ, терпятъ неудачу. Они несутъ, вступая на путь новой жизни, лишь свои страданія и готовность срадать вмѣстѣ съ жертвами общественнаго нестроенія, но этого слишкомъ мало: требуется, идя по новому пути, имѣть въ рукахъ свѣточъ знанія горизонтовъ общественнаго развитія, требуется быть вдохновленнымъ твердой вѣрой въ общественный прогрессъ. Но предстать туда, „гдѣ стоны слышатся, гдѣ трудно дышется“ банкротомъ-агностикомъ, капитулировавшимъ передъ „хаосомъ“ дѣйствительности,—это значило осуждать себя на новую катастрофу. Очутившись передъ „новымъ міромъ“, условія развитія котораго совершенно имъ непонятны, гаршинскіе герои должны и въ новой средѣ повторить прежнюю роль—роль „одинокихъ душъ“...

Находясь въ „культурномъ“ обществѣ, они удаляются отъ „толпы“, стараясь найти спасеніе въ тайникахъ собственной „личности“: идеалъ „аристократа духа“ дразнитъ ихъ воображеніе. Зрѣлище „растущихъ язвъ“ современности повелѣваетъ имъ бѣжать отъ „личности“ къ „человѣческимъ массамъ“. *То отъ „правды“ они бѣгутъ къ „выдумкѣ“, то отъ „выдумки“ къ „правдѣ“.*

И тамъ, и здѣсь они—экзотическія растенія, и тамъ и здѣсь они не въ состояніи разрѣшить трагизма своего положенія.

Выразившій въ образахъ своихъ героевъ свои колебанія между двумя противоположными началами,—Гаршинъ далъ своеобразные образцы художественнаго творчества. Онъ впервые узаконилъ ту „промежуточную“ форму беллетристическихъ произве-

деній, которая, отступая отъ цѣльности „гражданскаго" реализма, однако, не граничитъ съ областью „романтической сказки". Индивидуалистическія предпосылки гаршинскаго міросозерцанія обусловливаютъ психологическій родъ повѣсти. Интересъ художественнаго творчества сосредоточивается для Гаршина въ передачѣ индивидуальныхъ настроеній и ощущеній, сопровождающихъ тѣ или иныя впечатлѣнія внѣшняго міра. Весь внѣшній „міръ" затрогивается лишь постольку, поскольку онъ служитъ для распространенія своего „я"—распространенія настроеній и эмоцій „личности". Онъ наполовину творится въ мастерской внутренней жизни художника. Вотъ откуда отмѣчаемое критикой отступленіе на второй и третій планъ обрисовки явленій „реальнаго міра" у Гаршина.

„Гдѣ же вымыселъ, воображеніе, выдумка гдѣ? спрашивалъ старикъ Тургеневъ, обозрѣвая современную ему литературу. Этимъ требованіямъ, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ ихъ ставилъ Тургеневъ, удовлетворила беллетристика „восьмидесятыхъ годовъ". Тургеневъ имѣлъ въ виду не ультра-романтическіе полеты фантазіи, а преобладаніе субъективно-творческаго элемента, эманацію художественныхъ образовъ изъ внутренняго міра художника, разрѣшеніе психологическихъ проблемъ. Разсказы Гаршина говорятъ о зарожденіи подобнаго рода искусства: они предтечи новой эры.

Отнынѣ воскресаетъ беллетристика, какъ fiction, какъ „обманъ"—выражаясь старинными терминами. Беллетристическія произведенія начинаютъ цѣниться не постольку, поскольку они отражаютъ насущныя потребности дѣйствительности, а поскольку рядомъ съ міромъ дѣйствительности, они создаютъ особый міръ, особую надстройку надъ „дѣйствительностью". Художественные образы и идеи, рожденные не какъ непосредственныя отраженія матеріальныхъ интересовъ реальной жизни, а лишь связанныя съ послѣдней черезъ посредство „индивидуальной" психологіи, объявляются живущими самостоятельной жизнью. Плоды творчества пріобрѣтаютъ цѣнность вещей an und für sich. Обращается исключительное вниманіе на форму художественныхъ произведеній. Область искусства становится мистическою областью „вѣчной" красоты. Слагается даже ученіе о безграничной свободѣ эстетическаго воображенія.

Устанавливается мода на изящную литературу. Увлеченіе изящной литературой носитъ „идеалистическій" характеръ, начинаетъ играть роль цитадели, куда укрываются потерпѣвшіе пораженіе на лонѣ „дѣйствительности" малодушные воины.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ удаленія искусства отъ „реальной" подпочвы, мѣняется и взглядъ на художника слова. Прежде, когда беллетристика служила дѣлу освѣщенія вопросовъ „дѣйствительности", накопляла матеріалъ для соціальнаго анализа и

производила этотъ анализъ,—беллетристъ-писатель являлся въ глазахъ публики учителемъ жизни, проповѣдникомъ, пророкомъ. Теперь начинающій все болѣе и болѣе творить „изнутри себя", все болѣе и болѣе переходящій на положеніе строителя „новаго міра", существующаго независимо отъ „дѣйствительной жизни", беллетристъ, естественно, теряетъ авторитетъ руководителя общественнаго мнѣнія. Въ лучшемъ случаѣ онъ ограничивается *указаніемъ* на тѣ или другія проявленія соціальныхъ недуговъ, и выражаетъ свое безсиліе передъ „растущими язвами", передъ трагизмомъ „безплодныхъ страданій". Но вообще онъ изъ соціолога-учителя перерождается постепенно въ мастера психологическихъ „цѣнностей", считающагося удачно исполнившимъ свою миссію, разъ ему удалось заразить читателей извѣстнымъ настроеніемъ, вызвать въ ихъ душѣ рядъ извѣстныхъ эмоцій.

Соціальный реализмъ признается „тенденціознымъ". Художнику предъявляются требованія, получившія въ наши дни категорическое выраженіе: „художникъ можетъ и долженъ высказываться обо всемъ, *чѣмъ живетъ его духъ*, но требовать отъ него можно только одного: истинно-художественнаго, *непосредственно свободнаго отношенія къ изображаемому предмету и красоты формъ* *). Отступленіе отъ области „дѣйствительности" легалиризуется.

IV.

Съ потерей своего прежняго значенія художники-беллетристы долгое время примириться не могутъ. Первый писатель, заявившій категорически о томъ, что служители искусства сошли съ общественнаго пьедестала, развѣнчаны, какъ общественные дѣятели, заплатилъ за подобное признаніе цѣною тяжелыхъ душевныхъ переживаній.

Юноша-Надсонъ лелѣетъ идеалъ писателя-гражданина. Художники, по его убѣжденію, должны перерождать дѣйствительность „огненнымъ словомъ". Обладая даромъ „огненнаго" слова, онъ самъ могъ бы „пробудить" міръ:

„Какъ безпощадно бъ, какъ сурово
Порокъ и злобу я клеймилъ!
Я бъ поднялъ всѣхъ на бой со мглою,
Я бъ знамя свѣта развернулъ
И въ міръ бы пѣснею живою
Стремленье къ истинѣ вдохнулъ"!

Но способствовать перерожденію дѣйствительности онъ не

---

*) Н. Невѣдомскій: „О современномъ художествѣ" („Міръ Божій", 1903. IV, *стр. 40*).

властенъ. И это обстоятельство диктуетъ ему пессимистическія строки:

„Мнѣ не дано такого слова..
Безсиленъ слабый голосъ мой,
Моя душа къ борьбѣ готова,
Но нѣтъ въ ней силы молодой...
Въ груди—безплодное рыданье,
Въ устахъ—мучительный упрекъ,
И давитъ сердце мнѣ сознанье,
Что я—я рабъ, а не пророкъ".

Поэтъ юноша объясняетъ свое безпомощное положеніе тѣмъ, что „муза" обдѣлила его, наградивъ слабымъ дарованіемъ. На самомъ дѣлѣ, съ первыхъ шаговъ литературной работы Надсона обнаружился его яркій талантъ. Впослѣдствіи поэтъ указалъ, что источникъ зла не въ особенностяхъ его дарованія, что безсиліе врачевать недуги современности—общій удѣлъ поэтовъ его времени. Отвѣчая на упреки за то, что его пѣсни не являются „яркимъ маякомъ во мракѣ молчаливомъ", онъ восклицаетъ:

„Не требуй отъ пѣвцовъ
Величія души героевъ и пророковъ!
Въ узорахъ вымысла, въ созвучьяхъ звонкихъ строфъ
Разгадокъ не ищи и не ищи уроковъ"...

Поэты—только „голосъ" родной страны, а не учители жизни, открывающіе свѣтлые горизонты будущаго.

„Учить не властны мы!.. Учись у мудрецовъ,
На жадный твой запросъ у нихъ ищи отвѣта:
Имъ повторяй свой крикъ голодныхъ и рабовъ:—
„Свободы, воздуха и свѣта!.. Больше свѣта!".

Поэты „исхода" не знаютъ: „ночь жизни" окутала ихъ, какъ и прочую толпу. И облегчать „роковые недуги" дѣйствительности они могутъ лишь давая „откликъ и привѣтъ" толпѣ.

Надсонъ, отказываясь отъ непринадлежащей ему роли, утѣшаетъ себя мыслью, что давать „откликъ и привѣтъ" толпѣ, страдать ея страданіями—благородное призваніе. Но это весьма слабое утѣшеніе для него... Образъ пророка слишкомъ заманчивъ и привлекателенъ. Не быть пророкомъ,—въ глазахъ Надсона, синонимъ духовнаго банкротства. Отсутствіе „пророковъ" художниковъ—признакъ „жалкаго, дряхлѣющаго вѣка". Единственно, кто можетъ спасти современное человѣчество изъ „бездны зла"—это именно „могучій пророкъ".

Въ минуты гнетущаго отчаянія, Надсонъ не разъ призывалъ этого пророка явиться:

Гдѣ жъ ты, вождь и пророкъ?.. О, приди,
И стряхни эту тяжесть удушья и сна!

восклицаетъ онъ, убѣдившись въ томъ, что душевный „жаръ" безъ пользы имъ растраченъ и будущее не обѣщаетъ ничего хорошаго.

„Изнемогаетъ грудь въ безплодномъ ожиданьи,
Отбою нѣтъ отъ думъ, и скорби, и тревогъ
О, въ этотъ мигъ я *весь живу въ одномъ желаньи,*
Я весь—безумный вопль: „приди, приди, пророкъ".

еще яснѣе подчеркиваетъ онъ спасительную миссію „пророка".—И призывомъ пророка онъ заканчиваетъ свою литературную дѣятельность, подводитъ итоги всего жизненнаго опыта:

„Пора! Явись, пророкъ! всей силою печали,
Всей силою любви взываю я къ тебѣ!
Взгляни, какъ дряхлы мы, взгляни, какъ мы устали,
Какъ мы безпомощны въ мучительной борьбѣ!
Теперь иль никогда!.. Сознанье умираетъ,
Стыдъ гаснетъ, совѣсть спитъ... Ни проблеска кругомъ,
Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ"...

При такой высокой оцѣнкѣ „пророческаго" начала, низведеніе себя въ простые „рядовые" должно было означать, во всякомъ случаѣ, тяжелую душевную драму, не могущую быть устраненной при помощи палліативныхъ средствъ. Сліяніе Надсона съ „толпой" не было прочно. Толпу Надсонъ опредѣлялъ постоянно, какъ массу поглощенныхъ будничными заботами борьбы за существованіе людей. Съ толпою объединяли его лишь непониманіе „хаоса" дѣйствительности, страхъ передъ дѣйствительностью и проблески нѣкоторыхъ „настроеній", грозившихъ временами поэту застоемъ „полдороги". Дѣлить съ толпою „будничный удѣлъ" поэтъ постоянно отказывался; противъ „мѣщанскихъ" настроеній постоянно боролся.

Правда, борьба съ послѣдними была подчасъ не легка, покой „полдороги" казался подчасъ весьма соблазнительнымъ; жажда личнаго счастья говорила въ немъ подчасъ слишкомъ властно, стараясь заставить его забыть обязанности „гражданина". Надсонъ даже называлъ соблазнъ „полдороги" болѣе опаснымъ врагомъ, чѣмъ прочіе враги.

Есть у свободы врагъ опаснѣе цѣпей,
Страшнѣй насилія, страданья и гоненья;
Тотъ врагъ неотразимъ, онъ въ сердцѣ у людей,
Онъ—всѣмъ врожденная способность примиренья.

Но восторжествовать надъ собой „неотразимому врагу" онъ все-таки не давалъ. И уже одна борьба съ этимъ врагомъ ставила его надъ „толпой".

Неопредѣленные, смутные, но страстные, сильные порывы демократическихъ чувствъ дѣлали невозможнымъ его пребываніе

въ средѣ „мѣщанскаго царства"... Поэтъ имѣлъ право утверждать, что онъ рано былъ разбуженъ „грозою", выдѣлился изъ толпы, пошелъ впередъ къ дали будущаго, вначалѣ исполненный радужныхъ надеждъ... Но вскорѣ выяснилось, что вести за собой другихъ онъ не можетъ, видѣнія дали исчезли; „безнадежность" и „глухая тоска" смѣнили свѣтлое настроеніе... Фигура Надсона типична на фонѣ восьмидесятыхъ годовъ". Разсказанная въ его стихотвореніяхъ катастрофа „разбитыхъ усилій" и „подрѣзанныхъ крыльевъ" есть именно катастрофа „восьмидесятника".

Соціальный агностицизмъ и пессимизмъ названной эпохи нашелъ въ Надсонѣ наиболѣе яркаго выразителя. Въ его лицѣ „восьмидесятники" договорились до формулы, опредѣляющей „жизнь", какъ сумму случайныхъ феноменовъ, быстро смѣняющихъ другъ друга, по волѣ невѣдомыхъ силъ:

„Вотъ жизнь, вотъ этотъ сфинксъ! Законъ ея—мгновенье
И нѣтъ среди людей такого мудреца,
Кто бъ могъ сказать толпѣ—куда ея движенье,
Кто могъ бы уловить черты ея лица".

Отношенія къ „сфинксу", къ хаосу „дѣйствительности" опредѣлили для него невозможность „пророчества". Ими намѣчается самая интересная и важная сторона его душевнаго разлада.

Попытокъ разгадать загадку „сфинкса", „уловить черты лица" дѣйствительности Надсонъ дѣлалъ не мало. „Реалистическій" анализъ „безстрашіе истины"—признается имъ обязательнымъ для „перла созданья", „разумнаго человѣка". Онъ говоритъ о себѣ:

„Какъ жалкій трусъ, я жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врагъ и другъ, вложилъ пытливые персты,
Огнемъ и пыткою правдиваго сомнѣнья
Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать..."

Для того, чтобы вѣрить, онъ „долженъ знать"... Пусть познаніе обезцѣниваетъ „много свѣтлыхъ грезъ", открываетъ много „ужасовъ", пусть „бездна отрицанья" слишкомъ мрачна и черна: но нельзя „опускать передъ нею испуганныхъ очей"; нужно нести „свѣточъ познанья" въ ея холодную глубину, и „не робѣя идти до дна".

Пусть даже на „днѣ" ожидаетъ гибель спустившагося въ „бездну": пусть „познаніе" освѣтитъ однѣ лишь картины ужасовъ и видъ ихъ убьетъ искателя истины: все же поэтъ готовъ встрѣтить подобную смерть,—предпочитая ее успокоенію „наверху", въ царствѣ „поддѣльныхъ цвѣтовъ", „прекрасныхъ", но лживыхъ грезъ, нарядныхъ „обмановъ". Онъ привѣтствуетъ „умъ, свободный умъ, не видящій исхода и не смирившійся предъ жалкою судьбой".

Но трагическій апоѳеозъ „ума" не являлся окончательнымъ подведеніемъ итоговъ отношенія къ „хаосу" дѣйствительности. Спускаясь на „дно", Надсонъ въ то же время иногда оглядывался на „верхи". „Умъ", дѣйствительно, открывалъ передъ нимъ лишь одни „ужасы", и героизмъ „отрицанья" оказывался слишкомъ тяжелъ, требовалъ—употребляя выраженіе поэта—„нечеловѣчески великаго страданья".

Замкнувшійся въ сферу ограниченнаго „опыта" восьмидесятниковъ, т. е. судившій о „жизни" на основаніи знакомства съ „обрывками" дѣйствительности *), знакомства только съ двумя общественными группами — „обществомъ буржуевъ" и „обществомъ" ставшей на распутьи интеллигенціи, Надсонъ не выдерживалъ роли „реалиста". Трагизмъ „эмпирической безысходности" подавлялъ его.

Проповѣдуя „безстрашіе истины", онъ въ то же время сознавался, что у него мало силъ „взглянуть безъ ужаса, очей не опуская" въ лицо окружающей его дѣйствительности. Онъ отрекался отъ культа ума. Умъ объявлялся банкротомъ, могущимъ лишь „изсушать безплодной тоской", приносящимъ лишь „мракъ унынія, да злобу жгучихъ слезъ".

Умъ вноситъ только дисгармонію въ душевный міръ, разлагаетъ цѣльность послѣдняго, не дастъ жить, дѣлаетъ современнаго человѣка жалкимъ. Современный человѣкъ—„мертвецъ"

„... потому что онъ съ дѣтства не жилъ,
Потому что не будетъ до гроба онъ жить,
Потому что онъ каждое чувство спѣшилъ,
Чуть оно возникало, умомъ разложить".

Умъ, этотъ хранитель „опыта" отравляетъ малѣйшую улыбку счастья: воскрешая воспоминанія о былыхъ „ранахъ" и былыхъ впечатлѣніяхъ, онъ заставляетъ съ недовѣріемъ встрѣчать все, что говоритъ объ „ясныхъ дняхъ" будущаго. Возможность счастья пугаетъ поэта...

„О любви твоей, другъ мой, я часто мечталъ
И отъ грезъ этихъ сердце такъ радостно билось,
Но едва я привѣтливый взоръ твой встрѣчалъ,
И тревожно и смутно во мнѣ становилось.
Я боялся за то, что минуетъ порывъ,
Унося прихотливую вспышку участья,
И останусь опять я вдвойнѣ сиротливъ
Съ обманувшей мечтой невозможнаго счастья".

Изъ союзника умъ становится врагомъ. Смерть рисуется

*) Только незадолго до своей смерти онъ открылъ, что „свѣтъ" можно *искать* и за предѣлами знакомой ему дѣйствительности. См. цитату изъ его *письма къ В. М. Г-ву*, приведенную въ біографическомъ очеркѣ, предпосланномъ его стихотвореніямъ (стр. LXXIII).

поэту, какъ избавительница отъ гнетущей работы ума, отъ пытки „сомнѣній“.

Надсонъ ищетъ спасенія: изъ глубины бездны онъ смотритъ „на верхъ“. „Поддѣльные цвѣты“, нарядныя, но лживыя „грезы“, „обманы“, все это, съ негодованіемъ отвергаемое имъ въ минуты подъема духа, теперь, въ минуты отчаянія, пріобрѣтаетъ для него большую цѣнность.

Въ такія минуты онъ проповѣдуетъ „ложь“ и „слѣпую вѣру“.

Онъ обращается съ горькимъ упрекомъ къ писателямъ, доказывающимъ несостоятельность тѣхъ, кто думаетъ прокладывать дорогу въ хаосѣ современности, не зная этой „дѣйствительности“, увлекаемый иллюзорными надеждами:

„Быть можетъ, ихъ мечты безумный, смутный бредъ,
И пылъ ихъ—пылъ дѣтей, не знающихъ сомнѣній,
Но въ наши дни молчи, невѣрящій поэтъ,
И не осмѣивай ихъ чистыхъ заблужденій.
Молчи иль даже лги...“

Лгать нужно, потому что и такъ слишкомъ много „жалкихъ слезъ“, и такъ кругомъ „отчаянье и сонъ“... Въ другомъ стихотвореніи признается законность „обмановъ“, „возвышающихъ“ хотя бы на „краткій мигъ“.

„Въ больные наши дни, въ дни скорби и сомнѣній,
Когда такъ холодно и мертвенно въ груди,
Не нуженъ ты толпѣ,—невѣрующій геній,
Пророкъ погибели, грозящей впереди:
Пусть истина тебѣ слова твои внушаетъ,
Пусть намъ исхода нѣтъ,—не вѣруй, но молчи...
И такъ ужъ ночь вокругъ свой сумракъ надвигаетъ,
И такъ ужъ гаситъ день послѣдніе лучи...
Пускай иной пророкъ, пророкъ, быть можетъ, лживый,
Но только вѣрящій, намъ пѣснями гремитъ,
Пускай его *обманъ, нарядный и красивый,*
Хотя на краткій мигъ, намъ сердце оживитъ“.

„Возвышающій обманъ“ прогресса не двигаетъ, часто ведетъ къ непосредственному пораженію: это Надсонъ знаетъ, избирая своимъ героемъ Икара, обманувшаго себя и безплодно погибшаго. Но не содѣйствіе движенію прогресса поэтъ имѣетъ въ виду, предлагая, какъ радикальное средство „возвышающій обманъ“: вѣру въ прогрессивное развитіе онъ, во время кризисовъ обостреннаго отчаянья, теряетъ. Рѣчь идетъ лишь о томъ, какъ бы сдѣлать существованіе сознающихъ безысходность своего положенія „восьмидесятниковъ“ хоть нѣсколько сноснымъ.

„Только бы вѣрить, во что-нибудь вѣрить душой. Только бы брать отъ текущаго момента полноту, цѣльность „внутреннихъ переживаній „личности“.

„На что бъ ни бросить жизнь, мнѣ все равно.,. Безъ слова
Я тяжелѣйшій крестъ безропотно приму,
Но лишь бы стихла боль сомнѣнья рокового
И смолкъ на днѣ души безумный вопль „къ чему?"

Допускается рядъ различныхъ рѣшеній вопроса. Подобная формула освящаетъ какъ работу въ сферѣ общественной дѣятельности, такъ и удаленіе въ область идеологическихъ „надстроекъ". Главное: требуется „личности" уйти отъ собственныхъ страданій, избавиться отъ собственнаго „нестроенія". Кладутся въ основу всего индивидуалистическіе стимулы.

Почва для бѣгства изъ міра дѣйствительности, гдѣ „одинокая" личность чувствуетъ себя погибающей, въ традиціонную крѣпость спасенія дана: „міръ сна"—„сладкій обманъ" эстетическаго воображенія оправданъ.

Надсонъ явился на литературное поприще съ высокимъ представленіемъ о „чистой" поэзіи, вынесеннымъ изъ той „культурной" обстановки, которая воспитала его. Поэзія рождена,—по мнѣнію поэта-юноши,—не на лонѣ „дѣйствительности": поэзія—дочь небесъ, нѣкогда сошедшая на землю изъ „тихой сѣни рая", увѣнчанная душистыми розами, съ „молодой улыбкой" на устахъ:

„Она сошла въ нашъ міръ, прелестная, нагая
И гордая своей невинной красотой.
Она несла съ собой невѣдомыя чувства,
Гармонію небесъ и преданность мечтѣ,—
И былъ законъ ея—искусство для искусства,
И былъ завѣтъ ея—служенье красотѣ".

Но „дѣйствительность" сурово встрѣтила небесную гостью: вѣнокъ душистыхъ цвѣтовъ былъ сорванъ и растоптанъ; нѣжныя, „дѣвственно прекрасныя" черты богини покрылись „обликомъ сомнѣній и печали", гимны „красоты" перестали звучать, смѣненные пѣснями „душевной муки".

Чистому искусству нѣтъ мѣста на „позорищѣ жизненной битвы". Одинъ только терновый вѣнокъ можетъ теперь украшать чело поэзіи. Надсонъ въ рядѣ стихотвореній выставляетъ себя сторонникомъ „гражданскаго" искусства. Но уже изъ приведенной цитаты ясно, что отношеніе его къ „чистой" поэзіи далеко не враждебное. Культъ красоты уступилъ позицію „гражданскимъ" мотивамъ,—по его мнѣнію,—только въ силу печальной необходимости. Надсонъ съ сожалѣніемъ относится къ „разрушенной эстетикѣ". Истиннымъ поэтомъ, на ряду съ поэтомъ „гражданиномъ", онъ продолжаетъ считать и жреца „звуковъ сладкихъ и молитвъ". Теперь такіе жрецы не должны существовать, теперь „эстетика" — отступничество отъ прямого пути, соблазнъ „полдороги" — это прекрасно сознаетъ Надсонъ-гражданинъ. Но Надсонъ — сынъ „усталаго", „больного" поколѣнія, нарисовавъ гордый образъ поэта, ведущаго современниковъ „въ бой съ неправдою и тьмою,

въ суровый грозный бой за истину и свѣтъ“, сейчасъ же рисуетъ иной образъ:

„Пусть пѣснь твоя звучитъ, какъ тихое журчанье
Ручья, звенящаго серебряной струей;
Пусть въ ней ключомъ кипятъ надежды и желанья,
И сила слышится, и смѣхъ звучитъ живой;
Пусть мы забудемся подъ молодые звуки
И въ міръ фантазіи умчимся зи тобой,—
Въ тотъ чудный міръ, гдѣ нѣтъ ни жгучихъ слезъ, ни муки,
Гдѣ красота, любовь, забвенье и покой;
Пусть насладимся мы безъ думъ и размышленья
И снова проживемъ мечтами юныхъ лѣтъ,—
Мы благословимъ тогда твои творенья.
И скажемъ мы тебѣ съ восторгомъ: „ты поэтъ!“.

Надсонъ, какъ „гражданинъ“, горячо протестующій противъ малѣйшихъ попытокъ уклониться въ сторону заботъ о личномъ отдыхѣ и покоѣ, начинаетъ ратовать, въ часы „унынья“, за необходимость отдохновенья въ „мірѣ красоты“. Онъ увѣряетъ, что стремленіе наслаждаться „красотой“—признакъ сильной личности, не изнемогшей въ борьбѣ за жизнь, т. е. пораженіе объявляетъ побѣдой:

„Не упрекай себя за то, что ты порою
Даешь покой душѣ *отъ думъ и отъ тревогъ.*
. . . .
. . . .
Что пѣсни любишь ты и, молча ей внимая,
Пока звучатъ они, *лаская и маня,*
Позабываешь ты, отрадно отдыхая,
Призывъ рабочаго, немедлящаго дня;
Что не *убилъ въ себѣ ты молодость и чувство,*
Что не принесъ ты ихъ на жертвенникъ труда,
Что властно надъ тобой *мирящее* искусство,
И *красота* тебѣ внятна и нечужда“.

Одинъ отрывокъ недоконченнаго стихотворенія даже намѣчаетъ программу новаго „свободнаго искусства“.

„*Не налагай оковъ на вдохновенье,*
Свободный смѣхъ не сдерживай въ устахъ;
Что скорбь родитъ, что будитъ восхищенье,—
Пусть *все* звенитъ на искреннихъ струнахъ,
Нѣтъ старыхъ пѣсенъ...“

„Нѣтъ старыхъ пѣсенъ!..“ Да, мы присутствуемъ при зарожденіи новыхъ. Въ симфонію „гражданскихъ“ мотивовъ вплетаются индивидуалистическіе аккорды. Реализмъ борется съ *идеализмомъ*.

Надсонъ стоитъ на рубежѣ литературной „смѣны“. И „старое“, и „новое“ находитъ у него откликъ себѣ. Оба борющіеся элемента рѣзко обособлены въ его лирикѣ. Надсонъ—реалистъ-

гражданинъ и Надсонъ—индивидуалистъ—это два врага, не желающіе слышать ни о какомъ перемиріи между собою, ведущіе состязаніе съ перемѣннымъ счастьемъ, но безсильные выиграть одинъ у другого рѣшительное сраженіе.

Мы выше охарактеризовали наличность тѣхъ боевыхъ средствъ, которыми располагали противники. Въ заключеніе, чтобы еще нагляднѣе ознакомиться съ диспозиціей силъ „наступающей" стороны, приведемъ извѣстное стихотвореніе „Мгновенье": авторъ говоритъ отъ лица осужденныхъ на смерть:

„Пусть насъ давятъ угрюмыя стѣны тюрьмы,—
Мы сумѣемъ ихъ скрыть за цвѣтами,
Пусть въ нихъ царство мышей, паутины и тьмы,
Мы спугнемъ это царство огнями...
Пусть насъ тяжкая цѣпь безпощадно гнететъ,
Да за то нѣтъ для грезы границы:
Что ей цѣпь?.. Цѣпь она, какъ бичевку порветъ
И умчится свободнѣе птицы.
Передъ нею и рай лучезарный открытъ,
Ей доступны и бездны морскія,
И безбрежье степей, и пески пирамидъ,
И вершины хребтовъ снѣговыя...
Въ наши стѣны волшебно она принесетъ
Всю природу, весь міръ необъятный,—
И въ темницѣ намъ звѣздное небо блеснетъ,
И повѣетъ весной ароматной"!

Остается прожить только до утра; поэтъ хочетъ призвать на послѣдній пиръ друзей, подругъ, забыться въ восторгахъ наслажденья, заснуть беззаботно „въ объятьяхъ любви, чтобъ проснуться для смертныхъ объятій". Онъ грозитъ послать проклятіе тому, кто вздумаетъ разрушить очарованье „возвышеннаго обмана".

„И да будетъ позоръ и несчастье тому,
Кто, осмѣлившись сѣсть между нами,
Станетъ видѣть упрямо все ту же тюрьму
За сплетенными сѣтью цвѣтами..."

Приведенное стихотвореніе—краснорѣчивый идеалистическій манифестъ. Цвѣты, прикрывающіе тюремныя стѣны, грезы, позволяющія видѣть въ „царствѣ „мышей, паутины и тьмы"—царство „звѣзднаго неба" и „весны"—какъ нельзя болѣе удачно формулируютъ значеніе „обмановъ", а пиръ въ тюрьмѣ — это яркая эмблема проповѣдуемаго идеалистами „героизма". „Обманъ" — оружіе безполезной самообороны противъ натиска дѣйствительности: „героизмъ"—„мужественное" примиреніе съ эмпирическою безысходностью — вотъ вершины „новой" мудрости, резюмировавшей „опытъ" общественныхъ передвиженій восьмидесятыхъ годовъ и пересказанной образнымъ языкомъ поэтическаго произведенія.

V.

„Новое“ искусство дѣлаетъ дальнѣйшія завоеванія.

„Я не помню ни одной такой новинки, въ которой авторъ съ первой же страницы не постарался бы опутать себя всякими условностями и контрактами съ своей совѣстью. Одинъ боится говорить о голомъ тѣлѣ, другой связалъ себя по рукамъ и ногамъ психологическимъ анализомъ, третьему нужно „теплое отношеніе къ человѣку“, четвертый нарочно цѣлыя страницы размазываетъ описаніями природы, чтобы не быть заподозрѣннымъ въ тенденціозности... Одинъ хочетъ быть въ своихъ произведеніямъ непремѣнно мѣщаниномъ, другой непремѣнно дворяниномъ и т. д. *Умышленность, осторожность, себѣ на умѣ, но нѣтъ ни свободы, ни мужества писать, какъ хочется, и стало быть, нѣтъ и творчества*“.

Писатель, вложившій въ уста одного изъ своихъ героевъ подобное исповѣданіе „новой вѣры“, особенно долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы оправдать „свободу“ творчества. На литературную авансцену выходилъ художникъ, не только не имѣвшій сказать никакого „пророческаго“ слова, но и не обладавшій запасомъ чувствъ и стремленій, необходимо характеризующихъ гражданина-прогрессиста своего времени, не заинтересованный даже ролью простого исторіографа общественныхъ вѣяній эпохи. Первый разъ въ исторіи новѣйшей русской литературы, художникъ старается приковать вниманіе широкихъ круговъ читателей къ скучному міру „сѣренькихъ“ инвалидовъ жизни, а не ея протагонистовъ.

Не открывающій новыхъ соціальныхъ горизонтовъ, ушедшій въ созерцаніе единственно только мѣщанскаго царства съ его жертвами и „рыцарями на часъ“, сдѣлавшій оцѣнку всего „человѣчества“ на основаніи знакомства съ нехитрыми персонажами названнаго царства и потому усвоившій шаблонно узкое міровоззрѣніе, онъ могъ сохранить за собой аудиторію не силою „идейности“ и убѣдительностью реалистическаго изображенія. Жизнь въ мѣщанскомъ царствѣ пуста, безцвѣтна, безсмысленна, пошла — это истина старая и общеизвѣстная: постояннымъ повтореніемъ ея, равно какъ и повтореніемъ однообразныхъ сѣренькихъ картинъ сѣренькаго существованія, написанныхъ кистью добросовѣстнаго художника, привлекать къ себѣ прочныя симпатіи читающей публики нельзя. Отъ художника, избравшаго неблагодарную задачу бытописателя скучнаго уголка современной жизни, требовалось нѣчто иное.

Авторъ „Дуэли“ и „Степи“, „Палаты № 6“ и „Скучной исторіи“, „Чайки“ и „Дяди Вани“ вышелъ изъ „хаоса“ дѣйствительности „восьмидесятыхъ годовъ“. Онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи

Но на самомъ дѣлѣ, гражданственность А. Чехова оказывается мнимой; наличность приведенныхъ мотивовъ не даетъ права заключать объ его „проповѣдничествѣ“...—Начать съ жажды труда, подвиговъ и жертвъ: чѣмъ обусловливается эта жажда? какіе стимулы побуждаютъ чеховскихъ героевъ,—„сѣренькихъ“, пораженныхъ безволіемъ инвалидовъ вдругъ проявлять необычайную энергію?

Герой разсказа „Страхъ“ боится всего въ жизни и самой жизни; каждая его минута отравлена этою боязнью: мысль объ ужасахъ, скрывающихся за каждымъ фактомъ „обыденщины“ неотступно преслѣдуетъ его. „Да, голубчикъ мой,—исповѣдуется онъ своему пріятелю,—если бы вы знали, какъ я боюсь обыденныхъ житейскихъ мыслей, въ которыхъ, кажется, не должно быть ничего страшнаго. *Чтобы не думать*, я развлекаю себя *работой* и стараюсь *утомиться*, и крѣпко спать ночью“.

„Я жилъ теперь среди людей,—разсказываетъ о своей „новой“ жизни герой „Моей жизни“—для которыхъ трудъ былъ обязателенъ и неизбѣженъ и которые работали, *какъ ломовыя лошади*...; около нихъ *и я тоже чувствовалъ себя ломовикомъ*, все болѣе проникаясь обязательностью того, что я дѣлалъ, и это облегчало мнѣ жизнь, *избавляя отъ всякихъ сомнѣній*“.

„Буду работать,—заявляетъ Тузенбахъ.—Хоть одинъ день въ моей жизни поработать такъ, чтобы придти вечеромъ домой, въ *утомленіи* повалиться въ постель и уснуть тотчасъ же. Рабочіе, должно быть, „*спятъ крѣпко*“... И его невѣста, Ирина вторитъ ему: какъ хорошо быть рабочимъ, который встаетъ чуть свѣтъ и бьетъ на улицѣ камни, или пастухомъ, или учителемъ, который учитъ дѣтей или машинистомъ на желѣзной дорогѣ... Боже мой, не то что человѣкомъ, лучше быть *воломъ*, лучше быть простой *лошадью*, только бы работать, чѣмъ молодой женщиной, которая встаетъ въ двѣнадцать часовъ дня, потомъ пьетъ въ постели кофе, потомъ два часа одѣвается... о, какъ это ужасно“!..

Трудъ—какъ средство забыться отъ страховъ и сомнѣній, тоски и сплина, трудъ, какъ радикальное снотворное средство, трудъ, какъ родъ самоубійства—вотъ какой идеалъ трудовой дѣятельности выставляютъ чеховскіе герои. Если въ свое время и Гаршинъ заставлялъ своихъ героевъ уходить отъ себя, чтобы спасти самихъ себя, т. е. руководиться индивидуалистическимъ настроеніемъ, совершая актъ отреченія отъ „мѣщанской“ неподвижности и безсилія,—все же онъ иначе, чѣмъ Чеховъ рисовалъ и оцѣнивалъ ту „новую“ жизнь, которую рѣшаютъ начать обанкротившіеся на лонѣ мѣщанскаго царства интеллигенты. „Новая“ жизнь для гаршинскихъ героевъ—это цѣпь страданій; новая жизнь для чеховскихъ героевъ—это послѣдовательное притупленіе нервовъ. Глухарь, въ глазахъ Рябининыхъ—„язва растущая“; рабочій, въ глазахъ Тузенбаховъ,—существо, имѣющее возможность „крѣпко спать“. Въ Гаршинѣ говорятъ одновременно

голоса и демократа, и индивидуалиста. Чеховъ — рѣшительный провозвѣстникъ эгоцентризма.

Отъ „гражданскихъ“ чувствъ „гражданскаго“ прошлаго Чеховъ принесъ въ литературу лишь обрывки отдаленныхъ воспоминаній, форму безъ содержанія, безплотный фантомъ. И онъ *не вѣритъ* „воспоминанію“.

Радикальное снотворное средство при повѣркѣ оказывается мало пригоднымъ. Загляните въ повѣсть „Моя жизнь“, гдѣ обстоятельно изложена попытка использовать данное средство: развѣ герой повѣсти выходитъ въ концѣ побѣдителемъ: развѣ ему, надѣвшему костюмъ маляра, удалось уснуть „крѣпкимъ сномъ?..“ Повѣсть заключается въ высшей степени минорнымъ аккордомъ.

Также мечта о грядущей зарѣ всечеловѣческаго счастья, подаренная Чехову „воспоминаніемъ“, не способна сообщить его „сѣренькимъ людямъ“ силу сопротивленія натиску дѣйствительности. *Безусловно* вѣрить въ „зарю“, привѣтствовать восторженно ея пришествіе въ будущемъ можетъ изъ числа чеховскихъ героевъ одинъ экзальтированный Иванъ Дмитричъ; другіе лишь выражаютъ робкую надежду: заря, „*быть можетъ*“, настанетъ.

Наконецъ, разсужденія о тяжести физическаго труда и равномѣрномъ раздѣленіи его... Мы уже знаемъ, при какихъ условіяхъ типичные чеховскіе герои могутъ обращаться къ трудовой дѣятельности и что значитъ для нихъ раздѣлять трудъ съ „ломовиками“. Если же Чеховъ заставляетъ героя „Дома съ мезониномъ“ отмѣтить положеніе „милліардовъ“, то получается своеобразная постановка вопроса. Скорбь чеховскаго героя о нестроеніяхъ жизни — не скорбь гражданина, а скорбь художника-индивидуалиста. Не самый фактъ голода, холода, страданій смущаетъ его душу: все это страшно для него лишь постольку, поскольку не даетъ почвы для процвѣтанія, среди „милліардовъ“, искусствъ и наукъ: „*весь* ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать“ — подумать о душѣ и есть именно, какъ выясняется изъ дальнѣйшаго, заняться искусствами и науками. При современномъ общественномъ устройствѣ все служитъ мелкимъ и преходящимъ интересамъ. Человѣчество грозитъ выродиться и потерять „всякую жизнеспособность“. Одни художники и ученые составляютъ исключеніе изъ общаго правила, разъ они служатъ вѣчной красотѣ и вѣчнымъ истинамъ. Но такихъ людей мало, и дѣятельность ихъ сопровождается надлежащимъ успѣхомъ: „ученыхъ, писателей, художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ..., между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ попрежнему остается самымъ хищнымъ и самымъ нечистоплотнымъ животнымъ... *При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла*, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго

нечистоплотнаго животнаго“. Другими словами, Чеховъ заставляетъ своего героя повторить старо-романтическія сѣтованія на скорбный удѣлъ одинокихъ „аристократовъ духа“, погибающихъ среди „толпы“, погруженной въ „матеріальные“ интересы. Сѣтованія „романтиковъ“ выливались въ безнадежную философію Weltschmerz'a. „Воспоминаніе“ говоритъ Чехову о возможности перерожденія „общества“, объ активной дѣятельности на пользу перерожденія; и Чеховъ дѣлаетъ поправку къ міровоззрѣнію романтиковъ. Но „воспоминаніе“ сохранилось очень смутное. Нужно только *и „богатымъ и бѣднымъ“ согласиться* работать по два-три часа въ день: тогда прогрессъ, по заявленію героя „Дома съ мезониномъ“, будетъ осуществленъ, т. е. создастся почва, благодарная для развитія искусства; — такимъ образомъ, соціальная гармонія водворится безъ устраненія экономическихъ „противорѣчій“... А къ мысли о необходимости взять на себя часть физическаго труда — подчеркиваемъ еще разъ — чеховскаго героя привела „индивидуалистическая“ необходимость.

Высказавши подобную „формулу прогресса“, художникъ не обнаруживаетъ увѣренности въ справедливости своего взгляда. Герой „Дома съ мезониномъ“ ни малѣйшаго желанія содѣйствовать осуществленію прогресса не заявляетъ. Финалъ рѣчи, выяснившей его profession de foi, не оставляетъ сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ его „гражданственности“: „Ничего не нужно, пусть земля провалится въ таръ-тарары!“—восклицаетъ онъ, „одинокая душа“, писсиместически настроенный „аристократъ духа“, давъ описаніе участи современныхъ служителей „вѣчной“ красоты. Въ минуту увлеченія онъ проговорился. „Воспоминаніе“ улетучилось. Плохо спаянная амальгама обрывковъ воззрѣній разной цѣнности и разнаго происхожденія распалась.

Итакъ, о Чеховѣ, чакъ *проповѣдникѣ* „гражданскихъ“ началъ говорить не приходится; писателемъ задумывающимся надъ соціальными проблемами, никакъ считать его нельзя. Если иногда обмолвится онъ намекомъ на „гражданственность“, упомянетъ объ общественномъ вопросѣ, то сдѣлаетъ это не какъ „человѣкъ убѣжденія“, а подъ диктовку соотвѣтствующаго „настроенія“.

Къ людямъ убѣжденнымъ онъ относится съ нескрываемымъ недовѣріемъ. Онъ развѣнчалъ, напр., „неизвѣстнаго человѣка“. И какъ развѣнчалъ?—Онъ не объявилъ его носителемъ хищническихъ инстинктовъ, дерзкимъ parvenu—аферистомъ или даже душегубомъ-бандитомъ, какъ поступали въ аналогичныхъ случаяхъ беллетристы охранительнаго лагеря. Не прибѣгъ онъ также къ доказательству несостоятельности его міросозерцанія. Нѣтъ, онъ низвелъ его съ пьедестала, надѣливъ его психологическими чертами, присущими обитателямъ „мѣщанскаго“ царства, онъ сдѣлалъ его „рыцаремъ на часъ“, заразивъ его „индивидуалистическими“ настроеніями.

Передъ читателями человѣкъ, погребающій гражданскіе

идеалы во имя „раздражающей жажды обыкновенной обывательской жизни“. Какія причины вызвали подобный переломъ въ духовномъ мірѣ „неизвѣстнаго человѣка“. Чеховъ отказывается точно опредѣлить: можетъ быть, это случилось „подъ вліяніемъ болѣзни“, можетъ быть, подъ вліяніемъ „начавшейся перемѣны міровоззрѣнія“—догадывается „неизвѣстный человѣкъ“. Но дѣло не въ болѣзни и не въ перемѣнѣ міровоззрѣнія, о которой авторъ ничего болѣе подробнаго не сообщаетъ и которая вовсе не важна для него. Внутренній переломъ, пережитый „неизвѣстнымъ человѣкомъ“, отказъ отъ широкихъ задачъ,—явленіе типичное, въ глазахъ Чехова, для всей современной интеллигенціи. „Отчего мы утомились? Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородно вѣрующіе, къ 30 — 35 годамъ становимся уже полными банкротами? Отчего одинъ чахнетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ, въ картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, цинически топчетъ ногами портретъ своей чистой прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, не ищемъ другого?“—Отвѣта не дано.

Разсказывается исторія обычнаго для „рыцаря на часъ“ опошленія. Авторъ вселяетъ въ духовный міръ своего героя „мѣщанскія“ стремленія. Неизвѣстный человѣкъ, почувствовавъ влеченіе къ любовницѣ своего врага, грезитъ о мѣщанской идилліи тихаго счастья „въ уголку“: онъ исповѣдуется; „Орловъ брезгливо отбрасывалъ отъ себя женскія тряпки, дѣтей, кухню, кастрюли, а я подбиралъ все это и бережно лелѣялъ въ своихъ мечтахъ, любилъ, просилъ у судьбы счастья, и мнѣ грезилась жена, дѣтская, тропинка въ лѣсу, домикъ“... „Мнѣ жить хочется!.. Жить, жить! Я хочу мира, тишины, тепла“.

Оказывается, что „неизвѣстный человѣкъ“ до сихъ поръ не жилъ, его личное „я“ до сихъ поръ „пропадало“. И на фонѣ пробудившихся „мѣщанскихъ“ настроеній складывается апологія индивидуализма: „я вѣрю въ цѣлесообразность и необходимость того, что происходитъ вокругъ, но какое мнѣ дѣло до этой необходимости, зачѣмъ пропадать моему „я“... Я вѣрю, слѣдующимъ поколѣніямъ будетъ легче и виднѣе, къ ихъ услугамъ будетъ нашъ опытъ. Но вѣдь хочется жить независимо отъ будущихъ поколѣній и не только для нихъ“. Неизвѣстный человѣкъ называетъ это „бодрой, осмысленной, красивой жизнью“. „Хочется играть видную, самостоятельную, благородную роль, хочется дѣлать исторію“. Опять „гражданственность“ Чехова получаетъ должное истолкованіе: „осмыслить“ жизнь значитъ для „неизвѣстнаго человѣка“ прежде всего удовлетворить своимъ эгоистическимъ побужденіямъ; непремѣннымъ условіемъ возможности играть „благородную роль“ выставляется воспитаніе цѣльной „личности“, т. е. личности, не чуждающейся „обывательскихъ“ инстинктовъ.

Въ томъ же духѣ, т. е. съ „обывательской“ точки зрѣнія „разнесъ“ Чеховъ прогрессистовъ и другой разъ. Его Лихаревъ („На пути“) — инвалидъ, и причина его „инвалидности“ заключается въ его пренебреженіи потребностями личной жизни. Отдаваясь весь идейнымъ увлеченіямъ, онъ не живетъ; настоящая жизнь проходитъ мимо него. „Мнѣ теперь 42 года,—дѣлаетъ онъ собственную характеристику,—а я безпріютенъ, какъ собака, которая отстала ночью отъ обоза. Во всю жизнь мою я не зналъ, что такое покой. Душа моя безпрерывно томилась, страдала даже надеждами... Я изнывалъ отъ тяжкаго безпорядочнаго труда, терпѣлъ лишенія... Я жилъ, *но въ чаду не чувствовалъ самаго процесса жизни*. Вѣрите ли, я не помню ни одной весны, не замѣчалъ какъ любила меня жена, какъ рождались мои дѣти. Что еще сказать вамъ? Для всѣхъ, кто любилъ меня, я былъ несчастьемъ... Моя мать вотъ уже пятнадцать лѣтъ носитъ по мнѣ трауръ, и мои гордые братья, которымъ приходилось изъ-за меня болѣть душой, краснѣть, гнуть свои спины, сорить деньгами, подъ конецъ возненавидѣли меня, какъ отраву“. Однимъ словомъ, Лихаревъ ведетъ „неосмысленное и некрасивое существованіе“.

Люди убѣжденія спутаны съ толпой разныхъ дядей Ваней и докторовъ Астровыхъ, этихъ хилыхъ пустоцвѣтовъ „мѣщанскаго“ царства... И бытописатель послѣдняго стоитъ „одинокій и потерянный“, пессимистически настроенный, исполненный „невѣрія“ и агностицизма,—какъ подобаетъ истинному „восьмидесятнику“—подавленный своими „настроеніями“, удалившійся въ міръ искусства - игры. Но его пессимизмъ не отмѣченъ тѣмъ трагическимъ колоритомъ, который отличаетъ „Weltschmerz“ другихъ представителей „восьмидесятыхъ“ годовъ,—бурную, страстную скорбь Надсона и гаршинскій паѳосъ ужаса передъ жизнью. Передъ лицомъ „эмпирической безысходности“, Чеховъ спасся, успокоившись на неглубокомъ скептицизмѣ и уравновѣшенной меланхоліи. Его „тоска“ есть, такимъ образомъ, компромиссъ между отчаяніемъ безусловнаго пессимиста и „обывательскимъ“ примиреніемъ съ „хаосомъ дѣйствительности“.

Позиція, до извѣстной степени, спокойная и безопасная.

VI.

Въ девяностыхъ годахъ „хаосъ“ проясняется. Процессъ капиталистическаго развитія пережилъ первую, предварительную стадію, ранніе дни своей „весны“, свой Sturm und Drang-Periode. И когда отшумѣли его „вешнія воды“, картина общественныхъ отношеній предстала передъ глазами интеллигенціи въ обновленномъ видѣ. Хозяинъ исторической сцены изъ „буржуя“, ка-

завшагося безроднымъ авантюристомъ, неизвѣстно откуда и зачѣмъ пришедшимъ, преобразился въ „буржуа", имѣвшаго за собой родословную, дѣйствующаго по опредѣленному, строго разсчитанному плану. Фабрично-заводская промышленность организовалась. Въ общественныхъ „низахъ" сформировались новыя наслоенія; общественные горизонты раздвинулись.

Смыслъ и цѣль жизни, утерянные „восьмидесятниками", были найдены. Социальный агностицизмъ смѣнился признаніемъ неуклонно прогрессирующаго хода исторической эволюціи. Индивидуализмъ уступаетъ мѣсто новымъ проявленіямъ гражданственности. Реалистическое міропониманіе торжествуетъ. Но въ его торжествѣ принимаетъ участіе далеко не вся интеллигенція. Часть ея продолжаетъ жить отзвуками минувшаго. „Одинокія души" и „аристократы духа" не сметены еще дыханіемъ новой жизни, не объявлены диковинными типами, подлежащими поступленію въ музей археологическихъ древностей. Напротивъ, на ряду съ ростомъ реалистическаго ученія, замѣчается также ростъ „идеалистическихъ" вѣяній. Въ девяностые годы процвѣтаютъ и неоромантизмъ, и декадентство, и ницшеанство, и литература „настроеній", и философскій, „метафизическій" идеализмъ, и возрожденная мистика. „Идеалисты" объединяются и, въ послѣднее время заявили о себѣ какъ о самостоятельной, имѣющей опредѣленную программу партіи.

Какъ возможенъ подобный культурный анахронизмъ?

Запоздалая вспышка идеалистической реакціи отвѣчаетъ новымъ моментамъ развитія интеллигентныхъ ячеекъ. Если въ „восьмидесятые" годы главнымъ источникомъ пробужденія склонности къ „идеализму" явилось отчаяніе передъ потускнѣвшею — въ глазахъ интеллигентовъ — далью соціальнаго будущаго, теперь, въ „девяностые" годы, ростъ экзотическихъ культурныхъ „цвѣтовъ" объясняется *групповымъ эгоизмомъ* такъ называемаго „интеллигентнаго пролетаріата" *).

Въ девяностые годы совершается быстрое наростаніе названной общественной группы. И по мѣрѣ того, какъ ея ряды растутъ, она проникается „классовымъ сознаніемъ". Въ ея классовомъ сознаніи нѣтъ элементовъ, которые бы обезпечили за ней почетную миссію передового авангарда „человѣчества". Она ставитъ на первый планъ интересы собственной борьбы за существованіе. Особенности этой борьбы опредѣляютъ ея „идеологію".

Интеллигентамъ-пролетаріямъ приходится вести индивидуалистическую, неорганизованную борьбу. Интеллигентный трудъ обставленъ всякими „случайностями" и „возможностями"; массы

---

*) Въ данномъ сочетаніи терминъ „пролетаріатъ" употребляется не въ томъ обычномъ смыслѣ, какой ему придается при обозначеніи класса фабрично-заводскихъ и сельскохозяйственныхъ рабочихъ, т. е. соціально-экономической группы, создающей прибавочную цѣнность.

его представителей не обладаютъ мужествомъ противостоять имъ съ открытымъ забраломъ, капитулируютъ передъ ними. Дабы не лишиться мѣста на жизненномъ пиру, они отдаютъ себя въ рабство „обывательскихъ“ заботъ и стремленій. А отдавшись въ рабство послѣднимъ, они поневолѣ суживаютъ кругъ своихъ наблюденій надъ „дѣйствительностью“. Дѣйствительность для нихъ—это „мѣщанское“ царство и собственная ихъ среда. Опять, какъ и „восьмидесятники“ они обречены составлять свое понятіе о реальной жизни на основаніи ея „обрывковъ“. Значеніе новѣйшихъ формъ экономической эволюціи не оцѣнивается ими по достоинству. Новые типы „мѣщанскаго царства“, взятые внѣ связи съ остальной „новой дѣйствительностью“, понятія о новой жизни не даютъ. Опять, какъ и „восьмидесятники“, представители извѣстной части интеллигенціи заражены безусловнымъ пессимизмомъ по отношенію къ эмпирической дѣйствительности. Опять исповѣдуется догматъ: прогресса изъ „опыта“ вывести нельзя.

„Научная теорія прогресса подобна тусклой свѣчѣ,—читаемъ мы, напр., на страницахъ „Проблемъ идеализма *), —которую кто-нибудь зажегъ въ самомъ началѣ темнаго безконечнаго коридора. Свѣча скудно освѣщаетъ уголокъ въ нѣсколько футовъ вокругъ себя, но все остальное пространство объято глубокой тьмой. Позитивная наука не въ силахъ раскрыть будущихъ судебъ человѣчества, она оставляетъ насъ относительно ихъ въ абсолютной неизвѣстности. Отрадная увѣренность, что все доброе и разумное въ концѣ концовъ восторжествуетъ, не имѣетъ никакой почвы въ механическомъ міропониманіи: вѣдь, здѣсь все есть абсолютная случайность, отчего же та самая случайность, которая нынче превознесла разумъ, завтра его не потопитъ. И которая нынче дѣлаетъ цѣлесообразными знаніе и истину, завтра не сдѣлаетъ столь же цѣлесообразными невѣжество и заблужденіе?.. Нѣтъ, все, что имѣетъ сказать здѣсь честная позитивная наука, это одно: ignoramus и ignorabimus. Разгадать сокровенный смыслъ исторіи и ея конечную цѣль ей не подъ силу“.

Позитивная наука—это накопленный „опытъ“ „дѣйствительной“ жизни. Авторъ приведенныхъ словъ, обобщая данныя „опыта“, имѣющагося на активѣ „интеллигентнаго пролетаріата“, заключаетъ о ходѣ всего историческаго развитія, пессимистическіе выводы относительно двухъ уголковъ дѣйствительности, доступныхъ наблюденіямъ названной группы, распространяетъ на все прошлое, настоящее и будущее человѣчества.

Ignoramus et ignorabimus! — Въ точности воспроизводятся пройденные уже исторіей уроки агностицизма:

„Мѣняя каждый мигъ свой образъ прихотливый,
Капризна, какъ дитя, и призрачна, какъ дымъ,
Кипитъ повсюду жизнь въ тревогѣ суетливой,

*) С. Булгаковъ. „Основныя проблемы теоріи прогресса“, стр. 15.

Великое смѣшавъ съ ничтожнымъ и смѣшнымъ.

. . . .

. . . .

Вотъ жизнь, вотъ этотъ сфинксъ!.. Законъ ея—мгновенье
И нѣтъ среди людей такого мудреца,
Кто могъ бы указать толпѣ—куда ея движенье,
Кто могъ бы уловить черты ея лица.

Туманы „хаоса“ продолжаютъ носиться передъ глазами извѣстной части современной интеллигенціи. И обо многихъ „ужасахъ“ хаоса повѣдала за девяностые годы изящная литература, служившая отраженіемъ идеологіи интеллигентнаго пролетаріата. Только на этотъ разъ причины, создавшія „хаосъ“ въ воображеніи интеллигентовъ, менѣе общаго характера, чѣмъ прежде, и потому въ нихъ нѣтъ уже элементовъ истиннаго трагизма.

„Скорбь“ и „тоска“ одинокихъ душъ попрежнему излюбленная тема художественнаго творчества. Искусство-игра находитъ себѣ все больше и больше жрецовъ. „Воображеніе, выдумка, вымыселъ“,—нѣкогда заимствованные изъ кодекса „аристократической“ artis poeticae разночинской интеллигенціей, потерявшей свое реалистическое міровоззрѣніе, продолжаютъ усиленно культивироваться.

Но „гони природу въ дверь, — она войдетъ въ окно“: „молодые“ беллетристы и поэты, занимаясь строительствомъ міра „обмановъ“, возвышающагося надъ міромъ дѣйствительности, всѣми своими произведеніями говорятъ лишь объ одномъ. Увлекаются ли они своими „свободными“ полетами фантазіи, занимаются ли они созерцаніемъ „тайны“ міровой науки, рѣшаютъ ли они сложнѣйшія психологическія загадки, создаютъ ли они самыя причудливыя настроенія, — они неизмѣнно лишь подчеркиваютъ „страхи“ интеллигентнаго пролетаріата за свое существованіе.

„Все кругомъ до безумія страшно. Не знаешь, что тебя ждетъ завтра; кругомъ столько зловѣщихъ возможностей; утромъ, когда только что проснешься, мысль о нихъ наполняетъ меня такимъ мутнымъ, безпросвѣтнымъ ужасомъ, что лучше бы ужъ прямо умереть; вдругъ заболѣешь, и станешь неспособенъ къ труду, вдругъ какая-нибудь случайная встрѣча, недоразумѣніе“.

Такъ резюмируетъ свое отношеніе къ реальной жизни герой разсказа В. Вересаева „Встрѣча“:—учитель гимназіи Смирницкій. Онъ сравниваетъ жизнь съ маленькой беззащитной птичкой, которая сидитъ неподвижно въ гнѣздышкѣ, съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, а вокругъ нея шныряютъ массы дерзкихъ и сильныхъ хищниковъ. Вѣрная эмблема положенія интеллигента-пролетарія, замкнувшагося въ интересы личной борьбы за жизнь и не желающаго выйти изъ сферы этихъ интересовъ, не доросшаго до сознанія, что не въ себѣ и не въ средѣ подобныхъ же ему обанкротившихся интеллигентовъ онъ долженъ искать точки опоры!

Самочувствіе интеллигента-пролетарія „одиноко“ стоящаго среди капиталистическаго общества, дѣйствительно, не можетъ не быть отвратительнымъ. Онъ видитъ себя безпомощнымъ, передъ сильными „хищниками“. Слѣдуя „обывательскимъ“ побужденіямъ, онъ закрѣпощаетъ себя „хищникамъ“. Ведя изо дня въ день рутинное, безконечно однообразное, „сѣренькое“ существованіе, онъ приходитъ къ убѣжденію, что живетъ не своей волей, а волею какой-то „роковой“, желѣзной, механической необходимости, что его судьбой властно распоряжаются какія-то „темныя“ силы. Настоящей жизни онъ не знаетъ; настоящая жизнь эволюціонируетъ помимо его участія и содѣйствія. Смыслъ и цѣль ея отъ него скрыты. Она развертываетъ передъ нимъ только коллизіи случайностей и ирраціональныхъ сцѣпленій.

„Страшно жизни... Какъ же тутъ съ ума не сойти отъ ужаса“!.. *).

Таково міровоззрѣніе современнаго „одинокаго человѣка“, эготиста-интеллигента... И какъ нельзя болѣе понятенъ поразительный успѣхъ писателя, сумѣвшаго въ своихъ разсказахъ яркими красками передать состояніе самочувствія, въ которомъ находится интеллигентный пролетаріатъ. И интеллигентный пролетаріатъ, въ лицѣ своей публики и своихъ критиковъ сказалъ ему свое великое спасибо. Даже тотъ, кого заподозрить въ симпатіяхъ къ „новымъ“ вѣяніямъ трудно, привѣтствовалъ первые шаги художника-модерниста. Ветеранъ „шестидесятыхъ годовъ“ Ник. Михайловскій благословилъ Леонида Андреева, объявилъ, что произведенія послѣдняго свидѣтельствуютъ о проникновеніи „въ глубь и въ ширь жизни“.

А между тѣмъ, ни о какой „широтѣ“ и „глубинѣ“ взглядовъ Леонида Андреева рѣчи быть не можетъ. Художникъ „интеллигентнаго пролетаріата“ большого знакомства съ „дѣйствительностью“ не имѣетъ. Подобно Чехову, онъ пользуется выхваченными изъ нѣдръ реальной жизни образами лишь для своихъ психологическихъ цѣлей. И еще дальше, чѣмъ Чеховъ, онъ ушелъ въ область искусства-игры.

О томъ, на что расходуетъ Леонидъ Андреевъ силы своего художественнаго творчества, даетъ надлежащее представленіе, напр., слѣдующая тема разсказа. Подъ кровлю „отчаго“ дома, въ очагъ крупно-буржуазной семьи возвращается „блудный сынъ“. Николай—имя его—бывшій студентъ технологическаго института семь лѣтъ тому назадъ ушелъ, разссорившись съ отцомъ, и съ тѣхъ поръ пропадалъ, неизвѣстно гдѣ. Теперь отецъ и сынъ примирились. Но пребываніе Николая въ родномъ гнѣздѣ оказалось непродолжительнымъ. Чувствуя себя чужимъ человѣкомъ среди буржуазной семьи и великолѣпной обстановки буржуазнаго дома, онъ опять удаляется въ невѣдомую „темную даль“, изъ

---

*) Слова названнаго героя „Встрѣча“ В. Вересаева.

которой явился.—Тема разсказа производитъ впечатлѣніе чего-то искусственнаго.

Зачѣмъ, спрашивается, понадобилось человѣку „убѣжденія"—какимъ авторъ хочетъ изобразить Николая,—возвращаться туда, гдѣ—какъ онъ прекрасно знаетъ—ему дѣлать нечего. Подобное возвращеніе для „человѣка убѣжденія" было бы лишь признакомъ малодушія и отступничества отъ предначертаннаго пути. Если бы настоящую тему принялся разрабатывать авторъ „Разсказа неизвѣстнаго человѣка", онъ не задумался бы охарактеризовать своего героя именно усталымъ, поддавшимся припадкамъ унынія, рыцаремъ на часъ. Но Леонидъ Андреевъ въ данномъ случаѣ не „чеховецъ". Онъ все-таки знаетъ, что существуютъ за предѣлами „мѣщанскаго царства" цѣльные и сильные люди. Онъ предлагаетъ вниманію читателей „молодого орла", а не инвалида. „Дикостью и свободой—описываетъ онъ фигуру Николая—вѣяло отъ его прихотливо разметавшихся волосъ; трепетной граціей хищника, выпускающаго когти, дышали всѣ его движенія, увѣренныя, легкія, безшумныя... И говорилъ онъ повелительно и просто, видимо, не обдумывая своихъ словъ, точно это были не ошибающіеся, невольно лгущіе звуки человѣческой рѣчи, а непосредственно звучала сама рѣчь. Чувство раскаянія не могло имѣть мѣста въ душѣ такого человѣка". Измѣнять, какъ видите, Николай самому себѣ не можетъ. Онъ—вполнѣ цѣльная натура, и поступокъ его рѣзкое противорѣчіе его психикѣ.

Авторъ не объяснилъ этого противорѣчія; причины возвращенія Николая остались авторскимъ секретомъ. Но разгадать данный секретъ не такъ трудно.

Леонидъ Андреевъ, какъ художникъ извѣстнаго типа, интересуется вовсе не „идеями" „блуднаго" сына, ни его гражданскимъ обликомъ. Обо всемъ этомъ онъ не сообщилъ ничего читателю, удовольствовавшись общимъ указаніемъ, что „блудный" сынъ—человѣкъ другого міра, чѣмъ его родные. И голословнаго указанія для его художественныхъ цѣлей вполнѣ достаточно. Цѣль, которую онъ преслѣдуетъ въ разсказѣ,—создать извѣстный психологическій эффектъ. Возвращеніе „молодого орла"—лишь канва, на которой вышиваются узоры извѣстнаго настроенія. Автору важно добыть эту канву, и онъ не останавливается передъ тѣмъ, какъ добыть ее: онъ пользуется „недозволенными" средствами, т. е. переступаетъ границы „правдоподобности..." Впрочемъ, идеологу „интеллигентнаго пролетаріата" такъ легко допустить подобнаго рода нарушеніе „реалистическихъ требованій". Онъ имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, пришедшимъ изъ міра иного „опыта", иной жизни, чѣмъ міръ изученныхъ интеллигентнымъ пролетаріатомъ „обрывковъ" дѣйствительности.

Леонидъ Андреевъ интересуется своимъ героемъ лишь постольку, поскольку приходъ послѣдняго вноситъ диссонансъ въ атмосферу „мѣщанскаго царства". Персонажи „мѣщанскаго цар-

ства“ поставлены на первый планъ; „высокая, сумрачная фигура“ пришельца виднѣется въ отдаленіи. Передача впечатлѣній, получаемыхъ персонажами „мѣщанскаго царства“ отъ присутствія таинственнаго для нихъ гостя,—вотъ надъ какимъ матеріаломъ работаетъ авторъ. Онъ старается заразить читателей настроеніемъ *страха*.

Или другой примѣръ аналогичной постановки темы. Это—разсказъ „Молчаніе“. Тамъ тоже фигурируетъ лицо, явившееся изъ „иного міра“ въ сѣренькую, обывательскую среду и принесшее съ собою ужасъ „тайны“. Тамъ тоже интересъ автора сосредоточивается не на изображеніи духовнаго облика человѣка, разорвавшаго съ „мѣщанской“ средой. Этотъ человѣкъ тамъ еще меньше дѣйствуетъ, чѣмъ въ разсказѣ „Въ темную даль“, обрисованъ еще болѣе неопредѣленными тонами. Вѣра промелькнула въ самомъ началѣ повѣствованія, какъ метеоръ, и исчезла: на первомъ планѣ стоитъ ея отецъ, и отчаянныя старанія его разгадать „тайну“ Вѣры — главная тема разсказа „Молчаніе“. Опять весь разсказъ написанъ съ цѣлью вызвать въ читателѣ депрессивное душевное состояніе.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ авторъ прибѣгаетъ къ искусственнымъ пріемамъ для достиженія своей цѣли. Все съ самаго начала до конца имъ „выдумано“. Искусственна общая композиція; искусственны и детали отдѣлки.

Припомните, напр., рядомъ какихъ положеній создается „настроеніе“ въ „Молчаніи“: авторъ заставляетъ Вѣру броситься подъ поѣздъ: ея комната „молчитъ“; по волѣ автора, мать героини поражена параличомъ: мать „молчитъ“; затѣмъ авторъ отворяетъ клѣтку и выпускаетъ птичку: клѣтка „молчитъ“, наконецъ, „молчитъ“ весь домъ, „молчитъ“ могила Вѣры; — почва для паѳоса ужаса, такимъ образомъ, приготовлена, и авторъ пишетъ центральную сцену.

Припомните также, напр., вступительныя строки разсказа „Въ темную даль“: „Уже четыре недѣли жилъ онъ въ домѣ — и четыре недѣли въ домѣ царили *страхъ и безпокойство*. Всѣ старались говорить и поступать такъ, какъ онъ, они всегда поступали и не замѣчали того, что рѣчи ихъ звучатъ глуше, что глаза ихъ смотрятъ виновато и *тревожно* и часто оборачиваются въ ту сторону, гдѣ находятся отведенныя ему комнаты“. Двери его комнаты „весь день заперты изнутри“, и когда домашніе проходили мимо этихъ дверей, „они умѣряли шагъ, и все тѣло ихъ подавалось въ сторону, словно въ *ожиданіи удара*“ *). По имени его не называли: „слово же „онъ“ точно и рѣзко выражало *страхъ*, который вызывала его высокая, сумрачная фигура. И только одна старая бабушка звала его Колей, но и она испытывала напряженное состояніе страха и ожиданія бѣды, охватившее весь домъ и

*) Курсивъ нашъ.

часто плакала". Краски сгущены; преднамѣренность автора сквозитъ въ каждомъ проведенномъ имъ штрихѣ.

И такъ постоянно. Леонидъ Андреевъ вездѣ выступаетъ служителемъ искусства-игры. Не измѣняетъ онъ себѣ и въ тѣхъ произведеніяхъ, за которыя получаетъ наименованіе крайняго натуралиста. Создавая ихъ, онъ также руководится цѣлью воспроизвести „настроеніе". Реалистическія описанія сами по себѣ не имѣютъ въ его глазахъ цѣнности. Тѣ или другія явленія „дѣйствительности" приковываютъ его вниманіе лишь, какъ источники тѣхъ или иныхъ эмоціональныхъ комплексовъ. И Леонидъ Андреевъ пользуется ими, какъ составными элементами для строительства „міра сна", міра „обмановъ", какъ удобнымъ матеріаломъ, которымъ можно распоряжаться, повинуясь требованіямъ творческаго воображенія.

Отсюда понятны его быстрые переходы отъ разработки „натуралистическихъ" темъ къ фантастическимъ и „декадентскимъ" сюжетамъ. Эти переходы не знаменуютъ для него переходовъ изъ области одного искусства въ область другого. Изъ осколковъ ли „дѣйствительности", или изъ обрывковъ кошмарныхъ видѣній фантазіи онъ одинаково можетъ создать свою мозаичную работу, оставаясь въ средѣ одного и того же процесса творчества.

Въ свое время Н. Михайловскій отмѣтилъ разсказъ „Ложь", какъ облако на ясномъ горизонтѣ художественной дѣятельности начинавшаго беллетриста. Съ тѣхъ поръ по этому горизонту заходили и грозовыя тучи: появились „Стѣна" и „Набатъ". Но и облако и тучи не были неожиданностью; они лишь придали зловѣщій колоритъ горизонту, очерченному и безъ того туманами: яснаго горизонта не существовало. Quasi—реалистическія произведенія Леонида Андреева — тоже своего рода „облака"; о „громадно несущейся впередъ жизни", о жизни „дѣйствительности" понятія они не даютъ.

„Я дѣйствительности нашей не вижу, я не знаю нашего вѣка"—это слова, сказанныя однимъ откровеннымъ enfant terrible современной поэзіи, могъ бы примѣнить къ себѣ Леонидъ Андреевъ. Онъ знакомъ лишь съ миніатюрными уголками реальной жизни, а все остальное скрыто отъ него завѣсой неизвѣстности. И свой „опытъ" жизни онъ формулируетъ: жизнь—это игралище „равнодушныхъ слѣпыхъ силъ", фаталистически дѣйствующихъ по невѣдомымъ для человѣчества законамъ и обращающихъ судьбу человѣка въ клубокъ какихъ-то ирраціональныхъ случайностей.

„Интеллигентный пролетарій" высказывается опредѣленно и рѣшительно... Выше мы указали, какъ сложилось подобное міросозерцаніе: кажущаяся „глубина" и „широта" взглядовъ Леонида Андреева свидѣтельствуетъ лишь о безсиліи разгадать загадку „сфинкса" и о „бѣгствѣ" отъ „дѣйствительности".

Типичнѣйшіе герои Л. Андреева—это люди, живущіе „гре-

зами“ или „мечтами“, люди „воображенія“ — „imaginatifs“ и „reveurs“.

Чиновникъ Андрей Николаевичъ („У окна“) „отсиживается“ отъ дѣйствительности, уйдя въ свой внутренній міръ. И вотъ какимъ образомъ онъ удовлетворяетъ себя за неудачи на поприщѣ „реальной“ жизни. Въ свободные отъ службы часы онъ подходитъ къ окну своей комнаты и смотритъ на красивый барскій домъ, находящійся на противоположной сторонѣ. „Даже... когда все кругомъ стояло безжизненнымъ и грустнымъ, зеркальныя стекла дома сіяли, и тропическія растенія, отчетливо вырѣзаясь, казались молодыми, свѣжими и радостными, точно для нихъ никогда не умирала весна, и сами они обладали тайной вѣчнозеленой жизни. Андрей Николаевичъ *любилъ* смотрѣть на этотъ домъ и *воображать*, какъ живутъ тамъ. Смѣющіеся, красивые люди неслышно скользятъ по паркетнымъ поламъ, тонутъ ногой въ пушистыхъ коврахъ и свободно раскидываются на мягкой мебели, принимающей форму тѣла. За зелеными цвѣтами не видно улицы съ ея грязью, и все тамъ такъ красиво, уютно и чисто“. Очутиться самому на положеніи обитателя красиваго барскаго дома Андрей Николаевичъ не желалъ бы: жить для него вообще значитъ только „испытывать тотъ страхъ, который идетъ вмѣстѣ съ жизнью“, а тѣмъ болѣе „страшна“ шумная, открытая жизнь. Его идеалъ—ограничиваться созерцаніемъ, точнѣе работой воображенія по поводу созерцаемаго. Работа воображенія избавляла Андрея Николаевича отъ страха передъ жизнью. „Время застывало для него въ эти минуты, и его зіяющая, прозрачная бездна оставалась недвижимой“.

Также за безцвѣтность и убожество своего существованія вознаграждаетъ себя игрой воображенія Сергѣй Петровичъ („Разсказъ о Сергѣѣ Петровичѣ“). Онъ „ординарный“, ограниченный юноша, мечталъ о какомъ-то „чудѣ“, благодаря которому онъ преображается въ „красиваго, умнаго и неотразимо привлекательнаго“ человѣка. „Послѣ оперы онъ представлялъ себя пѣвцомъ, послѣ книги—ученымъ; выйдя изъ третьяковской галлереи—художникомъ, но всякій разъ фонъ составляла толпа, „они“... которые преклоняются передъ его красотой или талантомъ, а онъ дѣлаетъ ихъ счастливыми. Когда длинными неувѣренными шагами, опустивъ голову въ выцвѣтшемъ картузѣ, Сергѣй Петровичъ шелъ въ столовую, никому въ голову не приходило, что этотъ невидный студентъ съ плоскимъ ординарнымъ лицомъ въ настоящую минуту владѣетъ всѣми сокровищами міра“. Героемъ его воображенія былъ жюль-верновскій капитанъ Немо, ушедшій въ сказочную глубь океана, прельщавшій Сергѣя Петровича своею „стихійно свободною личностью“. Впослѣдствіи „яркое до боли въ глазахъ и сердцѣ“, „чудесное и непостижимое“ *видѣніе* сверхчеловѣка вытѣснило всѣ остальные призраки, „возвышавшіе“ ординарнаго юношу надъ „дѣйствительностью“.

Сашка и его отецъ („Ангелочекъ"), способные поддаться чарамъ возвышающихъ обмановъ, воплощающіе въ ангелочкѣ всѣ свои грезы о свѣтлой жизни, о счастьѣ, Валя („Валя"), упивающійся игрой волшебнаго вымысла, грезящій о царствѣ печальныхъ русалокъ и таинственныхъ чудовищъ—разновидности все того же общаго типа „мечтателей".

И самъ авторъ принадлежитъ къ категоріи послѣднихъ: онъ надѣлилъ своихъ героевъ своимъ собственнымъ „imagination créatrice".

Его „творческое воображеніе" отмѣчено тѣмъ же характеромъ, какой отличаетъ и грезы Вали. Валѣ кажется, будто передъ его глазами проносятся ужасныя люди-чудовища. „Въ темную ночь они летѣли куда-то на своихъ колючихъ крыльяхъ, и воздухъ свистѣлъ надъ ихъ головой, и глаза ихъ горѣли, какъ красные угли. А тамъ ихъ окружали другія, такія же чудовища, и тутъ же творилось что-то таинственное, страшное. Острый, какъ ножъ, смѣхъ, продолжительные, жалобные вопли, кривые полеты, какъ у летучей мыши; странная дикая пляска при багровомъ свѣтѣ факеловъ, кутающихъ свои кривые огненные языки въ красныхъ облакахъ дыма; человѣческая кровь, и мертвыя бѣлыя головы съ черными бородами... Все это были проявленія одной загадочной и безумно злой силы... гнѣвные и таинственные призраки".

Сравните описанія „Стѣны" и „Набата": тѣ же дикіе образы, то же нагроможденіе мелькающихъ неясныхъ формъ и очертаній, тотъ же кошмарный импрессіонизмъ. Воображеніе Леонида Андреева—это не „воображеніе пластическое", а „воображеніе расплывчатое" *). „Расплывчатое" воображеніе, импрессіонизмъ характеризуютъ также—что подчеркивалось уже литературной критикой—и манеру описаній въ тѣхъ разсказахъ нашего художника, которые свободны отъ декадентскаго колорита.

Мы не будемъ останавливаться на соціологической оцѣнкѣ импрессіонизма и расплывчатаго творчества въ области художественной литературы. Ограничимся лишь однимъ важнымъ для насъ указаніемъ: импрессіонизмъ, какъ и всякій другой видъ „imagination diffluente" говоритъ объ удаленіи художника отъ „дѣйствительности". Опредѣляющая роль отъ внѣшнихъ факторовъ творчества переходитъ, въ импрессіонистическомъ и декадентскомъ искусствѣ, къ фактору внутреннему. Образы, съ которыми оперируетъ расплывчатое воображеніе—суть „эмоціональныя абстракціи" **).

Другими словами, художникъ „новаго искусства" беретъ отъ „внѣшняго" міра лишь то, что можетъ служить удовлетвореніемъ потребностямъ обособленной жизни его „я". Потому-то

---

*) Термины, употребляемые Т. Рибо (см. его „Essai sur l'imagination créatrice"):—l'imagination plastique, l'imagination diffluente.

**) Th. Ribot, loc. cit., 162.

„новое“ искусство такъ дорого „интеллигентному пролетаріату“: это искусство позволяетъ обращаться съ явленіями „дѣйствительности“ произвольно, пользоваться лишь ея „осколками“, возвышаться надъ нею, почаще позабывать о боли пораженія, понесеннаго на ея лонѣ. Импрессіонизмъ, декадентство, символизмъ— имѣютъ „идеалистическое *) значеніе: они служатъ прикрытіемъ для того, кто отступаетъ передъ стремительнымъ натискомъ „реальной“ жизни.

„Поменьше дѣйствительности“ — этому правилу слѣдуетъ импрессіонистъ Л. Андреевъ, рисующій вмѣсто тѣлъ контуры, вмѣсто людей — силуэты, передающій вмѣсто тоновъ — полутона, вмѣсто жизни—отзвуки жизни. Но, освобождаясь такимъ образомъ отъ „дѣйствительности“, онъ остается ея узникомъ.

Мы выше указали соціологическій смыслъ того „настроенія“, которое Леонидъ Андреевъ старается постоянно воспроизвести, тѣмъ или инымъ путемъ—т. е. подбирая искусно „ужасы“ реальной жизни, или пользуясь какой-нибудь искусно придуманной психологической антитезой, или обращаясь къ техническимъ пріемамъ „упадочниковъ“—къ обрисовкѣ кошмарныхъ видѣній.

VII.

Отрывокъ изъ дорожныхъ contemplations одного „интеллигента-пролетарія“.

Интеллигентъ-пролетарій ѣдетъ по новопостроенной желѣзной дорогѣ, пересѣкающей глухія провинціальныя дебри. Картины, развертывающіяся передъ окнами вагоновъ, наводятъ его на думы о смыслѣ его собственнаго существованія.

„Какой странѣ принадлежу я..., я, русскій интеллигентъ-пролетарій, одиноко скитающійся по роднымъ краямъ? Что общаго осталось у насъ съ этою лѣсной глушью? Она безконечно велика, и мнѣ ли разобраться въ ея печаляхъ, и мнѣ ли помочь имъ? Моя собственная маленькая жизнь проходитъ безпорядочно въ мелкой погонѣ за минутами счастья, на которое я тоже имѣлъ право, но гдѣ же оно въ этихъ снѣжныхъ пустыняхъ? И какъ страшно одиноки мы, безпомощно ищущіе красоты, правды и высшихъ радостей для себя и для другихъ въ этой исполинской лѣсной странѣ. Какъ прекрасна, какъ дѣвственно богата эта страна! Какія величавыя и мощныя чащи стоятъ вокругъ насъ, тихо задремывая въ теплую январскую ночь!.. И въ то же время какая *жуткая* даль!“

Основныя черты, характеризующія пессимизмъ, которымъ проникнуты современные рыцари печальнаго образа—идеологи

---

*) Рибо сближаетъ „imagination diffluente“ съ „идеалистическимъ“ воображеніемъ, ibid. 171.

интеллигентнаго пролетаріата по отношенію къ эмпирической дѣйствительности, имѣются налицо. И въ растерянности передъ процессомъ реальной жизни, и въ страхѣ передъ нею, и въ тоскѣ одиночества исповѣдуется интеллигентъ-пролетарій. Имѣется также признаніе въ наличности эгоцентрическихъ мотивовъ. Наконецъ, указывается на культъ эстетическаго начала. Если прибавить къ этому, что нашъ интеллигентный пролетарій одаренъ—какъ мы увидимъ ниже—большою склонностью къ идеализму, то мы получимъ полную схему міросозерцанія, типичнаго для опредѣленной общественной группы. И было бы, пожалуй, излишнимъ къ ряду сдѣланныхъ нами характеристикъ присоединять еще одну, повторяя оцѣнку мотивовъ, о которыхъ намъ приходилось говорить въ предыдущихъ главахъ, если бы литературный обликъ автора приведенной цитаты не давалъ намъ возможности нѣсколько ближе ознакомиться съ генеалогическимъ древомъ „новаго искусства".

И. Бунинъ—цитата принадлежитъ его перу—вышелъ изъ „лѣсной глуши", изъ нѣдръ „помѣщичьей Руси". Но потеря органической связи съ „родными гнѣздами" не означаетъ для него полнаго разрыва съ послѣдними. Чувствуя себя на положеніи „интеллигентнаго пролетарія", онъ продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, сохранять къ своей „родинѣ" платоническую привязанность. Старо-барскій складъ жизни и старо-барская культура не вызываютъ съ его стороны слова рѣзкаго порицанія. Напротивъ, они рисуются ему въ довольно заманчивыхъ краскахъ; онъ исполненъ чувства меланхолической грусти по отживающей „старинѣ".

Какъ недвусмысленно свидѣтельствуютъ его разсказы, удаленіе отъ „родного гнѣзда" является, въ его глазахъ, источникомъ великихъ золъ.

Напр., почему чувствуетъ себя несчастнымъ герой разсказа „Новый годъ"?—Этотъ герой, „интеллигентный пролетарій", погруженный всецѣло въ заботы о хлѣбѣ насущномъ, принужденъ влачить безцѣльное, сѣренькое существованіе, закрѣпостивъ себя бюрократической службой. У него есть имѣніе, но имѣніе это заложено и перезаложено; обосноваться въ своемъ „родномъ гнѣздѣ" герой разсказа И. Бунина лишенъ возможности.

„Положимъ, — разсуждаетъ онъ, — можно заняться хозяйствомъ... Но какое хозяйство можно завести въ этихъ жалкихъ остаткахъ усадьбы,—на сотнѣ десятинъ земли? И теперь почти повсюду такія усадьбы,—на сто верстъ въ окружности нѣтъ ни одного дома, гдѣ бы было свѣтло, весело, чувствовалось что-нибудь живое и разумное"!.. Между тѣмъ, сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ, жить собственнымъ „угломъ"—его завѣтная мечта. Идиллію „свѣтлаго, веселаго, разумнаго" существованія въ помѣщичьемъ углу онъ выставляетъ, какъ единственный маякъ, свѣтящій „во тьмѣ житейскихъ бурь". Именно невозможность

реализировать подобную идиллію повергаетъ героя г. Бунина въ безысходно-пессимистическое настроеніе.

Или, какъ объясняетъ г. Бунинъ „трагизмъ“ положенія другого „интеллигентнаго пролетарія“, фигурирующаго въ разсказѣ „Безъ роду-племени“? И для названнаго „интеллигентнаго пролетарія“ всѣ злоключенія проистекаютъ,—по словамъ г. Бунина,—отъ того, что еще на порогѣ ранней юности ему пришлось покинуть „отчій домъ“. Авторъ вкладываетъ въ уста своего героя такое признаніе: „городокъ, гдѣ осталась моя семья, разорившаяся помѣщичья семья, былъ отъ меня далекъ, я не понималъ того, что потерялъ послѣднюю связь съ родиной. Развѣ есть у меня теперь родина? И для меня потянулись одинокіе дни, безъ дѣла, безъ цѣли въ будущемъ и почти въ нищетѣ. Вѣдь у меня нѣтъ даже и этой связи съ родиной — своего угла, своего пристанища. И я быстро постарѣлъ, вывѣтрился нравственно и физически, сталъ бродягой въ поискахъ работы для куска хлѣба“... Другими словами, имѣй „интеллигентный пролетарій“ свой уголъ, онъ не жаловался бы ни на тоску одиночества, ни на безцѣльность существованія, ни на преждевременную старость.

Новые перепѣвы старыхъ мотивовъ: повторяется сказаніе о „вѣчномъ скитальцѣ“—русскомъ интеллигентѣ, обреченномъ на злосчастную долю неудачника-авантюриста. Сказаніе это сложилось давно, еще въ началѣ XIX вѣка, въ дворянской средѣ. „Вѣчный скиталецъ“—это интеллигентъ дворянинъ, оторвавшійся отъ „родной почвы“, покинувшій родовое помѣстье ради иныхъ сферъ жизни. Обрисовывая его образъ самыми траурными тонами, помѣстное дворянство указывало, что считаетъ его измѣнникомъ „общему“, т. е. общесословному дѣлу и общесословнымъ традиціямъ. Внѣ предѣловъ родного гнѣзда, учило оно, не можетъ быть счастья, и путь каждаго, кто отказывается отъ миссіи, завѣщанной ему дѣдами и отцами, усѣянъ всевозможными терніями: потеря смысла и цѣли жизни, безпомощное одиночество—непремѣнныя слѣдствія „ухода на сторону“... Въ славянофильской догмѣ подобные взгляды нашли себѣ наиболѣе опредѣленное и яркое выраженіе. Но и міровоззрѣнію „романтиковъ“ апологія прикрѣпленія къ „родной почвѣ“ не была чужда. Воплощая въ фигурахъ мятежныхъ „титановъ“, кидающихъ дерзкій вызовъ человѣческому „обществу“ и уходящихъ отъ этого общества, свой протестъ противъ салонной „толпы“, они въ то же время грезили объ идилліяхъ тихихъ „патріархальныхъ“ уголковъ. Правда, картины уединенной жизни въ „уголкахъ“ зачастую являлись украшенными причудливой игрой фантазіи, но за узорами вымысла всегда легко было разглядѣть реальный „остовъ зданія“. Ненависть къ „мѣщанству“ у романтиковъ прекрасно уживалась съ „буржуазными“ тенденціями.

Точно также дѣло обстоитъ и у г. Бунина. Выступая противникомъ „мѣщанской культуры“, негодуя на доступные его

наблюденію слои современнаго „общества" за то, что они заражены духомъ „поголовнаго мѣщанства", И. Бунинъ съ трогательною нѣжностью говоритъ о „старосвѣтскомъ благополучіи". Мѣщанскому складу жизни онъ противополагаетъ патріархальную „домовитость".

„Складъ мелкопомѣстной дворянской жизни—вспоминаетъ онъ въ разсказѣ „Антоновскія яблоки" прежнія времена — который теперь сталъ сбиваться уже на *мѣщанскій*,—въ прежніе годы, да еще и на моей памяти, т. е. очень недавно, имѣлъ много общаго со складомъ богатой мужицкой жизни по своей *домовитости* и сельскому *старосвѣтскому благополучію*". И этой старобарской „домовитости" онъ произноситъ—на страницахъ „Антоновскихъ яблокъ"—прочувствованный панегирикъ.

Описывается усадьба одной „старосвѣтской помѣщицы".

„Крѣпостного права я не зналъ и не видѣлъ, но помню, что у тетки Анны Герасимовны чувствовалъ себя совершенно въ дореформенномъ быту. Въѣдешь во дворъ и сразу ощутишь, что тутъ крѣпостное право еще живо. Усадьба — небольшая, но вся старая и прочная, окруженная столѣтними березами и лозинами. Надворныхъ построекъ,—не высокихъ, но домовитыхъ, — множество, и всѣ онѣ точно слиты изъ темныхъ дубовыхъ бревенъ подъ соломенными крышами". Слѣдуютъ описанія сада „славящагося своей запущенностью, соловьями, горлинками и яблоками", и барскаго дома, „основательно выглядывающаго изъ-подъ своей необыкновенно высокой и толстой соломенной крыши, почернѣвшей и затвердѣвшей отъ времени". Даже мелькающія на дворѣ фигуры ветхихъ стариковъ и старухъ, „послѣднихъ могиканъ двороваго сословія" не нарушаютъ цѣльности впечатлѣнія, производимаго на автора уголкомъ „дореформеннаго быта". Авторъ чувствуетъ себя *уютно* „въ этомъ гнѣздѣ, на тихомъ, кругломъ дворѣ, подъ бирюзовымъ осеннимъ небомъ"...

Равнымъ образомъ, домовитость внутренней обстановки старосвѣтской обители служитъ для автора источникомъ „бодрящихъ" настроеній.

Эти настроенія не покидаютъ автора и тогда, когда ему приходится наталкиваться на зрѣлище неурядицъ современной деревенской жизни. Въ „Автоновскихъ яблокахъ" есть характерное мѣсто: И. Бунинъ разсказываетъ, какъ однажды, послѣ долгаго пребыванія въ городѣ, онъ посѣтилъ родныя „палестины", какими „убогими и скучными" показались ему родныя поля, какія неприглядныя сцены онъ наблюдалъ, пока на крестьянской подводѣ ѣхалъ по направленію къ „старой усадьбѣ". Но дорожныя сцены не оставили въ его душевномъ мірѣ глубокаго слѣда, не вызвали надлежащей реакціи. И, очутившись въ родномъ „гнѣздѣ", г. Бунинъ быстро освобождается отъ власти „первыхъ" впечатлѣній.

„Первымъ впечатлѣніямъ, — сообщаетъ онъ,—не слѣдуетъ

довѣрять, деревенскимъ послѣ городскихъ—особенно. Проходитъ два-три дня, погода мѣняется, становится свѣжѣе, и уже усадьба и деревья начинаютъ казаться иными. Начинаешь улавливать связь между прежней жизнью и теперешней, и... здоровье, простота и домовитость деревенской жизни снова проступаютъ и въ новыхъ впечатлѣніяхъ, то тамъ, то здѣсь. Прошло почти пятнадцать лѣтъ, — многое измѣнилось кругомъ, я и самъ пережилъ много, но я опять чувствую себя дома почти такъ же какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ: по-юношески грустно, *по-юношески бодро. И мнѣ хорошо* среди этой сиротѣющей и смиряющейся деревенской жизни".

Такъ, отъ настроеній „дѣйствительности" потомокъ старыхъ „феодаловъ" находитъ успокоеніе въ родной „стихіи", врачуетъ свою „усталую душу" „барскими" переживаніями.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда „родина" далеко, когда нѣтъ налицо обстановки, непосредственно создающей соотвѣтствующее настроеніе, потомокъ „феодаловъ" вызываетъ его искусственнымъ образомъ. Онъ обращается къ помощи воображенія. Дѣйствіемъ послѣдняго онъ старается „возвыситься" надъ царствомъ „поголовнаго мѣщанства", плѣнникомъ котораго является,—надъ прозой одинокой борьбы за существованіе, надъ сферой мелкихъ, будничныхъ интересовъ и мелкой погони за счастьемъ.

„... Я по цѣлымъ днямъ сижу за работой, гляжу въ окно на мокрыя вывѣски и сѣрое небо, и все деревенское очень далеко отъ меня. Но по вечерамъ я читаю *старыхъ поэтовъ родныхъ мнѣ по быту* и по многимъ своимъ настроеніямъ... А ящики моего письменнаго стола полны антоновскими яблоками, и здоровый осенній ароматъ ихъ переноситъ меня въ деревню, въ помѣщичьи усадьбы... И вотъ предо мною проходитъ цѣлый міръ"...

Приведенный примѣръ того, какъ созидается „возвышающій обманъ", раскрываетъ секретъ возрожденія литературныхъ традицій, отвергнутыхъ въ свое время проповѣдью „мыслящихъ реалистовъ". Старые поэты, о которыхъ говоритъ И. Бунинъ,—это именно выразители „феодальныхъ" переживаній и „феодальной" идеологіи. Поздній отпрыскъ земледѣльческаго класса пользуется „культурнымъ" матеріаломъ, накопленнымъ предками. Не потому, что реалистическое направленіе наскучило - какъ пытаются доказать критики извѣстнаго оттѣнка, - а потому, что современные интеллигентные пролетаріи феодальнаго происхожденія, ограниченные въ своемъ общественномъ кругозорѣ и не имѣющіе въ своемъ распоряженіи „новой" культуры, принуждены по необходимости прибѣгнуть къ „архивамъ" прошлаго—именно потому *намѣчается* путь реабилитаціи низвергнутыхъ „кумировъ" и ихъ литературнаго credo.

Завѣтамъ „старыхъ" поэтовъ и „старыхъ" новеллистовъ усердно слѣдуетъ И. Бунинъ въ своей литературной дѣятельно-

сти. Своими стихотвореніями онъ воскрешаетъ преданія лирики личныхъ ощущеній и чувствъ. Какъ новеллистъ, онъ доходитъ вплоть до возвращенія къ аристократически-салонному роману *).

Казалось бы, продукты художества, трактующіе такія темы, давно стали исключительнымъ достояніемъ „мелкой“ прессы, журналовъ „для семейнаго чтенія“, дамскихъ альманаховъ: реалистическая школа еще съ конца „сороковыхъ“ годовъ изгнала ихъ совершенно изъ обихода передовой литературы. И еще тогда ихъ единственными защитниками выступали лица въ родѣ публицистовъ пресловутой „Сѣверной Пчелы“, настойчиво рекомендовавшихъ не измѣнять завѣтамъ „аристократизма“. Но tempora mutantur. Произведенія „аристократической“ музы украшаютъ нынѣ страницы изданій, считающихся прогрессивными. Въ рядахъ извѣстной части интеллигенціи раздается кличъ, призывающій обратить взоры назадъ, къ „вершинамъ аристократической цивилизаціи“. „Духовныя вершины аристократической интеллигенціи прошлаго заключаютъ въ себѣ болѣе высокія психическія черты и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ ближе къ будущему, чѣмъ буржуазно-демократическая интеллигенція капиталистическаго вѣка съ ея духовной бѣдностью и анти-идеалистическимъ духомъ“ **).

Между „вершинами“ аристократизма и „нищетой“ мѣщанства для представителей „интеллигентнаго пролетаріата“ несуществуетъ третьяго элемента: культуры, одинаково далекой отъ культуры „феодаловъ“ и культуры „буржуазной демократіи“ представители интеллигентнаго пролетаріата не видятъ и не признаютъ.

„Аристократическая“ реакція катится широкой волной. Форменный романтизмъ, романтизмъ раціонализировавшійся—давшій, напр., ницшеанскую систему, съ ея культомъ героевъ, презрѣніемъ къ „демосу“, апоѳеозомъ аристократическаго „рода“,—эстетизмъ, увлеченіе индивидуально-психологическимъ искусствомъ — все это проявленія одного и того же процесса. Каждая отдѣльно клѣтка „интеллигентнаго пролетаріата“ беретъ изъ „архива“ прошлаго то, что ей по вкусу, что отвѣчаетъ ея инстинктамъ и потребностямъ. Если клѣтки болѣе слабыя, болѣе способныя поддаваться острымъ, зачастую патологическимъ формамъ маразма, т. е. клѣтки, одаренныя наименьшимъ соціальнымъ сочувствіемъ, заимствуютъ изъ названнаго „архива“ все экзотическое,—то сравнительно болѣе нормально организованныя клѣтки пользуются архивнымъ матеріаломъ съ большею осторожностью и разборчивостью. Въ результатѣ заимствованій создается или романтическая сказка, или аристократическій романъ, или „психологиче-

*) Образецъ подобнаго рода литературныхъ произведеній — разсказъ „Осенью“: здѣсь имѣются налицо и салонная обстановка, и аристократическая изящная героиня, и сцена прогулки ночью en deux среди увядающихъ садовъ; весь интересъ разсказа исчерпывается воспроизведеніемъ переживаній салонной любви.

**) Н. Бердяевъ: „Борьба за идеализмъ“ („Міръ Божій“, 1902 г., іюнь).

ская“ новелла, или разсказъ „настроеній“, или лирическое стихотвореніе, воспѣвающее личныя переживанія.

Но,—повторяемъ,—за вычетомъ преднамѣренно кричащихъ или явно патологическихъ примѣровъ, романтика, эстетизмъ, литературный „индивидуализмъ“, возродившись въ наши дни, потеряли свой первоначальный колоритъ. Какъ тѣ интеллигенты, которые намѣтили путь къ реабилитаціи „родной старины“, такъ и тѣ, которые восприняли преданія чужой культуры,- одинаково не въ состояніи воскресить былого произвола фантазіи. Творческое воображеніе все-таки раціонализировалось. Все-таки уроки, преподанные разночинской интеллигенціей классическихъ временъ не пропали совершенно даромъ для интеллигентнаго пролетаріата.

VIII.

„Какъ вы всѣ мелки, какъ жалки, какъ васъ много! О, если бъ явился суровый и любящій человѣкъ съ пламеннымъ сердцемъ и могучимъ, всеобъемлющимъ умомъ! Въ духотѣ позорнаго молчанія раздались бы вѣщія слова, какъ удары колокола, и, можетъ быть, дрогнули бы презрѣнныя души живыхъ мертвецовъ!..“

„Мнѣ нуженъ учитель, потому что я человѣкъ; я заплутался во мракѣ жизни и ищу выхода къ свѣту, къ истинѣ, красотѣ, къ новой жизни,—укажи мнѣ пути! Я человѣкъ.—Ненавидь меня, бей, но извлекай изъ тины моего равнодушія къ жизни! Я хочу быть лучшимъ, чѣмъ есть: какъ это сдѣлать? Учи!..“

Такъ Максимъ Горькій устами своего „читателя“ нападалъ на современную школу беллетристовъ и требовалъ возвращенія къ прежнимъ традиціямъ литературы,—къ временамъ „пророковъ“, проповѣдниковъ, учителей жизни. Явившійся изъ общественныхъ „низовъ“ писатель несъ оттуда иное, болѣе высокое представленіе о задачахъ дѣятельности художника, чѣмъ то, которое узаконялось идеологами „интеллигентнаго пролетаріата“.

Но осужденіе „слабыхъ духомъ“, капитулировавшихъ передъ „дѣйствительностью“ „молодыхъ“ беллетристовъ за то, что послѣдніе не могли заявить себя учителями, указывать и открывать новые пути въ лабиринтѣ общественныхъ отношеній, будить дремлющихъ „мертвецовъ“,—это осужденіе не было равносильно въ устахъ Максима Горькаго безусловному признанію несостоятельности міровоззрѣнія „слабыхъ духомъ“. Напротивъ, многое сближало автора „Троихъ“ и „На днѣ“ съ „интеллигентнымъ пролетаріатомъ“, многое изъ настроеній названной группы находило откликъ въ его духовномъ мірѣ. Даже принято нѣкоторой частью критики не выдѣлять Максима Горькаго изъ сонма представителей „молодого“ поколѣнія художниковъ-интеллигентовъ... И, въ свою очередь, М. Горькій выступалъ съ изъявленіемъ своихъ

большихъ симпатій къ носителямъ „новаго“ міровоззрѣнія *), указывая тѣмъ самымъ на узы духовнаго сродства, связывающія его съ послѣдними.

Эти узы—его индивидуализмъ и *идеализмъ*.

Общественный классъ, отраженіемъ интересовъ котораго служатъ разсказы, повѣсти, драмы Максима Горькаго,—противникъ реалистическаго міропониманія. Опять мы имѣемъ дѣло съ общественной группой, безпомощно стоящей передъ лицомъ „дѣйствительности“. И на этотъ разъ безпомощность означаетъ не удаленіе въ область узко-групповой борьбы за жизнь, не зараженіе обывательскими стремленіями, а безсильную агонію низверженныхъ въ прахъ гладіаторовъ. Босяки -дѣйствительно люди, которымъ „нѣтъ ходу въ жизни“.

Правда. Горькій заставляетъ своихъ босяковъ говорить о строительствѣ жизни, о проявленіяхъ активной энергіи, о героизмѣ. Но на какой героизмъ способны босяки и куда ведетъ ихъ героизмъ, какого рода побѣду одержать они могутъ надъ „враждующей судьбой“? Вотъ яркіе примѣры доступнаго для нихъ торжества.

Илья Луневъ—въ образѣ котораго Максимъ Горькій наиболѣе полно обрисовалъ психологію босяка—долго накапливаетъ силы для того, чтобы дать рѣшительный бой своему непріятелю—„мѣщанскому“ обществу. Наступаетъ минута боя: Луневъ на именинахъ своего компаніона по торговлѣ, бывшаго полицейскаго чиновника, дѣлая неожиданное признаніе въ убійствѣ; произноситъ рѣзкую обличительную рѣчь противъ общества. И когда присутствующіе поражены, какъ громомъ, его признаніемъ и его обличеніями, Луневъ чувствуетъ себя побѣдителемъ, наслаждается ихъ паникой. Но лишь только все, что онъ имѣлъ сказать, было сказано, Луневъ тотчасъ какъ бы опускается съ неба на землю. „Онъ почувствовалъ, что усталъ говорить, что въ груди его образовалась равнодушная *пустота*, а въ ней, какъ тусклый мѣсяцъ на осеннемъ небѣ, стоялъ холодный вопросъ: а дальше что?“

А дальше ничего: Луневъ отомстилъ, какъ могъ, за „обиды жизни“; цѣль жизни была имъ отнынѣ потеряна, и авторъ спѣшитъ своего героя удалить со сцены.

Точно также далѣе подобнаго минутнаго торжества не пошелъ другой носитель „босяцкихъ“ настроеній—Ѳома Гордѣевъ. И онъ излилъ недовольство жизнью въ рѣзкой обличительной рѣчи передъ собраніемъ пирующихъ „мѣщанъ“, чувствовалъ себя одно мгновеніе побѣдителемъ, и затѣмъ погрузился въ состояніе „равнодушной пустоты“, и такъ закончилась повѣсть его исканій свѣта и счастья.

Босяцкій героизмъ, однимъ словомъ, сводится къ вспышкѣ,

*) Три года тому назадъ на страницахъ „Нижегородскихъ Вѣдомостей“ М. Горькій помѣстилъ похвальное слово К. Бальмонту и Валерію Брюсову.

иногда очень яркой, безсильнаго гнѣва: это—героизмъ отчаянья, героизмъ гибели. Пѣснь о „Смѣломъ Соколѣ“, испытавшемъ счастье битвы, падающемъ съ высоты съ разбитой грудью, бьющемся „въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень“—апоѳеозъ этого героизма: характерно, что въ „Пѣснѣ о Соколѣ“ описывается именно моментъ гибели, характерно, что Соколъ видитъ въ битвѣ самую цѣль, а не средство къ достиженію другихъ. положительныхъ цѣлей.

„О, если бъ въ небо хоть разъ подняться! Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!.. О, *счастье* битвы!“—восклицаетъ умирающій Соколъ. Максимъ Горькій переводитъ на поэтическій языкъ тѣ положенія, въ которыхъ приходиться стоять и Луневу, и Ѳомѣ Гордѣеву въ минуту разсчетовъ съ „мѣщанскимъ царствомъ“.—Въ духовномъ мірѣ босяковъ доминируетъ чувство „обиды на жизнь“; съ обличеніями противъ мѣщанскаго царства они выступаютъ уже тогда, когда отчаялись въ существованіи для нихъ иныхъ путей исхода изъ хаоса „дѣйствительности“; давая рѣшительный „бой“, они преслѣдуютъ одну цѣль—отомстить за обиды; о плодахъ побѣды они не думаютъ; потому-то моментъ боя совпадаетъ, для нихъ, съ моментомъ достиженія цѣли, ради которой „битва“ предпринята; потому-то послѣ „битвы“ имъ ничего больше не остается дѣлать и желать.

Lumpen—пролетаріатъ не принадлежитъ къ числу общественныхъ единицъ, которымъ дано принимать участіе въ „строительствѣ“ жизни. Онъ, въ его цѣломъ, обреченъ лишь довольствоваться пассивною ролью, реагировать пассивными ощущеніями на тревогу „громадной несущейся впередъ жизни“.

„Живи и ожидай, когда тебя изломаетъ, а если изломаетъ уже—жди смерти! Только и есть на землѣ умныхъ словъ... Проходитъ жизнь извѣстнымъ порядкомъ, ну, и проходи,—такъ значитъ надо, и я тутъ не при чемъ. Законы-съ, противъ нихъ невозможно идти“—такъ выясняетъ свою позицію въ процессѣ реальной жизни проницательный представитель своего класса, безрукій босякъ, фигурирующій въ разсказѣ „Тоска“.

Эмпирическая безысходность—полнѣйшая. И она порождаетъ отрицаніе реалистическаго взгляда на вещи. „Разсуждаютъ люди—исповѣдуется безрукій босякъ,—о томъ, о другомъ и прочее... глупо-съ! очень глупо! О чемъ разсуждать, когда существуютъ законы и силы? И какъ можно имъ противиться, ежели у насъ всѣ орудія въ умѣ нашемъ, и онъ тоже подлежитъ законамъ и силамъ? Значитъ живи и не кобенься, а то тебя сейчасъ же разрушитъ въ прахъ сила, состоящая изъ собственныхъ твоихъ свойствъ и намѣреній и изъ движеній жизни! Это называется философія дѣйствительной жизни...“

Думать—это значитъ для босяка воскрешать скорбную па-

мять прошлыхъ паденій и неудачъ и убѣждаться въ непоправимомъ трагизмѣ своего положенія.

Челкашъ, образецъ сильной и цѣльной, по мнѣнію М. Горькаго, личности, на минуту предстаетъ передъ читателями „упавшимъ“ и „жалкимъ“. Разговоръ съ Гаврилой навелъ его на думы о прошломъ. „Память,—замѣчаетъ авторъ,—этотъ бичъ несчастныхъ, оживляетъ даже камни прошлаго и даже въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда... и все это затѣмъ только, чтобы добить человѣка сознаніемъ ошибокъ и, заставивъ его полюбить это прошлое, лишить надежды на будущее“. И Челкашъ лишается на мгновеніе своего „героическаго“ облика, сознаетъ себя несчастнымъ, одинокимъ человѣкомъ, „вырваннымъ и выброшеннымъ навсегда изъ того порядка жизни, въ которомъ выработалась та кровь, что течетъ въ его жилахъ“.

„Задумавшійся“ человѣкъ—синонимъ человѣка, потеряннаго для жизни.

„Ты думаешь,—говоритъ босякъ Сергѣй Мальвѣ,—вотъ оно что!..—А кто думаетъ, тому скучно жить“... „Задумаешься—разлюбишь жизнь, это всегда такъ бываетъ“—формулируетъ босяцкій страхъ передъ жизнью Макаръ Чудра. Ту же мысль въ своеобразной формѣ высказываетъ Кравцовъ („Ошибка“). „Думать—это даже благонамѣренно, потому что отъ думъ человѣкъ погибнетъ самъ, и вы не тратите своихъ копѣекъ на то, чтобы погубить его!“

Какъ на примѣръ человѣка, погибшаго отъ „яда думъ“, Максимъ Горькій указываетъ на Коновалова...

Но разъ думы о „дѣйствительности“, разъ „правда жизни“ убиваютъ человѣка, то естественно эмансипироваться отъ власти этихъ думъ, отъ признанія этой „правды“.

„Правда, которая, падая на голову человѣка, какъ камень, убиваетъ въ немъ желаніе жить,—да погибнетъ!.. *)

„Бѣгай отъ думъ про жизнь... **)

Кто сумѣлъ приказать себѣ „не думать“, кто сумѣлъ отбросить память прошлаго и заставилъ замолкнуть въ себѣ сознаніе своей полной неудачи на жизненномъ пиру, тотъ,—объявляетъ босяцкая мудрость,—устоялъ въ борьбѣ за существованіе. Единственное, что остается „бывшимъ людямъ“, безпомощнымъ передъ неумолимыми „законами жизни“—это избавить себя отъ „излишнихъ и безплодныхъ страданій“. Босякъ постольку хозяинъ своей судьбы, поскольку ему удается облегчить тяжесть агоніи. Скрасить мгновенія неизбѣжнаго конца—единственно доступное для босяка счастье. И величайшее несчастье для него—не умѣть этого сдѣлать. А разъ только такимъ путемъ онъ можетъ оказать сопротивленіе „враждебнымъ“ обстоятельствамъ, только та-

---

*) „Еще о чортѣ“.
**) „Макаръ Чудра“.

кимъ путемъ проявить свою жизнеспособность, то, естественно, возникаетъ босяцкое ученіе о силахъ личности какъ единственныхъ рычагахъ человѣческой жизни и человѣческой исторіи.

Все (т. е. „все" конца) зависитъ отъ самого человѣка, имѣетъ ли онъ въ себѣ достаточно душевныхъ силъ (т. е. силъ мужественно встрѣчать конецъ) или нѣтъ.

Корень всѣхъ золъ въ томъ, что люди „слабы", что слишкомъ много „нищихъ духомъ". Все спасеніе въ „богатствѣ духа": надо заботиться только о пріобрѣтеніи этого богатства; надо воспитать въ себѣ сильную и цѣльную личность,—надо „увѣровать въ себя". И „нѣтъ крѣпче оружія" *), чѣмъ эта вѣра, вѣра въ „человѣческую личность". „Человѣкъ—вотъ правда!.."

„Все—въ человѣкѣ, все для человѣка! Существуетъ только человѣкъ, все же остальное—дѣло его рукъ и мозга! Чело-вѣкъ! Это—великолѣпно! Это звучитъ... гордо! Че-ло-вѣкъ! Надо уважать человѣка!..."

Таковы основоположенія босяцкаго *индивидуализма*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, проповѣдуя спасеніе отъ убивающей „правды" дѣйствительности и отравляющихъ „думъ"—босяцкая житейская мудрость открываетъ широкіе пути къ усвоенію *идеалистическихъ* взглядовъ. Взамѣнъ логически разсуждающаго ума, признаннаго ею непригоднымъ для приспособленія въ борьбѣ за существованіе, она предлагаетъ обратиться къ помощи „возвышающаго обмана"—„свободной" *фантазіи*.

Въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ произведеній Максима Горькаго разсказанъ слѣдующій характерный случай. Проститутка проситъ студента написать отъ ея имени письмо къ ея возлюбленному. Студентъ пишетъ. Черезъ нѣсколько дней новая просьба о новомъ письмѣ: только на этотъ разъ письмо должно быть адресовано къ самой Терезѣ (имя проститутки) отъ имени ея Болеся. Первое письмо оказывается неотправленнымъ по назначенію, а лежащимъ въ столѣ у проститутки. Студентъ пораженъ; у него даже мелькаетъ подозрѣніе, не сошелъ ли кто-нибудь изъ нихъ—Тереза или онъ самъ—съ ума.

— „Слушайте, Тереза! Что все это значитъ? Зачѣмъ вамъ нужно, чтобъ писали другіе, самъ я вотъ написалъ, а вы его не послали.—„Куда?"—А къ этому... къ Болесю?..—„Да его же нѣтъ!.."

И Тереза объясняетъ, что, въ данномъ случаѣ, это безразлично: „Ахъ, Іисусъ—Марія! Ну что же, что нѣтъ,—ну? Нѣтъ, а будто бы есть!.. Я пишу къ нему, ну и выходитъ, какъ бы онъ есть... А Тереза—это я, и онъ мнѣ отвѣчаетъ, и я опять ему..."

— „Вотъ вы мнѣ написали письмо къ Болесю, а я дала другому прочитать, и когда мнѣ читаютъ, я слушаю и думаю, что Болесь есть! И прошу написать письмо отъ Болеся къ Терезѣ... ко мнѣ. Когда такое письмо мнѣ пишутъ да читаютъ, *я ужъ совсѣмъ думаю, что Болесь есть. А отъ этого мнѣ легче живется...*"

*) *„Ошибка"*, 173.

Мы у родниковъ идеализма. Случай съ Терезой рельефно обрисовываетъ роль возвышающихъ обмановъ, какъ формы приспособленія къ потребностямъ борьбы за существованіе.

Въ переводѣ на философскую терминологію, героиня Максима Горькаго совершаетъ такъ называемый „прыжокъ изъ міра необходимости“ въ міръ „свободы“, изъ міра „бытія“ въ міръ „долженствованія“. Истинный трагическій смыслъ этого „прыжка“, на примѣрѣ горьковской героини, становится въ высшей степени яснымъ. „Обманъ“—это соломинка, за которую хватаются утопающіе.

„Нашъ братъ, бродяга, сказки разсказывать мастеръ,—оправдываетъ Коноваловъ босяцкую склонность украшать повѣствованія о своей судьбѣ различными фантастическими элементами.— Нельзя, другъ:—если у человѣка въ жизни не было ничего хорошаго, онъ вѣдь никому не повредитъ, коли самъ для себя придумаетъ какую ни то сказку, да и станетъ разсказывать ее за быль. Разсказываетъ и самъ себѣ вѣритъ, будто такъ оно и было—вѣритъ, ну ему и пріятно. Многіе живутъ этимъ. *Ничего не подѣлаешь...*“

Ничего не подѣлаешь! Да, необходимость, „желѣзная необходимость“ заставляетъ обитателей „босяцкаго царства“ исповѣдывать „идеализмъ“.

Поставивши вопросъ такимъ образомъ, художникъ этого царства объявляетъ себя на сторонѣ идеализма. Въ уста тѣхъ изъ своихъ героевъ, которымъ онъ симпатизируетъ, онъ вкладываетъ апологію его. Апостоломъ идеализма является, напр., странникъ Лука.

Въ началѣ третьяго акта драмы „На днѣ“, Настя разсказываетъ „сказку“—яркими мелодраматическими красками рисуетъ сцену любовнаго объясненія, будто бы происшедшую между нею и какимъ-то студентомъ. Присутствующіе Бубновъ и Баронъ смѣются надъ ея фантастическимъ повѣствованіемъ. Лука останавливаетъ ихъ: „А вы—погоди-ите! Вы—не мѣшайте! Уважьте человѣку. Не въ словѣ—дѣло, а—*почему слово говорится?*—вотъ въ чемъ дѣло!“ А Настю онъ утѣшаетъ: „Ничего—не сердись! Я—знаю... Я—вѣрю! *Твоя правда, а не ихняя... Коли ты вѣришь*, была у тебя настоящая любовь... *значитъ, была она!* Была“!.. *).

Ободрять человѣка, подчеркивая цѣнность „возвышающаго обмана“—его неизмѣнное правило. Укажемъ также на примѣръ Поли и Цвѣтаевой въ „Мѣщанахъ“. Обѣ онѣ отстаиваютъ передъ пессимистическими настроенной Татьяной необходимость „сладкаго“ обмана, выдумки и „мечты“. Человѣкъ „долженъ быть фантазеромъ... онъ долженъ, хоть не часто, заглядывать впередъ, въ будущее“, разсуждаетъ, напр., Цвѣтаева. „Татьяна: Что тамъ, впереди? Цвѣт.: *Все, что захочешь видѣть!* Татьяна: Да-а... нужно вы-

*) Курсивъ нашъ

думать! Цвѣт.: Повѣрить нужно... Татьяна: Во что? Цвѣтъ.: *Въ мечту*".

Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о построеніи перспективъ будущаго на основаніи данныхъ, добытыхъ опытной наукой, а объ игрѣ романтическаго воображенія.

Апологія „людскихъ выдумокъ", „мечты", „грезы", воображенія, какъ необходимаго суррогата дѣйствительности, естественно, опредѣляетъ характеръ литературныхъ симпатій Максима Горькаго.

Обитатели „босяцкаго царства" находятъ въ произведеніяхъ романтическаго вымысла надежное противоядіе противъ отравляющихъ думъ и страха передъ дѣйствительностью.

Сказаніе о Раулѣ Безстрашномъ, и Луизѣ Прекрасной, „Гуакъ или непреоборимая вѣрность", „Исторія о храбромъ принцѣ Францилѣ Венеціанѣ и прекрасной королевнѣ Ренцивенѣ"—таковы книги, которыми увлекались въ дѣтствѣ познавшіе трагизмъ эмпирической безысходности Илья Луневъ и его товарищи. Погружаясь въ чтеніе ультра-романтическихъ повѣствованій, герои повѣсти „Трое" проникались „согрѣвающей душу радостью". Эти повѣствованія вводили ихъ „въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, злыя чудовища погибали подъ могучими ударами храбрыхъ рыцарей, гдѣ все было величественно, красиво и чудесно и не было ничего похожаго на сѣрую скучную жизнь. Не было пьяныхъ маленькихъ людей, одѣтыхъ въ рваную одежду, и вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и неприступные замки изъ желѣза возвышались до небесъ. Они входили въ роскошную страну чудесныхъ вымысловъ"...

Настя въ драмѣ „На днѣ" черпаетъ образъ для кристаллизаціи своихъ мечтаній изъ той же области лубочно-романтической литературы: воспроизводя передъ слушателями сцену упомянутаго объясненія, она повторяетъ соотвѣтствующій діалогъ изъ книжки „Роковая любовь".

Варенька Олесова—для Максима Горькаго она—типичная носительница „босяцкихъ" настроеній—смущаетъ своего ученаго собесѣдника пристрастіемъ, которое она обнаруживаетъ къ издѣліямъ французской бульварной романтической музы. Она восторгается передъ писателями въ родѣ Понсонъ-де-Тюрайля, Габоріо, Дюма, Пьера Законнэ, Фортюнэ-де-Буагобэя. Въ названныхъ писателяхъ ей нравится именно то, что они пренебрегаютъ изображеніемъ „дѣйствительности", „сѣренькихъ людей" и мелкихъ чувствъ, и говорятъ о „настоящихъ герояхъ", о необыкновенныхъ подвигахъ и страстяхъ.

„У французовъ герои настоящіе,—защищаетъ она своихъ любимцевъ,—они и говорятъ не такъ, какъ всѣ люди и поступаютъ иначе. Они всегда храбрые, влюбленные, веселые... Читаешь сочиненіе французовъ—дрожишь за героевъ, жалѣешь ихъ,

ненавидишь, хочешь драться, когда они дерутся, плачешь, когда погибаютъ... страстно ждешь, когда кончится романъ, и когда прочтешь его, чуть не плачешь съ досады, что уже все. Тутъ—живешь, а въ русскихъ книжкахъ совсѣмъ непонятно—зачѣмъ живутъ люди? Зачѣмъ писать книжки, если не можешь сказать ничего необыкновеннаго"!

Тѣ же мотивы побуждаютъ героиню „Мѣщанъ"—Полю высказаться въ пользу мелодрамы. Полѣ „ужасно" нравятся пьесы „съ выстрѣлами, воплями, рыданіями". Въ фигурѣ „испанскаго дворянина", дона-Сезаръ-де-Базанъ она видитъ „настоящаго героя".

Конечно, все это еще не значитъ, чтобы для самого Максима Горькаго какой-нибудь авторъ лубочной повѣсти изъ рыцарскихъ временъ, какой-нибудь авторъ бульварнаго романа, какой-нибудь авторъ мелодрамы „съ выстрѣлами, воплями, рыданіями" являлся идеаломъ писателя... Каковъ его истинный идеалъ художника-беллетриста, Горькій выяснилъ въ очеркѣ „Читатель", гдѣ говоритъ о великихъ мастерахъ слова, жившихъ въ прежнія времена, оставившихъ книги, „которыхъ никогда не коснется забвеніе, ибо въ книгахъ тѣхъ запечатлѣны вѣчныя истины" и съ ихъ страницъ „вѣетъ нетлѣнной красотой". Но въ этихъ великихъ мастерахъ слова онъ цѣнитъ тѣ самыя качества, которыя именно дѣлаютъ служителей лубочно-бульварнаго художества столь привлекательными въ глазахъ его героевъ. Великіе мастера слова умѣли мощью вдохновенія творить *„возвышающіе обманы"—вотъ, что важно для Горькаго.* Онъ противопоставляетъ великихъ мастеровъ, какъ носителей „идеалистическаго" начала, современнымъ реалистамъ.

Образъ „пророка"-писателя получаетъ своеобразную окраску. Это уже не публицистъ-соціологъ, учащій „правдѣ" дѣйствительной жизни: изображать дѣйствительность для Горькаго значитъ преклоняться передъ нею; реалистическое направленіе, въ его глазахъ, исчерпывается реализмомъ историографовъ міра „сѣренькихъ людей".

Идеологъ lumpen-пролетаріата не можетъ быть учителемъ „правды" растущей жизни: горизонтъ жизни lumpen-пролетаріата слишкомъ узокъ и обложенъ кругомъ туманами, которымъ не суждено разсѣяться, пока названный классъ существуетъ. Единственно чему можетъ учить художникъ названнаго класса—это учить „возрожденію духа" передъ лицомъ неотвратимаго фатума, прикрывать „стѣны" сѣтью цвѣтовъ, видѣть въ „царствѣ мышей, паутины и тьмы"—царство „огней и звѣзднаго неба", т. е. учить возрожденію при посредствѣ „возвышающихъ обмановъ".

„Выдумки, воображеніе, вымыселъ"—завѣты „аристократической" цивилизаціи воскрешаетъ, вслѣдъ за „восьмидесятниками" и „интеллигентнымъ пролетаріатомъ" и бытописатель „босяцкаго царства".

Lumpen-пролетаріатъ, какъ классъ, стоящій внѣ „большой дороги" общественно-экономическаго развитія, не въ силахъ создать свою собственную культуру... А не имѣя возможности создать собственную культуру, поневолѣ приходится идти по проторенной дорожкѣ, остается пользоваться культурными цѣнностями, выработанными другими классами. Въ данномъ случаѣ требуется антиреалистическая культура: куда за нею обратиться? Отвѣтъ ясенъ.

Герои Горькаго находятъ отвѣтъ своимъ настроеніямъ въ продуктахъ лубочно-романтическаго и бульварно романтическаго творчества. Но что такое названныя отрасли „искусства"? Не что иное, какъ крохи, упавшія со стола „феодальнаго" пиршества въ народную и мѣщанскую среду. Соціальная генеалогія повѣстей „для народа", трактующихъ о подвигахъ „рыцарей безъ страха и упрека" и прекрасныхъ королевенъ всѣмъ извѣстна. Бульварный романъ есть дѣтище западно-европейской буржуазіи, которая на первыхъ порахъ своего „возвышенія" тоже собственной культуры не имѣла и прибѣгла къ *заимствованіямъ* у „феодаловъ": въ сферѣ изящной литературы *заимствованіе* выразилось созданіемъ особаго типа „романтизма", приноровленнаго ко вкусамъ маловзыскательной аудиторіи.

Итакъ, герои Горькаго, убѣгая отъ „дѣйствительности", обращаются къ помощи вылинявшаго „аристократическаго" искусства... Самъ же Горькій узаконяетъ болѣе совершенныя формы этого искусства, провозглашая, въ теоріи, идеалъ романтика-писателя, воздѣйствующаго на читающую публику не „правдой" изображаемой жизни, а чарами „вымысла". Такія же произведенія Горькаго, какъ „Ханъ и его сынъ" или разсказы старухи Изергиль, показываютъ, что и на практикѣ бытописатель „босяцкаго царства" способенъ воскрешать романтическія традиціи. О томъ же свидѣтельствуютъ его постоянныя старанія представить читателямъ „настоящаго героя", давать образы, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ и которые „выше" дѣйствительности.

Diximus. На рядѣ наглядныхъ примѣровъ мы прослѣдили ростъ труднаго литературнаго кризиса.

Существуетъ масса различныхъ формъ, въ которыя отливается новѣйшій литературный „идеализмъ". Подъ знамя идеалистической реакціи становятся равно какъ люди, нуждающіеся въ „прикрытіи" при бѣгствѣ отъ дѣйствительности, исполненной „въ ихъ глазахъ" трагизмомъ „эмпирической безысходности", такъ и люди, заинтересованные въ томъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ нѣкоторыхъ сторонъ дѣйствительности... Мы не говоримъ объ „идеалистахъ" второго типа. Было бы, конечно, поучительно раскрыть секреты ихъ „потусторонней" точки зрѣнія и показать,

съ кѣмъ приходится иногда вступать въ союзъ лицамъ, считающимъ себя прогрессивно настроенными. Но это не входило въ нашу задачу. Объектомъ нашего изслѣдованія служило исключительно новое художество, какъ идеологія извѣстной части интеллигенціи, части не примыкающей завѣдомо къ „центру" и „правой".

Не входило также въ нашу задачу заниматься характеристикой патологическихъ формъ „современнаго художества". Лишь мимоходомъ, въ главѣ о Леонидѣ Андреевѣ, мы упомянули о декадентствѣ, какъ своеобразномъ выраженіи „идеализма". Наша цѣль была—опредѣлить общую соціологическую подпочву, на которой выросли цвѣты „новаго искусства", новой „эстетики", и дать общую соціологическую оцѣнку новѣйшей литературной „смѣны". И мы выбрали для нашего анализа произведенія писателей, признанныхъ наиболѣе яркими представителями „новѣйшаго художества": именно въ ихъ произведеніяхъ заключается наиболѣе цѣнный, наиболѣе надежный матеріалъ, могущій служить лучшимъ комментаріемъ къ процессу совершающейся литературной эволюціи. И этого матеріала вполнѣ достаточно для выполненія поставленной нами задачи.

Не будемъ здѣсь, заключая нашу статью, повторять оцѣнокъ различныхъ этаповъ литературной „смѣны". Der langen Rede kurzer Sinn: ограничимся повтореніемъ основныхъ выводовъ:

1) Новѣйшая литературная смѣна есть переходъ отъ традицій искусства, завѣщанныхъ „мыслящими реалистами", къ индивидуалистическому искусству—искусству-игрѣ и культу „возвышающихъ обмановъ".

2) Оно вызвано суженіемъ соціальнаго кругозора нѣкоторыхъ ячеекъ интеллигентнаго общества.

3) Для обанкротившихся интеллигентныхъ „ячеекъ" культъ искусства-игры и культъ „возвышающихъ обмановъ" имѣетъ цѣнность, какъ средство, помогающее примиряться съ „эмпирической безысходностью",—какъ своего рода приспособленіе въ борьбѣ за существованіе.

4) Въ отношеніи преемственности литературныхъ видовъ (genres), „новое" искусство является воскрешеніемъ artis poeticae „феодальной старины": общественныя группы, оказавшіяся „несостоятельными", теряютъ способность къ культурному творчеству и дѣлаютъ заемъ на сторонѣ.

В. Шулятиковъ.

Соціально-психологическія основы натуралистическаго импрессіонизма.

Die handwerksmässige Productionsweise hat aufgehört dem Wirtschaftsleben ihren Stempel aufzudrücken: Kapitalistisches. Wesen ist auf der ganzen Linie zur Herrschaft gelangt.

Sombart: *Der moderne Kapitalismus.*

Impressionismus ist die ins äesthetische Schaffen umgesetzte Reizsamkeit.

Hellpach: *Nervosität und Kultur.*

1.

Историки литературы излагаютъ свой предметъ обыкновенно такъ отвлеченно, точно *идеи*, увѣковѣченныя въ художественныхъ произведеніяхъ, и *формы*, облекающія эти идеи, „свалились къ намъ прямо съ неба", по выраженію Энгельса, а не выработаны реальными условіями общественной дѣйствительности.

Тѣмъ не менѣе мысль о необходимости именно соціологическаго изученія литературы все больше крѣпнетъ, и можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ она войдетъ побѣдительницей и въ среду университетскихъ профессоровъ.

Какъ съ традиціонной, такъ и съ новой точки зрѣнія исторія литературы распадается на два отдѣла, исторію идей и исторію формъ, представляющія, однако, не самостоятельныя области, а двѣ главы одной болѣе общей науки, изслѣдующей общественныя состоянія, отношенія и перевороты, т. е.—соціологіи.

Такъ какъ увѣковѣченныя въ литературѣ идеи зарождаются въ опредѣленномъ общественномъ классѣ, въ средѣ интеллигенціи, подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, то съ ея идейной стороны исторія литературы превращается такимъ образомъ въ исторію сосуществующихъ и смѣняю-

щихся поколѣній интеллигенціи, дѣйствующихъ въ опредѣленной, хотя мѣняющейся обстановкѣ; а главная задача изслѣдователя заключается въ томъ, чтобы вывести идеи и настроенія каждой эпохи именно изъ положенія, занимаемаго разными группами интеллигенціи среди другихъ общественныхъ классовъ, и изъ ихъ отношенія къ нарождающимся или отживающимъ условіямъ реальной дѣйствительности.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникающія въ той или иной части интеллигенціи подъ вліяніемъ окружающей обстановки идеи облекаются въ форму спеціально художественнаго произведенія, а не научнаго или публицистическаго трактата, изслѣдователь обязанъ изучить не только самыя идеи, но и внѣшнюю ихъ оболочку: онъ обязанъ, другими словами, быть не только историкомъ идей, но также историкомъ *стиля*.

При объясненіи происхожденія той или иной художественной манеры онъ, какъ и въ первомъ случаѣ, будетъ исходить изъ данныхъ реальной, точнѣе соціально-психологической среды. Подобно тому какъ выраженныя въ литературныхъ произведеніяхъ идеи являются въ концѣ концовъ продуктами извѣстной общественной дѣйствительности, такъ точно и форма, въ которую порой облекаются эти идеи, вырабатывается опредѣленными соціальными условіями.

Въ настоящій моментъ мы ставимъ своей задачей показать на одномъ конкретномъ случаѣ—именно на новѣйшемъ нѣмецкомъ натурализмѣ — зависимость извѣстнаго художественнаго стиля отъ извѣстной соціально-психологической среды.

II.

Въ первой половинѣ истекшаго столѣтія Германія не представляла еще промышленно-капиталистической страны.

Сельское населеніе значительно преобладало надъ городскимъ, составлявшимъ только 28%. Города походили скорѣе на мѣстечки: только 15 имѣло свыше 30.000 жителей. Въ городскомъ хозяйствѣ господствовала ремесленно-домашняя форма производства. Хозяйки сами создавали въ своихъ четырехъ стѣнахъ почти всѣ предметы первой необходимости, а въ крайнихъ случаяхъ онѣ обращались къ помощи ремесленника, работавшаго не на рынокъ, а на заказъ.

Первые робкіе признаки фабричнаго производства замѣчаются лишь въ сороковыхъ годахъ. Во всей Пруссіи въ 1846 г. работало не болѣе 1.140 паровыхъ машинъ—теперь 70.000. Промышленные рабочіе—ихъ было очень немного (2%)—называли себя еще—Gesellen—„подмастерьями“, и, какъ видно изъ многихъ документовъ и фактовъ, сознавали себя не особымъ соціальнымъ классомъ, а скорѣе младшими братьями своихъ хозяевъ. Не су-

ществовало тогда въ Германіи и самостоятельной группы крупныхъ предпринимателей. Главная часть промышленниковъ состояла изъ помѣщиковъ, занимавшихся, между прочимъ, той или другой отраслью индустріи, и разбогатѣвшихъ ремесленниковъ, вывезшихъ изъ сосѣдней Франціи новѣйшія техническія усовершенствованія и открывшихъ потомъ на родинѣ небольшія фабрики. Купцы, а не индустріалы составляли большинство немногочисленныхъ капиталистовъ. Впрочемъ, и торговля отличалась довольно скромными размѣрами. Въ 1847 г. на всѣхъ ярмаркахъ, входившихъ въ составъ Zollverein'а—„таможеннаго государства", перебывало какъ разъ столько центнеровъ разнаго товара, сколько теперь производится однѣхъ шерстяныхъ матерій. Въ примитивномъ состояніи находились и пути сообщенія. Желѣзнодорожная сѣть охватывала 130 кил. Въ 1845 году во всей Германіи перевезено было не болѣе 4 мил. пассажировъ — теперь столько народа толпится въ дни пасхальной недѣли на вокзалахъ одной только столицы Пруссіи—и только 9 мил. литр. товара, т. е. столько, сколько теперь отправляется одной лишь проволоки.

Словомъ, до середины истекшаго столѣтія Германія представляла такую же приблизительно картину хозяйственной жизни, какъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Начиная съ 1850 г. капитализмъ быстро завоевалъ Германію, быстрѣе чѣмъ Англію и Францію.

Если 50 лѣтъ тому назадъ на 4 ремесленника приходилось только 3 рабочихъ (Entlohnte), то теперь цѣлыхъ 12. Если 50 лѣтъ назадъ капитализмъ, тамъ, гдѣ онъ существовалъ, развивался въ старыхъ формахъ ремесленнаго производства, то теперь самое ремесло со всѣхъ сторонъ разъѣдено ворвавшимся въ него капитализмомъ *).

Своего наивысшаго развитія достигла новая хозяйственная система вскорѣ послѣ франко-прусской войны.

Какъ разъ въ это время, въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ возникло въ Германіи новое литературное направленіе, извѣстное подъ названіемъ натурализма. Представляя дальнѣйшую фазу развитія реализма пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, оно разнилось отъ него преимущественно двумя чертами—*импрессіонистическими* пріемами техники и *детерминистическимъ* изображеніемъ человѣка **).

Писатели, создавшіе новый художественный стиль, рисовали внѣшнюю дѣйствительность именно такъ, какъ ее воспринимали, со всѣми ея случайными мелочами и частными явленіями. Они передавали далѣе впечатлѣнія и настроенія, получаемыя

---

*) Sombart: Der moderne kapitalismus, т. I.

**) Обѣ эти черты мѣтко указаны уже извѣстнымъ историкомъ Лампрехтомъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось прочесть его статьи о натурализмѣ. Ее цитируетъ Hellpach въ своей интересной книгѣ Nervosität und Kultur, не указывая, однако, ни мѣста, ни года, гдѣ и когда она была напечатана.

отъ нея, въ томъ видѣ и порядкѣ, какъ они входили въ ихъ сознаніе, останавливая свое вниманіе и на самыхъ мимолетныхъ, едва ли уловимыхъ оттѣнкахъ. Они изображали, наконецъ, поступки, характеръ и судьбу человѣка не иначе какъ въ тѣсной зависимости отъ окружающей его среды.

Совпаденіе обоихъ этихъ явленій — развитія капитализма и возникновенія натурализма, не было простой хронологической случайностью, а слѣдствіемъ внутренней причинной связи. Мы сейчасъ увидимъ, что *новый экономическій* строй, установившійся въ Германіи чрезвычайно быстро, въ какіе-нибудь тридцать лѣтъ значительно измѣнилъ нервную систему людей почти всѣхъ классовъ общества, заставивши ихъ чувствовать и мыслить именно въ импрессіонистическомъ и детерминистическомъ направленіи, а на почвѣ *новыхъ психологическихъ* данныхъ возникъ совершенно естественно *новый художественный* стиль, внесшій какъ разъ эти двѣ черты: импрессіонизмъ и детерминизмъ *въ старую реалистическую манеру* *).

III.

Въ первой половинѣ XIX вѣка, когда въ Германіи еще господствовала ремесленно-домашняя форма производства, жизнь текла сравнительно медленно и ровно, не предъявляя къ психикѣ обывателя чрезмѣрныхъ требованій, не напрягая черезчуръ его нервной системы, поддерживая въ массахъ душевное равновѣсіе.

Вмѣстѣ съ развитіемъ новой хозяйственной системы безвозвратно уходило это тихое патріархальное время.

Общество, вступившее въ стадію крупнокапиталистическаго производства, рѣзко распадается на двѣ группы -- предпринимателей и служащихъ. Для капиталиста, все равно будь онъ крупный или мелкій, жизнь превращается, благодаря конкурренціи, неизбѣжной спутницѣ капиталистическаго производства, въ безконечный рядъ большихъ или малыхъ психическихъ напряженій: даже въ свободное отъ занятій время не перестаетъ онъ комбинировать, рисковать, бороться — у него нѣтъ ни отдыха, ни покоя. Постоянный страхъ за свое мѣсто на рынкѣ заставляетъ его взвинчивать до крайности энергію и изобрѣтательность; съ каждымъ годомъ труднѣе становится удержать свою позицію, все больше наростаетъ конкуррентовъ, все больше нервовъ и мозга приходится тратить въ борьбѣ за существованіе.

---

*) Мы будемъ имѣть въ виду исключительно *верхніе* слои *городского* населенія потому, что они поставили большинство писателей-натуралистовъ и главный контингентъ читателей, со вкусами которыхъ послѣдніе такъ или иначе считались.

Наравнѣ съ предпринимателемъ участвуетъ въ этомъ лихорадочномъ процессѣ и весь многочисленный штатъ окружающихъ его техниковъ, химиковъ, рисовальщиковъ. Предлагая въ одномъ изъ нумеровъ журнала модъ Confectionnaire заказчикамъ коллекцію образцовъ для наступающаго сезона, фабрикантъ дѣлаетъ слѣдующее характерное признаніе:

„Съ каждымъ годомъ составленіе подобныхъ коллекцій становится все болѣе головоломной работой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта задача была еще сравнительно проста, теперь, когда всюду дѣлаются гигантскія усилія (riesenhafte Anstrengungen), когда все испробовано и придумано, она доставляетъ не мало хлопотъ *фабриканту, завѣдующему отдѣломъ образцовъ* (Musterchef) и *рисовальщикамъ*".

Въ такомъ же положеніи находятся, очевидно, предприниматели, работающіе въ другихъ отрасляхъ производства: зависимость отъ рынка и вытекающая изъ нея конкурренція предъявляютъ къ ихъ нервамъ повышенныя требованія, не даромъ неврастенія была открыта именно въ Америкѣ, въ классической странѣ крупнаго предпринимательства.

Хотя вторая изъ вышеуказанныхъ группъ, на которыя распадается верхній слой капиталистическаго общества (служащіе, Entlohnte), не такъ сильно страдаетъ отъ вліянія риска и конкурренціи, зато нигдѣ жажда богатства, власти и представительства такъ не распространена, какъ въ этомъ очень многочисленномъ классѣ, который, будучи пролетарскимъ по положенію, изо всѣхъ силъ стремится подражать крупной буржуазіи. Свободное отъ обязательныхъ занятій время эти люди тратятъ цѣликомъ на увеличеніе своихъ доходовъ путемъ экстренныхъ работъ или же на фигурированіе въ разныхъ обществахъ: ихъ нервы такимъ образомъ постоянно натянуты.

Наконецъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ раньше, зависятъ теперь и писатели отъ потребностей рынка и вкусовъ читателя, больше чѣмъ прежде подвержено теперь литературное ремесло закону конкурренціи, суровѣе становится борьба за существованіе и для его представителей: очень многіе изъ творцовъ натуралистическаго стиля вышли къ тому же изъ среды пролетаризированнаго мелкаго бюргерства, были по своему положенію интеллигентными пролетаріями.

Если свойственная капитализму производственная организація образуетъ такимъ образомъ очень благопріятную почву для повышенной нервозности, послѣдняя еще увеличивается вслѣдствіе особаго способа потребленія продуктовъ, характернаго для этой стадіи хозяйственнаго развитія: въ данномъ случаѣ страдаютъ уже одинаково всѣ классы „общества", предприниматели, служащіе, писатели.

Когда въ первой половинѣ XIX в. въ Германіи еще господствовала ремесленно-домашняя форма производства, люди долго

и любовно хранили предметы обихода, передавая ихъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. Они цѣнили въ нихъ прежде всего ихъ прочность. Если вещи отказывались служить, ихъ отправляли въ починку или пріобрѣтали соотвѣтствующія старыя: оба эти промысла, починка и продажа старья, были въ докапиталистическомъ обществѣ весьма распространенными и выгодными профессіями. При господствѣ капиталистическаго производства съ его конкуренціей предметы обихода и роскоши мѣняются, напротивъ, чрезвычайно быстро, и люди цѣнятъ въ нихъ больше всего ихъ новизну.

Существовавшая и въ докапиталистическомъ обществѣ мода подвергается теперь своеобразной трансформаціи: ея отличительной чертой становится бѣшено-быстрый темпъ смѣны — das rasende Tempo der Wechsels, по выраженію Зомбарта. Въ наше время не рѣдкость, если, напр., дамскія платья мѣняютъ свой фасонъ съ каждымъ сезономъ, и даже въ такой сравнительно устойчивой области, какъ столовая посуда, почти каждый годъ приноситъ съ собою новые образцы тарелокъ и стакановъ. Неизбѣжный при капиталистическомъ производствѣ необычайно быстрый темпъ моды сообщаетъ всей жизни, и безъ того ставшей, благодаря разнузданной конкуренціи, настоящей скачкой, еще болѣе безпокойный и лихорадочный характеръ. Die Mode—замѣтилъ еще старый эстетикъ Фишеръ (Vischer) schreibt mit eisiger Ruhe absolute Unruhe vor. Эта быстрая смѣна предметовъ обихода и роскоши, возможная съ воцареніемъ машины, окружаетъ далѣе обывателя на каждомъ шагу все новыми и новыми впечатлѣніями, заставляетъ его реагировать въ продолженіе одного дня на столько внѣшнихъ воздѣйствій, сколько въ доброе патріархальное время онъ испытывалъ въ продолженіе года: его зрительные и слуховые нервы никогда не бываютъ въ покоѣ.

Еще одинъ факторъ увеличиваетъ и поддерживаетъ очерченное настроеніе.

Пятьдесятъ лѣтъ назадъ люди всю почти жизнь сидѣли сиднемъ на одномъ мѣстѣ. Они не любили передвигаться уже по одному тому соображенію, что всякое передвиженіе было сопряжено со многими неудобствами и затратами. Теперь они рѣдко сидятъ на мѣстѣ. Торгово-промышленная дѣятельность гонитъ ихъ изъ города въ городъ, жажда наживы поддерживаетъ въ нихъ кочевыя наклонности, а новые пути сообщенія позволяютъ имъ легко и дешево ихъ осуществить.

Въ 1899 г. въ Берлинъ прибыло 200.000 человѣкъ, отбыло 170.000, въ Гамбургъ прибыло 100.000, отбыло 80.000 и т. д. Даже въ предѣлахъ одного и того же города люди рѣдко сидятъ на мѣстѣ. Въ Бреславлѣ, напр., въ 1899 г. на новую квартиру переѣхало 200.000 человѣкъ изъ 400.000 населенія.

Этотъ цыганскій образъ жизни въ свою очередь еще увеличиваетъ вызванную новыми условіями производства и потре-

бленія повышенную впечатлительность и безпокойную неуравновѣшенность *).

IV.

Среди многочисленныхъ противорѣчій, которыя порождаетъ капитализмъ въ своемъ развитіи, было такимъ образомъ еще одно до сихъ поръ мало оцѣненное, тѣмъ не менѣе очень любопытное *психологическое* противорѣчіе. Между тѣмъ какъ душевный организмъ обывателя былъ приспособленъ только къ условіямъ патріархальнаго, домашне-ремесленнаго строя, капитализмъ окружилъ его неожиданно обстановкой, требовавшей наличности *особой* нервной системы. Это соціально-психологическое противорѣчіе вызвало въ душѣ многихъ людей мыслящей и чувствующей части общества растерянность и утомленіе.

Какъ въ разсказѣ *Лангмана*, „Молодой человѣкъ 1895 г.“, они стали съ грустью вспоминать давно прошедшія времена, когда жизнь текла тихо и мирно, „работы было мало, а пищи много, никто не гналъ, не принуждалъ работать, всѣ чувствовали себя уютно въ этомъ чудномъ мірѣ“.

Конечно, и тогда „люди заботились о хлѣбѣ и кровѣ для себя, жены и ребенка“, но не было тогда той „лихорадочной озабоченности“, которая отличаетъ наше „удивительное столѣтіе“. Теперь лишь только молодой человѣкъ вступаетъ въ жизнь, „начинается погоня за кускомъ хлѣба, служба у другихъ людей, находящихся въ свою очередь на службѣ у маммоны или у своихъ нервовъ, „начинается взаимное подрываніе, самая разнузданная конкурренція“.

Невозможность отдохнуть создаетъ неспособность „наслаждаться“, боязнь потерять свое мѣсто порождаетъ „страхъ жизни“ **). Беззащитная отъ наплыва мѣняющихся на каждомъ шагу впечатлѣній „душа начинаетъ бояться малѣйшаго соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ“. Въ этой неугомонной сутолокѣ, въ этой изнуряющей борьбѣ человѣку остается одно только— „мечтать о покоѣ“: всѣ другія „цѣли“ перестаютъ для него существовать.

Люди болѣе приспособленные пошли иной дорогой. Живѣе ощутивъ несоотвѣтствіе между своей нервной системой и окружающей дѣйствительностью, они проникались мыслью о необходимости создать въ себѣ „новую душу“.

Въ романѣ *Шляфа*, „Третье царство“ встрѣчается сцена, гдѣ закинутый въ столицу изъ провинціальной глуши, герой

---

*) См. Sombart: „Der moderne Kapitalismus“, т. II; Hellpach: „Nervosität und Kultur“.

**) См. интересныя замѣчанія Hellpach'a (l. c.) относительно неспособности современнаго человѣка наслаждаться.

смотритъ съ недоумѣніемъ на раскинувшуюся у ногъ его величественную панораму Берлина, на этотъ адъ локомотивовъ и фабрикъ, магазиновъ и телеграфовъ—въ этомъ царствѣ индустріи и техники, гигантскаго производства и мірового обмѣна (думается ему) нужна совершенно особая душа, способная безъ ущерба для своего здоровья, безъ риска разложиться, воспринять этотъ хаосъ тѣснящихся впечатлѣній, эту необъятную массу слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній.

Передъ нимъ вставала невольно мечта Мопассана и Ницше о сверхчеловѣкѣ. Только въ умѣ столичнаго жителя eines Grosstadtmenschen—могла родиться подобная идея. Эта идея не что иное какъ символъ „происходящаго въ тканяхъ современнаго человѣка подъ вліяніемъ новыхъ условій техники, обмѣна и производства процесса видоизмѣненія нервной энергіи". Она символъ „медленнаго зарожденія новаго типа живыхъ существъ", которыя должны соотвѣтствовать новой соціально-экономической дѣйствительности. Однако всѣ попытки героя создать въ себѣ эту новую „психофизику" приводятъ ни къ чему, доводятъ его лишь до умопомѣшательства и самоубійства. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, люди просто поспѣшили примѣниться къ измѣнившимся условіямъ реальной дѣйствительности, и на *первыхъ порахъ* эти попытки приспособленія носили въ значительной степени болѣзненный характеръ: *въ жизни и литературѣ воцарялись нервные характеры*.

Первая черта, отличающая нервнаго человѣка отъ нормальнаго, заключается въ его чрезмѣрной впечатлительности и возбуждаемости (по мѣткому выраженію Ницше, Reizsamkeit). Въ своихъ разсказахъ, озаглавленныхъ „Nervöse Novellen" *Товоте* нарисовалъ цѣлую портретную галлерею такихъ ничѣмъ кромѣ излишней нервозности не отличающихся героевъ: одинъ стоитъ у окна и однообразный шумъ падающихъ дождевыхъ капель вызываетъ въ его умѣ вереницу назойливыхъ фантазій, вереницу дикихъ галлюцинацій, другой, давно мечтавшій жениться на любимой дѣвушкѣ, расходится съ ней послѣ того, какъ конка раздавила на ихъ глазахъ лошадь, и она лежала передъ ними вся окровавленная—сравнительно ничтожныя внѣшнія воздѣйствія вызываютъ въ нихъ непропорціонально сильныя эмоціональныя движенія, и имѣютъ рѣшающее вліяніе на ихъ судьбу. Такихъ невыразимо впечатлительныхъ людей, съ натурой мимозы, мастерски изобразилъ и Ола *Хансонъ* въ новеллахъ, озаглавленныхъ „Sensitiva amorosa"—„даже тѣнь, падающая отъ крылышка комара или складка, образовавшаяся въ лепесткѣ розы, способны нарушить ихъ душевное равновѣсіе".

Нервный человѣкъ не только очень легко поддается малѣйшему воздѣйствію на него внѣшней дѣйствительности—онъ становится безвольнымъ рабомъ получаемыхъ извнѣ впечатлѣній.

Въ романѣ *Бара* „Хорошая школа" художникъ, типическій

невропатъ, совершенно выходитъ изъ себя при видѣ никогда не замѣченнаго имъ раньше оттѣнка зеленаго цвѣта, и дѣйствуетъ совершенно какъ въ чаду, какъ подъ гипнозомъ. „Онъ немедленно рѣшилъ перенести этотъ цвѣтъ на свою картину. Какъ сумасшедшій бросился онъ бѣжать домой, боясь, что его мысль могутъ предвосхитить, размахивая руками, попеременно то плача, то смѣясь. На небѣ загремѣла первая, весенняя гроза, и дождь полилъ какъ изъ ведра. Онъ бѣжалъ ни на что не обращая вниманія, вступая по колѣна въ глину и грязь. Вѣтеръ сорвалъ его шляпу. Онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Только изрѣдка останавливался онъ, перевести дыханіе, хлопалъ въ ладоши и вертѣлся на одномъ мѣстѣ, точно одержимый бѣсами дервишъ".

Третьей отличительной чертой нервозной психики является ея неспособность бывать въ безразличномъ состояніи. Между тѣмъ, какъ нормальный человѣкъ сравнительно легко переходитъ отъ аффекта къ обычному, будничному настроенію, свободному отъ излишней радости и грусти, въ душѣ нервнаго человѣка моментъ повышенной энергіи быстро смѣняется моментомъ пониженной жизнедѣятельности.

Такъ, напр., упомянутый художникъ Бара очень скоро впадаетъ въ отчаяніе, такъ какъ ему не удается передать видѣнный имъ зеленый цвѣтъ *).

Душевная жизнь нервнаго человѣка распадается такимъ образомъ, на рядъ *рѣзко противоположныхъ и быстро мѣняющихся настроеній*: у него не можетъ быть характера и нѣтъ поэтому принциповъ. *Товоте* очень мѣтко замѣтилъ по поводу своихъ „нервныхъ" героевъ: „Такъ какъ эти люди постоянно мѣняются, такъ какъ они зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ неуловимыхъ настроеній, часто отъ одного случайнаго слова, то было бы странно говорить о наличности у нихъ цѣльнаго характера" (Einheitlicher Charakter).

По своему душевному складу, по своему образу чувствованія и мышленія *нервный человѣкъ* является, какъ видно, настоящимъ *импрессіонистомъ*.

Недаромъ, не случайно вошелъ этотъ типъ, живущій впечатлѣніями и настроеніями, этотъ Stimungs-mensch, какъ его окрестилъ одинъ писатель, въ литературу именно въ концѣ 80 и началѣ 90 годовъ: *онъ дитя крупнокапиталистической эпохи*. Чрезмѣрная его впечатлительность—прямое слѣдствіе слишкомъ быстро ворвавшагося въ жизнь новаго способа производства, кидающаго навстрѣчу обывателю огромную массу разнообразныхъ предметовъ, пріучающаго его постоянно и сильно реагировать на внѣшнія воздѣйствія. Его неустойчивость и перемѣнчивость

---

*) Много матеріала для характеристики нервнаго человѣка можно найти въ драмахъ Гауптмана („Праздникъ примиренія", „Одинокіе") и Зудермана („Гибель Содома").

становятся въ свою очередь понятными, какъ естественный результатъ необычайно быстрой смѣны предметовъ обихода, не позволяющей внѣшнимъ возбужденіямъ отлиться въ глубокій, длительный аффектъ, заставляющей поневолѣ жить быстро возникающими и также быстро исчезающими настроеніями. А его безхарактерность, съ одной стороны, логическій выводъ изъ его импрессіонистической манеры чувствовать, является вмѣстѣ съ тѣмъ своего рода приспособленіемъ къ измѣнившимся условіямъ реальной дѣйствительности, мѣшающейся, среди суровой борьбы за существованіе и вѣчно мѣняющейся, вѣчно подвижной обстановки, выработать устойчивыя чувства и убѣжденія.

V.

На почвѣ нервозной психики, созданной новыми условіями производства, потребленія и обмѣна, и возникъ въ концѣ восьмидесятыхъ и началѣ девяностыхъ годовъ новый художественный стиль—натуралистическій импрессіонизмъ.

1) Писатели стали теперь изображать дѣйствительность, именно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они ее воспринимали, не откидывая ни одного изъ полученныхъ отъ нея зрительныхъ впечатлѣній.

Реалистъ *Шпильгагенъ*, напр., компановалъ, по собственному признанію (Finder und Erfinder), встрѣчающіяся въ его первомъ романѣ картины дворянскихъ усадебъ на основаніи многихъ и очень многихъ имъ видѣнныхъ помѣстій, такъ что путникъ, бродящій по острову Рюгену, не найдетъ ихъ прообраза. Натуралистъ *Крецеръ*, напротивъ, изображалъ въ своихъ берлинскихъ романахъ („Обманутые“, „Погибшіе“ и т. д.) улицы и дома столицы съ фотографической точностью: ихъ не трудно отыскать.

2) Такъ какъ внѣшняя дѣйствительность передаетъ чувствамъ человѣка не только зрительные, а также одновременно рядъ другихъ, напр., слуховыхъ ощущеній, то натуралисты переносили на изображаемую картину всѣ эти впечатлѣнія, при томъ именно въ томъ самомъ порядкѣ, какъ они входили въ ихъ сознаніе.

Въ одномъ изъ разсказовъ (Ein Tod въ сборникѣ Papa Hamlet), совмѣстно написанномъ обоими родоначальниками нѣмецкаго импрессіонизма, *Хольцомъ* (Holz) и *Шляфомъ*, такъ описывается наступающее утро.

„Въ комнатѣ становилось свѣтло. Дверцы изъ желтой мѣди на бѣлой кафельной печкѣ слегка засверкали. На дворѣ зачирикали воробьи. Съ пристани доносились свистки парохода. Внизу съ шумомъ растворилась дверь. Взвизгнула ручка колодца. Черезъ извѣстные промежутки слышно было какъ вода лилась въ

ведро. Кто-то, шлепая, прошелся по двору. Дверь снова захлопнулась".

3) Импрессіонисты-лирики передавали также добросовѣстно впечатлѣнія и настроенія, переживаемыя ими въ извѣстный моментъ, не прибавляя къ нимъ ничего такого, чего не было въ самыхъ этихъ впечатлѣніяхъ и настроеніяхъ. Они безповоротно отвергли всѣ традиціонные художественные аксессуары. Они писали свои стихотворенія безъ риѳмы, ритма и цензуры. Величайшимъ лирикомъ въ ихъ глазахъ былъ американецъ Уайтманъ (Whitman). „Уайтманъ,—говоритъ о немъ *Шляфъ*,—отказался отъ всякой искусственной формы, онъ просто нанизываетъ впечатлѣнія одно на другое, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ ихъ воспринимаетъ, лежа въ травѣ и озираясь кругомъ: всѣ его стихотворенія состоятъ изъ отдѣльныхъ отрывочныхъ фразъ.

Вотъ для примѣра одно изъ импрессіонистическихъ стихотвореній *Хольца*. Поэтъ передаетъ послѣдовательно одно за другимъ впечатлѣнія, полученныя имъ при видѣ могилы мартовскихъ бойцовъ, и такъ какъ сильнѣйшимъ изъ этихъ впечатлѣній остается апперцепція креста, то и самое стихотвореніе облекается невольно въ форму креста:

„Я отпираю небольшую рѣшетку
Здѣсь покоются мартовскіе бойцы
По дорожкѣ, усыпанной осенними листьями, порхаютъ дрозды.
Блеститъ на солнцѣ паутинка вкругъ обветшавшаго креста.

Въ углу

(Я нагибаюсь, чтобы сорвать плющъ)
Лежатъ на камнѣ увядшія розы.
Кругомъ стелется сырой мохъ, обрызганный росой.
Едва поддаются чтенію потускнѣвшія буквы на плитѣ:
Съ трудомъ я разбираю...
Не-из-вѣст-ный че-ло-вѣкъ".

Не трудно видѣть, что эта первая особенность импрессіонистическаго стиля, это стремленіе подмѣтить и передавать *рѣшительно всѣ впечатлѣнія*, получаемыя отъ внѣшней дѣйствительности безъ всякой предварительной, критической сортировки, и при томъ именно въ той самой послѣдовательности, какъ они входятъ въ сознаніе художника, есть прямое *слѣдствіе основной черты нервозной психики*, реагирующей на самыя ничтожныя внѣшнія воздѣйствія, *неспособной* вмѣстѣ съ тѣмъ *противиться полученнымъ извнѣ впечатлѣніямъ*.

4) Изображая внѣшнюю дѣйствительность, художникъ-натуралистъ обращалъ далѣе вниманіе особенно на мельчайшія подробности даннаго предмета, на черты едва уловимыя простымъ глазомъ, на оттѣнки цвѣта и на игру освѣщенія. Такъ импрессіонистически-точно описывалъ, напр., *Шляфъ* въ очеркахъ, оза-

главленныхъ „Затишье“, внѣшность домика, гдѣ онъ поселился, съ его ставнями, окнами, вывѣской, ступеньками, и крышей, внутренность лавки съ ея бочками, ящиками, бутылками и посѣтителями, стараясь передать вмѣстѣ съ тѣмъ малѣйшіе цвѣтовые контрасты и свѣтовые эффекты.

5) Изображая внутреннюю дѣйствительность (душу), натуралисты воспроизводили также добросовѣстно едва замѣтные переходные моменты чувства, любили анализировать темные неразгаданные инстинкты, освѣщать великую область ирраціональныхъ настроеній. Въ рядѣ микроскопически-тонко разработанныхъ очерковъ („Обыкновенныя женщины“, „Путь къ свѣту“) Ола *Хансонъ* изобразилъ особую породу людей, одержимыхъ едва поддающимися анализу ирраціональными чувствами, въ родѣ расоваго или полового инстинкта, и старался вскрыть вегетативно-физіологическую почву психологическихъ явленій, остающуюся обыкновенно за порогомъ сознанія.

Эта способность отличать и передавать характерныя мелочи, отличающія данный предметъ отъ многихъ другихъ ему аналогичныхъ, эта способность останавливаться на едва замѣтныхъ явленіяхъ, не поражавшихъ глазъ людей прошлыхъ поколѣній, вынесена современнымъ художникомъ опять таки изъ окружающей общественной дѣйствительности.

Мы видѣли выше, капиталистическій строй заставляетъ предпринимателя постоянно обновлять предметы обихода и роскоши. Такъ какъ нѣтъ никакой возможности совершенно переиначить ихъ форму и цвѣтъ, остается только вносить сравнительно несущественныя измѣненія въ ихъ очертанія и окраску. Глазъ современнаго человѣка рано пріучается обращать вниманіе *не столько на общій видъ предмета, сколько на тѣ мелочи формы и оттѣнки цвѣта*, которые отличаютъ его отъ аналогичныхъ предметовъ, бывшихъ въ употребленіи нѣсколько времени назадъ.

6) Такъ какъ внѣшняя и внутренняя дѣйствительность превращается въ глазахъ нервнаго человѣка въ рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ впечатлѣній, порабощающихъ его до полной потери способности личнаго самоопредѣленія, то и новое или „нервное“ искусство становится объективнымъ и *безличнымъ*. Въ противоположность Зола, опредѣлившему искусство, какъ воспроизведеніе даннаго отрывка вселенной сквозь призму извѣстнаго темперамента, теоретикъ нѣмецкаго натурализма *Хольцъ* провозгласилъ другую эстетическую формулу, совершенно исключающую элементъ творческой личности: Die *Kunst* hat die Tendenz wieder *Natur* zu sein“.

Особенно рѣзко должно было сказаться это отсутствіе личности въ лирической поэзіи, до сихъ поръ отличавшейся своимъ именно субъективнымъ характеромъ. Въ слѣдующемъ импрессіонистическомъ стихотвореніи *Эриста* (сборникъ Perlenschnur) нѣтъ ничего лирическаго:

„Она сидитъ, обернувшись ко мнѣ спиной
Глаза, осѣненные длинными рѣсницами, опущены.
Она сердится, замѣчая, что я на нее гляжу.
Около пробора поднялись три волоска и блестятъ“.

7). Такъ какъ реальная дѣйствительность распадается въ глазахъ нервнаго человѣка на множество отдѣльныхъ *случайныхъ впечатлѣній*, то она въ изображеніи импрессіонистовъ естественно превращается въ рядъ *ничѣмъ не связанныхъ отрывочныхъ картинъ*. Подобно тому какъ нервные люди безпринципны, такъ и нервозное искусство безыдейно. Въ сборникѣ разсказовъ, совмѣстно изданныхъ въ видѣ программы „новаго искусства“ подъ заглавіемъ Neue Geleise (Новые пути) *Хольцомъ* и *Шляфомъ* встрѣчается въ этомъ смыслѣ очень характерный очеркъ (Die papierne Leidenschaft).

Сначала описывается комнатка на четвертомъ этажѣ въ одномъ изъ предмѣстьевъ столицы. Хозяйка дожидается своей дочки, и когда она возвращается, совершаетъ надъ ней дикую расправу. Комната наполняется постепенно жильцами, пролетаріями интеллигентнаго и неинтеллигентнаго оттѣнка. На дворѣ, подъ окнами вокругъ ремесленника, истязующаго жену, собирается толпа народа. Одинъ изъ жильцовъ заключаетъ разсказъ словами —'ne putzige Welt.

Жанровая картинка изображена превосходно, съ изумительной точностью передана физіономія, жесты и жаргонъ дѣйствующихъ лицъ, въ ней не заключено однако никакой идеи, которая объясняла бы читателю, почему авторы изобразили именно этотъ, а не другой отрывокъ окружающей ихъ дѣйствительности *).

Всѣ указанныя здѣсь черты повторяются въ величайшемъ произведеніи нѣмецкаго импрессіонистическаго искусства, въ „Ткачахъ“ *Гауптмана*: изображая по преимуществу состоянія, а не дѣйствія, настроенія, а не конфликты, безличная и безтенденціозная лучшая пьеса талантливаго натуралиста навсегда останется самымъ яркимъ памятникомъ нервной эпохи.

VI.

Какъ импрессіонистическая техника была обусловлена цѣлымъ рядомъ соціально-психологическихъ причинъ, такъ точно и вторая характерная черта натурализма, именно детерминистическій способъ изображенія человѣка возникъ всецѣло на почвѣ

---

*) „Auf Lebens und Weltanschauung, überhaupt auf Jdeen muss man naturlich von vornherein: verzichten: ein geistiger Inhalt ist weder unmittelbar und bewusst in die betreffenden Stoffe hineinhelegt, noch spricht er mittelbar und unbewusst ans ihnen heraus“. Moeller-Bruck: Die moderne Litteratur in Gruppen und Einzeldarstellungen. Томъ V. Die deutsche Nuance.

новыхъ общественныхъ условій и ихъ отраженія въ психологіи общества.

Въ тѣ отдаленныя времена, когда люди занимались преимущественно земледѣліемъ, когда ради обмѣна они переѣзжали океанъ на утлыхъ судахъ, они живо чувствовали свою зависимость отъ перемѣны потусторонних причинъ (града, засухи, бури). Они и поспѣшили превратить эти трансцендентныя для нихъ силы сначала въ множество боговъ, а потомъ обобщая эти силы, послѣдовательно уменьшали число божествъ. Въ эти отдаленныя времена примитивнаго хозяйства и была крѣпка та форма религіознаго чувства, характерную черту которой представляетъ трансцендентный детерминизмъ.

По мѣрѣ того, какъ центръ тяжести хозяйственной жизни перемѣщался въ сторону торговопромышленной дѣятельности, по мѣрѣ того, какъ техника достигала все большаго совершенства, по мѣрѣ того, какъ машина покоряла стихію, казавшуюся таинственной и всесильной, слабѣло сознаніе зависимости отъ потусторонняго міра, и гасло вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное чувство. При господствѣ торгово-промышленнаго строя люди цѣлый день сидятъ за счетной книгой или стоятъ за машиной: въ ихъ ежедневной обстановкѣ нѣтъ ничего, что могло бы обратить ихъ взоровъ отъ земли къ потеряннымъ небесамъ. Новая хозяйственная система не уничтожила, однако, въ людяхъ самаго чувства зависимости. Въ капиталистическомъ обществѣ есть не мало разнообразныхъ причинъ, способствующихъ детерминистическому образу чувствованія и мышленія.

Во-первыхъ, сама производственная организація постоянно даетъ людямъ чувствовать ихъ зависимость отъ такихъ силъ, которыя не находятся въ ихъ власти. На первый взглядъ капиталистъ-предприниматель, царящій надъ конкуррентами и потребителями, произвольно распоряжающійся своими служащими, производитъ впечатлѣніе автократическаго государя; однако и его свобода имѣетъ ощутительныя для него границы: онъ въ концѣ концовъ зависитъ всецѣло отъ рынка, отъ условій конкурренціи; къ нимъ онъ долженъ постоянно приспособляться даже при блестящемъ ходѣ своихъ дѣлъ, а въ моменты застоя и кризиса эти стихійныя силы еще болѣе суровымъ образомъ проявляютъ свою власть надъ нимъ и его судьбой. Что касается людей, принадлежащихъ къ огромному классу служащихъ (Entlohnte), то они безусловно зависятъ отъ каприза патрона; и кромѣ того, вмѣстѣ съ нимъ и еще болѣе чѣмъ онъ, подчинены рынку съ его циклическимъ движеніемъ и его случайными колебаніями; не только отъ кризисовъ, но и отъ временныхъ заминокъ, отъ стачекъ, локкаутовъ и т. д. Entlohnte страдаютъ еще сильнѣе предпринимателей; словомъ, они—рабы вдвойнѣ.

Аналогичнымъ образомъ предрасполагаетъ современнаго человѣка къ детерминистическому образу мышленія и чувствова-

нія характерный для капитализма способъ потребленія продуктовъ.

Въ докапиталистическомъ обществѣ предметы обихода и роскоши находились всецѣло во власти потребителя: онъ мѣнялъ ихъ, когда хотѣлъ, и заказывалъ, какіе желалъ. При господствѣ капиталистическаго производства, напротивъ, самъ потребитель находится во власти продуктовъ потребленія. „Онъ мѣняетъ ихъ вовсе не въ силу свободнаго рѣшенія“,—говоритъ Зомбартъ,—а просто потому, что *долженъ* мѣнять. Участіе потребителя въ созданіи моды сводится къ нулю, ея творцомъ является „капиталистъ-предприниматель“.

Стоитъ только бѣгло перелистать хоть бы нѣсколько нумеровъ журнала „Confectionnaire“, чтобы убѣдиться въ правильности здѣсь высказаннаго замѣчанія. „По слухамъ,—говорится, напр., въ одномъ изъ нихъ,—Вортъ и Пэнга намѣрены въ наступающемъ сезонѣ отказаться отъ широкихъ дамскихъ рукавовъ. Дусэ намѣренъ при помощи г-жи Режанъ пустить въ ходъ платья стиль Empire и т. д.“. Ясно, что предприниматель, всецѣло зависящій отъ рынка, навязываетъ въ свою очередь публикѣ противъ ея воли ту или другую моду.

Такъ какъ, далѣе, психическая жизнь нервнаго человѣка, типическаго героя капиталистическихъ эпохъ, состоитъ изъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ настроеній, зависящихъ не отъ него, а отъ внѣшней дѣйствительности, покоряющихъ его вмѣстѣ съ тѣмъ до потери способности самоопредѣленія, то онъ по своей натурѣ весьма склоненъ къ детерминистическому міропониманію. Созерцая реальный міръ, онъ подъ давленіемъ ошеломляюще-быстро смѣняющихся впечатлѣній чувствуетъ на каждомъ шагѣ, свою полную—несвободу. А если, запуганный яркой и шумной дѣйствительностью, онъ сосредоточится въ самомъ себѣ, спустится въ шахты собственнаго сердца, онъ вдругъ очутится въ какомъ-то безысходномъ лабиринтѣ, въ полумракѣ безформенныхъ и неуловимыхъ настроеній. Онъ увидитъ съ ужасомъ, что человѣкъ—безвольная игрушка въ рукахъ невѣдомыхъ психофизическихъ силъ, что его судьба часто зависитъ отъ непостижимо-смутныхъ ощущеній. Никогда разумъ не освѣтитъ это душевное clairolscure: остается только безропотно склониться передъ этой „властью тьмы“. „Стоитъ ли осмысленно строить зданіе своей жизни,—восклицаетъ одинъ изъ героевъ Ола *Хансона*,—если мы находимся во власти такихъ силъ, которыхъ не понимаемъ“. Такъ подсказываетъ нервному человѣку его собственный душевный міръ на каждомъ шагу мысль о его несвободѣ *). Какъ одинъ изъ героевъ *Лангмана*, онъ спокойно разстается съ иллюзіей,

*) Въ другомъ разсказѣ (Жизнь) Хансонъ изображаетъ дѣвушку, поступки которой всецѣло предопредѣлены половымъ инстинктомъ: слѣпо подчиняясь этой „невыразимой силѣ“, она идетъ среди мужчинъ „съ спокойствіемъ“ настоящей фаталистки“.

будто онъ можетъ направлять свой корабль, куда хочетъ. Передъ нимъ, какъ передъ героями Ола Хансона, ежечасно стоитъ „злая, нелѣпая судьба".

Уничтоживъ такимъ образомъ зависимость отъ явленій потустороннаго міра, капитализмъ поставилъ на ея мѣсто зависимость отъ цѣлаго ряда чисто земныхъ факторовъ, зависимость отъ рынка и людей, отъ продуктовъ потребленія и собственныхъ настроеній: въ новомъ обществѣ прежній *трансцендентный* детерминизмъ смѣнился детерминизмомъ *имманентнымъ*.

Когда еще сильно было религіозное чувство, оно вносило въ детерминистическое міропониманіе людей, идею цѣлесообразности, не всегда ими сознаваемой, тѣмъ не менѣе безусловно существующей. Теперь, когда машина спасаетъ отъ нужды, защищаетъ отъ опасности, когда она побѣдила стихію, казавшуюся раньше таинственной и одушевленной, когда она налагаетъ свою властную печать на всю хозяйственную и косвенно интеллектуальную жизнь, мѣсто *телеологическаго* детерминизма занялъ естественно детерминизмъ *механическій* *).

Если соціальныя условія капиталистическаго строя подготовили такимъ образомъ удобную почву для распространенія детерминистической формы чувствованія и мышленія, то научныя теоріи о вліяніи физіологической и общественной среды на организмъ живыхъ существъ наполнили эту форму опредѣленнымъ реальнымъ содержаніемъ.

Механико-детерминистическая концепція жизни и легла въ основу натуралистическаго изображенія жизни и человѣка. Творцы „новаго искусства" рисовали характеръ и поступки своихъ героевъ въ ихъ тѣсной зависимости отъ слѣпыхъ внѣшнихъ или темныхъ внутреннихъ силъ, въ зависимости отъ окружающей обстановки („Юность" Хальбе, „Гибель Содома" Зудермана), экономическихъ условій („Ткачи" Гауптмана, „Ледоходъ" Хальбе, „Честь" Зудермана), идей, созданныхъ прошлыми поколѣніями („Да здравствуетъ жизнь" Зудермана) настроеній, сложившихся въ прежніе годы („Праздникъ примиренія" Гауптмана), закона наслѣдственности („Передъ восходомъ солнца" Гауптмана), расоваго инстинкта („Три розы" Хансона), полового чувства („Жизнь" его же) и т. д. Они старались вскрыть миражъ свободной воли, доказать невозможность личнаго самоопредѣленія. Для нихъ личность человѣка была une quantité negligeable. Какъ *Хальбе* въ „Ледоходѣ", не находили они нужнымъ называть дѣйствующихъ лицъ индивидуальными именами, какъ *Гауптманъ* въ „Ткачахъ", считали они возможнымъ обходиться совсѣмъ безъ героевъ (безъ отдѣльныхъ центральныхъ личностей).

Усматривая въ судьбѣ человѣка результатъ слѣпыхъ внѣшнихъ или ирраціональныхъ психическихъ силъ, натуралисты

*) См. интересныя соображенія Hellpach'a (l. c.), стр. 107.

охотно выводили на сцену „злую, нелѣпую судьбу“, олицетворенную въ извѣстномъ обыкновенно неодушевленномъ образѣ.

Такъ, въ „Ткачахъ“ шальная пуля убиваетъ какъ разъ того рабочаго, который одинъ не участвовалъ въ бунтѣ, или въ „Ледоходѣ“ неожиданно выступаетъ изъ береговъ Висла, разнося кругомъ смерть—символъ экономическихъ силъ, предопредѣляющихъ людскую судьбу.

Въ этихъ тенденціозныхъ украшеніяхъ ярче выступаетъ наружу основной принципъ натуралистической концепціи жизни—отсутствіе „разумнаго, нравственнаго міропорядка“, какъ выражалась старая идеалистическая школа нѣмецкихъ философовъ.

VII.

Изслѣдователи, поставившіе вопросъ о происхожденіи натуралистическаго стиля на соціально-психологическую почву, замѣтно разошлась въ вопросѣ о томъ, которая изъ двухъ характерныхъ его чертъ является основной. Между тѣмъ, какъ Лампрехтъ выводитъ детерминизмъ изъ импрессіонизма, Хелльпахъ, наоборотъ, считаетъ импрессіонизмъ слѣдствіемъ детерминизма. Намъ думается, обѣ черты органически связаны между собою. Отчетливо выступаетъ эта связь какъ въ душѣ нервнаго человѣка, такъ и въ произведеніяхъ натуралистической поэзіи. Наглядно она обнаруживается, напр., на томъ чувствѣ, которое испоконъ вѣковъ служило главной темой для литературнаго творчества. Въ сердцѣ нервнаго человѣка любовь, какъ и всѣ чувства, превращается изъ глубокаго аффекта въ мимолетное настроеніе, вызванное случайными впечатлѣніями. Въ ней глаза участвуютъ больше, чѣмъ сердце, какъ выразился одинъ изъ героевъ *Лангмана*. Современный интеллигентъ не выбираетъ самъ сознательно своей возлюбленной. Какъ Лотъ въ драмѣ *Гауптмана* „Передъ восходомъ солнца“, онъ влюбляется случайно. Если онъ неожиданно увидитъ передъ собой дѣвушку, не антипатичную его натурѣ, онъ поглощаетъ впечатлѣнія, исходящія отъ нея, также пассивно, какъ вообще всѣ впечатлѣнія, навѣваемыя внѣшней дѣйствительностью. Нервный человѣкъ имѣетъ нѣкоторое право сказать вмѣстѣ съ однимъ изъ героевъ *Лангмана*: „Въ сферѣ любви вся отвѣтственность падаетъ на женщину. Мужчина не виноватъ. Съ самаго начала онъ играетъ пассивную, она активную роль“. Какъ впечатлѣнія, воспринимаемыя отъ внѣшней дѣйствительности, настолько порабощаютъ душу нервнаго человѣка, что не оставляютъ въ ней мѣста для другихъ переживаній, такъ точно и любовь такъ сильно поглощаетъ его вниманіе, что вытѣсняетъ изъ его внутренняго міра всѣ другія чувства и мысли. „Я совершенно измѣнилъ свой образъ жизни“, пишетъ

напр., упомянутый выше герой *Лангмана*, послѣ того какъ видѣлъ нѣсколько разъ на улицѣ хорошенькую барышню. „Мое распредѣленіе дня зависитъ не отъ меня, а отъ нея. Единственные моменты, когда я живу, тѣ, когда я нахожусь вблизи ея“. Импрессіонистическая манера переживать любовь, какъ настроеніе, вызванное случайными внѣшними обстоятельствами, приводитъ совершенно естественно къ детерминистическому, даже фаталистическому способу ея объясненія и ея оцѣнки.

Въ одномъ изъ разсказовъ *Лангмана* молодой человѣкъ видитъ неожиданно передъ собой неизвѣстную даму подъ бѣлой вуалью и какъ всѣ нервные люди, отдается немедленно во власть нахлынувшихъ на него впечатлѣній. „Бѣшено забилось его сердце, спокойно спавшее. Кровь бросилась въ голову, такъ что въ ушахъ зазвенѣло, искры замелькали передъ глазами. Онъ не разсуждалъ ни на минуту“. Такъ какъ молодой человѣкъ является лишь пассивной жертвой навязанныхъ ему извнѣ впечатлѣній, то въ его умѣ невольно возникаетъ мысль о предопредѣленіи. „*Кѣмъ то другимъ*,—думаетъ онъ,—было рѣшено и назначено, что въ одно свѣтлое, туманное утро онъ встрѣтится съ женщиной подъ бѣлой вуалью“. Для нервныхъ людей, какъ, напр., для героевъ *Шляфа*, женщина является всегда своего рода „фатумомъ“, съ перваго взгляда на нее они сознаютъ, что „обречены“ (см. его романъ „Die Suchenden“). Подобно тому какъ въ душѣ нервнаго человѣка неразрывно связаны импрессіонистическая манера переживать любовь и детерминистическая оцѣнка ея происхожденія, такъ точно и въ произведеніяхъ натуралистической поэзіи, посвященныхъ изображенію этого чувства, обѣ эти черты органически переплетаются.

Нагляднымъ доказательствомъ можетъ служить мало у насъ извѣстная, въ Германіи очень популярная пьеса Хальбе „Юность“.

Въ захолустную деревушку, въ домъ сельскаго священника пріѣзжаетъ гостить только что окончившій курсъ гимназистъ, по опредѣленію автора, типъ современнаго Stimmungsmensh'а, живущаго впечатлѣніями и настроеніями: племянница священника въ ту же ночь отдается кузену, какъ много лѣтъ назадъ ея мать отдалась любимому человѣку. Чувство героевъ вызвано прежде всего весенней температурой воздуха. Въ лонѣ природы кипятъ творческія силы. Горячее ея дыханіе невольно передается людямъ. Они чувствуютъ, какъ вмѣстѣ съ кровью переливается въ ихъ жилахъ тепло весенняго солнца. Все существо дѣвушки трепещетъ въ неопредѣленномъ ожиданіи. Когда приходитъ вѣсть о пріѣздѣ кузена, она чувствуетъ, какъ весенній воздухъ ей ударилъ въ голову, какъ голова идетъ кругомъ отъ этого воздуха. Потомъ, когда молодые люди смотрятъ другъ другу въ глаза, они испытываютъ такое настроеніе, какъ будто въ ихъ груди бьется не сердце, а весеннее солнце, какъ будто оно зажигаетъ своими лучами ихъ кровь. Возбуждающее дѣйствіе весенняго

воздуха еще усиливается постоянной физической близостью. Дядя заставляетъ ихъ цѣловаться, какъ въ дѣтствѣ, перейти на дружеское „ты“. Они становятся рядомъ посмотрѣть, кто выше, руки ихъ незамѣтно сплетаются. Они садятся рядомъ на диванъ, и колѣна ихъ близко соприкасаются. Вызванное постоянной близостью возбужденіе еще усиливается благодаря праздничной сутолокѣ, неожиданно воцарившейся въ домикѣ сельскаго священника. Со стола не сходитъ вино и пиво, закуска и пирожное. Это праздничное веселье окончательно вскруживаетъ голову молодымъ людямъ, тѣмъ болѣе,—они знаютъ, скоро будни настанутъ, придется разойтись. Возбужденіе, вызванное въ крови молодыхъ людей ѣдой, напитками и танцами, еще усиливается подъ вліяніемъ впечатлѣній, исходящихъ отъ животнаго міра. Въ самый драматическій моментъ пьесы врывается въ комнату братъ дѣвушки, несчастный идіотъ, съ дикимъ крикомъ, что корова, наконецъ, отелилась. Дѣвушка возвращается изъ стойла съ его запахомъ на платьѣ, его запахомъ въ сердцѣ. Въ ней съ удвоенной силой пробуждается желаніе стать матерью: она даетъ кузену слово придти къ нему раннимъ утромъ на зарѣ.

Любовь героевъ изображена, какъ не трудно видѣть, въ *импрессіонистическомъ* духѣ: не превращаясь въ глубокій и продолжительный аффектъ, она распадается на рядъ отдѣльныхъ настроеній, вызванныхъ случайными внѣшними впечатлѣніями.

Вмѣстѣ съ тѣмъ любовь героевъ *детерминистически* обусловлена наслѣдственностью, тяготѣющей надъ дѣвушкой, неустойчивостью, присущей юношѣ, и наконецъ, всей окружающей ихъ весенней и праздничной обстановкой. И эти слѣпыя стихійныя силы, предопредѣляющія судьбу героини, авторъ преднамѣренно воплощаетъ въ лицѣ безсмысленнаго идіота, убивающаго ее случайнымъ выстрѣломъ изъ ружья.

Импрессіонистическій способъ чувствовать и детерминистическій способъ мыслить такъ тѣсно соединены между собою, что кажутся намъ двумя *одновременно* возникшими, другъ друга взаимно дополняющими чертами новой „психофизики“.

VIII.

Такъ какъ повышенная нервозность, на почвѣ которой возникъ импрессіонистическій стиль, была вызвана чрезмѣрно быстрымъ вторженіемъ въ жизнь капиталистическаго строя, то она была только характерной чертой переходной эпохи.

Сами представители этого нервнаго поколѣнія смотрѣли на себя не иначе.

„*На первыхъ порахъ*,—восклицаетъ герой въ романѣ *Шляфа* „Третье царство“,—намъ придется вѣроятно пережить періодъ повышенной нервозности (überreigte Nervosität). Мы будемъ то-

миться отъ пресыщенія и сплина, станемъ скептиками и пессимистами, но эти настроенія пройдутъ и душа вступитъ въ новый своеобразный фазисъ развитія".

Люди въ самомъ дѣлѣ скоро привыкли къ новымъ условіямъ реальной дѣйствительности: ихъ нервы скоро успокоились.

Начиная съ девяностыхъ годовъ здоровые психическіе элементы берутъ верхъ надъ болѣзненной развинченностью: *изъ жизни и литературы исчезаютъ нервные характеры.*

Серію своихъ романовъ, посвященныхъ страдальческой исторіи этого переходного поколѣнія, *Шляфъ* заключаетъ романомъ (Peter Boies Freite), гдѣ герой мужественно сбрасываетъ съ себя послѣднія путы декадентской дряблости и бодро ѣдетъ въ Америку начать новую жизнь, жизнь разумнаго труда.

Вмѣстѣ съ исчезновеніемъ болѣзненной нервозности отходитъ въ прошлое и созданный ею импрессіонистическій стиль. Творцы и теоретики натурализма поняли, что жизнь переросла ихъ искусство. Снова принялись они, какъ въ былые годы, искать „новыхъ путей"—Neue Geleise. Скованные привычками и воспоминаніями прошлаго, они или бросаются въ безплодные эстетическіе эксперименты, какъ *Хольцъ*, или безпокойно мечутся изъ стороны въ сторону, какъ *Гауптманъ*.

Въ глубинѣ души они сознаютъ, *не* имъ создать то искусство, которымъ наслаждаться будутъ грядущія поколѣнія. А рядомъ на сцену вышли новые люди, болѣе уравновѣшенные, болѣе спокойные: скромно возвращаются они назадъ къ традиціямъ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, къ традиціямъ классическаго реализма.

Трудно предугадать характеръ и судьбу литературы въ XX в. Тѣмъ не менѣе уже и теперь есть достаточно фактическихъ данныхъ, позволяющихъ заглянуть въ далекое будущее. Не можетъ быть сомнѣнія, что преобладаніе того или другого вида искусства находится въ тѣсной зависимости отъ соціальныхъ условій. Извѣстно, напр., что при господствѣ охотничьяго быта первенствующая роль принадлежала танцу, потому что онъ легко объединялъ немногочисленныхъ членовъ охотничьей группы. Какъ только племя разрастется и вмѣстѣ съ тѣмъ перейдетъ къ новымъ формамъ производства, танецъ теряетъ свое преобладающее значеніе, такъ какъ въ немъ уже не могутъ участвовать всѣ представители расширившейся хозяйственной организаціи.

Есть нѣкоторое основаніе предполагать что въ будущемъ литература уступитъ гегемонію инымъ видамъ искусства.

Если приглядѣться къ нѣмецкой дѣйствительности послѣднихъ лѣтъ, не трудно въ ней подмѣтить два параллельныхъ теченія, находящихся, повидимому, въ причинной зависимости.

Введеніе охранительныхъ пошлинъ для продуктовъ промышленности доказываетъ наглядно, что свободная конкурренція не

дала капиталистамъ тѣхъ выгодъ, на которыя они разсчитывали. Какъ изъ земли выростаютъ синдикаты и тресты—сами предприниматели чувствуютъ: одинъ въ полѣ не воинъ. Мысль о конституціонной фабрикѣ, предоставляющей работникамъ право участія не только въ барышахъ, а также въ администраціи, горячо обсуждается въ печати, кое-гдѣ даже осуществлена. Рабочіе союзы получаютъ оффиціальную санкцію. Потребительныя организаціи, не пользовавшіяся до сихъ поръ симпатіями демократіи, находятъ все больше сторонниковъ. Даже въ средѣ крестьянства возникаютъ всевозможныя ассоціаціи. Всюду одна и та же забота—упорядочить хозяйственную жизнь, поверженную въ анархію капитализмомъ. Общество идетъ навстрѣчу эпохѣ соціализаціи производства и потребленія, навстрѣчу новой формѣ коллективнаго хозяйства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ области художественнаго творчества замѣчается констатируемое всѣми историками искусства, всѣми наблюдателями необычайное оживленіе въ архитектурѣ и съ нею связанныхъ декоративной живописи и художественномъ ремеслѣ. Совпаденіе, съ одной стороны, желанія упорядочить хозяйственную жизнь, а съ другой—стремленія къ архитектоникѣ кажется намъ не простой случайностью. Поиски за единымъ, прочнымъ, красивымъ *стилемъ*, легче всего осуществимымъ именно въ архитектурѣ и смежныхъ съ нею областяхъ декоративнаго искусства, является не болѣе какъ отраженіемъ въ сферѣ психоэстетики характеризующихъ послѣднее время хозяйственную жизнь поисковъ за единой, прочной и гуманной *организаціей*. Выростая изъ одного источника, обѣ эти тенденціи устремляются къ одной и той же цѣли. Между тѣмъ какъ новая хозяйственная организація сдѣлаетъ *всѣхъ* членовъ общины равноправными участниками въ производствѣ продуктовъ и ихъ потребленіи, развитіе архитектурнаго и декоративнаго искусства приведетъ къ тому, что всѣ члены общины будутъ работать, обѣдать и отдыхать въ красиво построенныхъ и красиво обставленныхъ зданіяхъ. И чѣмъ дальше вширь и вглубь пойдетъ теперь уже замѣчаемая соціализація производства и потребленія, тѣмъ пышнѣе расцвѣтутъ упомянутые виды творчества—наиболѣе соціальныя формы искусства. А литература займетъ мѣсто личной забавы, личной прихоти.

Среди многочисленныхъ картинъ вымышленныхъ общежитій, нарисованныхъ кистью мечтателей - поэтовъ, есть одна очень любопытная: „Утопія"—англичанина Уилльяма Морриса. Изображая въ ней соціальный строй, въ значительной степени основанный на коллективныхъ началахъ, авторъ отводитъ въ своемъ идеальномъ обществѣ наиболѣе скромное мѣсто—литературѣ. Свободное отъ занятій хлѣбопашествомъ и ремесломъ время люди охотно тратятъ на чтеніе и даже творчество: однако, работу надъ стихотвореніемъ или повѣстью они считаютъ дѣломъ, лишеннымъ всякаго серьезнаго общественнаго значенія, считаютъ

страстью или чудачествомъ, какъ, напр., у насъ собираніе коллекцій.

Тѣмъ болѣе вниманія обращаютъ они на красоту своихъ построекъ, общественныхъ и частныхъ. Въ архитектурномъ отношеніи ихъ города—сказочное чудо. Въ каждой квартирѣ, даже деревенскаго жителя, тѣмъ болѣе въ общественныхъ столовыхъ стѣны расписаны превосходной живописью. Домашняя утварь, мебель костюмы—все блещетъ яркими цвѣтами и изяществомъ отдѣлки. Въ этомъ вымышленномъ обществѣ новая хозяйственная организація привела совершенно логически къ паденію литературы на степень чисто личной забавы и къ господству архитектурнаго и декоративнаго искусствъ, отвѣчающихъ соціальнымъ инстинктамъ общества.

Если мы не ошибаемся, факты реальной дѣйствительности начинаютъ подтверждать проникновенную догадку поэта.

В. Фриче.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изданія О. Н. Поповой ... [illegible]

Ф. Д. Нефедовъ. Сочиненія. Т. 3-й. Спб. 1900 г., стр. 352. Ц. 1 руб.—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Его-же. Т. 4-й Спб. 1900 г., стр. 348. Ц. 1 руб.—въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Изданія научно-образовательной библіотеки.

Токвиль. *Старый порядокъ и революція.* Переводъ А. Гуковскаго, подъ ред. проф. *П. Г. Виноградова.* 350 стр. 1903 г. 3-е изданіе. Ц. 50 к.

Вюильменъ. *Біологія растеній.* Перев. Н. А. Петровскаго, подъ ред. проф. *К. А. Тимирязева.* 290 стр. [illegible] 1897 г. Цѣна 50 к.

Одобрена Учен. Комит. М. Н. П. для учительскихъ библіотекъ реальныхъ училищъ и учительскихъ институтовъ.

Гриғъ. *Краткая исторія [illegible] народа.* Перев. *П. Н. Шамонина.* Вып. 1-й, 340 стр. 1897 г. Цѣна 50 к. Вып. 2-й, 39[illegible] стр. 1898 г. Цѣна 70 к. Вып. 3-й (послѣдній), 408 стр. 1900 г. Цѣна 80 к.

Гетчинсонъ. *Вымершія чудовища и животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ.* Полный перев. *А. Н.* Павловой. Съ пред. *А. П. Павлова* Вып. 1-й, цѣна 12 коп. Вып. 2-й и 3-й, цѣна 28 коп. Вып. 4-й и 5-й, цѣна 40 коп. Вып. 6-й и 7-й, цѣна 45 коп. Всѣ выпуски вмѣстѣ 568 стр., 48 табл., 133 рис. 1899 г. Цѣна 1 р. 25 к. Эта книга представляетъ *полный* переводъ двухъ книгъ автора „Вымершія чудовища“ „Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ“, причемъ главы размѣщены въ послѣдовательномъ зоологическомъ порядкѣ.

Допущена Учен. комит. М. Н. П. въ ученич. старш. возраста, библіотеки средн. учебн. заведеній, а равно въ безплатн. народныя библіотеки и читальни.

Гиббинсъ. *Промышленный переворотъ въ Англіи въ 18-мъ столѣтіи.* Съ предисл. проф. *А. И. Чупрова.* 347 стр. 1898 г. Цѣна 50 коп.

Неймайръ (авторъ „Исторіи Земли“). *Корни животнаго царства.* Введеніе въ науку о происхожденіи животныхъ. Пер. М. В. Павловой, съ предис. проф. *А. П. Павлова.* 232 стр., 28 рис. 1898 г. Цѣна [illegible] к.

Одобрена Учен. Ком. М. Н. П. для фундаментальныхъ библіотекъ реальныхъ училищъ.

Ранке. *Объ эпохахъ новой исторіи.* Перев. И. И. Шитца. Съ предисл. проф. *П. Виноградова.* [illegible] стр. 1898 г. Цѣна 35 коп.

Кейнсъ. *Предметъ и методъ политической экономіи.* Перев. А. Гуковскаго, съ предисл. профессора *А. А. Мануйлова* 284 стр. 1899 г. Ц. 50 к.

Тьерри. *Исторія третьяго сословія.* Подъ ред. и съ предисл. проф. *Р. Ю. Виппера.* 306 стр. Цѣна 60 коп.

Роменсъ. *Теорія Дарвина.* Подъ ред. и съ предисл. проф. *М. А. Мензбира.* 366 стр. 124 рис. Цѣна 70 коп.

Постъ. *Зачатки государственныхъ и правовыхъ отношеній.* Переводъ Н. В. Теплова съ предисловіемъ проф. *М. Ковалевскаго.* 275 стр. 1900 г. Цѣна 60 к.

Бутми. *Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи.* (Исторія англійской конституціи). Переводъ съ нов. франц. изданія подъ ред. [illegible] *Н. Покровскаго.* 180 стр. 1904 г. Цѣна 40 коп.

СЕРІЯ НАЧАЛЬНЫХЪ КУРСОВЪ.

Гексли. *Введеніе въ науку.* Переводъ *Д. Кашкарова* [illegible] приватъ-доцента Москов. Универ. *Н. К. Кольцова.* 80 стр. 1902 г. Цѣна 20 коп.

Допущена Учен. Ком. М. Н. П. въ ученич. библіотеки среднихъ учебн. заведеній и въ безплатн. народн. библіотеки и читальни.

Роско. *Химія.* Перев. подъ редакціей приватъ-доцента [illegible] *С. Г. Крапивина.* Съ 31 рис. 122 стр. 1902 г. Цѣна 25 коп.

Допущена Учен. комит. М. Н. П. въ ученическія библіотеки средн. учебн. заведеній и въ безплатныя народн. библіотеки и читальни и для публичныхъ народн. чтенія.

Фостеръ. *Физіологія.* Перев. *Д. Кашкарова.* подъ ред. прив.-доц. *Н. К. Кольцова.* Съ 19 рис. 120 стр. 1903 г. Цѣна 40 к.

Допущена Учен. Ком. М. Н. П. въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

Гетте. Зоологія. Перев. подъ ред. прив.-доц. *П. П. Сушкина.* Съ 65 рис. 188 стр. 1904 г. Ц. 40 к.

Допущена Учен. Ком. М. Н. П. въ учительск. библіотеки и читальни.

Склады изданій Научнообразовательной библіотеки 1) Москва, Тверская кн. магаз. „Трудъ“. 2) Одесса, Дерибасовская ул., магазинъ Распопова. 3) Петербургъ, Большая Подъяческая 39. товарищество „Общественная Польза“.

Выписывающіе изъ склада на 2 рубля и болѣе за пересылку не платятъ; за наложеніе платежа приплачивается 10 коп.

Дозв. ценз. Спб. 13 апрѣля 1905 г. Типографія Монтвида, Конная, 3—5.